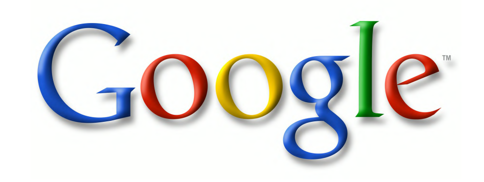
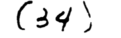

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

ТОМЪ XXXIV

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

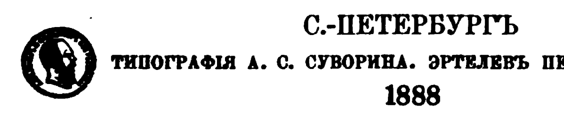
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XXXIV

1888

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

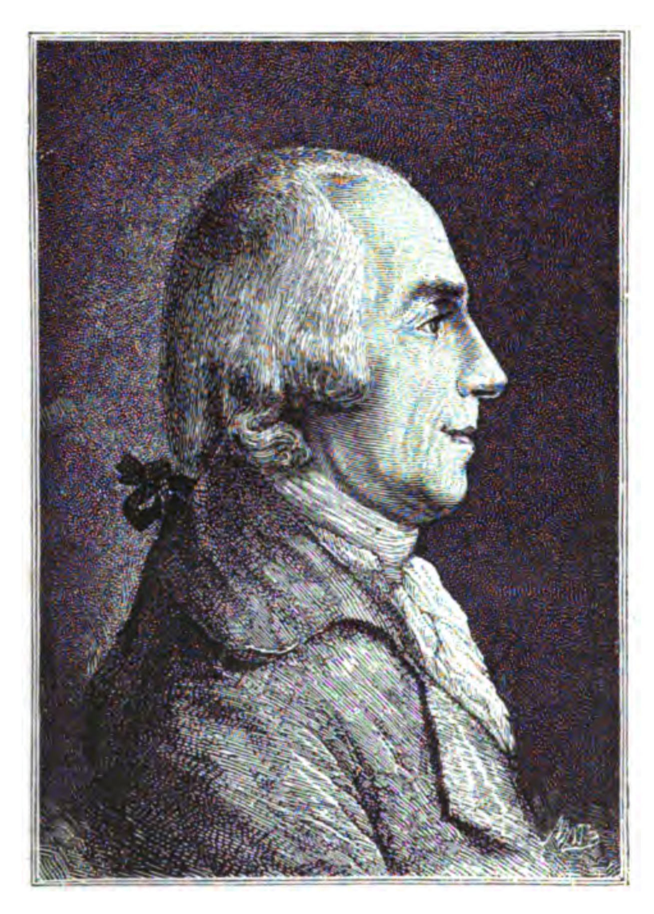
1888

№ 1140

СОДЕРЖАНІЕ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: **Лагарпа и Михаила Семеновича Щепкина; Царскій кречатникъ** (рисунокъ). 2) Лѣтопись Петербургскихъ **наводненій.** 1703—1879 гг. (Окончаніе). **П. П. Каратыгина;** 3) **Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Выпускъ пятый.** Русскіе писатели, умершіе въ 1885 году. **Д. Д. Языкова;** 4) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1888 года и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ тѣхъ же томахъ «Историческаго Вѣстника».

Лагарпъ.
Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія.

дозволено цензурою. спб., 24 сентября 1888 г.

АРАКЧЕЕВСКІЙ СЫНОКЪ [1]).

XXXVIII.

ѢЛОЕ УТРО проволновался Шумскій, рѣшаясь на роковой шагъ, и послѣ полудня въ полной парадной формѣ флигель-адъютанта онъ уже подъѣзжалъ къ дому барону Нейдшильда. Лакей Антипъ, вышедшій на звонокъ, отворилъ дверь и сталъ какъ вкопанный, таращa глаза на гостя.

Шумскій невольно улыбнулся при видѣ глупо-изумленной фигуры лакея.

— Баронъ дома?—спросилъ онъ.

— Ужъ и не знаю,—проговорилъ Антипъ какъ бы самъ себѣ.

— Что ты очумѣлъ что ли? Какъ не знаешь?

— Да вѣдь васъ не приказано строжайше принимать: а вотъ теперь вы совсѣмъ, выходитъ, не тотъ... Чтожъ это вы такъ вырядились...

— Ну, я не съ тобой бесѣдовать пріѣхалъ! Ступай и доложи барону, что флигель-адъютантъ Шумскій желаетъ видѣть его.

— Стало, вы не Андреевъ...

— Иди, доложи!—нетерпѣливо крикнулъ Шумскій такимъ голосомъ, что лакей какъ бы сразу повѣрилъ и рѣшилъ мысленно, что господинъ Андреевъ не Андреевъ, а важный баринъ, флигель-адъютантъ Шумскій.

Антипъ ушелъ и не возвращался довольно долго. Шумскій смущенно ждалъ, догадываясь, что между барономъ и лакеемъ идетъ объясненіе...

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIII, стр. 433.

Наконецъ, Антипъ появился и выговорилъ съ странной интонаціей въ голосѣ:

— Чтожъ! пожалуйте...

Голосъ лакея былъ эхомъ голоса барона. Шумскій понялъ оттѣнокъ, который говорилъ: «ничего тутъ не разберешь: чертовщина какая-то».

Шумскій вошелъ, сбросилъ шинель и, пройдя изъ прихожей въ залу, увидѣлъ Нейдшильда, стоящаго на порогѣ своего кабинета. Лицо барона выражало одно изумленіе... Онъ даже не могъ произнести ни одного слова и нѣсколько мгновеній молча и неподвижно глядѣлъ на молодого офицера.

— Баронъ, я являюсь просить прощенія во всемъ и объясниться съ вами по очень и очень важному дѣлу, при чемъ я надѣюсь, что все... — началъ было Шумскій и запнулся, такъ какъ выраженіе лица Нейдшильда уже измѣнилось совершенно.

Молодой человѣкъ никогда не предполагалъ барона способнымъ такъ смотрѣть. Уязвленное самолюбіе и оскорбленное достоинство аристократа вдругъ сказались ясно въ финляндцѣ.

— Вы не господинъ Андреевъ, а господинъ Шумскій? — выговорилъ онъ тихо и холодно.

— Я флигель-адъютантъ Шумскій, рѣшившійся проникнуть къ вамъ въ домъ подъ именемъ...

— Знаете ли... вамъ слѣдовало оставаться господиномъ Андреевымъ. Если Андреева нѣтъ на свѣтѣ, то господинъ Шумскій... не честный человѣкъ... Совсѣмъ не честный...

Баронъ, рѣшившись произнести эту фразу, чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, который заразъ выпалилъ изъ десяти пушекъ и совершенно оглушонъ собственнымъ дѣяніемъ.

— Баронъ, я умоляю васъ дозволить мнѣ объясниться. Вы, какъ умный человѣкъ, тотчасъ все поймете: и безвыходное положеніе, въ которомъ я былъ, и мои намѣренія, мою цѣль... причину моей рѣшимости перемѣнить имя и костюмъ. Позвольте мнѣ все объяснить.

— Зачѣмъ? Чтожъ объяснять?.. Все понятно...

— Но вы не знаете причину, заставившую меня...

— Причина... Праздность, мода на скандалы въ гвардіи... Только, вы опрометчиво выбрали семью для вашей дерзкой комедіи съ переодѣваньемъ. Я буду жаловаться государю и буду просить у васъ удовлетворенія, не смотря на мои годы и сѣдые волосы...

— Баронъ, Богъ съ вами!..

— Да-съ! Удовлетворенія за поруганіе... за оскверненіе порога моего дома вашими...

Баронъ смолкъ и не договорилъ. Слово: «ногами» показалось ему глупымъ и не подходящимъ.

— Я умоляю васъ дать мнѣ объясниться! — съ чувствомъ воскликнулъ Шумскій.—Вы совершенно теряете изъ виду, что могло

заставить меня... Вы будто забываете, что у васъ есть дочь, плѣнившись которой можно рѣшиться на все, на самоубійство...

Баронъ вдругъ широко раскрылъ глаза. Онъ, дѣйствительно, былъ далекъ отъ этой мысли.

— Ради Евы... все это...—будто сорвалось вдругъ съ его языка.

— Ради Бога... Примите меня и позвольте все объяснить...

Баронъ двинулся нерѣшительно, какъ бы не зная, что̀ дѣлать и дѣлать ли что̀? «Не прекратить ли тотчасъ же всякое объясненіе и выгнать вонъ?»—думалось барону.

— Я право не знаю...—забормоталъ онъ.—Это невѣроятно дерзкая комедія...

— Баронъ, чрезъ десять минутъ послѣ объясненія — вѣдь вы не потеряете право меня выгнать!

Голосъ офицера прозвучалъ съ такимъ чувствомъ, что Нейдшильдъ отворилъ дверь, пропустилъ Шумскаго въ кабинетъ, а затѣмъ указалъ ему мѣсто около письменнаго стола. Шумскій, не смотря на собственное волненіе, съ удивленіемъ приглядывался къ Нейдшильду. Онъ никогда не видалъ барона такимъ безпомощно важнымъ, хотя суровымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ потеряннымъ и смущеннымъ до-нѐльзя.

А баронъ былъ смущенъ мыслію, что онъ съ каждымъ шагомъ и съ каждымъ словомъ роняетъ собственное достоинство, что онъ дѣйствуетъ противно тому, какъ бы слѣдовало. Онъ вышелъ въ залъ съ твердымъ намѣреніемъ сказать господину Шумскому-Андрееву слово: «негодяй», прибавивъ, что, не смотря на свои преклонные года, онъ долженъ съ нимъ драться. А, между тѣмъ, этотъ Шумскій принятъ имъ для объясненій. Нейдшильдъ былъ увѣренъ, что вся затѣя флигель-адъютанта была поступкомъ «блазня» гвардейскаго, шутовства и скоморошества ради. Слова Шумскаго объ его дочери смутили барона и все сразу перепуталось у него на душѣ и въ головѣ. «Можетъ быть...»—подумалъ онъ и не додумалъ.

Едва только Нейдшильдъ сѣлъ въ свое кресло, опустивъ глаза, какъ провинившійся, и вертя въ рукахъ карандашомъ, взятымъ со стола, какъ Шумскій заговорилъ, приготовляясь мысленно къ длинной и краснорѣчивой рѣчи.

Въ то же время молодой человѣкъ чувствовалъ, что онъ находится въ такомъ душевномъ состояніи, какъ еслибы собирался прыгать черезъ широкую и бездонную пропасть. Не перепрыгнетъ онъ— то полетитъ стремглавъ и убьется до смерти. А перепрыгнетъ онъ на тотъ край — будетъ не лучше! Будетъ, пожалуй, еще хуже!.. Оттуда возврата нѣтъ, а если и найдется, то очень мудреный.

Шумскій прежде всего передалъ барону подробно и откровенно свою встрѣчу съ Евой въ церкви и то чувство, которое она сразу внушила ему. Затѣмъ, онъ особенно подробно налегъ на то обстоятельство, что познакомиться съ барономъ было очень мудрено, бывать

у него въ домѣ—совершенно невозможно. Ему оставалось удовольствоваться встрѣчами съ баронессой разъ, много — два въ мѣсяцъ на какомъ-нибудь большомъ балу. И онъ рѣшился проникнуть въ домъ подъ именемъ простого секретаря. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по обычаю предковъ, который, конечно, извѣстенъ барону,—началъ уже лгать Шумскій,—онъ подослалъ и помѣстилъ въ домѣ крѣпостную дѣвушку своего отца, чтобы узнать ближе характеръ и нравъ той личности, которая его плѣнила. Послѣ дѣвушки онъ приставилъ къ баронессѣ свою няньку, которая его обожаетъ и которой онъ вполнѣ вѣритъ. Собранныя имъ свѣдѣнія заставили его еще больше полюбить Еву за всѣ ея душевныя качества.

Когда Шумскій упомянулъ о Пашутѣ, баронъ поднялъ глаза и пытливо глядѣлъ ему въ лицо. Молодой человѣкъ понялъ, что его слова противорѣчатъ съ тѣмъ, что могла дѣвушка разсказать барону объ его намѣреніяхъ. И Шумскій подробно и съ жаромъ распространился о томъ, что дѣвушка, которая пользовалась сначала всѣмъ его довѣріемъ, а за тѣмъ такъ понравилась самой баронессѣ, оказалась самымъ негоднымъ существомъ. Шумскій выразилъ увѣренность въ томъ, что Пашута Богъ вѣсть что разсказывала о немъ и барону, и его дочери.

Баронъ вскинулъ глазами, за тѣмъ снова опустилъ ихъ и едва замѣтно пожалъ плечами, какъ бы прося Шумскаго оставить эту подробность въ сторонѣ. Стоитъ ли толковать о томъ, что могла налгать или насплетничать прислуга.

Кончивъ разсказъ, Шумскій прибавилъ, что когда онъ собрался уже объясниться съ барономъ и бросить имя Андреева, самъ баронъ вдругъ пересталъ принимать его.

Наконецъ, Шумскій смолкъ, потупился и подумалъ про себя: «Ну, а теперь прыгай!»

Взглянувъ снова чрезъ мгновеніе на барона, онъ увидалъ, что тотъ ждетъ послѣдняго слова, ждетъ объясненія, всего объясненія.

Шумскій вздохнулъ, какъ бы набираясь силъ, и вымолвилъ:

— Я надѣюсь, баронъ, что вы понимаете къ чему клонится вся моя рѣчь. Я явился теперь, чтобы имѣть честь...

Шумскій пріостановился и подумалъ:

«Робѣешь, братъ? Теперь поздно!»

— Я имѣю честь просить у васъ руки баронессы,—проговорилъ молодой человѣкъ такимъ упавшимъ голосомъ, какъ если бы просилъ барона взять пистолетъ и на мѣстѣ застрѣлить его.

XXXIX.

Баронъ встрепенулся. Онъ ждалъ уже, конечно, этихъ словъ, но тѣмъ не менѣе произнесеніе ихъ подѣйствовало на него какъ сильный толчекъ. И въ первое же мгновеніе глазамъ честолюбца Нейд-

шильда представилось, какъ онъ обнимается и цѣлуется съ графомъ Аракчеевымъ, какъ онъ говоритъ ему «ты» и «наши дѣти». Черезъ мновеніе баронъ уже увидѣлъ себя въ громадномъ домѣ Грузина близкимъ родственникомъ временщика-владѣльца, дѣдомъ роднымъ будущаго владѣльца. Еще чрезъ мгновеніе этотъ домикъ на Васильевскомъ островѣ уже наполнился густой толпой просителей,— военныхъ и штатскихъ генераловъ, ждущихъ покровительства и милостей отъ всесильнаго въ Петербургѣ Аракчеевскаго родственника, сановника Нейдшильда.

Отъ этого умственнаго прыганья у барона закружилась голова, и онъ невольно откачнулся и прислонился спиною къ креслу.

Наконецъ, онъ услыхалъ смущенный голосъ Шумскаго, говорившаго:

— Ваше молчаніе, баронъ, меня тревожитъ.

Нейдшильдъ пришелъ въ себя, хотѣлъ заговорить и не зналъ, что сказать.

— Я такъ... Не знаю право. Конечно, я польщенъ. Мнѣ эта честь... Но я буду просить васъ...

И баронъ смолкъ.

Опять цѣлая толпа всякихъ сановниковъ нахлынула сюда въ кабинетъ изъ столовой съ поклонами, просьбами и бумагами, и, обступая, тѣснясь, чуть не придавила его къ креслу. Нейдшильдъ провелъ рукой по лбу, отогналъ отъ себя всѣ видѣнія, взглянулъ болѣе осмысленнымъ взоромъ на Шумскаго и вымолвилъ, протягивая руку:

— Благодарю васъ. Я радъ, что этимъ, конечно, прежде всего все извиняется, уничтожается. Но я никакого отвѣта не могу дать. Мнѣ надо спросить дочь. Я ее люблю, она — мое единственное счастіе въ жизни. Она... Ева...

И баронъ вдругъ прослезился и полѣзъ за носовымъ платкомъ въ карманъ.

— Конечно, баронъ. Но зачѣмъ откладывать? зачѣмъ не поступить гораздо проще. Попросите баронессу сюда и объявите ей. Или я скажу...

— Нѣтъ, нѣтъ какъ можно!

— Отчего же?

— Нѣтъ право. Я не знаю... Я лучше сегодня скажу Евѣ, переговорю съ ней и дамъ вамъ знать. Вы пріѣдете. Или завтра...

— Нѣтъ, баронъ. Я не могу. Войдите въ мое положеніе. Эти сутки ожиданія измучаютъ меня на смерть. Это пытка. Что̀ бы ни было, но лучше сейчасъ же услыхать изъ устъ самой баронессы свою судьбу. Такъ, по крайней мѣрѣ, я тотчасъ же стану счастливѣйшій изъ смертныхъ, или же къ вечеру буду уже на томъ свѣтѣ.

— Какъ! — вскрикнулъ баронъ.

— Конечно. Неужели вы думаете, что если баронесса откажетъ на вѣкъ соединить свою судьбу съ моею, то я могу оставаться на бѣломъ свѣтѣ! — горячо произнесъ Шумскій и прибавилъ про себя:

«Въ любомъ романѣ не скажутъ лучше.»

Шумскій всталъ съ мѣста, взялъ барона за обѣ руки и, ласково глядя и улыбаясь, приподнялъ его съ мѣста.

— Идите, баронъ, зовите сюда вашу дочь и рѣшайте. Будьте моими спасителями или моими палачами.

Баронъ поднялся и сразу, быстро, какъ бы желая поскорѣе убѣжать отъ Шумскаго, вышелъ изъ кабинета.

Молодой человѣкъ сталъ среди горницы, растопыря ноги, и, глядя въ полъ, прошепталъ, кисло ухмыляясь, но взволнованно:

— Лечу! Да, лечу! Или попаду на тотъ край, или вверхъ тормашками въ бездонную пропасть! А что хуже — самому дьяволу чертовичу, господину сатанинскому неизвѣстно. Нѣтъ, ужъ лучше перескочить! А оттуда обратно найдемъ тропиночку потайную, кустиками, ночью, чтобы никто не видѣлъ и не примѣтилъ.

Помолчавъ не много, онъ снова забормоталъ вслухъ:

— Удивительное созданіе человѣкъ Божій! Собираешься вмѣстѣ и жениться, и умертвить... Или это я такой уродился! Должно быть всѣ таковы, только изъ ста человѣкъ довяносто девять блудливы какъ кошки да трусливы какъ зайцы.

Но въ эту минуту Шумскій вздрогнулъ, смутился, и приблизившись къ креслу оперся на него. Ему показалось, что у него отъ волненія подкашиваются ноги. Изъ столовой черезъ отворенную дверь ясно послышались шаги барона и шуршанье платья.

Дверь отворилась. Нейдшильдъ вошелъ быстро, и Шумскій увидѣлъ фигуру, которая сразу сказала ему все. Лицо барона сіяло сквозь смущеніе.

Вслѣдъ за нимъ тихо появилась какъ привидѣніе — Ева. Она была въ своемъ неизмѣнно бѣломъ платьѣ и неизмѣнно красива. Только румянецъ сильнѣе горѣлъ на ея щекахъ и глаза были опущены.

Шумскій поклонился, но Ева не видѣла его поклона. Она была дѣйствительно крайне смущена и двигалась не ровной походкой.

— Садись, садись, — заспѣшилъ баронъ, какъ бы опасаясь, что дочь упадетъ середи комнаты.

И взявъ Еву за руку, онъ посадилъ ее на кресло, около котораго стоялъ Шумскій. Подставивъ ему стулъ, баронъ также спѣша и растеряннымъ движеньемъ сѣлъ на свое мѣсто.

Шумскій ждалъ, что онъ заговоритъ, но, увидя его смущенную фигуру, самъ прервалъ молчаніе.

— Баронесса! Прежде чѣмъ отвѣчать мнѣ, — тихо заговорилъ онъ, — подумайте. Не убивайте меня однимъ словомъ — роковымъ

словомъ! Если вы теперь не можете сдѣлать меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, то лучше подождать; у меня будетъ надежда въ смущенномъ сердцѣ.. Я лучше буду ждать, и долго ждать, лелѣя мысль, что я вамъ не чужой, нежели тотчасъ услыхать свой смертный приговоръ.

И, не смотря на волненіе, въ которомъ былъ Шумскій, въ его головѣ промелькнула мысль:

«Вотъ эдакъ-то слово въ слово кто-то такой изъясняется въ романѣ «Злосчастный Адольфъ».

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, Шумскій, смотря на дѣвушку, пожиралъ ее глазами и снова убѣждался въ сотый разъ, что она дѣйствительно замѣчательно красива собой, что красивѣе ея онъ никогда не встрѣчалъ никого. За то время, что онъ не видалъ ее — Ева стала еще прелестнѣе. Она подняла глаза на Шумскаго, какъ бы освѣтила его на мгновеніе очаровательнымъ синимъ свѣтомъ, и, зардѣвшись, снова потупилась.

— Я не знаю, — залепетала она едва слышно, хотя взглядъ ея уже сказалъ Шумскому многое. Онъ вздохнулъ и подумалъ:

«Нѣтъ. Не правда. Тебя можно будетъ любить долго!»

— Вы намъ дадите два дня на размышленіе, Михаилъ Андреевичъ, — проговорилъ баронъ робко.

— Я уже вамъ объяснялъ, баронъ, и повторяю, что въ такомъ важномъ вопросѣ — что̀ можетъ значить размышленіе? На это нуженъ годъ или одно мгновеніе. Если вы, баронесса, никого не любите и ваше сердце свободно, то я съумѣю заставить васъ полюбить себя! Вся моя жизнь будетъ посвящена на то, чтобы сдѣлать васъ счастливой и заслужить вашу любовь.

— Все это такъ неожиданно, — заговорила Ева едва слышно, — что я не могу... я не знаю.

— Но могу ли я надѣяться! — вскрикнулъ Шумскій. — Дайте мнѣ хоть тѣнь надежды, что скоро я буду счастливъ. Скажите мнѣ, что вы почти согласны. Или скажите, что я вамъ ненавистенъ, что своимъ дерзкимъ появленіемъ и поведеніемъ у васъ въ домѣ г. Андреевъ съумѣлъ заслужить только одно ваше презрѣніе или ненависть!

— Нѣтъ! — твердо произнесла Ева, не подымая глазъ и прибавила чуть слышно: — напротивъ...

Это отрицаніе по отношенію къ Андрееву все сказало Шумскому. Онъ сразу понялъ, почти почувствовалъ по ея голосу, что она была не равнодушна къ Андрееву и только сдерживала себя, а теперь рада сознаться.. Шумскій вдругъ поднялся съ мѣста, упалъ на колѣни передъ Евой и воскликнулъ:

— Одно слово! Ради Бога! Сейчасъ.

Баронъ при движеніи молодого человѣка вскочилъ съ мѣста и безсмысленно задвигалъ руками.

— Баронъ! Просите! Умоляйте вмѣстѣ со мною! — воскликнулъ

Шумскій и почувствовалъ, что голосъ его звучитъ безъ малѣйшаго оттѣнка страсти и черезчуръ театрально, напыщенно.

Ева наклонила голову на грудь и, тихо двинувъ рукой, протянула ее молодому человѣку. Шумскій схватилъ ее со страстью, поцѣловалъ два раза и, поднявшись, двинулся къ барону. Нейдшильдъ уже былъ около него и принялъ его въ свои объятія.

— Mon fils!..—слезливо произнесъ онъ, какъ бы начиная длинную рѣчь, но смолкъ и заплакалъ...

XL.

Шумскій шибко подкатилъ къ своей квартирѣ только въ сумерки. Коляска была совершенно сплошь забрызгана грязью, а лошади, красивыя и породистыя, страшно взмылены. Кучеръ, отъѣзжая отъ подъѣзда, закачалъ головой и проворчалъ что-то укоризненно. Шумскій вернулся домой, объѣздивъ человѣкъ десять прежнихъ товарищей, чтобы созвать ихъ къ себѣ вечеромъ.

На крыльцѣ онъ зазвонилъ такъ, что послѣ второго звонка желѣзный прутъ остался у него въ рукахъ. Копчикъ стремглавъ бросился отворять и оробѣлъ, ожидая грозы. Отъ выраженія лица барина, вошедшаго въ переднюю, Копчикъ тоже просіялъ и посмѣлѣлъ.

— Хорошія вѣсти, Михаилъ Андреевичъ,—смѣло заговорилъ онъ.

— Ты почемъ знаешь? — весело отозвался Шумскій.

— Иванъ Андреевичъ сказали.

— Что врешь, дуракъ! Нешто Иванъ Андреевичъ могъ знать то, чего я не зналъ! Да, хорошія вѣсти! Придется мнѣ и тебя и Пашуту простить.

Копчикъ съ удивленіемъ взглянулъ на барина.

— Ты какъ же догадался? — произнесъ Шумскій.

— Иванъ Андреевичъ сказали.

— Да полно врать! Нешто онъ зналъ, что я свататься буду!

На лицѣ Копчика выразилось такое изумленіе, онъ такъ растопырилъ руки, что Шумскій сообразилъ все.

— И я тоже хорошъ,—выговорилъ онъ смѣясь.—Воображаю, что у меня на лбу написано то, чѣмъ голова и сердце полны! Какія твои хорошія вѣсти?

— Пашуту накрыли.

— Гдѣ?

— Иванъ Андреевичъ сегодня розыскалъ и накрылъ подлую тварь.

И не смотря на все стараніе Копчика, голосъ его звучалъ фальшиво.

— Гдѣ?

— Укрывается у этого самаго офицера.

— Какого офицера?

Копчикъ хотѣлъ отвѣчать, но въ эту минуту на порогѣ появился Шваньскій съ важнымъ, но и довольнымъ лицомъ.

— Да-съ! Меня хоть оберъ-полиціймейстеромъ столичнымъ назначить! Каково быстро дѣло обдѣлалъ!

— Гдѣ же она?

— У г. фонъ-Энзе. Вишь, какой новый притонодержатель выискался! Воровской притонъ въ столицѣ содержитъ. Мы его теперь прошколимъ. Онъ, нѣмецъ, узнаетъ отъ насъ, что значитъ чужихъ холоповъ укрывать! Мы ему зададимъ!

Шумскій вошелъ въ гостиную и молча остановился среди комнаты, какъ бы соображая и обдумывая нѣчто, что его удивило.

Онъ только теперь вспомнилъ объ уланѣ и думалъ: что такое фонъ-Энзе? Что онъ для Евы? Вѣдь, казалось по всему, что онъ ея нарѣченный. Стало быть, она его не любитъ и никогда не любила. Откуда же его претензія на защиту Евы? Почему Пашута, любимица баронессы, убѣжавъ, укрылась у улана, а не у кого-либо другого? Стало быть есть нѣчто общее между Евой, фонъ-Энзе и Пашутой. Теряетъ ли это «нѣчто» свое значеніе теперь или нѣтъ? Ева не знаетъ, однако, что Пашута у улана!

Шумскій пожалъ плечами и вымолвилъ вслухъ:

— Ничего между ними быть не можетъ! Теперь видно ясно, что Евѣ нравился Андреевъ. Она счастлива, что онъ сталъ Шумскимъ.

Прислушавшись къ словамъ своего патрона, Шваньскій изумился. Чрезъ мгновенье онъ спросилъ:

— Какъ же прикажете, Михаилъ Андреевичъ, получить бѣглую дѣвку? Черезъ полицію требовать или просто мнѣ за нею съѣздить? Я могу и одинъ.

— А упустишь?

— Помилуйте! Побѣжитъ если по улицѣ отъ меня, закричу: «караулъ! держи!» и поймаю опять.

— Ступай пожалуй. Только, Иванъ Андреевичъ, знай, обстоятельствамъ перемѣна. Мнѣ Пашута ни на какого чорта не нужна и пожалуй пускай гуляетъ.

— Что такое?

— Я, братецъ мой, женихъ.

— Охъ!—воскликнулъ Шваньскій такъ, какъ если бы его ударили палкой по головѣ.

— То-то — «охъ». Удивительно?

— Еще бы не удивительно, Михаилъ Андреевичъ! Даже, извините меня, я не вѣрю. Не такой вы человѣкъ, чтобы вамъ жениться. Ну, какой же вы супругъ! Помилуйте! Изволите вы шутить! — прибавилъ Шваньскій и началъ хохотать, какъ бы услыхавъ какую остроту.

— Дуракъ ты и больше ничего! Толкомъ тебѣ говорю, что я сейчасъ просилъ руки баронессы и — женихъ.

— А когда же вы благословенія родительскаго просили, — вымолвилъ Шваньскій уже серьезнымъ голосомъ.

— Какого? — проговорилъ Шумскій, вытаращивъ глаза, и тотчасъ же прибавилъ:

— Ахъ ты! Чортъ побери! Вѣдь изъ ума вонъ!

И молодой человѣкъ вдругъ расхохотался звонко на весь домъ.

— Вотъ штука-то! Вѣдь я батюшкѣ-родителю-то въ самомъ дѣлѣ ни слова не говорилъ! Фу, ты, какая будетъ теперь катавасія! Вѣдь баронъ-то, такъ же, какъ и я, небось ужъ домовъ десять объѣздилъ и всѣмъ разсказалъ. Дойдетъ до графа—чортъ его знаетъ, какъ онъ приметъ извѣстіе. Надо скорѣе къ нему. Скажи на милость, какъ все это вышло! Изъ ума вонъ! Вели скорѣе подавать лошадей! Да нѣтъ, не надо. Загналъ и такъ. Возьму извозчика. А ты будь тутъ. Пріѣдетъ Квашнинъ, задержи его. Если еще кто пріѣдетъ изъ офицеровъ, всѣхъ задержи. Будетъ у насъ сегодня всю ночь дѣвишникъ или мальчишникъ. А я къ этому, къ тятенькѣ своему. Надо ему скорѣе объяснить. А то обозлится, коли со стороны узнаетъ. Ахъ, чортъ ихъ возьми! Изъ ума вонъ!

Шумскій быстро двинулся въ переднюю, накинулъ шинель и вышелъ на улицу.

Но едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ вслѣдъ за нимъ выскочилъ съ крыльца Шваньскій и догналъ его.

— Михаилъ Андреевичъ! Время терять не гоже! Вѣдь она можетъ отъ него удрать куда.

— Что ты? Про что?

— Да Пашута же! Вѣдь она можетъ укрыться отъ улана. Что же я — хлопоталъ, искалъ, а дѣло прахомъ пойдетъ! Прикажите взять ее оттуда.

— Бери, чортъ съ тобой! Привязываешься съ пустяками.

— Какъ же прикажете: одному или черезъ полицію?

Шумскій хотѣлъ сказать: «ступай одинъ», но запнулся и подумавъ, выговорилъ:

— Нѣтъ! Скандалъ, соблазнъ надо! Бери полицію, набери побольше! Понялъ? И будешь брать Пашуту у фонъ Энзе, надѣлай тамъ чортъ знаетъ чего. Понялъ? Такого шума и такихъ гадостей надѣлай, чтобы во всемъ кварталѣ разговоръ пошелъ. Я все на себя беру. Да понялъ ли ты?

— Понялъ-съ, понялъ-съ!—заговорилъ Шваньскій, ухмыляясь.

Шумскій двинулся, но снова остановился и жестомъ подозвалъ Шваньскаго.

— Слушай, Иванъ Андреевичъ! Серьезно сказываю. Дѣло важнѣющее. Ступай туда съ полиціей и придумай, — ты у меня умница, — придумай, какихъ бы тебѣ самыхъ пакостныхъ пакостей

напакостить въ квартирѣ улана. Нашуми, накричи, выругай его на всѣ лады. Дѣйствуй по моей довѣренности и на мою голову. Надѣлай тамъ всего, чего только можно—хуже. Ну, хоть подожги квартиру, да спали все!

— Какъ можно-съ!

— Да, знаю, что нельзя. А ты надумай, что̀ хуже пожара, и чтобы тоже дымъ коромысломъ на всю квартиру пошелъ. Услужи, голубчикъ! Вѣкъ не забуду. И покуда не надумаешь какой первѣйшей и знатнѣйшей мерзости, по тѣхъ поръ не ходи. Понялъ ли ты?!.

— Понялъ-съ.

— Да хорошо ли ты понялъ?

— Да ужъ будьте, Михаилъ Андреевичъ, спокойны. Не первый разъ.

— Мнѣ нужно, чтобы въ его квартирѣ, этого проклятаго улана, произошли чудеса въ рѣшетѣ, чтобы самъ чортъ въ ступѣ и всякая дьявольщина на всю столицу разнеслась. А за мною считай за это самое дѣяніе ровнехонько сто рублей.

— Слушаю-съ.

— Ну, вотъ, докажи еще разъ, что ты умница и меня любишь. Могу ли я надѣяться?

— Помилуйте, Михаилъ Андреевичъ,—уже обидчиво произнесъ Лепорелло.—Я такъ распоряжусь, что даже вотъ какъ...—Шваньскій стукнулъ себя кулакомъ въ грудь.—Вотъ какъ-съ скажу: самому мнѣ потомъ стыдно будетъ на людей смотрѣть.

— Ну, вотъ, спасибо!..

И Шумскій, разсмѣявшись на всю улицу, быстрымъ шагомъ двинулся по Морской.

— Молодецъ на это,—бурчалъ онъ себѣ подъ-носъ.—За это я и люблю. Глупое животное, а на иную мерзость—о семи пядей во лбу.

XLI.

Взявъ извозчика и направляясь къ Зимнему дворцу, Шумскій вспомнилъ, какъ уже давно не видалъ онъ временщика-отца. И при этомъ молодой человѣкъ иронически усмѣхнулся и подумалъ:

«Ничего! Я его пріучилъ. Онъ у меня въ решпектѣ, почти ручной сталъ. Вотъ ужъ можно сказать, что я его нѣжностями не набаловалъ».

Вступивъ въ апартаменты, которые Аракчеевъ занималъ временно, когда пріѣзжалъ изъ Грузина на короткій срокъ въ Петербургъ, Шумскій узналъ отъ служителей, что графъ съ утра занятъ, но не въ своихъ горницахъ, а на внутреннемъ дворѣ въ пустой «кордегардіи».

Привыкшій ко всякимъ диковинкамъ въ поступкахъ своего отца, Шумскій невольно все-таки удивился при этомъ извѣстіи.

— Чтожъ онъ тамъ дѣлаетъ?—спросилъ онъ рѣзко.

— Они заняты,—отвѣчалъ одинъ камеръ-лакей съ почтительной таинственностью въ голосѣ.—Съ малярами.

— Чтожъ они стѣны кордегардіи малюютъ что ли?—спросилъ Шумскій, невольно улыбаясь.

— Никакъ нѣтъ-съ. Полагательно разсуждаютъ.

— Съ малярами разсуждаютъ?

— Точно такъ-съ.

— Ну, пойду и я съ ними разсуждать, — произнесъ Шумскій шутливо важнымъ голосомъ и, сойдя съ подъѣзда, двинулся во внутренній дворъ дворца.

По многимъ служителямъ и полицейскимъ, по кучкамъ солдатъ безъ оружія, стоявшимъ въ разныхъ мѣстахъ, Шумскій могъ догадаться, какое направленіе взять, чтобы найти отца. И онъ не ошибся. Пройдя дворъ, крыльцо и сѣни, онъ наткнулся на дежурнаго офицера въ киверѣ.

— Графъ здѣсь?—спросилъ онъ.

— Точно такъ-съ — отвѣчалъ офицеръ и, узнавъ Шумскаго въ лицо, прибавилъ:

— Прикажете доложить, или изволите такъ пройти?

— Нѣтъ ужъ обо мнѣ докладывать, полагаю, лишнее.

И Шумскій отворилъ дверь, но, переступая порогъ, онъ все-таки долженъ былъ внутренно сознаться, что легкія мурашки пробѣжали у него по спинѣ.

«И давно не былъ—думалось ему—и ушелъ тогда, якобы отъ кровотеченія носомъ?.. Ругаться будетъ. Ну, и чортъ съ нимъ»!

Глазамъ Шумскаго представилась очень большая горница совершенно пустая. Вдоль одной стѣны были стойкомъ разставлены, припертыя къ ней длинныя доски, а около нихъ, на полу, стояло нѣсколько ведерокъ. Вокругъ нихъ двигались трое крестьянъ и одинъ солдатъ, всѣ съ кистями въ рукахъ, а между ними, спиною къ Шумскому, — былъ самъ графъ Аракчеевъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ.

При звукѣ запертой двери онъ обернулся. Увидя сына, Аракчеевъ уперся въ него своими безжизненными стеклянными глазами. Ни единый мускулъ въ лицѣ его не шевельнулся.

Молодой человѣкъ почтительно приблизился. Графъ поднялъ и протянулъ руку. Шумскій, едва коснувшись до нея пальцами, какъ всегда чмокнулъ край рукава. Затѣмъ, ни слова не сказавъ сыну, Аракчеевъ повернулся опять къ малярамъ и заговорилъ съ ними, кратко, однозвучно, сухо выговаривая слова. Маляры отвѣчали въ перебивку и говорили довольно свободно. Было очевидно, что вслѣдствіе вольнаго обращенія съ ними всемогущаго вельможи, они видѣли въ немъ только простого барина.

— Ну, ты, теперь малюй вотъ эту! — выговорилъ Аракчеевъ, указывая солдату одну изъ досокъ.

Солдатъ взялъ ведерко, опустилъ кисть и, приблизившись къ доскѣ, началъ мазать.

Тутъ только Шумскій замѣтилъ, что доски, припертыя къ стѣнѣ, были уже на половину вымазаны. Штукъ десять лоснились выкрашенныя разноцвѣтными красками, и штукъ пятнадцать оставались еще чистыми.

Покуда солдатъ мазалъ доску, на этотъ разъ темнокоричневой краской, Аракчевъ обернулся къ одному изъ маляровъ и выговорилъ:

— Стало быть, коли черезъ годъ шпаклёвка оказалась, то прямо—драть на смерть?

— Дери, ваше сіятельство! Задирай! Я за свою отвѣтствую на десять годовъ. А это ужъ какой маляръ!

— Прямо такого драть?—повторилъ Аракчеевъ.

— Прямо драть, ваше сіятельство!

— На смерть?

— А ужъ это какъ вамъ будетъ благоугодно, — улыбнулся маляръ, принимая слова за шутку.

— Ты что ухмыляешься?—съ оттѣнкомъ снисхожденья, но сухо произнесъ графъ. — Полагаешь, не запарывалъ я вашего брата до смерти?

— Какъ можно-съ! Знамое дѣло. Безъ этого какъ же-съ?

— У меня, голубчикъ, въ Грузинѣ такъ порютъ, какъ ни гдѣ по всей Россіи—скажу—не умѣютъ. У меня нѣтъ этого заведенія, какъ у дворянъ-помѣщиковъ: всыпаютъ зря по триста, да четыреста розогъ. У меня двадцать пять дадутъ, да такихъ, что лучше сотни!

— Въ этомъ дѣлѣ тоже наука нужна!—отозвался маляръ.

— Ну, вотъ, и врешь! — громче воскликнулъ Аракчеевъ, обращаясь къ солдату, который уже кончалъ доску.—Гляди! Раскрой буркалы-то свои! Нешто это тотъ колеръ? Глядите, что онъ дѣлаетъ!—обернулся Аракчеевъ къ малярамъ.

— Переложилъ малость бакану, — отозвался одинъ изъ мастеровыхъ.

— Какой теперь надо прибавить?—спросилъ Аракчеевъ у солдата.

Солдатъ вытянулся въ струнку и глупо пялилъ глаза. По лицу его казалось, что онъ даже не собирается отвѣтить.

— Какой краски добавить?!—громко вкрикнулъ Аракчеевъ.

И солдатъ вдругъ еще громче графа развязно и бойко рявкнулъ:

— Не могу знать, ваше сіятельство!

Въ голосѣ его была та твердость и увѣренность, какъ если бы онъ прямо и точно опредѣлялъ требуемое вопросомъ.

— Молодецъ! — выговорилъ графъ — начинаешь привыкать.—

Терпѣть не могу когда вашъ братъ путаетъ да брешетъ! Отвѣчай прямо, ясно: «не могу знать»—и конецъ.

— Не могу знать!—еще громче и охотнѣе брякнулъ солдатъ.

— Ну, вотъ что ребята. Вы мнѣ его въ мѣсяцъ времени обучите. Чтобы онъ у меня по первому слову всякіе колеры пускалъ, а чтобы изъ всякаго колера хоть десять разныхъ выходило. А обучишься,—прибавилъ графъ, обращаясь къ солдату,—унтеръ-офицеромъ будешь, а то и фельдфебелемъ будешь! Какой ты губерніи?

— Костромской, ваше сіятельство!

— А уѣзда?

— Не могу знать, ваше сіятельство!

— А какъ сказываютъ? Чай слыхалъ отъ людей?..

— Кш... Кишмяшенскаго!

— Кинешемскаго?

— Точно такъ, ваше сіятельство!

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Не могу знать, ваше сіятельство!

— Молодецъ! А какъ батька съ маткой сказывали?

— Какъ лобъ забрили, сказывали—двадцать второй шелъ.

— А когда забрили?

— Объ Миколы зимніе три года будетъ.

— Сколько жъ тебѣ нынѣ лѣтъ?

— Не могу знать, ваше сіятельство!

Аракчеевъ поднялъ руку и потрепалъ солдата по плечу.

— Изъ тебя толкъ будетъ. Я ужъ вижу...

— Рады стараться, ваше сіятельство!

— Ну, ребята, кончайте мнѣ всѣ эти доски, а завтра утромъ я приду погляжу: чтобы такъ, какъ я сказывалъ. Хорошо ли вы поняли? Радугой!

— Точно такъ-съ!

— Вотъ, съ этой самой съ угольной доски и до послѣдней, чтобы у меня радуга развернулась! Если какого колера не хватитъ, я васъ велю выпороть.

Аракчеевъ обернулся къ сыну и выговорилъ отчасти насмѣшливо:

— Вотъ ты—офицеръ, флигель-адьютантъ, въ Пажескомъ тебя всякимъ наукамъ обучали — а вотъ пойди-ка, вымажь мнѣ доску фіолетовой краской.

— Чтожъ мудренаго,—выговорилъ Шумскій.

— Что!—строже выговорилъ Аракчеевъ,—мудренаго?! Мажь!

Шумскій стоялъ въ нерѣшительности, непонявъ слова.—Мажь Бери кисть вотъ и малюй благо храбръ.—Ну, валяй! А мы посмотримъ!—Дай ему кисть!

Шумскій получилъ въ руки большую мохнатую кисть и стоялъ съ нею почти розиня ротъ. Каждое мгновеніе онъ могъ расхохотаться,

какъ съумашедшій, но взглянувъ въ лицо отца, сразу сообразилъ, что дѣло гораздо серьезнѣе, нежели онъ предполагаетъ. У Аракчеева уже слегка сдвигались брови, опускаясь на переносицу, а стеклянные глаза начали быстро моргать. Крестьяне-маляры добродушно ухмылялись, а солдатъ, стоя истуканомъ, глядѣлъ на Шумскаго, выпуча глаза, и тоже какъ бы думалъ: «какой вѣдь прыткій выискался!»

— Слышалъ что говорятъ,—произнесъ Аракчеевъ,—вонъ тебѣ свѣжая доска.—Валяй мнѣ фіолетовую!

Шумскій, внутренно смѣясь, двинулся къ ведеркамъ, разставленнымъ на полу и сталъ искать фіолетовую краску. Ведерокъ было около десяти съ разноцвѣтными красками, но фіолетовой не было.

— Такой нѣту,—обернулся онъ къ графу.

— А!—вскрикнулъ Аракчеевъ на всю кордегардію—Нѣту! То-то... Умная голова.—Нѣту!—А когда Господь-Богъ сотворилъ небо и землю при началѣ творенія—были рыбы? были дерева и плоды? была прародительница Ева?

Шумскій стоялъ передъ отцомъ, оттопыря руку съ кистью, и не понималъ ничего. Единственное, что коснулось съ силою его слуха, было имя Евы.

«Чудно это,—подумалось ему,—пришелъ я сказать объ моемъ намѣреніи, заговорить съ нимъ объ Евѣ, а онъ самъ первый разъ въ жизни сказалъ мнѣ это имя. Какъ это странно!»

И вѣроятно Шумскій на нѣсколько мгновеній задумался, потому что его привелъ въ себя уже нетерпѣливый и громкій голосъ отца

— Да что ты, одеревенѣлъ что ли, таскаясь день деньской по трактирамъ?—Тебя спрашиваютъ: какъ достать фіолетовый колеръ?

— Его тутъ нѣту,—сухо вымолвилъ Шумскій, нѣсколько оскорбленный окрикомъ при мастеровыхъ.

— Да—нѣту. Для тебя, умница, нѣту!—Олухъ ты, господинъ флигель-адъютантъ, глупѣе ты вотъ этихъ сиволапыхъ мужлановъ! Глупѣе даже вотъ этой выпи болотной, хоть онъ только началъ еще у нихъ обучаться! Гей, ты, выпь,—ласковѣе прибавилъ Аракчеевъ солдату,—пусти мнѣ фіолетовый колеръ!

Солдатъ быстро окунулъ кисть въ одну краску, и набрызгалъ на доску, потомъ досталъ другой, третьей, и сталъ мазать. Изъ соединенія ихъ получился темно-фіолетовый цвѣтъ.

— Ну, вотъ, видѣлъ?—выговорилъ Аракчеевъ.—Вотъ кабы васъ разумнѣе воспитывали, такъ вашъ братъ всегда и отвѣтствовалъ: «не знаю», а не вралъ бы! Давно слыхалъ, что не люблю я всезнаекъ, а не можешь свою глупую повадку бросить.—И графъ прибавилъ мастеровымъ:—Ну, ребята, кончайте доски!

И круто повернувшись, онъ вышелъ изъ кордегардіи во дворъ и медленнымъ шагомъ направился къ подъѣзду своихъ горницъ.

Шумскій пошелъ за отцомъ, отступя шага на два. Уже приближаясь къ подъѣзду, Аракчеевъ, не оборачиваясь, выговорилъ на воздухъ:

— Ко мнѣ идешь?

— Если позволите? Есть одно дѣло,—отозвался Шумскій, настигая.

— Знаю что есть! Тебя только и увидишь, когда у тебя это дѣло.—Это дѣло ты аккуратно справляешь.

— Сколько надо?

— Нѣтъ-съ, мнѣ денегъ не надо.

— Это еще что за новости! Ты къ довершенію вольнодумничать еще начнешь. Денегъ не надо? Скажите пожалуйста, какой важный баринъ!

— У меня, батюшка, дѣло совѣмъ иное, много важнѣе денегъ. Дѣло первой важности.

Аракчеевъ пріостановился на ходу, слегка обернулся назадъ черезъ плечо и выговорилъ:

— Убилъ кого?

— Какъ можно-съ!

— Какъ! Подъ пьяную руку, вѣстимо. А коли трезвый начнешь людей убивать, такъ ужъ совсѣмъ хлопотливо будетъ. Какое же такое дѣло?

— А вотъ, позвольте—доложу подробно.

XLII.

Оба тихо и молча двинулись снова. Пройдя швейцарскую между двухъ рядовъ вытянувшихся въ струнку служителей и солдатъ, а въ другой горницѣ мимо также вытянувшихся офицеровъ въ полной формѣ и чиновниковъ въ вицмундирахъ, они вошли въ маленькую горницу, гдѣ была спальня. Большая казенная кровать краснаго дерева была сдвинута съ мѣста къ печкѣ, а тяжелыя гардины постельныя изъ толстой матеріи были скручены, подобраны и привязаны къ гвоздю на стѣнѣ. Вмѣсто дворцовой, стояла маленькая складная кровать графа съ тонкимъ матрацомъ и красной сафьяной подушкой, безъ наволочки, а поверхъ вязаннаго одѣяла лежала растянутая военная шинель. Остальная мебель была очевидно вынесена и оставался только одинъ стулъ, обитый такой же матеріей какъ спальныя занавѣси кровати. Въ переднемъ углу стоялъ столикъ, покрытый бѣлой салфеткой, и на немъ были три иконы, передъ которыми горѣла лампадка. Не вдалекѣ былъ другой столикъ, точь въ точь такой же, также покрытый бѣлой салфеткой и на немъ стояли темные лакированные лоханка и рукомойникъ, были разложены разныя принадлежности бритья, а около полотенца на стѣнѣ висѣлъ здоровый арапникъ. Эти иконы, состав-

лявшіе вмѣстѣ большой складень, англійскіе лаханка и рукомойникъ изъ войлока и арапникъ были предметы, всегда сопутствовавшіе графу повсюду. Аракчеевъ собственноручно билъ кого-либо крайне рѣдко, но за то всякому отъ домашняго печника, кучера, повара или иного служителя до оберъ-офицеровъ, и мелкихъ чиновниковъ включительно, часто указывалъ на этого постояннаго своего спутника и говорилъ:

— Арапникъ видишь?

И на всегдашній отвѣтъ: «вижу-съ» прибавлялъ:

— То то же!

Войдя въ спальню, Аракчеевъ сѣлъ на единственный стулъ. Шумскій остался на ногахъ.

— Ну, объясняйся да не тяни!—выговорилъ онъ.

Шумскій началъ свое объясненіе все-таки очень издалека. При первыхъ же словахъ лицо Аракчеева нѣсколько измѣнилось и стало изображать нѣкоторое недоумѣніе. Онъ мысленно бѣгалъ и искалъ, хотѣлъ догадаться, о чемъ хочетъ говорить сынъ, о чемъ будетъ просить, но чѣмъ больше говорилъ Шумскій, тѣмъ менѣе онъ догадывался.

Шумскій уже говорилъ о баронѣ Нейдшильдѣ, объ его дочери-красавицѣ, о томъ, какъ она сразу плѣнила его въ церкви на чьихъ-то похоронахъ, а графъ все еще не догадывался въ чемъ будетъ просьба. И это было совершенно естественно. Аракчеевъ слишкомъ хорошо зналъ сына и, слѣдовательно, теперь прежде всего предположилъ именно то, что собственно и было до того дня, когда Шумскій вдругъ рѣшился жениться.

Онъ ждалъ, что сынъ признается въ совершенномъ имъ какомъ-либо безобразіи по отношенію къ семьѣ Нейдшильда. Онъ точно такъ же былъ далекъ отъ мысли о женитьбѣ, какъ самъ Шумскій былъ далекъ отъ нея дня два тому назадъ.

Разсказывая, какимъ образомъ онъ, затѣмъ, проникъ въ домъ барона, Шумскій нечаянно проговорился, хотя сначала не предполагалъ упоминать о секретарѣ Андреевѣ.

— Ну, такъ!—прервалъ его Аракчеевъ.—Больше не надо!—Понялъ все. Такъ я и думалъ: пробрался лисой въ курятникъ и скушалъ курочку! Ну, чтожъ! Теперь вѣдь Нейдшильдъ государю пожалуется, а то ужъ и нажаловался, а ты ко мнѣ прибѣжалъ. Что же я тутъ могу?

— Какъ можно, батюшка! Вы совсѣмъ меня иначе поняли,—выговорилъ Шумскій, но видя, что Аракчеевъ предполагаетъ именно то, что и должно было быть, если бы не ночное дежурство Фонъ-Энзе, Шумскій невольно усмѣхнулся догадливости отца:

— Я проникъ въ домъ барона,—прибавилъ онъ,—чтобы только чаще видѣть ее и заставить себя полюбить.

— Такъ въ чемъ же дѣло?—все-таки съ удивленіемъ произнесъ графъ.

— Я хочу просить вашего благословенія.

— Жениться?!—воскликнулъ Аракчеевъ.—Ты? На годъ не вѣнчаютъ. Вѣдь на всю жизнь вѣнчаютъ.

— Точно такъ-съ, но я... я ее люблю...

Аракчеевъ замолчалъ и думалъ. Наступила пауза.

— Да вѣдь она же чухонка, не нашей вѣры!—выговорилъ онъ наконецъ.

Шумскій слегка пожалъ плечами.

— Чтожъ изъ этого-съ? Все-таки христіанка.

— Христіанка?—выговорилъ Аракчеевъ и сталъ качать головой.—Вотъ что значитъ, ничему-то не учиться и ничего не вѣдать. Да знаешь ли ты, что есть христіане хуже татарина и жида. Знаешь ли ты молокососъ, что такое протестантъ, что такое лютеранинъ, знаешь ли ты, что будь я Всероссійскій Царь, я бы всѣхъ ихъ искоренилъ, а ужъ изгналъ бы изъ имперіи безпремѣнно.—Аракчеевъ подумалъ и заговорилъ глубокомысленно.—Слушай меня. Войдемъ мы съ тобою,—къ примѣру буду я говорить,—въ храмъ Божій, и будутъ православные люди стоять, креститься и земные поклоны класть. Ну, вотъ, мы стоимъ съ ними и тоже молимся.—Понимаешь?

— Понимаю,—протянулъ Шумскій, ничего конечно не понимая. Онъ зналъ только, что Аракчеевъ любилъ изрѣдка говорить затѣйливыми аллегоріями, и онѣ всегда выходили у него чрезвычайно своеобразными.

— Ну, вотъ, мы стоимъ въ храмѣ и видимъ; стоитъ въ уголкѣ человѣкъ, не крестится, не молится, стоитъ розиня ротъ, приглядывается и прислушивается—ничего не понимаетъ, совсѣмъ онъ тутъ какъ отрѣзанный ломоть, не про него стало быть служба, литургія ли, вечерня ли—все равно. А другой человѣкъ въ другомъ углу стоитъ, кулаками на алтарь грозится, рычитъ, ругается, надо всѣми насмѣхается.—Какъ ты думаешь, который изъ нихъ хуже?!

Шумскій едва замѣтно двинулъ плечомъ, и крѣпко сжалъ губы, чтобы скрыть невольно проскользнувшую улыбку, а затѣмъ выговорилъ сдавленнымъ голосомъ, чтобы не разсмѣяться:

— Хуже вѣстимо... который ругается.

— Ну, вотъ! который стоитъ въ уголкѣ смирно, это, будемъ къ примѣру говорить, мухамеданинъ, онъ своей вѣры, ему въ нашей ничего не понятно, а человѣкъ, который богохульничаетъ да ругается, это протестантъ—лютеранецъ, онъ же и вольтерьянецъ, или сквернословъ и сквернодумецъ. Онъ, стало быть, былъ христіанинъ, но свихнулся сердцемъ и разумомъ навольничалъ, всю религію на изнанку вывернулъ, или свою собственную измыслилъ, да и бахвалится ею. Онъ изувѣръ, еретикъ, его повѣсить мало! Язычники,

коихъ Господь Іисусъ Христосъ, во адъ сойдя, взыскалъ ради спасенія, будутъ въ раю, а этимъ лютерьянцамъ и всякимъ инымъ поганцамъ никогда царствія Божія не удостоиться. Вотъ тебѣ что такое твоя чухонка-невѣста. Соберись ты на турчанкѣ жениться, я бы сказалъ: окрестить ее и концы въ воду. А лютерьянка твоя, считая себя христіанской, не захочетъ вѣру мѣнять. Вѣдь не захочешь?

— Я объ этомъ, батюшка, еще не спрашивалъ.

— Такъ спроси.

— Не думаю,—тотчасъ же прибавилъ Шумскій, боясь, что можетъ возникнуть новая помѣха и предпочитая тотчасъ же разрубить завязываемый Аракчеевымъ узелъ.

— Полагаю, батюшка, она отъ своей вѣры не отступится ни за что на свѣтѣ.

— Ну, такъ какъ же тогда? Я ужъ не знаю...

— Мнѣ, батюшка, хоть пулю въ лобъ.

— Какую пулю?

— Если мнѣ не жениться на баронессѣ, такъ просто хоть застрѣлиться.

— Я тебѣ, сударь мой, разъ тысячу сказывалъ, когда еще ты махонькій былъ,—вдругъ мѣрно и оттягивая заговорилъ Аракчеевъ и началъ пристукивать согнутыми пальцами себѣ по колѣну какъ бы въ тактъ словамъ. — Всегда сказывалъ: не смѣй ты меня пужать! Я не баба, и ты не изъ такихъ молодцовъ. На это духъ нуженъ, хоть оно и грѣшное дѣло. А у тебя такого духу никогда не бывало. Настасью Ѳедоровну пужай пистолетами и саблями, хоть пушками. А меня оставь. Да и чтожъ! Застрѣлишься, я только плюну. Самоубійца—дурень, а дурнямъ и родиться бы не слѣдъ.

— Я не пугаю,—тихо произнесъ Шумскій.—Я такъ, къ слову сказываю, что очень мнѣ будетъ мудрено. Я не могу себѣ представить жизнь безъ нея, я ее обожаю.

— Такъ и сказывай, а не грозись. Это мы дѣло разберемъ. Если я вызовусь быть ея крестнымъ отцомъ, да государь пообѣщается быть на свадьбѣ, то, извѣстно дѣло, обернется иначе и легко можетъ быть, что твой чухонецъ на все согласится. А она, дѣвица, ничего въ этомъ не смыслитъ и ей, конечно, всѣ вѣры равны. Дѣвица въ религіи и въ другихъ наукахъ ни уха, ни рыла, не смыслитъ: это совсѣмъ не про бабу и писано.

Но Шумскій, слушая, думалъ:

«Ева въ религіи побольше тебя смыслитъ».

— Ну, а главное...—продолжалъ графъ.—Скажи мнѣ? что̀, кроткая она нравомъ, тихая и скромная?

— Какъ ангелъ!—воскликнулъ Шумскій.

— Ангелъ! Такъ! На одинъ ладъ! Какъ втюрился, такъ ему и ангелъ. А я тебѣ скажу: всякая дѣвка—щенокъ, а всякій щенокъ—

будущій песъ. И всякая-то баба—завсегда песъ. Вотъ я женился на дѣвицѣ Хомутовой, стало изъ истиннаго семейства дворянскаго. А самъ знаешь, гдѣ она. Пожила со мною два года, да и ушла—и соломенная вдова. А и приди она ко мнѣ, такъ я ее полиціей спроважу нà-сторону. А вѣдь тоже вѣнчались, въ храмѣ стояли, вокругъ аналоя ходили, все, что полагается продѣлали, всякія клятвы приносили. А что изъ этого вышло? Мнѣ она тоже была до свадьбы ангеломъ, а затѣмъ тотчасъ же стала рычать и лаяться псой. Вотъ такъ-то, смотри, и ты не женись.

Шумскій молчалъ, совершенно не зная, что отвѣчать, такъ какъ очень хорошо зналъ, что жена графа покинула мужа вслѣдствіе его грубаго обращенія съ ней.

— Все-таки, Михаилъ, обождемъ,—заговорилъ Аракчеевъ мягкимъ голосомъ, которымъ говорилъ съ сыномъ крайне рѣдко.

Одно уже имя Шумскаго, произнесенное имъ, свидѣтельствовало, что на графа вдругъ напалъ стихъ нѣжности, который былъ какъ-то даже и не къ лицу ему.

— Спѣшить не будемъ. Они — дворяне, хотя достоянія у нихъ мало, но это не нужно. Мое будетъ твоимъ. Все-таки они—прирожденные бароны, хоть и чухонскіе. Она точно, на чьи глаза красавица. На мои глаза она смахиваетъ на какую-то овцу бѣлобрысую. Видалъ я за границей—такія золоторунныя овцы есть. Но нравиться она можетъ; лицомъ и глазами какъ будто и красавица. Да это твое дѣло. Я только потребую къ себѣ почтеніе и послушаніе. Чтобы слово мое для нея было святымъ словомъ. Отъ нея я потребую больше почитанія, чѣмъ отъ тебя. Ты все-таки парень молодой, мужчина, а она—баба. Ты прыгаешь и скачешь безъ узды, потому что я не пожелалъ на тебя ее нацѣпить, волю тебѣ давалъ и даю. А бабѣ твоей я воли не дамъ. Чтобы она въ Грýзинѣ и предо мною и наипаче предъ Настасьей Өедоровной ходила неслышно, была тише воды, ниже травы! Ну, стало, дай мнѣ подумать и явись за моимъ рѣшеніемъ.

— Когда позволите мнѣ навѣдаться, батюшка,—выговорилъ Шумскій, смущаясь видимо.

— Мудрено. Дѣла много. Я вотъ теперь государю докладъ готовлю. Вонъ, видѣлъ въ сараѣ малевали доски? Хочу я, сударь мой, всю имперію Россійскую тремя колерами вымазать.

И при видѣ совершенно изумленнаго лица сына, который широко раскрылъ ротъ, Аракчеевъ прибавилъ, улыбаясь самодовольно:

— Что, удивительно? думаешь, это невозможно? А вотъ я тебѣ покажу. Аппробуетъ государь докладъ мой, такъ увидишь ты пеструхой всю матушку Русь православную изъ края въ край.— Вся будетъ выкрашена тремя колерами. Мосты, столбы, заставы, гауптвахты, караулки, даже тумбы и всѣ присутственныя мѣста— все будетъ у меня подъ одинъ маперъ въ три колера: бѣлый, крас-

ный и черный. Это еще царица Екатерина собиралась эдакъ учинить, да только все собиралась. И при томъ дѣло шло только о верстахъ да о мостахъ. А я и присутственныя мѣста всѣ такъ-то окрашу. По крайности, вся Россія какъ бы мундиръ надѣнетъ и станетъ въ этомъ мундирѣ, чисто какъ солдатъ на смотру—чинно, порядливо. А ты думалъ, я зря балуюсь съ краской, да съ ведерками, да съ кистями!

— Когда же позволите придти?—рѣшился Шумскій перебить хвастливо болтливую рѣчь.

— Ну, черезъ двѣ недѣли.

— Батюшка, я не вытерплю. Позвольте просить васъ рѣшить мою судьбу, не томя меня.

— Ну, черезъ недѣлю. Я только въ четвергъ объ тебѣ думать буду, а остальные дни всѣ распредѣлены.

— Слушаю-съ.

— А коли потрафится иначе—я тебѣ и раньше дамъ знать. Тогда оповѣстишь барона, чтобы ѣхалъ ко мнѣ за моимъ согласіемъ.

— Простите, батюшка, но полагается, по обычаю, что родители жениха первые визитъ дѣлаютъ.

— Да, это всякіе родители жениховъ, но не графъ Аракчеевъ. Ты такъ ему, чухонцу, и объясни. Къ графу Аракчееву какіе ни есть на свѣтѣ живые люди—всѣ иди съ поклономъ, всѣ, за исключеніемъ государя императора и членовъ царской фамиліи! Ну, ступай! Много ты у меня времени отнялъ. Государственныя дѣла не ждутъ!

Шумскій снова приложился къ рукаву сюртука отца и вышелъ, бормоча почти вслухъ:

— Да, государственныя? въ ведеркахъ, отъ которыхъ масломъ несетъ такъ, что задохнешься. Всю имперію красить собрался. Съ тебя хватитъ и всѣхъ россіянъ вымазать въ три колера. Тѣло зеленымъ бы колеромъ, рожи—фіолетовымъ, а волосы и бороды—пунцовымъ. Съ тебя бы и начать!

Графъ Е. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ [1]).

XXXIII.

РАЗЛУКА Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны съ дочерью на неопредѣленное время, отсутствіе младшаго сына Льва, рѣдкія свиданія со старшимъ Александромъ,—все это очень огорчало стариковъ Пушкиныхъ. Скорбя объ отъѣздѣ Ольги Сергѣевны, они, по всей вѣроятности, горько раскаявались въ «жесткихъ»,—какъ моя мать выражалась,—поступкахъ съ нею; такъ по крайней мѣрѣ догадываюсь, читая между строкъ краснорѣчивыя родительскія къ ней изліянія, въ которыхъ однако—и дѣдъ и бабка—не упускаютъ щадить, елико возможно, свою непогрѣшимость, сваливая необходимость разлуки единственно на силу судьбы. Надежда же Осиповна, разсыпаясь въ чувствительныхъ фразахъ, не измѣнила до осени 1834 года ни на волосъ своей тактикѣ: не только не посылать зятю въ письмахъ привѣтствій, но и совершенно его игнорировать. Сергѣй Львовичъ — скажу на этотъ разъ въ его защиту—едва ли одобрялъ подобный образъ дѣйствій жены, и если не входилъ съ Николаемъ Ивановичемъ въ письменныя сношенія, то всегда поручалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ передавать ему пару сочувственныхъ словъ, а зимою 1833 года, въ письмѣ ко Льву Сергѣевичу изъ Москвы въ Варшаву, сообщаетъ:

«Передай отъ меня, мой милый и храбрый капитанъ, (mon cher et vaillant capitaine) искреннюю признательность добрѣйшему (à l'excellent) Николаю Ивановичу за его къ тебѣ родственное располо-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIII, стр. 453.

женіе. Какъ же мнѣ его не полюбить, коль скоро онъ полюбилъ тебя, дитя мое милое, мой безцѣнный Веніаминъ, какимъ всегда тебя называю! Вырази Павлищеву всю мою радость, когда я узналъ, что онъ доставилъ тебѣ гостепріимство. Очень, очень радъ, что живешь у него и у твоей сестры, и вполнѣ цѣню всѣ хлопоты твоего зятя о тебѣ: дѣлаетъ все, что̀ можетъ, (il fait tout son possible, et tous ses possibles), съ цѣлью выручить тебя изъ денежныхъ затрудненій, на сколько позволяютъ стѣсненныя его обстоятельства. Пишешь, что онъ, ради уплаты, твоего долга самъ призанялъ у своего пріятеля, что̀ какъ нельзя болѣе мило съ его стороны (ce qui est on ne peut plus gentil de sa part); но и я не намѣренъ оставаться у него за тебя въ долгу, а потому высылаю тебѣ, мой храбрѣйшій, (mon vaillantissime), тысячу рублей. Расквитайся съ нимъ, а остальное положи себѣ на твои нужды (pour tes besoins) въ кошелекъ. Былъ бы я счастливъ выслать побольше тебѣ на уплату твоего долга Плещееву, но, видитъ Богъ, не могу: управляющій осаждаетъ меня письмами изъ Нижняго: этотъ господинъ мнѣ поетъ (il me chante), что распрощусь съ имѣніемъ (que je ferai mes adieux à mon patrimoine), если не внесу уплату въ самомъ скоромъ времени въ Опекунскій Совѣтъ».

Посылая дядѣ Льву сумму довольно солидную, Сергѣй Львовичъ, казалось, могъ бы удѣлить кое-что и дочери; это было бы полезнѣе трогательныхъ разглагольствованій.

На равнодушіе сына-поэта Сергѣй Львовичъ жалуется дочери изъ Москвы отъ 16-го марта 1833 года слѣдующимъ образомъ:

«Твои частыя письма, Ольга—дорогое дитя мое—(mon cher enfant) доставляютъ твоимъ одинокимъ родителямъ ни съ чѣмъ несравнимое удовольствіе,—удовольствіе, которое можно сравнить развѣ съ размѣромъ испытываемаго мною огорченія, не получая никакихъ извѣстій отъ моего «старшаго». Александръ намъ совсѣмъ не пишетъ, и даже не отвѣчаетъ. Что дѣлать? Льщу себя надеждой, что такимъ молчаніемъ обязанъ его великой лѣности, но это весьма небольшое утѣшеніе. (Ce plaisir est égal au chagrin que j'eprouve de n'avoir aucunes nouvelles de mon aîné. Alexandre ne nous ecrit pas du tout, et ne répond pas même à mes lettres. Que faire? Je me flatte, que je ne dois ce silence qu'à sa grande paresse, mais ce n'est qu'une bien petite consolation). На десять писемъ Александръ отвѣчалъ только разъ. Послѣ этого, не думаю, что мой поэтъ особенно обрадуется насъ увидѣть опять въ сѣверной столицѣ, и можешь, слѣдовательно, судить объ ожидающемъ меня образѣ жизни, въ этомъ краѣ. (Je ne crois pas après ceci, que mon poëte soit enchanté de nous revoir au sein de la capitale du Nord. Vous pouvez donc, chère Olga, vous faire une idée du genre de vie, qui m'attend dans ce pays là). Если же слышу что-либо объ Александрѣ, то единственно отъ его друга—Павла Нащокина. Этотъ Нащокинъ

сказываетъ, что Александръ, слава Богу, совершенно разстался съ мучительнымъ ревматизмомъ ноги, не дававшимъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, но все же этого-то желаннаго покоя днемъ и ночью онъ не вѣдаетъ. Ты уже знаешь, что твой братъ попалъ въ члены академіи, какъ любитель отечественной словесности! (Еще бы не любитель! Да объ этомъ всему міру извѣстно...). Желая же носить это званіе съ честію и пользою (en tout bien tout honneur), онъ, какъ слышно, удвоилъ историческія занятія, и половину дня проводитъ въ архивѣ. Кончилъ прелестный свой романъ, надъ которымъ провозился довольно долго, и начинаетъ другой; сюжетомъ выбралъ происшествіе временъ Екатерины Великой[1]). Этому послѣднему труду, а также и другимъ—поэтическимъ—посвящаетъ все время до вечера, а по вечерамъ дома рѣдко можно его найти: сопровождаетъ въ общество жену, (il chaperonne sa femme dans le monde), гдѣ и долженъ бодрствовать до зари, (où il doit veiller jusqu'à l'aurore). Значитъ, не смотря на раздраженные нервы, онъ можетъ выносить многое; но боюсь за такой тревожный образъ жизни: и гигантъ можетъ свалиться, будучи лишенъ сна—перваго благодѣтеля и друга человѣчества. Хочу сыну объ этомъ писать, но едва ли меня послушаетъ. А было бы для здоровья Александра гораздо полезнѣе, да и для здоровья его жены, если бы онъ взялъ примѣръ съ Баратынскаго — тоже поэта, хотя, правда, и уступающаго Александру въ извѣстности. Видимъ Баратынскихъ въ Москвѣ очень часто; не зная безсонныхъ ночей на балахъ и раутахъ, Баратынскіе ведутъ жизнь самую простую (ils menent une existence on ne peut plus bourgeoise); встаютъ въ семь часовъ утра во всякое время года, обѣдаютъ въ полдень, отходятъ ко сну въ 9 часовъ вечера, и никогда не выступаютъ изъ этой рамки, что̀ не мѣшаетъ имъ быть всѣмъ довольными, спокойными—слѣдовательно счастливыми. Завидую имъ, что, къ моему сожалѣнію, не могъ съ мама́ такъ устроиться: прожилъ бы дольше, чего, конечно, желаю Александру, тебѣ и Леону.

«Тамъ, то есть у Баратынскихъ, я узналъ, что Захаръ Ч.[2]) прощенъ; офицерскій чинъ ему возвратили, но безъ графскаго титула. Ожидаютъ его скоро сюда, въ Москву. Несчастной же Александры Муравьевой нѣтъ уже на свѣтѣ (mais la pauvre Alexandrine Mourawieff n'est plus de ce monde): скончалась въ ноябрѣ, а ея свекровь (?) (sa belle mère), которую посѣщаемъ изъ человѣколюбія, въ отчаяніи, (nous la fréquentons, ce qui est une oeuvre de charité chrétienne)».

«Я распечатала посланіе папа»,—сообщаетъ Надежда Осиповна отъ того же 16-го марта.—«Онъ хотѣлъ уже отослать его вмѣстѣ съ

---

[1]) Дѣдъ, вѣроятно, здѣсь подразумѣваетъ подъ первымъ романомъ «Дубровскаго», а подъ вторымъ «Капитанскую дочку». Л. П.

[2]) Не Чернышевъ ли? Фамилія цѣликомъ не выставлена. Л. П.

деньгами, но позвонилъ почтальонъ съ письмомъ, украшеннымъ петербургскимъ штемпелемъ. Пишетъ намъ, конечно, не Александръ; онъ отнюдь, кажется, не заботится украшать бумагу чернилами ради насъ, (il ne se soucie guère, à ce qu'il me parait, de mettre du noir sur du blanc pour nos beaux yeux), а пишетъ его жена. Если Сашка (Sachka въ подлинникѣ) не удостоиваетъ также ни тебя, ни «капитана» письмами, то, по крайней мѣрѣ, скажу вамъ обоимъ, мои дорогіе дѣти, пару словъ объ этомъ противномъ Сашкѣ — котораго люблю наравнѣ однако съ вами—и его Наташѣ. Начинаю съ того, что оба они теперь здоровы на столько, на сколько можно быть здоровыми въ Петербургѣ, при посѣщеніяхъ четыре раза на недѣлѣ петербургскаго большого свѣта. Но на первой недѣлѣ великаго поста Александръ не избѣгнулъ гриппа — эту болѣзнь онъ прозвалъ холерной внучкой (maladie, qu'il a surnommée la petite fille du choléra), а Наташѣ на первой же недѣлѣ грозила горячка: (elle a manqué d'avoir la fièvre chaude) слегла въ постель, и доктора разсудили пустить ей кровь, не смотря на беременность! Если Наташа такъ быстро поправилась, то совсѣмъ не отъ этой варварской операціи, а единственно благодаря молодому и счастливому тѣлосложенію.

«Наташа, до болѣзни»,—продолжаетъ бабка,—«постоянно выѣзжала, и пишетъ, что ей никогда еще не было такъ весело, какъ въ минувшемъ мясоѣдѣ. Появилась она и на костюмированномъ балѣ, данномъ въ залахъ Министерства Удѣловъ, въ нарядѣ жрицы Феба— такъ рѣшилъ Александръ—и одержала успѣхъ блистательный: императоръ и императрица подошли къ ней, похвалили ея костюмъ, а государь провозгласилъ ее царицей бала. (Nathalie a paru au bal donné dans les salles des apanages en costume de prêtresse du soleil; c'est Alexandre qui l'a decidé de le mettre—et son succès etait on ne peut plus brillant. L'Empereur et l'Imperatrice se sont approchés d'elle, lui ont fait compliment sur le costume, et l'Empereur l'a déclarée reine du bal). Наташа описываетъ намъ балъ какъ нельзя болѣе подробно, чего не дѣлаю, полагая, что о немъ и у васъ въ Варшавѣ извѣстно.

«Объ Александрѣ невѣстка сообщаетъ весьма немного, а объ его трудахъ и заботахъ,—о которыхъ намъ разсказываетъ Нащокинъ—ровно ничего. Говоритъ только, что теперь совершенно здоровъ, и записался въ постоянные члены англійскаго клуба, куда ходитъ раза два въ недѣлю завтракать съ Владиміромъ Соломирскимъ, и милымъ его сердцу mylord'омъ qu'importe [1]). Но и это гораздо прежде невѣстки намъ разсказалъ Булдаковъ. Означенный оригиналъ теперь въ Москвѣ, и передалъ намъ, будто бы нашъ нѣжный старшій сильно о насъ безпокоится. Лучше бы гораздо было

[1]) Прозваніе Соболевскаго. См. 2 и 4 главы настоящей хроники. Л. П.

Александру не говорить о своихъ безпокойствахъ Булдакову, а просто написать о себѣ кое-что. Ну, да Богъ съ нимъ! (Eh bien! que le bon Dieu le conserve en Sa sainte garde). За то его молчаніе вознаграждается твоими, милая Ольга, письмами. Бога ради прикажи «храброму капитану»,—то есть моему возлюбленному Лелькѣ,—не шалить (mais au nom du Ciel, donnes tes ordres au vaillant capitaine, c'est à dire à mon bien aimé Lolka, ne pas faire le diable à quatre), и писать почаще; но выскажи все ему такъ, чтобы онъ на меня не обижался. Боже, неужели и онъ не пріѣдетъ? А сегодня, не знаю почему, не могу о немъ и думать безъ замиранія сердца; (sans avoir le coeur navré) вчера же видѣла его во снѣ блѣднымъ и печальнымъ. Если боленъ, умоляю сообщи мнѣ. Скажу еще по секрету,—только Лелькѣ не подавай виду: слухи, которые о немъ ходили, были далеко не успокоительны: переносчики всякихъ худыхъ вѣстей,—переносчики, изъ которыхъ бо́льшая часть заклятые враги Александра, не замедлили разсказать его женѣ Богъ знаетъ что о Леонѣ, котораго онъ такъ любитъ, и разсказать единственно съ цѣлію причинить болѣзнь бѣдному Сашкѣ. Короче, говорили о дуэли, да кончили тѣмъ, что разболтали, будто бы Леонъ убитъ. Наконецъ, получила твое письмо; оно, конечно, меня успокоило, но все же мнѣ было бы утѣшительнѣе увидѣть приписку «капитана». Сплетники, — разсчитывая, что Наташа передастъ Александру басню о дуэли брата—остались въ дуракахъ (sont restés penauds). Дорожа спокойствіемъ мужа, Наташа написала только намъ объ этой сплетнѣ, да и то со всевозможными предосторожностями».

Между тѣмъ, дядя Левъ, поселясь на нѣкоторое время въ Варшавѣ у моихъ родителей, не располагалъ заживаться въ Польшѣ, которую не любилъ. Мятежъ былъ подавленъ, никакой внѣшней войны не предвидѣлось, а русское воинство совершало подвиги лишь на Кавказѣ.

«Польша»,—объявилъ однажды Левъ Сергѣевичъ сестрѣ,—«для насъ русскихъ, значитъ и для твоего мужа,—ничто иное, какъ постоялый дворъ, гдѣ остаются лишь до тѣхъ поръ, пока лошадей не подадутъ; а для меня Польша, — если только въ ней застряну, — можетъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась Капуя знаменитому однофамильцу моихъ ближайшихъ родичей: пошатаюсь года три или даже два—пропаду ни за грошъ. Что же мнѣ тутъ дѣлать? Забавляться игрой въ солдатики на плацъ-парадѣ? слушать въ театрѣ да «огрудкахъ» дурацкую музыку, отвыкнувъ отъ моей любимой музыки — настоящей пушечной пальбы, и свиста пуль? путешествовать съ полкомъ по жидовскимъ грязнымъ городишкамъ? играть, когда нѣтъ ученья, на билліардѣ въ заѣздныхъ домахъ съ утра до вечера, да коверкать родной русскій языкъ съ ненавидящими въ душѣ «москалей» варшавскими Дульцинеями?!.. Весело, нечего сказать!»

Недолго раздумывая, «храбрый капитанъ» рѣшилъ проститься

съ квартировавшимъ въ привислянской окраинѣ Финляндскимъ драгунскимъ полкомъ, подать въ отставку, и ѣхать къ старикамъ въ Петербургъ, гдѣ и хлопотать о вторичномъ поступленіи въ ряды кавказской арміи.

Рапортъ объ отставкѣ дядя подалъ; но тутъ-то и стряслась надъ нимъ бѣда: прошеніе затерялось по небрежности чиновниковъ, вслѣдствіе чего, не являясь въ мѣсто расположенія полка, Левъ Сергѣевичъ былъ исключенъ изъ службы—sans autre forme de procès,—какъ онъ выразился въ письмѣ брату,—умоляя употребить всѣ старанія передъ власть имущими въ его пользу. Александръ Сергѣевичъ переслалъ письмо въ Москву старикамъ, и просилъ отца принять въ этомъ дѣлѣ участіе и съ своей стороны.

Сергѣй Львовичъ, нѣкогда принявшій какъ нельзя болѣе философски опалу «старшаго», пришелъ на этотъ разъ въ отчаяніе, услышавъ о горѣ «младшаго», и счелъ собственной обидой исключеніе Льва Сергѣевича, боевыя заслуги котораго въ трехъ кампаніяхъ доставили сыну и высокіе,—не по чину,—знаки отличія, и лестное къ нему вниманіе князя Варшавскаго.

По словамъ покойной моей тетки, Ольги Матвѣевны Сонцовой,—у родителей которой дѣдъ и бабка останавливались въ Москвѣ—Сергѣй Львовичъ, прочитавъ письмо сына-поэта, истерически зарыдалъ, и объявилъ, что «не вынесетъ незаслуженнаго позора, нанесеннаго гербу Пушкиныхъ, по неисправности какого-нибудь писаря, и долженъ смыть оскорбленіе во что бы ни стало!»

Изъ сохранившихся у меня писемъ Сергѣя Львовича, можно видѣть, какое участіе онъ принялъ въ дѣлѣ сына. Привожу нѣсколько выдержекъ:

«Москва, 23 января 1833 г. Милый Леонъ! Вмѣстѣ съ настоящимъ письмомъ и съ тѣмъ же курьеромъ пишу князю Паскевичу, такъ что оба письма будутъ получены одновременно и тобою, и фельдмаршаломъ. Пишу ему порусски, полагая, что въ мои лѣта и при моемъ положеніи это приличнѣе. Письмо я прочелъ наизусть встрѣченному мною адъютанту Паскевича, князю Щербатову. Дай Боже, чтобы дѣло удалось. Молю Бога вдохновить меня».

Въ концѣ письма, дѣдъ сообщаетъ сыну слѣдующій текстъ самой записки Паскевичу:

«Сынъ мой, бывшій штабсъ-капитанъ Финляндскаго драгунскаго полка Пушкинъ, имѣлъ честь совершить три знаменитыхъ похода въ рядахъ войскъ, покрывшихъ себя славою подъ предводительствомъ Вашей Свѣтлости въ Персіи, Турціи и Польшѣ. Обративъ вниманіе ваше, свѣтлѣйшій князь, онъ получилъ всѣ чины за отличіе, и три ордена. По слабости здоровья, находясь въ невозможности продолжать военную службу, онъ два раза подавалъ просьбу объ увольненіи изъ оной къ статскимъ дѣламъ, но вмѣсто отставки исключенъ изъ списковъ».

«Осмѣливаюсь просить Вашу Свѣтлость о неоставленіи его покровительствомъ Вашимъ, дабы онъ могъ, усердіемъ и стараніемъ своимъ въ какой-либо другой службѣ, загладить пятно, нанесенное симъ исключеніемъ прежнимъ его заслугамъ».

«Письма моего къ князю Паскевичу»,—пишетъ Сергѣй Львовичъ отъ 1-го февраля,—«я не послалъ въ Варшаву, какъ предполагалъ, одновременно съ письмомъ къ тебѣ, mon vaillantissime; однако узнавъ, что фельдмаршалъ въ Петербургѣ, отправилъ его туда Беклемишеву, которому и сообщилъ то же самое, но гораздо подробнѣе, прося вручить князю мою записку и изложить все откровенно (à coeur ouvert). Но теперь, къ моему большому прискорбію, дошли до меня слухи, что фельдмаршалъ выѣхалъ изъ Варшавы не въ Петербургъ, а за границу — въ Берлинъ, — можетъ быть и въ Вѣну. Боже мой! какъ жаль, что мнѣ ничего не пишешь! Тебѣ гораздо лучше все это должно быть извѣстно! Узнавъ же о твоемъ дѣлѣ, я не промѣшкалъ ни минуты. А теперь, что же мнѣ прикажешь дѣлать?»

Спустя нѣсколько времени Сергѣй Львовичъ сообщаетъ моей матери:

«Паскевичъ, по всей вѣроятности, получилъ мою записку черезъ Беклемишева; мнѣ сказывали, что фельдмаршалъ можетъ быть и не пожелаетъ вмѣшиваться въ дѣло Леона, потому что Леонъ принадлежалъ къ арміи Сакена. Но можетъ статься и то, что Леонъ свидѣлся съ Паскевичемъ и тебѣ, слѣдовательно, стоитъ только черкнуть мнѣ пару словъ, чтобы меня успокоить. Наконецъ, не увидишься ли ты съ фельдмаршаломъ, а съ Елизаветой Алексѣевной тоже могла бы переговорить. Мысль, что бѣдный Леонъ исключенъ изъ службы ни зà что ни прò что (l'idée, que mon pauvre Léon est exclu du service sans aucune raison valable) дѣлаетъ меня несчастнымъ, а я такъ гордился его подвигами!..»

Записка Сергѣя Львовича фельдмаршалу дошла по назначенію гораздо позже, чѣмъ дѣдъ предполагалъ, пролежавъ въ канцеляріи свѣтлѣйшаго, такъ что, Паскевичъ о дѣлѣ дяди Льва долго ничего не зналъ. Дядя же Левъ, изъ какого-то чувства гордости, не рѣшался на объясненіе съ фельдмаршаломъ, и просилъ сестру не заикаться о немъ ни князю, ни княгинѣ. Но тутъ явился на выручку самъ свѣтлѣйшій: на балѣ у себя въ замкѣ, онъ обратился къ Ольгѣ Сергѣевнѣ съ вопросомъ: гдѣ Левъ Сергѣевичъ, и что онъ дѣлаетъ? Результатомъ разсказа Ольги Сергѣевны было объявленное черезъ двѣ недѣли въ «Инвалидѣ» увольненіе отъ службы Пушкина по прошенію съ чиномъ и мундиромъ.

Велика была радость Сергѣя Львовича, когда онъ узналъ объ этомъ по возвращеніи въ Петербургъ. Но успѣшный исходъ дѣла онъ приписалъ не объясненіямъ дочери съ фельдмаршаломъ, а письму къ своему двоюродному брату Чичерину.

«Третьяго дня мы пріѣхали сюда изъ Москвы, милый Леонъ»,— пишетъ старикъ Пушкинъ,—«а вчера я уже былъ у Чичерина спросить о тебѣ. Военный министръ, графъ Чернышевъ, очень былъ тобой заинтересованъ (s'est beaucoup interessé à toi) и объявилъ, что ты надняхъ уволенъ по желанію отъ службы [1]). Иду завтра же къ Чичерину узнать, когда могу лично благодарить министра. Благодарю, однако, прежде всего Всемогущаго Бога. Значитъ, твоя и моя честь удовлетворены: можешь перейти на службу подъ начальство князя Варшавскаго, если ему будетъ угодно принять во вниманіе мое письмо. (Actuellement il n'y aura pas de difficulté pour toi de passer au service du maréchal prince de Varsovie, s'il voudra avoir égard à ma lettre). Въ противномъ случаѣ, долженъ будешь пріѣхать сюда, а здѣсь, безъ сомнѣнія, тебя примутъ на службу; такъ, по крайней мѣрѣ, полагаютъ тѣ, кто тебя любитъ, и желаетъ твоего счастія».

«Мы получили твое письмо, милая Ольга—сообщаетъ бабка—въ присутствіи Александра, которому Чернышевъ говорилъ о Львѣ. Дѣло Леона устроено, и онъ можетъ быть покоенъ, также какъ и мы; если хочетъ поступить въ статскую службу, то похлопочемъ. Какъ нельзя болѣе благодарна Чичерину: не теряя ни минуты, онъ разсказалъ Чернышеву о положеніи бѣднаго Леона, а на другой день Александръ тоже явился въ канцелярію министра, и, узнавъ, что дѣло кончено, не имѣлъ уже надобности говорить съ Чернышевымъ. Послѣ этого, Чернышевъ, встрѣтивъ Сашку на балѣ, самъ къ нему подошелъ, и подтвердилъ радостную вѣсть. Пишите, друзья мои Ольга, и ты храбрѣйшій, по новому адресу: на Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста, въ домѣ Устиновой. Александръ надъ нами стариками смѣется, и говоритъ, что у каждаго изъ насъ по двадцати лѣтъ свалилось съ плечъ, послѣ извѣстія о тебѣ, милый Леонъ... да иначе и быть не можетъ. Будь же счастливъ на столько, на сколько тебѣ желаемъ—но не болѣе,—слѣдовательно будь счастливъ безконечно»...

На счетъ сына Сергѣй Львовичъ успокоился, впрочемъ, лишь тогда, когда адъютантъ Паскевича, баронъ Розенъ—поэтъ и бывшій сотрудникъ А. А. Дельвига,—доставилъ ему копію приказа.

Желаніе стариковъ, чтобы сынъ искалъ мѣсто въ Петербургѣ, раздѣлялъ и Александръ Сергѣевичъ. Не пускаясь съ братомъ въ краснорѣчивыя изліянія, поэтъ любилъ его не менѣе чѣмъ родители, выручалъ неоднократно изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, и скорбѣлъ о его нерасчетливомъ образѣ жизни. Александръ Сергѣевичъ, въ письмѣ къ брату изъ Москвы, заявлялъ, что нраво-

[1]) Изъ этого письма не видно, чтобы Чернышевъ упомянулъ Чичерину объ отношеніи къ нему Паскевича. Л. П.

учительныхъ примѣчаній дѣлать ему не намѣренъ [1]); затѣмъ, жалуясь впослѣдствіи, въ 1834 году, на Льва Сергѣевича Натальѣ Николаевнѣ, дядя Александръ ограничивается словами: «Левъ С. ни копѣйки денегъ не имѣетъ, а въ домино проигрываетъ у Дюмэ по 14 бутылокъ шампанскаго. Я ему ничего не говорю, потому что, слава Богу, ему 30 лѣтъ; но мнѣ его жаль—и досадно». Поводомъ же къ шуточнымъ стихамъ дяди Александра «Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ»,—приведеннымъ мною въ третьей главѣ хроники—послужило, по разсказу моего отца, дошедшее до поэта черезъ мою мать свѣдѣніе о Лукулловской пирушкѣ, заданной дядей Львомъ товарищамъ по случаю его увольненія въ отставку.

Выйдя въ отставку, Левъ Сергѣевичъ не спѣшилъ въ Петербургъ хлопотать, по совѣту родителей и брата, о гражданской карьерѣ: онъ говорилъ сестрѣ и зятю,—съ которымъ особенно сошелся,—что сперва немного отдохнетъ отъ трехъ утомительныхъ походовъ, а затѣмъ, съ поправленіемъ здоровья, возобновитъ боевую дѣятельность на Кавказѣ, что̀ гораздо интереснѣе предлагаемой ему мирной должности адъютанта Паскевича. Опредѣлиться же въ статскую службу, дядя считалъ тогда для заслуженнаго русскаго воина неподходящимъ. «Удивительное для меня наслажденіе,—говорилъ онъ моему отцу,—купаться въ чернилахъ, переписывать всякій день всякіе пустяки, отъ которыхъ можно умереть со скуки, и превратиться въ школьника на старости лѣтъ, примѣняясь къ мелочнымъ капризамъ какого-нибудь выжившаго изъ ума столоначальника! Но и этой мозги изсушающей должности мнѣ вѣдь съ перваго раза не дадутъ!»

Придя къ такому заключенію, дядя Левъ прожилъ у моихъ родителей въ Варшавѣ до глубокой осени, продолжая по вечерамъ праздновать свою отставку въ компаніи съ друзьями Ширковымъ, Сіяновымъ и Алексѣемъ Николаевичемъ Вульфомъ,—тоже подавшимъ въ «чистую».

Въ концѣ концовъ оба друга — Левъ Сергѣевичъ и Алексѣй Николаевичъ—разстались съ «Капуей», т. е. съ Варшавой, и отправились съ весьма облегченнымъ карманомъ: первый въ Сѣверную Пальмиру, второй—въ Тригорское.

XXXIV.

По возвращеніи своемъ изъ Москвы въ Петербургъ, старики Пушкины были обрадованы свиданіемъ съ сыномъ-поэтомъ, и пришли въ восхищеніе отъ его дочери-первенца.

«Узнавъ, что мы пріѣхали»,—пишетъ Сергѣй Львовичъ моей матери,—«Александръ и Наташа не замедлили придти къ намъ въ Па-

---

[1]) См. Сув. изд. Т. VIII, стр. 145.

рижскую гостинницу. Ихъ маленькая Маша была очень нездорова, но теперь, слава Богу, совершенно поправилась; прелестна какъ ангелъ (jolie vraiment comme un ange). Какъ мнѣ бы хотѣлось, милая Олинька, чтобы ты ее увидала, и нарисовала ея портретъ! Моя внучка—ангелъ кисти Рафаэля!...»

«Именно, ангелъ кисти Рафаэля,»—прибавляетъ Надежда Осиповна—«и чувствую: полюблю Машу до безумія, сдѣлаюсь такой баловницей, какъ всѣ прочія бабушки, и признаюсь: ревную къ Наташѣ—маменькѣ ребенка—его тетку, то есть тебя, мою бездѣтную! А у Наташи опять скоро будетъ, не далѣе какъ въ іюлѣ—второе дитя! Дѣвочка меня полюбила; беру ее на руки, вспоминая какъ и тебя точно такъ же носила!..»

Впрочемъ, дѣдъ и бабка видѣлись не особенно часто съ дядей Александромъ, судя по ихъ письмамъ къ дочери и младшему сыну, которыя у меня подъ рукой. Письма за май и іюнь 1833 года не представляютъ большого интереса, а потому не дѣлая изъ нихъ извлеченій, скажу только, что по сообщеніямъ Сергѣя Львовича, его сынъ-поэтъ продолжалъ вести жизнь лихорадочную, нервную, не вѣдая покоя, столь ему необходимаго, ни днемъ, ни ночью, а распредѣлялъ время между усиленными занятіями въ архивахъ, поэтическими вдохновеніями, и почти безпрерывными, по вечерамъ, посѣщеніями большого свѣта. Наталья Николаевна, хотя и была тогда беременной, но тоже не имѣла возможности отдохнуть: мондъ и ей не давалъ покоя безпрестанными приглашеніями и посѣщеніями. По замѣчанію Сергѣя Львовича, образъ жизни сына, разстроивавшій его нервы,—въ погонѣ за славою и обманчивымъ блескомъ—ни къ чему «солидному» не повелъ бы, кромѣ физическихъ страданій, да преждевременной старости. Говоря о такомъ взглядѣ моего дѣда, не могу не прибавить, что его придерживалась и моя мать9 она какъ-то говорила мнѣ, что ея братъ, передъ разлукой съ нею въ 1832 году, такъ съ виду осунулся вслѣдствіе постоянныхъ безсонницъ, что казался десятью годами старше своихъ лѣтъ по наружности.

Затѣмъ Сергѣй Львовичъ высказываетъ мнѣніе, что его сыну было бы всего полезнѣе отдохнуть въ деревнѣ по крайней мѣрѣ годъ, вдали отъ «шумной суеты»; а не то уходитъ самъ себя, не зная настоящей свободы: свобода не въ городѣ, гдѣ—не будучи въ строгомъ смыслѣ узникомъ,—Александръ Сергѣевичъ связанъ обстоятельствами по рукамъ и ногамъ, а въ глуши деревенской, вдали отъ завистниковъ, журнальныхъ и прочихъ петербургскихъ сплетенъ, да убивающихъ здоровье утомительныхъ выѣздовъ по баламъ и спектаклямъ.

Эту истину сознавалъ, по словамъ моей матери, и самъ Александръ Сергѣевичъ, на что̀, повидимому, и намекаетъ въ строфахъ одного изъ прелестныхъ стихотвореній. Привожу ихъ, такъ

какъ они написаны весною того же 1833 года — значитъ въ одно время съ заявленіемъ его отца:

«Когда бъ оставили меня
«На волѣ, какъ бы рѣзво я
«Пустился въ темный лѣсъ!

«Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
«Я забывался бы въ чаду
«Нестройныхъ, чудныхъ грезъ.

«И я бъ заслушивался волнъ,
«И я глядѣлъ бы счастья полнъ,
«Въ пустыя небеса.

«И силенъ, воленъ былъ бы я,
«Какъ вихорь, роющій поля,
«Ломающій лѣса...»

Привожу затѣмъ извлеченіе изъ писемъ дѣда и бабки за 1833 годъ, въ которыхъ они описываютъ и собственный бытъ, и бытъ семейный Александра Сергѣевича.

«Мы еще не тронулись отсюда въ деревню, милый Леонъ»,—пишетъ Сергѣй Львовичъ «капитану» изъ Петербурга отъ 7-го іюня.—«Дожидаемся экипажей и денегъ, а расходы на наше послѣднее путешествіе въ Москву и обратно, взносъ остававшихся въ моемъ распоряженіи финансовъ въ Опекунскій Совѣтъ, и многія другія издержки, истощили мои средства. Доходы мои никакъ не могу называть неистощимыми; къ тому же, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, на безденежье жалуется всякій. Александръ,—и тотъ, при добываемыхъ своимъ колоссальнымъ талантомъ щедрыхъ вознагражденіяхъ—не знаетъ какъ обернуться. Впрочемъ, милые дѣти, времена измѣнчивы, и во всякомъ случаѣ не допускайте и мысли, что не доставлю вамъ возможности жить безбѣдно и независимо; что же касается моихъ внучатъ (quant à mes petits enfants), ты мнѣ позволишь, милый другъ, не заботиться о ихъ судьбѣ въ той же степени: это уже не мое дѣло (cela ne sera plus mon affaire). Меня какъ нельзя болѣе утѣшаетъ, что не могу попрекнуть себя не только разстройствомъ моего состоянія на что̀-либо предосудительное, но и тратой денегъ на какія бы ни было пустыя, безполезныя прихоти; никогда ихъ себѣ не позволялъ. Прости, и вѣрь моему искреннему желанію узнать, наконецъ, что ты выѣхалъ изъ Варшавы въ Болдино произвести самую строгую повѣрку дѣйствій мошенника управляющаго. Но когда это осуществится,—а что еще того отраднѣе,—когда увижусь съ тобою? Едва ли могу надѣяться, судя по твоимъ письмамъ; изъ нихъ всегда заключаю о твоемъ желаніи быть далеко (je ne puis l'èsperer d'après tes lettres: le désir de t'éloigner y perce toujours). Хотя гдѣ бы ты ни былъ, мои благопожеланія и

благословеніе будутъ тебѣ сопутствовать, но говорить тебѣ, что разлука съ тобою не печалитъ меня безконечно — значило бы утверждать наглую ложь».

«Благословляю отъ сердца и души и тебя, милая Ольга»,—продолжаетъ дѣдъ въ томъ же письмѣ.—«Всегда ожидаю твоихъ писемъ съ большимъ нетерпѣніемъ, прочитываю ихъ con amore и con dolce sorriso [1]), какъ поютъ жители счастливой Италіи. Продолжай бесѣдовать съ нами по крайней мѣрѣ письменно, гдѣ бываешь, кого видишь. Не забудь поклониться отъ меня моему кузену, генералу Окуневу [2]); никогда не забуду его готовности быть полезнымъ Леону».

«Наконецъ, выслали намъ лошадей», — сообщаетъ бабка, десять дней спустя, 17-го іюня,—«и уѣзжаемъ къ большому моему удовольствію, съ нетерпѣніемъ считая часы и минуты; желаю поскорѣе увидѣть поля, холмы родные, какъ поетъ нашъ другъ Жуковскій. Пребываніе же въ душномъ Петербургѣ просто теперь невыносимо. Родовъ жены Александра—а наступятъ они, по моему расчету, не раньше трехъ недѣль—дожидаться не будемъ. Она, чувствуя себя отлично, много гуляетъ по островамъ,—не смотря на послѣдній мѣсяцъ беременности,—посѣщаетъ театръ, да обѣщаетъ всякій разъ, когда ей показываю твои интересныя письма, писать тебѣ, чего, однако, никогда и не дѣлаетъ (elle se propose de t'écrire chaque fois que je lui communique tes lettres intéressantes, et n'en fait rien). Ея дѣвочка очень мила; никого маленькая Marie такъ не любитъ какъ дѣдушку, отчего онъ въ восторгѣ; къ папà впрочемъ ее не ревную: она меня такъ же любитъ какъ и его, когда его не видитъ. Александръ и Nathalie живутъ на Черной рѣчкѣ; сынъ нанялъ тамъ дачу Миллера, и чрезвычайно доволенъ выборомъ. Дача большая, въ пятнадцать комнатъ; дачу окружаетъ большой садъ. Чего же болѣе? Наташа рада и тому, что ея тетка поселилась съ Натальей Кириловной, тоже въ двухъ шагахъ отъ нихъ. Александръ, по полученіи новаго наслѣдника или наслѣдницы, уѣдетъ на нѣсколько недѣль въ Болдино; такъ, по крайней мѣрѣ, онъ мнѣ говорилъ вчера, но зачѣмъ отправляется,—о томъ не спрашивала. Александръ и Наташа поручаютъ мнѣ крѣпко тебя обнять, Христосъ съ тобою» [3]).

Къ письму бабки Сергѣй Львовичъ, между прочимъ, прибавляетъ:

«Мамà, описывая дачу Александра, позабыла тебѣ сообщить, что случилось съ нашимъ петербургскимъ жилищемъ, которое надняхъ покидаемъ: съ недѣлю тому назадъ вышеназванное жилище (le

---

[1]) Съ любовью и блаженной улыбкой. Л. П.

[2]) Объ этомъ дѣятелѣ въ царствѣ Польскомъ на поприщѣ народнаго просвѣщенія упомянуто вкратцѣ во 2 части «Хроники». Л. П.

[3]) Эта фраза написана порусски. Л. П.

susmentionné domicile) рисковало превратиться въ пепелъ! Не шучу. Дѣло въ томъ, что въ домѣ вспыхнулъ пожаръ. Насъ разбудили въ три часа ночи, когда полиція расположилась уже на дворѣ, а жильцы успѣли выбраться изъ квартиръ. Гвардейскіе солдаты сновали по корридорамъ и галлереямъ и подъ предлогомъ подавать помощь, уносили все, что могли. Нашъ чердакъ сгорѣлъ, но мы ничего не потеряли, а полиція работала такъ усердно, что удалось отстоять домъ. Мама растерялась, выскочила на улицу босикомъ, и въ одномъ пенюарѣ (maman s'est sauvée pieds nus, et en robe de chambre dans la rue), а горничная, съ перепугу, растасовала все по чемоданамъ, такъ что насилу нашелъ старую мантилью накинуть женѣ на плечи. Наконецъ, часовъ въ семь, порядокъ кое-какъ возстановили».

По пріѣздѣ въ Михайловское, Сергѣй Львовичъ извѣщаетъ дочь отъ 15-го іюля:

«Только-что, милая Ольга, получили мы объ Александрѣ извѣстіе. У него родился сынъ—тоже Александръ. Мать съ новорожденнымъ здоровы. Поручаю тебѣ и Леону вашего племянника и полагаю, что Пушкинъ нумеръ четвертый (Pouchkine numéro quatre) появился на свѣтъ наканунѣ, если не въ самый день твоихъ имянинъ. Писемъ отъ Александра отца объ Александрѣ моемъ внукѣ не ожидаю подробныхъ, хотя и просилъ его это сдѣлать.

«Не наканунѣ и не въ день твоихъ имянинъ, 11-го іюля, какъ я предполагалъ, — пишетъ дѣдъ отъ 1-го августа дочери, — а 6-го іюля Богъ далъ Александру сына; но не онъ, и не жена его сообщаютъ намъ это, а добрѣйшая наша графиня Екатерина Ивеличъ. По ея письму, моя невѣстка до сихъ поръ еще очень страдаетъ, хотя со времени родовъ прошелъ безъ малаго мѣсяцъ. У нея образовались нарывы, отъ которыхъ до сихъ поръ не можетъ отдѣлаться. Александру же непростительно быть къ намъ до такой степени равнодушнымъ, что онъ даже и двумя строками не заблагоразсудилъ мнѣ отвѣчать. Очень безпокоимся. Напрасно ты намъ писала на его имя. Переслать намъ твое письмо Александръ и не позаботился; впрочемъ, оно могло и пропасть, по очень простой причинѣ: переѣзжая на Черную рѣчку, Александръ перевелъ туда всю свою прислугу, поручивъ городскую квартиру надзору дворника, а этотъ дворникъ всегда или пьянъ, или спитъ. Нѣтъ поэтому ничего мудренаго, если проспалъ, либо пропилъ письмо; да намъ-то отъ этого не легче».

...«На той недѣлѣ насъ не было въ Михайловскомъ: ѣздили мы и въ Островъ, были и въ Сухопольцовѣ, и въ сосѣднихъ вотчинахъ. Причина нашего отсутствія — женитьба молодого и симпатичнаго Кирьякова на дочери Екатерины Исааковны—кузины мама. Свадьба состоялась въ Островѣ; мама была посаженой матерью, и при церемоніи брака вся Ганибальщина оказалась въ сборѣ (la cérémonie

du mariage a été célébrée en présence de toute la Ганибальщина), а свадьбу праздновали цѣлыхъ десять дней у всѣхъ сосѣдей по очереди. Баламъ, обѣдамъ, увеселительнымъ прогулкамъ не было конца».

Въ августѣ, Александръ Сергѣевичъ попросился въ краткосрочный отпускъ. Онъ рѣшилъ побывать въ предоставленной ему Сергѣемъ Львовичемъ части Болдинскаго имѣнія, откуда проѣхать въ Казанскую, Симбирскую и Оренбургскую губерніи, чтобы ознакомиться съ краемъ, гдѣ происходила кровавая драма Пугачевскаго бунта, и затѣмъ пополнить собранные имъ уже объ этомъ событіи матеріалы свѣдѣніями и разсказами жителей, при чемъ имѣлъ въ виду и отдѣлку романа, взятаго изъ той же эпохи.

18-го числа, Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга. Попутчикомъ его до Торжка оказался Сергѣй Александровичъ Соболевскій, отправлявшійся въ Москву тоже по дѣламъ. Поѣздку до Торжка друзья совершили вмѣстѣ, платя прогоны пополамъ, о чемъ Пушкинъ и упоминаетъ, подтрунивая надъ Сергѣемъ Александровичемъ, въ письмѣ къ женѣ изъ Москвы.

Изъ Торжка Соболевскій поѣхалъ дальше, а дядя, завернувъ въ помѣстье отсутствовавшаго Алексѣя Николаевича Вульфа, Малинники—гдѣ никого, кромѣ управляющаго, не засталъ,—побывалъ въ имѣніи Натальи Николаевны, Ярополъцѣ, откуда и отправился въ Москву. Тамъ Пушкинъ опять свидѣлся съ Соболевскимъ на обѣдѣ у Киреевскаго, встрѣтилъ П. А. Чаадаева и Н. Н. Раевскаго, бесѣдовалъ съ Шевыревымъ и Погодинымъ, и былъ неразлученъ съ Павломъ Воиновичемъ Нащокинымъ—крестникомъ новорожденнаго своего первенца.

Получая отъ узнавшихъ о его пріѣздѣ приглашенія на вечера, онъ туда не являлся, за неимѣніемъ—какъ онъ пишетъ—бальнаго платья и за небритіемъ усовъ, которые отращалъ, о чемъ и говоритъ:

«Усъ да борода—молодцу похвала; выйду на улицу, дядюшкой зовутъ».

Покинувъ 29-го августа Москву, Александръ Сергѣевичъ проѣхалъ черезъ Нижній-Новгородъ въ Болдино, но остался тамъ не болѣе трехъ сутокъ.

О дальнѣйшемъ путешествіи Пушкина въ восточныя губерніи мой дѣдъ и бабка ровно ничего не знали, предполагая, что онъ въ Болдинѣ, гдѣ пробудетъ до ноября; между тѣмъ, дядя успѣлъ уже побывать и въ Казани, гдѣ нечаянно встрѣтился съ поэтомъ Баратынскимъ, съѣздилъ затѣмъ и въ Симбирскъ, посѣтилъ деревню своего пріятеля—поэта Николая Михайловича Языкова—и, наконецъ, прослѣдовалъ далѣе въ Оренбургъ.

«Александръ въ Болдинѣ уже болѣе трехъ недѣль»,—пишетъ Надежда Осиповна изъ Михайловскаго,—«но вѣрно письма наши пропадаютъ, а можетъ быть и отсюда не доходятъ. Не пишетъ намъ

и жена его изъ Петербурга; ей-то простительно, такъ какъ, страдаетъ нарывами; ничего не знаемъ, чтò съ ними, а знаемъ только ихъ новый петербургскій адресъ: на Пантелеймонской улицѣ, въ домѣ Оливье, по близости отъ Кочубеевъ.

«Какъ бы ни было, я очень рада, что Сашка въ Болдинѣ. Туда мы отправили новаго управляющаго (un nouvel intendant) на смѣну плута Михайлы завѣдывать частію имѣнія, оставленною нами пока за собою. Я и мужъ просили Александра быть свидѣтелемъ сдачи хозяйства старымъ проконсуломъ новому, и понудить затѣмъ этого послѣдняго доставить намъ, чтò слѣдуетъ въ самомъ скоромъ времени. Наши дѣла по Болдину до сихъ поръ идутъ такъ скверно, что у Сергѣя голова кругомъ ходитъ, а я какъ на иголкахъ. Главное получить деньги, и сдѣлать тебѣ хоть какой-нибудь подарокъ.

«Именно все это такъ»,—прибавляетъ Сергѣй Львовичъ. «Чѣмъ меньше отъ меня требуешь, а не требуешь собственно ничего — тѣмъ болѣе мое сердце надрывается. Готовъ сдѣлать невозможное (je suis prêt à faire l'impossible), лишь бы тебя успокоить, и отказать себѣ во всемъ, лишь бы видѣть тебя беззаботной, счастливой. Благодарю Бога, что Александръ въ Болдинѣ, и не тронется оттуда, пока не приведетъ въ порядокъ и его, и наши дѣла».

Каково же было удивленіе стариковъ, узнавшихъ о дальнѣйшемъ путешествіи сына, который, слѣдовательно, и не могъ встрѣтить въ Болдинѣ новаго приказчика!

О такомъ неожиданномъ сюрпризѣ дѣдъ мой упоминаетъ въ письмѣ къ Ольгѣ Сергѣевнѣ отъ 1-го ноября изъ Михайловскаго, сообщая ей и о пріѣздѣ изъ Варшавы младшаго своего сына.

«Когда получишь эти строки, мы будемъ въ Петербургѣ»,—пишетъ Сергѣй Львовичъ.—«Леонъ пріѣхалъ, и переслалъ намъ твое трогательное, исполненное любви къ намъ письмо, которое ему вручено при твоей печальной съ нимъ разлукѣ. Не нахожу словъ благодарить тебя! Ты облегчаешь огорченія, которыя намъ наноситъ упорнымъ молчаніемъ Александръ. Можешь себѣ вообразить мое нетерпѣніе обнять дорогого Леона... но увы! близокъ локоть, да не укусишь (tu peux t'imaginer toute l'impatience que j'eprouve de serrer mon bien aimé Léon contre mon coeur, mais helas! Близокъ локоть, да не укусишь). Хотѣлъ бы перелетѣть въ Петербургъ, а дороги ужасны, почему и невозможно намъ еще двинуться; не то въ грязи завязнемъ. На роду значитъ написано (il est ecrit là haut) не знать радости намъ старикамъ!»

«Александръ—мы не думали не ждали—былъ въ Казани, а я, по невинности души, полагалъ, что онъ изъ Болдина не тронется. Узнали мы объ этомъ не отъ него, а отъ Леона, который видѣлся съ Плетневымъ, а Плетневу писалъ изъ Казани Баратынскій. «Капитанъ» полагаетъ, что Александръ теперь уже въ Болдинѣ, но ничего не можетъ сообщить вѣрнаго, такъ какъ не могъ еще ви-

дѣться съ Наташей. Неужели и отъ нея Александръ скрываетъ, гдѣ онъ, и зачѣмъ въ Казань ѣздилъ? Леонъ слышалъ, что она здорова; однако, не только намъ старикамъ не пишетъ, но и не пересылаетъ намъ писемъ, адресованныхъ на ея имя для передачи въ наше захолустье. Удивительно! Значитъ, по всей вѣроятности, у моей невѣстки отдыхаютъ и письма къ мама̀ Тимоѳеевой».

На невѣстку и сына жалуется и Надежда Осиповна. «Неужели, Александръ—говоритъ она—не имѣлъ ни минуты времени извѣстить насъ парою словъ, что онъ не въ Болдинѣ, и не заставлять насъ писать ему туда попустому? Ни на что не похоже, а безпечность невѣстки меня очень огорчаетъ (...et de lui écrire en pure perte. Mais c'est à casser les vitres, et la négligence de ma belle fille me fait beaucoup de peine). Ни одно мое желаніе такимъ образомъ не исполняется, и я лишена всего, что можетъ меня интересовать, за исключеніемъ единственнаго моего утѣшенія—твоихъ писемъ. Не адресуй ихъ пожалуйства никогда на имя Наташи, пока не сообщимъ нашего адреса, а пиши на имя графини Екатерины Ивеличъ. Черезъ нее пишемъ и Леону. Воображаю, какъ тебѣ пусто безъ него въ Варшавѣ! Онъ сообщаетъ, что въ Петербургѣ безъ насъ ему невесело, и полагаетъ навѣстить Михайловское, если не поспѣшимъ отъѣздомъ, а въ Тригорскомъ ждутъ съ нетерпѣніемъ такого же какъ и онъ варшавскаго бѣглеца, Алексѣя Вульфа».

«Алексѣй Вульфъ въ Тригорскомъ»,—пишетъ нѣсколько дней спустя Сергѣй Львовичъ изъ Михайловскаго.—«Прасковья Александровна просіяла отъ счастія, увидѣвъ сына, а я увы! не могу обнять не только Александра, но и Леона. Капитанъ простудился, потому не могъ пріѣхать съ Алексѣемъ, который навѣстилъ насъ вчера, и вообрази, какъ насъ удивилъ! Онъ намъ сказалъ, будто бы (comme si) Александръ былъ въ Оренбургѣ!!.. Большой вопросъ: за какимъ дѣломъ онъ поѣхалъ въ страну Гунновъ и Геруловъ? Если на то пошло, то лучше было бы ему поѣхать посмотрѣть на что-нибудь менѣе дикое. Впрочемъ, да будетъ воля неба! Ломаю голову, съ какой стати онъ тамъ? (La grande question: qu'est il allé faire dans ce pays des Huns et des Hèrules? Autant vaudrait aller voir quelque chose de moins brut! Au reste, que la volonté du ciel soit faite! Je me casse la tête, a quel propos il s'y trouve!) Когда онъ пріѣдетъ въ Болдино изъ края господъ Чингисъ-хана и Тамерлана—не знаю. Будь Александръ въ Болдинѣ, онъ поставилъ бы меня въ возможность придти на помощь и тебѣ, но не хочу повторять моихъ обѣщаній въ настоящее время. Это было бы слишкомъ похоже на увѣренія безстыднаго должника, который всякій день приходилъ къ своему кредитору говорить ему о деньгахъ, какія однако ему и не выплачивалъ. (Cela ressemblerait trop aux assurances de ce débiteur impudent, qui venait toujours parler à son créancier de la dette, qu'il avait contractée avec lui, et qui ne la payait pourtant pas).

Далѣе Сергѣй Львовичъ жалуется дочери, что Александръ Сергѣевичъ, ничего ему не сообщая, предпочитаетъ отцу родному «всякихъ Нащокиныхъ, Раевскихъ, да Соболевскихъ». Эту іеремiаду Сергѣй Львовичъ заканчиваетъ вѣчной прибауткой: «Que la volonté du Ciel soit faite!» Въ такомъ же родѣ высказывается и Надежда Осиповна.

Выѣхавъ 12 сентября изъ Симбирска, въ Оренбургъ, Александръ Сергѣевичъ принужденъ былъ возвратиться назадъ, о чемъ сообщаетъ Натальѣ Николаевнѣ два дня спустя въ слѣдующихъ между прочимъ строкахъ:

«Опять я въ Симбирскѣ. Третьяго дня, выѣхавъ ночью, отправился я къ Оренбургу. Только выѣхалъ на большую дорогу, заяцъ перебѣжалъ мнѣ ее. Чортъ его побери, дорого бы далъ я, чтобъ его затравить. На третьей станціи, стали закладывать мнѣ лошадей. Гляжу нѣтъ ямщиковъ — одинъ слѣпъ, другой пьянъ, и спрятался. Пошумѣвъ изо всей мочи, рѣшился я возвратиться, и ѣхать другой дорогой; по этой, на станціяхъ вездѣ по шести лошадей, а почта ходитъ четыре раза въ недѣлю. Повезли меня обратно—я заснулъ. Просыпаюсь утромъ—что же? Не отъѣхалъ я и пяти верстъ. Гора—лошади не взвезутъ — около меня человѣкъ двадцать мужиковъ. Чортъ знаетъ, какъ Богъ помогъ—наконецъ, взъѣхали мы, и я воротился въ Симбирскъ. Дорого бы далъ я, чтобъ быть борзой собакой; ужъ этого зайца я бы отыскалъ. Теперь ѣду опять другимъ трактомъ. Авось безъ приключеній...»

О пріѣздѣ въ Оренбургъ Пушкинъ пишетъ 19-го сентября женѣ:

«Я здѣсь со вчерашняго дня. Насилу доѣхалъ—дорога прескучная, погода холодная; завтра ѣду къ яицкимъ казакамъ, пробуду у нихъ дня три, и отправляюсь въ деревню черезъ Саратовъ и Пензу...

«Мнѣ тоска безъ тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо къ тебѣ, ни строчки не написавъ. Да нельзя, мой ангелъ,—взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ — то-есть, уѣхалъ писать, такъ пиши же романъ за романомъ, поэма за поэмой. А ужъ чувствую, что дурь на меня находитъ. Я и въ коляскѣ сочиняю, что же будетъ въ постели? Одно меня сокрушаетъ: человѣкъ мой. Вообрази себѣ тонъ московскаго канцеляриста: глупъ, говорливъ, черезъ день пьянъ, ѣстъ мои холодные, дорожные рябчики, пьетъ мою мадеру, портитъ мои книги, и по станціямъ называетъ меня то графомъ, то генераломъ»...

Считаю излишнимъ воспроизводить изъ моихъ воспоминаній извѣстныя всѣмъ уже факты о посѣщеніи Пушкинымъ Оренбургской линіи крѣпостей, вмѣстѣ съ будущимъ свидѣтелемъ его мученической кончины, В. И. Далемъ (казакомъ Луганскимъ), и пребываніе его въ Уральскѣ, откуда дядя и отправился 23-го сентября въ Болдино. При въѣздѣ въ имѣніе, дядя опять поддался своему

суевѣрію. «Въѣхавъ въ границы Болдинскія,—пишетъ Александръ Сергѣевичъ Натальѣ Николаевнѣ,—встрѣтилъ я поповъ, и такъ же озлился на нихъ, какъ на симбирскаго зайца. Не даромъ всѣ эти встрѣчи. Смотри, жена! того и гляди избалуешься безъ меня, забудешь меня,—искокетничаешься...»

Пушкинъ оставался въ Болдинѣ до послѣднихъ чиселъ ноября. По словамъ П. В. Аненкова, онъ «прибылъ въ Петербургъ къ мѣсту служенія 28-го ноября, какъ обозначено въ его формулярѣ, а почтенный нашъ академикъ Я. К. Гротъ, въ хронологической канвѣ для біографіи Пушкина (входящей въ составъ изданныхъ имъ въ 1887 году статей объ Александрѣ Сергѣевичѣ), упоминаетъ, что «ноября 24-го, Пушкинъ, возвратясь въ Петербургъ, начинаетъ свой дневникъ». Между тѣмъ, по письму Надежды Осиповны къ дочери изъ Петербурга отъ того же 24-го ноября видно, что дядя возвратился изъ деревни къ 20 числу. Привожу письмо въ извлеченіи:

«Наконецъ, мы въ Петербургѣ. Насилу дотащились сюда изъ Михайловскаго третьяго дня, въ среду, по ужасной дорогѣ. Само собою разумѣется, увидя Леона, я позабыла и усталость и претерпѣнный мною страхъ во время пути, когда мы рисковали свернуть себѣ шею, разъѣзжая по ухабамъ.

«Александръ тоже въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ за два дня прежде насъ (Alexandre ètait aussi à Petersbourg deux jours avant nous); но я удовлетворена только на половину, находясь вдали отъ тебя; вездѣ тебя мнѣ не достаетъ, и всякія минуты удовольствія отравлены мыслію, что не могу раздѣлить ихъ съ тобою. Много, разумѣется, я говорила о тебѣ съ Леономъ. «Храбрый капитанъ» увѣряетъ меня, что ты счастлива, здорова, и пріѣдешь съ нами повидаться. Дай Боже! Леонъ не измѣнился, но за то Александръ очень похудѣлъ, а жена его еще болѣе; это меня безпокоитъ... Съ нетерпѣніемъ ожидаю минуты приласкать его Машку и Сашку; мальчикъ кажется любимецъ отца; будемъ видѣться съ Александромъ и Наташей часто, такъ какъ мы наняли квартиру отъ него въ двухъ шагахъ. Александръ говоритъ, что квартира его превосходна, чему я вполнѣ вѣрю; да иначе и быть не можетъ, когда платишь за нее 4 тысячи 800 рублей (je le crois bien; quand on paye 4 mille 800 roubles, on peut être très bien logé).

«Въ дорогѣ, какъ тебѣ сказала, пріятнаго испытали мало. Алексѣй Вульфъ проводилъ насъ до Врева съ обѣими сестрами, а за Островомъ мы догнали ѣхавшее сюда турецкое посольство, почему насъ и приняли тоже за поклонниковъ Магомета. Не могла я не смѣяться, когда, во время остановокъ, мужики насъ осматривали съ ногъ до головы, спрашивая: много ли еще насъ?

«21-го декабря. Вчера Александръ съ женой и малюткой, а также и Соболевскій, провели у насъ день твоего рожденья; но всѣмъ намъ безъ тебя было очень грустно. Александръ не отли-

чался веселымъ настроеніемъ еще и потому, что Б. въ послѣднее время опять къ нему придрался, и запретилъ печатать дивную его повѣсть въ стихахъ, которую Александръ привезъ изъ Болдина [1]). Говорилъ, что когда узналъ объ этомъ, то хотѣлъ требовать отъ Б. положительнаго отвѣта съ глазу на глазъ на вопросъ, когда этотъ господинъ перестанетъ съ нимъ обращаться, какъ обращается со школьникомъ несправедливый и капризный учитель? Въ поэмѣ же нѣтъ ни одного стиха, который могъ бы сконфузить даже самую строгую цензуру. Намѣреніе попросить категорическаго объясненія у Б. Александръ однако отложилъ, такъ какъ Б., во-первыхъ, не перемѣнитъ того, что рѣшилъ, а во-вторыхъ, можетъ еще хуже напакостить: мой сынъ хочетъ вручить императору своего Пугачева [2]), но мимо Б. не можетъ этого сдѣлать.

«Наташа чувствуетъ себя очень хорошо, и много выѣзжаетъ. Балы въ большомъ свѣтѣ безчисленны (les bals dans la haute société sont innombrables), а на одномъ изъ придворныхъ баловъ и я присутствовала на хорахъ, благодаря любезности генерала Раевскаго—пріятеля Александра и Леона. Хотѣла посмотрѣть на новые костюмы придворныхъ дамъ: пошли въ моду драгоцѣнные кокошники и бархатные шугаи, поверхъ сарафана. Все это великолѣпно. Въ этихъ нарядахъ отличались особеннымъ щегольствомъ графиня Соллогубъ, и сестра ея Обрѣскова. Много было на балѣ иностранныхъ принцевъ, посланниковъ; дамы блестѣли бриліантами, а кавалеры сіяли всевозможными знаками отличія въ залитыхъ огнями залахъ. Тутъ-то я и сострила: «на небѣ звѣзды и на землѣ звѣзды». Любуясь въ бинокль всѣмъ этимъ зрѣлищемъ, я, къ моему большому изумленію, увидѣла среди «звѣздъ»,—вотъ никакъ не ожидала,—фраки «храбраго капитана» и Соболевскаго. Леонъ,—впрочемъ, тоже въ орденахъ,—а Соболевскій безъ оныхъ, прогуливались подъ руку. Долго не могла сообразить, какимъ чудомъ эти два оригинала туда попали, не имѣя права входа. Оказалось, по протекціи того же Раевскаго, и князя Петра Вяземскаго. Леонъ, а разумѣется и его пріятель, зашли ко мнѣ съ визитомъ на хоры, и мой шалунъ, отвѣсивъ низкій поклонъ, возгласилъ съ комической важностью: «мама! я и Сергѣй какъ нельзя болѣе очарованы видѣть васъ среди нашего общества (maman! moi et Serge nous sommes on ne peut plus enchantés de vous voir au beau milieu de notre société). «Храбрый капитанъ» Петербурга на словахъ терпѣть не можетъ, а на дѣлѣ спѣшитъ со спектакля на спектакль, съ бала на балъ,—не хуже Александра; но веселится отъ души, а

---

[1]) Вѣроятно, бабка разумѣетъ «Мѣднаго Всадника», недопущеннаго цензурой къ печати. Л. П.

[2]) Въ декабрѣ Пушкинъ просилъ чрезъ Бенкендорфа разрѣшеніе представить на Высочайшее воззрѣніе рукопись «Исторіи Пугачевскаго бунта».

не является въ свѣтъ, какъ его братъ, по принужденію. Возвращается поздно, а потомъ спитъ до полудня (et dort ensuite la grasse matinée), такъ что не могу его добудиться... Говоритъ, что хотя онъ и не прочь былъ попировать съ друзьями, но никогда не отступалъ отъ рыцарской чистоты нравовъ, и во всемъ прочемъ, будто бы, непороченъ какъ голубица (pur comme une colombe). Все, что знаю—люблю его вдвое послѣ долговременной разлуки, а мысль о новой сжимаетъ мнѣ сердце.

«Онъ почти всякій день, если только не на балахъ, проводитъ время съ Соболевскимъ у Вяземскихъ, и восхищается умомъ, добротою и талантами дочерей князя Петра, не зная которой изъ нихъ отдать предпочтеніе... Намедни, однако, онъ меня перепугалъ: вышелъ во время мороза безъ теплой шубы, получилъ лихорадку, а потомъ, не смотря на пароксизмъ, полетѣлъ танцовать къ Вяземскимъ. На другой день ему сдѣлалось хуже. Тогда я ему рекомендовала противъ лихорадки средство очень непріятное, но вѣрное, на которое Леонъ согласился съ мужествомъ спартанца: не имѣть во рту въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ ни крошки, ни капли (pas une miette et pas une goutte). Какъ рукой сняло...

«О его другѣ Соболевскомъ, не могу тебѣ не сказать, что я очень имъ довольна. Онъ похорошѣлъ, и, побывавъ за границей, разстался съ медвѣжьими манерами обитателей сѣвернаго полюса; Александръ говоритъ, что заграничное путешествіе послужило этому господину сущимъ благодѣяніемъ, такъ что поѣздка затѣмъ Соболевскаго въ Москву, по словамъ Александра, обошлась безъ медвѣжьихъ манеръ. Очарованный Европой, Соболевскій сталъ сбивать и «храбраго капитана» съ толку, доказывая, что европейской войны не будетъ, а война съ горцами—игра не стоющая свѣчки. Mylord qu'importe смущалъ Леона совѣтами пристроиться къ какой-нибудь миссіи, въ Парижъ, Лондонъ или Вѣну, словомъ туда, гдѣ самъ побывалъ. «Капитанъ» разинулъ ротъ, да и съѣздилъ къ Александру, съ просьбою похлопотать у кого слѣдуетъ, но Александръ объявилъ, что такія мѣста предоставляются по большой протекціи да и то молодымъ людямъ, успѣвшимъ себя зарекомендовать дипломатическими способностями такъ же, какъ и Леонъ отличился уже военными. Къ этому Александръ,—приношу ему большое спасибо,—прибавилъ: «Если даже получишь желаемое, то съ такимъ несчастнымъ жалованьемъ, которое заставитъ тебя голодать, а нашихъ несчастныхъ родителей спрятаться въ деревню, ради возможности высылать кое-какія средства жить за границей, гдѣ не дешевле здѣшняго. Пристроить тебя въ Петербургѣ на должность съ приличнымъ вознагражденіемъ—другое дѣло: могу, а за границу—не берусь...» Этимъ дѣло и кончилось: Соболевскій замолчалъ, Леонъ возобновилъ мечты о Кавказѣ, и, какъ видишь, танцуетъ безъ устали, говоря, что онъ долженъ предаваться усиленному мо-

ціону, такъ какъ вообразилъ будто бы у него начало водяной. Мнителенъ не меньше Александра да моего мужа, а, между тѣмъ, не бережетъ себя».

Къ новому 1834 году Пушкинъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, и, не взирая на недоброжелательство Бенкендорфа, получилъ ссуду, въ размѣрѣ двадцати тысячъ рублей ассигнаціями, на печатаніе одобренной государемъ «Исторіи Пугачевскаго бунта» въ одной изъ казенныхъ типографій, по выбору автора. Эту послѣднюю милость Александръ Сергѣевичъ счелъ блистательной побѣдой надъ завистниками, распускавшими оскорбительные слухи, что онъ взялся за нелегкое историческое изслѣдованіе, очертя голову, будучи-де совершенно неспособенъ къ серьезному труду.

О первой милости Надежда Осиповна сообщаетъ моей матери отъ 26-го января 1834 года слѣдующее:

«Извѣстно ли тебѣ, милая Ольга, что Александръ, къ большому удовольствію жены, сдѣланъ камеръ-юнкеромъ? Представленіе ея ко двору въ среду, 17-го числа, увѣнчалось большимъ успѣхомъ. Участвуетъ на всѣхъ балахъ; и о ней вездѣ говорятъ: на балѣ у Бобринскихъ императоръ танцовалъ съ Наташей кадриль, а за ужиномъ сидѣлъ возлѣ нея. Говорятъ, на балѣ въ Аничковомъ дворцѣ моя невѣстка была поистинѣ очаровательна. Танцовала много, не будучи на ея счастье беременной».

«Согласія Александра быть камеръ-юнкеромъ и не спрашивали. Пожалованіе для него нечаянность, отъ которой не можетъ и опомниться. Никогда онъ этого не желалъ, а хотѣлъ ѣхать съ женой въ деревню на нѣсколько мѣсяцевъ, въ надеждѣ сдѣлать экономію; теперь же принужденъ расходоваться.

«Наташа всегда прекрасна, щегольски одѣта; вездѣ празднуютъ ея появленіе. Возвращается съ вечеровъ въ четыре или пять часовъ утра, обѣдаетъ въ 8 часовъ вечера; вставъ же изъ-за стола, идетъ переодѣваться, и опять уѣзжаетъ.

(Sais-tu chère Olga, qu'Alexandre est gentilhomme de la chambre, au grand contentement de Nathalie? Sa présentation à la cour mercredi—le 17 de ce mois—e été couronnée par le plus grand succès. Elle est de tous les bals, on ne parle que d'elle. Au bal des Bobrinski l'Empereur a dansé la française avec elle, et à souper il était assis auprès d'elle. On dit, qu'au bal du palais Аничковъ elle a été vraiment delicieuse. Elle ya dansé beaucoup, n'étant pas grosse, heureusement pour elle. On n'a pas demandé à Alexandre son consentement pour le faire gentilhomme de la chambre. C'etait une surprise, dont il ne revient pas: jamais il ne l'a désiré,—lui qui voulait partir pour la campagne avec sa femme pour quelques mois, ésperant économiser, se voit entraîné à faire des dépenses. Toujours belle, élégante, fêtée partout, Nathalie rentre chaque soir à quatre ou à cinq heures du

matin, dîne à 8 heures du soir, se lève de table pour faire sa toilette, et repart ensuite).

«Дѣти Александра прелестны»,—пишетъ бабка отъ того же числа.—«Мальчикъ хорошѣетъ съ часу на часъ. Маша не измѣняется, но слаба; у нея нѣтъ до сихъ поръ ни одного зуба, и насилу ходитъ. Напоминаетъ мою маленькую Сонечку, и не думаю, чтобы она долго прожила [1]). Маленькій Сашка большой любимецъ папаши и всѣхъ его пріятелей, но мамаша, дѣдушка и я предпочитаемъ Машку».

Александръ Сергѣевичъ дѣйствительно попалъ въ камеръ-юнкеры не думано не гадано, и сюрпризъ этотъ большого удовольствія ему на самомъ дѣлѣ не доставилъ. Онъ увидѣлъ, во-первыхъ, не только невозможность ограничить расходы, но и неизбѣжность новыхъ непомѣрныхъ издержекъ, не ограничивавшихся придворнымъ мундиромъ; на выручку же отъ продажи исторіи Пугачевскаго бунта, Пушкинъ смотрѣлъ лишь какъ на средства погашенія долговъ. Во-вторыхъ, будучи чувствителенъ ко всякимъ прискорбнымъ для его самолюбія намекамъ, Пушкинъ считалъ неловкимъ пародировать въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, наравнѣ съ молодыми людьми; (считалъ онъ себя въ тридцать четыре года пожилымъ человѣкомъ). Въ-третьихъ, ставя независимость выше всего, Александръ Сергѣевичъ стѣснялся оффиціальнымъ присутствіемъ на торжественныхъ выходахъ, придворныхъ обѣдахъ, церемоніалахъ. Высказалъ онъ свои мысли и въ письмѣ къ Натальѣ Николаевнѣ изъ Петербурга, весною того же года, сообщая слѣдующее:

«Третьяго дня возвратился я изъ Царскаго-Села, въ пять часовъ вечера; нашелъ на своемъ столѣ два билета на балъ 29-го апрѣля и приглашеніе явиться на другой день къ Литтѣ; я догадался, что онъ собирается мыть мнѣ голову за то, что я не былъ у обѣдни. Въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ же вечеръ узнаю отъ забѣжавшаго ко мнѣ Жуковскаго, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, и что онъ велѣлъ намъ это объявить. Литта во дворцѣ толковалъ съ большимъ жаромъ, говоря: «Il y a cependant pour messieurs de la cour des règles fixes, des règles fixes [2]), на что Нарышкинъ ему замѣтилъ: vous vous trompez, c'est pour les demoiselles d'honneur [3]). Я извинился письменно. Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моей сѣдой бородкой придется выступать съ Безобразовымъ и Реймерсомъ—ни за какія благополучія! J'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, какъ говоритъ

---

[1]) Предположеніе бабки оказалось совершенно ошибочнымъ: Марья Александровна Гартунгъ понынѣ, слава Богу, здравствуетъ. Л. П.

[2]) Существуютъ вѣдь для господъ придворныхъ правила постоянныя, правила постоянныя.

[3]) Ошибаетесь: правила установлены для фрейлинъ.

M-r Jourdain» [1]). Въ другихъ письмахъ Александръ Сергѣевичъ иронически называетъ жену «камеръ-пажихой».

Надъ запоздалымъ камеръ-юнкерствомъ Пушкина подсмѣивались—впрочемъ совершенно добродушно, какъ говорятъ французы, sans chercher noise — любившіе поэта отъ души, Левъ Сергѣевичъ, съ неизмѣннымъ своимъ спутникомъ Соболевскимъ, и князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Соболевскій, воспѣвшій тогда дядю Льва четверостишіемъ, по случаю невозможности тратиться «храброму капитану» на шампанское:

«Пушкинъ Левъ Сергѣичъ,
«Истый патріотъ,
«Тянетъ ерофеичъ
«Въ африканскій ротъ»,—

не пропустилъ оказіи угостить «старшаго» двустишіемъ:

«Сіяй, сіяй, о Пушкинъ камеръ-юнкеръ,
«Раззолоченный какъ клюнкеръ» [2]).

Риѳма Сергѣя Александровича чрезвычайно понравилась князю Вяземскому, который ею и воспользовался, письменно приглашая дядю Александра посѣтить поэта И. И. Мятлева:

«Надобно быть»,—заключаетъ свое письмо Вяземскій. «Пріѣзжай сегодня. Къ тому же Мятлевъ

«Любезный родственникъ, поэтъ и камергеръ,
«А ты ему родня—поэтъ и камеръ-юнкеръ;
«Мы выпьемъ у него шампанскаго на клюнкеръ,
«И будутъ намъ стихи на м—й манеръ»...

Александръ Сергѣевичъ, при свиданіи съ моей матерью въ слѣдующемъ 1835 году—высказалъ ей все, что онъ выстрадалъ со времени своего камеръ-юнкерства. По словамъ Ольги Сергѣевны, онъ сдѣлался тогда мученикомъ. Заботы денежныя, уязвленное самолюбіе, а также другое, самое мучительное чувство—ревность,—правда, ни на чемъ не основанная,—не давали ему покоя. Будучи свидѣтелемъ блистательныхъ успѣховъ Натальи Николаевны на вечерахъ большого свѣта, видя ее окруженною толпою великосвѣтскихъ всякаго возроста кавалеровъ, расточающихъ ей комплименты, дядя Александръ расхаживалъ по бальнымъ заламъ, изъ угла въ уголъ, наступая дамамъ на платья, мужчинамъ на ноги, и дѣлая другія тому подобныя неловкости; его бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Возвращаясь же домой, онъ не сообщалъ женѣ этихъ невыразимыхъ мученій, что̀ считалъ несовмѣстнымъ и съ достоинствомъ непороч-

---

[1]) Я предпочелъ бы чтобы меня высѣкли при всѣхъ (фраза главнаго лица комедіи Мольера «Мѣщанинъ во дворянствѣ»). Л. П.

[2]) Князь Вяземскій пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Открытіе золотой монеты «клюнкеръ» принадлежитъ Соболевскому, доказывавшему право существованія этой риѳмы на камеръ-юнкеръ». Л. П.

ной, вполнѣ преданной ему Натальи Николаевны, и съ своимъ собственнымъ. Не дѣлился Пушкинъ испытываемыми тяжелыми чувствами не только съ Соболевскимъ, и Вяземскимъ, но даже и съ естественнымъ другомъ своимъ—«храбрымъ капитаномъ», опасаясь его болтливости, и только черезъ годъ высказался сестрѣ. Будучи убѣжденнымъ, что нѣтъ ничего смѣшнѣе какъ высказывать чувства ревности,—тѣмъ болѣе ревности, не имѣющей подъ собою твердой почвы,—дядя таилъ въ себѣ снѣдавшія его муки. Если ко всему вышеизложенному прибавить сознаніе, что за всякимъ его шагомъ и на поэтическомъ поприщѣ, и въ общественномъ быту, слѣдятъ приставленные къ нему непрошенные аргусы, журнальные зоилы, словомъ, легіонъ враговъ явныхъ и тайныхъ, то можно лишь изумляться мужеству, съ какимъ онъ все это переносилъ. Между тѣмъ, не высказывая никому душевныхъ волненій, Пушкинъ, къ несчастію, обнаруживалъ, въ силу своей воспріимчивой натуры—внѣшнимъ обращеніемъ, именно то, чѣмъ страдалъ. Скорбь поэта не ускользнула, такимъ образомъ, отъ его личныхъ враговъ: они провѣдали слабую струну его, слабое мѣсто его обороны.

И вотъ, въ томъ же 1834 году,—такъ, по крайней мѣрѣ, полаагала моя мать,—обрисовываются первые шаги страшнаго заговорлюдей, положившихъ стерѣть Александра Сергѣевича съ лица земли. Низкая подготовительная работа этихъ союзниковъ относится именно, по словамъ моей матери, къ фатальному для поэта 1834 году. Врагамъ не доставало только слѣпого орудія. Такимъ манекеномъ оказался, наконецъ, Дантесъ-Гекеренъ, появившійся на сцену лѣтомъ того же года, о чемъ вскорѣ и скажу.

Но возвращаюсь къ событіямъ, и, не забѣгая впередъ, продолжаю извлеченія изъ писемъ дѣда и бабки къ моей матери.

«Александръ»,—пишетъ бабка отъ 13 февраля,—«непремѣнно хочетъ ѣхать въ деревню, и подать въ отпускъ, необходимый для его здоровья и кармана (il veut demander un congé, qui serait on ne peut plus salutaire et pour sa santé, et pour sa poche), а Наташа тоже располагаетъ уѣхать весною въ Ярополъцы, гдѣ и хочетъ пробыть до августа. Александръ заходитъ рѣдко, за то присылаетъ намъ часто съ нянюшкой маленькую Машу; онъ и Леонъ очарованы Соболевскимъ, и съ нимъ неразлучны, а Соболевскій отростилъ бороду, что̀ дѣлаетъ его очень смѣшнымъ, заставляя обращать на него общее вниманіе, почему и вращается лишь въ мужской компаніи. Изъ дамъ принимаютъ его, только княгиня Вяземская, княгиня Одоевская и Софья Всеволожская. Напрасно я такъ расхваливала тебѣ его манеры, пріобрѣтенныя за границей. Принялся за старое...

«Князь Паскевичъ здѣсь», —сообщаетъ отъ того же числа Сергѣй Львовичъ.—«Александръ и Леонъ ему представились. Обоихъ обласкалъ, и передалъ имъ, что часто тебя видитъ у своей жены,

что ты танцовала съ нимъ мазурку на послѣднемъ костюмированномъ балѣ, и совершенно здорова, за что благодарю Бога. Иванъ Ѳедоровичъ [1]) пригласилъ Александра къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ и говорилъ съ нимъ о его сочиненіяхъ, а потомъ вышелъ въ гостиную, и пожавъ руку Леону, который тамъ ожидалъ конца аудіенціи, сказалъ моему «младшему», что всегда и вездѣ готовъ ему быть полезнымъ. Леонъ поступилъ при этомъ очень недогадливо. Что бы ему стоило указать фельдмаршалу, гдѣ онъ хочетъ продолжать свою карьеру, а то поклонился, и больше ничего. Лелька желаетъ, если не на Кавказъ, то совершить кругосвѣтное путешествіе, въ ожиданіи чего путешествуетъ по Невскому проспекту. (Lolka désire—sinon de se trouver au Caucase,—faire le tour du monde; en attendant il fait le tour de la perspective). А на Леона долженъ тебѣ пожаловаться: вообрази, сегодня получаю письмо изъ Варшавы отъ его кредитора, какого-то Гута. Леонъ задолжалъ ему за съѣстное и выпиваемое [2]). Заплатить мнѣ за Леона теперь невозможно, и признаюсь, огорченъ самымъ предметомъ долга (l'objet et la nature de cette dette me fait mal). Леону я ни слова, но сообщилъ все Александру. Онъ меня успокоилъ, говоря, что дѣло это возьметъ на себя.

О болѣзни Натальи Николаевны бабка отъ 9-го марта сообщаетъ:

«Масляница завершилась блистательнымъ баломъ во дворцѣ. Никогда еще, на сколько помню, здѣсь не встрѣчали такъ шумно великій постъ; устали всѣ наши красавицы (toutes nos belles dames sont harassées de fatigue). Наташа въ воскресенье, на послѣднемъ балѣ во дворцѣ, послѣ двухъ туровъ мазурки, почувствовала себя очень дурно, и только-что успѣла удалиться въ кабинетъ императрицы, подверглась сильнымъ болямъ, и, пріѣхавъ домой, выкинула. И вотъ она въ постели послѣ зимнихъ увеселеній. Я же говорила, что она беременна, но ея тетка утверждала противное. Теперь и удивляется, что правда была на моей сторонѣ. Наташа на этотъ разъ не страдала недугами, неразлучными съ беременностью, и вотъ почему не вѣрила, что находится въ такомъ положеніи, и далеко не радуется этому случаю. Александръ растерянъ такъ, какъ никогда не бывалъ. (Nathalie, se trouvant au dernier bal au palais, qui avait lieu dimanche, s'est trouvée mal après deux tours de mazourka; à peine a t'elle eu le temps de se retirer dans le cabinet de l'Imperatrice; elle a senti des douleurs si fortes, qu'en rentrant à la maison, elle a fait une fausse couche. La voilà au lit après les amusements d'hiver, étant enceinte de deux mois; j'avais beau dire qu'elle l'etait, mais sa tante soutenait le contraire; maintenant elle est étonnée que j'avais raison. Nathalie n'a pas eu cette fois-ci ces

---

[1]) Имя и отчество написано порусски. Л. П.

[2]) Послѣдняя фраза порусски.

malaises, qu'on éprouve ordinairement dans les grossesses; voilà pourquoi elle n'a pas voulu croire, qu'elle etait enceinte. Elle est bien loin de ce rèjouir de cet accident. Alexandre est plus distrait que jamais). Не могу говорить ему и о твоей беременности до поры до времени. Зачѣмъ умножать его безпокойства? А о твоей беременности сообщили мнѣ наши милыя Тригорскія сосѣдки; онѣ, то есть Нетти Вульфъ и сестра ея Вревская, пріѣхали сюда посмотрѣть на масляницу, и гостятъ у насъ. Узнали о твоемъ положеніи отъ Бутурлина и Аничкова, съ которыми встрѣтились».

О болѣзни Натальи Николаевны дядя въ апрѣлѣ того же года сообщаетъ Нащокину:

«Вообрази, что жена моя надняхъ чуть не умерла. Нынѣшняя зима была ужасно изобильна балами: на масляницѣ танцовали уже два раза въ день. Наконецъ, настало послѣднее воскресенье передъ великимъ постомъ. Думаю, слава Богу, балы съ плечъ долой. Жена во дворцѣ. Вдругъ, смотрю—съ нею дѣлается дурно; я увожу ее, и она, пріѣхавъ домой, выкидываетъ. Теперь она (чтобъ не сглазить), слава Богу, здорова, и ѣдетъ надняхъ въ Калужскую деревню къ сестрамъ, которыя ужасно страдаютъ отъ капризовъ моей тещи».

«Сегодня Александръ былъ у насъ», — сообщаетъ Сергѣй Львовичъ,—«и очень обрадовался провести пару часовъ (une couple d'heures) съ нашими милыми гостями, обитательницами дорогого его сердцу Тригорскаго, но душевно сожалѣлъ объ отсутствіи Алексѣя Вульфа, который кутитъ въ Тригорскомъ вмѣстѣ съ Сердобинымъ и Шенигомъ. Александръ мнѣ сказалъ, что Наташѣ лучше, но дѣло еще не кончено (Alexandre m'a dit, que Nathalie va mieux, mais ce n'est pas entièrement fini).

«Александръ доволенъ, что его жена разстанется съ балами и уѣдетъ отсюда на шесть мѣсяцевъ, лишь только поправится. Онъ желаетъ тоже разстаться съ Петербургомъ, но говоритъ, что это невозможно, такъ какъ долговременному пребыванію въ деревнѣ мѣшаютъ и его камеръ-юнкерство, и визиты по архивамъ. Подавать же въ отставку считаетъ тоже невозможнымъ, послѣ оказаннаго ему высочайшаго вниманія.

«Болѣзнь Наташи очень его перепугала. Сашка осунулся, а Леонъ, который его любитъ такъ, какъ никто, не можетъ смотрѣть на брата безъ слезъ».

И, дѣйствительно, дядя Левъ хотя и напускалъ на себя философское равнодушіе, вникалъ, какъ нельзя болѣе, въ положеніе обожаемаго имъ брата, передъ всякимъ словомъ котораго преклонялся. Мать мнѣ сообщила, что дядя Левъ, послѣ того, какъ долгъ Гуту сдѣлался извѣстнымъ, сказалъ брату-поэту: «Пожалуйста не безпокойся обо мнѣ. Не стою твоихъ хлопотъ; самъ расправлюсь, а тебя прошу не платить за меня ни копѣйки. Иначе меня обидишь»...

Процессъ съ Гутомъ кончился, однако, при содѣйствіи Александра Сергѣевича, но дядя Левъ не остался въ долгу, и уплатилъ брату причитавшуюся сумму.

«Александръ остается въ городѣ на неопредѣленное время, — пишетъ Сергѣй Львовичъ, отъ 6-го апрѣля,—а Наташа уѣзжаетъ на будущей недѣлѣ. Болѣзнь ея не оставила по себѣ слѣдовъ, и Александръ напрасно тревожится; онъ весь—страданіе. Вчера его видѣлъ; говоритъ, что жизнь ему какъ нельзя болѣе надоѣла. За то «храбрый капитанъ» не унываетъ. Къ большому нашему прискорбію Леонъ подалъ, насъ не спрашивая, прошеніе опредѣлиться на Кавказъ; желаетъ служить подъ начальствомъ своего пріятеля Розена. Мнѣ это больно: опять мнѣ, старику, только-что обрадовавшемуся желаннымъ свиданіемъ съ Леономъ—суждено съ нимъ разлучиться, а, можетъ быть, разлучиться навѣки! Но покоряюсь волѣ Провидѣнія! Александръ—отрѣзанный кусокъ для насъ [1]), ты далеко... нечего сказать, весело намъ!..

«Боже мой! чѣмъ бы я ни пожертвовалъ, чтобы опять быть съ тобою! Но, къ моему большому горю, нѣтъ у меня средствъ на поѣздку въ Варшаву! Пріѣхать же тебѣ къ намъ, при твоемъ положеніи, теперь невозможно. Зачѣмъ, Боже мой, ты такъ далеко отъ насъ?! Но Богъ милостивъ; быть можетъ, пріѣдешь къ намъ къ тому времени, когда тебѣ суждено будетъ увидѣть кровь отъ твоей крови—младенца, за котораго и я готовъ пожертвовать моею кровью! А какъ мы были бы счастливы благословить этого бѣднаго младенца!..»

(Mais Dieu est la bonté même; peut etre tu viendras chez nous, vers l'heure suprême, quand tu verras le sang de ton sang—ton enfant, pour lequel je serai prêt à verser la dernière goutte de mon sang! Et comme nous serions heureux de bénir ce pauvre enfant!)

«Наташа располагала выѣхать въ Москву»,—сообщаетъ Надежда Осиповна отъ 9-го апрѣля,—«но простудилась и раньше четырехъ дней не тронется. Опасались жабы (elle a manqué d'avoir une esquinencie); слава Богу, захватили во-время, такъ что и мнительный Александръ успокоился. Отправляетъ одну съ дѣтьми, проклиная Петербургъ, и говоритъ отслужить молебенъ (qu'il chantera un Te Deum), когда будетъ увѣренъ, что Наташа избавилась отъ баловъ, да спектаклей. Вполнѣ его понимаю. Затѣмъ скажу пару словъ и о себѣ: но не тревожься, милая Оля. Если бы я заболѣла серьезно, не могла бы писать тебѣ пространное письмо. Дѣло въ томъ, что Петербургъ и меня наказалъ простудой, а простудилась послѣ того, когда по моей неосторожности очутилась на хорахъ во дворцѣ — о чемъ тебѣ писала. Страдала всю прошлую недѣлю лихорадкой; она прошла, но затѣмъ обнаружилось страданіе печени. Какъ увѣ-

[1]) Эта фраза порусски.

ряетъ Спасскій, котораго знаешь, — это болѣзнь хроническая; пожелтѣла я какъ лимонъ, аппетитъ и сонъ уничтожился; но теперь чувствую себя гораздо лучше. Нева разошлась, погода прелестная, а послѣ отъѣзда Наташи, мы тоже здѣсь не останемся.

«Александръ упрямъ. Если не можетъ ѣхать съ Наташей въ Яропольцы, то почему же не послушаться насъ и не отлучиться изъ Петербурга недѣльки на двѣ отдохнуть въ Михайловскомъ? Петербургъ вѣдь оттуда недалеко»...

Болѣзнь бабки оказалась гораздо серьезнѣе, чѣмъ она предполагала, и черезъ два года свела ее въ могилу.

14-го Апрѣля 1834 года Наталья Николаевна уѣхала къ роднымъ съ обоими дѣтьми, а дядя оставался до половины августа въ сѣверной столицѣ.

Левъ Павлищевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

РЕСПУБЛИКАНЕЦЪ ПРИ РУССКОМЪ ДВОРѢ [1]).

НА НЕБОЛЬШОМЪ островѣ мѣстечка Ролле, лежащаго на берегу Женевскаго озера, стоитъ незатѣйливый памятникъ, поставленный благодарными гражданами Ваадтскаго кантона, какъ скромная дань великимъ заслугамъ неутомимаго борца за свободу отечества, республиканца, Фридриха Цезаря Лагарпа.

Свободный мыслитель, ученикъ философовъ XVIII в., самъ философъ, мечтатель и теоретикъ, Лагарпъ, по своей натурѣ не былъ способенъ къ роли политическаго дѣятеля; его назначеніе было работать въ тиши кабинета во имя науки, бесѣдовать съ авторами античнаго міра, погружаться въ глубокіе вопросы философской мудрости, распространяя вокругъ себя свѣтлые лучи познанія и истины. Но судьба судила другое и обратила его изъ скромнаго ученаго въ крупнаго политическаго дѣятеля, употребившаго лучшіе годы своей жизни на осуществленіе великой идеи освобожденія

---

[1]) Источниками для настоящаго очерка послужили: 1) Ненапечатанныя письма Лагарпа къ неизвѣстному лицу, находящіяся въ собраніи автографовъ П. Я. Дашкова; 2) Письма къ Лагарпу Александра I и др. особъ царствующаго дома, напечатанныя въ Сб. Ист. Общ., т. V; 3) Лагарпъ въ Россіи. «Р. Арх.» 1866 г.; 4) Отчеты Лагарпа по воспитанію Вел. Кн. «Р. Ст.» 1870 г.; 5) Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, Я. К. Грота, въ Зап. Ак. Наукъ, 1884 г.; 6) Фридрихъ Цезарь Лагарпъ, ст. М. И. Сухомлинова въ «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1871 г.; 7) «Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I», А. Н. Пыпина, «В. Евр.» 1870 г.; 8) «Исторія царствованія Александра I», М. Богдановича.

родного Ваадтланда отъ зависимости бернской аристократіи и признанія его равноправности съ остальными кантонами Швейцаріи. Будучи душею, главнымъ орудіемъ Швейцарской революціи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ призванъ осуществить на дѣлѣ, провести въ жизнь новосозданнаго государства принципы обновленной власти, а къ этому-то онъ менѣе всего и былъ способенъ. «Лагарпъ не способенъ ни повиноваться, ни повелѣвать», — такъ характеризовалъ его Наполеонъ, и, дѣйствительно, его теоретическая мудрость оказалась несостоятельною въ примѣненіи къ жизни. Другъ свободы, равенства и независимости, какъ величалъ себя самъ Лагарпъ, былъ провозглашенъ своимъ же народомъ виновнымъ въ преступномъ заговорѣ противъ народа, въ посягательствѣ на права народныхъ собраній. Лагарпъ—душа революціи, яростный врагъ и обличитель тираніи, и Лагарпъ — глава новаго республиканскаго правительства, два совершенно противуположныхъ дѣятеля. Но каковы бы ни были ошибки и промахи этого замѣчательнаго швейцарскаго гражданина, отечество обязано ему установленіемъ политическаго равновѣсія кантоновъ и признаніемъ на Вѣнскомъ конгрессѣ своего нейтралитета. Достигнуть этихъ результатовъ удалось отъявленному республиканцу только черезъ посредство неограниченнаго монарха, отъ котораго, казалось бы, по примѣру другихъ владыкъ, меньше всего можно было ожидать поддержки республиканскимъ принципамъ... Недаромъ потратилъ Лагарпъ 12 лучшихъ лѣтъ своей жизни на воспитаніе русскаго великаго князя и обильную жатву взялъ онъ впослѣдствіи съ этого воспитанія. Если Александръ I при всякомъ удобномъ случаѣ заявлялъ своему воспитателю, что «онъ обязанъ ему всѣмъ, кромѣ рожденія», обязанъ «нравомъ, правилами, нравственностью, немногими познаніями, которыя онъ могъ пріобрѣсти въ гораздо большомъ количествѣ, еслибъ лучше воспользовался неисчислимыми попеченіями, за которыя онъ никогда съ нимъ иначе расплатиться не можетъ, какъ своими безграничными преданностью и уваженіемъ», если Александръ считалъ нужнымъ такъ чистосердечно все это заявлять, то и Лагарпъ съ своей стороны долженъ бы былъ сознаться, что его воспитанникъ возвратилъ ему сторицею за всѣ попеченія и, конечно, оказался болѣе полезенъ своему воспитателю, чѣмъ тотъ ему. Многіе современники относились даже недоброжелательно къ полурусскому, полуфранцузскому воспитанію Александра съ преобладаніемъ началъ, чуждыхъ русской жизни, воспитанію, которое наполняло голову юноши «странною смѣсью философскихъ и либеральныхъ идей XVIII в. съ самыми строгими требованіями неограниченной власти». Нашъ знаменитый баснописецъ взялъ даже воспитаніе великаго князя темою для басни «Воспитаніе Льва», гдѣ на примѣрѣ звѣрей мѣтко указалъ на вредъ иноземнаго воспитанія. По его словамъ:

«..... Пользы нѣтъ большой тому знать птичій бытъ,
«Кому звѣрьми владѣть поставила природа
«И что важнѣйшая наука для царей
«Знать свойства своего народа
«И выгоды земли своей».

Благодаря началамъ, лишеннымъ строгой опредѣленности и устойчивости, посѣяннымъ республиканцемъ-воспитателемъ, Александръ I явился загадкой для современниковъ и въ царствованіи своемъ представилъ рѣзкіе переходы отъ идеалистически-либеральныхъ идей Лагарпа и конституціонныхъ наклонностей Чарторыйскаго, къ мистическому массонству и капральской выправкѣ Аракчеева. Вотъ почему и можно отнестись скептически къ высокомѣрному заявленію Лагарпа, что «Провидѣніе, повидимому, возымѣло сожалѣніе о милліонахъ людей, обитающихъ въ Россіи, но лишь Екатерина II могла пожелать, чтобы ея внуки были воспитаны какъ люди». Скорѣе можно сказать, что Провидѣніе сжалилось надъ угнетеннымъ отечествомъ Лагарпа и послало ему освобожденіе въ награду за труды по воспитанію, попеченія и заботы о русскомъ великомъ князѣ швейцарскаго изгнанника.

I.

Сынъ небогатыхъ родителей изъ дворянъ Ваадтскаго кантона, Фридрихъ Цезарь Лагарпъ, получилъ первоначальное образованіе въ Ролльскомъ коллегіумѣ. Нервный, впечатлительный мальчикъ уже съ ранняго возроста выказывалъ чрезвычайную любознательность въ наукахъ, изъ которыхъ древняя исторія составляла любимый предметъ его занятій. Дѣтскія игры, сообщество сверстниковъ не доставляли ему никакого удовольствія; онъ рано началъ любить уединеніе и уноситься въ міръ грезъ и пылкихъ мечтаній. Единственный человѣкъ, съ которымъ онъ рѣшался еще дѣлиться дѣтскими впечатлѣніями, былъ нѣжно любимый отецъ, въ сердцѣ котораго онъ находилъ струны, отвѣчавшія его пылкимъ рѣчамъ. Въ прогулкахъ съ отцемъ, въ разсказахъ послѣдняго о герояхъ отечества, о бѣдствіяхъ, перетерпѣнныхъ Ваадтландомъ отъ гнета бернской аристократіи, впервые почерпнулъ молодой Лагарпъ источникъ своихъ жизненныхъ идеаловъ и убѣжденій. Тутъ впервые, по собственному его сознанію, «понялъ онъ цѣну свободы, ощутилъ въ себѣ республиканскія наклонности» и «поклялся любить справедливость и народъ». Древняя исторія Роллена сдѣлалась его настольной книгой и часто, убѣгая окружающей дѣйствительности, бродя по живописнымъ горамъ Ваадтланда или по берегу Женевскаго озера, тринадцатилѣтній мальчикъ воображалъ себя дѣятелемъ Аѳинской или Римской республики, свидѣтелемъ великихъ

битвъ и гражданскихъ подвиговъ, слышалъ бряцаніе оружія, звонъ разбиваемыхъ цѣпей, гулъ народнаго рукоплесканія, и одна яркая картина классическаго міра смѣняла другую, наполняя его мысль образами и душу благородными порывами. Но рамки Ролльскаго коллегіума скоро стали тѣсны и четырнадцатилѣтній Лагарпъ былъ переведенъ въ Граубюнденъ въ Гальденштейнскую семинарію извѣстнаго въ то время философа-педагога Наземана. Эта семинарія была организована по образцу Римской республики, гдѣ воспитанники представляли собою народъ и избирали изъ своей среды должностныхъ лицъ: консуловъ, трибуновъ, преторовъ и пр.

То, о чемъ мечталъ Лагарпъ нѣкогда на берегу Женевскаго озера, явилось передъ нимъ теперь воочію, и онъ окунулся со всѣмъ пыломъ кипучей молодости въ жизнь этой миніатюрной республики, чтобы выйти впослѣдствіи изъ нея на всю жизнь закаленнымъ республиканцемъ. Здѣсь, въ этомъ разсадникѣ будущихъ дѣятелей Швейцарской революціи, впервые возсталъ передъ нимъ неясный образъ Гельветической республики, образъ которому впослѣдствіи суждено было осуществиться. Окончивъ блестяще общеобразовательный курсъ семинаріи, онъ переѣхалъ довершить свое образованіе въ Женеву, гдѣ занятія философіей открыли передъ нимъ невѣдомый и обаятельный міръ. Изъ всѣхъ философовъ школа Локка по глубинѣ и стройности содержанія наиболѣе пріобрѣла его симпатіи. Но пора была спеціализироваться и подумать объ обезпеченіи себѣ общественнаго положенія, и вотъ Лагарпъ, по указанію доктора правъ Фавра, останавливается на юридической карьерѣ, для чего переселяется въ Тюбингенъ. Здѣсь онъ основательно проходитъ курсъ тогдашней юриспруденціи и дѣлается страстнымъ поклонникомъ идей Монтескьё. Теперь 20-тилѣтній докторъ правъ, во всеоружіи тогдашней учености, вступаетъ на практическое поприще въ званіи адвоката при высшей Ролльской апелляціонной камерѣ. Общество города Лозанны, гдѣ сосредоточивалась вся умственная жизнь Швейцаріи и гдѣ проводилъ Лагарпъ все свое свободное отъ служебныхъ занятій время, широко раскрыло двери передъ молодымъ и блестящимъ адвокатомъ. Здѣсь онъ сошелся съ извѣстнымъ писателемъ Бриделемъ и многими другими учеными и общественными дѣятелями и вскорѣ былъ избранъ единогласно членомъ Литературнаго Общества, имѣвшаго цѣлью «изыскать истину совокупными силами въ области теоретической и нравственной философіи, литературы и изящныхъ искусствъ». Вскорѣ, однако, столкновеніе съ однимъ изъ представителей бернской олигархіи побудило его нетолько проститься съ добрыми друзьями, но и съ отечествомъ. Дѣло въ томъ, что члены Верховнаго Суда, знаменитые бернскіе господа, относились крайне презрительно и высокомѣрно къ гражданамъ кантоновъ, подчиненныхъ имъ съ 1536 г. Лагарпъ, по своему вспыльчивому характеру, неминуемо долженъ

былъ столкнуться рано или поздно съ аристократической властью и однажды, на рѣзкое замѣчаніе одного правительственнаго чиновника: «мы не потерпимъ новаторскаго духа, и вы должны помнить, что вы наши подчиненные», гордо отвѣтилъ: «мы не признаемъ другой власти, кромѣ республики и законовъ». Этотъ отвѣтъ рѣшилъ его участь, и онъ долженъ былъ покинуть служебную карьеру и Бернъ. Оставаться въ отечествѣ было не безопасно, такъ какъ правительство врядъ ли оставило бы въ покоѣ гражданина, обнаружившаго съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности духъ строптивости и свободомыслія. Невольно взоры молодого республиканца обратились на Новый Свѣтъ, гдѣ въ то время Сѣверо-Американскіе штаты энергично вели борьбу за независимость, при всеобщемъ сочувствіи передовыхъ людей Европы, видѣвшихъ въ этой борьбѣ осуществленіе идей Руссо. Поѣздка Лагарпа къ заатлантическимъ братьямъ была уже рѣшена, какъ вдругъ къ нему обратились, по указанію извѣстнаго писателя Гримма, бывшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ русскою императрицею Екатериною II, родственники генерала Ланскаго съ просьбою сопутствовать младшему Ланскому въ его путешествіи по Италіи. Цѣль путешествія заключалась въ томъ, чтобы заставить молодого человѣка позабыть любимую имъ молодую дѣвушку. Государыня, принимавшая участіе въ Ланскихъ, была недовольна этою связью, и Гриммъ, съ которымъ она вела дѣятельную переписку, указалъ на Лагарпа, какъ на человѣка, находившагося въ то время не у дѣлъ и могшаго оказать на увлекшагося Ланскаго желаемое вліяніе.

И, дѣйствительно, менторъ оказался на высотѣ своего призванія, разсѣялъ грустныя чувства молодого офицера, вызванныя разлукою, и заставилъ его позабыть о предметѣ его страсти. Блестящее выполненіе возложеннаго порученія заслужило Лагарпу признательность Ланскихъ и самой Екатерины, которой Гриммъ сообщилъ выдержки изъ отчета о путешествіи. «Умъ и здравый смыслъ Лагарпа,—писала государыня Гримму,—до того очаровали присутствующихъ и отсутствующихъ, онъ такъ хорошо повелъ дѣло, что оно приняло именно тотъ оборотъ, котораго мы желали, и онъ заслужилъ признательность обѣихъ сторонъ. Поэтому, я желаю, чтобы Лагарпъ сопровождалъ своего спутника до Петербурга, гдѣ безъ сомнѣнія получитъ приличное вознагражденіе». Въ началѣ 1783 г. менторъ доставилъ благополучно своего Телемака въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ милостиво императрицею и ему было предложено остаться въ Россіи.

Иностранцы, особенно съ республиканскимъ пошибомъ, были тогда въ модѣ. Государыня увлекалась ученіями энциклопедистовъ, переписывалась съ Вольтеромъ, а ко времени пріѣзда Лагарпа была особенно озабочена воспитаніемъ своего любимаго старшаго внука, Александра Павловича во вкусѣ просвѣтительныхъ началъ фило-

софовъ второй половины XVIII вѣка. Съ этою цѣлью ею была составлена въ 1784 г. обширная педагогическая инструкція, въ основаніе которой было положено сочиненіе Локка «о человѣческомъ разумѣніи».

Лагарпъ, зачисленный къ тому времени въ штатъ лицъ, назначенныхъ для воспитанія великаго князя и долженствовавшій преподавать французскій языкъ, какъ бы въ отвѣтъ на эту инструкцію представилъ мемуаръ, въ которомъ, такъ сказать, высказывалъ свое педагогическое profession dè foi. Эта исповѣдь ученика энциклопедистовъ какъ нельзя болѣе совпадала съ основаніями инструкціи Екатерины и отвѣчала на вопросъ, чѣмъ долженъ быть будущій правитель и какимъ путемъ это достигается. «Спрашивать, нужно ли, чтобы будущій правитель былъ философомъ, значитъ спрашивать, долженъ ли онъ сознавать свои обязанности, долженъ ли стараться исполнять ихъ—словомъ, долженъ ли онъ быть достойнымъ гражданиномъ», таковъ взглядъ автора мемуара. Путь, которымъ это достигается, есть правильное воспитаніе, благотворно дѣйствующее на разумъ и нравъ, развивая самосознаніе и рѣшимость хорошо жить и умереть. Съ этою цѣлью Лагарпъ вводитъ въ программу своего курса преподаваніе философіи и, въ заключеніи, выражаетъ надежду, что ему поручатъ чтеніе великимъ князьямъ не одного только французскаго языка. Екатерина осталась довольна представленымъ философско-педагогическимъ трактатомъ и положила резолюцію: «Дѣйствительно, ктб составилъ подобный мемуаръ, тотъ способенъ преподавать не одинъ только французскій языкъ».

Такимъ образомъ, судьба Лагарпа была рѣшена и онъ былъ назначенъ помощникомъ воспитателя великихъ князей, графа Ник. Ив. Салтыкова, человѣка простого, добраго, угодливаго и неотличавшагося ни особеннымъ умомъ, ни образованіемъ. Конечно, Лагарпъ по своему развитію и знаніямъ стоялъ много выше его и de facto сдѣлался настоящимъ воспитателемъ. Съ жаромъ и истинною любовью приступилъ онъ къ своимъ новымъ обязанностямъ: роль руководителя царственныхъ дѣтей была ему по сердцу, его воображенію рисовались идеальныя перспективы. Съ особенною любовью останавливался онъ на будущности Александра, который съ первыхъ же дней пріобрѣлъ его особенныя симпатіи. «Изъ него я воспитаю,—такъ мечталъ Лагарпъ,—человѣка-друга свободы, покровителя наукъ и искусствъ, который явится въ міръ провозгласить идеи равенства и независимости. Какъ счастливъ будетъ управляемый имъ народъ: въ его государствѣ воздвигнутся многочисленныя школы, университеты, будетъ процвѣтать торговля и мирные землепашцы, благословляя своего монарха, съ любовью обратятся къ своимъ сельскимъ работамъ, пышная аристократія сниметъ свои раззолоченные кафтаны, при дворѣ стихнутъ интриги и

козни и всѣ обратятся къ занятіямъ, облагораживающимъ умъ и сердце». Лагарпъ былъ глубоко убѣжденъ, что основанія, почерпнутыя имъ изъ философскихъ системъ, могутъ послужить противоядіемъ противъ всѣхъ общественныхъ недуговъ и разрѣшатъ всѣ противорѣчія жизни.

Положеніе Лагарпа при дворѣ Екатерины было довольно фальшивое: и онъ самъ косился на знатныхъ вельможъ, и ему отвѣчали тѣмъ же. Онъ по принципу ненавидѣлъ эту знать за ея богатство, за почести, за смѣсь до-Петровскаго боярства съ недозрѣвшимъ европеизмомъ, по этому избѣгалъ появляться при дворѣ и свободное отъ занятій съ питомцами время посвящалъ перепискѣ съ швейцарскими друзьями, приготовленію къ урокамъ и изготовленію отчетовъ по воспитанію; но любимымъ его занятіемъ было попрежнему чтеніе классическихъ жизнеописаній Катона, Арата, Ю. Брута, Демосѳена и др. На примѣрѣ этихъ людей учился онъ жить, терпѣть и, углубляясь въ чтеніе, говорилъ себѣ: «Великія заслуги и высокія добродѣтели этихъ людей давали имъ столько права на счастіе, но они въ свое время были не признаваемы, угнетаемы и тѣмъ не менѣе не переставали идти по начертанному пути; а неужели меня мелкія противорѣчія, незначущія обиды и тому подобныя неудачи могутъ заставить отказаться отъ моей задачи, между тѣмъ какъ благодаря постоянству, можно было способствовать сохраненію лучшаго будущаго для 40 милліоновъ людей!» Придворный міръ не любилъ иностранца-воспитателя, какъ выскочку, но терпѣлъ его до поры до времени, не выказывая явной антипатіи изъ угоды государынѣ. Въ обществѣ же смотрѣли на него разно: одни, видя въ немъ послѣднее слово западной науки и представителя революціонной доктрины, считали его за авторитетъ и заискивали въ немъ, другіе, болѣе скептическіе и неохотники до компромиссовъ, удивлялись его способности уживаться при революціонномъ образѣ мыслей съ близостью къ трону неограниченной монархини и говорили, какъ, напримѣръ, Н. Тургеневъ: «Какъ странно, что республиканцы по рожденію, поселяясь въ странѣ, находящейся подъ правленіемъ діаметрально противоположнымъ образу правленія на ихъ родинѣ, прекрасно умѣютъ уживаться и благоденствовать подъ самодержавнымъ правленіемъ; они даже легко мирятся съ рабствомъ, одна идея котораго возмущаетъ теоретическихъ республиканцевъ». Въ этомъ замѣчаніи Тургенева, какъ увидитъ читатель далѣе, было не мало правды.

Кромѣ Лагарпа, преподавателями при великихъ князьяхъ состояли: русскаго языка М. Муравьевъ, извѣстный писатель въ сантиментально-философскомъ родѣ, проникнутый идеями энциклопедистовъ и по своему направленію подходившій подстать Лагарпу; закона Божьяго—протоіерей Самборскій, человѣкъ лишенный глубокихъ убѣжденій, ловкій и свѣтскій дипломатъ, не отли-

чавшійся ни богословскими познаніями, ни религіозно-нравственными качествами. Государыня, по свидѣтельству Морошкина, остановила на немъ свой выборъ, имѣя въ виду предохранить Александра отъ религіознаго фанатизма и поставить его выше всѣхъ вѣроисповѣдныхъ истинъ. Салтыковъ, главный воспитатель, слѣдилъ преимущественно затѣмъ, чтобы дѣти не простужались, не болѣли, знакомилъ ихъ въ подробностяхъ съ придворною политикою и этикетомъ, а также служилъ посредникомъ между императрицею и остальными учителями при ея внукахъ. Вся обстановка содѣйствовала укрѣпленію вліянія Лагарпа на питомцевъ, изъ которыхъ въ особенности Александръ привязался къ нему всею душею. Этому не мало содѣйствовало то ненормальное положеніе, которое дѣти занимали при дворѣ своей бабки и въ которое были поставлены по отношенію родителей. De facto они воспитывались, какъ сироты при большомъ дворѣ и свиданія ихъ съ отцомъ и матерью были неохотно дозволяемы государыней, которая не любила своего сына, боялась его вліянія на внуковъ и даже надѣялась въ лицѣ Александра видѣть своего преемника, минуя законнаго наслѣдника. Дѣти, при свиданіи съ родителями, не смѣли высказывать нѣжности и ласки, да и не чувствовали въ этомъ потребности, такъ какъ совершенно ихъ не знали; напротивъ, при встрѣчѣ съ фаворитами и временщиками, они, въ угоду Екатеринѣ, должны были быть съ ними привѣтливы, ласковы и нерѣдко выслушивать ихъ неделикатные отзывы объ отцѣ, ибо все, что касалось Павла Петровича и его малаго двора осуждалось и поносилось ими. Появленіе около дѣтей новой личности, обращавшейся съ ними запросто, задушевно, оказало на нихъ сильное впечатлѣніе и расположило къ воспитателю ихъ дѣтскія сердца. Сюда присоединилась способность Лагарпа бесѣдовать горячо, интересно и, въ увлеченіи разговора, позабывать, что передъ нимъ не взрослые слушатели и что многое имъ еще рано слышать и понимать. Вліяніе воспитателя на воспитанниковъ было неодинаково. Въ то время, когда старшій изъ нихъ пользовался особенною снисходительностью, любовью и заботливостью Лагарпа, младшій встрѣчалъ скорѣе суровое, строгое къ себѣ отношеніе. Константинъ Павловичъ унаслѣдовалъ многія непріятныя стороны характера отца: былъ вспыльчивъ, капризенъ, упрямъ и гораздо болѣе былъ занятъ ружьями и солдатиками, чѣмъ приготовленіями къ урокамъ и классными занятіями. Ему не удѣлялось столько ласкъ отъ окружающихъ, какъ красивому и нѣжному Александру, и онъ росъ на второмъ планѣ, часто обижаемый и пренебрегаемый. Лагарпъ не съумѣлъ стать въ этомъ отношеніи выше окружающихъ и на долю меньшаго ученика съ его стороны перепало не мало наказаній, обиднаго пренебреженія и нелестныхъ отзывовъ. Вслѣдствіе этого Александръ по своимъ чувствамъ стоялъ къ воспитателю гораздо ближе, чѣмъ Константинъ.

Лагарпъ, уже въ началѣ своихъ занятій, сталъ проводить свои излюбленныя теоріи, пріучая дѣтей къ разсужденіямъ, чтенію не по возрасту серьезныхъ книгъ; его уроки поэтому были для нихъ нѣсколько скучноваты, и они оказывали въ наукахъ слабые успѣхи. Начнетъ ли онъ диктовку, дастъ ли переписку, заставитъ ли читать вслухъ и запоминать прочитанное, для всего бралось содержаніе изъ книгъ и произведеній, требующихъ серьезнаго отношенія, размышленія, и направляющихъ умъ на серьезные вопросы. По большей части темы брались изъ древней исторіи Рима. Даже въ рекреаціонные часы воспитатель заставлялъ ихъ читать серьезныя книги и подвергалъ строгой цензурѣ ихъ библіотеку. По этому поводу между воспитателемъ и учениками возникали часто препирательства, но онъ былъ неумолимъ и не отступалъ отъ своей задачи привить къ нимъ съ дѣтства весь кодексъ своихъ понятій и вѣрованій. Понятно, что, поставивъ сразу преподаваніе на слишкомъ серьезную почву, ему пришлось потратить не мало труда, чтобы развить въ нихъ самосознаніе, любовь къ работѣ и вниманіе, а это было тѣмъ труднѣе, что старшій воспитанникъ былъ отъ природы нѣсколько вялъ и апатиченъ, а младшій черезчуръ рѣзвъ и невнимателенъ. Лагарпъ заставлялъ учениковъ вести дневникъ ихъ проступковъ, вывѣшивалъ въ классной комнатѣ свѣдѣнія о ихъ занятіяхъ и поведеніи, а подчасъ прибѣгалъ и къ мѣрамъ строгости, напр., высылалъ изъ комнаты, лишалъ своего сообщества, приносилъ на нихъ жалобы Салтыкову, заставлялъ каяться въ шалостяхъ, а въ отношеніи Константина предлагалъ главному воспитателю примѣнять тѣлесныя наказанія. Такъ, въ своемъ отчетѣ отъ 1789 г., когда Константину Павловичу шелъ 11-й годъ, Лагарпъ пишетъ: «Употребляя во зло мое терпѣніе въ теченіе 2-хъ часовъ сряду, когда дѣло шло о работѣ, которую онъ (т. е. Константинъ) могъ исполнить въ 5 минутъ и, испробовавъ совершенно тщетно всѣ средства вывести меня изъ терпѣнія, онъ заставилъ, наконецъ, прибѣгнуть къ В. С—ву и вскорѣ послѣ полученнаго выговора, въ припадкѣ ярости, которую надо видѣть, в. кн. укусилъ мнѣ руку» Воспитатель предлагаетъ, чтобы сохранить свой авторитетъ и чтобы предотвратить повтореніе подобнаго поступка, отвѣтить на такое насиліе тѣмъ же насиліемъ, «способнымъ поселить навсегда отвращеніе къ такого рода способу приводить въ исполненіе свои желанія».

Обыкновенно на другой день послѣ неудачно кончившихся уроковъ и бурныхъ сценъ, воспитатель получалъ отъ своихъ воспитанниковъ письма съ изъявленіемъ раскаянія и просьбами о помилованіи. Вотъ образчикъ того, какъ вел. кн. Александръ каялся письменно въ своемъ поведеніи.

«Вмѣсто того, чтобы себя поощрять и удвоивать стараніе воспользоваться остающимися мнѣ годами ученія, я день ото дня ста-

новлюсь все болѣе нерадивъ, болѣе неприлеженъ, болѣе неспособенъ и съ каждымъ днемъ все болѣе приближаюсь ко мнѣ подобнымъ, которые безумно считаютъ себя совершенствами потому только, что они принцы. «Полный самолюбія и лишенный соревнованія, я чрезвычайно нечувствителенъ ко всему, что не задѣваетъ прямо самолюбія. Эгоистъ, лишь бы мнѣ хотѣлось выказываться и блестѣть на счетъ ближняго, потому что я не чувствую въ себѣ нужныхъ силъ для пріобрѣтенія истиннаго достоинства: 13-ти лѣтъ я такой же дитя, какъ въ восемь и чѣмъ болѣе я подвигаюсь въ возростѣ, тѣмъ болѣе приближаюсь къ нулю. Что изъ меня будетъ? Ничего, судя по примѣтамъ. Благоразумные люди, которые будутъ мнѣ кланяться, будутъ изъ сострадания пожимать плечами, а, можетъ быть, будутъ смѣяться на мой счетъ, потому что я вѣроятно буду приписывать своему отличному достоинству тѣ внѣшніе знаки уваженія, которые будутъ оказывать моей особѣ. Такъ-то кадятъ идолу, смѣясь надъ подобной комедіей». «Я чувствую всю громность моей вины, — писалъ Александръ Лагарпу, — и прошу увасъ извиненія и отъ глубины сердца. Письмо ваше дало мнѣ сильно почувствовать, что если я буду терять время, изъ меня ничего не выйдетъ. Прошу васъ позволить мнѣ продолжать учиться».

Не менѣе горячо каялся и Константинъ: «Великій князь упрямый,—пишетъ онъ наставнику,—невнимательный и который читать не умѣетъ, есть самое смѣшное существо, особенно, когда онъ воображаетъ, что онъ есть что-нибудь», или «г. де-Лагарпъ! Умоляю васъ прочесть мое письмо. Будьте снисходительны ко мнѣ и подумайте, что я могу исправить свои недостатки; я сдѣлаю усилія и не буду мальчишкой осломъ, Asinus, и пропащимъ молодымъ человѣкомъ. Прошу васъ пустить меня придти учиться. Я могу быть въ комнатѣ съ тѣмъ даже, чтобы вы мною не занимались, но вы будете говорить брату».

На умъ и сердце Александра оказывали сильное вліяніе убѣжденные и краснорѣчивые разсказы Лагарпа. Часто, гуляя по набережной Невы, воспитатель повѣрялъ любимому ученику свои завѣтныя мечты и надежды; онъ раскрывалъ передъ нимъ страницы зла и неправды существующаго порядка вещей, указывалъ на идеалы античнаго міра и неиспорченнаго цивилизаціей человѣчества, переливалъ въ душу своего юнаго слушателя ненависть къ богатству и деспотіи, указывалъ на пороки аристократіи и уносилъ его съ собою въ міръ грезъ, въ фантастическое царство правды, равенства и свободы. О, съ какимъ пламеннымъ восторгомъ внималъ оратору его молодой другъ, какъ высокъ и полонъ совершенства казался онъ ему. На этихъ прогулкахъ развилась въ немъ сентиментальная мечтательность, чувствительность къ красотамъ природы, способность приходить въ восторгъ отъ пустяковъ, страсть

къ фразѣ и аффектаціи, тѣ наклонности, которыя растраивали нервы, лишали мысль ясности и опредѣленности и расшатывали характеръ.

Государыня была чрезвычайно довольна воспитателемъ своихъ внуковъ, что и выражала, какъ лично Лагарпу, такъ и въ письмахъ къ приближеннымъ. Она съ удовольствіемъ читала пространные отчеты его по воспитанію и дѣлала на нихъ иногда письменныя замѣчанія. Первый отчетъ былъ представленъ Лагарпомъ въ 1786 г., за который онъ удостоился пожалованія орденомъ св. Владиміра лично изъ рукъ государыни, что доставило республиканцу не мало удовольствія; слѣдующіе отчеты имъ представлены въ 1789 и 1790 гг. Въ этихъ отчетахъ онъ дѣлаетъ постепенный обзоръ хода занятій съ великими князьями, характеристику ихъ успѣховъ, и, кромѣ того, разбираетъ и опредѣляетъ значеніе каждой проходимой науки въ отдѣльности.

Ученикъ Гальденштейнской семинаріи перенесъ методъ этой школы въ свое преподаваніе. Лагарпъ стремится показать въ своихъ запискахъ, что путемъ отвлеченнаго разсужденія можно побудить великихъ князей дойти до убѣжденія въ необходимости быть свѣдующими и добродѣтельными во имя внѣшняго долга. Главный центръ преподаванія заключался въ философскомъ изложеніи историческихъ событій, которыя онъ излагалъ по Гиббону, Миллоту, иллюстрируя ихъ чтеніемъ отрывковъ изъ классиковъ и дѣлая ихъ темою политической и общественной нравственности. Воспитатель особенно заботится о развитіи въ своемъ старшемъ ученикѣ уваженія къ достоинству человѣческой личности и отвращенія ко всему порочному и злому. Изъ философскаго обозрѣнія историческихъ явленій онъ, согласно ученію Бурламаки, Локка и Руссо, даетъ великому князю слѣдующій запасъ убѣжденій: «Тѣ, которые разрушили храмы наукъ, истребили сокровищницы знаній и преслѣдовали ученыхъ и писателей, всѣ тѣ покрыли себя вѣчнымъ безславіемъ; правитель долженъ дать свободу слова писателямъ, разоблачающимъ ложныя мнѣнія логическими доводами и неотразимою силою насмѣшки; придворный этикетъ губителенъ для правителя, отвлекая его отъ существенныхъ обязанностей, разслабляя умъ и душу и дѣлая избранника народа недостойнымъ своего великаго призванія; всякая форма правленія законна, если она возникла по свободному соглашенію народа и оправдана продолжительнымъ опытомъ; первая и главная обязанность правителя учредить училища для народа; вторая—дать хорошіе законы; правительство, выходящее въ дѣйствіяхъ своихъ изъ предѣловъ закона, вызываетъ вполнѣ законное противодѣйствіе со стороны подвластныхъ; послѣдніе въ правѣ прибѣгать къ силѣ, чтобы сокрушить тяготѣющій надъ ними незаконный и необузданный произволъ».

Значительнымъ пробѣломъ въ преподаваніи Лагарпа и безъ того

крайне энциклопедичномъ и страдавшемъ излишнею наклонностью къ обобщеніямъ въ ущербъ фактическимъ свѣдѣніямъ, служило незнаніе русской исторіи. Самъ воспитатель чувствовалъ и не скрывалъ этого; государыня выписывала для него все выходящее на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ по этому предмету, но, конечно, это не могло помочь дѣлу, и для будущаго государя вѣковая исторія русскаго народа, его характеръ, бытъ, религіозныя и нравственныя міровозрѣнія, особенности общественнаго строя, оставались болѣе чуждыми, чѣмъ какихъ-нибудь швейцарскихъ общинъ и греческихъ республикъ.

Деистическія религіозныя воззрѣнія наставника имѣли немалое вліяніе на складъ ума воспитанника. «Откровеніе есть единый источникъ религіи,—говорилъ онъ ему,—но вмѣстѣ съ тѣмъ должно уважать и неоспоримыя права разума. Живая, дѣятельная любовь есть основа, душа христіанства, любовь къ Богу, любовь къ ближнему, ко всякому ближнему, даже ко врагу и къ тому, кто иначе вѣруетъ, нежели мы; любовь, которая все терпитъ, все переноситъ. Дѣйствительный, а не кажущійся атеистъ есть обсурдъ».

Поклоненіе Лагарпа началамъ греческихъ и римскихъ государственныхъ учрежденій доходило до идолопоклонства: здѣсь онъ видѣлъ только свѣтлыя стороны, только одно безконечное развитіе философской мысли, и всякое сопротивленіе, всякое прикосновеніе къ этимъ началамъ принималось имъ за святотатство, за оскорбленіе святыни.

«Я не забылъ... упомянуть,—говоритъ онъ о своемъ историческомъ курсѣ въ отчетѣ,—о тѣхъ жалкихъ раздорахъ монаховъ, которые воздвигли престолы глупости тамъ, гдѣ такъ долго царили науки, искусства и изящный вкусъ, и взамѣнъ чувствъ, облагораживающихъ въ былыя времена умы грековъ, они распространили постыдное суевѣріе со всѣми пороками рабства и униженія».

Программы и конспекты своихъ лекцій Лагарпъ представлялъ черезъ Салтыкова на разсмотрѣніе государыни, которая прочитывала ихъ съ большимъ удовольствіемъ и оставалась ими довольна.

«Присланную роспись ученія великаго князя, сочиненную Лагарпомъ,—писала она Салтыкову,—я показать велѣла Фицгерберту (англійскому посланнику), и онъ, такъ, какъ и я, находитъ, что лучше выдумать нельзя, и о успѣхахъ не сомнѣваюсь. Скажите Лагарпу мое удовольствіе». Въ другой разъ она заявила ему лично при свиданіи:

— Начала, которыя вы проводите, укрѣпляютъ душу вашихъ питомцевъ; я читаю ваши записки съ величайшимъ удовольствіемъ и чрезвычайно довольна вашимъ преподаваніемъ.

Все это писалось и говорилось въ то время, когда Екатерина еще не разочаровалась въ идеалахъ, выдвинутыхъ французской философіей XVIII вѣка, пока эти идеалы еще не сдѣлались до-

стояніемъ массы и служили лишь темами для элегантныхъ и остроумныхъ разсужденій въ салонахъ и были далеки отъ реальнаго осуществленія и примѣненія къ дѣлу.

И не одна только государыня была довольно свободолюбивыми лекціями своего придворнаго наставника; вѣсть о нихъ разнеслась и за предѣлы Россіи и послужила предметомъ самыхъ живыхъ восторговъ согражданъ Лагарпа.

Такъ въ 1788 г., въ Ольтенѣ, на одномъ изъ собраній Гельветическаго Общества, имѣвшаго цѣлью поддерживать среди гражданъ нравственное достоинство и политическую свободу, были читаны присланные отрывки изъ лекцій воспитателя русскаго великаго князя. Чтеніе это вызвало бурю рукоплесканій, единодушный восторгъ общества, и собраніе постановило выразить своему соотечественнику благодарность, что онъ и у ступеней трона не отрекается отъ своихъ республиканскихъ убѣжденій и приноситъ честь отечеству подобнымъ образомъ мыслей.

Въ свободное отъ занятій время Лагарпъ продолжалъ дѣятельно сноситься съ швейцарскими друзьями и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за быстро смѣнявшимися событіями Европы, гдѣ ко времени его пребыванія въ Россіи на первомъ планѣ стояла французская революція. Лагарпъ былъ глубоко убѣжденъ, что движеніе во Франціи отразится и на всѣхъ европейскихъ государствахъ, и въ особенности на сосѣдней Швейцаріи, гдѣ былъ такой обильный матеріалъ для борьбы. Въ исходѣ этой борьбы онъ видѣлъ осуществленіе своихъ завѣтныхъ мечтаній—освобожденіе дорогого Ваадтланда и паденіе бернской олигархіи. Боясь контръ-революціи и,—какъ послѣдствія ея—усиленія всѣхъ консервативныхъ началъ, онъ рѣшается воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, чтобы зажечь пламя возстанія и въ своемъ отечествѣ. Съ этою цѣлью онъ посылаетъ въ Швейцарію записку, въ которой рекомендуетъ своимъ согражданамъ требовать немедленнаго созванія представительнаго собранія; онъ излагаетъ здѣсь желанія и нужды подчиненныхъ кантоновъ и требованіе необходимости скорѣе покончить съ порабощеннымъ состояніемъ. Вслѣдъ за этою запискою онъ шлетъ множество другихъ (до 60) писемъ, памфлетовъ которые въ печатномъ и переведенномъ на разные языки видѣ быстро распространяются его единомышленниками среди населенія, производя вездѣ волненія и вызывая пламенное сочувствіе. Немало также помѣстилъ онъ за это время политическихъ статей, посвященныхъ швейцарскимъ дѣламъ и въ англійскихъ журналахъ. Одна изъ главныхъ записокъ на имя Амедея Лагарпа была перехвачена бернскимъ совѣтомъ, послѣдствіемъ чего было то, что Амедей былъ присужденъ за революціонную пропаганду къ обезглавленію (онъ спасся отъ казни бѣгствомъ въ Парижъ и сдѣлался членомъ яко-

бинской партіи), а о преступной дѣятельности автора прокламаціи дано знать русской императрицѣ.

Въ этой прокламаціи Лагарпъ еще разъ, во избѣжаніе несвоевременнаго взрыва народа и съ цѣлью побудить правительство вступить въ соглашеніе съ Ваадтландомъ, требуетъ немедленнаго созыва чиновъ. Онъ предостерегаетъ соотечественниковъ отъ всякихъ частныхъ соглашеній съ правительствомъ, отъ уступокъ и убѣждаетъ ихъ не поддаваться обѣщаніямъ.

Въ рѣзкомъ тонѣ обратилась бернская аристократія къ Екатеринѣ и, препровождая къ ней прокламацію, требовала примѣрнаго наказанія мятежнаго Ваадтландца. Европейская дипломатія убѣждала графа Румянцова поддержать справедливую, по ихъ мнѣнію, жалобу бернскаго правительства, и представители державъ, съѣхавшіеся въ Кобленцъ съ цѣлью составленія коалиціи для подавленія революціи, выражали свое удивленіе, что Екатерина, выразившая сочувствіе коалиціи, терпитъ при своемъ дворѣ и при своихъ внукахъ отъявленнаго революціонера и якобинца. Непочтительное обращеніе бернскаго правительства задѣло самолюбіе государыни: она сдѣлала выговоръ принцу Евгенію Виртембергскому, дѣйствовавшему подъ давленіемъ Берна, а отъ Лагарпа потребовала только разъясненія, при чемъ полушутя, полусерьезно, спросила его:

— Дѣйствительно ли вы, m-r Лагарпъ, такой якобинецъ, какимъ васъ считаютъ бернскіе правители?

— Ваше величество,—отвѣтилъ онъ,—поручая мнѣ воспитаніе великихъ князей, знали, что я швейцарецъ и, слѣдовательно, республиканецъ. Я остался имъ попрежнему, и ваша, всему свѣту извѣстная, справедливость не дозволитъ вамъ считать предосудительнымъ мой образъ мыслей. Мои земляки, Ваадтскіе граждане, угнетены Бернцами; я совѣтовалъ имъ домогаться возстановленія своихъ правъ законнымъ порядкомъ. Неужели могутъ за то обвинять меня въ бунтѣ? Впрочемъ, я удивляюсь вашимъ высокимъ качествамъ, уважаю ваше правительство и добросовѣстно исполняю принятыя мною на себя обязанности, всевозможно стараюсь оправдать ваше довѣріе и внушить великимъ князьямъ чувства, приличныя ихъ роду, чтобы они были въ состояніи слѣдовать вашему примѣру.

Екатерина милостиво выслушала эту исповѣдь и сказала:

— Будьте якобинцемъ, республиканцемъ, чѣмъ вамъ угодно; я вижу, что вы честный человѣкъ, и этого мнѣ довольно; оставайтесь при моихъ внукахъ и ведите свое дѣло также хорошо, какъ вели его до сихъ поръ.

Одинаково милостиво приняты были письменныя объясненія Лагарпа и отвѣтъ его бернскимъ господамъ. Государыня одобрила все написанное и пожелала только, чтобы изъ отвѣта было выки-

нуто мѣсто, касающееся его воспитательской дѣятельности при великихъ князьяхъ.

Въ письмѣ къ Екатеринѣ по поводу случившагося Лагарпъ излагаетъ свое политическое profession de foi и взглядъ на государственныя формы правленія:

«Я не принадлежу ни къ одной опасной политической партіи,— пишетъ онъ.—Я отъ всей души ненавижу демократію, потому что наблюдалъ ее очень близко и вполнѣ убѣдился въ ея несообразности съ началами свободы и справедливости». Идеаломъ государственнаго устройства Лагарпъ считалъ ограниченную, конституціонную монархію, такъ какъ она не подвергается крайностямъ абсолютизма и республики, но соединяетъ въ себѣ выгоды обоихъ.

Дѣло, затѣянное врагами Лагарпа кончилось для него благополучно; бернскимъ правителямъ былъ данъ отпоръ, а его оставили въ покоѣ.

Лагарпъ не скрывалъ при дворѣ государыни своихъ взглядовъ на событія во Франціи и во время частыхъ и оживленныхъ разговоровъ на эту тему, въ присутствіи своихъ питомцевъ, горячо защищалъ принципы революціи, при чемъ для большаго впечатлѣнія и убѣдительности приводилъ примѣры изъ исторіи и ссылался на разныя авторитетныя сочиненія. Это глубоко западало въ сердца юношей, и, однажды, когда на одномъ изъ собраній у государыни стали хвалить монархическое правительство Франціи, Константинъ Павловичъ началъ возражать, исчислять злоупотребленія правительства Бурбоновъ, ссылаясь на «достовѣрный источникъ, изъ котораго онъ читалъ это съ Лагарпомъ». Государыня осталась довольна мнѣніями внука, но тѣмъ не менѣе воспитатель, въ виду поднявшихся при дворѣ толковъ, несочувственныхъ революціи, сталъ осторожнѣе и, во избѣжаніе непріятностей и сплетенъ, рѣшилъ нѣсколько измѣнить систему преподаванія. Онъ прекратилъ письменное изложеніе великимъ князьямъ вопроса о происхожденіи обществъ и замѣнилъ его объяснительнымъ чтеніемъ историческихъ писателей.

Въ 1793 году состоялось бракосочетаніе 15-лѣтняго Александра Павловича съ Баденскою принцессою Луизой-Маріей-Августой, нарѣченной въ мvропомазаніи Елисаветой Алексѣевной. При дворѣ шли празднества за празднествами, ученіе великаго князя было на время отложено, а прибывшіе къ тому времени французскіе эмигранты-роялисты графъ Эстергази, женатый на одной бернской аристократкѣ, принцъ Нассаускій, графъ Д'Артуа и баронъ Ролль возъимѣли намѣреніе воспользоваться настоящимъ бракосочетаніемъ для удаленія Лагарпа. Всѣ эти господа послѣ казни Людовика XVI явились въ Петербургъ, надѣясь найти у сѣверной монархини защиту и покровительство. Съ 1793 года въ возрѣніяхъ Екатерины происходитъ сильный переворотъ, и симпатіи ко всему республи-

канскому и либеральному исчезаютъ. Казнь французскаго короля и проявленія жестокости черни въ Парижѣ оказали на нее сильное дѣйствіе: бюстъ Вольтера былъ удаленъ изъ ея комнаты, враги революціи стали стекаться къ ней, были осыпаны ласками и подарками, а сама государыня писала Гримму: «Послушайте, до сихъ поръ были примѣры, что государства переходили въ женскія руки, но никогда еще, сколько я знаю, не было примѣра, чтобы они попадали въ руки разбойниковъ. Это прекрасное зрѣлище досталось на долю XVIII вѣка, который нѣкогда хвалился тѣмъ, что онъ самый мягкій, самый просвѣщенный между всѣми вѣками, и этотъ-то вѣкъ породилъ звѣрскія души, да еще среди самаго прославленнаго изъ всѣхъ городовъ. Фуй, что за изверги! Прекрасно слово ирландскаго священника, сказавшаго Людовику XVI: «Сынъ св. Людовика, гряди на небо»... Знаете ли, что происходитъ на нашихъ глазахъ во Франціи? Галлы силятся изгнать франковъ, но вы увидите, франки опять вернутся, и дикіе звѣри, такъ жадно пьющіе кровь человѣческую, будутъ или истреблены, или принуждены скрываться, гдѣ попало. Я же велѣла у себя привести къ присягѣ всѣхъ тѣхъ, кто не хочетъ быть изгнаннымъ изъ Россіи, и представьте, что случилось: всѣ присягнувшіе оказались ревностными роялистами».

Эмигранты стали порицать Лагарпа въ присутствіи императрицы, указывать на его преподаваніе, какъ на вредное и опасное. Эти навѣты произвели свое дѣйствіе: на первыхъ порахъ Лагарпъ былъ исключенъ изъ списка награжденныхъ по случаю происшедшаго бракосочетанія, что его крайне обидѣло и огорчило; потомъ ему прозрачно дали понять, чтобы онъ подалъ въ отставку съ правомъ указать на вознагражденіе по своему усмотрѣнію. Лагарпъ сдалъ отчетъ Салтыкову по преподаванію и просилъ въ письмѣ передать государынѣ, что онъ по ея желанію подаетъ въ отставку, не желаетъ никакого вознагражденія и испрашиваетъ ея позволенія остаться еще нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ для устройства своихъ дѣлъ. «Я прибылъ бѣднякомъ ко двору,—писалъ онъ Салтыкову,—благодаря благодѣяніямъ ея величества, я жилъ въ достаткѣ. Если я долженъ покинуть дворъ бѣднякомъ, то дѣлаю это безъ сожалѣнія и угрызеній совѣсти, съ душею столь же честною, но съ сердцемъ болѣе разбитымъ, чѣмъ во время пріѣзда. Что же касается предположенія, что необходимость заставитъ меня въ другомъ мѣстѣ начать новую карьеру, предположенія, отъ котораго я отказываюсь, то, слава Богу, что я былъ наставникомъ русскихъ великихъ князей, и воспоминаніе о лестной довѣренности ея величества надолго будетъ для меня достаточнымъ вознагражденіемъ, которое поможетъ мнѣ мужественно перенести самыя тяжкія лишенія... Да будутъ только мои труды плодотворны для славы ея царствованія, да падетъ на мою долю невыразимое удовольствіе

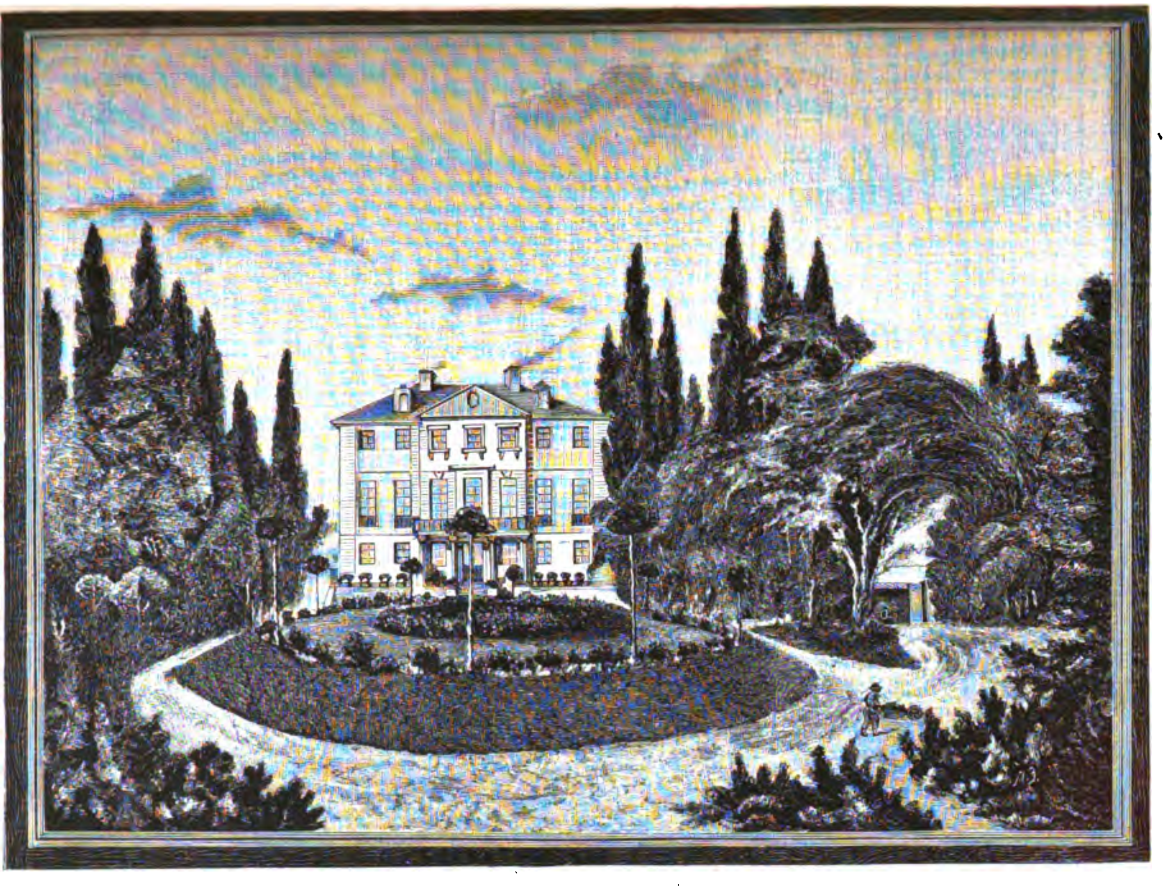
узнать, что ихъ императорскія высочества удовлетворяютъ благотворнымъ намѣреніямъ ея величества относительно меня. Каково бы ни было рѣшеніе ея императорскаго величества, оно не можетъ быть не достойно ея великой души, и я всегда буду счастливъ что заплатилъ мой долгъ человѣчеству». Письмо это было прочитано Екатеринѣ, и она назначила Лагарпу личную аудіенцію, которая продолжалась около двухъ часовъ. Довольная его отвѣтами, она отложила свое намѣреніе устранить его отъ должности. Почувствовала ли она угрызенія совѣсти, услыхавъ отъ него тѣ самыя рѣчи, которыя еще такъ недавно ею поощрялись и произносились, вызывая ей поклоненіе и одобреніе передовыхъ людей Европы, или въ ея головѣ уже созрѣлъ тогда планъ, осуществить который ей могъ помочь человѣкъ, стоящій близко къ ея внуку? на это трудно отвѣтить.

18-го октября того же года она снова приглашаетъ къ себѣ Лагарпа и намекаетъ ему довольно прозрачно на свое намѣреніе устранить Павла Петровича отъ престола въ пользу старшаго внука, своего любимца, Александра. Ей было важно знать, какъ смотритъ на это дѣло вліятельный воспитатель и можетъ ли онъ быть ей тутъ полезнымъ; однако Лагарпъ дѣлая видъ, что не понимаетъ намековъ, съумѣлъ представиться въ глазахъ императрицы человѣкомъ неспособнымъ къ придворнымъ интригамъ и активной политической дѣятельности. Государыня отпустила его, не подозрѣвая, что онъ приметъ мѣры противодѣйствія ея планамъ.

Лагарпъ, пользовавшійся въ началѣ своего пребыванія въ Петербургѣ расположеніемъ наслѣдника за свой откровенный характеръ, съ наступленіемъ французской революціи подвергся его опалѣ. Возмущенный планами Екатерины, онъ поспѣшилъ въ Гатчину, и здѣсь горячо и убѣдительно уговаривалъ Павла Петровича сблизиться съ сыновьями, «заклиная его сдѣлаться другомъ ихъ, имѣть къ нимъ полное довѣріе, обращаться къ нимъ прямо, а не черезъ третье лицо» и «разсѣялъ сомнѣнія, которыя поселили въ немъ относительно привязанности къ нему сыновей», намекая ему на грустныя послѣдствія и печальный исходъ ненормальныхъ семейныхъ отношеній.

Наслѣдникъ былъ тронутъ благороднымъ порывомъ Лагарпа, обошелся съ нимъ очень ласково и пригласилъ его на балъ. У Лагарпа не было перчатокъ, и Павелъ одолжилъ ему свои, которыя тотъ впослѣдствіи хранилъ, какъ воспоминаніе о человѣкѣ, обладавшемъ, по его словамъ, «благодушіемъ, источникомъ всѣхъ добродѣтелей».

Свиданіе это не прошло безъ послѣдствій, и, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ связь между отцомъ и дѣтьми сдѣлалась прочнѣе: великіе князья охотнѣе посѣщали Гатчину и Павловскъ, усердно занимались военнымъ дѣломъ по указаніямъ отца, увлекались па-

Загородный домъ Лагарпа около Со, близъ Парижа.

Съ акварели, сдѣланной имъ самимъ въ 1802 году. (Подлинникъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ).

радами и даже иногда съ гордостью говорили: «это по нашему, по гатчинскому». Можно, поэтому, утверждать, что Лагарпъ и не преувеличивалъ, когда впослѣдствіи, въ 1799 году, писалъ Павлу-императору: «Обращаюсь къ вамъ, государь, какъ человѣкъ, неподкупности котораго вы, по всей вѣроятности, обязаны своимъ существованіемъ, подвергавшимся сильной опасности въ 1793 и 1794 годахъ».

Въ исходѣ 1794 года Екатерина, утомленная постоянною вознею съ воспитателемъ великихъ князей и уступая давленію окружающихъ, поручила Салтыкову объявить Лагарпу о прекращеніи его обязанностей. Салтыковъ, придя съ этимъ грустнымъ извѣстіемъ, засталъ Лагарпа за урокомъ съ Александромъ Павловичемъ; онъ вызвалъ учителя и объявилъ ему рѣшеніе государыни. Александръ, догадывавшійся, въ чемъ дѣло, встрѣтилъ его встревоженный и съ волненіемъ спросилъ:

— Ну, чтожъ?

— Позвольте, ваше высочество, поговорить объ этомъ въ другой разъ.

— Неужели вы думаете, что я не знаю всего, что дѣлается для того, чтобы удалить васъ!

И съ этими словами великій князь, обливаясь слезами, бросился обнимать своего любимаго воспитателя, съ которымъ столько лѣтъ прожилъ душа въ душу.

Лагарпъ просилъ, какъ милости, разрѣшенія пробыть въ Петербургѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы справиться съ семейными дѣлами (онъ женился здѣсь на дѣвушкѣ изъ рода Бетлингъ) [1]) и окончить начатый великому князю и его супругѣ курсъ исторіи. Это было ему разрѣшено, и онъ поспѣшилъ пройти съ Александромъ еще разъ весь курсъ политической и общественной нравственности, который долженъ былъ впослѣдствіи служить источникомъ дѣйствій и критеріумомъ поступковъ будущаго монарха.

По первоначальному рѣшенію, Лагарпу за его 12-ти лѣтніе труды съ великимъ княземъ должно было быть пожаловано 10,000 руб. единовременно и 2,000 руб. пенсіи, но воспитатель протестовалъ, указывая на то, что это не вознаграждаетъ всѣхъ его трудовъ и что въ счетъ этого не можетъ идти плата за занятія съ Константиномъ Павловичемъ. Кромѣ того, онъ считалъ себя обиженнымъ тѣмъ, что ему не даютъ ни чина, ни креста. Государыня, по ходатайству Салтыкова, перемѣнила рѣшеніе. Лагарпу былъ пожалованъ чинъ полковника [2]), опредѣлено выдать за занятія съ Константиномъ Павловичемъ единовременно 10,000 руб. и произвести выдачу жалованья до 31 декабря 1794 года.

---

[1]) Теткѣ извѣстнаго санскритолога, Оттона Николаевича Бетлинга, академика Императорской Академіи Наукъ, проживающаго нынѣ въ Лейпцигѣ.

[2]) Онъ былъ премьеръ-маіоромъ швейцарской милиціи.

Великіе князья и Елизавета Алексѣевна были глубоко огорчены отъѣздомъ Лагарпа; особенно убивался Александръ. Онъ спѣшилъ въ послѣдніе дни насладиться пребываніемъ своего воспитателя въ Петербургѣ, часто видѣлся съ нимъ, обмѣнивался письмами. Въ день отъѣзда Лагарпа Александръ Павловичъ явился инкогнито утромъ изъ Таврическаго дворца, чтобы еще разъ обнять своего друга, и бывшій воспитатель съ трудомъ вырвался изъ объятій рыдающаго юноши. За часъ до отъѣзда имъ было получено трогательное письмо отъ Александра съ приложеніемъ его и женинаго портрета, украшеннаго бриллiантами. Екатерина простилась съ Лагарпомъ нѣжно, почти съ сожалѣніемъ, и на прощаніе совѣтовала ему быть осторожнымъ и не попадаться въ руки бѣшеной бернской аристократіи. 9-го Мая 1795 года, онъ покинулъ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы черезъ 6 лѣтъ вернуться сюда уже при другихъ обстоятельствахъ и въ другой роли.

II.

Еще за годъ до своего отъѣзда изъ Россіи Лагарпъ, предчувствуя, что рано или поздно ему придется покинуть дворъ Екатерины, письменно запросилъ бернскихъ властей, будутъ ли они противиться его возвращенію на родину, но на это не послѣдовало никакого отвѣта. Надѣясь на ихъ великодушіе, онъ отправился въ Женевскую область, чтобы повидаться съ родными и знакомыми, но со стороны правителей вышелъ указъ о его задержаніи.

Тогда онъ направился въ Парижъ, гдѣ въ окрестностяхъ Плесси-Пике купилъ себѣ виллу. Съ тѣхъ поръ онъ лишь изрѣдка ѣздилъ въ Швейцарію для свиданій съ своими политическими сообщниками. Связь его съ русскими друзьями не прекратилась, и онъ дѣятельно переписывался съ великими князьями, хотя это было обставлено большими затрудненіями, такъ какъ переписка съ бывшимъ воспитателемъ была имъ запрещена. Письма ихъ передавались черезъ Будбера, Сакена и мать Елизаветы Алексѣевны, маркграфиню Баденскую.

Александръ Павловичъ первое время чрезвычайно скучалъ по своемъ другѣ, что и выражалъ ему въ письмахъ:

«Вы мнѣ недостаете ужасно,—писалъ великій князь,—каждое мѣстечко напоминаетъ мнѣ о васъ, особенно Англійская улица, потому что я чаще всего тамъ гуляю, и эта прогулка всегда меня трогаетъ. Наконецъ я доволенъ, зная, что вы счастливы и спокойны. Вы доставили мнѣ несказанное удовольствіе описаніемъ вашего жилища, которое должно быть прелестно. Когда же, о великій Боже, я буду такъ счастливъ, что увижу васъ тамъ. О! я твердо убѣжденъ, что Господь, столь милостивый и праведный, услышитъ, наконецъ, мои желанія и сдѣлаетъ меня счастливымъ».

Письма Константина Павловича были болѣе сдержанны и отличались описательнымъ характеромъ, но все же и въ нихъ звучитъ любовь воспитанника къ своему ментору.

«Я бы желалъ,—пишетъ онъ ему,—когда буду женатъ, пріѣхать на цѣлый мѣсяцъ къ вамъ съ женою и надѣюсь исполнить это. Прощайте, любезный де-Лагарпъ, не забывайте меня, я очень васъ люблю, и будьте увѣрены, что вы мнѣ всегда будете очень дороги». И съ другими русскими знакомыми переписывался Лагарпъ, а нѣкоторымъ посылалъ даже свои научныя изысканія; такъ Платонъ Зубовъ получилъ отъ него трактатъ «о капиталѣ». Но время не позволяло швейцарцу сосредоточиться на мирныхъ занятіяхъ и углубиться въ кабинетный трудъ: мысль о свободѣ отечества продолжала его тревожить.

Событія во Франціи отразились особенно сильно на сосѣдней Швейцаріи. Взятіе Бастиліи, казнь Людовика XVI были встрѣчены восторженно друзьями свободы въ Веве, Лозаннѣ, Роллѣ и др. мѣстахъ. Смежныя страны были уже охвачены революціонной пропагандой, и завоевательная сила революціи въ конецъ потрясла феодальные порядки. Римъ, Неаполь, Генуя волновались, и при помощи французскихъ войскъ и денегъ вездѣ водворялся новый порядокъ вещей. Бернская аристократія, поддерживаемая англійскимъ правительствомъ, начала отвѣчать мѣрами строгости на всякое проявленіе сочувствія республиканскому духу и преслѣдовала агитаторовъ.

10-го янв. 1798 г. Лагарпъ прислалъ изъ Парижа прокламацію слѣдующаго содержанія:

«Свобода. Равенство. Независимость. Фридрихъ Цезарь Лагарпъ своимъ Ваадтскимъ согражданамъ. Угнетающіе васъ олигархи Берна и Фрибурга достигли своей агоніи; но прежде чѣмъ испустятъ послѣдній вздохъ, тираны хотятъ насытить свою жестокость мщеніемъ. Истинные друзья отечества думали, что освобожденіе ваше не потребуетъ столько насилія и крови; но злодѣйское правительство Англіи жаждало крови и, поддерживаемые имъ, олигархи заключаютъ доблестныхъ гражданъ въ темницы, въ кандалы, осуждаютъ на изгнаніе и смертную казнь. Вы должны немедленно провозгласить свою независимость. Вы должны арестовать, какъ заложниковъ, всѣхъ приставовъ, коммиссаровъ, агентовъ, всѣхъ гражданъ Берна, Фрицбурга, Люцерна, Цюриха, живущихъ среди васъ. Вы должны завладѣть всѣмъ имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ этихъ злодѣевъ, и пусть влачать они по Европѣ свое жалкое существованіе, терзаемые нищетою и угрызеніями совѣсти. Времена умѣренности прошли. Кровь друзей вашихъ, пролитая за ваше общее дѣло, вопіетъ о мщеніи: оно должно совершиться. Рубите наповалъ въ случаѣ сопротивленія. Нечистая кровь 200 бернскихъ владыкъ не стоитъ братской крови одного

изъ патріотовъ. И вы еще раздумываете и щадите жизнь разбойниковъ, убивающихъ вашихъ братьевъ»...

Граждане вняли голосу своего патріота, и при помощи французскаго войска бернское владычество было сокрушено. Французское правительство, нуждавшееся въ матеріальныхъ средствахъ, было радо воспользоваться своимъ вмѣшательствомъ въ швейцарскія дѣла. Бернъ былъ занятъ войсками, Женева, въ вознагражденіе за заступничество, была присоединена къ французскимъ владѣніямъ, арсеналы и казна были конфискованы, вся Швейцарія обложена тяжелыми военными налогами и обязана выставить союзное войско въ 18,000 чел., взамѣнъ чего 23-го марта того же года была провозглашена единая и нераздѣльная Гельветическая республика съ пятью директорами (въ томъ числѣ виновники переворота Оксъ изъ Базеля и Лагарпъ изъ Ваадтланда) и двумя законодательными совѣтами, избираемыми прямо всѣмъ народомъ.

Лагарпъ, авторъ швейцарской конституціи и одинъ изъ членовъ пентархіи, взялъ образцомъ для своей страны чужую конституцію, не сообразуясь съ мѣстными условіями и историческимъ развитіемъ страны: онъ торопился введеніемъ новой государственной формы правленія и, будучи теоретикомъ до мозга костей, былъ глубоко увѣренъ, что народную жизнь можно по произволу втиснуть въ любыя рамки, составленныя хотя бы на основаніи книжной мудрости. Требованія, выставленныя Лагарпомъ для будущаго порядка вещей, были идеальны, начала новой конституціи отличались сантиментальностью философіи XVIII в.

«Жизнь каждаго гражданина,—гласила конституція,—принадлежитъ отечеству, семейству и несчастнымъ. Онъ открытъ для дружбы, но не жертвуетъ ей ни одною изъ своихъ обязанностей. Онъ отрекается отъ всякаго личнаго чувства и тщеславнаго побужденія; его единственное желаніе состоитъ въ нравственномъ усовершенствованіи рода человѣческаго; онъ постоянно взываетъ къ нѣжнымъ чувствамъ братства; слава его заключается въ уваженіи порядочныхъ людей и, если бы ему было отказано въ этомъ уваженіи, онъ находитъ лучшее утѣшеніе и награду въ своей собственной совѣсти».

Такъ писалось на бумагѣ, но, когда пришлось воззвать на дѣлѣ «къ братскому чувству», авторъ конституціи, сдѣлавшись уже президентомъ директоріи, понялъ, что отъ красиваго слова до полезнаго дѣла далеко. Совершенно неподготовленное къ практической дѣятельности новое правительство съ первыхъ же дней своего существованія вступило на ложный путь и стало прибѣгать къ мѣрамъ насилія и террора для успокоенія выведенныхъ изъ обычной колеи массъ. А были серьезныя причины для волненія умовъ. Новая форма правленія была введена съ согласія иноземнаго государства, войска котораго наводнили страну, грабили и опусто-

шали, вызывая вездѣ сопротивленія и открытое противодѣйствіе гражданъ; когда составлялась конституція, все казалось легко и было подведено подъ одинъ общій знаменатель отвлеченной «братской любви», теперь же жизнь вступила въ свои права съ ея ежедневными будничными нуждами, страстями и противорѣчіями. Правительство, по настоянію президента, Лагарпа, стало издавать жестокіе и суровые законы, стало регламентировать жизнь до мельчайшихъ подробностей и наложило свою желѣзную руку на всякое проявленіе свободнаго духа.

И тутъ фантазія Лагарпа нашла себѣ утѣшеніе и оправданіе въ аналогіяхъ съ событіями и временами античнаго міра; онъ успокаивалъ свою совѣсть и мирилъ противорѣчія между дѣйствительностью и голосомъ сердца: «Всѣ суровыя мѣры,—оправдывалъ онъ себя,—быть можетъ ужасны, но онѣ достойны нашихъ предковъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ республикѣ, брошенной въ омутъ опасностей, отъ которыхъ можно спастись только крайними мѣрами. Я предложилъ обратить всю страну въ боевой лагерь и каждаго жителя въ солдата; я требовалъ, чтобы бѣглецы подвергались по римскому обычаю жестокому и позорному наказанію, я не допустилъ своихъ товарищей по управленію запятнать себя малодушіемъ и полумѣрами». И дѣйствительно, мѣры были крутыя: всѣ органы прессы, несочувствовавшіе дѣйствіямъ правительства, прекращались и преслѣдовались, ученые и литераторы за откровенное слово лишались мѣстъ и изгонялись изъ отечества, театры были закрыты, граждане, оказывавшіе сопротивленіе французскимъ войскамъ и грабителямъ-коммиссарамъ, подвергались смертной казни. Правительственная дѣятельность постоянно отвлекалась отъ существенныхъ реформъ на борьбу съ проявленіями неудовольствія и на преслѣдованіе непокорныхъ. Въ остальныхъ отношеніяхъ весь государственный аппаратъ дѣйствовалъ вяло и крайне небрежно.

Понятно, что новосозданный порядокъ вещей не могъ продолжаться долго, тѣмъ болѣе, что народъ уже былъ наученъ самимъ правительствомъ, какъ дѣлать государственные перевороты и свергать непріятныя ему власти. Католическіе кантоны первые подали сигналъ къ возстанію, и скоро по всей странѣ вспыхнуло новое зарево революціи: народъ вступился за свои права, граждане стали толпами переходить въ ряды войскъ европейской коалиціи, выступившей на борьбу съ Франціей и ея революціоннымъ правительствомъ. Въ 1800 г. директорія была низвержена. Директоры Лагарпъ, Секретанъ и Оберланъ признаны виновными въ преступномъ заговорѣ противъ народа, въ посягательствѣ на права народныхъ собраній и подлежащими тяжкой отвѣтственности за свои противозаконныя дѣйствія. Лагарпъ долженъ былъ переселиться въ Лазанну, гдѣ надъ нимъ былъ назначенъ административный надзоръ. Онъ жилъ здѣсь, какъ частный человѣкъ, и вынужденъ былъ от-

писываться и оправдываться отъ всѣхъ сыпавшихся на него обвиненій и упрековъ. Но, наконецъ, первыя вспышки страстей утихли, и общественное мнѣніе перестало его клеймить; за нимъ была признана только неспособность практическаго дѣльца, репутація же честнаго человѣка была снова возстановлена и признана даже его врагами. Должно замѣтить, что къ описанному времени прекращаются его сношенія съ Россіей, по крайней мѣрѣ, дружескія сношенія. Императоръ Павелъ I, принявшій дѣятельное участіе въ европейской коалиціи для подавленія революціонныхъ движеній, поддерживаемыхъ республиканской Франціей, не могъ относиться сочувственно къ дѣятельности виновника швейцарскаго переворота, а потому Лагарпъ былъ лишенъ назначенной ему Екатериной пенсіи и ордена св. Владиміра, какъ «недостойный уже быть членомъ знаменитаго общества кавалеровъ». Государь былъ до того возстановленъ противъ бывшаго воспитателя своихъ дѣтей, что обрушилъ свой гнѣвъ на ничѣмъ даже неповинныхъ людей. Такъ 15-го октября 1799 г. состоялся указъ Сенату: «Свѣдавъ о продолженіи пенсіона, преждеопредѣленнаго Лагарпу, и который, по неистовому и развратному поведенію его, долженъ былъ быть остановленъ, повелѣваемъ всю оную сумму, считая отъ самаго того времени, когда оный Лагарпъ началъ явно участвовать въ мятежахъ Швейцаріи, взыскать, безъ исключенія, со всѣхъ чиновъ, состоящихъ въ Государственныхъ нашихъ Казначействахъ». Тщетно Лагарпъ обращался къ императору Павлу съ письмами,—они оставались безъ отвѣта.

Живя въ своемъ помѣстьи Плесси-Пике, вдали отъ всякаго общественнаго и политическаго дѣла, разбитый всѣми послѣдними событіями, Лагарпъ уже думалъ, что для него наступила пора окончательно сойти со сцены европейскаго театра, отдохнуть отъ всѣхъ невзгодъ и треволненій, но судьба судила другое и снова перекинула его съ крайняго запада въ русскую сѣверную столицу.

Послѣ отъѣзда Лагарпа изъ Россіи, Александръ Павловичъ при жизни Екатерины еще переписывался съ своимъ воспитателемъ, но при отцѣ это было сопряжено съ большими затрудненіями, и вѣсти о старомъ другѣ приходили все рѣже и рѣже; тѣмъ не менѣе образъ любимаго наставника возставалъ передъ нимъ еще рельефнѣе, и тѣмъ дороже были для него завѣты и наставленія учителя.

«День ото дня мнѣ становится все болѣе невыносимымъ по всему, что я вижу вокругъ себя—писалъ онъ ему.—Непостижимо, что происходитъ: всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка» и далѣе «я же, хотя и военный, жажду лишь мира и спокойствія и охотно уступлю свое званіе за ферму подлѣ вашей или, покрайней мѣрѣ, въ окрестностяхъ. Жена раздѣляетъ мои чувства, и я восхищаюсь, что она держится моихъ правилъ».

Часто, даже съ посторонними, не знавшими Лагарпа, Александръ

говорилъ съ восхищеніемъ и энтузіазмомъ о своемъ бывшемъ воспитателѣ, и мысль бросить шумный дворъ, облечься въ платье простого смертнаго, все сильнѣе и сильнѣе стала приходить ему въ голову. Однажды онъ пригласилъ къ себѣ въ Таврическій дворецъ князя Адама Чарторыйскаго, съ которымъ за послѣднее время сталъ сближаться и, взявъ его подъ руку, съ жаромъ сталъ ему говорить:

— «Я долженъ познакомить васъ и вашего брата съ моимъ образомъ мыслей, такъ какъ боюсь, чтобы у васъ не составилось обо мнѣ ложнаго представленія. Неужели вы думаете, что я раздѣляю взгляды и убѣжденіе правительства государыни; неужели вы думаете, что я одобряю ея внѣшнюю политику и не осуждаю ея принциповъ? Нѣтъ, вы жестоко ошибаетесь въ такомъ случаѣ. Я глубоко сожалѣю о Польшѣ и преклоняюсь передъ ея борьбой за независимость. Костюшко великій человѣкъ по своей добродѣтели и справедливости дѣла, которое онъ защищалъ, дѣла, полнаго гуманности и высшей правды. Я ненавижу деспотизмъ и преклоняюсь передъ свободой, которая есть достояніе всѣхъ людей безъ различія. Я съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за ходомъ французской революціи, и хотя осуждаю ея крайности, но отъ души желаю успѣха республикѣ. Вы, можетъ быть, удивитесь моимъ взглядамъ и заподозрите ихъ искренность, но знайте, что весь мой кругозоръ сложился подъ вліяніемъ такого человѣка, какъ Лагарпъ; онъ, и только онъ одинъ, вложилъ въ мое сердце понятія истины и справедливости, которыя никто никогда не вырветъ оттуда. О, это человѣкъ высокой добродѣтели, истинной мудрости, самыхъ строгихъ жизненныхъ правилъ и энергичнаго характера! Я его никогда не забуду, и день свиданія съ нимъ будетъ счастливѣйшимъ днемъ моей жизни!»

Въ лицѣ польскаго республиканца Чарторыйскаго Александръ нашелъ человѣка, который напоминалъ ему, по нѣкоторымъ своимъ взглядамъ, образъ дорогого наставника. Съ нимъ наиболѣе охотно проводилъ время великій князь, развивая передъ нимъ во время прогулокъ по Царскому Селу свои планы на будущее и взгляды на настоящее.

Въ 1801 г. не стало Павла Петровича, и Александръ I вступилъ на прародительскій престолъ. Воцареніе молодого государя было встрѣчено восторженно: всѣ жаждали мира и покоя, надѣясь подъ державою Александра отдохнуть отъ тяжелыхъ лѣтъ правленія его отца. Отовсюду сыпались благопожеланія и выраженія сочувствія. Разумѣется, и Лагарпъ поспѣшилъ изъ Плесси-Пике отъ чистаго сердца привѣтствовать своего высокопоставленнаго воспитанника. Но при этомъ Лагарпъ связалъ съ своимъ привѣтствіемъ и нѣчто другое, имѣющее дипломатическій характеръ. Неисправимый идеалистъ затѣялъ черезъ свое посредство закрѣпить союзъ между двумя

людьми, которые должны были осуществить въ Европѣ, по его мнѣнію, царство справедливости, свободы и братства. Эти два человѣка были Наполеонъ Бонапартъ, которымъ онъ тогда увлекался, и его воспитанникъ Александръ! Государь поспѣшилъ отвѣтить Лагарпу въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ:

— Буду стараться,—писалъ онъ,—сдѣлаться достойнымъ вашего воспитанника и всю жизнь буду этимъ гордиться... Почему вы не можете быть здѣсь, чтобъ руководить меня вашею опытностью и оградить отъ ловушекъ, въ которыя я могу впасть по милости и, можетъ быть, по невѣдѣнію черноты испорченныхъ душъ... Вотъ, любезный другъ, почему просвѣщенный и опытный въ знаніи людей другъ есть величайшее сокровище.

И такъ государь звалъ его къ себѣ въ качествѣ друга и совѣтника, и Лагарпъ не замедлилъ, послѣ шестилѣтней разлуки, въ августѣ 1801 г. прибыть въ Петербургъ.

III.

Нечего и говорить, конечно, какъ радостна была встрѣча воспитанника и воспитателя. Государь принялъ Лагарпа въ первый же день его пріѣзда и пробесѣдовалъ съ нимъ около 3-хъ часовъ. Разговоръ касался событій послѣдняго времени. Императоръ съ особенною живостью спѣшилъ сообщить своему другу о тѣхъ реформахъ, которыя онъ думаетъ предпринять, о тѣхъ занятіяхъ, къ которымъ уже приступлено, о тѣхъ лицахъ, которыя его окружаютъ и проектахъ, которые ему представлены.

Все это, расчитывалъ государь, будетъ согласно со взглядами республиканца, такъ было намѣчено еще во время прогулокъ по набережной и въ классныхъ комнатахъ. Но изумленіе его было чрезвычайно, когда онъ увидалъ, что его собесѣдникъ уже далеко не тотъ оптимистъ и теоретикъ, который рисовалъ передъ нимъ 6 лѣтъ тому назадъ яркими красками перспективы лучшихъ будущихъ временъ.

— Я не поздравляю васъ съ тѣмъ, что вы сдѣлались властителемъ 36 милліоновъ подобныхъ себѣ людей,—говорилъ при первомъ свиданіи Лагарпъ,—но я радуюсь, что судьба отнынѣ въ рукахъ монарха, который убѣжденъ, что человѣческія права не пустой признакъ, и что глава народа есть его первый слуга. Вамъ предстоитъ теперь примѣнить на дѣлѣ тѣ начала, которыя вы признаете истинными.

— Я надѣюсь, что наши отношенія не измѣнятся,—говорилъ ему Александръ,—и я вполнѣ расчитываю на ваши совѣты, которые будутъ мнѣ столь полезны на такомъ постѣ, какъ мой, и который я рѣшился принять только въ надеждѣ быть полезнымъ моей странѣ и предотвратить отъ нея въ будущемъ новыя бѣдствія.

— Я воздержусь давать вамъ совѣты; но есть одинъ, мудрость котораго я уразумѣлъ въ несчастные 18 мѣсяцевъ, когда я былъ призванъ управлять страной. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы въ теченіе нѣкотораго времени не останавливать обычнаго хода администраціи, не выбивать ее изъ давней колеи, а внимательно слѣдить за ходомъ дѣлъ, избѣгая скоропостижныхъ и насильственныхъ реформъ. Искренно желаю, чтобы человѣколюбивый Александръ занялъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ міра между благодѣтелями рода человѣческаго и защитниками началъ истины и добра.

— Болѣе всего мнѣ доставляетъ труда и заботы согласовать частные интересы и ненависти и заставить другихъ содѣйствовать единственной цѣли—общей пользѣ.

— Главное — твердая и непоколебимая власть! Выслушивайте съ вашею обычною снисходительностью различныя мнѣнія, взвѣшивайте ихъ и затѣмъ произносите вашу волю; говорю вашу волю, ибо, къ счастью для страны и народа, право повелѣвать принадлежитъ исключительно вамъ. Совѣщайтесь съ вашими сотрудниками, вникайте въ ихъ дѣятельность, но держите ихъ въ почтительномъ отдаленіи, оставляя за собою послѣднее слово, и не только не допускайте и тѣни ихъ вліянія, но дѣйствуйте такъ, чтобы они могли ни предвидѣть ваше рѣшеніе, ни отгадать вашу тайну.

— Меня ужасаетъ просторъ монархизма, и я ненавижу деспотизмъ!

— Полноте, не увлекайтесь вашимъ отвращеніемъ; имѣйте мужество сохранить всецѣло вашу власть безъ малѣйшаго ущерба до тѣхъ поръ... ну, до тѣхъ поръ, пока окончите предварительныя работы, существенно необходимыя для какого бы то ни было измѣненія, но и тогда слѣдуетъ оставить за собою какъ можно болѣе власти и отнюдь не менѣе того, сколько требуется для полнаго обезпеченія силы и могущества правительства.

— Кстати, о сохраненіи власти въ цѣлости, у меня до васъ большая просьба: просмотрите одинъ проектъ, который мнѣ представленъ однимъ членомъ нашего кружка, и дайте вашъ отзывъ объ немъ. Тутъ идетъ дѣло о народномъ представительствѣ.

— Видѣлъ я эти народныя собранія,—съ жаромъ перебилъ Лагарпъ,—созываемыя съ величайшимъ трудомъ; почти всюду они дѣлаютъ одни глупости, и я отъ души поздравляю Россію, управляемую монархомъ, облеченнымъ во всеоружіе власти, необходимой для мудраго и постепеннаго (главное—постепеннаго!) преобразованія и для доставленія народу не призрачной, а дѣйствительной свободы, не подвергая судьбы его случайностямъ народныхъ собраній, въ которыхъ бушуютъ разнузданныя страсти и заглушается голосъ справедливости, благоразумія и истинной любви къ отечеству. Всѣ эти проекты, въ родѣ того, о которомъ вы мнѣ упомянули, не стоютъ ничего, и не до нихъ теперь. Для вашего отечества есть

другія потребности, болѣе существенныя, и изъ нихъ первая потребность—миръ, вторая—просвѣщеніе, третья—судопроизводство, которое бы доставило жителямъ имперіи существенныя блага гражданской свободы. Пока я въ Петербургѣ, располагайте мною по своему усмотрѣнію и пріурочьте къ какой угодно работѣ. Можетъ быть и мнѣ старику удастся принести свою посильную лепту на алтарь вашего отечества

— О, вы должны быть непремѣнно членомъ нашего «неоффиціальнаго комитета, познакомиться съ тріумвиратомъ, который я въ шутку назвалъ «Comité du salut public» въ память комитета французской революціи! Я расчитываю на ваше дѣятельное участіе въ нашихъ послѣобѣденныхъ засѣданіяхъ, и вы будете на нихъ самымъ дорогимъ, желаннымъ гостемъ.

Неоффиціальный комитетъ, о которомъ упомянулъ Александръ состоялъ изъ гр. Викт. Павл. Кочубея, Ник. Ник. Новосильцева, кн. Адама Чарторыйскаго и гр. Павла Александр. Строгонова. Все это были люди полные силъ, образованные, преисполненные самыхъ лучшихъ намѣреній и носившіе на себѣ характеръ идеалистическаго либерализма. Старое поколѣніе не называло ихъ иначе, какъ вольтеріанцами и якобинцами. Изъ этого кружка исходили всѣ реформы перваго времени (до Тильзитскаго мира), среди нихъ обдумывался планъ «систематической реформы безобразнаго зданія государственной администраціи».

Извѣстіе о прибытіи Лагарпа было встрѣчено сначала сотрудниками государя сочувственно: большая часть изъ нихъ знала его по разсказамъ Александра, и всѣхъ интересовало, какое произведетъ впечатлѣніе на общество и на сановниковъ государства появленіе отставного директора Гельветической республики и завзятаго республиканца во главѣ реформъ новаго царствованія, въ качествѣ руководителя и главнаго сотрудника. Но скоро избранный кружокъ убѣдился, что новоприбывшій далеко уже не тотъ свободно-мыслящій республиканецъ и опасный якобинецъ, какимъ онъ казался 6 лѣтъ тому назадъ при дворѣ Екатерины. Многимъ онъ показался даже смѣшнымъ въ своемъ мундирѣ директора Гельветической республики съ громадною саблей, прицѣпленной къ вышитой портупеѣ. На первыхъ же порахъ онъ поразилъ ихъ своею самоувѣренностью, убѣжденіемъ, что именно онъ обладаетъ цѣлебнымъ средствомъ противъ всѣхъ недуговъ Россіи, что съ его отвлеченными доктринами конца XVIII вѣка можно освободиться отъ всѣхъ золъ и болѣзней. Сотрудники государя не могли не подмѣтить, что въ тонѣ Александра уже не звучитъ та восторженная нотка, какою отличались прежніе его отзывы о воспитателѣ, и что онъ какъ будто подыскиваетъ случай, чтобъ поставить его на прежній пьедесталъ, искусственно создать вокругъ него старый ореолъ непогрѣшимости. Да и самъ Лагарпъ понялъ, что люди,

окружающіе государя, уже вышли изъ поры опеки, что они, въ его отсутствіе изъ Россіи, уже успѣли кое-чему научиться и могутъ свободно конкурировать съ нимъ на почвѣ вліянія на Александра. Онъ сталъ рѣдко появляться при дворѣ, избѣгалъ бывать на послѣобѣденныхъ засѣданіяхъ интимнаго кружка и большую часть времени проводилъ у себя дома, погруженный въ составленіе отчетовъ, записокъ, проектовъ по важнѣйшимъ вопросамъ государственной жизни, стоявшимъ тогда на очереди.

Личныя его отношенія къ Александру продолжали носить на себѣ тотъ же искренній, задушевный характеръ. Два раза въ недѣлю посѣщалъ его государь и, часто заставая его невзначай въ халатѣ, бесѣдовалъ съ нимъ по нѣскольку часовъ. Александръ живо интересовался домашними дѣлами Лагарпа, вникалъ во всякія мелочи его жизни и былъ очень озабоченъ вопросомъ о матеріальномъ обезпеченіи своего наставника и о возвращеніи ему тѣхъ наградъ и пожалованій, которыя у него были отняты Павломъ. Съ своей стороны новоприбывшій не только касался государственныхъ вопросовъ, но и вникалъ въ личныя дѣла государя и его отношенія къ разнымъ лицамъ; онъ внимательно слѣдилъ за поведеніемъ государя и однажды, послѣ какого-то дворцоваго выхода, при первомъ же свиданіи, прочелъ ему цѣлую лекцію объ этикетѣ.

— Вы вошли въ залу немного робко; хвалю ваше сердце: скромность какъ нельзя болѣе къ лицу юности, но государь долженъ имѣть видъ болѣе увѣренный; чистая совѣсть и искреннее желаніе блага—вотъ что даетъ вамъ право смотрѣть прямо и смѣло на все окружающее. Вы обошли собраніе нѣсколько поспѣшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо сдѣлали, обратившись съ привѣтомъ къ лицамъ почтеннымъ по своимъ заслугамъ; напрасно только нѣкоторыхъ изъ нихъ вы не удостоили ласковымъ словомъ. Мнѣ кажется, наконецъ, что, являясь вмѣстѣ съ императрицею, вы облегчили бы себѣ трудъ торжественнаго пріема, не говоря уже о томъ' что это произвело бы отрадное впечатлѣніе на всѣхъ, искренно васъ любящихъ. Во всякомъ случаѣ, гдѣ бы вы ни были, въ обществѣ ли, среди народа, или въ кругу лицъ, которымъ ввѣрили вы отдѣльныя отрасли управленія, держите себя поцарски: я вовсе не слѣпой поклонникъ этикета, но глава народа долженъ, употребляя живописное выраженіе Демосѳена, облекаться въ величіе своей страны.

Видя, что молодой монархъ удѣляетъ слишкомъ большое вниманіе дамскому полу, Лагарпъ предостерегалъ его отъ увлеченій, указывая на тихія семейныя радости и пользу для государства отъ добрыхъ супружескихъ отношеній въ царской семьѣ. Всѣ проекты и записки, которые подавались государю въ это время (а ихъ было не мало), отдавались на просмотръ Лагарпу, и можно только удивляться, когда у него хватало времени перечитывать все это, а еще

болѣе самому составлять и обрабатывать свои записки и мемуары. Нужно отдать ему справедливость, что всѣ его работы были чрезвычайно тщательны, снабжены массою ссылокъ и приложеній, и если страдали длиннотою и нѣкоторою риторичностью, за то отличались обиліемъ матеріала. Государь огорчался, когда его сотрудники подсмѣивались надъ этими многословными писаніями, которыя, между прочимъ, и Александръ не всегда имѣлъ духа дочитать до конца.

Наибольшее участіе принималъ бывшій директоръ Гельветической республики въ вопросахъ объ образованіи министерствъ и министерства народнаго просвѣщенія въ особенности, въ устройствѣ государственнаго совѣта и въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ.

Ко времени прибытія Лагарпа въ нѣкоторыхъ правительственныхъ кружкахъ былъ поднятъ вопросъ о расширеніи правъ Сената. Лагарпъ возсталъ противъ этого и убѣждалъ государя не отказываться отъ власти, а взамѣнъ того немедленно приступить къ учрежденію министерствъ. Эта мысль была еще ранѣе высказана на засѣданіяхъ неоффиціальнаго комитета, и Новосильцевъ, которому было поручено составленіе записки по этому предмету, совѣтовался объ этомъ съ Лагарпомъ. Послѣдній одобрилъ проектъ Новосильцева, полагая прибавить къ намѣченнымъ министерствамъ еще министерство коммерціи. Болѣе всего онъ торопилъ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія, но члены комитета уговорили государя не приступать къ учрежденію одного вѣдомства отдѣльно отъ другихъ. По вопросу о просвѣщеніи Лагарпомъ было представлено государю нѣсколько записокъ, и въ одной изъ нихъ онъ писалъ:

«Пусть въ большихъ городахъ учреждаются университеты, гимназіи и другія училища, но вмѣстѣ съ тѣмъ пусть откроются и сельскія школы, въ которыхъ будутъ учить, по крайней мѣрѣ, читать, писать и считать... но распространять знанія въ народѣ можно и должно только посредствомъ природныхъ русскихъ, а отнюдь не иностранцевъ».

По его мнѣнію, при министрѣ народнаго просвѣщенія долженъ быть учрежденъ совѣтъ изъ лицъ, назначенныхъ государемъ съ цѣлью удержать министра отъ произвола; центральное учрежденіе въ столицѣ должно имѣть свои вѣтви въ губерніяхъ и инспекторовъ, назначаемыхъ отъ дворянства. Въ письмѣ, приложенномъ къ этому проекту, онъ просилъ сообщить ему свѣдѣнія о настоящемъ положеніи народнаго образованія. Ему былъ доставленъ отчетъ училищной комиссіи, и онъ указалъ на массу противорѣчій въ этомъ отчетѣ, на злоупотребленія и неправильности, дѣлаемыя по вѣдомству просвѣщенія. Съ вопросомъ о народномъ образованіи связывалъ Лагарпъ и вопросъ объ облегченіи участи крѣпостныхъ. Этотъ вопросъ былъ также возбужденъ еще прежде на засѣданіяхъ неоффиціальнаго комитета и рѣшался нѣкоторыми членами, какъ на-

примѣръ, гр. Строгоновымъ, гораздо радикальнѣе, нежели швейцарскимъ республиканцемъ. Лагарпъ совѣтывалъ вводить крестьянскую реформу постепенно и незамѣтно, во избѣжаніе неудовольствій и опасеній дворянства—съ одной стороны, и возбужденія слишкомъ большихъ надеждъ въ крестьянствѣ — съ другой; онъ совѣтовалъ избѣгать даже слова «освобожденіе», замѣняя его выраженіемъ «улучшеніе въ экономическомъ бытѣ»; вопросъ о выкупѣ, по мнѣнію Лагарпа, долженъ быть отложенъ до болѣе благопріятнаго времени и замѣненъ предоставленіемъ права всѣмъ сословіямъ пріобрѣтать земли. Всѣ его совѣты по этому предмету носятъ на себѣ чрезвычайно нерѣшительный характеръ: онъ точно боится, какъ бы для государя не вытекли отсюда непріятности и власть его не поколебалась. Въ разговорѣ съ Александромъ онъ защищалъ мѣры остзейскихъ землевладѣльцевъ въ крестьянскомъ вопросѣ, восхвалялъ существовавшіе тамъ порядки и предостерегалъ государя отъ всякихъ опрометчивыхъ дѣйствій въ отношеніи Балтійскаго поморья и отъ нарушенія привиллегій рыцарства. Его симпатіи къ этимъ провинціямъ имѣли основанія въ родственныхъ связяхъ черезъ жену. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ нѣкоторые приближенные государя, и въ томъ числѣ гр. Воронцовъ, подали мнѣніе, что всѣ важнѣйшія государственныя дѣла должны быть обсуждаемы въ присутствіи государя въ Совѣтѣ, состоящемъ изъ всѣхъ министровъ. По этому предмету Лагарпъ представилъ записку «о порядкѣ преній въ совѣтѣ», въ которой предлагалъ: «назначить вицепрезидента совѣта, который, въ отсутствіи императора, долженъ наблюдать за сохраненіемъ порядка совѣщаній, дѣлаетъ окончательные выводы изъ предложенныхъ мнѣній и смотритъ за составленіемъ протоколовъ. Министры долженствовали быть непремѣнными членами совѣта, но имѣть только совѣщательный голосъ». Послѣднее обстоятельство подчеркивалось авторомъ записки для предупрежденія, чтобы между министрами не образовалась сословная связь, при чемъ «каждый изъ нихъ будетъ соглашаться на всякую мѣру своего сотоварища съ тѣмъ, чтобы и онъ, при случаѣ, не противорѣчилъ ему». Хотя государь и склонялся къ мнѣнію Лагарпа, но сотрудники ополчились противъ этого, и было рѣшено, чтобы министры засѣдали въ совѣтѣ наравнѣ съ прочими членами, такъ какъ нѣтъ никакого основанія опасаться излишняго согласія между ними, въ виду ихъ постоянныхъ раздоровъ. При предложеніи всѣхъ своихъ проектовъ, Лагарпъ особенно напиралъ на необходимость введенія у насъ строгаго канцелярскаго порядка.

Канцеляризму онъ придавалъ большое, чуть не рѣшающее значеніе и до того часто употреблялъ выраженіе «канцелярскій порядокъ», что члены комитета даже дали прозвище Лагарпу «канцелярскій порядокъ». Не только о дѣлахъ, носящихъ на себѣ общегосударственный характеръ, совѣщался и переписывался государь

Рабочій кабинетъ Лагарпа.
Съ литографіи Куртена.

въ это время съ своимъ наставникомъ, но и о личностяхъ, намѣченныхъ на тотъ или другой постъ, и часто указанія Лагарпа имѣли не малое вліяніе на рѣшенія Александра. Такъ Лагарпу удалось съ помощью Будберга, посланника при шведскомъ дворѣ, удалить Панина, но въ дѣлѣ назначенія Завадовскаго, бывшаго предсѣдателя училищной коммисіи, на постъ министра народнаго просвѣщенія онъ потерпѣлъ неудачу. Лагарпъ былъ противъ этого назначенія и говорилъ о Завадовскомъ, какъ о человѣкѣ, неспособномъ на такой высокій постъ, недобросовѣстномъ и заклятомъ врагѣ новыхъ вѣяній. Тѣмъ не менѣе его старанія не имѣли успѣха. По поводу слуха о назначеніи на постъ канцлера гр. Александра Воронцова, Лагарпъ писалъ о вредѣ этого поста вообще, вслѣдствіе той власти и вліянія, которыя ему присвоены. Что же касается до самой личности Воронцова, то, по его мнѣнію, это былъ человѣкъ пропитанный старыми началами и склонный къ произволу. Тѣмъ не менѣе, гр. Воронцовъ былъ назначенъ на постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Когда императоръ сообщилъ Лагарпу о своемъ намѣреніи поручить министерство финансовъ гр. Николаю Румянцову, а юстиціи—Васильеву, то Лагарпъ отвѣтилъ, что было бы опасно перемѣстить Васильева, который, по своей опытности, былъ способнѣе кого бы то ни было по части финансовъ. Кромѣ того Лагарпъ полагалъ, что въ началѣ было бы хорошо соединить государственное казначейство съ министерствомъ финансовъ. Васильевъ былъ назначенъ на постъ министра финансовъ, а Румянцовъ—министра коммерціи.

Въ большинствѣ своихъ писемъ и проектовъ Лагарпъ настойчиво проводитъ мысль, что государю не слѣдуетъ терпѣть надъ собою опеки, и нужно распоряжаться самостоятельно. Лагарпъ совѣтовалъ даже уничтожить гвардію, чтобы избавить столицу отъ своего рода преторіанцевъ, принимающихъ дѣятельное участіе во всѣхъ смутахъ, волненіяхъ и дворцовыхъ переворотахъ. Исходя изъ той же точки зрѣнія соблюденія цѣлости власти, онъ особенно тщательно раскритиковалъ ту записку Чарторыйскаго, гдѣ шелъ вопросъ о народномъ представительствѣ. По мнѣнію критика, этотъ проектъ представляетъ собою безобразную смѣсь клочковъ, вырванныхъ изъ конституцій разныхъ странъ и спитыхъ на живую нитку. Въ вопросахъ внѣшней политики дѣла Швейцаріи занимали его главное вниманіе. Цѣльность и единство швейцарской республики важны для Россіи,—говоритъ онъ,—какъ орудіе противъ Австріи и основа политическаго равновѣсія Европы. По этому предмету имъ было представлено государю нѣсколько обширныхъ мемуаровъ съ цѣлымъ томомъ объяснительныхъ примѣчаній о лицахъ и событіяхъ.

Въ апрѣлѣ 1802 г. Лагарпъ покинулъ Россію, далеко не совсѣмъ довольный результатами своего пребыванія въ Петербургѣ. Его

вліяніе на судьбы Россіи и государя оказалось далеко не такъ велико, какъ онъ на то расчитывалъ, ни одно изъ его предложеній не было исполнено на его глазахъ, а что было предназначено къ исполненію, прошло со многими измѣненіями и урѣзками; наконецъ, онъ замѣтилъ, что его присутствіе даже раздражаетъ совѣтниковъ государя, и самъ Александръ, какъ бы подчасъ стѣсняется натянутыми отношеніями между нимъ и остальными сотрудниками. Дѣйствительно, Александръ уже пересталъ видѣть въ немъ безапелляціонный авторитетъ, какимъ онъ казался ему въ дни юности. Что касается до членовъ секретнаго комитета, то они, хотя въ угоду государю и называли Лагарпа своимъ коллегой и увѣряли, что для него всегда приготовлено кресло на засѣданіяхъ, тѣмъ не менѣе, въ душѣ терпѣть его не могли за его докринерство, за безчисленныя длинныя записки, а главное за то, что онъ сдерживалъ ихъ порывы, тормазилъ многіе вопросы, какъ напр., крестьянскій, и, по порученію государя, критиковалъ и разбивалъ ихъ проекты. Разстались обѣ стороны притворно любезно: они благодарили его за совѣты и помощь, а онъ увѣрялъ ихъ, что и мысленно, вдали отъ нихъ, всегда будетъ присутствовать на засѣданіяхъ комитета и принимать самое дѣятельное участіе въ преніяхъ.

Александръ уплатилъ путевыя издержки Лагарпа, и онъ уѣхалъ въ Плесси-Пике. Переписка его съ государемъ не прекращалась, и онъ издали слѣдилъ за всѣмъ совершающимся въ Россіи, присылалъ массу проектовъ, главнымъ образомъ по внѣшней политикѣ, писалъ возраженія на проекты, знакомилъ Александра съ ходомъ европейскихъ дѣлъ, высылалъ ему выходившіе книги и журналы, сообщалъ свѣдѣнія о выдающихся литературныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ. Государь, хотя и не часто, но отвѣчалъ ему, порою оправдываясь отъ обвиненій наставника, порою увѣдомляя о ходѣ государственныхъ реформъ. Сотрудники Александра были недовольны этой перепиской, находя, что она вредно дѣйствуетъ на императора и сбиваетъ его. «Если вы станете разбирать его (т. е. Лагарпа) письма, — раздраженно говоритъ въ одномъ письмѣ Строгоновъ Новосильцеву,—вы не найдете въ нихъ ничего; онъ не можетъ убѣдиться, что есть систематическій планъ, что не дѣлаютъ риска безъ вѣроятности успѣха. Онъ судитъ только по нѣсколькимъ отдѣльнымъ и безсвязнымъ фактамъ и не воображаетъ, что они связаны звеньями, которыхъ онъ не можетъ видѣть и о которыхъ слѣдовало бы справиться прежде, чѣмъ произносить сужденіе; но онъ, не принявъ на себя этого труда, рѣшаетъ все и осуждаетъ»...

Живя въ Парижѣ съ 1802 по 1816 г. Лагарпъ, такъ сказать, пропагандировалъ Александра: вездѣ, гдѣ только была возможность, онъ съ восторгомъ говорилъ о немъ, сравнивая его съ Траяномъ и Генрихомъ IV, читалъ выдержки изъ его писемъ и, вообще, старался вселить европейскому обществу самое лучшее представленіе о Рос-

сіи и ея монархѣ. Мнѣніе его о русскомъ народѣ, вынесенное изъ двукратнаго пребыванія въ Россіи было очень высокое:

— Русскій народъ,—говаривалъ онъ,—отличается силою характера, отвагою, добродушіемъ и веселостью. Нельзя не удивляться расторопности и смышленности архангельскихъ и вологодскихъ крестьянъ, образующихъ артели, къ которымъ съ такимъ безусловнымъ довѣріемъ относятся всѣ торговые дома и конторы.. Въ Россіи, болѣе нежели гдѣ-либо, ненавидятъ иностранцевъ и, правду сказать, они надѣлали здѣсь столько вреда, что русскіе совершенно правы въ чувствѣ ненависти и презрѣнія къ своимъ чужеземнымъ опекунамъ... Въ русской храброй арміи есть и сердце, и душа и, Боже упаси, ее убивать нѣмецкою выправкою и педантизмомъ. Изъ русскаго солдата, бойкаго, живого, толковаго и предпріимчиваго никогда не сдѣлаешь нѣмца.

Благодаря стараніямъ Лагарпа, между нашимъ отечествомъ и Америкой завязались дипломатическія сношенія. Мысль объ этихъ сношеніяхъ была впервые высказана имъ въ письмѣ къ Александру, который сочувственно откликнулся на это, прося его познакомить поближе съ твореніями президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ Джеферсона. Лагарпъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ автору «Колумбіады» Барлову, слѣдствіемъ чего было письмо Джеферсона къ русскому императору.

Къ этому времени снова выступаютъ на сцену швейцарскія дѣла, слѣдствіемъ чего для Лагарпа было признаніе соотечественниками его заслугъ во время революціи, а для Швейцаріи преобразованіе ея посредническимъ (медіаціоннымъ) актомъ Бонапарта по образцу французскаго государственнаго устройства. Первый консулъ, какъ протекторъ Швейцаріи, возстановилъ независимость кантоновъ, но такъ, однако же, что вся страна, какъ совокупное государство, была представляема земскимъ головою (ландманомъ) и общимъ сеймомъ. Швейцарія была скрѣплена союзно-государственною связью, которая держала середину между единствомъ и обособленностью.

Въ Европѣ шла смѣна событій съ поразительною быстротою: заключались союзы, образовывались коалиціи, въ воздухѣ пахло порохомъ и кровью. Уже не одна тысяча людей была принесена въ жертву завоевательнымъ капризамъ французскаго императора, и усталая Европа готовилась на новыя братоубійственныя войны. Старымъ дѣятелямъ, мечтавшимъ нѣкогда объ универсальномъ счастьѣ людей и царствѣ свободы и правды, не было мѣста на политическомъ театрѣ. И Лагарпъ, испуганный всѣмъ совершающимся, вдали отъ всѣхъ политическихъ и общественныхъ движеній, жилъ тихо въ Плесси-Пике. Въ тиши своего уютнаго кабинета, среди шкафовъ обширной библіотеки, проводилъ онъ свои дни въ занятіяхъ соціологіей, естественными науками и отечественной исторіей.

Старые друзья, наиболѣе видные представители науки и литературы посѣщали его иногда, чтобы вмѣстѣ оплакивать переживаемые ужасы, жертвы войны и крутыя мѣры новаго французскаго правительства. Лагарпъ уже перемѣнилъ свое мнѣніе о Бонапартѣ.

— «Никто ловче Наполеона,—говорилъ онъ,—не облекается въ кожу ягненка, лисицы и льва; руководимое имъ движеніе назадъ, ко временамъ мрака и варварства, совершается съ удивительною быстротою; уже стыдятся признавать права разума и слагаютъ панегирики спасительному невѣжеству и похвальному легковѣрію предковъ».

Европа въ ея современномъ видѣ все болѣе и болѣе отталкивала отъ себя Лагарпа, и снова, какъ и въ 1781 г., сталъ онъ обращать свои взоры на Америку. «Мнѣ часто случается желать быть тамъ, гдѣ и вы,—писалъ онъ въ 1810 г. одному русскому, жившему въ то время въ Америкѣ.—Можетъ быть, рано или поздно, придется туда переправиться». Онъ проситъ въ своемъ письмѣ сообщить ему о цѣнахъ на земли въ Пенсильваніи, Виргиніи и пр. Ему хотѣлось бы пріобрѣсти небольшое имѣніе миляхъ въ 10 отъ какого-нибудь большого города, чтобы быть, однако, постоянно вблизи отъ людей.

Къ разочарованію Европой присоединялось еще одно грустное чувство, вызванное въ направленіи и дѣйствіяхъ русскаго императора. Тильзитскій миръ уже былъ заключенъ, государь охладѣлъ къ вопросамъ внутренней политики, первоначальный «неоффиціальный комитетъ» уже не существовалъ, и на Россію уже надвигался мракъ реакціи, изъ-за густого тумана которой проглядывала зловѣщая фигура Аракчеева. Въ томъ же письмѣ къ русскому въ Америкѣ Лагарпъ пишетъ:

«Былъ моментъ, когда мнѣ казалось, что я увижу восходъ чуднаго дня... но во время самаго разсвѣта поднялся туманъ и съ нимъ духи тьмы, враги свѣта, либеральныхъ идей и даже самыхъ необходимыхъ реформъ... Существуютъ документы, которые покажутъ направленіе учителя и великія чистыя мысли ученика, который былъ убѣжденъ, что онъ только первый чиновникъ своего народа и чиновникъ, отвѣтственный за свое поведеніе передъ народомъ. Его укоряютъ, я знаю, за его человѣколюбіе, за ужасъ, который ему внушаетъ произволъ, и за либеральные принципы, которые онъ часто высказывалъ; люди, чуждые всего этого, заставляютъ повторять необразованную толпу, что это вина иностранца, который имѣлъ наглость желать сдѣлать изъ него Марка Аврелія, тогда какъ намъ нужны Тиверій и Чигизъ-Ханъ».

Горько жаловался онъ на событія во Франціи и Европѣ и въ письмахъ къ русскому пріятелю въ Америкѣ, и княгинѣ Дашковой, и русскимъ путешественникамъ, графу Палену и Полетикѣ, которые, проѣздомъ въ Новый Свѣтъ, посѣтили отшельника Плесси-Пике.

Наступилъ достопамятный годъ. Наполеонъ со всею своею арміей разбитъ, гибель его близка, и уже не ему принадлежитъ рѣшающій голосъ въ европейскихъ дѣлахъ. Европа почувствовала свалившееся бремя, готовилась вступить въ новую фазу политической жизни, а съ этимъ снова поднимался вѣчный вопросъ о политическомъ равновѣсіи, характерѣ государственнаго устройства и преобладаніи старыхъ до-революціонныхъ началъ. Александръ, находившійся въ то время въ религіозномъ воодушевленіи, жаждавшій въ душѣ лишь мира и покоя и считавшій своею обязанностію всѣхъ утѣшить и успокоить, надѣявшійся пробудить Европу къ новой жизни на началахъ братской любви, конечно, вспомнилъ въ эти счастливые для себя дни и своего стараго друга, и дѣло его родины. Съ этою цѣлью онъ позвалъ къ себѣ графа Каподистріа, республиканца о. Корфу, находившагося на русской службѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ, и сказалъ ему:

— Теперь надо спасти одну республику, которую поработилъ французскій деспотизмъ и которой онъ готовитъ судьбу, участь вольныхъ городовъ Германіи. Союзные государи передъ тѣмъ, чтобы перейти черезъ Рейнъ съ своими арміями, должны удостовѣриться въ намѣреніяхъ этого честнаго и воинственнаго народа, помочь ему возвратиться къ его самобытности и дать ему возможность участвовать вмѣстѣ съ нами, какъ это уже сдѣлали государи германскаго союза, въ великомъ возстановленіи европейской системы. Возвратить каждому народу полное и совершенное пользованіе его правами и его учрежденіями, поставить, какъ ихъ всѣхъ, такъ и насъ, подъ защиту общаго союза, охранить себя и защитить ихъ отъ честолюбія завоевателей, вотъ основанія, на которыхъ мы надѣемся Божіею помощью утвердить эту новую систему... Бернская аристократія и, вслѣдствіе ея вліянія, граждане другихъ кантоновъ съ упорствомъ отказывались сдѣлать какую-нибудь добровольную уступку времени и общественнымъ успѣхамъ швейцарскаго народа. Съ этой поры революціонная партія, которую Франція старалась образовать въ странахъ, подвластныхъ главнымъ кантонамъ, пріобрѣла преобладающую силу, и французская армія овладѣла бернскими денежными сокровищами. Послѣ продолжительныхъ бѣдствій, раззорившихъ этотъ край, дѣло посредничества, которымъ Бонапартъ водворилъ миръ въ странѣ, было настоящимъ благодѣяніемъ. Еслибъ источникъ этого дѣла былъ болѣе чистый, еслибъ власть, изъ которой оно проистекало, могла внушить какое-либо довѣріе, швейцарцамъ нечего было бы желать возвратиться къ прошедшему и подвергаться опаснымъ случайностямъ новаго политическаго устройства... Союзныя державы должны уважать и заставлять другихъ, чтобы они уважали порядокъ вещей, существующій въ Швейцаріи.

Государь поручилъ графу Каподистріа ѣхать въ Швейцарію,

обѣщать неприкосновенность ея правъ и потребовать отъ нея соблюденія нейтралитета.

А Гельветическая республика снова была полна раздора, и братоубійственная война готова уже была возгорѣться. Бернская аристократія, видѣвшая въ пораженіи Наполеона и пораженіе идеи революціоннаго равенства, при поддержкѣ Австріи, приняла снова до-революціонную форму правленія, основанную на началахъ государственнаго права XIII кантоновъ, и заявила свои притязанія на обладаніе кантонами Ваадтландомъ и Аргау. Австрія нарушила нейтралитетъ Швейцаріи, и графу Каподистріа пришлось не мало потрудиться въ этомъ вопросѣ.

Русскій императоръ твердо защищалъ передъ лицомъ остальныхъ союзныхъ государствъ независимость кантоновъ и отстаивалъ нейтральность Швейцаріи. По этому предмету онъ послалъ своему старому другу Лагарпу письмо, въ которомъ извѣщаетъ его о своихъ дѣйствіяхъ въ отношеніи Гельветической республики:

«Наконецъ-то, любезный другъ, я могу говорить съ вами, не компрометируя васъ своимъ письмомъ и не подвергаясь цензурѣ нескромной инквизиціи почтъ... Вотъ въ краткихъ словахъ, чего я добился вслѣдствіе настояній и горячности, съ которою защищалъ дѣло вашей родины... Существованіе Ваадтскаго и Аргаускаго кантоновъ не будетъ нарушено или встревожено Бернскимъ. Сеймъ будетъ собранъ, и одинъ онъ устроитъ конституціоннымъ порядкомъ тѣ перемѣны, которыя сочтетъ нужнымъ въ актѣ посредничества. Кантоны будутъ властны исправить то, чего недостаетъ въ ихъ внутреннемъ устройствѣ, не захватывая, впрочемъ, правъ другъ предъ другомъ. Союзныя державы не будутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Швейцаріи и будутъ довольствоваться отстраненіемъ своими совѣтами разъединенія и столкновенія»...

И, дѣйствительно, по настоянію государя, союзными державами была передана графу Каподистріа декларація, уполномочивавшая признавать за депутатовъ тѣхъ изъ швейцарскихъ гражданъ, которыхъ онъ найдетъ достойнымъ этого званія. Декларація была показана мѣстнымъ властямъ, и въ Цюрихъ безъ всякаго промедленія были назначены и отправлены на сеймъ депутаты отъ 19 кантоновъ, слѣдствіемъ чего было присоединеніе Швейцаріи къ планамъ союзныхъ государствъ, а ей была дарована обѣщанная Александромъ нейтральность. Телеграммы Каподистріа пересылались государемъ Лагарпу, который возвращалъ ихъ съ своими замѣчаніями, сообразно съ которыми дѣлались уполномоченному распоряженія и указанія. Въ 1814 г. императоръ свидѣлся съ своимъ воспитателемъ въ Лангрѣ и при первомъ же свиданіи не преминулъ ему замѣтить, что, если онъ могъ быть полезнымъ дѣлу независимости Европы, то этимъ онъ обязанъ его наставленіямъ:

— Воспоминаніе о васъ въ трудныя минуты никогда не остав-

ляло моей мысли, и желаніе сдѣлаться достойнымъ вашихъ попеченій, заслужить ваше уваженіе поддерживало меня.

29-го марта Лагарпъ удостоился получить знаки ордена св. Андрея Первозваннаго при рескриптѣ слѣдующаго содержанія: «Желая воздать должную справедливость тѣмъ отличнымъ попеченіямъ и трудамъ, кои оказываемы были вами съ самыхъ молодыхъ лѣтъ моихъ при воспитаніи моемъ, и, будучи движимъ должною къ вамъ благодарностію, препровождая при семъ знаки ордена нашего св. апостола Андрея Первозваннаго, желаю, чтобъ вы ихъ, возложивъ на себя, носили по установленію».

Съ 1814 по 1816 г. Лагарпъ почти не разставался съ императоромъ, находясь близь него въ Парижѣ, въ качествѣ частнаго человѣка, и Вѣнѣ, въ качествѣ представителя трехъ кантоновъ: Ваадтланда, Тессина и Аргау. Онъ познакомилъ государя какъ съ своимъ семействомъ, такъ и со многими выдающимися литераторами и учеными, какъ напримѣръ, съ извѣстнымъ педагогомъ Песталлоци, котораго Александръ приглашалъ въ Россію.

— Парижъ въ восторгѣ отъ вашего императорскаго величества,— привѣтствовала государя жена Лагарпа.

— Если во мнѣ есть что-либо заслуживающее расположенія, то кому я этимъ обязанъ, какъ не вашему мужу? Еслибъ не было Лагарпа, не было бы Александра,—скромно отвѣтилъ государь.

Рескриптъ императора на имя Лагарпа съ препровожденіемъ высшаго ордена доставилъ ему почетное мѣсто среди блестящей свиты, окружавшей Александра. Всѣ стали его приглашать на дипломатическіе обѣды и вечера, съ нимъ стали обращаться любезно и заискивающимъ образомъ.

Въ рѣшеніи швейцарскаго вопроса ему принадлежало первенствующее значеніе, и, благодаря его вліянію на Александра, на Вѣнскомъ конгрессѣ Швейцарія была расширена присоединеніемъ отнятыхъ у нея Наполеономъ областей, признанъ ея всегдашній нейтралитетъ и союзно-республиканское устройство.

Вѣнскій конгрессъ былъ заключительнымъ аккордомъ въ политической дѣятельности Лагарпа. Съ тѣхъ поръ онъ совершенно сходитъ со сцены европейскаго театра и, продавъ разрушенное и разграбленное прусскими войсками при вступленіи въ Парижъ свое имѣніе Плесси-Пике, переселяется въ 1816 г. на постоянное жительство въ Лозанну. Но прежде чѣмъ окончательно уйти отъ всякаго общественнаго дѣла, онъ снова былъ призванъ русскимъ царствующимъ домомъ, въ качествѣ ментора и руководителя при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ во время его путешествія по Италіи. Александръ понималъ, на сколько полезна будетъ юному путешественнику, не знавшему итальянскаго языка, близость такого просвѣщеннаго и опытнаго путеводителя, какъ Лагарпъ.

Великій князь выѣхалъ изъ Россіи со свитою изъ 11 человѣкъ

и былъ принятъ въ деревнѣ бывшаго директора Гельветической республики самымъ радушнымъ образомъ. Чрезвычайно тронули также Михаила Павловича выраженія признательности и любви жителей Ваадтланда, оказанныя въ его лицѣ русскому императору. Эта поѣздка, принесшая большую пользу великому князю и ознакомившая его съ достопримѣчательностями Италіи, послужила предлогомъ къ возобновленію переписки между Лагарпомъ и членами императорскаго дома. Государыня Марія Өедоровна и великій князь Константинъ Павловичъ не прекращали съ тѣхъ поръ своихъ письменныхъ сношеній съ швейцарцемъ.

«Какъ мать, я радуюсь, что сынъ порученъ истинному другу нашего дома,—писала государыня Марія Өедоровна,—и я лично наслаждаюсь столь интересными подробностями, которыя вы сообщаете мнѣ касательно искусствъ. Путешествовать по Италіи съ столь просвѣщеннымъ менторомъ—это удваивать наслажденіе, доставляемое этимъ прекраснымъ и интереснымъ путешествіемъ».

«Благодарю васъ,—писала она въ другомъ письмѣ,—за нѣжную дружбу къ сыну моему; подъ руководствомъ этого чувства путешествіе его будетъ для него интереснѣйшею и полнѣйшею эпохою жизни. Вы питаете душу его великими, прекрасными и благородными воспоминаніями и запечатлѣваете имена людей, которыя должны сохраняться въ сердцахъ царей, какъ въ святилищѣ».

Лагарпъ посылалъ ей подробнѣйшіе отчеты о путешествіи, при чемъ сообщалъ ей не только свѣдѣнія о ея сынѣ, но также о заграничныхъ достопримѣчательностяхъ съ ихъ историческимъ и философскимъ толкованіемъ.

Окончивъ путешествіе въ началѣ 1819 г., Лагарпъ вернулся въ Лозанну, продолжая переписываться отъ времени до времени съ своими русскими друзьями.

Въ 1824 г. были къ нему препровождены въ Швейцарію орденскіе знаки св. Александра Невскаго и св. Анны 1-й степени, потому, какъ сказано въ отношеніи управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ капитулъ русскихъ орденовъ отъ 5-го іюня 1824 г., что эти знаки не были доставлены г. Лагарпу при пожалованіи его въ 1814 г. кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

Въ декабрѣ 1825 г. не стало Александра Павловича. Лагарпъ, который дѣйствительно глубоко и нѣжно любилъ императора, былъ чрезвычайно потрясенъ извѣстіемъ о его преждевременной кончинѣ. Свою скорбь объ этомъ грустномъ событіи онъ вылилъ въ письмахъ къ членамъ императорской семьи, на которыя имъ отъ всѣхъ были получены самые сочувственные отвѣты. Особенною теплотою дышатъ письма двухъ вдовствующихъ императрицъ.

«Изъ всѣхъ, раздѣляющихъ со мною глубокую скорбь,—писала Елисавета Алексѣевна,—воспоминаніе о васъ, милостивый госу-

дарь, въ эту жестокую минуту, увѣряю васъ, для меня самое драгоцѣнное. Мнѣ отрадно бы было оплакивать вмѣстѣ съ вами обожаемаго человѣка, коего прекрасная душа вамъ была извѣстна; вы слѣдили за его развитіемъ, вы способствовали оному....; никто поэтому лучше васъ не можетъ понять всей громадности моей утраты и говорить мнѣ тѣмъ языкомъ, котораго болѣе всего жаждетъ мое сердце. Вы знаете, милостивый государь, что онъ любилъ сознавать, чѣмъ онъ вамъ обязанъ, и я нахожу утѣшеніе въ повтореніи этого. Вы говорите, что остатокъ жизни вашей разстроенъ нашимъ несчастіемъ, и я этому вѣрю; но вспомните о непосредственномъ вліяніи, которое вы имѣли на его молодость, о благѣ, которое вы этимъ принесли ему и вообще человѣчеству, и вы еще найдете утѣшеніе въ этомъ воспоминаніи».

«Очень скоро послѣ извѣстія о моемъ несчастіи,—писала Марія Ѳедоровна,—я подумала о васъ, о вашей скорби и безпокоилась за васъ, ибо я очень хорошо знаю, какъ вы были привязаны къ нему, равно и какъ онъ былъ вамъ признателенъ за ваши нѣжныя попеченія... Я очень хорошо знаю, что вы должны испытывать и какъ вы страдаете, переносясь къ тѣмъ счастливымъ временамъ, когда вы ежедневно видѣли, какъ развивалась эта прекрасная душа, столь чистая, столь склонная къ добру, это сердце столь великодушное, столь великое...»

Къ этому письму былъ приложенъ чрезвычайно удачный портретъ покойнаго императора.

Оставался въ живыхъ еще одинъ ученикъ Лагарпа—великій князь Константинъ Павловичъ, отрекшійся отъ престола и жившій въ Варшавѣ въ качествѣ намѣстника царства Польскаго. Со времени путешествія Михаила Павловича за границу письменныя сношенія намѣстника съ бывшимъ наставникомъ возобновились, и великій князь въ своихъ длинныхъ письмахъ увѣдомлялъ старика Лагарпа о всемъ, происходящемъ въ Россіи, о своей жизни, своихъ взглядахъ на европейскія дѣла.

Письма его отличаются чрезвычайной теплотой и прямотой: въ нихъ очень наглядно рисуется простой, честный человѣкъ, ставящій выше всего свой долгъ передъ закономъ и отечествомъ и считающій лучшею для себя наградою довѣріе и признательность своего государя. Лагарпъ не остался равнодушенъ къ своему бывшему младшему и непокорному ученику; онъ перенесъ на него какъ бы частичку своей любви и нѣжности, которую питалъ прежде къ своему старшему воспитаннику. Такъ, когда Константинъ Павловичъ въ 1829 г. путешествовалъ за границею, и въ парижской печати появились ядовитыя насмѣшки и бранные отзывы о личности и дѣятельности въ Варшавѣ великаго князя, Лагарпъ, пользуясь своими связями и вліяніемъ въ политическихъ и литературныхъ кружкахъ, употребилъ не мало усилій къ тому, чтобы пре-

кратились анонимные невыгодные и обидные для его бывшаго ученика отзывы. По этому поводу великій князь писалъ ему въ 1829 г.

«Приношу вамъ мою благодарность за ваши хлопоты въ Парижѣ, чтобы заставить прекратить ядовитыя колкости противъ меня, дозволенныя свободою или своевольствомъ печати. Вы знаете мое сужденіе объ этомъ предметѣ: я откровенно выразилъ вамъ его въ Эмсѣ. Печатайте, что угодно, но скажите тому, противъ кого вы печатаете, источникъ, откуда вы это почерпнули, дабы онъ могъ найти справедливость, если онъ оскорбленъ или обиженъ. Правительства существуютъ для того, чтобы защищать гражданъ всѣхъ сословій и покрывать ихъ своею егидою, дабы они не могли расправляться сами, и еще для того, чтобы ни въ чемъ не допускать подлости. Всякій безъимянный авторъ подлъ, ибо онъ скрывается за тайною, чтобы дѣлать зло и вредить, а затронутые принуждены прибѣгать къ личному и непозволенному мщенію и поставлены въ необходимость индивидуальной защиты. Еслибы издатели были обязаны закономъ предъявлять оригиналы честно подписанными въ руки лицъ общественныхъ, это остановило бы злоупотребленіе печати, которое затрогиваетъ всякаго».

Новый государь не оставилъ также безъ вниманія наставника своего покойнаго брата и въ письмѣ, отъ 9-го марта 1826 г., писалъ ему: «...Мысль моя должна была по естественному побужденію перенестись на васъ, и я еще живѣе могъ оцѣнить тѣ чувства, кои вы мнѣ выражаете. Подъ вашими глазами, вашими попеченіями развивались первыя сѣмена тѣхъ благородныхъ качествъ, которыя изъ императора Александра сдѣлали славу Россіи и которыя пріобщили все человѣчество къ плачу о его утратѣ. Сердце мое говоритъ мнѣ, что должно было происходить въ вашемъ, когда вы имѣли несчастіе узнать, что великаго монарха не стало для нашего уваженія и нашихъ надеждъ. Связь, существующая между нами вслѣдствіе этой общей скорби, останется для меня всегда священною».

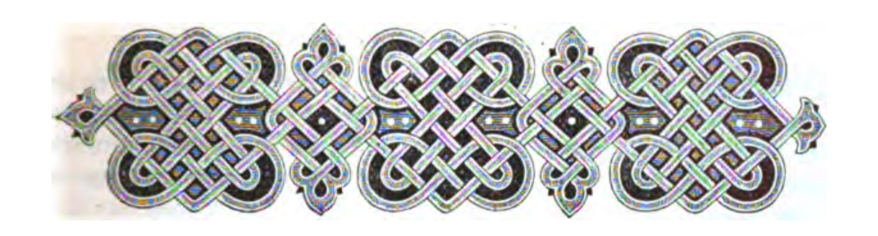
Въ память дружбы между воспитателемъ и воспитанникомъ, императоръ Николай возвратилъ Лагарпу всѣ его проекты и письма, писанные имъ Александру, хранившіеся въ кабинетѣ покойнаго государя. Лагарпъ, сознавая историческое значеніе своей переписки и важность для исторіи подлинныхъ документовъ, снялъ копіи съ присланнаго, возвратилъ ихъ въ Петербургъ, прибавивъ копіи съ проектовъ и писемъ къ нему Александра Павловича.

По поводу этой присылки Николай I писалъ ему: «...Въ этомъ поступкѣ я узнаю всю деликатность чувствъ вашихъ, милостивый государь, и новый знакъ благоговѣнія къ памяти покойнаго моего брата. Примите изъявленіе совершенной моей признательности. Приношу вамъ ее также и за трудную работу вашу присоединенія къ жертвуемому вами мнѣ собранію реестра, который облегчаетъ разборъ онаго».

Это было написано въ 1832 г., а черезъ 6 лѣтъ Лагарпа уже не стало. Онъ умеръ 30-го марта 1838 г. восьмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, окруженный своей семьей, еще бодрый и здоровый, не оставляя своихъ любимыхъ занятій естественными науками, исторіей и приведеніемъ въ порядокъ своихъ обширныхъ мемуаровъ. Онъ былъ еще настолько полонъ жизни и любознательности, что незадолго до своей смерти сознавался, что готовъ поступить въ какую-нибудь коллегію, чтобъ еще учиться и учиться. Друзья и враги его, всѣ уже сошли въ могилу, отечество признало его заслуги, онъ видѣлъ осуществленіе своихъ излюбленныхъ мечтаній и, точно старый дубъ, твердо выдержавшій бури и непогоды, спокойно и величаво созерцалъ взлелѣянные имъ молодые побѣги и всходы. Наконецъ, и этотъ дубъ рухнулъ, и освобожденное поколѣніе соотечественниковъ, отдавая послѣднюю земную дань учителю и заступнику, съ признательностью говорило: «Много онъ потрудился — имѣетъ право отдохнуть».

В. Глинскій.

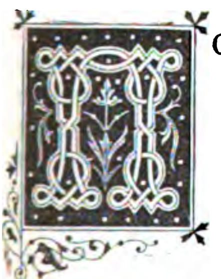
ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО ЛИТЕРАТОРА.

II.

Мое сотрудничество въ журналахъ въ 1844—1846 годахъ [1]).

I.

Мое предположеніе обозрѣть замѣчательные библіотеки и архивы въ прежнихъ польскихъ областяхъ. — Составленный мною каталогъ русской исторіи. — Его судьба.—Отказъ графа Уварова въ моей заграничной командировкѣ. — Составленіе мною каталоговъ библіотекъ князей Радзивиловъ и министерства народнаго просвѣщенія. — Выгодная покупка. — Участіе ко мнѣ князя П. А. Вяземскаго.—Уроки у Карамзиныхъ.—Андрей Николаевичъ Карамзинъ.—Мои занятія съ нимъ славянскими нарѣчіями.—Канцелярія Святѣйшаго Сvнода.—Мое первое знакомство съ К. С. Сербиновичемъ.—Его квартира надъ Щукиными лавками.—Мой первый переводъ съ чешскаго языка.—Критическія статьи мои въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія».—Переводъ съ сербскаго языка.

О ВОЗВРАЩЕНИИ моемъ изъ-за границы, въ августѣ 1842 года, я помышлялъ лишь о полученіи отъ правительства средствъ на. обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ библіотекъ и архивовъ въ прежнихъ польскихъ областяхъ, присоединенныхъ къ Пруссіи, и въ Галиціи, для извлеченія изъ нихъ всего относящагося до исторіи Россіи. Князь П. А Ширинскій-Шихматовъ, заступавшій тогда временно мѣсто министра народнаго просвѣщенія, и предсѣдатель Археографической комиссіи, чрезвычайно радушно принялъ мое предложеніе и проектъ поѣздки и занятій моихъ за границей, и завѣрилъ

[1]) Начало воспоминаній А. В. Старчевскаго («Встрѣчи и знакомства») было напечатано въ Октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1886 года.

меня въ томъ, что министерство охотно ассигнуетъ на это по три тысячи руб. сер. въ годъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Мнѣ оставалось только дождаться возвращенія изъ поѣздки по Россіи министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова и готовиться опять къ отъѣзду за границу.

Въ это время я занялся приведеніемъ въ порядокъ и систему всѣхъ выписокъ, сдѣланныхъ мною въ Берлинѣ, изъ бумагъ А. И. Тургенева, какіе и гдѣ встрѣчалъ онъ источники и матеріалы для русской исторіи, какія попадались ему книги, въ которыхъ говорилось о Россіи и т. д. Пополнивъ этотъ историческій скарбъ собственными библіографическими матеріалами и названіями всѣхъ историческихъ сочиненій, изданныхъ въ Россіи до 1840 г. включительно, я составилъ подробный «каталогъ русской исторіи» какъ внутреннихъ, такъ и иностранныхъ источниковъ. Трудъ мой оказался довольно объемистымъ и объ изданіи его не могло быть и рѣчи. Странная судьба постигла его. Въ 1848 году я далъ его просмотрѣть старшему сыну нашего исторіографа Карамзина — у котораго онъ такъ и остался. Полагаю, что мой историческій каталогъ, по смерти Андрея Николаевича, попалъ въ библіотеку, перешедшую въ наслѣдство къ Павлу Павловичу Демидову, впослѣдствіи князю Санъ-Донато.

Едва трудъ мой былъ оконченъ, возвратился изъ поѣздокъ по Россіи С. С. Уваровъ, и предложеніе мое, принятое княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ, было оставлено, о чемъ подробно разсказано въ моей первой статьѣ.

Тогда я думалъ, что мое настоящее призваніе состоитъ въ томъ, чтобы посвятить себя исключительно изслѣдованіямъ по русской исторіи; но вышло другое: всѣ надежды мои разлетѣлись, а мнѣ оставалось подумать о томъ, чѣмъ жить и какъ обезпечить себя на будущее. Но весьма трудно отставать отъ любимаго предмета, а потому я, прежде всего, обратился, къ главному редактору Археографической комиссіи Я. И. Бередникову, съ которымъ познакомился по пріѣздѣ моемъ изъ-за границы и который мнѣ очень симпатизировалъ. Послѣ вопроса не могу ли я получить у него какихъ-либо занятій, онъ объявилъ мнѣ, что въ Археографической комиссіи для меня ничего нѣтъ и ожидать ничего нельзя, «но вотъ что, прибавилъ онъ: я состою библіотекаремъ русскаго отдѣленія библіотеки Императорской Академіи Наукъ, и такъ какъ мнѣ недавно передали хранившуюся уже много лѣтъ въ академическихъ кладовыхъ (сараяхъ) знаменитую «Несвижскую библіотеку князей Радзивилловъ», взятую Бибиковымъ, и которая хотя мною и принята, но не размѣщена еще какъ слѣдуетъ и вовсе не имѣетъ ни списка, ни каталога, такъ что мы сами не знаемъ что̀ въ ней цѣннаго и, вообще, что она такое? Я и помощникъ мой по библіотекѣ, П. П. Ламбинъ, попольски не знаемъ, поэтому вы сдѣлали бы мнѣ

величайшее одолженіе, если бы занялись составленіемъ каталога этой библіотеки, конечно, если бы это вамъ было угодно; тогда я попросилъ бы у своего начальства о назначеніи извѣстной суммы за вашъ трудъ».

Я съ радостію принялъ предложеніе Бередникова, который не замедлилъ выхлопотать вознагражденіе за составленіе каталога, по 50 р. с. въ мѣсяцъ, съ тѣмъ, чтобы каталогъ былъ составленъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ.

Съ удовольствіемъ сталъ я заниматься этимъ дѣломъ и совершенно забылъ о библіотекахъ и архивахъ княжества Познаньскаго и Галиціи.

Я очутился совершенно въ новомъ мірѣ: передо мною была масса старинныхъ книгъ, разнаго достоинства и форматовъ, хотя, кое-гдѣ уже погнившихъ, но это были драгоцѣнные и рѣдкіе представители старинной польской литературы и науки, о которыхъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, что такое была Несвижская библіотека, хранящаяся теперь въ русскомъ отдѣленіи библіотеки Императорской Академіи Наукъ. Тамъ есть неоцѣненныя сокровища для исторіи польскаго права и политической исторіи Польши XVI и XVII столѣтій.

По исполненіи мною этого порученія, Я. И. Бередниковъ, бывшій также библіотекаремъ библіотеки министерства народнаго просвѣщенія, просилъ меня составить каталогъ и этой библіотеки, доставилъ мнѣ на домъ карточки съ заглавіями, находившихся въ ней книгъ, обѣщавъ выхлопотать за мой трудъ вознагражденіе отъ министерства. Порученіе Якова Ивановича было мною исполнено, но въ вознагражденіи министерство отказало. Однако, трудъ мой не пропалъ и уже не Бередниковъ, а неожиданный случай, вознаградилъ меня за него.

Отославъ къ Якову Ивановичу составленный мною каталогъ, я на другой день, рано утромъ, отправился къ нему узнать: сколько именно министерство ассигновало за мой трудъ. Бередниковъ съ грустью объявилъ мнѣ объ отказѣ. Нечего было дѣлать; не требовать же мнѣ было гонораръ съ человѣка, который для меня все же кое-что сдѣлалъ. Простившись съ нимъ и повѣся голову, я отправился домой черезъ толкучій рынокъ, на которомъ часто бывалъ и покупалъ разныя книги. Тогда «толкучка» была въ полной славѣ и на ней можно было встрѣтить весьма почтенныя личности—ученыхъ, литераторовъ и художниковъ; самъ Монферранъ и его супруга не гнушались толкучкой и пріобрѣли на ней много цѣнныхъ вещей. Такъ, напримѣръ, г-жа Монферранъ купила на толкучкѣ за 5 р. с. экземпляръ Библіи, напечатанный Гуттенбергомъ — второй въ Европѣ, который впослѣдствіи былъ ею проданъ въ Парижѣ за 5 т. франковъ. Проходя между лавочекъ, торговавшихъ книгами, я замѣтилъ висѣвшіе, снаружи лавки, три поясныхъ пор-

трета итальянской работы, превосходно исполненные. Первый былъ портретъ Константина Павловича въ 15—16-тилѣтнемъ возростѣ; второй—свѣтлѣйшаго князя Зубова—оба работы знаменитаго Лампи, и третій—портретъ Ивана Ивановича Дмитріева—писателя и государственнаго человѣка. За три портрета, хорошо сохранившіеся, съ меня спросили семь руб. сер., но у меня въ карманѣ была всего одна синенькая (5 р. с.) ассигнація, и продавецъ, безъ дальнѣйшаго торга, отдалъ мнѣ за нее всѣ три портрета. Я очень обрадовался своей покупкѣ, но недолго наслаждался ею.

Возвратившись домой, я узналъ, что ко мнѣ пріѣзжалъ отъ князя П. А. Вяземскаго чиновникъ Костіевской съ приглашеніемъ сегодня же пожаловать къ князю. Въ 12 часовъ дня я былъ уже у князя и, между прочимъ, сообщилъ ему о своей неожиданной покупкѣ. Князь счелъ мой разсказъ за хвастовсто и до того заинтересовался портретами, что сейчесъ же послалъ г. Костіевскаго за ними на мою квартиру. Спустя часъ, князь нетолько убѣдился въ справедливости моихъ словъ, но и предложилъ мнѣ переуступить ему покупку. Тутъ же онъ выдвинулъ ящикъ письменнаго стола, вынулъ 150 р. с. и вручилъ ихъ мнѣ. Я не хотѣлъ и слышать о такой суммѣ, но на это князь мнѣ отвѣчалъ: «вы могли купить эти портреты и за одинъ рубль сер., а я даю вамъ то, что они стоятъ, и надѣюсь, что вы не будете больше спорить со мною объ этомъ». Нечего было дѣлать, тѣмъ болѣе, что такою суммою каталогъ вполнѣ окупался.

Спустя нѣкоторое время, я узналъ, что портретъ Константина Павловича князь подарилъ Академіи Художествъ, портретъ Дмитріева всегда висѣлъ въ его кабинетѣ, а Зубова, находился сперва въ библіотекѣ, а потомъ былъ отправленъ на дачу (въ Лѣсной).

Князь Вяземскій зналъ критическое положеніе, въ которомъ я находился по возвращеніи изъ-за границы; но помочь мнѣ было довольно трудно. Хотя я и былъ кандидатомъ С.-Петербургскаго университета, но не смотря на это не могъ получить мѣста въ Петербургѣ, такъ какъ тогда кандидаты могли служить въ министерствахъ неиначе, какъ прослуживъ прежде три года въ провинціи. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, князь увѣдомилъ меня, что устроилъ мнѣ у Карамзиныхъ уроки славянскихъ нарѣчій, которыми хотѣлъ заняться старшій сынъ исторіографа Андрей Николаевичъ. Карамзины жили тогда у Пустаго рынка по Моховой улицѣ, въ домѣ Бибикова, гдѣ занимали второй и третій этажи. Жили они открыто: Андрей и Владиміръ Николаевичи занимали въ третьемъ этажѣ нѣсколько комнатъ, отлично меблированныхъ, и обставленныхъ со вкусомъ. Я отправился къ Карамзинымъ и Андрей Николаевичъ произвелъ на меня прекрасное впечатлѣніе. Онъ былъ военный и состоялъ при комъ-то адъютантомъ. Первое знакомство сблизило насъ, и я пользовался полнымъ его располо-

женіемъ и радушіемъ до самаго 1849 года, съ котораго я его больше не видалъ.

Сначала я занялся съ нимъ польскимъ языкомъ;—онъ не замедлилъ обнаружить необыкновенныя лингвистическія способности: послѣ нѣсколькихъ уроковъ онъ уже прекрасно читалъ попольски. Вслѣдъ затѣмъ онъ прочиталъ со мною всего Мицкевича и такъ вникъ въ духъ языка, что лишь изрѣдка мнѣ приходилось подсказывать ему значеніе какого-нибудь слова. Достаточно было двухъ мѣсяцевъ и мы покончили съ польскимъ языкомъ. Приступили къ чешскому, который ему не понравился, и онъ постоянно говаривалъ: «когда я читаю почешски, то мнѣ кажется, что у меня песокъ попалъ на зубы, и все что-то трещитъ»; за чешскимъ языкомъ мы просидѣли цѣлыхъ четыре мѣсяца. Андрею Николаевичу хотѣлось знать, чѣмъ отличается чешскій языкъ отъ словакскаго, словинскаго или хорутанскаго и отъ верхне-лужицкаго нарѣчій, не говоря уже о моравскомъ. Вслѣдствіе такой любознательности ученика и самому учителю приходилось пристальнѣе взглянуть на свое дѣло, что̀ и заставило меня заняться составленіемъ краткихъ грамматикъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій.

Послѣ чешскаго языка, пошелъ въ ходъ сербскій, на которомъ мы и покончили, потому что Карамзину дано было какое-то служебное порученіе, и онъ долженъ былъ на время оставить Петербургъ.

Князь П. А. Вяземскій опять сталъ хлопотать куда-нибудь пристроить меня и случай рѣшилъ мою участь: мнѣ пришлось избрать своимъ поприщемъ литературу и сдѣлаться журнальнымъ сотрудникомъ.

Однажды, когда я пришелъ къ князю—а бывалъ я у него довольно часто—онъ объявилъ мнѣ, что надняхъ видѣлъ Сербиновича (редактора «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія») и просилъ его дать мнѣ занятія по журналу, сообщивъ ему, кстати, о моихъ заграничныхъ трудахъ. Константинъ Степановичъ Сербиновичъ былъ многимъ обязанъ Карамзинымъ, находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ кн. Вяземскимъ и не могъ отказать послѣднему въ его просьбѣ. Онъ отвѣчалъ, что съ удовольствіемъ дастъ мнѣ работу въ журналѣ и просилъ князя направить меня къ нему.

Передавъ мнѣ это, князь прибавилъ: «теперь ровно часъ, отправляйтесь къ Сербиновичу; онъ въ настоящую минуту въ канцеляріи Святѣйшаго Сѵнода, которая помѣщается на Невскомъ проспектѣ противъ дома графа Броницкаго. Онъ вѣдь одинъ изъ директоровъ ея (а второй былъ Войцеховичъ)». Я такъ и сдѣлалъ.

Не могу не передать первой моей встрѣчи съ Сербиновичемъ и впечатлѣнія, которое онъ на меня произвелъ. Войдя въ канцелярію, я былъ пораженъ тѣмъ, что увидалъ въ ней: вся передняя была наполнена провинціальными священниками, представлявшими

пеструю группу разнообразныхъ физіономій и костюмовъ. Духовные отцы находились въ какомъ-то тревожномъ состояніи, и, по мѣрѣ вызова ихъ въ дальнѣйшія комнаты канцеляріи, казались смущенными и блѣдными. Зрѣлище это подѣйствовало на меня весьма тягостно. Я самъ почувствовалъ себя какъ-то неловко и нѣсколько смутился, подумавъ: какъ-то и меня приметъ г. директоръ. Курьеръ освѣдомился о моемъ званіи и фамиліи, а равно и о томъ кого я желаю видѣть. Я отвѣтилъ: «доложите Константину Степановичу, что отъ князя Вяземскаго пришелъ господинъ Старчевскій». Курьеру, очевидно, извѣстна была фамилія кн. Вяземскаго; онъ быстрыми шагами пошелъ доложить обо мнѣ и, тотчасъ же возвратившись, сказалъ: «пожалуйте» и повелъ меня въ директорскій кабинетъ. За столомъ сидѣлъ человѣкъ средняго роста съ полупольской, полурусской физіономіей, бѣгающими сѣрыми глазками и съ вѣчно-сладкою улыбочкою, какъ будто говорящею:—«чортъ бы всѣхъ васъ побралъ, гг. посѣтители, такъ вы мнѣ надоѣли...» Улыбка была чисто іезуитская, и проситель никакъ не могъ себѣ объяснить: смѣшенъ ли онъ въ глазахъ господина, къ которому обращается, или улыбка эта означаетъ:—ахъ, ты, каналья, я вижу тебя насквозь. Можно представить себѣ положеніе того сельскаго священника, котораго судьба ставила предъ лицо столь важнаго человѣка, какъ директоръ канцеляріи Св. Сѵнода. Когда я вошелъ, Константинъ Степановичъ велъ разговоръ довольно щекотливаго свойства съ какимъ-то батюшкой, обвиняемомъ въ чемъ-то. При моемъ появленіи батюшка былъ отпущенъ и какъ тщательно не вытиралъ лицо свое краснымъ платкомъ, но потъ лилъ съ него градомъ. Видно было, что улыбочка директора производила на него сильное дѣйствіе...

Я подошелъ къ столу и поклонился. Константинъ Степановичъ, не приподнимаясь, кивнулъ мнѣ головой и указалъ на кресло, стоявшее у стола.

— Мнѣ говорилъ о васъ кн. Вяземскій, и я охотно дамъ вамъ занятія въ журналѣ, — сказалъ Сербиновичъ.—Кстати вы занимаетесь съ Андреемъ Николаевичемъ славянскими нарѣчіями, а у меня давно уже лежитъ одинъ чешскій журналъ съ большою статьею о Чермной Руси. Я желалъ бы, чтобы вы перевели ее для журнала министерства. Пожалуйте ко мнѣ завтра въ 9 часовъ утра на квартиру: я вамъ передамъ этотъ журналъ. Я живу надъ Щукинымъ, ходъ по большой галлереѣ, № 8.

Онъ опять кивнулъ мнѣ головой, означая, что аудіенція кончена. Я всталъ, поклонился и ушелъ, тщетно стараясь разгадать, что за личность Сербиновичъ. На другой день я отправился къ нему на квартиру. Въ моей головѣ никакъ не укладывалось: какимъ образомъ такое важное лицо, какъ директоръ канцеляріи Св. Сѵнода, занимаетъ квартиру надъ Щукиными лавками. Подняв-

шись въ верхнюю галлерею и не безъ труда лавируя между пустыми ящиками, боченками, кучами дровъ, вывѣшенными для просушки одѣялами и т. п., я, наконецъ, очутился передъ дверьми, на которыхъ была прибита мѣдная доска съ надписью «Константинъ Степановичъ Сербиновичъ», а рядомъ съ дверьми было окно, въ два аршина, завѣшенное бѣлою кисеею. Это было окно кабинета редактора «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». Я слегка позвонилъ въ колокольчикъ, мнѣ отворила горничная и ввела въ кабинетъ, маленькую комнату, въ сажень ширины и въ двѣ сажени длины, освѣщенную окномъ съ галлереи; въ кабинетѣ устроены были антресоли, такъ что вышина его была не болѣе трехъ аршинъ. За столомъ, у окошка, сидѣлъ К. С. въ халатѣ изъ термаламы. На мой поклонъ онъ кивнулъ головой и указалъ на стулъ. Первые вопросы, съ которыми онъ обратился ко мнѣ были, такъ сказать, «полицейскаго свойства». На вопросъ кто я такой? я отвѣтилъ ему, что полякъ и родомъ изъ Кіевской губерніи. Это его раздражило и онъ сказалъ: «полякъ, полякъ, какой вы полякъ? вы—уроженецъ западныхъ губерній и больше ничего». Когда кончились подобные вопросы, я подалъ ему два тома моего изданія на латинскомъ языкѣ: «Сказанія иностранныхъ писателей XVI-го столѣтія о Россіи». Онъ развернулъ ихъ, взглянулъ на предисловіе и замѣтилъ.

— Это хорошо, что вы такъ основательно знаете латинскій языкъ и занимаетесь русскою исторіею. Мы недавно лишились одного важнаго сотрудника, знатока русской исторіи и писавшаго у насъ историческія критики. Это былъ Иванъ Петровичъ Боричевскій, который оставилъ литературныя занятія и поступилъ на службу къ графу Клейнмихелю. Это человѣкъ очень способный, знающій, и мнѣ очень жаль, что онъ ушелъ, но теперь вы займете его мѣсто и на первый разъ разберете второй появившійся томъ изданія Александра Ивановича Тургенева «Historiae Russiae monumenta», а потомъ—разберите и свое изданіе.

— Ваше превосходительство,—замѣтилъ я,—какъ же я буду разбирать собственный трудъ! Вѣдь это вещь для меня очень щекотливая. Мало указать на содержаніе книги, надо же сообщить о ея достоинствахъ...

— Сдѣлайте честный отзывъ, обстоятельно и подробно. Я самъ просматриваю всѣ критики и потому не допущу ничего такого, что бы могло васъ компрометировать, какъ критика. При томъ же мнѣ некому отдать разобрать ваше изданіе. А если вы не беретесь сами разобрать его, то въ журналѣ министерства вовсе не будетъ отзыва о вашемъ изданіи. На всѣ три книги вамъ дается 6 мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ должны явиться ваши критики въ журналѣ министерства. Но это дѣло впереди. Прежде всего вамъ надо приняться за трудъ, о которомъ я вамъ говорилъ вчера.

Тутъ Константинъ Степановичъ всталъ, по узкой лѣсенкѣ вскарабкался на антресоли, и спустился, держа въ рукахъ двѣ зелененькихъ книжечки чешскаго журнала, озаглавленнаго: «Czasopis czeskeho muzeum». Онъ усѣлся на своемъ креслѣ, сталъ перелистывать эти книжечки и остановился на историческомъ и географическомъ взглядѣ на Угорскую Русь и Галичъ.

— Вотъ вамъ первая работа. Покажите себя и передайте статью добросовѣстно. Вы вѣдь знаете чешскій языкъ?

— Да, знаю,—отвѣтилъ я.

— Такъ вотъ приготовьте статью къ февральской книжкѣ. Затѣмъ прощайте.

Онъ кивнулъ мнѣ головой; я забралъ въ охапку книги и ушелъ отъ Сербиновича въ недоумѣніи. Прежде всего меня заняла мысль: почему лицо, занимавшее два выдающихся поста — директора и редактора, жило въ такой странной, почти скаредной обстановкѣ. Впослѣдствіи дѣло объяснилось очень просто. Щукинъ дворъ принадлежитъ министерству народнаго просвѣщенія, которое всѣ квартиры, находящіяся во второмъ этажѣ, надъ лавками, раздавало болѣе заслуженнымъ чиновникамъ министерства, и Сербиновичъ, какъ редакторъ министерскаго журнала, получилъ здѣсь квартиру, въ три комнаты, сохраняя себѣ квартирныя деньги отъ Сѵнода. У Сербиновича не было дѣтей; для него и жены квартира, пожалуй, была достаточная, но внѣшняя ея обстановка была весьма непривлекательна.

Выйдя отъ Сербиновича съ пачкой книгъ, я крѣпко призадумался насчетъ перевода съ чешскаго. Въ первое мое путешествіе, въ 1840 году за границей, я два раза былъ въ Богеміи, прожилъ цѣлую недѣлю въ Прагѣ, слышалъ чешскую рѣчь, напоминавшую, отчасти, польскую, понималъ почти все, что говорили чехи, но не читалъ ни одной чешской книги. Однако, припоминая чешскую рѣчь, я былъ увѣренъ, что добывъ чешско-нѣмецкій словарь, справлюсь съ данной мнѣ работой. Но какъ я себя не успокаивалъ, а страхъ скомпрометировать себя не оставлялъ меня ни на минуту. Прійдя домой, я сообщилъ С. С. Дудышкину, съ которымъ тогда жилъ вмѣстѣ, обо всемъ, и Степанъ Семеновичъ, смѣясь, замѣтилъ мнѣ:—«Ну, братъ, заварилъ же ты пиво, какъ-то ты его выпьешь! увидимъ, какъ ты знаешь чешскій языкъ».—Не теряя времени, я, наскоро позавтракавъ, отправился на поиски чешскаго словаря по всѣмъ нѣмецкимъ книжнымъ магазинамъ—и не отыскалъ ровно ничего. Когда я возвратился домой, Дудышкинъ не могъ на меня равнодушно смотрѣть и безпрестанно хохоталъ какъ сумасшедшій, прибавляя—«не попъ, не суйся въ ризы». Я пошелъ въ свою комнату, легъ на диванъ и сталъ перелистывать «Czasopis», попробовалъ прочесть нѣкоторыя фразы и нѣсколько успокоился, убѣдившись, что дѣло вовсе не такъ страшно, какъ я его себѣ пред-

ставилъ. На слѣдующій день, я всталъ рано, зажегъ свѣчу, заперъ дверь и принялся за переводъ.

Сначала дѣло у меня шло сбивчиво и смутно, приходилось догадываться, что̀ бы могло означать такое-то слово; многое правилось, многое передѣлывалось заново, но дѣло все-таки подвигалось. За этимъ переводомъ я просидѣлъ всѣ рождественскіе праздники и едва успѣлъ кончить его вчернѣ къ 15-му января. Работа была не шуточная и нашлось двадцать словъ, до значенія которыхъ я никакъ не могъ добраться. Что тутъ было дѣлать? Я вспомнилъ о Бередниковѣ и обратился къ нему съ вопросомъ: нѣтъ ли въ русскомъ отдѣленіи библіотеки какого-нибудь чешскаго словаря. Легко себѣ представить мою радость, когда, два дня спустя, Я. И. Бередниковъ самъ пріѣхалъ ко мнѣ и привезъ два тома чешсконѣмецкаго словаря Палковича. Такимъ образомъ честь моя была спасена. Статья вновь была просмотрѣна съ лексикономъ въ рукахъ, переписана начисто и 1-го февраля доставлена на квартиру Сербиновича. Онъ поблагодарилъ меня и напечаталъ въ мартовской и апрѣльской книжкахъ «Жур. М. Н. П.» 1844 г. подъ заглавіемъ: «О галицкой и венгерской Руси». Исправилъ статью, измѣнивъ въ ней лишь нѣкоторыя выраженія; она вообще очень ему понравилась. Статья была подписана моею фамиліею и обратила на себя тогда вниманіе.

Вслѣдъ затѣмъ, Сербиновичъ прислалъ мнѣ книгу С. П. Іовича «О пограничной славонской линіи Австрійской имперіи» отчетъ о которой, составленный мною, былъ напечатанъ вскорѣ послѣ статьи «О галицкой и венгерской Руси».

Въ этомъ же году, въ журналѣ министерства были напечатаны мои историческія критики—изданія Тургенева съ моею фамиліею, а моего собственнаго изданія съ подписью Ц......ъ, т. е. Цейдлеръ, фамилія моего знакомаго, который и не видалъ моего труда. Третья моя историческая критика заключала обстоятельный разборъ книги: «Выходы государей, царей и вел. князей московскихъ: Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михаиловича и Ѳеодора Алексѣевича» (съ 1632 по 1682 г.)—изданія Царскаго.

Не успѣлъ я отдохнуть послѣ историческихъ критикъ, какъ ко мнѣ явился министерскій курьеръ и сообщилъ, что Константинъ Степановичъ проситъ меня къ себѣ сегодня же. Когда я пришелъ, Сербиновичъ подалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Садитесь, пожалуйста, у меня есть къ вамъ просьба. Вы, вѣдь, знаете всѣ славянскіе языки,—замѣтилъ онъ съ улыбочкой.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Вотъ вамъ новая работа: надняхъ министръ получилъ изъ Бѣлграда сію книжицу и просилъ меня дать ее кому-нибудь разобрать для нашего журнала.

Сербиновичъ держалъ въ рукахъ большую толстую книгу въ

красномъ сафьяновомъ переплетѣ, напечатанную церковно-славянскими буквами. Это были: «Сербскіе споменцы или старе рисовулѣ, дипломе, повелѣ и сношенія Босанеки» (8°—XXIII 336 стр.) Павла Корона Трьтвковича.

— Только, пожалуйста, не задержите статьи, потому что министръ очень заинтересовался этой книгой. Съ самыми актами вамъ нечего возиться, переведите только предисловіе и этого будетъ достаточно. Тутъ почти два печатныхъ листа большущаго формата.

Когда я взялъ эту книгу въ руки, у меня почти застыла кровь при мысли: чтò я стану дѣлать; а Сербиновичъ опять съ улыбочкой спрашиваетъ:

— Вѣдь боснійское нарѣчіе вы знаете?

— Какъ же, ваше превосходительство, знаю.

— Ну, прощайте,—и онъ подалъ мнѣ руку.

Прійдя домой, я былъ въ отчаяніи и прежде всего отправился къ книгопродавцу Эгерсу за сербскимъ словаремъ Вука Стефановича-Караджича, на который уже годъ назадъ я далъ 12 руб. сер., чтобы мнѣ выписали его изъ Вѣны, но къ моему горю словаря не оказалось. Приходилось добиваться толку собственнымъ умомъ. Но чего не преодолѣетъ трудъ. Въ двѣ недѣли статья была готова; я всего добился, все перевелъ, дѣло стало только за однимъ словомъ «опкиня». Я съума сходилъ, но никакъ не могъ догадаться, чтò оно означаетъ. Статья уже была переписана начисто и слово «опкиня» поставлено въ ковычкахъ, почти въ пятнадцати мѣстахъ безъ перевода. Я отправился со статьею въ редакцію, но слово это не выходило у меня изъ головы. Подходя уже къ зданію министерства, мнѣ вдругъ пришла мысль:—ахъ! да это, вѣроятно, наша община,—подумалъ я, и придя въ редакцію, развернулъ статью свою и вмѣсто «опкиня», вездѣ поставилъ община, какъ этому дѣйствительно и слѣдовало быть. Статья моя была напечатана подъ заглавіемъ «Историческія и географическія замѣчанія о Босніи», съ моею фамиліею, и Сербиновичъ передалъ мнѣ благодарность за нее С. С. Уварова.

Не могу не замѣтить, что цензорское перо редактора во многихъ мѣстахъ исковеркало мой переводъ, напримѣръ, выброшены были всѣ жестокости турокъ и другія интересныя мѣста.

II.

Порученіе мнѣ составлять обзоръ журналовъ и газетъ для «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». — Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ. — Его характеристика. — Статья моя о заслугахъ графа Н. П. Румянцова, оказанныхъ имъ русской исторіи. — Критическій разборъ актовъ, изданныхъ комиссіей при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ. — Послѣдняя работа моя въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». — Характеристика К. С. Сербиновича. — Взглядъ графа Уварова на изданіе «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». — Роль Сербиновича какъ редактора этого журнала. — Помощникъ редактора И. Д. Галанинъ. — Значеніе «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». — Разсказы о Сербиновичѣ. — Исторія съ изданіемъ «Несторовой лѣтописи». — Профессоръ Прейсъ. — Я. И. Вередниковъ.

Въ половинѣ 1844 года, Сербиновичъ поручилъ своему помощнику по редакціи, Ивану Дмитріевичу Галанину, передать мнѣ на будущее время обзоры русскихъ газетъ и журналовъ, появлявшіеся въ «Журналѣ Министерства» черезъ каждые три мѣсяца. Я очень радъ былъ этому труду, хотя и копотливому, но весьма полезному, потому что онъ давалъ мнѣ возможность слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось въ нашей журналистикѣ. Въ этихъ обзорахъ излагалось, болѣе или менѣе кратко, содержаніе замѣчательнѣйшихъ статей, появившихся въ журналахъ и газетахъ и дѣлалась ихъ критическая оцѣнка.

Обзоры тщательно просматривалъ самъ Сербиновичъ. Писались они всегда съ запасомъ, потому что Константинъ Степановичъ любилъ накладывать на нихъ свою руку и многое вычеркивалъ. Это бы еще ничего, но тутъ происходило зло неискоренимое: отдѣлъ изящной словесности, въ которомъ представлялась оцѣнка замѣчательныхъ беллетристическихъ произведеній нашихъ журналовъ, всегда посылался на просмотръ нѣкоему Борису Михайловичу Ѳедорову, называвшемуся обыкновенно, попросту, Буркой Ѳедоровымъ. Этотъ Бурка былъ ретроградъ и настоящій бичъ русской современной литературы, которую онъ ненавидѣлъ... За то не было ни одного литератора, который бы произносилъ его фамилію безъ отвращенія. Нынѣшнее поколѣніе не имѣетъ никакого понятія о Борисѣ Ѳедоровѣ, поэтому считаю не лишнимъ сдѣлать здѣсь краткую характеристику этой личности. Борисъ Ѳедоровъ былъ староверъ, не допускавшій ни въ чемъ движенія впередъ; онъ кичился тѣмъ, что Державинъ, прочитавъ какіе-то его стишонки, выразился, что «изъ него будетъ поэтъ». Эта фраза нашего великаго поэта испортила всю жизнь бѣдному Буркѣ: онъ возмечталъ о себѣ, сдѣлался своенравенъ, упрямъ, и мнилъ себя единственнымъ цѣнителемъ литературныхъ произведеній. Все новое и живое было для него невыносимо и приторно. Высказываемыя имъ печатно мнѣнія вооружили

противъ него и общество, и всю пишущую братью, которая всю жизнь травила его, какъ зайца, и не давала ему покоя. Въ отместку за это, Ѳедоровъ, знавши ходы съ заднихъ крылецъ къ лицамъ, имѣвшимъ вліяніе на русскую литературу, представлялъ имъ самые неблаговидные отчеты объ извѣстныхъ литераторахъ и ихъ произведеніяхъ. Особенно онъ недолюбливалъ «Отечественныя Записки». О вредномъ, по его мнѣнію, направленіи этого журнала, онъ написалъ «записку» въ цѣлыхъ пятнадцать печатныхъ листовъ, какъ онъ самъ это утверждалъ, и представилъ куда слѣдовало, но на усердный и усидчивый трудъ Ѳедорова не было обращено, по его же словамъ, должнаго вниманія. «Но все-таки,—прибавлялъ при этомъ достойный критикъ, — трудъ мой хранится въ архивѣ». Ѳедоровъ былъ средняго роста, съ круглымъ лицомъ, ничего не выражающимъ, съ блуждающими глазами, въ очкахъ, и съ цѣлыми кустами волосъ въ ушахъ; голова его была покрыта полуцилиндромъ съ пришитымъ къ нему козырькомъ, говорилъ онъ по правиламъ декламаціи и стихи читалъ нараспѣвъ. Придумалъ онъ написать романъ для дѣтей, и этимъ романомъ критика шпиговала его цѣлыхъ десять лѣтъ. Ѳедоровъ не падалъ духомъ, отшучивался и клеветалъ сколько у него хватало силы. Какъ съ нимъ сошелся Сербиновичъ не могу понять, но для него Ѳедоровъ былъ единственнымъ человѣкомъ, способнымъ цѣнить произведенія изящной словесности. Вотъ этому-то господину каждые три мѣсяца посылался на просмотръ обзоръ беллетристики. Получивъ такой обзоръ, Ѳедоровъ, обыкновенно, бралъ перо и зачеркивалъ его съ первой до послѣдней строки, сколько бы ни было листовъ и затѣмъ принимался писать свой собственный отзывъ. Трудно себѣ представить, что это была за чепуха! Тутъ была своя эстетика, свои идеалы, и свой особенный стиль.

Чрезвычайно интересно было бы сдѣлать извлеченіе изъ всѣхъ отзывовъ объ изящной словесности, напечатанныхъ Ѳедоровымъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за время редактированія его К. С. Сербиновичемъ. По оставленіи послѣднимъ «Журнала Министерства» Ѳедорову поручена была редакція «Придворнаго дневника», которую онъ и держалъ до самой своей смерти.

Въ 1845 году, труды мои, за исключеніемъ обзора газетъ и журналовъ, были незначительные. Мнѣ пришлось написать для «Журнала Министерства» только двѣ критики: «Записокъ Семена Порошина» (о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ), въ которыхъ Конст Степан. сдѣлалъ большія сокращенія и «Славянскаго Сборника» Н. В. Савельева-Ростиславича.

Зато въ 1846 году, послѣднемъ моихъ занятій въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», кромѣ обзора газетъ и журналовъ была помѣщена мною капитальная статья: «О заслугахъ графа Н. П. Румянцова, оказанныхъ отечественной исторіи». Изъ

этой статьи русское общество впервые узнало подробно о громадныхъ затратахъ государственнаго канцлера на пользу русской исторической науки.

Второю капитальною статьею моей былъ критическій разборъ «Памятниковъ изданныхъ временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, учрежденною при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ». Я съ величайшею любовью и усердіемъ занялся обзоромъ этого замѣчательнаго изданія, заключающаго въ себѣ чрезвычайно интересный историческій матеріалъ. Къ сожалѣнію, и по этой статьѣ прошла цензорская рука Сербиновича.

Послѣднимъ моимъ трудомъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», былъ критическій разборъ двухъ томовъ «Дополненій къ актамъ, историческимъ, собраннымъ и изданнымъ Археографическою комиссіею». На этомъ я и покончилъ мое сотрудничество.

Теперь считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ Сербиновичѣ, его сотрудникахъ и о значеніи редактированнаго имъ журнала для тогдашнихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

Сербиновичъ по своему происхожденію принадлежалъ къ мелкой, безпомѣстной шляхтѣ западныхъ губерній и былъ уніатъ; образованіе онъ получилъ, кажется, въ полоцкой іезуитской академіи, откуда пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу. Гдѣ онъ служилъ съ самаго начала, сказать точно не могу, но по пріѣздѣ въ Петербургъ Н. М. Карамзина, Сербиновичъ, вѣроятно, по чьей-нибудь рекомендаціи, началъ заниматься у него переводами разныхъ историческихъ матеріаловъ съ польскаго языка на русскій. Когда Карамзинъ умеръ, не докончивъ двѣнадцатаго тома своей «Исторіи государства Россійскаго» и окончаніе его труда поручено было Д. Н. Блудову, то и Сербиновичъ былъ ему рекомендованъ Карамзиными, и такимъ образомъ сблизился съ нимъ. Въ 1837 г., когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, Сербиновичъ былъ уже директоромъ канцеляріи Св. Сѵнода и одновременно редакторомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія».

Въ 1834 году, когда императоръ Николай рѣшилъ возвратить уніатовъ къ православной церкви и обязанность эта возложена была на графа Протасова, Сербиновичъ, какъ самъ уніатъ и близко знавшій отношенія между уніатами и католиками, игралъ важную роль и, можно сказать безъ преувеличиванія, во всемъ этомъ дѣлѣ служилъ правою рукою графу Протасову, горячо принявшемуся за возсоединеніе, которое и послѣдовало въ 1835 г. Всѣ сношенія канцеляріи Св. Сѵнода съ бывшими уніатскими властями, всѣ пріемы и планы дѣйствій, первоначально набрасывались Сербиновичемъ и по утвержденіи ихъ выше, пускались въ ходъ. Вся эта процедура чрезвычайно интересна и, конечно, настанетъ время, когда архивъ

канцеляріи Св. Сvнода уяснить всѣ дѣйствія Сербиновича, оказавшаго въ этомъ дѣлѣ большія услуги православной церкви. Съ этого именно времени Сербиновичъ сталъ православнымъ и до послѣдней минуты своей жизни служилъ православію честно, умѣло и усердно. Въ этомъ его главная заслуга.

Какъ редакторъ «Ж. М. Н. Пр.» Сербиновичъ былъ лишь оффиціальное лицо, старшій чиновникъ. Онъ не былъ ни ученый, ни литераторъ, и не извѣстенъ какими-нибудь литературными произведеніями, но по мнѣнію министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова такое именно лицо и требовалось тогда на это мѣсто: Уваровъ начерталъ планъ возобновленнаго «Жур. М. Н. Пр.», придумалъ рубрики, куда и что слѣдовало помѣщать, и пригласилъ сотрудниковъ, изъ профессоровъ университетовъ, учителей гимназій и другихъ учебныхъ заведеній и прочей пишущей братіи, служившей по тому же министерству. Гонораръ за статьи тоже былъ опредѣленъ самимъ министромъ, которымъ, сверхъ того, присылались для помѣщенія въ журналѣ письма, писанныя къ нему разными учеными, а равно, и статьи, которыя министръ почему-нибудь находилъ нужнымъ напечатать въ своемъ органѣ.

При чемъ же тутъ былъ Сербиновичъ? Онъ былъ простымъ исполнителемъ приказаній министра по «Журналу» и никогда не долженъ былъ мудрствовать лукаво. Да и чтò могъ исправлять или измѣнять въ статьяхъ профессоровъ Сербиновичъ? поэтому на немъ и лежало только чтеніе третьей корректуры и наблюденіе затѣмъ, чтобы ничего не было напечатано несогласнаго съ цензурнымъ уставомъ, съ духомъ православной церкви и съ взглядами министра. Не смотря, однакожъ, на кажущійся незначительный редакторскій трудъ его, министръ почти ежедневно призывалъ къ себѣ Сербиновича для разныхъ объясненій, инструкцій и проч., такъ что должность его была довольно хлопотлива. Сербиновичъ держалъ себя съ большимъ тактомъ, и оставилъ журналъ только тогда, когда Уваровъ пересталъ быть министромъ.

Редакція журнала помѣщалась въ зданіи министерства народнаго просвѣщенія и занимала одну темноватую, очень низкую комнату съ полукруглымъ окномъ. Въ эту мрачную конуру Сербиновичъ никогда не заглядывалъ, а въ ней безотлучно находился помощникъ его, Иванъ Дмитріевичъ Галанинъ, человѣкъ совсѣмъ еще молодой, недавно окончившій курсъ въ Петербургскомъ университетѣ. И. Д. былъ добрый малый, скромный, сговорчивый, робкій, и подобно редактору не отличался ни особенными дарованіями, ни литературными трудами. Обязанность его состояла въ составленіи оффиціальнаго отдѣла, данные для котораго сообщали ему столоначальники департамента. Затѣмъ онъ былъ обязанъ читать первую и вторую корректуры журнала и принимать статьи, доставляемыя въ редакцію. Онъ ежедневно долженъ былъ являться поутру

къ Сербиновичу за приказаніями и инструкціями и по его указанію вести переписку съ разными лицами, особенно съ сотрудниками [1]).

Кромѣ помощника редактора, при редакціи состоялъ чиновничекъ для письма, запечатыванія пакетовъ и распечатыванія посылокъ съ статьями, нѣкто Базилевскій. Вообще, редакціонное дѣло было устроено очень просто.

Въ заключеніе я долженъ прибавить, что Сербиновичу предоставлено было министромъ набирать, по личному усмотрѣнію, сотрудниковъ для критики, обзора газетъ и журналовъ, но ихъ было весьма немного, и все это были люди, принимаемые Константиномъ Степановичемъ по рекомендаціи и протекціи разныхъ лицъ.

Послѣ всего мною сказаннаго, является, самъ собою, вопросъ: что же такое былъ «Журналъ М. Н. Просвѣщенія»? Отличался ли онъ неоспоримыми достоинствами и достойно ли онъ служилъ наукѣ и интересамъ ученыхъ и учебныхъ заведеній?

На это считаю долгомъ совѣсти отвѣтить, что въ свое время журналъ этотъ былъ превосходенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Редакторомъ его былъ собственно самъ министръ—человѣкъ высоко-образованный, опиравшійся на труды профессоровъ, и всею душою преданный своему дѣлу.

«Журналъ М. Н. Просвѣщенія», издававшійся во все управленіе Уварова, служитъ прекраснымъ для него памятникомъ и живою, богатою лѣтописью русскаго просвѣщенія болѣе чѣмъ за двадцать лѣтъ.

Считаю не лишнимъ привести нѣсколько случаевъ изъ моихъ сношеній К. С. Сербиновичемъ. Разбирая журналы, кажется въ 1845 г., и дѣлая выписки изъ замѣчательныхъ статей, я привелъ довольно большія выдержки изъ превосходныхъ статей Герцена, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» о схоластикѣ. К. С. потребовалъ меня къ себѣ, желая наложить руку на мои выписки, такъ какъ Герценъ очень рѣзко и мѣтко выражался о пустотѣ діалектическихъ споровъ и схоластикѣ вообще. Конечно, бывшій студентъ полоцкой іезуитской академіи не могъ равнодушно переносить порицаній того, чѣмъ онъ питался въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ академіи. Однако, мнѣ удалось отстоять почти все и пожертвовать только нѣсколькими рѣзкими выраженіями.

Читая мою критику «Памятниковъ, изданныхъ кіевскою временною комиссіею», Сербиновичъ вдругъ потребовалъ меня къ себѣ.

— Помилуйте, Альбертъ Викентьевичъ,—сказалъ онъ,—зачѣмъ это вы привели столько билиберды изъ продѣлокъ дурака Тимошки Хмельницкаго, что онъ ложному Константинопольскому патріарху для забавы сбрилъ бороду и волосы на головѣ? къ чему

[1]) У меня сохранилось болѣе ста писемъ Ив. Дм., начинающихся словами: Константинъ Степановичъ поручилъ мнѣ...

все это? вѣдь тутъ упоминается слово патріархъ. Все это можетъ быть интересно только для молодежи, — и тутъ же К. С. безжалостно вытолкалъ бѣднаго Тимошку изъ моей критики...

Спустя нѣкоторое время, опять пріѣзжаетъ курьеръ: «Пожалуйте къ К. Ст. онъ ждетъ васъ». Являюсь. Передъ К. Ст. лежатъ «Отечественныя Записки»: дѣло шло объ индѣйскомъ божествѣ Кришнѣ. Онъ обращается ко мнѣ съ такою рѣчью.

— Охъ, ужъ мнѣ эти новаторы! проповѣдуютъ сами не знаютъ что̀ и только сбиваютъ съ толку людей простыхъ, довѣрчивыхъ и не посвященныхъ въ дѣло. При разборѣ этой статьи напишите, что ученіе о Кришнѣ есть извращенное христіанское ученіе. Извѣстно, что въ III вѣкѣ по Р. Х. въ Индіи проповѣдывали ученіе Христа ѳомиты, послѣдователи св. Ѳомы, которое индѣйцы передѣлали по своему—вотъ и все тутъ, а не то, что христіанское ученіе заимствовано было изъ Индіи. Пожалуйста, постарайтесь изложить это ясно и убѣдительно.

Вообще, по наущенію Бориса Ѳедорова, К. С. постоянно придирался къ «Отечественнымъ Запискамъ».

Привожу еще одинъ любопытный случай, бывшій въ мартѣ или въ апрѣлѣ 1846 г. Я жилъ тогда въ Новоисаакіевской улицѣ въ домѣ Трузсона. Вдругъ въ два часа ночи раздается сильный звонокъ. Старикъ лакей мой будитъ меня и сообщаетъ, что пріѣхалъ курьеръ изъ министерства народнаго просвѣщенія и желаетъ меня видѣть. Я велѣлъ ввести его ко мнѣ. Онъ объявилъ, что К. С. проситъ меня къ себѣ сейчасъ. Одѣваюсь и скачу вмѣстѣ съ курьеромъ къ Щукину двору. Подходя къ № 8, который занималъ Сербиновичъ, вижу въ кабинетикѣ огонь; чуть слышно позвонилъ я, и мнѣ мигомъ открыли дверь. Вхожу въ кабинетикъ; Сербиновичъ сидитъ въ халатѣ за письменнымъ столомъ и передъ нимъ лежитъ развернутая книга въ большую четвертку.

— Я въ часъ вернулся отъ министра, который поручилъ мнѣ передать вамъ для разбора только-что вышедшую лѣтопись Нестора, указать съ какими затрудненіями сопряжено было подобное изданіе и какія выдающіяся его достоинства. На это дается вамъ сроку одна недѣля. Лѣтопись Нестора будетъ поднесена государю съ докладомъ, основаннымъ на вашемъ разборѣ. Смотрите же, чтобы все было сдѣлано честно, добросовѣстно, справедливо и ни для кого не обидно. Бросьте всѣ ваши занятія по журналу и завтра же примитесь за это дѣло. Отзывъ вашъ долженъ быть не болѣе половины печатнаго листа. Какъ только статья ваша будетъ готова, пожалуйте ко мнѣ. Вотъ вамъ книга — видите министерскій экземпляръ... Ну, прощайте, пора спать.

Сербиновичъ подалъ мнѣ руку, и я отправился домой. Время было позднее и извозчика не оказалось: пришлось идти пѣшкомъ до Гороховой. У меня изъ головы не выходило выраженіе «и ни для кого не обидно». Чтобы могло это значить?!

На другой день я принялся за работу, но на слѣдующій день мнѣ почему-то понадобилось справиться съ статьею, напечатанною въ «Жур. М. Н. Пр.» о византійскомъ лѣтописцѣ Григоріи Гамартолѣ. Я отправился въ редакцію «Жур. М. Н. Пр.». Поздоровавшись съ Галанинымъ, я разсказалъ ему о ночномъ вызовѣ меня Сербиновичемъ, о данномъ имъ порученіи и обратилъ его вниманіе на фразу «и ни для кого не обидно».

На это Галанинъ мнѣ замѣтилъ: «развѣ вы ничего не слыхали о Прейсѣ?» и разсказалъ мнѣ слѣдующее: «вамъ извѣстно, что министромъ посланы были за границу трое молодыхъ ученыхъ: изъ Харькова—Срезневскій, изъ Москвы—Бодянскій, а изъ Петербурга бывшій учитель русскаго языка въ Дерптѣ—Прейсъ. Они были отправлены въ славянскія земли для изученія славянскихъ нарѣчій, литературъ и всего прочаго, относящагося до славянскаго міра. Во время своего трехлѣтняго пребыванія за границей, они обязаны были доносить министру о ходѣ занятій и о результатахъ своихъ изслѣдованій. Письма, получаемыя отъ нихъ министромъ, передавались имъ тотчасъ же въ редакцію нашего журнала и печатались вполнѣ, безъ исключеній. Лучшими, во всѣхъ отношеніяхъ, были письма Прейса, которыми министръ восхищался и раздѣлялъ его взгляды. По возвращеніи изъ-за границы наши слависты были размѣщены тамъ, гдѣ они служили, а Прейсъ получилъ мѣсто профессора въ Петербургскомъ университетѣ и очень часто былъ призываемъ Уваровымъ, который имъ гордился. Дѣйствительно, Прейсъ стоялъ выше прочихъ, усвоилъ себѣ иностранные академическіе пріемы при изслѣдованіяхъ и отъ него много ожидала славянская наука. Когда вышла «Несторова лѣтопись», и князь Шихматовъ, какъ главный начальникъ Археографической коммиссіи, сопровождаемый редакторомъ Я. И. Бередниковымъ, поднесъ ее министру, то Сергѣй Семеновичъ очень обрадовался, что, наконецъ, русское общество увидитъ эту лѣтопись, изданною Археографическою комиссіею. Онъ подалъ руку Бередникову, а князя удержалъ у себя и тутъ же рѣшилъ поднести лѣтопись государю и сдѣлать объ ней докладъ, поручивъ составленіе послѣдняго профессору Прейсу, какъ спеціальному знатоку этого дѣла. Министръ позвонилъ въ колокольчикъ и явившемуся дежурному чиновнику приказалъ сейчасъ же послать курьера пригласить немедленно профессора Прейса. Князь Шихматовъ, какъ предсѣдатель Археографической комиссіи, котораго тоже касалось это дѣло, остался у министра ожидать Прейса. Черезъ часъ явился Прейсъ. Министръ принялъ его радушно и сказалъ:

— Садитесь, у меня есть къ вамъ просьба,—и онъ подалъ ему лѣтопись Нестора, прибавивъ: вотъ трудъ князя Платона Александровича и усердныхъ его сотрудниковъ: Бередникова, Коркунова и многихъ другихъ. Сдѣлайте критическій разборъ этой книги

для меня добросовѣстно и справедливо. Не пишите много, достаточно будетъ полпечатнаго листа, лишь бы вѣрна была оцѣнка изданія. Вы вѣдь спеціалистъ по этой части.

Тутъ князь Шихматовъ прибавилъ отъ себя:—«да, эта книга намъ стоила большого труда. Многочисленные варіанты просто замучили насъ».

Затѣмъ министръ, обращаясь къ Прейсу сказалъ:—«Я полагаю, что недѣли для васъ заглаза довольно для оцѣнки этого труда».

Уваровъ подалъ Прейсу руку, прибавивъ «буду ждать васъ съ нетерпѣніемъ», и поклонился. Это означало, что аудіенція кончена. Прейсъ раскланялся и удалился.

Спустя ровно недѣлю, Прейсъ пріѣхалъ къ министру со статьею, но не заставъ его дома, спросилъ у дежурнаго чиновника большой конвертъ, и вложивъ въ него статью свою и написавъ сверху—«отъ профессора Прейса», просилъ передать министру.

Прейсъ исполнилъ данное ему порученіе добросовѣстно, весьма деликатно объяснивъ, что въ ученомъ отношеніи изданіе лѣтописи Нестора не удовлетворительно, вовсе лишено примѣчаній, имѣющихъ большое значеніе для русской филологіи и удивлялся, какъ редакторъ при изданіи такого важнаго историческаго памятника не поучился, хотя бы на Шлецеровомъ «Несторѣ», какъ ученые люди должны относиться къ подобнымъ памятникамъ; тѣмъ болѣе, что Шлецеровъ «Несторъ» переведенъ Языковымъ на русскій языкъ и вышелъ въ трехъ толстѣйшихъ томахъ. Нигдѣ не видно ни эрудиціи редактора, ни археологическаго знанія, и къ величайшему прискорбію, Прейсъ признавалъ, что изданіе это вовсе не удалось. Затѣмъ шли доказательства этому.

По возвращеніи министра изъ государственнаго совѣта, онъ сейчасъ же принялся за чтеніе разбора Прейса и по прочтеніи разбора отправилъ его съ курьеромъ князю Шихматову. Князь прочитавъ такой отзывъ, послалъ за Бередниковымъ. Когда пріѣхалъ Бередниковъ разразилась страшная буря, пошла распеканція, упреки, но въ концѣ концовъ князь приказалъ Бередникову написать возраженіе на разборъ Прейса и завтра же доставить его въ 10 часовъ утра. Съ разборомъ Прейса и опроверженіемъ его въ рукахъ, князь пріѣхалъ къ министру. Сергѣй Семеновичъ былъ очень разстроенъ, выслушалъ нѣкоторыя объясненія князя и велѣлъ дежурному чиновнику послать за Прейсомъ. Послѣдній явился. Министръ грозно встрѣтилъ его, задалъ ему страшную распеканцію и послѣднее слово его было: «вы не оправдали моихъ надеждъ, и я совершенно разочаровался въ вашихъ спеціальныхъ знаніяхъ». Министръ кивнулъ головой и удалился. Прейсъ, блѣдный какъ полотно, вышелъ изъ кабинета. Пріемъ министра такъ на него подѣйствовалъ, что на другой день его не стало. И наука лишилась весьма даровитаго ученаго и молодого еще человѣка.

Послѣ разсказа Галанина, мнѣ стало ясно, что̀ значитъ выраженіе Константина Степановича «и ни для кого не обидно». Порученное мнѣ дѣло было для меня знакомо. Я любилъ русскую исторію, занимался ею, видѣлъ многіе памятники, изданные Румянцовымъ, видѣлъ подобныя изданія, исполненныя въ Германіи, основательно былъ знакомъ съ Шлецеровымъ «Несторомъ» и, сообразивъ все слышанное отъ Галанина, ясно видѣлъ, что Прейсъ правъ въ своей оцѣнкѣ. Я зналъ Бередникова, былъ съ нимъ въ сношеніяхъ, онъ мнѣ симпатизировалъ и уважалъ меня.

Сдѣлаю небольшое отступленіе, чтобы сказать о Яковѣ Ивановичѣ Бередниковѣ, какъ редакторѣ Археографической комиссіи и показать насколько онъ былъ подготовленъ къ этому дѣлу. Бередниковъ происходилъ изъ купеческаго званія и, желая быть чиновникомъ, поступилъ на службу; въ молодости онъ пописывалъ стишки о краснощекихъ дѣвушкахъ, которые печатались въ «Сынѣ Отечества» Греча. Онъ былъ довольно невзраченъ, имѣлъ небольшое четыреугольное лицо и косилъ. Но эта невзрачная личность оказала большія услуги русской исторіи. Когда Уваровъ задумалъ археологическую экспедицію по Россіи, то она была возложена на Павла Строева и Якова Бередникова. Эти два человѣка обревизовали, такъ сказать, всѣ церковные и монастырскіе библіотеки и архивы внутреннихъ и сѣверныхъ губерній Россіи. Бередниковъ любилъ разсказывать съ какими трудностями и лишеніями они боролись при этомъ, въ особенности въ глухихъ мѣстахъ Россіи, какъ они списывали грамоты и другіе попадавшіеся имъ памятники, какъ вели списки замѣчательнымъ предметамъ, ими встрѣчаемымъ. Богатымъ результатомъ ихъ экспедиціи явились четыре тома, изданные Археографической комиссіей, драгоцѣнныхъ актовъ, о которыхъ наши историки и ученые не имѣли раньше понятія. Вотъ въ чемъ великая заслуга Строева и Бередникова, и ихъ имена всегда останутся дорогими для русскаго общества. Яковъ Ивановичъ превосходно читалъ древнія письмена, зналъ толкъ въ пергаментахъ и хартіяхъ, имѣлъ полную возможность ознакомиться съ нашими древнѣйшими памятниками, могъ отличить всякую поддѣлку. Какъ редакторъ древнихъ актовъ и лѣтописей Бередниковъ не выдерживалъ критики. Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ простой чиновникъ; приказать списать листъ, другой древняго акта или лѣтописи, свѣрить списанное съ оригиналомъ, выставить вездѣ варіанты изъ другихъ лѣтописей, это было его дѣло; но у него вовсе не было исторической археологической эрудиціи; онъ не могъ обогатить изданія примѣчаніями историческими, географическими, филологическими и другими. Ни догадокъ, ни объясненій древнихъ словъ, ничего того, чѣмъ такъ богатъ «Несторъ» Шлецера, въ редактируемыхъ имъ изданіяхъ вовсе нѣтъ. Да такого дѣла и нельзя дѣлать въ департаментѣ; это чисто кабинетный трудъ ученаго.

Послѣ сказаннаго, легко понять, какъ трудно мнѣ было дѣлать оцѣнку лѣтописи Нестора, изданной Археографической комиссіею...

У Нестора встрѣчаются слова: паволоки, скорь, борошно, ключъ и т. п. Чтобы объяснить эти слова мало знать одинъ русскій языкъ, а у Нестора такихъ словъ очень много.

Я долго думалъ, какъ подойти къ оцѣнкѣ, чтобы удовлетворить желанію министра и Археографической комиссіи, а съ другой стороны не покривить душой передъ требованіями строгой критики. Послѣ долгихъ размышленій я написалъ разборъ, приблизительно въ такомъ родѣ:

Русское общество наконецъ увидѣло лѣтопись перваго своего лѣтописца Нестора, возстановленную въ первобытномъ видѣ, насколько это было возможно, на основаніи собранныхъ Археографической комиссіей многочисленныхъ списковъ, сдѣланныхъ въ различное время, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, грамотными и безграмотными переписчиками, которые нѣкоторыя непонятныя въ ихъ мѣстности слова лѣтописи Нестора, замѣняли мѣстными словами. Всѣ эти измѣненія внесены, въ видѣ варіантовъ, подъ выносками въ возстановленную лѣтопись Нестора. Трудъ этотъ громаденъ. Сводъ около трехсотъ списковъ лѣтописи Нестора потребовалъ много времени и усиленной работы, и мы должны съ благодарностью отнестись къ лежащему передъ нами изданію Археографической комиссіи, которое представляетъ большое поле для разработки русской филологіи, географіи, этнографіи и обычнаго права. Такая обработка Нестора потребуетъ много ученыхъ изслѣдователей, и русская наука трудами этихъ спеціалистовъ обогатится новыми замѣчательными вкладами.

Конечно, изданіе Нестора не могло быть исполнено лицомъ, незнакомымъ ни съ нашею лѣтописною письменностью, ни съ цѣлыми сотнями хронографовъ, которые удалось собрать Археографической комиссіи. Честь и слава редактору «Несторовой лѣтописи», взявшему на себя всю черную, неблагодарную работу и тѣмъ подготовившему почву для будущихъ дѣятелей русской науки. Конечно, никто не въ правѣ требовать отъ редакціи ея больше того, что она намъ дала, иначе пришлось бы составить редакцію изъ нѣсколькихъ спеціалистовъ, людей извѣстныхъ своими учеными трудами и изслѣдованіями; но такихъ людей у насъ еще нѣтъ.

Приблизительно въ этомъ родѣ написанъ былъ мною разборъ Нестора, и вô-время доставленъ Сербиновичу, но какая постигла его участь мнѣ неизвѣстно,—по крайней мѣрѣ, онъ не появился въ печати.

III.

Мысли о древнемъ русскомъ правѣ.—Неосуществившееся намѣреніе мое написать исторію русскаго права.—Мое сотрудничество въ «Финскомъ Вѣстникѣ».—Мой первый капитальный трудъ «Очеркъ исторической дѣятельности въ Россіи до Карамзина».—Оставленіе Майковыми редакціи «Финскаго Вѣстника».—Ѳ. К. Дершау.—Н. Н. Анненскій.—Мои статьи въ «Финскомъ Вѣстникѣ».—Прекращеніе моего въ немъ сотрудничества.—Передача журнала В. В. Дерикеру.

Занимаясь въ редакціи журнала «Министерства Народнаго Просвѣщенія», я уже въ 1844 г. задумалъ капитальный трудъ, который мнѣ не удалось, однако, завершить.

Составляя въ 1843 году каталогъ Несвижской библіотеки Радзивилловъ для русскаго отдѣленія библіотеки императорской Академіи Наукъ, я былъ пораженъ богатствомъ старой польской юридической литературы. Какъ юристъ, я желалъ поближе ознакомиться со многими юридическими изданіями, кодексами, большими собраніями конституцій (правительственныхъ постановленій) и сеймовыхъ рѣчей.

Этотъ громадный матеріалъ, никѣмъ не тронутый, представлялъ для меня много интересныхъ данныхъ. Конечно, на все это я смотрѣлъ съ русской точки зрѣнія, т. е. насколько эти матеріалы представляли интересъ для русскихъ ученыхъ и русской науки, и мнѣ удалось натолкнуться на многое весьма важное для русской исторіи и прійти къ нѣкоторымъ счастливымъ выводамъ.

Еще на университетской скамьѣ меня удивляла исторія русскаго права, написанная профессоромъ Московскаго университата Морошкинымъ. Мнѣ казалось очень страннымъ, что у него исторія русскаго права начинается лишь съ основанія великаго княжества Московскаго. Куда же дѣвалась исторія русскаго права до основанія княжества Московскаго и развитія нашего права въ удѣльный періодъ? При ближайшемъ знакомствѣ моемъ съ старой польской юридической литературой, я убѣдился, что древнее русское право до образованія княжества Московскаго не погибло; оно сохранилось частью въ древнемъ Вислицкомъ Статутѣ, частью въ Volumina legum, частью въ Литовскомъ Статутѣ, изданномъ на бѣлорусскомъ, а впослѣдствіи и на малорусскомъ нарѣчіяхъ. Вотъ гдѣ сохранились слѣды древняго русскаго права.

При переходѣ нашихъ нынѣшнихъ западныхъ губерній, частью къ Польшѣ, частью къ Литвѣ, тамъ принято было за правило оставлять побѣжденнымъ ихъ права и обычаи и утверждать ихъ королевскими и княжескими граматами, даваемыми городамъ, монастырямъ, разнымъ сословіямъ и проч. Эти-то граматы приводимы были цѣликомъ въ издававшихся конституціяхъ правительства, а

впослѣдствіи входили въ своды законовъ. Вскорѣ мнѣ удалось увидѣть и настоящія граматы. По учрежденіи Археографической коммиссіи высочайше повелѣно было доставить въ нее изъ всѣхъ городовъ и мѣстечекъ западныхъ губерній всѣ древнія граматы польскихъ королей и великихъ князей литовскихъ, писанныя на пергаментѣ съ большими привѣсными печатями, хранившіяся въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ и монастырей. Изданіе этихъ памятниковъ поручено было Археографическою коммиссіею члену ея, отцу Григоровичу, который, во время болѣзни глазъ, просилъ Бередникова пригласить меня, какъ члена-корреспондента Археографической коммиссіи заняться описаніемъ и изложеніемъ содержанія такихъ граматъ нѣсколькихъ городовъ западныхъ губерній. Граматы эти, писанныя на латинскомъ языкѣ, съ вставками польскихъ словъ, долго лежали въ архивахъ и во многихъ мѣстахъ буквы совершенно выцвѣли. Я обратился къ Бередникову съ вопросомъ: какъ быть въ такихъ случаяхъ? На что онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Возьмите большой мѣдный тазъ, положите въ него грамату и налейте сверху чистой холодной воды, такъ, чтобы ея было два-три дюйма надъ пергаментомъ, и вы увидите какъ выйдутъ выцвѣвшія буквы, и тогда можете свободно читать.

— А развѣ съ пергаментомъ ничего не сдѣлается?—замѣтилъ я.

— Конечно, ничего, надо только, вынувъ грамату, положить на нее чистое мягкое полотенце и слегка придавить ладонью въ разныхъ мѣстахъ, чтобы оно втянуло въ себя влагу,—и все тутъ.

Я такъ и сдѣлалъ: прочелъ все и составилъ описаніе болѣе чѣмъ сорока граматъ.

Послѣ этого, я окончательно рѣшилъ заняться отыскиваніемъ слѣдовъ древняго русскаго права въ польскихъ и литовскихъ памятникахъ. Матеріаловъ набралось очень много и оставалось приняться за окончательную ихъ обработку. Я рѣшилъ назвать свой трудъ такъ: «Гдѣ искать источниковъ древняго русскаго права».

Но мнѣ не удалось осуществить мое намѣреніе. Едва только составилъ я планъ своего сочиненія, какъ товарищи мои, Майковы, предложили мнѣ постоянное сотрудничество въ новомъ журналѣ «Финскій Вѣстникъ» и заказали мнѣ большую статью историческаго содержанія, считая меня вполнѣ компетентнымъ лицомъ по русской исторіи. Пришлось отложить портфель съ собранными рѣдкими и дорогими матеріалами въ сторону. Портфель пролежалъ сорокъ два года. Недавно въ газетѣ «Новое Время» я прочиталъ, что въ Петербургскомъ университетѣ учреждено нѣсколько каѳедръ новыхъ предметовъ, и что на одной изъ нихъ профессоръ С. А. Бершатскій читаетъ «Исторію русскаго права въ Литвѣ». Я обрадовался, что мысль, зародившаяся въ моей головѣ болѣе 40 лѣтъ назадъ, осуществлена, хотя и не мною.

Занимаясь постоянно статьями для «Журнала Министерства На-

роднаго Просвѣщенія» по заказу К. С. Сербиновича, я находилъ время заниматься дома любимымъ моимъ предметомъ—русскою исторіею въ обширномъ смыслѣ; поэтому, согласившись принять участіе въ «Финскомъ Вѣстникѣ», я рѣшился написать въ этомъ журналѣ статью: «Объ исторической дѣятельности въ Россіи», или другими словами, объ обработкѣ русской исторіи съ самыхъ древнѣйшихъ временъ до начала XIX столѣтія, т. е. до Карамзина. Я сообщилъ мою мысль Майковымъ, и они чрезвычайно сочувственно отнеслись къ ней.

— Но вѣдь это громадная штука,—замѣтилъ Аполлонъ Николаевичъ,—какъ же ты успѣешь написать статью для мартовской книжки «Финскаго Вѣстника»; осталось всего два мѣсяца и нѣсколько дней (статья была заказана на рождественскихъ праздникахъ 1844 года).

— Ты хорошо знаешь,—замѣтилъ я,—что если я за что-либо возьмусь, то исполню, только ты, Аполлонъ Николаевичъ, аккуратно снабжай меня нужными историческими книгами.

А. Н. Майковъ былъ тогда однимъ изъ библіотекарей Румянцовскаго музея, откуда я, почти ежедневно, получалъ книги историческаго содержанія цѣлыми десятками. Я принялся за работу со всею горячностью молодости, никуда не выходилъ, удѣляя сну лишь нѣсколько часовъ. Въ концѣ января трудъ мой перевалилъ за половину, но вдругъ я началъ харкать кровью. Я сильно испугался, Майковы, внимательно слѣдившіе за моими занятіями, тоже; они принялись меня лѣчить, разумѣется, домашними средствами. Оказалось, что это былъ геморроидальный припадокъ отъ усиленнаго сидѣнья, который, къ счастью, скоро прошелъ и лишь на недѣлю задержалъ мой трудъ. Въ мартовской и майской книжкахъ «Финскаго Вѣстника» въ отдѣлѣ «Матеріалы для сѣверной исторіи» появилась моя обширная статья (почти 20 печатныхъ листовъ), подъ заглавіемъ: «**Очеркъ исторической дѣятельности въ Россіи до Карамзина**». Это былъ мой первый капитальный трудъ на русскомъ языкѣ. Статья эта доставила мнѣ нѣкоторую извѣстность, девятьсотъ пятьдесятъ руб. сер. гонорара и тысячу отдѣльныхъ оттисковъ, которые, быстро разойдясь въ продажѣ, доставили мнѣ 1500 руб. сер. Для меня это было хорошее поощреніе перваго литературно-ученаго труда.

Къ сожалѣнію, вскорѣ Майковы нашли невозможнымъ принимать дальнѣйшее участіе въ изданіи и редакціи «Финскаго Вѣстника», редакторомъ и издателемъ котораго былъ Ѳедоръ Карловичъ Дершау. Въ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, новые журналы и газеты почти не разрѣшались, хотя не воспрещалось возобновлять старые, почему-либо прекратившіеся (но не запрещенные правительствомъ) и составлявшіе чью-либо собственность, которую позволялось отчуждать. Но латинская пословица говоритъ:

nulla regula sine exceptione (нѣтъ правила безъ исключенія), и тогда, хотя изрѣдка, были счастливцы, умѣвшіе выхлопотать себѣ у правительства право на изданіе журнала, на что тогда требовалось разрѣшеніе самого государя. Къ такимъ счастливцамъ принадлежалъ и Ѳ. К. Дершау. Онъ былъ сынъ прежняго петербургскаго оберъ-полиціймейстера, воспитывался, кажется, въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, и, недолго прослуживъ въ военной службѣ, вышелъ въ отставку. Дершау былъ джентльменъ и паркетный кавалеръ; онъ былъ худощавъ, не много выше средняго роста, недуренъ собою, бѣлокурый, съ тевтонскимъ типомъ (хотя мать его была русская, рожденная Анненская) и блѣднымъ лицомъ, что такъ нравится женщинамъ. Но это было все, чѣмъ владѣлъ Ѳедоръ Карловичъ. Выйдя въ отставку, онъ вздумалъ сдѣлаться литераторомъ и описалъ свою поѣздку по Финляндіи, которую наши журналы, и въ особенности «Библіотека для Чтенія» встрѣтили довольно забавными отзывами.

Но первая литературная неудача не охладила пыла начинающаго литератора. Дершау рѣшилъ сдѣлаться журналистомъ во что бы то ни стало. Его связи съ вліятельными личностями и политическая чистота содѣйствовали тому, что Дершау разрѣшено было издавать «Финскій Вѣстникъ». Получивъ разрѣшеніе, онъ сталъ искать капиталовъ на это изданіе, или соиздателя, потому что у него денегъ не было.

Онъ какъ-то успѣлъ познакомиться съ Майковыми и намѣревался втянуть ихъ въ свое дѣло. Между тѣмъ, открыта была подписка на новый журналъ, но она оказалась незначительною, хотя и принесла нѣсколько сотенъ рублей. Майковы предполагали было войти въ изданіе, но убѣдившись, что у Дершау денегъ вовсе нѣтъ, и самъ онъ, какъ редакторъ, не имѣетъ никакого значенія, а, между тѣмъ, желаетъ играть первенствующую роль, рѣшились уклониться отъ этого предпріятія, не желая работать подъ фирмою самаго безсодержательнаго молодого человѣка. Но я, написавъ статью для второго и третьяго номера журнала, принужденъ былъ продолжать свое сотрудничество, завѣренный Дершау, что буду аккуратно получать свой гонораръ и мнѣ предоставляется писать обо всемъ, что̀ мнѣ вздумается. Такъ какъ за первую мою статью мнѣ заплатили аккуратно, то я надѣялся, что Дершау будетъ поступать подобнымъ же образомъ и на будущее время.

Безъ сомнѣнія, еслибъ у Дершау были средства, предпріятіе могло бы имѣть успѣхъ. Кукольникъ, Гребенка, Даль, и многіе другіе литераторы, съ которыми онъ былъ знакомъ, охотно писали бы для него въ духѣ программы «Финскаго Вѣстника». Кромѣ того, около него былъ родной его дядя, братъ матери, Н. Н. Анненскій— человѣкъ весьма даровитый, симпатичный, получившій отличное образованіе, но чрезвычайно лѣнивый. Анненскій написалъ для

«Финскаго Вѣстника» замѣчательную для того времени статью о «Западной границѣ Россіи», но на этомъ и кончилось его сотрудничество. Онъ поддерживалъ Дершау насколько могъ, добывалъ для него небольшія суммы и дѣлился своими, которыхъ у него было тогда немного, не смотря на то, что женившись въ Москвѣ на дочери богатаго негоціанта, онъ взялъ въ приданое наличными деньгами 70,000 рублей. Но эти тысячи очень скоро были прожиты.

По удаленіи Майковыхъ, я продолжалъ писать въ «Финскомъ Вѣстникѣ» и напечаталъ въ немъ вторую мою статью: «Сѣверъ Европейской Россіи», также обратившую на себя вниманіе новыми взглядами и выводами. За нею послѣдовала рецензія на «Опытъ исторіи русской литературы» А. В. Никитенко. Въ предпослѣдней книжкѣ «Финскаго Вѣстника» была напечатана моя статья: «Чудь и Русь»,—служившая какъ бы дополненіемъ къ статьѣ моей: «Сѣверъ Европейской Россіи», и библіографическій обзоръ историческихъ книгъ. Наконецъ, въ послѣдней книжкѣ появились двѣ мои статьи: «О неустойчивости политическихъ теорій», которую моему благодушному редактору вздумалось озаглавить: «О неосновательности политическихъ наукъ» и разборъ «Памятниковъ, изданныхъ кіевскою временною археологическою комиссіею». Тутъ же явилась и моя оцѣнка «Славянскаго сборника», Н. В. Савельева-Ростиславича.

Выходка Дершау съ перемѣною заглавія моей статьи побудила меня оставить «Финскій Вѣстникъ», тѣмъ болѣе, что и самъ редакторъ сталъ помышлять о продажѣ разрѣшеннаго ему журнала, въ чемъ, наконецъ, и успѣлъ. «Финскій Вѣстникъ» перешелъ къ В. В. Дерикеру, бывшему помощнику О. И. Сенковскаго по «Библіотекѣ для Чтенія».

IV.

Мое намѣреніе написать очеркъ жизни Карамзина.—Изученіе мною его произведеній.—Программа князя П. А. Вяземскаго.—Его характеристика.—Скудныя свѣдѣнія о Карамзинѣ, сообщенныя мнѣ его сыномъ.—Мое свиданіе съ вдовой Карамзина.—Разговоръ мой съ Д. Н. Блудовымъ.—Исторія съ «Записками» И. И. Дмитріева.—Недоброжелательство ко мнѣ князя П. А. Вяземскаго.—Появленіе въ печати моей біографіи Карамзина.—Возобновленіе «Отечественныхъ Записокъ».—А. А. Краевскій.—Его характеристика.—Мое знакомство съ нимъ.—Критическія статьи, написанныя мною для «Отечественныхъ Записокъ».—Прекращеніе моихъ отношеній къ этому журналу.

Статьи мои въ «Финскомъ Вѣстникѣ» обратили на себя вниманіе другихъ журналовъ, и Майковы стали мнѣ совѣтовать предложить свое сотрудничество А. А. Краевскому. Я рѣшился послѣдовать ихъ совѣту и, еще не прерывая моихъ занятій въ «Журналѣ

Министерства Народнаго Просвѣщенія» и «Финскомъ Вѣстникѣ», въ октябрѣ 1845 года, задумалъ написать капитальную статью уже для «Отечественныхъ Записокъ», подъ заглавіемъ «Николай Михайловичъ Карамзинъ», которая хотя и предназначалась для «Отечественныхъ Записокъ», но, спустя слишкомъ два года, появилась въ «Библіотекѣ для Чтенія». Я не забуду того времени, когда я принялся писать біографію Карамзина. Тогда еще ничего не было сдѣлано для жизнеописанія нашего исторіографа. Похвальное слово Карамзину Иванчина-Писарева и слово Погодина по поводу открытія симбирскаго памятника Карамзину представляли плохой матеріалъ для его біографіи; въ нихъ — одни лишь безконечныя восхваленія, пышныя и напыщенныя фразы, но фактовъ никакихъ. Мнѣ оставалось прочесть все, написанное и изданное Карамзинымъ и выбрать отсюда то, что могло служить матеріаломъ для его біографіи. Я такъ и сдѣлалъ. Я посвятилъ на это нѣсколько мѣсяцевъ и до того увлекся личностью Карамзина, что готовъ былъ за него, какъ говорится, кровь проливать, такъ какъ тогда уже у него появилось много недоброжелателей въ новомъ поколѣніи писателей. Я полюбилъ Карамзина всею душою, да и нельзя было его и не полюбить, прочитавъ то, чтò онъ написалъ. Я и теперь считаю лучшимъ развлеченіемъ моей жизни время, проведенное мною за чтеніемъ сочиненій Карамзина и его переписки. Жаль, что я тогда находился въ разладѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ, не обратился къ семейству Карамзиныхъ, даже не воспользовался вполнѣ програмой, которую набросалъ себѣ кн. Вяземскій, собиравшійся вскорѣ послѣ смерти Карамзина, писать его біографію.

Этотъ интересный документъ, написанный собственною рукою князя Вяземскаго, сохранился въ моихъ бумагахъ и я привожу его здѣсь.

I.

1) Кто были родители Николая Михайловича и, если извѣстно, какой имѣли образъ мыслей и характеръ?

2) Гдѣ и когда онъ родился? если въ деревнѣ, то не извѣстно ли ея положеніе?

3) Нѣтъ ли преданій о его младенчествѣ, которыя предзнаменовали его геній?

4) Кто были первые его учители, и по какой методѣ обучали его?

II.

1) Какихъ лѣтъ онъ былъ отданъ въ пансіонъ проф. Шадена, какія знанія и какой характеръ имѣлъ сей профессоръ?

2) Какимъ наукамъ и языкамъ обучался Н. М. въ пансіонѣ? былъ ли студентомъ или только слушалъ преподаванія университетскихъ профессоровъ?

3) Нѣтъ ли преданій о его юношествѣ, которыя предзнаменовали его геній?

4) Какихъ лѣтъ онъ оставилъ пансіонъ и университетъ?

III.

1) Находился ли въ службѣ, въ какой именно, гдѣ служилъ и сколько времени? Нѣтъ ли его послужного списка?

2) Какое вліяніе имѣлъ на него братъ, Василій Михайловичъ, которому онъ посвятилъ переводъ Галлеровой поэмы о происхожденіи зла?

3) Какой былъ первый напечатанный опытъ его сочиненій и переводовъ? справедливо ли, что это была Гомерова идиллія «Деревянная нога», какъ сказывалъ мнѣ П. П. Бекетовъ?

4) Въ какомъ обществѣ и съ какими людьми, особенно авторами, былъ знакомъ?

5) Кто были Петровъ, названный Агатономъ, и Ленцъ?

6) Въ которомъ году и какъ познакомился онъ съ Новиковымъ?

7) Справедливо ли, что онъ путешествовалъ насчетъ Новикова.

8) Которые сочиненія и переводы въ «Дѣтскомъ Чтеніи» принадлежатъ Николаю Михайловичу?

IV.

1) По возвращеніи изъ путешествія, гдѣ онъ жилъ, въ Москвѣ или Петербургѣ?

2) Когда познакомился съ М. М. Херасковымъ, Г. Р. Державинымъ и И. И. Дмитріевымъ? справедливо ли, что у Хераскова были литературныя собранія, въ которыхъ учавствовалъ и Николай Михайловичъ. Какое вліяніе имѣлъ на него Херасковъ?

3) Что получилъ онъ за «Похвальное слово Екатеринѣ II?»

4) Справедливо ли, что онъ былъ особеннымъ почитателемъ женщинъ и ихъ любимецъ?

5) Въ которомъ году женился Ник. Михайловичъ на первой супругѣ? какъ ее звали? изъ чьей она была фамиліи? какой имѣла образъ мыслей и нравъ? какое состояніе?

6) Сколько у него было дѣтей отъ первой супруги, или одна только дочь нынѣ здраствующая Софія Николаевна?

7) Въ которомъ году, мѣсяцѣ, котораго числа и отъ какой болѣзни скончалась первая его супруга?

8) Какъ располагалъ онъ временемъ женатый? гдѣ жилъ, въ Москвѣ или въ деревнѣ? не извѣстно ли положеніе сей деревни? занимался ли хозяйствомъ или садоводствомъ? въ какомъ обществѣ обращался, или жилъ уединенно?

V.

1) Въ которомъ году, мѣсяцѣ и котораго числа женился на Катеринѣ Андреевнѣ?

2) Послѣ сего брака вошелъ ли онъ въ новыя знакомства и съ кѣмъ, словомъ, перемѣнились ли его связи и отношенія? какой онъ велъ образъ жизни? гдѣ жилъ въ Москвѣ или деревнѣ? не извѣстно ли положеніе сей деревни?

3) Въ какомъ отношеніи находился къ графу Ростопчину?

4) Справедливо ли, что Кутузовъ, попечитель Московскаго университета, доносилъ на Ник. Мих., что онъ имѣетъ связи съ французами, что Ник. Мих. требовалъ строжайшаго изслѣдованія сего дѣла, и чѣмъ оно кончилось?

VI.

1) Когда и гдѣ началъ писать Россійскую исторію? какъ приготовлялся къ сему труду? занявшись онымъ, какую велъ жизнь и какъ располагалъ своимъ временемъ?

2) Гдѣ находился — въ Москвѣ или въ деревнѣ, во время нашествія Наполеона? когда выѣхалъ въ Нижній-Новгородъ?

3) Какъ звали сына, котораго онъ лишился въ Нижнемъ-Новгородѣ? долго ли прожилъ Ник. Мих. въ семъ городѣ? когда и куда возвратился: въ деревню или Москву? не потерпѣлъ ли при томъ убытковъ?

4) По какому случаю и когда читалъ онъ свою исторію блаженной памяти великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и императору Александру? кто былъ еще при семъ чтеніи и гдѣ оно происходило?

5) Въ какихъ отношеніяхъ онъ былъ къ В. А. Жуковскому и князю П. А. Вяземскому?

VII.

1) Въ которомъ году переселился въ Петербургъ? какъ поднесъ свою исторію императору Александру?

2) Не спрашивалъ ли его мнѣній по дѣламъ государственнымъ императоръ?

3) Справедливо ли, что покойный императоръ читалъ въ рукописи послѣдніе томы исторіи, начиная съ IX?

4) Въ какомъ обществѣ обращался Ник. Мих., живучи въ Петербургѣ, и какъ располагалъ своимъ временемъ? каждое ли лѣто жилъ въ Царскомъ Селѣ? въ какихъ отношеніяхъ былъ съ А. С. Шишковымъ?

5) Когда старшая дочь его сдѣлана фрейлиною?

6) Справедливо ли, что 14-го декабря 1825 г. онъ находился при императрицѣ и не былъ на площади?

7) Когда и чѣмъ началась его болѣзнь, какъ онъ переносилъ ее? справедливо ли что сначала онъ не хотѣлъ лѣчиться?

8) Какъ онъ скончался? что говорилъ въ послѣднія минуты? посѣщалъ ли государь императоръ его тѣло и говорилъ ли что при томъ? когда было погребеніе и кто былъ на ономъ?

VIII.

1) Съ кѣмъ изъ иностранныхъ ученыхъ велъ переписку? съ кѣмъ изъ русскихъ? не сохранилась ли сія переписка?

2) Какъ вообще сочинялъ Ник. Мих., писалъ ли напередъ планы сочиненій? сочинялъ скоро или медленно, исправлялъ много или нѣтъ?

3) Какой держался системы при воспитаніи собственныхъ дѣтей?

4) Какой имѣлъ онъ нравъ? какія привычки? когда вставалъ, обѣдалъ, ложился почивать? какъ обращался съ домашними, какъ въ обществѣ? какъ говорилъ словоохотно, или былъ молчаливъ?

5) Не оставилъ ли онъ записокъ о своей жизни? не оставилъ ли другихъ сочиненій?

6) Сколько осталось послѣ него дѣтей? сколько братьевъ, и гдѣ они?

Примѣчаніе. Весьма, вѣроятно, что я пропустилъ многое, для сего усерднѣйше прошу сообщить все, что извѣстно и что можно собрать о Николаѣ Михайловичѣ, всѣ анекдоты, всѣ приключенія его жизни, всѣ достопамятныя слова.

Въ приведенной мною программѣ отведено слишкомъ много мѣста разнымъ семейнымъ вопросамъ, непредставляющимъ общественнаго интереса. И на эти вопросы, конечно, лучше всѣхъ могъ бы отвѣтить самъ князь П. А. Вяземскій, бывшій роднымъ (единокровнымъ) братомъ супруги Карамзина, проведшій въ ихъ домѣ, когда они жили въ Москвѣ, свое юношество подъ менторствомъ Карамзиныхъ. Менторство это было чрезвычайно благотворно для князя Вяземскаго.

Вяземскій былъ человѣкъ благородный, добрый, внимательный и снисходительный, но очень злопамятный: ни оскорбленіе, ни обида, ни непріятность, причиненныя ему, никогда не забывались имъ; онъ не умѣлъ ни прощать, ни мириться. Я не желаю приводить здѣсь доказательствъ моихъ словъ, потому что глубоко уважаю память князя Вяземскаго...

Не могу объяснить себѣ почему кн. Вяземскій, долго жившій въ домѣ Карамзиныхъ, близко знавшій исторіографа и даже составившій программу вопросовъ для его біографіи, измѣнилъ свое намѣреніе и занялся біографіею Фонъ-Визина.

Въ 1844 г., когда я занимался съ Андреемъ Николаевичемъ Карамзинымъ славянскими нарѣчіями, я нѣсколько разъ допытывался отъ него извѣстій объ отцѣ его; но ничего не могъ добиться, исключая того, что предокъ ихъ былъ татарскій князь—Кара-Мурза, что первый его русскій потомокъ назывался Кара-Мурзинъ и что эта фамилія для краткости и благозвучія преобразилась въ Карамзинъ, что очень часто, по уходѣ отца изъ дома, онъ съ братьями забирались въ кабинетъ его и изъ лежавшихъ на столѣ листовъ бумаги, написанныхъ рукою отца, они дѣлали себѣ треугольныя шляпы и, иногда, поссорившись рвали ихъ въ рукопашномъ боѣ, въ мелкіе куски. Карамзинъ, возвращаясь съ прогулки въ кабинетъ, чтобы засѣсть за безконечный, но горячо имъ любимый трудъ, приходилъ въ ужасъ, видя, что все написанное имъ поутру и стоившее ему столько думъ, соображеній и догадокъ, было уничтожено его дѣтьми. Но онъ только забиралъ справки дѣйствительно ли дѣти уничтожили всѣ листы и, покачавъ головою, говорилъ: «Ахъ! что вы мнѣ надѣлали дѣтишки!»—«И мы никогда не слыхали отъ него, прибавлялъ Андрей Николаевичъ, ни брани, ни упрековъ, ни вспоминокъ. Добродушный отецъ спокойно отправлялся въ кабинетъ и смиренно начиналъ воспроизводить уничтоженное нами. Но послѣ нѣсколькихъ такихъ продѣлокъ съ нашей стороны, maman всегда запирала кабинетъ, когда отецъ уходилъ изъ дому, а намъ вмѣсто бумажныхъ треугольныхъ шляпъ купили красные гусарскіе кивера». Вотъ все, что мнѣ удалось добыть о Карамзинѣ отъ старшаго его сына Андрея Николаевича.

Написанная мною біографія Карамзина была отдана А. А. Краевскому, для напечатанія въ мартовской книжкѣ «Отечественныхъ

Записокъ» 1846 года, но онъ потребовалъ отъ меня нѣкоторыхъ передѣлокъ, на которыя я не согласился, потому что они были діаметрально противоположны моимъ убѣжденіямъ (объ этомъ мною сказано въ «Воспоминаніяхъ о С. С. Дудышкинѣ», помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1886 года), и я взялъ ее обратно безъ всякой размолвки съ Краевскимъ. Біографіи этой суждено было, какъ сказано выше, появиться въ «Библіотекѣ для Чтенія». Прежде печатанія біографіи, имѣя въ виду сколько возможно пополнить ее, я, между прочимъ, обратился къ Андрею Николаевичу Карамзину, уже женатому тогда на вдовѣ Павла Демидова, Аврорѣ Карловнѣ, рожденной Шернваль, съ просьбой: не можетъ ли онъ доставить мнѣ хорошій портретъ своего отца и добыть нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ отъ своей матушки.

— Поѣзжайте къ ней сами,—сказалъ Андрей Николаевичъ,—она вамъ дастъ превосходный миніатюрный портретъ отца, который у нея стоитъ въ будуарѣ и передастъ объ отцѣ все, что̀ еще помнитъ.

Я поѣхалъ къ Карамзиной, и это былъ первый и послѣдній мой визитъ къ ней. Карамзина была въ молодости необыкновенно красива и слѣды этой красоты остались у нея и въ старости. Это была особа видная, весьма порядочнаго роста и симпатичная. Я объяснилъ ей причину моего пріѣзда и это видимо тронуло ее. Она со слезами на глазахъ начала разсказывать мнѣ объ его ангельской кротости, благородствѣ души, удивительно миломъ обращеніи съ дѣтьми и, вообще, говорила о мужѣ больше какъ о семьянинѣ. Видя, что воспоминаніе очень разстроило ее, я не настаивалъ на дальнѣйшемъ разсказѣ. Она вынесла мнѣ изъ своего кабинета акварельный портретъ Карамзина въ бронзовой рамкѣ. Передавая его мнѣ, она съ умиленіемъ просила, какъ можно скорѣе доставить его обратно, потому что это первый разъ, что она разставалась съ нимъ. Взявъ портретъ, завернутый въ нѣсколько бумажекъ, я раскланялся и вышелъ.

Самымъ важнымъ результатомъ моего свиданія съ Карамзиной было указаніе ея, что мнѣ нужно обратиться къ Дмитрію Николаевичу Блудову, который много знаетъ о Николаѣ Михайловичѣ, и что у него есть подлинныя записки Ивана Ивановича Дмитріева, извѣстнаго писателя-баснописца и друга покойнаго ея мужа, въ которыхъ тоже есть многое о Николаѣ Михайловичѣ.

Я убѣдился, что мною была сдѣлана большая оплошность: мнѣ нужно было, предварительно, до поѣздки къ Карамзиной, написать цѣлый рядъ вопросовъ, на которые были желательны ея отвѣты, и я въ присутствіи ея могъ бы записать эти отвѣты. Но я этого не сдѣлалъ и ничего отъ нея не добылъ. Возвратившись въ Большую Морскую, къ Андрею Николаевичу, я сообщилъ ему все какъ было и даже свое сожалѣніе о томъ, что не приготовилъ вопросовъ, на что Андрей Николаевичъ замѣтилъ.

— И хорошо, что вы не приготовили этихъ вопросовъ, а то вы разстроили бы мамашу на нѣсколько дней. Хорошо и то, что она напомнила намъ о Блудовѣ. Я сегодня же буду у него вечеромъ и испрошу для васъ аудіенцію и рукопись записокъ Дмитріева.

На другой день я получилъ записку отъ Андрея Николаевича, что Блудовъ ждетъ меня въ 12-ть часовъ. Блудовъ былъ тогда управляющимъ Вторымъ Отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи. Онъ занималъ большую квартиру и меня провели въ его кабинетъ черезъ двѣ огромныя пустыя комнаты, въ которыхъ не было никакой мебели; до сихъ поръ они сохранились въ моей памяти, и я никакъ не могъ себѣ объяснить ихъ назначенія. Когда меня ввели въ небольшой его кабинетъ и я назвалъ себя, Д. Н. слегка мнѣ поклонился и, стоя передо мной, началъ говорить о Карамзинѣ скоро и непрерывно; весь его разговоръ вращался около того, что Карамзинъ былъ человѣкъ со всѣми гражданскими достоинствами, что онъ, Блудовъ, пользовался искренней его дружбой и долженъ былъ закончить его великій трудъ. Все говоренное на эту тему продолжалось съ четверть часа; но все было сказано скороговоркой и этого не успѣлъ бы записать ни одинъ стенографъ. Д. Н. не сообщилъ мнѣ ни фактовъ, ни случаевъ изъ жизни Карамзина, которыми я могъ воспользоваться для пополненія его біографіи; а все сводилось къ общимъ выраженіямъ о высоконравственной личности человѣка, глубоко имъ уважаемаго. Въ заключеніе Блудовъ сказалъ мнѣ:

— Я вчера передалъ князю Вяземскому собственноручныя записки И. И. Дмитріева, которыми можете пользоваться въ теченіе двухъ недѣль. Тамъ есть многое о Карамзинѣ; но пожалуйста, берегите ихъ и никому не давайте, потому что, по нѣкоторымъ сообщеніямъ, въ нихъ заключающимся, они не могутъ еще быть доступны для каждаго, т. е. изданы. Воспользуйтесь же ими, и мнѣ очень пріятно, что я могу быть вамъ полезенъ въ вашемъ добромъ начинаніи, потому что написать біографію Карамзина, значитъ сдѣлать доброе дѣло и оказать большую услугу нашему обществу, такъ какъ молодое поколѣніе очень мало знаетъ объ этомъ великомъ патріотѣ и этой высокой личности.

Блудовъ подалъ мнѣ руку и прибавилъ: прощайте!

Спустя двѣ недѣли послѣ этого, ко мнѣ явился курьеръ отъ графа Блудова съ требованіемъ на словахъ — сейчасъ же возвратить графу записки Дмитріева. Можно вообразить мое удивленіе: я все ожидалъ, что князь Вяземскій, по полученіи отъ Блудова записокъ Дмитріева, передастъ ихъ мнѣ, а тутъ уже требуютъ ихъ возвращенія! Я попросилъ курьера передать гр. Блудову, что я по сей день не получалъ отъ князя Вяземскаго записокъ Дмитріева.

На другой день, въ 11-ть часовъ утра, ко мнѣ опять явился

курьеръ и объявилъ: графъ проситъ васъ пожаловать къ нему въ 12-ть часовъ: онъ будетъ васъ ждать.

Когда я вошелъ къ Дмитрію Николаевичу, онъ, раздраженный и сердитый, обратился ко мнѣ не любезно съ вопросомъ:

— Вы привезли мнѣ «Записки Дмитріева», гдѣ они?

— Ваше сіятельство, — отвѣтилъ я, — я ихъ вовсе не видалъ, князь Вяземскій не передавалъ мнѣ ихъ.

Д. Н. вскрикнулъ, обращаясь ко мнѣ съ гнѣвомъ, какъ будто я былъ его подчиненный:

— Я ничего не хочу знать, чтобы мнѣ сейчасъ были возвращены «Записки».

Блудовъ, вѣроятно, предполагалъ, что «Записки» такъ долго держались кн. Вяземскимъ, для того, чтобы снять съ нихъ копію. Было ли это такъ или иначе, я сказать не могу, но возможно также, что князь Вяземскій не желалъ, чтобы я воспользовался «Записками» Дмитріева для составленной мною біографіи Карамзина.

Выбѣжавъ отъ Блудова, я поскакалъ къ кн. Вяземскому и велѣлъ доложить о себѣ. Князь отвѣчалъ, что по болѣзни не можетъ меня принять. Тогда я передалъ камердинеру князя о вызовѣ меня графомъ Блудовымъ и требованіи отъ меня сейчасъ же «Записокъ» Дмитріева. Послѣ этого я не былъ ни у Блудова, ни у кн. Вяземскаго, и больше объ этомъ дѣлѣ ничего не знаю: я увидѣлъ ясно, что кн. Вяземскій сталъ мнѣ недоброжелательствовать.

Когда поступила въ печать біографія Карамзина и первые два листа были сверстаны, я отправился съ ними, до напечатанія ихъ, къ А. Н. Карамзину, съ просьбой просмотрѣть ихъ, не желая, чтобы въ біографіи его отца оказались мѣста, которыя почему-либо могли ему не понравиться.

— Знаете что,—замѣтилъ, мнѣ на это Андрей Николаевичъ,—я свезу ихъ къ Петру Андреевичу (князю Вяземскому), пускай лучше онъ просмотритъ эти листы, быть можетъ онъ прибавитъ что-нибудь совершенно новое, чего вы могли не знать; можетъ быть, онъ что-нибудь исправитъ; вѣдь онъ—старый и опытный литераторъ, и вы, вѣрно, за это не будете на него сѣтовать. Я согласился. Листы были доставлены князю Вяземскому, пролежали у него пять дней безъ всякихъ поправокъ, а затѣмъ возвращены А. Н. Карамзину съ приложеніемъ слѣдующихъ замѣчаній, въ которыхъ я не могъ не видѣть самаго не благосклоннаго ко мнѣ отношенія.

Страница 1-я. Становится таинственнѣе. Это не точно, да и не нужно.

2-я. Ореоломъ. Не порусски и дико.

2-я—этого генія и прочее. Говоря о геніи можно дать себѣ трудъ и пояснить, что заключается въ этомъ прочемъ.

2-я—талантливый. Кажется это слово нигдѣ не встрѣтится ни у Карамзина, ни у Жуковскаго, ни у Пушкина. Оно не литературно и принадлежитъ новой школѣ.

4-я—**выше понятій своихъ современниковъ-соотечественниковъ.** Вѣроятно не всѣхъ, а что цѣлое общество не можетъ состоять изъ Карамзиныхъ, это само собою разумѣется. Каждый великій писатель вездѣ и во всякое время былъ выше окружавшаго его большинства.

5-я—**приметъ ихъ читатель.** Это неприлично, рѣзко и самолюбиво.

6-я. **Беллетристъ.** Варварское слово, изобрѣтенное невѣжествомъ «Телеграфа», «Отечественныхъ Записокъ» и «Библіотеки для Чтенія». Но если оно здѣсь уже принято, то не понимаю, почему не признать Карамзина великимъ беллетристомъ.

7-я. **Опытнымъ журналистомъ.** О **какой опытности** тутъ идетъ рѣчь, если о булгаринской, то дѣло другое.

7-я. **Карамзинъ литераторъ талантливый.** Что же сказать о Достоевскомъ, о Майковѣ и пр. пр.

7-я. Что за **сентиментальность** нашихъ прадѣдовъ до царствованія Екатерины II?

10-я; отсутствіе матери могло бы, напротивъ, противудѣйствовать **смягченію нрава,** но ни въ какомъ случаѣ не могло ему содѣйствовать.

12-я; **въ которую влюбился, а не у которой.**

14-я; вѣроятно Карамзинъ полюбилъ бы Россію и безъ Шадена, что впрочемъ не лишаетъ Шадена всѣхъ его достоинствъ и благодарности нашей.

16-я; почему не понятно? Карамзинъ учился, но ему казалось, что онъ не довольно учился. Тутъ видимъ его скромность и внутреннее смиреніе.

17-я; не **обѣдъ,** а вѣроятно **отчетъ.**

23-я; нужно сказать, что это выписка, а то примешь ее за продолженіе писемъ.

Передавая мнѣ листы и цидулку, Андрей Николаевичъ замѣтилъ:

— Я теперь ясно вижу, какъ новое поколѣніе расходится во взглядахъ съ старымъ поколѣніемъ, которое не только намъ не сочувствуетъ, но даже не доброжелательствуетъ, а потому я думаю совершенно излишне будетъ посылать къ князю дальнѣйшіе листы на разсмотрѣніе. Я знаю, какъ вы относитесь къ моему покойному отцу и какъ вы глубоко его уважаете, и я совершенно покоенъ насчетъ того, что вы не въ состояніи напечатать чтò-нибудь такое, чтобы не понравилось или показалось не умѣстнымъ всему нашему семейству.

Біографія Карамзина была напечатана въ «Библіотекѣ для Чтенія», въ томъ видѣ, въ какомъ я ее написалъ. Корректурные листы посылались изъ типографіи Сенковскому и мнѣ. Сенковскій даже не прикоснулся къ нимъ. Я исправилъ третью корректуру, и какъ тогдашній редакторъ «Библіотеки», de facto, подписалъ ее къ печати. Когда біографія вышла въ свѣтъ, я попрекнулъ Сенковскаго: зачѣмъ онъ не наложилъ своей руки на моего Карамзина?

— Любезный другъ,—отвѣтилъ мнѣ на это Осипъ Ивановичъ,—я бы охотно, даже съ наслажденіемъ, прошелся бы по вашей статьѣ по своему, если бы вы были сотрудникомъ «Библіотеки для Чтенія».—Но вы мой alter ego: я редакторъ de jure, а вы —редакторъ

de facto, какъ же я могъ разгуляться надъ вашею статьею. Чтобы о васъ подумали, какъ бы относились къ вамъ даже наборщики, увидѣвъ, какъ я раскаталъ вашу статью? Согласитесь, что я не могъ позволить себѣ поступить иначе, какъ поступилъ; а признаться у меня сильно чесались руки. Но тогда Карамзинъ вышелъ бы со всѣмъ въ другомъ нарядѣ. При всемъ моемъ уваженіи къ этой прекрасной личности, по врожденному мнѣ желанію держать читателя всегда въ напряженномъ вниманіи и ожиданіи его отъ меня какой-нибудь игривой выходки, я былъ бы не въ состояніи удержаться, чтобы не сострить тамъ, гдѣ бы это пришлось очень кстати. Я же знаю о хорошихъ отношеніяхъ Карамзиныхъ къ вамъ, и моими остротами я могъ бы только скомпрометировать васъ въ глазахъ лицъ, расположеніемъ которыхъ вы дорожите...

По отпечатаніи біографіи Карамзина въ «Библіотекѣ для Чтенія» для меня сдѣланы были отдѣльные оттиски ея, къ которымъ я приложилъ портретъ исторіографа и посвятилъ книгу А. Н. Карамзину.

Чтобы облегчить мои издержки за отдѣльные оттиски и портретъ, Андрей Николаевичъ прислалъ мнѣ пятьсотъ рублей серебромъ, которые пришлись очень кстати.

Теперь мнѣ остается сказать,—какъ я безъ году недѣлю былъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ» въ первые лѣтніе мѣсяцы 1846 года.

«Отечественныя Записки», основанныя Свиньинымъ прекратились съ его смертью, но когда «Библіотека для Чтенія», редактируемая О. И. Сеньковскимъ, стала пользоваться громаднымъ успѣкомъ, тогда зависть собрала въ кучку довольно значительное число (до сорока) извѣстныхъ и замѣчательныхъ нашихъ литераторовъ, къ которымъ Сенковскій не ѣздилъ на поклонъ съ просьбой участвовать въ его журналѣ, или же не церемонился въ отзывахъ, разбирая ихъ сочиненія. Эта оппозиціонная Сенковскому кучка пріобрѣла отъ вдовы Свиньина право на изданіе «Отечественныхъ Записокъ», составила общество, и избравъ молодого литератора Краевскаго, ничѣмъ особеннымъ тогда еще себя не заявившаго, въ редакторы, стала издавать этотъ журналъ подъ его фирмой. «Отечественныя Записки» были возобновлены въ началѣ 1839 года. Въ первый годъ они не имѣли успѣха и у нихъ оказался дефицитъ, какъ говорили въ то время, до сорока тысячъ рублей, не смотря на то, что кромѣ подписки было сорокъ вкладчиковъ, будто бы внесшихъ на изданіе журнала по пятисотъ рублей.

Въ концѣ года вкладчики, т. е. лица, затѣявшія возобновленіе этого журнала, объявили, что вслѣдствіе неуспѣха изданія, они болѣе участвовать въ немъ не намѣрены; тогда молодой литераторъ, ведшій редакцію изданія въ первомъ году, вызвался взять на себя изданіе и долгъ на немъ лежавшій.

Краевскій не располагалъ никакими средствами, и если бы Константинъ Петровичъ Жернаковъ, содержатель типографіи, въ которой печатались въ 1839 г. «Отечественныя Записки», и бумажный фабрикантъ, не открылъ Краевскому большого кредита, то новое изданіе непремѣнно лопнуло бы въ 1840 г.; но Краевскій, съ одной стороны обезпеченный типографіей и бумагою, а съ другой прошлогоднимъ опытомъ, и вѣрно постигшій тайну успѣха всякаго періодическаго изданія, спасъ возобновленный журналъ, который вскорѣ сталъ оспаривать успѣхъ «Библіотеки для Чтенія». Для разъясненія причины этого успѣха я считаю не лишнимъ сообщить здѣсь характеристику молодого редактора.

Андрей Александровичъ Краевскій родился въ Москвѣ, гдѣ мать его содержала пансіонъ и гдѣ онъ окончилъ университетъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ со степенью кандидата, Краевскій разсчиталъ, что ему гораздо выгоднѣе служить въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, чѣмъ въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, и поступилъ преподавателемъ исторіи въ тогдашнихъ корпусахъ. Въ то же время онъ выступилъ на литературное поприще въ «Журналѣ Мин. Народ. Просвѣщенія». Это было въ половинѣ тридцатыхъ годовъ. Тамъ онъ занимался составленіемъ обзоровъ газетъ и журналовъ и рецензіей новыхъ книгъ. Вскорѣ онъ принялъ участіе въ издаваемомъ тогда А. А. Плюшаромъ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ», въ которомъ, между прочимъ, напечатана была его статья «Борисъ Годуновъ», вызвавшая противъ него страшную бурю редактора «Библіотеки для Чтенія» О. И. Сенковскаго, желавшаго своею статьею «Годуновъ», помѣщенною въ томъ же «Энциклопедическомъ Лексиконѣ», какъ говорится, стереть Краевскаго съ лица земли. Однако, хотя противъ Краевскаго дѣйствовали страшныя батареи, онъ уцѣлѣлъ и остался невредимъ. Краевскій не написалъ ничего замѣчательнаго, капитальнаго, недолго участвовалъ въ «Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія», но успѣшно служилъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, гдѣ дослужился до чина статскаго совѣтника, а сдѣлавшись редакторомъ «Отечеств. Записокъ», принужденъ былъ выйти въ отставку.

Можно сказать безъ преувеличенія, что Краевскій родился редакторомъ и въ этомъ отношеніи не имѣлъ себѣ равнаго. Онъ былъ довольно хорошо образованъ, всегда умѣлъ держать себя;—дѣятеленъ и чрезвычайно подвиженъ. Онъ умѣлъ привлечь къ себѣ извѣстныхъ литераторовъ вниманіемъ къ нимъ и заискиваніемъ, а молодыхъ—доступностью, свободнымъ обращеніемъ съ ними, туманнымъ либерализмомъ, котораго нельзя было подвести ни подъ какую формулу; а всѣхъ вообще и старыхъ, и молодыхъ литераторовъ умѣлъ очаровать своимъ кошелькомъ, къ которому не только прибѣгалъ для аккуратной и точной уплаты гонорара сотрудникамъ за напечатанныя статьи—гонорара въ полтора раза выше противъ

платимаго тогда «Библіотекой для Чтенія», но кошелекъ редактора былъ вѣчно открытъ для сотрудниковъ, способныхъ и даровитыхъ. Уплачивая гонораръ, Краевскій имѣлъ весьма похвальную привычку предлагать сотруднику деньги впередъ, объясняя, что ему хорошо извѣстно, какъ трудно живется людямъ, существующимъ однимъ умственнымъ трудомъ. Могъ ли послѣ этого не нравиться журнальнымъ труженикамъ такой предупредительный, внимательный и щедрый редакторъ? Разумѣется, они стояли за него горой, сдѣлали его популярнымъ, такъ что вся талантливая и даровитая пишущая братія хлынула въ «Отечественныя Записки» и все новое, живое, общеинтересное, являлось въ нихъ прежде, чѣмъ въ другихъ журналахъ; къ нимъ хлынула и публика съ своими динаріями—и журналъ сталъ чрезвычайно популяренъ и занимателенъ во всѣхъ отношеніяхъ, потому что отъ него повѣяло новымъ духомъ, новыми взглядами, новымъ языкомъ.

Нельзя не упомянуть также, что Краевскій имѣлъ поклонниковъ и въ высшей, и въ низшей нашей администраціи, которая съ усердіемъ содѣйствовала успѣху его журнала, рекомендаціею и распространеніемъ «Отечественныхъ Записокъ» въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи. Вотъ причины, содѣйствовавшія популярности редактора и широкому ходу его изданія.

Краевскій никогда и никого не подкупалъ, не давалъ взятокъ, не дѣлалъ подарковъ, никогда не пресмыкался передъ кѣмъ бы то ни было, но умѣлъ держать себя съ достоинствомъ, которое внушало къ нему расположеніе лицъ, имѣвшихъ полную возможность вредить ему на всякомъ шагу, или же преслѣдовать его.

Многіе обвиняли Краевскаго въ томъ, что у него не было своего мнѣнія, и что онъ шелъ туда, куда дулъ вѣтеръ, что, говоря съ ретроградомъ, онъ ему поддакивалъ, во всемъ съ нимъ соглашался, но едва ретроградъ оставлялъ кабинетъ редактора, и новое лицо, являвшееся къ нему, держалось совершенно противоположныхъ взглядовъ, Краевскій опять соглашался съ нимъ во всемъ. Да это, дѣйствительно, было такъ, но это была чисто редакторская тактика, не желавшая никого обидѣть, или нажить себѣ врага и гонителя. Принимая какое-либо лицо, Краевскій съ первыхъ словъ видѣлъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и потому бывалъ и ретроградомъ, и консерваторомъ, и прогрессистомъ, даже либераломъ и всѣмъ чѣмъ угодно, судя по тому съ кѣмъ сталкивался; но въ журналѣ у него преобладалъ розовый колоритъ, столь любимый нашей публикой. Конечно, наплывъ философскихъ и политическихъ идей въ Россію, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, весьма часто ставилъ его втупикъ, а ловкіе и талантливые новаторы умѣли напустить на него туманъ, отъ котораго онъ старался освободиться, но это не всегда ему удавалось. По крайнѣй мѣрѣ, въ журналѣ всегда оста-

вались слѣды его усилій выйти на чистую воду изъ непонятныхъ для него новыхъ теорій и ученій, навѣваемыхъ съ Запада.

Принимая на себя редакцію «Отеч. Записокъ», Краевскій, видимо, не разсчитывалъ на себя, не надѣялся на свои собственныя силы и потому завербовалъ къ себѣ въ сотрудники изъ Москвы человѣка, уже нѣсколько лѣтъ подвизавшагося на литературной аренѣ и пользовавшагося уваженіемъ у тамошней литературной братіи. То былъ Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, пріобрѣвшій впослѣдствіи славу и громадную популярность своими критиками, напечатанными въ «Отеч. Запискахъ», которыхъ онъ былъ присяжнымъ сотрудникомъ. Но начало дѣятельности Бѣлинскаго въ журналѣ Краевскаго было не совсѣмъ удачно. Бѣлинскій ударился въ Гегелеву философію, которой была напичкана каждая книжка «Отечественныхъ Записокъ», такъ что публика даже стала роптать. Эти статьи порядочно повредили журналу, потому что для большинства читателей онѣ были вовсе недоступны, а для развитой публики скучны, такъ какъ авторъ ихъ не зналъ предѣловъ и не давалъ читателю отдыха. Однако, Краевскій, внявъ воплю большинства и колебанію подписки, вооружился гражданскимъ мужествомъ и заставилъ Бѣлинскаго бросить Гегеліанскую философію и прорубать дорогу чрезъ наши брынскіе и муромскіе литературные лѣса въ исторію русской словесности прошлаго и первой трети XIX столѣтія. Бѣлинскій взялся за это дѣло съ свойственной ему энергіей и тяжелая работа его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ и общимъ сочувствіемъ къ нему всей русской публики. Но, когда дѣло дошло до Пушкина, то не смотря на свѣтлую программу, которую начерталъ себѣ Бѣлинскій, его двѣнадцать статей о Пушкинѣ въ конецъ измучили не только самого автора, но рьяныхъ его поклонниковъ, а большинство публики послѣ шестой статьи о Пушкинѣ, махнуло на нихъ рукой и вовсе не читало, такъ что послѣдніе труды Бѣлинскаго въ «Отечеств. Запискахъ» читались лишь одними преподавателями и учителями русской словесности разныхъ учебныхъ заведеній и досужими литературными диллетантами. Говорю это искренно, потому что живо помню тогдашній ропотъ большинства, выписывавшаго и читавшаго «Отечественныя Записки».

Въ заключеніе разскажу, какъ я познакомился съ А. А. Краевскимъ. Въ началѣ 1846 г., когда Краевскій разошелся съ Бѣлинскимъ, онъ получилъ черезъ Никитенку, для напечатанія въ «Отеч. Запискахъ» мою біографію Н. М. Карамзина. Мои статьи въ «Журн. М. Н. Просв.» и «Финскомъ Вѣстникѣ» еще раньше обратили на себя его вниманіе, и онъ поручилъ Калайдовичу побывать у меня и передать мнѣ желаніе свое познакомиться со мной и передать въ мое завѣдываніе критическій отдѣлъ «Отечественныхъ Записокъ», но на бѣду я заболѣлъ воспаленіемъ печени и пролежалъ цѣлыхъ два мѣсяца. Калайдовичъ еженедѣльно навѣ-

щалъ меня, справляясь о моемъ здоровьѣ; я оправился отъ болѣзни лишь въ концѣ апрѣля и явился къ Краевскому. Онъ принялъ меня весьма любезно и понравился мнѣ; но во время моей болѣзни интрига противъ меня моихъ же друзей сдѣлала свое дѣло. Ничего не подозрѣвая, я объявилъ Краевскому, что согласенъ взять на себя только ученую часть критическаго отдѣла и не касаться вовсе белетристики. Не откладывая въ долгій ящикъ, Краевскій принялъ мое предложеніе, тутъ же вручилъ мнѣ для критики «Исторію смутнаго времени» Бутурлина, и два тома: «Сибирскихъ юридическихъ актовъ», изданныхъ Археографической комиссіей въ томъ же 1846 г. Не успѣлъ я взять книги въ руки, какъ Анд. Ал., отпирая боковой ящикъ письменнаго стола, вынулъ оттуда двѣ сторублевыя ассигнаціи и обратился ко мнѣ съ такою рѣчью:

— Вы такъ долго были больны и въ первыхъ числахъ мая хотите уѣхать въ Царское Село на дачу, поэтому думаю, что эти деньги будутъ для васъ не лишни.

Я поблагодарилъ его за вниманіе и далъ ему росписку въ полученіи отъ него двухсотъ рублей впередъ, за будущіе труды. Вотъ чѣмъ умѣлъ подкупать сотрудниковъ Краевскій.

Мы бесѣдовали съ нимъ о разныхъ предметахъ. Онъ тотчасъ понялъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло и говорилъ со мною искренно и откровенно. Изъ всѣхъ его словъ я видѣлъ, что онъ—чистый прогрессистъ, безъ всякой примѣси, но отнюдь не либералъ, а о краснотѣ его не могло быть и рѣчи. Данная имъ мнѣ работа приходилась мнѣ по душѣ, одно только обстоятельство заставило меня обратиться къ Краевскому съ вопросомъ: «какъ мнѣ поступить съ «Исторіей» Бутурлина. Разбирать ее по совѣсти—дѣло очень щекотливое; теперь Бутурлинъ, если не всесильный, то очень сильный человѣкъ; онъ злой, упрямъ, старается подслужиться—и пишетъ проектъ закрытія университетовъ въ Россіи. Какъ бы моя критика на его трудъ не надѣлала хлопотъ.

— За меня не бойтесь,—сказалъ Краевскій,—пишите по вашему убѣжденію, какъ вы найдете этотъ трудъ, и не щадите этого барина, потому что онъ этого не заслуживаетъ, а прочее—мое дѣло. Я не изъ трусливаго десятка.

Забравъ книги, я раскланялся съ Краевскимъ.

Изъ свиданія съ Краевскимъ я вынесъ впечатлѣніе во всѣхъ отношеніяхъ въ его пользу; ни іезуитства, ни ходульности, ни напыщенности, я въ немъ не замѣтилъ и его простота въ обращеніи мнѣ очень понравилась.

Спустя нѣсколько дней, я былъ уже въ Царскомъ Селѣ и приступилъ къ разбору данныхъ мнѣ книгъ.

По прочтеніи «Исторіи смутнаго времени» я убѣдился, что Бутурлинъ плохой продолжатель Карамзина, и что онъ не болѣе, какъ лѣтописный компиляторъ, своего рода петербургскій Арцыбашевъ,

что описать время самозванцевъ не такъ легко, какъ это казалось Бутурлину.

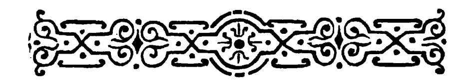
Я изложилъ свои замѣчанія о трудѣ Бутурлина откровенно, отнюдь не стѣсняясь именемъ автора. Краевскій ничего не измѣнилъ въ моей статьѣ; она была напечатана безъ поправокъ; послѣ нея не послѣдовало никакой бури и предполагаемыхъ непріятностей.

Совершенно иное дѣло было съ «Сибирскими актами». При чтеніи ихъ предо мною стояла постоянно стройная, сановитая фигура Ѳедора Никитича Романова или патріарха Филарета, котораго государственный умъ такъ ярко проявлялся въ этихъ актахъ. Изъ нихъ ясно видно было, что не Ермакъ Тимоѳеевичъ завоевалъ намъ Сибирь, а покореніемъ всей Сибири мы обязаны исключительно Филарету, который, видя какъ Литва и Польша постоянно подвигаются впередъ на востокъ и успѣли уже отмежевать у насъ сѣверо и юго-западныя губерніи, рѣшилъ, что намъ нечего мѣшкать, а надо въ свою очередь подвигаться впередъ, на востокъ и слалъ въ Сибирь грамоту за грамотой,—возбуждая и поощряя ими экспедиціи нашихъ казаковъ, которые, безъ дальнихъ околичностей, покоряли сотни малыхъ народцевъ и такимъ образомъ дошли почти до Тихаго океана, подчинивъ Россіи всѣ страны отъ Ледовитаго моря до Амура.

Въ теченіе мая мѣсяца обѣ критики были написаны и доставлены мною лично Краевскому. При моемъ визитѣ, я засталъ у него генерала Т . . . . ., съ которымъ онъ объяснялся sans façon. Я въ нѣсколькихъ словахъ передалъ содержаніе критикъ; при этомъ Краевскій, очевидно желая порисоваться передъ генераломъ своимъ либерализмомъ, повелъ такой разговоръ, который мнѣ очень не понравился, и я поспѣшилъ уйти. Это было мое послѣднее свиданіе съ Краевскимъ. Мнѣ предложили редакцію «Справочно-Энциклопедическаго Словаря», которую я находилъ болѣе для себя выгодною, чѣмъ сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ», о чемъ я и увѣдомилъ Краевскаго, послѣ напечатанія въ его журналѣ моихъ критикъ. Съ этого времени началось нерасположеніе ко мнѣ Краевскаго, которое продолжалось до вступленія въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» Степана Семеновича Дудышкина, моего товарища по университету.

Пишу все это sine ira et studio.

А. В. Старчевскій.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ И. И. ВВЕДЕНСКАГО.

ВЪ ПРОШЛОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» были помѣщены воспоминанія А. П. Милюкова объ Иринархѣ Ивановичѣ Введенскомъ, извѣстномъ педагогѣ и переводчикѣ романовъ Диккенса, Теккерея и др. англійскихъ писателей. Нѣкоторымъ дополненіемъ къ характеристикѣ Введенскаго могутъ послужить нѣсколько сохранившихся его писемъ къ извѣстному ученому, его пріятелю, Петру Спиридоновичу Билярскому, писанныхъ изъ Ревеля и Гельсингфорса. Печатая ниже эти письма, считаемъ не лишнимъ предпослать имъ нѣсколько біографическихъ замѣчаній о самомъ Введенскомъ и о Билярскомъ.

Введенскій, сынъ бѣднаго священника села Жуковки, Петровскаго уѣзда, Саратовской губ., родился въ 1813 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ пензенскомъ духовномъ училищѣ, откуда перешелъ въ саратовскую семинарію. Отличаясь всегда горячею любовью къ наукѣ, онъ занимался очень хорошо, особенно любилъ исторію и словесность; усиленная работа въ семинаріи чуть было не сгубила его: задано было написать разсужденіе о безсмертіи души, и Введенскій такъ ревностно занялся имъ, что заболѣлъ и былъ близокъ къ сумасшествію. Окончивъ семинарію, онъ въ 1834 г. поступилъ въ Московскую духовную академію. Занятія его въ академіи шли такъ же хорошо, но его тянуло въ университетъ. Въ 1838 г., не окончивъ курса академіи, онъ поступилъ въ Московскій университетъ. Крайняя нужда заставила Введенскаго взять мѣсто учителя въ пансіонѣ Погодина, эксплуататорскія способности котораго очень хорошо извѣстны. Преподаваніе въ пансіонѣ Погодина, воз-

награждаемое ничтожною платою, совершенно отнимало у Введенскаго возможность заниматься своими университетскими работами, лекціи онъ посѣщалъ изрѣдка, но огромная начитанность и серьезная академическая подготовка помогали ему одолѣвать всякія препятствія и успѣшно проходить курсъ. Весной 1840 г. онъ переселился въ Петербургъ; познакомившись съ Сенковскимъ, принялъ участіе въ его журналѣ; литературный трудъ далъ ему средства продолжать университетскій курсъ, и на 28 году, въ 1841 г., Введенскій получилъ степень кандидата по филологическому факультету. Съ этого времени начинается его широкая литературная и педагогическая дѣятельность, достаточно охарактеризованная въ воспоминіяхъ А. П. Милюкова.

Другъ Введенскаго, П. С. Билярскій происходилъ также изъ духовнаго званія. Окончивъ казанскую семинарію, онъ поступилъ въ Московскую духовную академію, откуда вышелъ въ 1840 г. со степенью кандидата богословія, и тогда же уволился изъ духовнаго званія. Страшныя лишенія и нужду пришлось вытерпѣть Билярскому послѣ этого шага. Пробывъ четыре года въ Москвѣ, онъ въ 1844 году переселился въ Петербургъ и опредѣлился на службу канцелярскимъ чиновникомъ въ комитетъ правленія Академіи Наукъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ началъ сотрудничать въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» въ отдѣлѣ критики и библіографіи. Тяжела была жизнь Билярскаго, жалованье по службѣ и литературный гонораръ были весьма незначительны, онъ постоянно нуждался. Нужда заставила его поступить въ протоколисты общаго собранія трехъ департаментовъ сената, но улучшилось его матеріальное положеніе только послѣ 1855 г., когда на похоронахъ Введенскаго онъ познакомился съ Я. И. Ростовцевымъ, начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній. Въ слѣдующемъ году Ростовцевъ назначилъ его въ свой штабъ и Билярскій сдѣлался главнымъ наставникомъ-наблюдателемъ за преподаваніемъ русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, получилъ мѣсто, которое занималъ Введенскій. Въ это время Билярскій былъ уже извѣстенъ ученому міру своими трудами, въ 1860 г. онъ былъ назначенъ адъюнктомъ Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, а въ 1863 г. экстраординарнымъ академикомъ. Усиленныя, однако, занятія и лишенія, перенесенныя въ молодости, надломили его крѣпкій организмъ, у него развилась чахотка. Надо было перемѣнить климатъ, онъ принялъ мѣсто профессора во вновь открывшемся Новороссійскомъ университетѣ, но уже было поздно; черезъ два года, въ 1867 г., онъ скончался. Изъ ученыхъ трудовъ его замѣчательны: переводъ сочиненія Вильгельма Гумбольдта «О различіи организмовъ человѣческаго языка и о вліяніи этого различія на умственное развитіе человѣческаго рода», изслѣдованія: «О средне-болгарскомъ вокализмѣ по патріаршему списку лѣтописи

Манассіи», «Историко-филологическое изслѣдованіе о Кирилловской части Реймскаго евангелія», «Матеріалы для біографіи Ломоносова» и др.

Знакомство Введенскаго съ Билярскимъ началось, вѣроятно, уже въ Московской духовной академіи: Введенскій кончилъ курсъ, когда Билярскій поступилъ въ академію. Отношенія между ними, какъ видно изъ печатаемыхъ ниже писемъ, были самыя дружескія. Къ сожалѣнію, изъ обширной по всей вѣроятности ихъ переписки сохранилось весьма немного. Передъ отъѣздомъ въ Одессу Билярскій сжегъ огромный тюкъ писемъ, изъ которыхъ по его словамъ многія имѣли бы значеніе для исторіи нашего просвѣщенія,—въ этомъ тюкѣ, между прочимъ, находилось много писемъ Введенскаго. Настоящія письма относятся къ лѣту 1844 г., когда Введенскій для поправленія своего здоровья и для изученія нѣмецкаго языка предпринялъ путешествіе въ Ревель. Въ письмахъ этихъ нѣтъ разсужденій о какихъ-либо ученыхъ предметахъ, они совсѣмъ иного характера. Введенскій съ большимъ юморомъ разсказываетъ о своихъ похожденіяхъ въ Ревелѣ, между прочимъ, сообщаетъ о «любовной исторіи» своей съ дочерью квартирнаго хозяина, капитана Худякова, — исторіи, которой онъ придавалъ одно время серьезное значеніе. Весьма интересны тѣ свѣдѣнія, которыя даетъ Введенскій о положеніи русскихъ въ Ревелѣ и о враждѣ нѣмцевъ ко всему русскому. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія письмо его отъ 4-го августа, въ которомъ онъ передаетъ о своемъ разговорѣ съ учителемъ русскаго языка ревельской гимназіи, Святнымъ. Къ нѣмцамъ Введенскій высказываетъ сильное презрѣніе, онъ негодуетъ на ихъ отношеніе къ Россіи и возмущается средневѣковымъ строемъ нашихъ прибалтійскихъ провинцій. Интересны, наконецъ, описанія Ревеля и Гельсингфорса, который онъ посѣтилъ на возвратномъ пути въ Петербургъ. Письма Введенскаго, печатаемыя нами, сообщены намъ въ подлинникахъ его сыномъ.

Ревель. Іюнь 20, 1844.

«Ты не ждешь и не хочешь длинныхъ писемъ, а едва ли, сверхъ и твоего, и моего чаянія, это посланіе не будетъ слишкомъ широковѣщательнымъ.

«Черезъ два съ небольшимъ часа, маленькій пароходикъ остановился въ Кронштадтскомъ рейдѣ подлѣ гиганта «Риги», на которомъ слѣдовало продолжать путешествіе. Въ одно мгновеніе толпа бросилась на бортъ; я въ свою очередь тоже поплелся съ своимъ багажемъ прямо въ каюту, гдѣ предполагалъ найти комфортабельное помѣщеніе. Но каюта уже была биткомъ набита: всѣ мѣста около стѣнъ давно были заняты, и мнѣ не иначе, какъ съ вели-

чайшимъ трудомъ, благодаря усердію двухъ маленькихъ педагоговъ, удалось расположиться на двухъ оригинальныхъ стульяхъ въ видѣ контрабанды. Большая половина пассажировъ расположилась на палубѣ. Тѣснота неимовѣрная, давка, визгъ ребятишекъ, суматоха между опьянѣлыми нѣмцами—вотъ первое путевое впечатлѣніе на морѣ и первое слишкомъ непріятное разочарованіе насчетъ мѣста. Между тѣмъ, прошло уже около двухъ часовъ, и пароходъ не двигался съ мѣста: ожидали каптейна, который ушелъ пить въ кронштадтскую таверну. Наконецъ, въ половинѣ 7-го начались распоряженія къ отплытію. Дикій, странный голосъ наверху палубы давалъ какіе-то условные знаки, на которые по бокамъ нашей каюты отвѣчали не менѣе дикими и странными движеніями: казалось, духъ моря давалъ повелѣнія подвластнымъ себѣ демонамъ, и тѣ, неохотно, но безпрекословно повиновались. Минутъ черезъ десять пароходъ тронулся. Сидѣвшая противъ меня дама вынула изъ ридикюля книгу и стала читать. Я вынулъ Гервинуса и тоже хотѣлъ было читать; но глаза противъ воли стали смыкаться, и я предпочелъ прикурнуть. Но лишь только безсвязныя мечты стали переходить въ какой-то особый сонъ, я почувствовалъ, что пароходъ остановился. «Le pyroscaphe est arreté: pourquoi ça?»—пробормотала моя хорошенькая vis-à-vis.—«Je vais voir tout-de-suite, madame»,—отвѣчалъ я, обрадованный случаю выйти на свѣжій воздухъ. Здѣсь, на верху парохода, совсѣмъ другой міръ. Солнце свѣтило великолѣпно; пассажиры разговаривали весело; многіе играли въ преферансъ. Я, между тѣмъ, чувствовалъ какое-то утомленіе, отъ голода, отъ морского воздуха, отъ качки, или чортъ знаетъ отъ чего. Пошелъ въ буфетъ и потребовалъ телятины: «не до того теперь»,—отвѣчалъ красноpожій нѣмецъ-буфетчикъ, занятый удовлетвореніями на винныя требованія. «Но я ѣсть хочу».—«Такъ ступайте въ первую каюту». И мы, т. е. я и другой пассажиръ, дико-румяный, съ блестящими оловянными глазами, безпрестанно-кашляющій, очевидно чахоточный, отправились въ столовую первой каюты, хорошо убранную, просторную, гдѣ нѣсколько дамъ оканчивали обѣдъ. «Порцію телятины!»—«Нельзя: здѣсь подаютъ только полный обѣдъ, а по порціямъ можно только во второй каютѣ».—«Такъ давай полный обѣдъ». Намъ подали по полутарелкѣ холоднаго супу безъ мяса, а потомъ блюдо говядины.—«Еще что?»—«Больше ничего-съ». «Свиньи,—громко сказалъ мой сосѣдъ,—за что же вы берете деньги?» «Не хотите ли еще сыру?»—«Подавай».—Сверхъ того, мой сосѣдъ спросилъ еще стаканъ вина; это, говорилъ онъ, вѣрнѣйшее средство отъ морской болѣзни, которымъ онъ теперь хочетъ воспользоваться, не смотря на восьмимѣсячное воздержаніе. Я тоже спросилъ вина, и намъ подали по большому стакану вейнъ-де-графу, который мы прихлебывали съ гнилымъ сыромъ. За обѣдъ, вино и сыръ мы заплатили почти по шести рублей!!! Всѣ пассажиры громко негодо-

вали на безсовѣстность буфетчика-нѣмца, и говорили, что на другихъ пароходахъ и тѣни нѣтъ такого мошенничества. Между тѣмъ, я еще познакомился съ однимъ пассажиромъ, чиновникомъ путей сообщенія, который сталъ мнѣ разсказывать нелѣпѣйшіе анекдоты «о графѣ», т. е. о Клейнмихелѣ, своемъ начальникѣ. Прошло еще нѣсколько часовъ. «Послушайте,—сказалъ я своему новому знакомому,—то, что называется морскою болѣзнею, я просто считаю миѳомъ, поэтическою выдумкою фантастическихъ путешественниковъ». И въ самомъ дѣлѣ, изъ 300 пассажировъ никто еще не испытывалъ этой болѣзни: даже дѣти рѣзвились и бѣгали какъ дома. Въ 11 часовъ я опять убрался въ каюту: моя vis-à-vis располагалась спать; я уступилъ ей половину своего стула, на которомъ умѣстились ея и мои ноги: чудесное положеніе! Часа въ три утра опять вышелъ на палубу; все обстояло благополучно; многіе еще спали, другіе разговаривали. Меня соблазнилъ носъ парохода, гдѣ лежала чья-то кожанная подушка, на которую безъ церемоніи я легъ и проспалъ часа четыре. Проснувшись, я почувствовалъ сильную боль въ горлѣ: очевидно, я простудился отъ сильнаго морского вѣтра. Въ полдень одинъ неизвѣстный пассажиръ назвалъ меня по имени и сказалъ, что онъ весьма хорошо знаетъ меня, какъ университетскаго товарища и журнальнаго сотрудника. Мы разговорились, познакомились: оказалось, что это нѣкто Чумиковъ [1]), ревельскій житель, къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо отъ Милюкова. Было три часа за полдень. Пароходъ двигался медленно: пассажиры рѣшили, что капитанъ Брандтъ хочетъ еще поподчивать обѣдомъ на своемъ пароходѣ, и всѣ сговорились не брать ни одной порціи, хотя бы еще больше трехъ часовъ протянулась поѣздка. А Ревель давнымъ-давно былъ на глазахъ. Часа въ четыре пріѣхали. Протянулось около часу, а вещей намъ не выдавали. Ропотъ усиливался. Наконецъ, когда стали выдвигать съ парохода карету, отдавъ ей такое предпочтеніе передъ нашими чемоданами, ропотъ достигъ до высшей степени, и кончилось тѣмъ, что одинъ офицеръ, подозвавъ капитана, сдѣлалъ ему такой комплиментъ: «я тебѣ, мерзавецъ, рожу разобью, если сію же минуту не выдашь вещи». Какъ бы хорошо, подумалъ я, тиснуть о немъ статейку въ петербургскихъ журналахъ, но... Петербургъ не Лондонъ, и мерзавцы не боятся общественнаго мнѣнія. Вещи наши стали вытаскивать безъ всякаго порядка, и едва завидѣлъ я свой чемоданъ, какъ два болвана взяли его и просто съ нимъ побѣжали. «Куда! не тронь». Молчаніе. «Tragen sie nicht!» Молчаніе. «Да погодите». Молчаніе и удвоенный бѣгъ. Побѣжалъ и я, и уже на половинѣ дороги вспомнилъ, что не взялъ своего билета, оставшагося на пароходѣ, кото-

---

[1]) А. А. Чумиковъ, бывшій впослѣдствіи издателемъ-редакторомъ «Журнала для воспитанія».

рый тотчасъ же долженъ былъ отправиться въ Ригу. Досада моя увеличилась. Бросивъ чухонцамъ четвертакъ, я нанялъ втридорога извозчика и велѣлъ ѣхать въ трактиръ «Ветерштрандъ», гдѣ взялъ маленькую конурку за 60 коп. сер. въ сутки. На другой день поутру пришелъ ко мнѣ мой пароходный знакомецъ-чиновникъ. «Сколько вы платите за эту конуру?»—«60 коп. сер.» «Зачѣмъ такъ дорого?»—«Да вотъ, смотрите, печатное объявленіе, оно виситъ на стѣнѣ». «Да это вздоръ! И съ меня въ трактирѣ «Zum Goldenen Löwen» запросили тоже, но я не хотѣлъ давать больше рубля ассигн. и съ меня взяли рубль.»

«Но, я усталъ, Петя, и больше не могу писать. Вотъ общее заключеніе: нѣтъ существа гнуснѣе, отвратительнѣе нѣмца, какъ скоро онъ дѣлается мошенникомъ, и нельзя выразить всей степени презрѣнія къ этому племени. Мои ревельскія наблюденія ежечасно оправдываютъ это мнѣніе. Нанялъ квартиру у русскаго, капитана Худякова. Черезъ часъ съѣзжаю изъ трактира; что-то слупятъ съ меня? еще не разсчитывался. Сію минуту иду на рынокъ бриться: цирюленъ здѣсь нѣтъ; каждое утро брадобрѣй выходитъ на шведскій рынокъ, тамъ и брѣютъ.

На новой квартирѣ.

«И такъ, повѣришь ли, за двое сутокъ въ мерзкомъ трактирѣ, за два мерзкіе обѣда и проч. взяли съ меня семь рублей семьдесятъ четыре копѣйки серебромъ! Не могу выразить всего бѣшенства при взглядѣ на поданный мнѣ счетъ съ такимъ огромнымъ итогомъ, написанный подлымъ нѣмецкимъ шрифтомъ. Я сохраню его, какъ образчикъ нѣмецкой подлости. Но бѣшенство мое прекратилось вдругъ, когда я перебрался на свою квартиру. Очень хорошее русское семейство, уступившее мнѣ половину своего жилья за 50 руб. ассигн. на все время. Четыре или пять дѣвицъ, и одна изъ нихъ говоритъ пофранцузски. Все семейство чудесно знаетъ нѣмецкій языкъ. Всѣ эти достоинства приняты къ свѣдѣнію.

«Я надѣюсь, ты постараешься написать ко мнѣ поскорѣе, не смотря на свою лѣность. Я, вѣроятно, скоро еще стану писать.

28-го іюня.

«Еще здравствуй! Вѣроятно, ты ждешь продолженія моихъ рыцарскихъ похожденій, и я въ свою очередь очень бы радъ исчертить цѣлыя тетради, если бы не зналъ, какъ скучно перечитывать это черченье, и какъ съ другой стороны вредно для моего здоровья просидѣть лишній часъ съ перомъ въ рукахъ. Вотъ, однакожъ, коротенькій отчетъ.

«Распорядившись на скорую руку въ своей мерзкой комнатѣ, я велѣлъ принести обѣдать, и мнѣ отвѣчали, что время обѣда про-

шло и что теперь можно только на скорую руку etwas fressen. И вотъ мнѣ принесли что-то въ родѣ дрянной голенищи съ полубутылкой премерзкаго вина. Послѣ обѣда пошелъ гулять. «Какъ называется эта улица?» «Das ist Lang-Strasse»,—отвѣчала дѣвченка, дѣлая особое удареніе на словѣ Lang. Эту Lang-Strasse минуты въ четыре я прошелъ всю, такъ она длинна! Пройдя Strasse-Pforte, я очутился около морской гавани, и здѣсь, глазѣя по окошкамъ съ прибитыми билетами, вошелъ на удачу въ одинъ домъ. Толстая нѣмка въ чепцѣ, значитъ, дама, запросила съ меня за двѣ дрянныхъ комнаты, безъ прислуги, безъ мебели, безъ бѣлья и безъ воды, 175 руб. ассигн. за лѣто, т. е. за 6 недѣль! Можешь представить, какъ все это озадачивало мой кошелекъ, въ которомъ далеко уже не хватало до 300 руб. Отложивъ заботу о квартирѣ, я сталъ наудачу бродить по городу. Признаюсь, мое воображеніе ничего немогло представить безобразнѣе этого знаменитаго члена древней Ганзы. Узкія, преузкія улицы, кривыя, грязныя, въ высочайшей степени неправильныя, безпрестанно пересѣкаемыя преглупыми переулками—все это еще ничего, хоть въ милліонъ разъ хуже глухихъ московскихъ улицъ — но архитектура старинная, нѣмецкая архитектура — вотъ что такъ глубоко-значительно, что поневолѣ пробуждаетъ множество думъ о великой нѣмецкой націи. Ты знаешь русскія избы, видѣлъ избы мордовскія, чувашскія, но едва ли и эти послѣднія не лучше старинныхъ нѣмецкихъ богатыхъ домовъ. Вообрази себѣ огромный каменный фасадъ, годный для трехъ или четырехъ петербургскихъ этажей, фасадъ, имѣющій коническую форму,—въ немъ, въ этомъ фасадѣ, пробито три-четыре скважины, представляющія подобіе оконъ, — вотъ и все. Кровля домовъ впятеро или болѣе выше самихъ домовъ! Что можетъ быть нелѣпѣе. Объясняютъ эту нелѣпость тѣмъ, что въ этихъ кровляхъ ганзейскіе купцы берегли свои товары и съѣстные припасы; но какъ ни объясняй, нелѣпость все нелѣпость, и если архитектура, какъ и прочія искусства, представляетъ умъ, вкусъ, образованность племени, то пресловутое нѣмецкое племя, сіе племя, претендующее писать законы для міровой образовованности, есть слишкомъ безвкусное и безсмысленное племя. И какъ же назвать, если не безуміемъ, идею строить кладовыя и погреба наверху, а самимъ помѣщаться внизу! Знаю, ты назовешь мой приговоръ слишкомъ опрометчивымъ, но онъ основанъ на тысячѣ вещахъ, которыя вижу каждый день. Чѣмъ болѣе живу здѣсь, тѣмъ болѣе привыкаю презирать нѣмцевъ, и тѣмъ болѣе научаюсь цѣнить здравомысліе и добродушіе русскаго народа. Здѣсь, даже въ мелочахъ, это здравомысліе становится слишкомъ поразительнымъ, поставленное въ контрастъ съ нѣмецкимъ вкусомъ; напр., почти всѣмъ улицамъ русскіе дали свои названія независимо отъ нѣмцевъ, и гораздо правильнѣйшія.

16-го, іюля

«Ты угадалъ: мое теперешнее письмо должно быть любопытнѣе; но въ томъ ли отношеніи, въ какомъ ожидалъ ты?

«Тебѣ очень хорошо понимающему мой характеръ, нисколько не покажется удивительнымъ, если сейчасъ услышишь, что я вздумалъ жениться. Ты совершенно понимаешь мои правила на этотъ счетъ, знаешь мои скромныя, простыя, незаносчивыя мечты. Ихъ-то и хочу, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ осуществить.

«Хозяинъ мой, флотскій капитанъ, имѣетъ демонское сходство съ сухопутнымъ оренбургскимъ капитаномъ Мироновымъ. Вотъ уже ровно сорокъ пять лѣтъ плаваетъ онъ по Финскому заливу, ставитъ въ разныхъ направленіяхъ вѣхи для предостереженія пароходовъ, и... больше ничего. Ему былъ 31 годъ, какъ онъ женился на теперешней своей женѣ. Въ 27 лѣтъ благополучнаго супружества прижилъ онъ пять дочерей и трехъ сыновей. Старшая шесть лѣтъ замужемъ за лейтенантомъ, который живетъ тутъ же. Вторая за ней Катерина, моя возлюбленная. Ей лѣтъ 20 съ небольшимъ. Прочія градаціи до пяти лѣтъ. Изъ сыновей одинъ кадетъ, другой болтается дома кандидатомъ въ кадеты, третій играетъ съ моськой на дворѣ. Худяковъ получалъ 25 рублей мѣсячнаго дохода, когда женился. Теперь его жалованье и доходы простираются тысячъ до двухъ въ годъ. Больше никогда не было и нѣтъ никакого дохода. Не смотря на это, онъ живетъ такъ-таки себѣ ничего, и что всего удивительнѣе, изгораздился дать дочерямъ изрядное воспитаніе: онѣ говорятъ понѣмецки, танцуютъ, играютъ на фортепіанахъ, и всѣ могутъ быть вѣрными женами и чудесными хозяйками. А что и этого удивительнѣе, мамзель Катерина, ужъ рѣшительно не постигаю по какому случаю, изрядно говоритъ пофранцузски. Вотъ и все.

«Теперь должно сказать, что mademoiselle Katharina очень милая дѣвица, и эта ея миловидность была главнѣйшею причиною, заставившею меня расположиться на настоящей квартирѣ, вопреки прежде принятому намѣренію взять квартиру у нѣмца. Всѣ знакомства въ провинціи дѣлаются скоро, особенно въ Ревелѣ между немногими русскими, которые въ глазахъ нѣмцевъ считаются какими-то паріями. Со мной все семейство познакомилось, кажется, въ два дня. Первое впечатлѣніе было очень невыгодное для моихъ хозяевъ. Ихъ провинціальныя претензіи на хорошій тонъ, ихъ невыносимо-приторная учтивость, совершенное отсутствіе всего, похожаго на образованность, загрубѣлость во мнѣніяхъ, убійственно-радушное угощеніе и хлѣбосольство,—все это не могло привести мою душу къ поэтической настроенности. Но вскорѣ я свыкся съ этими истинно-добрыми людьми, увидѣлъ, что они,—чортъ возьми!—совершенно счастливы, и что совершенное отстраненіе отъ всякаго

умственнаго движенія, засоривъ ихъ мозгъ, не сдѣлало, однакожъ вреда ихъ семейному благополучію. «Неужели такіе скоты могутъ сдѣлаться моими родственниками?»—подумалъ я, впервые разглядѣвъ хорошенько миловидныя черты дѣвицы Катерины. Въ два-три гулянья познакомился я короче съ своей возлюбленной, и къ крайнему удовольствію замѣтилъ, что въ ней очень много природнаго ума, и что этотъ умъ дожидается только дальнѣйшаго развитія. Безъ дальнихъ околичностей я рѣшился предложить свою лапу. Моимъ намѣреніемъ было обратиться съ этимъ предложеніемъ прямо къ ней, но постоянный дождь, мѣшавшій гулять, и зубная сильная боль, схваченная отъ неосторожнаго купанья, помѣшали дѣлу, которое впрочемъ было уже начато. Смертельная скука въ комнатѣ съ запертыми окнами навела меня на другую мѣру: я написалъ письмо, подробное, умное письмо и вручилъ его самому Худякову. Разсказавъ свою жизнь и будущіе планы, я безъ околичностей просилъ осчастливить мою особу сердцемъ дочери, которой взамѣнъ предлагалъ свое съ тремя тысячами шестьюстами годового дохода. Что проще этого? И что выгоднѣе для monsieur Худякова, для котораго мои три тысячи дохода должны казаться огромнымъ богатствомъ? Такъ нѣтъ!!. Впрочемъ, вотъ тебѣ съ дипломатическою точностью мой разговоръ съ господиномъ капитаномъ, котораго я призывалъ къ себѣ сегодня поутру:

— Ну, что, Сергѣй Васильевичъ? Вотъ уже прошло два дня; я жду вашего отвѣта.

— Я, ей-Богу, не знаю, Иринархъ Ивановичъ.

— Да чего жъ вамъ знать! Я дѣйствую въ отношеніи къ вамъ открыто и благородно; что не мѣшаетъ дѣйствовать и вамъ точно также?

— Мы васъ такъ мало знаемъ.

— Такъ узнавайте. Здѣсь въ Ревелѣ теперь инспекторъ Павловскаго корпуса,—спросите у него. Здѣсь директоръ училища правовѣдѣнія,—спросите у него. Ваши знакомые теперь въ Петербургѣ,—пусть они спросятъ обо мнѣ въ Дворянскомъ полку.

— Ей-Богу, не знаю; надо посовѣтоваться съ родными.

— Какъ! вы хотите, чтобы въ недѣлю узнали объ этомъ всѣ квартальные вашего гадкаго города, чтобы я былъ поставленъ въ непріятное положеніе покорнѣйшаго просителя, котораго вы, можетъ быть, оставите съ носомъ, чтобы мнѣ нельзя было никуда глазъ показать въ вашемъ мерзкомъ городишкѣ? Да вы-то что же? Развѣ не объ вашей дочери идетъ дѣло? Развѣ у васъ голова не на плечахъ?

— Надобно поговорить объ этомъ съ ней.

— Вотъ это другое дѣло! Съ этого бы и мнѣ слѣдовало начать. Поговорите, и если съ ея стороны отказъ, то я первый стану просить васъ, чтобы вы ни въ какомъ случаѣ не принуждали вашей

дочери. Но разъ навсегда скажу,—говорите и рѣшайтесь какъ можно скорѣе, чтобы въ двѣ недѣли, остающіяся до поста, было окончено все совершенно, чтобы я къ первому августа былъ уже мужемъ вашей дочери.

— Какъ? Въ двѣ недѣли! Да помилуйте, что можно въ это время сдѣлать?

— А развѣ нужно что-нибудь дѣлать?

— Надо покупать, шить, готовиться.

— Чтò покупать? чтò шить?

— Да вѣдь ей надобно же въ чемъ-нибудь вѣнчаться.

— Разумѣется, а развѣ ей не въ чемъ вѣнчаться?

— Надо особое платье.

— А почему жъ не можетъ она вѣнчаться въ той рубашкѣ и въ томъ платьѣ, въ которомъ я вижу ее каждый день?

— Какъ? Въ ситцевомъ платьѣ!

— Ради Бога, что тутъ мудренаго? Говорю вамъ: все это вздоръ, и тѣмъ болѣе вздоръ, что у васъ нѣтъ ничего, что я не требую отъ васъ ни гроша, что издержкамъ, употребленнымъ на безполезное приготовленіе, можно дать лучшее назначеніе. И такъ, если въ этомъ дѣло, то въ случаѣ утвердительнаго отвѣта съ ея стороны, черезъ 10 дней свадьба.

— Да и вы, Иринархъ Ивановичъ... какіе у васъ есть документы, чтобы жениться такъ скоро?

— А!..—Тутъ только впервые пришли мнѣ въ голову всѣ эти проклятыя формы, изъ которыхъ я ни одной не соблюлъ.

«Во-первыхъ—кто я?—кандидатъ университета.

«Чѣмъ доказать, что я не женатъ?—Надо взять свидѣтельство отъ полиціи, потому что я состою на дѣйствительной службѣ.

«Полиція спроситъ университетъ. — Университетъ ничего не знаетъ.

«Чей я сынъ?—Неизвѣстно.

«Былъ ли у исповѣди и Св. Причастія?—Не былъ.

«И такъ, вотъ милліонъ каракулекъ, которыя препятствуютъ мнѣ насладиться даже тѣмъ счастіемъ, въ которомъ не отказываютъ послѣднему негру на англійскихъ плантаціяхъ!..

«Впрочемъ, что касается до меня, я съумѣлъ бы, кажется, всѣ эти препятствія послать къ чорту; но главное препятствіе здѣсь исключительно только въ дубовомъ упрямствѣ этихъ добрыхъ людей, которые впрочемъ безъ малѣйшаго сомнѣнія весьма рады сдѣланному предложенію. Между прочимъ, г. Худяковъ находитъ очень и очень странноватымъ даже то обстоятельство, что я не имѣю никакого чина, тогда какъ, по моимъ словамъ, если только мнѣ вѣрить, ужъ могъ бы имѣть даже десятый классъ!

«Такимъ образомъ, не знаю, что будетъ, а я думаю, будетъ то,

что изъ всего этого ничего не будетъ, потому что, по возвращеніи въ Петербургъ, я забуду и Ревель, и Худякова.

«Теперь воскресенье. Письмо отошлется во вторникъ. До того времени авось исторія продолжится. Иду къ нимъ.

Черезъ пять часовъ, въ тотъ же день.

«Такъ много перечувствовалъ я въ эти пять часовъ, что достало бы иной разъ на цѣлый годъ. Пообѣдавъ, я, вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, и какъ они ожидали, идти къ нимъ, одѣлся и пошелъ въ другое знакомое семейство, гдѣ игралъ въ карты и немного выигралъ. Послѣ отправился въ садъ, гдѣ уже гуляло все семейство, кромѣ маленькихъ. Подошелъ, заговорилъ: сухость безпримѣрная, отвратительно-глупая! По признакамъ несомнѣннымъ, которыхъ, однакожъ, передавать невозможно, мнѣ не трудно было догадаться, что она уже знаетъ. Тѣмъ нелѣпѣе ея обхожденіе. Зазвалъ старика въ кондитерскую и напоилъ чаемъ. Имъ всѣмъ велѣлъ отнести по чашкѣ чаю (каждая пятіалтынный). Не изволили пить, а я зналъ, что еще не пили!! Разумѣется, взорвало. Въ боковомъ карманѣ у меня весьма запрещенная книга: отошелъ къ сторонѣ и сталъ читать. Моимъ намѣреніемъ было, не встрѣчаясь болѣе, идти одному домой. Пошелъ, наткнулся не хотя, и, разумѣется, къ ихъ наслажденію, потому что они могли думать, что я ихъ догонялъ. Пошелъ рядомъ съ ней: ни слова! Отошелъ прочь. Къ ней подошелъ одинъ вельми глупый мичманъ: заговорили, заговорили, и пошла писать!..

«Петръ, любезный Петръ! Поймешь ли ты меня теперь, когда я самъ себя не понимаю! Это не ревность, потому что я не влюбленъ. Это не вспышка обиженнаго честолюбія, потому что какое тутъ честолюбіе, и стоитъ ли вспыхивать. Но теперь, когда я, бросивъ на дорогѣ сіе пресловутое семейство, опрометью прибѣжалъ домой, теперь, когда я въ восемь часовъ, еще при ясномъ свѣтѣ солнца, велѣлъ закрыть окна, изругавъ напередъ совершенно ни за что солдата, теперь, какъ я раздѣлся, какъ бѣшеный, зажегъ свѣчи, и какъ сумасшедшій схватился за перо, теперь, когда я чувствую, что вся кровь прихлынула къ мозгу, теперь... Ахъ, Боже мой! что со мной дѣлается.

На другой день, въ одиннадцать часовъ ночи.

«И такъ finita la comedia. Но по порядку.

«Вѣрю, разъ въ жизни, чистяковской эстетикѣ, что два сильныя ощущенія, сталкиваясь вмѣстѣ, ослабляютъ одно другое. Мнѣ было такъ больно, такъ тошно, и такъ сталъ я задыхаться, что еще разъ испугался кровяного удара. Между тѣмъ, передо мной опять

лежала та весьма запрещенная книга, которую я началъ въ саду и которую дали мнѣ на срокъ. Началъ читать, сперва безъ вниманія и думая о другомъ, потомъ внимательнѣе, и, наконецъ, гротескная странность идей, вдругъ наведшая меня на мой любимый конекъ, до того овладѣла моимъ вниманіемъ, что я рѣшительно успокоился, и читая книгу во всю ночь, къ утру готовъ былъ забыть всѣ эти приключенія. Поутру нужно было отправиться часа на два въ городъ, откуда послѣ нѣсколькихъ, всегда непріятныхъ сценъ съ нѣмцами, опять воротился домой и снова принялся за книгу. Вдругъ присылаютъ отъ хозяина моего запечатанное письмо. Вотъ оно:

«Милостивейшій Государь!

«Іеринархъ Ивановичъ!

«Сегодни мы спрашивали нашей дочери, и она не объявила согласія.

«Съ глубочайшимъ...» и проч.

«Прочиталъ, разорвалъ на тысячу мелкихъ клочковъ и велѣлъ сказать—хорошо.

«И такъ, «не объявила согласія!»

«Что ты думаешь объ этомъ, любезный Петръ?—

«И опять я сталъ читать запрещенную книгу, и уже на этотъ разъ прочелъ до конца.

«Не объявила согласія!»

«И такъ отставка, чистая отставка!

«Не знаю, какъ это сдѣлалось, только уже кровь болѣе не приваливала къ головѣ; но грустныя, горькія, ахъ! какія горькія думы!

«Не объявила согласія!»

«И такъ, даже эти жалкія, прозябающія созданія, въ глазахъ которыхъ я долженъ казаться счастливцемъ міра сего, не хотятъ принять меня въ свое семейство!

«Боже мой! Чегожъ далѣе надѣяться?

«Стало быть дѣйствительно я оторванъ, навсегда и рѣшительно оторванъ, отъ всего живущаго человѣчества?

«Вѣдь я не требовалъ ни копѣйки, хотѣлъ взять ее просто въ одной рубахѣ, взять въ столицу, гдѣ получаю три тысячи шестьсотъ годового дохода, т. е. ровно втрое болѣе, чѣмъ живетъ все это огромное семейство!

«И «не объявила согласія!!»

«Чтожъ еще наконецъ обо всемъ этомъ ты скажешь, любезный Петръ!

«Если нужно объяснить, такъ пожалуй немудрено объяснить, и я думаю, вотъ какъ они думали на своемъ семейномъ консиліумѣ.

«Богъ знаетъ, что онъ за человѣкъ. Когда бъ у него три тысячи дохода, такъ онъ бы могъ найти невѣсту въ Петербургѣ. А зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Ревель? Да и кто онъ? Кандидатъ, т. е. чортъ знаетъ что такое. И нашъ маленькій Павлуша тоже кандидатъ въ кадеты. Не имѣетъ чина, потому что еще не хлопоталъ объ этомъ, а ужъ могъ бы быть въ чинѣ даже коллежскаго секретаря. Эка штука; знаемъ мы эту братью: не хочетъ имѣть чинъ,—чинъ не хочетъ имѣть!!! Да вѣдь и на службѣ-то еще не состоитъ! Вретъ все должно быть. Три тысячи доходу, вретъ, вретъ, вретъ, какой-нибудь ёрникъ! Нутка, скажемъ,—«не объявила согласія». Вотъ и все. А впрочемъ тамъ чтожъ такое. Развѣдать потомъ всетаки не мѣшаетъ, и если узнаемъ, что онъ точно не вретъ, тогда можно будетъ сказать, что передумала и объявила согласіе. Да нѣтъ, должно быть сорванецъ: да вѣдь и говоритъ онъ какую-то околесную, просто семирамида. Ему дескать, нужна жена образованная,—эки штуки! «Красота, умъ, образованіе—самое лучшее приданое». Вишь, что выдумалъ разбойникъ. Нѣтъ, какъ бы три тысячи доходу, не такъ бы запѣлъ»... и проч.

«Но легче ли мнѣ отъ всего этого, любезный Петръ? Если не поняли меня добрые Худяковы, кто же и какъ пойметъ меня?

«Такъ неужели и тутъ еще, и для этого круга, нужна съ моей стороны особая эрудиція? Неужели нужны время, терпѣнье, подлазничество и особая настойчивость, чтобы умѣть подладиться подъ этихъ добрыхъ людей?

«Проклятіе, милліонъ разъ проклятіе!

«Всѣ эти думы въ какомъ-то не ясномъ туманѣ неслись одна за другой и тяжело садились на душу. Я взялъ перо и написалъ:

«Мы не поняли одинъ другого, почтеннѣйшій Сергѣй Васильевичъ. Потрудитесь возвратить мое письмо».

«Черезъ четверть часа письмо возвращено. Я сохраню его и привезу въ Петербургъ.

«Между тѣмъ, ко мнѣ пришелъ одинъ мой знакомый, титулярный совѣтникъ и по чину, и по душѣ. Онъ засталъ меня за запрещенною книгою. Я слишкомъ обрадовался его приходу. Когда узналъ онъ, что это книга запрещенная, сталъ просить меня перевести или разсказать что-нибудь: этого мнѣ и хотѣлось: я зналъ, что меня услышатъ (раздѣляетъ одна дверь). Для разсказа выбралъ одно изъ самыхъ патетическихъ мѣстъ. Воодушевленный всею желчью неподдѣльнаго негодованія противъ клеветника Россіи и ея государя, я разразился громомъ, могу сказать, живого, пламеннаго краснорѣчія: голосъ мой дрожалъ, переливался на тысячу ладовъ и негодованію моему не было предѣловъ. Около двадцати минутъ я бѣсновался такимъ образомъ, и, наконецъ... заплакалъ! Да заплакалъ, и эти слезы—чистая философія, выжатая мгновенно изъ фактовъ моей жизни.

«Пріятель мой выпучилъ глаза и, разумѣется, ничего не понималъ.

— Съ вашимъ сердцемъ не слѣдовало бы читать такихъ книгъ,— сказалъ онъ въ заключеніе дивертиссемента.

«Между тѣмъ, пошелъ въ Катериненталь и встрѣтилъ тамъ Жемчужникова (зри объ немъ въ письмѣ у Краузольда). Встрѣча кстати: моимъ хозяевамъ извѣстно, что это сенаторскій сынъ и племянникъ министра, о чемъ узнали они съ благоговѣйнымъ трепетомъ. Я взялъ его къ себѣ пить чай и долго и громко, во всеобщее услышаніе, разговаривалъ съ нимъ на французскомъ діалектѣ о родѣ Разумовскихъ и Перовскихъ.

«Онъ ушелъ въ одиннадцать часовъ. Я взялъ перо и написалъ то, что ты сейчасъ прочелъ.

«Что теперь? Воображалъ ли ты, что мои ревельскія приключенія могутъ принять такой характеръ? На всякій случай я прошу тебя сберечь это письмо: оно будетъ въ числѣ матеріаловъ для описанія моихъ приключеній въ Ревелѣ. Прощай. Я постараюсь уснуть.

«Желаю получить отъ тебя подробный отвѣтъ. Слово утѣшенія нужно, братъ, для меня.

Іюля 21-го, 1844 г. Ревель.

«Я думаю, моя трагикомедія стоитъ того, чтобъ ее продолжить, хотя бы и была опасность надоѣсть тебѣ.

«Добрые провинціалы! Хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что и при близорукости видишь ихъ насквозь. Грубыя дѣти простой, безыскусственной природы, они не умѣютъ скрывать своихъ чувствованій, и дѣйствуютъ прямо, какъ указываетъ имъ желудочная воля.

«Добрые люди безъ сомнѣнія ожидали, что отказъ ихъ и въ самомъ дѣлѣ повергнетъ меня въ бездну отчаянія. Каково жъ могло быть ихъ удивленіе, что при такомъ, правду сказать, тяжеломъ и довольно неожиданномъ ударѣ, у меня даже не вывалилась изъ рукъ книга, которую читалъ я и которую теперь столь равнодушно, изорвавъ только письмо, продолжалъ дочитывать! Должно сказать, что я своими двумя комнатами занимаю бо̀льшую и лучшую половину всего дома; слабая дверь, отдѣляющая отъ хозяевъ, не мѣшаетъ имъ слышать даже скрипъ моего пера, а замочная большая скважина не препятствуетъ имъ наблюдать меня сколько душѣ угодно. Я уже писалъ, какой разговоръ былъ у меня съ знакомымъ чиновникомъ и Жемчужниковымъ. На другой день пришелъ весьма кстати навѣстить меня одинъ очень образованный юноша, учившійся въ университетѣ и бывшій два года за границей. Сюда изъ Петербурга онъ пріѣхалъ на каникулы домой. Еще познакомившись съ нимъ на пароходѣ, я легко вошелъ въ его семейство. Такъ онъ-то, разумѣется, ничего не воображающій о моихъ здѣшнихъ дѣлахъ, и къ моему благополучію, знающій меня по Петербургу съ весьма выгодныхъ и преувеличенныхъ сторонъ, пришелъ теперь

навѣстить меня. Отъ книги Куника, которую на этотъ разъ я читалъ, разговоръ принялъ такой характеръ:

— Такъ почему же вы, коренной житель Ревеля, имѣющій такой обширный кругъ знакомства, по сю пору не женитесь, тогда при томъ, какъ это совершенно теперь необходимо даже по самому роду службы, вами избранному?

— Я долженъ сказать, можетъ быть, слишкомъ откровенно, что презираю вообще всѣхъ русскихъ женщинъ, всѣхъ не исключая и нѣмокъ, получившихъ тутъ воспитаніе. Думаете ли вы, что здѣшніе нѣмцы даютъ дочерямъ лучшее образованіе! ни чуть не бывало: знаніе своего языка,—вотъ и все ихъ превосходство. О литературѣ, въ какомъ бы ни было отношеніи, никакого понятія. Повѣрите ли, здѣсь еще въ большой славѣ Коцебу и чувствительные романсы прошедшаго столѣтія! Гёте, Шиллеръ едва извѣстны по именамъ! И это въ нѣмецкомъ городѣ! Я даже думаю, хотя и не знаю фактически, что въ отдаленныхъ русскихъ провинціяхъ образованіе гораздо прочнѣе, потому, по крайней мѣрѣ, что тамъ хоть какой-нибудь характеръ, но характеръ опредѣленный должно оно имѣть.

— Пожалуй на этотъ счетъ я соглашусь съ вами съ большимъ удовольствіемъ. Но въ основной мысли я готовъ противорѣчить до слезъ. Здѣшнія дѣвушки, говорите вы, основательно знаютъ нѣмецкій языкъ: чтожъ? этого и довольно. Они не имѣютъ никакого характера: чтожъ? тѣмъ лучше. И знаете ли что? по моему мнѣнію, дѣвица и не можетъ, и не должна имѣть никакого характера до 25 лѣтняго возроста. Это странно, но я объясню вамъ это, представивъ идеалъ своей собственной невѣсты. Было время, когда я хотѣлъ жениться на нѣмкѣ. Теперь охотно предпочелъ бы русскую, но такую, которая говоритъ хорошо понѣмецки, изрядно знаетъ французскій языкъ, порядочно понимаетъ игру на фортепіанахъ и которая, при всемъ этомъ, могла бы быть хорошею хозяйкой. Видите, идеалъ вовсе не высокій, даже не поэтическій. Но при этихъ условіяхъ моя возлюбленная должна быть мила собой и имѣть отъ роду не болѣе двадцати одного года. Женившись на такой дѣвушкѣ, я за первую обязанность поставилъ бы довершить ея воспитаніе во всѣхъ отношеніяхъ, а это именно и возможно только тогда, когда еще не имѣетъ она никакого характера. Моя жена на первый разъ была бы въ моихъ глазахъ прекраснымъ мраморомъ, изъ котораго я, мыслящій художникъ, сдѣлалъ бы именно такую статую, какая нужна мнѣ, переливъ въ нее собственную душу и заставивъ ее жить одною жизнію. Однимъ словомъ, я постарался бы ее, еще грубую, не образованную, возвысить до самого себя и, такимъ образомъ, сдѣлать ее вполнѣ достойною спутницею своей жизни.

— При такихъ понятіяхъ вамъ не трудно было бы жениться.

— Напротивъ, я думаю, просто невозможно. (Тутъ длинная

диссертація о Петербургскихъ невѣстахъ, которыхъ à tort и à travers постарался разобрать). Знаете ли что: я хотѣлъ бы жениться именно у васъ, здѣсь въ Ревелѣ.

— Напрасныя хлопоты: здѣшнія невѣсты большею частію не имѣютъ никакого состоянія.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что я рѣшительно не ищу никакого состоянія. То, что я имѣю и надѣюсь имѣть, конечно, достанетъ для семейнаго человѣка. При томъ... (доказательства тебѣ извѣстны; перспектива поэтической семейной жизни съ умной и образованной женою). Коротко и ясно: я не требую отъ своей невѣсты ни гроша, даже не потребовалъ бы отъ нея подвѣнечнаго платья.

— О, такъ вы чудесный женихъ, и если станете хлопотать, я заранѣе готовъ поздравить васъ съ счастливымъ бракомъ. Впрочемъ, большихъ хлопотъ тутъ и не нужно: здѣсь—чистая ловля жениховъ, и если бы кому-нибудь извѣстны были ваши мысли—изъ-за васъ просто бы стали драться.

— А я такъ думаю, что вы ошибаетесь, и, кажется, жестоко ошибаетесь. Во-первыхъ, я вовсе не такой женихъ, какой бы могъ нравиться провинціальной и особенно русской ревельской дѣвушкѣ. Вы видите, я не хорошъ, даже очень не хорошъ собою. Мои слѣпые глаза ей, вѣроятно, покажутся преступленіемъ, котораго въ женихахъ не прощаютъ. А потомъ: что я за фигура? ни кожи, ни рожи, по русской пословицѣ. Видите, какой я тонкій, тощій, безъ крѣпкихъ мускуловъ, безъ брюха...

— Чортъ возьми: а вашъ умъ, а ваши нравственныя достоинства, а ваше положеніе въ Петербургѣ—развѣ все это не стоитъ толстаго брюха?

— Мой умъ!! Я думаю, этотъ умъ болѣе повредилъ бы мнѣ, чѣмъ принесъ пользы. Ревельской ли дѣвушкѣ, при томъ русской дѣвушкѣ, оцѣнить мой умъ и всѣ эти достоинства, которыя вы пересчитали? Я могу быть краснорѣчивъ, какъ Мирабо; мое краснобайство мало того, что будетъ не понятно, напротивъ, сочтется еще опаснымъ вольнодумствомъ. Да при томъ о чемъ бы и сталъ я разговаривать съ своей ревельской невѣстою? О погодѣ, и только о погодѣ? Но, кромѣ того, что это пошло, она не пойметъ даже и этого разговора, если совратить нѣсколько съ вседневной колеи.

— Пожалуй и правда. Ну, а во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ, еще менѣе могли бы оцѣнить меня родители этой дѣвушки. Вообразите въ самомъ дѣлѣ, что я сватаюсь, говорю родителямъ невѣсты: я люблю вашу дочь и прошу у васъ ее, одну ее только, не требуя ни копѣйки, ни даже подвѣнечнаго платья. Согласитесь, что такое предложеніе было бы съ моей стороны выраженіемъ безпримѣрнаго благородства: кто же бы и какъ понялъ его изъ вашихъ ревельскихъ добрыхъ людей, живущихъ исключи-

тельно для брюшка? Для васъ, для меня это въ порядкѣ вещей; но повѣрьте, люди простые, не образованные, загрубѣлые въ своихъ желудочныхъ понятіяхъ, скорѣе увидятъ здѣсь какой-нибудь подвохъ, чѣмъ прямое благородство. А если бы еще къ этому прибавилъ я, что не терпя медленности, хочу, чтобы свадьба моя совершена была какъ можно скорѣе, напримѣръ, въ двѣ недѣли, то меня просто сочли бы сумасшедшимъ, пройдохой и пожалуй даже мошенникомъ!

«Разумѣется, я сжалъ теперь въ самыхъ тѣсныхъ рамкахъ этотъ назидательный разговоръ, продолжавшійся болѣе двухъ часовъ. Этими тонкими и не тонкими намеками, я просто разсказалъ своему знакомому всю исторію сватовства и свое мнѣніе о хозяевахъ. Мой гость не щадилъ разнообразныхъ эпитетовъ для выраженія скотской натуры здѣшнихъ жителей, преимущественно военныхъ. Разумѣется, все это выслушано съ величайшимъ вниманіемъ и принято къ свѣдѣнію. Результатъ: со мной сдѣлались сухи, переставъ даже кланяться, ожидая того же съ моей стороны. Но не тутъ-то было: я попрежнему кормлю мальчишекъ конфектами, безъ церемоніи и безъ всякаго замѣшательства началъ разговаривать со всѣми членами семейства. Между тѣмъ, ее, вскорѣ по уходѣ гостя, я увидѣлъ сидящую передъ окномъ: блѣдная, необыкновенно блѣдная и съ заплаканными глазами! Перемѣна слишкомъ быстрая: розовыя щечки увяли только въ два дня! Мы расклanялись, и весьма учтиво. Но на другой день пришелъ ко мнѣ еще юноша, чиновникъ. Онъ глупъ, но это мнѣ не помѣшало ему, петербургскому жителю, описывать невѣжество провинціалокъ, и при этомъ описаніи я вклеилъ такую фразу: «можете послать провинціальной русской барышнѣ какую угодно книгу, самую умную, любопытную: будьте увѣрены, вамъ возвратятъ ее, не читая подъ какимъ-нибудь пустымъ предлогомъ». А дѣло въ томъ, что я давалъ ей «Les Memoires du diable», и на другой день книга возвращена подъ предлогомъ глазной боли. Этотъ намекъ не въ бровь, а въ самый глазъ, разсердилъ мою красавицу, и сегодня на учтивый мой поклонъ она ничего не отвѣчала.

«C'est ainsi que je m'amuse!

«Пера выбросить не хочется, но боюсь опоздать на почту.

«Спроси Краузольда: исполнилъ ли онъ мое порученіе насчетъ сообщенія извѣстій о перемѣщеніи часовъ въ Павловскомъ корпусѣ? Ходилъ ли онъ съ этимъ извѣстіемъ къ инспектору полка? Денежная комиссія выполнена счастливо: изъ Павловскаго корпуса надняхъ я получилъ 200 рублей. Дворянскій полкъ можетъ и не присылать денегъ. Около 8-го августа поѣду въ Гельсингфорсъ, откуда дня черезъ четыре сухимъ путемъ въ Петербургъ. Пиши, пожалуйста, пиши.

(Слѣдующее письмо не имѣетъ даты, но по всему вѣроятію оно писано послѣ 21-го іюля, такъ какъ въ письмѣ отъ этого числа, разсказывается обо

всемъ происшедшемъ послѣ 17-го іюля. Кромѣ того, изъ письма отъ 21-го іюля видно, что Иринархъ Ивановичъ довольно еще живо интересуется своей «любовной исторіей», а тутъ онъ пишетъ, что она ему уже надоѣла).

«Вообще жизнь какъ-то проведена странно.

«Всегда стоялъ я, или, по крайней мѣрѣ, думалъ, что стою выше того состоянія, въ которое поставила меня судьба. Ни въ одномъ сословіи не годились для меня невѣсты: или слишкомъ низкія, или слишкомъ высокія. Да и самъ я вообще ни къ какому сословію не принадлежалъ. Начальство всегда отличало меня, призывало на совѣщаніе, нерѣдко и къ великому князю; но все это въ сущности не перемѣнило моего положенія, какъ служаки бѣднаго, нечиновнаго. Жена все-таки могла сыскаться, но безъ состоянія, какъ и я, что стали бы мы дѣлать?

«И такъ, вотъ я старикъ, холостякъ, близкій къ гробу, прожившій Богъ знаетъ какъ.

«Стало быть, вся жизнь была ошибкою, это, конечно, ужасно, но ошибкою произвольною, въ основаніи которой лежало самолюбіе.

«А я, вѣдь къ чорту бросаю всякое самолюбіе. Предлагаю себя въ сожители Гоголевскимъ героямъ, я, человѣкъ образованный, живущій въ столицѣ, умный человѣкъ, у котораго карьера блестящая. И мнѣ не объявляютъ согласія! Тогда не объявляютъ согласія, когда не требую я ни копѣйки, когда въ безчисленныхъ отношеніяхъ могу быть полезнымъ для всего этого огромнаго семейства, я, не имѣющій въ нихъ самъ ни малѣйшей нужды!

«И не объявляютъ согласія!..

«И между тѣмъ не далѣе, какъ сегодня просили меня они за одного имъ знакомаго кадета, который долженъ поступить въ мой классъ въ Дворянскомъ полку. Я сказалъ, что переведу его къ себѣ и сейчасъ же напишу объ немъ къ инспектору. И точно я написалъ вотъ что:

— «... Этого Валіотти я никогда не видалъ, но принимать участіе въ его судьбѣ заставляютъ меня особыя ревельскія причины. Тутъ есть также добродѣтельные мужи, и къ числу ихъ принадлежитъ хозяинъ мой Худяковъ, чудесный герой для Гоголевскаго пера. Рекомендую его вамъ на всякій случай: у него есть прекрасныя дочери, изъ которыхъ въ одну я влюбленъ до безумія съ перваго взгляда. Но любовь къ женщинѣ и славянская литература— двѣ вещи очевидно не совмѣстимыя, и это такая демонская правда, что мнѣ тотчасъ же дали чистѣйшую отставку, когда предложилъ я mademoiselle Худяковой свою лапу съ 3600 годового дохода».

«Разумѣется, я не послалъ этого письма.

«Я написалъ его для того только, чтобы показать имъ. Отослалъ. Продержали долго. Возвратили.

«Признаюсь, вся эта исторія начинаетъ мнѣ крайне надоѣдать.

«На этихъ добрыхъ людей просто надлежало бы смотрѣть, какъ

на скотовъ. Скоты они и есть, а вниманіе не отрывается отъ этой дѣвушки, которая дѣйствительно необходима для моего счастія.

«Вечеромъ въ Катериненталѣ, гдѣ также были и они. Но вообрази демонскую досаду: лишь только я хотѣлъ подойти и заговорить, встрѣчается Калмыковъ [1]) съ женою, и съ ними должно мнѣ было продолжать прогулку. Это, можетъ быть, кстати; они должны знать, съ кѣмъ я встрѣтился; здѣсь всегда и всѣхъ знаютъ чуть не повыходѣ изъ парохода. Мнѣ, напр. кланяются квартальные, сосѣди, даже собаки знаютъ меня во всемъ околоткѣ. Для эффекта рискнулъ Калмыкова съ супругой позвать на чай; но это именитому ученому мужу показалось такъ страннымъ, такъ необыкновеннымъ, что ужъ я и не заикнулся настаивать на просьбѣ.

«Поутру сегодня отослалъ ея сестренкѣ тарелку клубники. Ничего, приняли. Извини, что я пишу тебѣ обо всемъ этомъ вздорѣ. Но чтожъ дѣлать? Это тоже своего рода особая болѣзнь, требующая врача, и я ищу его въ тебѣ, не смотря, что ты отказываешься съ гордымъ стоицизмомъ.

Августа 3-го, 2 часа.

«Давно слышалъ я о трупѣ или о мощахъ, которыя показываютъ здѣсь въ одной нѣмецкой церкви, но слышалъ и болѣе ничего: это обстоятельство не дѣлало на меня никакого впечатлѣнія. Сегодня поутру рѣшился, однакожъ, я посмотрѣть, что это за диковинка. Прихожу въ Nikolai-Kirche,—заперта. Иду къ кистеру, застаю его за чаемъ съ прехорошенькой женой, объявляю желаніе осмотрѣть церковь, и аккуратный нѣмецъ, допивъ чашку, взялъ ключи и отправился. Вхожу въ преддверіе—сырость, духота могильныя. Среди огромной залы, или правильнѣе, огромнаго катакомба стоитъ накрытая карета, подумалъ я; но это дроги для перевоза покойниковъ, дроги со всѣми принадлежностями, поставленныя передъ входомъ въ церковь!! Вхожу во внутренность—огромно и пусто! Тамъ сырость съ примѣсью какой-то азотистой матеріи, задавляющей легкія. Полъ изъ гробовыхъ плитъ съ старинными саксонскими надписями. Это церковь древняя, построенная, говорятъ, еще въ XIV столѣтіи. И ее еще употребляютъ! И каждое воскресенье пасторъ говоритъ проповѣди, собравшемуся народу, говоритъ въ этомъ могильномъ склепѣ, воняющемъ тысячами покойныхъ предковъ!

— Скорѣй, скорѣй, я задыхаюсь: гдѣ герцогъ?

— Пожалуйте сюда,—отвѣчалъ мой чичероне, и мы очутились въ боковомъ свѣтломъ чуланѣ. Среди его, боюсь сказать, катафалкъ, потому что ты представишь что-нибудь великолѣпное,— просто дроги, одръ или что-то въ родѣ этого, и на немъ знаменитый мертвецъ, показываемый любопытнымъ путешественникамъ.

---

[1]) П. Д. Калмыковъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета.

«Весь черный, съ открытой головой и руками, онъ лежитъ, какъ умершій сію минуту отъ гангрены, съ выразительной физіономіей съ крещенными руками. Да, съ выразительной физіономіей. Еще видишь на этомъ лицѣ муку душевныхъ страданій, узнаешь и предчувствуешь лишенія, которымъ онъ подвергался, проникаешься невольнымъ трепетомъ при мысли о его страданіяхъ, о его злосчастной судьбѣ.

— Не искуственный ли это трупъ?

— Ни чуть не бывало: извольте смотрѣть хорошенько.

«И варваръ обнажилъ его шею, раскрылъ грудь, дергалъ за носъ, ощупывалъ щеки.

«Я прочелъ надпись:

«Caroli Eugenii, ducis é Regia gente de Croix rerum gestarum gloria praestabat clarumque celeberrimum in Belgia nati 1660 post pugnam Narvensem Revaliae dum in custodia crat mortui corpus, per 116 annos, tabae infactum, nunc 1819 compositum.

«И такъ это герцогъ де-Кроа, тотъ самый де-Кроа, котораго Петръ, по рекомендаціи императора, вывезъ изъ Австріи, сдѣлалъ предводителемъ войска, который проигралъ нарвское сраженіе, жилъ послѣ плѣнникомъ въ Ревелѣ, задолжалъ здѣсь, и былъ за долги лишенъ погребенія!

«Нѣмцы лишили за долги погребенія русскаго полководца!

«Есть законъ, запрещающій хоронить самоубійцъ, опойцъ и пр. и пр. Но этотъ лишаетъ только отпѣванія. Хоронятъ самоубійцъ на Голодаѣ, но все-таки хоронятъ: отдаютъ тѣло землѣ.

«Нѣмцы лишили за долги не отпѣванія только, а погребенія и зарытія въ землю!

«Нѣмцы отняли у общей матери то, что принадлежитъ ей, по неотемлемому, небесному праву.

«И должникъ ихъ нагой, безъ покрова, брошенъ на открытомъ мѣстѣ хуже, какъ собака, брошенъ въ добычу собакамъ, птицамъ, кошкамъ.

«Онъ, герцогъ де-Кроа, брошенъ за долги!

«Брошенный за долги во имя закона, безъ призрѣнія, безъ защиты!

«И сто сорокъ два года лежитъ онъ на позорище всему свѣту, лежитъ, брошенный за долги, лежитъ безъ защиты, безъ призрѣнія всегда!

«И его щиплютъ по носу, бьютъ по щекамъ, его, герцога фонъ-Кроа, принца королевской крови.

«И напрасно ждетъ онъ состраданія именемъ божественнаго правосудія; напрасно выставляетъ для всѣхъ это сморщенное чело, эти преждевременно увядшія щеки. Онъ лежитъ, брошенный за долги и его показываютъ за деньги!

«Мерзавцы! Вѣдь уже сто сорокъ четыре года лежитъ онъ, сто

сорокъ четыре года уплачиваетъ онъ свой долгъ. Сдѣлаемъ смѣту.

«Нетлѣнное тѣло герцога всегда показывали за деньги, какъ рѣдкость.

«Первое 25-тилѣтіе эта рѣдкость была, разумѣется, въ большомъ ходу и тогда платили дороже. Предполагая двѣ тысячи платильщиковъ на каждый годъ по рублю серебромъ каждый, онъ долженъ былъ заплатить въ 25 лѣтъ пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ. Въ остальные сто семьдесятъ лѣтъ заплатилъ онъ по крайней мѣрѣ сто тысячъ. Всего—полтораста тысячъ рублей серебромъ.

«И, между тѣмъ, онъ лежитъ еще, брошенный за долги.

«Я бросилъ въ уплату двугривенный и опрометью побѣжалъ изъ гадкой церкви.

«На дорогѣ забѣжалъ въ полицію справиться, не пріѣхалъ ли изъ Гапсаля Баллинъ. Узнаю, что онъ отъ 17-го іюня останавливался тутъ на три дня въ гостинницѣ «Zum Goldenen Löwen», гдѣ и я хотѣлъ было остановиться!!

Тотъ же день, 10 ч. вечера.

«Послѣ обѣда визитъ къ Калмыкову и, какъ всегда, небезполезный. Разсказалъ madame Калмыковой свои впечатлѣнія въ Nikolai-Kirche, и она тѣхъ же чувствованій какъ я, не щадила разныхъ эпитетовъ для нѣмецкой націи. Ея супругъ игралъ роль разсудительнаго мужа и, по возможности, защищалъ нѣмцевъ. Вотъ что еще узналъ, между тѣмъ какъ я высчитывалъ, сколько долженъ былъ выплатить фонъ-Кроа, нѣмцы дѣлали и дѣлаютъ разсчетъ другого рода. Существуетъ у нихъ еще законъ, по которому родственники покойника, выплачивая его долги, обязываются еще платить за время, какое пролежалъ онъ въ церкви не погребенный, едва ли не цѣлковый за сутки, какъ берутъ въ трактирахъ. И такъ, по расчетамъ ихъ, Кроа не только не выплатилъ, а съ каждыми сутками еще по цѣлковому прибавляетъ новаго долгу!!

«Я располагалъ пробыть у Калмыкова не болѣе часу, но задержали сперва гроза, а потомъ исторія съ моимъ извозчикомъ, маленькимъ чухной. Скрываясь отъ грозы въ дверяхъ Калмыковой квартиры, мальчишка отъ нечего дѣлать началъ строгать ножикомъ косякъ двери. Это увидала хозяйка-нѣмка, подняла такой гвалтъ, какъ будто бы обвалился весь домъ. Непріятность и мнѣ и Калмыковымъ!! Кончилось тѣмъ, что бѣднаго мальчишку задержали, и я, впрочемъ заплатилъ ему сполна, долженъ былъ путешествовать по грязи безъ калошъ, но къ счастію не долго: встрѣтилъ новаго извозчика, и тотъ за демонскую цѣну повезъ меня домой.

«Впрочемъ дома оставался не долго. Мнѣ должно было переодѣться и ѣхать, куда бы ты думалъ?.. къ Сенковскому, о пріѣздѣ

котораго, равно и о жительствѣ его въ трактирѣ Ветерштрандъ, узналъ я отъ Калмыкова. Чтобы провести еще гдѣ-нибудь съ полчаса, заѣхалъ къ русскому гимназическому учителю. И его нѣтъ дома. Рѣшился ждать. Узнавъ, что я Reisender, aus Petersburg, меня приняли съ особымъ благоговѣніемъ: принесли и зажгли двѣ стеариновыя свѣчи въ кабинетѣ стараго педанта, засуетились во всемъ домѣ, но напрасно: послѣ пяти минутъ я раскланялся, сказавъ, что заѣду завтра.

«Однакожъ, я не досказалъ еще утреннія приключенія. Послѣ купанья, слѣдовавшаго за визитомъ къ герцогу, съ возобновленной ненавистью къ нѣмцамъ иду въ салонъ и узнаю здѣсь исторію, весьма меня порадовавшую. Должно сказать тебѣ, что нѣмецкіе прислужники салона величайшіе грубіаны и обходятся съ русскими пресквернo. Это знаю я по собственному опыту. Вотъ что, между прочимъ, случилось со мной скоро по пріѣздѣ. Мнѣ должно было взять билетъ для холодныхъ ваннъ, и по объявленію въ петербургскихъ газетахъ я зналъ, что за все лѣто платятъ 3 рубля серебромъ. Иду къ буфетчику, выдающему билеты.

— Сколько стоитъ?

— Четыре цѣлковыхъ съ половиной за все лѣто.

— Какъ такъ? мнѣ сказывали и я читалъ, что—и проч.

— Что вы сюда грубить пришли? Развѣ съ васъ просятъ лишнее?

«И мерзавецъ швырнулъ мнѣ 15 билетовъ за цѣлковый, отказавшись дать мнѣ объявленіе. Я, разумѣется, смолчалъ. Теперь штуку въ родѣ этой вздумалъ онъ отмочить еще съ однимъ путешественникомъ, и тотъ вмѣсто объясненія, взялъ графинъ съ водой, пустилъ съ размаху въ его харю, и вышибъ у него зубы. Всѣ русскіе, я въ особенности, съ величайшимъ удовольствіемъ обрадовались событію.

«Вообще, насъ терпѣть не могутъ, и, если бы можно, изрѣзали бы въ куски; но два-три полка солдатъ и матросовъ въ состояніи перекрошить цѣлыя полчища нѣмецкихъ шустеровъ.

«Моя любовная исторія идетъ все съ такою же нелѣпостію. По утру сегодня отослалъ замужней сестрѣ смородины на полтинникъ. Приняли и спасибо не сказали. Она продолжаетъ бѣгать опрометью. Величайшіе скоты.

Августа 4-го, 2 часа.

«Нѣтъ, покамѣстъ около Сенковскаго искать нечего. Прихожу сегодня къ нему въ 9 часовъ и застаю его въ спальной.

— Не входите, не входите.

«Прождалъ съ четверть часа. Вышелъ.

— Что вы здѣсь?

— Лѣчусь.

— Вамъ меня нужно?

— Нѣтъ. Но я такъ долго не имѣлъ удовольствія видѣть васъ въ Петербургѣ, и теперь захотѣлъ имѣть это удовольствіе въ Ревелѣ.

— Извините. По утрамъ я не принимаю. У меня теперь корреспонденція. Пожалуйте въ другое время.

«А, между тѣмъ, завтра ѣдетъ онъ въ Гельсингфорсъ.

«Послѣ этой осѣчки у меня отпала охота идти и къ Святному, учителю словесности. Прогулялъ часовъ пять и только-что сейчасъ воротился домой въ надеждѣ получить отъ тебя письмо. Надежда пустая. Ты и всегда пишешь неохотно, а теперь тѣмъ болѣе. Впрочемъ увѣренъ, что получу твое письмо въ воскресенье, и почти по этой причинѣ остаюсь еще на недѣлю въ Ревелѣ. Худяковы такъ бѣсятъ и такъ препятствуютъ моему врачебному курсу, что ужъ я готовъ бы завтра же (пароходъ всегда въ субботу) изъ Ревеля; но остаюсь изъ опасенія, какъ бы не были прочтены безъ меня присланныя изъ Петербурга письма, твои въ особенности.

«Будешь ли отвѣчать на это письмо? Я бы желалъ; но въ такомъ случаѣ адресуй уже въ Гельсинфорсъ на мое имя, poste restante. Хоть бы одно письмо получить этакимъ способомъ. Не потрудится ли написать Куникъ [1])? Помнишь, онъ обѣщался дать мнѣ письмо къ какому-то знакомому въ Гельсингфорсѣ: это могло бы пригодиться.

«Между тѣмъ, мое глубокое ему почтеніе. Теперь еще слѣдуетъ написать письмо въ Саратовъ, потомъ пообѣдать—и на почту. Прощай. Изъ Ревеля, впрочемъ, жди отъ меня еще письмо. Послѣднее получишь изъ Гельсингфорса.

Августа 4-го, 10 ч. вечера.

«Съ почты къ русскому старшему учителю гимназіи Филимону Никитичу Святному. Сказали дома, но прождалъ около четверти, прежде чѣмъ увидѣлъ. Почтенный пятидесятилѣтній педагогъ долженъ былъ умыться, причесаться, надѣть фракъ, чтобы приличнымъ образомъ встрѣтить путешественника, дѣлающаго ему честь своимъ визитомъ. Разговорились. Г. Святной квинтиліанистъ—бургіе-плаксинистъ. Читаетъ усердно «Библіотеку», имѣетъ понятіе о «Москвитянинѣ», но только-что мелькомъ слышалъ объ «Отечественныхъ Запискахъ», и я долженъ былъ растолковать ему, что это за журналъ, кѣмъ и съ котораго времени издается! Но то, что далѣе услышалъ я отъ почтеннаго педагога, поразило меня просто ужасомъ.

«Напрасно Ревель имѣетъ претензію называться нѣмецкимъ городомъ. Коренныхъ, чистыхъ нѣмцевъ не болѣе двухсотъ семействъ. Всѣ прочія переродившіеся чухонцы, съ нѣмецкими фамиліями. Обучаясь въ гимназіяхъ, бросаютъ они семейства и род-

---

[1]) Въ настоящее время членъ Академіи Наукъ.

ныхъ, и новые Herrn или остаются осѣдло въ Ревелѣ, презирая родное нарѣчіе, или, что чаще, идутъ за приключеніями въ Петербургъ, Москву и проч., гдѣ никто и не подозрѣваетъ ихъ происхожденія.

«Ненавидя неистово русскихъ, вообще, они и между собою раздираются страшною глухою ненавистью. Эта ненависть религіозная, религіозная ненависть въ Россіи, въ половинѣ XIX столѣтія, здѣшній deutsche Volk рѣзко дробится на православныхъ, т. е. лютеранъ, и на раскольниковъ, т. е. гернгутеровъ. Эта послѣдняя секта, получившая начало еще въ прошломъ столѣтіи, усиливается постепенно и равняется въ числѣ православной. Имѣетъ она и политическую цѣль, какую не знаю, но въ высшей степени враждебную къ правительству. Ненависть ея къ русскимъ доходитъ до остервененія, и во враждѣ съ православной партіей, ставитъ послѣдней въ укоръ терпимость къ русскимъ. Чтобы снять съ себя это постыдное пятно, православная партія изо всѣхъ силъ старается отличиться въ такой же ненависти, совершенно отчуждаясь отъ всего русскаго. При такомъ ходѣ дѣлъ — сущая невозможность предположенія даже двухъ фамилій, русской и нѣмецкой, которыя жили бы въ ладу.

«Но всего убійственнѣе при этихъ адскихъ партіяхъ положеніе бѣдныхъ русскихъ педагоговъ. Между тѣмъ, какъ положеніе учителей, вообще, при множествѣ спеціальныхъ заведеній, обезпечено очень хорошо, казенный русскій учитель, живущій жалованьемъ отъ одного казеннаго мѣста, только-что не умираетъ съ голоду».

«Благодаря попыткѣ Уварова, котораго г. Святной очень уважаетъ, считая изъ первыхъ европейскихъ историковъ, положеніе русскаго педагога могло бы улучшиться, но попытка осталась попыткой, а зло возросло. Лѣтъ за шесть Уваровъ, дѣлая (какого-то) Чашникова директоромъ гимназіи въ Митавѣ, писалъ къ попечителю Крафтъ-Истрему, что онъ желалъ бы и впередъ подобныя мѣста (что неизбѣжно и слѣдуетъ) доставлять русскимъ. Секретарь попечителя, Винтеръ, перевелъ секретное письмо, роздалъ во многихъ экземплярахъ нѣмцамъ, и въ довершеніе эффекта, отослалъ нѣсколько копій въ Германію, гдѣ тотчасъ же въ различныхъ газетахъ съ ужасомъ возопили противъ варварской мѣры министра! Ясно положеніе учителей не улучшилось.

«Но съ прошлаго года житье сдѣлалось нестерпимымъ. Дѣло такое. Окончили въ сентябрѣ постройку новой гимназіи. Надлежало новый домъ освятить. Какъ освятить? Разумѣется, по русскому обряду, потому что заведеніе выстроено на казенныя деньги. Но нѣмцы взъерошились. Дали, однакожъ, знать русскому священнику; но вскорѣ, передумавъ, предложили такую штуку: прійдутъ пасторъ и попъ, первый сдѣлаетъ нѣмецкій обрядъ, послѣдній скажетъ русскую рѣчь. Священникъ, какъ и слѣдовало, отказался съ

презрѣніемъ. Пріѣхалъ, между тѣмъ, попечитель и, узнавъ о продѣлкахъ, немедленно велѣлъ освятить по русскому обряду. Кончился обрядъ, слѣдовало подходить къ кресту. Первый подошелъ попечитель, хотя и нѣмецъ. Директоръ Русильонъ медлилъ, его предупредилъ Святной, за нимъ, ужъ нечего дѣлать, и директоръ; тамъ прочіе нѣмецкіе учителя, но не всѣ: одни прямо не подошли, другіе убѣжали изъ церкви.

«И вотъ подошедшіе и не подошедшіе остервенились высочайшею ненавистью одни противъ другихъ, ненавистью, которая съ одинаковымъ постоянствомъ продолжается и до сихъ поръ. Бѣдному Святному достается больше всѣхъ.

«Нужно ли сказывать, что изъ учениковъ никто почти не думаетъ учиться порусски?

«Довольно ли всѣхъ этихъ мерзостей для оправданія моего презрѣнія къ нѣмецко-чухонской націи? Но фактъ даетъ другой результатъ. Жалуемся на строгость цензуры и желаемъ ея уничтоженія. Пусть! но я увѣренъ теперь, дай только 24 часа для свободной печати, и изъ этихъ адскихъ гнѣздъ явятся тысячи вулканическихъ вспышекъ, грозящихъ истребленіемъ русскаго благосостоянія! И вспышки эти тѣмъ опаснѣе, что тотчасъ раздуются германскими, берлинскими и особенно гамбургскими доброжелателями. (А что напечатаютъ въ Польшѣ?) Это произведетъ ужасы, безпримѣрные въ исторіи. Между тѣмъ, какъ мы мечтаемъ объ европейской цивилизаціи, вблизи насъ, подъ бокомъ, средніе вѣка особаго сорта, зародышъ вареоломеевскихъ ночей, сицилійскихъ вечерень, шведскихъ бань! Проклятіе!

«Нѣтъ! На мѣры правительства должно смотрѣть слишкомъ со многихъ и разностороннихъ точекъ.

Августа 5-го, 10 ч. утра.

«Такъ вотъ въ чемъ дѣло!! Милліонъ чертей!!

«Лакей съ письмомъ въ рукахъ. Спрашиваетъ Худяковыхъ. Беру письмо: адресъ на ея имя, адресъ, написанный твердою мужскою рукой! Письмо отъ мужчины къ дѣвушкѣ, отдаваемое публично!!

«Больше ни полслова не услышишь отъ меня обо всемъ этомъ семействѣ.

Августа 6-го, 11 ч. вечера.

«Еще множество любопытныхъ вещей отъ Святнаго, котораго начинаю уважать. Онъ хорошо знакомъ съ европейской политикой, какъ постоянный читатель «Allgemeine Zeitung» и другихъ газетъ. Узналъ отъ него много любопытныхъ вещей. Скверно только то, что не показываетъ онъ своего семейства, и особенно свою миленькую дочь, которую видѣлъ мелькомъ. Взялъ отъ него Константина Багрянороднаго.

Августа 8-го.

«Былъ вчера Святной у меня, и мы просидѣли до самой полночи. Узналъ чрезвычайно много любопытнаго.

Августа 9-го.

«Какая встрѣча! На Нарвской улицѣ сперва она, за нею онъ, т. е. ея подагрическій супругъ, за нимъ сынъ! Я увѣренъ, здоровье, которымъ запасся онъ въ Гапсалѣ, исчезнетъ отъ этой встрѣчи [1]).

[1]) Съ этими же лицами Введенскій встрѣтился черезъ нѣсколько дней на пароходѣ по пути изъ Ревеля въ Гельсингфорсъ, о чемъ разсказывается далѣе въ письмѣ отъ 15-го августа. Кто они, намъ неизвѣстно, объ отношеніяхъ же Иринарха Ивановича къ этой дамѣ можно судить по письму его къ ней, напечатанному, къ сожалѣнію безъ даты, въ журналѣ «Колосья» 1884 г. кн. 11, стр. 277—282, подъ заглавіемъ «Письмо къ г-жѣ N». Она была несчастлива въ своей семейной жизни, не знала любви. Ея отношенія къ мужу Введенскій характеризуетъ такимъ образомъ: «Бездушное существо, по инстикту понявшее свое положеніе въ петербургскомъ свѣтѣ, предлагаетъ руку шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, у которой тысячъ двадцать годового дохода. Дѣвушку заставляютъ принять предложеніе. Съ одной стороны денежный разсчетъ, съ другой—легкомысліе и безотчетная покорность своимъ руководителямъ. До любви никому не было дѣла. Однакожъ, супруги стали жить и, не смотря на странное соединеніе льда и огня, въ три года они произвели на свѣтъ сына и дочь. Но этимъ и кончились ихъ супружескія отношенія. Молодая женщина, увидѣвъ себя одинокою во всемъ свѣтѣ, посвятила себя воспитанію сына. Дѣла тянулись въ такомъ скучномъ и однообразномъ порядкѣ, и господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, оковавъ злымъ деспотизмомъ волю своей жены, вообразилъ, что генеральша самая счастливая женщина въ свѣтѣ. Онъ часто находилъ, что смазливыя горничныя имѣютъ рѣшительное превосходство надъ его женой...» При такой обстановкѣ семейной жизни, г-жа N. встрѣтилась съ Введенскимъ и полюбила его со всею силой первой любви. Жить съ мужемъ ей стало невыносимо, она рѣшилась разорвать съ нимъ и предложила Введенскому уѣхать съ ней за границу. Отвѣтомъ на это предложеніе было письмо, напечатанное въ «Колосьяхъ». Введенскій испугался рѣшительнаго образа дѣйствій, предложеннаго г-жей N., и въ своемъ письмѣ всячески старается отклонить, отговорить ее отъ разрыва съ мужемъ: онъ указываетъ ей прежде всего на то, что «геніальный сынъ ея Николинька» лишится воспитательницы, погибнетъ и, быть можетъ, станетъ презирать свою мать; затѣмъ, онъ касается практической стороны, говоритъ, что у него нѣтъ средствъ для жизни съ ней за границей, что ей трудно будетъ вырвать у мужа хотя бы часть своего состоянія, а если это и удастся, онъ не хочетъ жить на ея счетъ, наконецъ, этотъ шагъ вредно отразится на его карьерѣ. Но что же дѣлать? «Обманывать твоего мужа, совѣтуетъ Введенскій, и смѣяться надъ приличіями свѣта, показывая видъ, что соблюдаемъ ихъ во всей точности—вотъ мое мнѣніе и ты должна съ нимъ согласиться, если любишь меня такъ, какъ я это воображаю». Далѣе онъ доказываетъ, что тутъ и обмана не будетъ, и что если она откажется слѣдовать внушеніямъ любви, она будетъ преступною.—Не знаемъ, какъ устроились дальнѣйшія отношенія Введенскаго и г-жи N., но ясно, что, при встрѣчахъ въ Ревелѣ, они уже прекратились, вѣроятно, они были прерваны мужемъ г-жи N. Вѣроятно также, что чувства къ ней Введенскаго не отличались особой глубиной и силой, иначе не было бы возможно приведенное письмо къ ней, хотя и написанное съ большимъ паѳосомъ и краснорѣчіемъ, но проникнутое довольно холодною разсудочностью.

Августа 10-го.

«И такъ черезъ день разстаюсь съ Ревелемъ. Сколько мыслей толпится въ душѣ, когда соображаю время, здѣсь прожитое! Но, слава Богу, время прожито не напрасно. Много терпѣло бѣдное мое сердце, но работалъ и разсудокъ. Я пріѣхалъ сюда, между прочимъ, учиться понѣмецки и... учился, плохо, отрывочно, но учился. Но чтобы ты могъ лучше судить о моихъ успѣхахъ въ нѣмецкомъ языкѣ, буду продолжать это письмо понѣмецки.

— Далѣе письмо до самаго конца продолжается на нѣмецкомъ языкѣ. Введенскій очень подробно разсказываетъ о своихъ стараніяхъ отъискать учителя нѣмецкаго языка и о началѣ своихъ занятій. Послѣ 10 или 12 уроковъ онъ уже началъ говорить понѣмецки, а главное сталъ понимать живую рѣчь и получилъ, такимъ образомъ, возможность сблизиться съ кружкомъ ревельскихъ ученыхъ. Первымъ его знакомымъ изъ этого кружка былъ учитель латинскаго языка Мейеръ. «Это дѣйствительно очень ученый человѣкъ, пишетъ о немъ Введенскій, онъ пріѣхалъ сюда изъ Галле. Его спеціальность—нѣмецкая литература, но здѣсь онъ преподаетъ классическую древность и совершенно случайно въ прошлую зиму читалъ нѣсколько публичныхъ лекцій о нѣмецкой литературѣ, преимущественно для дамъ, которыя его слушали съ восторгомъ. Мой первый визитъ къ нему продолжался три часа, и мы, разумѣется, говорили понѣмецки. Дня три тому назадъ, Мейеръ отдалъ мнѣ визитъ и предложилъ мнѣ посѣтить ревельское литературное общество. Оно основано два года тому назадъ: тутъ собираются здѣшніе ученые и разные любители просвѣщенія. Я принялъ приглашеніе Мейера съ большимъ удовольствіемъ, вчера въ половинѣ четвертаго я былъ у него, и черезъ часъ мы отправились въ общество. Это довольно хорошій клубъ, состоящій изъ трехъ удобныхъ комнатъ: въ первой на столѣ разложены разные нѣмецкіе журналы и газеты, во второй происходятъ ученыя бесѣды и чтенія. Черезъ нѣсколько минутъ собрались члены, разсѣлись вокругъ стола, и Мейеръ началъ читать свои переводы изъ Катулла и Плавта. Чтеніе продолжалось около двухъ часовъ, и послѣ него мы разошлись. Я получилъ новое приглашеніе—посѣтить гимназію».

Слѣдующее письмо отъ 11-го августа писано тоже понѣмецки. Введенскій сообщаетъ, что онъ былъ въ гимназіи на урокахъ Мейера и Святнаго, но подробностей объ этомъ посѣщеніи никакихъ не даетъ. На другой день онъ думаетъ выѣхать изъ Ревеля и предполагаетъ вернуться въ Петербургъ черезъ недѣлю. Своимъ путешествіемъ онъ очень доволенъ, такъ какъ поправилъ свое здоровье и научился понѣмецки.

Послѣ этихъ нѣмецкихъ писемъ идетъ большое письмо изъ Гельсингфорса отъ 15-го августа.

Гельсингфорсъ, августа 15-го (27-го), 10 ч. утра.

«Утромъ 12-го августа, когда вещи мои были уже уложены для отправленія на пароходъ, въ комнату мою, на этотъ разъ пыльную, безпорядочную, заваленную бумажными лоскутками, пришли еще разъ проститься со мною мои дамы, т. е. хозяйка съ ея дочерьми. И до нихъ еще глубокая грусть заронилась въ мою душу. Я, без-

домный странникъ, не имѣющій ни цѣли, ни значенія въ жизни, готовился теперь оставить мѣсто, гдѣ прожилъ почти два мѣсяца и, что главное, гдѣ сердце мое воскресло вмѣстѣ съ ожившимъ тѣломъ, наполнялось ощущеніями, чисто человѣческими, къ которымъ я уже считалъ себя почти неспособнымъ. Мнѣ грустно было, когда приводилъ я къ окончательному итогу свои впечатлѣнія, и вотъ теперь передъ моими глазами та же Худякова со всѣми своими дочерьми. Впрочемъ, я ожидалъ такого явленія и уже заранѣе сочинилъ родъ прощальной рѣчи, которая по моимъ расчетамъ должна была показаться слишкомъ трогательною.

«Не вѣрю я теперь этимъ многорѣчивымъ выраженіямъ, исполненнымъ паѳоса, и которыя по обыкновенію влагаются каждымъ романистомъ въ уста любовниковъ. Нѣтъ, когда душа слишкомъ переполнена ощущеніями, языкъ безмолвствуетъ, хотя бы это былъ демосѳеновскій языкъ.

«И я забылъ мою рѣчь, забылъ даже то, что сочинилъ ее. И теперь, въ это мгновеніе, забылъ даже то, что со мною было. Помню только, что я что-то заговорилъ; но языкъ остановился на полуфразѣ, и слезы, ручьями брызнувшія изъ глазъ, отняли всякую возможность разглагольствованія.

«Да, я заплакалъ, и какъ горько заплакалъ! И это были слезы мужчины, привыкнувшаго ко всякимъ несчастіямъ, затвердившаго свое сердце до окаменѣлости.

«И она плакала въ эту минуту, она, не объявившая своего согласія. «Простите еще разъ», сказалъ я ей, «навсегда простите», и почти рыдая прильнулъ къ ея рукѣ.

— «Уже половина 12-го, ваше благородіе»,—сказалъ вошедшій деньщикъ.

«Пароходъ отправлялся въ двѣнадцать. Не медля ни минуты, поплелся я къ гавани за двумя матросами, тащившими чемоданъ.

«Моя грусть мнѣ нравилась, и я не думалъ останавливать слезъ до самой гавани. Нравилась, говорю, но съ трудомъ дать могу отчетъ почему. Теперь, когда уже совершенно и навсегда окончилась худяковско-ревельская исторія, напрасно пытался я съ философскою отчетливостью анализировать мои чувствованія, они неуловимы, и я становлюсь самъ для себя неразрѣшимой загадкой.

«И такъ, подъ вліяніемъ этой грусти, пріятной, сладкой грусти, я вошелъ на пароходъ съ намѣреніемъ продолжить эту настроенность души вплоть до Гельсингфорса. Но...

«Минутъ черезъ десять вбѣгаетъ на пароходъ... Сенковскій,—Сенковскій, который такъ же, какъ и я, ѣхалъ теперь въ Гельсингфорсъ на одномъ пароходѣ со мной.

«Теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь не нравилась мнѣ такая встрѣча съ Сенковскимъ. Кромѣ другихъ обстоятельствъ, на пароходѣ былъ также Шенинъ, который зналъ о моемъ сотрудничествѣ и которому

слѣдовательно весьма страннымъ должно показаться сухое обращеніе со мной Сенковскаго, обращеніе, къ которому я себя готовилъ. Я попытался заговорить.

— Мнѣ сказали, что вы собирались въ Гельсингфорсъ въ прошлую субботу?

— Да, но я воротился назадъ.

«Сущая ложь: мнѣ было извѣстно, что онъ не ѣздилъ потому, что проспалъ часъ отправленія парохода. Лишь только еще что-то собирался сказать, вдругъ... вообрази мое изумленіе, которое дошло просто до остолбененія и чуть-чуть не до обморока,—вдругъ входятъ на пароходъ онъ, она и ихъ сынъ!! Что они воротились изъ Гапсаля и жили въ Ревелѣ, это зналъ я по нечаянной встрѣчѣ съ ними; но какой же чортъ могъ предполагать, что они такъ скоро поѣдутъ въ Гельсингфорсъ, поѣдутъ въ одно со мною время и на одномъ пароходѣ! Donnerwetter!.. Однакожъ, вотъ, вотъ они передъ моими глазами, и идутъ все ближе!!!

«Но онъ гордъ и глупъ. Вѣроятно, взялъ первое мѣсто и, не смотря на прекрасную погоду, будетъ съ нею и съ сыномъ сидѣть въ каютѣ.

«Такъ нѣтъ, сударь мой, они взяли то же мѣсто, что и я, т. е. первое мѣсто на палубѣ, и вотъ они идутъ все ближе и ближе ко мнѣ!!!

«Она блѣдна, ноги ея шатаются, ее поддержали и она сѣла,—сѣла именно на томъ мѣстѣ, гдѣ положилъ я свою шинель и пальто съ подушкой!!! Здѣсь же расположились и мужъ ея, и сынъ.

«И такъ, мнѣ приходилось сидѣть съ ними рядомъ. Но я стоялъ, стоялъ среди палубы, ошеломленный, оглушенный, стоялъ какъ статуя. И долго бы простоялъ, если бы въ эту минуту не подошелъ ко мнѣ Шенинъ:

— Что это, что это съ вами: вы блѣдны какъ полотно.

«Я не отвѣчалъ ни слова; но на этотъ разъ чортъ подвинулъ услужливаго юношу, общаго нашего знакомца, который за меня съ убійственно-наивною услужливостью, старался растолковать Шенину, что вѣрно на прощаньѣ съ Ревелемъ я кутнулъ и кутнулъ порядкомъ!!

«Не безпокоя болѣе своей шинели, я, обрекшій теперь себя на холодное пальто на всю дорогу, перешелъ на другую сторону палубы; но тутъ одно только мѣсто и осталось незанятымъ, мѣсто прямо противъ нея; я сѣлъ и очутился съ нею съ глазу-на-глазъ.

«Пароходъ тронулся. Она и я начали смотрѣть на море, сидя такимъ образомъ задомъ другъ къ другу. Но, разумѣется, такое нѣжничанье долго продолжаться не могло. На пароходѣ скоро возстановилась совершенная свобода: ходили, бѣгали, безпрестанно перемѣняясь мѣстами. Ко мнѣ подбѣжалъ услужливый вышереченный юноша (гувернеръ князя Голицына) и насильно потащилъ меня къ компасу, гдѣ сталъ объяснять его значеніе для матроса,

управлявшаго движеніемъ корабля. И при этой незначительной лекціи я просто стоялъ подлѣ нея и чуть не касался ея платья.

«Такія столкновенія съ нею, съ мужемъ, съ сыномъ, были потомъ неизбѣжны почти каждую минуту.

«Но, я думаю, прошло около двухъ часовъ, прежде чѣмъ сталъ я приходить въ себя, принимая мало-по-малу человѣческій образъ. Она постоянно теперь держала передъ глазами книгу, дѣлая видъ, что читаетъ. Я попытался заговорить съ сосѣдомъ, и не могу еще вообразить теперь, можно ли заговорить глупѣе.

— Вѣдь вы въ Ревелѣ жили?

— Да.

— Сколько времени?

— Около трехъ недѣль.

— Сколько вы прожили?

«Молчаніе.

— Такъ сколько вы прожили? Извините, что я объ этомъ спрашиваю; но Ревель вообще такой гадкій городъ и нѣмцы такіе мошенники, что для меня, по крайней мѣрѣ, разговоръ о Ревелѣ и начинается и оканчивается финансовыми разсчетами.

— Такъ вамъ не показались нѣмцы?

— Да, по наблюденіямъ, мною сдѣланнымъ, вообще выходитъ, что это крайне тупоумное и до отвратительности гордое племя.

— А знаете ли кто я?

«Я взглянулъ, и передо мной чисто-нѣмецкая физіономія.

— Чортъ возьми, да вы самъ нѣмецъ, но проклятіе вамъ, если вздумаете вступаться за ревельскихъ нѣмцевъ, хоть бы они были ваши земляки.

«Молодой человѣкъ, съ которымъ завязалъ я этотъ странный разговоръ, былъ точно нѣмецъ, но петербургскій, и подобно мнѣ, но еще съ большею основательностью ненавидящій нѣмцевъ. Я могу теперь назвать его. Это—Владиміръ Егоровичъ Эккъ [1]), прекрасный двадцатишестилѣтній юноша, влюбленный и женихъ. Онъ медикъ, собирающійся держать докторскій экзаменъ. Онъ путешествовалъ за границей на казенный и на свой счетъ два года, жилъ зиму въ Парижѣ и только мѣсяцевъ десять возвратился изъ Лондона, издержавъ всего четырнадцать тысячъ, закупивъ очень много книгъ, накупивъ подарковъ невѣстѣ и сшивъ въ этомъ числѣ платья себѣ на полторы тысячи. Путешествовалъ онъ весело, съ большимъ наслажденіемъ, полюбивъ французовъ, англичанъ и получивъ величайшее отвращеніе къ нѣмцамъ. Съ омерзеніемъ онъ отзывался о Берлинѣ, Кенигсбергѣ и другихъ городахъ, и, по его словамъ, въ Германіи, при отсутствіи всякой общественности и всякаго вкуса, просто умираютъ со скуки.

---

[1]) Впослѣдствіи извѣстный профессоръ медико-хирургической академіи.

«Все, что прочелъ ты, узналъ я отъ самого Владиміра Егоровича, и не болѣе какъ въ минутъ сорокъ нашего знакомства. Часа черезъ два мы были уже короткими знакомцами, и рѣшились, по пріѣздѣ въ Гельсингфорсъ, остановиться вмѣстѣ въ одной гостинницѣ.

«Другимъ моимъ знакомцемъ, пріобрѣтеннымъ на пароходѣ, былъ профессоръ Соловьевъ, недавно вылѣчившійся отъ сумасшествія. Онъ ввязался въ мой разговоръ съ Шенинымъ о ревельской гимназіи, и съ этого начался мой съ нимъ полуученый диспутъ о разныхъ методахъ преподаванія древнихъ языковъ и словесности. Соловьевъ также привязался ко мнѣ и особенно за то, что я преподробно высказалъ ему свои мысли о Кошихинѣ, котораго открылъ онъ въ стокгольмскомъ архивѣ и на котораго я писалъ рецензію. Наднякъ онъ поведетъ меня въ здѣшній университетъ, гдѣ, къ несчастію, все еще каникулы, которыя тутъ продолжаются до половины сентября.

«Но съ Сенковскимъ говорить было невозможно, потому, во-первыхъ, что онъ безпрестанно вертѣлся около княгини Голицыной и разговаривалъ съ однимъ генераломъ вѣчно пофранцувски, и потому, во-вторыхъ, что онъ почти всегда былъ только на разстояніи шага отъ нея. Впрочемъ, все показывало, что Сенковскій не захотѣлъ бы продолжать со мною разговора; ясно, что онъ сердитъ на меня.

«Не думай, однакожъ, чтобы я совершенно уже пришелъ тогда въ нормальное положеніе. Нѣтъ, эти сильныя и демонскія потрясенія подѣйствовали на меня слишкомъ глубоко, и, вообще, всю дорогу я былъ какимъ-то рохлей, который только-что начинаетъ понемножку оправляться отъ громового удара.

«Между тѣмъ, погода стояла прекрасная, и часа черезъ четыре съ половиною плаванія, вдругъ нѣсколько голосовъ закричали: «Свеаборгъ, Свеаборгъ!» Всѣ бросились на противоположный конецъ палубы, и только я остался на своемъ мѣстѣ, чтобы дать ей возможность, принять участіе въ общемъ восторгѣ, при великолѣпномъ видѣ Свеаборга. Я отказалъ себѣ въ удовольствіи, да и не могъ физически, любоваться превосходнымъ видомъ Свеаборга и Гельсингфорса. На этотъ разъ загромоздившіяся въ душѣ ощущенія убили и послѣднюю мою способность къ наблюдательности.

«Въ половинѣ шестого остановились въ гавани передъ Гельсингфорсомъ. Надлежало взять чемоданъ. Надо же и тутъ случиться такъ, чтобы матросы положили чемоданъ мой между ихъ вещами. Тутъ уже просто она и я стали рядомъ. Немедленно подскочилъ мужъ и, бросивъ на обоихъ взглядъ василиска, остановился въ срединѣ.

«Я попросилъ Экка привести ко мнѣ кого-нибудь для взятія вещей, и немедленно явились два финна. «Въ гостинницу «Société» —

сказалъ я громко, такъ чтобы всѣ они услышали и распростился съ пароходомъ.

«Не достанетъ у меня ни силъ, ни умѣнья описать тебѣ красоты и великолѣпія Гельсингфорса, милаго Гельсингфорса, котораго я никогда не забуду. Я ставлю себя въ положеніе султана, ворочающаго билліонами. Предполагая, что при такомъ состояніи, я навѣстилъ Ревель и, проникнутый омерзеніемъ къ этому городу, рѣшился выстроить новый, совершенно противуположный Ревелю. Такъ хорошъ былъ бы, построенный такимъ образомъ, именно Гельсингфорсъ, очаровательный Гельсингфорсъ, гдѣ все съ перваго взгляда свидѣтельствуетъ объ образованномъ вкусѣ жителей.

«Гостинница «Société» красуется на берегу моря и имѣетъ видъ настоящаго дворца. Сюда отправились мы съ докторомъ Эккомъ и взяли одинъ большой номеръ, прекрасно меблированный и дающій видъ прямо на море. Два чисто и опрятно одѣтыхъ лакея съ здоровыми, веселыми лицами, приняли наши вещи и съ величайшей учтивостью сообщили первыя нужныя свѣдѣнія. Они говорили понѣмецки, но странное дѣло, и эта странность тотчасъ же бросилась мнѣ въ глаза, я понималъ ихъ несравненно лучше, чѣмъ ревельскаго нѣмца: акцентъ этихъ былъ совершенно русскій, а они шведы.

«Мой докторъ умылся, одѣлся и пошелъ гулять съ однимъ знакомымъ, а я, взявъ бѣлье, отправился на извозчикѣ купаться въ ванну, въ море. Извозчикъ-финкъ, но его физіономія какъ небо отъ земли отличается отъ физіономіи эстляндскаго чухонца. Этотъ смотритъ весело и предупреждаетъ отвѣтами на сдѣланные вопросы. Онъ одѣтъ опрятно, хорошо причесанъ и, что особенно пріятно на меня подѣйствовало, хорошо говоритъ порусски. На парныхъ дрожкахъ, на прекрасной лошади, проѣхалъ я до купаленъ, версты съ полторы отъ «Société», и далъ извозчику двугривенный. Но вообрази мою нечаянность, когда честный извозчикъ отказался взять двугривенный и далъ мнѣ гривенникъ сдачи. Дѣло въ томъ, что здѣсь для извозчиковъ существуетъ такса, и они не смѣютъ взять лишняго.

«Купальни, въ сравненіи съ ревельскими устроены такъ, что лучше и желать нельзя. Тамъ на длинныхъ мерзкихъ жердяхъ устроены какія-то клѣтушки въ родѣ будокъ. Это сдѣлано отъ скупости, и въ высшей степени безобразно. Да и въ высшей степени также глупо, потому что сильная буря раза по два въ годъ разламываетъ и уноситъ эти лачужки. Въ Гельсинфорсѣ совершенно наоборотъ: сдѣланы, какъ и слѣдуетъ, твердо и прочно маленькія горенки, изъ которыхъ по хорошей лѣстницѣ спускаешься на дно въ море.

— Wie viel Grad hat das Wasser?—спрашиваю шведа, и тотъ, не зная нѣмецкаго языка, понялъ однакожъ вопросъ мой по сходнымъ звукамъ и, принесши термометръ указалъ на число 18. Это уди-

вило меня въ высшей степени. Въ Ревелѣ нынѣшнимъ лѣтомъ никогда не доходила вода даже до 13, а здѣсь двѣнадцатаго августа имѣетъ она 18. Я высказалъ свое удивленіе шведу, и тотъ опять-таки понялъ меня, и на своемъ шведскомъ языкѣ съумѣлъ растолковать мнѣ, что такая огромная разность происходитъ отъ различія термометровъ: въ Ревелѣ измѣряютъ терпературу по Реомюру, а здѣсь по термометру Цельвія. Эта смѣтливость шведа, понимающаго чужой языкъ только по нѣкоторымъ сходнымъ звукамъ, меня, русскаго, понимающаго въ свою очередь шведа, по нѣкоторому сходству его языка съ другимъ, мнѣ извѣстнымъ, вѣроятно не удивила бы, если бы я пріѣхалъ сюда прямо изъ Петербурга. Но нѣтъ, я только-что изъ нѣмецкой сторонушки, гдѣ каждый день былъ свидѣтелемъ, по нѣскольку разъ, нѣмецкаго тупоумія.

«Однакожъ, вода здѣсь все-таки значительно теплѣе противъ ревельской, и въ этотъ разъ по Реомюру было 14°, между тѣмъ какъ въ Ревелѣ, поутру, въ тотъ же день было только 9°. Разница весьма значительная, происходящая оттого, что мѣсто купаленъ между скалистыми островками, нагрѣваемыми солнцемъ, между тѣмъ какъ въ Ревелѣ открытое со всѣхъ сторонъ море. Послѣднее обстоятельство относилось бы, можетъ быть, къ выгодѣ Ревеля, если бы нѣмцы умѣли имъ воспользоваться; но ихъ тупоуміе испортило и это благодѣяніе природы: купальни устроены на самомъ мелкомъ мѣстѣ, такъ, что и въ 70 саженяхъ отъ берега только по колѣно, и слѣдуетъ по направленію отъ купаленъ еще пройти саженъ 70, что бы плавать.

«И все, все, что здѣсь не вижу отъ вещей мелкихъ до самыхъ важныхъ, устроено прекрасно, и прямо наперекоръ нѣмецкому безвкусію.

«Я возвратился домой успокоенный и довольный собою, довольный всѣмъ, что видѣлъ. Эккъ былъ уже дома. Мнѣ пріятно было видѣть, что и онъ раздѣляетъ мое мнѣніе о Гельсинфорсѣ, что и ему, очень хорошо знающему почти всю Европу, нравится быть здѣсь. «Société», по его словамъ, устроена точь-въ-точь на манеръ гостинницъ на Рейнѣ и даже еще съ большими удобствами. Была ночь. Луна прямо смотрѣлась въ наши отворенныя окна, смотрѣлась и съ неба, и изъ моря. Мы проговорили часовъ до двухъ, и, легши въ постель, я долго еще не могъ заснуть.

Августа 28-го (16-го). Утро.

«И вотъ я описалъ одинъ только день, да и тотъ не весь и не вполнѣ. Согласись, что онъ стоитъ рѣшительно десяти прежнихъ лѣтъ. Какъ опишу тебѣ еще одинъ день, столько же обильный впечатлѣніями и столько же разнообразный! Нѣтъ, еще разъ, вести записки регулярно, почти пытка, по крайней мѣрѣ для меня, а

пытка неизбѣжная: теперь, когда я пропустилъ три дня, мнѣ слѣдовало бы не выходить два дня изъ комнаты, чтобы написать пропущенное. Но вышелъ хоть на часъ, впечатлѣнія новыя, встрѣчи неожиданныя, и все это полно жизни, дѣятельности. Вчера, напр., вечеромъ, послѣ окончанія письма этого, пошелъ я въ залу минеральныхъ водъ и очутился на миленькомъ концертѣ изъ двухъ дѣвушекъ. Вздумай описать это подробно, убиты два-три часа. Потомъ отправился къ Шенину, который живетъ въ «Belle-Vue», рядомъ почти: у Шенина сидѣлъ Сенковскій и если бы вздумалъ я описать разговоръ, продолжавшійся до полночи, то одно это могло бы отнять битыхъ пять часовъ. Итакъ, что же дѣлать? И самъ не знаю, но только во всякомъ случаѣ попытаюсь описать еще хоть одинъ денекъ, прожитый въ Гельсингфорсѣ и безъ преувеличенія, равняющійся десятку лѣтъ.

«Разумѣется, въ ночь съ субботы на воскресенье я не спалъ: до сна ли было мнѣ, заваленному тысячами разнообразныхъ и противуположныхъ впечатлѣній? Часовъ въ 9 утра отправился гулять. Среди площади подошло ко мнѣ нѣсколько дѣвченокъ, и очень ловко стали дѣлать книксенъ, онѣ просили милостыню. Обстоятельство мелочное, но сколько въ немъ поводовъ къ размышленію? И такіе поводы безъ преувеличенія на каждомъ шагу. Все, все даетъ пищу для наблюдательности. Я вышелъ на Сенатскую площадь и остолбенѣлъ отъ удивленія. Исаакіевская въ Петербургѣ, говорятъ, первая въ Европѣ: я не знаю Европы; но, побывавъ въ Гельсингфорсѣ, могу сказать, что здѣшняя Сенатская уступаетъ петербургской только въ величинѣ; но въ чистотѣ, въ правильности, въ обстановкѣ зданій рѣшительно превосходитъ. Первый предметъ, останавливающій вниманіе,—шведскій, новый соборъ, сооруженный на высочайшей гранитной террасѣ, безпримѣрной въ цѣломъ свѣтѣ. Соборъ похожъ на Исаакія, но имѣетъ видъ далеко лучшій. По одну сторону собора университетъ, похожій на Пашковъ домъ въ Москвѣ, по другую—сенатъ, огромное четырехъэтажное зданіе.

«Часа два любовался я прекрасными, широкими, прямыми улицами города, заходилъ въ русскую церковь, искупался и потомъ пошелъ обѣдать въ залу минеральныхъ водъ.

«За обѣдомъ пришлось сидѣть почти насупротивъ Сенковскаго. Всѣхъ особъ въ великолѣпной залѣ было до 200. Шумно. Весело. Обѣдъ продолжался около двухъ часовъ, и состоялъ изъ прекрасныхъ шести блюдъ. Въ продолженіе обѣда безпрестанно играла музыка и инструментальная, и вокальная. Вообще, я терпѣть не могу долго сидѣть за столомъ, но тогда не видѣлъ, какъ пролетѣло время.

«И за этотъ обѣдъ изъ шести блюдъ, съ кофе, съ музыкой, среди прекраснаго общества, за этотъ обѣдъ, говорю, слѣдовало только заплатить 40 коп. серебромъ! (припомни, что писалъ я о ревельскомъ обѣдѣ).

«Все общество ударилось вразсыпную, веселое и довольное. Я бѣгалъ по скаламъ съ быстротою козла, веселый и беззаботный. Чрезъ полчаса, услышавъ музыку, я побѣжалъ по направленію къ гавани, и очутился на маленькомъ, миленькомъ, какъ игрушка пароходѣ. На пароходѣ было особъ двадцать и всѣ въ какомъ-то странномъ чаду, такъ что я ни отъ кого не могъ узнать, куда пароходикъ идетъ, съ кѣмъ, зачѣмъ идетъ, скоро ли воротится и гдѣ брать билеты, чтобы самому имѣть право плыть на этомъ пароходикѣ? Тогда какъ я бѣсновался этими вопросами, къ счастью тутъ же подвернулся докторъ Эккъ и далъ мнѣ такой благоразумный совѣтъ.

— Сидите спокойно, не вертитесь. Повезутъ, поѣдемъ—куда? какое дѣло. Спросятъ деньги, отдадимъ, не спросятъ—бѣды нѣтъ; главное, не вертитесь.

«Я послушался и, стоя смирно, началъ вглядываться въ общество, прекрасное, веселое, непринужденное. Мы поѣхали, и я уже послѣ узналъ, что это поѣздка Lustfahrt на острова. Черезъ нѣсколько минутъ мы очутились между островами, образовавшими трехъугольникъ. Виды были очаровательные. Военная музыка играла безпрестанно. Всѣ какъ-то призамолкли, безъ сомнѣнія, отъ полноты наслажденія. Но вдругъ эта тишина прервалась всеобщимъ, самымъ искреннимъ смѣхомъ, громкимъ «браво» и хлопаньемъ. Какъ близорукій, я не вдругъ разгадалъ причину общаго очарованія, но когда разгадалъ, восторгъ мой дошелъ до изступленія. Но какъ описать тебѣ эту миленькую картинку, которою и теперь такъ полно мое воображеніе? Видѣть ее надобно, самому видѣть, чтобы понять это милое и такъ неожиданно импровизированное очарованіе. Дѣло вотъ въ чемъ, однакожъ. Прежде нашего маленькаго пароходика отправилась на острова большая паровая лодка съ пассажирами и пассажирками. При этомъ вышла еще довольно забавная исторія. Нѣкоторые знали, что въ пять часовъ будетъ Lustfahrt на острова и дали другъ другу слово ѣхать вмѣстѣ. Но того не знали, что на острова поѣдутъ пароходикъ и лодка и при томъ въ разное время. Поэтому и разбрелись случайно самымъ забавнымъ образомъ, кто куда попалъ, въ твердой увѣренности столкнуться съ своими знакомыми. Теперь, общество, отправившееся на лодкѣ, пріѣхало раньше насъ и расположилось на высокой гранитной скалѣ, на площадкѣ, образованной природою. Мы, между тѣмъ, ѣхали среди островов, и музыканты наши играли безпрестанно, а у нихъ музыки не было. И вотъ, вдругъ, когда заиграли на нашемъ пароходѣ польку, они, тамъ, на скалистой площадкѣ начали танцовать подъ нашу музыку за неимѣніемъ своей! Дѣло, видишь не совсѣмъ важное, но этотъ импровизованный танецъ, пляска подъ чужую дудку, танецъ на гранитной скалѣ въ виду насъ и для насъ, пассажировъ пароходика, былъ такъ оригинально

милъ и очарователенъ, что я въ жизнь свою ничего не видалъ восхитительнѣе. Потомъ и мы пріѣхали, и танцы, сдѣлавшіеся общими, продолжались около часу. Смѣшной выстрѣлъ изъ крошечной пушки возвѣстилъ время отплытія пароходика. Мы сѣли. Солнце, закатываясь, тонуло на краю водяного горизонта. Мы медленно подъѣзжали къ Гельсингфорсу. Я стоялъ около трубы и былъ въ истинно-поэтическомъ восторгѣ. Думы, одна за другою, съ быстротою электричества мѣнялись въ головѣ. Я смотрѣлъ на окружающую природу, на общество, и эта природа, и это общество были такъ оригинально-прекрасны. Нѣтъ земли, т. е. чернозема, да и песку нѣтъ: гранитъ, гранитъ и гранитъ. И человѣкъ все-таки съумѣлъ взгромоздиться на этотъ гранитъ, завалилъ его черноземомъ, заставилъ рости деревья, хлѣбъ, зажилъ припѣваючи, и отъ полноты удовольствія, отъ избытка наслажденія, заплясалъ польку на гранитной скалѣ подъ чужую музыку. Кто бы ты ни былъ человѣкъ, я благоговѣю передъ тобой. Но я знаю, что ты шведъ. Ты, гордый безпрестанными побѣдами надъ природой, завоевалъ и эту дикую натуру, и нашедши здѣсь жителей дикарей, не поработилъ, не стѣснилъ ихъ, а далъ имъ свои собственныя права и возвысилъ ихъ до собственнаго своего достоинства. Преклоняю передъ тобой колѣна, благородный шведъ! Не ты ли и въ самомъ дѣлѣ былъ тотъ геройскій варягъ, давшій жизнь государственную, призвавшимъ тебя племенамъ? Да, твоя физіономія обличаетъ разительное сходство съ русскою, и эта русская натура теперь не стыдится быть тебѣ одолженною устройствомъ своей великой и обильной земли. Вѣчная благодарность тебѣ, благородный варягъ, благодарность тебѣ за европейскіе уроки, которыми мы такъ хорошо воспользовались. Еще нѣтъ тысячелѣтія—и добрый, умный, честный славянинъ, рожденный повелителемъ свѣта, уже жнетъ плоды всемірной цивилизаціи и подаетъ руку своему европейскому собрату, забывая великое различіе между націями.

«Какъ малъ этотъ пароходикъ, но въ числѣ тридцати пассажировъ, я вижу, и шведовъ, и русскихъ, и французовъ, и англичанъ, и нѣмцевъ. Вотъ прямо передо мной высокая фигура, цѣлою головою превышающая всѣхъ. Кто этотъ человѣкъ съ такою оригинальною физіономіею? Это лицо безобразно, но величаво и въ своемъ безобразіи. На одной рукѣ его дамскій шарфъ и между пальцами сигара; другою рукою онъ указываетъ во всѣ стороны, разсказывая тысячи анекдотовъ на французскомъ языкѣ. Кто же этотъ ораторъ, заставляющій себя слушать? Это человѣкъ, объѣздившій почти весь свѣтъ, говорящій почти на всѣхъ европейскихъ и многихъ азіатскихъ языкахъ, все изучавшій, все видѣвшій, все понимающій. Это славянинъ, это Сенковскій.

«Ктожъ эта дама, которая съ особеннымъ вниманіемъ его слушаетъ и такъ умильно смотритъ ему въ глаза. Мнѣ нравится она,

эта дама: на молодомъ прекрасномъ лицѣ ея свѣтлый проблескъ мысли и высшей степени добродушія. Это опять славянка, это княгиня Юсупова.

«Вслушаемся, что разсказываетъ Сенковскій; схватимъ по крайней мѣрѣ нѣсколько выраженій.

— Да, mesdames, эта бухта великолѣпна—она, пожалуй, первая въ мірѣ. Съ этой стороны она напоминаетъ мнѣ входъ въ Босфоръ: тотъ же видъ, тѣ же скалы, тотъ же берегъ, тѣ же постройки. Не достаетъ только нѣсколькихъ домиковъ, разбросанныхъ въ разныхъ направленіяхъ и освѣщенныхъ краснымъ свѣтомъ.—... И поглядите на закатъ солнца, посмотрите на него сквозь дымъ, идущій изъ этой трубы; этотъ видъ напоминаетъ Египетъ.

«Въ эту минуту уронилась перчатка Юсуповой, мнѣ показалось. Я поднялъ:

— Madame, vous avez fait tomber votre gant.

— Pardon, monsieur, c'est le mien,—отвѣчалъ Сенковскій и впервые по выѣздѣ изъ Ревеля заговорилъ со мной, какъ знакомый и какъ коротко знакомый.

«И такъ, мнимая перчатка княгини Юсуповой была и есть новое начало моего сближенія съ Сенковскимъ.

«Но я усталъ. Почта скоро отходитъ, а мнѣ еще надо написать два письма. При томъ и погода превосходная: сидѣть дома стыдно. Къ тому же этому письму просто не было бы конца, если бы я далъ полную волю перу. Конецъ концовъ: мнѣ весело, восхитительно; я счастливъ и беззаботенъ, какъ ребенокъ, и здоровъ, не смотря на беззсонныя ночи. Вмѣсто двухъ или трехъ дней, какъ хотѣлъ прежде, живу здѣсь недѣлю и возвращаюсь или сухимъ путемъ вмѣстѣ съ Шенинымъ, или на пароходѣ Муртая вмѣстѣ съ Сенковскимъ. Во всякомъ случаѣ буду въ Петербургѣ не прежде двадцать четвертаго августа. Прощай. Пожалуйста сбереги всѣ мои письма.

Борго. Четыре часа утра. Августа 26-го.

«Гельсингфорсъ, прощай!.. Во всю жизнь не забуду этихъ веселыхъ, игривыхъ, беззаботно дѣтскихъ минутъ, которыми одолженъ тебѣ. Если еще просуществую нѣсколько лѣтъ, опять стану любоваться твоимъ лазуревымъ небомъ и опять съ рѣзвостью юноши буду бѣгать по твоимъ скаламъ... Но теперь, прощай, Гельсингфорсъ!..

«Еще не далѣе, какъ вчера, въ шесть вечера, я не зналъ и не могъ порядкомъ сообразить, когда и какъ выѣду изъ Гельсингфорса, такъ не хотѣлось оторваться отъ этого милаго края, чтобы думать о Петербургѣ съ его гнилымъ воздухомъ, съ его вѣчною неволей, съ его систематически-подлымъ шарлатанствомъ. Однакожъ, ѣхать все-таки надобно, и вотъ въ седьмомъ часу отправился я на почто-

вый дворъ, чтобы поразвѣдать о подробностяхъ ѣзды. Прихожу. На обширномъ дворѣ множество какихъ-то странныхъ, всѣ до одного миніатюрныхъ экипажей, по формѣ почти одинаковыхъ, но болѣе или менѣе щеголеватыхъ и крайне смѣшныхъ для непривычнаго глаза. Это таратайки и кабріолетики.

— У кого и какъ освѣдомиться о подробностяхъ ѣзды до Петербурга, по здѣшнему почтовому тракту?—спросилъ я русскаго лакея, который терся тутъ между финнами и толковалъ съ ними на какомъ-то особомъ тарабарскомъ нарѣчіи, выдуманномъ ex improviso на данный случай.

— А вотъ неугодно ли вашей милости поговорить объ этомъ съ моимъ бариномъ, который черезъ часъ самъ ѣдетъ отсюда, и теперь мы укладываемся. Вотъ онъ въ этомъ номерѣ. Войдите.

«Въ указанномъ номерѣ, посреди разбросанныхъ картоновъ и картончиковъ, чемодановъ и чемоданчиковъ, встрѣтилъ меня великороссійскій чиновникъ лѣтъ тридцати пяти, хозяинъ этого хлама.

— Извините, если я васъ обезпокою, но мнѣ сказали, что вы черезъ часъ... изволите... отсюда... такъ стало быть...

— Такъ точно; но я не знаю, удобно ли вамъ будетъ; у меня поклажи довольно, и если у васъ такая же, то,—впрочемъ коляска моя довольно велика, и если вамъ угодно, авось помѣстимся.

«Явно мой юноша былъ въ заблужденіи; но я подумалъ и рѣшилъ, что нѣтъ надобности выводить его изъ простодушнаго очарованія. Мы отрекомендовались и въ минуту условились, что ѣдемъ вмѣстѣ, что я плачу за полторы лошади, что на дорогѣ заѣдемъ въ сторону куда-то, что теперь черезъ часъ онъ, дѣйствительно, ѣдетъ, а я, простившись съ Гельсингфорсомъ настигаю его въ пяти верстахъ отъ города на дачѣ генерала Чепрунова.

«Все это такъ и случилось. Еще разъ съѣздилъ я въ купальни, мылся, плавалъ, полоскался около полчаса, заѣхалъ потомъ къ Рольцъ, распрощался съ «Société», гдѣ съ меня, въ сравненіи съ Ревелемъ, взяли необыкновенно дешево, и въ половинѣ девятаго сѣлъ на извозчика и прискакалъ ко времени на сказанную дачу. Мой спутникъ представилъ меня семейству генерала, гдѣ все отзывалось сельской патріархальностью и непринужденностью чисто шведской. Пролетѣло еще около двухъ часовъ, и потомъ мы уже усѣлись въ нашу коляску, мой спутникъ велѣлъ зажечь фонари—и мы поскакали.

«Вотъ и все. Однакожъ, не знаю почему, но мой спутникъ мнѣ не нравится. Къ чему и зачѣмъ зажжены фонари у коляски въ прекрасную лунную ночь, не мѣшавшую даже читать? Я почти увѣренъ, что это сдѣлалъ онъ для эффекта, который долженъ былъ озадачить Чепруновыхъ. Жалкій эффектъ и даже глупый, потому что фонари тотчасъ же были погашены, когда скрылась изъ глазъ дача.

«Послѣ трехъ, четырехъ пустыхъ фразъ съ владѣльцемъ коляски и фонарей, я легъ преспокойно на подушку и еще спокойнѣе заснулъ, и уже проснулся здѣсь въ Борго, гдѣ мы расположились завтракать. Мой спутникъ хлопочетъ около коляски, а я, въ ожиданіи завтрака, пишу.

28-го августа. Ловиза.

«Не смѣшно ли писать къ тебѣ, когда письмо по всей вѣроятности дойдетъ до тебя позже нашего свиданія. Но смѣшно—не смѣшно, ego vero scribo: пусть будетъ это мой конекъ, вывезенный изъ Финляндіи.

«Мѣстечко, гдѣ были, зовется Ратили, дача графа Армфельда, министра финляндскихъ дѣлъ. Къ нему мой спутникъ долженъ былъ заѣхать для какихъ-то совѣщаній по дѣламъ службы. Верстъ за пять до Ратили мы умылись, переодѣлись и отправились. Впрочемъ, мое переодѣванье состояло только въ перемѣнѣ сюртука. Пріѣзжаемъ. Спутникъ мой идетъ въ домъ, а я дожидаюсь дальнѣйшихъ распоряженій передъ воротами. Минутъ черезъ пять меня позвали. Оказалось, что графа нѣтъ дома, но что его ждутъ изъ Петербурга съ часу на часъ. Было около одиннадцати и графиня просила насъ остаться на весь день. Разумѣется, мой спутникъ согласился, а мнѣ такое приглашеніе было тѣмъ болѣе пріятно, что представляло обширное поле для моихъ impressions du voyage, къ которымъ нельзя не пристраститься, какъ скоро разъ перешагнешь за границу Петербурга. Графиня, урожденная Демидова, премилая, предобрая, преумная и прехорошенькая двадцатидвухъ-лѣтняя дама. Передъ ней на столикѣ лежалъ шестой томъ «Mysteres de Paris». Подлѣ нея русская дѣвица, mademoiselle Полтавцева, какъ тотчасъ же я узналъ, не хорошая, даже дурная собою, но съ умною, мыслящею физіономіею, что, какъ ты знаешь, есть величайшій феноменъ между нашими женщинами. Разговорились о современномъ направленіи романовъ Sue, и потомъ, не безъ скачка впрочемъ, къ величайшему для меня счастью, свернули на русскую литературу. Скоро изумленіе мое не имѣло предѣловъ. Дѣвица Полтавцева обнаружила самое обширное познаніе нашихъ поэтовъ отъ Жуковскаго до Майкова включительно. Ей было извѣстно все, и вдобавокъ она читала наизусть предлинные отрывки стиховъ изъ всѣхъ писателей, о которыхъ говорила. Разговоръ поминутно становился одушевленнѣе, но вдругъ меня поразила странность. Mademoiselle Полтавцева находила, что Хомяковъ есть поэтъ глубокомысленный, основательный, съ философическимъ направленіемъ, и прочая, и прочая...

— Помилуйте, отвѣчалъ я, да это одинъ изъ ханжей, которые своими суевѣрными взглядами подъ пару какому-нибудь «Маяку

современнаго просвѣщенія» безобразятъ и здравый смыслъ и утвердившіяся понятія XIX вѣка.

— Впрочемъ, можетъ быть, я и пристрастна: Хомяковъ мой дядя, и я привыкла уже давно восхищаться его идеями.

«Слѣдовательно, я попалъ впросакъ и сказалъ неучтивость чертовски неизвинительную. Но уже останавливаться, разумѣется, было нельзя, и слегка перемѣнивъ тонъ, я доказалъ, однако же, что почтенный господинъ Хомяковъ, не во всѣхъ можетъ возбудить участіе, которое должно быть непремѣнно данью для поэта».

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ЛѢТЪ.

ВЪ ГЕНЕРАЛЪ-ПРОКУРОРСКИХЪ дѣлахъ, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи, есть цѣлая серія бумагъ, содержащихъ въ себѣ всеподданнѣйшіе доклады Сената по уголовнымъ дѣламъ лицъ дворянскаго происхожденія. Нечего и говорить, что документы эти, касаясь жизни дворянства второй половины XVIII вѣка и воспроизводя картину нравовъ и быта его, при не особенно богатомъ у насъ запасѣ матеріаловъ подобнаго рода, весьма любопытны. Перечитывая ихъ, видимъ, между прочимъ, на какой низкой степени нравственнаго и умственнаго развитія стояла масса дворянства, особенно провинціальнаго, преступленія котораго отличаются проявленіемъ самой дикой, необузданной воли, грубаго произвола и возмутительнѣйшаго жестокосердія.

Факты преступленій, свидѣтельствуемые сенатскими докладами, были, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ естественнымъ слѣдствіемъ, продуктомъ, такъ сказать, общественнаго строя жизни въ предшествовавшія царствованія, когда въ государствѣ повсюду господствовали правительственная неурядица, произволъ властей, безправіе управляемыхъ, глубокое невѣжество всѣхъ сословій и ихъ приниженность. Эти-то факты и показываютъ всего нагляднѣе, какъ нуждалось русское общество въ водвореніи законнаго порядка, просвѣщенія и тѣхъ гуманныхъ началъ, которыя старался проводить въ жизнь просвѣщенный умъ императрицы Екатерины.

Не менѣе любопытны упоминаемые документы и по конфирмаціямъ Екатерины II, въ которыхъ выражаются присущія ея натурѣ

ясный взглядъ на сущность преступленій, гуманность, но въ то же время въ случаяхъ, поражающихъ чудовищностью преступленія, и несмягчаемая строгость существовавшихъ тогда законовъ. Императрица, сообщая въ 1777 году Вольтеру о ходѣ начатыхъ ею работъ по уголовному законодательству, въ одномъ изъ писемъ своихъ, между прочимъ, говоритъ: «Важно соразмѣрить наказанія съ преступленіями»[1]), поэтому, на конфирмаціи ея можно смотрѣть, какъ на выраженіе мысли, которую она старалась осуществить на практикѣ.

Въ виду такого интереса сенатскихъ докладовъ, считаемъ не лишнимъ познакомить съ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ приведеніемъ во многихъ мѣстахъ выраженій подлинныхъ документовъ.

1.

Служившій въ Кронштадтѣ шкиперъ «прапорщичьяго ранга», Тимоѳей Алексѣевъ, не ладилъ съ женой своей Анной Ѳедоровой. Дѣло дошло до Розыскной экспедиціи: Анна Ѳедорова обвинялась въ намѣреніи отравить своего мужа.

По слѣдствію оказалось, что Анна Ѳедорова «въ заготовленный для мужа ея въ пищу салатъ клала служащіе къ умерщвленію порошки, и когда тотъ салатъ мужемъ ея употребляемъ былъ, то онъ, отъ того почувствовавъ дурной вкусъ, старался отвратить то чрезъ посредство чаю и прочаго, что и отвращено; оставшійся же салатъ свидѣтельствованъ во-первыхъ призваннымъ къ тому подлѣкаремъ, потомъ морской госпитали докторомъ и послѣднимъ найдены въ немъ порошки меркуріумъ прецепитатумъ рубрумъ съ жжеными квасцами, при чемъ докторъ объявилъ, что они смертельныя и ежели бы рѣченный Алексѣевъ того кушанья въ пищу много употребилъ, то бъ отъ того ему смерть послѣдовать могла. Жена жъ того шкипера, какъ по вопросу его, такъ потомъ и при производимомъ слѣдствіи допросами и со увѣщанія чрезъ священника, показала, что тѣ въ салатѣ порошки положила она по злости своей къ тому мужу ея за всегдашнее имъ въ пьянствѣ ее битье и за житье съ постороннею женою беззаконно, не зная подлинно какой тотъ порошокъ въ себѣ ядъ содержитъ, и давала его мужу своему для того, чтобъ онъ отъ того, полежавъ въ болѣзни, былъ спокойнѣе и ее не билъ, а къ точной его отравѣ намѣренія не имѣла; тотъ же порошокъ, тому лѣтъ съ пять, въ бытность ея въ Ревелѣ далъ ей бывшій при тамошнемъ портѣ лѣкарь Голмъ (который уже умре) для присыпки къ бывшимъ у нея и

---

[1]) Сборн. Русск. Ист. Сборн. т. XXVII, 136—137 («Русск. Арх.» 1888 г. № 1, 31).

у дочери ея ранамъ, къ чему они и употребляли, остатки жъ отъ того хранила она, Өедорова, у себя. Она жъ, Өедорова, винилась въ беззаконномъ ея житіи съ служащимъ въ Кронштадтѣ солдатомъ, на котораго сперва показывала, что въ дачѣ мужу ея вышеписаннаго порошка былъ съ нею въ согласіи, а послѣ въ допросахъ и со увѣщанія о семъ послѣднемъ съ него сговорила, да и тотъ солдатъ въ томъ (кромѣ беззаконнаго съ нею житія) не винился».

Дѣло получило обычное движеніе: изъ Розыской экспедиціи оно было отослано въ губернскую канцелярію, а оттуда съ приговоромъ ея въ Сенатъ.

Если сознаніе Анны Өедоровой въ намѣреніи ея повредить мужу и ставило ее въ разрядъ преступницъ по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя могли произойти отъ ея дѣйствій, тѣмъ не менѣе однакожъ всѣ ея показанія, въ особенности же оговоръ солдата въ соучастіи съ ней, невольно приводятъ къ заключенію, что это была женщина пустая, вздорная, съ крайне ограниченными способностями ума, словомъ сказать, баба въ прямомъ значеніи слова, попавшая въ категорію дворянъ только по рангу своего мужа, взявшаго ее изъ какой-нибудь «матросской» или «солдатской слободки», когда еще, быть можетъ, самъ былъ нижнимъ чиномъ. Такого рода соображенія могли бы отчасти служить къ смягченію приговора о ней, но въ тогдашнее время судебныя инстанціи никакихъ «облегчающихъ обстоятельствъ» въ соображеніе не принимали, или, по крайней мѣрѣ, весьма рѣдко, а потому Анна Өедорова, будучи обвинена въ намѣреніи отравить своего мужа, рѣшеніемъ губернской канцеляріи подвергалась всей строгости закона, каковой приговоръ и былъ утвержденъ Сенатомъ. Въ докладѣ о ней императрицѣ, подписанномъ сенаторами Василіемъ Суворовымъ и Никитой Желябужскимъ, сказано:

«Означенная женка Өедорова въ умыслѣ къ смертной мужа ея отравѣ хотя и не винилась, но сама жъ показываетъ, что ею то учинено по злости къ тому мужу ея, дабы онъ отъ того порошка полежалъ въ болѣзни, отъ чего (еслибъ то не было отвращено) легко могла причиниться смерть (какъ то докторомъ засвидѣтельствовано), а посему и злобное ея намѣреніе неинаково бъ кончиться могло, какъ смертію того мужа ея, а въ разсужденіи сего, по содержанію предписанныхъ законовъ, по всеподданнѣйшему Сената мнѣнію, подвергла она, Өедорова, (себя) смертной казни, а до послѣдованія о томъ указа, по силѣ указовъ же 751 и 754 годовъ, жестокому кнутомъ наказанію и ссылкѣ въ Сибирь, къ чему она и Санктпетербургскою губернскою канцеляріею (которою по представленію изъ Розыскной экспедиція дѣло объ ней разсматривано) присуждена, но какъ она, Өедорова, оберъ-офицерская жена, то Сенатъ собою того исполнить не можетъ, а повергаетъ на всевысочайшее

вашего императорскаго величества разсмотрѣніе и что повелѣно будетъ всеподданнѣйше просить всемилостивѣйшаго указа, до послѣдованія жъ онаго, содержится она, Ѳедорова, въ Розыскной экспедиціи подъ карауломъ».

Императрица сенатскаго приговора не утвердила, но въ конфирмаціи написала: «Какъ не доказано, и изъ сего доклада не видно, чтобъ она подлинно мужа своего умертвить была намѣрена, то вмѣсто приговореннаго ей наказанія, сослать ее въ женскій монастырь въ работу на пять лѣтъ. 30 сентября 1768 года. Екатерина».

2.

Въ концѣ 1767 года, въ Петербургѣ, въ наемной квартирѣ, проживали два родныхъ брата: отставной лейбъ-гвардіи Коннаго полка секундъ-ротмистръ Петръ и Низовскаго пѣхотнаго полка поручикъ Александръ Берхманы. Жили они въ крайней нуждѣ и бѣдности. Что привело ихъ къ такому положенію—мотовство или другія какія обстоятельства—неизвѣстно. Не смотря, однакожъ, на бѣдственное свое состояніе, Петръ Берхманъ «принялъ къ себѣ бывшаго въ боевской пограничной таможнѣ стемпельмейстера Ѳедора Выдринскаго бѣглую отъ него жену Дарью» и вступилъ съ нею въ незаконную связь. Впрочемъ, Дарья Выдринская пришла къ Берхманамъ не съ пустыми руками: при уходѣ отъ мужа она захватила съ собой его деньги, вексель и вещи. Вексель былъ проданъ, а деньги и вещи прожиты. «По издержаніи тѣхъ денегъ, за неимѣніемъ у него, Петра, и у брата его Александра, чѣмъ себя и ту женку содержать, оба они Берхманы умыслили купцовъ обманывать взятіемъ у нихъ себѣ въ домъ товаровъ, будто бы до полученія своихъ на разныхъ людяхъ долговъ».

Сказано — сдѣлано. И вотъ 22 февраля 1768 года Александръ Берхманъ привезъ въ квартиру съ Морскаго рынка изъ платяного ряду какого-то купца «съ тремя кирейками[1]) и съ двумя тулупами, да съ шапками». Петръ Берхманъ сталъ торговать товаръ «яко бы на наличныя деньги, но по ожиданіи оныхъ тотъ купецъ, бывъ въ той ихъ квартирѣ часа съ четыре, изъ оной съ тѣми кирейками и прочимъ, отъ нихъ пошелъ въ свою лавку».

Черезъ три дня братья сдѣлали вторую попытку. 25 февраля Александръ Берхманъ привелъ къ брату, называя его полковникомъ, часового мастера съ двумя карманными часами: золотыми и серебряными «яко бы для покупки оныхъ его Петрову пріятелю, кои онъ Петръ и торговалъ съ тѣмъ, чтобъ оныя тотъ мастеръ оставилъ у него для показанія тому пріятелю, а за деньгами бъ пришелъ послѣ, но часовой мастеръ на то не согласился и, побывъ

[1]) Кирея, кирейка—лисій тулупчикъ, крытый сукномъ. (Толк. словарь Даля).

малое время, изъ квартиры и съ тѣми часами пошелъ въ свою квартиру».

Дѣло, какъ говорится, не выгорало, но неудачи не отнимали у нихъ надежды на успѣхъ при новой попыткѣ. 2 марта, все тотъ же Александръ Берхманъ, будучи въ Гостинномъ дворѣ, пригласилъ съ собою изъ лавки съ шелковыми товарами купца, съ которымъ онъ и пріѣхалъ къ брату въ двѣнадцатомъ часу. Купецъ привезъ съ собой штофу разныхъ цвѣтовъ шесть кусковъ, да одинъ кусокъ перепеню (?). Какъ и прежде, торговаться сталъ Петръ Берхманъ. Любуясь матеріями, онъ показывалъ видъ, что не знаетъ на какой изъ нихъ остановить свой выборъ и, чтобъ не сдѣлать ошибки, просилъ купца оставить у него безденежно товаръ до слѣдующаго дня. Купецъ не соглашался. Его несговорчивость въ конецъ разрушала планы Берхмановъ, на которые они сначала такъ было разсчитывали. Какъ же теперь быть? Что же дѣлать?

Подъ вліяніемъ этого рокового раздумья, какъ молнія пронеслась въ головѣ Петра Берхмана мысль убить купца. Въ комнатѣ они были только вдвоемъ: братъ былъ въ другомъ покоѣ, а прислуга еще дальше. Петръ Берхманъ схватилъ кирпичъ, выпавшій изъ печного свода и со всего размаху ударилъ имъ въ високъ купца. Только разъ вскрикнулъ упавшій на полъ купецъ и замолкъ, потому что Берхманъ бросился на него и, стиснувъ ему горло, безъ борьбы, мгновенно, задушилъ несчастнаго...

По словамъ Петра Берхмана братъ его Александръ о намѣреніи убить купца ничего не зналъ, чему можно повѣрить, такъ какъ и самъ Петръ, торгуя матеріи, по всей вѣроятности, не зналъ, чѣмъ кончится его торгъ. Но дѣло было сдѣлано, надо было подумать, какъ скрыть преступленіе. «По убивствѣ, въ то жъ время, онъ Петръ, пришедъ въ покой къ брату своему, о томъ убивствѣ ему сказалъ и велѣлъ ему поднять половую доску, что братъ его и учинилъ, и потомъ во оный же покой притаща убитаго, мертвое тѣло подъ тотъ полъ бросили, а привезенные купцомъ товары оставили у себя, умысля, чтобъ будущею ночью, мертвое тѣло вывезши, бросить на улицѣ...»

Въ сумерки Петръ Берхманъ, оставивъ брата дома, самъ вышелъ изъ квартиры и вечеромъ привелъ какого-то извозчика, которому велѣлъ оставить лошадь съ санями на дворѣ, а самаго его зазвалъ къ себѣ и, напоивъ до-пьяна, уложилъ спать. «По полуночи, часу въ первомъ или во второмъ, во время сна, какъ извозчика, такъ и бывшихъ при нихъ въ услуженіи людей дву человѣкъ въ другомъ покоѣ, онъ, Петръ, съ братомъ своимъ, вытаща изъ-подъ пола и изъ горницы мертвое тѣло и снявъ съ него тулупъ, кушакъ, шапку и перчатки, да изъ кармана часы и оставя въ одномъ камзолѣ, посадя на извозчичьи сани, съ двора свезли и ѣдучи, онъ, Петръ, правилъ лошадью, а братъ его, стоя на за-

пяткахъ, держалъ мертвое тѣло, чтобъ не упало и пріѣхавъ на Аничковскій мостъ, гдѣ людей въ то время никого не случилось, то тѣло бросили, а сами они, Берхманы, возвратясь въ квартиру свою, легли спать, а поутру, заплатя извозчику за извозъ деньги, не спрашивая чей онъ и откуда, отъ себя отпустили».

Уладивъ дѣло, Берхманы зачѣмъ-то ѣздили въ Екатерингофъ, а оттуда на мызу маіора Рейнкевича; потомъ «возвратясь изъ Екатерингофа, Петръ Берхманъ изъ товаровъ штофу пятьдесятъ аршинъ заложилъ маіору Трезину въ двадцати восьми рубляхъ, а вынутые у убитаго часы — артиллерійскому бомбардиру въ пяти рубляхъ, незавѣдомо, что оные злодѣйскимъ образомъ получены».

Между тѣмъ, мертвое тѣло, брошенное у Аничкова моста, съ разсвѣтомъ, конечно, было найдено. Убитый купецъ оказался Николаемъ Капустинымъ. Начались розыски, которые навели на слѣды убійцъ. Берхманы были отысканы на дачѣ генералъ-поручика Чернышева и взяты подъ караулъ. Въ то же время были арестованы женка Дарья Выдринская и два служителя Берхмановъ—ревельскій уроженецъ сержантскій сынъ Яганъ Пиль и прусскій солдатскій сынъ Иванъ Степановъ. Главная полиціймейстерская канцелярія поручика Александра Берхмана отослала въ Военную коллегію для преданія военному суду, а остальныхъ 10 марта отправила въ Розыскную экспедицію, гдѣ Петръ Берхманъ «въ допросахъ и со увѣщанія» показалъ то, что мы привели выше.

Петръ Берхманъ въ Розыскной экспедиціи никого не оговорилъ, а показалъ, что «про убивство никому и людямъ своимъ не сказывалъ и никто при томъ въ сообществѣ съ нимъ не былъ, люди же ихъ въ то время, когда убивство купцу учинено и въ квартирѣ не были, а когда они, Берхманы, къ отвозу мертвое тѣло вытаща изъ-подъ полу готовили, тѣ ихъ люди, будучи въ другомъ покоѣ, видѣли ль—того онъ, Петръ, не примѣтилъ, а какъ послѣ того они Берхманы собирались ѣхать въ Екатерингофъ и въ мызу маіора Рейнкевича, въ то время они снятое съ убитаго купца платье и товары видѣли и о учиненномъ ими, Берхманами, обманѣ, по разговорамъ ихъ знали».

Женка Дарья Выдринская повинилась только въ побѣгѣ отъ мужа, въ кражѣ у него денегъ, векселя и вещей и въ непорядочномъ житіи съ Петромъ Берхманомъ, что же касается убійства, то сказала, что она о немъ не знала. Служившіе у Берхмановъ люди Пиль и Степановъ показали, что они «о умыслѣ къ обману Берхманами купцовъ вѣдали и когда мертвое тѣло изъ-подъ пола они, Берхманы, тащили и на сани выносили, также бывшіе у нихъ, Берхмановъ, штофъ и убитаго тулупъ видѣли, но о томъ не объявили и не донесли, боясь себѣ въ томъ дѣлѣ побой и бытія подъ карауломъ».

Изъ Розыскной экспедиціи дѣло было отослано въ Губернскую

канцелярію, которая составивъ изъ него экстрактъ, съ мнѣніемъ своимъ представила въ Сенатъ, присудивъ: «означенному Петру Берхману за оное смертное убивство учинить смертную казнь — отсѣчь голову, а до послѣдованія о томъ указа, лиша чиновъ и отобравъ патентъ, по силѣ указовъ 753 и 754 годовъ, наказать кнутомъ на трехъ публичныхъ для экзекуціи мѣстахъ по пятнадцати ударовъ и потомъ, вырѣзавъ ноздри и поставя на лбу и на щекахъ опредѣленные симъ 754 года указомъ знаки, и заковавъ въ кандалы, отослать въ Балтійскій портъ въ тяжкую работу, а ревельскому уроженцу сержантскому сыну Пилю и прусскому солдатскому сыну Ивану Степанову, на основаніи воинскихъ 21 главы на 189 артикулъ толкованія, Морскаго устава 15 главы 109 артикуловъ и указа 721 г. ноября 12 дня, за не объявленіе ихъ о видѣнномъ ими вынимаемомъ изъ-подъ полу Берхманами купца Капустина мертвомъ тѣлѣ, наказать кнутомъ каждому по двадцати ударовъ и послать ихъ въ Сибирь на поселеніе; женкѣ жъ Выдринской за преступленіе ея, то есть за кражу отъ мужа денегъ и векселя и за непорядочное ея житье, по силѣ Уложенія 21 главы 9 пункта и указа 721 года, учинить наказаніе кнутомъ».

Сенатъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ государынѣ по вышеозначенному дѣлу, мнѣніемъ положилъ: «Петръ Берхманъ за учиненное имъ смертное убивство повиненъ смертной казни, какъ Санктпетербургская Губернская канцелярія въ мнѣніи своемъ присуждаетъ; но какъ оная по указу 754 года удержана, а повелѣно таковыхъ бить кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри и поставивъ знаки, ссылать въ Балтійскій портъ въ вѣчную работу, то вслѣдствіе онаго и его, Петра Берхмана, лиша дворянскаго достоинства и всѣхъ чиновъ и отобравъ патентъ, наижесточайше наказать публично кнутомъ, вырѣзавъ ноздри и поставя повелѣнные указомъ 754 года знаки, сослать въ Балтійскій портъ въ тяжкую работу, да и бывшихъ при немъ и при братѣ его въ услуженіи сержантскаго сына Пиля и прусскаго солдатскаго сына Степанова за то, что они знали объ убивствѣ, а не донесли, высѣчь кнутомъ и сослать въ Сибирь на поселеніе вѣчно, какъ и Губернская канцелярія присуждаетъ; за пограбленные жъ Берхманами у купца Капустина товары и прочее, по надлежащей цѣнѣ взыскать изъ оставшаго его имѣнія, ежели что осталось и отдать тѣмъ, у кого что пограблено, а если затѣмъ что останется,—прибавляетъ Сенатъ,—то имѣніе не соблаговолите ли ваше императорское величество всемилостивѣйше повелѣть оставить его наслѣдникамъ. Но какъ онъ, Берхманъ, дворянинъ и состоитъ въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, то Сенатъ собою вышеписанной приговоренной экзекуціи учинить не можетъ, а повергаетъ все сіе на всевысочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе, на что и проситъ указа; что жъ принадлежитъ до женки Дарьи Выдринской, то какъ о покраденныхъ ею у муже

пожиткахъ точію еще не изслѣдовано, о томъ Сенатомъ опредѣлено: дослѣдовать Губернской канцеляріи и о всѣхъ ея винахъ представить съ мнѣніемъ». Подписали: Василій Суворовъ, князь Петръ Трубецкой; скрѣпилъ оберъ-секретарь Анисимъ Князевъ.

Конфирмація императрицы: «Петра Берхмана, лиша всѣхъ чиновъ и дворянства и отобравъ патентъ, снять мундиръ и публично переломивъ надъ нимъ шпагу, наказать такъ, какъ Сенатъ прописываетъ, а въ прочемъ быть по сему. 19 марта 1768 года. Санктпетербургъ. Екатерина».

3.

Петръ Берхманъ былъ убійца, но не разбойникъ; онъ, какъ и братъ его Александръ, были, по всей вѣроятности, промотавшіеся кутилы, которыхъ обстоятельства привели сперва къ роли «червонныхъ валетовъ», а затѣмъ и къ преступленію, совершенному старшимъ братомъ случайно, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, въ состояніи аффекта, но вотъ передъ нами другой преступникъ, носившій извѣстную въ свое время дворянскую фамилію, находившуюся въ родствѣ съ императрицей Елисаветой и едва ли не крестникъ ея—Иванъ Чоглоковъ. Отецъ его, Николай Наумовичъ Чоглоковъ, былъ женатъ на графинѣ Марьѣ Симоновнѣ Гендриковой—двоюродной сестрѣ Елисаветы Петровны. Чоглоковы были у нея въ большой милости; говорятъ, что дѣтей ихъ пеленали андреевскими лентами съ плеча императрицы [1]). И вотъ, одинъ изъ этихъ повитыхъ императорской лентой становится отъявленнымъ разбойникомъ! [2]).

Сенатъ о немъ доносилъ:

«Бывшій въ Владимірскомъ пѣхотномъ полку прапорщикъ Иванъ Чоглоковъ, по произведенному въ Симбирской провинціальной канцеляріи слѣдствію, съ допросомъ и съ увѣщанія священническаго, повинился въ слѣдующихъ преступленіяхъ: 1) ведя въ ономъ полку съ прапорщикомъ Ярцевымъ распутную жизнь и бившись за непотребную дѣвку на шпагахъ, отъ полку бѣжалъ; 2) пріѣхавъ въ

---

[1]) Карабановъ, «Русск. Стар.» 1870 г., 3 изд., т. II, 446.

[2]) По словамъ Гельбига, изъ четырехъ сыновей Чоглокова трое сидѣли въ темницахъ, частію за нарушеніе общественнаго спокойствія, частію потому, что были замѣшаны въ заговорѣ противъ императрицы Екатерины II. Предположеніе наше, что Иванъ Чоглоковъ былъ четвертый его сынъ, за неимѣніемъ у насъ подъ рукой родословныхъ росписей, не провѣрено, но оно основывается на приводимомъ ниже письмѣ князя М. Н. Волконскаго къ императрицѣ Екатеринѣ. Ни одинъ изъ Чоглоковыхъ сосланныхъ въ Сибирь (Наумъ, Николай и Самойло) не бѣжалъ оттуда, бѣжалъ пасынокъ Глѣбова; какъ звали его — утвердительно сказать не можемъ, но намъ сильно сдается, что это былъ тотъ самый Иванъ Чоглоковъ, который въ 1771 г. былъ сосланъ въ Сибирь. Дѣлаемъ эту оговорку въ надеждѣ, что кто-либо, сдѣлавъ справку, укажетъ нашу ошибку, если она есть.

городъ Сызрань, присталъ къ незнаемымъ ему пяти человѣкамъ, назвавшись бѣглымъ помѣщичьимъ человѣкомъ, согласился идти съ ними на разбой и пошедъ на Волгу рѣку, гдѣ еще дожидались ихъ человѣкъ съ восемь, разбили, во-первыхъ, купца Хлѣбникова судно, на которомъ взяли денегъ восемьсотъ рублевъ; 3) послѣ сего, поѣхавъ на низъ, разбили другое судно, а какого человѣка и что при томъ взято, того онъ, Чоглоковъ, за чрезвычайнымъ пьянствомъ не припомнитъ; 4) по предводительству одного изъ ихъ партіи разбойника Махаева, который пригласилъ еще восемь человѣкъ, ходилъ онъ, Чоглоковъ, обще со всѣми съ ними на разбой одного попа, коего разбивъ и взявъ денегъ сто пятьдесятъ рублевъ, какъ того попа, такъ и всѣхъ его домашнихъ оставя связанныхъ, сами ушли; 5) приставъ еще къ нимъ разбойниковъ тринадцать человѣкъ, ходилъ съ ними въ пригородъ Урень и разбивъ тамошняго жителя домъ и мучивъ одну старуху на вѣникѣ огнемъ, вымучили у нея денегъ четыреста рублевъ и нѣсколько разной пажити; 6) былъ онъ, Чоглоковъ, обще съ выщеписанными разбойниками и однимъ атаманомъ на разбоѣ двухъ братьевъ помѣщиковъ Путиловыхъ, гдѣ, во-первыхъ, истребивъ крестьянскіе дворы огнемъ, потомъ ворвавшись на помѣщичій дворъ, одного брата Путилова зарѣзали, а другого не могши сыскать, сожгли вмѣстѣ съ ихъ домомъ; 7) онъ же Чоглоковъ съ разбойникомъ Олунинымъ грабилъ проѣзжающихъ татаръ и обрали у нихъ деньги».

Сенатъ приговорилъ его къ лишенію дворянскаго достоинства и чина, жестокому наказанію кнутомъ и вырѣзанію ноздрей къ заклейменію установленными знаками и къ ссылкѣ въ вѣчную работу на Нерчинскіе заводы.

Приговоръ Сената Екатерина утвердила вполнѣ, написавъ въ конфирмаціи, состоявшейся 15 ноября 1771 года: «Лиша его дворянства и чина, учинить по сему».

Но этимъ еще не кончились похожденія Чоглокова. Соскучившись на каторгѣ по «широкому раздолью Волги матушки», онъ бѣжалъ изъ Нерчинска и въ 1774 г. появился въ шайкѣ Пугачева, ибо почти нѣтъ сомнѣнія, что во время розысковъ—какимъ образомъ попало къ Пугачеву голштинское знамя, князь М. Н. Волконскій именно о немъ, объ этомъ самомъ Чоглоковѣ, писалъ императрицѣ: «Пришло мнѣ, всемилостивѣйшая государыня, на мысль—не зашло ли сіе знамя къ злодѣю слѣдующимъ образомъ. По Тайной экспедиціи здѣсь слѣдуется теперь надъ однимъ отъ воронежскаго губернатора присланнымъ къ графу Панину и отъ него ко мнѣ симбирскаго гарнизона солдатомъ, который былъ въ шайкѣ злодѣйской и между прочимъ показываетъ, что въ толпѣ Пугачева находится одинъ Чоглоковъ, описывая его, что онъ человѣкъ молодой, свѣтлорусые волосы имѣетъ, собою бѣлъ; то ежели это правда, то знатно, что Чоглоковъ изъ Сибири ушелъ и присталъ

къ шайкѣ Пугачевской, почему заключаю, можетъ быть, что Чоглоковъ еще до ссылки своей, будучи пасынокъ Глѣбова[1]), не получилъ ли какимъ-нибудь образомъ изъ коммисаріата то знамя только тогда для одной курьезности, имѣлъ то знамя всегда у себя, а какъ ушелъ изъ Сибири, то съ собою его къ Пугачеву принесъ».

Дальнѣйшая судьба Чоглокова неизвѣстна.

4.

Разбойничьи подвиги въ средѣ захолустнаго, провинціальнаго дворянства были явленіемъ далеко неисключительнымъ. Праздная, подчасъ пьяная жизнь, буйный характеръ, жажда мести или грабежа—всѣ эти грубыя наклонности при исконной русской удали и широкомъ господствѣ права сильнаго, способны были вызывать изъ этой среды безпокойныхъ людей, готовыхъ на всякое преступленіе.

Такъ, въ 1771 году сенатъ докладывалъ императрицѣ о дѣдиловскомъ помѣщикѣ изъ дворянъ, отставномъ подпоручикѣ Петрѣ Карповѣ, который по произведенному о немъ въ Дѣдиловской воеводской канцеляріи слѣдствію оказался виновнымъ въ слѣдующихъ преступленіяхъ: «1) собравъ людей своихъ и крестьянъ приходилъ насильствомъ того же уѣзда изъ однодворцевъ къ сотскому Родіону Кутепову, гдѣ во-первыхъ самъ поранилъ его, Кутепова, изъ ружья, а потомъ велѣлъ людямъ своимъ выбивать у избы окны и стрѣлять изъ пистолетъ и бить его, Кутепова, дубинами, отъ которыхъ побой онъ, Кутеповъ, черезъ одни сутки и умре; 2) избывая за оное наказанія, изъ оной канцеляріи изъ-подъ караула бѣжалъ съ намѣреніемъ такимъ, чтобъ пройтить въ Польшу, а изъ оной въ Пруссію и не дошедъ до польской границы, пойманъ и приведенъ въ воеводскую канцелярію, въ которой во ономъ во всемъ повинился»...

Сенатъ приговорилъ его къ наказанію кнутомъ, вырѣзанію ноздрей, заклейменію установленными знаками и ссылкѣ въ тяжную работу.

Императрица 15-го марта 1771 года конфирмовала: «Лишить дворянства и чиновъ и, поставя подъ висѣлицу, заклеймить лобъ словомъ разбойникъ, а потомъ сослать вѣчно въ работу».

По челобитной коллежскаго ассесора Творогова, поданной въ 1769 году на высочайшее имя, была составлена для императрицы докладная записка, въ которой читаемъ:

«Продолжая воинскую службу тридцать три года во многихъ походахъ, баталіяхъ, акціяхъ и штурмахъ, а съ 1749 года претерпѣ-

---

[1]) Александра Ивановича, бывшаго генералъ-прокурора (1761—1764 гг.), а потомъ генералъ кригсъ-комисаромъ, уволеннаго отъ этой должности въ 1774 г.; онъ былъ женатъ на вдовѣ Н. Н. Чоглокова Марьѣ Симоновнѣ.

вая чинимыя на домъ и домашнихъ его (Творогова) нападенія, грабительства и смертныя побои почти ежедневно отъ жительствующаго въ Бѣлгородской губерніи въ Курскомъ уѣздѣ отставного надворнаго совѣтника Дмитрія Чертова, также отъ людей и крестьянъ его, по многимъ прошеніямъ чрезъ двадцать лѣтъ и донынѣ ни откуда защиты не имѣетъ. Чертовъ, взирая на то, сего 769 года не только вящія разбойническія нападенія, но и зажигательства чинить отважился, а по отлучкѣ просителя въ Санктпетербургъ, Чертова люди и крестьяне съ однодворцами пятьюдесятью человѣками, пришедъ въ домъ просителевъ въ полночь, стрѣляли изъ ружья и, разбивъ оный, все имѣніе ограбили, также столы, стулья, двери и прочее забравъ, вывезли къ Чертову, отчего проситель при старости лѣтъ своихъ ни пристанища, ни дневного пропитанія не имѣетъ, и хотя о разореніи такомъ подавалъ онъ въ Сенатъ прошенія, но не получа оттуда защищенія, отъ страха, что по проискамъ Чертова и свойственниковъ его Бѣлгородской и Курской воеводской канцеляріи присутствующихъ, не былъ отданъ въ руки бѣлгородскому губернатору Фливерну, дѣлающему явную понаровку Чертову, оставя въ Сенатѣ хожденіе, принужденъ былъ отъѣхать въ городъ Курскъ. Нынѣ (Твороговъ) всеподданнѣйше проситъ вашего императорскаго величества дабы повелѣно было опредѣлить кого нарочнаго о томъ слѣдователя на коштѣ виноватыхъ въ томъ же городѣ Курскѣ».

О случайныхъ убійствахъ, къ которымъ приводила та же грубость нравовъ и говорить нечего. Ссоры, возникавшія между сосѣдями потому или другому поводу, сплошь и рядомъ кончались самосудомъ, результатомъ котораго являлись смертные побои одного изъ соперниковъ. Вотъ, напр., случай, бывшій еще въ царствованіе Елисаветы Петровны.

Бывшей Смоленской шляхты поручикъ Семенъ Халютинъ, встрѣтясь однажды на крѣпостной землѣ своей съ сосѣдомъ, смоленскимъ шляхтичемъ, Васильемъ Дудинскимъ, затѣялъ съ нимъ «земляную ссору». И тотъ, и другой были съ своими крѣпостными людьми. Среди завязавшагося крупнаго спора Халютинъ «бѣжалъ отъ Дудинскаго верхомъ на лошади къ своей деревнѣ, но Дудинскій со многимъ числомъ вооруженныхъ людей, нагнавъ его почти у самой его деревни, учинилъ нападеніе къ убивству, отъ каковой опасности онъ, Халютинъ, принужденъ былъ себя защищать».

Наскочившій Дудинскій вынулъ шпагу и уставилъ ее противъ Халютина, чтобъ его заколоть, а Халютинъ, размахнувшись бывшей у него въ рукахъ рогатиной, ударилъ Дудинскаго въ грудь подъ горло. Находившійся при Халютинѣ человѣкъ его, Ѳедоръ Изотовъ, защищая своего господина, тоже ударилъ Дудинскаго рогатиною въ бокъ и спину. Удары были смертельные. Ѳедоръ Изотовъ, видя убійство, бѣжалъ, а Халютина взяли въ Смоленскую губернскую

канцелярію, держали его нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, пять разъ подвергали пыткѣ, и, наконецъ, конфирмаціею Сената, состоявшеюся 28 сентября 1744 года, сослали на вѣчное житъ въ Сибирь.

Другой подобный же случай расправы при «земляной ссорѣ» былъ въ Ржевскомъ уѣздѣ.

Въ числѣ тамошнихъ дворянъ помѣщиковъ были три родныхъ брата Култашевы: Прокофій старшій, Прокофій младшій и Петръ. Такъ какъ Прокофій старшій былъ женатъ и имѣлъ уже семью, то землей они владѣли не-сообща, но врозь: у старшаго былъ свой участокъ, а у двухъ младшихъ—свой. Какъ они подѣлили землю—сами ли собой, по согласію, или при содѣйствіи власти,—Богъ ихъ вѣдаетъ, но только братья изъ-за земли были не въ ладахъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ жена Прокофья старшаго купила часть земли, которую два младшихъ брата считали своею. Возникшій изъ-за этой покупки споръ Тверская провинціальная канцелярія рѣшила въ пользу жены Прокофья старшаго, но братья его ничего не хотѣли знать и продолжали пользоваться ею попрежнему.

Однажды, когда Прокофій младшій съ Петромъ вышли на спорную землю косить траву, семья старшаго брата, вѣроятно кѣмъ нибудь о томъ извѣщенная, явилась туда же, но вооруженная: у Прокофья старшаго и сына его, отставного подпоручика Прохора, были заряженныя ружья, а у жены Марьи и малолѣтнихъ дѣтей ихъ дочери и двухъ сыновей—разныя домашнія орудія. Лишь только они показались, Петръ Култашевъ, оставя работу, но не бросая косы, пошелъ къ невѣсткѣ, но та, недопуская его къ себѣ, начала бросать въ него камни, а мужъ ея, не говоря худого слова, выстрѣлилъ въ Петра изъ ружья и наповалъ убилъ его. Ободренная Марья бросилась на другого своего шурина, корнета Прокофья младшаго. Обороняясь отъ раздраженной бабы багромъ, онъ задѣлъ Марью по лицу и поранилъ ее. Тогда мужъ ея крикнулъ сыну Прохору, чтобъ стрѣлялъ въ дядю, когда же Прохоръ, выстрѣливъ промахнулся, то отецъ схватилъ другое ружье и выстрѣлилъ самъ. Смертельно раненый Прокофій младшій упалъ и тутъ же былъ добитъ братомъ прикладомъ ружья.

При слѣдствіи убійца и жена его Марья повинились, сынъ же ихъ Прохоръ показалъ, что «онъ при отцѣ и матери тогда былъ и изъ ружья выстрѣлилъ по ихъ повелѣнію, въ чемъ онъ ихъ преслушаться не могъ, изъ ружья жъ выстрѣлилъ нарочно мимо своего дяди, да еще и до начатія того дѣйствія, когда только мать его начала бросать каменьями, онъ отца и мать уговаривалъ, чтобъ они объ этой землѣ разобрались безссорно...» Послѣднее подтвердили и свидѣтели—кто именно, въ документѣ не сказано.

Сенатъ приговорилъ:

«...... Убійцу Прокофья Култашева за смертное убійство своихъ братьевъ казнить смертію, до послѣдованія же о таковыхъ подле-

жащихъ смертной казни указа, по силѣ указа жъ 1754 года, учиня ему наказаніе кнутомъ, вырѣзавъ ноздри и поставя указные знаки, сослать въ Ригу въ Двинскую работу, а жену его Марью, которая хотя брошенными каменьями вреда никому не сдѣлала, но отъ нея ссора началась, почему и убивства послѣдовали, сослать въ женскій монастырь въ работу съ тѣмъ, чтобъ наслѣдники имѣнія мужа ея давали ей изъ онаго пропитаніе; сына же ихъ, отставного подпоручика Прохора, который при учиненномъ убивствѣ былъ, по причинѣ преданности къ родителямъ, по ихъ волѣ, а тѣмъ наипаче, что не только выстрѣломъ своимъ никому вреда не учинилъ, но еще при началѣ ссоры отъ оной отца и мать уговаривая отвращалъ, однакожъ, какъ то его послушаніе произошло къ толь злому оныхъ его родителей предпріятію, по молодымъ его лѣтамъ лиша оберъофицерскаго чина, написать въ солдаты до выслуги и для того отослать его въ военную коллегію, а прочихъ того убійцы дѣтей, которымъ показано: сыновьямъ — Афонасью двѣнадцать, Михайлѣ девять, дочери дѣвкѣ пятнадцать лѣтъ, по несовершенству ихъ лѣтъ и что они въ драку не вступали, освободить безъ штрафа, препоруча о пристойномъ воспитаніи и о храненіи имѣнія ихъ сдѣлать распоряженіе губернатору....»

Конфирмація: «Прокофья Култашева, лишивъ дворянства, заклеймить подъ висѣлицею на лбу первою буквою слова: убійца, а потомъ сослать на каторгу вѣчно въ работу. Екатерина. 5 февраля 1774 года.»

5.

Кого изъ насъ не плѣняли добродушные разсказы почтеннаго трудолюбца Андрея Тимоѳеевича Болотова о жизни помѣщиковъ его времени, о томъ, какъ они мирно и патріархально проводили дни, переѣзжая изъ дома въ домъ, въ гости одинъ къ другому, какъ благодушествовали они, забавляясь веселыми играми, невинными шутками, «смѣхами» и разговорами «обо всемъ и обо всемъ»; но эта пріятная картина дворянскихъ визитовъ не всегда сохраняла мягкіе тоны; случалось, что пріятельскія бесѣды, оживляемыя виномъ, оканчивались иногда такими сценами, которыя поистинѣ приводятъ въ ужасъ.

Вотъ два дѣла въ этомъ родѣ.

6 іюня 1768 года, изъ Гдова, по большой Псковской дорогѣ къ Петербургу, ѣхали верхомъ два человѣка: одинъ былъ отставной штыкъ-юнкеръ Илья Великопольскій, а другой—слуга его.

На дорогѣ Великопольскій встрѣтился съ дальнимъ родственникомъ своимъ, гдовскимъ помѣщикомъ, надворнымъ совѣтникомъ Карауловымъ, ѣхавшимъ по той же дорогѣ съ женой. Карауловыхъ провожалъ крестьянинъ поручика Матвѣя Рокотова — Хар-

ламъ Ѳоминъ. Родственники дружески поздоровались, поговорили и рѣшили заѣхать «по пріятству» въ гости тоже къ помѣщику, отставному капитану Шаблыкину, усадьба котораго была, вѣроятно, недалеко отъ дороги. Тутъ Карауловъ и Великопольскій пробыли сутки, а затѣмъ, захвативши съ собой Шаблыкина и его жену, всей компаніей отправились въ гости къ третьему помѣщику—ассесору Коновницыну, куда пріѣхали уже вечеромъ, къ ужину.

Коновницынъ былъ хворый старикъ, да къ тому же на ту пору сильно озабоченный тяжкой болѣзнью сына, отъ которой тотъ вскорѣ послѣ того и умеръ, а потому можно догадываться — насколько онъ былъ радъ своимъ позднимъ гостямъ. Но дѣлать было нечего: пріѣхала своя братья помѣщики-дворяне, не гнать же ихъ со двора, да еще глядя на-ночь. Гостей приняли и, какъ приспѣлъ часъ, усадили за ужинъ.

До сихъ поръ между пріѣхавшими гостями все шло ладно, но тутъ за ужиномъ у гостепріимнаго хозяина, должно быть не поскупившагося на угощеніе, между ними пробѣжала черная кошка.. Началось съ того, что Карауловъ и Шаблыкинъ во время ужина стали подтрунивать надъ штыкъ-юнкеромъ, а затѣмъ «по наученію Караулова, его жъ Караулова, слуга чинилъ надъ Великопольскимъ многія непочитанія и насмѣшки, такія, что позади стула пришпиливали къ кафтану его веревочки, мочала и бумажки, и привязывали его ноги ниткою къ стулу». Больной хозяинъ не замѣчалъ этихъ издѣвокъ — ему было не до того: какъ только кончили ужинать, онъ, мучимый недугомъ и скорбію о сынѣ, оставилъ гостей и «съ женскими персонами» вышелъ въ другой покой.

Штыкъ-юнкеръ переносилъ издѣвки пока сидѣли за трапезой, но когда вышли изъ-за стола, то онъ взялъ веревочку, которую къ нему привязали и бросилъ ее въ слугу Караулова. Холопъ, видя какъ господа поступали съ Великопольскимъ и, вѣроятно, желая угодить имъ, набросился на него и «ругаясь скверною бранью, ударилъ его дважды кулакомъ въ грудь, а потомъ въ лицо». Великопольскій, видя что дѣло идетъ уже не на шутку, выхватилъ изъ ноженъ шпагу и, отмахиваясь ею отъ нахала, ранилъ его въ лицо. Но тутъ подскочилъ къ нему Карауловъ, вырвалъ у него изъ рукъ шпагу и, ухвативъ за волосы, началъ наносить своему родственнику удары шпагою по головѣ, по лицу, по спинѣ — словомъ, куда попало. На шумъ выбѣжала жена Коновницына и отняла у Караулова шпагу. Вышелъ и старикъ Коновницынъ, ведомый слугами подъ руки, и увидя, что слуга Караулова раненъ, сталъ выговаривать поссорившимся гостямъ о непристойности ихъ поведенія и просить, чтобъ они изъ дома его выѣхали.

Карауловъ всю вину сваливалъ на Великопольскаго, говоря, что его, какъ безпокойнаго человѣка, надо отправить въ воеводскую канцелярію, или вывести изъ дома къ его, Караулова, повозкѣ, ко-

торая стояла внѣ двора Коновницына. При этомъ онъ увѣрялъ огорченнаго хозяина, что «больше между ними ссоры не будетъ». Коновницынъ, «вѣдая, что они между собой свойственники и вмѣстѣ ѣдутъ», выпроводилъ Великопольскаго изъ дома, понадѣявшись, что «ничего противнаго не произойдетъ».

Но тутъ-то именно и произошло то, чего не ожидалъ благодушный старикъ.

Карауловъ и Шаблыкинъ, выведя Великопольскаго на дворъ, велѣли своимъ людямъ связать ему руки назадъ, а когда вышли за ворота, то посадили верхомъ на лошадь и связали ему ноги. Въ такомъ положеніи онъ оставался до утра.

Устроивши такимъ образомъ Великопольскаго, Карауловъ съ Шаблыкинымъ вернулись опять въ домъ Коновницына, гдѣ проводя время, не забывали и о своемъ плѣнникѣ. «Капитанъ Шаблыкинъ, въ ту ночь пришедъ, билъ его по лицу кулаками и выхватя кортикъ, билъ же въ голову по шляпѣ и прикладывалъ его къ боку и говорилъ: «хочешь ли быть заколотъ?» Потомъ, часа черезъ два, Карауловъ и Шаблыкинъ, пришедъ къ нему, бранили и ругали непотребною бранью, что еще и поутру въ шестомъ часу чинили жъ».

Наконецъ, они уѣхали отъ Коновницына, взявъ съ собой и злосчастнаго штыкъ-юнкера, который слѣдовалъ за ними связанный на лошади по рукамъ и ногамъ. Отъѣхавъ съ версту, они остановились и начали расправу съ беззащитнымъ своимъ плѣнникомъ. «Карауловъ дралъ у Великопольскаго волосы и билъ по глазамъ и по всему корпусу и приказалъ людямъ своимъ волосы вырвать, что и учинено, а потомъ по приказу жъ его люди батожьемъ суковатымъ его сѣкли, а по отбитіи заставилъ его обнаженнаго плясать. Еще послѣ того мучилъ такъ, что разсѣкъ спину, бока, брюхо, лядвеи и ляшки до крови, а потомъ паки въ ругательство ему приказалъ плясать, что и исполнялъ съ превеликимъ изнеможеніемъ; послѣ того приказалъ людямъ своимъ принесть бритвы, чтобъ обрѣзать носъ, уши и губы и, ободравъ кожу, разсѣчь и въ болото бросить, но по выслушаніи отъ жены своей такихъ рѣчей: «вѣдь и слугу Великопольскаго до смерти убить надобно», выговорилъ, что третично надобно до тѣхъ поръ сѣчь, доколь духъ не испустится. Потомъ капитанъ Шаблыкинъ, положа, билъ его, Великопольскаго, батожьемъ по спинѣ и бокамъ; послѣ того, поднявши его, заставилъ плясать, но плясалъ ли—(Великопольскій) не чувствовалъ; потомъ головой къ землѣ поставили и, по приказу жены Карауловой, перевалили на спину, и тогда онъ лежалъ съ часъ мертвый и какъ очувствовался, то шпагу надъ головой его переломили...»

Что же за личность была этотъ несчастный штыкъ-юнкеръ Великопольскій? Карауловъ при слѣдствіи, производившемся по этому

дѣлу въ юстицъ-конторѣ, называетъ Великопольскаго человѣкомъ «безпокойнымъ», «неутолимымъ», способнымъ заводить ссоры, но, очевидно, ему вѣрить нельзя, такъ какъ онъ хотѣлъ лишь оправдаться въ своемъ самодурствѣ; скорѣе можно предположить, что Великопольскій былъ изъ числа робкихъ и приниженныхъ малоуміемъ, а можетъ быть и бѣдностію людей, которыхъ юркіе и смѣлые нахалы выбираютъ мишенью для своихъ наглыхъ выходокъ. Такимъ, по крайней мѣрѣ, онъ кажется при описаніи злосчастныхъ съ нимъ приключеній. Даже и жалобу-то на претерпѣнныя имъ истязанія, изъ которой мы привели выписки, подалъ не самъ онъ, а братъ его артиллеріи подпоручикъ Ермолай Великопольскій.

Челобитная была подана на имя императрицы, которая горячо приняла ее. Поступки Караулова и Шаблыкина, какъ «нарушающіе безопасность гражданъ», глубоко возмутили ее и она приказала Новгородскому губернатору изслѣдовать это дѣло не какъ «партикулярное, но какъ публичное», и что окажется донести ей.

По полученіи отъ губернатора «всѣхъ околичностей и подробностей дѣла», Екатерина приказала, какъ челобитную Ермолая Великопольскаго, такъ и присланные отъ Новгородскаго губернатора два экстракта изъ произведеннаго имъ слѣдствія, отослать въ юстицъ-контору, которой именнымъ указомъ повелѣвалось дѣло разсмотрѣть и «учинить надлежащее по законамъ рѣшеніе».

Вслѣдствіе этого въ юстицъ-конторѣ начались допросы обвиненныхъ и свидѣтелей.

На слѣдствіи Карауловъ во всемъ, что отягчало вину его, заперся. Такъ, разсказавъ о встрѣчѣ своей съ Великопольскимъ и о томъ, какъ они заѣзжали къ Шаблыкину, а потомъ всѣ вмѣстѣ къ Коновницыну, онъ не отрицалъ того, что «во время ужина происходили между ними шутки», но чтобы «онъ приказывалъ слугѣ своему чинить надъ Великопольскимъ непристойности — пришпиливать веревочки, мочала и бумажки и привязывать ноги его ниткою къ стулу»—въ этомъ не сознался и, благодаря своему запирательству, зачинщикомъ ссоры остался «недоказаннымъ». Когда «между шутками Великопольскій, почтя себя обиженнымъ, по окончаніи ужина, вставъ изъ-за стола и обнажа свою шпагу порубилъ у слуги его, Караулова, лобъ», то онъ дѣйствительно вырвалъ у него шпагу и билъ ею Великопольскаго, но билъ по плечамъ только и при томъ плашмя, а когда ту шпагу жена Коновницына у него отняла, то тѣмъ и драка кончилась. Дальше онъ показывалъ, что «за объявленное человѣку его порубленіе» онъ, Карауловъ, намѣренъ былъ отослать Великопольскаго къ надлежащему о томъ изслѣдованію въ Гдовскую воеводскую канцелярію и что его туда уже и повели было, но по просьбѣ хозяевъ былъ оттого удержанъ, а оставленъ Великопольскій у стоящихъ внѣ двора Коновницына на дорогѣ его, Караулова, роспусковъ, при чемъ онъ, Карауловъ, прика-

залъ держать его тамъ, доколѣ они съ Шаблыкинымъ, простясь съ хозяиномъ, выѣдутъ, въ компанію же ихъ допущенъ не былъ, а верхомъ на лошадь его, Великопольскаго, сажать и вязать руки и ноги онъ, Карауловъ, ни кому не приказывалъ».

И въ этомъ поступкѣ онъ остался «недоказаннымъ», «кромѣ того, прибавляютъ слѣдователи, что нѣкоторые изъ людей Коновницына видѣли Великопольскаго сидящаго на лошади связаннаго, а по чьему приказу и кѣмъ то учинено — они не знаютъ».

Дальнѣйшіе поступки свои съ Великопольскимъ, изложенные въ челобитной, Карауловъ опровергалъ такъ: «когда онъ съ женой своей и съ Шаблыкинымъ отъ Коновницына послѣ ужина поутру поѣхали, тогда Великопольскій несвязанный ѣхалъ же за ними и сталъ ругать непотребными словами его, Караулова, и жену его, за что онъ, Карауловъ, его, Великопольскаго, яко человѣка неутолимаго и въ другой разъ начинающаго ссору, подралъ немного за волосы, а потомъ по его, Великопольскаго, волѣ, вмѣсто отсылки въ городъ къ суду, а при томъ яко свойственника своего, высѣкъ розгами, а не батожьемъ и напослѣдокъ съ нимъ, Великопольскимъ, помирился, при чемъ онъ, Великопольскій, самъ самовольно, безъ всякаго принужденія, плясалъ, а болѣе того, онъ, Карауловъ, никакихъ побой и наругательствъ надъ нимъ, Великопольскимъ, не чинилъ и людямъ своимъ бить и для обрѣзанія носа и ушей бритвъ приносить и умертвя въ болото бросить не приказывалъ, а онъ, Великопольскій, во всемъ своемъ платьѣ, сѣвъ самъ на лошадь, отъ нихъ поѣхалъ, сказавъ къ свойственнику своему вблизи живущему, а кто онъ таковъ — не объявилъ».

Шаблыкинъ, также какъ и Карауловъ «въ бою и сѣченьи Великопольскаго и въ другихъ показанныхъ на него въ челобитьѣ наругательствахъ не признался». Чтобы уличить Великопольскаго, онъ потребовалъ очной ставки съ нимъ. Ставка была дана.

«Въ бою и въ прочемъ Шаблыкинъ запирается и очной ставки проситъ не дѣльно» — говорилъ слѣдователямъ Великопольскій и продолжалъ утверждать, что наругательства онъ ему дѣлалъ.... Шаблыкинъ стоялъ на своемъ и въ доказательство, что онъ не билъ Воликопольскаго, ссылался на крестьянина Харлама Ѳомина, который провожалъ Караулова.

Ѳоминъ «яко посторонній и ничѣмъ по тому дѣлу въ подозрѣніи не примѣченный» показалъ, что «онъ по письму господина своего лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку поручила Рокотова въ проѣздъ Караулова въ Гдовскомъ уѣздѣ при немъ, Карауловѣ, для провожанія его къ дому Коновницына былъ, но въ тотъ домъ не входилъ, а оставался съ прочими людьми при обозѣ его Караулова, гдѣ и ночевалъ, а на другой день Карауловъ съ Шаблыкинымъ къ оному обозу привели пріѣхавшаго съ ними въ домъ Коновницына штыкъ-юнкера Великопольскаго, сидящаго на лошади

верхомъ, у котораго руки были связаны, а потомъ вскорѣ они, Карауловъ и Шаблыкинъ съ Великопольскимъ, поѣхали по дорогѣ въ Санктпетербургъ, и, отъѣхавъ съ версту, Карауловъ, остановясь, велѣлъ людямъ своимъ нарѣзать прутья и онаго Великопольскаго, ссадя съ лошади, раздѣть и сѣчь прутьями, что все исполнено, и какъ то сѣченье началось, онъ, Ѳоминъ, устрашась, отъ обозу ушелъ въ лѣсъ и спрятался въ кустахъ, а до уходу его, Ѳомина, Шаблыкинъ Караулова, чтобъ онъ Великопольскаго не сѣкъ, унималъ, когдажъ сѣчь перестали, онъ, Ѳоминъ, вышелъ попрежнему къ обозу и видѣлъ Великопольскаго сидящаго на лошади не связаннаго, который и поѣхалъ по дорогѣ въ городъ Гдовъ, а онъ, Ѳоминъ, по приказу Шаблыкина, поѣхалъ въ домъ свой и болѣе, что между Великопольскимъ, Карауловымъ и Шаблыкинымъ въ домѣ Коновницына происходило, не знаетъ и чтобъ Шаблыкинъ Великопольскаго сѣкъ или кому сѣчь приказывалъ — того самъ не видалъ и ни отъ кого не слыхалъ».

Хотя показаніе Ѳомина до нѣкоторой степени оправдывало Шаблыкина, но противъ него нашелся еще одинъ свидѣтель, котораго онъ и не ожидалъ. Это былъ Гдовскій воевода Калиновскій.

7 іюня, стало быть, въ тотъ самый день, какъ Карауловъ и Шаблыкинъ уѣхали поутру отъ Коновницына и увезли съ собой Великопольскаго, старика Коновницына навѣстилъ воевода Калиновскій. Шаблыкинъ, разставшись съ Карауловымъ на дорогѣ, послѣ того, какъ они отпустили избитаго штыкъ-юнкера на всѣ четыре стороны, не поѣхалъ къ себѣ домой, а вернулся опять къ Коновницыну. Онъ еще засталъ у него Калиновскаго, и, не стѣсняясь его присутствіемъ, сталъ разсказывать «что они отпотчивали Великопольскаго, что Карауловъ сѣкъ его дважды батожьемъ, да ежели бы де не онъ, Шаблыкинъ, Караулова упросилъ, то бъ ему Великопольскому бритвой носъ, уши и губы обрѣзаны были и за то, что онъ Караулова упросилъ отъ того рѣзанья, сѣкъ его Великопольскаго онъ, Шаблыкинъ, въ третій разъ во угожденіе его, Караулова, потому что ему, Шаблыкину, Караулова отъ азарту отвратить иного способу не было»...

Вотъ эти-то рѣчи Калиновскій и передалъ въ юстицъ-конторѣ, когда тамъ началось слѣдствіе по дѣлу Великопольскаго.

Шаблыкинъ и тутъ сталъ запираться, но Калиновскій настойчиво уличалъ его, говоря, что «по поводу сихъ сказыванныхъ имъ, Шаблыкинымъ, словъ, онъ, возвратясь изъ дома Коновницына въ Гдовъ, о томъ бою развѣдать и осмотръ ему, Великопольскому, учинить принужденъ былъ, по которому оказалось—битъ оный Великопольскій немилостиво».

Затѣмъ были спрошены Коновницыны: старикъ, жена его и дочь. Они показали, что «въ бытность въ домѣ ихъ Караулова, Шаблыкина и Великопольскаго, во время ужина ему, Великополь-

скому, отъ слуги Караулова насмѣшекъ и непочитаній дѣлано не было, по окончаніи же ужина, Коновницынъ, по тогдашней его болѣзни, съ женскими персонами вышелъ въ другой покой, а Карауловъ съ Великопольскимъ остались въ той горницѣ, въ которой ужинали, и какимъ образомъ между ними ссора началась, они не знаютъ, а услышавъ уже оную, пришедъ къ нимъ, жена Коновницына видѣла, когда Карауловъ Великопольскаго, взявъ за волосы, билъ шпагою, которую она у него, Караулова, вырвала и какъ она, такъ и Коновницынъ за тогдашнею его болѣзнію приведенъ будучи людьми его, усмотрѣли Караулова слугу пораненаго, при чемъ имъ, Караулову и Великопольскому, Коновницынъ выговаривалъ о томъ непристойномъ поступкѣ и чтобъ они изъ дома его выѣхали, а Карауловъ говорилъ, чтобъ Великопольскаго, какъ человѣка безпокойнаго, отослать въ канцелярію или проводить къ его, стоящему внѣ двора его, Коновницына, обозу, увѣряя, что больше между ними ссоръ не будетъ, на что во упованіи, онъ, Коновницынъ, вѣдая, что они между собой свойственники и вмѣстѣ ѣдутъ, что ничего противнаго не произойдетъ, и остался, и съ тѣмъ, отправя Великопольскаго къ обозу, на другой день на разсвѣтѣ изъ дома его поѣхали и что между ними происходило, кромѣ одного того, что Шаблыкинъ, возвратясь къ нимъ въ домъ при воеводѣ Калиновскомъ о сѣченьи Великопольскаго Карауловымъ и имъ Шаблыкинымъ сказывалъ, не вѣдаютъ...»

По окончаніи слѣдствія, продолжавшагося три года, дѣло изъ юстицъ-конторы поступило въ Сенатъ, которымъ и было доложено императрицѣ съ такимъ мнѣніемъ:

«... За вышеписанный учиненный Великопольскому бой и увѣчье, въ чемъ Карауловъ признался, а Шаблыкинъ хотя и запирается, но по ссылкѣ его на крестьянина поручика Рокотова не оправдался, каковые уложенной 10 главы 160 пунктомъ обвиняются, къ тому жъ и воевода Калиновскій говоренныя самимъ имъ Шаблыкинымъ въ домѣ Коновницына рѣчи, что онъ Великопольскаго сѣкъ, засвидѣтельствовалъ, въ силу оной же уложенной главы, 136 пункта, слѣдуетъ взыскать Великопольскому съ означенныхъ Караулова и Шаблыкина съ каждаго по окладу штыкъ-юнкерскому за безчестье и увѣчье вдвое и отдать ему, Великопольскому, а какъ во ономъ же 136 пунктѣ напечатано: «а) въ искѣ что государь укажетъ», того ради Сенатъ разсуждаетъ оныхъ Караулова и Шаблыкина за показанный надъ Великопольскимъ нарушающій безопасность гражданъ поступокъ лишить каждаго по два чина и сверхъ того посадить въ городской крѣпости подъ арестъ на полгода, дабы сіе видя, другіе на таковой поступокъ дерзать не отваживались. Людямъ ихъ Караулова и Шаблыкина, которые Великопольскаго сѣкли, вслѣдствіе уложенія 22 главы 12 пункта (коимъ повелѣно таковыхъ наказывать) наказать плетьми. Что жъ

принадлежитъ до ассесора Коновницына съ его домашними, у котораго показанная драка въ домѣ началась, но они въ томъ участія не имѣютъ и по слѣдствію оказалось: Коновницынъ, будучи человѣкъ престарѣлый, въ то время самъ и сынъ его (который послѣ того умре) были больные, и наконецъ, чрезъ посредство ихъ, Коновницыныхъ, согласно съ воинскимъ 142 артикуломъ, та драка пресѣчена, и посему они, Коновницыны, отъ наказанія изъемлются, а что по пресѣченіи той драки не сдѣлали предосторожности, чтобъ изъ посорившихся однихъ изъ дому своего отпустить, а другого, отлуча отъ нихъ, оставить, чѣмъ бы и дальнѣйшія слѣдствія были пресѣчены, а они того не сдѣлали, однако и сіе послѣдовало безъ умыслу, за ту неосторожность взять съ нихъ штрафа пятьсотъ рублей и отдать въ Воспитательный Домъ, но какъ сіе дѣло по особливымъ вашего императорскаго величества указамъ началось и приличились въ томъ дворяне, состоящіе въ штабъ и оберъ-офицерскихъ рангахъ, то Сенатъ вышеписаннаго собою опредѣлить и исполнить съ ними не можетъ, а предаетъ оное въ соизволеніе вашего императорскаго величества и проситъ высочайшаго указа».

Конфирмація: «Быть по сему, но Коновницыныхъ оставить безъ штрафа, ибо вины ихъ не усматривается. 1 мая 1772 года. Екатерина».

Другое дѣло еще возмутительнѣе.

1773 года 14 сентября, Кромскаго уѣзда въ деревнѣ Алешкѣ, на усадьбу отставного сержанта изъ дворянъ Якова Муратова въѣхала съ ямщикомъ подвода, на которой сидѣла Переяславля Рязанскаго Явленскаго дѣвичьяго монастыря монахиня Олимпіада. Она была отпущена изъ монастыря къ своимъ роднымъ для поправленія здоровья, такъ какъ была «малоумная». На господскую же усадьбу заѣхала въ намѣреніи отыскать себѣ гдѣ-нибудь ночлегъ.

Помѣщикъ, увидавъ монахиню, какъ гостепріимный хозяинъ, принялъ странницу у себя и «сперва потчивалъ питьемъ», а потомъ, Богъ знаетъ какъ это случилось, сталъ ее бить и «раздѣвъ, сѣкъ въ два ѣзжалые кнута троекратно».

Въ домѣ Муратова въ тотъ день былъ въ гостяхъ попъ села Аманова и видѣлъ, какъ разсвирѣпѣвшій баринъ отсчитывалъ монахинѣ и ея ямщику удары кнутомъ, но въ дѣло не вступился, вѣроятно изъ страха передъ хозяиномъ, чувствуя свою приниженность и безгласность. Амановскій попъ ночевалъ у Муратова, должна была ночевать и избитая монахиня съ своимъ ямщикомъ — куда жъ имъ было дѣваться?

На другой день утромъ за попомъ зашелъ сынъ его и, какъ показалъ потомъ на слѣдствіи, «видѣлъ ту монахиню сидящую на лавкѣ; коя почасту на лавку и на полъ ложилась и весьма тосковала, а ямщика стоящаго у печки...»

Въ тотъ же дёнь, 15 сентября, монахиня Олимпіада была найдена сторонними людьми въ полѣ, близь дороги; она лежала чуть дыша и вскорѣ тутъ же умерла. Дали знать въ Ряжскую воеводскую канцелярію, гдѣ по осмотру мертваго тѣла оказалось: глаза подбиты, руки, спина и бока всѣ изсѣчены.

Долго розыскивать виновнаго не приходилось, такъ какъ ямщикъ, постоявъ у печки, надумался о приключившейся съ нимъ нежданно-негаданно оказіи заявить въ воеводскую канцелярію, а вслѣдъ затѣмъ было найдено и мертвое тѣло.

Началось слѣдствіе. Прежде всего взялись, конечно, за Муратова. Въ сѣченьи монахини онъ признался, но оправдывался тѣмъ, что «имъ то учинено по причинѣ самовольнаго ея, безъ всякаго съ нимъ знакомства, въ домъ его пріѣзда и непристойныхъ о себѣ словъ—какова она подлинно званія».—«А на другой день поутру,—показывалъ Муратовъ,—она съ подводчикомъ своимъ Переяславля Рязанскаго ямщикомъ Гречищевымъ со двора его съѣхала, которую онъ съ бывшимъ у него села Аманова попомъ и съ сыномъ того попа проводили до телѣги, да и кромѣ ихъ отставной фурьеръ Филатовъ съѣзжавшихъ и со двора его, Муратова, видѣлъ, а какимъ образомъ смерть ей приключилась — не знаетъ».

Спросили всѣхъ трехъ указанныхъ свидѣтелей.

Амановскій попъ показалъ, что онъ «ночевалъ у Муратова, видѣлъ происходимые отъ него, какъ оной монахинѣ тяжкіе, такъ и подводчику ея ямщику кнутьями побои».

Сынъ его, что «пришедъ въ тотъ день поутру, видѣлъ ту монахиню сидящую на лавкѣ, коя почасту на лавку и на полъ ложилась и весьма тосковала, а ямщика, стоящаго у печки».

Затѣмъ, тотъ и другой согласно показали, что «тогда поутру, во-первыхъ, ямщикъ, а потомъ и та монахиня изъ хоромъ вышли на дворъ, а куда дѣвались, они не видѣли и до телѣги съ Муратовымъ не провожали».

Фурьеръ Филатовъ показалъ, что «хотя съѣзжавшую монахиню съ подводчикомъ со двора Муратова и видѣлъ, но подводчикъ — ямщикъ ли, не знаетъ».

Позвали ямщика Гречищева и узнали отъ него, что «онъ отъ показанныхъ побой со двора Муратова, оставя ту монахиню въ томъ домѣ едва не мертвую, ушелъ только одинъ и, ушедъ, о томъ въ разныхъ мѣстахъ являлъ и что тѣ явки отъ него были — о томъ изъ близь живущихъ помѣщиковъ—одинъ капитанъ, а другой поручикъ письменно засвидѣтельствовали, а потомъ, отъ него, Гречищева, въ Ряжской воеводской канцеляріи подано доношеніе».

Изъ Ряжской воеводской канцеляріи дѣло это поступило въ Воронежскую губернскую канцелярію, а оттуда съ приговоромъ послѣдней въ Сенатъ, который всеподданнѣйшимъ докладомъ императрицѣ доносилъ:

«Воронежская губернская канцелярія, обще съ тамошнимъ губернаторомъ, по собственному онаго Муратова признанію въ сѣченіи въ домѣ своемъ той монахини, чего ему ни для какихъ резоновъ дѣлать отнюдь не должно было и по прочимъ вышеозначеннымъ обстоятельствамъ, находя, что та монахиня умерла отъ тяжкихъ его, Муратова, побой, происшедшихъ единственно отъ его злости или свирѣпства, мнѣніемъ присуждаютъ его, Муратова, къ смертной казни. А какъ по всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества прошлаго 1775 года марта 17 дня указу, къ посылкѣ въ работу въ Оренбургъ, съ каковымъ мнѣніемъ и Сенатъ согласенъ. Но какъ онъ, Муратовъ, дворянинъ, то Сенатъ надъ нимъ собою того исполнить не можетъ, а предавъ въ благоволеніе вашего императорскаго величества, ожидаетъ высочайшаго указа».

Конфирмація: «Быть по сему». Екатерина. 29 марта 1777 года. Санктпетербургъ».

6.

Говоря о преступленіяхъ дворянъ прошлаго вѣка едва ли надо напоминать, что поводомъ къ нимъ чаще всего были злоупотребленія помѣщичьей власти надъ крѣпостными.

Изъ уголовныхъ дѣлъ этой категоріи мы ограничимся только слѣдующими:

1) «Не служившаго дворянина города Соли Галицкой помѣщика Григорья, Марина жена, вдова Мавра, дворовую свою крѣпостную четырнадцатилѣтнюю дѣвку за непослушаніе наказывала верховою ѣзжалою плетью и, взявши за голову, била о стѣну, а на то время пришелъ сынъ ея Мариной, Макаръ, коему отъ роду 12 лѣтъ, и по приказу матери своей ударилъ тужъ битую дѣвку по боку пестомъ и вышелъ вонъ; послѣ сихъ побоевъ дѣвка вскорѣ умерла и воономъ означенные Марины повинились»... Мавра Марина повинилась, но оправдывалась тѣмъ, что она наказывала «безъ всякаго умыслу», т. е. не имѣла намѣренія убить дѣвку.

Сенатъ принялъ оправданіе Мариной въ резонъ и приговорилъ:

«Означенную вдову Марину, вмѣсто тюремнаго заключенія, предать церковному покаянію и для того отослать въ дальній отъ резиденціи монастырь на 6 недѣль, гдѣ содержать ее неисходно и, по прошествіи онаго времени, изъ того содержанія освободить съ обязательствомъ, чтобъ она впредь отъ таковыхъ и подобныхъ тому поступковъ воздержалась; во время жъ сего содержанія пищею и одеждою довольствовать изъ деревень ея, кои на то время поручить родственникамъ, а будетъ оныхъ нѣтъ, свойственникамъ; чтожъ принадлежитъ до сына ея, который вышеписанный поступокъ учинилъ въ сущемъ малолѣтствѣ и не по своей волѣ, а исполнилъ матери своей приказъ, въ разсужденіи такихъ его лѣтъ, освободить безъ наказанія и отдать тѣмъ, кому деревни ихъ поручены будутъ

съ такимъ подтвержденіемъ, чтобъ онъ ни до какихъ непристойностей допущенъ не былъ, а обучаемъ былъ наукамъ по его склонности, не упуская по лѣтамъ его времени, но какъ оные Марины изъ дворянъ, то Сенатъ показаннаго съ ними собою исполнить не можетъ, а предавъ оное въ благоволеніе вашего императорскаго величества, ожидаетъ высочайшаго указа». Подписали: Гр. М. Скавронскій, кн. П. Трубецкой, Иванъ Козловъ, Андрей Квашнинъ-Самаринъ. Скрѣпилъ оберъ-секретарь Иванъ Комаровъ.

Конфирмація: «Посадить на шесть недѣль на хлѣбъ и на воду, а потомъ сослать въ женскій монастырь на годъ въ работу, въ прочемъ же быть по сему. Екатерина. 18-го октября 1773 г. Санктпетербургъ».

2) «Отставной капитанъ Иванъ Турбинъ, по произведенному въ Землянской воеводской канцеляріи слѣдствію, по доносу того города городничаго отставного ротнаго квартирмистра Вахтина, однодворческихъ выборныхъ двухъ человѣкъ и по объявленію жены онаго Турбина, оказался: что онъ крѣпостную свою, отысканную изъ бѣговъ дѣвку, по приводѣ въ домъ свой, въ самый тотъ одинъ день, завернувъ назадъ руки, вѣшалъ черезъ перекладъ къ верху троекратно на нѣсколько часовъ и напослѣдокъ ее висящую билъ палкою, которая дѣвка того жъ числа и умерла, и онъ, Турбинъ, мертвое ея тѣло, стаща самъ въ огородъ свой, зарылъ въ колодезной ямѣ».

«При слѣдствіи во-первыхъ и съ увѣщанія священникомъ, онъ Турбинъ, въ вѣшаніи той дѣвки и неумѣренныхъ побояхъ запирался, а, наконецъ, и самъ признался, что имъ чинено въ наказаніе за показанный ея побѣгъ и за ядѣніе тайно въ великій постъ и другіе постные дни мяса и прочаго скоромнаго, не имѣя къ смертному ея убивства умыслу. По осмотру жъ мертваго тѣла на ономъ, сверхъ знаковъ отъ побой палкою, оказалось на одной ногѣ подъ колѣномъ жила подрѣзана, на ногахъ же двѣ разрубленныя, одна проколотая и на лицѣ одна проколотая жъ раны. Отъ роду оному Турбину 49 лѣтъ».

«Мнѣніями Воронежской губернской канцеляріи и бывшаго предъ симъ тамо губернатора Маслова, а потомъ и юстицъ-коллегіи, таковое происшедшее отъ онаго Турбина помянутой его дѣвкѣ тяжкое мученіе, признано за умышленное оной убивство, что и сенатъ утверждаетъ».

«А законами повелѣно: Уложенья 21 главы 72 пунктомъ «кто кого убьетъ съ умышленія и сыщется про то до пряма, что съ умышленія убилъ и такова убойцу самаго казнити смертію». Воинскимъ 154 артикуломъ «кто кого волею и нарочно безъ нужды безъ сметрнаго страха умертвитъ или убьетъ его тако, что онъ отъ того умретъ, онаго кровь паки отмстить и безъ всякой милости оному голову отсѣчь».

«По силѣ сихъ законовъ, согласно съ предписанными мнѣніями и по мнѣнію сената рѣченный Турбинъ за то убивство подлежитъ смертной казни, до воспослѣдованія жъ о таковыхъ подлежащихъ смертной казни указа, по силѣ 1754 года сентября 30 дня указа, слѣдуетъ: учиня ему, Турбину, наказаніе кнутомъ, вырѣзавъ ноздри и заклеймя, сослать въ Ригу въ Двинскую работу. Но какъ онъ показываетъ себя дворяниномъ и, кромѣ того, имѣетъ оберъ-офицерскій чинъ, то Сенатъ сего собою надъ нимъ исполнить не можетъ, а предавъ въ благоволеніе вашего императорскаго величества, ожидаетъ высочайшаго указа». Подписали: гр. М. Скавронскій, кн. П. Трубецкой, Степанъ Ушаковъ, Иванъ Козловъ, Андрей Квашнинъ-Самаринъ. Скрѣпилъ оберъ-секретарь Ѳедоръ Гординъ.

Конфирмація: «Лишить его дворянства и чиновъ и, не именуя болѣе именемъ его фамиліи, вывести на эшафотъ и положить на плаху, а потомъ, вмѣсто смертной казни, заклеймить на лбу первою буквою слова: убійца и сослать вѣчно въ работу. Екатерина. 5-го февраля 1774 г. Царское Село».

3) «Орловскій помѣщикъ, отставной подпоручикъ Иванъ Борзенковъ, по произведенному въ Орловской провинціальной канцеляріи слѣдствію, оказался въ засѣченіи плетью до смерти крѣпостныхъ своихъ двухъ женокъ, коихъ въ сѣченіи за ихъ непорядки и продерзость онъ, Борзенковъ, и самъ признался, однако жъ съ тѣмъ, что намѣренія его къ тому, что засѣчь ихъ до смерти не было, а какъ оныя тогда жъ померли, то по его приказу служащими у него дѣвками изъ покоевъ его вытащены и брошены въ томъ же домѣ въ яму, гдѣ оныя посланными отъ Орловской канцеляріи найдены, а по осмотру городового лѣкаря оказалось: тѣ женки сѣчены жестоко, а у одной и съ лица въ разныхъ мѣстахъ кожа сбита и голова распухла, отъ которыхъ чрезвычайныхъ побой онымъ и смерть приключилась. А хотя оный же Борзенковъ напослѣдокъ изъяснялъ, яко бы продерзости тѣхъ женокъ въ томъ состояли, что они въ кушанье для умерщвленія его клали незнаемо какое зелье, но сіе показаніе его признается за невѣроятное, потому что не только того, яко бы зелье, нигдѣ имъ не объявлено, но таковаго ихъ преступленія и изъ домашнихъ его, какъ самъ же онъ показываетъ, никто не видалъ. Отъ роду оному Борзенкову лѣтъ съ 60».

«Законами повелѣно... (ссылки на законы для краткости опускаются).

«Сенатъ, разсматривая сіе дѣло, по означеннымъ обстоятельствамъ не можетъ почесть того учиненнаго подпоручикомъ Борзенковымъ двумъ его женкамъ убивства за неумышленное и для того, по силѣ предписанныхъ законовъ и по согласнымъ Орловской провинціальной канцеляріи мнѣніямъ, оный Борзенковъ за сіе преступленіе подлежитъ смертной казни, а до воспослѣдованія о та-

ковыхъ подлежащихъ смертной казни указа, по силѣ указа жъ 1754 года сентября 30-го дня, слѣдуетъ, лиша его чиновъ и дворянскаго достоинства и учиня ему наказаніе кнутомъ, вырѣзавъ ноздри и поставя указные знаки, сослать въ Александровскую крѣпость въ вѣчную работу, но какъ онъ дворянинъ и оберъ-офицерскій имѣетъ чинъ, то Сенатъ сего собою надъ нимъ исполнить не можетъ, а предавъ въ благоволеніе вашего императорскаго величества, ожидаетъ высочайшаго указа». Подписали: гр. М. Скавронскій, кн. П. Трубецкой, Степанъ Ушаковъ, Иванъ Козловъ, Андрей Квашнинъ-Самаринъ. Скрѣпилъ оберъ-секретарь Ѳедоръ Гординъ.

Конфирмація: «Лиша чиновъ, заключить, по причинѣ старости его, на остальные дни вѣка его для покаянія въ монастырь, содержа первый мѣсяцъ на хлѣбѣ и водѣ. Екатерина. 8-го августа 1774 года. Царское Село».

4) «По произведенному въ Слободской Украинской губернской канцеляріи надъ отставнымъ поручикомъ Васильемъ Ковалевскимъ слѣдствію, оказалось: сего 1776 года февраля 9 дня, пріѣхавъ онъ, Ковалевскій, изъ дома своего изъ села Вертѣевки въ домъ свой въ село Бурдовку ночнымъ временемъ пьяный, приказалъ людямъ своимъ находившуюся въ томъ домѣ кухарку подданническую женку Матрену Стадничку за ея по дому его неисправность высѣчь, и сѣчена была ѣзжалымъ кнутомъ, потомъ, по его жъ приказу, отведена въ ткацкую избу, гдѣ растянувъ и привязавъ ее на ткацкій станъ, самъ онъ, Ковалевскій, и бывшіе при немъ люди по его приказу еще сѣкли ѣзжалымъ кнутомъ и били кочергою, лопатою и прочимъ чѣмъ ни попалось, и ноги ей онъ, Ковалевскій, жегъ зажженою лучиною и бумагою сальною, отъ каковыхъ побой оная женка тогда жъ на ономъ стану и умерла; къ закрытію жъ сего злодѣйства, бросивъ онъ, Ковалевскій, мертвое ея тѣло въ пустой погребъ и наносивъ самъ туда соломы и дровъ, оный зажегъ, который и съ мертвымъ тѣломъ сгорѣлъ, въ чемъ при слѣдствіи въ первыхъ двухъ допросахъ онъ, Ковалевскій (кромѣ обыкновеннаго той женкѣ за вину наказанія), впрочемъ во всемъ запираясь, наконецъ, съ увѣщанія священникомъ во всемъ и самъ повинился, объявляя, что все то имъ, Ковалевскимъ, учинено яко бы въ безпамятствѣ по причинѣ приключившагося ему до того года за два и находимаго на него временемъ безумства, однако жъ по изслѣдованіи губернской канцеляріи разныхъ чиновъ людьми, того безумства его во время помянутаго женки мученія не нашлось, а произошло то мученіе отъ непорядочнаго его въ пьянствѣ обращенія».

«А законами повелѣно...

«По содержанію сихъ законовъ Слободская Украинская губернская канцелярія, представленнымъ въ сенатъ мнѣніемъ своимъ присуждаетъ его, Ковалевскаго, за то показанное злодѣйство къ смерт-

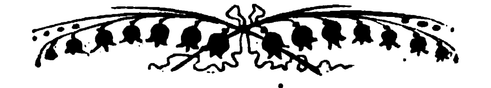
ной казни, а до послѣдованія о таковыхъ подлежащихъ къ оной указа, по силѣ указа жъ 1754 года сентября 30 дня, по лишеніи чиновъ, наказавъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри съ постановленіемъ знаковъ, къ ссылкѣ въ работу въ Оренбургъ, съ каковымъ мнѣніемъ и Сенатъ согласенъ. Но какъ онъ, Ковалевскій, оберъ-офицеръ, то сенатъ того собою надъ нимъ исполнить не можетъ, а предавъ въ благоволеніе вашего императорскаго величества, ожидаетъ высочайшаго указа». Подписали: кн. П. Трубецкой, Семенъ Ушаковъ, Андрей Квашнинъ-Самаринъ. Скрѣпилъ оберъ-секретарь Ѳедоръ Гординъ.

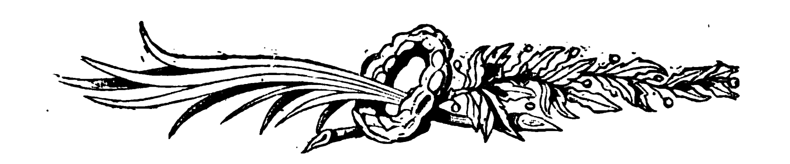
Конфирмація: «Быть по сему. Екатерина. 3-го апрѣля 1777 г. Санктпетербургъ».

Таковы факты, рисующіе передъ нами печальную картину нравовъ далекаго прошлаго, того времени, когда дворянство, получивъ право «по своей волѣ диспонировать о службѣ и отставкѣ своей», выдѣлило изъ среды своей немалый процентъ личностей, подобныхъ тѣмъ, которыя фигурируютъ въ приведенныхъ разсказахъ. Всѣ эти сержанты, подпоручики, поручики, капитаны и проч., съ восторгомъ ухватились за предоставленное право свободы и спѣшили имъ воспользоваться. Избавясь отъ тягости трудовъ и дисциплины воинской службы, разбрелись они по своимъ родовымъ усадьбамъ, гдѣ многіе изъ нихъ, не имѣя нравственныхъ основъ жизни, вырабатываемыхъ образованіемъ и воспитаніемъ, естественно предавались праздности и разгулу, доводившимъ ихъ до преступленій.

Затѣмъ, если взять въ соображеніе массу уголовныхъ дѣлъ, возникновеніе которыхъ въ средѣ дворянъ совпадаетъ съ дарованіемъ имъ «вольности», то нельзя не придти къ заключенію, что русское общество во второй половинѣ XVIII вѣка было свидѣтелемъ гораздо большаго числа безобразныхъ и возмутительныхъ явленій, нежели сто лѣтъ спустя, когда была объявлена «воля» крестьянамъ.

А. Корсаковъ.

Θ. И. БУСЛАЕВЪ.

(По поводу 50-тилѣтія его ученой дѣятельности).

ИМЯ ΘЕДОРА Ивановича Буслаева какъ ученаго, какъ профессора и какъ педагога — пользуется въ Россіи весьма обширною и вполнѣ заслуженною извѣстностью. Это имя дорого не только ученикамъ Буслаева-профессора и Буслаева-учителя; оно дорого каждому русскому образованному человѣку, способному цѣнить успѣхами знанія въ своемъ отечествѣ. Еще болѣе дорого оно всѣмъ, соприкасавшимся за послѣдніе 30—40 лѣтъ съ нашею университетскою наукою, въ той области, которой посвящена была вся дѣятельность почтеннаго академика и профессора. Теперь, когда Θ. И. Буслаевъ отпраздновалъ уже пятидесятилѣтній юбилей своей ученой, литературной и педагогической дѣятельности, мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ дать небольшой, краткій и сжатый очеркъ того, что было сдѣлано Θ. И. Буслаевымъ для русской педагогіи, для русской словесности, и въ особенности для изученія русской старины и народности. Полагаемъ, что полувѣковой періодъ постояннаго труда, (въ какой бы области этотъ трудъ ни примѣнялся) даетъ возможность каждому дѣятелю выразиться на столько полно, что оцѣнка его дѣятельности, болѣе или менѣе правильная, становится возможною для каждаго безпристрастнаго человѣка. Мы не согласны съ однимъ изъ учениковъ Θ. И. Буслаева, который, въ статьѣ посвященной его юбилею, говоритъ, что «всесторонне оцѣнятъ Буслаева наши дѣти, а можетъ быть и внуки»... [1]). Нѣтъ! Имя Буслаева будетъ менѣе близко и менѣе дорого нашимъ

[1]) Профессоръ А. Кирпичниковъ въ фельетонѣ одной изъ одесскихъ газетъ.

дѣтямъ и внукамъ, нежели намъ, потому что съ этимъ именемъ для каждаго изъ насъ соединяется воспоминаніе о лучшихъ годахъ молодости, о первыхъ шагахъ на ученомъ поприщѣ, о первомъ сближеніи съ наукою, къ которой Θ. И. Буслаевъ, какъ ученый и какъ профессоръ, умѣлъ облегчать и указывать пути подростающему поколѣнію. Вотъ почему мы, многимъ обязанные Буслаеву въ нашемъ личномъ развитіи, въ нашемъ пристрастіи къ научному наблюденію и изслѣдованію,—не должны выжидать оцѣнки «нашихъ дѣтей и внуковъ». Мы обязаны сказать «свое» слово о дѣятельности Θ. И. Буслаева—и предоставить будущему поколѣнію говорить о немъ спокойнѣе, безпристрастнѣе, но за то, и холоднѣе, и строже, и взыскательнѣе. Не слѣдуетъ забывать того, что для насъ многое изъ написаннаго Буслаевымъ еще представляетъ собою живую страницу, тѣсно-связанную съ живыми фактами нашей собственной жизни, нашего развитія, нашего самосознанія. Для нашихъ внуковъ эта страница обратится въ мертвую букву, затеряется среди множества научныхъ фактовъ нашего прошлаго...

Θ. И. Буслаевъ [1]) родился 13 апрѣля 1818 г. (слѣдовательно, вступилъ нынѣ въ свой семидесятый годъ) въ городѣ Керенскѣ, (Пензенской губ.), гдѣ его отецъ былъ секретаремъ земскаго суда. Отецъ умеръ, когда Θедору Ивановичу было не болѣе 5 лѣтъ и, вскорѣ послѣ смерти отца, мать перевезла сына въ Пензу; тамъ и провелъ онъ все свое дѣтство и отрочество. Десяти лѣтъ Θедоръ Ивановичъ поступилъ въ Пензенскую гимназію, гдѣ прошелъ всѣ четыре класса, т. е. полный, по тогдашнему времени, курсъ средняго учебнаго заведенія. Шестнадцатилѣтнимъ юношей Буслаевъ отправился въ Москву и поступилъ тамъ казеннокоштнымъ студентомъ на историко-филологическій (тогда словесный) факультетъ.

18-го августа 1838 года [2]) Θеодоръ Ивановичъ опредѣлился учителемъ русскаго языка во 2-ю Московскую гимназію и выступилъ на то педагогическое поприще, которому посвятилъ значительную долю своей жизни. Годъ спустя (13 іюня 1839 г.) молодой преподаватель былъ отправленъ на одинъ годъ за границу «для поправленія здоровья». Предполагаемъ, что это былъ не болѣе, какъ предлогъ для поѣздки за границу въ то строгое время, и въ нашемъ предположеніи насъ еще болѣе утверждаетъ то, что годовой срокъ отпуска былъ продленъ Θедору Ивановичу еще на одинъ годъ. Въ 1841 г. онъ возвратился изъ-за границы въ Москву, и продолжалъ свою службу сначала младшимъ, а потомъ старшимъ учителемъ словесности при 3-й Московской гимназіи. Въ то же время сталъ

[1]) Біографическіе факты заимствованы нами изъ «Біографическаго Словаря профессоровъ Московскаго университета».

[2]) Эта дата совершенно справедливо принята была въ основу юбилейнаго празднества.

онъ помѣщать первые свои литературные опыты въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Два года спустя онъ издалъ въ свѣтъ весьма объемистый трудъ свой «О преподаваніи отечественнаго языка» (2 тома. Москва 1844 г.), и въ этомъ трудѣ ясно высказалось вліяніе нѣмецкой педагогіи, съ которою русскій педагогъ близко ознакомился во время двухлѣтняго пребыванія за границею.

Съ 1842 года Θеодоръ Ивановичъ вступаетъ въ тѣсную связь съ Московскимъ университетомъ, которому и отдаетъ лучшіе годы своей жизни и своей научной дѣятельности. Связь эта начинается съ того, что молодого и талантливаго педагога «прикомандировываютъ» (sic!) въ помощь профессорамъ русской словесности И. И. Давыдову и С. П. Шевыреву «для исправленія и разбора письменныхъ упражненій студентовъ». Но уже съ января 1847 года Буслаевъ является въ университетѣ въ иной, болѣе дѣятельной роли «сторонняго преподавателя». Онъ преподавалъ русскій языкъ и практически занимался имъ съ студентами 1-го курса физико-математическаго факультета, и въ то же время, студентамъ 2-го и 3-го курса историко-филологическаго факультета, читалъ лекціи «по сравнительно-историческому изученію русскаго языка». Одновременно съ этими лекціями, онъ готовится къ магистерскому экзамену и пишетъ свою магистерскую диссертацію «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ» — трудъ, по тому времени, очень замѣчательный.

22-го іюля 1848 года, послѣ публичнаго защищенія диссертаціи, Θедоръ Ивановичъ былъ утвержденъ въ ученой степени магистра русской словесности, а 5-го августа того же года опредѣленъ адъюнктомъ по каѳедрѣ русской словесности при Московскомъ университетѣ.

Со вступленіемъ Буслаева на каѳедру въ качествѣ самостоятельнаго университетскаго преподавателя, начинается самый цвѣтущій и самый плодовитый періодъ его ученой дѣятельности. Онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на изученіи русской народной поэзіи, древне-русской (преимущественно народной) литературы и тѣсно-связаннаго съ ними древне-русскаго искусства. Памятникомъ — и памятникомъ весьма замѣчательнымъ этого періода дѣятельности Буслаева являются два толстыхъ тома его «Историческихъ очерковъ русской народной словесности и искусства» (Спб. 1861). Въ то же время Θеодоръ Ивановичъ не покидаетъ и педагогической дѣятельности и продолжаетъ работать (по заказу главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній) надъ учебниками по русской грамматикѣ и древне-русской словесности. Результатомъ этихъ работъ явился его «Опытъ исторической грамматики русскаго языка» (1858 г.) и его «Христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языка» (1861 г.).

За этимъ періодомъ кипучей и разнообразной дѣятельности на-

ступаетъ болѣе спокойный и менѣе богатый результатами періодъ, въ теченіе котораго Өедоръ Ивановичъ, продолжая посвящать часть времени своимъ прежнимъ любимымъ отдѣламъ словесности (преимущественно народной), начинаетъ, однакоже, болѣе и болѣе уклоняться въ область исторіи древне-русскаго искусства, которой, кажется, всецѣло предался въ настоящее время. Памятниками этого періода являются два новыхъ сборника статей, изданныхъ въ послѣдніе годы подъ заглавіями: «Народная поэзія» [1]) и «Мои досуги» [2]), и превосходная монографія подъ заглавіемъ «Общія понятія о древнерусскомъ иконописаніи». Этими сборниками и вышепомянутыми трудами Ө. И. Буслаева его научная дѣятельность исчерпывается вполнѣ, и, насколько эти печатныя сочиненія принадлежатъ русской литературѣ, настолько они и могутъ служить, въ данную минуту, вѣрнымъ мѣриломъ ученыхъ заслугъ и дѣятельности почтеннаго профессора въ различные періоды его жизни и научной карьеры. Въ виду этого соображенія, перейдемъ къ бѣглому и сжатому обзору всего сдѣланнаго Ө. И. Буслаевымъ въ тѣхъ различныхъ областяхъ русской науки, надъ разработкою которыхъ онъ трудился.

Первая область, въ которой пришлось работать почтенному Ө. И. Буслаеву, была область педагогическая. Начавъ свое служебное поприще съ учительства, онъ, на первыхъ же шагахъ этого поприща, увлекся быстрыми успѣхами нѣмецкой педагогіи, и, какъ человѣкъ чрезвычайно чуткій ко всякому прогрессу, рѣшился перенести на русскую почву результаты, добытые нѣмецкими учеными теоретиками и педагогами-практиками. Результатомъ этого еще юношескаго увлеченія и было двухтомное объемистое сочиненіе «О преподаваніи отечественнаго языка», уже упомянутое нами выше. Эта книга молодого и талантливаго учителя, явившаяся въ свѣтъ въ 1844 г., даже и въ то мудреное время обратила на себя вниманіе и произвела переполохъ въ нашей русской педагогіи. Важнѣйшими основаніями своими книга опрокидывала всѣ существовавшія и прочно-установившіяся у насъ системы и методы преподаванія отечественнаго языка, доказывала, съ полнѣйшею очевидностью, ихъ полную несостоятельность и предлагала (въ самой увлекательной формѣ) готовые результаты нѣмецкой филологической науки и нѣмецкой педагогіи. Повидимому, стоило только бросить старый, схоластическій методъ изученія грамматики, начинавшейся обычною фразою: «Грамматика есть наука, которая»

---

[1]) «Народная поэзія». Историческіе очерки ординарнаго академика Ө. И. Буслаева. Спб. 1887.

[2]) «Мои досуги». Собранныя изъ періодическихъ изданій мелкія сочиненія Ө. И. Буслаева, 2 тома. Спб. 1886.

и т. д.—и перейти къ изученію языка безъ всякой грамматики... И дѣлу конецъ! И результаты отъ этого перехода должны были получиться громадные, неоцѣнимые! Молодой русскій педагогъ доказывалъ старымъ педагогамъ, что путемъ простого изученія отечественнаго языка можно достигнуть одновременно и знанія грамматики, и всесторонняго умственнаго развитія ребенка, и быстраго ознакомленія съ русскою жизнью. Твердо вѣря въ Гриммовскіе выводы по отношенію къ изученію отечественнаго языка, молодой русскій педагогъ рѣшился и нашимъ плохо-подготовленнымъ доморощеннымъ учителямъ предложить въ своей книгѣ слѣдующую, по истинѣ, соблазнительную систему преподаванія русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ:

«а) Все грамматическое ученіе должно быть основано на чтеніи писателя».

«б) Грамматика должна быть только прибавленіемъ къ чтенію, къ письменнымъ и словеснымъ упражненіямъ».

«в) На первой, низшей степени, отечественная грамматика, въ связи съ практическими упражненіями, предполагаетъ двѣ цѣли: образованіе и развитіе дѣтскихъ способностей (общая грамматика) (?) и безошибочное употребленіе русскаго языка, словесное и письменное (частная грамматика).

«г) Методъ первоначальнаго преподаванія отечественнаго языка долженъ быть генетическій, основанный на постепенномъ развитіи въ дитяти врожденнаго слова».

На основаніи этого генетическаго метода учителю предлагается выполнить слѣдующія якобы вовсе не мудреныя задачи:

1) «Вмѣстѣ съ изученіемъ языка образовывать и развивать всѣ духовныя способности дитяти, разумѣется, на чтеніи писателя».

2) «Не подчинять ученія искусственной системѣ. Система должна быть въ головѣ учителя и въ успѣхахъ учениковъ, а не въ учебникѣ (sic!)».

3) «Начинать грамматическое обученіе объясненіемъ предложенія, изъ коего вывести части рѣчи въ связи съ частями предложенія [1])».

4) «Склоненія, спряженія, согласованіе, управленіе и т. д.—объяснять гейристически,—т. е. искусными, но простыми вопросами доводить дѣтей до различенія грамматическихъ формъ языка [2])».

---

[1]) Это единственное изъ всѣхъ Буслаевскихъ положеній, которое принесло свою долю пользы грамматическому преподаванію отечественнаго языка и примѣнилось на практикѣ.

[2]) Эти «искусные, но простые вопросы» сводятся къ положительнымъ грамматическимъ абсурдамъ, совершенно непримѣнимымъ на практикѣ и неудобнымъ въ классѣ. Напримѣръ, учитель спрашиваетъ: «Какъ нужно сказать: добрая человѣкъ — или «добрый человѣкъ»? Деревянные домовъ— или «дере-

Такимъ-то, совершенно отвлеченнымъ, теоретическимъ путемъ, молодой русскій педагогъ, въ теченіе двухъ-лѣтняго пребыванія заграницей забывшій объ условіяхъ русской жизни и русской дѣйствительности, доходилъ, наконецъ, въ своей книгѣ до педагогическихъ мечтаній. Идеализируя значеніе русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и ставя ихъ на одну доску съ разными нѣмецкими «Hochschulen», онъ предполагалъ, что въ высшихъ классахъ нашихъ гимназій не только возможно, но даже существенно-необходимо—«преподаваніе сравнительно-исторической грамматики». «Многіе педагоги»,—замѣчаетъ Буслаевъ,—«несправедливо исключаютъ сію послѣднюю изъ историческаго курса, между тѣмъ, какъ необходимость ея неоспорима». И затѣмъ приходитъ къ выводу, что сравнительное языкознаніе служитъ руководствомъ въ переводахъ и облегчаетъ изученіе чужихъ языковъ», а историческое изученіе грамматики «необходимо для уразумѣнія памятниковъ древней, средней и даже новой литературы нашей».

Мы нарочно такъ подробно останавливаемся на важнѣйшихъ положеніяхъ педагогической теоріи Буслаева, потому что эти положенія, какъ мы уже говорили выше «произвели переполохъ» въ нашей педагогіи и привели къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ. Въ заключеніе же всего сказаннаго нами объ этомъ первомъ педагогическомъ трудѣ Буслаева добавимъ только, что на вышеприведенныхъ педагогическихъ началахъ основанъ въ немъ весь первый томъ, въ которомъ, собственно говоря, русскій педагогъ только и занимается установленіемъ новой, своей (т. е. не свой, а нѣмецкой) методы преподаванія русскаго языка и для руководства учителей предлагаетъ различные пріемы упражненій, которые должны способствовать «умственному и нравственному развитію дѣтей». До какой степени, въ то время, Буслаевъ увлекался педагогической нѣметчиной, видно, напр., изъ того, что для упражненія въ классѣ онъ даже предлагаетъ упражненія, невозможныя въ русской школѣ, и совершенно не примѣнимыя къ занятіямъ съ русскими дѣтьми. Приводимъ здѣсь образчикъ этихъ упражненій, заимствованыхъ Буслаевымъ «у одного голландскаго педагога».

1) «Двѣ собаки гнались за зайцомъ; а заяцъ обернулся назадъ, искусалъ собакъ да и прогналъ ихъ».

15) «Нѣкоторый (?) мясникъ, не успѣвая распродавать всей говядины, вздумалъ убивать только половину коровы».

По этимъ-то упражненіямъ, путемъ «простыхъ, но искусно поставленныхъ» вопросовъ, Буслаевъ предлагалъ учителю сначала навести ученика на пониманіе неправдоподобія разсказа, а затѣмъ

ванныхъ домовъ»? — Ученики отвѣчаютъ на подобные вопросы правильно, но совершенно механически; знакомство съ грамматическими формами отъ этого не подвигается впередъ.

и побудить къ такому словесному и письменному изложенію темы, которая бы согласовалась съ дѣйствительностью...

Гораздо болѣе полезныхъ для преподавателя свѣдѣній заключалось во 2-мъ томѣ книги Буслаева, исключительно посвященномъ подбору «матеріаловъ по русской грамматикѣ и стилистикѣ».

Изъ этого тома совершенно ясно видно, что уже и въ ту пору, Буслаевъ былъ болѣе подготовленъ къ широкой ученой профессорской дѣятельности, чѣмъ къ трудному и тѣсному пути класснаго педагога-преподавателя.

Дальнѣйшіе педагогическіе труды Буслаева (а ихъ немало, если судить только по заглавіямъ), стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ его первой книгой и, отчасти, даже повторяютъ ее. Ближайшимъ къ ней былъ трудъ весьма почтенный, хотя и совсѣмъ позабытый въ настоящее время. Это не что иное, какъ «Конспектъ русскаго языка и словесности для руководства въ военно-учебныхъ заведеніяхъ», составленный А. Галаховымъ и Ѳ. Буслаевымъ (Спб. 1852 г.). Здѣсь, впервые, до нѣкоторой степени, удалось Буслаеву провести въ практическое преподаваніе часть своего генетическаго метода изученія отечественнаго языка, хотя въ то же время, по обычаю добраго стараго времени, приходилось ссылаться на опредѣленные учебники для ученика, и на опредѣленныя пособія для учителя.

Затѣмъ, по спеціальному заказу главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, которое заботилось о составленіи образцовыхъ учебниковъ, Буслаеву было поручено составленіе «Исторической грамматики русскаго языка» и необходимаго дополненія къ ней — «Исторической христоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языка». Такимъ образомъ молодому ученому (въ то время уже достигнувшему главной цѣли своихъ стремленій—каѳедры въ Московскомъ университетѣ) предлагалось на практикѣ осуществить его блестящія теоріи. Ѳ. И. Буслаевъ смѣло и рьяно принялся за дѣло. Уже въ 1858 году объемистый двухъ-томный трудъ подъ заглавіемъ «Опытъ исторической грамматики русскаго языка»—вышелъ въ свѣтъ... За нимъ, черезъ три года, явилась и еще болѣе объемистая, тяжеловѣсная «Историческая Христоматія». И оба эти труда, предлагавшіеся въ «руководство ученикамъ военно-учебныхъ заведеній», поставили втупикъ самихъ учителей... Они оказались **неподготовленными** къ занятію съ учениками по этимъ руководствамъ,—надо сказать правду—совершенно непримѣнимымъ на практикѣ. Полновѣсные Буслаевскіе учебники, разосланные по всѣмъ военно-учебнымъ заведеніямъ, **нигдѣ** (утверждаемъ это положительно) [1]) не были примѣнены на дѣлѣ, и че-

---

[1]) Мнѣ пришлось быть, въ этотъ періодъ времени, преподавателемъ русскаго языка и словесности въ двухъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Ни въ одномъ изъ нихъ учебники Буслаева не были въ классномъ употребленіи. П. П.

резъ два-три года послѣ своего появленія сданы въ библіотеки корпусовъ на храненіе. Обѣ книги Буслаева, въ ту пору, были вовсе не сообразованы съ условіями класснаго преподаванія. Грамматика Буслаева представляла, сама по себѣ, не болѣе, какъ рядъ выписокъ кабинетнаго ученаго, очень любопытныхъ и даже важныхъ для изученія языка, но неприведенныхъ ни въ какую систему, ничѣмъ между собою не связанныхъ и не скрѣпленныхъ, и потому не способствующихъ ни какимъ положительнымъ, прочнымъ выводамъ.

Есть основаніе думать, что авторъ «Опыта исторической грамматики» смотрѣлъ на свой трудъ иначе, потому что въ 1863 году онъ издалъ его вторымъ изданіемъ и даже счелъ возможнымъ измѣнить его заглавіе. Вмѣсто «Опыта исторической грамматики» явилась въ свѣтъ уже прямо «Историческая грамматика», хотя во внутреннемъ составѣ книги не послѣдовало никакихъ существенныхъ измѣненій. Но мы не станемъ вдаваться въ разборъ ученаго значенія этой книги, такъ какъ это совсѣмъ не входитъ въ предѣлы нашей задачи. Книга, въ свое время, была подробно и превосходно разобрана великимъ знатокомъ исторіи русскаго языка К. С. Аксаковымъ, который произнесъ надъ этимъ трудомъ свой неумолимо-строгій, но совершенно справедливый приговоръ. Для насъ важна въ данномъ случаѣ только педагогическая сторона трудовъ Ѳ. И. Буслаева, непригодность которыхъ, въ практическомъ отношеніи, онъ и самъ сознялъ впослѣдствіи. Это видно изъ того, что въ 1869 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ учебникъ «Русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора»; а въ 1870 г. напечаталъ въ новой переработкѣ и свою «Историческую Христоматію» подъ заглавіемъ: «Русская Христоматія. Памятники древне-русской литературы и народной словесности, съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями».

Въ періодъ сильнѣйшей педагогической горячки 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, Буслаевъ, впрочемъ, выпустилъ въ свѣтъ еще и «Краткое руководство къ первоначальному преподаванію русскаго языка» (М. 1867 г.), но эта книжка, повторявшая [1]) только старые теоретическіе зады педагогіи, не могла уже имѣть успѣха, такъ какъ въ этотъ періодъ теоретическія положенія въ преподаваніи отечественнаго языка, нѣкогда провозлашенныя Буслаевымъ, успѣли уже найти себѣ полнѣйшее примѣненіе въ нашей педагогіи и совершенно извратили всякія понятія о значеніи грамматическаго

[1]) Эта книжка есть ничто иное, какъ дословная перепечатка изъ книги «О преподаваніи отечественнаго языка» (см. тамъ стр. 215—262 перваго изданія 1844 г.). Въ книгѣ только перепечатаны тексты: 1) Сказки «о Рыбакѣ и рыбкѣ», и 2) трехъ басенъ Крылова. Дословность перепечатки не оговорена никакимъ предисловіемъ, никакими примѣчаніями автора, и потому «Краткое руководство» многими принимается за отдѣльный и самостоятельный учебникъ Буслаева.

преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ. Положенія эти привели даже къ результатамъ, неожиданнымъ для самого Буслаева: учебники «Русской грамматики» совершенно вывелись изъ употребленія въ нашихъ среднихъ заведеніяхъ и замѣнились какими-то «домыслами», соображеніями и записками учителей; а преподаваніе языка обратилось въ пеструю массу свѣдѣній изъ естественныхъ наукъ, изъ теоріи слога и изъ санскритской этимологіи. Въ концѣ концовъ, уже въ 60-хъ годахъ наступилъ періодъ такой безграмотности въ гимназіяхъ, что министерство поспѣшило принять всевозможныя мѣры противъ него, и прежде всего—совершенно основательно вернулось къ системѣ обязательныхъ грамматическихъ учебниковъ. Кажется, что и самъ Ѳ. И. Буслаевъ, впослѣдствіи, сознлъ непримѣнимость на практикѣ своихъ положеній, потому что способствовалъ введенію въ наши среднія учебныя заведенія грамматическаго учебника Гилярова и Кирпичникова—самой сухой и формальной Formenlehre, какую можно себѣ представить на грамматической почвѣ.

Переходя отъ педагогіи въ другую область дѣятельности Ѳ. И. Буслаева—въ область изученія нашей старины и народности, въ область древне-русской литературы и народной поэзіи—мы встрѣчаемъ въ почтенномъ ученомъ превосходнаго профессора и кабинетнаго труженика, съ изумительной, громадной начитанностью и эрудиціей. Періодъ времени пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ можетъ быть названъ самымъ плодотворнымъ въ учено-литературной дѣятельности Буслаева. Въ это именно время былъ напечатанъ имъ обширный рядъ небольшихъ монографій и статей по народной поэзіи и древне-русской литературѣ, которыя доставили Буслаеву громкое имя и почетное положеніе въ средѣ нашихъ ученыхъ, и въ то же время принесли великую пользу русскому обществу.

Время было живое, горячее, богатое впечатлѣніями и увлеченіями. Въ обществѣ и литературѣ впервые возникли вопросы о русскомъ народѣ, только-что выступавшемъ изъ мрака, и о русской народности, къ которой впервые образованныя массы начинали относиться сознательно. И вдругъ является молодой ученый, и при томъ европейски-образованный человѣкъ, который, въ своихъ прекрасно-изложенныхъ статьяхъ, начинаетъ знакомить русское общество съ русскимъ прошлымъ, съ его идеалами и съ понятіями старыхъ русскихъ людей, красиво и увлекательно передаетъ содержаніе многихъ, совсѣмъ невѣдомыхъ памятниковъ литературныхъ, говоритъ о русскомъ искусствѣ, свободно сравнивая миніатюры какой-нибудь лицевой Псалтыри съ перлами художества всѣмъ извѣстныхъ европейскихъ музеевъ. Этого мало: талантливый русскій эссэистъ даже снисходитъ къ невѣжеству русскаго общества, сознаетъ его, какъ глубокую, скрытую язву нашего ско-

роспѣлаго образованія и развитія, и потому каждую свою статью одинаково начинаетъ съ общаго очерка, служащаго введеніемъ, начинаетъ ab ovo; и только предпославъ общее введеніе, только съумѣвъ заинтересовать имъ своего читателя, переходитъ къ изложенію спеціальнаго, иногда даже очень запутаннаго вопроса. Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что Буслаевъ, какъ излагатель, какъ популяризаторъ—не имѣетъ себѣ соперниковъ между нашими учеными. И этими-то, чрезвычайно важными въ ту эпоху, качествами своего таланта, какъ ученый и какъ профессоръ, — повторяемъ — онъ принесъ величайшую пользу русскому обществу и массу людей привлекъ къ разработкѣ русской старины и народности. Пути, которые онъ прокладывалъ для изслѣдованія, пріемы, которые онъ примѣнялъ къ изученію древнихъ памятниковъ—все это, казалось, такъ легко, такъ богато выводами, такъ ново, что масса молодежи спѣшила наперерывъ обратиться къ изученію почти нетронутой сокровищницы нашей рукописной литературы, къ собиранію памятниковъ народной словесности, къ изученію особенностей нашей областной жизни. Можно сказать положительно, что Буслаевъ далъ русской наукѣ, въ періодъ 60-хъ годовъ, такой толчокъ, котораго значеніе мы едва ли можемъ вполнѣ оцѣнить въ данное время. Не кабинетный педантъ, не буквоѣдъ и не схоластикъ, а живой человѣкъ принялся за живое дѣло, внесъ въ него готовые и превосходные пріемы Якова Гримма и всей его школы, и съумѣлъ оживить сухое древо россійской словесности, съумѣлъ развернуть передъ современнымъ поколѣніемъ пыльныя хартіи минувшаго,—заставилъ читать ихъ съ такимъ же искреннимъ увлеченіемъ, съ какимъ онъ самъ ихъ читалъ...

Насколько намъ помогаютъ наши собственныя воспоминанія, апогеемъ литературной дѣятельности Буслаева можетъ быть названа его знаменитая рѣчь «о народной поэзіи въ древне-русской литературѣ», сказанная на актѣ Московскаго университета въ 1859 г. Восторгъ, вызванный тогда рѣчью Буслаева, былъ просто изумительный, безпримѣрный... Отдѣльное изданіе рѣчи разошлось въ самое непродолжительное время и она вскорѣ сдѣлалась библіографическою рѣдкостью. Имя Буслаева и значеніе его отдѣльныхъ очерковъ, разбросанныхъ по журналамъ, представлялось въ это время до такой степени важнымъ, что нашелся между русскими книгопродавцами человѣкъ, который рѣшился собрать эти статьи въ два огромныхъ тома и издать ихъ роскошно, съ множествомъ рисунковъ и миніатюръ въ текстѣ (1861 г.). Здѣсь явились, сгруппированныя по отдѣламъ, статьи по народности, по древней и народной литературѣ и по древне-русскому искусству. Всѣ получили полную возможность еще разъ перечесть, въ общей сложности, все, что было сдѣлано Буслаевымъ за послѣднія десять лѣтъ, и толстые

in-quarto его очерковъ на долго сдѣлались справочными книгами и любимымъ подспорьемъ для всѣхъ молодыхъ словесниковъ.

Не станемъ перечислять всѣ статьи, помѣщенныя Буслаевымъ въ двухъ томахъ его «Очерковъ». Отмѣтимъ только тѣ, которыя въ то время особенно поражали своею новизною и свѣжестью взглядовъ, и тогда, по нѣкоторымъ вопросамъ, были послѣднимъ словомъ современной русской науки [1]).

Къ числу выдающихся статей по древне-русской литературѣ и народной поэзіи принадлежатъ (кромѣ вышеупомянутой «рѣчи») въ «Очеркахъ» статьи: «О народности въ древне-русской литературѣ и искусствѣ», «Эпическая поэзія», «Русскій бытъ и пословицы», «Русская поэзія XI вѣка и начала XII вѣка», «Русскій народный эпосъ», «Русская поэзія XVII вѣка» и «Повѣсть о Горѣ-Злосчастьи». Рядомъ съ этими статьями, которыя представляли собою весьма существенный (по тому времени) вкладъ въ русскую науку, слѣдуетъ поставить въ особенности тѣ статьи, въ которыхъ Буслаевъ занимался еще совершенно-новымъ и никѣмъ до него нетронутымъ вопросомъ объ этнографическихъ (областныхъ) различіяхъ въ памятникахъ нашей древней литературы («Новгородъ и Москва», и «Областныя видоизмѣненія русской народности»). Прекрасными дополненіями къ этимъ статьямъ были очерки, въ которыхъ Буслаевъ знакомилъ русскую публику съ богатымъ запасомъ нашихъ житій и заключающимся въ нихъ драгоцѣннымъ бытовымъ и литературнымъ матеріаломъ («Идеальные женскіе характеры древней Руси», «Смоленская легенда о св. Меркуріи» и т. д.). Этотъ блестящій рядъ очерковъ былъ обставленъ цѣлымъ рядомъ статей по вопросамъ сравнительной миѳологіи и сравнительнаго изученія славянскихъ преданій съ германскими и русскими [2]).

Важный отдѣлъ «Очерковъ» посвященъ и вопросамъ древнерусскаго искусства, къ изученію котораго и тогда уже Буслаевъ приступалъ, какъ глубокій знатокъ. И здѣсь, рядомъ съ самостоятельною разработкою вопросовъ по исторіи искусства собственно - русскаго, видимъ очерки, въ которыхъ главною основою является сравнительное изученіе русскаго искусства въ его отношеніяхъ къ византійскому и западно-европейскому. Многіе изъ этихъ очерковъ и до сихъ поръ сохраняютъ свое значеніе и достоинство и представляютъ собою цѣнный вкладъ въ русскую художественную литературу (напр. «Византійская и древне-русская символика» «Русская эсте-

---

[1]) «Послѣднимъ», отчасти, и въ томъ смыслѣ, что самъ Буслаевъ больше не возвращался къ этимъ вопросамъ въ своей дальнѣйшей дѣятельности.

[2]) «Миѳологическія преданія о человѣкѣ и природѣ», «Древнѣйшія эпическія преданія Славянскихъ народовъ». «Славянскія сказки». «П. п. древней Эдды о Сигурдѣ и Муромская легенда». «Сказанія новой Эдды и сербская пѣсня о построеніи Скадра» и т. д.

тика XVII вѣка», «Литература русскихъ иконописныхъ подлинниковъ» и т. д.).

Мы не даромъ назвали 60-е годы апогеемъ литературно-ученой дѣятельности Буслаева. Послѣ изданія въ свѣтъ своихъ «Очерковъ», онъ начинаетъ рѣже и рѣже печатать свои статьи въ журналахъ, рѣже и рѣже удѣлять время на литературную обработку отдѣльныхъ научныхъ вопросовъ. Крайности нашей общественной жизни и крутой поворотъ, совершившійся въ нашей литературѣ и журналистикѣ въ семидесятыхъ годахъ, видимо, оттолкнули почтеннаго ученаго отъ той полезной дѣятельности, которая когда-то казалась и ему самому столь привлекательной. Важнымъ побужденіемъ къ ослабленію учено-литературной дѣятельности Буслаева послужило, какъ кажется, еще и то обстоятельство, что онъ постепенно, все болѣе и болѣе, отклонялся отъ своихъ занятій народностью и литературой и весь отдавался изученію искусства. Это уклоненіе привело Θ. И. Буслаева къ объемистому и весьма почтенному труду, подъ заглавіемъ: «Общія понятія о древне-русской иконописи», изданному въ свѣтъ въ 1866 г.

Но прежніе вопросы, конечно, продолжали еще занимать Буслаева и онъ нѣсколько разъ возвращался къ нимъ, то набрасывая общую картину «Русскаго богатырскаго эпоса» (1862), на основаніи новаго и богатаго запаса добытыхъ отъ народа памятниковъ, то обращалъ вниманіе изслѣдователей на «русскіе духовные стихи», то обращался къ изученію памятниковъ романской народной поэзіи. Академія Наукъ, цѣня труды своего сочлена, предложила ему издать эти труды въ видѣ особаго сборника, который и вышелъ въ свѣтъ въ 1887 году подъ общимъ заглавіемъ «Народная поэзія». Незадолго передъ тѣмъ, и самъ Θ. И. Буслаевъ издалъ въ свѣтъ два небольшихъ тома, въ которые собралъ свои статьи по разнымъ вопросамъ, появлявшіяся въ журналахъ и газетахъ. Томики вышли подъ скромнымъ заглавіемъ «Мои досуги». Одинъ изъ нихъ почти исключительно посвященъ впечатлѣніямъ странствованій по европейскимъ музеямъ; въ другомъ—собраны критическіе очерки и литературныя характеристики различныхъ литературныхъ и художественныхъ явленій нашего времени. Многіе изъ этихъ очерковъ любопытны («Бѣсъ», «Женщина въ народныхъ книгахъ»), многіе важны по вѣрности критическихъ пріемовъ и воззрѣній автора («Задачи эстетической критики», «Значеніе романа въ наше время»).

Подводя итоги всей дѣятельности Θ. И. Буслаева, насколько она намъ извѣстна и доступна нашему наблюденію по его печатнымъ трудамъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что этотъ почтенный труженикъ на поприщѣ изученія нашей литературы, старины и народности, представляетъ собою въ высшей степени отрадный и замѣчательный типъ русскаго ученаго. Мы не знаемъ у него пред-

шественниковъ и сомнѣваемся въ томъ, чтобы у него могли найтись въ средѣ его многочисленныхъ учениковъ подражатели и послѣдователи, которые бы способны были вполнѣ приблизиться къ образцу. Ѳ. И. Буслаевъ—не глубокій филологъ, не мелочно-точный изслѣдователь, способный всецѣло посвятить себя изученію какихъ-нибудь фонетическихъ отличій рукописи, не узкій спеціалистъ по какой-бы-то-ни было изъ многихъ, доступныхъ ему областей знанія; но за то онъ—живой человѣкъ, способный внести жизнь и одушевленіе во всякую, даже и самую сухую область научнаго изслѣдованія; онъ—тотъ піонеръ русской науки, который смѣло рѣшился вступить въ самыя глухія, въ самыя темныя ея дебри, и вездѣ умѣлъ проложить, намѣтить вѣрный путь для будущихъ изслѣдователей, примѣняя новый и весьма важный сравнительно-историческій методъ къ изслѣдованію нашей старины и народности. Въ этомъ его главное достоинство и главная заслуга передъ русскимъ обществомъ, которое, со временемъ, конечно, укажетъ Буслаеву въ исторіи русскаго просвѣщенія одно изъ весьма видныхъ и почетныхъ мѣстъ.

П. Полевой.

КТО ПИСАЛЪ ДРАМЫ ШЕКСПИРА.

БЫЛО БЫ любопытно и поучительно прослѣдить въ общей картинѣ исторіи европейскихъ литературъ тѣ экстраординарные, — если можно такъ выразиться,—вопросы, которые возникаютъ въ жизни почти ежедневно и приводятъ почти всегда къ заключеніямъ болѣе или менѣе страннымъ и даже просто нелѣпымъ. Кто, напримѣръ, не знаетъ «вопроса» о таинственной любви Данте къ Беатриче? Въ «Божественной комедіи» и въ «Vita nuova» великій поэтъ очень часто или, вѣрнѣе, безпрестанно говоритъ объ этой своей любви, возникшей когда Беатриче было около девяти лѣтъ отъ роду и продолжавшейся всю жизнь,—говоритъ съ какимъ-то особеннымъ проникновеніемъ, но таинственно и загадочно, такъ что изъ собственныхъ его словъ раскрыть какіе-либо факты, могущіе освѣтить жизнь поэта, не представляется никакой возможности, а, между тѣмъ, научный интересъ и любопытство (главнымъ образомъ, впрочемъ, любопытство), столь свойственное вообще людямъ и, преимущественно, ученымъ, несомнѣнно, очень сильно возбуждено этими таинственными намеками. Европейская наука старалась удовлетворить этому любопытству историческими разслѣдованіями, археологическими и иными розысканіями, свидѣтельствующими, конечно, о необыкновенномъ остроуміи господъ ученыхъ, но недостигшими какихъ-либо опредѣленныхъ результатовъ. Въ концѣ концовъ, по поводу «вопроса» о Беатриче образовались цѣлыхъ двѣ школы, и до сихъ поръ, какъ кажется, враждующихъ между собой; одна изъ этихъ школъ утверждаетъ, согласно свидѣтельству Данте, что Беатриче существовала, что она впослѣдствіи вышла замужъ за нѣкоего деи-Барди, имѣла

дѣтей и умерла на двадцать-четвертомъ году жизни, между тѣмъ какъ Данте, проведшій всю свою жизнь въ изгнаніи, вдалекѣ отъ своей Флоренціи, продолжалъ ее воспѣвать; другая школа, на основаніи болѣе или менѣе спорныхъ документовъ и еще болѣе спорныхъ соображеній, старается доказать, что Беатриче существовала только въ воображеніи поэта, что эта Donna gentil Данте была не болѣе, какъ поэтическая фикція и аллегорія и что такимъ образомъ поэтъ ввелъ въ заблужденіе весь міръ и надѣлалъ очень много хлопотъ господамъ ученымъ. Такъ этотъ вопросъ, на сколько мнѣ извѣстно, остался нерѣшеннымъ и по сіе время.

Нѣчто подобное случилось и съ другимъ великимъ итальянскимъ поэтомъ,—съ Петраркой. Петрарка всю свою жизнь (а прожилъ онъ до глубокой старости) воспѣвалъ свою Лауру, мучился этой любовью, страдалъ, надѣялся,—что̀, впрочемъ, не мѣшало ему имѣть дѣтей отъ другой женщины и вести жизнь весьма роскошную и «разсѣянную» въ Авиньонѣ. Въ свою очередь, и Лаура, если вѣрить Петраркѣ, не довольствовалась платоническою любовью къ своему поэту; она,—подобно Беатриче,—вышла замужъ, имѣла одиннадцать человѣкъ дѣтей и умерла, какъ утверждаютъ, отъ чумы. Но такъ ли все это было? Слѣдуетъ ли вѣрить Петраркѣ? Не увлекался ли онъ своей фантазіей больше, чѣмъ дѣйствительностью? Вотъ вопросы, которые возникли какъ-то сами собой и на которые старались отвѣтить ученые. Къ сожалѣнію, они и тутъ потерпѣли неудачу и не только не выяснили ихъ своими розысканіями, но даже запутали ихъ, такъ что теперь очень трудно рѣшить въ чемъ дѣло: есть мнѣніе, что Лаура, дѣйствительно, существовала и, дѣйствительно, была любима поэтомъ, какъ онъ самъ объ этомъ разсказываетъ въ своемъ Canzoniere; по мнѣнію же другихъ, Лаура существовала, но едва ли внушала особенно сильную страсть поэту, который гораздо болѣе жилъ тщеславіемъ, чѣмъ нѣжными чувствами; наконецъ, нашлись и такіе эксцентрики-ученые, которые совершенно даже и не признаютъ существованія Лауры и утверждаютъ, основываясь на весьма остроумныхъ соображеніяхъ, что Петрарка, по примѣру Данте, трубадуровъ и вообще любовной поэзіи того времени воспѣвалъ свой собственный идеалъ, весьма мало интересуясь женщинами съ плотью и кровью.

Въ исторіи итальянской литературы есть и третья загадка, тоже относящаяся къ одному изъ великихъ поэтовъ Италіи,—къ Торквато Тассо. Во время пребыванія своего при дворѣ герцога Феррарскаго Альфонса д'Эсте, Тассо, какъ утверждаетъ литературная легенда, влюбился въ одну изъ дочерей герцога, Леонору, которая можетъ быть и раздѣляла его любовь. Однажды, впечатлительный поэтъ такъ увлекся, что поцѣловалъ Леонору при всемъ дворѣ. Герцогъ, замѣтивъ это, воскликнулъ будто бы: «Вотъ до чего довели несчастія великаго человѣка, теперь потерявшаго разсудокъ!» Та-

кимъ образомъ, объясняетъ легенда сумасшествіе автора «Освобожденнаго Іерусалима» и его заключеніе въ темницѣ. Легенда эта, очевидно, образовалась медленно, накопленіемъ слуховъ, разсказовъ и фактовъ и въ особенности благодаря намекамъ самого Тассо въ его произведеніяхъ. Но насколько легенда эта отражаетъ собой фактическую истину,—этого до сихъ поръ не удалось рѣшить итальянскимъ ученымъ, такъ что исторія поцѣлуя Тассо попрежнему остается закутанной въ неизвѣстность.

Приведенные примѣры можно отнести къ литературнымъ и историческимъ мелочамъ, имѣющимъ анекдотическій характеръ, но неимѣющимъ особеннаго значенія въ наукѣ. Но существуютъ и болѣе крупные вопросы, таинственность которыхъ столь же очевидна. Къ такимъ вопросамъ принадлежитъ, между прочимъ, вопросъ, поставленный еще въ XVIII столѣтіи Вольфомъ: существовалъ ли Гомеръ? Въ такой простой формѣ вопросъ, конечно, не могъ быть разрѣшенъ; но изслѣдованія, которыя онъ вызвалъ, привели къ постройкѣ цѣлой научно-исторической системы и измѣнили весь характеръ современной науки объ исторіи литературъ. Эти изслѣдованія, въ связи съ успѣхами языкознанія и сравнительной миѳологіи, совершенно измѣнили научный методъ, которымъ мы прежде пользовались, и доказали, что этимъ путемъ можно прійти къ чрезвычайно любопытнымъ и интереснымъ выводамъ, имѣющимъ несомнѣнную важность и значеніе. Къ сожалѣнію, современная наука, въ своемъ быстромъ развитіи, не избѣжала, въ своихъ, если можно такъ выразиться, незаконныхъ и побочныхъ развѣтвленіяхъ, нетолько односторонности, но и подчасъ нелѣпой эксцентричности, вслѣдствіе которой возникаютъ сплошь и рядомъ удивительные курьезы. Съ этими курьезами дѣйствительной, заправской наукѣ, по необходимости, приходится считаться, потому что они, раздутые всевозможными средствами, встрѣчаютъ сочувствіе въ средѣ людей, незнакомыхъ съ научными пріемами въ научной критикѣ, слѣдовательно, легко обманываемыхъ.

Къ разряду такихъ курьезовъ принадлежитъ и пресловутая теорія, старающаяся доказать, что произведенія Шекспира были написаны не Шекспиромъ, какъ вѣрило до сихъ поръ все культурное человѣчество, а лордомъ Бэкономъ, современникомъ Шекспира, канцлеромъ короля Якова I-го, знаменитымъ мыслителемъ и родоначальникомъ современной научной философіи. Какъ могло возникнуть такое странное предположеніе? Я думаю, что истинное объясненіе, такъ сказать, психологическое, возникновенія этого курьеза гнѣздится въ той таинственности, которая окружаетъ жизнь великихъ людей прошлаго,—фактъ, достаточно извѣстный изъ исторіи. И въ самомъ дѣлѣ, что мы знаемъ напримѣръ о Гомерѣ? Ровно ничего. Почти тоже самое можно сказать и о Данте; отъ него не осталось ни рукописей, ни писемъ, не осталось вообще никакого веществен-

наго документа; неизвѣстно даже, какъ слѣдуетъ правильно писать его имя. Рафаэль—почти современникъ Шекспира; онъ умеръ за сорокъ четыре года до рожденія великаго англійскаго поэта, а что мы знаемъ о немъ? Нѣсколько анекдотовъ довольно сомнительнаго свойства. Наконецъ, не перечисляя длиннаго списка этихъ великихъ людей,—въ болѣе близкія къ намъ времена, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, цѣлая полоса въ жизни лорда Байрона,—его бракъ и его разводъ съ женой,—покрыты таинственнымъ мракомъ, разсѣять который, со смертью главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ дѣлѣ и съ исчезновеніемъ документовъ, не представляется ни малѣйшей возможности.

Пресловутая бэконовская теорія произведеній Шекспира имѣетъ свойство отъ времени до времени возбуждать вниманіе и любопытство публики. Благодаря недавнему «открытію» нѣкоего Игнатіуса Доннелли, открытію, о которомъ я буду имѣть еще случай поговорить,—эта теорія снова всплыла наружу и возбудила большіе толки въ европейской и отчасти даже въ нашей печати. Но прежде, мнѣ необходимо разсказать вкратцѣ исторію этой теоріи, любопытной по многимъ своимъ подробностямъ [1]).

Изобрѣтательницей этого «литературнаго чудища», какъ выразился одинъ англійскій критикъ, является нѣкто миссъ Делія Бэконъ, американка. Ея фамилія, одинаковая съ фамиліей великаго англійскаго мыслителя, котораго она, во что бы то ни стало, желала сдѣлать авторомъ шекспировскихъ произведеній, заставила первоначально предположить, что она—одинъ изъ потомковъ лорда Бэкона, и что фамильная гордость привела ее къ теоріи, прославившей ея имя. Но предположеніе это оказалось ошибочнымъ. Миссъ Бэконъ не находится ни въ какомъ родствѣ съ лордомъ Бэкономъ. Она—американка и родилась въ Нью-Гавенѣ въ 1811 году. Одно время она занималась литературой и написала нѣсколько романовъ, не имѣвшихъ, впрочемъ, успѣха; бросивши сочинительство, она погрузилась въ изученіе исторіи и почему-то особенно облюбовала исторію XVI и XVII столѣтій въ Англіи. По всему видно, что она была превосходно знакома съ исторіей англійскаго общества того времени и, можетъ быть, это знакомство привело ее, различными путями, къ созданію ея пресловутой теоріи. Между прочимъ, изучая Шекспира, она была поражена контрастомъ, обращавшимъ на себя вниманіе и многихъ другихъ изслѣдователей, контрастомъ между бѣднымъ актеромъ, какимъ былъ Шекспиръ, не получившимъ никакого систематическаго образованія, и авторомъ шекспировскихъ

---

[1]) Эту статью мы иллюстрируемъ нѣсколькими портретами, заимствованными изъ сочиненія г. Чуйко: «Шекспиръ, его жизнь и произведенія», которое въ настоящую минуту печатается и выйдетъ вскорѣ въ свѣтъ. Пр. ред.

Лордъ Бэконъ.

Съ гравюры того времени, хранящейся въ Британскомъ музеѣ.

драмъ, съ ихъ глубокими философскими взглядами, знатокомъ классической литературы, посвященнымъ во всѣ тайны исторіи и философіи. Контрастъ этотъ, отчасти, дѣйствительно существуетъ. Намъ трудно себѣ представить человѣка, не получившаго систематическаго образованія и поэтому не стоявшаго на уровнѣ науки и просвѣщенія своего времени,—авторомъ великихъ произведеній, которыя прежде всего поражаютъ своею глубиной и обличаютъ въ немъ большія знанія. Съ этимъ контрастомъ миссъ Делія Бэконъ никакъ не могла справиться и пришла въ концѣ концовъ къ предположенію, что авторомъ шекспировскихъ произведеній могъ быть только самый ученый, самый геніальный человѣкъ своего времени — лордъ Фрэнсисъ Бэконъ.

Къ этому обстоятельству присоединилась еще и таинственность, окружающая жизнь Шекспира. Эта таинственность, несомнѣнно, существуетъ, но миссъ Бэконъ, вѣроятно, намѣренно, подъ давленіемъ своей idée-fixe, преувеличивала ее. Правда, о Шекспирѣ мы знаемъ не много, но все-таки кое-что знаемъ. Онъ родился 23 апрѣля 1564 года въ городѣ Стратфордѣ, былъ сыномъ довольно зажиточнаго фермера, учился въ мѣстной свободной грамматической школѣ, женился, когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, на женщинѣ, которая была старше его на восемь лѣтъ, и вслѣдствіе столкновеній съ богатымъ вельможей изъ окрестностей Стратфорда, Томасомъ Люси, принужденъ былъ оставить свой родной городъ и поселиться въ Лондонѣ. Тамъ онъ сдѣлался актеромъ; сталъ передѣлывать старыя пьесы, а потомъ принялся и самъ сочинять драмы и комедіи. Его репутація, какъ талантливаго драматурга, установилась очень быстро; онъ вошелъ въ лучшій, самый избранный литературный кругъ Лондона, пріобрѣлъ богатыхъ покровителей, мало-по-малу сдѣлался однимъ изъ участниковъ въ театральной антрепризѣ, сталъ наживать деньги и, когда, около 1613 года, возвратился въ свой родной городъ на покой, то оказался человѣкомъ довольно богатымъ. Онъ умеръ въ 1616 году, оставивъ довольно любопытное завѣщаніе, которое и теперь еще смущаетъ нѣкоторыхъ критиковъ. Все это мы знаемъ несомнѣнно путемъ археологическихъ изслѣдованій и изъ оффиціальныхъ документовъ. Кромѣ того, у насъ есть еще свидѣтельства современниковъ, и между прочимъ, свидѣтельство Бенъ Джонсона, извѣстнаго драматическаго писателя классической школы, написавшаго не только знаменитое стихотвореніе въ честь Шекспира, помѣщенное въ in-folio 1623 года, но въ своихъ «Discoveries» нѣсколько разъ высказавшаго свое мнѣніе о талантѣ Шекспира и сообщившаго тамъ же нѣсколько цѣнныхъ указаній о немъ.

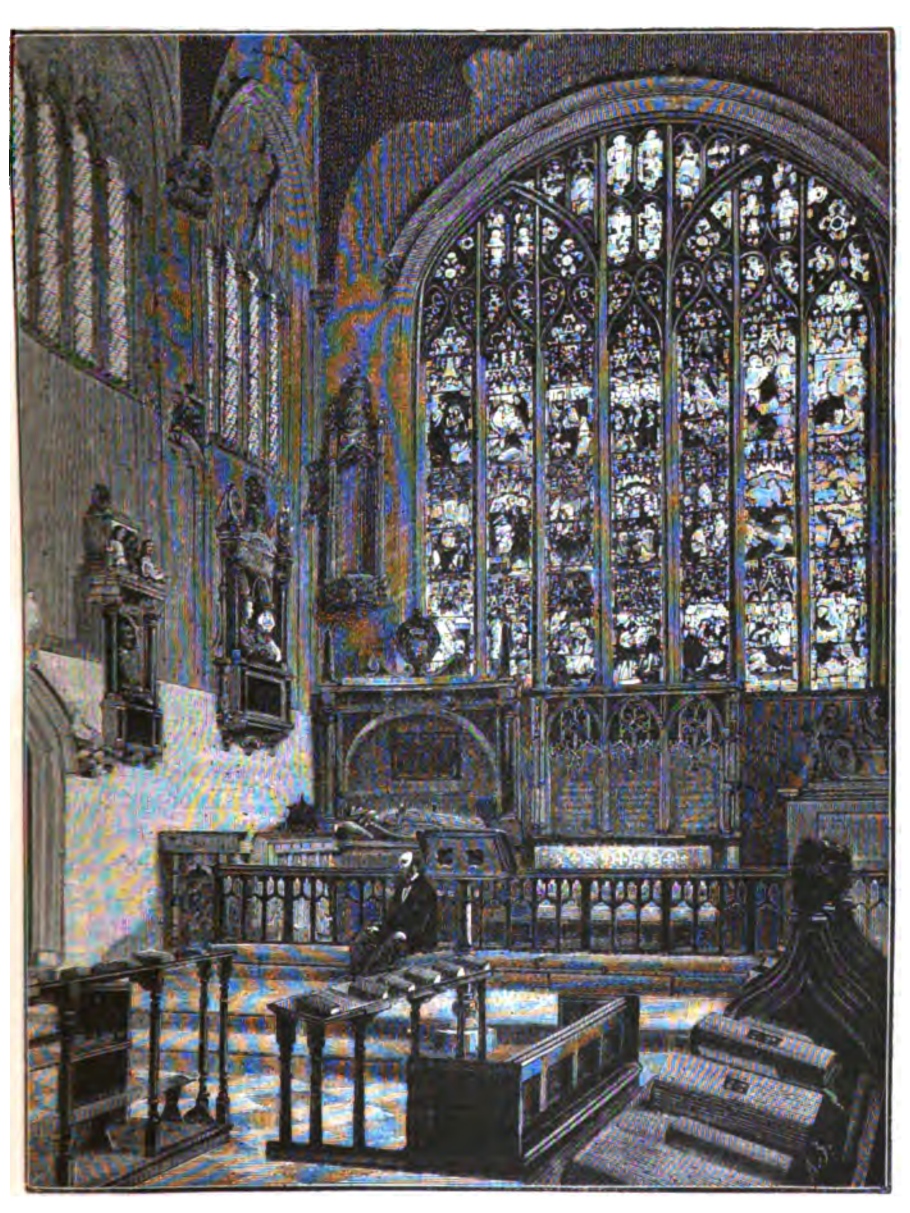
Миссъ Бэконъ всего этого не хотѣла знать и все болѣе и болѣе убѣждалась въ томъ, что дѣйствительнымъ авторомъ шекспировскихъ произведеній былъ лордъ Бэконъ, а не Шекспиръ. Постоянно размышляя объ этомъ предметѣ и изучая произведенія Бэкона, она,

наконецъ, создала цѣлую теорію. Она пришла къ предположенію, что вокругъ Бэкона группировался кружокъ людей занимавшихся соціальной философіей; съ цѣлью пропаганды своихъ взглядовъ, смѣлыхъ, а можетъ быть и разрушительныхъ, они сочиняли театральныя пьесы, но боясь преслѣдованій со стороны несговорчиваго правительства королевы Елисаветы, они подкупили посредственнаго актера, Шекспира, который согласился выдавать эти упражненія диллетантовъ-философовъ за свои собственныя произведенія. Все это предположеніе отъ первой до послѣдней строчки ни на чемъ не основано и составляетъ плодъ фантазіи миссъ Бэконъ. Тѣмъ не менѣе, въ своихъ изслѣдованіяхъ она наткнулась на довольно любопытный фактъ, прежде не замѣченный критикой, или просто не обращавшій на себя ея вниманія. Изъ писемъ Бэкона, она, между прочимъ, усмотрѣла, что онъ съ нѣкоторыми близкими своими друзьями велъ переписку на шифрованномъ языкѣ; она, кромѣ того, усмотрѣла изъ этихъ писемъ, что Бэконъ писалъ какія-то другія произведенія, кромѣ философскихъ, дошедшихъ до насъ, и издавалъ ихъ подъ чужимъ именемъ или подъ псевдонимомъ. Все это еще болѣе подтвердило миссъ Бэконъ въ ея idée-fixe. Желая окончательно убѣдиться въ несомнѣнности своихъ предположеній, она отправилась въ Англію. Она почему-то предположила, что протоколы кружка философовъ, образовавшагося вокругъ Бэкона, скрыты въ гробу Шекспира, предполагаемаго секретаря кружка. Она вознамѣрилась добиться открытія гроба съ цѣлью убѣдиться: дѣйствительно ли находятся тамъ протоколы кружка. Поселившись въ Стратфордѣ, она познакомилась съ городскими властями и священникомъ церкви Holy Trinity, гдѣ похороненъ Шекспиръ. Въ концѣ концовъ она открылась священнику, который, какъ ей показалось, не имѣлъ ничего противъ вскрытія гроба. «Она, — разсказываетъ Гауторнъ, — внимательно, въ теченіе многихъ дней, осматривала могильную плиту и старалась на глазомѣръ опредѣлить: достаточно ли широкъ гробъ, чтобы вмѣстить въ себѣ архивъ елисаветинскаго клуба философовъ? Она снова справлялась съ доказательствами, съ загадками и сентенціями, которыя нашла въ письмахъ Бэкона и другихъ. Она бродила постоянно вокругъ церкви и, казалось, имѣла полную свободу входить въ церковь днемъ и спеціальное разрѣшеніе являться въ церковь даже ночью, когда ей понадобится. Однажды она явилась въ церковь ночью съ потайнымъ фонаремъ, который въ этой массѣ мрака, наполнявшей внутренность храма, сверкалъ на подобіе едва замѣтнаго свѣтляка. Идя ощупью вдоль стѣны, она подошла къ плитѣ шекспировской могилы. Она попыталась поднять плиту, хотя, если не ошибаюсь, внимательно всматривалась въ расщелины плиты и такимъ образомъ убѣдилась, что въ случаѣ надобности она и сама, безъ посторонней помощи, въ состояніи будетъ поднять ее. Она направила лучи своего фонаря на бюстъ Шекспира, но не могла сдѣлать

его видимымъ вслѣдствіе глубокаго мрака, царствовавшаго въ церкви. По временамъ ей казалось, что она слышитъ легкій шумъ въ церкви, какіе-то тихіе, робкіе шаги раздавались среди мертвой тишины, то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, между колоннами и надгробными плитами, словно одинъ изъ обитателей этихъ могилъ выползъ изъ своего мрачнаго убѣжища съ цѣлью поглядѣть на этого непрошеннаго гостя... Въ это время появился клеркъ и сознался, что присматривалъ за нею съ тѣхъ поръ, какъ она вошла въ церковь». Этой полу-фантастической сценой, собственно говоря, и окончились попытки миссъ Бэконъ проникнуть въ могилу Шекспира. Еще въ Стратфордѣ она серьезно заболѣла, возвратилась въ Америку и въ Бостонѣ умерла въ домѣ умалишенныхъ.

Во время своего пребыванія въ Лондонѣ, она, по совѣту Карлейля, написала небольшую статью о своемъ предполагаемомъ открытіи и помѣстила ее въ 1856 году въ «Putnam's Magazine»; затѣмъ, не задолго до смерти, она выпустила цѣлый томъ подъ заглавіемъ «The Philosophy of the Plays of Shakespeare unfolded». Статья только возвѣщала объ открытіи, не давая никакихъ подробностей и доказательствъ, а книга, написанная чрезвычайно страннымъ языкомъ, безъ толку и системы излагаетъ философію шекспировскихъ драмъ, въ которой, однакоже, ничего нельзя понять. Гауторнъ говоритъ, что онъ нѣсколько разъ принимался читать это сочиненіе, съ самымъ искреннимъ намѣреніемъ изучить его, но всякій разъ принужденъ былъ бросать чтеніе, за невозможностью понять что-либо въ мудрствованіяхъ миссъ Бэконъ. Книга была написана, напечатана и потерпѣла окончательное крушеніе: на нее никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія.

Только въ слѣдующемъ 1857 году нѣкто Смитъ, которому попалась статья «Putnam's Magazine», увлекся теоріей миссъ Бэконъ, убѣдился въ ея справедливости и въ свою очередь написалъ объ этомъ предметѣ книгу, которая впервые обратила на себя вниманіе англійскаго общества. Смитъ поставилъ вопросъ нѣсколько иначе, онъ умолчалъ о фантастическихъ бредняхъ миссъ Бэконъ, но напиралъ по преимуществу на нѣкоторыя обстоятельства въ жизни Шекспира и Бэкона, на сходство ихъ языка, на тождество ихъ взглядовъ и прочее, на нѣкоторыя любопытныя совпаденія, на тѣ мѣста въ драмахъ, гдѣ особенно ярко выступаетъ ученость автора. Книга Смита произвела въ англійскомъ обществѣ фуроръ, ее стали читать и бэконовская теорія сдѣлалась извѣстной. Особенно близко къ сердцу приняла это дѣло англійская аристократія: ей было лестно, что величайшій поэтъ, котораго можно сравнивать только съ Гомеромъ, оказывается кровнымъ аристократомъ, если вѣрить бэконіанцамъ. Лордъ Пальмерстонъ открыто записался въ число приверженцевъ новой теоріи. Не задолго до своей смерти, принимая своихъ друзей въ своемъ загородномъ домѣ, онъ высказался въ пользу

Внутренность церкви Св. Троицы въ Стратфордѣ, гдѣ похороненъ Шекспиръ.

предположенія, что шекспировскія драмы были написаны Бэкономъ. Когда ему указали на положительныя свидѣтельства современниковъ и между, прочимъ, Бенъ-Джонсона, онъ отвѣчалъ: «Эти молодцы всегда поддерживаютъ другъ друга; да къ тому же нѣтъ ничего невѣроятнаго, что самъ Бенъ-Джонсонъ былъ введенъ въ заблужденіе, какъ и многіе другіе».

Мало по малу, однако, нашлись и болѣе состоятельные защитники теоріи миссъ Бэконъ, и образовалась цѣлая школа яростныхъ противниковъ Шекспира. Первоначально, эта школа нашла себѣ пріютъ по преимуществу въ Америкѣ, гдѣ любятъ всякія эксцентричности. Но литературныя эксцентричности похожи на холеру и вообще на всякія эпидеміи: зараза распространяется быстро и съ удивительной легкостью переходитъ изъ одной страны въ другую. Такъ случилось и съ бэконовской теоріей шекспировскихъ произведеній. Она вторично переѣхала Атлантическій океанъ и возвратилась въ Англію, обогащенная множествомъ защитниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые оказались весьма остроумными. Въ Лондонѣ образовалось Бэконовское общество, имѣющее теперь уже нѣсколько сотъ членовъ, неутомимо преслѣдующихъ, въ журналахъ и газетахъ, и устно—на митингахъ, — великаго поэта, какъ обманщика и мистификатора. Къ главнымъ членамъ этого общества принадлежитъ мистрисъ Поттъ, издавшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ очень любопытную книгу подъ заглавіемъ «The Promus of formularies and elegancies of Francis Bacon». Это—собственноручныя тетради Бэкона, хранящіяся въ Британскомъ музеѣ; въ эти тетради Бэконъ вписывалъ выраженія, фразы, мысли, поговорки и пословицы, встрѣчавшіеся ему въ чтеніяхъ. Тутъ есть цѣлыя фразы изъ библіи, афоризмы изъ Эразма, французскія, итальянскія, испанскія поговорки, выписки изъ греческихъ и латинскихъ писателей, англійскія народныя пословицы. Мистрисъ Поттъ задалась цѣлью пріискать для каждой фразы или мысли, которыя она встрѣтила въ этихъ тетрадяхъ Бэкона,—соотвѣтствующее мѣсто изъ произведеній Шекспира; этимъ путемъ она надѣялась доказать, что Бэконъ, а не Шекспиръ — авторъ шекспировскихъ драмъ. И дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ она находитъ подходящія мѣста въ пьесахъ. Все это, однако, не имѣетъ никакой цѣнности въ глазахъ серьезной критики: эти сличенія ничего не доказываютъ, или, если и доказываютъ, то лишь одно: что какъ Бэконъ, такъ и Шекспиръ жили въ одно время, въ одномъ обществѣ и оба воспринимали ту умственную пищу, которая была тогда общей для всѣхъ.

Рядомъ съ этими сличеніями и параллелизмами, возникло въ недавнее время другое теченіе среди бэконьянцевъ, теченіе, которое ведетъ свое начало отъ главной мысли миссъ Бэконъ, а именно, что лордъ Бэконъ занимался шифрованнымъ языкомъ, велъ тайную переписку съ своими друзьями и что въ шекспировскихъ произ-

веденіяхъ, вѣроятно, скрытъ ключъ не только къ философіи Бэкона, но также и къ его шифрованному языку. Приверженцы этого направленія главнымъ образомъ обращаютъ вниманіе на нѣкоторые особенности въ жизни Бэкона. Бэконъ былъ старше Шекспира на три года, и умеръ онъ спустя девять лѣтъ послѣ смерти Шекспира. Хотя онъ былъ кровный аристократъ и сынъ бывшаго канцлера королевы Елисаветы, но имѣлъ очень скромное состояніе и съ цѣлью сдѣлать себѣ карьеру сдѣлался юристомъ. Будучи молодымъ человѣкомъ и изучая юриспруденцію, онъ жилъ въ Gray's Inn. Онъ любилъ театръ, написалъ даже двѣ маленькія пьесы, не отличающіяся, впрочемъ, никакими достоинствами, иногда пописывалъ стихи (до насъ дошли его стихотворные переводы псалмовъ) и одно время кутилъ вмѣстѣ съ jeunesse dorée тогдашняго Лондона. Благодаря этимъ кутежамъ, онъ надѣлалъ долговъ и въ 1592 году,—въ тотъ самый годъ, когда появилась на сценѣ первая историческая драма Шекспира,—будущей канцлеръ, «обнищалый и больной, работалъ, чтобъ жить». Біографы до сихъ поръ не могли выяснить вопроса: чѣмъ именно онъ занимался въ это время; но бэконьянцы, сопостовляя это время усиленныхъ занятій Бэкона съ тѣмъ обстоятельствомъ, что именно тогда стали появляться пьесы Шекспира на сценѣ, приходятъ къ заключенію, что Бэконъ писалъ театральныя пьесы, и ставилъ ихъ на сцену подъ именемъ Шекспира, который, вѣроятно, получалъ за это половину дохода, получаемаго съ нихъ. Само собой разумѣется, что бэконьянцы не представляютъ никакого доказательства въ пользу этого предположенія; наконецъ, прибавляютъ беконьянцы, въ 1613 году, когда по предположенію Шекспиръ оставилъ театръ, поселился въ Страсфордѣ и пересталъ писать для театра, — Бэконъ былъ назначенъ генеральнымъ аторнеемъ и новыя офиціальныя занятія помѣшали ему заниматься литературой. Не любопытное ли это совпаде́ніе? — спрашиваютъ бэконьянцы. Можетъ быть, совпаденіе это и любопытно, но оно ничего не говоритъ въ пользу защищаемой ими теоріи. Мы, конечно, не знаемъ, почему Шекспиръ пересталъ писать послѣ 1613 года, и послѣдніе три года своей жизни провелъ въ полномъ бездѣйствіи, но мы точно также не знаемъ, почему Бэконъ, — если предположить, что онъ авторъ шекспировскихъ пьесъ, — ничего не писалъ въ послѣдніе годы своей жизни. Загадка какъ въ одномъ такъ и въ другомъ случаѣ, совершенно не объяснимая для насъ. Къ тому же, совершенно несомнѣнно извѣстно, что хотя Бэконъ умеръ спустя десять лѣтъ послѣ смерти Шекспира, однако ни въ печати, ни на сценѣ не появилось ни одной драмы съ 1616 года, которая могла бы быть приписана, вслѣдствіе своихъ внутреннихъ достоинствъ, Шекспиру.

Бэконьянцы, преслѣдуя свою цѣль съ упорствомъ, достойнымъ лучшей доли, нашли въ перепискѣ Бэкона, дѣйствительно, любо-

пытныя мѣста, и эти-то мѣста, главнымъ образомъ, и служатъ имъ главнымъ аргументомъ. У Бэкона былъ другъ, сэръ Тоби Матью; онъ, вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній, принужденъ былъ удалиться изъ Англіи и жилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на югѣ Франціи. Бэконъ постоянно переписывался съ нимъ; въ этихъ письмахъ есть много недомолвокъ, какіе-то таинственные намеки, встрѣчаются непонятныя фразы. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, напримѣръ, сэръ Тоби Матью играетъ словами «мѣра за мѣру», а извѣстно, что этими словами названа одна изъ пьесъ Шекспира. Бэконъ имѣлъ привычку посылать Матью всѣ свои сочиненія, выходившія въ свѣтъ; посылая ему одно изъ такихъ сочиненій, онъ пишетъ, что присоединяетъ къ нему одну изъ своихъ «бездѣлушекъ», написанныхъ для отдохновенія. Но въ особенности замѣчательно одно письмо сэра Матью. Въ post scriptum'ѣ къ этому письму, Матью пишетъ: «замѣчательнѣйшій умъ, который я когда-либо зналъ изъ моего народа и по сю сторону моря, носитъ имя вашего лордства, хотя онъ извѣстенъ подъ другимъ именемъ». Что хотѣлъ сказать Матью этой запутанной и странно-построенной фразой, мы не знаемъ; весьма вѣроятно, что и здѣсь, по своей всегдашней привычкѣ, онъ играетъ словами, только на этотъ разъ намекаетъ на другія фамиліи, которыя Бэконъ имѣлъ право носить и дѣйствительно носилъ,—лорда Верулама или виконта Сентъ-Альбанса. Очень можетъ быть, что Бэконъ въ часы досуга, желая отдохнуть отъ своихъ философскихъ трудовъ, составляющихъ его единственное право на безсмертіе, занимался также и изящной литературой, писалъ романы или драмы, упражнялся въ версификаціи, и потомъ эти «часы досуга» выходили подъ чужимъ именемъ или псевдонимомъ. Все это можетъ быть, хотя на этотъ счетъ у насъ нѣтъ ровно никакихъ доказательствъ, мы не знаемъ ни одного сочиненія Бэкона, которое бы вышло при его жизни или послѣ его смерти подъ чужимъ именемъ. Но если бы такъ въ дѣйствительности и было, то какое имѣемъ мы право, эти, вышедшія будто бы подъ чужимъ именемъ, произведенія Бэкона считать произведеніями, которыя извѣстны подъ именемъ шекспировскихъ? Такого рода фантастическія догадки, какъ бы онѣ сами по себѣ остроумны не были, не основанныя ни накакихъ положительныхъ доказательствахъ, внушаемыя разстроеннымъ воображеніемъ или какими-либо посторонними, болѣе или менѣе практическими цѣлями, — нелѣпы сами по себѣ и обличаютъ въ ихъ авторахъ крайнее литературное невѣжество, отрицающее всякій научный методъ въ критикѣ или незнающее всей его важности.

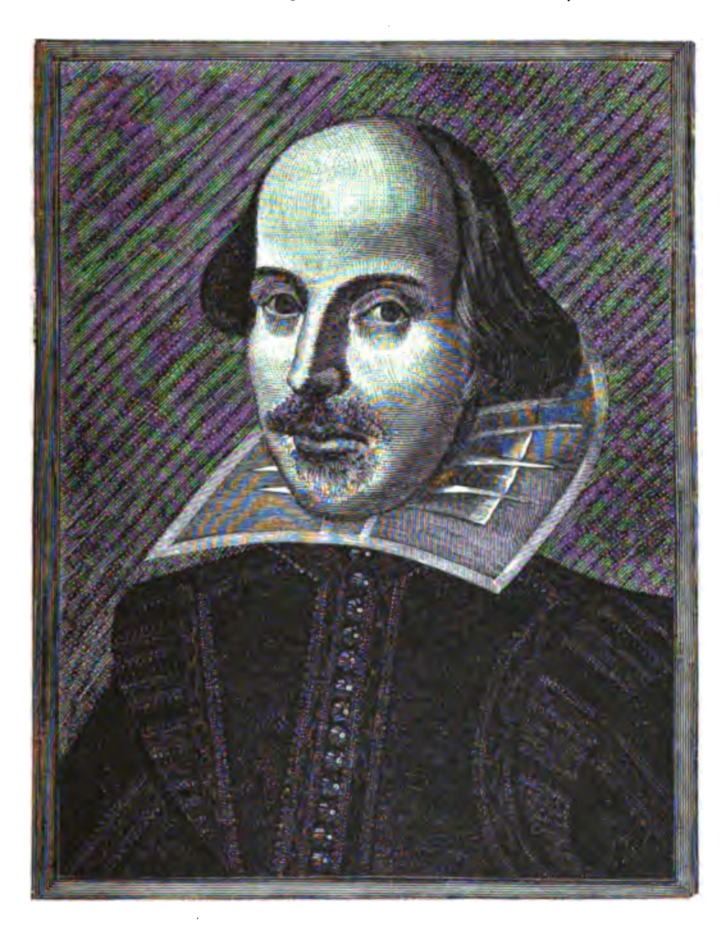
А что, кромѣ литературнаго и научнаго невѣжества, господа беконьянцы въ большинствѣ случаевъ руководствуются въ своихъ измышленіяхъ и посторонними, практическими цѣлями, это къ сожалѣнію несомнѣнно. Мы уже видали какъ англійская аристокра-

тія, побужденная сословными предразсудками, взяла подъ свое покровительство нелѣпую теорію. Какъ то ни странно, но къ этому чисто литературному вопросу припутывается еще и вопросъ религіозный, т. е. вопросъ чувства и фанатической нетерпимости. Извѣстно, что Бэконъ всю свою жизнь оставался вѣрующимъ протестантомъ, и лучшимъ этому доказательствомъ служитъ его знаменитое «исповѣданіе вѣры», написанное имъ безъ всякихъ политическихъ или дипломатическихъ побужденій. Даже въ его философскихъ сочиненіяхъ, при всемъ ихъ свободомысліи, эта протестантская окраска живо чувствуется. Съ другой стороны, въ произведеніяхъ Шекспира трудно найти какое-либо опредѣленное, господствующее религіозное чувство. Изъ всѣхъ міровыхъ геніевъ Шекспиръ — самый объективный; его личность совершенно стушевывается въ его произведеніяхъ. Но уже съ половины XVIII столѣтія въ шекспировской критикѣ образовались двѣ партіи; одна—протестантская,—желавшая во что бы то ни стало доказать, что Шекспиръ—протестантъ; другая католическая, употреблявшая всѣ свои усилія съ цѣлью доказать его принадлежность къ католической церкви. По этому поводу возникла цѣлая литература, страстная, нетерпимая, односторонняя въ своихъ полемическихъ пріемахъ, но безсильная установить что-либо опредѣленное въ этомъ отношеніи. Она получила необыкновенное оживленіе, благодаря бэконьянцамъ. И въ самомъ дѣлѣ, если бы можно было доказать, что шекспировскія произведенія были написаны Бэкономъ,—явнымъ и искренно вѣрующимъ протестантомъ, то протестанты такимъ образомъ выиграли бы цѣлую ставку: на ихъ сторонѣ оказался бы величайшій изъ поэтовъ; если же бэконьянцы съ ихъ теоріей провалятся, то вмѣстѣ съ ними провалятся отчасти и протестантскія претензіи. Съ другой стороны и бэконьянцамъ выясненіе религіозныхъ убѣжденій автора шекспировскихъ произведеній точно также важно, потому что Бэконъ былъ протестантъ и слѣды его религіозныхъ убѣжденій должны находиться въ пьесахъ, какъ это понятно само собой. Такимъ образомъ оказывается, что протестанты въ союзѣ съ бэконьянцами, а католики—съ «правовѣрной» научной критикой. Къ счастію, не всѣ критики-протестанты готовы жертвовать научной правдой ради торжества (весьма впрочемъ сомнительнаго) ихъ религіозныхъ чувствъ. Но борьба тѣмъ не менѣе продолжается. На какой почвѣ она ведется, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Фризенъ обратилъ вниманіе на слѣдующія слова Джульеты («Romeo and Iuliet, IV, 1): «Иль я приду опять сюда передъ вечерней мессой (evening mass)?» Вечерняя месса!—восклицаютъ бэконьянцы;—можно ли предположить, что бы подобное выраженіе употребилъ католикъ? Значитъ, авторъ шекспировскихъ произведеній—протестантъ, что гораздо болѣе вяжется съ представленіемъ о Бэконѣ, чѣмъ о Шекспирѣ. Но противники бэконьянцевъ не смущаются этимъ уда-

ромъ и указываютъ на другое мѣсто, доказывающее совершенно противоположное. Въ «Венеціанскомъ купцѣ», Лоренцо говоритъ Джессикѣ: «Смотри, какъ сводъ небесный весь вымощенъ милліонами кружковъ изъ золота блестящаго (patines of bright gold)». Извѣстно, что слово patines (дискосъ) означаетъ золотыя кружки, къ которымъ католики прикладываются во время причастія, такъ что фраза, употребленная Шекспиромъ непосредственно относится къ католической обрядности; отсюда противники бэконьянцевъ заключаютъ, что Шекспиръ былъ католикъ. Очевидно, что подобнаго рода ссылки и сличенія ровно ничего не доказываютъ. Нѣкто Бирчъ (Birch) пытался же доказать этимъ же самымъ пріемомъ, что Шекспиръ былъ атеистъ. Въ религіи, какъ въ политикѣ и философіи, Шекспиръ широко пользовался правомъ драматическаго писателя; онъ не говоритъ отъ своего имени, онъ—объективенъ. Изъ его произведеній можно извлечь много антирелигіозныхъ выраженій, не имѣющихъ однако никакого значенія при рѣшеніи вопроса такой большой важности, такъ какъ эти выраженія соотвѣтствуютъ характеру и душевному настроенію лицъ, высказывающихъ ихъ; къ тому же этимъ выраженіямъ можно противопоставить другія, носящія на себѣ печать извѣстной религіозности. Тѣмъ не менѣе, знаменательно, что отецъ Лоренцо въ «Ромео и Джульетѣ» утѣшаетъ обоихъ любовниковъ философіей, а не религіей. Его духовный санъ, казалось бы, требовалъ болѣе частаго употребленія благочестивыхъ изреченій. Любопытно также, что въ комедіяхъ очень часто осмѣиваются пуритане, между тѣмъ какъ въ комедіяхъ и въ драмахъ всѣ его католическіе священники, папскіе легаты, кардиналы, прелаты, монахи изображены почти безъ всякаго исключенія съ видимымъ сочувствіемъ. Кто-то замѣтилъ, что Шекспиръ не упоминаетъ въ своихъ произведеніяхъ слово Богъ. Это неправда, но если можно защищать такую неправку, если необходимо долго рыться въ драмахъ и комедіяхъ прежде, чѣмъ доказать ошибочность такого утвержденія, то очевидно, что въ противоположность Эсхилу и Софоклу, Шекспиръ рѣдко упоминаетъ о Богѣ.

Но возвратимся къ бэконьянцамъ и къ ихъ теоріи. Указанныя нами мѣста въ письмахъ Бэкона и его друзей дали новую почву расслѣдованіямъ и въ концѣ концовъ привели къ еще большей нелѣпости. Весь сыръ-боръ загорѣлся опять-таки благодаря дамѣ; неизвѣстно почему, но именно дамы съ какимъ-то удивительнымъ страстнымъ упорствомъ преслѣдуютъ Шекспира и преклоняются передъ Бэкономъ; для нихъ Бэконъ—такой же «душка», какъ для множества петербургскихъ дамъ—Мазини или Вальбель. Мистрисъ Поттъ написала цѣлую книгу подъ заглавіемъ: «Did Francis Bacon write Shakespeare? 32 reasons from believing that he did» (написалъ ли Фрэнсисъ Бэконъ Шекспира? 32 доказательства того, что написалъ). Въ этой книгѣ заключается программа дѣятельности, по ко-

торой пошли самоновѣйшіе бэконьянцы. Указавъ на таинственныя выраженія въ письмахъ Бэкона, выраженія, о которыхъ мы уже говорили, сличавъ ихъ съ нѣкоторыми мѣстами изъ извѣстнаго сочиненія Бэкона: «De Augmentis» а также и «Avancement of Learning», гдѣ Бэконъ говоритъ о разныхъ системахъ тайнаго шифрованнаго языка, г-жа Поттъ пришла къ заключенію, что въ шекспи-

Портретъ Шекспира.
Съ гравюры Дрейтоута, помѣщенной въ изданіи in-folio 1623 года.

ровскихъ пьесахъ долженъ быть скрытъ какой-либо шифръ, и что этотъ шифръ введенъ Бэкономъ въ пьессы съ тѣмъ, чтобы доказать, что онъ, а не Шекспиръ—авторъ шекспировскихъ произведеній. Эта новая нелѣпость, разумѣется, нашла послѣдователей. Самымъ любопытнымъ изъ этихъ послѣдователей является г. Доннелли, американецъ, бывшій губернаторъ Минезоты и членъ аме-

риканскаго Сената. Онъ употребилъ цѣлыхъ десять лѣтъ на исканіе шифра въ шекспировскихъ произведеніяхъ и недавно выпустилъ объемистое сочиненіе въ двухъ томахъ, гдѣ доказываетъ, что не только такой шифръ существуетъ, но что онъ открылъ и ключъ къ нему. Понятно, что книга обратила на себя вниманіе и произвела необыкновенную сансацію, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ. Постараюсь на сколько возможно яснѣе передать аргументаціи почтеннаго сенатора.

Разумѣется, свои экспериментаціи онъ производитъ не надъ современнымъ намъ текстомъ пьесъ, а надъ текстомъ перваго полнаго изданія in-folio 1623 года, вышедшаго черезъ 7 лѣтъ послѣ смерти Шекспира и изданнаго товарищами поэта, актерами Конделемъ и Геминджемъ. Современный намъ текстъ перетерпѣлъ въ теченіе двухсотъ лѣтъ всевозможныя измѣненія и исправленія, такъ какъ первыя изданія и изданія in-folio были чрезвычайно небрежны и неисправны, такъ что мѣстами прямо представляютъ безсмыслицу. Современный текстъ есть плодъ двухсотъ-лѣтней научной филологической критики и составляетъ необыкновенный трудъ. Понятно, что въ этомъ новомъ текстѣ не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо шифрѣ, поэтому Доннелли обратился къ изданію 1623 года. Это изданіе, дѣйствительно, очень любопытно. Оно поражаетъ своими неточностями, ошибками и неисправностями. Издатели сгруппировали произведенія Шекспира въ три отдѣла: комедіи, историческія хроники и трагедіи. Каждый отдѣлъ имѣетъ свою отдѣльную пагинацію, но эта пагинація до крайности неправильна. Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ хроники пагинація правильно идетъ до цифры 102, потомъ ни съ того, ни съ сего возвращается къ цифрѣ 69, которая и является новой точкой отправленія. Въ отдѣлѣ трагедіи, между «Тимономъ Аѳинскимъ» и «Юліемъ Цезаремъ» въ пагинаціи существуетъ пробѣлъ: послѣ 98 страницы непосредственно слѣдуетъ 109. Въ «Гамлетѣ» послѣ 156 страницы немедленно слѣдуетъ 257. За тѣмъ, траги-комедія «Троилъ и Крессида» не обозначена въ оглавленіи, но она существуетъ въ in-folio, безъ всякой пагинаціи, какъ послѣдняя пьеса въ отдѣлѣ историческихъ хроникъ, хотя историческаго въ ней нѣтъ ровно ничего. Кромѣ того, издатели, отступая отъ изданій in-quarto, выходившихъ при жизни Шекспира, раздѣляли каждую пьесу на акты, но и тутъ они оказались столь же небрежны. Въ началѣ «Антонія и Клеопатры» они подписали: Actus primus, scaena prima, но дальше забыли и объ актахъ и о сценахъ. То же самое они сдѣлали и въ «Троилъ и Крессида», за то въ «Коріоланѣ», и «Сонъ въ лѣтнюю ночь», они обозначаютъ акты но не обозначаютъ сценъ. Ко всему этому необходимо прибавить, что почти на каждой строчкѣ встрѣчаются самыя грубыя грамматическія ошибки, знаки препинанія разставлены самымъ фантастическимъ образомъ, безъ всякаго смысла, или какой-либо системы,

въ текстѣ постоянно встрѣчаются слова курсивомъ, цѣлыя выраженія въ скобкахъ или соединія словъ знакомъ тире, безъ всякой нужды.

Все это прежде всего обратило на себя вниманіе Доннелли; тутъ онъ увидѣлъ на простую неряшливость издателей-актеровъ, людей можетъ быть очень мало грамотныхъ и незнакомыхъ съ типографскимъ дѣломъ, но «тайный умыселъ». Онъ сказалъ себѣ: все это сдѣлано намѣренно; всѣ эти неправильности сдѣланы для того, чтобы сдѣлать возможнымъ такой шифрованный языкъ, ключъ, къ которому не легко было бы отыскать. Задавшись этою мыслію, онъ сталъ изучать внимательно in-folio; и тутъ передъ нимъ мало-помалу открылись, какъ онъ говоритъ, настоящія чудеса. Въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что если въ пьесахъ существуютъ въ той или другой формѣ какія-либо скрытыя фразы, то эти фразы по существу своему должны вертѣться около предложенія: «Фрэнсисъ Бэконъ, сынъ Николая Бэкона написалъ или есть авторъ этихъ произведеній, которыя считаются произведеніями Шекспира», такъ что въ тайныхъ фразахъ по необходимости должны встрѣчаться слова Francis, Nicolas, Bacon, plays, Shakespeare. И вотъ, къ великому своему удивленію, онъ встрѣчаетъ въ текстѣ, напримѣръ, слово bacon (копченое свиное мясо, окороки, ветчина). Иногда это слово пишется съ прописной буквы, иногда съ маленькой, иногда курсивомъ, иногда нѣтъ. Что за притча? думаетъ Доннелли. Очевидно, это слово, употребленное, конечно, въ явномъ текстѣ какъ существительное нарицательное, составляетъ одно изъ словъ тайной фразы, а тамъ оно употреблено, вѣроятно, какъ имя собственное. Но какъ опредѣлить его положеніе въ текстѣ, какъ опредѣлить, по какой причинѣ оно поставлено именно тутъ, а не въ другомъ мѣстѣ? Разрѣшая этотъ вопросъ, Доннелли обратилъ вниманіе на пагинацію страницы, на которой онъ встрѣтилъ это слово. Страница оказалась 53. Тогда онъ сталъ считать слова сверху перваго столбца и убѣдился, что 371 слово есть bacon. Онъ попробовалъ раздѣлить эту цифру на 53 и оказалось, что дѣленіе безъ остатка, и что частное—7. Но что означаетъ эта послѣдняя цифра? Замѣтивъ случайно, что на этой страницѣ встрѣчается много словъ курсивомъ; онъ сталъ ихъ считать и убѣдился къ своему великому удивленію, что всѣхъ курсивныхъ словъ на страницѣ—семь. Онъ продѣлалъ этотъ же самый опытъ съ другими подобными же словами и убѣдился, что результатъ выходитъ одинъ и тотъ же. Но онъ въ концѣ концовъ наткнулся и на затрудненія: не всѣ слова могли быть опредѣлены такимъ образомъ. Приходилось усложнять систему; иногда приходилось принимать во вниманіе выраженія въ скобкахъ, въ однихъ случаяхъ считая ихъ, въ другихъ нѣтъ, иногда оказывалось необходимымъ обращать вниманіе на слова, соединенныя тире, опять-таки съ различными исклю-

ченіями; иногда приходилось считать сверху столбца, иногда снизу, иногда къ цифрѣ такимъ образомъ полученной прибавлять единицу, иногда нѣтъ. Наконецъ, встрѣчались чаще всего такія слова, для опредѣленія мѣста, которое нужно было брать, не цифру страницы, на которой они встрѣчались, а страницу предыдущую или послѣдующую, или какую-нибудь другую, безъ всякой видимой причины. Всякій разъ желаніе Доннелли увѣнчивалось успѣхомъ, но на каждый отдѣльный случай оказывалось такъ много исключеній, такія курьезныя неожиданности, что самъ Доннелли наивно долженъ былъ сознаться, что идя этимъ путемъ, трудно добраться до ключа, и что нужно еще болѣе усложнить пріемъ, чтобы получить какой-либо опредѣленный результатъ. Но изъ всего этого онъ однако убѣдился, что шифръ въ пьесахъ существуетъ, только... его надо еще отыскать.

Я не буду разсказывать длинной, скучной и необыкновенно утомительной въ чтеніи исторіи того, какимъ образомъ упрямый американецъ пришелъ къ открытію; сообщу только результаты его изслѣдованій и дамъ кое-какіе примѣры. Послѣ многочисленныхъ экспериментовъ, послѣ чрезвычайныхъ умственныхъ усилій, которыя онъ сравниваетъ съ усиліями Шамполіона, съумѣвшаго послѣ многолѣтнихъ трудовъ раскрыть тайны египетскихъ іероглифовъ, Доннелли убѣдился, что весь узелъ тайны находится на послѣдней страницѣ первой части «Генриха IV» и на первой страницѣ второй части «Генриха IV». Изслѣдуя съ чрезвычайно кропотливымъ вниманіемъ эти двѣ страницы, прибѣгая ко всякаго рода уловкамъ, употребляя всевозможныя ариѳметическія комбинаціи, онъ, наконецъ, получилъ какія-то пять таблицъ съ цифрами, соотвѣтствующими, разумѣется, цифрамъ каждаго столбца съ его подраздѣленіями на сцены, съ различнаго рода варіаціями и съ присоединеніемъ количества курсивныхъ словъ, выраженій въ скобкахъ, и словъ, соединенныхъ тире. Такимъ образомъ, въ первой, напримѣръ, таблицѣ получались слѣдующія цифры: 27, 63, 79, 169, 142 63, 141, 62, 90, 91, 79, 80. Цифры другихъ четырехъ таблицъ я не привожу. Комбинаруя, какимъ-то особеннымъ образомъ эти цифры онъ получилъ въ концѣ концовъ пять чиселъ, соотвѣтствующихъ пяти таблицамъ. Эти числа слѣдующія: 505, 506, 513, 516, 523. По его мнѣнію въ этихъ числахъ заключается центръ всей тайны; это именно тѣ коренныя числа, въ которыхъ заключается ключъ къ шифрованному языку Бэкона. Измѣняя ихъ извѣстнымъ образомъ, въ извѣстномъ порядкѣ, получаются новыя числа, которыя уже непосредственно указываютъ, гдѣ и какъ слѣдуетъ искать слово тайной, шифрованной фразы. Но какъ получаются эти пять кординальныхъ чиселъ? Съ необыкновенной простотой и наивностью Доннелли прямо заявляетъ, что на этотъ вопросъ онъ не намѣренъ отвѣчать; эта тайна, которую онъ сохраняетъ еще на нѣко-

торое время. «Объясненія пути, по которому эти числа были мною получены,—говоритъ онъ,—я пока оставляю про себя, надѣясь въ будущемъ моемъ сочиненіи объ этомъ предметѣ, изложить его, вмѣстѣ съ окончаніемъ тайной исторіи, которую Бэконъ помѣстилъ въ пьесахъ. Очень можетъ быть, что найдется умъ способный открыть какимъ образомъ эти числа были получены, и такимъ образомъ предвосхититъ мое открытіе. Но я иду на этотъ рискъ. Мои издатели полагаютъ вмѣстѣ со мной, что законы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ не даютъ мнѣ никакого исключительнаго права на обнародованіе той части шифрованнаго повѣствованія, которое было мною открыто». Впрочемъ, Доннелли принужденъ былъ прибавить и нѣчто другое. Онъ сознается, что ключъ, открытый будто бы имъ, относится только къ первой и второй частямъ «Генриха IV»; онъ не можетъ быть примѣненъ къ другимъ пьесамъ, изъ которыхъ каждая, вѣроятно, имѣетъ свой собственный, совершенно независимый шифръ; а въ концѣ своей книги онъ заявляетъ, что ключъ, открытый имъ, еще не совсѣмъ открытъ; что до сихъ поръ ему неудалось привести его къ какой-либо опредѣленной системѣ. Все это очень наивно, и не внушаетъ особеннаго довѣрія, но все это, тѣмъ не менѣе вполнѣ вѣрно. Дѣйствительно, даже при самомъ внимательномъ изученіи книги Доннелли и его аргументовъ, въ его «ключѣ» нельзя замѣтить ни малѣйшаго слѣда какой-либо системы, хотя бы самой сложной, все кажется произвольно, безпричинно, такъ что невольно является предположеніе, что такимъ путемъ можно отыскать рѣшительно все что угодно, не только въ пьесахъ Шекспира, но и въ какой угодно другой книгѣ на какомъ угодно языкѣ и какого угодно времени.

Приведу одинъ примѣръ, изъ котораго читателю легко будетъ понять какимъ образомъ въ общихъ чертахъ получается фраза тайнаго повѣствованія. Если читатель откроетъ in-folio на 76 страницѣ, которая есть въ то же время третьей страницей второй части «Генриха» и будетъ считать слова снизу сцены, то онъ найдетъ, что всѣхъ словъ (за исключеніемъ словъ въ скобкахъ, и считая за одно слово слова, соединенныя тире) въ той части сцены, помѣщающейся на этомъ столбцѣ, — что всѣхъ словъ, говоримъ мы—448. Теперь, вычитаете 448 изъ 505 (кординальная цифра), и вы получите 57. Считайте слова слѣдующаго столбца до конца и вы найдете, что 57-е слово есть her (ея). Затѣмъ, вычтете 30 изъ 505; получится 475. Будемъ считать слова съ конца перваго подраздѣленія перваго столбца страницы 76, то найдемъ, что въ первомъ подраздѣленіи всего 193 слова: вычтя эту цифцу изъ 505, получимъ 282, а 282-е слово ближайшаго столбца есть слово Grace (Милость). Такимъ образомъ мы получили: «Ея Милость».

Будемъ продолжать. Возвратимся къ точкѣ нашего отправленія, т. е. къ концу второй сцены на второмъ столбцѣ станицы 76-й;

за вычетомъ 50 изъ 505 получается 455. Вычитая изъ 448 (число словъ въ этомъ отрывкѣ сцены) 455, мы получаемъ 7, а седьмое слово ближайшаго столбца есть слово is (есть). Теперь вспомнимъ, что въ первомъ подраздѣленіи перваго столбца на стр. 75 всего 193 слова. Вычтемъ это число изъ 455, получится 162, а въ ближнемъ столбцѣ 162-е слово есть слово furious (взбѣшена). Такимъ образомъ получается фраза: «Ея Милость взбѣшена».

Дальше я не продолжаю, не желая утомлять читателя этими странными вычисленіями. Обращу только вниманіе его на тотъ произволъ, ничѣмъ необъяснимый и необъясняемый Доннелли, съ которымъ онъ выбираетъ ту или другую цифру, производитъ съ ней такіе же произвольныя монипуляціи и въ концѣ концовъ получаетъ цифру, которая указываетъ на слово, находящееся гдѣ-то по близости. Очевидно, что съ такой системой, съ такою полнѣйшею свободой выбора средствъ можно достигнуть рѣшительно всего, что угодно.

Продолжая такимъ образомъ дальше съ энергіей и упорствомъ, ни передъ чѣмъ не останавливающимися, г. Доннелли, отыскивая слово за словомъ, даетъ намъ цѣлое повѣствованіе, скрытое будто бы Бэкономъ въ шекспировскихъ пьесахъ. Но въ этомъ повѣствованіи есть много недомолвокъ: то кажется, что говоритъ отъ себя самъ Бэконъ, то его слуга, то архіепископъ Ворчестерскій, то слѣдуетъ догадываться, что передается разговоръ королевы съ Сесилемъ, то разсказывается скандальная сцена во дворцѣ, какъ королева (называемая въ повѣствованіи the old jade—старая корга) колотитъ своимъ костылемъ нѣкоего Гайварда. Повѣствованіе обрывается на половинѣ. Другую половину Доннелли обѣщаетъ намъ дать черезъ нѣсколько лѣтъ, въ новомъ сочиненіи, когда онъ окончитъ дешифрированіе, и, надо полагать, приведетъ къ какой-либо опредѣленной системѣ ключъ, открытый имъ, какъ онъ думаетъ, но еще не совсѣмъ для него самого ясный.

Все повѣствованіе, дешифрированное имъ, имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ любопытный историческій фактъ, всегда интересовавшій шекспировскую критику. Этимъ фактомъ Доннелли пользуется и на немъ строитъ цѣлую исторію, которая, на сколько можно судить, придумана недурно. Историческій фактъ, о которомъ мы говоримъ заключается въ слѣдующемъ.

Извѣстно, что въ царствованіе Елисаветы двѣ политичическія фракціи находились во враждѣ между собой: съ одной стороны—Сесиль, съ другой—графъ Эссексъ. Сесиль имѣлъ огромное вліяніе и находился у кормила власти съ самого начала царствованія Елисаветы. Вильямъ Сесиль, баронъ Борлей, назначенный государственнынъ секретаремъ въ 1558 году, управлялъ Англіей въ теченіе тридцати лѣтъ; его сынъ, Робертъ Сесиль, унаслѣдовалъ министерскій постъ послѣ отца и умеръ въ 1612 году, уже въ царствованіе Якова I. Ихъ роль объясняется ихъ несомнѣннымъ по-

Англійская королева Елисавета.

Съ портрета того времени, писаннаго Оливье.

литическимъ геніемъ, которымъ они отличались и которому Англія XVII столѣтія въ гораздо большей степени обязана, чѣмъ самой Елисаветѣ. Съ другой стороны, Робертъ Девере (Devereux) графъ Эссексъ, снискавшій послѣ смерти Лейстера благорасположеніе Елисаветы, былъ пасынкомъ Лейстера; онъ былъ сыномъ того графа Эссекса, котораго Лейстеръ отравилъ, чтобы имѣть возможность жениться на его вдовѣ. Молодой Эссексъ былъ благороденъ, откровененъ, храбръ, красивъ, но легкомысленъ и горячъ. Онъ обратилъ на себя вниманіе Елисаветы своею дуэлью съ Чарльсомъ Блоунтомъ, впослѣдствіи лордомъ Монтжуа, однимъ изъ тѣхъ надутыхъ царедворцевъ, къ которымъ Елисавета чувствовала лишь временной капризъ, между тѣмъ, какъ Лейстера и Эссекса она дѣйствительно любила. Послѣ смерти Лейстера, Эссексъ сдѣлался оффиціальнымъ любовникомъ королевы. Вскорѣ онъ надѣлалъ громадныхъ долговъ и говорилъ по секрету друзьямъ своимъ, что старуха (the old woman) надоѣдаетъ ему. Его самонадѣянность и безтактность постоянно приводили къ ссорамъ между нимъ и королевой. Однажды, въ спорѣ о томъ, какъ слѣдуетъ управлять Ирландіей, Эссексъ забылся до того, что повернулся къ королевѣ спиной съ оскорбительными словами. Это вывело королеву изъ себя; она вскочила и дала ему пощечину, говоря, чтобъ онъ убирался къ чорту. Графъ схватился за шпагу, и когда великій адмиралъ удержалъ его руку, онъ бросился въ сильнѣйшей ярости изъ комнаты, говоря, что такого оскорбленія онъ не снесъ бы отъ отца королевы, не только что отъ короля въ юбкѣ (a king in petticoats). Примиреніе, однако же, вскорѣ состоялось и Эссексъ получилъ управленіе Ирландіей. Въ Ирландіи онъ дѣлалъ не то, что отъ него требовали, вошелъ въ тайныя сношенія съ бунтовщикомъ Тейрономъ и не обращалъ никакого вниманія на инструкціи королевы. Вдругъ, безъ позволенія королевы онъ возвратился въ Англію, появился неожиданно въ спальнѣ королевы и бросался на колѣни передъ ней. Елисавета приняла его привѣтливо, но въ тотъ же вечеръ онъ былъ подвергнутъ домашнему аресту. Его судили дисциплинарнымъ судомъ, который приговорилъ его къ лишенію всѣхъ должностей, занимаемыхъ имъ. По освобожденіи изъ-подъ ареста, графъ жилъ въ своемъ дворцѣ и, казалось, отказался отъ всякой политической роли. Главнѣйшіе его враги,—Сесиль, сэръ Вальтеръ Ралей, лордъ Грей, окружали Елисавету, и пользовались ея милостями. Графъ Эссексъ не могъ этого перенести; онъ старался всѣми средствами удалить ихъ отъ королевы и возстановить свое прежнее вліяніе. Съ этой цѣлью онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ королемъ шотланскимъ и въ концѣ концовъ составилъ нелѣпый планъ ворваться съ своими друзьями въ королевскій дворецъ и разогнать всѣхъ своихъ противниковъ. И, дѣйствительно, 8 февраля 1601 годъ онъ, въ сопровожденіи графовъ Ротленда и Соутгэмп-

тона, лордъ Сентса и Монтигли и человѣкъ восемидесяти дворянъ, къ которымъ вскорѣ присталъ графъ Бедфрдъ, лордъ Кромвель и еще до двухсотъ человѣкъ, бросился изъ своего дома, чтобы напасть на дворецъ. Но дворецъ, оказалось, былъ хорошо защищенъ; на улицахъ господствовала пустота и мертвая тишина; къ графу изъ горожанъ никто не присоединялся. Королева показала такое мужество, что хотѣла сама идти на встрѣчу мятежникамъ, но это оказалось излишнимъ. Безпорядки были подавлены быстро и Эссексъ возвратился въ свой дворецъ съ нѣкоторыми друзьями окольнымъ путемъ; съ ними былъ и графъ Соутгэмптонъ. Онъ рѣшился защищаться въ своемъ дворцѣ, который, по обычаямъ того времени, былъ укрѣпленъ; но когда великій адмиралъ съ значительнымъ отрядомъ солдатъ окружилъ дворецъ, то Эссексъ предпочелъ сдаться, вмѣстѣ съ своими сторонниками, съ единственнымъ условіемъ, что его предадутъ законному суду, а не тотчасъ умертвятъ. Судъ изъ двадцатипяти перовъ призналъ подсудимыхъ виновными и приговорилъ ихъ къ смерти. Королева, послѣ нѣкотораго колебанія, утвердила приговоръ 25 февраля 1601 года и Эссексъ былъ казненъ. Казнь его произвела сильное волненіе въ Лондонѣ; это навело на противниковъ его такой страхъ, что они не осмѣлились исполнить приговоръ надъ Соутгэмптономъ и велѣли подвергнуть его только заключенію въ тюрмѣ.

Казнь Эссекса объясняли слѣдующимъ образомъ. Эссексъ, возвратившись въ Англію послѣ Кадакской экспедиціи, жаловался королевѣ, что онъ такъ часто принужденъ находиться вдали отъ нея, между тѣмъ, какъ во время его отсутствія, его враги интригуютъ противъ него. Тогда Елисавета, въ доказательство своей любви къ нему, дала ему кольцо, сказавъ, что онъ безусловно можетъ расчитывать на ея дружбу, какія бы ни были возводимы на него обвиненія, если только онъ напомнитъ ей о себѣ, приславъ кольцо. Послѣ приговора Елисавета ожидала кольца, имѣла намѣреніе простить его; но кольцо не было прислано и королева, полагая, что онъ изъ гордости и упрямства, не хочетъ прибѣгнуть къ ея милосердію, приказала исполнить приговоръ. Между тѣмъ, Эссексъ, послѣ осужденія, передалъ кольцо графинѣ Нотингэмъ съ просьбой переслать его королевѣ, но мужъ графини, врагъ Эссекса, уговорилъ ее не передавать кольца. Послѣ казни Елисавета впала въ какой-то моразмъ. Спустя два года, графиня Нотингэмъ, на смертномъ одрѣ, созналась въ своемъ проступкѣ. Елисавета сказала ей: «Пусть Богъ проститъ васъ; я же не могу этого сдѣлать». Съ тѣхъ поръ, она быстро приближалась къ смерти. Она не принимала почти никакой пищи, отказывалась отъ лѣкарствъ. Сидя въ креслѣ, окруженная подушками, съ пальцемъ на губахъ, и взоромъ, уставленнымъ въ землю, она въ теченіе десяти дней прислушивалась только къ молитвамъ, читаннымъ вслухъ архіепископомъ Кэн-

торберійскимъ. Наконецъ, по настоянію своего совѣта, она назначила Шотландскаго короля своимъ наслѣдникомъ, и скончалась 3 апрѣля 1603 года. Ей было семьдесятъ лѣтъ и царствовала она сорокъ четыре года.

Во время процесса Эссекса, котораго обвинялъ его другъ, Фрэнсисъ Бэконъ,—знаменитый философъ,—выяснилась одна любопытная подробность. Одинъ изъ заговорщиковъ, сэръ Джилли Меррикъ, наканунѣ мятежа отправился въ театръ Глобуса и предложилъ Филлипсу, одному изъ актеровъ, который принялъ его отъ лицъ всей труппы, сыграть историческую пьесу подъ заглавіемъ «Ричардъ II», пьесу, въ которой находится сцена низложенія и умерщвленія короля Ричарда II,—the deposing aud killing kyng Richard. Фактъ этотъ установленъ обвинительнымъ актомъ, который былъ написанъ Бэкономъ. Вотъ подлинныя слова Бэкона: «кромѣ того, въ доказательство того, что онъ (Меррикъ) зналъ о заговорѣ, свидѣтельскими показаніями установленъ фактъ, что за день до мятежа, Меррикъ, вмѣстѣ съ другими заговорщиками, которые потомъ принимали участіе въ бунтѣ, приказалъ играть на театрѣ въ ихъ присутствіи драму: «низложеніе короля Ричарда II». Это представленіе не было случайно, но заказано Меррикомъ. А когда одинъ изъ актеровъ, сказалъ ему, что пьеса устарѣла и что вслѣдствіе этого нѣтъ надежды расчитывать на хорошій сборъ, то Меррикъ далъ добавочную сумму въ сорокъ шиллинговъ, вслѣдствіе чего пьеса и была сыграна».

Заговорщики очевидно разсчитывали на то, что представленіе такой пьесы, какъ Ричардъ II, подѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на населеніе. За нѣсколько мѣсяцевъ до этого, сэръ Джонъ Гайвардъ издалъ на латинскомъ языкѣ книгу о царствованіи Ричарда II; эта книга была посвящена графу Эссексу. За эту книгу авторъ былъ присужденъ къ штрафу и къ тюрьмѣ. По этому поводу, между королевой и Бэкономъ произошелъ такой разговоръ:— «Не правда ли,—сказала королева,—что въ этой книгѣ легко найти нѣчто въ родѣ государственной измѣны?—Государственной измѣны нельзя найти, ваше величество, но въ ней есть много вѣроломства,— отвѣчалъ Бэконъ. — Какого вѣроломства? — Да, ваше величество много вѣроломства: авторъ безъ зазрѣнія совѣсти обокралъ Тацита».—Трагическій конецъ Ричарда преслѣдовалъ Елисавету, какъ кошмаръ; она даже приравнивала себя къ несчастному королю. Однажды, она сказала Ломбарду:—«Я—Ричардъ II, знаешь ли ты это? (I am Richard the second, know yvu not that?).—Ваше величество,— отвѣчалъ Ломбартъ,—это преступное сравненіе было придумано преступнымъ вельможей (Эссексомъ), котораго ваше величество осыпали столькими милостями.—Тотъ, кто забудетъ Бога, забудетъ и своихъ благодѣтелей,—отвѣчала королева и, послѣ нѣкотораго молчанія, прибавила:—«И эта трагедія была сорокъ разъ играна на улицахъ и въ театрахъ!»

Трагедія это—та самая, которую мы читаемъ теперь въ произведеніяхъ Шекспира.

На этомъ фактѣ строитъ Доннелли свое шифрованное повѣствованіе, которое онъ приписываетъ Бэкону. Тутъ разсказывается, что узнавъ о книгѣ Гайварда, Елисавета пришла въ сильное раздраженіе (Her Grace is furious), приказала призвать автора и исколотила его своимъ костылемъ до такой степени, что тотъ чуть не умеръ. Далѣе разсказъ подвигается смутно и неясно. Приблизительно можно догадаться, что она узнала также и о «измѣннической» драмѣ «Ричарда II», послѣ бунта, и спросила кто авторъ? И узнала, что авторъ нѣкто Шекспиръ; Сесиль высказалъ мнѣніе, что едва ли такой невѣжественный актеръ, какъ Шекспиръ, могъ быть авторомъ, такой пьесы; Елисавета приказала его арестовать и пытать, съ цѣлью узнать, кто дѣйствительно авторъ, но Шекспиръ убѣжалъ, вслѣдствіе того, что Бэконъ далъ ему объ этомъ знать. Затѣмъ Сесиль высказалъ догадку, что авторъ—Бэконъ; узнавъ объ этомъ и увѣренный, что ему не сдобровать, Бэконъ принялъ яду, но былъ спасенъ докторомъ, котораго привелъ его слуга. Далѣе разсказъ еще смутнѣе; тутъ Бэконъ между прочимъ открываетъ, что пьесы, извѣстныя подъ именемъ Морло—также его; затѣмъ разсказывается исторія Морло и Шекспира; отношеніе Шекспира къ женѣ и проч. Разсказъ внезапно обрывается и Доннелли прибавляетъ, что этотъ разсказъ окончитъ въ слѣдующемъ своемъ произведеніи, не только потому, что разсказъ еще не дешифрированъ, но также и потому, что его издатели возмутились величиною книги его, которая и безъ того имѣетъ уже 998 страницъ.

Въ заключеніе книги, Доннелли даетъ характеристику главныхъ бэконьянцевъ и указываетъ на ихъ заслуги. Между прочимъ, онъ вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ г-жи Поттъ, которая пришла къ убѣжденію, что не только пьесы Шекспира и Морло принадлежатъ Бэкону, но также и пьесы Вебстера, Мессинджера и другихъ драматурговъ того времени. Такъ что, если вѣрить г-жѣ Поттъ и Доннелли вся драматическая литература въ царствованіе Елисаветы и Якова, цѣликомъ принадлежитъ Бэкону. Дальше этой нелѣпости идти, разумѣется, невозможно.

По всему видно, что Доннелли—человѣкъ убѣжденный; онъ не обманщикъ и, какъ кажется, искренно вѣритъ въ свое открытіе; но если это такъ, то онъ несомнѣнно маньякъ, съ удивительнымъ упорствомъ idée-fixe, и съ чрезвычайно изворотливымъ умомъ. Убѣдить онъ, въ концѣ концовъ никого не можетъ, но огорошить и удивить, въ особенности вначалѣ, онъ легко можетъ. Очень жаль, что такъ много труда, столько удивительной энергіи и тонкаго остроумія истрачено на столь безплодное дѣло.

В. Чуйко.

КЪ ИСТОРІИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА.

Въ НАСТОЯЩЕЕ время, какъ извѣстно, Бѣлгородской губерніи не существуетъ. Она была образована въ царствованіе Петра II, въ 1728 году, и заключала въ себѣ части нынѣшнихъ губерній: Курской, Харьковской, Орловской и Воронежской. Просуществовавъ 56 лѣтъ, Бѣлгородская губернія была закрыта. Не смотря на кратковременный періодъ своего бытія, эта губернія пріобрѣла въ свое время громкую всероссійскую извѣстность, благодаря грандіозному судебному дѣлу о преступныхъ дѣяніяхъ своихъ правителей и чиновниковъ. Дѣянія эти состояли въ мздопріимствѣ, лихоимствѣ и незаконныхъ поборахъ. Екатерина II, получивъ свѣдѣнія о беззаконіяхъ, творящихся въ Бѣлгородской губерніи, учредила особую комиссію для разслѣдованія ихъ, подъ предсѣдательствомъ гвардіи маіора Щербинина. Эта комиссія уличила во взяточничествѣ тридцать девять чиновныхъ «персонъ», надъ коими послѣдовалъ судъ и приговоръ правительствующаго Сената. 11 ноября 1766 года приговоръ этотъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, былъ конфирмованъ императрицею.

Во главѣ бѣлгородскихъ взяточниковъ и «мздопріимцевъ» изъ начальствующихъ лицъ стоялъ губернаторъ, тайный совѣтникъ Салтыковъ. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что зналъ о незаконномъ (безпошлинномъ) винокуреніи въ малороссійскихъ слободахъ ввѣренной ему губерніи и, по показанію слобожанъ, не воспрещалъ этого винокуренія, потому что съ 1751 по 1761 годъ получилъ съ нихъ взятокъ на сумму 4,600 руб. Довѣренными лицами Салтыкова по дѣламъ лихоимства были: прапорщики Амосовъ и Болотниковъ. Первый изъ нихъ ко времени суда умеръ, а второй подъ

присягой показалъ, что кромѣ 4,600 руб., переданныхъ губернатору Салтыкову, онъ, Болотниковъ, далъ ему же взятку въ 300 руб., чтобы получить прибыльную командировку въ малороссійскія слободы якобы для пресѣченія корчемства. До чего Салтыковъ пристрастился къ взяткамъ, видно изъ того, что онъ отъ корчемнаго смотрителя Бакшеева не погнушался взять серебряную дощечку цѣною въ 10 рублей и 6 попонъ, изъ которыхъ каждая стоила 2 руб.

Губернаторъ Салтыковъ, какъ видно изъ сенатскаго дѣлопроизводства, имѣлъ смѣлость подъ присягой отрицать свою виновность. О незаконномъ винокуреніи въ Бѣлгородской губерніи, по его словамъ, онъ знать не зналъ и вѣдать не вѣдалъ. Но улики были на лицо, и Сенатъ приговорилъ бѣлгородскаго губернатора къ лишенію должности и взысканію съ него въ пользу казны полученныхъ имъ взятокъ. Екатерина, однако, освободила Салтыкова отъ денежнаго взысканія за силою всемилостивѣйшаго 22 сентября 1762 года указа.

За бѣлгородскимъ губернаторомъ слѣдуетъ правящій губернаторскую должность дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Григорій Шаховской. Онъ по слѣдствію и сенатскому суду оказался виновнымъ въ полученіи взятокъ за дозволеніе незаконнаго винокуренія. Сумма этихъ взятокъ за три года службы Шаховскаго равняется 1,315 руб. Сенатъ приговорилъ Шаховскаго къ лишенію всѣхъ чиновъ и исключенію изъ службы. Императрица согласилась съ этимъ приговоромъ во второй его части, а лишеніе чиновъ по «материнскому снисхожденію» замѣнила Шаховскому четырехлѣтнею ссылкой въ деревню съ тѣмъ, чтобы онъ не смѣлъ въѣзжать въ Бѣлгородскую губернію, «въ которой столь много соблазна учинилъ», и, кромѣ того, уплатилъ въ пользу московскаго сиропитательнаго дома вдвое противъ полученной имъ суммы взятокъ, т. е. 2,630 руб.

Губернаторскій товарищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Безобразовъ былъ уличенъ во взяткахъ съ чиновниковъ Бѣлгородской губерніи за посылку ихъ въ тѣ слободы, гдѣ «неуказное вину куреніе было». На судѣ успѣли раскрыть только 90 руб. взятокъ, данныхъ Безобразову. Въ полученіи этихъ взятокъ обвиняемый признался, но объяснилъ, что онѣ взяты съ чиновниковъ безъ вымогательства. За это Екатерина II, согласно съ мнѣніемъ Сената, конфирмовала: Петра Безобразова лишить чина и впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять.

Другой товарищъ бѣлгородскаго губернатора Яковъ Сухотинъ также изобличенъ въ «знаніи о неуказномъ винномъ куреніи и во взяткахъ съ посыланныхъ для искорененія того». Онъ нахваталъ взятокъ вдвое болѣе Безобразова; именно деньгами 175 рублей и натурою 14 ведеръ вина и водки. Но позорнаго наказанія Сухотину

удалось избѣжать, такъ какъ онъ поспѣшилъ умереть. Конфирмовано было: «какъ Сухотинъ умеръ, то не осталось ничего болѣе какъ деньгамъ, такъ за вино и водку взысканіе учинить съ имѣнія виновнаго, что учинить и велѣно канцеляріи конфискаціи».

Отъ начальствующихъ лицъ въ полученіи взятокъ не отсталъ и бѣлгородскій вице-губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорій Толстой. Онъ получилъ на свой пай отъ курившихъ безпошлинно вино слободъ въ 1761 году 407 руб. 50 коп. и вина 50 ведеръ. За эту продѣлку Сенатъ приговорилъ Толстого къ лишенію двухъ чиновъ и исключенію изъ службы. Низшіе чины бѣлгородской губернской канцеляріи (присутственнаго мѣста равнаго теперешнему губернскому правленію) точно также пользовались незаконнымъ винокуреніемъ, какъ дойной коровой. Экзекуторъ канцеляріи, прапорщикъ Иванъ Поповъ, при проѣздѣ черезъ малороссійскія слободы, взялъ съ слобожанъ 17½ ведеръ вина и 12 рублей денегъ, а прокуроръ Алексѣй Зыбинъ получилъ за попущеніе незаконнаго винокуренія въ 1761 году 50 руб., въ 1762—200 руб., въ 1763—30¾ ведеръ вина и 190 руб. денегъ. Другой прокуроръ бѣлгородской канцеляріи Александръ Янковъ былъ уличенъ въ полученіи 250 руб. взятокъ, а вышеупомянутый Болотниковъ, исправлявшій должность экзекутора губернской канцеляріи, признался въ мздопріимствѣ отъ неуказного винокуренія 1,100 руб. и 200 ведеръ вина. Болотникову досталась львиная доля въ добычѣ отъ незаконнаго куренія вина потому, что онъ служилъ передаточнымъ пунктомъ для взятокъ, плывущихъ губернатору въ руки. За это Сенатъ опредѣлилъ Болотникова лишить всѣхъ чиновъ и впредь на службу не опредѣлять, а остальныхъ, указанныхъ нами чиновъ губернской канцеляріи, лишить одного только чина, а Зыбину, кромѣ того, воспрещено было въѣзжать въ резиденціи въ теченіе четырехъ лѣтъ.

Переходимъ теперь къ секретарямъ губернской канцеляріи. Одинъ изъ нихъ, Ильинскій, набралъ взятокъ 245 р. и 2½ ведра вина натурою, а Данилевскій 520 р. Сенатъ лишилъ этихъ взяточниковъ одного чина; но Екатерина II освободила ихъ отъ наложеннаго штрафа. Бухгалтеръ губернской канцеляріи оказался виновнымъ въ полученіи 540 рублей взятокъ отъ незаконнаго винокуренія и въ подачѣ фальшиваго о томъ рапорта. Подача фальшиваго рапорта, по мнѣнію Сената, усугубила вину бухгалтера настолько, что онъ былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ чиновъ, публичному наказанію плетьми и ссылкѣ въ Сибирь. Первыя два наказанія, по конфирмаціи императрицы, были отмѣнены.

Вслѣдъ за чиновниками бѣлгородской губернской канцеляріи идетъ рядъ воеводъ. Отъ преступнаго винокуренія попользовались воеводы городовъ: Яблонова, Рыльска, Новаго Оскола, Курска, Сѣвска и Стараго Оскола.

Нѣкоторые изъ нихъ урвали порядочные куски отъ незаконнаго винокуренія; такъ напр. яблоновскій воевода Баранцевъ взялъ 1595 рублей и 23 ведра вина, а его предшественникъ Ахлебининъ удостоился получить взятокъ на 3000 р. Другіе—получили меньше. Но наказаніе всѣмъ виновнымъ воеводамъ было конфирмовано одинаковое: лишеніе одного чина и взысканіе полученныхъ незаконно денегъ. Мелкая братія чиновниковъ въ разныхъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ сплошь и рядомъ оказалась перепачканною взяточничествомъ съ неуказного винокуренія; но полученныя ими взятки уже малаго калибра. Такъ напр. города Курска секретарь цапнулъ 85 рублей и даже натурою не получилъ ничего. Города Стараго Оскола ассесоръ Василій Гороховъ взялъ поболѣе: 215 рублей денегъ, ведеръ съ пять винца, да лошадку въ 30 рублей. А старооскольскій регистраторъ Елисей Булгаковъ, знавшій, по словамъ Сената, о неуказномъ винномъ куреніи и уличенный въ недонесеніи объ ономъ, взялъ съ слободъ 70 р. деньгами и часы въ 20 р. Нѣкоторые чиновники брали подачку въ 12 и 10 рублей, брали шелковую матерію и сахаръ, и одинъ изъ нихъ Цареградцевъ за взятку въ 12 рублей попалъ въ Сибирь на поселеніе. Замѣчательно, что тѣ изъ взяточниковъ, которые сознались въ своихъ неправедныхъ и преступныхъ дѣяніяхъ, на судѣ по возможности старались уменьшить сумму полученныхъ ими взятокъ.

Скорбный листъ бѣлгородскихъ лихоимцевъ заканчиваютъ собой корчемные смотрители и прочіе, кому ближе всего было поручено оберегать и охранять интересы казны при винокуреніи. Акцизные чиновники прошлаго вѣка не забывали изреченія: «на что жъ привѣшены намъ руки»... Осуждено было Сенатомъ корчемныхъ смотрителей и надзирателей 13 человѣкъ изъ разныхъ провинцій Бѣлгородской губерніи. Присутствующій бѣлгородской корчемной конторы Бакшеевъ за два года набралъ съ винокуренія малороссійскихъ слободъ 3,111 рублей. Корчемный смотритель Бахтинъ взялъ 1,495 руб., Степанъ Скибинъ 1,620 рублей, и лошадь цѣною въ 15 руб., Чейкинъ—730 руб. да жеребенка рублей въ 10. Надзиратель корчемной рыльской экспедиціи Раевской стянулъ 30 рублей сахаромъ и 15 ведеръ вина.

Большинство преступныхъ корчемныхъ чиновниковъ наказаны исключеніемъ изъ службы и взысканіемъ похищенныхъ ими денегъ вдвое. Нѣкоторые оштрафованы строже — именно написаніемъ въ канцеляристы.

Расходы по содержанію слѣдственной комиссіи опредѣлено было взыскать съ имѣнія обвиненныхъ тридцати девяти человѣкъ (не исключая и умершихъ, но оставившихъ какую-нибудь собственность). Но нужно сказать, что, кромѣ 39 важнѣйшихъ преступниковъ, слѣдствіемъ было открыто еще нѣсколько уличенныхъ во взяткахъ, но ихъ повелѣно было судить обычнымъ порядкомъ ко-

миссіи, производившей въ Бѣлгородской губерніи слѣдствіе, не вознося дѣла на судъ Сената. Затѣмъ Правительствующій Сенатъ нашелъ, «что учрежденная при московскихъ сената департаментахъ слѣдственная комиссія отъ вышеписанныхъ губернатора Салтыкова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Безобразова, статскаго совѣтника Сухотина и прокурора Янкова, не стараясь чрезъ слѣдствія и доказательства сыскать самой истины, не имѣя точнаго закона и не представя въ Сенатъ, приводила къ присягѣ, что весьма съ закономъ не сходно; и для того, по мнѣнію Сената, по силѣ 1723 года указу съ бывшихъ въ той комиссіи присутствующихъ и секретаря взыскать штрафъ пятьсотъ рублей».

Однако Екатерина II не согласилась съ мнѣніемъ Сената и написала:

«Какъ комиссія учреждена особливо по нашему именному указу, то для скорѣйшаго изысканія истины не слѣдовало производить дѣло съ формою суда, которая повелѣвается 1723 года указомъ; почему комиссія, не имѣя кратчайшаго пути къ достиженію истины, за неимѣніемъ свидѣтельствъ, приводила ихъ къ присягѣ не въ противность помянутаго указа и для того съ комиссіи штрафа не взыскивать».

Вообще, за свое взяточничество администрація и чиновники Бѣлгородской губерніи отдѣлались дешево, а, между тѣмъ, общая сумма взятокъ, которыя были раскрыты судомъ, достигаетъ почтенной цифры 35,300 рублей деньгами и натурою: 300 ведеръ вина, пять лошадей, нѣсколько пудовъ сахару, нѣсколько аршинъ матеріи и часы въ 20 руб. Нечего говорить, что цифра взятокъ, необнаруженныхъ слѣдственною комиссіею, также должна быть не малою...

Дѣло Бѣлгородской губерніи закончилось изданіемъ указа для обнародованія его повсемѣстно слѣдующаго содержанія:

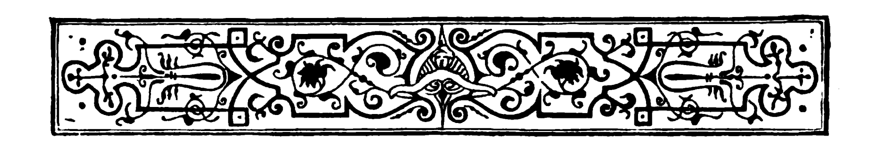
«Многократно въ народъ печатными указами было повторяемо, что взятки и мздопріимство развращаютъ правосудіе и утѣсняютъ бѣдствующихъ. Сей, вкоренившійся на судѣ порокъ, при восшествіи нашемъ на престолъ, перво всего понудилъ насъ въ 1762 году іюля 18 дня манифестомъ объявить въ народъ наше матернее увѣщаніе, дабы тѣ, которые заражены еще сею страстію, отправляя судъ такъ, какъ дѣло Божіе, воздержалися отъ такого зла; а въ случаѣ ихъ преступленія и за тѣмъ нашимъ увѣщаніемъ не ожидали бы болѣе нашего помилованія. Но къ чрезмѣрному нашему сожалѣнію открылось, что и теперь нашлися такіе, которые мздопріимствовали въ утѣсненіе многимъ и въ повреждение нашего интереса, а что паче всего, будучи сами начальствующіе и одолженные собою представлять образъ храненія законовъ подчиненнымъ своимъ, тѣ самые преступниками учинилися и ихъ въ то же зло завели. Вслѣдствіе чего учинили мы въ Бѣлгородской губерніи особливую комиссію о неуказномъ винномъ куреніи, и, забравъ всѣхъ,

по сему приличившихся, повелѣли накрѣпко изслѣдовать о ихъ преступленіи. По окончаніи комиссіи Сенатъ нашъ всеподданнѣйше намъ представилъ, что нѣкоторые изъ нихъ чрезъ собственное признаніе, а другіе чрезъ изобличеніе явилися виновны, и какому кто по законамъ подлежитъ наказанію, подалъ намъ всеподданнѣйшій докладъ. Но мы сколь ни признаваемъ великимъ преступленіемъ дерзостное таковыхъ неповиновеніе нашимъ указамъ, видя однако же тяжесть наказанія законами предписанную, еще милосердію нашему даемъ мѣсто, почему и восхотѣли преступившихъ въ наказаніи имъ облегчить. А какое кому подписали, оное въ особливомъ приложеніи за нашею конфирмаціей при семъ прилагаемъ, и Сенату повелѣваемъ, какъ сей нашъ указъ, такъ помянутое приложеніе публиковать во всемъ нашемъ государствѣ».

Только 19 лѣтъ послѣ этого казуса просуществовала Бѣлгородская губернія. Въ 1785 году она была закрыта и на ея мѣстѣ возникли новыя губерніи, которыя существуютъ и доднесь.

А. Танковъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. Г. Вороновъ. Старые и молодые народы и ихъ наслѣдственность. Москва. 1888. Его же. Основной законъ исторіи. Москва. 1888.

«Уисторіи двѣ стороны: въ одной является намъ свободное творчество духа человѣческаго, въ другой — независимыя отъ него, данныя природою, условія его дѣятельности». Эту фразу Грановскаго взялъ г. Вороновъ эпиграфомъ ко второму изъ своихъ сочиненій, заглавія которыхъ мы выписали, и какъ антропологъ, занимается вопросомъ о значеніи природныхъ условій въ исторіи. Изъ закона наростающей наслѣдственности авторъ дѣлаетъ выводы о сравнительной устойчивости расовыхъ признаковъ: тѣ признаки устойчивѣе, которые принадлежатъ расамъ старымъ. Вpossростъ расъ опредѣляется числомъ поколѣній, которое зависитъ отъ времени вступленія въ бракъ женщинъ различныхъ расъ,—а это обусловливается въ свою очередь временемъ появленія менструацій. Эти соображенія автора очень интересны и доказываются многими фактическими данными, но нельзя сказать того же, когда авторъ окончательно вступаетъ въ чуждую ему область исторіи и пытается открыть какой-то «основной законъ исторіи». Тутъ г. Вороновъ даетъ полную волю своей фантазіи и нисколько не стѣсняется точно установленными фактами. Основной законъ, открытый г. Вороновымъ, гласитъ слѣдующее: «каждый народъ однѣ и тѣ же стадіи умственнаго развитія проходитъ въ одно и то же опредѣленное число поколѣній, но не въ одинаковое число лѣтъ». Говоря a priori, мы не можемъ не признать за этимъ закономъ значительной доли вѣроятности: при одинаковости прочихъ условій развитія, разница въ числѣ поколѣній, а слѣдовательно и въ силѣ наростающей наслѣдственности, должна несомнѣнно влiять на духовный ростъ народовъ, но для точнаго опредѣленія этого вліянія именно нужна одинаковость прочихъ условій,—въ этомъ вопросѣ наиболѣе важенъ основной пріемъ индукціи—изолированіе явленій. Но г. Вороновъ не обратилъ вниманія на этотъ пунктъ и пустился въ весьма обширныя и произвольныя разсужденія о развитіи европейскихъ народовъ. Онъ нашелъ въ ихъ исторіи такое общее явленіе: у

всѣхъ у нихъ отъ начала государственности до золотого вѣка литературы смѣнилось по 80 поколѣній. Это открытіе тоже оказалось закономъ, но мы думаемъ достаточно привести одинъ изъ фактовъ, при помощи которыхъ выведенъ такой законъ, чтобы увидѣть его произвольность: золотой вѣкъ русской литературы приходится по мнѣнію г. Воронова, около 1827 г., — и вотъ чтобы отсчитать 80 поколѣній, г. Вороновъ заявляетъ, что русская государственность зародилась около 500 года! Не правда ли, что съ такими пріемами можно открыть массу всякихъ историческихъ законовъ! Кому только нужны будутъ эти законы? А между тѣмъ, мы все-таки повторяемъ, что основная идея г. Воронова не лишена научнаго значенія и, присматриваясь къ фактамъ историческимъ, изъ нея можно бы было сдѣлать нѣкоторые весьма интересные выводы, но только съ этими фактами нужно обращаться поосторожнѣе, нужно помнить, что они тоже факты, и какъ таковые, заслуживаютъ не менѣе уважанія къ своей неприкосновенности, чѣмъ данныя естествено-научныя, которыхъ г. Вороновъ не позволяетъ себѣ тасовать, какъ вздумается.

А. В—инъ.

Матеріалы для исторіи русскаго флота. Часть XII. — Описаніе дѣлъ архива морскаго министерства за время съ половины XVII до начала XIX столѣтія. Томъ V. Спб. 1888.

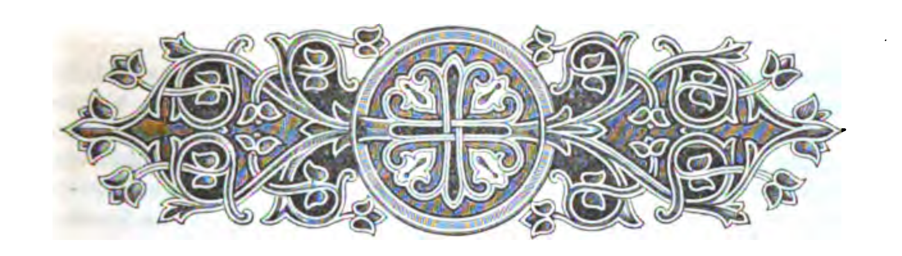
Изданіе «Матеріаловъ для исторіи русскаго флота» начато было еще подъ редакціей С. И. Елагина; имъ было выпущено 4 первыхъ тома, заключающихъ въ себѣ драгоцѣнное собраніе свѣдѣній о морской дѣятельности за царствованіе Петра Великаго. Но изданіе г. Елагина представляло большія неудобства для справокъ какъ по системѣ расположенія матеріала, такъ и главнымъ образомъ по отсутствію указателей. Въ послѣдующихъ томахъ «Матеріаловъ» эти недостатки были устранены новымъ редакторомъ, г. Веселого, каждый томъ снабжается алфавитнымъ указателемъ именъ личныхъ и подробнѣйшимъ систематическимъ указателемъ содержанія книги. Документы публикуемые въ «Матеріалахъ», представляютъ большую цѣнность, въ нихъ мы находимъ свѣдѣнія о строеніи судовъ и судовомъ составѣ флота, о плаваніяхъ и военныхъ дѣйствіяхъ, о личномъ составѣ флота, портовыхъ и административныхъ учрежденій, о хозяйственной части, артиллеріи, снарядахъ, объ учебной части, гидрографіи, гидрографическихъ экспедиціяхъ, морской торговлѣ, промыслахъ, внутреннемъ судоходствѣ, объ отношеніяхъ къ иностраннымъ державамъ, морскомъ международномъ правѣ и т. д. Настоящій XII томъ «Матеріаловъ» заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, относящіяся ко второму десятилѣтію царствованія императрицы Екатерины II, и содержитъ документы съ 1772 по 1782 годъ включительно. Эпоха эта въ исторіи нашего флота представляется очень важною, особенно интересны его дѣйствія въ Средиземномъ морѣ и въ Архипелагѣ, и настоящій томъ даетъ много любопытныхъ подробностей объ этихъ дѣйствіяхъ.

Не менѣе важнымъ, чѣмъ предъидущее изданіе, является «Описаніе дѣлъ архива морскаго министерства», выполняемое въ чрезвычайно широкихъ размѣрахъ и съ необыкновенною тщательностью. До сихъ поръ вышло четыре тома этого «Описанія», во вновь изданномъ теперь пятомъ томѣ (заключающемъ въ себѣ 1052 стр. большого in 4°) помѣщены описанія семи слѣдующихъ отдѣловъ архива: 1) дѣлъ воинской морской комиссіи съ 1731 по 1753 г.;

2) дѣлъ комиссіи россійскихъ флотовъ и адмиралтейскаго правленія съ 1757 по 1782 г.; 3) дѣлъ комиссіи образованія флота съ 1802 по 1805 г.; 4) дѣлъ адмирала графа Головина съ 1733 по 1757 г.; 5) бумагъ, переданныхъ изъ кабинета императрицы Екатерины II, съ 1776 по 1796 г.; 6) дѣлъ адмирала Семена Ивановича Мордвинова съ 1762 по 1784 г.; и 7) дѣлъ гр. Ивана Григорьевича Чернышева съ 1762 по 1796 г. Дѣла, заключающіяся въ первыхъ трехъ отдѣлахъ, принадлежатъ tремъ временнымъ учрежденіямъ, которымъ въ разное время поручалось преобразованіе нашего флота и морской администраціи, съ цѣлью возможнаго ихъ усовершенствованія; а въ отдѣлахъ 4-мъ, 6-мъ и 7-мъ находятся дѣла лицъ, стоявшихъ въ разные періоды во главѣ морскаго управленія, съ первыхъ годовъ царствованія императрицы Анны Іоанновны до кончины императрицы Екатерины II. Къ «Описанію» приложены образцовые указатели предметовъ, названій географическихъ, именъ судовъ, именъ личныхъ и годовъ по вязкамъ. А. В.

В. В. Латышевъ. Очеркъ русскихъ древностей. Ч. I. Государственныя и военныя древности. Изд. 2-е. Спб. 1888.

Въ предисловіи къ своему труду г. Латышевъ высказываетъ совершенно вѣрную мысль, что «чтеніе древнихъ писателей въ гимназіяхъ не должно преслѣдовать исключительно грамматическія цѣли, а должно вводить своихъ юныхъ читателей въ кругъ понятій и взглядовъ древнихъ народовъ, знакомить съ ихъ міросозерцаніемъ и формами жизни». Съ этою цѣлью онъ и составилъ «Очеркъ», который долженъ служить молодымъ людямъ не только пособіемъ для основательнаго и отчетливаго усвоенія объясненій преподавателя, но и справочной книгой при самостоятельномъ чтеніи классиковъ. Книга г. Латышева составлена съ большимъ знаніемъ дѣла, такъ что цѣль, намѣченная авторомъ, достигается вполнѣ; въ пользу книги говоритъ и второе ея изданіе. Содержаніе своего «Очерка» авторъ раздѣлилъ на четыре отдѣла: первый отдѣлъ содержитъ историческій обзоръ развитія формъ государственной жизни эллиновъ; во второмъ говорится о Спартанскомъ государствѣ; третій, занимающій половину книги, заключаетъ въ себѣ обстоятельное изложеніе Аѳинскаго государственнаго устройства, и, наконецъ, въ четвертомъ отдѣлѣ разсматриваются международныя отношенія грековъ. Въ концѣ каждой почти главы даются библіографическіе указатели новой литературы, относящейся къ излагаемому въ данной главѣ отдѣлу древностей; эти указанія автора очень цѣнны, такъ какъ даютъ возможность молодымъ людямъ на первыхъ порахъ оріентироваться въ богатой иностранной литературѣ. Въ концѣ книги приложенъ указатель личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ сочиненіи, а также и указатель греческихъ словъ и выраженій: указатели, конечно, много облегчаютъ пользованіе книгой. Такъ какъ «Очеркъ» г. Латышева назначается въ пособіе для студентовъ филологовъ и для гимназистовъ старшихъ классовъ, то авторъ не упускаетъ случая, гдѣ только представляется возможность, указывать греческія техническія слова и выраженія, а также часто дѣлаетъ ссылки на источники. И. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Атенеумъ о письмахъ Петра I, графини Румянцовой и объ исторіи профессора Виноградова.—Англійскій романъ изъ русской жизни.—Нѣмецкія книги о новомъ императорѣ.—Политическая перебранка Австріи съ Пруссіей.—Брошюры о Фридрихѣ III вѣнскія и берлинскія. — Вѣротерпимость католицизма и протестантства.—Политика Салисбюри.

АНГЛІЙСКІЙ критическій журналъ «Атенеумъ» отзывается съ большой похвалой о «Письмахъ Петра Великаго», изданныхъ стараніями графа Толстого. Журналъ называетъ чрезвычайно интереснымъ этотъ первый томъ корреспонденціи, обнимающій 14 лѣтъ, отъ 1688 по 1701 годъ, и отдаетъ полную справедливость трудамъ по изданію гг. Бычкова и Замысловскаго, составившихъ къ этому тому указатель техническихъ и вышедшихъ изъ употребленія словъ. Число писемъ Петра I, собранныхъ до сихъ поръ, простирается до десяти тысячъ, и историческое значеніе ихъ, конечно, не меньше корреспонденціи Наполеона и Фридриха II. Упомянувъ о томъ, что починъ изданія этихъ писемъ принадлежитъ гр. Д. А. Толстому, англійскій журналъ говоритъ и о другомъ замѣчательномъ изданіи министра— письмахъ графини Румянцовой, рожденной Голицыной, вдовы фельдмаршала и матери канцлера. Хотя письма эти относятся преимущественно къ жизни самой графини, несчастной въ семейномъ быту, но въ нихъ много любопытныхъ подробностей о дворѣ Екатерины II, особенно въ послѣднихъ письмахъ, относящихся къ семидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія. Журналъ дѣлаетъ также самый сочувственный отзывъ о книгѣ профессора Виноградова: «Изслѣдованіе по общественной исторіи Англіи въ средніе вѣка» (Researches into the social history of England in the middle ages). Трудъ этотъ, критикъ считаетъ чрезвычайно интереснымъ, и благодаритъ отъ имени англійской публики русскаго писателя за то, что онъ посвятилъ столько времени, труда и изысканій для изученія древней

англійской исторіи. «Рѣдко приходится намъ говорить такіе комплименты иностранцу»,—прибавляетъ англійскій критикъ, — «г. Виноградовъ изучилъ основательно всю литературу этой эпохи, ея исторіографію». Критикъ дѣлаетъ обширныя выписки изъ труда г. Виноградова и, въ особенности хвалитъ изложеніе саксонской эпохи, когда преобладала не аристократія, а свободные классы. Только норманское завоеваніе сдѣлало изъ нихъ вассаловъ, введя феодальныя учрежденія. «Атенеумъ» настаиваетъ на необходимости скорѣйшаго перевода на англійскій языкъ сочиненія г. Виноградова.

— Журналъ этотъ представляетъ также оцѣнку романа изъ русской и англійской жизни подъ страннымъ названіемъ: «Кто такая Вѣра?» (Who is Vera? a novel, wherein englich and russian life are interwoven, by A. E. Schlötel). Критикъ называетъ это трехтомное произведеніе чрезвычайно запутаннымъ: въ немъ движется столько характеровъ и «въ такихъ эксцентрическихъ орбитахъ», что трудно отыскать руководящую нить въ этихъ странныхъ похожденіяхъ. Герои разсказа, конечно, нигилисты — безъ нихъ не обходится ни одинъ романъ изъ русской жизни, хотя въ самой русской жизни ихъ теперь труднѣе встрѣтить, чѣмъ бѣлую ворону. Англійскій критикъ находитъ этихъ нигилистовъ совершенно неестественными, но говоритъ, что изображеніе обычаевъ домашняго быта и природы Россіи интересны и вѣрны дѣйствительности. Авторъ — должно быть нѣмецъ, имѣвшій возможность изучить наше отечество.

— О новомъ прусскомъ королѣ и германскомъ императорѣ публика съ жадностью ищетъ свѣдѣній въ брошюрѣ его наставника Гинцпетера и въ книгахъ вышедшихъ еще до воцаренія Вильгельма II, какъ «Fürstliche Character Züge», Обербрейера — «Берлинскій дворъ и его политика» (Der Berliner Hoff und sein Politik) и Гендрихса—«Принцъ Вильгельмъ Пусскій» (Prinz Wilhelm von Preussen). Всѣ свѣдѣнія о молодомъ властелинѣ сводятся къ тому, что эта натура, одаренная замѣчательною силою воли и твердостью характера. Наставникъ его говоритъ, что даже въ ранней молодости ничто не могло побѣдить его упорства, если онъ однажды принялъ какое-нибудь рѣшеніе. Это—черта хорошая, если только упорство не переходитъ въ ничѣмъ не мотивированное упрямство. Сынъ либеральнаго принца и матери-англичанки до мозга костей, онъ не сдѣлался ни либераломъ, ни англоманомъ. Отецъ хотя и развилъ въ немъ любовь къ наукамъ, къ гражданской жизни, но онъ пристрастился къ военному ремеслу и сдѣлался образцовымъ служакой, — ein ganzer Soldat — какъ называетъ его біографъ. Даже въ февралѣ 1881 года, бывши женихомъ, онъ чуть не всякій день уѣзжалъ отъ невѣсты изъ Берлина въ Потсдамъ дѣлать смотры своему полку. А между тѣмъ, самый бракъ его совершился въ силу настояній принца, такъ какъ встрѣтились препятствія по вопросу о наслѣдованіи, возникшія въ 1880 году, по смерти герцога шлезвигъ-голштейнскаго, отца невѣсты, съ которой принцъ познакомился въ 1879 году, охотясь въ лѣсахъ близь замка Примкенау, гдѣ жила принцесса Августа, бывшая годомъ старше своего жениха. Оба они не любятъ ни баловъ, ни выѣздовъ, ни большихъ пріемовъ и ведутъ тихую семейную жизнь. У нихъ уже пятеро дѣтей, пять принцевъ— послѣдній родился въ то время, когда Вильгельмъ II пріѣхалъ въ Стокгольмъ изъ Петербурга. Преданный всецѣло военному дѣлу, онъ не разстается съ мундиромъ и дома, говоритъ скоро, отрывисто, принимаетъ быстрыя рѣшенія, не сдерживается въ выраженіи своихъ мнѣній, что поражаетъ въ при-

дворныхъ сферахъ, гдѣ привыкли скрывать мысли, взвѣшивать каждое слово. Фраза его о значеніи Бисмарка въ царствованіе Фридриха III поразила дипломатическій міръ своей прямотой. Еще раньше, въ 1886 году, въ засѣданіи евангелической комиссіи, принцъ, какъ чрезвычайно набожный лютеранинъ, такъ рѣзко высказался объ анархистахъ, демократахъ и евреяхъ, что послѣдніе не ждутъ для себя ничего хорошаго отъ новаго царствованія. Не смотря на слабость лѣвой руки, происходящую отъ ушиба въ дѣтствѣ, Вильгельмъ II хорошій стрѣлокъ и пловецъ. Онъ также недурной живописецъ и, страстно любя море, рисуетъ больше морскіе виды и сцены морскихъ сраженій. Но прежде всего, онъ человѣкъ прямой, правдивый, вѣрный своему слову и своимъ привязанностямъ. Нѣжная дружба соединяетъ его, съ дѣтскихъ лѣтъ, съ наслѣдникомъ габсбургскаго дома Рудольфомъ, но вѣрный завѣтамъ своего дѣда, онъ, тотчасъ по воцареніи, пріѣхалъ въ Россію возобновить традиціонную дружбу царственныхъ домовъ двухъ сосѣднихъ имперій, и пріемъ, какой онъ встрѣтилъ здѣсь, конечно, еще болѣе укрѣпитъ связь, соединяющую Россію съ Германіей.

— О покойномъ императорѣ, Фридрихѣ III, также продолжаютъ появляться брошюры. Выходящія въ Австріи враждебно относятся къ Пруссіи. Одна изъ нихъ сильно возстала противъ политики канцлера и позволила себѣ дѣйствительно очень рѣзкое осужденіе этой политики, по поводу болѣзни Фридриха III, не допустившей его осуществить свои планы. Вотъ въ какомъ видѣ вѣнская брошюра рисуетъ современное положеніе Германіи: «Всѣ державы стоятъ съ оружіемъ въ рукахъ, свобода народовъ сдѣлалась сказкой. Грубый милитаризмъ, полный ненависти и нетерпимости эгоизмъ, вездѣ выступаютъ впередъ, полуобразованіе проникаетъ на каѳедры и трибуны, въ молодое поколѣніе. Это — такъ называемый реализмъ нашего времени. Обуздать его желалъ императоръ Фридрихъ III, вступая на престолъ, побѣдить—идеализмомъ просвѣщеннаго міровоззрѣнія. Такова была его программа, направленная къ высшимъ цѣлямъ. Но этотъ императоръ — былъ державный мученикъ. Въ немъ народъ потерялъ свѣтлую надежду, которая одна поддерживала его вѣру въ миръ и въ сопротивленіе той реакціи, которая заставляетъ его расплачиваться внутри государства за то, что онъ добылъ своею кровью внѣ его». На эту правдивую выходку отвѣчала «Kölnische Zeitung»: «Значитъ Германія не счастлива и не свободна! Идеализмъ уступилъ вездѣ мѣсто военному духу, и только вслѣдствіе смерти Вильгельма I германскій народъ началъ вѣрить въ миръ и свободу! Мы съ презрѣніемъ относимся къ подобнымъ безстыднымъ оскорбленіямъ народа и его императора! Но мы желали бы предложить вопросъ: что должны мы думать объ австрійскихъ нѣмцахъ, когда вѣнская печать позволяетъ себѣ такъ относиться къ лицамъ, основавшимъ нѣмецкое государство, удержавшимъ миръ ради Европы и, въ особенности, ради Австро-Венгріи? Не смѣшно ли изображать нѣмецкій народъ страдающимъ, мечтающимъ объ избавленіи, находящимся подъ давленіемъ ужасной реакціи?... Но, вспоминая, что вся наша политика при Вильгельмѣ I была направлена къ тѣснѣйшей дружбѣ съ габсбургскимъ домомъ, мы едва въ состояніи удержаться отъ негодованія, при видѣ униженій и оскорбленій, наносимыхъ намъ сосѣднимъ государствомъ. Даже Рошфоръ выражался о нѣмцахъ вѣжливѣе нѣмецкой австрійской печати». Такъ выражается бисмаркизмъ, задѣтый заживое, но не говоря уже о томъ, что «милые бранятся — только тѣшатся», никакая пере-

бранка на словахъ не мѣшаетъ Германіи поддерживать на дѣлѣ всѣ претензіи своей сосѣдки. Бисмарковскіе органы обидѣлись чуть только затронули ихъ патрона, а что же должны мы говорить, когда они чуть не каждый день осыпаютъ клеветами Россію, или обвиняютъ русскихъ людей въ томъ, что они сбираются проглотить Германію?

— Когда умеръ Вильгельмъ I, газеты передавали случаи, доказывающіе фанатизмъ и нетерпимость католическихъ священниковъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ надо было принуждать производить въ своихъ церквяхъ похоронный звонъ и служить панихиды по усопшемъ императорѣ. Теперь это подтверждаетъ одна изъ берлинскихъ брошюръ о Фридрихѣ III и прибавляетъ, что одинъ изъ самыхъ упорныхъ патеровъ заперъ даже церковь въ часы, назначенные для заупокойнаго богослуженія и самъ скрылся. Принуждены были взломать дверь, и когда отыскали святого отца и принудили его исполнить долгъ служителя церкви и вѣрноподданнаго, онъ отвѣчалъ очень спокойно: «къ чему всѣ панихиды по покойникѣ? вѣдь онъ все равно не попадетъ въ царство небесное!» Протестантская брошюра сильно негодуетъ, приводя эти черты католическаго фанатизма. Но чѣмъ же лучше и протестантскій раціонализмъ, когда приходится сообщать о такихъ фактахъ: въ покаянный день поста, лютеранскіе пасторы съ церковной каѳедры молились не о скорѣйшемъ исцѣленіи больного монарха, а о скорѣйшей его кончинѣ. Пасторъ въ Одербергѣ читалъ слѣдующую молитву: «такъ какъ мы не можемъ надѣяться, что императоръ выздоровѣетъ, то просимъ тебя Господи: возьми его скорѣе къ себѣ!» Стало быть, пасторъ отрицаетъ передъ своими прихожанами всемогущество и милосердіе Божіе? Пасторъ въ Потсдамѣ молился такъ: «Всевышній послалъ императору Вильгельму I вѣчный миръ, помолимся же, чтобы онъ избавилъ скорѣе и Фридриха III отъ земныхъ страданій и укрѣпилъ здоровье кронпринца». Въ тѣхъ же выраженіяхъ читалъ проповѣдь и пасторъ берлинской протестантской церкви и масса провинціальныхъ священниковъ. Пасторъ Пицкеръ, въ церкви, въ Борнштедтѣ, патрономъ которой былъ императоръ Фридрихъ III, произнесъ цѣлую политическую рѣчь, напечатанную и въ «Потсдамскихъ Извѣстіяхъ». Въ этой рѣчи служитель алтаря доказывалъ, что если Германія добилась чего-нибудь, «не смотря на страшнаго врага на востокѣ и западѣ, то обязана этимъ единственно великому канцлеру. А теперь Богъ посылаетъ кару за то, что хотятъ измѣнить политику канцлера. Наводненія въ Пруссіи служатъ первымъ предостереженіемъ. Но еще не поздно, и если Богъ услышитъ нашу молитву, политика канцлера останется безъ измѣненій». Это ли еще не благочестивый патріотизмъ или патріотическое благочестіе! Но чему же удивляться нѣмецкому духовенству, если и судебная нѣмецкая власть держится той же «канцлерской политики» — за всякое оскорбленіе Бисмарка въ печати — какъ бы незначительно оно ни было, усердно вчиняются уголовныя преслѣдованія, а газета «Deutsches Blatt» за оскорбительный отзывъ о больномъ императорѣ оставлена безъ всякаго преслѣдованія. Только нумера съ этой статьей были конфискованы.

— Если политикѣ Бисмарка случается по временамъ относится справедливо и благосклонно къ Россіи, то политику Салисбюри уже никакъ нельзя заподозрить въ смягченіи ея систематической вражды ко всему, что только касается русскихъ интересовъ. Видя въ каждомъ шагѣ Россіи покушеніе завладѣть Индіей, консервативный кабинетъ во всѣхъ случаяхъ международ-

ныхъ сношеній является постояннымъ противникомъ всѣхъ русскихъ предложеній. Теперь онъ употребляетъ всѣ усилія въ Константинополѣ, чтобы заставить султана смотрѣть на Болгарскій вопросъ съ англійской точки зрѣнія. Взглядъ Салисбюри не только на Болгарію, но и на всю внѣшнюю и внутреннюю политику раздѣляетъ вся страна, и Джонъ Морлей, въ рѣчи своей, вышедшей недавно отдѣльной брошюрою, напрасно говоритъ, что если парламентъ противъ Гладстона, то за него стоитъ весь народъ. А развѣ не этотъ же народъ выбралъ членовъ въ парламентъ? И теперь эти члены, большинствомъ почти ста голосовъ, отвергли билль о мѣстномъ самоуправленіи въ Ирландіи. Это тѣмъ болѣе несправедливо, что расширеніе общиннаго самоуправленія въ Англіи утверждено тою же палатою. Но министръ по ирландскимъ дѣламъ Бальфуръ, играющій въ Ирландіи роль палача и жандарма, понялъ, что эта страна еще не созрѣла, чтобы пользоваться такою же свободою какъ Англія. Ставя Ирландію въ исключительное положеніе, признавая ее внѣ закона, дѣйствующаго въ другихъ частяхъ Соединеннаго королевства, Салисбюри самъ уничтожаетъ то единство монархіи, о которомъ кричитъ въ своихъ рѣчахъ, поощряя въ ирландцахъ стремленіе къ обособленію. Странно, какъ не видятъ этого Чамберленъ, Гартингтонъ и другіе вожди либераловъ, отдѣлившіеся отъ Гладстона по нежеланію дать Ирландіи отдѣльный парламентъ и не допускающіе въ ней даже мѣстнаго самоуправленія. Какая же унія, какая связь можетъ существовать между двумя племенами, изъ которыхъ одно пользуется всѣми привилегіями свободной націи, а другое не имѣетъ никакихъ гражданскихъ правъ? Не смотря на всѣ притѣсненія англичанъ, на кровавыя столкновенія, происходящія чуть не всякій день въ Ирландіи, она все-таки добьется своего, но чего это будетъ ей стоить? Вѣдь добился же своего и Брадлоу, столько разъ изгоняемый изъ парламента за нежеланіе принести присягу въ исполненіи своего долга—по формулѣ, составленной въ религіозномъ духѣ. Нѣсколько разъ палата общинъ уничтожала избраніе Брадлоу и пристава силою выводили его изъ залы засѣданій за отказъ принести клятву именемъ Бога, въ котораго онъ не вѣритъ. Избиратели снова посылали его въ парламентъ, который снова исключалъ атеиста изъ своей среды. Такъ шло дѣло въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и, наконецъ, теперь палата согласилась съ мнѣніемъ лорда Шефтсбюри, высказаннымъ болѣе полвѣка назадъ, что присяга—«излишняя, безполезная профанація и формальность». Она замѣнена простымъ обѣщаніемъ: «обязываюсь показать вѣрно и правдиво» и за нарушеніе такого обязательства виновные подвергаются по закону такой же отвѣтственности, какъ за нарушеніе присяги. Мѣра эта будетъ примѣняться не только къ членамъ парламента, но къ присяжнымъ адвокатамъ, свидѣтелямъ и пр. Большинство палаты настояло только, чтобы члены, отказывающіеся отъ присяги, высказывали свои религіозныя убѣжденія, недозволяющія имъ исполнять этотъ обрядъ.

СМѢСЬ.

Раскопки въ Старой Рязани. Археологическія изслѣдованія въ селѣ Старой Рязани, производимыя въ настоящее время на средства археологической комиссіи правителемъ дѣлъ рязанской ученой архивной комиссіи А. В. Селивановымъ, привели къ весьма важнымъ открытіямъ. Раскопки внутри древняго Старо-Рязанскаго городища, бывшаго нѣкогда столицей рязанскаго княжества, обнаружили основаніе древняго храма, который, судя по найденнымъ внутри монетамъ и разнымъ вещамъ, относится къ XII вѣку. По предположенію г. Селиванова, храмъ этотъ—упоминаемый въ лѣтописяхъ Борисо-Глѣбскій соборъ, разрушенный во время нашествія Батыя въ 1237 году и бывшій мѣстомъ погребенія рязанскаго князя Глѣба Игоревича. Найденный же пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ г. Тихомировымъ на другомъ концѣ того же городища храмъ долженъ быть церковью Спаса, въ которой былъ погребенъ князь Олегъ Ингваревичъ, спустя лѣтъ 20 послѣ Батыева погрома. Въ томъ же храмѣ, какъ менѣе подвергшемся разрушенію, были похоронены и другіе рязанскіе князья, погибшіе во время татарскаго нашествія. Открытый въ настоящее время храмъ имѣетъ правильную крестообразную форму, съ пятью алтарными выступами. Длина его отъ средины главнаго алтаря до западной стѣны 40 арш., ширина около 37 аршинъ. Какъ внутри, такъ и внѣ храма найдено значительное количество могилъ съ человѣческими остовами. Вещи, найденныя на скелетахъ, а равно и способъ погребенія, указываютъ на болѣе древнюю эпоху, чѣмъ та, къ которой относится построеніе храма. Въ мусорѣ сохранившемся отъ стѣнъ собора и въ слоѣ земли, непосредственно лежащемъ ниже мусора, открыты различные предметы, всесторонне рисующіе бытовыя черты того времени. Заслуживаютъ вниманія чрезвычайно изящной работы звѣздообразныя массивныя серебрянныя ушныя привѣски, круглая серебрянная чашка съ изображеніемъ оленя на днѣ, бронзовая грудная фигура женщины и пр. Во множествѣ найдены различные желѣзные предметы, также осколки витыхъ браслетъ изъ разноцвѣтнаго стекла. Большинство мѣдныхъ византійскихъ монетъ, попадавшихся въ центральной части храма, относятся

въ царствованію императора Андроника I-го Комнина (1182—1185 года). Подробное описаніе найденныхъ въ Старой Рязани древностей будетъ помѣщено въ трудахъ рязанской ученой архивной комиссіи. Что же касается вещей, онѣ поступятъ въ рязанскій губернскій музей, сосредоточивающій въ себѣ уже довольно богатое собраніе мѣстныхъ древностей.

Памятникъ въ Жиржинскомъ лѣсу. 27-го іюля, въ день двадцатипятилѣтней годовщины боя въ Жиржинскомъ лѣсу, освященъ памятникъ, поставленный на мѣстѣ сраженія надъ могилою павшихъ воиновъ. На мѣстѣ Жиржинскаго боя, надъ братскою могилою павшихъ героевъ, поставленъ былъ памятникъ, представлявшій высокій чугунный восьмиконечный крестъ на кирпичномъ фундаментѣ, обнесенномъ чугунною рѣшеткою. Время и непогоды привели памятникъ въ разрушеніе. Мѣстные русскіе люди, число которыхъ все болѣе увеличивается въ томъ краѣ, и гарнизонъ крѣпости отнеслись горячо и сочувственно къ возобновленію памятника. Они собрали необходимую сумму и, благодаря участію ивангородскаго коменданта и новоалександрійскаго уѣзднаго начальника, памятникъ возстановленъ и освященъ 27-го іюля, въ день годовщины славнаго, хотя и несчастнаго для насъ боя. Придавая особенно важное значеніе торжеству освященія, генералъ Комаровъ наканунѣ отдалъ приказъ по гарнизону, поставивъ въ немъ павшихъ героевъ примѣромъ того, какъ долженъ умирать русскій солдатъ, а въ день открытія памятника назначилъ отъ всѣхъ частей гарнизона парадъ, на которомъ присутствовали начальствующія лица, гражданскія власти и офицеры гарнизона. Кромѣ того, у памятника собралась огромная масса крестьянъ, съ сочувствіемъ относившихся къ происходившему торжеству. Передъ началомъ панихиды комендантъ произнесъ передъ строемъ и собравшимся народомъ рѣчь, въ которой, объяснивъ значеніе происходящаго событія, передалъ солдатамъ завѣтъ лежащихъ подъ памятникомъ ихъ павшихъ товарищей: умирать за царя на томъ мѣстѣ, гдѣ застанетъ смерть, и лицомъ къ лицу съ нею. Многолѣтія Государю и христолюбивому побѣдоносному воинству каждый разъ встрѣчаемы были троекратными залпами пѣхоты и артиллеріи, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ памятникомъ, послѣ чего имъ предложено было угощеніе, а всѣ генералы, офицеры и гости приглашены были на устроенный хозяиномъ уѣзда г. Кириловичемъ завтракъ, во время котораго вновь вспомянуты были павшіе герои.

Ссыльный колоколъ. Въ нынѣшнемъ году въ Угличѣ возникла мысль о возвращеніи въ этотъ городъ ссыльнаго колокола изъ Сибири. Колоколъ этотъ, тотъ самый, которымъ, по сказаніямъ лѣтописца, въ 1591 году, 15-го мая, въ часъ послѣ обѣденнаго сна, соборный сторожъ Максимъ Кузнецовъ и священникъ Ѳедотъ, усмотрѣвъ убійство благовѣрнаго царевича Дмитрія, «стали звычно и необычно звонить и народъ въ городъ сзывать, и на тотъ тогда горько несчастный гласъ граждан множество сошлося и убійцъ Борисовыхъ изымаша и каменіемъ побиша».

Колоколъ этотъ былъ наказанъ «за доносъ» кнутомъ и съ вырваннымъ ухомъ отправленъ въ Сибирь, раздѣливъ такимъ образомъ, участь двухсотъ угличанъ, пострадавшихъ по тому же дѣлу отъ Бориса Годунова. Въ 1593 г. колоколъ былъ присланъ въ Тобольскъ къ церкви Спаса, съ назначеніемъ— быть набатнымъ, потомъ его перевезли на Софійскую соборную колокольню и опредѣлили въ часобитный. Затѣмъ, спустя нѣкоторое время, замѣстили въ рядъ зазвонныхъ. Наконецъ, въ 1836 году его сняли съ соборной колокольни и повѣсили при архіерейской Крестовой церкви, сдѣлавъ его при этой церкви «благовѣстнымъ».

Мысль о возвращеніи этого колокола изъ Сибири не нова; еще въ декабрѣ 1849 года угличскіе граждане, въ числѣ 40 человѣкъ, подали министру внутреннихъ дѣлъ, графу Перовскому, просьбу объ исходатайствованіи имъ разрѣшенія для возвращенія изъ Тобольска на ихъ счетъ этого колокола. По

докладу Николаю I повелѣно: «Удостовѣрясь предварительно въ справедливости существованія колокола въ городѣ Тобольскѣ и по сношеніи съ оберъ-прокуроромъ Св. Сѵнода, просьбу сію удовлетворить». Исполняя высочайшую волю, министръ вошелъ въ сношеніе съ оберъ-прокуроромъ, по предложенію котораго Сѵнодъ обратился съ вопросомъ о колоколѣ къ тобольскому архіерею; послѣдній отвѣтилъ, что дѣйствительно при его церкви находится карноухій колоколъ, слывшій ссыльнымъ, и указалъ на извѣстіе, напечатанное о немъ въ Тобольскѣ въ 1792 году. Затѣмъ, Сѵнодъ предписалъ ярославской духовной консисторіи собрать самыя вѣрнѣйшія свѣдѣнія о немъ. Въ этомъ предписаніи велѣно было обратить вниманіе на архивъ правленія; но такъ какъ хранящіяся въ немъ бумаги были не старше 1740 года, то никакихъ документовъ по вопросу о колокольнѣ найдено не было. Преосвященный Евгеній донесъ Сѵноду: «что ему ничего положительнаго объ означенномъ колоколѣ неизвѣстно». Сѵнодъ, разсмотрѣвъ все дѣло 11-го мая 1851 г., объявилъ, что добытыми свѣдѣніями не подтверждается мысль, что сей колоколъ есть тотъ самый, которымъ возвѣщено было въ Угличѣ убіеніе царевича. Этимъ и окончилось тогда дѣло о возвращеніи колокола изъ Сибири.

Въ 1882 г., въ бытность г. Пылаева въ Тобольскѣ, онъ видѣлъ ссыльный угличскій колоколъ. Виситъ онъ, въ числѣ другихъ четырехъ небольшихъ, снятый съ колокольни на деревянныхъ столбахъ въ оградѣ Святодуховской Крестовой церкви; вѣсу въ немъ 19 пудовъ 20 фунтовъ, толщина его въ 1½ вершка, ширина кругомъ около нижнихъ краевъ 3 аршина 12 вершковъ, мѣдь отъ древности—темнаго цвѣта, на колоколѣ высѣчена, несомнѣнно въ позднѣйшее время, слѣдующая надпись: «Сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго царевича Димитрія въ 1593 г., присланъ изъ городу Углича въ Сібірь въ ссылку въ градъ Тобольскъ, къ церкви всемилостиваго Спаса, что на торгу, а потомъ на Софійской колокольнѣ былъ набатный». Колоколъ карноухій, т. е. съ отсѣченнымъ ухомъ, звукъ у него рѣзкій и громкій.

Какъ у насъ сохраняютъ памятники русской старины. Корреспондентъ «Новаго Времени» сообщаетъ поистинѣ изумительныя извѣстія о томъ, что у насъ дѣлается въ настоящую минуту съ памятниками, которыми долженъ дорожить каждый русскій человѣкъ. «Годъ отъ году (говоритъ корреспондентъ) становится все меньше и меньше архитектурныхъ церковныхъ памятниковъ древняго русскаго зодчества не только XIII—XIV, но XVII и даже начала XVIII вѣковъ. Къ сожалѣнію, не время, не пожары, не нашествія иноплеменниковъ разрушаютъ эти священные остатки старины, а современные зиждители и благоукрасители, въ соучастіи тѣхъ лицъ, которымъ ввѣрено наблюденіе за этими драгоцѣнностями. Дѣлается это въ большинствѣ случаевъ не секретно, но съ разрѣшенія высшаго мѣстнаго духовнаго начальства, вопреки высочайшихъ повелѣній и неоднократныхъ указовъ Сѵнода, на церковныя средства или на жертвы благотворителей, ради полученія послѣдними медалей и тому подобныхъ украшеній, составляющихъ высшій идеалъ не только мало образованнаго купца-старосты, но и развитого старосты-чиновника, вытѣсняющаго за послѣднее время изъ этой должности купцовъ именно только ради вышеизложенной благостыни.

«Въ древнемъ Ростовѣ-Великомъ есть дѣйствительно историческій памятникъ, дорогой не по одной только старинѣ, но и по историческимъ воспоминаніямъ. Въ его стѣнахъ лежитъ тѣло героя, — ростовскаго князя Василько, сложившаго свою голову за родину и вѣру на берегахъ рѣки Сити въ борьбѣ съ полчищами Батыя, въ 1238 году; тамъ же почиваютъ первые русскіе апостолы: Леонтій († 1073 г.), Исаія († 1090 г.), племянникъ преп. Сергія Радонежскаго, Ѳеодоръ († 1394 г.), а также и другіе святые и князья, имена которыхъ принадлежатъ исторіи. Изъ этого храма, въ 1609 г., родоначальникъ царствующаго дома Романовыхъ, ростовскій митрополитъ Фи-

ларетъ Никитичъ, былъ взятъ въ плѣнъ поляками, когда онъ совершалъ богослуженіе. У дверей того же храма, въ 1763 г., былъ схваченъ за свое извѣстное «доношеніе» знаменитый Арсеній Мацѣевичъ, предсказавшій своему противнику, епископу Аѳанасію: «Языкъ твой былъ для меня острѣе меча; имъ ты задохнешься и умрешь». Епископъ Аѳанасій погребенъ въ этихъ же стѣнахъ, послѣ дѣйствительно сбывшагося предсказанія Арсенія Мацѣевича. И этотъ храмъ, такъ богатый своей исторіей, за послѣднее время отъ своихъ прямыхъ охранителей столько потерпѣлъ разрушеній, что если бы всѣ предположенія этихъ радѣтелей были доведены до конца, то отъ этого древняго памятника остались бы неузнаваемыя каменныя стѣны безъ всякихъ признаковъ архитектуры XIII столѣтія».

Храмъ этотъ, построенный ростовскимъ княземъ героемъ—Василько въ 1230 году (за 8 лѣтъ до битвы съ татарами на рѣкѣ Сити), не смотря на бывшіе большіе пожары, сохранился съ нѣкоторыми сравнительно малыми измѣненіями и при томъ съ такими, что при болѣе внимательномъ отношеніи, всѣ эти измѣненія могли бы быть возстановлены во всей неприкосновенности, тѣмъ болѣе, что соборъ имѣетъ особыя значительныя суммы, очевидно предназначенныя для этой цѣли и не внесенныя въ обыкновенныя церковныя книги.

Лѣтомъ, въ 1887 году, этотъ древній храмъ былъ окончательно обезображенъ живописью на маслѣ, сдѣланною мѣстнымъ живописцемъ за очень дешевую цѣну; маляръ разрисовалъ не только стѣны собора, просуществовавшія 650 лѣтъ, но, кстати, прихватилъ и мѣстныя образа. Эта размалевка невознаградимо отняла отъ науки остатки древнѣйшей живописи, выступавшей изъ-подъ слоя облинялой — позднѣйшей, и при томъ размалевка эта произведена была въ то время, когда мѣстные ученые возобновители Кремля только-что открыли слѣды древнѣйшей живописи и довели объ этомъ до свѣдѣнія археологическаго Общества.

По этому дѣлу началась переписка; не смотря на то, что это дѣло и посейчасъ находится въ Сѵнодѣ, благоукрасители продолжаютъ безнаказанно свою постыдную дѣятельность и теперь. Нынѣ лѣтомъ администрація собора, въ виду дѣйствительно крайней необходимости, рѣшилась приступить къ передѣлкѣ духовыхъ печей. Испросивъ на это разрѣшеніе своего начальства, безъ всякаго архитектора, по плану печника, о. протоіерей и староста рѣшили для вентиляціонной трубы пробивать сѣверную стѣну во всю вышину зданія, а для устройства дымовой тяги канала пристроить на такую же высоту къ фасадной сторонѣ собора особенную трубу, исказивъ чрезъ то архитектуру храма; словомъ, задались цѣлью превратить древній памятникъ въ нѣчто похожее на фабричное зданіе. Къ счастію, членъ московскаго археологическаго Общества, И, А. Шляковъ, предузналъ это поползновеніе зиждителей и довелъ до свѣдѣнія мѣстнаго архіерея, который на этотъ разъ остановилъ о. протоіерея и поручилъ наблюденіе за работами архитектору Поздѣеву.

Впрочемъ, подобнаго рода передѣлки еще мелочи въ сравненіи съ другими разореніями. На нашей памяти знаменитый Переяславскій Горицкій монастырь былъ совершенно перестроенъ по планамъ не простого о. протоіерея, но даже члена археологическаго Общества, получившаго за это уничтоженіе со стороны своего начальства награду и только на одесскомъ археологическомъ съѣздѣ потерпѣвшаго порицаніе со стороны ученыхъ и печати.

† Въ торжественный день празднованія въ Кіевѣ девятисотлѣтней годовщины крещенія Руси, во время объѣзда войскъ, скоропостижно скончался отъ удара **Александръ Романовичъ Дрентельнъ**, кіевскій, подольскій, волынскій, временной черниговскій и полтавскій генералъ-губернаторъ, членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи. Онъ былъ

уроженцемъ Кіевской губерніи, воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, началъ службу прапорщикомъ Финляндскаго полка въ 1837 году, а въ 1867 г. былъ уже генералъ-лейтенантомъ. Въ послѣднюю Восточную войну онъ занималъ важный постъ начальника тыла арміи и пріобрѣлъ всеобщее уваженіе на этомъ посту, своею неутомимою энергіею и безукоризненной честностью. Назначенный въ 1878 году шефомъ-жандармовъ, онъ и на этомъ посту выдѣлялся возможною гуманностью и строгою справедливостью. Покушеніе, произведенное на его жизнь, не измѣнило его твердости. Онъ дѣлалъ много добра на всѣхъ поприщахъ своей многообразной государственной службы.

† Въ глухомъ уголкѣ Полтавской губерніи, Золотоношскаго уѣзда, въ родовомъ своемъ маленькомъ имѣньѣ Матвѣевкѣ, окончилъ жизнь **Николай Андреевичъ Крыжановскій**. Онъ происходилъ изъ дворянъ Петербургской губерніи и родился 30 октября 1818 г. Окончивъ курсъ въ артиллерійскомъ училищѣ, онъ въ 1837 г. произведенъ въ офицеры полевой артиллеріи. Съ 1842 г, Крыжановскій служилъ на черноморской береговой линіи, гдѣ неоднократно участвовалъ въ дѣлахъ съ горцами, получая награды за боевыя отличія; въ 1850 г. назначенъ штаб-офицеромъ по искусственной части въ кіевскій арсеналъ; потомъ, занимая должность начальника штаба артиллеріи южной арміи, получилъ за отличіе, оказанное при осадѣ Силистріи (22 мая 1854 года), золотую саблю, а за мужество при осадѣ этой крѣпости произведенъ въ генералъ-маіоры; участвовалъ въ оборонѣ Севастополя въ качествѣ начальника штаба артиллеріи въ Крыму. Въ 1857 г. назначенъ начальникомъ Михайловскаго артиллерійскаго училища; въ 1861 г. былъ варшавскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ; ему же поручено было главное завѣдываніе особою канцеляріею при намѣстникѣ царства Польскаго. Потомъ состоялъ помощникомъ главнаго командира кронштадтскаго порта, и наконецъ, въ 1864 г. помощникомъ виленскаго военнаго генералъ-губернатора; въ 1865 г. назначенъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками Оренбургскаго края.

Насколько свѣтло и блестяще проходило его служеніе государству, настолько темно и тускло текли его послѣдніе годы и дни жизни. Ограниченныя средства, съ которыми ему суждено было оставить службу и поселиться въ своемъ имѣньицѣ, доставшемся ему отъ отца, не давали возможности предпринять лѣченіе отъ болѣзни, которая и свела его въ могилу. Самые литературные труды его, появившіеся въ печати, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», были предприняты, какъ рессурсы для поддержанія своего существованія. Тяжелыя минуты пережилъ Н. А. Крыжановскій... Многіе и теперь убѣждены, что у него осталось большое состояніе. Дѣйствительно, ему было пожаловано 6,000 десятинъ земли въ Уфимской губерніи, съ предоставленіемъ выбрать самому этотъ участокъ, но семейныя обстоятельства вынудили имѣніе это заложить, а затѣмъ, по увольненіи Н. А. Крыжановскаго въ отставку и неимѣнію возможности уплачивать проценты въ банкъ, имѣніе было продано. Въ то же самое время онъ получилъ повѣстку отъ станового, что тотъ пріѣдетъ въ имѣніе для описи имущества на покрытіе 2,500 руб., начтенныхъ контролемъ по бывшему управленію оренбургскимъ генералъ-губернаторствомъ... Устарѣвшій, больной, матеріально нуждающійся, Николай Андреевичъ съ замѣчательнымъ стоицизмомъ переносилъ свое положеніе до послѣдней минуты.

† 25-го іюля **Анна Ивановна Веретенникова**, хорошо извѣстная въ средѣ петербургскихъ и казанскихъ спеціалистовъ, какъ талантливый окулистъ, кромѣ того она много писала и печатала не только по медицинскимъ, но и по педагогическимъ вопросамъ. Врачебные курсы А. И. Веретенникова окончила блистательно, пользуясь въ глазахъ всего преподавательнаго персонала и учащихся репутаціей одной изъ самыхъ даровитыхъ и развитыхъ слушательницъ, особенно успѣшно заявившей себя по хирургіи. Она имѣла полную

возможность остаться ассистенткой при курсахъ, вообще, не дурно устроиться въ Петербургѣ на первыхъ же порахъ,—но А. И. слишкомъ строго смотрѣла на призваніе женщины-врача, оцѣнивала его не съ врачебной только, но съ обще-культурной точки зрѣнія и отводила мѣсто для женской врачебной практики, преимущественно, въ провинціальной глуши. Принадлежа къ той малочисленной категоріи людей, у которыхъ слово не расходится съ дѣломъ, теорія съ практикой — она, отмѣченная печатью общепризнанной даровитости, отправилась въ самыя дебри провинціальной глуши, въ Белибеевскій уѣздъ, Уфимской губерніи, сплошь заселенный полудикимъ, башкирско-татарскимъ населеніемъ. Не поладивъ съ земцами, покойная вернулась въ Петербургъ, гдѣ занялась спеціально изученіемъ глазныхъ болѣзней. Отсюда она вновь уѣхала въ земскую службу въ Казанскую губернію. Но силы ея въ это время были уже надорваны и скоротечная чахотка заставила ее поселиться въ имѣніи своей матери, гдѣ А. И. Веретенникова и скончалась.

† 30-го іюля, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, на 56 году, въ Гатчинѣ, одинъ изъ симпатичнѣйшихъ и благороднѣйшихъ литературныхъ дѣятелей **Петръ Петровичъ Каратыгинъ**. Онъ не менѣе 10-ти лѣтъ къ ряду принадлежалъ къ составу редакціи «Русской Старины». Послѣдніе годы П. П. помѣщалъ свои труды въ «Историческомъ Вѣстникѣ», въ «Свѣтѣ» и въ «Звѣздѣ». Два его историческіе романа «Чернокнижники» и «Заколдованное зеркало» мистическаго содержанія имѣли большой успѣхъ. Немногіе изъ нашихъ беллетристовъ такъ хорошо знали исторію Россіи двухъ послѣднихъ столѣтій, какъ Петръ Петровичъ Каратыгинъ. Покойный два года тому назадъ женился второй разъ и оставилъ молодое и вполнѣ осиротѣлое семейство. Онъ зналъ также очень хорошо нашъ театръ и собралъ по запискамъ своего отца и по разнымъ источникамъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи русской сцены. Его отецъ, извѣстный водевилистъ, оставилъ порядочное состояніе, которымъ сыну не пришлось воспользоваться, такъ какъ оно было расхищено однимъ родственникомъ. Замѣчательны статьи его о Пушкинѣ, напечатанныя въ «Русской Старинѣ» безъ имени автора, «Исторія петербургской холеры» и «Исторія тайныхъ религіозныхъ обществъ». Неизданнымъ остался обширный трудъ его «Исторія Волковскаго кладбища» и неоконченнымъ «Исторія Петербурга».

† Въ Архангельскѣ, одинъ изъ выдающихся дѣятелей въ области отечественной гидрографіи, подполковникъ корпуса флотскихъ штурмановъ **Петръ Александровичъ Мордовинъ**, посвятившій трудной службѣ въ Бѣломъ морѣ почти три десятилѣтія. Покойный родился въ 1835 г. Служба его началась на судахъ балтійскаго флота и на Пулковой главной физической обсерваторіи, куда онъ былъ откомандированъ для производства астрономическихъ и магнитныхъ наблюденій. Въ 1860 г. П. А. былъ отправленъ на службу въ Бѣлое море, гдѣ и оставался до конца жизни. Тяжелая служба въ суровомъ климатѣ не могла не отразиться на его здоровьѣ, а кромѣ того, печальный случай происшедшій въ 1872 г., пагубно повліялъ на продолжительность жизни этого труженика. Прибывъ на шхунѣ архангельскаго порта «Самоѣдъ» къ Орловскому маяку, П. А. Мордовинъ съ офицерами и командой на сильно загруженномъ гребномъ катерѣ отправился со шхуны на маякъ. Сильнымъ волненіемъ катеръ опрокинуло и всѣ бывшіе на немъ утонули, кромѣ Петра Александровича, которому, какимъ-то чудомъ, удалось на веслахъ удержаться на поверхности воды, пока со шхуны не прибыла на помощь шлюбка. Это обстоятельство стоило покойному жестокой болѣзни и паралича, вслѣдствіе чего онъ изъ прекраснаго декламатора сдѣлался косноязычнымъ на всю жизнь.

† 8 августа, въ больницѣ св. Пантелеймона, на Удѣльной станціи, **Орестъ Ефимовичъ Лозинскій**. Онъ много писалъ въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ газетахъ «Мірское Слово», «Современная Лѣтопись»

и «Современность». Съ 1871 года онъ былъ редакторомъ послѣдней газеты. О. Е. былъ сынъ протоіерея города Брацлава и получилъ воспитаніе и образованіе въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но въ здѣшней духовной академіи пробылъ недолго и перешелъ въ университетъ. О. Е. скончался 45 лѣтъ, послѣ продолжительной болѣзни.

† 12-го августа во Псковѣ послѣдній декабристъ, **Михаилъ Александровичъ Назимовъ**, умершій на 89-мъ году. Возвращенный при покойномъ государѣ изъ ссылки, М. А. Назимовъ принялъ самое дѣятельное участіе въ близкомъ для его сердца дѣлѣ освобожденія крестьянъ, а съ введеніемъ земскихъ учрежденій, получилъ возможность примѣнить свои силы на общественной выборной службѣ и долгое время состоялъ гласнымъ какъ губернскаго, такъ и уѣзднаго псковскихъ земскихъ собраній. Онъ же былъ и первымъ предсѣдателемъ псковской губернской земской управы. Въ псковскомъ земствѣ онъ особенно поработалъ надъ вопросами о равномѣрной раскладкѣ земскихъ сборовъ, о возможно лучшей организаціи народнаго образованія и призрѣнія неимущихъ. Не смотря на преклонный возростъ, М. А. постоянно интересовался всѣмъ, касающимся народнаго благосостоянія и просвѣщенія, при чемъ отличался щедрою благотворительностью. Среди псковичей М. А. пользовался большимъ уваженіемъ и любовью за его доброе сердце, свѣтлый умъ и строгіе нравственные принципы. Послѣ Назимова остались интересныя записки. При жизни М. А. не любилъ касаться своего прошлаго, обильнаго тяжелыми испытаніями.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьѣ „Атаманъ Илюшка Пономаревъ“.

Въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» напечатана статья г. Голубева «Атаманъ Илюшка Пономаревъ», въ которой, на основаніи «отписки» тотемскаго воеводы Максима Ртищева, сообщаются свѣдѣнія о смутѣ, произведенной воровскими казаками по берегамъ Ветлуги и Унжи въ 1670 г. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ и отчасти для разъясненія нѣкоторыхъ фактовъ, изложенныхъ въ отпискѣ Ртищева, не излишне будетъ привести встрѣчающіяся въ старинныхъ рукописяхъ Макаріева Унженскаго монастыря извѣстія, относящіяся къ той же смутѣ 1670 года и къ лицамъ, принимавшимъ участіе въ ея распространеніи или прекращеніи. Рукописи эти слѣдующія: 1) Служба и сказаніе о житіи и чудесахъ преподобнаго Макарія съ прибавленіемъ разсказовъ о побѣдѣ русскихъ надъ литовскими людьми подъ Юрьевцомъ Поволгскимъ, посѣщеніи Унженской обители царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и постройкѣ нѣкоторыхъ церквей. Эта рукопись писана полууставомъ въ началѣ XVIII вѣка (по описи монаст. № 1,097); 2) старинный, XVII вѣка, списокъ съ грамоты на имя галичскаго воеводы Семена Михайловича Нестерова отъ 23-го августа 7179 (1671) года (по описи № 1401); 3) расходная денежная книга Макаріева Унженскаго монастыря казначея старца Трифона съ сентября 1670 года по май 1671 года (въ сборникѣ № 1,516); и 4) «Доѣздъ» о землѣ, принадлежавшей церкви Воскресенія Христова, что въ Халбужѣ, 1694 г.

Въ первой изъ этихъ рукописей на листахъ 229—236, есть глава (49-я) съ такимъ надписаніемъ: «Чудо преподобнаго Макарія, како не попусти крамольникомъ озлобити обители своея унжеския». Здѣсь послѣ краткаго нравоучительнаго предисловія разсказывается слѣдующее. Во время управленія монастыремъ игумена Никиты при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ «нѣцыи крамольницы и возмутители богохранимыя державы его многую пакость и кровопролитіе Христову стаду возмущеніемъ своимъ и прельщеніемъ и междоусобною бранію содѣяша и православному царю и церкви Христовѣ печаль многую сотвориша. Стефанъ бо нѣкто, злобы и крамолы и мятежа начальникъ, Разинъ наричемый... съ ковники своими отъ устія великія рѣки Волги

вверхъ ея и по инымъ странамъ Россіи» частію самъ съ находящимися при немъ, частію подобные ему злые люди многимъ городамъ и селамъ «премногія пакости, смятенія же и кровопролитія содѣяша». Съ Волги мятежники разсѣялись «въ галическіе концы по унженскимъ и ветлужскимъ жилищамъ и тамо сущія христіаны нещадна, яко волцы, озлобляху. Имяху бо тіи окаяннiи начальника злобы своея, злаго нѣкоего беззаконника и врага истины Илію именемъ, съ нимъ же по рѣцѣ Ветлугѣ идуще восхотѣша озлобити и разграбити всечестную киновію преподобнаго отца Макарія, яже на Унжю». Далѣе объясняется главная причина, по которой, между прочимъ, мятежники шли къ Макаріеву монастырю, о чемъ въ отпискѣ Ртищева не упоминается: «наипаче того ради яряхуся неистовіи тіи на тоя обители игумена Никиту зане той, елика слыша прещенія ихъ злая, возвѣщаше непрестанно писаніемъ въ царствующій градъ Москву, такожъ и во грады близь обители сущіи въ Галичъ и Юріевъ Поволскій къ тамошнимъ воеводамъ еже отъ кого слыша, како и гдѣ зліи ти беззаконницы озлобленіе дѣютъ и кое намѣреніе имѣютъ». Крамольники положили между собою «завѣтъ», чтобы по приходѣ въ обитель игумена Никиту предать «горцѣй и мучительнѣй смерти за вышереченныя вины», а обитель разграбить. Въ монастырѣ между тѣмъ постились и совершали «многажды всенощная бдѣнія» при гробѣ преподобнаго Макарія и «молебная пѣнія». Когда мятежники дошли отъ рѣки Ветлуги до монастырскаго села Тимошина (находится въ 40 верстахъ отъ монастыря), то рѣшили идти отсюда путемъ ведущимъ къ монастырю, но увидѣли на этомъ пути «пламы огненныя страшныя, иже и путь препяша... показася бо имъ лѣсъ тамо весь, чрезъ его же имъ достояше ити, горяше зѣльнѣ». Тогда они своротили съ дороги, ведущей къ обители, и пошли другою къ городу Унжѣ (въ 20 верстахъ отъ монастыря). Здѣсь они остановились и услышали вѣсть, что отъ Юрьевца Поволгскаго (при впаденіи р. Унжи въ Волгу въ 75 верстахъ отъ монастыря) «на защищеніе обители преподобнаго Макарія и всѣхъ унженскихъ и ветлужскихъ жилищъ противу ихъ беззаконниковъ идетъ многое воинство, посланное отъ царствующаго града Москвы» подъ предводительствомъ воеводы Василія Нарбекова. Тогда «окаяннiи и лукавіи разбойницы абіе вси возмятошася, и страхъ нападе на ня, и изъ града (Унжи) побѣгоша. Василію же съ своимъ воинствомъ приспѣвшу и въ слѣдъ ихъ погнавшу тіи же окаяннiи отъ страха того по различнымъ мѣстамъ и странамъ разбѣгшеся и различно погибоша». За разсказомъ изложенныхъ событій слѣдуетъ нравоученіе и краткое замѣчаніе, что все это случилось въ 7179 году. Въ концѣ главы говорится о благодарственномъ моленіи къ Богу игумена Никиты съ братіею за избавленіе обители отъ угрожавшей ей опасности.

Другой документъ—грамота отъ 23-го августа 1671 года на имя галичскаго воеводы Семена Михаиловича Нестерова, съ которой сохранился въ монастырскомъ архивѣ старинный списокъ XVII в., современный подлинной грамотѣ, подтверждаетъ вышеприведенное въ сказаніи о чудесахъ преп. Макарія извѣстіе о томъ участіи, какое принималъ въ прекращеніи смуты 1670 г. въ унженскихъ предѣлахъ игуменъ Макаріева монастыря Никита. Этою грамотою дано знать воеводѣ Нестерову, чтобы «съ Макарьева монастыря вотчины съ крестьянскихъ и бобылскихъ съ 348 дворовъ за даточнаго коннаго на нынѣшній 179 годъ по полтинѣ да ратнымъ людемъ на жалованье по двѣ гривны съ двора править не велѣлъ для того, (что) по нашему великаго государя указу и по подписной челобитной за помѣтою думнаго нашего дьяка Григорія Караулова тѣ деньги за ихъ службу игумена Никиты съ братіею и за работу, что онъ, игуменъ, про приходъ воровскихъ казаковъ Илюшки съ товарищи съ такими жъ ворами и въ Галичъ и въ Юрьевецъ Поволской къ воеводамъ вѣдомость чинилъ и къ воровству ни къ какому не пристали, и того ради ихъ радѣнія тѣми деньгами великій государь ихъ пожаловалъ на церковное строенье въ свое царское богомолье въ домъ чудотворцу Макарію, а имать тѣ деньги не велѣно».

Въ третьей рукописи—расходной денежной книгѣ 1670—1671 года, заслуживаютъ вниманія слѣдующія записи: «октября 15-го, посланъ работникъ Васька Аѳанасьевъ сынъ Шило въ Тимошинскую волость и къ Ветлугѣ ради вѣсти, дано ему шесть денегъ». «Ноября въ 3 д. посланъ въ Галичъ Сава Зотиковъ къ воеводѣ съ отпискою, дано ему денегъ на дорогу двѣ гривны». Подъ 12-е декабря записано: «дано конюху Сидорку Аѳонасьеву, что онъ былъ посыланъ въ Юрьевецъ Поволской троежды, и онъ издержалъ два алтына четыре деньги». Можетъ быть эти посылки нарочныхъ въ разныя мѣста были съ цѣлію развѣдать о дѣйствіяхъ воровскихъ казаковъ и сообщить о томъ кому слѣдовало. Выраженіе «ради вѣсти» въ другихъ мѣстахъ той же рукописи за слѣдующій 1671 годъ уже не встрѣчается. Подъ 2-е ноября записано: «куплено два лука, дано три алтына». Эта запись свидѣтельствуетъ, что монастырь дѣлалъ приготовленія на случай нападенія разбойниковъ. Конечно, двухъ луковъ слишкомъ недостаточно для защиты отъ цѣлой шайки, но нужно имѣть въ виду, что не всѣ записи вещей, поступившихъ въ монастырь, сохранились и что въ монастырѣ было и другое оружіе, кромѣ этихъ луковъ: изъ передаточной описи монастырскаго имущества казначея Трифона отъ 27-го іюля слѣдующаго 1671 года видно, что онъ сдавалъ своему преемнику, между прочимъ, «девять сабель, шесть карабиновъ и полшесты пары пистолей». Подъ 15 числомъ декабря 1670 г. находится слѣдующая запись: «плачено за калачи Ивашку Филипьеву, что у него имано къ столу, какъ былъ стольникъ и воевода Василей Савичъ Нарбековъ, четыре алтына двѣ деньги». Очевидно воевода, отправляясь противъ мятежниковъ, зашелъ на богомолье въ монастырь, который находится на пути отъ Юрьевца, откуда онъ шелъ, къ городу Унжѣ. Это посѣщеніе монастыря Нарбековымъ, вѣроятно, состоялось за нѣсколько дней до 15-го декабря, подъ которымъ значится вышеприведенная запись, именно между 3—13 декабря, такъ какъ изъ отписи Ртищева, въ ст. г. Голубева, видно, что 3-го декабря дошло до мятежниковъ извѣстіе о походѣ воеводы Нарбекова къ городу Унжѣ, а 13-го декабря уже была имъ разбита шайка Муморина въ Богородскомъ стану на верху рѣки Шанги (впадаетъ въ Ветлугу верстахъ въ 150 отъ монастыря).

Въ четвертой изъ вышеназванныхъ рукописей—«Доѣздѣ» о землѣ, принадлежащей церкви Воскресенія Христова, что въ Халбужѣ, 1694 года — упоминается объ одномъ изъ лицъ, принимавшемъ, будто бы, дѣятельное участіе въ распространеніи смуты 1670 года въ городѣ Унжѣ. Г. Голубевъ сообщаетъ, конечно, на основаніи отписки тотемскаго воеводы Ртищева, что унженскій попъ Тимоѳей Андрониковъ читалъ на городской площади память, присланную Илюшкою Пономаревымъ, и склонялъ міръ перекинуться къ атаману. Въ «Доѣздѣ» о землѣ Халбужской церкви въ числѣ понятыхъ священниковъ, осматривавшихъ эту землю, названъ также Тимоѳей Андрониковъ—попъ города Унжи ружной церкви Чудотворца Макарія,— слѣдовательно въ 1694 году онъ былъ еще живъ. При сопоставленіи этихъ двухъ извѣстій—одного изъ отписки Ртищева и другого—изъ «Доѣзда» о землѣ Халбужской церкви объ одномъ и томъ же лицѣ, достовѣрность перваго кажется сомнительною. Въ статьѣ г. Голубева говорится, что воевода Нарбековъ еще въ 1670 году перевѣшалъ всѣхъ мятежниковъ, въ томъ числѣ и покровскаго попа Клима, бывшаго заводчикомъ бунта покровскихъ крестьянъ. Почему же онъ не казнилъ попа Тимоѳея Андроникова, если послѣдній также возбуждалъ народъ къ бунту? Предположивъ, что воевода не могъ этого сдѣлать по какой-либо неизвѣстной намъ причинѣ, нужно допустить, что духовное начальство не могло оставить измѣнника на должности священника, а между тѣмъ мы видимъ его на мѣстѣ чрезъ 24 года послѣ смуты, въ которой, по словамъ Ртищева, онъ принималъ дѣятельное участіе. Нѣтъ ли здѣсь ошибки «въ отпискѣ» Ртищева? Или унженскій попъ Тимоѳей Андрониковъ, говорившій на площади унженскаго городка въ пользу атамана Илюшки

Пономарева въ 1670 году, не одно лицо съ понятымъ того же имени и той же церкви попомъ, участвовавшимъ въ досмотрѣ земли Халбужской церкви въ 1694 году?

И. Херсонскій.

II.

Отвѣтъ баронессѣ Дельвигъ.

Въ сентябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» баронесса Е. А. Дельвигъ отвергаетъ вѣрность слѣдующаго мѣста въ XXIV главѣ моей «Семейной Хроники»:

«Дядя поручилъ Плетневу вручить вдовѣ А. А. Дельвига 4,000 руб. изъ долга покойному Сергѣя Львовича и предложить ей купить у нея свой портретъ, писанный Кипренскимъ по заказу Антона Антоновича, на что Софья Михайловна и изъявила согласіе, продавъ его дядѣ за тысячу рублей».

Опроверженіе баронессы Е. А. Дельвигъ вынуждаетъ меня вновь подтвердить справедливость моего заявленія, основаннаго на словахъ моего отца, и въ подкрѣпленіе его сослаться на свидѣтельство покойнаго Петра Александровича Плетнева, а именно:

1) Въ третьей части, изданныхъ въ 1885 году академикомъ Гротомъ сочиненій П. А. Плетнева—на страницѣ 363, въ выноскѣ къ письму Плетнева моему покойному дядѣ Александру, отъ 31 января 1831 года, напечатано:

«Женѣ барона Дельвига. У нея Пушкинъ купилъ свой портретъ, писанный Кипренскимъ по заказу барона Дельвига». П. П. Далѣе:

2) На страницѣ 365 той же части, напечатано и другое письмо П. А. Плетнева къ дядѣ Александру отъ 22 февраля того же 1831 года. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, сказано:

«Уговорилъ я баронессу продать тебѣ портретъ твой. Высылать его въ Москву не зачѣмъ. Оставлю до пріѣзда твоего у себя. Деньги за него тысячу рублей отдамъ, остальныя изъ десяти тысячъ Годунова, изъ которыхъ четыре переслано тебѣ, а пять отдано долгу Дельвигу».

Левъ Павлищевъ.

III.

По поводу одного диспута.

Въ воскресенье, 11-го сентября, въ одной изъ аудиторій университета, кандидатъ С. Ѳ. Платоновъ, защищалъ свою магистерскую диссертацію, подъ заглавіемъ: «Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ». Мы не станемъ говорить о книгѣ г. Платонова, прекрасной въ своемъ родѣ и представляющей трудъ молодой, но весьма существенный; оцѣнка этого труда была уже сдѣлана и на страницахъ «Историческаго Вѣстника», и во многихъ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Скажемъ только о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ на насъ диспутъ г. Платонова.

Надо сознаться, что многое на этомъ диспутѣ поразило насъ непріятно. Прежде всего чрезвычайно странною показалась намъ нераспорядительность университетскаго начальства, которое заставило публику буквально задыхаться отъ жары въ одной изъ тѣсныхъ аудиторій, тогда какъ оно могло предвидѣть, что живая тема диссертаціи г. Платонова привлечетъ на его диспутъ массу слушателей. Въ былое время, для такихъ диспутовъ открывалась университетская зала, въ которой никто не тѣснился, не страдалъ отъ духоты и жары, и всѣ находили себѣ мѣста. Другая странность, поразившая насъ — было отсутствіе на диспутѣ ректора университета... Третье обстоятельство, обратившее на себя наше вниманіе было то, что главный представитель факультета, г. Помяловскій, по окончаніи возраженій со стороны оффиціальныхъ оппонентовъ, не обратился къ публикѣ и не задалъ обычнаго на диспутахъ вопроса: «не угодно ли еще кому-нибудь возразить?»— а только посмотрѣлъ молча по сторонамъ, привставъ съ своего мѣста, и затѣмъ сталъ читать опредѣленіе факультета.

Оффиціальными оппонентами были назначены: профессоръ Е. Е. Замысловскій и приватъ-доцентъ Шляпкинъ. Назначеніе приватъ-доцента оффиціальнымъ оппонентомъ свидѣтельствуетъ уже о значительной скудости силъ факультета и заставляетъ невольно вспомнить о добромъ старомъ времени, когда силъ въ филологическомъ факультетѣ было достаточно для любого диспута и факультету не приходилось прибѣгать къ помощи приватъ-доцентовъ. Все это, конечно, можно считать мелочами; но эти мелочи невольно бросаются въ глаза, какъ странное и непривлекательное новшество въ университетскомъ быту.

Переходимъ къ самому диспуту. Диспутантъ, въ довольно пространной рѣчи, объяснилъ процессъ своей работы и указалъ тѣ цѣли, къ которымъ онъ стремился. Оффиціальный оппонентъ, Е. Е. Замысловскій, прежде всего обратилъ вниманіе на заглавіе труда г. Платонова и старался убѣдить диспутанта въ томъ, что оно не соотвѣтствуетъ его задачѣ. На эту тему споръ длился очень долго. Затѣмъ послѣдовало со стороны профессора Замысловскаго еще нѣсколько замѣчаній, изъ которыхъ самымъ важнымъ былъ укоръ г. Платонову за то, что онъ не обратилъ вниманія на сдѣланное другими предшествующими изслѣдователями эпохи Смутнаго времени для критики отдѣльныхъ памятниковъ этого періода. Диспутантъ не согласился ни съ однимъ изъ возраженій профессора Замысловскаго и въ оправданіе свое приводилъ весьма вѣскіе доводы.

За тѣмъ сталъ возражать другой оффиціальный оппонентъ, приватъ-доцентъ Шляпкинъ. Начавъ свою рѣчь съ обычныхъ комплиментовъ, онъ заявилъ, что «не можетъ возражать», «не рѣшается возражать» и т. д., а потому, позволитъ себѣ только «дополнить» диссертацію г. Платонова. Никто не замѣтилъ ему при этомъ, что это — не обычай; что оппонентъ обязанъ не «дополнять» трудъ диспутанта, а «оспаривать» его основныя положенія, или указывать промахи и ошибки диссертаціи. И вотъ г. Шляпкинъ началъ изъ толстѣйшаго портфеля почерпать свои «дополненія»—какія-то мелочныя свѣдѣнія, даты и указанія, заимствованныя изъ епархіальныхъ и губернскихъ вѣдомостей Ярославской и Костромской губерній. При этомъ, онъ почему-то счелъ нужнымъ сообщить, что и самъ онъ давно уже занимается изслѣдованіемъ трудовъ Димитрія Ростовскаго, сталъ читать отрывки памятниковъ, неимѣющихъ никакого отношенія къ защищаемой диссертаціи, блисталъ библіографическими данными и ссылками на разныя провинціальныя изданія и описи книгъ. Диспутантъ нѣсколько разъ замѣчалъ г. Шляпкину, что все указываемое имъ не имѣетъ никакого отношенія къ его труду, или—отношеніе весьма слабое. Но г. Шляпкинъ не унывалъ: сыпалъ цитатами и указаніями, напрасно задерживалъ и затягивалъ диспутъ. Подъ конецъ онъ попытался было укорить г. Платонова въ томъ, что тотъ недостаточно обратилъ вниманія на историческія указанія «житій» и «чудесъ»; но г. Платоновъ замѣтилъ ему совершенно вѣрно, что пересмотръ житій—отнялъ бы у него еще три года времени, и очень мало принесъ бы пользы выполненію его задачи. Въ сущности же, никто изъ присутствовавшихъ на диспутѣ ни какъ не могъ понять, для чего говоритъ г. Шляпкинъ, и что онъ хочетъ сказать? Но такъ какъ онъ говорилъ очень много, очень скоро и слишкомъ продолжительно, то диспутъ, обѣщавшій быть живымъ и занимательнымъ по темѣ диссертаціи, въ результатѣ оказался чрезвычайно скучнымъ и безсодержательнымъ. Г. Платоновъ долженъ былъ уйти съ диспута съ полнѣйшею увѣренностью въ томъ, что онъ представилъ на степень магистра диссертацію безукоризненную, въ которой нѣтъ ни одного недостатка—нѣтъ ни одного положенія, которое можно было бы оспорить или опровергнуть; а большинство публики убѣдилось по этому диспуту только въ томъ, что нынѣшній историко-филологическій факультетъ очень бѣденъ силами...

N. N.

«Послѣ этой катастрофы съ Григорьевымъ, мы побѣжали опять смотрѣть, что дѣлается на улицѣ Въ продолженіе этого времени вода уже настолько поднялась, что затопила нижній этажъ. Тутъ вдругъ подъѣхалъ на лодкѣ къ нашему дому одинъ изъ нашихъ театральныхъ чиновниковъ и, ухватясь за балконъ, что-то кричалъ намъ: но шумъ вѣтра и двойныя рамы препятствовали намъ его разслушать. Мы живо вынули зимнюю раму и вышли на балконъ.

— Дайте мнѣ хлѣба!—кричитъ онъ намъ.

«Мы начали его уговаривать—лучше влѣзть къ намъ черезъ балконъ, обогрѣться и поѣсть вмѣстѣ съ нами; но чудакъ все твердитъ свое, чтобъ дали ему хлѣба. Нечего дѣлать, принесли ему цѣлый ржаной хлѣбъ; онъ, поблагодаривъ насъ, поплылъ въ своей лодкѣ дальше. Откуда его принесло? Гдѣ онъ взялъ лодку? Въ какую экспедицію теперь отправился? Господь его знаетъ. Этотъ чиновникъ, не тѣмъ будь помянутъ (его давно уже нѣтъ на свѣтѣ), не могъ похвалиться воздержаніемъ, и чуть ли онъ не былъ въ этотъ страшный часъ въ такомъ отважномъ настроеніи, когда человѣку, какъ говорится, «море по колѣно». Дальнѣйшее его странствованіе по невскимъ волнамъ мнѣ неизвѣстно; но этотъ удалецъ не только не погибъ, но на другой же день сидѣлъ въ конторѣ за обычнымъ своимъ столомъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Кошка тоже спаслась отъ погибели: когда расплылись дрова, корыто осталось на поверхности и ей удобно было, прыгая по нимъ, добраться до крыльца.

«Въ третьемъ часу пополудни вода какъ будто перестала прибывать: мы это замѣтили въ нашихъ сѣняхъ, гдѣ двери были заперты и, стало быть, вода не могла волноваться. Въ эти сѣни мы безпрестанно сбѣгали сверху для наблюденій; тамъ дѣлали мы разныя замѣтки на стѣнѣ и вскорѣ увидѣли, что вода, дѣйствительно, сбыла на цѣлый вершокъ.

«Мы бросились на верхъ съ радостною вѣстью и многіе изъ насъ крестились и обнимали другъ друга.

«Братъ мой въ этотъ день долженъ былъ играть Эдипа-царя и отправился въ 10 часовъ утра на репетицію въ Малый театръ. Наша матушка была въ мучительномъ безпокойствѣ до самаго вечера, когда уже, часу въ осьмомъ, онъ воротился домой; отца нашего не было тогда въ Петербургѣ. Едва только была малѣйшая возможность выйти на улицу, я побѣжалъ въ домъ Голлидея, гдѣ жила тогда матушка. Вскорѣ пріѣхалъ и братъ мой. Послѣ минувшей опасности и сильныхъ душевныхъ потрясеній, радость наша въ кругу своего семейства была невыразима. Братъ мой, вмѣстѣ съ другими актерами, собравшимися въ театръ, провелъ этотъ несчастный день довольно спокойно.

«На Невскомъ проспектѣ вода выступила не болѣе полуаршина. Наводненіе, какъ ватерпасъ, ясно обозначило низменную и возвышенную мѣстности Петербурга. За Аничкинымъ мостомъ количе-

ство воды было весьма незначительно; за Троицкимъ переулкомъ ея уже почти не было; на Пескахъ и на Охтѣ никто и неподозрѣвалъ этого бѣдствія; на Петербургской же и на Выборгской сторонѣ вода возвысилась болѣе сажени; въ Галерной гавани она доходила до самыхъ крышъ одноэтажныхъ домовъ. На Смоленскомъ кладбищѣ многія свѣжія могилы были размыты водою и нѣсколько гробовъ всплыли изъ подземной утробы и отшедшіе братія, по волѣ буйнаго вѣтра, снова понеслись въ житейское море[1]). Братъ мой разсказывалъ, между прочимъ, какъ ихъ забавляла въ театрѣ возня подпольныхъ крысъ и мышей, которыя подняли пронзительный пискъ, прыгая по кресламъ, лазили на стѣны и искали спасенія въ верхнихъ ложахъ. На слѣдующій день сдѣлался сильный морозъ, что, конечно, увеличило бѣдствіе обитателей нижнихъ этажей: сырыя стѣны оледенѣли, печки по большей части разрушились и бѣдные страдальцы, дрожа отъ холода, остались безъ пристанищъ. Правительство приняло тогда самыя энергическія мѣры для облегченія участи этихъ несчастныхъ: въ каждой части города немедленно устроены были комитеты для пособія неимущимъ, развозили по улицамъ хлѣбъ и теплую одежду, учредили временные пріюты въ больницахъ и частныхъ домахъ; но бѣдствіе было такъ велико, что едва ли была физическая возможность всѣхъ удовлетворить. 9-го ноября театры, по высочайшему повелѣнію,

---

[1]) И. И. Мартыновъ въ своихъ письмахъ (какъ увидимъ далѣе) упоминаетъ о гробѣ какого-то англичанина, приплывшаго къ своему пріятелю черезъ два дня послѣ погребенія; но, кромѣ Мартынова, ни одинъ изъ бытописцевъ наводненія не говоритъ о гробахъ, вырытыхъ напоромъ воды изъ могилъ, и плававшихъ по улицамъ. Это было бы противно законамъ гидростатики. Могилы вырываются, по закону, на три аршина глубины, но допуская лишь два и тогда выплыванье немыслимо. Прибой воды могъ размыть могилы на самомъ берегу Невы или Черной рѣчки, или, какъ были въ Ораніенбаумѣ, Петергофѣ, и Кронштадтѣ вовсе размыты берега кладбищъ, при чемъ изъ обвалившихся глыбъ земли высунулись и оскалились гробы, но плавать по улицамъ они не могли, по самымъ уважительнымъ причинамъ: во-первыхъ, мертвое тѣло гораздо тяжелѣе живого; брошенное въ воду оно погружается на дно и всплываетъ на поверхность лишь при развитіи полнаго разложенія, когда вздувается отъ газовъ, во-вторыхъ, какъ бы глухо ни былъ заколоченъ гробъ, онъ въ водѣ наполнится ею и весь погрузится, какъ погружается деревянный ящикъ наполненный камнями. Даже трупъ, вздутый газами разложенія, не можетъ поднять гроба, вырытаго изъ могилы, на поверхность воды. Пушкинъ, не видавшій наводненія, но безподобно воспѣвшій его въ «Мѣдномъ Всадникѣ», сказалъ:

«Обломки хижинъ, бревна, кровли,
«Товаръ запасливой торговли,
«Пожитки блѣдной нищеты,
«Грозой снесенные мосты,
«Гробы съ размытаго кладбища—
«Плывутъ по улицамъ»...

Но эта вольность піитическая и поэты, вообще, плохіе историки. Плавать по улицамъ могли лишь пустые гробы изъ разрушенныхъ сараевъ гробовщиковъ.

были закрыты; 24-го ноября былъ первый спектакль въ пользу бѣдныхъ, пострадавшихъ отъ наводненія. Была играна трагедія «Пожарскій» и «Принцесса Требизондская», комедія-балетъ, соч. кн. Шаховскаго.

«Поутру 8-го ноября я пошелъ по нѣкоторымъ улицамъ и тутъ увидѣлъ всѣ ужасы вчерашняго бѣдствія: многіе заборы были повалены, съ иныхъ домовъ снесены крыши; на площадяхъ стояли барки, гальоты и катера; улицы были загромождены дровами, бревнами и разнымъ хламомъ,—словомъ сказать, повсюду представлялись картины страшнаго разрушенія. Разсказамъ и анекдотамъ не было конца. Хотя плачевная дѣйствительность вовсе не нуждалась въ прибавленіяхъ, но и тутъ досужимъ людямъ открывалось широкое поле для ихъ фантазіи.

«Такъ, напримѣръ, говорили, что нѣкая молодая вдова, проживавшая въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова, наканунѣ похоронила на Смоленскомъ кладбищѣ своего стараго супруга, надъ прахомъ котораго нерасположена была плакать и терзаться, потому что покойный сожитель мучилъ ее своею ревностью. Проводивъ его на мѣсто вѣчнаго упокоенія, она также думала найти наконецъ душевное спокойствіе; но каковъ же былъ ея ужасъ, когда вечеромъ рокового дня она увидѣла гробъ своего сожителя у самаго крыльца ея дома! Нечего дѣлать, пришлось бѣдной вдовушкѣ вторично хоронить своего неугомоннаго мужа.

«Но вотъ возмутительный фактъ: на Петербургской сторонѣ, по Каменноостровскому проспекту, былъ тогда домъ какого-то Копѣйкина. Этотъ скряга сидѣлъ во время наводненія у себя на заборѣ, съ багромъ въ рукахъ и, пользуясь даровщинкой, ловилъ приплывающія къ нему дрова. Иные несчастные, застигнутые водою на улицѣ, искали спасенія и карабкались на его заборъ, — и онъ не только не подавалъ имъ помощи, но съ жестокостью спихивалъ ихъ въ воду. Этотъ отвратительный скаредъ не остался, однако, безъ наказанія; по приговору суда, онъ былъ посаженъ въ тюрьму и лишенъ добраго имени» [1]).

О петербургскомъ наводненіи столько уже было писано въ свое время въ журналахъ, газетахъ и повѣстяхъ, что трудно сказать здѣсь что-нибудь новое.

По прошествіи полустолѣтія послѣ этого ужаснаго дня, немного уже въ Петербургѣ остается старожиловъ, которые были очевидцами этого народнаго бѣдствія; да избавитъ Богъ, не только насъ и молодое поколѣніе, но и потомковъ нашихъ отъ подобнаго зрѣлища!

---

[1]) Къ стыду человѣчества — это фактъ! Подстать этому извергу отыскался и другой—купецъ Семилоровъ на Выборгской сторонѣ. По другому преданію ошельмованный Копѣйкинъ посаженъ въ тюрьму не былъ, но государь приказалъ послать къ нему чугунный, въ видѣ орденскаго, крестъ, съ строжайшимъ повелѣніемъ надѣвать его при выходѣ на улицу изъ квартиры.

Безсмертному нашему поэту роковое событіе подало мысль написать своего чуднаго «Мѣднаго Всадника». И точно, мудрено себѣ вообразить болѣе грозную и поэтическую картину, которая представлялась въ тотъ злополучный день на Сенатской площади, гдѣ посреди бунтующей стихіи величественно возвышалось мѣдное изображеніе чудотворнаго строителя Петербурга!

Здѣсь невольно приходятъ на память стихи превосходной поэмы Пушкина:

«Вражду и плѣнъ старинный свой
«Пусть волны финскія забудутъ
«И тщетной злобою не будутъ
«Тревожить вѣчный сонъ Петра» [1]).

Слѣдующій разсказъ очевидца, которому во время наводненія было семь лѣтъ, замѣчателенъ по искренности и простодушію изложенія, пробужденнымъ въ дряхломъ старцѣ чрезъ пятьдесятъ шесть лѣтъ послѣ рокового событія [2]).

«Мнѣ было тогда семь лѣтъ; я въ раннемъ возростѣ лишился матери, и отецъ помѣстилъ меня пансіонеромъ въ семейство Ивана Егоровича Руммеля, учителя англійскаго языка при Морскомъ кадетскомъ корпусѣ; онъ жилъ въ собственномъ домѣ на Васильевскомъ островѣ, на углу Средняго проспекта и 14-й линіи (этотъ домъ, если не ошибаюсь, принадлежитъ теперь г. Габерцетелю). Семейство Ивана Егоровича Руммеля было не многочисленно; оно состояло изъ его жены Ульяны Карловны и замужней дочери ихъ, жившей вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, живописцемъ Боденомъ, во флигелѣ, выстроенномъ посреди довольно обширнаго сада, который образовалъ уголъ улицы. Домъ, въ которомъ жилъ самъ Иванъ Егоровичъ, былъ деревянный на каменномъ фундаментѣ съ подвальнымъ этажомъ и мезониномъ довольно высокимъ, такъ что изъ оконъ его хорошо было видно Смоленское поле, а съ помощью подзорной трубы и Галерная гавань. Въ домѣ обыкновенно вставали довольно рано, потому что къ девяти часамъ Руммель долженъ былъ находиться въ корпусѣ, куда онъ обыкновенно отправлялся пѣшкомъ.

«Въ этотъ день (7-го ноября 1824 года) мы встали рано по обыкновенію, и были удивлены страшнымъ вѣтромъ, который вылъ въ домовыхъ трубахъ; я слышалъ, какъ Руммель сказалъ женѣ: «Сегодня вода въ Невѣ подымется высоко, вѣтеръ дуетъ съ моря». Одѣвшись и напившись чаю, онъ пошелъ въ корпусъ, а мы съ

---

[1]) Промахъ безсмертнаго поэта! Финскія волны не были взяты въ плѣнъ, но, какъ древнее достояніе Россіи, освобождены Петромъ изъ столѣтняго шведскаго плѣна, стало не изъ чего было имъ и злобиться на основателя Петербурга.

[2]) «Русскій Архивъ» 1870 г. №№ 8 и 9, стр. 1559—1566.

его женою долго смотрѣли вслѣдъ ему изъ угольнаго окна нашей залы. Мы видѣли, какъ старикъ медленно подвигался, идя противъ вѣтра по мосткамъ, настланнымъ посреди грязной немощеной улицы и служившимъ ей тротуаромъ. Мы слѣдили за нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не добрался до угла и скрылся изъ нашихъ глазъ за угломъ улицы. Вскорѣ послѣ того пришелъ Боденъ изъ флигеля и объявилъ, что Смоленское поле, по разсказамъ людей, уже покрылось водой. Мы отправились въ мезонинъ, и, дѣйствительно, Смоленское поле представляло сильно взволнованное море. Будка стоявшая посреди поля была уже до половины подъ водой, и Ульяна Карловна сильно безпокоилась о будочникѣ, не зная, успѣлъ ли спастись этотъ бѣдный человѣкъ, а если еще нѣтъ, то какимъ образомъ онъ спасется; она также спрашивала Бодена, не зальетъ ли вода и нашей улицы; но тотъ успокоилъ ее, говоря, что это едва ли можетъ случиться, ибо отъ Смоленскаго поля до насъ еще далеко! Вслѣдъ за этимъ онъ ушелъ къ себѣ домой, и мы сошли внизъ. Вѣтеръ все усиливался, вой и свистъ въ домовыхъ трубахъ все болѣе и болѣе насъ безпокоили; мы бѣгали отъ окна къ окну и вдругъ увидали, какъ съ флигеля сосѣдняго дома Машагина сорвало крышу. Ульяна Карловна, женщина очень впечатлительная и вдобавокъ нѣсколько суетливая, еще болѣе встревожилась и почему-то выбѣжала въ кухню, гдѣ служанка усилила ея безпокойство извѣстіемъ, что въ Кадетской линіи, какъ разсказываютъ люди, вода уже показалась на улицѣ. Тутъ Ульяна Карловна окончательно растерялась; она зарыдала, приговаривая: «Боже мой, что дѣлать? А Иванъ Егоровичъ въ корпусѣ!» Я испугался и, не долго думая, побѣжалъ черезъ садъ во флигель къ тётѣ Боденъ, какъ я называлъ эту молодую женщину, которую при томъ очень любилъ. Дорогою я нѣсколько разъ падалъ, потому что вѣтеръ сбивалъ меня съ ногъ. Пришедши къ тётѣ Боденъ, я разсказалъ ей о случившемся и просилъ ее не медля прійти къ намъ; она сейчасъ же собралась со мной; надо было перейти небольшую часть мощеннаго двора, посреди котораго находилась желѣзная рѣшетка, прикрывавшая канаву для стока нечистотъ; вода била изъ этого отверстія, какъ изъ фонтана, и наконецъ хлынула съ такою силою, что мгновенно разлилась по всему двору. Это было часовъ около двѣнадцати дня. Въ домѣ мы застали сильную суматоху: Ульяна Карловна бѣгала по всѣмъ комнатамъ, выбирала комоды и шкафы: служанки носили вещи на верхъ, частью на чердакъ, частью въ мезонинъ. Ульяна Карловна сильно безпокоилась о мужѣ и безпрестанно толковала о томъ, какъ онъ вернется, да и вернется ли онъ; она ахала и стонала, не переставая при этомъ выбирать вещи, которыя служанки переносили на верхъ. Я присоединился къ нимъ: меня эта суматоха очень занимала, и мнѣ вообще было очень весело. Дочь нѣсколько успокоила старушку, сообщивъ ей, что мужъ,

вернувшись утромъ домой и предвидя, что будетъ наводненіе, распорядился перенесеніемъ вещей на чердакъ, а самъ отправился въ корпусъ, чтобъ привести домой Ивана Егоровича, а если это окажется невозможнымъ, то, по крайней мѣрѣ, успокоить его на счетъ домашнихъ. Между тѣмъ, вода прибывала не на шутку; на дворѣ она была уже по колѣно, и жильцы, помѣщавшіеся въ двухъ флигеляхъ на заднемъ дворѣ, явились къ намъ съ просьбою объ убѣжищѣ въ мезонинѣ. Черезъ нѣсколько времени, а именно около трехъ часовъ, вода показалась у насъ въ комнатахъ; пришлось намъ переселяться въ мезонинъ. Онъ состоялъ изъ четырехъ небольшихъ комнатъ, которыя вскорѣ наполнились народомъ; собралось тамъ человѣкъ около двадцати; кромѣ того, по всѣмъ угламъ были разбросаны самыя разнородныя вещи. Изъ оконъ мезонина мы смотрѣли на Смоленское поле, представлявшее бушующее море; будки ужъ не было; ее должно быть снесло; но что сталось съ будочникомъ? На улицѣ плавали доски отъ снесенныхъ крышъ, собаки, коровы, лошади, въ томъ числѣ и пѣгая вѣчно грязная лошадь нашего сосѣда-лавочника. Ульяна Карловна и дочь ея, встревоженныя до отчаянія неизвѣстностію объ участи отца и мужа, молились. Я помню, что добрая и любимая мною Боденъ вызвала и меня въ уголокъ, говоря: «Ты дитя невинное. Господь услышитъ твою молитву!» И я молился усердно и вмѣстѣ съ ней плакалъ и подымалъ свои рученки къ небу. День уже начиналъ клониться къ концу; тутъ одно происшествіе на время обрадовало и заняло всѣхъ. Кто-то увидалъ будочника, который, сидя верхомъ на крышѣ, сорванной съ его будки, приплылъ въ нашу улицу, правя длинной палкой, служившей ему багромъ. Ульяна Карловна съ характеристическою своею живостью, опредѣлила, что это непремѣнно будочникъ съ Смоленскаго поля и распорядилась, чтобы ему изъ окна мезонина была спущена веревка, по которой несчастный, весь мокрый и окоченѣвшій отъ холода, вскарабкался къ намъ; его повели въ другую комнату и дали ему бѣлье и одежду. Распоряженіе и сысканіе всего нужнаго заняло женщинъ; онѣ распрашивали будочника, какимъ образомъ онъ спасся и удивлялись, что никому еще не пришло въ голову принять его къ себѣ. Такъ насталъ вечеръ, и уже смерклось, но ни Руммеля, ни Бодена еще не было, и женщины опять начали отчаяваться и плакать; а такъ какъ стало темно, то заплакалъ и я, ибо очень любилъ старика Руммеля, который былъ весьма образованный человѣкъ, имѣвшій особый талантъ занимать и учить дѣтей, потому я всегда съ нетерпѣніемъ ждалъ его урока, что̀ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ справедливости сказаннаго, ибо дѣти моего возроста обыкновенно не охотно принимаются за книги. Наконецъ, часовъ около шести вечера, послышались стукъ и голоса въ передней, въ которую выходила лѣстница, ведшая къ мезонину; побѣжали со свѣ-

чами внизъ, гдѣ все еще стояла вода, но уже нѣсколько меньше и встрѣтили вернувшихся Руммеля и Бодена, которые, представивъ себѣ отчаяніе оставшихся дома женъ, пришли домой изъ Кадетской улицы, пробираясь по горло въ водѣ. Они могли добраться домой только благодаря тому, что вода къ вечеру значительно убыла; но былъ моментъ, когда она доходила на нашей улицы до трехъ аршинъ вышины. Ихъ тотчасъ же раздѣли, уложили въ постель, натерли спиртомъ и напоили горячимъ.

«Что̀ именно они разсказывали, не помню; помню только, что опасность для нихъ возростала по мѣрѣ того, какъ они приближались къ дому, ибо вода становилась все глубже и глубже; они было уже рѣшились вернуться въ корпусъ, откуда их не хотѣли пустить въ такое опасное время, но безпокойство о семействѣ и желаніе узнать, что̀ сталось съ нимъ, заставили ихъ продолжать путь, рискуя на каждомъ шагу своею жизнію. Дорого обошлась бѣдному Руммелю эта прогулка; его здоровье съ тѣхъ поръ такъ разстроилось, что онъ тяжко заболѣлъ водяною, отъ которой скончался весною 1825 года. Дочь, нѣжно любившая его, не могла пережить такой потери и вскорѣ послѣ него, а именно въ мартѣ, 1826 года, мы и ее похоронили.

«Стало поздно, и меня уложили спать; что̀ происходило ночью, не знаю; думаю, однако, что ничего особеннаго не случилось, иначе я узналъ бы объ этомъ. На слѣдующее утро первый мой шагъ былъ къ окну: на улицахъ воды не было, остались одни замерзшія лужи, и пѣгая лошадь, чисто омывшаяся, ходила по улицѣ; всѣ мы одѣлись и пошли посмотрѣть на картину разрушенія. Дома, большею частью, были одноэтажные; всѣ они опустѣли, окна во многихъ мѣстахъ были выбиты, иные дома стояли безъ крышъ, улицы были наполнены самыми разнообразными вещами; тутъ были: доски, крыши, бочки, стулья, дрова, сѣно, солома, размокшій хлѣбъ, утонувшій скотъ и всякая домашняя утварь. Въ иныхъ мѣстахъ улицы были покрыты строеніями, выстроенными на столбахъ, поднятыми водою и унесенными вѣтромъ. Въ нашъ садъ, такимъ образомъ, приплыла баня и въ ней коза, привязанная на веревкѣ, средина же сада была покрыта крышею, приплывшею Богъ знаетъ откуда. Скота погибло много, но и людей не пощадила взволнованная стихія; морозъ ночью былъ сильный, ибо ледъ на замерзшихъ лужахъ не гнулся и не ломался; стужа погубила много несчастныхъ, которые не успѣли укрыться отъ нея. Помню одну печальную картину, которая представилась намъ около Смоленскаго кладбища, находящагося у Черной рѣчки, недалеко отъ насъ. Двѣ женщины, одна старушка, другая молодая, вѣроятно, мать и дочь, сидѣли въ небольшей худой лодкѣ и старались, вѣроятно, пробраться куда-либо къ добрымъ людямъ, что̀ было видно по привязаннымъ къ лодкѣ весламъ. Наконецъ, вѣроятно, дойдя до изнеможенія, старушка по-

ложила голову на колѣни молодой, прижавшейся въ уголъ лодки, и въ такомъ положеніи обѣ замерли. Вблизи отъ Смоленскаго кладбища вода не пощадила даже зарытыхъ въ землю гробовъ, кото-которые валялись по улицамъ и у моста, ведущаго черезъ Черную рѣчку.

«Мы вернулись домой. Около трехъ часовъ, происшествіе весьма трогательное вызвало меня на улицу: нашъ государь, добрый и человѣколюбивый Александръ Павловичъ, явился на улицахъ, и вслѣдъ за нимъ возы съ хлѣбомъ, который раздавали всѣмъ просящимъ безъ исключенія».

Слѣдующій разсказъ, приводимый И. Пушкаревымъ въ его описаніи Петербурга (изд. 1838 года, стр. 31), даетъ понятіе о неровности почвы нашей столицы и о томъ, что въ высокихъ частяхъ города, въ самый разгаръ катастрофы, о ней не имѣли даже и понятія.

«Наканунѣ 7 ноября 1824 года»,—такъ разсказывалъ мой знакомый,—«я приглашенъ былъ къ одному семейству, пріѣхавшему изъ дальней провинціи, и съ которымъ не видался давно. Рано утромъ, 7 числа, простившись съ сестрою и отцомъ, отправился я на Пески, въ квартиру моихъ старыхъ пріятелей, которые встрѣтили меня радушно и уговорили провести время вмѣстѣ до вечера и переждать ненастную погоду, продолжавшуюся уже другой день. Съ какимъ-то непонятнымъ мнѣ тягостнымъ предчувствіемъ я согласился сперва на это предложеніе; но тайная грусть, тоска, поперемѣнно подавляли меня, и среди веселой бесѣды, я не могъ разсѣять себя; тотчасъ послѣ обѣда, не слушая никакихъ убѣжденій добрыхъ хозяевъ, я спѣшилъ возвратиться домой. Пробилъ 3 часъ за полдень, когда, съ трудомъ достигнувъ до церкви Пантелеймона, я былъ пораженъ ужаснымъ зрѣлищемъ. Въ кратковременное мое отсутствіе, Петербургъ постигнуло чрезвычайное наводненіе, превратившее все въ иной видъ. Предо мною, по Фонтанкѣ, неслись обломки мебели, барокъ; люди, съ громкими воплями, мелькали между волнъ. Въ отчаяніи я не зналъ, что дѣлать, и не помню совершенно, какимъ образомъ очутился я на Пескахъ въ квартирѣ прежнихъ моихъ хозяевъ, которые вовсе не слышали о несчастномъ событіи. Тяжкое мое предчувствіе сбылось: въ эту же ночь я горько оплакивалъ невозвратимую свою утрату надъ холодными трупами отца и сестры».

По порученію Адмиралтейскаго департамента начальникъ чертежной VIII класса, Колодкинъ, опредѣлилъ точную высоту воды 7-го ноября, принявъ въ соображеніе помѣтки, означенныя въ воротахъ крѣпости, о чемъ онъ и представилъ слѣдующій рапортъ:

«По сношенію Государственнаго Адмиралтейскаго департамента съ комендантомъ крѣпости г. генераломъ-отъ-инфантеріи Александромъ Яковлевичемъ Сукинымъ и въ силу указа даннаго мнѣ

отъ онаго же департамента, 11 іюня 1825 г., за № 638, отправился я вмѣстѣ съ штурманомъ Ильинымъ въ С.-Петербургскую крѣпость для измѣренія въ воротахъ оной разности между чертами, показывающими воды въ рѣкѣ Невѣ во время наводненій 1777 и 1824 годовъ.

«Въ помянутыхъ воротахъ нашли мы камень, вмазанный въ стѣну, на коемъ написано: «1777 года сентября 10-го дня по полуночи въ 7 часу, вода выше ординарной на 9 футъ 11 дюймовъ». Выше сего означено на мѣдной доскѣ простирающейся во всю толщину стѣны: «1824 года ноября 7-го дня, пополудни въ 2 часа, вода выше ординарной 12 футъ 10 дюймовъ». Между сими чертами оказалась разность 2 фута 11 дюймовъ.

«Въ журналѣ Государственной Адмиралтействъ коллегіи 1777 г. сентября 19-го дня сказано: «Наводненіе сверхъ ординарной воды было въ Адмиралтейскомъ каналѣ у футштока 10 футъ 6 дюймовъ, а въ Галерной гавани у футштока 12 футъ».

«Прилагая означенное возвышеніе 10 футъ 6 дюймовъ къ разности высоты водъ, означенныхъ на крѣпостныхъ воротахъ, 2 футамъ 11 дюймамъ, составится 13 футъ 5 дюймовъ; но поелику сумма разности сихъ водъ не даетъ еще соразмѣрной пропорціи, относительно къ водѣ въ Галерной гавани, то, основываясь на правилахъ гидростатики, принялъ я другой выводъ: содержаніе водъ разныхъ лѣтъ въ одномъ мѣстѣ пропорціонально разностямъ водъ однихъ лѣтъ въ разныхъ мѣстахъ. Для сего изъ вышеозначенныхъ мѣръ принимаю я за основаніе: возвышеніе водъ 1777 года въ крѣпости, Адмиралтействѣ и Галерномъ портѣ и 1824 года въ крѣпости же:

	Въ крѣпости.	Разность паденія.	Въ Адмиралтействѣ.
1777 г. . . .	9 ф. 11 д.	7 д.	10 ф. 6 д.
1824 » . . .	12 » 10 »	9 »	13 » 7 »

	Въ Адмиралтействѣ.	Разность паденія.	Въ Галерномъ портѣ.
1777 » . . .	10 ф. 6 д.	1 ф. 6 д.	12 ф. 00 д.
1824 » . . .	13 » 7 »	2 » 3 »	15 » 10 »

«Не подчеркнутыя числа приняты изъ наблюденій высоты водъ; а подчеркнутыя вычислены.

«По сему отношенію разностей высокихъ водъ, выйдетъ по тройному правилу: возвышеніе воды въ С.-Петербургской крѣпости 1777 года—9 фут. 11 дюйм. содержится къ возвышенію воды 1824 года—12 фут. 10 дюйм., такъ какъ разность паденія водъ 1777 года въ С.-Петербургской крѣпости и въ Адмиралтействѣ: 7 дюймовъ содержаться будетъ въ разности паденія между замѣченными водами 1824 года тѣхъ же мѣстъ: 9 дюймамъ.

«Придавъ сiи 9 дюймовъ къ водѣ замѣченной въ крѣпости 12 фут. 10 дюймамъ, выходитъ 13 фут. 7 дюймовъ, т. е. настоящее возвышенiе воды въ Адмиралтействѣ 1824 года ноября 7-го дня. Потомъ вычисляю воду въ Галерномъ портѣ: разность паденiя водъ 7 дюйм. содержится къ разности паденiя 1 фут. 6 дюйм., такъ какъ сысканная прежде сего разность паденiя 9 дюйм. содержится къ разности 2 фута 3 дюйма, сумму сiю прилагаю къ сысканной въ Адмиралтействѣ водѣ 13 фут. 7 дюймамъ и нахожу, что истинная высота воды была въ Галерномъ портѣ 15 фут. 10 дюймовъ. По симъ вычисленiямъ можно означить очень вѣрно точки ординарныхъ водъ.

(Подписано А. Колодкинъ).

Къ этимъ вычисленiямъ В. Н. Берхъ (стр. 77 и 79) прилагаетъ слѣдующiя двѣ сравнительныя таблицы:

ГОДЫ И ЧИСЛА.	Высоты воды. Въ С.-Петерб. Фут.	Дюйм.	Въ Кроншт. Фут.	Дюйм.
1721, ноября 5	7	4	—	—
1723, ноября 23	7	7	—	—
1726, ноября 1	8	2	—	—
1729, октября 12	7	1	—	—
1744, августа 17 и сентября 9	7	—	—	—
1752, октября 22	8	5	7	—
1756, сентября 29	7	3	5	4
1777, сентября 10	10	7	7	6
1788, сентября 26—27	7	5	—	—
1802, въ сентябрѣ	7	5	—	—
1824, ноября 7	13	7	11	6

Таблица возвышенiя воды 7 ноября 1824 года, въ портахъ Финскаго залива и Балтiйскаго моря.

	Фут.	Дюйм.
Въ С.-Петербургскомъ Гребномъ портѣ, или Галерной гавани, въ полдень	16	6
Въ Кронштадтѣ, въ 11 часовъ 30 минутъ по полуночи	11	6
Въ Нарвѣ, по полудни въ 2 часа 30 минутъ	9	1
Въ Роченсальмѣ, въ полдень	7	6
Въ Абовѣ, по полуночи въ 4 часа	6	8
Въ Свеаборгѣ, въ полдень	5	4
Въ Ревелѣ, въ 7 часовъ по полуночи	5	—
Въ Ригѣ [1])	3	4

[1]) Замѣчательно, что 9-го декабря сего же 1824 года возвысилась въ Ригѣ вода до $6^1/_2$ футовъ.

«Изъ всего вышеприведеннаго изложенія»,—говоритъ въ заключеніе В. Н. Берхъ (стр. 80), — «видно, что наводненіе 1824 года превзошло всѣ извѣстныя по построеніи С.-Петербурга. Любопытно взглянуть, какія послѣдствія могло бы оно имѣть, ежели бы случалось за сто лѣтъ передъ симъ: вѣроятно, достигла бы тогда вода до высоты 20 футъ; чего теперь не случилось, потому что каналы и трубы приняли значительное количество оной».

Высота и пространство наводненія зависѣли, разумѣется, отъ большей или меньшей низменности мѣстоположенія частей города ему подвергшихся, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго списка:

Въ Галерной гавани отъ	12—8	фут.
У больницы св. Маріи Магдалины	7	»
У Биржевого сквера	6—5	»
У Перваго корпуса	6—5	»
У Академіи Художествъ	5—4	»
Елагинъ островъ	10—7	»
Петровскій островъ	9—6	»
Каменный островъ	7—6	»
Аптекарскій островъ	7	»
Крестовскій островъ	8—3	»
Петербургская сторона	7—5	»
У Адмиралтейства	6—5	»
У Большого театра	5	»
Набережная Фонтанки отъ Прачешнаго до Калинкина моста	6—5	»
У Обводнаго канала	6—3	»
По Садовой и на Сѣнной	5—3	»

По плану Петербурга, хранящемуся въ правленіи перваго округа путей сообщенія съ означеніемъ высоты наводненія и его границъ, черта его отъ сѣверо-востока простиралась: на Выборгской сторонѣ, вдоль Большого Сампсоньевскаго проспекта, нѣсколько перейдя его; затѣмъ, огибая Медико-Хирургическую академію, по Ломанову переулку и Нижегородской улицѣ линія проходитъ по Самарской улицѣ, приближаясь къ Невѣ, тянется по Симбирской улицѣ и выше Новаго арсенала впадаетъ въ Неву. Къ сѣверу черта наводненія пересѣкала Сердобольскую улицу (между Выборгскимъ шоссе и Черной рѣчкой). На лѣвомъ берегу Невы линія наводненія отдѣлялась отъ рѣки у самаго перевоза у Смольнаго монастыря; затѣмъ идетъ прямо внизъ по Невѣ, между Воскресенскою набережною, у Литейнаго проспекта, отходитъ отъ Невы по Гагаринской улицѣ. Здѣсь площадь наводненія расширилась и линія его направлялась къ выдающемуся углу Фонтанки, гдѣ Екатерининскій институтъ, далѣе захватывала болѣе половины Семеновскаго плаца, перерѣзывая мысъ, образуемый Введенскимъ и Обводнымъ каналомъ. Пре-

дѣломъ наводненія на лѣвомъ берегу Невы была Сергіевская улица и Невскій проспектъ на правомъ берегу Фонтанки у Аничкова моста. Пощажены были наводненіемъ: Большая Охта, Пески, большая часть Литейной, части Александро-невская, Московская, 1-й участокъ Адмиралтейской части.

Ослабленію наводненія 1824 года много способствовало возвышеніе грунта Петербурга, противъ 1777 года, что весьма обстоятельно поясняетъ В. Н. Берхъ (стр. 80—86).

«Многіе части города, возвысясь теперь предъ прежнимъ на 6 футовъ, уменьшили на сіе число высоту воды. Ежели кто усомнится въ семъ заключеніи, то вотъ неоспоримыя тому доказательства.

I) Санктпетербургъ имѣетъ теперь (въ 1826 году) болѣе 7,000 домовъ, во время построенія оныхъ, поднялись улицы отъ выкапыванія фундаментовъ, мусора и мостовой. Многіе изъ сихъ домовъ, бывъ нѣсколько разъ перестроены, возвысили и еще болѣе улицы.

II) Большая часть города теперь вымощена и многія улицы покрыты уже камнемъ болѣе 80 лѣтъ. Извѣстно, что мостовыя перестилаются каждые два года и при семъ случаѣ прибавляется каждый разъ довольно песку и мусора.

III) Во время обдѣлыванья Фонтанки, Мойки, Пряжки, каналовъ: Екатерининскаго, Крюкова, Лиговскаго и проч. вся почти земля изъ оныхъ вынутая употреблена была на поднятіе улицъ и тротуаровъ.

IV) Можно безпрекословно принять, что половина домовъ въ С.-Петербургѣ находящихся, имѣетъ трубы. Земля изъ оныхъ вынутая, обратилась также на возвышеніе дворовъ и улицъ.

V) Бульвары и тротуары, сдѣланные не въ давнемъ времени, возвысили также нѣкоторыя части города.

VI) По довольно вѣрному расчету выходитъ, что съ начала построенія С.-Петербурга по 1826 годъ, было въ приходѣ къ С.-Петербургскому и Кронштадтскому портамъ 60,000 кораблей. Поелику большая часть торговыхъ судовъ приходитъ сюда съ баластомъ, то, полагая въ каждомъ по 300 берковцевъ, выйдетъ всего 18.000,000 берковцевъ или 20,000 кубическихъ саженъ. Можно легко разсудить, какое значительное возвышеніе составило такое огромное количество песку. Случаи, чтобы корабли отходили отсюда съ баластомъ бываютъ рѣдки и бездѣлица сія не можетъ составить счета.

«Противъ перваго пункта могутъ возразить, что изъ многихъ домовъ вывозили мусоръ: справедливо; но мусоръ сей не былъ вывезенъ изъ города, а обращенъ на возвышеніе низменныхъ частей онаго. Многимъ памятно, каково было Козье болото, 20 лѣтъ тому назадъ; но нынѣ ѣздятъ по оному въ каретахъ. Равнымъ образомъ возвысили обѣ Коломны, по коимъ еще недавно проѣзжали съ трудомъ весною и осенью.

«Счастливому случаю обязанъ я за повѣрку сихъ предположеній.

С.-Петербургскій купецъ Иванъ Семеновичъ Тычинкинъ, занимающійся здѣсь болѣе 20 лѣтъ земляными работами, доставилъ мнѣ слѣдующія любопытныя и неоспоримыя доказательства, насколько повысились разныя части С.-Петербурга. Свѣдѣнія его тѣмъ важнѣе, что г. Тычинкинъ соображался съ оными, подряжаясь на земляныя работы и удостовѣрился въ оныхъ многолѣтними опытами.

«Г. Тычинкинъ замѣчаетъ, что въ общей сложности возвысились 1-я и 2-я Адмиралтейскія части только на 3½ фута. Частью же открыты очень большіе наносы. Во время работъ у Исаакіевской церкви найдены насыпи 14 футовъ. При рытіи водопроводной трубы отъ Полицейскаго моста къ дому купца С. Ѳ. Чаплина не могли отыскать материка на 9 футъ глубины.

«У Владимірской найдены вообще 3½ фута насыпи; а отъ церкви Знаменія Господня до церкви Рождества Христова, какъ равно и по всей Ямской, нѣтъ нисколько насыпи. Замѣчательно, что отсюда вывезено съ начала существованія С.-Петербурга нѣсколько милліоновъ кубическихъ саженъ песку. Въ Грязной [1]) улицѣ, у Старообрядческой церкви, найдено насыпи съ небольшимъ одинъ футъ.

«На Литейной, отъ Арсенала до Невскаго проспекта, найдено насыпи отъ 1½ до 3-хъ футовъ; и отъ Гагаринской пристани къ дому г. Самбурскаго, при рытіи водопроводной трубы, не нашли материка на 10 футъ.

«У Артиллерійскихъ больницъ по Офицерской (нынѣ Знаменской) улицѣ найдено насыпи отъ 6—7 футовъ.

«На Новыхъ мѣстахъ, отъ дома г. адмирала Дмитрія Николаевича Сенявина и новаго Банка найдено насыпи отъ 1—1½ футовъ.

«На Петербургской сторонѣ у Сытнаго рынка, найдено насыпи 6 футовъ; около 2-го Кадетскаго корпуса столько же, а у бывшаго Мытнаго двора только 1½ фута.

«На Выборгской сторонѣ противъ Госпиталей второго отдѣленія, нѣтъ вовсе никакой насыпи; а на мѣстахъ, при водѣ лежащихъ, найдено насыпи отъ 1—2 футовъ.

«Въ Екатерингофѣ, при рытіи канала отъ фабрики барона Раля до дачи купца Сутугина, найдено насыпи только на одинъ футъ. Но насыпь эта произошла отъ наводненій, потоплявшихъ мѣста эти почти ежегодно. Нынѣ возвышенъ Екатерингофъ, въ сложности, почти на 8 футовъ.

---

[1]) Нынѣ Николаевская. Она была переименова въ исходѣ 1850 годовъ, по ходатайству покойнаго извѣстнаго нашего хирурга Ильи Васильевича Буяльскаго, имѣвшаго на Грязной свой собственный домъ, жившаго и скончавшагося въ немъ. Завѣщанный покойнымъ внуку Ильѣ Павловичу Шипулинскому (тоже уже умершему), домъ былъ проданъ и перестроенъ. На желѣзной рѣшеткѣ балкона второго этажа изображенъ былъ символъ изъ герба Буяльскаго: «стрѣла спасенія» (Sagitta salutis).

«На 8-й верстѣ по Царскосельской дорогѣ и на Волковомъ кладбищѣ не примѣчено никакой насыпи.

«При строеніи новаго чугуннаго завода, на 7-й верстѣ, по Шлиссельбургской дорогѣ, не найдено никакой насыпи, и хотя, въ теченіе многихъ лѣтъ существовали здѣсь кирпичные заводы, отъ которыхъ понизилось мѣсто сіе почти на 12 футовъ, однако же во время послѣдняго наводненія не понималось оно водою.

«Въ лабазахъ Андреевскаго рынка, поднимала въ 1777 году вода первый рядъ кулей съ мукою; а въ наводненіе 1824 года достигла она до четвертаго ряда. Подобное же замѣчаніе сдѣлано въ лабазахъ, находящихся на Сѣнной, въ домѣ купца Искорникова: въ 1777 году потопило только первый куль; а въ послѣднее наводненіе была въ лабазахъ этихъ вода на 3½ фута выше.

«Г. Тычинкинъ заключаетъ, что хотя С.-Петербургъ и кажется намъ теперь равниною; но при первоначальномъ заселеніи былъ онъ не таковъ. Всѣ мѣста, лежавшія близко къ Невѣ и разнымъ малымъ рѣчкамъ были весьма низменны, и пространство между оными находившееся, возвышалось ежегодно отъ прибылыхъ водъ. Сверхъ рѣчекъ было здѣсь также много болотъ, признаки коихъ находятъ иногда при рытіи каналовъ и фундаментовъ. Замѣчаніе это подтверждаютъ сохранившіеся донынѣ названія: Козье болото и Бугорки».

Теперь, въ заключеніе, попытаемся, хотя приблизительно, подвести итоги жертвъ наводненія и убытковъ имъ причиненныхъ.

Число утонувшихъ, обоего пола и всѣхъ возростовъ, Башуцкій опредѣляетъ въ четыреста восемьдесятъ человѣкъ: цифра не заслуживающая вѣроятія, такъ какъ по всему городу погибло народу, конечно, вдвое болѣе. На одномъ Смоленскомъ кладбищѣ въ теченіе недѣли погребено было сто сорокъ два трупа. Это были почти исключительно бѣдные труженики, жители подваловъ или убогихъ лачугъ Гавани и дальнихъ линій Васильевскаго острова, «казенные люди»: будочники, матросы, сторожа при Таможнѣ, Горномъ корпусѣ, Академіяхъ—Наукъ и Художествъ, ихъ жены и дѣти... Тонули цѣлыми семьями, гнѣздами... и сердцемъ овладѣваетъ невыразимая грусть при просмотрѣ кладбищенскихъ списковъ, изъ которыхъ приводимъ нѣсколько выдержекъ: позументнаго цеха мастеръ Ефимъ Журиковъ 68 лѣтъ съ женою Матроною 50 лѣтъ; семь человѣкъ матросовъ команды Канонерскаго острова; семейство мѣщанина Козлова: Татьяна Яковлева, Настасья, Катерина, Семенъ — Захаровы, Анна Семенова, Александръ Ѳедоровъ, младенецъ Татьяна. Семейство чиновника 1-го Кадетскаго корпуса Овчинникова, жена его Прасковья Васильевна 34 лѣтъ, дочери Елисавета 14 л., Вѣра 4 л. и сынъ Иванъ 5 л.; жена адмиралтейскаго работника Овчинникова Дарья 45 л. и дочь ихъ Степанида 13 л.; подмастерье

Академіи Художествъ Семенъ Суворовъ 45 л. и дочь его Степанида 20 л., дочери тит. совѣт. Седерченкова: Марѳа, Мавра и Екатерина и ихъ крѣпостная Параскева; крѣпостная г. Бибикова Агаѳья Сидорова 27 л. и сынъ ея Сергѣй 2 л. Вольноотпущенная женка Ульяна Тарасова 28 л. и сынъ ея Мануилъ 12 л. ми др.

Въ письмахъ И. И. Мартынова масса подробностей о томъ, какъ гибли несчастные мученики и мученицы. «У сосѣда моего Гофмана, въ подвалѣ плавали двѣ утонувшія женщины; у другого сосѣда Геракова потонуло семь человѣкъ: одна изъ этихъ жертвъ подноситъ ко лбу своему руку съ тремя сложенными перстами, чтобъ перекреститься; другая держитъ въ рукѣ двадцатипяти рублевую бумажку».—«Одна женщина, лишась пріюта, бѣжитъ по водѣ, выбирая для этого высокія мѣста, съ малолѣтней дочерью, но вода быстро прибываетъ... мать уже не находитъ возможности къ спасенію жизни дочери; о своей уже не думаетъ... вдругъ видитъ позади себя солдата, плывущаго на бревнѣ и бросаетъ къ нему черезъ голову свое дѣтище. Солдатъ подхватываетъ дитя, а бѣдная мать на его глазахъ погружается въ воду и утопаетъ».—«Одинъ армянскій священникъ на армянскомъ кладбищѣ на островѣ Голодаѣ) привязалъ себя въ церкви къ стѣнѣ верев кою, дабы, въ случаѣ если онъ потонетъ, то, по крайней мѣрѣ, не унесло бы его трупа безъ вѣсти, такъ какъ это и случилось дѣйствительно съ другими».

Самъ Мартыновъ былъ совершенно раззоренъ наводненіемъ. Вода, по его словамъ, начала на Васильевскомъ островѣ прибывать въ 8 часовъ утра; разлилась по 11-й линіи и достигла стѣнъ, а тамъ и оконъ его дома. Библіотека ученаго, болѣе тридцати лѣтъ имъ собранная, расплылась и унесена водою... «Прошло за три часа,—разсказываетъ онъ,—но вода все прибываетъ; казалось вѣтеръ свиститъ и свирѣпствуетъ еще сильнѣе; волны на очищенныхъ ими отъ заборовъ и всякаго лѣса огородовъ, вздымаются, какъ на морѣ; брызги воды отрываются отъ валовъ, сердитыхъ и бѣлыхъ, и часто пошатывается нашъ мезонинъ, и сердце замираетъ. Безъ сомнѣнія, сорвало бы и нашъ мезонинъ и насъ унесло бы, если бы съ той стороны откуда дулъ вѣтеръ, не было довольно высокаго сарая. Вдругъ затрещали въ залѣ и въ другихъ комнатахъ стекла и вотъ мимо моего дома несетъ сорванный парникъ, сарай, хлѣвъ или домикъ, съ живыми, или съ мертвыми, придавленными людьми, или животными; тамъ плывутъ на бревнахъ; влѣзаютъ на попадающіеся на дорогѣ деревья. Одинъ работникъ, сидя верхомъ на лошади и держась за ея уши, горько обливался слезами и прямо приплылъ къ намъ верхомъ. «Себя-то мнѣ не жаль,—говорилъ онъ, когда ввели его наверхъ,—а что подумаетъ хозяинъ, коли лошадь не сбережена». Вода, по словамъ Марты-

нова, была около его дома выше сажени. Прислуга его, жившая во флигелѣ, разломала потолокъ и вылѣзала на чердакъ, потому что вода была до самаго потолка и пробиралась уже на чердакъ...»

Сосѣдъ Мартынова спасся съ своей женой на большой двери, сорванной бурею; трепещущій мужъ держалъ въ рукахъ курицу, а жена—собачку. Они, какъ послѣ сами разсказывали, прощались другъ съ другомъ и приготовлялись къ смерти. Много ужасовъ видѣлъ Мартыновъ изъ оконъ своего дома: то человѣкъ спасается, плывя въ чанѣ; другой, ухватясь за гвоздь плывущаго домика, на которомъ балансируетъ кошка, или собака; далѣе оторванная дверь служитъ подпорою головѣ плывущей лошади и т. д.

Были и чудесные случаи спасенія людей отъ гибели почти неминуемой. Къ одному домовладѣльцу на Выборгской сторонѣ волнами принесло грудного младенца въ пустомъ сахарномъ ящикѣ. Утромъ, на другой день наводненія, онъ слышитъ дѣтскій крикъ, идетъ къ мѣсту, откуда онъ раздается, и находитъ ребенка, который улыбается... Нашедшій, конечно, оставилъ его у себя на воспитаніе.

Купецъ Ларіоновъ, жившій въ Чекушахъ, видя близкую гибель своего жилища, сколотилъ наскоро изъ бревенъ и досокъ плотъ, на который и перебрался съ женою и двумя малолѣтними дѣтьми. Плотъ этотъ понесло бурею прямо къ дому брата его, но вдругъ порывомъ вѣтра онъ неожиданно раздѣляется, и на одной половинѣ остались дѣти, которыхъ и понесло черезъ Неву къ заводу Берда; здѣсь ихъ спасаютъ заводскіе рабочіе, а другую половину плота принимаетъ братъ Ларіонова.

Къ происшествіямъ, заслуживающимъ особеннаго вниманія, нельзя не отнести и слѣдующаго случая. Бѣдная вдова, жившая въ Гавани въ низенькомъ домикѣ, при наступленіи воды должна была со всѣми дѣтьми взлѣзть на крышу, но, къ ея ужасу, вскорѣ она увидѣла большое судно, съ быстротою несшееся прямо на ихъ домъ. Вдова, видя неминуемую смерть, уже отчаявалась быть живой, какъ вдругъ на ихъ счастье судно засѣло вблизи отъ нихъ между большими деревьями и стало для нихъ такъ удачно, что защитило ихъ не только отъ волнъ и наноса другихъ судовъ, но даже отъ вѣтра.

Другой чиновникъ, жившій въ той же Гавани, былъ вынужденъ во время наводненія со всѣмъ своимъ семействомъ перебраться на чердакъ, куда успѣлъ также втащить и необходимыя вещи. Вода, впрочемъ, все прибывала и уже касалась потолка. Несчастные стали помышлять перебраться на крышу, какъ вдругъ увидѣли несшееся на нихъ судно; ужасъ объялъ ихъ, и они уже ждали гибели, но судно набѣгаетъ на домъ и къ общей радости срываетъ только крышу съ потолкомъ...

Въ той же мѣстности, бѣдный чиновникъ, отправляясь на службу,

оставилъ больную жену съ большимъ семействомъ въ убогой лачужкѣ, приказавъ для плотниковъ, которые придутъ для поправки крыши, поставить въ печь большой котелъ съ картофелемъ. Печь еще не истопилась, какъ вода наполнила хижину; все семейство успѣло перебраться на печь, бѣдная мать ежеминутно видѣла съ ужасомъ, какъ вода все болѣе и болѣе прибывала и готовила ей съ дѣтьми неизбѣжвую смерть. Дѣти стали просить ѣсть, мать вспомнила про картофель и съ трудомъ достала его изъ печки. Утоливъ голодъ, дѣти уснули. Къ счастью, вода не дошла на полвершка до того мѣста, гдѣ они сидѣли, и скоро сбыла. Настало уже утро, но никто не приходилъ освободить ихъ, тщетно они кричали и просили помощи. Наконецъ, на третій день крики ихъ услышали, и они были спасены отцомъ, который уже отчаявался ихъ найти въ живыхъ, такъ какъ вся та мѣстность была завалена хламомъ и развалинами домовъ, такъ что не видно было и слѣдовъ домика, и только черезъ двое сутокъ онъ могъ до него добраться. Дѣти и жена его все время заточенія питались картофелемъ.

Жена одного солдата пошла за покупками въ рынокъ и заперла комнату, оставивъ тамъ двухъ малютокъ своихъ. По дорогѣ она была застигнута водою и принуждена искать спасенія въ чужомъ домѣ. Съ разсвѣтомъ, на другое утро, спѣшитъ она домой, и съ горестью думаетъ, что не найдетъ въ живыхъ своихъ дѣтей. Но, отворяя двери, къ величайшей радости и счастью, она находитъ своихъ малютокъ, спящихъ на столѣ посрединѣ комнаты. Приходъ матери разбудилъ дѣтей, которыя ей разсказывали: «Мама, мы играли въ комнатѣ, и какъ вода стала входить сюда, то мы вскочили на стулъ, а потомъ на столъ. Насъ очень забавляло, какъ столъ началъ плавать по комнатѣ, а когда онъ сталъ подыматься, то мы не могли устоять на немъ, а легли и проспали, покуда ты не пришла къ намъ».

Въ одной изъ частей, болѣе другихъ потерпѣвшей отъ наводненія, жили три сестры, снискивавшія себѣ пропитаніе рукодѣльемъ. Двѣ изъ этихъ сестеръ долго трудились, отказывая себѣ часто въ необходимомъ для того, чтобъ отложить что-нибудь для своей младшей сестры на приданое. Такимъ образомъ, онѣ сберегли и накопили въ небольшомъ сундукѣ нѣсколько нужныхъ вещей изъ бѣлья и деньгами до 2,000 рублей. Неожиданное бѣдствіе умчало и разрушило все ими накопленное богатство. Полуразвалившаяся ихъ свѣтелка, кое-какъ державшаяся на нѣсколькихъ бревнахъ, была прибита волнами къ берегу, гдѣ подъ разнымъ хламомъ былъ найденъ сундучекъ, по раскрытіи котораго увидѣли чистое бѣлье, платье и деньги, бережно завернутыя въ узелокъ, но кому принадлежалъ сундучекъ, не было признака; въ вещахъ, впрочемъ, еще было найдено евангеліе, на бѣломъ листѣ котораго видна была

замѣтка, что оно подарено такой-то. И вотъ, эта-то надпись и дала возможность полиціи отыскать владѣлицъ сундучка и возвратить его имъ въ цѣлости.

Къ одному англичанину принесло водою, вырытый изъ земли гробъ его пріятеля, котораго онъ похоронилъ за два дня до наводненія. Отъ полиціи была повѣстка, съ объявленіемъ, если кто изъ обывателей нашелъ гробъ съ непогребеннымъ покойникомъ, унесенный съ Смоленскаго кладбища, и кто представитъ его, тому дано будетъ 500 руб. ассиг.

Убытки нанесенные наводненіемъ были неисчислимы. На биржѣ размокло 900.000 пудовъ муки, до 300.000 пудовъ сахарнаго песку, столько же соли; нѣсколько тысячъ берковцевъ кофе, бревна краснаго, сандаловаго, орѣховаго дерева, бочки растительнаго масла унесло водою; вина уничтожено на полмилліона рублей. На Васильевскомъ островѣ между 4-й и 5-й линіями потонулъ цѣлый гуртъ черкасскихъ быковъ. Домашняго скота крупнаго и мелкаго: лошадей, коровъ, свиней потонуло до 3600 головъ. Трупы ихъ были сожжены на островѣ Голодаѣ.

Кому горе, кому радость; гдѣ слезы—тамъ и смѣхъ. Пользуясь береговымъ правомъ, бѣдный людъ пользовался поврежденными на биржѣ товарами, въ особенности размокшимъ сахарнымъ пескомъ. Къ охотникамъ ловить рыбу въ мутной водѣ присоединились и мазурики. Одинъ изъ таковыхъ рыцарей промышленности забрался въ квартиру И. И. Мартынова.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—спросилъ хозяинъ.

— Ищу вчерашняго дня!—отвѣчалъ тотъ мрачно.

Благотворительность—монаршая и общественная равнялась великости бѣдствія. Государь пожертвовалъ милліонъ рублей на пострадавшихъ и его благому примѣру послѣдовали богачи и знатные господа. Всего собрано было на пособіе неимущимъ и разворенньмъ четыре милліона шестьдесятъ шесть тысячъ четыреста восемьдесятъ шесть рублей; эта сумма была выдана въ пособіе 53.529 человѣкамъ. На долю жителей одной Петербургской стороны досталось 634.351 руб. 86¼ коп.; Выборгской—до 100.000 руб.

Но выше и драгоцѣннѣе всякихъ денежныхъ пожертвованій были подвиги человѣколюбія и самопожертвованія, выказавшіе во всемъ блескѣ прекраснѣйшія стороны характера нашего русскаго народа. На вѣчную и добрую память потомства сохранимъ скромные имена этихъ героевъ.

Содержавшіеся въ рабочемъ домѣ арестанты во время наводненія были выпущены на свободу; не всѣ ею воспользовались, а большинство бросилось въ сосѣдній домъ у Сухарнаго моста спасать жившихъ въ немъ бѣдныхъ старухъ и по поясъ въ водѣ выносили ихъ.

Одинъ крестьянинъ спасъ четырнадцать человѣкъ; другой Иванъ Сысинъ, изъ квартиры Степана Морейскаго, въ которой воды было свыше двухъ аршинъ, черезъ разбитое окно, спасъ четырехъ старушекъ, изъ которыхъ одной было 90 лѣтъ.

Шкиперъ шкуны купца Бруна спасъ 23 человѣка. Кромѣ мичмана Бѣляева и флигель-адъютанта Германа, о которыхъ мы читали разсказъ А. П. Бѣляева, подвиги человѣколюбія совершили: аудиторъ Климовъ, спасшій 12 человѣкъ; капитанъ Скрыдловъ, спасшій на своемъ баркасѣ 100 утопавшихъ; мичманъ Миллеръ, плавая на катерѣ, по Галерной улицѣ и у Исаакіевскаго моста, вытащилъ изъ воды 12 человѣкъ. Секретарь Россійской Академіи Петръ Ивановичъ Соколовъ[1]) спасъ 15 человѣкъ, бросая имъ веревку изъ окна своей квартиры... Подвиги графовъ Милорадовича, Камаровскаго, генерала Бенкендорфа и многихъ другихъ особъ близкихъ къ государю, вполнѣ оправдали его выборъ ихъ въ попечители города... Наконецъ, не обойдемъ молчаніемъ и примѣра вѣрности долгу службы. Рядовой Преображенскаго полка Михаилъ Петровъ, стоявшій на часахъ у Лѣтняго Сада, въ самый разгаръ наводненія не оставлялъ своего поста, не рѣшаясь сойти съ мѣста до прихода ефрейтора. Послѣдній Ѳома Малышевъ съ большими усиліями, буквально «снялъ» исправнаго часового...

Памятникомъ благотворительности императора Александра I донынѣ сохранилась деревня «Афтово» на 4-й верстѣ Петергофской дороги. Это селеніе, подобно деревнѣ Волынкиной, было совершенно раззорено наводненіемъ. Когда государь пріѣхалъ на эти развалины, мужички съ воплями его окружили и одинъ старикъ, разсказывая о томъ, кто чего лишился, поштучно, говорилъ, вмѣсто слова у «этого»: «у афтова пропала лошадка; у афтова коровушка...»

— Ну, это все у «Афтова»,—сказалъ государь, принимая переиначенное мѣстоимѣніе за фамилію,—а что же у другихъ?!

Смѣясь недоразумѣнію, онъ назвалъ новую, имъ отстроенную деревню—«Афтово».

Чтобы вызвать улыбку на лицо читателя, послѣ печальныхъ разсказовъ, передадимъ забавный случай съ однимъ домохозяиномъ въ Коломнѣ, или на Петербургской. Улица, въ которой онъ жилъ, была, говоря сравнительно, пощажена наводненіемъ: высота воды едва превосходила аршинъ. Когда полиція раздала жестяные билетики съ надписью: «7-го ноября 1824 года» для помѣтки на наружныхъ стѣнахъ домовъ бывшей высоты воды, нашъ домохозяинъ, вмѣсто намѣченнаго мѣста, прибилъ досчечку аршина на два съ половиной отъ земли. Удивленный квартальный спросилъ:

---

[1]) Родился 24-го іюня 1764 года † 9-го января 1835 года. Погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

— Что это значитъ?

— Низко приколоченная досчечка не замѣтна,—отвѣчалъ тотъ,— да къ тому же ее и уличныя мальчишки исцарапаютъ.

Наводненіе, подъ названіемъ «потопа» въ теченіе многихъ лѣтъ было «эрою» у столичнаго простонародья.

1827—1833.

Наводненіе 1827 года, при возвышеніи воды лишь на 4 фута 11 дюймовъ, случилось ночью 29-го іюня: явленіе единственное, со времени существованія Петербурга небывалое.

Въ 1830 году, декабря 15-го въ 12 часовъ утра вода возвысилась до 5 футовъ и 1 дюйма: шести футовъ было бы достаточно, чтобы Нева сравнялась съ берегами.

Въ 1833 году 17-го августа при сильномъ вѣтрѣ вода стала быстро прибывать и достигла 5 футовъ, съ перемѣною вѣтра такъ же быстро пошла на убыль.

1834.

Годъ открытія Александровской колонны.

Наканунѣ этого торжества въ ночи съ 29-го на 30-е августа жестокая буря съ значительною прибылью воды разразилась надъ Петербургомъ. Августъ мѣсяцъ въ тотъ годъ былъ вообще богатъ жаркими и грозовыми днями; но подобной ночной грозы давно небывало. Приводимъ разсказъ о ней вдохновеннаго поэта В. А. Жуковскаго, воспѣвшаго Александра Благословеннаго при жизни и послѣ смерти.

«День наканунѣ былъ утомительно душенъ; въ ночи все небо задернулось громовыми тучами; воздухъ давилъ какъ свинецъ; тучи шумѣли; Нева подымалась и былъ въ волнахъ ея голосъ; наконецъ, запылала гроза: молніи за молніями, зажигаясь въ тысячѣ мѣстахъ, какъ будто стояли надъ городомъ. Однѣ зубчатыми стрѣлами крестили небо; другіе вспыхивали, какъ багровые снопы; иныя широкимъ пожаромъ зажигали цѣлую массу облаковъ и на этомъ безпрестанномъ переходѣ изъ мрака въ блескъ, чуднымъ образомъ являлись и пропадали зданія, кровли и башни, и вырѣзывались на яркомъ свѣтѣ шатающіяся мачты кораблей и сверкала громада колонны, которая вдругъ выходила вся изъ темноты, бросала минутную тѣнь на озаренную кругомъ ея площадь и вмѣстѣ съ нею пропадала, чтобъ снова блеснуть и исчезнуть. И въ этомъ явленіи было какое-то невыразимое знаменованіе: невольно испуганная мысль переносилась къ тѣмъ временамъ нашествія вражескаго, когда губительная гроза поднялась надъ Россіею, надъ нею разразилась и быстро исчезла, оставя ей славу и миръ. Было

что-то похожее на незыблемость Промысла въ этой колоннѣ, которая, не будучи еще открытою, уже стояла на своемъ мѣстѣ посреди окружающаго ее мрака и бури, твердая, какъ тайная воля спасающаго Бога, дабы на другой день, подъ блескомъ очищеннаго неба, торжественно явиться символомъ свершившагося Божія обѣта».

1852.

Подъ 1720 годомъ мы говорили о какомъ-то изувѣрѣ, мутившемъ народъ пророчествами, что весь Петербургъ будетъ раззоренъ и погубленъ наводненіемъ. Черезъ 132 года выискался другой какой-то дуракъ, пустившій молву о необыкновенномъ, бѣдственномъ наводненіи. Кто былъ этотъ пророкъ, этого полиція не доискалась, но пророчество съ самаго конца лѣта ходило изъ устъ въ уста, изъ харчевень, портерныхъ и кабаковъ, переходя въ кухни и лакейскія; оттуда въ барскія комнаты, одинаково тревожа и темный людъ и просвѣщенныхъ людей. О предстоящемъ наводненіи говорилъ весь городъ, всѣ сословія: мудрено было тутъ найти виноватаго, а забирать всѣхъ говоруновъ было немыслимо:

«Яма надобна большая...»

какъ сказалъ Хемницеръ.

Съ первыхъ же чиселъ октября погода была очень бурная. Чуть не ежедневно проливные дожди при порывистомъ морскомъ вѣтрѣ, имѣвшемъ направленіе между NNW, W и SSW съ попеременною то возроставшею, то ослабѣвавшею силою. Эти лихорадочныя, атмосферическія колебанія отзывались на состояніи Невы, которая

«... металась какъ больной
«Въ своей постелѣ безпокойной!»

Рѣка и каналы подступали къ рѣшеткамъ и каменнымъ оградамъ набережныхъ. Въ неизбѣжности наводненія были убѣждены жители столицы всѣхъ классовъ и со дня на день ожидали катастрофы. Это чувство тоскливаго ожиданія тревожило даже лицъ высшей администраціи, на прямой обязанности которыхъ лежало успокоеніе жителей столицы... Легко сказать: «успокоеніе»; но на какихъ данныхъ было успокоивать? Ученѣйшій метеорологъ не могъ положительно сказать, что вѣтеръ перемѣнитъ румпъ, не перейдетъ въ штормъ, а повышеніе воды—въ наводненіе.

Вечеромъ, въ половинѣ октября, фонари на башнѣ Адмиралтейства и пушечные выстрѣлы съ крѣпости, извѣстили жителей столицы о новомъ, чуть не десятомъ приступѣ бушевавшей Невы. Это было въ самый разгаръ осенняго сезона: балы, рауты, театры, собранія въ клубахъ. Итальянская опера съ Гризи, Маріо, Тамберликомъ, Ронкони, Формесомъ. Именно при представленіи «Гугенотовъ», при громадномъ стеченіи публики въ Большомъ театрѣ

въ зрительную залу поспѣшно вошелъ тогдашній оберъ-полицеймейстеръ А. П. Галаховъ и громко сказалъ:

— Господа! Наводненіе... вода залила всю театральную площадь!

Поднялась суматоха (это было въ антрактѣ), мгновенно ложи и кресла болѣе чѣмъ на половину опустѣли; принужденный разъѣздъ происходилъ по площади на 1/4 аршина покрытой сплошной лужей. Наводненіе принадлежало къ числу небольшихъ и ограничилось 5 футами. Къ утру вода стала спадать, вошла въ свой ординарный уровень и во всѣ остальныя два мѣсяца 1852 года и слѣдовавшіе за ними двадцать семь лѣтъ не тревожила болѣе жителей Петербурга.

1879.

Высота воды при этомъ наводненіи, 24 августа, была на два фута ниже сравнительно съ наводненіемъ 1824 года. Благодаря возвышенію грунта въ Галерной гавани (Суворовскомъ участкѣ), оно не произвело тамъ прежнихъ опустошеній и, повсемѣстно, въ низменныхъ частяхъ города, не причинило громадныхъ убытковъ; пощадило и людей... Пострадали только вѣковыя деревья въ Лѣтнемъ саду, Екатерингофѣ и въ паркахъ на островахъ. Общая картина города, заливаемаго волнами разлива, тѣмъ не менѣе наводила ужасъ, и мы приводимъ правдивый разсказъ очевидца съ 2 часовъ до 7 пополудни, наблюдавшаго постепенную прибыль воды на Каменномъ островѣ и въ его окрестностяхъ.

«Погода, часовъ съ одиннадцати была именно такова, что идти изъ дому могла заставить только крайняя необходимость: порывистый вѣтеръ и проливной дождь затрудняли и пѣшихъ, и конныхъ. Въ центрѣ города ихъ неистовства еще не были особенно замѣтны. Сѣвъ въ Новодеревенскую конку на Михайловской улицѣ, я, въ числѣ десяти пассажировъ, доѣхалъ до Суворовской площади. Несносное дребежжанье оконныхъ стеколъ, обдаваемыхъ потоками дождя не заглушало воя вѣтра и подхватываемыхъ имъ отрывистыхъ пушечныхъ выстрѣловъ съ крѣпости. Доѣхавъ до Троицкаго моста, конка остановилась и кондукторъ предложилъ намъ выйти изъ вагона, перебраться черезъ мостъ и съ тѣми же билетами пересѣсть въ другой на Троицкой площади. Переходъ черезъ мостъ былъ крайне затрудниленъ. Его до такой степени вспучило наводненіемъ, что всходъ представлялъ крутизну сажени въ двѣ, совершенно скрывавшую другой берегъ. Съ этой крутизны плескали цѣлыя каскады ливня по ногамъ восходившихъ. Настилка моста, со скрипомъ покачиваясь на плашкотахъ, готова была ежеминутно быть разрушена. Вѣтеръ валилъ съ ногъ. Съ средины моста, гдѣ сторожевыя будки, видъ на бушевавшую Неву былъ страшенъ.

Громадные валы, мутные, какого-то гороховаго цвѣта, плескали на каменные парапеты набережной городской стороны и разливались по низменнымъ берегамъ стороны зарѣчной и крутили барки, едва державшіяся на якоряхъ. Выстрѣлы, сверкавшіе съ бастіоновъ крѣпости, какъ будто отражали неистоваго врага, намѣревавшагося взять ее штурмомъ; но штурмъ стихійный нельзя отбить подобно военному, онъ не уступаетъ пушечному огню.

«Пересѣвъ въ вагонъ, пассажиры поѣхали, чтобы не сказать поплыли, по Каменноостровскому шоссе: оно было покрыто сплошною лужей и канавки, переполненныя водою, лѣзли изъ береговъ. Огороды и садовыя заведенія съ поваленными заборами были залиты. Рѣчушка Карповка сравнялась съ берегами. Высадясь за Бетанкуровскимъ мостомъ, я пошелъ по набережной мимо дачи принца Ольденбургскаго. Мутныя волны, покрытыя щепами, полѣньями дровъ, обломками тростника и поломанными древесными вѣтвями, плескали на аллею и надвигали на берегъ ванну. Дворники ее отодвигали баграми.

— Убываетъ ли вода? — спросилъ я ихъ.

— Прибываетъ ежеминутно.

«Добѣжавъ до великолѣпной дачи Утина, я остановился, намѣреваясь дойти до той дачи, на которую мнѣ было нужно, чрезъ площадь Каменноостровскаго театра.

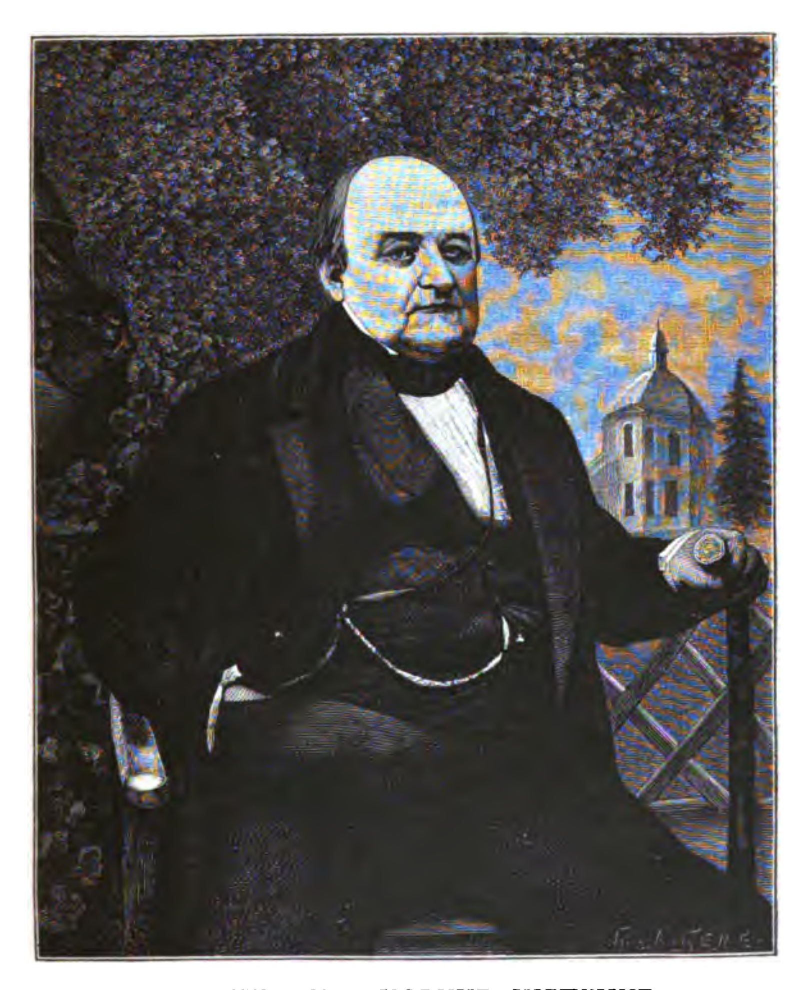
— Тамъ не пройдете, — сказала мнѣ какая-то женщина изъ-за садовой рѣшетки.—Площадь сплошь залита водой; березовая аллея, что идетъ отъ морской богадѣльни, берегъ Крестовскаго, Елагинскій паркъ сплошь залиты водою...

«На встрѣчу мнѣ, на пол-аршина высоты, несся потокъ. Вѣтеръ съ трескомъ ломалъ сучья на деревьяхъ. Мнѣ оставалось идти въ бродъ. По счастію, меня выручилъ ѣхавшій на телегѣ зеленьщикъ и за тридцать копѣекъ, за десять саженъ пути, довезъ меня до дачи, на которой жилъ мой отецъ, больной при смерти. На дворѣ, изъ сточной рѣшетки, вода брызгала фонтаномъ; дворъ былъ залитъ водою, доходившею до третьей ступеньки лѣстницы мезонина, который занималъ отецъ. Поваръ и прислуга переправлялись на сосѣднюю дачу на челнокѣ. Картинѣ наводненія много мрачности придавали, помимо сѣраго неба, раскачиваемыя порывистымъ вѣтромъ деревья, притронутыя осенней позолотой».

«Въ пятомъ часу вода пошла на убыль и къ ночи Нева вступила въ свой обычный уровень.

Послѣ 24 августа 1879 года наводненія въ такихъ размѣрахъ не возобновлялись въ теченіе девяти лѣтъ, но этотъ періодъ не порука за безопасность невскйхъ прибережьевъ отъ наводненій.

КОНЕЦЪ.

МИХАИЛЪ СЕМЕНОВИЧЪ ЩЕПКИНЪ.

Съ фотографіи, принадлежащей Н. С. Тихонравову.

дозв. ценз. спб. 25 октября 1888 г.

АРАКЧЕЕВСКІЙ СЫНОКЪ [1]).

XLIII.

ШУМСКІЙ посвятилъ весь слѣдующій день на приготовленіе всего для своей вечеринки, которую онъ называлъ «мальчишникомъ». Онъ тотчасъ же послалъ за поваромъ въ большой ресторанъ, по сосѣдству, и подробно обсудилъ съ нимъ вопросъ объ ужинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ послалъ Копчика за виномъ. Спустя часъ, лакей явился обратно пѣшкомъ, а за нимъ шагомъ подъѣхали два извозчика съ большими ящиками вина.

Шумскій хотѣлъ устроить пиръ горой. Онъ ожидалъ къ себѣ всѣхъ прежнихъ своихъ пріятелей, съ которыми постоянно кутилъ до встрѣчи съ Евой, но, кромѣ того, нѣкоторыхъ изъ этихъ пріятелей онъ просилъ привезти съ собой всякаго, кто пожелаетъ съ нимъ познакомиться и ѣхать прямо ужинать безъ церемоніи.

Часовъ въ восемь вечера квартира Шумскаго начала уже наполняться. Скоро всѣ горницы были полны, а въ одной изъ нихъ на карточныхъ столахъ уже началась игра. Извѣстный въ Петербургѣ картежникъ, обычный банкометъ, Бышевскій, держалъ банкъ за главнымъ столомъ, гдѣ шли самыя крупныя ставки.

Шумскій, пройдясь по всѣмъ горницамъ и оглядѣвъ все и всѣхъ, остановился въ раздумьи.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIV, стр. 5.

«Точь въ точь, какъ бывало,—подумалось ему.—Вотъ эдакъ-то сколько времени въ Петербургѣ было зря убито. Не встрѣть я ее, то такъ бы всегда и шло».

И ему невольно пришло на умъ, что съ тѣхъ поръ, когда здѣсь въ послѣдній разъ были тѣ же гости, шла та же игра, много, какъ говорится, воды утекло. За это время не случилось собственно ничего особеннаго—только встрѣча съ дѣвушкой, въ которую онъ влюбился. Но вѣроятно что-нибудь незамѣченное имъ все-таки приключилось. Онъ чувствовалъ себя теперь другимъ человѣкомъ, онъ озирался и спрашивалъ себя, какимъ образомъ могъ онъ находить удовольствіе вотъ въ этой жизни—кутежа и картъ, картъ и пьянства, всякій день, всякую ночь!

И вдругъ Шумскому пришло на умъ то, о чемъ онъ ни разу не подумалъ за все лѣто. Ему теперь показалось, что за это время, когда сборища и попойки прекратились въ его квартирѣ, жизнь его была все-таки полна—полнѣе чѣмъ когда-либо. И жизнь эта была осмыслена ею, баронессой. За это время у него была задача въ жизни, хотя задача, по мнѣнію Квашнина и другихъ, преступная, но тѣмъ не менѣе все-таки у него было дѣло, была цѣль, къ которой онъ стремился.

«Чтò, если я женюсь—думалось ему—заживу совершенно инымъ образомъ и вдругъ, сдуру, буду счастливъ, буду доволенъ! Чудно это будетъ! Называлъ всѣхъ женящихся дураками и болванами—и вдругъ самъ въ семейной жизни найду то, что люди, а главнымъ образомъ глупые люди, называютъ счастьемъ. Чудно это будетъ!»

И эта мысль оживила Шумскаго. Онъ еще веселѣе сталъ двигаться по всей квартирѣ, отдавалъ приказанія наемнымъ лакеямъ, смотрѣлъ, какъ накрывали въ залѣ большой столъ, затѣмъ подходилъ къ играющимъ, отыскивалъ червонную даму и бросалъ ее на столъ, назначалъ крупныя ставки и, почти каждый разъ проигрывая, весело отходилъ прочь.

Однажды, поставивъ сто рублей все-таки на червонную даму у того стола, гдѣ металъ банкъ Бышевскій, Шумскій проигралъ, но не снимая карты со стола, бросилъ на нее другую сотенную бумажку, снова проигралъ, сдѣлалъ тоже самое въ третій разъ, и опять-таки дама была бита.

— Полноте, бросьте—выговорилъ Бышевскій.—Вамъ не можно теперь играть! Вы все аракчеевское состояніе проиграете. Обождите. Знаете пословицу, кто бываетъ несчастливъ въ картахъ? «Heureux en amour, malheureux au jeu».

Сидѣвшіе и стоявшіе вокругъ стола начали пересмѣиваться, поглядывая на хозяина, кто просто радушно, кто заискивающимъ образомъ. Хотя Шумскій еще ничего не сказалъ имъ и хотѣлъ лишь за ужиномъ объявить о своей женитьбѣ, тѣмъ не менѣе между присутствующими новость была уже извѣстна.

— Да, вамъ «не можно» играть,—подхватилъ кто-то изъ кучки понтёровъ, передразнивая польскій выговоръ Бышевскаго.

— Не тѣ времена, Михаилъ Андреевичъ. Теперь бросить надо. Надо обождать!—выговорилъ Бышевскій, срѣзая колоду.

— Что вы хотите сказать? Какъ обождать?—возразилъ Шумскій.

— Обождать, чтобы прошло то, что мѣшаетъ вамъ теперь играть счастливо.

— Не понимаю,—отозвался Шумскій.

— Не все же такъ, Михаилъ Андреевичъ, ничто на свѣтѣ не вѣчно, всему есть конецъ. Придетъ время, что мы къ вамъ соберемся вновь, и вы будете счастливы въ игрѣ.

Шумскій вдругъ вспыхнулъ.

— Вы сами не знаете, что вы хотите сказать!—воскликнулъ онъ.—Что вы говорите?

Бышевскій поднялъ на хозяина удивленные глаза.

— Я хочу сказать, Михаилъ Андреевичъ, что если теперь счастье въ любви мѣшаетъ вамъ выигрывать, то когда-нибудь оно пройдетъ. Не вѣкъ же вы будете влюблены и взаимно любимы.

— Почему же нѣтъ?

— Потому что ничто не вѣчно, какъ я уже сказалъ вамъ.

Бышевскій говорилъ простымъ голосомъ и улыбался добродушно.

Шумскій, ни слова не сказавъ, отошелъ отъ стола, прошелъ въ другую горницу и самъ себѣ подивился.

«Что это такое?—подумалъ онъ.—Что за щепетильность! Почему мнѣ показалось въ простыхъ словахъ что-то особенное. Какая-то грубость, какой-то грязный намекъ! Мнѣ почудилось, что онъ хочетъ сказать чортъ знаетъ что! Что у моей жены заведется любовникъ и что я приду играть украшенный рогами. Что же это такое? Неужели я способенъ тоже и на другое чувство, надъ которымъ всегда смѣялся, на ревность!»

И Шумскій замѣтилъ тотчасъ же, что сейчасъ онъ въ первый разъ говорилъ съ посторонними людьми о своемъ чувствѣ. Никто не былъ названъ, большинство даже не знаетъ, на комъ онъ женится, разговоръ ограничился общими мѣстами,—а, между тѣмъ, въ немъ вдругъ сказалось нѣчто особенное, какъ будто чьи-то неумытыя руки полѣзли въ его душу.

«Стало быть я въ самомъ дѣлѣ ее люблю,—подумалъ онъ,—и глубоко люблю. Стало быть я самъ себя обманываю, прикидываюсь передъ самимъ собою, будто это все одно баловство».

Въ эту минуту къ Шумскому подошелъ Квашнинъ, только-что пріѣхавшій. Они не видались съ того дня, что Квашнинъ почти убѣжалъ подъ вліяніемъ тѣхъ словъ, которыя сказалъ Шумскій.

— Ахъ, Петя!—оживился Шумскій.—Я уже боялся, что-ты не пріѣдешь.

— Нѣтъ, почему же!—отвѣчалъ Квашнинъ. Но голосъ его былъ какой-то странный.

— Вижу,—разсмѣялся Шумскій,—ты все еще помнишь то, что я тогда сказалъ.

— Что такое?

— Что! Небось помнишь, чего же спрашивать, вѣдь ты выскочилъ отъ меня какъ ошпаренный. Я, братъ, вѣдь зря болталъ, а у тебя всякое лыко въ строку.

— Да вѣдь какое лыко, Михаилъ Андреевичъ. Да, впрочемъ, я думаю, что иногда ты и самъ не знаешь, что говоришь, клевещешь на себя. Если бы я былъ вполнѣ увѣренъ, что ты способенъ на то, о чемъ тогда говорилъ, то пожалуй бы и не пріѣхалъ.

— Ну, успокойся, голубчикъ. Я женюсь! И буду, должно быть, какъ дубина какая, обожать жену. Я сватался, принятъ формально и женюсь съ помощью священника, а не дурмана.

— Ну, и слава Богу,—улыбнулся Квашнинъ радостной и добродушной улыбкой.—Воистинну радъ за тебя. Ну, а на счетъ улана какъ?—прибавилъ онъ.

— Да какъ! Не знаю. Надо бы драться, да какъ-то теперь глупо выходитъ.—И жениться, и драться!

— Вѣстимо глупо. Понятно, что бросить надо,—отозвался Квашнинъ.

— Ужъ не знаю, какъ тебѣ и сказать. Тутъ есть только одна загвоздка. Не сталъ бы онъ по поводу моей свадьбы опять мнѣ пакостить. Ты все-таки лучше поди да перетолкуй съ капитаномъ, онъ здѣсь.

Въ эту же самую минуту Ханенко, переваливаясь по утиному съ ноги на ногу, съ длинной трубкой въ зубахъ, самой длинной, какая только была у Шумскаго въ квартирѣ, появился въ дверяхъ.

— А, вотъ и онъ—легокъ на поминѣ!—воскликнулъ Шумскій смѣясь.—Ну, господа, честь имѣю васъ познакомить—вторично какъ, секундантовъ. Войдите ко мнѣ въ спальню да и обсудите дѣло со всѣхъ сторонъ.

— Обсудить не трудно,—отозвался Квашнинъ,—да на кой прахъ...

— Стало выходитъ, Михаилъ Андреевичъ,—заговорилъ Ханенко, выпуская цѣлый столбъ дыма изо рта,—стало быть вы и вѣнчаться и стрѣляться будете одновременно. Что же прежде-то будетъ?

— Какъ придется, дорогой мой!—отозвался Шумскій, смѣясь.— Я этого вопроса самъ рѣшить не могу.

— А вы этимъ не смущайтесь: прежде ли, послѣ ли вѣнца!

— Мой вамъ совѣтъ, Михаилъ Андреевичъ,—серьезно вымолвилъ капитанъ,—прежде вѣнчаться... вѣрнѣе, знаете ли...

Ханенко хотѣлъ продолжать и повидимому собирался сострить, но Шумскій отошелъ отъ него, такъ какъ въ эту минуту вошло нѣсколько человѣкъ гостей вновь прибывшихъ.

XLIV.

Ханенко и Квашнинъ, переговариваясь, вышли въ коридоръ и отправились въ спальню хозяина. Тамъ они усѣлись и стали толковать о дѣлѣ.

Шумскій, посидѣвъ немного около карточнаго стола, снова вышелъ въ столовую, оглядѣлъ нѣсколько бутылокъ съ виномъ, отдалъ нѣсколько приказаній, и вдругъ вспомнилъ, что отсутствуетъ на столѣ большая серебрянная чаша, въ которой обыкновенно варилась у него жжёнка, она была имъ дана кому-то изъ товарищей на одинъ вечеръ и назадъ не получена. Съ тѣхъ поръ прошло уже мѣсяца полтора.

«Хорошъ гусь,—подумалъ онъ.—Будь она простая—ну, забылъ; а вѣдь она пятьсотъ рублей стоитъ».

Шумскій двинулся въ коридоръ и крикнулъ Ваську. Копчикъ рысью прибѣжалъ на голосъ барина.

— Ивана Андреевича!—проговорилъ Шумскій и спросилъ: онъ не возвращался?

— Вернулись,—выговорилъ Васька.

— Гдѣ же онъ? Отчего не идетъ?

— Они въ своей горницѣ на постели.

— Что-о?—протянулъ Шумскій.—На постели? Боленъ что ли?

— Не могу знать. Вернулся Иванъ Андреевичъ очень не по себѣ и легъ.

— Позови его,—выговорилъ Шумскій, но тотчасъ же остановилъ лакея и прибавилъ:

— Не надо, пусти!..

И онъ быстро прошелъ въ комнату, которую занималъ его Лепорелло.

При видѣ Шумскаго, лежавшій одѣтымъ на постели, Шваньскій приподнялся, сѣлъ, а потомъ всталъ на ноги.

— Что ты? хвораешь?

— Нѣтъ-съ!—отозвался Шваньскій.

— Что же съ тобой? Стой! Вспомнилъ. Да вѣдь ты былъ у фонъ-Энзе?

— Былъ-съ.

— Я и забылъ. Такъ что же? Пашуту привезъ?

— Нѣтъ-съ.

— Почему?

Шваньскій дернулъ плечомъ.

Краткіе отвѣты Шваньскаго и, вообще, вся его фигура удивили Шумскаго. Онъ присмотрѣлся къ нему, увидалъ странное выраженіе на лицѣ его—не то смущеніе, не то озлобленіе, и выговорилъ тихо:

— Иванъ Андреевичъ! Что съ тобою? Что-нибудь приключилось удивительное?

— Да-съ.

— Чтожъ такое?!.

Шваньскій опять дернулъ плечомъ.

— Да ты очумѣлъ совсѣмъ! Вижу что есть что-то.—Такъ говори скорѣе чтò?!.

Шваньскій вздохнулъ и молчалъ.

— Иванъ Андреевичъ! Поясни, что съ тобой, ты должно быть сейчасъ кусаться начнешь или въ обморокъ упадешь.

Шваньскій растопырилъ руками и выговорилъ:

— Ничего я, Михаилъ Андреевичъ, и пояснить не могу. Такъ меня шаркнуло по сердцу, такое приключеніе приключилось, что у меня въ головѣ будто труба трубитъ. Увольте, дайте полежать, выспаться, можетъ завтра я соображу, что сказать, а сегодня ничего не скажу.

— Да ты былъ у Фонъ-Энзе?

— Вѣстимо былъ-съ.

— Ну, и что же?

— Да ничего-съ. Объявилъ мнѣ Фонъ-Энзе, что Пашута у него была, а теперь ея яко бы у него нѣту, а что если бы она и была у него, такъ онъ ее возвратитъ самому графу Аракчееву, а не вамъ.

— Ну!—нетерпѣливо выговорилъ Шумскій.

— Больше ничего-съ.

— А ты ушелъ отъ него съ носомъ? Ты ли это, Иванъ Андреевичъ! Да ты одинъ былъ?

— Никакъ нѣтъ-съ со мною былъ квартальный, да солдатъ. Да предписаніе у меня было изъ полиціи.

— Ну и что же?

— Ничего-съ.

— И ты позволилъ улану повернуть тебя какъ мальчишку, обѣщая мнѣ сдѣлать въ квартирѣ его не вѣсть какой скандалъ, а самъ ничего не сдѣлалъ, даже не осерчалъ, не крикнулъ на него.

— Крикнулъ, Михаилъ Андреевичъ, — все тѣмъ же однозвучнымъ голосомъ повторилъ Шваньскій.

И звукъ его голоса былъ таковъ, какого Шумскій никогда не слыхалъ.

— Чѣмъ же кончилось?

— Кончилось, Михаилъ Андреевичъ, тѣмъ, что уланъ ударилъ меня въ рыло, и я покатился кубаремъ въ уголъ его горницы.

— Что!—вскрикнулъ Шумскій.

— Точно такъ-съ.

— При полицейскихъ! И ты—ничего! И они—ничего?!

Шваньскій молчалъ.

— Послушай, Иванъ Андреевичъ, я ничего не понимаю.

— Очень просто, Михаилъ Андреевичъ, меня отколотили, и я облизнулся, и вотъ къ вамъ восвояси прибылъ.

— Да что ты—пьянъ, что ли?

— Никогда не бывалъ! И теперь трезвъ.

— Да что же все это значитъ?

Шваньскій вздохнулъ и выговорилъ совершенно глухимъ голосомъ:

— Что это значитъ, Михаилъ Андреевичъ? Увольте, пояснять! Хоть убейте, я теперь ничего не скажу. Завтра одумаюсь, соображу всѣ обстоятельства и, пожалуй, разскажу вамъ все, что на квартирѣ г. Фонъ-Энзе приключилось. А теперь я ничего вамъ пояснять не стану. Скажу только, что меня господинъ уланъ взялъ за шиворотъ, какъ хама. Никогда въ жизни такого не бывало со мной, что было тамъ...

Шумскій стоялъ, вытаращивъ глаза на своего Лепорелло, и хотѣлъ снова спросить что-то, но Шваньскій поднялъ на него смущенно-тревожный взглядъ и выговорилъ умоляющимъ голосомъ:

— Михаилъ Андреевичъ! Ради Господа Бога оставьте меня. Пойдите къ гостямъ. Ничего я теперь говорить не стану. За ночь соображусь, просвѣтится у меня малость въ головѣ, и я вамъ все поясню. Все, чего я наслушался въ квартирѣ господина улана, теперь я разсказывать не стану, если бы даже вы грозились меня зарѣзать. Ради Создателя—увольте!

Шумскій вышелъ изъ горницы Шваньскаго и, задумчивый, вернулся въ горницу, гдѣ гудѣли голоса гостей.

Молодой человѣкъ былъ сильно смущенъ. Онъ давно зналъ Шваньскаго и никогда не видалъ его въ такомъ положеніи. Не нахальство улана, не оскорбленіе подѣйствовали на Шваньскаго. Очевидно помимо всего этого случилось что-нибудь еще, о чемъ Шваньскій не хочетъ говорить.

— Но что же это? — выговорилъ Шумскій въ полголоса.—Что же могло тамъ быть?

И повернувшись среди столовой, онъ тихими шагами двинулся въ спальню по корридору. Черезъ пріотворенную дверь, онъ услыхалъ голосъ Квашнина, который горячо говорилъ:

— А я увѣренъ, выдумки! Клевета враговъ! Да и кто же можетъ это знать навѣрное? Эдакъ завтра ко мнѣ, къ другому кому, придутъ люди и будутъ меня къ примѣру увѣрять, что я не сынъ моихъ родителей, а родителей моихъ будутъ увѣрять, что я имъ чужой человѣкъ! Вѣдь это же безмыслица! Кому же лучше знать—родителямъ и сыну или постороннимъ людямъ? Это все—свинство! Это все злоба людская!

Шумскій, слыша громкій голосъ Квашнина, удивился той горячности, съ которой Квашнинъ говорилъ. Отворяя дверь, онъ собирался спросить у пріятеля, о чемъ онъ такъ краснорѣчиво тол-

куетъ, но при его появленіи на порогѣ Квашнинъ оборвалъ сразу свою рѣчь на полусловѣ и отвернулся. Глаза капитана Ханенко смущенно забѣгали по комнатѣ. Оба собесѣдника сидѣли какъ бы пойманные въ чемъ-либо.

— О чемъ вы толкуете?—спросилъ Шумскій.

— Да такъ—пустяки!—отозвался Квашнинъ фальшиво.

— Это... это,—началъ Ханенко,—это, изволите видѣть... оно на счетъ, то-ись того, что если... того... такъ оно...

И Ханенко замолчалъ.

— Мы объ одномъ общемъ знакомомъ разговаривали,—сказалъ Квашнинъ, неподнимая глазъ.—Есть тутъ такой одинъ офицеръ.

— Что же ты такъ горячился? Я слышалъ изъ корридора и подумалъ, что дѣло идетъ о чемъ-нибудь важномъ!

— Это такъ,—отозвался Квашнинъ,—пустяки!

И онъ вдругъ поднялся и выговорилъ:

— Пойдемте, капитанъ. Чтожъ тутъ сидѣть!

— Вѣстимо. Что же сидѣть,—быстро поднялся Ханенко, бросилъ трубку, потомъ опять взялъ ее, и оба они двинулись къ дверямъ, какъ бы спѣша идти въ гостиную.

Ничего не произошло особеннаго, ничего не было особеннаго сказано, а, между тѣмъ, Шумскій замѣтилъ нѣчто въ обоихъ пріятеляхъ. Они положительно были смущены, онъ очевидно подстерегъ разговоръ, который не слѣдовало ему слышать.

«Да вѣдь не на мой же счетъ они толковали, такъ почему они оробѣли. Что такое? началъ онъ вспоминать: «родителямъ говорятъ, что ихъ сынъ имъ чужой человѣкъ; а сыну стали бы говорить, что онъ не сынъ этихъ родителей»... Что за ерунда! Со мной-то тутъ чтожъ общаго? Что-нибудь да не такъ! Видно мнѣ почудилось. А можетъ быть Квашнинъ говорилъ о себѣ, можетъ быть разговоръ шелъ между ними такой, при которомъ я былъ лишнимъ. Да, но вѣдь я съ каждымъ изъ нихъ въ лучшихъ отношеніяхъ, нежели они между собою. Чортъ знаетъ. Полагаю, что застряло во мнѣ какое-то новое душевное состояніе. Я какъ-то сталъ придираться ко всему. Вотъ самое простое объясненіе. Въ простой шуткѣ Бышевскаго выискалъ дерзость по отношенію къ баронессѣ, а теперь въ какой-то нелѣпицѣ, которую болталъ Квашнинъ, тоже какой-то намекъ на себя нашелъ. Вѣдь это чортъ знаетъ что такое!»

Шумскій усмѣхнулся и двинулся тоже въ горницы.

XLV.

Черезъ нѣсколько времени игра прекратилась. Всѣ поднялись, шумя двинулись въ столовую и разсѣлись за большимъ столомъ. Вино полилось рѣкой тотчасъ же послѣ перваго блюда. Пропустивъ

еще одно блюдо, Шумскій приказалъ наливать шампанское въ стаканы, и покуда три лакея обходили гостей съ бутылками, онъ поднялся съ мѣста и сказалъ, возвышая голосъ:

— Господа, я васъ всѣхъ пригласилъ сегодня къ себѣ, чтобы объявить вамъ совершенно неожиданную для многихъ въ Петербургѣ новость. Я сейчасъ предложу такой тостъ, которому право самъ едва вѣрю! Ушамъ своимъ не вѣрю и глазамъ своимъ не вѣрю.

Наступило молчаніе. Шумскій ждалъ, чтобы всѣ стаканы наполнились.

— Слухомъ земля полнится, Михаилъ Андреевичъ, — отозвался съ другого края стола Бышевскій.—Но все-таки, признаюсь, мнѣ не вѣрилось.

— И я слышалъ кой-что сегодня,—отозвался молоденькій офицерикъ, только-что надѣвшій эполеты.

Но Шумскій не отвѣтилъ ни слова и ждалъ, чтобы еще нѣсколько стакановъ были налиты.

Когда шампанское было передъ всѣми гостями, Шумскій высоко поднялъ свой стаканъ и произнесъ:

— Господа! Прошу васъ выпить за здоровье моей нареченной невѣсты, баронессы Евы Нейдшильдъ.

Гости сразу поднялись съ мѣста, стулья застучали, всѣ двинулись чокаться съ хозяиномъ, повсюду раздавались самые разнообразные возгласы, пожеланія, комплименты, шутки.

Наконецъ, понемногу всѣ усѣлись, и начался было снова громкій говоръ, но другого рода; каждый обсуждалъ съ сосѣдомъ то, что сейчасъ узналъ. Но въ то же мгновенье на краю стола раздался чей-то голосъ, нетерпѣливый, сердитый, крикливый:

— Да это подло! Это чепуха или мерзость! Не скажешь — я скажу!

Вѣроятно звукъ голоса чѣмъ-нибудь поразилъ всѣхъ, такъ какъ всѣ головы обернулись въ ту сторону, откуда онъ слышался.

Крикливо заговорившій былъ пожилой гусаръ, съ рябоватымъ лицомъ. Шумскій, пристально присмотрѣвшись къ нему чрезъ весь столъ, увидалъ, что этотъ гусаръ первый разъ въ его домѣ. Это былъ гость изъ числа тѣхъ, которые пожелали сегодня пріѣхать познакомиться, т. е. просто пожелали пріѣхать поѣсть и выпить, и хорошо, и даромъ.

Всѣ, обернувшіеся на голосъ гусара, снова занялись своимъ дѣломъ: всякій предположилъ, что это была не скромная бесѣда двухъ рядомъ сидящихъ. Но не прошло минуты, какъ голосъ гусара снова покрылъ общій говоръ:

— Тогда, дай, я скажу!

Никто однако на этотъ разъ уже не обратилъ особеннаго вниманія на это восклицаніе.

Но черезъ мгновеніе гусаръ поднялся съ мѣста и сталъ вызы-

вающе оглядывать всѣхъ сидящихъ за столомъ. Шумскій нагнулся къ своему сосѣду и шепнулъ:

— Спросите у Квашнина, что за человѣкъ это?

Квашнинъ, сидѣвшій черезъ двухъ, услышалъ слова Шумскаго и выговорилъ:

— Гусаръ Безсоновъ, полкъ въ Украйнѣ стоитъ.

— Что за человѣкъ?—спросилъ Шумскій.

— Отличный малый.

— Что же это онъ бунтуетъ тамъ?

— Не знаю, — отозвался Квашнинъ и сталъ смотрѣть на стоящаго гусара.

Тотъ продолжалъ стоя оглядывать всѣхъ сидящихъ. По его лицу видно было, что онъ дѣйствуетъ подъ впечатлѣніемъ чего-то его поразившаго, дѣйствуетъ полусознательно, самъ еще не рѣшивши, дѣльно ли онъ поступаетъ. Онъ будто вскочилъ съ мѣста, прежде чѣмъ рѣшилъ, что сдѣлаетъ.

Вѣроятно, въ эту минуту сосѣдъ его, петербургскій гвардейскій офицеръ, дернулъ его за венгерку, потому что гусаръ обернулся къ нему быстро, какъ собака, которая огрызается, и выговорилъ:

— Оставь.

И затѣмъ онъ прибавилъ:

— Врешь!—Такъ говори самъ!—Не хочешь, такъ я скажу!

— Что такое? — раздалось нѣсколько голосовъ уже со всѣхъ концовъ стола.

— А вотъ что,—заговорилъ Безсоновъ такъ громко, какъ если бы онъ кричалъ на площади,—это была его привычка.—Вотъ что. Надо бы мнѣ молчать: такъ приличіе повелѣваетъ.—Но я дѣйствую на свой образецъ. Многіе, я знаю, на моемъ мѣстѣ, просидѣли и промолчали бы, а я—извините: хорошо ли, дурно ли, а я не могу. Я имѣю честь быть здѣсь у Михаила Андреевича въ первый разъ. Онъ—хозяинъ, я—гость. У меня по отношенію къ нему, слѣдовательно, есть нѣкоторый долгъ, нѣкоторая совѣсть, къ нему-то есть совѣсть... Я говорить не умѣю, но авось вы поняли, что я хотѣлъ сказать.—Сейчасъ хозяинъ намъ объявилъ, что онъ женится. Невѣста его—баронесса Нейдшильдъ. Извѣстная въ столицѣ красавица ангелоподобная. Всѣ мы поздравляли хозяина...

И выговоривъ это, гусаръ опять быстро обернулся къ сосѣду, который вѣроятно опять дернулъ его, и крикнулъ какъ сумасшедшій:

— Отстань!—Я тебя за шиворотъ вытащу изъ-за стола!

Нѣсколько человѣкъ заговорили съ удивленіемъ вслухъ, и за столомъ вдругъ пошелъ ропотъ. Раздался одинъ голосъ:

— Что это?—Ужъ нализались и подрались.

Многимъ сразу дѣйствительно показалось, что двое офицеровъ, въ первый разъ появившіеся въ домѣ Шумскаго, просто уже успѣли выпить и заводили ссору.

Шумскій сидѣлъ, сдвинувъ брови, и упорно черезъ весь столъ впился глазами въ стоящаго гусара. Въ немъ происходило опять то же самое, что за часъ передъ тѣмъ. Имя Евы, упоминаемое за этимъ ужиномъ незнакомымъ ему гусаромъ, рѣзкимъ голосомъ, снова какъ будто кольнуло его. И въ ту минуту, когда за столомъ пронесся легкій ропотъ, Шумскій выговорилъ громко и рѣзко:

— Господинъ Безсоновъ!—Потрудитесь поскорѣе сказать то, что вы желаете.

— Считаю долгомъ,—опять громко заговорилъ гусаръ, волнуясь и размахивая руками,—мой долгъ—сказать... Я полагаю, что баронесса Ева Нейдшильдъ одна въ...

Шумскій сразу поднялся съ мѣста, нѣсколько измѣнившись въ лицѣ, и выкрикнулъ:

— Потрудитесь сказать въ нѣсколькихъ словахъ то, что вы желаете, безъ предисловій. Ну-съ!..

Гусаръ произнесъ еще нѣсколько словъ, которыя были снова вступленіемъ, и Шумскій перебилъ его:

— Я васъ прошу сказать въ трехъ-четырехъ словахъ, въ чемъ дѣло, или я попрошу васъ...

Шумскій не договорилъ. Но тѣмъ не менѣе присутствующіе поняли, что это была угроза, и угроза понятная.—Что̀ могъ хозяинъ сдѣлать, кромѣ одного—попросить гостя убраться.

Вѣроятно гусаръ понялъ то же самое, потому что вдругъ произнесъ:

— Извольте.—Сегодня въ шесть часовъ былъ обѣдъ въ трактирѣ на Литейной. Собрались друзья и пріятели одного улана по фамиліи Фонъ-Энзе и пили за его здоровье и за здоровье его невѣсты баронессы Евы Нейдшильдъ.

Наступило гробовое молчаніе. Всѣ сидящіе обернулись на Шумскаго. Онъ стоялъ истуканомъ, разинувъ ротъ. Гусаръ шлепнулся на свое мѣсто и что-то бормоталъ, но никто не слушалъ и глаза всѣхъ приковались къ лицу хозяина.

Наконецъ, Шумскій пришелъ въ себя, провелъ рукой по головѣ и вымолвилъ:

— Господинъ Безсоновъ!—Я почти не имѣю чести васъ знать. Я васъ вижу въ первый разъ. Сейчасъ мой пріятель Квашнинъ отнесся объ васъ самымъ выгоднымъ образомъ. Тѣмъ не менѣе вашъ поступокъ... Я не знаю, что сказать вамъ. Это безсмысленно. Потрудитесь покрайней мѣрѣ подробнѣе объясниться.

— Вы сами потребовали неотступно,—отозвался громко гусаръ,—что бы я выразился кратко.

— Теперь я прошу васъ объясниться, какъ бы подробно ни было.

Гусаръ снова поднялся, какъ бы собираясь говорить рѣчь, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ взялъ за руку своего сосѣда и, потащивъ его, заставилъ подняться тоже.

— Вотъ-съ, кто это говоритъ.—Я тамъ не присутствовалъ. Мнѣ

сейчасъ сообщили, и я счелъ долгомъ сказать это вслухъ. Хорошо ли, дурно ли я поступилъ—не знаю.

Шумскій присмотрѣлся къ сосѣду гусара, узналъ въ немъ полунѣмца-офицера, котораго онъ изрѣдко видалъ, но теперь не могъ вспомнить его фамилію.

— Потрудитесь вы,—выговорилъ Шумскій,—объяснить все.

Офицерикъ худенькій, блѣдный, лѣтъ 20-ти, робко оперся руками на столъ и смущаясь, слезливо и плаксиво, какъ бы прося прощенія, выговорилъ:

— Я право не виноватъ-съ. Это господинъ Бѣзсоновъ.—Я ему сказалъ наухо, а онъ—вслухъ.

— Не въ томъ дѣло,—глухо произнесъ Шумскій.—Потрудитесь сказать: вы были лично на этомъ обѣдѣ?

— Былъ-съ.

— Вы сами? Были?

— Я былъ-съ.

— И что же на немъ произошло?

— Фонъ-Энзе намъ объяснилъ, что онъ женится. Мы его поздравляли съ шампанскимъ.

— На комъ?

— На баронессѣ Нейдшильдъ, бѣловолосой, какъ ее зовутъ.

— Это вранье!—воскликнулъ Шумскій.—Вы бредите.

Офицеръ съ кислой миной развелъ руками и сѣлъ на мѣсто.

XLVI.

Наступило гробовое молчаніе. Шумскій сидѣлъ блѣдный, руки его слегка дрожали. Онъ сразу понялъ, что офицерикъ не лжетъ, а Фонъ-Энзе безъ повода не способенъ на такую безмысленную выходку, слѣдовательно, если все это было въ дѣйствительности, то случилось что-то ужасное, едва вѣроятное. Шумскому чудилось, что столъ и всѣ сидящіе за нимъ начинаютъ кружиться и исчезать въ его глазахъ. Если бы не прирожденное самолюбіе, то быть можетъ съ нимъ бы сдѣлалось дурно. Но внезапная мысль, разыграть глупую и смѣшную роль—лишиться сознанія, какъ баба или барышня—сразу отрезвила его и какъ бы освѣжила голову.

Черезъ нѣсколько секундъ Шумскій уже окончательно пришелъ въ себя и увидѣлъ стоящаго предъ собою пріятеля. Квашнинъ очевидно повторялъ уже въ третій разъ:

— Надо объяснить тотчасъ, не оставлять.

— Да-да!—отозвался Шумскій.

— Надо толкомъ объяснить,—повторялъ Квашнинъ.

И не дожидаясь отвѣта Шумскаго, Квашнинъ перешелъ на другой край стола. Гусаръ и офицерикъ поднялись съ мѣстъ и

стали переговариваться съ Квашнинымъ, но нѣсколько голосовъ закричало отовсюду:

— Громче! громче!

— Можете вы, наконецъ, толково разсказать, а не мямлить!— воскликнулъ Квашнинъ нетерпѣливо и наступая на офицерика.— Говорите подробнѣе. Начните сначала...

— Да что же я буду начинать?—Чтò сначала? Что же я еще скажу?—плаксиво отозвался тотъ.—Меня пригласилъ господинъ Фонъ-Энзе. Я былъ у него. Обѣдали. Онъ позвалъ всѣхъ пріятелей, что бы праздновать. Пили за его здоровье и за здоровье его невѣсты. Что же я еще-то скажу? Когда здѣсь Михаилъ Андреевичъ объявилъ точка въ точку то же самое, я—понятное дѣло удивился и господину Бевсонову сказалъ, а онъ всѣмъ сказалъ. Вотъ и все. Что же я-то тутъ!

Квашнинъ развелъ руками, потомъ двинулси и вернулся на свое мѣсто. Но пока онъ шелъ и садился, за столомъ царило мертвое молчаніе.

— Это невѣроятно!—проговорилъ Шумскій.—Это что-нибудь... невѣроятное...—повторилъ онъ, чувствуя, что не находитъ словъ.

Но вдругъ иная мысль пришла ему на умъ.

— Господа!—громче выговорилъ онъ.—Такъ ли, эдакъ ли, но я еще нѣчто... Я предложу еще тостъ, который попрошу васъ оставить втайнѣ. Пожелайте мнѣ остаться невредимымъ на сихъ дняхъ, такъ какъ я буду драться на смерть съ господиномъ Фонъ-Энзе.

На этотъ разъ не всѣ гости, а только нѣкоторые, быстро и будто весело схватились за стаканы. Это были тѣ, которые готовы были пить за все, за жениха, за дуэль, за смерть, за потопъ, за свѣтопреставленіе...

Шумскій, сидя недвижно, молчалъ какъ убитый. Говоръ за столомъ не клеился. Всѣмъ было не ловко. Шумскій на столько глубоко задумался, какъ еслибы забылъ, что сидитъ за столомъ, гдѣ человѣкъ пятьдесятъ гостей.

Одна и та же мысль неотступно вертѣлась въ его головѣ и какъ гнетъ давила мозгъ. Шумскій повторялъ мысленно:

«Оно такъ и есть! Офицеръ выдумать не могъ, Фонъ-Энзе поясничать не станетъ. Что же это такое? Когда же это случилось? Стало быть она притворялась? Можно съума сойти!»

И продумавъ это, Шумскій начиналъ съизнова, и снова думалъ.

«Все это правда. Офицерикъ не лжетъ. Фонъ-Энзе не безумный, чтобы зря объявлять подобное!—Стало быть оно такъ и есть...»

Между тѣмъ, сидѣвшіе за столомъ продолжали пить и понемногу столъ оживился. Вскорѣ нашлось человѣкъ больше десяти, которые были уже сильно отуманены и не только забыли все случившееся,

но начинали забывать все окружающее. Ихъ веселое настроеніе духа вскорѣ проникло и въ другихъ.

Шумскій очнулся. Ханенко стоялъ около него, трепля его по плечу.

— Что вы?—отозвался Шумскій, какъ бы пробуждаясь отъ сна.

— Полно, Михаилъ Андреевичъ. Вѣдь это все ерунда! Нѣчто можетъ эдакое быть! Либо вы безумный, либо Фонъ-Энзе безумный—середины нѣтъ. Вѣдь вы же за свой разумъ отвѣчаете? Такъ коль скоро вы знаете, что вы женихъ, такъ какимъ же манеромъ можетъ тотъ быть женихомъ. Стыдно вамъ смущаться отъ такой глупости! Давайте-ка пить. Я на радостяхъ, узнавъ, что вы жениться хотите, хочу пьянъ напиться. Говорятъ, я дѣйствительно интересенъ, когда напьюсь, — прибавилъ Ханенко, громко хохоча и встряхивая животомъ.

— Да, вы правы,—вдругъ вырвалось у Шумскаго,—не можетъ этого быть! Все это—самая дурацкая глупость, чепуха, какое-нибудь недоразумѣніе. Давайте пить!

Шумскій всталъ съ мѣста и вскрикнулъ громче:

— Господа! Кто меня любитъ—напьется пьянъ. Давайте начинать! да веселѣе!

Голосъ хозяина окончательно оживилъ всѣхъ. Не прошло получасу, какъ уже дикій гулъ, стонъ стоялъ во всей квартирѣ. Вино лилось и проливалось. Кто-то былъ уже на полу подъ столомъ и жалобно повторялъ:

— Анюточка! Вотъ, ей-Богу же Анюточка какъ честнòй человѣкъ...

Квартира Шумскаго опустѣла только къ разсвѣту. Человѣкъ десять только уѣхало еще ночью. Всѣ гости выходили, нанимали извозчиковъ и отъѣзжали въ такомъ состояніи, что собравшіеся къ дому «ваньки» пересмѣивались и завистливо вздыхали.

Однако, въ гостиной Шумскаго все-таки осталось три человѣка, которые, потерявъ сознаніе, спали, гдѣ попало—одинъ на диванѣ, другой на большомъ креслѣ, свернувшись калачикомъ, а третій просто на коврѣ, положивъ голову на двѣ большія книги, взятыя со стола.

Шумскій лежалъ у себя на кровати безъ мундира, но одѣтый. На диванѣ, въ спальнѣ, тоже одѣтый, спалъ Квашнинъ. Въ кабинетѣ хозяина на большой отоманкѣ лежалъ толстякъ, животомъ вверхъ и трубя на весь кварталъ. Человѣкъ этотъ такъ страшно храпѣлъ и хрипѣлъ, что можно было подумать, что онъ находится въ агоніи. Это былъ Ханенко, который сдержалъ свое слово — напился пьянъ. Четыре офицера съ трудомъ довели, почти дотащили его до отоманки, положили на нее и поустроили какъ малаго ребенка. Капитанъ, однако, не скоро заснулъ. Онъ долго стоналъ и бормоталъ что-то, но никто его не могъ понять. Только одинъ изъ помогавшихъ тащить догадался и объявилъ.

— Это онъ похохлацки лопочетъ. Вотъ оно спьяна-то—родная рѣчь оказалась!

Единственный человѣкъ, который вовсе не напился, былъ Квашнинъ. Онъ, вообще, не любилъ попоекъ, а на этотъ разъ все случившееся въ самомъ началѣ ужина настолько поразило его, что ему было, конечно, не до вина.

Квашнинъ видѣлъ фигуру Шумскаго, видѣлъ насколько онъ пораженъ, и сообразилъ, что стало быть имѣетъ основаніе смущаться. И ему вдругъ стало ужасно жаль пріятеля. Этотъ, сидѣвшій за столомъ Шумскій, сгорбившійся, блѣдный—былъ далеко не похожъ на того, который еще недавно краснорѣчиво обсуждалъ вопросъ, какъ онъ отравитъ жену, если она ему надоѣстъ. Въ этомъ Шумскомъ не было и тѣни какой-либо отталкивающей черты.

Нѣсколько разъ взглянувъ на пріятеля, Квашнинъ вздохнулъ и подумалъ:

«Не такой онъ дурной, какъ болтаетъ про себя».

Разумѣется, первый кто утромъ проснулся въ квартирѣ, былъ Квашнинъ. Придя въ себя, онъ вспомнилъ все и вскочилъ на ноги. Онъ посмотрѣлъ на спящаго Шумскаго и двинулся въ кабинетъ.

Ханенко подъ утро уже не трубилъ, а тяжело дышалъ. Животъ его подымался и опускался правильно, и правильное сопѣніе оглашало горницу. Точь въ точь кузнечные мѣха и шипѣніе раздуваемаго огня.

Квашнинъ невольно улыбнулся и прошелъ далѣе. Въ гостиной было тоже сонное царство. Гость, улегшійся сначала на полу, уже перебрался и спалъ на креслѣ, какъ-то умилительно грустно свернувъ голову на бокъ и ребячески сложивъ руки на колѣнкахъ. Спавшій калачикомъ на креслѣ, вѣроятно, усталъ отъ этого положенія, вытянулъ ноги и лежалъ теперь на креслѣ совершенно неестественно—только на груди. Казалось, что это мертвое тѣло когонибудь вдругъ убитаго наповалъ и случайно при паденіи попавшаго на кресло.

Офицеръ, который улегся на диванѣ, должно быть выспался лучше и скорѣе прочихъ, потому что при появленіи Квашнина онъ открылъ глаза и разсмѣялся.

— Пора вставать,—сказалъ Квашнинъ.

— Да,—отозвался тотъ.—А ужъ въ гостяхъ-то и подавно пора. Хороши голубчики!—сказалъ онъ, глядя на двухъ своихъ сосѣдей.—Тотъ-то, тотъ-то! Ужъ ему бы лучше на полу лечь.

Квашнинъ прошелъ въ столовую. Тамъ все было въ томъ же видѣ, въ какомъ осталось отъ ночи. Шумскій никогда не приказывалъ убирать, чтобы не тревожить гостей и его самого.

Квашнинъ оглядѣлъ безпорядливо установленный столъ, объѣдки ужина, пролитое повсюду вино, сбитые и перепутанные стулья,

черепки посуды подъ столомъ, и ощутивъ душный и тяжелый воздухъ, поскорѣе прошелъ далѣе. Ему хотѣлось найти Ваську и приказать поскорѣе подать самоваръ.

XLVII.

Оглядѣвъ тщетно всѣ уголки, Квашнинъ уже собирался идти назадъ и подождать, когда услыхалъ въ сосѣдней съ прихожей горницѣ шумъ передвинутой мебели! Онъ отворилъ дверь и его глазамъ представилась фигура Шваньскаго, который только-что обрился и собирался умываться.

— А, Иванъ Андреевичъ!—выговорилъ Квашнинъ.—Куда это Васька пропалъ? Смерть хочется чаю.

— Сейчасъ прикажу, — отозвался Шваньскій.

— Вы что же это вчера отсутствовали?—спросилъ Квашнинъ.

— Хворалъ, — кратко отозвался Шваньскій.

— Что же такъ?

— Да такъ—нездоровится.

Квашнинъ присмотрѣлся къ лицу Шваньскаго и выговорилъ:

— Да, лицо у васъ не хорошее. Лихорадка должно быть?

Шваньскій молчалъ.

— Напрасно вы съ нами вчера не повеселились. Да вы можетъ не знаете, что и приключилось-то?

— Знаю, — мычнулъ Шваньскій.

— Какимъ образомъ?

— Люди слышали. Василій разсказалъ.

— Вы какъ объ этомъ судите?—спросилъ Квашнинъ.

Шваньскій поднялъ глаза на Квашнина, долго глядѣлъ ему въ лицо страннымъ взглядомъ и, наконецъ, выговорилъ:

— Петръ Сергѣевичъ! Съ вами можно, вы человѣкъ близкій. Вы Михаила Андреевича любите. Съ вами можно. Я, Петръ Сергѣевичъ, зарѣзанъ!..

Шваньскій бросилъ полотенце, которое держалъ въ рукахъ и началъ стучать себѣ въ грудь.

— Что вы! Что съ вами? — изумился Квашнинъ.

— Такое происходитъ, такое творится!.. Что со мною вчера было — вы не можете себѣ представить. Да нѣтъ, не стану я говорить.

Шваньскій обернулся, поднялъ полотенце съ полу, сталъ его комкать, затѣмъ подошелъ къ столу, началъ стучать по немъ кулакомъ и вскрикивать:

— Не стану я говорить! И буду молчать, покудова все не стресется, покудова все кверху ногами не полетитъ! Буду, какъ рыба, молчать, хоть околѣю, да промолчу!

— Да что вы, Иванъ Андреевичъ? Вѣдь ничего не поймешь.

— Воистину ничего не поймешь! — отозвался Шваньскій. — Да не стану я говорить... Смотрите, къ вечеру все пойдетъ къ чорту!

— Да что все-то?

— Все, все. И я, и Михаилъ Андреевичъ, и графъ Аракчеевъ— всѣ къ чорту полетимъ.

— Что вы! При чемъ же тутъ графъ Аракчеевъ? Вы съума сошли.

— Воистинну Петръ Сергѣевичъ—либо я самъ сошелъ съума, либо весь Питеръ сошелъ съума. Нѣтъ, нѣтъ! Лучше вы меня оставьте, а то проврусь...

И Шваньскій схватилъ Квашнина за локти и сталъ выталкивать его изъ своей комнаты. Выдвинувъ его за порогъ, Шваньскій затворилъ дверь и заперъ ее на ключъ.

Квашнинъ, очутившись въ прихожей, остановился и задумался.

«Стало быть Иванъ Андреевичъ знаетъ больше нашего,—подумалъ онъ.—Знаетъ больше того, что знаетъ Михаилъ Андреевичъ».

Квашнинъ медленно прошелъ снова въ спальню. Шумскій уже проснулся и, сидя на кровати, на столько задумался, что не замѣтилъ, какъ другъ его вошелъ въ горницу.

Когда Квашнинъ приблизился вплотную, Шумскій очнулся, тотчасъ же оправился и заговорилъ спокойнымъ голосомъ.

— Голова трещитъ отъ вина. Надо бы чаю поскорѣе. А какова погода? Что на дворѣ?

— Не знаю,—отозвался Квашнинъ, понявъ по глазамъ Шумскаго, что онъ принимаетъ на себя личину спокойствія, а самъ еще тревожнѣе, чѣмъ былъ вечеромъ.

Пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ мимо сидящаго на кровати Шумскаго, Квашнинъ остановился передъ нимъ и выговорилъ:

— Вотъ что, Михаилъ Андреевичъ: такъ оставлять нельзя. Это уже дѣйствительно совсѣмъ чортъ знаетъ что. Вѣдь эдакаго скандала или эдакой безсмыслицы никогда въ Петербургѣ не бывало да и не будетъ. Надобно розыскать Фонъ-Энзе и порѣшить дѣло. Я тебя отговаривалъ, а теперь самъ скажу: драться вамъ, — такъ драться! Или распутать дѣло иначе. А это же все безсмыслица: и ты женихъ, и онъ женихъ! Вѣдь тутъ самъ чортъ ничего не пойметъ. Вѣдь не спьяна же онъ похвасталъ.

— Нѣтъ! Это вѣрно!—глухо, но твердо произнесъ Шумскій.—Баронъ далъ мнѣ свое согласіе, а не ея... Ева любитъ его... Ну! Ну, и тайно дала ему свое согласіе. Можетъ быть, она бѣжитъ и они обвѣнчаются.

— Развѣ она не давала тебѣ своего согласія.

— Дала! Она руку протянула... Я цѣловалъ. Ахъ я право ничего... ничего я не понимаю. Я только чую, что творится нѣчто особенное... Будто гроза идетъ... Шваньскій и тотъ сталъ какія-то загадки загадывать.

— Да, Иванъ Андреевичъ чуденъ...—началъ было Квашнинъ, но запнулся, боясь еще болѣе встревожить пріятеля.

Въ эту минуту Шумскій услыхалъ голоса въ сосѣдней комнатѣ и вспомнилъ или скорѣе—догадался, что это были заночевавшіе гости. Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Ахъ, Петя, избавь меня отъ нихъ,—выговорилъ онъ досадливо.—Спровадь какъ-нибудь, скажи, что я хвораю что ли.

— Тутъ и Ханенко,—замѣтилъ Квашнинъ.

— Ну, его, конечно, проведи сюда, а тѣхъ пожалуйста спровадь.

Черезъ часъ въ квартирѣ было уже прибрано. Шумскій и его два пріятеля умылись, прибрались и сидѣли за чаемъ. Разговоръ не клеился. Шумскій былъ тревоженъ и озабоченъ, Квашнинъ отчасти даже печаленъ, а Ханенко все еще оставался подъ вліяніемъ ночной попойки. Обыкновенное добродушіе исчезло съ его лица. Оно какъ-то распухло, глаза были красные, смотрѣли глупо, онъ часто похрапывалъ и кашлялъ, какъ еслибъ у него болѣло горло. Онъ уже нѣсколько разъ повторилъ, что «эдакой мерзости, т. е. пьянства на свѣтѣ нѣтъ другой».

Друзья рѣшили, для того чтобы выяснить всѣ обстоятельства, что капитанъ поѣдетъ къ Фонъ-Энзе или къ Мартенсу и прямо спроситъ, былъ ли такой обѣдъ и поздравляли ли улана съ женитьбой на баронессѣ Нейдшильдъ.

— Хоть оно и нелѣпо,—замѣтилъ Квашнинъ,—да ничего другого не выдумаешь.

Капитанъ уже собирался выѣзжать изъ дому по порученію Шумскаго, когда кто-то подъѣхалъ къ крыльцу на извозчикѣ. Шумскій, глянувъ въ окно, ахнулъ и выговорилъ:

— Антипъ! Лакей его! Барона лакей!

Пока отворяли дверь, Шумскій въ нетерпѣніи вышелъ въ столовую. Ханенко прошелъ впередъ и уже надѣвалъ шинелъ. Квашнинъ сталъ въ дверяхъ и крикнулъ:

— Капитанъ! Вы не прохлаждайтесь! Поскорѣе съ отвѣтомъ сюда.

— Ладно, ладно!—отозвался капитанъ.

Въ эту минуту Копчикъ получилъ изъ рукъ Антипа большой пакетъ съ огромной гербовой печатью и передалъ барину. На пакетѣ послѣ адреса стояло «въ собственныя руки», а внизу подпись: «отъ барона Нейдшильда». Пакетъ былъ довольно объемистый.

Шумскій взялъ письмо въ руки, и сердце затрепетало въ немъ, будто предчувствіемъ.

— Куда же онъ! А отвѣтъ?—произнесъ Шумскій, видя, что Антипъ выходитъ уже на улицу.

— Онъ сказываетъ, отвѣта неприказано дожидаться,—отозвался Васька.

Шумскій вертѣлъ въ рукахъ большой пакетъ и не рѣшался его открывать. Затѣмъ онъ выговорилъ глухо:

— Капитанъ обождите, идите-ка сюда.

Шумскій двинулся къ себѣ въ кабинетъ, а оба пріятеля послѣдовали за нимъ. Молодой человѣкъ положилъ пакетъ на столъ и сѣлъ около него. Оба офицера стояли надъ нимъ, тоже нѣсколько смущаясь. Но, наконецъ, Ханенко выговорилъ спокойно:

— Михаилъ Андреевичъ! Полно бабиться! Что же зря себя тревожить? Можетъ тутъ и нѣтъ ничего. Разверните, да поглядите... а тамъ ужь и...

— Это чудо,—заговорилъ Шумскій сдавленнымъ голосомъ.—Это не даромъ. Въ одномъ городѣ: могъ бы пріѣхать, меня вызвать. Большущій пакетъ! Нѣтъ, я чую—тутъ смерть моя. Тутъ конецъ всему...

Шумскій вдругъ протянулъ руку сорвалъ пакетъ, развернулъ три листика, исписанныхъ кругомъ довольно мелко. Онъ прочелъ первыя нѣсколько строкъ, затѣмъ перевернулъ еще листикъ, взглянулъ въ средину письма, затѣмъ взглянулъ въ самый конецъ и руки его опустились, лицо покрылось смертельною блѣдностью.

— Что же, что?!.—вскрикнулъ Квашнинъ.

— Вѣрно! — едва слышно прошепталъ Шумскій. — Фонъ-Энзе! Все—онъ! Чтò—не знаю, но это—отказъ.

— Да вы прочтите,—вступился Ханенко.—Не можетъ быть. Только что согласіе дано и уже слово назадъ—отказъ! Христосъ съ вами.—Вы прочтите.

Шумскій снова началъ проглядывать письмо, быстро какъ бы ловя глазами только одинъ смыслъ содержанія, и затѣмъ, опрокинувшись на спинку кресла, выронилъ на полъ всѣ три исписанныхъ листка.

Черезъ мгновеніе онъ взялъ себя за голову и глубоко вздохнулъ, почти простоналъ.

Друзья сѣли около него, переглядываясь между собой, и молчали, не зная чтò сказать.

Графъ Е. Саліасъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ [1].

XXXV.

Въ ПОЛОВИНѢ апрѣля 1834 года, Пушкинъ разстался на нѣсколько мѣсяцевъ съ женою: Наталья Николаевна уѣхала съ малолѣтними дочерью и сыномъ изъ Петербурга въ калужскія имѣнія Гончаровыхъ—Полотняный заводъ и Ярополецъ,—а дядя Александръ оставался въ сѣверной столицѣ до августа.

Привожу слѣдующія мѣста изъ писемъ дѣда и бабки къ Ольгѣ Сергѣевнѣ за нѣсколько дней до этого времени:

«Александръ», — пишетъ Надежда Осиповна отъ 10-го апрѣля,— «сейчасъ меня посѣтилъ; поручилъ крѣпко тебя обнять, и сказать тебѣ, что онъ сильно безпокоится на твой счетъ, такъ какъ опять услышалъ, будто бы у васъ въ Варшавѣ какая-то эпидемія; проситъ тебя не ввѣряться докторамъ, которые обошлись съ тобой и въ Варшавѣ не лучше петербургскаго эскулапа Иванова. Продолжай надъ ними смѣяться, какъ смѣешься въ послѣднемъ письмѣ; это письмо я ему прочитала, и онъ не замедлилъ привѣтствовать твои строки гомерическимъ смѣхомъ, называя ихъ презабавными (j'ai fait la lecture de cette lettre à Саша, qui n'a pas manqué d'accueillir tes lignes par un rire vraiment homérique, en les qualifiant d'impayables). Но не смотря на гомерическій смѣхъ, сынъ былъ въ ужасномъ расположеніи духа. (Il etait d'une humeur atroce). Его жена, послѣ

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIV, стр. 26.

выкидыша, страдала жабою, чрезвычайно похудѣла, и онъ рѣшился ее отправить на все лѣто въ деревню; говоритъ, что деревня—ея одно спасеніе; окрестности же Петербурга—тотъ же Петербургъ съ тѣми же выѣздами, спектаклями и танцами, слѣдовательно та же анормальная жизнь.

«Невѣстка беретъ обоихъ дѣтокъ (ses deux poupons), Машу и Сашу; а рыжимъ Сашей Александръ очарованъ (et quand à Sacha, son petit rousseau, Alexandre en est vraiment enchanté); говоритъ, что будетъ о немъ всего болѣе тосковать. Всегда присутствуетъ какъ маленькаго одѣваютъ, кладутъ въ кроватку, убаюкиваютъ, прислушивается къ его дыханію; уходя, три раза его перекреститъ, поцѣлуетъ въ лобикъ и долго стоитъ въ дѣтской, имъ любуясь. Впрочемъ, Александръ и дѣвочку ласкаетъ исправно; жаль что Маша очень еще слаба; ходитъ съ большимъ трудомъ, и не говоритъ.

«Наташа, прежде нежели быть въ Яропольцахъ, проведетъ недѣлю, можетъ быть и больше, въ Москвѣ. Александръ отсюда тронется едва ли раньше сентября, а поѣхать ему въ Болдино необходимо и для своихъ, и для нашихъ дѣлъ, но не можетъ этого сдѣлать прежде нежели окончитъ записки въ архивѣ. Какъ бы ни было, въ Петербургѣ лѣтомъ ему трудно будетъ работать при жарѣ, и грустно вдали отъ жены и дѣтей. Леонъ бредитъ Тифлисомъ, а папа и я уѣдемъ въ Михайловское; Вяземскіе ѣдутъ за границу, такъ что лѣтомъ у Александра останется одинъ Соболевскій, съ которымъ онъ и теперь неразлученъ. Говоритъ, ему гораздо полезнѣе общество этого медвѣдя, чѣмъ рысканье по гостинымъ. Съ этимъ, пожалуй, я и согласна, но—будь сказано между нами—какую существенную пользу можетъ поднести (offrir) Александру Сергѣй Соболевскій? Сашка и безъ него риѳмы отыщетъ. Чтò между ними общаго? Развѣ попробуетъ учить Александра бороду носить, да и ту отращивать сыну не позволитъ ни служба, ни положеніе въ свѣтѣ. Борода дѣлаетъ Соболевскаго смѣшнымъ до нельзя, привлекая на него всѣ взгляды (Cette barbe rend Sobolefsky on ne peut plus ridicule, et attire sur lui tous les regards), о чемъ, если не ошибаюсь, тебѣ уже писала. Впрочемъ, Соболевскаго я ставлю гораздо выше другого пріятеля, Z*. Этотъ уже положительно ни на что не похожъ; благо его въ Петербургѣ нѣтъ».

«Дѣло прошлое»,—продолжаетъ Надежда Осиповна,—«но я страшно боялась одно время за здоровье Наташи. Объ опасеніяхъ на ея счетъ бѣднаго Александра и говорить не стоитъ: самъ едва отъ безпокойства не слегъ, и сѣтовалъ на зимніе выѣзды жены. Говорилъ: если бы не злополучные балы, никакая болѣзнь Наташи и не коснулась. Умоляетъ и тебя беречься. Знаетъ, что осенью—по моему расчету въ октябрѣ—ты должна сдѣлаться матерью. Ѣхать мнѣ къ тебѣ въ Варшаву едва ли будетъ возможно, а какъ бы мнѣ

желалось къ тому времени находиться при тебѣ! Сама бы за тобой ухаживала, и первая благословила бы ребенка. Все это я высказала Александру, и знаешь какая у него блеснула мысль? Пріѣхать тебѣ въ іюлѣ или началѣ августа къ намъ, въ наше Михайловское. Доѣдешь до Острова, куда и вышлемъ тебѣ экипажъ, а въ Псковѣ живетъ очень хорошій врачъ Бернаръ—не то что варшавскіе коновалы. Псковъ отъ насъ недалеко: въ Псковѣ проживаетъ и знакомая ему искусная повивальная бабка... и ее пригласимъ, а я буду твоей безотлучной сидѣлкой. Подумай объ этомъ! Александръ, кромѣ того, сказалъ, что если возьметъ продолжительный отпускъ, то съѣздитъ повидаться съ тобой въ Варшавѣ; ни разу тамъ не былъ. Вмѣстѣ бы и пріѣхали!

«Александру я пересказала о подвигахъ въ Варшавѣ неблагодарнаго пьяницы Проньки. Все это Александра возмутило до крайности; говоритъ, что ему лобъ забрѣетъ, и что Пронька не стоитъ всѣхъ вашихъ хлопотъ.

«Милая Оля»,—пишетъ Сергѣй Львовичъ на другой день, отъ 11 апрѣля,—«здоровье мама, слава Богу, поправляется, но болѣзнь могла принять серьезный оборотъ, тѣмъ болѣе, что не говоря мнѣ ничего, мама продолжала выѣзжать. Но въ концѣ концовъ, она не могла уже долѣе таиться, и сообщила свое желаніе пригласить Спасскаго. Александръ совѣтывалъ ей обратиться именно къ Спасскому, въ котораго онъ вѣритъ, какъ въ Бога. Хотя я докторамъ вѣрю почти такъ же какъ покойный Мольеръ,—всѣ эти господа на одинъ покрой (tous ces messieurs sont de la même trempe),—но невозможно ставить Спасскаго на одну доску съ прочими эскулапами: очень помогъ твоей матери, а стало быть и мнѣ.

«Твой пріѣздъ къ намъ въ Михайловское»,—продолжаетъ дѣдъ,—«былъ бы для меня такъ желателенъ, что боюсь о немъ и мечтать. Александръ,—какъ мама тебѣ писала,—собирается, послѣ побывки въ Болдинѣ, лишить твоего присутствія дурацкую,—какъ выражаешься,—Польшу, и лишить, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько мѣсяцевъ, да привезти тебя изъ Варшавы въ наше милое Михайловское. Посмотрѣть Варшаву ему не мѣшаетъ. Какіе-то польскіе паны—тысячу извиненій за весьма плохой каламбуръ (quelques pans polonais—mille pardons pour l'archi-mauvais calembourg) [1],—протрубили ему, будто бы Варшава—Парижъ въ миніатюрѣ, куда послѣ Варшавы и ѣздить не стоитъ. Александръ панамъ не вѣритъ, послѣ моихъ разсказовъ о Варшавѣ, гдѣ я самъ былъ,—правда лѣтъ уже двадцать съ чѣмъ-то; не вѣритъ онъ имъ въ особенности послѣ твоихъ писемъ, гдѣ говоришь о кривыхъ улицахъ съ грязными ручьями по обѣимъ сторонамъ и грязномъ жидовскомъ населеніи, но хочетъ

---

[1]) Тутъ дѣйствительно французская игра словъ: pan значитъ «сатиръ»; во множественномъ pans—сатиры. Л. П.

самъ убѣдиться, на сколько паны врутъ; а одного изъ нихъ Александръ поподчивалъ надняхъ острымъ словцомъ. Этотъ панъ — замѣчу понимающій порусски—сказалъ ему: Tous les «Ska» sont belles, et tous les «Ski» sont braves! (Всѣ ска красавицы, а всѣ ски храбры»)—указывая на окончаніе бо̀льшей части польскихъ фамилій; Александръ улыбнулся, и отвѣчалъ ему уже порусски (et lui a riposté en russe): «Вотъ и выходятъ «ска—зки».

«Говоря о Варшавѣ, не могу умолчать о Леонѣ, и не спросить тебя, какимъ образомъ онъ ухитрился сдѣлать столько долговъ. Вѣдь въ карты не играетъ, чуждъ разврата, ведетъ себя безукоризненно; неужели все пошло на угощенія мнимыхъ друзей? Платить варшавскіе долги Леона я не въ состояніи: много другихъ у насъ расходовъ; хотѣлъ уплачивать по частямъ долгъ его Гуту, но разсудилъ, что другіе кредиторы Леона поведутъ въ такомъ случаѣ на меня штурмъ. Къ счастію храбраго капитана выручитъ изъ бѣды знаменитый поэтъ: Александръ изъявилъ готовность заплатить за брата лично—если поѣдетъ къ тебѣ въ Варшаву,—а если поѣздка не состоится,—то вышлетъ адресатамъ, что̀ слѣдуетъ.

«Леону едва ли скоро удастся перебраться на кавказскую службу. Хотя прошеніе онъ и подалъ, но прежде поѣздки въ Тифлисъ долженъ ожидать изъ Варшавы какихъ-то бумагъ. Пока останется здѣсь».

«Опять пожалуюсь тебѣ»,—приписываетъ бабка,—«на демона искусителя Соболевскаго» (de nouveau je te ferai mes plaintes contre ce démon-tentateur de Sobolefski), который развратилъ Леона: по его совѣту, храброму капитану пришла фантазія носить нѣсколько недѣль сряду бороду, что̀ было ужасно: Леонъ сдѣлался похожимъ на Черномора изъ «Руслана и Людмилы»; къ счастію, по милости другихъ пріятелей, въ особенности послѣ насмѣшекъ княжны Вяземской, выбрился, и... слава Богу!»

(Le vaillant capitaine a eu, d'après le conseil de Sobolefsky, la fantaisie de se faire croître la barbe pendant quelques semaines. C'etait une horreur!. il avait l'air de «Черноморъ» dans «Русланъ и Людмила»; mais grâce à ses amis, et surtout à la princesse Viazemsky, qui s'en est moquée, il s'est fait la barbe avant hier, pour paraître plus joli garçon à ses yeux, et... Dieu soit loué!).

Приводя послѣднія строки бабки, не могу не замѣтить, что Надежда Осиповна питала особенную антипатію къ усамъ, а главное къ бородѣ, считая эти украшенія признакомъ самаго дурного тона. Съ усами дяди Льва она должна была помириться,—онъ служилъ въ кавалеріи,—но не могла помириться съ вышедшимъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ разрѣшеніемъ носить усы пѣхотѣ и кирасирскимъ полкамъ. Домашней прислугѣ Надежда Осиповна позволяла отращивать однѣ лишь бакенбарды. Кромѣ «бородачей», бабка относилась неблагопріятно и къ курильщикамъ. «Бородачи и куриль-

щики рождаютъ во мнѣ тошноту» (les barbus et les fumeurs me donnent des nausées),—говорила она Ольгѣ Сергѣевнѣ,—«и удивляюсь, почему «бородачи» рѣшаются стричь ногти, а «курильщики» полоскать ротъ?»

Дядя Левъ,—страстный курильщикъ,—чувствовалъ себя не совсѣмъ поэтому ловко въ присутствіи матери, когда долженъ былъ, по ея желанію, засиживаться у нея въ гостиной. Сергѣй же Львовичъ, до кончины Надежды Осиповны, курилъ секретно.

... «Наташа»,—пишетъ между прочимъ бабка отъ 25-го апрѣля,—«уѣхала болѣе недѣли въ Москву съ обоими дѣтьми. Александръ, хотя и рѣшился ее отпустить—что̀ сдѣлалъ, скрѣпя сердце (ce qu'il a fait à contre-coeur), но признался, что при разлукѣ съ семействомъ не могъ удержаться отъ слезъ, и что его осаждаютъ черныя мысли (il m'a dit qu'il est obsédé par des idées noires). Я ему отвѣчала, что это пустыя причуды, но едва ли его утѣшила. (J'avais beau dire que ce sont des lubies, mais je mets en doute l'efficacité de mes consolations). Впрочемъ, у насъ на праздникахъ онъ былъ почти веселъ. Заутреню и обѣдню (les matines et la messe de minuit) я слушала въ Конюшенной церкви [1]). Во-второй день праздника, кромѣ Леона—онъ живетъ у насъ—мы увидѣли въ скромномъ нашемъ жилищѣ Александра. Онъ привелъ Соболевскаго, и mylord qu'importe смѣялся, по своему обыкновенію, надъ половиной вселенной (selon ses habitudes, mylord qu'importe n'a pas manqué de tourner en ridicule la moitié de l'univers»)...

«Совершеннолѣтіе наслѣдника»,—пишетъ отъ того же числа Сергѣй Львовичъ,—«отпраздновали самымъ торжественнымъ образомъ. Много большихъ наградъ. Александръ мнѣ объявилъ, а Плетневъ подтвердилъ, что Жуковскій (я на него сердитъ: не кажетъ уже давно къ намъ носа) получилъ пожизненную аренду въ три тысячи рублей серебромъ, что̀ составляетъ болѣе десяти тысячъ (Alexandre m'a communiqué, et Pletneff m'a affirmé, que Joukofsky—je suis bien fâché contre lui: voilà depuis des siècles qu'il ne montre son nez chez nous—a reçu une arende à vie de trois mille argent blanc; cela fait plus de dix mille). Конечно, Жуковскій остался очень доволенъ. За то мы нашими денежными обстоятельствами—не скрою отъ тебя, милая Оля—какъ нельзя больше недовольны. Не знаю, какъ обернуться. Долгъ за имѣніе внесу, но что же будетъ дальше? Посовѣтуюсь съ Александромъ, пока онъ еще не уѣхалъ. Къ кому же мнѣ обратиться какъ не къ нему?»

И дѣйствительно: матеріальное положеніе стариковъ было весьма плохо. Объ этомъ, а также и о своей незавидной обстановкѣ, отецъ мой писалъ своей матери, Луизѣ Матвѣевнѣ, (на французскомъ языкѣ) 19-го апрѣля 1834 года слѣдующее:

---

[1]) Въ этой самой церкви отпѣвали, три года̀ спустя, тѣло убитаго дяди. Л. П.

«Получая весьма скудное жалованье, я, какъ вамъ извѣстно, не могъ жить больше въ Петербургѣ. Отказавшись отъ свѣта, я долженъ былъ оставить Петербургъ и искать другого мѣста, чтобы содержать себя жалованьемъ и не дѣлать долговъ. Случай забросилъ меня въ Варшаву. Жалованье мое, правда, увеличилось, но житье здѣсь несравненно дороже. Довольно сказать, что обыкновенныя цѣны на провизію гораздо выше тѣхъ, какія у васъ были въ Екатеринославѣ въ голодное время. Три четверти моего жалованья идутъ на столъ, на содержаніе вольныхъ людей (ибо, кромѣ лакея и горничной, у меня нѣтъ крѣпостныхъ), и на содержаніе дома. Остальной четверти едва достаточно для одежды и непредвидѣнныхъ расходовъ. Кругъ знакомства нашего хотя и тѣсенъ, но женѣ необходимо бывать въ домѣ свѣтлѣйшихъ, а отъ частыхъ приглашеній княгини Елизаветы Алексѣевны отказаться просто невозвожно.

«Должность мною занимаемая такого рода, что я долженъ иногда бывать тамъ, гдѣ совсѣмъ не хочется, и держать пару лошадей, которыхъ давно бы продалъ. Словомъ жалованья мало, а долговъ боюсь хуже огня. Случилось мнѣ раза два быть представленнымъ къ наградѣ: вмѣсто чиновъ и крестовъ взялъ деньги; и впередъ сдѣлаю тоже. Вотъ я бы и за выслугу лѣтъ отказался отъ чина, но дѣлать нечего—дали, и я долженъ внести за повышеніе мѣсячное жалованье, то есть оставаться цѣлый мѣсяцъ безъ гроша. Такіе случаи бываютъ нерѣдки; къ тому же всякій неожиданный расходъ, какъ, напримѣръ, плата докторамъ—что̀ уже нѣсколько разъ здѣсь случалось—уничтожаетъ вдругъ всѣ расчеты и запасныя деньги. Скоро буду отцомъ, а для ребенка надо и то, и другое; плохо—очень, очень плохо! Старики Пушкины,—не знаю,—помогутъ ли намъ. Имѣніе ихъ, по числу душъ, (около тысячи двухъ сотъ) хотя и значительное, разстроено до нельзя: участь его зависитъ отъ распоряженій шурина моего Александра Сергѣевича, вступившаго въ управленіе онымъ. Авось поставитъ въ рамки управляющаго... (peut être mettra-t'il en régistre le nouvel intendant)... Сначала моей женитьбы тесть обѣщалъ давать по четыре тысячи въ годъ, но первые два года далъ только по двѣ тысячи, въ слѣдующіе меньше, а въ послѣдній почти ровно ничего».

«Родители жены приглашаютъ ее къ себѣ въ августѣ въ Михайловское; она изъявила согласіе, и написала имъ объ этомъ. Поѣдетъ вмѣстѣ съ Александромъ Сергѣевичемъ,—онъ хочетъ навѣстить насъ въ Варшавѣ—а на худой конецъ тронется отсюда одна, такъ какъ ни за что̀ въ этомъ году не могу отлучиться».

До отъѣзда дѣда и бабки въ Михайловское, Александръ Сергѣевичъ посѣщалъ ихъ довольно часто.

«Александръ»,—пишетъ бабка отъ 9-го мая,—«у насъ почти всякій день, да и не мудрено: съ кѣмъ отведетъ душу, а съ нами говоритъ нараспашку. Безъ жены и дѣтей—ему тоска въ огромной, пустой

квартирѣ. Очень проситъ тебя писать ему на Пантелеймонскую, въ домъ Оливье; увѣряетъ, что твои строки прочтетъ съ наслажденіемъ и умиленіемъ. Хотѣлъ писать твоему мужу дѣловое письмо, но не знаю, напишетъ ли? По утрамъ очень занятъ, и жалуется на тяжелый трудъ и безпокойства всякаго рода (il a beaucoup de tracas de toute sorte). Послѣ работы, передъ тѣмъ чтобы отобѣдать у Дюмэ съ бородачемъ Соболевскимъ, Александръ ходитъ отдыхать въ Лѣтній Садъ, гдѣ и прогуливается съ своей Эрминіей. Такое постоянство молодой особы выдержитъ всякія испытанія, и твой братъ въ этомъ отношеніи очень смѣшонъ. (Après avoir fini son travail, et avant d'avaler un morceau chez Dumé avec son barbu de Sobolefsky, Alexandre va se distraire au jardin d'Eté, où il se proméne avec son Herminie; cette constance de la jeune personne est à toute épreuve, et ton frère est fort drôle sous ce rapport»).

Фамилія этой особы мнѣ неизвѣстна. О прогулкахъ же въ Лѣтній Садъ и свиданіяхъ съ Соболевскимъ, дядя Александръ пишетъ Натальѣ Николаевнѣ отъ 11-го іюня:

«...Нашла за что браниться! За Лѣтній Садъ и за Соболевскаго! Да вѣдь Лѣтній Садъ мой огородъ. Я, вставши отъ сна, иду туда въ халатѣ и туфляхъ. Послѣ обѣда сплю въ немъ, читаю и пишу. А Соболевскій? Соболевскій самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. Онъ спекуляціи творитъ свои, а я свои. Моя спекуляція — удрать къ тебѣ въ деревню»...

«Жена Александра», — продолжаетъ бабка, — «намъ сообщаетъ о своемъ свиданіи «со святымъ семействомъ»,—нашими родными Сонцовыми. И твоя тетка, и твой дядя, и твои кузины приняли Наташу и ея сестеръ какъ благословенный хлѣбъ (elles les ont reçues comme du pain béni); а Наташа была на двухъ балахъ съ сестрами—у княгини Голицыной, и въ собраніи, гдѣ много танцовала. Александръ, прочитавъ это мѣсто ея письма, сдѣлалъ свою гримасу, когда чѣмъ-нибудь недоволенъ,—подергивая губами,—и сказалъ: «опять за прежнее, ну да Богъ съ ней!»

«Отъ него теперь зависитъ нашъ отъѣздъ въ Михайловское. Все къ отъѣзду готово, кромѣ денегъ, которыя Александръ обѣщалъ доставить намъ на дорогу, о чемъ и переписывается съ управляющимъ; если же ему не удастся получить денегъ изъ Болдина черезъ недѣлю, то постарается снабдить насъ ожидаемой суммой за свои труды, но времени опредѣлить не можетъ. Между тѣмъ, весна здѣсь вступила совершенно въ свои права. Деревья, правда, еще не одѣлись зеленью, нѣтъ и моихъ любимыхъ желтенькихъ цвѣточковъ на изумрудной травкѣ, но природа дышетъ воскресеніемъ. Жду не дождусь минуты, когда Александръ скажетъ: «Поѣзжайте въ Михайловское, и Богъ съ вами!» (Partez pour Михайловское, и que le bon Dieu Vous benisse).

«Многіе изъ нашихъ знакомыхъ разъѣхались—кто въ Царское, кто въ Петергофъ, кто и поближе—на Острова и на Черную рѣчку,—гдѣ устроена великолѣпная галлерея для пользующихся минеральными водами. Кто остался въ городѣ—спѣшитъ въ Лѣтній садъ. Завтра назначенъ большой военный парадъ на Марсовомъ полѣ. Живемъ оттуда въ десяти шагахъ, и наслаждаемся уже три дня сряду звуками флейтъ и барабановъ. Скажу, кстати, что 29-го числа прошлаго мѣсяца, Александръ присутствовалъ, въ качествѣ камеръ-юнкера, на большомъ торжествѣ: петербургское дворянство давало большой оффиціальный балъ въ домѣ Д. Л. Нарышкина, удостоенный присутствія Государя. Балъ закончился фейерверкомъ, и великолѣпной иллюминаціей. Плавающія по Невѣ яхты и лодки съ разноцвѣтными фонарями, пѣсни гребцовъ, словомъ вся обстановка праздника, при поэтической весенней ночи, меня очаровала, и я вообразила себѣ, что живу не въ Петербургѣ, а въ Венеціи. Но поговорю о другомъ:

«Леонъ получилъ мѣсто при Блудовѣ по особеннымъ порученіямъ [1]), съ тѣмъ, чтобы поѣхать въ Тифлисъ. Разлука съ Леономъ меня огорчаетъ, но я не эгоистка. Мои пожеланія будутъ всегда вамъ сопутствовать, друзья мои, вездѣ, гдѣ бы вы ни находились. Леонъ пока попрежнему живетъ у насъ, занимая веселенькую комнатку съ обоями его любимаго зеленаго цвѣта, и двумя окнами на солнечную сторону улицы».

О пріѣздѣ въ Петербургъ изъ Варшавы полковника (природнаго персіянина) Абасъ-Кули-аги, служившаго въ находившемся въ распоряженіи фельдмаршала Паскевича мусульманскомъ эскадронѣ, Сергѣй Львовичъ отъ 25-го мая пишетъ:

«Надняхъ Александръ представилъ намъ Абаса-агу. Пріѣхавъ изъ Варшавы съ твоимъ письмомъ, Абасъ явился сначала къ Александру, который отъ него въ восторгѣ. Этотъ сынъ Востока дѣйствительно преинтересная личность. Занимательный разговоръ на совершенно правильномъ французскомъ языкѣ, изящныя манеры, оживленные разсказы о его путешествіяхъ въ Азіи и Европѣ, описанія его романическихъ, исполненныхъ поэзіи, приключеній; разсказы о кампаніяхъ, въ которыхъ участвовалъ—все это произвело на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Абасъ такъ радушенъ и любезенъ, что я вообразилъ его моимъ старымъ другомъ, тѣмъ болѣе, что радъ былъ увидѣть человѣка, который такъ недавно съ тобой говорилъ, почему и употребляю метафору, по примѣру его же соотечественниковъ: «Послѣ свиданія съ нимъ мнѣ показалось, что падающіе на меня лучи благодатнаго солнца сіяютъ сугубымъ блескомъ радости, и весну надежды превращаютъ въ лѣто ея осуще-

---

[1]) Такъ въ подлинникѣ. Л. П.

ствленія». Не смѣйся надъ этой вычурной фразой, писаной подъ персидскимъ вліяніемъ».

«Вчера Абасъ у насъ отобѣдалъ вмѣстѣ съ Александромъ, Соболевскимъ и графиней Ивеличъ. Разумѣется, обѣдалъ и Левъ, послѣ чего «капитанъ» и «поэтъ» отправились съ сыномъ Магомета да Соболевскимъ въ театръ, гдѣ мусульманинъ и наслаждался созерцаніемъ земныхъ балетныхъ гурій. Завтра—въ день рожденія Александра—я надѣялся познакомить Абаса съ Вяземскимъ, но завтра же княгиня Мещерская и Софья Карамзина уѣзжаютъ за границу, въ Италію. Александръ ихъ провожаетъ до Кронштадта, такъ что дня его годовщины праздновать не будемъ. (J'esperais demain,—jour de naissance d'Alexandre,—de lui faire faire la connaissanee de Вяземскій, mais la princesse Мещерскій et mademoiselle Карамзинъ Sophie s'embarquent pour l'Italie. Alexandre lui même les accompagne jusqu'à Cronstadt, de manière que nous ne fêtons pas cet anniversaire).

«Абасъ-Кули очень много намъ говорилъ о твоемъ желаніи пріѣхать въ Петербургъ навѣстить брата, а потомъ поселиться въ Михайловскомъ на всю осень; но когда онъ мнѣ разсказалъ о хлопотахъ предстоящихъ тебѣ въ дорогѣ,—такъ какъ отъ Ковна до Риги дилижансы не ходятъ,—то благодарю Бога, что ты рѣшилась ждать свиданія съ Александромъ въ Варшавѣ до августа, и пріѣхать уже къ намъ не одной, а съ нимъ. Пользуйся прелестной погодой, о которой пишешь; у насъ же надняхъ наступили такіе холода, на которые я и не расчитывалъ, когда мать сообщала тебѣ послѣдній разъ о возвращеніи весны: топимъ печи и, опять облеклись въ осеннюю одежду и теплую обувь. Александръ,—ругающій Петербургъ при всякомъ удобномъ случаѣ—радъ новой оказіи браниться, но тронуться отсюда не можетъ.

«Увѣряетъ, будто бы его письма къ женѣ во-время не доходятъ, потому что почтамтскіе рыцари (les chevaliers de la poste) распечатываютъ ихъ и прочитываютъ по самовольному секретному приказанію или распоряженію Б—а [1]). Но справедливо ли это? Не

[1]) По этому случаю Александръ Сергѣевичъ жалуется женѣ въ письмѣ отъ 18-го мая въ слѣдующихъ словахъ: «Смотри женка, надѣюсь, что ты моихъ писемъ списывать никому не даешь; если почта распечатала письмо мужа къ женѣ, такъ это ея дѣло, и тутъ одно непріятно: тайна семейственныхъ сношеній, проникнутая сквернымъ и безчестнымъ образомъ... Никто не долженъ знать что̀ можетъ происходить между нами; никто не долженъ быть принятъ въ нашу спальню. Безъ тайны нѣтъ семейственной жизни. Но знаю, что этого быть не можетъ; а свинство уже давно меня ни въ комъ не удивляетъ... Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ, да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Непріятна зависимость, особенно когда лѣтъ двадцать человѣкъ былъ независимъ».

Въ слѣдующихъ же письмахъ отъ 29-го мая и 3-го іюня къ Натальѣ Николаевнѣ дядя говоритъ между прочимъ:

«Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадокъ мнѣ? что мнѣ

преувеличиваетъ ли Александръ? (Ne se forge t'il pas des idées?) Во всѣхъ видитъ враговъ, и сталъ всякому — исключая, конечно, друзей — отпаливать дерзости, заставляющія отъ него бѣгать (et s'est mis à dècocher des impertinences à faire fuir son monde). Выѣзжаетъ онъ въ свѣтъ рѣдко, и сказалъ мнѣ, что одно лишь это его утѣшаетъ въ разлукѣ съ женой, съ которой ѣздилъ четыре раза въ недѣлю, если только не больше, туда, гдѣ ему бывать совсѣмъ не хотѣлось. При Абасѣ-агѣ онъ ругалъ большой петербургскій свѣтъ уже слишкомъ зло, а на мое замѣчаніе разсердился, да сказалъ: «тѣмъ лучше; пусть всякій знаетъ—русскій или иностранецъ все равно,—что этотъ свѣтъ—притонъ низкихъ интригановъ, завистниковъ, сплетниковъ, и прочихъ негодяевъ». (Tant mieux, cela m'est bien égal: devant les russes, et devant les étrangers, je soutiendrai envers et contre tous, que ce monde n'est qu'un repaire d'intrigants, d'envieux, de chicaneurs, et d'autres vilains). Соболевскій ему поддакивалъ, чѣмъ и больше его сердилъ. Онъ, кажется, у Александра совершенно поселился, и воцарился; подбиваетъ его доказать любовь къ независимости не на словахъ, а на дѣлѣ, т. е. выйти въ отставку, да «ускакать въ деревню заниматься не камеръ-юнкерскими, а денежными дѣлами». Довольно зло сказано со стороны Соболевскаго, а Соболевскаго твой братъ слушаетъ какъ оракула; кажется, и на этотъ разъ послушается. Съ Соболевскимъ рѣшаетъ всѣ свои задушевные вопросы, бесѣдуя съ нимъ у Дюмэ за обѣдомъ, а потомъ въ англійскомъ клубѣ. Леонъ тоже считаетъ Соболевскаго воплощенною премудростью, а всякое острое—за частую и плоское—слово этого Цицерона повторяетъ съ восторгомъ, и даже записываетъ».

До отъѣзда стариковъ въ Михайловское, дядя, по совѣту Соболевскаго, не подалъ въ отставку, сдѣлавъ это позже—въ исходѣ іюня,—а просилъ лишь Бенкендорфа о предоставленіи ему на два года ссуды, въ размѣрѣ пятнадцати тысячъ, на изданіе исторіи Пугачевскаго бунта. Письмо Бенкендорфу—своему заклятому врагу—дядя заключаетъ довольно странной фразой: «У меня нѣтъ другого права на просимую мною милость, кромѣ вашей доброты, которую вы мнѣ уже оказывали, и которая даетъ мнѣ смѣлость вновь къ ней прибѣгнуть. Вашему покровительству, графъ, приношу мою покорную просьбу». Такъ какъ льстить кому бы ни было не лежало въ натурѣ Пушкина, то приводимое мною заключеніе письма должно быть злою ироніей. Никакой доброты и покровительства Бенкендорфъ Пушкину не оказывалъ, а относился къ нему діаметрально

весело въ немъ жить между пасквилями и доносами?.. Я не писалъ тебѣ потому, что свинство почты такъ меня охолодило, что я пера въ руки взять былъ не въ силѣ. Мысль, что кто-нибудь насъ съ тобой подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство, à la lettre. Безъ политической свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности (l'inviolabilitè de la famille)—невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше»...

противуположно. Александръ же Сергѣевичъ, писавшій Бенкендорфу впослѣдствіи, что «поручая себя его мощному покровительству, приноситъ ему дань своего глубокаго уваженія», говорилъ всѣмъ и каждому—á qui voulait l'entendre—что онъ къ Бенкендорфу никакого уваженія не чувствуетъ, а если расчитываетъ на покровительство, то лишь на покровительство Монарха. Скажу кстати: надъ нѣжными чувствами къ Пушкину Бенкендорфа и не поладившаго съ Александромъ Сергѣевичемъ барона Корфа—Сергѣй Александровичъ Соболевскій посмѣялся двустишіемъ:

«Твой первый другъ графъ Бенкендорфъ,
«Его жъ соперникъ—баронъ Корфъ».

. . . .

11-го іюля дѣдъ и бабка покинули Петербургъ, 13-го пріѣхали въ Псковъ, на другой день были въ Островѣ, ночевали во Вревѣ, 15-го числа—въ Тригорскомъ, а 16-го достигли Михайловскаго, откуда Надежда Осиповна, между прочимъ, пишетъ:

«Наконецъ мы разстались съ Петербургомъ. Богъ съ нимъ! (que le bon Dieu le conserve). Не печалься о невозможности пріѣхать къ намъ теперь. Александръ будетъ черезъ два мѣсяца въ Варшавѣ, и привезетъ тебя къ намъ. Насъ провожали въ дорогу Александръ, Леонъ и Абасъ-Кули. Абасъ трогательно съ нами простился, и нѣсколько разъ обнималъ папа».

«Именно нѣсколько разъ»,—прибавляетъ въ выноскѣ Сергѣй Львовичъ,—«что̀ приписываю расположенію его къ тебѣ, почему и я полюбилъ его отъ всего сердца. Онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Одессу, и раньше мѣсяца не возвратится въ Варшаву».

«Не смотря на мою грусть послѣ разлуки съ твоими братьями»,—продолжаетъ бабка,—«не могу жалѣть, что я здѣсь: утѣшаюсь мыслію, что если бы даже и не уѣхала изъ Петербурга, то не пробыла бы съ ними долго; Александръ отправится къ женѣ, затѣмъ поѣдетъ въ Болдино, быть можетъ къ тебѣ въ Варшаву, а Леонъ ждетъ не дождется минуты уѣхать въ Тифлисъ. Удивляюсь однако, чѣмъ Тифлисъ ему такъ понравился, и увѣрена, что когда туда пріѣдетъ—разочаруется. Особенно горькихъ слезъ при разлукѣ съ Леономъ я не пролила, сообразивъ, что онъ,—въ концѣ концовъ,—долженъ чѣмъ-либо заняться, а въ Петербургѣ его одолѣли праздность и скука. Теперь проживаетъ на нашей квартирѣ; Александръ живетъ на своей, что̀ довольно странно: будучи вдвоемъ, не лучше ли было бы имъ жить вмѣстѣ? Оба они неисправимые оригиналы, но какъ говоритъ папа—да будетъ небесная воля. (Léon loge dans notre maison, Alexandre dans la sienne, ce qui est assez singulier: n'étant que deux, ne vaudrait il pas mieux être ensemble? C'est qu'ils sont tous les deux des originaux incorrigibles, et comme dit papa — que la volonté du Ciel soit faite).

На молчаніе обоихъ сыновей Надежда Осиповна жалуется Ольгѣ Сергѣевнѣ слѣдующимъ образомъ—въ письмѣ отъ 23-го іюля:

«Вотъ уже болѣе мѣсяца какъ мы разстались съ Александромъ и Леономъ, но они не даютъ намъ знать о своемъ существованіи, да кажется не заботятся и о нашемъ; если бы наши люди не имѣли сношеній съ оставшимися въ Петербургѣ, то мы бы находились въ постоянномъ безпокойствѣ; теперь, по крайней мѣрѣ, знаемъ, что оба эти шута здоровы. (Voilà plus d'un mois que nous sommes separés d'Aléxandre et de Lèon, mais ils ne nous donnent pas signe de vie, et ne se soucient guère de notre existence, à ce qu'il paraît, et si nos gens n'avait pas de correspondance avec ceux de Petersbourg, nous serions continuellement dans les inquiétudes; nous savons au moins que ces deux bouffons se portent bien). А что только о нихъ я не передумала—одинъ Богъ знаетъ. Можно быть здоровыми, а испытывать всевозможныя непріятности, огорченія, которыя хуже всякихъ болѣзней; особенно боюсь за Александра: послѣднее время онъ сталъ такъ желченъ и заносчивъ, что дѣйствительно можетъ поколотить любого критика своихъ сочиненій и тѣмъ сдержать свое слово: онъ увѣрялъ меня, что у него не даромъ чешется рука на враговъ—продажныхъ писакъ. (Il m'a assuré dernièrement, que ce n'est pas en pure perte, que sa main lui démange, rien qu'en voyant ses ennemis—messieurs les écrivailleurs pour de l'argent comptant). Слѣдовательно, если и не будетъ имѣть дуэли, на которую его подлые враги, по низкой трусости, неспособны, то не избѣгнетъ ихъ навѣтовъ и доносовъ. Леонъ тоже не защищенъ отъ людскихъ пакостей, какъ и его братъ Александръ. Короче, безпокоюсь и о томъ, и о другомъ. О женѣ Александра и о его дѣтяхъ—ровно ничего не знаемъ. Наташа намъ ни полслова; передъ отъѣздомъ Александръ сообщилъ, что у маленькой Маши показались зубки...

... «Шесть недѣль сряду не было ни капли дождя, но вчера пронеслась гроза съ ливнемъ. Цвѣты въ изобиліи, растительность роскошная, огороды, оранжереи, дорожки въ исправности. По совѣту Спасскаго, пью сыворотку, а папà, для укрѣпленія нервовъ, купается всякій день, пьетъ цѣлебныя травы, и ѣздитъ верхомъ на своей бѣлой лошадкѣ. Появилось особенно много дынь, которыя ты такъ любишь. Какъ я была бы счастлива ѣсть ихъ съ тобою, какъ мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты увидѣла нашъ садикъ! Онъ сдѣлался прелестнымъ, а поля и луга такъ и манятъ на прогулку. Всякій уголокъ мнѣ тебя напоминаетъ, и часто, часто не могу удержаться отъ слезъ... Собираю твои любимые цвѣточки, сижу по часамъ въ твоей любимой бесѣдочкѣ, гдѣ читаю-перечитываю твои письма, а разговоры о тебѣ съ твоими друзьями—сосѣдками нашими—и добрыми родственниками Ганнибалами—мое утѣшеніе. Боже! какъ грустно въ наши лѣта не быть окруженными нашими дѣтьми!! Неужели, какъ

выражается Александръ, «жизнь насъ всѣхъ разброситъ, смерть опять сберетъ?» Боже, какъ грустно, какъ мучительно грустно!!!..»

Сергѣй Львовичъ описываетъ дочери деревню въ тѣхъ же почти выраженіяхъ, и излагаетъ ей подобныя же сѣтованія на отсутствіе ея, Александра и Льва Сергѣевичей; но потомъ, разсказывая о Михайловскихъ сосѣдяхъ-оригиналахъ, съ которыми познакомился, мало по малу впадаетъ въ юмористическій тонъ, и въ концѣ письма, упоминая о малолѣтнемъ сынѣ варшавской пріятельницы Ольги Сергѣевны — г-жи Гильфердингъ,— впослѣдствіи незабвенномъ нашемъ ученомъ славянофилѣ, Александрѣ Ѳедоровичѣ,—шутитъ слѣдующимъ образомъ:

«Все, чтò говоришь намъ о маленькомъ Сашѣ Гильфердингѣ, наводитъ меня на мысль, что, Богъ меня прости, онъ «антихристъ» (d'après tout ce que tu me dis du petit Hilferding, je crois, Dieu me pardonne, que c'est l'antechrist), а по крайней мѣрѣ будущій Ньютонъ, Галилей, или Мецофанти. Да это маленькій геній, если по своему умственному развитію, страсти къ изученію языковъ и естественнымъ наукамъ, приводитъ всѣхъ въ изумленіе, превышая пятнадцатилѣтнихъ юношей! Этотъ удивительный ребенокъ можетъ стать вровень развѣ съ маленькой дѣвочкой изъ Гамбурга, о которой говорили въ газетахъ. Ей два года, а знаетъ астрономію, и разрѣшила нѣсколько математическихъ задачъ... Вѣрь этому журнальному анекдоту, если хочешь... Отъ души желаю тебѣ имѣть сына подобнаго маленькому Гильфердингу, лишь бы былъ повеселѣе; но мнѣ кажется, что у тебя будетъ не мальчикъ, а дѣвочка. Дай Боже, чтобы я имѣлъ счастіе обнять васъ обоихъ. Эта мысль привязываетъ меня къ жизни...

«Очень радъ, что продолжаешь изучать Лафатера и Галля. Я имъ вѣрю, и желаю, чтобы ты примѣняла сообщаемыя ими свѣдѣнія къ дѣлу, распознавая въ точности душевныя свойства людей по наружности, на чтò, впрочемъ, и безъ Лафатера у тебя врожденный талантъ».

Дѣйствительно Ольга Сергѣевна, какъ я уже и упоминалъ въ первой главѣ моей хроники, особенно изучала физіогномистику и френологію, и написала на французскомъ языкѣ весьма обширное разсужденіе о законахъ симпатіи и антипатіи, которое, къ сожалѣнію, впослѣдствіи уничтожила.

Возвращаюсь къ прерванному письму Сергѣя Львовича:

«Очень тоже радъ»,—продолжаетъ онъ,—«что тебѣ удалось купить сочиненія Сведенборга и Эккартсгаузена. Въ горькія минуты шведскій философъ и нѣмецкій мистикъ утѣшить могутъ всякаго, и укрѣпить въ христіанскомъ благочестіи. Какъ нельзя болѣе желательно мнѣ обладать познаніями Сведенборга, и подобно ему, летать во снѣ повсюду, куда бы ни захотѣлъ; въ такомъ случаѣ мой

первый полетъ былъ бы къ тебѣ. Напиши, рисуешь ли отъ времени до времени?

«Чѣмъ кончу письмо, какъ не жалобой на Александра и Леона? Оба они намъ совсѣмъ не пишутъ, не отвѣчая даже, а намъ очень любопытно знать, чѣмъ кончились хлопоты Александра по печатанію его Пугачевщины [1]), когда онъ поѣдетъ въ Болдино по моимъ дѣламъ, и, вообще, поѣдетъ ли онъ? Любопытно знать, ѣдетъ ли въ Тифлисъ храбрый нашъ капитанъ или нѣтъ? Неужели у нихъ обоихъ исчезло обо мнѣ всякое воспоминаніе и сознаніе, что ихъ никто не любитъ такъ, какъ я? Часто думаю, что твои братья адресовали намъ письма неправильно, а на этотъ разъ меня успокоиваетъ и неисправность псковской почты».

Письма отъ сыновей старики получили уже къ концу іюля, и бабка поэтому случаю пишетъ отъ 1-го августа:

«Наконецъ, твои братья намъ написали; давно пора, и скажу тебѣ новость: Леонъ не имѣлъ терпѣнья дожидаться своего назначенія въ Тифлисъ; подалъ въ отставку, получилъ ее, и уѣзжаетъ въ Грузію, безъ назначенія туда на службу, увѣряя будто бы ему гораздо будетъ легче опредѣлиться въ число кавказскихъ чиновниковъ, или въ кавказскую армію, когда самъ будетъ уже на мѣстѣ. Ѣдетъ черезъ Москву, куда проситъ насъ писать, не сообщая, однако, адреса. Александръ тоскуетъ, грустить, и бранитъ, по своему обыкновенію, половину вселенной. (Alexandre s'énnuie: il est triste, et selon son habitude jette feu et flamme contre la moitié de l'univers). Рвется онъ изъ Петербурга; говоритъ, что поѣздка въ Болдино ему необходима, но его приковываютъ къ столицѣ дѣла непріятнѣе одно другого. Просился онъ тоже въ отставку, но принужденъ былъ взять ее назадъ, иначе навлекъ бы на себя кучу сплетней, и много другихъ непріятностей. Будетъ просить отпускъ, когда кончитъ дѣла въ душномъ Петербургѣ, откуда всѣ его знакомые выѣхали на лѣто. Какъ предсказывала ему, такъ и случилось: у него, кромѣ Леона,—да и Леона слѣдъ простынетъ надняхъ,—остался одинъ mylord qu'importe Соболевскій, но и тотъ, по письму Александра, сталъ поговаривать о поѣздкѣ въ Англію. Наташа и дѣтки—Сашка и Машка—въ «вожделѣнномъ», какъ онъ пишетъ славянскими буквами, «здравіи», и слава Богу. Александръ подтверждаетъ желаніе Леона непремѣнно поступить вновь въ кавказскую армію, но выражается при этомъ неопредѣленно, что̀ для меня хуже всякой неизвѣстности. Александръ за то сообщаетъ положительно о свадьбѣ твоей подруги Цебриковой: говоритъ, вышла за мужъ за бѣднаго учителя русскаго языка, Алимпіева; хотя партія въ денежномъ отношеніи и не блистательна, но Алимпіевъ, по уму

[1]) Слово написано порусски.

и своей возвышенной, любящей душѣ, безъ сомнѣнія, съумѣетъ составитъ счастіе жены» [1]).

«Внезапный отъѣздъ Леона въ Тифлисъ меня очень огорчаетъ»,— пишетъ Сергѣй Львовичъ отъ того же числа.—«Самъ же онъ хотѣлъ служить при Блудовѣ; но не успѣлъ Блудовъ принять его на службу, какъ сынъ подаетъ въ отставку, нетерпѣнія ради (pour cause d'impatience). Не такими способами дѣлаютъ карьеру, и я увѣренъ, что министръ этимъ очень недоволенъ. Что же мнѣ дѣлать, какъ не сосредоточить эту печаль въ моемъ сердцѣ, и не повторить: да будетъ воля неба? (Que puis-je faire, si ce n'est de concentrer ce chagrin dans mon coeur, et de repeter: que la volonté du Ciel soit faite?). Но во всякомъ случаѣ, «мой младшій», если уже рѣшился отправиться въ край столь отдаленный, и на неопредѣленное время, то могъ бы, по малой мѣрѣ, заѣхать прежде къ намъ въ Михайловское. Какіе его виды—не знаю; какія надежды—не вѣдаю. Въ концѣ концовъ, покоряюсь Промыслу Божію, который Леона донынѣ хранилъ».

Изъ этихъ двухъ писемъ видно, что какъ Левъ такъ и Александръ Сергѣевичи не считали нужнымъ излагать подробно родителямъ свои планы. Александръ Сергѣевичъ, подобно брату, упоминаетъ въ письмахъ къ старикамъ лишь въ общихъ чертахъ о взятой имъ обратно тогда [2]) отставкѣ, вовсе не упоминая ни о постигшихъ его по этому случаю непріятностяхъ, ни объ извѣстной своей перепискѣ съ Бенкендорфомъ. Возбудилъ же дядя вопросъ объ отставкѣ, увидѣвъ настоятельную необходимость поправить свои обстоятельства, разстроенныя непомѣрными расходами, вслѣдствіе посѣщеній большого петербургскаго свѣта. Благопріятный исходъ Пушкинъ усматривалъ единственно въ долговременномъ отсутствіи изъ Петербурга; между тѣмъ Наталья Николаевна, будучи еще совершенно неопытной, не раздѣляла его безпокойствъ, и, напротивъ того, не только не думала разстаться на слѣдующую зиму съ Петербургомъ, но рѣшила привести туда и обѣихъ сестеръ, желая доставить и имъ возможность вращаться въ кругу большого свѣта; присутствія же Александра Сергѣевича въ Болдинѣ требовали и дѣла его родителей, пришедшія въ совершенный хаосъ, а Пушкинъ, который въ душѣ очень любилъ «стариковъ», рѣшился спасти ихъ во что̀ бы ни стало. Наконецъ, Александръ Сергѣевичъ боялся— о чемъ говорила мнѣ мать—и за упадокъ своего таланта; «отдаться вполнѣ труду и творчеству» Пушкинъ могъ только «въ тишинѣ, и на свободѣ» (собственныя слова его), «а не въ столицѣ, при совершенно безполезномъ для дѣла ежедневномъ пребываніи въ великосвѣтскихъ гостиныхъ». Кромѣ того, онъ хотѣлъ бѣжать и отъ петербург-

---

[1]) Алимпіевъ былъ извѣстнымъ преподавателемъ русской словесности во 2-й Петербургской гимназіи. Дядя не ошибся въ нравственной оцѣнкѣ этого добрѣйшаго человѣка. Л. П.

[2]) 3-го іюля 1834 года.

скихъ сплетень, а сплетни «людей добрыхъ» доходили и въ эту эпоху его жизни до колоссальныхъ размѣровъ. Такъ Сергѣй Львовичъ сообщаетъ дочери отъ 6 августа—между прочимъ:

... «По словамъ возвратившихся изъ Петербурга нашихъ сосѣдей, бѣдный Александръ служитъ мишенью всѣмъ любителямъ сплетень, и слухи, постоянно о немъ распускаемые, сжимаютъ мое сердце. Вообрази, что когда Nathalie выкинула, разсказали, будто бы это произошло вслѣдствіе нанесенныхъ имъ женѣ ударовъ. Наконецъ, сколько молодыхъ женщинъ уѣзжаютъ къ родителямъ на два или на три мѣсяца въ деревню, и никто противъ этого не говоритъ ничего, а за малѣйшимъ шагомъ Александра и Леона слѣдятъ. (Au dire de nos voisins, qui ont été dernièrement à Petersbourg, le pauvre Alexandre est le point de mire de tous les amateurs de cancans, et les bruits, que l'ont fait continuellement courir sur le compte de mon fils, me font mal au coeur. Sais tu, que quand Nathalie a fait une fausse couche, on a dit que c'était à la suite des coups, qu'il lui avait donné! Enfin, que de jeunes femmes vont voir leurs parents, passer deux ou trois mois à la campagne, sans qu'on y trouve à redire; mais quant à lui, et à Léon—on ne leur passe rien)».

Побудительныя причины выхода въ отставку Пушкинъ высказываетъ въ письмахъ къ женѣ въ маѣ и іюнѣ того же года слѣдующимъ образомъ:

«Съ твоего позволенія надобно будетъ, кажется, выйти мнѣ въ отставку, и сложить камеръ-юнкерскій мундиръ. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной и доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ, и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства. Вотъ тебѣ и мораль... и мои долги, и чужіе мнѣ покоя не даютъ. Имѣніе разстроено, и надобно его поправить, уменьшая расходы... Меня въ Петербургѣ останавливаетъ одно: залогъ нижегородскаго имѣнія; я даже «Пугачева» намѣренъ препоручить Яковлеву, да и дернуть къ тебѣ, мой ангелъ, на Полотняный Заводъ... Должно подумать о судьбѣ нашихъ дѣтей. Имѣніе отца, какъ я въ томъ удостовѣрился, разстроено до невозможности, и только строгой экономіей можетъ еще поправиться. Я могу имѣть большія суммы, но мы много проживаемъ. Умри я сегодня, чтò съ вами будетъ... Меня здѣсь удерживаетъ одно: типографія. Виноватъ, еще другое: залогъ имѣнія. Но можно ли будетъ его заложить? Какъ ты права въ томъ, что не должно мнѣ было принимать на себя эти хлопоты, за которыя никто мнѣ спасибо не скажетъ, а которыя испортили мнѣ столько уже крови, что всѣ піявки мнѣ ее не высосутъ»...

Тягостными и затруднительными семейными дѣлами, и неудобствомъ часто отлучаться въ отпуски, состоя на

службѣ, Пушкинъ мотивируетъ свое прошеніе объ отставкѣ Бенкендорфу, которому писалъ отъ 6-го іюля того же года, не давать этому прошенію дальнѣйшаго хода, и замѣнить отставку отпускомъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Первое письмо по этому предмету Александръ Сергѣевичъ писалъ Бенкендорфу послѣ отказа въ его ходатайствѣ не лишиться и при отставкѣ права посѣщать государственные архивы,—отказа, редактированнаго въ довольно рѣзкой формѣ, а именно, что помянутое ходатайство удовлетворенію подлежать не можетъ, такъ какъ испрашиваемое Пушкинымъ право посѣщенія архивовъ «может ъ принадлежать только людямъ, пользующимся особенною довѣренностью начальства».

«Надобно тебѣ поговорить о моемъ горѣ»,—сообщаетъ дядя своей женѣ отъ 14 іюня.—«На дняхъ хандра меня взяла: подалъ я въ отставку, но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидъ, что я вструхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, что бы мнѣ отставку не дали. А ты и рада, не такъ ли? Хорошо коли проживу я лѣтъ еще двадцать пять, а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю, что ты будешь дѣлать, и что скажутъ Машка, а въ особенности Сашка... Ну, дѣлать нечего. Богъ великъ; главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозрѣвать въ неблагодарности. Это хуже либерализма»...

Александръ Сергѣевичъ остался на службѣ. Приступилъ онъ къ печатанію «Пугачевщины» (какъ выразился Сергѣй Львовичъ), хлопоталъ по отцовскимъ дѣламъ, лѣтомъ не посѣщалъ никого, а ходилъ только обѣдать къ Дюмэ съ Соболевскимъ и Львомъ Сергѣевичемъ, который, предъ отъѣздомъ въ Грузію, старался провести время какъ можно веселѣе.

Тогда-то,—въ іюлѣ или вначалѣ августа,—и происходили у Дюмэ (какъ упоминается въ изданной въ 1863 г. брошюрѣ «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина со словъ К. К. Данзаса») первыя встрѣчи поэта съ его убійцей. Въ брошюрѣ сказано, что «Данзасъ познакомился съ Дантесомъ въ 1834 году, обѣдая съ Пушкинымъ у Дюмэ, гдѣ за общимъ столомъ обѣдалъ и Дантесъ, сидя рядомъ съ Пушкинымъ». Разумѣется ни Данзасъ, ни Соболевскій, ни «храбрый капитанъ», не могли придавать этому знакомству особеннаго значенія. Будущіе враги обѣдали вмѣстѣ, и сидя рядомъ не могли не обмѣняться парою словъ, или обыденнымъ разговоромъ.

Получивъ отпускъ, дядя отправился изъ Петербурга, въ половинѣ августа, за женой въ Калугу, откуда намѣревался уѣхать въ Болдино, потомъ посѣтить родителей въ Михайловскомъ, сестру въ Варшавѣ, отвезти ее къ старикамъ, и возвратиться въ Петербургъ уже позднею осенью. Но послѣднимъ его предположеніямъ не суждено было осуществиться.

«Леонъ былъ въ Москвѣ»,—сообщаетъ Надежда Осиповна моей матери изъ Михайловскаго отъ 27 сентября,—«и написалъ превеселое

посланіе, наканунѣ своего отъѣзда. Въ Москвѣ онъ прожилъ двадцать дней, въ вихрѣ тамошняго большого свѣта (dans le tourbillon du grand monde), не зная ни минуты отдыха. Танцовалъ «храбрый нашъ капитанъ» на всѣхъ балахъ, и гулялъ на всѣхъ праздникахъ, данныхъ по случаю пріѣзда принца Прусскаго; пишетъ, что очень удивился, когда на одномъ изъ вечеровъ встрѣтилъ Александра, который очутился тамъ, такъ сказать, проѣздомъ, — пробывъ въ Москвѣ лишь нѣсколько часовъ (Leόn fut très étonné de rencontrer Alexandre à une de ces soirées, qui n'etait qu' en passant; il est resté quelques heures seulement à Moscou), и ѣхалъ къ Наташѣ въ Калугу. Леонъ въ восторгѣ отправиться въ свой возлюбленный Тифлисъ. Говоритъ, что останется на нѣсколько времени въ Харьковѣ, а его попутчикомъ до Харькова оказался Александръ Раевскій. Сынъ увѣряетъ, будто бы часто будетъ намъ писать, но кажется съ его стороны это не болѣе какъ сверхъестественныя сказки. (Mais je crois, que ce sont des contes; à dormir debout). Что же касается Александра,—я полагаю, онъ уѣдетъ въ Болдино не раньше ноября. Его предположенія мѣняются, впрочемъ, какъ вѣтеръ (ses projets changent comme le vent)».

Сергѣй Львовичъ отъ того же числа сообщаетъ: «Надо быть очень ловкимъ, чтобы сообщить тебѣ адресъ Александра—прости за плохой каламбуръ (Il faut être très adroit pour te donner l'adresse d'Alexandre—passes moi ce mauvais calembourg). Не знаю, гдѣ онъ. Въ полученныхъ отъ него нѣсколькихъ строкахъ—въ половинѣ августа — сынъ сообщалъ, что торопится и ѣдетъ въ деревню (qu'il était préssé, et partait pour la campagne).Я отвѣчалъ, и послалъ письмо въ Москву, на Никитскую, въ домъ Гончарова. Теперь право не вѣдаю куда писать. Леонъ встрѣтилъ его въ чужомъ домѣ (dans une maison tierce), и заявляетъ, что Александръ поѣхалъ свидѣться съ женою (et nous mande qu'il allait joindre sa femme). Какъ это все досадно! Между тѣмъ, неужели Александръ не можетъ понять, что нѣтъ ничего для насъ мучительнѣе, какъ оставаться въ неизвѣстности на счетъ нашихъ дѣтей? А съ Леономъ можетъ быть никогда и не увижусь! Будь Леонъ въ Варшавѣ, я бы могъ расчитывать, что будетъ посѣщать насъ, одинокихъ стариковъ, а отъ него вполнѣ зависѣло состоять при Паскевичѣ, въ качествѣ адъютанта, какъ фельдмаршалъ ему предлагалъ; сдѣлать бы могъ блистательную карьеру! Теперь же что его ожидаетъ? Знаю одно: затѣянное путешествіе стоитъ ему довольно большихъ издержекъ».

«Отсутствіе и Леона, и Александра»,—продолжаетъ дѣдъ,—«порождаетъ во мнѣ самыя черныя мысли, не говоря уже о моемъ безпокойствѣ о тебѣ. Никакое веселое общество разогнать эти мысли не въ состояніи, слѣдовательно и 17 сентября — день имянинъ мамà — провелъ грустно, не смотря на нашествіе двунадесяти

языкъ [1]), т. е. безчисленныхъ сосѣдей, подъ предводительствомъ однофамильца карфагенскаго полководца—Веніамина Ганнибала—да кривоногаго Ш. (ce crochu de Ш.), который нагрянулъ не только со всѣми своими наличными родственниками и друзьями, но и привезъ двухъ господъ, совершенно незнакомыхъ, и даже самъ затруднялся назвать мнѣ фамилію одного изъ нихъ. Къ счастію, «кривоногаго» осѣнила идея, не лишенная нѣкоторой геніальности: ночевать съ многочисленной дружиной не у насъ, а отправиться съ нею къ сосѣднему помѣщику. Были и Платонъ Назимовъ съ двумя сестрами, и Рокотовы, и Кирьяковы, и прочая, и прочая».

Привожу затѣмъ дальнѣйшія извлеченія изъ писемъ дѣда и бабки къ Ольгѣ Сергѣевнѣ изъ Михайловскаго, на сколько они касаются обоихъ моихъ дядей.

«Не могу милая Ольга ничего сообщить, гдѣ теперь «храбрый капитанъ»,—сообщаетъ Сергѣй Львовичъ отъ 1 октября.—«Писалъ ему, по его же просьбѣ въ Харьковъ, адресуя ему теплыя мои чувства «до востребованія».—Не получая затѣмъ никакого отвѣта, писалъ ему на удачу въ Тифлисъ, но тамъ ли онъ—Богъ его знаетъ, а вижу его во снѣ всякую ночь; сегодня онъ мнѣ пригрезился убитымъ въ сраженіи; этотъ ужасный сонъ, былъ такъ живъ, что проснувшись я долго не могъ прійти въ себя. Неужели и во снѣ не знаю покоя? Сонъ—этотъ даръ природы неоцѣненный—вмѣсто того, чтобы подкрѣплять меня, старика, увеличиваетъ мои скорби ужасными картинами!! Александръ долженъ теперь быть вѣроятно въ Петербургѣ. Изъ Калуги проѣхалъ онъ въ Болдино, но долго ли тамъ пробылъ, одинъ ли, съ семействомъ ли—что онъ тамъ дѣлалъ,—неизвѣстно. Если бы онъ очутился у тебя, согласно его планамъ въ Варшавѣ—ты бы мнѣ объ этомъ написала. Невѣстка намъ тоже не сообщаетъ ничего. Исторія сына о Пугачевскомъ бунтѣ опубликована въ газетѣ, и прочитавшіе изъ нея нѣсколько отрывковъ—отзываются объ этомъ сочиненіи съ большой похвалой (son histoire de la révolte de Пугачевъ est annoncée dans la gazette. Ceux qui en ont lu quelques fragments en font un grand éloge). Но это меня ни мало не утѣшаетъ. Что мнѣ «Пугачевщина», когда не знаю, чтò случилось съ авторомъ? При разлукѣ сынъ говорилъ, что къ концу осени присутствіе его въ столицѣ необходимо, для успѣшной продажи его труда, за чѣмъ и надо будетъ ему слѣдить. По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, онъ выѣхалъ изъ Москвы совершенно здоровымъ, но съ того времени мало ли что могло случиться? Дѣти, дѣти мои! Какъ мнѣ васъ не достаетъ! Леонъ, того гляди, опять будетъ рисковать жизнію; можетъ статься, какой-нибудь подлый трусъ, выстрѣливъ въ моего сына изъ-за угла, и самъ испугавшись огня своего ружья проклятаго, пресѣчетъ нить жизни Леона! Боже сохрани! (Peut-être,

[1]) Слово написано порусски. Л. П.

sans savoir ni d'où ni comment, une balle égarée, tirée en tapinois par un misérable poltron, qui s'enfuira lui-même, épouvanté du feu de son maudit fusil, tranchera la vie de Léon, qui mérite d'en jouir de longues années. Que le bon Dieu le conserve!). А Леонъ какъ будто бы самъ на это напрашивается, безпокойный человѣкъ! Мало, что ли онъ встрѣчалъ позорище смерти въ Персіи, Турціи, Польшѣ? Не понимаю, чѣмъ скоротечная жизнь ему опротивѣла? и собой не дуренъ, и не глупъ, а обладаетъ такимъ, кромѣ того, золотымъ сердцемъ, что надо быть дьяволомъ, чтобы не полюбить его всякому и всякой (il possède un coeur d'or, et il faudrait êtré le diable en personne pour ne pas l'aimer. Il est fait pour être aimé, par chacun et par chacune). Мужество же свое и рыцарскую доблесть на полѣ чести доказалъ какъ дважды два четыре (quant à sa vaillance et à sa bravoure chevaleresque au champ d'honneur—il les a prouvées comme deux et deux font quatre). Могъ бы устроить себя какъ нельзя лучше, а тамъ и найти откликъ своему рыцарскому сердцу, найти подобное же сердце, способное оцѣнить его, хотя и говоритъ сущій вздоръ, что ни одна женщина его не полюбитъ. Что касается тебя, милая Ольга,—благодарю Бога за твое здоровье, и можешь себѣ представить съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю торжественныхъ твоихъ словъ: «я мать».

«Если Богъ дастъ тебѣ сына—назови Леономъ. Хочу, чтобы онъ пошелъ въ моего Леона по своей душѣ. Если же будетъ дочь,—назови Надеждой—именемъ той, которая дала тебѣ жизнь, а мнѣ счастія на столько, на сколько оно осуществимо на землѣ... Препоручаю тебя Божію Промыслу, уповая, что на мою долю выпадетъ счастіе въ слѣдующемъ году—если не въ этомъ—прижать къ моему сердцу и тебя, и твоего ребенка—Леона или Надежду, и эта мужественная надежда — къ несчастію я изъ каламбуровъ не выхожу—(encore un calembourg: malheureusement je ne sors jamais de là) меня подкрѣпляетъ, и даетъ силу переносить разлуку съ тобою! Быть можетъ—какъ выразился твой посланный Абасъ-ага—«мракъ грустной ночи уступитъ свѣту радостнаго утра»...

«Александръ, наконецъ, слава Богу откликнулся»,—пишетъ Надежда Осиповна отъ 22-го октября,—«а вѣрнѣе сказать, откликнулся не онъ, но добрые люди, извѣстившіе насъ, что онъ въ Петербургѣ. Стыдно, очень стыдно не писать намъ! Четыре мѣсяца мы въ Михайловскомъ, а отъ него получили только четыре строчки—значитъ по строчкѣ въ мѣсяцъ! И теперь не знаемъ ничего, что онъ испыталъ съ того времени, какъ Леонъ—пропадающій нынѣ тоже безъ вѣсти—столкнулся съ нимъ на полчаса въ Москвѣ, какъ Агасферъ съ Иродіадой. Богъ знаетъ, что онъ дѣлалъ въ Болдинѣ, а что не былъ въ Варшавѣ—это вѣрно, иначе ты бы первая намъ написала. Наташа тоже не видитъ никакой надобности (Наташа non plus ne juge pas à propos) съ нами переписываться съ апрѣля. Леонъ по

всей вѣроятности въ Тифлисѣ... По слухамъ, въ Петербургѣ предполагаются большія празднества, балы, спектакли, куда Александръ и будетъ ѣздить противъ своей воли (à son corps défendant). Говорятъ, будто бы Александръ поправился, и будто бы могу быть на его счетъ совершенно спокойной. Не знаю, останавливался ли онъ на возвратномъ пути въ Москвѣ или нѣтъ; тетка его (Сонцова) Александра не видала, а если бы проѣзжалъ черезъ Москву, то непремѣнно посѣтилъ бы ее; между тѣмъ, невѣстка (ma belle-soeur Сонцовъ) ничего не говоритъ, попался ли ей на глаза Александръ, а разсказываетъ все, что у нихъ въ Москвѣ дѣлается, и, между прочимъ (entre autre), слѣдующее приключеніе, которое передастъ тебѣ папа. Уступаю ему перо».

«Приключеніе вотъ какое»,—продолжаетъ Сергѣй Львовичъ.— «Вдова Л—ва (La veuve Л—въ—Alexandrine) подверглась на большой Рязанской дорогѣ нападенію двѣнадцати вооруженныхъ людей (armés de pied en cap.). Предводитель дружины князь В—скій заставлялъ Л—ву подъ дуломъ пистолета слѣдовать за собою въ церковь, гдѣ и обвѣнчаться. Влюбленъ въ нее уже очень давно, и, начитавшись романовъ, рѣшился на подобный подвигъ послѣ того, какъ она ему отказала. Какъ бы ни было, госпожа Л—ва была освобождена, въ силу своего плача и отчаянныхъ криковъ. Увѣряютъ, что она писала объ этомъ его величеству.

«Молю Бога о твоемъ благополучномъ разрѣшеніи; очень буду любить моего внука, такъ какъ говоришь, что будешь имѣть сына; и я вѣрю чувству твоего второго зрѣнія [1]).

(Je prie Dieu pour ton heureuse délivrance. J'aimerai beaucoup mon petit-fils, car tu dis que cela sera un fils, et j'en crois à ta seconde vue).

«Что тебѣ сказать еще? Читаю воспоминанія о Байронѣ Моора, и надо сознаться, что этотъ великій геній не лишенъ мелочности характера: иногда велъ себя завзятымъ пьяницей, и я, чтобы съ нимъ помириться, перечиталъ его. Люблю его какъ поэта, но какъ человѣка — нѣтъ. Впрочемъ я не такъ образованъ, чтобы оцѣнить строго его по достоинству... Прочелъ я, кромѣ того, воспоминанія капитана англійскаго корабля Галля. Они интересны, не смотря на остроту Александра, который мнѣ ихъ подарилъ передъ отъѣздомъ. Онъ предупредилъ меня, что сцены, описываемыя авторомъ на водѣ, исполнены большой сухости что̀ и справедливо.

«Леонъ былъ въ Харьковѣ»,—сообщаетъ Сергѣй Львовичъ отъ 29 октября,—«расчитывалъ провести тамъ дней пятнадцать, а потомъ объѣздить весь Крымъ вдоль и поперегъ, но говоритъ, что это намѣреніе отмѣняетъ... Не подозрѣваетъ, въ какой степени меня огорчаютъ всѣ его напрасныя путешествія. Александръ—

---

[1]) Дѣдъ не ошибся: первенцомъ Ольги Сергѣевны оказался составитель этой «Семейной Хроники». Л. П.

опять запою ту же пѣсню—«ни слова, ни слова» (pas un mot, pas un mot). Завишу же я отъ него до извѣстной степени, а онъ оставляетъ меня болѣе двухъ мѣсяцевъ въ совершенной неизвѣстности на счетъ моей судьбы».

. . . .

Во второй главѣ «Хроники» мною уже приведено письмо моей бабки къ Николаю Ивановичу отъ 7-го ноября, по случаю моего появленія на свѣтъ Божій,—письмо, которымъ она и открыла съ моимъ отцомъ дипломатическія сношенія. Привожу теперь письмо моего дѣда отъ того же числа:

«Дорогой Николай Ивановичъ! Вчера, къ большому нашему удовольствію, мы получили ваше письмо, извѣщающее насъ о благополучномъ разрѣшеніи Олиньки отъ бремени. Да ниспошлетъ небо на вашего новорожденнаго всѣ свои благословенія! Смотрю на него—маленькаго Леона—дайте ему это имя—какъ на ангела мира, и надѣюсь, что онъ будетъ утѣшеніемъ вашей старости. Буду — само собою, разумѣется,—его крестнымъ отцомъ. Если же самъ не пріѣду къ вамъ, выберите друга—моего представителя [1]).

...«Вчера мы получили,—слава Богу,—письмо отъ Александра: онъ пріѣхалъ изъ Болдина и занимаетъ квартиру, гдѣ жили Вяземскіе: у Гагаринской пристани, на набережной, въ домѣ Баташева. Сей же часъ ему отвѣтилъ, и сообщилъ великую радость о рожденіи твоего маленькаго. Пишу и Леону на удачу въ Тифлисъ. Оба они, любя тебя, его полюбятъ, въ особенности Александръ, такъ какъ самъ отецъ; но надѣюсь — опять шучу въ припадкѣ радости — что и «храбрый капитанъ» не замедлитъ превратиться, рано или поздно, въ таковаго».

«Радости моей описывать нѣтъ нужды»,—прибавляетъ, порусски, къ письму дѣда гостившій тогда въ Михайловскомъ у стариковъ Пушкиныхъ двоюродный братъ бабки—Веніаминъ Петровичъ Ганнибалъ [2]). — «Расцѣлуй отъ сердца и души, поафрикански, по-Ганнибальски, отпрыскъ новый Ганнибаловъ — твоего Льва, а теперь львенка. И я прошу: дай ему это великолѣпное имя, чтобы онъ здоровьемъ былъ крѣпокъ, какъ великолѣпный, доблестный твой братъ Левъ Сергѣевичъ, или какъ настоящій левъ-царь звѣрей, — что̀ и того лучше. Никогда мы до этого радостнаго дня не переписывались, но будь увѣрена—даю слово Ганнибала,—что родственныя мои чувства всегда останутся такими же, какъ и были. Посылаю завтра крестикъ для твоего ребенка [3]). Напиши и мнѣ—а писать твоему дядѣ ей-Богу слѣдуетъ. Стыдно, стыдно не писать, честное, Ганнибальское слово... пожалуйста, напиши, да поскорѣе:

---

[1]) Представителемъ дѣда при крестинахъ былъ другъ моихъ родителей — тогда адъютантъ Паскевича—Владиміръ Ивановичъ Аничковъ.

[2]) Сынъ Петра Ибрагимовича. Л. П.

[3]) Крестикъ хранится на мнѣ. Л. П.

похожъ ли онъ на Ганнибаловъ, то есть черномазый ли Львенокъ-арапченокъ, или бѣлобрысый? А главное, пріищи ему кормилицу здоровую, пригожую, и объ этомъ напиши любящему тебя и на этомъ, и на томъ свѣтѣ дядѣ Веніамину».

Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна пригласили сосѣдей отпраздновать «событіе». Вся «Ганнибальщина»,—съ Семеномъ Исааковичемъ и Веніаминомъ Петровичемъ во главѣ,—хозяева Тригорскаго и прочіе обитатели «весей окрестныхъ» не заставили себя ждать. Семейное торжество въ ихъ присутствіи началось молебномъ, за тѣмъ послѣдовалъ обѣдъ и танцы запросто,—подъ звуки доморощеннаго оркестра дворовыхъ Веніамина Петровича,—фейерверкъ, ужинъ и опять танцы до разсвѣта. На другой день вся компанія, обрадовавшись случаю повеселиться, ускакала къ Семену Исааковичу Ганнибалу; и онъ задалъ пиръ.

Описаніе этихъ двухъ праздниковъ изложено въ письмѣ Сергѣя Львовича отъ 12-го ноября, съ довольно забавной характеристикой дѣйствовавшихъ на обѣдахъ и танцахъ особъ. Приводить это описаніе — котораго я былъ безсознательной причиной — не нахожу надобности. Привожу другія мѣста изъ переписки дѣда и бабки.

«Александръ пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ тебѣ уже извѣстно изъ нашего письма»,—сообщаетъ Сергѣй Львовичъ отъ 14 ноября.—«Сегодня мы получили отъ него, сверхъ ожиданія, второе письмо. Раздѣляетъ нашу радость, поручаетъ тебѣ благословить ребенка. По письму очень веселъ, и подшучиваетъ, сообщая будто бы видѣлъ во снѣ, что маленькій Леонъ черенъ какъ Абрамъ Петровичъ. Жена Александра опять брюхата. Ея сестры живутъ съ нею, и нанимаютъ прекрасную квартиру съ Александромъ пополамъ. Сынъ увѣряетъ, что хотя это ему и удобно въ отношеніи расходовъ, но немного его стѣсняетъ, такъ какъ не любитъ измѣнять своихъ привычекъ. (Nathalie est grosse derechef; ses soeurs sont avec elle, et louent une très belle maison de moitié avec Alexandre. Il dit que cela l'accommode quand aux dépenses, mais le gêne un peu, car il n'aime pas à déranger ses habitudes de maître de la maison). Онъ очень ихъ хвалитъ. Все это хорошо, и я совершенно увѣренъ, что мой сынъ въ лицѣ свояченицъ—добрыхъ и милыхъ—пріобрѣтетъ друзей, но какъ бы онѣ добры и милы ни были,—все же между нимъ и женой оказывается и третье, и четвертое лицо, тогда какъ, по моему мнѣнію, присутствіе между супругами родителей, братьевъ и сестеръ неудобно: супруги будутъ стѣсняться въ разговорахъ, слѣдовательно въ душѣ каждаго изъ нихъ появятся секреты, а секретовъ между ними быть не должно. Въ случаѣ же недоразумѣній, вопросы будутъ разрѣшаться не съ глазу на глазъ, а при третьемъ, четвертомъ — можетъ статься и пятомъ лицѣ, и разрѣшаться въ пользу того изъ супруговъ, кто къ нимъ по родству ближе. А ну какъ появятся у этихъ третьихъ лицъ женихи или невѣсты? Тогда об-

стоятельства еще болѣе усложнятся. Короче, въ переселеніи свояченицъ къ Александру не вижу достаточныхъ поводовъ (bref, je n'y vois pas de raisons suffisantes). Онъ какъ нельзя больше занятъ (il est on ne peut plus occuppé), а потому не адресуй на его имя твое слѣдующее къ намъ письмо въ Петербургъ: забѣльшитъ между бумагами, а тамъ позабудетъ и не отдастъ, а пиши такъ: Сергѣю Львовичу Пушкину: въ Петербургъ. Оставить на почтѣ до востребованія.

«...Quand on parle du soleil — on en voit les rayons (когда говоришь о солнцѣ, видишь лучи»),—прибавляетъ Сергѣй Львовичъ.— «Сейчасъ мнѣ сказали, что на почтѣ насъ ожидаетъ еще письмо Александра. Горю нетерпѣніемъ узнать, чтò съ нимъ случилось, а вѣроятно, случилось, что-нибудь,—иначе онъ бы, по своему обыкновенію, молчалъ. Выѣжаемъ, во всякомъ случаѣ, не позже двадцатаго».

«Удивишься не мало»,—сообщаетъ бабка отъ 8 декабря,—«когда получишь это письмо не изъ Петербурга, куда предполагали выѣхать, а изъ Михайловскаго; Александръ не успѣлъ еще пріискать для насъ квартиры, но увѣряетъ, что только объ этомъ и думаетъ. Будемъ ждать, что напишетъ; станавливаться же въ гостинницѣ нѣтъ расчета. Леонъ ему пишетъ изъ Харькова—отъ 2-го ноября,— что его въ Харьковѣ удержали какія-то важныя дѣла, а такъ какъ теперь будто бы путешествовать по горамъ невозможно, то выжидаетъ зимы ѣхать въ Тифлисъ, и забыть тамъ тяжелыя впечатлѣнія, полученныя имъ въ Петербургѣ, куда,—если бы тамъ-де мы не жили,—не поставилъ бы и ноги (чтò не мѣшало ему, однако, веселиться въ Петербургѣ съ утра до вечера).

«А въ Грузіи, что онъ будетъ дѣлать, не имѣя мѣста? Я просила Александра написать въ пользу Леона кавказскому начальству, и облегчить своему брату дорогу въ ряды Кавказской арміи».

Дѣдъ и бабка возвратились въ Петербургъ 15-го декабря.

«Пріѣхали сюда благополучно»,—сообщаетъ бабка отъ 17-го декабря,—«третьяго дня, въ субботу, и остановились на нѣсколько дней въ гостинницѣ «Демута»; квартира, нанятая для насъ Александромъ, еще не устроена. Въ дорогѣ у папа спазмы возобновились до такой степени, что мы принуждены были пробыть въ Псковѣ болѣе сутокъ. Я тоже схватила лихорадку. Папа, тотчасъ послѣ пріѣзда, послалъ за Александромъ; сына не оказалось дома, и увидѣли его только вчера. Не описываю нашего свиданія... обоюдная радость помѣшала намъ говорить толкомъ. Папа бросился Александру на шею, разрыдался, и ничего кромѣ: la volonté du Ciel soit faite—не выдумалъ сказать. Александръ, повидимому (à ce qu'il parait), тоже былъ взволнованъ, но первое слово его было о тебѣ, и о твоемъ ребенкѣ. Ѣхать къ тебѣ въ Варшаву не могъ, такъ какъ въ Болдинѣ пробылъ больше, чѣмъ располагалъ. Разумѣется, онъ себя оправдывалъ (il a protesté de son innocence) въ рѣдкихъ къ намъ письмахъ. Говоритъ

надѣется поправить дѣла, расчитывая на продажу Пугачева (Il dit, qu'il espère de mettre ses affaires en ordre, dès qu'il vendra son Пугачевъ); увѣрялъ также, что его послѣдній романъ въ прозѣ, во вкусѣ фантазера Гофмана, произвелъ большой эффектъ (et comme si son dernier roman en prose—qu'il a composé à l'instar de cet illuminé de Hoffmann—a fait un effet admirable [1]).

«Наташа сильно простудилась и ее лѣчитъ Спасскій.

«Сейчасъ возвратились отъ Александра»,—сообщаетъ дѣдъ отъ 22-го декабря.—«Онъ поручилъ мнѣ сказать тебѣ, что надняхъ вышлетъ тебѣ свой портретъ, а маленькому Леону затрудняется что послать, и спрашиваетъ, кто меня замѣнилъ въ качествѣ крестнаго отца? Желаетъ, чтобы его крестной матерью была твоя милая подруга Варвара Петровна Лахтина, которая такъ тебя любитъ [2]). Говоритъ, что попроситъ Наташу сшить твоему маленькому одѣяльце, и чепчикъ, которые и перешлетъ [3]).

«Видѣлъ обѣихъ сестеръ Наташи; изъ нихъ одна пожалована 6-го числа фрейлиной. Обѣ любезны и предупредительны, но далеко уступаютъ Наташѣ въ красотѣ. Маленькая Маша очень довольна была меня видѣть, и бросилась мнѣ на шею, къ большому удивленію присутствовавшихъ; но съ мама она крайне не любезна. Маша такъ привыкла видѣть щеголихъ, что раскричалась при видѣ мамà, а когда Александръ ее спросилъ, зачѣмъ она не хотѣла поцѣловать бабушку, — дѣвочка отвѣчала: «У бабушки дурной чепчикъ и дурное платье».

«Сочиненіе Александра о Пугачевскомъ бунтѣ появилось. Замѣчательно по стилистикѣ и очень интересно. Однако, до сихъ поръ журналы вовсе его не разбираютъ, и даже о немъ и не упоминаютъ».

«Вообрази наше удивленіе и радость»,—пишетъ на другой день послѣ этого письма Надежда Осипова.—«Леонъ,—конечно, не твой маленькій—а Леонъ большой—вчера пріѣхалъ, сверхъ всякаго чаянія, но не изъ Тифлиса, а изъ Харькова. До Тифлиса онъ и не доѣхалъ, и сказалъ, что выждетъ весны. Разумѣется, я очень ему обрадовалась, но жалѣю, что деньги плачутъ; стоило тратиться на дорогу! Все равно что вышвырнуть деньги изъ окошка [4]), а тутъ опять пойдутъ расходы на посѣщенія баловъ и маскарадовъ. Долги Леона насъ изсушили (nous ont mis tout à fait à sec.), и если Александръ вамъ до сихъ поръ еще ничего не прислалъ,—а выслать непремѣнно хотѣлъ послѣ рожденія у тебя сына—то это случилось не по винѣ его, да и не по нашей: заложивъ наше

---

[1]) Вѣроятно, повѣсть дяди «Пиковая дама». Л. П.

[2]) Покойная Варвара Петровна Лахтина, рожденная Домогацкая — сблизившаяся съ Ольгой Сергѣевной съ 1832 года въ Варшавѣ. На ея внучкѣ женатъ второй сынъ поэта—Григорій Александровичъ Пушкинъ. Л. П.

[3]) Предметы эти были дѣйствительно отосланы дядей. Л. П.

[4]) Эти фразы порусски. Л. П.

послѣднее имѣніе, Александръ заплатилъ часть долговъ брата, а они дошли до восемнадцати тысячъ. (Alexandre a payé ce que son frère devait, et cela montait à 18 milles). Такимъ образомъ Александръ могъ отпустить Леону на дорогу въ Тифлисъ очень мало, и ожидаетъ денегъ изъ Болдина; вѣроятно сдѣлаетъ для васъ что̀ можетъ, принимая ваше положеніе близко къ сердцу».

«Не скрою отъ тебя»,—пишетъ Сергѣй Львовичъ,—«что меня очень огорчаетъ непослѣдовательность Леона; онъ взошелъ въ долги—которые никогда не былъ бы въ состояніи уплатить немедленно, и по милости которыхъ я принужденъ былъ заложить послѣднихъ крестьянъ: (grâce auxquelles j'ai été obligé d'engager les derniers paysans, que j'avais de libres). Продолжалъ онъ и послѣ того безполезные расходы. Подобныя дѣйствія поставили Александра въ невозможность давать намъ необходимое. (Cela a mis Alexandre dans la position de ne pas pouvoir nous donner le strict necessaire). Но довольно; что̀ сдѣлано—то сдѣлано; скажу только, что меня всего больше огорчаетъ разочарованіе: я былъ увѣренъ, что Александръ тебѣ прислалъ кое-что, вовсе не зная о значительномъ долгѣ Леона».

Переписка стариковъ съ дочерью за 1834 годъ заключается письмами отъ 26-го, 28-го и 30-го декабря. Привожу изъ нихъ выдержки:

«... Не знаю почему, добрѣйшій мой Николай Ивановичъ»,—пишетъ бабка моему отцу (послѣ моего появленія на свѣтъ она перестала его игнорировать),—«и Олинька, вы себѣ вообразили, будто бы требую во что̀ бы ни стало вашего пріѣзда. Правда, я говорила, что разлука мнѣ тяжела, и что завидую участи матерей, которыя съ дочерьми неразлучны. Но было бы съ моей стороны безуміемъ требовать свиданія, зная ваши обстоятельства... Александръ очень проситъ сообщать ему почаще о маленькомъ Леонѣ, и желаетъ, чтобы онъ былъ похожъ на «храбраго капитана»—за исключеніемъ его долговъ (ses dettes exceptées); безпокоится, получила ли ты одѣяльце и чепчикъ; очень благодаритъ тебя за посылку ему пряди бѣлокурыхъ волосиковъ ребенка, и сказалъ. «Вотъ блистательное опроверженіе моего сна, а я видѣлъ Леона во снѣ чернымъ подобно его прапрадѣду». (Voilà un éloquent démenti, donné à mon rêve! et moi je l'ai vu tout aussi noir que son bisaïeul!). «Отсюда вижу безпокойство сестры о глазахъ Леончика»—сказалъ Александръ—«но увѣренъ, что коситься не будетъ послѣ всѣхъ мѣръ, которыя она приняла; съ маленькими это часто случается; зрѣніе ихъ еще слабо, а потому и взглядъ не можетъ быть какъ у взрослыхъ». Александръ совѣтуетъ тебѣ, когда кормятъ ребенка, закрывать ему чѣмъ-нибудь глаза. Впрочемъ я сама всегда точно такъ же поступала со всѣми моими дѣтьми, и покойная Ирина [1]) Ро-

[1]) Въ подлинникѣ написано порусски «Ирина», а не Арина. Покойная бабка, подобно своему сыну-поэту и моей матери, собственныхъ имянъ никогда не коверкала. Л. П.

діоновна называла васъ по этому «занавѣсные Пушкенята». Говоря о твоемъ ребенкѣ, Александръ, Богъ знаетъ почему, расплакался. (En parlant de ton enfant, Alexandre s'est mis à pleurer à chaudes larmes, Dieu sait pourquoi). Разстроены у него нервы, и все тутъ, а всего вѣроятнѣе нервы раздражены какими-нибудь новыми пакостями, которыя отъ насъ скрываетъ. Не говорилъ Александръ и Леону ровно ничего, а я не хочу вызывать его на откровенности помимо его воли...

«За то Леонъ...—все ему съ гуся вода—веселъ какъ жаворонокъ. (En revanche Léon—все ему съ гуся вода—est gai comme une alouette). Сейчасъ отправился отъ насъ на вечеръ къ такому же весельчаку, какъ и онъ, но весельчаку степенному, долговъ не дѣлающему, и вина въ ротъ не берущему—а въ балладахъ плачущему—Жуковскому [1]). А у насъ Леонъ вчера обѣдалъ и просидѣлъ до десяти часовъ вечера, и такъ меня смѣшилъ, что забыла мою болѣзнь, и не замѣтила, какъ время прошло.

... «Попрежнему Леонъ восхищенъ княжной Маріей Вяземской; похожа на своего отца и очень дружна съ Наташей, которая участвовала во всѣхъ вечерахъ. По случаю праздниковъ Рождества—собраній было очень много, Александръ сопровождалъ ее и обѣихъ сестеръ; былъ съ нею и у Фикельмонъ—которую впрочемъ терпѣть не можетъ. «Храбрый капитанъ» тоже тамъ очутился, не зная хозяйки вовсе; Александръ его представилъ.

... «Описывать блистательныя собранія не могу; знаю о нихъ единственно понаслышкѣ. Скажу только, что вчера Александръ съ женой и двумя свояченицами присутствовалъ во дворцѣ. Тамъ были живыя картины, а дѣйствовавшими лицами—дѣти всякаго возроста. Великія княгини — исключая Маріи Николаевны—участвовали тоже съ дочерьми великаго князя Михаила, а также и Константинъ Николаевичъ, что было сюрпризомъ, который сдѣлала императрица великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Полагаю, прочтешь объ этомъ въ газетахъ. Александръ отъ всѣхъ этихъ баловъ опять усталъ. «Капитанъ», можетъ «по своей волѣ», посѣщать свѣтъ, или вовсе не знать его: онъ совершенно свободенъ, но Александръ связанъ, а Наташа любитъ свѣтъ. Какъ бы не разочаровалась! (Le brave capitaine—c'est une autre paire de manche! Il peut fréquenter le grand monde, il peut aussi lui tirer sa reverance, Léon est libre, mais Alexandre ne l'est pas. Quant à Natacha, elle aime le monde. Dieu veuille, qu'elle ne se dèsenchante pas!). Сержусь на Александра и Наташу: они тебѣ преувеличили мою болѣзнь. (J'en veux à Alexandre et à Nathalie de t'avoir exagéré mon mal). Присылай изъ Варшавы твоего доктора Порай-Кошеца, какъ мнѣ обѣщалась. Пишешь, что этотъ «Кошецъ», завернетъ въ Петербургъ, заѣдетъ

---

[1]) Подчеркнутыя слова въ подлинникѣ порусски. Л. П.

къ намъ, и сообщитъ тебѣ откровенно, какъ онъ меня нашелъ. Вотъ и прекрасно. На счетъ же сказанной Черевинымъ остроты о немъ «Это не пара кошекъ, а одинъ п—ля», ты меня и Александра очень разсмѣшила. Какъ бы ни было, Кошецъ лѣчилъ тебя успѣшно, знаетъ свое дѣло не хуже Спасскаго, который меня пользуетъ, а потому и не боюсь его шпіонства (et voila pourquoi je ne crains pas son espionnage). Кошеца ждетъ и Александръ, и Леонъ; оба желаютъ его видѣть и услышать отъ него извѣстія о тебѣ и Леончикѣ, котораго благословляемъ отъ всей души».

«Тебѣ обязана хорошему началу новаго 1835 года»,—сообщаетъ бабка отъ 4-го января. «Наканунѣ его мы получили твое письмо, адресованное «до востребованія», а въ самый новый годъ—и два другія, которыя принесъ мнѣ Александръ на нашу новую квартиру (на Моховой въ домѣ Кленберга). Въ новый годъ я только видѣла его и Леона, и нигдѣ не была, даже и въ церкви, чтò со мной случается первый разъ. Чувствовала себя слабой, но не безпокойся; завтра начну, по совѣту Спасскаго, подкрѣпляющія ванны, и скоро выйду на чистый воздухъ—источникъ всякой жизни. Я еще не такъ стара, и Богъ дастъ не послѣдній новый годъ встрѣчаю. Умирать же страшно. Никогда не соглашусь съ твоимъ взглядомъ и взглядомъ твоего брата на смерть—но со взглядомъ шута Соболевскаго. Всякій разъ когда Александръ заводитъ съ нимъ рѣчь о смерти, Соболевскій перебиваетъ его словами: «Когда перестанешь твердить мнѣ объ этой гадости?» И я перестану говорить тебѣ объ этой гадости, особенно въ первомъ письмѣ послѣ новаго года...»

Затѣмъ бабка, желая въ письмѣ казаться веселой, описываетъ въ забавномъ тонѣ своихъ знакомыхъ, извѣщаетъ, что дядя Левъ опять ѣдетъ въ Тифлисъ, но на этотъ разъ поѣдетъ не шутя, и въ концѣ письма упоминаетъ о нездоровьѣ Натальи Николаевны.

Взглядъ же Александра Сергѣевича на болѣзнь бабки—а онъ считалъ ея недугъ—болѣзнь печени—чрезвычайно важнымъ—оказался вѣрнѣе. Какъ онъ и предвидѣлъ, Надежда Осиповна прожила немного болѣе года. Положеніе своей матери Пушкинъ ни мало не преувеличилъ, чтò и доказывается письмомъ ея же отъ 5-го марта.

«Теперь»,—пишетъ она,—«я на пути къ выздоровленію, а потому могу тебѣ сообщить, что моя болѣзнь была далеко не изъ легкихъ. Передъ папà я долго скрывалась, но высказала все Александру. По настоянію твоего брата,—а онъ очень перепугался—я, кромѣ Спасскаго, пригласила и Рауха; оба, въ присутствіи Александра, совѣщались нѣсколько разъ. Улучшеніемъ обязана я единственно Рауху, а Спасскому—который самъ обрадовался мысли Александра лѣчить меня при помощи перваго—я такъ же мало вѣрю, какъ и ты. И Раухъ, и Спасскій говорятъ, что за мое совершенное выздоровленіе ручаются. Зло будто бы происходило въ пораженной печени; причиной же болѣзни—нравственныя долговременныя волненія.

Нé представишь себѣ, какъ я похудѣла и постарѣла. Вообрази, что съ 15-го декабря я только два или три раза выѣзжала изъ дому. Сначала чувствовала отвращеніе отъ пищи какой бы ни было, теперь могу только ѣсть габерсупъ. Запахъ мяса, рыбы для меня невыносимъ; чая, который такъ любила, терпѣть не могу. Работать не въ силахъ, а досадно, такъ какъ не могу кончить кофточку для Лели — слѣдовательно и послать ее тебѣ; начала ее шить еще въ деревнѣ... Сдѣлалась, противъ обыкновенія, совершенно праздной: днемъ только читаю немного».

«Милая Оля»,—пишетъ Сергѣй Львовичъ отъ того же числа,—«увѣдомляю тебя, что Раухъ и Спасскій совершенно меня успокоили. Мамà на пути къ выздоровленію, но сознаюсь,—перенесъ я очень тяжкія минуты. Александръ, кромѣ этихъ двухъ докторовъ, непремѣнно хочетъ видѣть твоего Порай-Кошица, ожидая его пріѣзда изъ Варшавы—какъ ты писала. Я мнителенъ, Александръ же еще больше. Онъ, слава Богу, здоровъ, и приходитъ къ намъ всякое утро. Опять у него какія-то непріятности: затрудняются допустить его читать бумаги въ архивѣ сената по Пугачевскому дѣлу, не смотря на разрѣшеніе, а этихъ бумагъ на домъ не даютъ. Привелъ ко мнѣ вчера свою «Машку»; она прелестна, а «Сашка» дѣлаетъ зубы и такъ часто боленъ, что выводить его не рѣшаются. Наташа тоже нездорова, и не выходитъ.

«Все это время Александръ очень былъ несловоохотливъ, такъ что ничего не могъ отъ него добиться на счетъ Леона (Alexandre tout ce temps a été si laconique, que je ne pouvais tirer un mot de lui, à ce qui concerne Léon), а сказалъ только, что онъ получилъ отъ брата письмо изъ Харькова отъ 1-е февраля, наканунѣ отъѣзда «капитана» въ Тифлисъ; но въ чемъ заключалось письмо, Александръ не счелъ нужнымъ сообщить. Крѣпко подозрѣваю, что «капитанъ» опять у брата денегъ проситъ. Александръ распространялся только о твоей подругѣ Бартеневой; она очень обрадована вниманіемъ императрицы къ ея старшей дочери, которая поетъ не хуже Зонтагъ. Услышавъ о талантѣ дочери и о бѣдственномъ положеніи ея матери, государыня пристроила ее ко двору; Полинѣ такое счастіе и не снилось. Она среди царскаго семейства, и производитъ голосомъ большой эффектъ, (elle passe son temps avec la famille impériale, et fait fureur grâce à'sa voix charmante). Говоритъ еще Александръ, что надняхъ встрѣтилъ Вигеля, [1]) который смѣялся такъ зло надъ семействомъ Н—въ,—впрочемъ, и безъ того довольно смѣшнымъ—что не уступалъ и Соболевскому—своему врагу заклятому (son ennemi juré)».

«Наконецъ доктора мнѣ объявили»,—сообщаетъ бабка отъ 1-го

---

[1]) Автора интересныхъ записокъ, о которомъ я упоминалъ въ X главѣ настоящей «Хроники». Л. П.

апрѣля,—«что опасаться нечего, и совѣтуютъ мнѣ одно лишь душевное спокойствіе. Но гдѣ же оно? Безпокоюсь я и о непріятностяхъ, которымъ Александръ подвергается на каждомъ шагу, и о тебѣ, въ особенности о твоемъ ребенкѣ. Освободился ли онъ отъ этого мерзкаго кашля? но Богъ не безъ милости, и надѣюсь, что твой докторъ преувеличилъ; и въ самомъ дѣлѣ, какая можетъ быть сухотк (marasme) у шестимѣсячнаго дитяти? Молю Бога удостоиться мнѣ на страстной недѣлѣ причаститься въ церкви. Къ счастію домовая церковь въ домѣ Апраксина отъ насъ недалеко».

«Вчера мы получили письмо отъ Леона изъ Тифлиса», — сообщаетъ Надежда Осиповна на другой день.—«Онъ здоровъ, и очень много разспрашиваетъ о тебѣ, и о новомъ своемъ племянникѣ. Проситъ насъ хлопотать въ свою пользу у барона Розена, и сегодня папà уже наводилъ по этому дѣлу справки. Розенъ не знаетъ, когда онъ вернется въ Тифлисъ; начальникъ же штаба Вальховскій, безъ разрѣшенія свыше, не можетъ ничего самъ отъ себя сдѣлать. Леонъ оставилъ всѣ свои бумаги въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а какъ ихъ оттуда достать—Богъ знаетъ. Обнимаю ребенка. Богъ да благословитъ его...»

«Слава Богу, я счастлива»,—сообщаетъ бабка отъ 6-го апрѣля.—«Пріобщилась въ церкви св. Таинъ, а потому радостно пишу вамъ, друзья мои, «Христосъ воскресъ!» Признаюсь, я не расчитывала прожить до пасхи—дѣло прошлое. Чувствую себя всякій день лучше и лучше, и возвращена къ жизни, послѣ того, какъ была на два пальца отъ смерти (me voilà rendue à la vie, ayant eté à deux doigts de la mort); отъ болѣзни остался лишь одинъ упорный кашель, нѣкоторая сладость, отсутствіе аппетита, и слабость зрѣнія. Порай-Кошецъ еще не являлся, а Раухъ и Спасскій твердятъ мнѣ лишь одно: не храбритесь[1]); приказываютъ мнѣ ни о чемъ не думать, и предаваться розовымъ мечтамъ, какъ особа купающаяся въ счастіи. (Ils m'ordonnent de ne penser à rien, d'avoir des idées couleurs de rose, comme une personne, qui nage dans le bonheur).

... «Жду твоего Кошеца какъ жиды Мессію! Стукъ экипажей причиняетъ мнѣ спазмы, не могу выносить громкихъ звонковъ, плачу, когда роняютъ ложки и вилки на полъ. Все это нервы... безъ сомнѣнія пройдетъ, а Кошецъ—какъ пишешь—исцѣляетъ успѣшно нервныхъ. Страдаю безсонницей, и лишена утѣшенія видѣть твоего Лелю даже во снѣ... Наяву же не вижу, кромѣ Александра, теперь никого, такъ какъ присутствіе постороннихъ меня утомляетъ. Наташа заходитъ рѣдко: она здорова, почти всякій день въ театрѣ, много гуляетъ, а въ концѣ мая разрѣшится отъ бремени. Обѣ ея сестры тоже,—какъ сказалъ Александръ,—веселятся. Твой братъ съ женой и съ ними занимаетъ прекрасную квартиру на большой набереж-

---

[1]) Фраза написана порусски. Л. П.

ной, за 6,700 рублей. Онъ сообщилъ мнѣ сейчасъ очень прискорбное извѣстіе: бѣдный князь Вяземскій лишился восемьнадцатилѣтней дочери Полины. Скончалась въ Италіи; все семейство въ отчаяніи, и возвращаются сюда. Наталья и Ольга Соловыя замужемъ, и одна изъ нихъ за Александромъ Ланскимъ [1]), о чемъ тоже сынъ мнѣ сообщилъ.

«Устала... Въ слѣдующій разъ напишу побольше. Обнимаю тебя, благословляю Лелю, а Николаю Ивановичу передай мои теплыя чувства».

Дальнѣйшія событія въ семействѣ Пушкиныхъ за 1835, 1836 и 1837 годы войдутъ въ слѣдующія, послѣднія главы хроники.

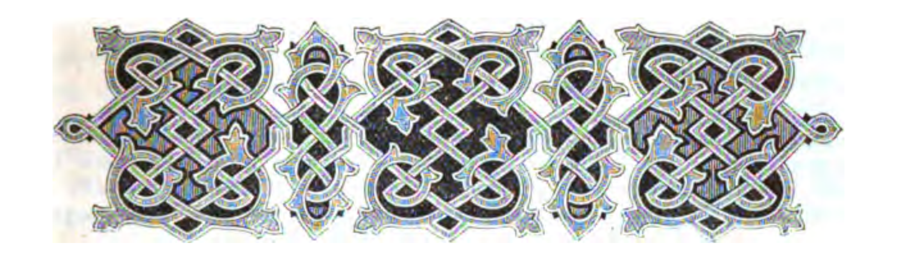
Левъ Павлищевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Дочь ея вышла впослѣдствіи за старшаго сына поэта.

ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРСТВО Н. Н. МУРАВЬЕВА ВЪ СИБИРИ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

АВТОРЪ печатаемыхъ ниже записокъ, Борисъ Алексѣевичъ Милютинъ, скончался 13-го января 1886 г., передавъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ въ редакцію воспоминанія о своей службѣ въ Сибири. Б. А. Милютинъ былъ наименѣе талантливымъ изъ даровитой семьи Милютиныхъ, такъ какъ братья его, Николай Алексѣевичъ и Дмитрій Алексѣевичъ, съ честью и пользою служили въ высшихъ сферахъ государственной дѣятельности. По окончаніи курса наукъ въ Петербургскомъ университетѣ въ 1851 году, Б. А. Милютинъ до 1854 года служилъ въ Петербургѣ, но, по разнымъ обстоятельствамъ, не съумѣлъ составить себѣ карьеры въ столицѣ, не смотря на сильную поддержку, хотя бы со стороны брата, Николая Алексѣевича, и отправился искать счастія въ Восточной Сибири. Въ этой отдаленной части имперіи онъ провелъ, на разныхъ служебныхъ постахъ, лучшую пору своей жизни, при трехъ генералъ-губернаторахъ, графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ, Корсаковѣ и Синельниковѣ. Во время управленія послѣдняго Восточною Сибирью, Б. А. Милютинъ вынужденъ былъ, отношеніемъ къ нему генералъ-губернатора, покинуть Иркутскъ и возвратиться въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ назначенъ товарищемъ главнаго военнаго прокурора и за тѣмъ вышелъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника лѣтъ шесть тому назадъ. Продолжительное пребываніе Б. А. Милютина въ Восточной Сибири, его близкое знакомство съ тамошними административными, судебными и иными порядками, придаютъ особенное значеніе и своего рода колоритъ его воспоминаніямъ о пребываніи въ Иркутскѣ.

I.

Пріѣздъ въ Иркутскъ.—Поиски помѣщенія.—Хозяинъ-горбунъ.—Затруднительное положеніе. — Маіоръ Баркъ-Петровскій.—Его чудачества.—Генералъ Венцель.—Оригинальный пріемъ.—Обѣдъ у Венцеля.—П. П. Сукачевъ.—А. С. Савинскій.—Мое назначеніе чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ управленіи.—Первое порученіе.—Отъѣздъ на слѣдствіе.

Вечеромъ, 3-го іюня 1859 года, послѣ продолжительнаго и утомительнаго путешествія, я и сотоварищъ мой очутились, наконецъ, на рѣкѣ Ангарѣ, въ виду достославнаго города Иркутска.

«Самолетъ»—такъ называется оригинальное судно, посредствомъ котораго производилась переправа, въ то время, черезъ Ангару, — былъ на другой сторонѣ. Волей-неволей пришлось обождать. Я вылѣзъ изъ экипажа, закурилъ папироску и задумчиво оглядѣлъ открывшуюся передо мною панораму.

Вечеръ былъ чудный, тихій, свѣтлый. Красавица Ангара была спокойна. Вдали чернѣлъ Иркутскъ. Если не весь городъ, то лучшая сторона его была какъ на ладони. Низменный берегъ, на которомъ мы стояли, окутывалъ поднимавшійся туманъ. Влѣво отъ насъ, Ангара дѣлала крутой поворотъ, смывая подошву горы, на вершинѣ которой одиноко стояло двухъэтажное зданіе.

Впечатлѣніе, произведенное картиной, было безусловно пріятное.

Но если природа манила насъ, что скажутъ люди? Что ожидаетъ меня, странника, на томъ берегу? Успѣхъ или разочарованіе?

«Самолетъ» намъ поданъ, грузный экипажъ безъ отпряжки прямо въѣхалъ на него. Ни суеты, ни криковъ, ни ругани, ни тревоги за экипажъ, какъ обыкновенно на паромахъ. Прошло нѣсколько минутъ, мы опять въ экипажѣ, бойко выѣхали въ гору и катимъ по мягкимъ улицамъ города.

На улицахъ ни души!

Ямщикъ привезъ насъ въ какую-то гостинницу. Посмотрѣли номеръ. Онъ ужаснулъ насъ. Темный, сырой, пахнетъ гробомъ, а въ виду—новая жизнь.

— Куда же васъ везти?—спрашиваетъ ямщикъ.—Къ Красавихѣ что ли?

— Хоть къ уродихѣ,—сострилъ мой товарищъ.

И покатили мы опять. Къ счастью недалеко. Проѣхали мимо гауптвахты, плаца, церкви, двухъэтажнаго зданія, стоящаго особнякомъ, повернули въ широкую улицу.

На углу встрѣтились двое гуляющихъ. Они остановились, посмотрѣли, конечно, не на колеса, а на экипажъ, отличавшійся, дѣйствительно, нѣкоторыми особенностями.

Останавливаемся у запертыхъ воротъ красиваго, деревяннаго, двухъэтажнаго дома. Нѣтъ ни какой вывѣски. Ямщикъ слѣзаетъ съ козелъ, скрывается во дворъ и пропадаетъ. Прошло нѣсколько

минутъ. Ворота отворяются. Мы въѣзжаемъ, останавливаемся у подъѣзда. Насъ встрѣчаетъ какой-то горбунчикъ со свѣчей въ рукахъ.

— Просимъ покорнѣйше,—говоритъ онъ намъ, отворяя дверцы экипажа, и вводитъ насъ въ просторную комнату въ три окна.

Мы съ радостью принимаемъ предложеніе, не спрашивая о цѣнѣ. Насъ гораздо болѣе интересуетъ вопросъ: найдемъ ли мы что поѣсть.

— Найдется, найдется, — отвѣчаетъ горбунчикъ, рекомендуясь намъ. Онъ оказывается супругомъ Красавихи [1]), нашъ хозяинъ.

Свѣчи зажжены. Оглядываемъ комнату. Она еще болѣе удовлетворяетъ насъ и чистотой, и благообразіемъ.

Мигомъ выдвигается на середину столъ, покрывается чистой скатертью, появляется чайный приборъ, кипящій самоваръ, хлѣбъ, домашнія печенія, всевозможныя соленія, водка, наливки. Самъ горбунчикъ у самовара разыгрываетъ роль хозяйки. Мы усаживаемся и принимаемся за трапезу. Начинаются съ тѣмъ вмѣстѣ взаимные разспросы. Оказывается, что генералъ-губернатора графа Муравьева нѣтъ и что онъ будетъ не ранѣе какъ въ августѣ.

Это извѣстіе было для насъ полнѣйшимъ разочарованіемъ.

У обоихъ насъ три рубля съ мелочью. Оба мы поѣхали изъ Петербурга причисленными, я—къ главному управленію Восточной Сибири, товарищъ мой—къ Читинскому областному правленію. Моя судьба зависѣла исключительно отъ графа Муравьева. Положимъ, въ виду имѣется полученіе полугодовыхъ окладовъ жалованья, но когда еще?

Набѣгаетъ на насъ облако раздумья, но его разсѣваетъ гостепріимный хозяинъ. Если судьба отказала ему въ ростѣ, дородствѣ, красотѣ, то, надѣливъ его горбомъ, она не обидѣла его умомъ и неистощимымъ запасомъ веселости. Не привѣтливо сложилась его семейная жизнь вообще. Сынъ генерала, бывшаго когда-то иркутскимъ комендантомъ, онъ послѣ долгаго, безутѣшнаго странствованія по житейскому морю, думалъ найти себѣ тихую пристань въ семейной жизни, но его угораздило избрать себѣ подругой какую-то современную Мессалину, принесшую ему въ приданое и домъ, въ которомъ мы помѣщались, и незаконныхъ дѣтей. Относительно послѣднихъ, горбунчикъ и самъ не положилъ охулки на руку. Составилась преоригальная семья. Если въ горбунчикѣ, какъ я сказалъ, за отсутствіемъ красоты, находились извѣстныя нравственныя достоинства, то что онъ нашелъ въ своей супругѣ—трудно было объяснить. Толстая, уродливая, но, въ сущности, добрая женщина. Онъ же былъ всегда одинаковъ, всегда веселъ.

Дверь отворяется. Видимъ на порогѣ мужчину средняго роста, съ большими усами, въ бѣломъ кителѣ. Раcшаркивается.

---

[1]) Въ Сибири не говорятъ Красавина, Иванова и т. д.; а Красавиха, Иваниха.

— Вашъ сосѣдъ, маіоръ Баркъ-Петровскій, рекомендуюсь. Самъ переживалъ такія же минуты, какъ вы. Сочувствую и предлагаю услуги...

Протягиваются руки, завязывается знакомство. Бесѣда, услаждаемая виномъ, а потомъ гитарой, (нашъ новый знакомецъ—пѣвецъ, также какъ и мой сотоварищъ) затягивается, и только хозяинъ напоминаніями, что мы устали съ дороги и что изъ насъ мнѣ, по-крайней мѣрѣ, придется встать рано, разгоняетъ насъ.

Кидаемся въ постель, усталость беретъ свое...

Прошло болѣе 25-ти лѣтъ послѣ этого вечера, а мнѣ живо припоминается этотъ первый день, проведенный въ Иркутскѣ, за пять тысячъ верстъ отъ родины. Сотоварищъ мой уже въ могилѣ, тамъ же и хозяинъ квартиры. Гдѣ-то ты, дорогой Сергѣй Ивановичъ Баркъ-Петровскій, человѣкъ со странностями, съ причудами, человѣкъ, которому можно бы было посвятить особый этюдъ? Продолжаешь ли ты попрежнему услаждать «милыхъ дамъ» прелестями своего разговора, а въ особенности, пѣньемъ, или и тобой овладѣлъ наслѣдственный недугъ—помѣшательство?

Многіе общіе знакомые, къ которымъ Баркъ-Петровскій былъ менѣе довѣрчивъ, обыкновенно смѣялись надъ нимъ за усвоенную имъ привычку—безпрестанно подскакивать къ зеркалу и вглядываться въ него. Увы! это вызывалось не кокетствомъ, а тѣмъ обстоятельствомъ, что, по словамъ его, и мать его, и сестра окончили жизнь помѣшательствомъ, начинавшимся съ какихъ-то наростовъ на носу: ихъ-то и боялся почтенный Сергѣй Ивановичъ. Его преслѣдовала мысль, что онъ неминуемо кончитъ тѣмъ же. О своемъ прошломъ онъ распространяться не любилъ. Въ то время, когда мы съ нимъ познакомились, онъ былъ, послѣ командованія казачьимъ полкомъ за Байкаломъ, прикомандированъ къ штабу, будто бы за жестокое обращеніе съ людьми. Самъ же Баркъ-Петровскій объяснялъ это удаленіе тѣмъ, что, по проискамъ начальника штаба, это мѣсто понадобилось для другого. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней послѣ нашего пріѣзда, проѣхало черезъ Иркутскъ семейство полковника Вакульскаго [1]), игравшаго впослѣдствіи не маловажную роль. Онъ и занялъ мѣсто Баркъ-Петровскаго.

Изъ множества чудачествъ послѣдняго не могу не припомнить слѣдующаго. Въ 1860 г. у графа Муравьева былъ оффиціальный балъ, на которомъ, конечно, былъ и Баркъ-Петровскій. Наступило время разъѣзда. Графъ Муравьевъ стоялъ по серединѣ залы, окруженный ближайшей свитой. Гости, дамы и мужчины, подходили къ нему, раскланивались, благодарили, пожимали руки и проч. То же предстояло сдѣлать и Баркъ-Петровскому, но такъ какъ онъ

---

[1]) Впослѣдствіи полиціймейстера въ Иркутскѣ. Вдова его во второмъ бракѣ была замужемъ за генералъ-губернатомъ Восточной Сибири, Корсаковымъ. Ред.

не любилъ дѣлать что-либо спроста, то не безъ аффектаціи надѣлъ саблю, выбралъ моментъ поудачнѣе, чтобы всѣ его видѣли, подошелъ торжественно къ графу Муравьеву и расшаркался передъ нимъ. Когда Муравьевъ протянулъ ему руку, то онъ долго жалъ ее и такъ сильно, что графа какъ-то покоробило, а затѣмъ торжественно и, поднявъ высоко голову «вотъ, молъ, я каковъ»—направился къ выходу. Нельзя было удержаться отъ улыбки, до того была комична эта сцена. На другой день я спрашиваю у Баркъ-Петровскаго объясненіе, что вызвало съ его стороны такое выходящее изъ ряда обыкновенныхъ рукопожатіе.

— Помилуйте,—говоритъ онъ,—могъ ли я поступить иначе. Когда я подошелъ къ графу... вы видѣли онъ протянулъ мнѣ руку... и пожалъ мою, хотя и слегка, но на столько тепло, на столько дружески, что могъ ли я, въ виду такого для себя почета, не отвѣтить ему крѣпкимъ, благодарственнымъ, чисто русскимъ рукопожатіемъ. Вѣдь я, какъ вы знаете, люблю графа нескончаемо, и если между нами послѣдовали недоразумѣнія, то въ этотъ моментъ онъ ясно указалъ мнѣ, что насъ разлучили злые люди. Могъ ли я не поблагодарить его отъ души за оказанное мнѣ вниманіе?

Настало утро. Хозяинъ предложилъ мнѣ свой, весьма приличный экипажъ. Облекшись въ мундиръ, я направилъ свои стопы къ исправлявшему должность генералъ-губернатора К. К. фонъ-Венцелю [1]), къ которому имѣлъ рекомендательное письмо.

Меня ввели въ небольшую комнату, гдѣ находились дежурный чиновникъ, нѣсколько просителей и два или три господина съ портфелями.

Отворяется дверь изъ кабинета.

Все подтягивается. Выбѣгаетъ генералъ и прямо ко мнѣ. Заявляю о своей личности.

— Еще одинъ!—восклицаетъ генералъ,—да, что вы это бѣлены объѣлись! Чего вы лѣзете къ намъ? Ну, что я съ вами буду дѣлать?

Озадаченный такимъ пріемомъ, я пробормоталъ...

— Михаилъ Семеновичъ [2])...

— Михаилъ Семеновичъ, Михаилъ Семеновичъ, — продолжалъ генералъ...—А что это у васъ въ шляпѣ?

— Письмо, ваше...

— Письмо, ко мнѣ? Отъ кого?

Я отвѣтилъ, подавая письмо. Генералъ скрылся въ кабинетъ. Совершенно сконфуженный, я не рѣшался даже поднять глаза на присутствующихъ.

Не прошло минуты, какъ генералъ Венцель показался на порогѣ, съ раскрытымъ письмомъ...

---

[1]) Умеръ сенаторомъ межевого департамента.

[2]) Михаилъ Семеновичъ Корсаковъ, бывшій тогда забайкальскимъ губернаторомъ, а впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Ред.

— Такъ бы вы и сказали,—послышалось мнѣ. Не помню какъ я очутился въ кабинетѣ въ объятіяхъ генерала; затѣмъ уже началась бесѣда, вертѣвшаяся сперва около Петербурга, политическихъ извѣстій, общихъ знакомыхъ и т. д. Венцель заключилъ эту бесѣду тѣмъ, что обо мнѣ никакого распоряженія нѣтъ, что о моемъ пріѣздѣ онъ не былъ предупрежденъ и что, безъ согласія графа Муравьева, онъ никакихъ распоряженій сдѣлать не можетъ.

— Да что же я буду дѣлать?—сорвалось у меня съ языка.

Венцель усмѣхнулся:

— Э, mon cher, отдохнете. Иркутскъ у насъ хорошій городъ. Вотъ что! сегодня приходите ко мнѣ обѣдать. Я васъ познакомлю съ женой. Знайте, что приборъ за моимъ столомъ всегда въ вашемъ распоряженіи. Я обѣдаю въ 4 часа.

Аудіенція кончилась. Всякій, кому случалось бывать въ подобномъ мнѣ положеніи, пойметъ, что возможность обѣдать у генерала Венцеля, какъ сегодня, такъ и каждый день, хотя и льстила мнѣ, но впередъ не подвигала. Понятно въ какомъ нравственномъ настроеніи вернулся я домой. Спасибо Сергѣю Ивановичу Баркъ-Петровскому и хозяину. Они нѣсколько развеселили и меня, и сотоварища, который въ свою очередь принесъ и о себѣ не совсѣмъ благопріятное извѣстіе. Получить полугодовой окладъ онъ могъ лишь по пріѣздѣ въ Читу. А какъ добраться до нея. Съ хозяиномъ послѣдовало откровенное объясненіе. Онъ обѣщалъ ждать терпѣливо и тотчасъ же, на случай, если я останусь въ Иркутскѣ, предложилъ мнѣ квартиру, у себя же, во флигелѣ, которая мнѣ понравилась.

Гостепріимный и радушный пріемъ, который я встрѣтилъ у Венцеля за обѣдомъ, совершенно развлекъ и успокоилъ бы меня, если бы только добродушнѣйшій Карлъ Карловичъ Венцель не подлилъ масла въ огонь. Прощаясь уже со мною и напоминая объ утреннемъ приглашеніи, онъ вдругъ объявилъ, что послѣ меня былъ у него съ докладомъ Сукачевъ и что, какъ оказывается, графъ Муравьевъ оставилъ обо мнѣ какое-то распоряженіе, но какое—Сукачевъ не вспомнилъ.

— Могу ли я сходить къ нему?—спросилъ я.

— Да, да... вы сходите завтра и завтра же за обѣдомъ скажите мнѣ въ чемъ дѣло.

Утромъ, въ субботу, я отправился въ главное управленіе. Мнѣ объявили, что его превосходительство Платонъ Петровичъ Сукачевъ по субботамъ на службѣ не бываетъ, но что я могу застать его дома. Иду къ нему и застаю его въ халатѣ, въ саду. Принимаетъ меня самымъ радушнымъ образомъ, подтверждаетъ, что дѣйствительно обо мнѣ есть какое-то распоряженіе, но справиться не успѣлъ, такъ какъ наканунѣ, послѣ доклада, въ главное управленіе не заѣзжалъ; сегодня же суббота, когда имѣетъ привычку отдыхать

Въ заключеніе онъ самымъ любезнымъ образомъ просилъ завернуть къ нему въ главное управленіе въ понедѣльникъ, въ часъ.

Я рѣшился воспользоваться праздничнымъ днемъ и сдѣлать оффиціальные визиты членамъ совѣта главнаго управленія, какъ моимъ начальникамъ. Мнѣ доставали списокъ, въ который, однако, не включили исправлявшаго должность Иркутскаго губернатора; ошибка, въ которую я вовлеченъ былъ невольно, и которая могла отразиться на мнѣ очень неблагопріятно, если бы къ несчастью, я имѣлъ дѣло съ лицомъ иного закала.

Визиты мои начались съ одного, жившаго наискосокъ моей квартиры. Я не засталъ его дома, какъ не засталъ и прочихъ.

Возвращаюсь домой въ третьемъ часу, застаю незнакомую личность высокаго роста, въ гражданской формѣ горнаго вѣдомства, и застаю его въ живой бесѣдѣ съ сотоварищемъ моимъ и Сергѣемъ Ивановичемъ Баркъ-Петровскимъ.

Незнакомецъ оказался членомъ совѣта, завѣдывающимъ горнымъ отдѣленіемъ, тотъ самый, которому я сдѣлалъ первый визитъ. Съ его стороны послѣдовало тотчасъ же приглашеніе идти къ нему обѣдать, что, конечно нами и было принято.

Занося это знакомство въ свою лѣтопись, я считаю долгомъ совѣсти, попадутся ли эти строки на глаза Аѳанасію Степановичу Савинскому [1]) или нѣтъ, заявить, что оно было однимъ изъ крѣпчайшихъ узловъ, которые приходилось мнѣ затягивать въ жизни. Многимъ и многимъ обязанъ я этому знакомству. Въ домѣ Савинскаго, отъ него и отъ его супруги, я всегда находилъ самый радушный, болѣе—самый родственный пріемъ. Не проходило дня, чтобы мы не видѣлись: то онъ у меня, то я у нихъ. Не скрою, что Савинскій оказалъ мнѣ не мало самыхъ сердечныхъ услугъ. Узелъ казался неразрывнымъ, но! и ему пришлось быть разрѣзаннымъ, только не Александромъ Македонскимъ и не людскими даже сплетнями. И онъ и я стояли выше послѣднихъ, да и какое вліяніе могли имѣть на наши отношенія сплетни? И по положенію, и возрасту, мы стояли крайне далеко. Дѣловыя столкновенія положили нашимъ отношеніямъ конецъ и, не смотря на попытки къ примиренію, они не могли возобновиться. Мы разстались чуть не врагами, хотя, съ моей стороны, къ враждѣ не могло быть причинъ, тѣмъ болѣе, что къ попыткамъ помириться я всегда относился добродушно и мстить не умѣлъ.

Въ понедѣльникъ, 7 іюня, въ часъ дня, наконецъ, разрѣшились всѣ недоразумѣнія. Оказалось, что, причисленный къ главному управленію Восточной Сибири съ 8-го февраля, я, въ апрѣлѣ, былъ

---

[1]) Аѳанасій Степановичъ Савинскій, въ отставкѣ тайный совѣтникъ, игралъ замѣчательную роль въ Восточной Сибири, особенно по отношенію къ золотопромышленникамъ. Ред.

назначенъ младшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ управленіи, мѣсто, вполнѣ соотвѣтствовавшее и моему прежнему служебному положенію, и личнымъ желаніямъ.

Не прошло и дня, какъ, возвращаясь домой поздно вечеромъ, я нашелъ у себя на столѣ запечатанный конвертъ. Первымъ служебнымъ порученіемъ было предписаніе принять отъ члена совѣта, Гаупта, порученное ему слѣдствіе, которое и закончить въ возможно непродолжительномъ времени. Слѣдствіе приходилось производить въ верстахъ 100 отъ Иркутска, въ деревнѣ.

Я былъ крайне обрадованъ этому первому порученію. Какъ ни пріятны были первыя знакомства, заведенныя въ Иркутскѣ, но, привыкнувъ къ труду, я рвался опять за дѣло. Къ тому же было лѣто и довольно жаркое.

На другой же день, я отправился къ указанному мнѣ члену совѣта. Свѣрились предписаніями. Онъ объяснилъ, что дѣло слишкомъ велико, что мнѣ трудно будетъ его захватить, что онъ распорядится отсылкой его ко мнѣ, теперь же можетъ передать мнѣ только свою переписку. Съ этими словами вручилъ онъ мнѣ казенную обложку, на которой значилось, что дѣло поступило къ нему чуть ли не въ апрѣлѣ, въ самомъ же дѣлѣ, кромѣ предложенія, подписаннаго гр. Муравьевымъ—ничего. Я не могъ скрыть удивленія.

— Вы удивляетесь, что я не приступалъ къ слѣдствію,—послышалось мнѣ.—Да, я не приступалъ къ нему въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

Я молчалъ.

— Вотъ вы ознакомитесь съ дѣломъ,—продолжалъ мой собесѣдникъ, не глядя на меня... Вообще, вскинулъ онъ на меня глаза... вы какъ молодой человѣкъ, вы недавно пріѣхали сюда... не смѣю спросить съ какими видами...

Я отвѣчалъ, что меня интересуетъ край, что...

Онъ улыбнулся.

— Позвольте мнѣ, прослужившему болѣе васъ, дать вамъ совѣтъ... Поменьше усердія,—проговорилъ онъ съ какимъ-то тяжелымъ чувствомъ и далъ явственно замѣтить, что къ дальнѣйшему разговору не представляется основаній.

Я раскланялся, унося съ собою драгоцѣнную обложку.

Невольное недоумѣніе, возникшее во мнѣ, не кому было разъяснить. Не Сергѣю же Ивановичу Баркъ-Петровскому или чудаку хозяину. А. С. Савинскій уклонился отъ положительнаго отвѣта, сказавъ мнѣ только, что онъ радуется, что мнѣ дано такое порученіе и что онъ всегда къ моимъ услугамъ. Заголовокъ дѣла не представлялъ ничего особеннаго. «Дѣло о растратѣ», гласилъ заголовокъ, что подтверждалось массой приложенныхъ къ нему, опечатанныхъ чуть ли не 10 печатями, денежныхъ книгъ. Карлъ

Кардовичъ Венцель, не смотря ни на какія мои усилія получить отъ него напутствія, повторялъ лишь одно: «Поѣзжайте, потрудитесь; дѣло надо кончить до пріѣзда графа. Онъ имъ интересуется».

И вотъ, вечеромъ 12 іюня, я, съ вѣрнымъ псомъ своимъ «Непиромъ», и съ дѣлами въ чемоданѣ, сидѣлъ уже на почтовой тройкѣ, которая помчала меня къ мѣсту моего временнаго пребыванія. Странное совпаденіе обстоятельствъ! Восемь лѣтъ тому назадъ, въ тотъ же день 12-го іюня я получилъ свой университетскій дипломъ, а 13-го сидѣлъ уже на службѣ.

II.

Сибирскіе обычаи того времени.—Запутанное дѣло.—Злоупотребленія чиновниковъ.—Допросы.—Голова Мейеръ и его дѣятельность.—Его арестованіе и впечатлѣніе этого ареста.—Вызовъ меня въ Иркутскъ.—Объясненія съ Венцелемъ, Извольскимъ, исправникомъ, по поводу ареста Мейера.

На разсвѣтѣ 13-го іюня, изрядно постранствовавъ по селу, для розысканія десятника, ямщикъ привезъ меня къ дому, въ которомъ мнѣ пришлось прожить безъ малаго 4 мѣсяца. Ввели меня въ горницу. Я попросилъ самоваръ, попросилъ, чтобы убрали массу перинъ, долженствовавшихъ поглотить меня, и, замѣнивъ ихъ дорожнымъ складнымъ тюфякомъ и своими подушками, заснулъ богатырскимъ сномъ.

На утро первымъ моимъ дѣломъ было разъяснить свои отношенія къ хозяевамъ. Къ величайшему моему удивленію, мы долго не могли сойтись съ старухой-хозяйкой. Утромъ я застаю на столѣ не только самоваръ, но заваренный уже чай съ аккомпанементомъ густѣйшихъ сливокъ, прелестнѣйшаго масла, массы разнаго рода, съ пыла поданныхъ, печеній. На столѣ стояла кипѣвшая верещага[1]). Все это было прекрасно, все это мнѣ напоминало поѣздку по «дружкамъ» въ Западной Сибири, гдѣ въ тѣ времена считали постыднымъ предложить ржаной хлѣбъ, а тѣмъ менѣе взять денежное воздаяніе за угощеніе, гдѣ возили чуть не даромъ[2]). Но то, что хорошо проѣздомъ, не можетъ же быть терпимо при болѣе или менѣе продолжительномъ пребываніи на мѣстѣ. Съ хозяйкой, повторяю, я никакъ не могъ сговориться. Ни она меня не понимала, ни я ее. Пришелъ сынъ и, наконецъ, объяснилось, что я на общественной квартирѣ и, что за квартиру и за дальнѣйшее, останав-

---

[1]) Такъ называется въ Сибири выпускная яичница. Иначе—вамъ подадутъ какую-то кашу изъ яицъ и молока. Творогъ переименованъ въ кокорочки и т. д.

[2]) Не прошло и 10 лѣтъ, какъ при тѣхъ же условіяхъ, кредитный рубль за угощеніе принимался уже съ неудовольствіемъ.

ливающихся на ней, т. е. чиновниковъ, содержаніе,—отвѣтчикомъ общество. «Мы же не имѣемъ права брать ни копѣйки». Послѣ долгихъ переговоровъ я объяснилъ, что квартира пусть будетъ безплатная, но, что за содержаніе свое я буду уплачивать такую-то сумму помѣсячно: въ разсчетъ не входитъ чай, сахаръ и живительная влага, которые будутъ пріобрѣтаемы мною особо. Оговоривъ эти первыя существенныя условія, я думалъ воспользоваться инкогнито, чтобы обозрѣть мѣстность, въ которой мнѣ придется дѣйствовать. Но я видѣлъ, что меня обѣгаютъ, сторонятся, на разспросы отвѣчаютъ какъ-то не хотя, пугливо, мотая себѣ на усъ. Этой же политики держались и торговецъ бакалеей, къ которому я зашелъ, и станціонный смотритель, и священникъ. Очевидно, что цѣль моего пріѣзда уже огласилась.

Нагулявшись вдоволь и пообѣдавъ, я принялся, на свободѣ, за изученіе дѣла, которое мнѣ предстояло вести. Оказалось, что въ концѣ истекшаго года былъ срокъ выбора волостныхъ начальниковъ. Выборамъ предшествовалъ учетъ, совершенный довѣренными. Явился крупный недочетъ въ казенныхъ и въ мірскихъ суммахъ, а такъ какъ волостные начальники отказались отъ пополненія его, то довѣренные составили приговоръ (онъ былъ написанъ рукою волостного писаря), въ замѣнъ старыхъ волостеначальниковъ избрали новыхъ, дѣлу дали законный ходъ и довѣренные разъѣхались вполнѣ спокойные. Но тутъ-то и начались курьёзы. Налетѣлъ исправникъ, произвелъ провѣрку безъ довѣренныхъ, составилъ свой учетъ, по которому недостатка не оказалось, и улетѣлъ въ Иркутскъ. Въ результатѣ выборы по отношенію къ головѣ были кассированы и старый голова утвержденъ вновь. Крестьяне взволновались, полетѣли жалобы. Въ отвѣтъ на нихъ явились на мѣсто, одинъ за другимъ, совѣтникъ губернскаго правленія и начальникъ отдѣленія общаго губернскаго управленія. Оба составили по учету, матеріаломъ для которыхъ служили однѣ и тѣ же данныя, и странно:— по одному вышелъ недостатокъ, значительно меньшій противъ выведеннаго самими довѣренными, по другому—все обстояло благополучно. Прошло еще нѣсколько недѣль. Прибылъ старшій чиновникъ особыхъ порученій главнаго управленія. Онъ вызвалъ довѣренныхъ, произвелъ при нихъ учетъ, четвертый по счету, обнаружилъ недостатокъ, запечаталъ сундукъ и сдѣлалъ распоряженіе о подвергнутіи головы домашнему аресту. Дѣло это было къ ночи: довѣренные были отпущены по домамъ. На утро чиновникъ особыхъ порученій вскрываетъ кассу и, о удивленіе—вся касса налицо. Онъ составляетъ краткій протоколъ, освобождаетъ голову и уѣзжаетъ. Проходитъ опять нѣсколько времени и уже самъ графъ Муравьевъ назначаетъ слѣдствіе, поручая его, какъ сказано выше, члену совѣта главнаго управленія и дѣлая съ тѣмъ вмѣстѣ распо-

ряженіе объ устраненіи отъ должности головы и замѣнѣ его избраннымъ довѣренными.

Дѣло само по себѣ не подсказало мнѣ ничего иного, и хотя было ясно, что оно имѣло какую-то особенную подкладку, но въ дѣлѣ никакихъ разъясненій, никакихъ данныхъ для обнаруженія этой подкладки не было. Мнѣ пришлось заняться скучной работой: вытребовавъ волостныхъ начальниковъ и снявъ при нихъ печати съ пріобщенныхъ къ дѣлу, болѣе чѣмъ 20 шнуровыхъ книгъ, произвести по этимъ даннымъ самому учетъ. Работалъ я до глубокой ночи и имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что учетъ довѣренныхъ, если исключить маловажныя ошибки, былъ наиболѣе близокъ къ истинѣ; всѣ же остальные учеты грѣшили противъ нея настолько, что руководившая выводами поблажка дѣлалась очевидной. Столь же очевиднымъ дѣлалось и то, что чудесное пополненіе сундука не достигло цѣли: оставался не возмѣщеннымъ довольно крупный кушъ. Открылись съ тѣмъ вмѣстѣ серьезныя упущенія въ счетоводствѣ, на которыя, однако, учетчики-чиновники не обратили должнаго вниманія. Меня, какъ новичка, знакомаго съ обстановкой волостныхъ правленій въ столичной губерніи, поразила, кромѣ того, масса книгъ и сложность формъ счетоводства, которую я нашелъ на мѣстѣ. Не мудрено, что канцелярія волостного правленія, какъ убѣдился я послѣ, состояла изъ писаря и чуть ли не восьми помощниковъ, содержимыхъ писаремъ, не мудрено послѣ того, что, по находившейся при дѣлѣ книжкѣ, на которую, однако, не обратилъ никто вниманія, въ замѣнъ нѣсколькихъ сотень рублей, ассигнованныхъ по гласной смѣтѣ на содержаніе управленія, въ дѣйствительности расходовалось нѣсколько тысячъ рублей.

На утро (это былъ уже третій день моего пребыванія въ селеніи) доложили мнѣ о засѣдателѣ.

Явился молодой человѣкъ, весьма приличный, съ ополченскимъ крестомъ. Онъ объяснилъ, что въ ночь вернулся изъ разъѣздовъ по участку и счелъ долгомъ представиться и узнать: не понадобится ли его содѣйствіе. Я обрадовался этому случаю, надѣясь разъяснить нѣсколько недоразумѣній, запавшихъ мнѣ въ голову. Но оказалось, что г. Строевъ за мѣсяцъ до меня прибылъ въ Сибирь и только за пять дней до порученія мнѣ дѣла получилъ мѣсто засѣдателя, при чемъ открылось, что прежній засѣдатель, равно и исправникъ, по распоряженію графа Муравьева, смѣщены, первый съ причисленіемъ къ губернскому управленію, а вторый уже уѣхалъ въ Россію. Такимъ образомъ, какъ совершенно новый человѣкъ, Строевъ помочь мнѣ не могъ, а на вопросъ мой: чѣмъ объяснить ту странную недовѣрчивость, съ которой отнеслись ко мнѣ крестьяне, которые должны бы были напротивъ идти ко мнѣ на встрѣчу, онъ сослался на то, что самъ еще мало знакомъ съ сибирскими крестьянами, которые его также чуждаются.

На слѣдующій день я рѣшился приступить къ слѣдствію, начавъ допросомъ бывшаго волостного писаря. Онъ оказался продувной бестіей, да и не могло быть иначе. Происходилъ онъ изъ духовнаго званія. Окончивъ курсъ духовнаго училища, онъ съ успѣхомъ подвизался на гражданской службѣ и совершилъ, за крупную взятку, подлогъ. Отбывъ десять лѣтъ поселенія, писарь вышелъ въ такъ называемые крестьяне изъ поселенцевъ и три трехлѣтія сряду при старомъ головѣ пробылъ волостнымъ писаремъ. Послѣдствіемъ этого девятилѣтняго служенія было то, что онъ обзавелся и домомъ и хозяйствомъ не изъ послѣднихъ. Любилъ онъ выпить и въ особенности поиграть въ картишки. Ему было уже за 50 лѣтъ. Передѣлки, въ которыхъ онъ бывалъ не разъ, вызвали въ немъ скептическое отношеніе къ начальству; на меня же, какъ юношу, онъ посмотрѣлъ съ перваго раза такъ: видали, молъ, такихъ. Не объѣдешь.

Съ первыхъ словъ у него былъ отвѣтъ: знать не знаю и вѣдать не вѣдаю. Растраты никакой быть не могло, а вывели ее довѣренные изъ-за неудовольствія на него и на голову, потому что послѣдній былъ строгъ и не любилъ потачки. Онъ же, писарь, въ денежную часть и не вмѣшивался, а по указаніямъ головы и старосты, собиравшихъ деньги, велъ только книги, при содѣйствіи помощниковъ.

Не оставалось ничего болѣе, какъ приступить къ допросу по пунктамъ. Цѣлый день (съ 10 часовъ утра до 12 ночи) мы съ писаремъ сидѣли другъ противъ друга. Я—занимался своимъ дѣломъ, паціентъ мой—выводилъ крупнымъ, писарскимъ почеркомъ—отвѣты. Конечно, ему было позволено курить; мало того, онъ участвовалъ въ моихъ трапезахъ, отдыхалъ. Самонадѣянность долго не оставляла его, но, по мѣрѣ того, какъ допросъ шелъ, по мѣрѣ того, какъ руки выводили отвѣты на безконечные вопросы, онъ началъ понимать, что имѣетъ дѣло не съ простачкомъ. Когда всѣ отвѣты, кромѣ послѣдняго заключительнаго, были даны, я перенумеровалъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ было нужно, и прочелъ ихъ вслухъ. Получивъ удостовѣреніе, что все написанное подтверждается, я тотчасъ же указалъ на противорѣчія въ отвѣтахъ. Тутъ только несчастный увидалъ, въ какую ловушку онъ попалъ. Сперва его кинуло въ жаръ, потомъ онъ поблѣднѣлъ и, наконецъ, прошепталъ: «виноватъ». Напомнивъ ему все значеніе сознанія, я предоставилъ ему полное право, отвѣчая на послѣдній вопросъ: «не имѣете ли чѣмъ дополнить свое показаніе», сгладить противорѣчія. Онъ схватился за эту вѣтвь спасенія и сталъ писать на этотъ разъ не такъ какъ прежде медленно, обдумывая всякую фразу. Не прошло и получаса, какъ онъ подалъ мнѣ отвѣтъ, въ которомъ, выговаривая свою отвѣтственность, онъ призналъ фактъ растраты, разоблачивъ весь механизмъ ея вполнѣ и выдавъ мнѣ руками и ногами

голову, сознавшись въ то же время, что онъ былъ съ нимъ въ дружбѣ до послѣдняго времени, но, обиженный въ раздѣлѣ какой-то суммы и въ карточной игрѣ, онъ выдалъ своего друга довѣреннымъ, указавъ имъ самъ всѣ прорухи и погрѣшности.

Я обрадовалъ писаря тѣмъ, что, хотя по существу обвиненія, я былъ бы въ правѣ арестовать его, но оставляю его на свободѣ, подъ условіемъ не выѣзда съ мѣста жительства безъ моего вѣдома, и не имѣнія никакихъ сношеній съ подслѣдственными лицами.

На другой день я приступилъ къ допросу волостного старосты. Оказался онъ недальнимъ мужичкомъ, отчасти спившимся. Между тѣмъ, до избранія онъ былъ зажиточнымъ хозяиномъ и не бралъ въ ротъ хмельного. Не знаю, есть ли этотъ фактъ—исключительное, сибирское явленіе или повсемѣстное, но я убѣждался впослѣдствіи не разъ, что избираемые въ общественныя должности, какъ наиболѣе надежныя лица, не успѣютъ отслужить трехлѣтія, какъ сопьются съ круга и разорятъ въ конецъ свое хозяйство. Послѣднее—т. е. саморазореніе—понятно. Собственное хозяйство ввѣряется наемщику, а грѣшная нажива, вызванная необходимостью (надо же дѣлиться и съ другими), проходитъ между рукъ. Исключенія бываютъ, но рѣдкія и преимущественно со стороны тѣхъ, которые сразу измѣнятъ крестьянскимъ интересамъ. Съ перваго же приступа къ допросу старосты оказалось, что онъ, если и виноватъ, то былъ жертвой такихъ ловкачей, какъ писарь и голова. Да и роль волостного старосты, по крайней мѣрѣ въ Сибири, не особенно блестящая.

За тѣмъ, мнѣ предстоялъ третій и самый важный актъ—допросъ головы. Убѣжденіе, которое сложилось во мнѣ объ этой личности, было таково, что я рѣшился принять особенныя мѣры предосторожности. Прежде всего оказалось, что обвиняемый въ растратѣ устраненный отъ должности головы, по распоряженію высшей власти въ краѣ, тѣмъ не менѣе завѣдывалъ покупкой хлѣба для казны и орудовалъ десятками тысячъ рублей, довѣренныхъ ему подъ простую росписку. Въ виду этого порученія,—онъ разъѣзжалъ по волости свободно, на соблазнъ крестьянъ, хвастаясь передъ ними (много, молъ, взяли) и угрожая, что распорядится съ доносчиками посвойски. Черезъ нарочнаго я запросилъ земскій судъ: въ какой степени обезпеченъ казенный интересъ, прося принять соотвѣтственныя мѣры на случай, если бы по ходу слѣдствія, мнѣ пришлось ограничить свободу обвиняемаго. Къ допросу, кромѣ депутата отъ крестьянъ, я пригласилъ засѣдателя и священника. Голова былъ выкрестомъ изъ жидовъ (отецъ его былъ изъ поселенцевъ) и носилъ фамилію Мейера.

Передо мною предсталъ мужчина высокаго роста, съ пренепріятной дерзкой физіономіей, въ которой не сохранилось и слѣда жидовства. Онъ держалъ себя не только самоувѣренно, но нахально,

какъ только можетъ держать себя человѣкъ, убѣжденный въ своей безнаказанности. Въ глазахъ его читалось: «видалъ я, братъ, и почище тебя. Не поладишь со мной—уберутъ и тебя». По всему было видно, что это—человѣкъ одаренный энергіей, не дюжиннымъ умомъ, къ сожалѣнію, направленнымъ на зло. Добиться отъ него сознанія, нечего было и думать. При допросѣ мнѣ приходилось нѣсколько разъ осаживать его, до того онъ держалъ себя дерзко. Писать самъ—онъ не изъявилъ желанія. Пришлось записывать самому, а черезъ это—лишаешься возможности слѣдить за обвиняемымъ. Чуть не на каждое слово мною записанное, слышались отъ него возраженія. Приходилось дѣлать безчисленныя оговорки. По его словамъ растраты никакой нѣтъ и не было. Все дѣло возникло изъ происковъ писаря и глупости довѣренныхъ, которые имѣютъ противъ него зубъ, за то, что какъ голова, онъ обращался съ ними круто. Въ теченіе девяти лѣтъ головствованія онъ умѣлъ заслужить къ себѣ расположеніе начальства, которое не разъ объявляло ему благодарность, и онъ представленъ даже къ медали... Вотъ сущность показаній, данныхъ головой. Не безъ видимаго удовольствія онъ расчеркнулся подъ послѣднимъ отвѣтомъ и, вставъ съ мѣста, самоувѣренно окинулъ меня взоромъ, и, очевидно такъ для формы, спросилъ меня: понадобится ли онъ мнѣ?

— А что?—спросилъ я.

— Да у меня, сами знаете, какія казенныя дѣла. Десятками тысячъ пахнетъ. У меня идетъ пріемка хлѣба. Мнѣ изъ-за слѣдствія не засиживаться же на мѣстѣ.

Я сдержалъ себя.

— Теперь часъ поздній,—сказалъ я, вставая.—Придешь ко мнѣ завтра въ 10 часовъ утра, а васъ—я обратился къ засѣдателю—я попрошу наблюсти, чтобы это распоряженіе мое было въ точности выполнено.

Боже! съ какимъ презрѣніемъ голова взглянулъ на меня, и, прошептавъ сквозь зубы «и самъ приду», повернулся и вышелъ изъ комнаты съ торжествующимъ видомъ.

Ночью я получилъ желаемый отвѣтъ. Земскій судъ писалъ, что ни о какомъ казенномъ порученіи, данномъ такому-то, онъ не знаетъ, что закупомъ хлѣба завѣдываетъ лично исправникъ, который въ настоящее время на Амурѣ, но долженъ пріѣхать надняхъ, а потому, за просимыми свѣдѣніями и съ сдѣланнымъ суду предупрежденіемъ мнѣ слѣдуетъ обратиться къ исправнику.

Въ 10 часовъ ко мнѣ собралась вчерашняя компанія съ присоединеніемъ сельскаго старшины.

Голова явился въ назначенный часъ съ тою же самоувѣренностью, чтобы не сказать, нахальствомъ. Для вида я сдѣлалъ ему нѣсколько дополнительныхъ вопросовъ, а въ заключеніе, тоже мелькомъ, спросилъ его, допускаетъ ли онъ къ спросу, при предстоя-

щемъ о немъ повальномъ обыскѣ, служившихъ при немъ волостныхъ и сельскихъ начальниковъ, списокъ которыхъ я держалъ въ рукахъ для предъявленія ему.

— Допускаю всѣхъ,—отвѣчалъ онъ, не заглядывая даже въ списокъ.

— Желаешь ли ты,—продолжалъ я,—воспользоваться предоставленнымъ по закону правомъ очнаго свода съ обыскными людьми?

— Нѣтъ, не желаю,—былъ отвѣтъ.

— Т. е. ты предоставляешь мнѣ, какъ слѣдователю, въ твоемъ отсутствіи, при депутатѣ отъ волостного правленія, приводить обыскныхъ людей къ присягѣ и опрашивать ихъ?

— Да, предоставляю,—отвѣчалъ онъ столь же рѣшительно.

— Дай подписку.

Подписалъ... и взялся за шапку.

Я, нарочно, заглянувъ въ бумаги, помѣшкалъ, поглядывая изъ подлобья на него. Онъ стоялъ самоувѣренно, спокойно.

— Теперь,—сказалъ я медленно,—выслушай со вниманіемъ мое постановленіе.

И я прочелъ громогласно постановленіе о томъ, что, въ силу такихъ-то статей закона, въ виду важности обвиненія, подвергающаго виновнаго такому и такому-то наказанію, несомнѣнности собранныхъ доказательствъ и т. д., я признаю нужнымъ подвергнуть такого-то предварительному заключенію, на первый разъ при арестантской волостного правленія.

Боже, что сдѣлалось съ Мейеромъ. Мнѣ показалось, что онъ бросится на меня... Депутатъ и старшина вскочили съ мѣста какъ ужаленные и смотрѣли на меня въ недоумѣніи.

— Меня арестовать?—пробормоталъ Мейеръ сквозь зубы.

— Я прочелъ тебѣ законъ. Отъ тебя зависѣло, чистосердечнымъ сознаніемъ, предупредить эту мѣру и воспользоваться тою же свободой, какую я предоставилъ, въ виду сознанія, твоимъ соучастникамъ. Теперь же роспишись, что тебѣ постановленіе мое объявлено.

Весь дрожа отъ злобы, онъ взялъ изъ рукъ моихъ перо, и какъ будто вспомнивъ что-то, не глядя на меня, тихо пробормоталъ:

— Но вѣдь у меня казенное порученіе... деньги... бумаги...

— Г. засѣдателю мною предлагается,—отвѣчалъ я, передавая засѣдателю заготовленную бумагу,—завтра же поѣхать съ тобой на домъ, отобрать бумаги, деньги и сохранить ихъ до пріѣзда исправника.

Передавъ тогда сельскому старшинѣ предписаніе на имя волостного правленія и напомнивъ ему, что на кухнѣ ждутъ двое десятскихъ, я приказалъ ему свести Мейера въ правленіе и въ сдачѣ его принести росписку мнѣ тотчасъ же.

Повели... Я выглянулъ въ окно. Улица кипѣла народомъ. Мейеръ шелъ самоувѣренно. Тащились за нимъ старшина и двое де-

сятскихъ. Встрѣчные сторонились, останавливались, глядѣли вслѣдъ, очевидно не понимая, для чего понадобились Мейеру сопровождающіе. Нѣкоторые—похрабрѣе—потащились за нимъ.

Въ этотъ день была гулянка въ селѣ. Сколько народа перебывало у хозяйки. Когда я вышелъ погулять, стало ясно, что на меня смотрятъ нѣсколько иначе, а вечеромъ за чаемъ, пожаловала ко мнѣ и старуха-хозяйка, подъ предлогомъ, что молодухи ушли гулять и не кому самоваръ подать. Долго какъ-то примѣривалась она и, наконецъ, высказалась.

— Баютъ,—спросила она,—что Мейера ты въ кутузку засадилъ.

— Да, а что, бабушка?

— Да ладно ли тебѣ будетъ?

Я улыбнулся. Живо припомнился мнѣ извѣстный анекдотъ съ Сперанскимъ.

Не дождавшись отъ меня никакого отвѣта, старуха постояла, постояла и сказала:

— Извергъ онъ былъ, ухъ, какой извергъ,—и скрылась.

Слѣдующій день я далъ себѣ отдыхъ. Къ вечеру прискакалъ нарочный. Записка отъ Савинскаго. «Что вы надѣлали,—писалъ онъ мнѣ.—Говоръ страшный. Я убѣжденъ, что вы дѣйствуете правильно, но приготовьтесь къ массѣ запросовъ»...

Прошелъ еще день. Я дѣлалъ надлежащія распоряженія къ производству повальнаго обыска, при чемъ, не желая отвлекать крестьянъ въ рабочую пору для дачи показаній, я рѣшился объѣхать самъ деревни, производя спросы по вечерамъ.

Утромъ я узналъ отъ хозяйки, что за ночь пріѣзжалъ къ засѣдателю исправляющій должность исправника, побылъ, потолковалъ о чемъ-то и ускакалъ опять въ Иркутскъ.

Засѣдатель подтвердилъ мнѣ это, пояснивъ, что исправникъ принялъ отъ него деньги и бумаги, отобранныя отъ Мейера, и выражалъ крайнее неудовольствіе на его заарестованіе.

Этотъ день былъ почтовый и къ вечеру я получилъ отъ 2-го отдѣленія главнаго управленія бумагу, въ которой сообщалось мнѣ, что предсѣдательствующій въ совѣтѣ главнаго управленія желаетъ, чтобы я выѣхалъ для объясненія съ нимъ по дѣламъ службы.

На другой же день я былъ въ Иркутскѣ.

Карла Карловича Венцеля я засталъ въ саду. Онъ былъ страстный садоводъ. Венцель принялъ меня попрежнему любезно. Я ходилъ за нимъ, такъ какъ вооруженный ножичкомъ, онъ не прерывалъ своего занятія—очищенія деревьевъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, остановившись передъ какимъ-то цвѣткомъ и не глядя на меня, онъ процѣдилъ какъ-то сквозь зубы:

— Я слышалъ, вы арестовали Мейера?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— На какомъ же основаніи?

— На основаніи закона,—отвѣчалъ я,—и твердо сложившагося убѣжденія, что Мейеръ виновенъ въ преступленіи, влекущемъ за собой...

— На основаніи закона... закона,—послышался отвѣтъ, и Венцель, какъ-то круто повернулся ко мнѣ.—Дѣло не въ законѣ... Вы молоды, можете ошибаться въ людяхъ. Я вотъ, по крайней мѣрѣ, знаю Мейера сколько лѣтъ и знаю съ отличной стороны. Вѣдь правда, обратился онъ къ подходившему полиціймейстеру, вѣдь правда, что Мейеръ отличный человѣкъ?

Полиціймейстеръ, съ которымъ я уже былъ знакомъ, покрутилъ усы и, не отвѣчая на обращенный къ нему вопросъ, протянулъ руку съ дневнымъ рапортомъ.

— Да, — продолжалъ, воодушевляясь, Карлъ Карловичъ Венцель,—я сколько лѣтъ управляю губерніей и нѣтъ и не будетъ у меня такого головы. Подати всегда оплачены, дороги въ исправности. Наконецъ, вы знаете: почемъ онъ мнѣ поставляетъ овесъ?

Я сталъ положительно втупикъ отъ подобнаго, совершенно неожиданнаго вопроса.

— Но,—отвѣчалъ я...

— Дѣло не въ но, а надо немедленно освободить Мейера.

— Къ сожалѣнію, я не могу этого сдѣлать.

— Что вы сказали?

— Я сказалъ, что не могу исполнить вашего желанія.

— Не можете... не можете,—повторилъ онъ,—но если я вамъ прикажу.

— Если бы, ваше превосходительство дали мнѣ это приказаніе и на бумагѣ, я бы затруднился исполнить его и счелъ бы себя обязаннымъ сдѣлать вамъ представленіе о неудобствахъ...

— Но я васъ посажу на гауптвахту.

— Это въ вашей волѣ.

— Я отберу отъ васъ слѣдствіе.

— Это въ вашей волѣ, но, передавая слѣдствіе, я приложу къ нему соотвѣтственное постановленіе, въ поясненіе необходимости принятой мною мѣры и въ огражденіе своей отвѣтственности.

К. К. Венцелв очевидно не нашелся, что отвѣтить. Онъ круто отвернулся отъ меня и пошелъ по дорожкѣ.

Я и полиціймейстеръ слѣдовали за нимъ. Прошло нѣсколько минутъ довольно тяжелаго молчанія. Венцель вдругъ наклонился, срѣзалъ какой-то цвѣтокъ, понюхалъ его и, повернувшись ко мнѣ (я шелъ непосредственно за нимъ), показалъ мнѣ этотъ цвѣтокъ.

— Что хорошъ?

Я похвалилъ.

— Да, mon cher, самъ выходилъ.

Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы спросить, не будетъ ли какихъ приказаній.

Послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ и, вслѣдъ затѣмъ, вопросъ когда я поѣду?

— Сегодня же,—былъ мой отвѣтъ.

— Ну, съ Богомъ, работайте и кончайте скорѣе.

Я обѣдалъ въ этотъ день у А. С. Савинскаго. Пріѣхалъ и полицiймейстеръ, невольный свидѣтель нашего объясненія. Тотъ и другой, не высказываясь ни за, ни противъ моихъ дѣйствій, посовѣтывали мнѣ съѣздить къ члену совѣта, завѣдывающему вторымъ (судебнымъ) отдѣленіемъ, чтобы предупредить его, по крайней мѣрѣ, отзываясь о немъ съ отличной стороны. Я нашелъ, что это забѣганіе будетъ едва ли умѣстно, тѣмъ болѣе, что если бы у меня и отобрали слѣдствіе, то оно поставлено мною въ такое положеніе, что едва ли какой слѣдователь можетъ свернуть его съ истиннаго пути.

Чтобы нѣсколько пояснить происшедшее между мною и К. К. Венцелемъ объясненіе, я бы долженъ былъ посвятить нѣсколько строкъ его характеристикѣ, но вся она можетъ быть очерчена нѣсколькими словами. Онъ былъ рыцарь въ душѣ, добрѣйшій отъ природы человѣкъ и слабѣйшій до невѣроятности характеромъ. Эта слабость, какъ у всѣхъ безхарактерныхъ людей, не мѣшала ему и очень часто горячиться, но вмѣстѣ съ горячностью пропадала и энергія. Мудрено ли, что онъ былъ орудіемъ въ рукахъ каждаго, кому только приходило въ голову вертѣть имъ. Въ глазахъ администраторовъ того времени, къ сожалѣнію и послѣдующихъ, отъ волостныхъ головъ и высшихъ надъ ними полицейскихъ чиновъ, не требовалось ничего болѣе, какъ исправности дорогъ, безнедоимочности въ податяхъ; а въ этомъ отношеніи Мейеръ дѣйствительно отличался. Чего стоила крестьянамъ эта исправность — вопросъ другой! Вникать въ него никому не было надобности и охоты. Но Мейеръ шелъ далѣе: онъ съумѣлъ удружить каждому нужному человѣку, стоящему во главѣ мѣстной администраціи.

Съ одними онъ покумился, благо семья у него была большая, другимъ—онъ услуживалъ поставкой, напримѣръ, овса за такую цѣну, за которую не мыслимо было гдѣ-либо купить его, съ третьими—онъ не церемонился, а прямо вносилъ каждогодную подать. Добродушнѣйшему К. К. Венцелю, хотя онъ и былъ прямымъ хозяиномъ губерніи, а потому и долженъ бы былъ знать цѣны, по крайней мѣрѣ, на важнѣйшіе продукты, не приходило и въ голову, что, пользуясь, и съ такой благодарностью, услугами Мейера, какъ коммиссіонера, онъ въ существѣ бралъ взятки. А окружающихъ его непосредственныхъ совѣтниковъ и руководителей, характеръ установившихся между ними и Мейеромъ отношеній, нисколько не затруднялъ. Они считали своей моральной обязанностью поддерживать его во что бы то ни стало.

Когда я возвратился къ мѣсту своего слѣдствія, то утромъ зашелъ ко мнѣ засѣдатель, съ очевиднымъ намѣреніемъ разузнать, что

произошло въ Иркутскѣ. Я не счелъ нужнымъ скрывать истину. Затѣмъ, нѣсколько пожавшись, Строевъ обратился ко мнѣ съ вопросами: имѣю ли я что̀ противъ П. А. Изв...го. Я отвѣчалъ, что этой фамиліи я даже не знаю.

— Какъ?—да вѣдь онъ управляетъ губерніей...

— Губерніей... По дорогѣ въ Иркутскъ не его ли я встрѣтилъ?— Фуражка съ краснымъ околышемъ.

— Онъ самый.—Семья его живетъ въ 12-ти верстахъ отсюда, на солеваренномъ заводѣ... на дачѣ. Онъ пріѣзжаетъ навѣщать ее.

— Скажите откровенно, что побудило васъ задать мнѣ вопросъ о моихъ отношеніяхъ къ И...у.

— Видите: я давно знакомъ съ Петромъ Александровичемъ. Ему обязанъ я и вызовомъ сюда и мѣстомъ. Я принятъ очень хорошо и въ семьѣ. Жена его высказывала уже не разъ удивленіе, почему вы не удостоили ее визитомъ. Мужъ же ея, въ свою очередь, раздраженъ тѣмъ, что, производя слѣдствіе въ предѣлахъ его губерніи, вы не явились къ нему оффиціально. Арестованіе Мейера еще болѣе подлило масла въ огонь... Я не признаю себя въ правѣ давать какіе-либо совѣты, но знаю, что графъ Муравьевъ очень цѣнитъ Петра Александровича, а съ другой стороны домъ его одинъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ... въ Иркутскѣ...

Я откровенно объяснилъ въ чемъ дѣло. Послѣдовало обсужденіе способа исправить ошибку. Рѣшено было, что сдѣлать первый шагъ придется мнѣ, что удобнѣйшимъ средствомъ представляется сдѣлать визитъ на дачѣ. Сомнѣніе о неимѣніи мундира устранилось само собой. Обусловлено было ѣхать въ тотъ же день, при чемъ подготовить къ моему визиту принялъ на себя Строевъ, который и поѣхалъ ранѣе.

Въ 2 часа дня и я подкатилъ къ казенному дому, въ которомъ жилъ Петръ Александровичъ. Обо мнѣ доложили. Я тотчасъ же былъ принятъ его супругою, Авдотьею Григорьевною, обворожившей меня своей любезностью. Это была одна изъ тѣхъ женщинъ, которая умѣла съ перваго же раза обставить новое знакомство такъ, что представившемуся не приходило и въ голову, что онъ еще новичекъ.

Визитъ, какъ первый, продолжался, сравнительно, столько времени, что мнѣ становилось не ловко. Авдотья Григорьевна взглянула въ окно.

— А вотъ и Пьеръ идетъ,—сказала она мнѣ, вставъ съ мѣста и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по направленію къ двери. Дверь открылась и въ комнату вступили Петръ Александровичъ и Строевъ. Они о чемъ-то разсуждали и, повидимому, горячо.

Съ перваго взгляда на Петра Александровича, можно было убѣдиться, что онъ человѣкъ желчный и раздражительный, но съ тѣмъ вмѣстѣ отходчивый.

Послѣдовало представленіе. Онъ не протянулъ мнѣ руки и, не глядя на меня, спросилъ:

— Вы, какъ я знаю, давно въ Иркутскѣ?

Я отвѣтилъ, пояснивъ, что черезъ 4 дня по пріѣздѣ, я получилъ порученіе, а потому...

— Но, начиная слѣдствіе въ управляемой мною губерніи...

Авдотья Григорьевна не дала ему докончить фразы.

— Тутъ произошло маленькое недоразумѣніе,—вмѣшалась она.— Мы объяснились и...

— Да ты, матушка, имѣй какія хочешь объясненія: мнѣ до нихъ нѣтъ дѣла, тутъ служебныя отношенія. Арестовали бывшаго голову... желательно бы было знать...

— Основанія,—перебилъ я.—О томъ же разспрашивалъ меня и Карлъ Карловичъ еще вчера...

— А, вы его видѣли?—Ну, и что же?—Старикъ распушилъ васъ.

И онъ усмѣхнулся. Авдотья Григорьевна, очевидно, успокоенная, обратилась ко мнѣ.

— Вы, вѣроятно, у насъ отобѣдаете?!.

Я поклонился.

— Еще бы,—сказалъ Петръ Александровичъ,—въ деревню, матушка, не ѣздятъ съ визитами. Ты отправься-ка по хозяйству, а мы тутъ потолкуемъ.

И тутъ только онъ указалъ мнѣ на стулъ, самъ усѣлся и начался дѣловой разговоръ.

Петръ Александровичъ сознался, что о Мейерѣ онъ самъ неблагопріятнаго мнѣнія, но...

— Что же дѣлать?—прибавилъ онъ.—Его поддерживали со всѣхъ сторонъ. Изъ-за этого дѣла и я потерпѣлъ много непріятностей. Меня обвиняли, что все дѣло возникло изъ-за того, что я самъ не поѣхалъ на мѣсто, вначалѣ. Но, что же я бы сдѣлалъ?

Затѣмъ крутой переходъ.

— А вотъ что... я слышалъ, что вы у меня завалили все волостное правленіе письменными требованіями.

— Удивляюсь, отъ кого вы это могли слышать. Пока я ограничивался личными справками и требованіемъ нѣкоторыхъ дѣлъ къ себѣ.

— Я попрошу васъ не забывать, что вы производите слѣдствіе въ рабочую пору и что крестьянъ надо пощадить. А, скажите, что за оригинальный способъ передвиженія вы придумали. Вообрази,— обратился онъ къ вошедшей женѣ,—ѣду я изъ Иркутска и вдругъ встрѣчаю, въ Сибири-то, туриста въ шарабанѣ въ одну лошадь, съ собакой...

— Этимъ туристомъ,—обратился я къ Авдотьѣ Григорьевнѣ,— былъ вашъ покорнѣйшій слуга.

Я пояснилъ, что, не любя неминуемыхъ остановокъ изъ-за ло-

шадей на почтовыхъ станціяхъ, а тѣмъ болѣе на обывательскихъ и, щадя въ тяжелую рабочую пору крестьянъ и пользуясь удобствами тракта, я придумалъ съѣздить въ послѣдній разъ въ Иркутскъ, въ одноконномъ шарабанѣ безъ проводника, конечно, на перемѣнныхъ лошадяхъ.

— Отправляясь надняхъ въ объѣздъ по деревнямъ,—адресовался я къ Петру Александровичу,—я предполагаю дѣйствовать тѣмъ же способомъ. Въ экономіи двѣ лошади и проводникъ. Такимъ образомъ, я могу быть застрахованъ противъ обвиненія, вами только-что высказаннаго, что нарушаю интересы крестьянъ въ дорогую для нихъ пору, хотя съ другой стороны, я нисколько не виноватъ, что меня послали производить слѣдствіе именно въ эту пору. Наконецъ, я освобождаюсь отъ бывшихъ между мною и крестьянами пререканій. Представьте себѣ вначалѣ, когда мнѣ предстояло ѣздить на обывательскихъ или междудворныхъ, мнѣ стоило неимовѣрнаго труда понудить ямщика взять прогоны. У насъ этого не водится; говорили мнѣ. Напрасно разубѣждалъ я ихъ тѣмъ, что я, какъ и всякій чиновникъ, командируемый по дѣламъ службы, получаю для расплаты съ ними за взятыхъ лошадей — прогонныя деньги, которыя не имѣю права присвоивать себѣ, такъ какъ взятіе даромъ подводы составляетъ нарушеніе, закономъ предусмотрѣнное и подвергающее виновныхъ отвѣтственности. Они стояли и стоятъ на своемъ. При новой, установившейся системѣ передвиженія, недоразумѣнія исчезли, такъ какъ на мнѣ лежитъ прокормъ препровождающихъ меня лошадей.

— Отсюда прямой выводъ,—сказалъ Петръ Александровичъ,— что вамъ не сдобровать. Нововводителей, бьющихъ по карманамъ, побиваютъ каменьями. Да,—продолжалъ онъ, вздохнувъ,—мы стоимъ на злоупотребленіяхъ, а какъ пресѣчь и отвратить ихъ. Однихъ добрыхъ намѣреній мало. Необходимы люди, а гдѣ ихъ взять?

— Ну, не философствуй,—прервала его Авдотья Григорьевна.— Пойдемъ лучше обѣдать.

Едва въ десятомъ часу вечера мы разстались. Ѣдучи назадъ съ Строевымъ, я не могъ не выразить ему глубочайшей благодарности. Если бы не онъ, облачко, которое легло между мною и Петромъ Александровичемъ совершенно случайно, по моей собственной неосторожности, могло бы разростись въ грозовую тучу. А на войнѣ пріобрѣтеніе каждаго лишняго союзника — шагъ къ побѣдѣ.

Мнѣ пришлось на другой же день имѣть другой щекотливый разговоръ.

Пожаловалъ ко мнѣ исправляющій должность исправника. Молодой человѣкъ, лицеистъ, не безъ апломба — вотъ все, что я могъ замѣтить въ немъ по первому впечатлѣнію. Выразивъ сожалѣніе, что онъ не засталъ меня въ Иркутскѣ и что, вообще, я пріѣхалъ въ такое время, когда всѣ ближайшіе сотоварищи мои по службѣ

въ разгонѣ, — онъ перевелъ разговоръ на тему, имѣвшую интересъ дня.

— Вы арестовали Мейера. Мнѣ кажется, не ошиблись ли вы...

— Позвольте,.. я арестовалъ его на основаніи такихъ неопровержимыхъ данныхъ его виновности.

— Не смѣю спорить, но вся подкладка дѣла такова...

— Что я имѣю полное основаніе заключить, что если въ дѣлѣ и есть жертва, то, конечно, не Мейеръ..

— Не спорю... но дѣло вотъ въ чемъ. Я пріѣхалъ покорнѣйше попросить васъ, потоварищески, выпустить его.

— Т. е. какъ выпустить?

— Видите, онъ мнѣ крайне нуженъ. Вамъ извѣстно, что я поручилъ ему закупъ хлѣба.

— Но я вѣдь принялъ мѣры къ обезпеченію интересовъ казны. Развѣ вы ими не довольны?

— Нѣтъ, благодарю васъ...—и собесѣдникъ мой сконфузился.

— Но я задалъ ему, — продолжалъ исправникъ черезъ нѣсколько секундъ, — такое количество денегъ безъ росписокъ даже, что для приведенія въ порядокъ нашихъ разсчетовъ, необходимо, чтобы онъ, съ новымъ довѣреннымъ моимъ, объѣхалъ волость.

— Понимаю. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, вашъ личный интересъ требуетъ, чтобы мною были принесены въ жертву интересы слѣдствія.

Видя крайне затруднительное положеніе, въ которое поставленъ мой собесѣдникъ, я, подумавъ нѣсколько, рѣшился пойти на компромиссъ.

— Собственно говоря, мнѣ, какъ слѣдователю, кромѣ исполненнаго мною въ интересахъ казны и пострадавшихъ по дѣлу, не было бы законнаго основанія входить въ побужденія, руководящія вами и приведшія васъ къ необходимости входить въ сдѣлку, столь важную для казны, съ человѣкомъ, находившимся подъ гнетомъ тяжелаго обвиненія. Но, какъ человѣкъ, я не могу не принять участія въ вашемъ положеніи, а потому...

— А потому? — переспросилъ меня исправникъ.

— Собираясь съ завтрашняго же дня объѣзжать деревни для опроса обыскныхъ людей, — продолжалъ я, — поѣздка моя, по разсчету, продлится не менѣе восьми дней, въ теченіе которыхъ надобности мнѣ въ Мейерѣ не будетъ, я готовъ отдать его на эти дни на ваше поручительство.

— Ахъ, какъ я вамъ благодаренъ.

— Позвольте... у меня есть оговорки. Я предвижу, что безъ очныхъ ставокъ слѣдствію не обойтись. Я назначу ихъ на такой-то праздничный день, здѣсь. Такимъ образомъ, вы обяжетесь передо мной, конечно, честнымъ словомъ, что, наканунѣ этого дня Мейеръ будетъ сидѣть въ томъ же самомъ помѣщеніи, откуда вы его возьмете.

— Даю вамъ, не задумываясь, это честное слово.

— Мало того: вы обѣщаете мнѣ, что, для сохраненія нравственнаго значенія принятой мною мѣры, въ разъѣздахъ по волости, Мейеръ будетъ сопровождаемъ постоянно двумя провожатыми, дабы крестьяне видѣли, что онъ все-таки арестантъ.

— Обѣщаю и это.

— Наконецъ, послѣднее. Я уѣду завтра и, только послѣ моего отъѣзда, вы предъявите волостному правленію бумагу, которую я вамъ вручу.

Исправникъ согласился и на это. Мы разошлись.

На другой день, къ вечеру, я отправился въ объѣздъ по деревнямъ.

III.

Откуда явился Мейеръ.—Разсказы крестьянъ объ истязаніяхъ и злоупотребленіяхъ Мейера.—Засѣченные имъ невинные люди.—Фальшивая подорожная по высочайшему повелѣнію.—Покровительство ловкачамъ въ Сибири.

Съ объѣзда я вернулся съ достаточнымъ запасомъ матеріаловъ, увы, не утѣшительнаго свойства. Сердце содрагалось отъ того, что мнѣ пришлось выслушать и записать. Прошнурованная тетрадь, заключавшая въ себѣ громадное число листовъ записанныхъ мною показаній обыскныхъ людей, въ числѣ которыхъ были люди, съ честью отслужившіе по два трехлѣтія въ обязанности головъ, люди, отличенные и жалованными кафтанами и медалями, людей, показывавшихъ мнѣ подъ священническими увѣщаніями—представляла цѣлую драму девятилѣтнихъ страданій, страданій, отъ которыхъ у постороннихъ, не привыкшихъ къ слѣдственнымъ драмамъ, застыла бы кровь. Растрата, какъ она ни затрогивала крестьянскіе карманы, теряла всякое значеніе. Въ этой тетради, что ни строка,—заключалось тяжелое, уголовное обвиненіе. И все это, въ теченіе 9 лѣтъ, совершалось изо дня въ день, въ какихъ-нибудь 100 верстахъ отъ резиденціи главнаго начальства края, представителемъ котораго была такая личность, какъ графъ Муравьевъ.

Волость, о которой идетъ дѣло, самой природой была раздѣлена какъ бы на двѣ половины. Демаркаціонной линіей служила рѣка. Одна половина — лѣсная и горная — тяготѣла къ городу, другая— степная и ровная, прилегавшая къ Ангарѣ, какъ болѣе отдаленная отъ города, стояла какъ бы особнякомъ. Естественныя условія на столько благопріятствовали обѣимъ половинамъ, что имъ приходилось жить припѣваючи.

«И жили мы, какъ у Христа за пазухой... припѣваючи,—говорилъ мнѣ старикъ, бывшій два раза головою.—И было у насъ, батюшка, условлено, для облегченія общественной службы: одно трехлѣтіе—

служить одной половинѣ волости, другое трехлѣтіе—другой. И такое раздѣленіе намъ было совершенно безобидно. И отецъ мой служилъ головой, и я, въ возростъ придя, отслужилъ и старшиной, и старостой лѣтъ пять—въ довѣренные избирали, головой два трехлѣтія былъ.

«Появился въ волости еврей, поселенецъ. За что онъ былъ сосланъ—неизвѣстно. Привезъ онъ мальчишку, сына. Подросъ онъ у насъ на глазахъ. Жилъ себѣ еврей спокойно, никого не обижалъ. Свое дѣло велъ хорошо. Богатѣлъ, но не въ обиду намъ. Росъ и мальчуганъ сынъ. Приняли мы отца въ свое общество. Сына онъ женилъ, выдѣлилъ ему хозяйство. Человѣкъ ничего себѣ—юркій, хоть куда. Вотъ мы его попробовали: прошелъ онъ всѣ низшія должности. Выбрали его, наконецъ, головой.

«Смотримъ, съ первыхъ дней повелъ дѣло разумно. Насъ не обижаетъ. Держитъ себя ровненько. Съ начальствомъ то покумится, то какую другую услугу окажетъ. Къ намъ благоволитъ. Самъ не пьетъ.

«Отслужилъ трехлѣтіе. Дѣло близится къ сроку. Объѣхалъ онъ насъ. Говоритъ такъ-то и такъ-то: служилъ я вамъ вѣрой и правдой, никого не обижалъ. Такъ поберегите и меня. Хозяйство я поразстроилъ: выручите. Посудили, порядили. Что же, быть такъ. И выбрали его добровольно на второе трехлѣтіе.

«Смотримъ: дѣло пошло что-то не такъ. Хозяйство его начало поправляться, а намъ что-то жутко становилось. Смотримъ: тотъ охаетъ, тотъ пожимается. Недоимки нѣтъ. Говоритъ, свои внесъ. Ладно, говоримъ, да зачѣмъ же вносилъ? Мы бы и сами внесли, а тутъ съ надбавочкой приходится отплачиваться. Попивать началъ, началъ подчасъ и драться, и зазнался... знай нашихъ. Опять срокъ подходитъ: мы было сговорились смѣстить. Начальство наѣхало, уговорило, подмаслило. Какого вамъ другого голову? Уступили: выбрали на третье трехлѣтіе.

«Но ужъ тутъ пошли чудеса. Удержа не стало. Извергомъ сталъ. Сколько хозяйствъ разорилъ, сколько по міру пустилъ, сколько на тотъ свѣтъ извелъ. Попоречить не думай: изобьетъ, издеретъ, а пойдешь съ жалобой... въ Якутскую область.

«Сколько такихъ у насъ пропало: вызовутъ въ земскій, и слѣдъ простылъ. Самъ наживается: хлѣбъ поставляетъ въ казну, а какъ? свой сбудетъ по настоящей цѣнѣ, а нашъ—будто по объявленной. Задастъ деньжатъ бѣдняку, а затѣмъ и выколачиваетъ хлѣбную недоимку, да какъ выколачиваетъ. Пріѣдетъ, сейчасъ въ сборную. Бѣда, коль пьяненькій. Вызоветъ должника, и ну надъ нимъ чуфориться.—«За тобой, молъ, должёкъ есть? Что же принесъ?» Мужикъ въ ноги кланяется, а онъ его то самъ по рожѣ, то велитъ десятскимъ бить, то разложитъ... и, ну, драть. А самъ потѣшается. Оберетъ подати, смотришь—недоимка. Откуда взялась? Добраться

нельзя. Писарь—свой. Онъ по правдѣ не обижаетъ, тоже вотъ и баринъ, Александръ Максимовичъ, довольствуется положеннымъ. Посуловъ не берутъ, а съ головой заедино. Въ зашей изъ волостнаго правленія. Поборы ростутъ, на что, почему. Всѣмъ отъ насъ въ губерніи положено... Нѣтъ: наѣдутъ они подъ праздникъ, будто въ гости, къ головѣ. Цѣлыми семьями: тарантасъ за тарантасомъ. И пойдетъ у нихъ гульба, разливное море, картежъ. Скачутъ по деревнямъ—полупьяные. На рыбалку ѣздятъ—цѣлыми таборами. Оберутъ рыбы страхъ и увезутъ съ собой. Намъ и не вдомёкъ: думаешь, вѣдь на свои деньги хороводится. Какъ же: смотришь, съ насъ лишняго то копѣечка, то грошикъ, то и цѣлый пятакъ. Мірскіе-то сборы, темные, за его-то время, чуть не вдесятеро увеличились. Ну, а съ пріискателями. У насъ споконъ вѣка велось—лучше міромъ помочь бѣдняку-крестьянину, чтобы только на пріиски не уходилъ. Крестьянское ли это дѣло. А у него съ писаремъ не то на умѣ. Хороводятся съ пріискателями. Чуть недоимка на мужичкѣ и сбудутъ его пріискателю, инъ разъ, силой уволокутъ. А ужъ разъ угодилъ туда... не вернется. Чай замѣтили, сколько заколоченныхъ домовъ. И все это добрые хозяева были. Не втерпежъ намъ стало, и порѣшили мы общимъ совѣтомъ на четвертое трехлѣтіе избрать другого».

Какъ иллюстрацію къ этому безъискусственному разсказу, позволимъ себѣ, изъ массы приведенныхъ въ доказательство фактовъ, упомянуть слѣдующее:

Въ одной деревнѣ полупьяный, а въ этомъ видѣ Мейеръ обращался въ какого-то изверга, изъ-за грошевой недоимки, былъ имъ подвергнутъ экзекуціи крестьянинъ: черезъ каждые три часа, даже ночью, давали ему извѣстное количество розогъ. Экзекуція продолжалась двое сутокъ и окончилась тѣмъ, что подъ послѣдними ударами—жертва отдала Богу душу. Дѣло скрыто. Нашлись, однако, свидѣтели, сами исполнявшіе это истязаніе и подтвердившіе фактъ буквально.

Мужичекъ проситъ отсрочки до перваго базарнаго дня,—продать коровку повыгоднѣе. У него корову отбираютъ. Онъ хватается за нее, не отдаетъ: его отрываютъ. Черезъ часъ—мужикъ повѣсился. Увидѣвъ трупъ, Мейеръ толкнулъ его ногой. «Собакѣ—собачья смерть»,—проговорилъ онъ. А смерть уважаемаго всѣми крестьянина Голубушкина. Человѣкъ лѣтъ подъ 60. Имѣлъ несчастье повздорить съ головой. Его вызываютъ въ волостное правленіе. Видѣли, какъ онъ вошелъ, но вынесли его уже трупомъ. Я вытребовалъ дѣло изъ окружнаго суда. Оказалось, что окружный врачъ далъ заключеніе, что упоминаемый крестьянинъ страдалъ аневризмомъ и, подымаясь въ жаркій день въ гору, на которой расположено волостное правленіе, будучи въ нетрезвомъ видѣ, подвергся разрыву чего-то. Судъ рѣшилъ: предать дѣло волѣ Божіей. Рѣшеніе

это утвердилъ въ качествѣ губернатора Венцель. Ему не пришло въ голову вспомнить расположеніе мѣстности, въ которой, однако, онъ бывалъ неоднократно. Смѣхъ, при всякомъ другомъ случаѣ, пробралъ бы всякаго, знающаго мѣстность. Въ воображеніи врача, простой пригорокъ оказался горой. Къ тому же надо принять во вниманіе, что вскрытія не происходило, что покойный хмельнаго въ ротъ не бралъ. Жертва была запросто засѣчена въ волостномъ правленіи по распоряженію и подъ непосредственнымъ руководствомъ Мейера. Мнѣ было поставлено въ вину, что я вытребовалъ это дѣло, произвелъ по немъ дознаніе и пріобщилъ къ слѣдствію. Это было посягательствомъ на власть губернатора.

«Подошелъ срокъ,—продолжалъ старикъ,—четвертыхъ выборовъ. Мы порѣшили покончить съ Мейеромъ. Съѣхались вечеромъ: приходитъ на общественную квартиру писарь. «Такъ, молъ, старики, много я передъ вами повиненъ. Не хочу болѣе на совѣсть грѣхъ брать. А въ деньгахъ у насъ нехватка, и все я это вамъ покажу». Произвели на утро учетъ и точно нехватка. Какъ это такъ, обращаемся къ головѣ, а онъ насъ обругалъ и пригрозилъ. Мы бумагу составили, сундукъ запечатали и выбрали другого голову и другихъ начальниковъ. Разъѣхались по домамъ спокойные, зная, что противузаконнаго ничего не сдѣлали. Не проходитъ трехъ дней, вызываютъ насъ въ волость. Видимъ: исправникъ. «Что вы, молъ, куричьи дѣти, какую тутъ нехватку нашли. Я самъ все повѣрилъ. Бумагу вашу вотъ я привезъ назадъ», и всунулъ ее намъ. А теперь подписывайте приговоръ, что выбирается Мейеръ. Мы стѣной стали, не хотимъ. Обругалъ онъ насъ тутъ на чемъ свѣтъ стоитъ, кое-кому далъ по затрещинѣ... ускакалъ. Смотримъ— выборы не утверждены и Мейеръ опять головой... Мы жалобу губернатору и бумагу, исправникомъ оставленную, и учетъ—приложили. Требуютъ насъ опять въ волость. И исправникъ, и совѣтникъ убѣждаютъ. Мы свое. Къ вечеру отвели насъ всѣхъ въ арестантскую и заперли всѣхъ вмѣстѣ. За что?—понять не можемъ. Въ числѣ насъ, довѣренныхъ, были и молодые. Они, было шумѣть. Мы, старики, ихъ угомонили. Уговорились стоять крѣпко за свои права, не сдавать, но не буянить. Нѣтъ, нѣтъ—къ намъ постукиваютъ въ окно. То баринъ Александръ Максимовичъ (засѣдатель): что вы, молъ, братцы, противъ сильнаго не борись. Священника отрядили. Мы свое: продержали еще сутокъ трое. Наѣзжаетъ жандармскій. Ужъ онъ намъ грозилъ, грозилъ; и царю-де будетъ извѣстно, и бунтовщики-то мы. Просидѣли еще дня два. Приказъ вышелъ—заковать и везти въ Иркутскъ. И заковали, батюшка ваше благородіе; эти самыя руки въ кандалахъ были. И Господи Боже! Какого срама мы натерпѣлись! Повезли насъ, какъ преступниковъ, въ Иркутскъ, днемъ...

«Ну, и привезли. Посадили во 2-ю часть. Ждемъ, сутки прошли,

двое. Входятъ приставъ и исправникъ, солдаты розги несутъ. Если, молъ, сейчасъ приговора не подпишете, драть будемъ, и вотъ съ тебя, старика, начнемъ, ты, молъ, всему дѣлу зачинщикъ. Что же, говорю, Христосъ пострадалъ, а уже мнѣ чего же? Дерите... Скинулъ я съ себя кафтанъ. Не стерпѣла молодежь. Нѣтъ, кричатъ, дѣда въ обиду не дадимъ. А, говорятъ, такъ-то вы, собачьи дѣти, бунтовать. Схватили одного, повалили, выдрали здорово. Мы не дрогнули. За первымъ всталъ другой... раздѣлся и легъ. Тутъ-то, милостивецъ, явился Г. А . . . . въ (тотъ самый, который производилъ послѣдній учетъ). «Что, молъ, у васъ тутъ происходитъ?» Опѣшили, вышли... Много времени прошло... приходитъ частный. Говоритъ, что драть не будутъ, а пойдемъ мы всѣ въ Якутскую область. Перекрестились мы. На людяхъ и смерть красна. Продержали насъ еще съ сутки и отпустили въ волость.

«Прослышали мы, что ѣдетъ графъ. Приготовили прошенія. Не тутъ-то было, ночью ѣхалъ. Нагнали на станцію—казаковъ. Приступа не дали. А Мейеръ-то хорохорится. Впереди скачетъ. Голова—молъ, тише воды. Попробовали въ Иркутскъ съ прошеніями ѣхать. Какъ подъѣзжаемъ къ перевозу—обыскъ, найдутъ прошеніе—въ кутузку и по этапу назадъ. Не вытерпѣлъ сынъ, что у васъ тамъ торгуетъ. Вплавь Ангару переплылъ, да и къ графу. Дѣло было вечеромъ. Онъ—изъ собранія пріѣхалъ. Принялъ жалобу, прочелъ, вспыхнулъ. «Правду ли ты пишешь?»—спросилъ. «Ну, иди, съ Богомъ, самъ разберу». Пріѣзжаетъ сынъ ко мнѣ, разсказываетъ. Помолились мы съ нимъ Богу. Думаемъ, дѣло христіанское выиграемъ.

«Уѣхалъ сынъ домой. Черезъ недѣлю, проѣзжій мужичекъ привозитъ вѣсточку: сынъ, молъ, арестованъ, увезли закованнаго въ Иркутскъ. Взялъ онъ себѣ въ работники — поселенца. Подвели дѣльце: поселенецъ показалъ, что сынъ—фальшивую монету стряпаетъ. Подвели, какъ слѣдуетъ, обыскъ... нашли. Тутъ ужъ я не вытерпѣлъ. Кровь заговорила. Пробрался въ Иркутскъ съ другой стороны и прямо къ графу, въ ноги. Такъ-то и такъ-то. Онъ поднялъ меня, послалъ за губернаторомъ. Толковали, толковали. Выходитъ графъ. «Ступай, говоритъ, по фамиліи назвалъ, въ обиду васъ не дамъ». Черезъ нѣсколько дней вернули сына, а потомъ Мейера убрали, затѣмъ и вы, милостивецъ, пріѣхали, да за наше дѣло взялись».

Іюль близился къ окончанію. Во все это время, если я и выѣзжалъ въ Иркутскъ, то, каждый разъ, на нѣсколько часовъ, преимущественно для закупа хозяйственныхъ принадлежностей. К. К. Венцеля, со дня происшедшаго между нами объясненія, я видѣлъ раза два или три: оффиціальные пріемы тѣ же, за обѣдомъ—каждый разъ я получалъ отъ него приглашеніе—тоже радушіе. О дѣлѣ ни полслова. Буря, казалось, затихла: умолкли всякіе слухи и говоръ.

Не могу, слѣдуя хронологическому порядку изложенія, не упомянуть объ одномъ эпизодѣ, отозвавшемся впослѣдствіи.

Разъ, за обѣдомъ, К. К. Венцель спросилъ меня, не познакомился ли я съ Ѳ...

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.—Кто это такой?

— Это, mon cher, пріѣзжій. Что за человѣкъ! Какъ о политикѣ, о Петербургѣ разсуждаетъ. Заслушаешься. Онъ былъ у меня вчера.

Я не обратилъ вниманія на эти слова, тѣмъ болѣе, что въ Иркутскъ наѣзжало много народу и служилаго и не служилаго, считавшаго обязанностью являться къ Венцелю. Фамилія вновь прибывшаго мнѣ была совершенно неизвѣстна, а ласковость пріема, за рѣдкими исключеніями, была присуща К. К. Венцелю.

Бывая въ Иркутскѣ и оставаясь въ немъ на ночлегъ, я, если не могъ обѣдать у Савинскихъ, всегда бывалъ у нихъ вечеромъ, тѣмъ болѣе, что, въ то время, они одни изъ жившихъ открыто были въ городѣ. У нихъ по вечерамъ всегда былъ кто-нибудь. Полиціймейстеръ же Сухотинъ былъ обычнымъ гостемъ.

За чаемъ я спросилъ, что за личность этотъ Е. Ѳ...ъ, о которомъ съ такимъ восторгомъ отзывается К. К. Венцель.

Полиціймейстеръ насупился, затеребилъ свои громадные усы, что онъ дѣлалъ всегда, когда бывалъ чѣмъ-нибудь недоволенъ и отвѣчалъ:

— Ужъ этотъ мнѣ Карлъ Карловичъ. Восхищаться онъ—восхищается какъ ребенокъ, а между тѣмъ этотъ Ѳ...къ надѣлаетъ намъ хлопотъ. Даютъ мнѣ знать съ перевоза, что пріѣхалъ кто-то, предъявившій подорожную по высочайшему повелѣнію, и что онъ остановился въ гостинницѣ. Я тотчасъ къ нему. Не застаю дома: уѣхалъ къ Карлу Карловичу.

— Предъявлялъ подорожную?

— Нѣтъ еще.

— Ну, не спрашивайте: я самъ заѣду за ней.

Черезъ полчаса заѣзжаю вновь. Дома. Велю о себѣ доложить. Выбѣгаетъ ко мнѣ на встрѣчу. Смотрю я на него и думаю, что-то странно: съ личностью, передъ мной стоящей, какъ-то не вяжется—высочайшее повелѣніе. Предлагаетъ выпить и закусить. Я, конечно, отказываюсь. Изъ разговоровъ оказывается, что онъ завтра же ѣдетъ по якутскому тракту на пріиски, высматривать, нельзя ли пріобрѣсти какой-либо, потомъ возвратится и поселится въ Иркутскѣ надолго. Выпишетъ жену. Ѣдетъ же изъ Варшавы. Болтаетъ, дѣйствительно, занимательно. Я прерываю эту болтовню просьбой отдать мнѣ подорожную для прописки. Онъ замѣтно смущается, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ столу, потомъ вдругъ спрашиваетъ: «да вамъ зачѣмъ же подорожная?» «Какъ зачѣмъ»,—объясняю ему... «Я не знаю, куда я ее дѣлъ... У меня есть аттестатъ». Подорожная, вижу, лежитъ на столѣ и дѣлаю нѣсколько шаговъ къ столу,

чтобы взять ее. Такъ какъ онъ стоялъ ближе, то схватываетъ ее и моментально разрываетъ въ куски. Я такъ и остолбенѣлъ. А онъ суетъ мнѣ въ руки аттестатъ свидѣтельствующій объ отставкѣ... Что оставалось дѣлать? Беру изъ рукъ аттестатъ и удаляюсь. Оказывается, отставной гусарскій штабсъ-ротмистръ. Сегодня докладываю объ этой исторіи Карлу Карловичу. Онъ улыбается добродушно и увѣряетъ меня, что это шалость молодого человѣка... «Я пожурю его»... Оказывается, что для поѣздки на пріиски ему выдана изъ главнаго управленія казенная подорожная. Заѣзжаю въ гостинницу: Ѳ...ко слѣдъ простылъ, уѣхалъ по якутскому тракту. Нѣтъ, думаю, что-то не ладно. Сейчасъ командирую полицейскаго чиновника на ближайшую станцію провѣрить: какъ была прописана подожная. Вотъ жду и не могу дождаться посланнаго...

— Можетъ быть, говорю я, на послѣдней станціи, такъ какъ Ѳ... проѣзжаетъ ее ночью, подорожную не прописали.

— Всего вѣрнѣе и мой посланный, потерпѣвъ неудачу на первой станціи, поѣхалъ на слѣдующую.

На этотъ разъ дѣло съ Ѳ...ко окончилось, но оказалось, что онъ дѣйствительно предъявлялъ подорожную по высочайшему повелѣнію, выданную ему будто бы изъ Варшавы, для проѣзда черезъ Петербургъ, въ Иркутскъ и обратно. Послали справку въ Варшаву, отвѣтили, что подорожная за такимъ-то № выдана другому лицу, а Ѳ...ѣ никакой подорожной не выдавалось. Между тѣмъ, съ пріисковъ получено было свѣдѣніе, что Ѳ...ко, въ мундирѣ флигель-адъютанта, призводитъ опросы командѣ, выставляя себя какъ бы нарочно посланнымъ ревизоромъ; денегъ не беретъ, но въ карты играетъ усиленно и особенно счастливо. По пріѣздѣ въ Иркутскъ его накрываютъ, находятъ прямую улику: флигель-адъютантскій мундиръ. Казалось бы чего болѣе? Ѳ...ко проситъ аудіенціи у Карла Карловича и послѣдній пріостанавливаетъ всякое слѣдствіе, находя, что это все юношескія шалости, что Ѳ...ко знаетъ хорошо начальникъ артиллеріи Кондратьевъ, который былъ въ то время на Амурѣ, слѣдовательно, ручательство будетъ совершенно достаточно. Въ довершеніе всего онъ, Карлъ Карловичъ, пожурилъ молодого человѣка и довольно съ него. Поселяется Ѳ...ко въ Иркутскѣ, знакомится, живетъ роскошно и открыто, къ осени пріѣзжаетъ жена его. Надо замѣтить, что, по возвращеніи съ Амура добрѣйшаго Кондратьева, который, конечно, не обидѣлъ въ жизни мухи, онъ подтверждаетъ, что хоршо зналъ отца Ѳ...ко, заслуженнаго артиллерійскаго генерала, и помнитъ нашего героя еще юношей; этого отзыва оказалось достаточно, чтобы Ѳ...ко былъ принятъ въ лучшемъ обществѣ. Впрочемъ, на вечера къ нему стекалась преимущественно молодежь, такъ какъ вечера эти были исключительно игорные. По усиленной просьбѣ Ѳ...ко, на этихъ вечерахъ показывался и

Кондратьевъ. Между тѣмъ, пошелъ говоръ и о томъ, что Ѳ...ко играетъ слишкомъ счастливо, явились факты явнаго съ его стороны мошенничества, какъ напримѣръ разрывъ векселя, наконецъ, его изобличили въ шулерствѣ, въ отвѣтъ—онъ выстрѣлилъ и ранилъ изобличителя. Замять дѣло было нельзя. Подвиги Ѳ...ко, за два года его пребыванія въ Иркутскѣ, я разсказываю сжато, потому что, хотя мнѣ и пришлось судить его, но подробностей я не удержалъ въ памяти. Знаю только, что Ѳ...ко ушелъ на поселеніе. Привелъ же я его исторію, какъ доказательство, съ одной стороны — дальновидности К. К. Венцеля, съ другой—милыхъ порядковъ, существовавшихъ въ Иркутскѣ и дававшихъ возможность проходимцамъ, подобнымъ Ѳ...ко, проникать въ высшее общество, играть роль.

IV.

Свиданіе съ Михаиломъ Семеновичемъ Корсаковымъ.—Новое порученіе.—Первая аудіенція у графа Муравьева-Амурскаго.—Пребываніе въ Читѣ у М. С. Корсакова.—Шуга на рѣкѣ.—А. Д. Шелеховъ.—Увеселенія въ Иркутскѣ.—Иванъ Степановичъ Хаминовъ.—Общій пріемъ у графа Муравьева.

Наступилъ августъ. Въ первыхъ же числахъ его, я получилъ свѣдѣніе, что прибывшій въ Иркутскъ Забайкальскій военный губернаторъ М. С. Корсаковъ желалъ бы видѣть меня, пока онъ въ Иркутскѣ.

М. С. Корсаковъ остановился въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Доложили ему обо мнѣ. Вхожу. Онъ идетъ ко мнѣ на встрѣчу съ словами:

— Что вы надѣлали, что вы надѣлали?

Я былъ озадаченъ.

— Помилуйте,—поясняетъ онъ мнѣ,—Карлъ Карловичъ противъ васъ озлобленъ, жалуется, что вы идете на перекоръ его желаніямъ. Вооружили противъ себя товарищей.

— Какихъ?

— А Г....ва и Ан....ва. За ними тянется рядъ лицъ, приближенныхъ къ графу. Вѣдь я васъ предупреждалъ, что я принялъ васъ на службу безъ вѣдома графа... Удастся ли мнѣ оградить васъ...

— Позвольте вамъ замѣтить, что въ особенныхъ огражденіяхъ я не нуждаюсь, а если графу Муравьеву угодно будетъ вникнуть въ суть дѣла...

— Будетъ ему время вникать. И что это за несчастная мысль была поручить вамъ слѣдствіе. А вы заваливаете волостное правленіе требованіями, отрываете крестьянъ въ рабочее время...

— Эти аргументы, Михаилъ Семеновичъ, я уже слышалъ отъ Изв...скаго и фактически опровергъ.

— Я съ Изв...скимъ и не видѣлся.

— Тѣмъ пріятнѣе мнѣ это слышать. Этого нарождавшагося врага я обезоружилъ, а затѣмъ выслушайте меня и убѣдитесь, что ничего такого страшнаго съ моей стороны не дѣлалось и не дѣлается.

И я вкратцѣ разсказалъ ему дѣло. Онъ выслушалъ, подумалъ... и пришелъ къ заключительному выводу.

— Во всемъ этомъ виноватъ Из..ій.

— Да, конечно. Если бы онъ выѣхалъ на мѣсто, то иркутскихъ безобразій не было бы; но вѣдь въ предшествующихъ событіяхъ виноватъ не онъ... Из..ій лишь временно управляетъ губерніей.

М. С. прервалъ меня.

— Вамъ нужно сейчасъ же отказаться отъ слѣдствія.

— Какъ отказаться?

— Такъ, откажитесь. Пусть поручатъ, кому знаютъ.

— Что же это поможетъ дѣлу. Оно теперь въ такомъ положеніи, что если бы не справочныя свѣдѣнія, то было бы совершенно окончено. Записку же изъ него, требуемую генералъ-губернаторомъ, всего легче составить мнѣ. Да и, наконецъ, отказываться въ силу какихъ соображеній? Страха ради іудейскаго или по болѣзни?

— Вотъ что,—подумавши сказалъ Корсаковъ.—Я пріѣхалъ сюда между прочимъ, чтобы просить К. К. Венцеля командировать въ мое распоряженіе особаго чиновника по тому случаю, что мнѣ поручено отъ графа произвести серьезное слѣдствіе по горному вѣдомству, а потомъ—для разработки, по моимъ указаніямъ, вопроса объ устройствѣ быта ссыльныхъ. Хотя при отношеніяхъ вашихъ къ Карлу Карловичу я и не ручаюсь за успѣхъ, но я буду просить его откомандировать васъ въ мое распоряженіе. Этимъ путемъ вы загладите...

— Хотя мнѣ и нечего заглаживать,—прервалъ я,—но за ваше предложеніе я глубоко благодаренъ, хотя и боюсь: въ силахъ ли буду исполнить оба указанныя вами порученія, по недостатку спеціальныхъ свѣдѣній. Но и тутъ я позволю себѣ высказать одно условіе: нынѣшнее слѣдствіе не должно быть отъ меня отбираемо. Недѣли въ двѣ я приведу его въ такое положеніе, что могу смѣло взять его съ собой за Байкалъ для составленія записки, которую желалъ бы лично подать графу.

— Вы упрямы. Дѣлать нечего: попытаюсь. Были ли вы у Карла Карловича?

— Нѣтъ, не былъ.

— Поѣзжайте сейчасъ же.

— Да вѣдь пріемный часъ его кончился.

— Ничего, постарайтесь быть съ нимъ попочтительнѣе. Не проговаривайтесь, что меня видѣли. Онъ самъ пошлетъ васъ ко

мнѣ. Вечеромъ я буду у него и наведу разговоръ. Затѣмъ предупреждаю васъ, что если мнѣ удастся, то вамъ слѣдуетъ быть въ Читѣ не позже 15-го сентября. Иначе я уѣду, да и вы не окончите дѣла.

Мы разстались. Я исполнилъ совѣтъ и былъ тотчасъ же у Венцеля.

Онъ принялъ меня по обыкновенному. Ни намека. Спросилъ: видѣлъ ли я Михаила Семеновича Корсакова и, получивъ отрицательный отвѣтъ, пригласилъ меня обѣдать, пояснивъ, что, вѣроятно, и Михаилъ Семеновичъ будетъ. Что за двуличный человѣкъ, пришло мнѣ въ голову. Остававшимся промежуткомъ времени я воспользовался, чтобы сдѣлать отвѣтный визитъ Г....ву. Оказалось, что онъ уѣхалъ на Амуръ достраивать станціи, изъ которыхъ одна успѣла сгорѣть.

На обѣдѣ Корсакова не было. Обѣдъ прошелъ благополучно. К. К. былъ, по обыкновенію, любезенъ, шутилъ, разсказывалъ анекдоты.

Прощаясь, я доложилъ ему оффиціальнымъ тономъ, что предполагаю въ ночь уѣхать.

— Не видавшись съ Михаиломъ Семеновичемъ?

— Нѣтъ, я его видѣлъ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте... да заканчивайте скорѣе слѣдствіе. Вѣроятно... соскучились тамъ... надо и отдохнуть...—сказалъ онъ самымъ добродушнѣйшимъ образомъ.

— «О, люди, люди!»—думалъ я, сидя въ своемъ шарабанѣ.

Прошло дней десять и я получилъ подписанную К. К. Венцелемъ бумагу, въ которой мнѣ сообщалось, что я командируюсь въ распоряженіе М. С. Корсакова, для производства слѣдствій по горному вѣдомству и, съ тѣмъ вмѣстѣ, для разработки, по его указаніямъ, соображеній объ устройствѣ быта ссыльныхъ въ Восточной Сибири, при чемъ мнѣ указывалось, что необходимыя, для исполненія этого послѣдняго порученія, данныя, я долженъ получить изъ главнаго управленія, и что выѣздъ свой я долженъ расположить, хотя и соотвѣтственно положенію производимаго мною слѣдствія, но по такому разсчету времени, чтобы быть въ Читѣ не позже 15-го сентября.

Я, конечно, не оглашалъ полученнаго предписанія, тѣмъ не менѣе вѣсть о немъ разнеслась по волости съ быстротой молніи. Всѣ заинтересованныя въ ходѣ слѣдствія лица, конечно, обезпокоились. Послѣдовали робкіе запросы, и утѣшеніемъ послужило лишь завѣреніе мое, что дѣло я представлю, изъ рукъ въ руки, только графу Муравьеву.

Усиленно поработавъ въ теченіе августа, я привелъ слѣдственное дѣло въ то положеніе, въ какомъ желалъ его видѣть, и въ послѣднихъ числахъ августа возвратился въ Иркутскъ. Какъ ни

старался я скрыть день своего выѣзда изъ села, тѣмъ не менѣе, съ одной стороны—мнѣ пришлось слышать опять угрозы, что у меня дѣло отобьютъ, а съ другой—уѣхать съ скромными оваціями благодарныхъ крестьянъ.

По пріѣздѣ въ Иркутскъ, меня ждало анонимное письмо отъ Петрашевскаго, почеркъ котораго я очень хорошо зналъ еще по Петербургу. Онъ выражалъ мнѣ «свое благоволеніе» за безукоризненныя въ пользу крестьянъ дѣйствія.

Пришлось намъ долго ждать въ Иркутскѣ графа Муравьева. По особымъ причинамъ онъ отсрочивалъ возвращеніе, отвергъ готовящійся ему особый фестивалъ въ видѣ рождественской елки, предпочелъ высидѣть праздники въ Посольскомъ и только поздно вечеромъ 1-го января 1860 года прибылъ въ Иркутскъ. На другой день графъ Муравьевъ принялъ лишь Совѣтъ Главнаго Управленія. Затѣмъ разнеслось въ оффиціальныхъ сферахъ, что будетъ назначенъ особый пріемъ, и въ томъ числѣ для вновь прибывшихъ. Такъ какъ я имѣлъ опредѣленное мѣсто, слѣдовательно, принадлежалъ уже къ составу управленія, къ тому же предвидѣлъ, что мнѣ придется отдать отчетъ какъ по слѣдствію, такъ и по другому дѣлу, произведенному за Байкаломъ, которое, по странному стеченію обстоятельствъ, мнѣ пришлось направить совершенно не такъ, какъ предполагалъ графъ Муравьевъ, то я и предпочелъ, не дожидаясь общаго пріема, пойти къ нему въ первый день, когда онъ будетъ принимать просителей. Я такъ и сдѣлалъ. Хотя совѣсть моя и была чиста, но я зналъ, что графа встрѣчали и сопровождали тоже Г....вы и Ан....вы, которые, въ извѣстной мѣрѣ, имѣли зубокъ противъ меня. На М. С. Корсакова я не могъ вполнѣ надѣяться.

Когда я стоялъ въ пріемной комнатѣ, ожидая выхода Муравьева, я былъ взволнованъ до нельзя. Стоялъ я третьимъ отъ двери. Народа была масса. Минута въ минуту, дверь распахнулась, показался графъ Муравьевъ, окинулъ взоромъ всю залу, принялъ рапортъ отъ полиціймейстера, что-то ему сказалъ и затѣмъ, въ сопровожденіи незнакомаго мнѣ адъютанта, пошелъ по направленію ко мнѣ. Выслушалъ одного, другого, наконецъ, стоитъ передо мной. Я назвалъ свою фамилію. Я видѣлъ графа Муравьева еще студентомъ, за 9 лѣтъ до этой оффиціальной встрѣчи.

— А, здравствуйте, — произнесъ онъ, протягивая мнѣ руку. — Съ вами мнѣ нужно побесѣдовать. Останьтесь.

И онъ перешелъ къ слѣдующему лицу. Какъ бы гора свалилась съ моихъ плечъ. Если будетъ бесѣда, то чѣмъ бы она не кончилась... она не такъ опасна.

Отпустивъ послѣдняго просителя, графъ Муравьевъ, направляясь къ двери, показалъ мнѣ рукой, чтобы я слѣдовалъ за нимъ. Пройдя одну узкую комнату, я очутился въ кабинетѣ. Оглядѣлся, вижу:

Карлъ Карловичъ Венцель, Пл. Петр. Сукачевъ и Изв....ій. Графъ обернулся ко мнѣ.

— Вы, я слышалъ,—началъ онъ,—не даромъ потеряли время. Поработали... Вѣдь вы производили такое-то слѣдствіе?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Что же обнаружили?

Я пояснилъ, сколько было можно, не вдаваясь въ излишнія подробности. Графъ прослушалъ внимательно, не прерывая. Когда я замолчалъ, онъ, глядя мнѣ прямо въ глаза и положивъ руку на плечо, спросилъ:

— Я убѣжденъ, что дѣло вы вели такъ, что комаръ носа не подточитъ.

— Во всякомъ случаѣ, по совѣсти, графъ.

Отвернувшись отъ меня, графъ Муравьевъ обратился къ Сукачеву съ словами:

— А что у насъ, Платонъ Петровичъ, есть, какъ кажется, свободная вакансія старшаго чиновника...

— Точно такъ, ваше сіятельство, вакансія Большакова.

— Назначить его,—сказалъ онъ,—отпуская меня, и немедленно обратился къ К. К. Венцелю, такъ что я понялъ, что дѣло не въ благодарности и что аудіенція кончена.

Прошло послѣ того много лѣтъ. Муравьева уже не было въ Сибири, не было ни Венцеля, Из...го; царствовалъ тамъ Корсаковъ.

Слѣдствіе о Мейерѣ, пройдя всѣ мытарства, совѣтъ губернскаго и главнаго управленій, пройдя, какъ говорили тогда, цензуру самого Корсакова, поступило, наконецъ, въ губернскій судъ, въ которомъ я въ то время служилъ. Разумѣется, въ рѣшеніи дѣла я не участвовалъ. Рѣшеніе состоялось снисходительное, почти равное для трехъ подсудимыхъ: въ арестантскія роты. Ожидали, что губернаторъ, при утвержденіи, повернетъ иначе дѣло, но, въ ущербъ подсудимымъ и на зло доброжелателей одного изъ нихъ, существовалъ уже законъ, по которому дѣла, подлежавшія по существу ревизіи сената, не отсылались уже къ губернатору. Дѣло пошло въ сенатъ, залежалось тамъ и вернулось, наконецъ, съ маленькими измѣненіями. Мейеръ присужденъ былъ на поселеніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ велѣно было возбудить въ законномъ порядкѣ отвѣтственность тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя попускали злоупотребленія, въ томъ числѣ и Г....ва. Изъ этихъ лицъ никого уже не было налицо. Такова участь всѣхъ такъ называемыхъ слѣдственныхъ дѣлъ въ Сибири. Пока судятся непосредственные виновные,—подстрекавшіе и укрывавшіе ихъ успѣваютъ испариться, и резолюція высшей судебной инстанціи, — о привлеченіи ихъ къ отвѣтственности,— остается не выполнимой.

Для меня рѣшеніе сената было важно въ томъ отношеніи, что оно сняло съ меня всякія обвиненія въ пристрастности дѣйствій.

Мейеру, какъ я слышалъ, и послѣ приговора было оказано снисхожденіе. Его назначили на поселеніе на Амуръ. Онъ и тамъ обдѣлывалъ свои дѣлишки, занимаясь торговлей. Затѣмъ, по особому ходатайству, ему былъ сокращенъ срокъ поселенія, и онъ вернулся на свое пепелище. О соучастникахъ его, болѣе или менѣе вовлеченныхъ въ преступленіе, особыхъ ходатайствъ не было, а о жертвахъ произвола — нечего и вспоминать.

Скажу въ заключеніе, что въ теченіе пятилѣтняго служенія моего въ губернскомъ судѣ, при завѣдываніи тѣмъ самымъ отдѣленіемъ, въ которое поступали такъ называемыя слѣдственныя дѣла, т. е. дѣла по представленіямъ должностныхъ лицъ, мнѣ случалось не разъ наталкиваться на подвиги головъ и другихъ должностныхъ лицъ крестьянскаго и инородческаго управленій, но я такихъ вопіющихъ преступленій, какими сопровождалось дѣло Мейера, не встрѣчалъ.

Въ первыхъ числахъ сентября я изъ Иркутска направился за Байкалъ. Мнѣ предстояло въ первый разъ ознакомиться съ краемъ, привлекшимъ всѣ мои симпатіи.

Переправа чрезъ Байкалъ въ то время была въ рукахъ двухъ соперничествовавшихъ между собой пароходныхъ компаній—братьевъ Мясниковыхъ и Рукавишникова. Соперничество это проявлялось развѣ только въ томъ, что къ обѣимъ компаніямъ можно было примѣнить извѣстное выраженіе: обѣ—лучше. Дѣло велось обѣими на столько покоммерчески, что я не могу не повѣрить разсказу одного своего пріятеля, убѣдившаго капитана парохода, что, для обезпеченія показаній компаса, всего лучше смазывать стрѣлку саломъ. И капитанъ чуть-чуть не выполнилъ этого рецепта.

Въ то время пароходъ приставалъ къ Посольскому монастырю. Успѣхъ причала зависѣлъ отъ погоды: иной разъ волненіе не допускало высадки и бѣднымъ пассажирамъ, стремившимся за Байкалъ, приходилось испытывать муки Тантала: видѣть гостепріимный берегъ передъ собой и удаляться вспять къ иркутскому берегу. И въ благопріятную погоду высадка и посадка производились на Забайкальскомъ берегу довольно не удобно—на лодкахъ. Избранію другой, болѣе удобной, пристани препятствовали своекорыстные интересы монастыря, который могъ бы лишиться части своихъ доходовъ.

Отъ Посольска до Читы хотя я и проскакалъ покурьерски, такъ что на этотъ разъ не останавливался въ Верхнеудинскѣ, тѣмъ не менѣе я не могъ не восхищаться степью съ ея разнообразной, богатой растительностью. Лиліи росли въ чистомъ полѣ безъ всякой культуры, тогда какъ у насъ, въ тѣ времена, онѣ составляли украшеніе однихъ садовъ.

Въ Читѣ, бывшемъ Читинскомъ острогѣ, преобразовавшемся въ областный городъ, съ предвзятой мыслью убить и Верхнеудинскъ

и Нерчинскъ, я нашелъ въ то время нѣкоторое оживленіе, благодаря тому обстоятельству, что онъ былъ исходнымъ пунктомъ такъ называемыхъ Амурскихъ сплавовъ. Въ Читѣ строились баржи и грузились для дальнѣйшаго слѣдованія на Амуръ. Этими сплавами завѣдывали и военные, и гражданскіе чины, посылаемые изъ Иркутска, получавшіе содержаніе, въ видѣ суточныхъ и столовыхъ, хорошее, и сверхъ того имѣвшіе на рукахъ не малыя казенныя деньги. Государственнаго контроля тогда не существовало. Понятно, что въ Читѣ жилось хорошо и широко. Шампанское лилось рѣкой, а карты услаждали не одни часы досуга, но и ночи.

По прибытіи въ Читу я, было, остановился у своего сотоварища, пріѣхавшаго въ Сибирь вмѣстѣ со мной, и уже пристроившагося въ читинскомъ казначействѣ. Жилъ онъ съ знакомымъ коммисаріатскимъ чиновникомъ. Но М. С. Корсаковъ, какъ только я къ нему явился, потребовалъ, чтобы я переселился къ нему. Атаманскій его домъ пріютилъ меня съ тѣмъ же гостепріимствомъ, съ которымъ двери его отверзались сотнямъ лицъ, прибывавшихъ въ Читу и пользовавшихся расположеніемъ его хозяевъ. Мнѣ отвели хорошенькую комнату въ нижнемъ этажѣ, имѣвшую сообщеніе и съ внутренними аппартаментами, занятыми самимъ М. С. Корсаковымъ, и выходную дверь прямо въ садъ, что представляло не малое удобство.

Въ теченіе трехъ дней, прожитыхъ въ Читѣ въ первый разъ и трехъ же дней на обратномъ пути, я убѣдился, что М. С. Корсаковъ держалъ себя очень хорошо. Жилъ онъ довольно открыто. Къ обѣду его собиралось человѣкъ до десяти разнообразной публики. Послѣ обѣда, проходившаго болѣе или менѣе сдержанно, всѣ удалялись въ кабинетъ, и тутъ за куреніемъ и мѣстными наливками начинались, безъ всякаго стѣсненія, разговоры. М. С. Корсаковъ умѣлъ какъ-то втравливать въ споры и самъ, не принимая въ нихъ участіе, только выслушивалъ. Разговоры и споры, конечно, вертѣлись преимущественно около мѣстныхъ интересовъ, тѣмъ не менѣе, они не лишены были извѣстной заманчивости, такъ какъ въ нихъ принимали участіе и старые, и молодые, и обжившіеся въ Сибири, и новички, и высоко образованные, и учившіеся на мѣдный грошъ. Надо замѣтить, что, какъ губернаторъ, М. С. Корсаковъ умѣлъ окружить себя людьми, въ полномъ смыслѣ этого слова, дѣльными. Въ этой системѣ дѣйствій многіе видѣли искусный пріемъ дипломата: втравливая въ разговоры и споры, говорили иные, М. С. Корсаковъ вызнавалъ будто бы людей. На мой взглядъ подобная задача была слишкомъ широка. Скорѣе, что М. С. Корсаковъ этимъ способомъ довершалъ самообразованіе.

За Байкаломъ, на этотъ разъ, мнѣ предстояло выполнить два порученія. Одно состояло въ производствѣ слѣдствія, которому, какъ предварилъ меня М. С. Корсаковъ, придавалъ особое значеніе

графъ Муравьевъ. Другое состояло въ собраніи и разработкѣ, по указаніямъ его же, Корсакова, матеріаловъ для преобразованія управленія ссыльными вообще и специально-хозяйственнаго и юридическаго быта ссыльно-каторжныхъ.

Когда я вернулся въ Читу и доложилъ о результатахъ слѣдствія по горному дѣлу, то М. С. Корсаковъ съ видимымъ неудовольствіемъ сказалъ мнѣ:

— Ну, графъ не погладитъ насъ по головѣ, а скажетъ только: тамъ, гдѣ замѣшается горное вѣдомство, тамъ и умные люди обращаются въ дураковъ.

Надо знать, что графъ Муравьевъ съ особеннымъ недовѣріемъ относился въ то время къ горному вѣдомству, вообще, а къ Кабинетскому—въ особенности. Недовѣріе это простиралось до невозможныхъ предѣловъ. Достаточно сказать, что завѣдывающій пріисками,—горный офицеръ или чиновникъ, въ какомъ бы чинѣ ни былъ—не имѣлъ права подойти къ вашгерду и взглянуть на пробное золото, чтобы его не сопровождалъ казачій урядникъ, на лицѣ коего ясно выражалось «хоть ты и офицеръ, а все-таки причастенъ извѣстной заповѣди». Горные чины были тогда связаны по рукамъ, отданы всецѣло подъ надзоръ казачьихъ офицеровъ, голосъ которыхъ имѣлъ преобладающее значеніе. А между послѣдними много ли было въ то время порядочныхъ людей? Стоило только не сойтись съ приставникомъ, какъ нарождался доносъ, слѣдствіе. Таковъ былъ характеръ и порученнаго мнѣ слѣдствія. На Шахтаминскомъ пріискѣ управляющій, скромный горный чиновникъ, не сошелся съ своимъ приставникомъ, и какъ слѣдовало предположить изъ-за того, что приставъ не пошелъ на предложенную ему сдѣлку: совмѣстными трудами попытаться разработать завалы. Надо замѣтить, что пріискъ, о которомъ идетъ дѣло, принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые разрабатывались хищнически во времена Р....ва, когда поставлено было задачей выработать во что бы то ни стало сто пудовъ, что и достигалось цѣною тысячи жизней, погибшихъ отъ тифа и истощенія. Изъ пріисковъ выбрали все, что могли, заваливали берега, не смотря на то, что въ нихъ погребалось при этой системѣ масса золота. При экспертизѣ, произведенной по моему распоряженію, при самомъ первобытномъ способѣ работы, на Шахтамѣ, изъ заваловъ получалось крупное содержаніе золота. Дѣло объ этой хищнической разработкѣ было предано забвенію, по особому высочайшему повелѣнію. Частное же дѣло возникло изъ доноса казачьяго офицера, обвинившаго пристава, что онъ крадетъ золото изъ заваловъ въ свою пользу. Изъ заваловъ, дѣйствительно, крали золото, но не приставъ, а всякій, кому хотѣлось, потому что охранять завалы, въ особенности въ ночное время, не предстояло возможности, тѣмъ болѣе, что и казаки охранявшаго отряда были не прочь, подъ покровомъ ночи, поработать въ свою пользу. Съ перваго же приступа

къ слѣдствію, производившемуся при депутатѣ отъ горнаго вѣдомства и Нерчинскомъ стряпчемъ, обнаружилась вся фальшь дѣла. Доносчикъ-офицеръ (впослѣдствіи золотопромышленникъ и капиталистъ) вломился въ амбицію изъ-за того, что, исполняя существовавшій въ то время законъ, я предложилъ ему дать подписку, что отвѣтственность за доносы ему извѣстна.

— Я не доносчикъ,—объявилъ—онъ, я доноситель по долгу службы.

Пошли пререканія, посыпались доносы и на меня, а, между тѣмъ, слѣдствіе не обнаружило ничего болѣе, кромѣ факта общеизвѣстнаго, примѣнимаго ко всѣмъ подобнымъ заброшеннымъ пріискамъ.

На несчастіе, и при ознакомленіи съ бытомъ ссыльно-каторжныхъ, находившихся въ то время въ непосредственномъ вѣдѣніи горныхъ начальниковъ, по долгу совѣсти, мнѣ не пришлось открыть какихъ-либо злоупотребленій, кои бы клонились въ ущербъ матеріальнымъ интересамъ каторжныхъ. Напротивъ, я усмотрѣлъ такіе факты попечительности, о которыхъ не могъ умолчать.

Мрачное предсказаніе Михаила Семеновича Корсакова не осуществилось. Слѣдствіе не только не было поставлено мнѣ въ вину, но на сколько мнѣ извѣстно, оно было прекращено.

Не могу не занести въ свою лѣтопись случая, сопровождавшаго слѣдствіе. Оно тянулось съ недѣлю. Жить приходилось при самой скверной обстановкѣ. И нравственныя непріятности, и матеріальныя невзгоды, и суровыя климатическія условія сопровождали эту обстановку. Сопутствовавшій меня стряпчій былъ человѣкъ семейный, уже не молодой, а потому пріобыкшій къ извѣстному домашнему комфорту. Весьма понятно, что мы несказанно обрадовались окончанію слѣдствія и возможности выбраться изъ негостепріимной Шахтамы. Еще болѣе удовольствія почувствовали мы, когда послѣ утомительныхъ переѣздовъ то верхомъ, то въ таратайкахъ по камнямъ, намъ удалось выбраться на почтовый трактъ и на послѣдній перегонъ къ Нерчинску. Когда мы двое: я и Поповъ, подъѣзжали къ предпослѣдней станціи, воображенію нашему рисовалась пріятная преспектива отдыха въ хорошо протопленной комнатѣ, не на полу, а на постели, послѣ домашняго чая и ужина, вкусно поданныхъ. Поповъ просилъ меня остановиться у него, такъ какъ дѣло приближалось къ ночи.

По обыкновенію, выскакивая изъ перекладной, я задалъ вопросъ: есть ли лошади?—Отвѣтъ получился удовлетворительный, а потому, передавъ подорожную, я вошелъ на станцію. Проходитъ четверть часа, полчаса... насъ не зовутъ. Конечно, появляется извѣстнаго рода волненіе, которое, какъ всегда, вымѣщается на первомъ попавшемся.

— Что же не даютъ лошадей?

— Лошади-то есть,—отвѣчаетъ мнѣ появившійся староста,—да на той сторонѣ.

— Какъ на той сторонѣ?

— Переправиться-то нельзя... Идетъ шуга.

— Какая такая шуга?

— Никакимъ образомъ нельзя переправиться.—Самъ исправникъ приказалъ... Я бы что, съ превеликимъ удовольствіемъ...

— Что ты мнѣ врешь? Какая тамъ шуга? Если тутъ переправа, значитъ паромъ есть или лодка. Перетаскивайте вещи.

Взглянулъ я на Попова. Вижу: онъ совершенно упалъ духомъ.

— Шуга,—говоритъ онъ мнѣ,—это значитъ, ледъ пошелъ. Переправляться, къ тому же въ такую темень, положительно нельзя. Придется переждать.

— А много ли времени?—спрашиваю я.

— А кто про эвто знаетъ. Какъ Богу угодно... и дня по два ждутъ, и по недѣлѣ...

— По недѣлѣ... задамъ я тебѣ трезвона, такъ будешь знать, какъ задерживать на недѣли. Покажи мнѣ, что за шуга такая?

Вышли мы. Темень была страшная. Прошли нѣсколько шаговъ. Слышу какой-то ревъ. При свѣтѣ фонарей, вглядываюсь въ сумракъ. Вижу... дѣйствительно рѣка. Ширины ея не разглядѣть. По ней такъ и несутся громадныя льдины, то сталкиваясь и поднимаясь одна на другую, то разбиваясь. Вижу... и свободныя водяныя пространства и громадную лодку у берега.

Я хватаюсь за послѣднюю какъ за якорь спасенія и настаиваю, чтобы насъ переправили въ ней. Лодочники соглашаются. Одинъ стряпчій протестуетъ и молитъ меня Христомъ Богомъ остаться.

— Что же оставайтесь,—говорю я ему,—я привезу поклонъ отъ васъ вашей супругѣ и скажу ей, что вы не пріѣхали изъ-за трусости.

Пока мы съ нимъ препираемся, вещи наши перенесены на лодку, я взбираюсь на нихъ. Поповъ, весь съежившись, ни живъ, ни мертвъ, помѣщается въ кормѣ. Четыре гребца хватаются за весла.

Черезъ какіе-нибудь четверть часа,—мы были уже на другомъ берегу, а потомъ—опять въ перекладной. Не скрою, что на водѣ минутами было жутко.

Порядочно отъѣхали мы отъ рѣки, какъ вдругъ Поповъ схватываетъ меня за руку, начинаетъ жать ее и искренно благодарить меня.

— За что?—спрашиваю я въ недоумѣніи.

— Если бы не вы,—отвѣчаетъ онъ,—я бы ни за что не поѣхалъ и остался бы, и сидѣлъ тамъ. А теперь... Нерчинскъ близехонько!

Выше я говорилъ, что изъ ближайшихъ сотоварищей своихъ, чиновниковъ особыхъ порученій, я не засталъ ни одного въ Иркутскѣ и познакомиться мнѣ пришлось лишь съ Г—мъ. Между

тѣмъ въ спискѣ ихъ стоялъ А. Д. Шелеховъ, свидѣться съ которымъ мнѣ хотѣлось, потому что я зналъ его еще по Петербургу. Онъ былъ товарищемъ по университету моего брата и по курсу я былъ моложе его на четыре года. Шелеховъ всегда привлекалъ меня своимъ открытымъ характеромъ. Онъ былъ отличнымъ товарищемъ. Человѣкъ онъ былъ со средствами, что не мѣшало ему служить, и къ тому же въ довольно суровой школѣ—въ главномъ «шкафѣ» его величества, какъ любилъ онъ острить. Намъ пришлось, въ лицѣ П. Н. Игнатьева имѣть общаго начальника. Относительно сибирской его дѣятельности я слышалъ очень хорошіе отзывы отъ Изв—го. Отправляясь за Байкалъ я зналъ, что и онъ находится тамъ же на какомъ-то слѣдствіи.

Какова же была моя радость, когда на обратномъ пути изъ Читы, пріѣхавъ въ верхнеудинскую гостинницу, я на доскѣ прочелъ фамилію Шелехова. Не раздумывая долго, въ томъ же дорожномъ одѣяніи, я бросаюсь къ нему. А. Д. Шелеховъ принялъ меня съ распростертыми объятіями. Оказалось, что порученіе, возложенное на него окончено, что онъ зажился въ Верхнеудинскѣ во-первыхъ потому, что въ Иркутскѣ лѣтомъ дѣлать нечего, во-вторыхъ, такъ себѣ, и какъ пароходъ отходитъ черезъ день, и мнѣ, если бы я выѣхалъ тотчасъ же, пришлось бы ждать его въ Посольскѣ, а ему уже надоѣло въ Верхнеудинскѣ, то мы условливаемся ѣхать на другой день вмѣстѣ, послѣ ранняго обѣда, благо у Шелехова свой собственный тарантасъ.

Съ того времени воцарились между нами тѣсныя, пріязненныя отношенія, такъ какъ изъ всѣхъ сослуживцевъ, Шелеховъ былъ наиболѣе подходящимъ къ моимъ требованіямъ. Съ прочими, такъ называемой золотой молодежью, окружавшей графа Муравьева, я не сошелся ни характеромъ, ни убѣжденіями. Шелеховъ, хотя и принадлежалъ къ ихъ кружку, разыгрывая въ немъ роль патріарха, но не долюбливалъ ихъ. Онъ отлично умѣлъ уживаться съ людьми. По поговоркѣ: и нашимъ, и вашимъ. Единственной чертой характера Шелехова, крайне не симпатичной, было, какъ я прозвалъ, остерманство, которое, хотя и уравновѣшивалось другими, несомнѣнными достоинствами, тѣмъ не менѣе созидало ему не мало недоброжелателей. Черта эта была тѣмъ болѣе не понятна и тѣмъ болѣе кидалась въ глаза, что, при самостоятельности средствъ, ему не было надобности заискивать въ людяхъ, преклоняться передъ ними, стушевываться, стоя въ наилучшемъ положеніи, тѣмъ болѣе, что и по природнымъ способностямъ и по служебной предшествовавшей дѣятельности, онъ былъ вполнѣ обезпеченъ. Эта-то несчастная черта характера едва не разссорила и насъ, если бы Шелеховъ не оставилъ Сибири и послѣдующія между нами отношенія не возобновились на иной почвѣ.

Чтобы покончить съ 1859 годомъ скажу, что, возвратившись

въ Иркутскъ къ ноябрю, я воспользовался остающимся до пріѣзда графа Муравьева временемъ, чтобы съѣздить на заводы — Николаевскій желѣзо-дѣлательный, Иркутскій солеваренный и Александровскій винокуренный, бывшіе въ то время въ казенномъ управленіи. Поѣздки эти вызваны были тѣмъ же порученіемъ о ссыльныхъ. Въ то же время я заканчивалъ записки изъ произведенныхъ слѣдствій для представленія ихъ графу Муравьеву. Но занятія эти не поглощали всего моего времени.

Какъ ни было томительно ожиданіе графа, тѣмъ не менѣе, кромѣ частныхъ знакомствъ, были и другія развлеченія въ зиму 1859 г.

Первымъ стоялъ, конечно, театръ, въ то время помѣщавшійся въ отдѣльномъ деревянномъ зданіи, расположенномъ на площади, устроенномъ со всѣми удобствами. Театръ поддерживался тогда значительной субсидіей отъ откупа. Управлялся онъ особой дирекціей, во главѣ которой стоялъ чиновникъ особыхъ порученій С—съ. Труппа была, хотя не изъ первостатейныхъ, тѣмъ не менѣе около нея образовались соперничествующія партіи: одни стояли за Николаеву, драматическую артистку не изъ первыхъ, но поддерживаемую потому, что она была женой В. Д. Карпова, занимавшаго въ то время должность кяхтинскаго пограничнаго комиссара, другая партія стояла за Соболеву, актрису по профессіи, выписанную изъ Казани, въ существѣ танцорку и водевильную, которая бралась, однако, и за отвѣтственныя роли. Послѣдняя партія была многочисленнѣе, такъ какъ Соболева, конечно, держала себя свободно, а потому за нее стояла вся молодежь. Театръ въ то время группировалъ около себя все общество: онъ былъ, такъ сказать, нейтрализирующимъ элементомъ, въ одно время связующимъ политическихъ враговъ и раздѣляющимъ исконныхъ друзей.

Послѣ театра компанія собиралась въ клубѣ, или такъ называемомъ благородномъ собраніи, въ то время имѣвшемъ свое сравнительно роскошное помѣщеніе. Чего стоила одна зала. Но, какъ и вездѣ, въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ существуетъ раздѣленіе общества и чиновники сторонятся купцовъ, собраніе едва влачило свое существованіе. Оно поддерживалось ужинами послѣ театра, сопровождавшимися всегда изрядной выпивкой и крупной карточной игрой, благо въ ту зиму жили въ Иркутскѣ и нѣкоторые золотопромышленники и довѣренные ихъ, не клавшіе охулки на руки. Въ этихъ ужинахъ и выпивкахъ, происходившихъ и въ частныхъ домахъ, конечно, у холостыхъ, принималъ участіе и я, но отъ карточной игры серьезной я стоялъ далеко и по недостатку средствъ и потому, что никогда не имѣлъ къ ней расположенія.

Наконецъ, изъ дома Из—хъ вышло предложеніе объ устройствѣ на святкахъ общественной елки. Разсчитывали встрѣтить ею графа Муравьева, такъ какъ пріѣзда его ожидали къ Новому году. Образовался спеціальный для устройства этого празднества комитетъ,

предсѣдателемъ котораго былъ самъ Изв—iй, въ казначеи выбрали Хаминова, бывшаго въ то время иркутскимъ городскимъ головой. Въ комитетѣ участвовалъ и я, при чемъ на меня упала вся распорядительная часть.

Упомянувъ объ И. С. Хаминовѣ или Jean Chaminow, какъ мы его впослѣдствiи прозвали, я не могу не остановиться на немъ, какъ на личности, игравшей громадную роль не въ одномъ Иркутскѣ. Онъ умеръ въ 1884 году, чуть ли не тайнымъ совѣтникомъ, имѣвшимъ Анну 1 степени и оставившимъ послѣ себя громадное состоянiе.

Родомъ онъ былъ не сибирякъ. Родина его, которую онъ часто посѣщалъ и которой, какъ говорятъ, благодѣтельствовалъ, была кладеземъ племянницъ, которыхъ И. С. Хаминовъ привозилъ въ Иркутскъ, гдѣ и пристроивалъ ихъ, выдавая замужъ. Его самого въ Иркутскѣ помнили ловкимъ приказчикомъ у богатаго купца (фамилiи не помню). Послѣ смерти хозяина, Хаминовъ былъ назначенъ и опекуномъ надъ его дѣтьми, и продолжателемъ торговли. То и другое, какъ говорили, онъ исполнялъ на столько успѣшно, что оказался при собственномъ капиталѣ (при чемъ оказались опекаемые—легенда умалчиваетъ), который округлилъ женитьбой на богатой купеческой дочери. Ко времени моего появленiя въ Иркутскѣ, онъ уже не жилъ съ женой, при чемъ всѣ близко стоявшiе къ Хаминову, да и самъ онъ порой, не обвиняли жены: на столько невыносимъ былъ его характеръ и образъ его жизни. Въ мое время вначалѣ онъ любилъ покутить, и подъ хмелькомъ самодурствовалъ, но, къ концу моего пребыванiя въ Сибири, лѣта и болѣзнь взяли свое, и онъ значительно остепенился. Продолжая торговлю весьма разнообразную, Хаминовъ состоялъ въ званiи иркутскаго городского головы, при чемъ главнымъ интересомъ его служебной дѣятельности было заручиться расположенiемъ начальства, что онъ и достигалъ съ одной стороны путемъ услужливости и угодливости, съ другой—обширнаго гостепрiимства. Небольшой домикъ его, который онъ называлъ избушкой, былъ ареной, на которой происходило это сближенiе съ нужными людьми. Ежедневно въ 2 часа происходили небольшiе домашнiе обѣды для избранныхъ, которыхъ онъ приглашалъ собственноручными записочками, при чемъ на сочетанiе лицъ онъ не обращалъ вниманiя. Фраза его: «покорнѣйше прошу солененькаго», которой онъ приглашалъ къ закускѣ, сдѣлалась поговоркою. По временамъ онъ устроивалъ лукулловскiе пиры въ своемъ домикѣ или балы въ собранiи. Первые раздѣлялись на аристократическiе и демократическiе. Раздѣленiе это основывалось на табели о рангахъ. Сверхъ того были общественныя кормленiя, которыхъ Хаминовъ не былъ инициаторомъ; они завелись ранѣе его, но онъ ихъ продолжалъ. Каждый прiѣздъ и отъѣздъ генералъ-губернатора, каждый особенный случай сопровождались подобными кормленiями.

Устроивались они на счетъ такъ называемыхъ трехсословныхъ суммъ. Хроника говоритъ, что, въ теченіе 10 лѣтъ, на эти пиршества потрачено было до 85,000 руб. Но и тутъ, какъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, Хаминовъ умѣлъ извлекать себѣ личную выгоду. Вѣдь онъ торговалъ иностранными винами, а на какую сумму выпивалось ихъ на подобныхъ обѣдахъ? Если, по отношенію къ чиновному люду, Хаминовъ пріобрѣталъ на него вліяніе закармливаніемъ, а впослѣдствіи благотворительностью и самой широкою, то надъ трехсословнымъ городскимъ обществомъ Иркутска онъ царилъ тѣмъ, что въ тогдашнемъ купечествѣ было мало лицъ, которыя не состояли бы его кредиторами, ввѣрившими ему, какъ ловкому банкиру, свои капиталы въ оборотъ, благо въ тѣ времена банкъ былъ одинъ Медвѣдниковскій. Сверхъ того, въ распоряженіи Хаминова, какъ головы, были вышеупомянутые капиталы трехсословнаго общества. Въ нихъ онъ умѣлъ черпать и самъ, и ими помогалъ тѣмъ, которыхъ, за послушаніе себѣ, выводилъ въ люди. При такой оборотливости мудрено ли, что дѣла его расширялись все болѣе и болѣе, и что онъ мало по малу захватывалъ въ свои руки всѣ отрасли мѣстной торговли. Благотворительность, направленная имъ преимущественно на народное образованіе и за которую нельзя было не благодарить его при жизни, какъ нельзя не поминать его послѣ смерти, окупалась ему не одними регаліями и чинами, которые онъ получалъ до тайнаго совѣтника и Анны 1 степени включительно, а кое-чѣмъ болѣе существеннымъ; но и въ благотворительности онъ былъ своеобразенъ. Съ одной стороны эта благотворительность являлась стремленіемъ души. Я пріѣхалъ какъ-то поздравить Хаминова съ полученной за благотворительный подвигъ наградой. Хаминовъ въ восторгѣ, отзываетъ меня въ сторону и спрашиваетъ: научите, на чтобы еще пожертвовать?—и говорилъ это искренно. Съ другой стороны—благотворительность эта являлась плодомъ разсчета. Попросите Хаминова пожертвовать на что-нибудь. Если онъ не долюбливаетъ просящаго или просящій не гарантируетъ ему нравственной прибыли, въ видѣ награды—упрется, какъ быкъ, и ничего не дастъ. Скорѣе поможетъ сорвать вамъ съ другого кого-либо, а самъ не дастъ. Удастся ему, по торговымъ дѣлишкамъ или инымъ разсчетамъ, пріобрѣсти дешево домъ, онъ столь же дешево его отремонтируетъ, чтобы пустить пыль въ глаза, и заявитъ начальству, что онъ жертвуетъ этотъ домъ подъ такое-то учебное заведеніе, необходимости въ которомъ не сознавалось. Начальство, не разобравъ дѣла, представляетъ жертвователя къ наградѣ, и въ одинъ прекрасный день—городскому обществу сюрпризъ. Извольте принять домъ и содержать въ немъ такое-то училище. Тщетно протестуетъ общество, ссылаясь на недостатокъ средствъ, на ненадобность, на то, что дому можно бы

было дать болѣе соотвѣтственное назначеніе,—указываютъ на утвержденный уставъ и дѣлу конецъ.

Я не владѣю на столько талантливымъ перомъ, чтобы нарисовать во всей красѣ образъ человѣка, который былъ типомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, сомнѣваюсь даже, чтобы какое-либо перо, безъ помощи кисти, могло исполнить подобную задачу. Въ теченіе дальнѣйшаго разсказа мнѣ придется не разъ возвращаться къ Хаминову, такъ сказать дорисовывать его. Теперь же заключу разсказомъ, чѣмъ былъ Хаминовъ въ 1859 году. Въ «Сибирскомъ Календарѣ», изданномъ на 1885 годъ, напечатанъ перечень сдѣланныхъ Хаминовымъ пожертвованій на народное образованіе въ Сибири. Онъ извлеченъ изъ циркуляровъ по учебнымъ заведеніямъ за 1883 годъ. Списокъ этотъ далеко не полонъ. Благотворительность Хаминова была своеобразна. Такъ на обезпеченіе женской прогимназіи въ Иркутскѣ онъ пожертвовалъ лишь 40,000 руб., Читинскій—84,000 а 4-хъ классного городского училища 100 т. р.; между тѣмъ, въ женской прогимназіи въ 1884 г. учащихся было 232, а въ 4-хъ классномъ училищѣ лишь 110. Въ ремесленной школѣ, которую онъ навязалъ обществу, всего 44 учащихся, между тѣмъ Хаминовъ обезпечилъ въ ней 13 стипендій, а въ женской гимназіи всего 3.

Въ концѣ ли ноября или началѣ декабря—въ театрѣ было большое торжество: бенефисъ Соболевой. Это былъ день генеральнаго сраженія между соперницами-актрисами. Послѣ театра предполагался ужинъ у Соболевой, на который и я имѣлъ приглашеніе, но мнѣ не здоровилось и я ушелъ домой. Не успѣлъ я раздѣться, какъ вбѣгаетъ хозяинъ и объявляетъ, что пожаръ, и большой, горитъ домъ Кузнецова, (извѣстнаго богача, въ то время умершаго), а по сосѣдству его, съ одной стороны находится губернаторскій домъ, съ другой—дѣвичій институтъ. Въ то время чиновники особыхъ порученій обязаны были являться на пожаръ, не въ качествѣ только зрителей, но и дѣйствующихъ лицъ. Я надѣлъ дорожные сапоги, полушубокъ, выпросилъ у хозяйки топоръ, и мы съ хозяиномъ поскакали. Это былъ часъ двѣнадцатый. Пожаръ оказался дѣйствительно серьезнымъ. Пришлось, какъ слѣдуетъ поработать. Загорѣвшійся домъ, конечно, не отстояли, кое-что поломали, за то отстояли Карла Карловича Венцеля и институтъ.

Опасность миновала. Усталый, покрытый грязью, поплелся я домой пѣшкомъ. По моимъ разсчетамъ, было за три часа ночи. Слышу меня нагоняютъ парныя сани. Хаминовъ и Л...въ, начальникъ отдѣленія губернскаго общаго управленія. Предлагаютъ подвезти. Усаживаюсь на козлы.

— Вы куда шли?—спрашиваетъ меня Хаминовъ.

— Разумѣется домой.

— А подкрѣпиться развѣ не хотите?

— Да гдѣ теперь подкрѣпимся... собраніе заперто.

— А я на что,—вмѣшивается въ разговоръ Л...въ, котораго мы назвали кочаномъ капусты, благодаря его лысинѣ.

Рѣшено ѣхать къ Л...ву. Явилась приличная закуска, водка. Затѣмъ поивилось шампанское. Хаминовъ увѣрилъ насъ, что самое лучшее средство не опьянѣть—пить по рюмкѣ водки и тотчасъ же запивать стаканомъ шампанскаго. Не спорить же. Въ перемежку—разговоры, сперва о пожарѣ, потомъ о томъ, о семъ; наконецъ, Хаминовъ дѣлаетъ умильную улыбку и обращается ко мнѣ:

— Я слышалъ, что у васъ въ хозяйственномъ департаментѣ есть рука.

— Да, есть.

— Такъ вы... не откажите, походатайствуйте за меня... буду благодаренъ.

Оказывается, что Хаминовъ за пожертвованіе 600 фонарей городу представленъ къ Станиславу въ петлицѣ.

Я, разумѣется, обѣщаю помочь, чѣмъ могу. Дальше я уже ничего не помню.

На утро уже поздно, часу чуть не въ одиннадцатомъ, просыпаюсь. Протираю себѣ глаза и не могу понять, гдѣ я,.. Въ томъ же грязномъ полушубкѣ, въ грязныхъ сапогахъ, лежу я на бархатномъ диванѣ: около меня топоръ. На полу перпендикулярно ко мнѣ, по обѣимъ сторонамъ переддиваннаго стола, съ одного бока Л...въ, съ другого — Хаминовъ, оба лежатъ на спинахъ, носами къ верху, Л...въ, не снявши даже очковъ...

Я догадался, что нашъ ночной банкетъ кончился тѣмъ, что мы очутились у Хаминова и лежимъ въ его бархатной гостиной. Фактъ этотъ самъ по себѣ ничего бы не значилъ, но надо знать, что въ тѣ времена бархатная гостиная и въ дни обѣдовъ отпиралась у Хаминова лишь для особъ первыхъ четырехъ классовъ, къ которымъ мы съ Л...мъ не принадлежали.

Изъ разсказаннаго мною видно, что въ концѣ 1859 года, И. С. Хаминовъ, представленный къ Станиславу въ петлицѣ за ничтожное пожертвованіе, считалъ долгомъ искать протекціи почти что незнакомаго человѣка, а чрезъ 25 лѣтъ, повторяю, онъ умиралъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ Анны I-й степени. Говорятъ—нѣтъ крѣпче связей, начатыхъ за рюмкой водки. На мнѣ съ Хаминовымъ этотъ афоризмъ не оправдался.

Мы съ нимъ характерами не сошлись и, странно, первымъ поводомъ къ разрыву была общественная елка. Къ устройству ея приступили, не дождавшись результата подписки, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, подписка не покрыла расходовъ. Доплатить пришлось Хаминову и при томъ какіе-то пустяки. Онъ не могъ простить мнѣ этого, а почему? Не изъ скупости. На елкѣ не было графа Муравьева, слѣдовательно вся затѣя была пустая. Это первая моя вина. Вторая та, что я не пришелъ къ нему про-

сить: «будьте такъ добры заплатить недостающее», а послалъ къ нему, какъ къ казначею, не оплаченные счеты при запискѣ, въ которой писалъ, что по докладѣ этихъ счетовъ предсѣдателю комитета, его превосходительство приказалъ передать ихъ для зависящаго распоряженія вамъ, какъ казначею.

Закончить эту главу мнѣ остается событіями, сопровождавшими описанный мною въ первой главѣ частный пріемъ у графа, разрѣшившійся для меня благополучно. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого пріема, назначенъ былъ общій. О немъ толковали много. Эти пріемы происходили при каждой поѣздкѣ генералъ-губернатора и при каждомъ возвращеніи его въ Иркутскъ. Графъ Муравьевъ умѣлъ придавать имъ жизнь и смыслъ. На этотъ разъ накопилось столько электричества въ воздухѣ, что всѣ инстинктивно чуяли грозу, но дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія... Мнѣ живо вспоминается этотъ день. Собрались въ залѣ всѣ власти и служащіе въ городѣ, какъ военные, такъ и гражданскіе. Размѣстились всѣ вдоль справа и слѣва рядами, оставивъ середину свободной. Порядка въ размѣщеніи не было ни какого, только къ одному мѣсту приказано было поставить вновь прибывшую молодежь. Въ сосѣдней комнатѣ собралось купеческое общество съ Хаминовымъ во главѣ. Лица всѣхъ были обращены къ дверямъ кабинета.

Изъ нихъ вышли сперва К. К. Венцель и начальникъ штаба Б. К. Кукель. На лицахъ ихъ нельзя было прочесть ничего и они послѣ засвидѣтельствовали, что и не заподозрили графа Муравьева въ какихъ-либо намѣреніяхъ: на столько онъ былъ спокоенъ... Прочитавъ на лицахъ вышедшихъ совершенное спокойствіе, нѣкоторые также успокоились.

Прошло минутъ пять. Изъ кабинета не вышелъ, а какъ бы вылетѣлъ графъ Муравьевъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ глубь залы, подобравъ саблю, графъ оперся на нее и, окинувъ всѣхъ присутствующихъ не гнѣвнымъ, а грознымъ взоромъ, онъ началъ свою рѣчь. Я не прощаю себѣ, что не записалъ ее тотчасъ же. Рѣчь эта, произнесенная прекрасно, громко,—продолжалась не болѣе 20 минутъ, но она произвела сильнѣйшее и на большинство подавляющее впечатлѣніе, какъ призывъ къ Немезидѣ. Основной темой она, пожалуй, подходила къ рѣчи Гоголевскаго генералъ-губернатора, но складомъ и тономъ она была иная. Окончивъ рѣчь намъ, графъ быстро прошелъ залу и остановился передъ молодежью. Ей была сказана не рѣчь, а нѣсколько словъ, но словъ такихъ, которыхъ я не пожелалъ бы слышать и злѣйшему врагу отъ своего начальства. Затѣмъ послѣдовала очередь купечества. Чтò говорилъ ему графъ, мы не слышали, но голосъ его, постепенно возвышаясь, гремѣлъ.

Окончивъ назиданіе купечеству, графъ быстро прошелъ мимо насъ и, подходя къ кабинету, повернулся, сдѣлалъ общій поклонъ и исчезъ.

Разошлись и мы... Вечеромъ сошлись мы у Шелехова. Явился къ нему и Хаминовъ.

— Скажите, батюшка, за что на меня-то онъ осерчалъ. Отдѣльно не принялъ, сегодня руки не подалъ,—сказалъ Хаминовъ.

— Это, Иванъ Степановичъ,—отвѣтилъ ему Шелеховъ,—обозначаетъ, что вы... козелъ очищенія.

— Т. е. какъ это козелъ?—переспросилъ обиженнымъ тономъ Хаминовъ.

— У древнихъ евреевъ,—объяснилъ ему Шелеховъ,—былъ одинъ день въ году, когда народъ приносилъ въ жертву козла. Онъ назывался козломъ очищенія, потому что смертью своей снималъ съ народа грѣхи его... Вотъ такъ и вы... На васъ обрушилось все, значитъ, вы козелъ очищенія...

Кличка эта подошла на столько къ Хаминову, что онъ долго не могъ отъ нея отдѣлаться. А онъ-то подбилъ общество предложить обѣдъ, да и самъ выписалъ цѣлый караванъ рыбы изъ Томска, предполагая кормить и въ своей избушкѣ. Рыба эта, впрочемъ, не пропала, такъ какъ черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ курьеръ и привезъ назначеніе Карла Карловича Венцеля въ сенатъ, а Из...го губернаторомъ, при чемъ само собой разумѣется предсѣдательствованіе въ совѣтѣ главнаго управленія возлагалось на М. С. Корсакова. Явился слѣдовательно вполнѣ законный поводъ для кормленій, которыя и состоялись, но по отъѣздѣ графа Муравьева.

Оставалась не замѣщенной должность предсѣдателя Иркутскаго губернскаго правленія. Доброжелатели мои распустили слухъ, что должность эта предназначается мнѣ. Я былъ у графа Муравьева съ докладомъ. Когда онъ кончился, графъ затѣялъ частный разговоръ и совершенно неожиданно для меня сказалъ:

— Въ большомъ я затрудненіи. Не знаю, кого назначить предсѣдателемъ губернскаго правленія...

— А Шелехова,—отвѣтилъ я.

Графъ взглянулъ на меня... и протянулъ мнѣ руку.

— Благодарю. Изъ ума вонъ. Если бы не вы, я можетъ быть сдѣлалъ бы громадную несправедливость. За Шелеховымъ всѣ права...

Онъ подвинулъ листъ бумаги и взялъ карандашъ.

— А въ какихъ отношеніяхъ онъ съ Из...мъ?

— Прекраснѣйшихъ.

— Какъ со всѣми,—прервалъ меня графъ Муравьевъ и, начавъ писать, не глядя на меня, но улыбаясь продолжалъ...—Вѣдь это вы прозвали его Остерманомъ?

— Какъ это вы знаете, графъ.

— Мѣтко и вѣрно... На новомъ мѣстѣ остерманство не помѣшаетъ.

Графъ позвонилъ. На другой день вышелъ приказъ о назначеніи Шелехова.

Черезъ нѣсколько дней графъ Муравьевъ оставилъ Иркутскъ безъ всякихъ проводовъ и кормленій, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы проектъ о ссыльныхъ, по окончаніи, былъ привезенъ къ нему въ Петербургъ мною.

Между друзьями моими, — это еще подлило масла въ огонь. Курьерская поѣздка въ Петербургъ цѣнилась очень дорого, а я не прослужилъ и года въ Восточной Сибири, успѣвъ уже получить повышеніе. А сколько было охотниковъ проѣхаться!

В. Милютинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ГОСУДАРЕВЪ КРЕЧАТНИКЪ.

(Разсказъ изъ быта сокольниковъ).

I.

ДВИНСКІЙ воевода, стольникъ Тихонъ Григорьевичъ Головковъ, только-что очнулся отъ сладчайшаго послѣобѣденнаго сна и начиналъ потягиваться на своемъ пуховикѣ подъ теплымъ и мягкимъ песцовымъ одѣяломъ, какъ вдругъ раздался легонькій стукъ въ двери его опочивальни.

— Кто тамъ? Что надо?

— Это я, батюшка, Тихонъ Григорьевичъ, осмѣлилась тебя потревожить,—раздался тоненькій голосокъ воеводши.

— А тебѣ чего? Пропасти на васъ нѣтъ! Отдохнуть порядкомъ не дадите.

— Не кори, батюшка, не своей охотой будить тебя пришла... Дьякъ Автономъ Ильичъ просилъ навѣдаться, почиваешь ли ты?

— А тому что нужно?—продолжалъ допрашивать воевода, позѣвывая и потягиваясь на своемъ пуховикѣ и все еще не рѣшаясь разстаться съ мягкимъ ложемъ.

— Да говоритъ онъ, батюшка, что будто бы нарочный присланъ съ Москвы съ указомъ государевымъ.

— Съ указомъ государевымъ!—спохватился воевода, разомъ вскакивая на постели и опуская толстыя босыя ноги въ мѣховыя ступни.—Такъ бы ты, дура, давно сказать должна! А то стучишься безъ толку!

И не на шутку встревоженный воевода засуетился около своей кровати, поспѣшно натягивая на плечи желтое камчатое полукафтанье и не безъ труда застегивая его на всѣ крючки на своемъ тучномъ тѣлѣ. Сверхъ этого полукафтанья воевода накинулъ ферязь изъ синяго сукна съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ на пестрой стеганой подкладкѣ, опоясался широкимъ персидскимъ поясомъ, и, кое-какъ пригладивъ всклоченную бороду и спутанные во время сна волосы, вышелъ изъ опочивальни въ смежную комнату.

Супруга воеводы, Агафья Тихоновна, женщина лѣтъ подъ 40, бѣлая, полная и рыхлая, очень недалекая и запуганная мужемъ, не безъ страха ожидала воеводу около самыхъ дверей опочивальни, держа въ рукахъ подносъ съ оловяннымъ жбаномъ и серебрянымъ жалованнымъ ковшикомъ. Она твердо помнила обычаи своего супруга и потому, какъ только онъ отперъ дверь опочивальни и переступилъ порогъ комнаты, поспѣшила поднести ему жбанъ съ ковшомъ.

— Кваску испить не изволишь ли, батюшка?—обратилась воеводша къ супругу съ низкимъ поклономъ.

Но на этотъ разъ воеводѣ было не до квасу... По насупленнымъ бровямъ и сердитымъ морщинамъ на лбу, было видно, что онъ весь проникнутъ сознаніемъ лежащихъ на немъ государственныхъ заботъ.

— Убирайся ты съ квасомъ!—закричалъ онъ грозно на Агафью Тихоновну. —Дьякъ гдѣ? Куда ты его дѣвала? Квасъ мнѣ суешь, чѣмъ бы дьяка ко мнѣ позвать! Аль на это догадки нѣтъ!

— Да я не смѣла, батюшка, впустить его сюда, не смѣла тревожить тебя,—стала оправдываться воеводша, пятясь къ дверямъ въ сѣни.

— Чего тамъ не смѣла! —зыкнулъ воевода. —Дьяка зови! А квасъ куда несешь? Здѣсь поставь—тогда и зови; а то мечешься, какъ угорѣлая!

Совершенно растерявшаяся воеводша быстро подошла къ столу, поставила подносъ съ квасомъ на самый краешекъ его, а сама опрометью бросилась къ выходнымъ дверямъ, опасаясь новаго окрика отъ своего грознаго господина и повелителя.

Повелитель, когда дверь захлопнулась за Агафьей Тихоновной, подошелъ къ столу, грузно опустился на лавку, придвинулъ къ себѣ жбанъ съ квасомъ, и съ видимымъ удовольствіемъ промочилъ засохшую гортань двумя ковшами свѣжаго и забористаго мятнаго кваса.

— «Дура-баба, —думалъ онъ, опоражнивая второй ковшъ, — а квасы варить горазда»...

Едва успѣлъ онъ поставить ковшъ на подносъ и отереть ладонью усы, какъ дверь изъ сѣней скрипнула, пріотворившись на

половину, и пропустила въ комнату тощую фигуру дьяка Автонома Ильича, который переступилъ порогъ, согнувшись, чтобы не удариться лбомъ о притолку, а затѣмъ вытянулся около дверей во весь ростъ, отвѣсилъ воеводѣ поясной поклонъ и произнесъ мягкимъ и пѣвучимъ голосомъ:

— Кликать изволилъ, государь всемилостивый?

— Чего тамъ кликать? Чай самъ знаешь, зачѣмъ? Какой тамъ нарочный? Съ какимъ указомъ?

— Съ Москвы, господинъ! Нарочный съ государевымъ указомъ присланъ.

— Да съ какимъ?—О чемъ указъ-то?.. Нѣтъ ли бѣды какой?— тревожно допрашивалъ воевода, всматриваясь въ морщинистое, испитое и совершенно безжизненное лицо стараго дьяка.

— Не могу знать, батюшка Тихонъ Григорьевичъ, — потому я только однимъ глазкомъ въ указъ заглянулъ... А такъ, значитъ, думаю, что дѣло спѣшное и важное, потому нарочному приказано здѣсь, въ Холмогорахъ, всего три дня перебыть и отъ тебя на ту царскую грамоту отписку привезть...

И дьякъ сунулъ руку за пазуху, вынулъ оттуда какой-то свертокъ, а изъ свертка добылъ столбецъ—и сдѣлалъ два шага съ столу, собираясь подать грамоту воеводѣ.

Но тотъ остановилъ его на полдорогѣ:

— Читай скорѣй, о чемъ тамъ писано?—сказалъ воевода нетерпѣливо.

Дьякъ осторожно развернулъ столбецъ, отнесъ его на нѣкоторое разстояніе, окинулъ глазами, потомъ отклонилъ голову въ сторону и прочелъ слѣдующее:

«Отъ благовѣрнаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи самодержца стольнику и воеводѣ Тихону Григорьевичу Головкову. Въ Новгородскомъ приказѣ выписано. Въ прошломъ 167 году, по указу великаго государя и царя и великаго...»

— Да ну же!—торопилъ воевода.—Это знаемъ,—дальше-то что?

Дьякъ молча провелъ пальцемъ по строкамъ титула и продолжалъ, не измѣняя голоса:

— По титулѣ... бояре, слушавъ выписки въ передней, приговорили: на Двину къ стольнику и воеводѣ...

— И это знаемъ!—крикнулъ воевода дьяку.—Дальше-то что— не мучь ты меня! Нѣтъ ли грозы какой?

Дьякъ опять провелъ указательнымъ пальцемъ по строкамъ грамоты и продолжалъ также безстрастно:

...«Послать великаго государя грамоту, велѣть по прежнимъ указамъ отца его государева, благовѣрнаго государя и приснобдаженныя памяти царя Михаила Ѳеодоровича... съ двинскихъ посадскихъ людей и уѣздныхъ и обѣльныхъ сошекъ крестьянъ на ихъ госу-

дарскую кречатню, для полевой потѣхи и для посылокъ въ иныя государства, на 168 годъ взять и впредь на вся годы имать кречатовъ красныхъ и цвѣтныхъ большихъ самыхъ добрыхъ по 50-ти птицъ на годъ..»

— Ухъ! Отлегло... Слава Богу! — проговорилъ воевода, проясняясь и крестясь на иконы.—А ужъ я думалъ и невѣсть что!.. Забралъ въ голову — не ябеда ли какая, что такъ спѣшно отповѣдь требуютъ! А тутъ это, значитъ, на счетъ кречетовъ... Это уже не наша забота—на нее здѣсь свои люди есть: кречатьи помытчики! За нихъ, значитъ, надо приниматься—имъ читать грамоту! Пусть они и отдуваются своими боками! Такъ, что ли, Автономъ Ильичъ? А?

— Такъ точно, государь всемилостивый! — отвѣчалъ съ поклономъ старый дьякъ, собирая въ кулакъ свою жиденькую бороденку.

— Ну, такъ вели же немедленно, на завтра, рано утромъ собраться въ съѣзжую избу всѣмъ посадскимъ и всѣмъ выборнымъ отъ крестьянъ уѣздныхъ и отъ обѣльныхъ сошекъ. Тамъ этотъ самый указъ государевъ прочтешь, да и потолкуешь... Авось либо изъ этого указа и намъ какая-нибудь прибыль отъ мужиковъ перепадетъ? А ты мнѣ кстати и выпись приготовь, сколько за прошлые два года моего воеводства здѣшними помытчиками ловчихъ птицъ на государевъ обиходъ доставлено?

— Слушаю, государь всемилостивый, приготовлю! — отозвался дьякъ.—А указъ-то царскій, изволь, господинъ, въ кованый ларецъ схоронить, что бы мнѣ изъ-за него какой бѣды не приключилось.

И дьякъ, подавъ воеводѣ указъ, поклонился ему въ поясъ и, согнувшись въ три погибели, юркнулъ черезъ полуотворенную дверь въ сѣни. Воевода, повертѣвъ грамотку въ рукахъ и осмотрѣвъ приложенную къ ней печать Новгородскаго Приказа, бережно свернулъ ее и опустилъ въ кованый, рѣзной ларецъ «съ теремкомъ», который и заперъ на ключъ. Поварачивая ключъ въ замкѣ съ «мусикой», воевода посмѣивался себѣ въ бороду, и радовался тому, что не оправдались его опасенія... Въ то же время онъ соображалъ, какую пользу можно будетъ извлечь изъ царскаго указа, напоминавшаго двинянамъ о поставкѣ ко двору кречетовъ и соколовъ — давнемъ, исконномъ и трудно-выполнимомъ обязательствѣ.

II.

На другой день, спозаранку, около съѣзжей избы, въ Холмогорахъ, толпился народъ—посадскіе люди, крестьяне уѣздные и крестьяне обѣльныхъ сошекъ. Старосты и выборные собрались въ избѣ въ ожиданіи воеводскаго дьяка, который съ вечера распорядился созвать ихъ и распустилъ слухъ о томъ, что прислана изъ Москвы царская грамота о кречатьихъ помытчикахъ и что по той грамотѣ

всѣмъ грозитъ бѣда неминучая. Мудрено ли, что собравшіеся посадскіе и крестьяне стояли понуря головы и тоскливо перекидывались между собой отдѣльными словами, пожимаясь отъ холоднаго, апрѣльскаго утренника, который насквозь пронизывалъ студенымъ и рѣзкимъ вѣтромъ.

— Ты, Гаврила, не слыхалъ ли, что̀ за грамота?

— А почемъ я знаю? Не я ее писалъ—небось!

— Да я было думалъ, что ты съ холопями воеводскими водишься...

— Ну такъ что въ томъ, что вожусь?

— Да вотъ то и есть, что молъ не слыхалъ ли отъ нихъ чего?..

— А имъ почемъ знать—дура голова!

— А вотъ потомъ и знать, что они воеводскіе холопи...

— Ну тебя и съ ними...

— Дьякъ идетъ, дьякъ идетъ!—раздалось въ толпѣ.

— «Разступися грязь—навозъ идетъ!» — вздумалъ было кто-то подшутить, но на шутника накинулись со всѣхъ сторонъ съ руганью: настроеніе толпы было тревожное и гнѣвливое.

Дьякъ Автономъ Ильичъ, закутавшись въ теплую шубу на молодыхъ олешкахъ, нахлобучивъ на голову превысокій колпакъ изъ пестрыхъ оленьихъ лоскутовъ и бережно неся за пазухой берестяной баулъ съ копіей царской грамоты и съ другими бумагами — степенно и важно прошелъ черезъ толпу въ съѣзжую избу, скинулъ въ сѣняхъ шубу и колпакъ, сдалъ ихъ на руки сторожу и вошелъ въ присутствіе. Здѣсь всѣ старосты и выборные встрѣтили дьяка низкими поклонами, на которые онъ едва отвѣчалъ кивкомъ головы. Затѣмъ подошелъ къ столу, вынулъ бумаги изъ баула и, окинувъ всѣхъ присутствующихъ суровымъ взглядомъ, произнесъ громко и торжественно:

— Указъ государевъ!

Всѣ насторожили уши и вытянули впередъ головы, видимо не желая проронить ни слова, ни звука.

— Господи помилуй насъ грѣшныхъ!—прошепталъ кто-то въ углу избы.

Автономъ Ильичъ прочелъ извѣстный намъ указъ, но совсѣмъ не такъ какъ онъ его читалъ наканунѣ въ воеводскихъ хоромахъ; а съ такою выразительностью и съ такимъ удареніемъ на каждомъ словѣ, какъ будто дѣло въ указѣ шло о жизни и смерти всѣхъ присутствующихъ. Такъ истово и выразительно читались дьяками только статейные списки съ изложеніемъ винъ преступника передъ смертной казнью.

Внушительное чтеніе указа подѣйствовало одинаково на всѣхъ слушателей. Когда дьякъ закончилъ и, сложивъ грамоту, обвелъ присутствующихъ суровымъ, испытующимъ взглядомъ—среди об-

щаго молчанія, въ отвѣтъ на грамоту, послышались только глубокіе вздохи.

— Что скажите, православные? — вопросилъ дьякъ, закидывая руки за поясь и возводя очи горѣ.

— Тяжеленько это будетъ, батюшка, Автономъ Ильичъ — по 50 птицъ-то на годъ!—заговорило разомъ нѣсколько голосовъ.

— Указъ государевъ! — строго замѣтилъ дьякъ. — Разумѣйте, языци, и покоряйтеся!

— Покоряемся, кормилецъ,—это что и говорить! А только тяжеленько, потому какъ въ прошлые годы и по тридцати птицъ съ великой нужей добывали...

— Знать этого намъ не указано... Добывали по тридцати, коли такъ было велѣно; а теперь указъ вамъ прочитанъ, чтобы добывали по пятидесяти. А буде чего не доловите, такъ вамъ же вѣдомо, какъ въ прежнихъ грамотахъ писано: «за недоловныя птицы на двинянахъ посадскихъ людяхъ и на уѣздныхъ крестьянахъ и на кречатьихъ помытчикахъ доправить за всякую птицу по 10 рублей».

— Охъ, вѣдомо намъ это, кормилецъ, вѣдомо! — отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Опять же и то, батюшка, Автономъ Ильичъ, подумай: теперь время позднее, промышлять птицу у насъ некому. Наши первые кречатьи помытчики, Лупка Проскурнинъ да Исачка Заборцевъ, съ мѣсяцъ тому назадъ на звѣриный, да на рыбный промыслы ушли; а самый-то главный кречатникъ, Якушка Омельяновъ, на ладонъ дышетъ! Кого же намъ по кречеты посылать будетъ, да и гдѣ же ихъ такую силу взять?

— Значитъ, вы тому указу государеву ослушники учиняетесь?— грозно вопросилъ дьякъ, принимаясь за перо.

— Что ты, что ты, кормилецъ, батюшка! Намъ это и въ мысль не вмѣщается! — громко воскликнули всѣ старосты и выборные разомъ.

— Ну, такъ вотъ и расписывайтесь, что указъ вамъ читанъ и вы по тому указу безъ всякаго мотчанія исполненіе учините.

И дьякъ, на оборотѣ копіи, четко и кудревато выписалъ имена присутствующихъ, а они, одинъ за другимъ, стали ставить противъ своихъ именъ — кто кресты, а кто — знаменья.

Во время этой длинной процедуры, между старостами и выборными происходили въ дальнемъ углу избы какіе-то переговоры, то шопотомъ, то въ полголоса; переговоры эти, вѣроятно, были финансоваго свойства, потому что, въ концѣ ихъ, всѣ стали рыться по карманамъ, заворачивая полы тулуповъ и кафтановъ, или опуская руки за голенище и вытаскивая изъ-за него завѣтный чересокъ. Старшій изъ выборныхъ собиралъ деньги въ шапку, а затѣмъ завернулъ ихъ въ тряпицу изъ синей крашенины, завязалъ узелкомъ и подошелъ съ поклономъ къ столу, за которымъ дьякъ

также сурово, какъ и прежде, рылся въ своихъ бумагахъ, ставилъ на нихъ какія-то помѣты и пощелкивалъ перомъ о край стола.

— Батюшка, кормилецъ, Автономъ Ильичъ, — вкрадчиво заговорилъ выборный,—исполненіе мы по тому указу учинить должны, да только ты ужъ замолвь за насъ словечко воеводѣ, чтобы онъ насъ не очень нудилъ да поспѣшалъ... Вотъ ужъ мы тебѣ по силѣ... насколько, значитъ, хватило...

И на столѣ передъ дьякомъ, невѣдомо кѣмъ положенный, явился узелокъ изъ синей крашенины. Дьякъ на него и не посмотрѣлъ, и головы отъ бумагъ не поднялъ, и только какъ бы между дѣломъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Сказать воеводѣ и поболѣзновать за васъ я не прочь... Только вѣдь это ужъ, какъ онъ похочетъ... Послѣ завтра долженъ онъ на тотъ указъ отповѣдь отправить. Такъ вы у него завтра и побывайте, да поклонитесь пониже, чтобы онъ съ васъ еще не сталъ недоловныхъ птицъ за прошлые годы взыскивать. У него же, кстати, завтра канунъ имянинъ младшаго его сынка...

И дьякъ снова заскрипѣлъ перомъ по бумагѣ. Старосты и выборные поняли, почему именно этотъ канунъ имянинъ пришелся «кстати» для воеводы, и, поклонившись низенько дьяку, вышли изъ съѣзжей избы, крѣпко почесывая въ затылкахъ.

III.

А ужъ на Руси такъ изстари ведется, что если русскій человѣкъ, послѣ окончанія дѣловой бесѣды, даже и согласившись на сдѣлку и ударивши по рукамъ, выходитъ изъ комнаты, почесывая въ затылкѣ—это значитъ, что онъ недоволенъ собою и собирается совсѣмъ уже налаженное дѣло начать съизнова.

Такъ оно было и въ данномъ случаѣ. Когда выборные и старосты вышли гурьбою изъ избы и вся толпа крестьянъ и посадскихъ, стоявшая у входа въ приказное святилище, узнала объ указѣ и о подробностяхъ бесѣды съ дьякомъ — всѣ въ одинъ голосъ заявили о своемъ неудовольствіи.

— Это что же, братцы, такое? Дьяку посуловъ по алтыну съ брата ужъ сбѣжало, а воеводѣ еще по три алтына давай, да и то, пожалуй, рыло воротить станетъ?

— Это вы, братцы, придумали негораздо! За что дьяку посулъ дали? Бѣса лысаго онъ вамъ подвелъ...

— За что ему дали—только разлакомили воеводу-то!

— Да пойди же ты не дай, онъ бы тебѣ такой городьбы нагородилъ на бумагѣ-то, что, пожалуй, по міру пойти пришлось бы съ ребятишками!

— Враки! Давать не слѣдовало... А дали — теперь шевели мошной...

— Вѣстимо, неслѣдъ было... Да и подписывать того указа не надо бы! Чтобы онъ взялъ, кабы не подписали?..

— А то бы и взялъ, что отписалъ бы: учинились молъ ослушны...

— А не написалъ бы, потому что воеводѣ и самому бы по шеѣ попало отъ Новгородскаго Приказа...

— Теперь подписали: поди-ка добывай 20 птицъ лишнихъ! Снаряжай ватагу на Терскій берегъ, либо на Тіунскій берегъ. Вотъ оно что!

— А гдѣ людей возьмешь? Всѣ кречатьи помытчики въ разгонѣ; а вернутся ли, нѣтъ ли, съ промысловъ-то, еще какъ Богъ дастъ!

— Ну, чего вы разсопѣлись на насъ? Какъ разумѣли, такъ и свертѣли! Велика важность 20 птицъ лишнихъ... Въ прошломъ году небось 74 птицы добыли...

— Добыть-то добыли, а что взяли-то? Только за тридцать птицъ изъ казны деньги выдали, а тѣ всѣ еще намъ же въ горбъ убытковъ набавили.

Однимъ словомъ, чѣмъ подробнѣе вопросъ объ указѣ, о дьякѣ и о дѣйствіяхъ крестьянскихъ старостъ и выборныхъ, обсуждался въ толпѣ, тѣмъ пренія становились шумнѣе и безтолковѣе, тѣмъ болѣе разыгрывались страсти и разгорались сердца. Положеніе не выяснилось; спорившіе не приходили ни къ какимъ результатамъ. Наконецъ, выискался-таки какой-то добрый и разумный человѣкъ, который посовѣтовалъ идти всѣмъ міромъ на бесѣду къ старому кречатьему помытчику, Якушкѣ Омельянову, о которомъ всѣ отзывались въ одинъ голосъ, что онъ «старая, ношенная птица», и что онъ, «если пустится на хитрости, такъ и самого дьяка, пожалуй, оплететъ».

Двинулись гурьбою къ Якушкину дому и стали стучать къ нему въ калитку. Вслѣдъ за стукомъ послышался отчаянный лай дворныхъ собакъ; черезъ минуту калитка отворилась и на порогѣ показался молодой, красивый парень лѣтъ двадцати, русоволосый, кудрявый, очень бойкій и развязный въ движеніяхъ.

— Чего вамъ надо, сосѣдушки?—спросилъ парень, остановившись на порогѣ и придерживая рукою калитку, изъ-за которой сердито рычали на толпу пришедшихъ злыя, лохматыя дворняги.

— Да вотъ, Ла̀рюшка, къ твоему батюшкѣ. Совѣта просить пришли...

— Не домогаетъ батька-то, сами знаете; а то первый на сходѣ былъ бы...

— А былъ бы онъ, такъ не далъ бы насъ дьяку оплести,—загалдѣло разомъ нѣсколько голосовъ. — А то вонъ наши-то сдуру...

— Молчи! самъ, небось, умнѣе...

Началась перебранка и шумъ, къ которому совершенно ра̀внодушно прислушивался парень на порогѣ калитки, а псы изъ-за его спины вторили своимъ лаемъ и ворчаньемъ.

— Такъ вотъ, значитъ, намъ бы повидать Якова Омельяныча,— заискивающимъ тономъ заговорили старосты и выборные.

— Всѣхъ васъ гдѣ же впустить? Со всѣми вами отецъ-отъ и разговаривать не станетъ. Вѣдь онъ недужный... Выбирайте выборныхъ, а я покамѣсть схожу къ батькѣ—его спрошу.

Калитка захлопнулась и задвинулась засовомъ. Посадскіе и крестьяне стали между собою толковать; поспорили, пошумѣли, поругались и посчитались всякими старыми счетами и, наконецъ, рѣшили, по жеребью, выбрать три человѣка изъ старостъ и выборныхъ, да три человѣка изъ остальныхъ міряпъ—и отправить ихъ на совѣтъ къ Якушкѣ Омельянову. Когда жеребьевка окончилась, выборные заявили, что не пойдутъ иначе къ Якушкѣ на совѣтъ, какъ заручившись заранѣе согласьемъ на все, что̀ они сообща съ Якушкою по этому мудреному дѣлу надумаютъ.

— Вѣстимо, вѣстимо! Ужъ мы его знаемъ! Онъ старикъ до̀шлый—худо не придумаетъ.

— Ну, такъ ужъ помните же, православные, слово твердо! Чуръ насъ не корить, неразумьемъ не попрекать... А то, право, только худоумье наводите...

— Ни, ни! Корить не будемъ. Ступайте, совѣтуйте съ нимъ на нашемъ полномъ уговорѣ!—закричали выборнымъ всѣ міряне.

— Такъ ступайте же съ Богомъ по домамъ, не за чѣмъ здѣсь мерзнуть. А послѣ вечеренъ собирайтесь опять всѣмъ міромъ къ съѣзжей избѣ.

Какъ разъ въ это время засовъ у калитки отодвинулся, калитка распахнулась настежь, и Ла̀рюшка появился на порогѣ.

— Просимъ милости, сосѣдушки, пожалуйте въ горенку. Батька ждетъ васъ и готовъ съ вами говорить и совѣтовать.

IV.

Яковъ Омельяновичъ былъ дѣйствительно старою, ношенною птицею. Лѣтъ сорокъ сряду числился онъ кречатьимъ помытчикомъ; «помыкалъ» (т. е. промышлялъ) птицъ для великихъ государей; раза два и на Москвѣ бывалъ и живалъ по̀-долгу, сдавая на Потѣшный дворъ привозную изъ Холмогоръ ловчую птицу—кречетовъ, соколовъ и челиговъ; имѣлъ счастіе самому дѣду государеву, патріарху Филарету, челомъ ударить парою красныхъ кречетовъ рѣдкой, диковинной красоты, и за то былъ имъ назначенъ сопровождать царскаго пристава, который отвозилъ ловчихъ птицъ черезъ Архангельскій городъ, черезъ Амборъ и Любку въ городъ Ведень въ подарокъ самому кесарю Римскому. За то, что порученіе это было Яковомъ Омельяновичемъ выполнено усердно и толково, онъ и отъ кесаря удостоенъ былъ подаркомъ въ три золотыхъ корабленника и отъ государей великихъ получилъ великое жалованье — половинку

сукна жаркаго цвѣта на кафтанъ, да киндякъ дорожчатый на подкладку, да пару соболей на воротникъ и на шапку.

И съ тѣхъ поръ Яковъ Омельяновичъ зажилъ въ Холмогорахъ припѣваючи; обзавелся домкомъ и хозяйствомъ; поставлялъ ежегодно въ Москву соколовъ и кречетовъ для государевой потѣхи и дѣлилъ барыши, получаемые съ этого промысла, съ двумя другими товарищами помытчиками, которые однако же далеко уступали Якову Омельяновичу и въ умѣ, и въ опытности, и въ служебныхъ заслугахъ. Въ теченіе своей долгой службы, дѣйствительно, Яковъ Омельяновичъ успѣлъ до такой тонкости изучить свое дѣло, такъ превосходно узналъ нравы, привычки и хитрости всякой ловчей птицы, что никто не умѣлъ искуснѣе его эту птицу розыскивать, ловить, вскармливать, и приручать. Въ то время, когда другіе помытчики, нанимая большія ватаги ловцовъ, отправлялись съ ними въ отдаленнѣйшія мѣстности Поморья или ловили птицъ случайно, Яковъ Омельновичъ шелъ всегда навѣрняка, на ближнія, ему одному извѣстныя, старыя кречатьи и сокольи сѣдбища, на которыхъ у него уже была намѣчена птица, и ловилъ птицу своими особыми ловушками, подманивая ее какими-то мудреными способами, которые держалъ въ глубокой тайнѣ. На повѣрку выходило такъ, что въ то время, когда другіе двое помытчиковъ набирали съ собою на промыселъ по 8 и по 9 человѣкъ и уходили изъ Холмогоръ на Терскій или Тіунскій берегъ, розыскивать ловчую птицу, Яковъ Омельяновичъ бралъ съ собою всего троихъ наймитовъ и уходилъ недалеко отъ дома, верстъ за сто, за 150; а приносилъ съ собою вдвое и втрое болѣе птицъ, нежели его товарищи. При томъ же и наймиты, которые съ Яковомъ ходили на кречатій и соколій промыселъ, возвращаясь домой, никому не могли объяснить—гдѣ, и какъ ловилъ и добывалъ свою птицу старый помытчикъ. Ловушки свои носилъ онъ въ мѣшкѣ за спиною, и никогда, ни при комъ своего мѣшка не развязывалъ; а разставлять тѣ ловушки ходилъ только съ своимъ сыномъ, покинувъ наймитовъ на становищѣ, и отъ становища уходилъ далеко, въ такія трущобы, которыя ему одному были вѣдомы по особымъ насѣчкамъ и знаменіямъ на деревьяхъ и камняхъ. Наймитовъ же бралъ съ собою Яковъ только для береженія уловленной птицы и для снабженія ее свѣжимъ мясомъ. Но въ послѣдніе годы старый помытчикъ сталъ похварывать, да года два назадъ простудился на весеннемъ промыслѣ и совсѣмъ слегъ: у него отнялись ноги, и онъ вынужденъ былъ почти недвижимо лежать на печи, къ великому горю своей старухи-жены и сына, которому онъ старался передать постепенно всю свою науку, со всѣми ея тайнами и хитростями. Единственнымъ помысломъ Якова Емельяновича было желаніе устроить судьбу своего сына, въ которомъ онъ видѣлъ къ своему дѣлу способность и охоту.

Но видѣлъ онъ также, что его же товарищи-помытчики не дадутъ сыну его никакого хода, и, какъ старшіе, не допустятъ Ла̀рюшку занять въ промыслѣ то мѣсто, которое занималъ онъ самъ. «Повывѣдаютъ отъ него, что̀ имъ надобно», думалъ старикъ, кряхтя и ворочаясь на печи, — «а ни съ птицами на Москву не пошлютъ, ни до жалованья царскаго не допустятъ. И что въ томъ толку, что онъ будетъ послѣ моей смерти помытчикомъ? Одна только слава! А какъ отобьютъ у него мѣста̀, да способы переймутъ — прійдется и ему изъ-за чужой спины смотрѣть, да у старшихъ помытчиковъ себѣ хлѣба искать».

Въ виду именно этихъ соображеній, Яковъ Омельяновичъ очень обрадовался, когда услышалъ отъ сына, что «сосѣдушки» въ какой-то просакъ попали и желаютъ отъ него совѣта и помощи.

— Здравствуй, батюшка, Яковъ Омельянычъ,—заговорили «сосѣдушки», вступая въ жарко-натопленную избу стараго помытчика, крестясь на иконы и кланяясь по направленію къ печкѣ, на которой копошился и кряхтѣлъ хозяинъ.

— Какъ можешь, батюшка, Яковъ Омельянычъ?—допрашивали «сосѣдушки», ближе подступая къ печи, на которой кое-какъ приподнялся Яковъ и обернулся къ вошедшимъ, подпирая свою кудластую голову крѣпкими, жилистыми руками. Не смотря на то, что Якову было далеко за пятьдесятъ лѣтъ, ни въ волосахъ его, ни въ длинной, густой бородѣ не было замѣтно ни одного сѣдого волоса. Сѣрые, большіе глаза его свѣтились умомъ, но брови были насуплены и лицо выражало неудовольствіе.

— Какъ могу? — отозвался Яковъ на привѣтствіе «сосѣдушекъ», — чай сами видите, — съ печи, почитай, ужъ годъ не слѣваю... Да вамъ что! Небось и не заглянули бы сюда, кабы нужда горькая не загнала!

«Сосѣдушки» переминались съ ноги на ногу, перебирали въ рукахъ колпаки и треухи оленьи и не знали, что отвѣчать на справедливый укоръ Якова.

— Ну, говорите, въ чемъ дѣло! Мнѣ съ вами не приходится долго лясы точить!..

— Да вотъ, кормилецъ, какое дѣло навернулось, да на шеѣ у насъ и огрузло... — заговорилъ старшій изъ выборныхъ, и затѣмъ изложилъ все, что уже намъ извѣстно объ указѣ государевомъ, о томъ, что они росписались въ немедленномъ исполненіи по тому указу и что поднесли дьяку благодарность.

Яковъ слушалъ ихъ внимательно, отъ времени до времени покачивая головой и поглаживая бороду. Когда говорившій все ему передалъ, и наступило молчаніе — всѣ «сосѣдушки», такъ и впились въ Якова глазами, выжидая, что имъ скажетъ, этотъ старый, «нòшенный кречетъ».

— Ну, что жъ теперь заведете дѣлать? — обратился къ нимъ

неожиданно Яковъ Омельяновичъ, устремляя на нихъ свой умный, испытующій взглядъ.

— И ума не приложимъ, кормилецъ!—Помоги, затѣмъ и пришли, чтобы твоего совѣта слушать...

— Да что же вы прежде думали-то? Вамъ бы на указѣ не расписываться, рукъ къ нему не прикладывать—да тогда бы ко мнѣ прійти! А теперь-то я тутъ при чемъ?..

— Отецъ родной! Вызволи насъ! Помоги — не попусти насъ послѣдніе животишки отдать!

— Сами вы на себя руки наложили. Тутъ теперь ничего не подѣлаешь: расписались, что добудете 50 ловчихъ птицъ безъ всякаго мотчанья — ну, и добывайте ихъ, гдѣ знаете! А не добудете, за недоловную птицу платите въ Новгородскій Приказъ по 10 рублевъ.

— Охъ, Господи! — завопили въ одинъ голосъ «сосѣдушки».— Гдѣ же намъ экую силу птицы добыть! Самъ знаешь, теперь наши всѣ помыкальщики на промыслахъ звѣриныхъ да на рыбныхъ — разбрелись... Когда еще вернутся-то! А тутъ еще дьякъ съ ножемъ къ горлу присталъ — молъ роспишись! Не роспишитесь, значитъ, государеву указу учинитесь ослушны,—ну, мы и того!

— Вотъ тебѣ и того!.. А вамъ бы упереться, да стать на своемъ, что молъ рукъ къ тому указу не приложимъ, потому безъ кречатьихъ помытчиковъ мы того дѣла не смыслимъ, а ихъ негдѣ взять..

— Говорили, отецъ родной! Охъ, говорили! — отвѣчали разомъ всѣ сосѣдушки.—Да вишь онъ, окаянный, насъ и слушать не захотѣлъ...

— А вы бы ему въ бороду наплевали, потому въ нашихъ грамотахъ, которыя намъ, двинскимъ помытчикамъ, еще при дѣдахъ нашихъ даны, сказано: «на кречатьи промыслы двинянамъ, посадскимъ людямъ и уѣзднымъ крестьянамъ наймовать охочихъ людей, повольною цѣною, которые возьмутъ дешевле, чтобы отъ того двинянамъ лишнихъ тягостей и убытковъ не было». А гдѣ же вы теперь возьмете охочихъ людей, когда всѣ на промыслы ушли? Вамъ изъ казны государевой за птицу всего-на-все платятъ по два рубля; за краснаго кречета по три рубля; а прійди ты теперь ко мнѣ да попробуй меня наймовать на птичій промыселъ, такъ я съ тебя самъ менѣе четырехъ рублей не возьму за самаго ледящаго челига!...

— Батюшка, Яковъ Омельянычъ! Да вѣдь мы же люди темные, грамотъ тѣхъ вашихъ помытчичьихъ въ головѣ не держимъ, какъ вотъ ты ихъ держишь... Ну, вотъ онъ дьякъ-отъ анаѳемскій и подвелъ насъ... Въ раззоръ, значитъ, раззорилъ!

— Въ раззоръ! — повторилъ Яковъ Емельяновичъ, покачивая головою.—Да еще вы же ему посулъ поднесли, и воеводѣ поминки пообѣщали. Эка дурость, подумаешь!

— Пообѣщали, кормилецъ, пообѣщали... Да вѣдь ужъ тутъ, что выговорено, то и вымолочено! Завтра и нести придется!

— А послѣ завтра онъ отповѣдь въ Приказъ отправить, что молъ будутъ государю всѣ птицы ловчія сданы безъ всякаго мотчанія... Его оттуда похвалятъ... а на будущій годъ съ васъ ужъ не 50 птицъ потребуютъ, а больше...

— Смилуйся, Яковъ Омельянычъ, научи, вразуми насъ темныхъ людей...

— Да что вы заладили — вразуми да вразуми! Глупаго учить, что мертваго лѣчить! Коли вы темные, такъ раньше бы за тѣхъ ухватились, кто васъ умнѣе, а то теперь волôсъ хватились, когда и голову съ плечъ сняли. Теперь съ вами воевода да дьякъ все то сдѣлаютъ, чего ихъ душа желаетъ: захотятъ съ кашей съѣдятъ, захотятъ масло спахтаютъ! Позабыли вы пословицу: коль напишетъ дьякъ, такъ ужъ быть тому такъ!

Всѣ понурили головы, сознавая справедливость укоровъ. Наконецъ, одинъ изъ сосѣдушекъ рѣшился подать голосъ въ такомъ родѣ:

— Коли не можешь помочь, Яковъ Омельянычъ, такъ ужъ, значитъ, на насъ такая кара Господомъ Богомъ послана — такъ тому и быть! А коли можешь помочь, да не хочешь, такъ вѣдь мы чаемъ, что и на тебѣ, старъ человѣкъ, тоже хрёстъ есть!

— То-то, хрёстъ есть! — какъ бы смягчаясь, замѣтилъ старый кречетъ.—Сами вы по дурости своей напутаете, а я поди за васъ расхлебывай... Да еще вы же мнѣ хрёстъ въ глаза тычете! Надо мной, братъ, тоже скоро хрёстъ-отъ ставить придется, такъ тогда вотъ, каково будетъ отъ васъ моей старухѣ да сынишкѣ...

— Что ты, Яковъ Омельянычъ, да мы, вотъ-те передъ Истиннымъ, — заговорили разомъ всѣ «сосѣдушки», — вотъ-те ей-ей, готовы и женѣ твоей, и сыну все, какъ ты прикажешь!... Да ты только положи что... не постоимъ ни зачѣмъ... Только вызволи!

— Старъ я, братцы! Тоже изъ семи печей хлѣбъ-то ѣдалъ, такъ меня такъ вабить, какъ глупаго челига, не приходится... Теперь мнѣ съ вами говорить-то не въ моготу больше! Да и умомъ-разумомъ пораскинуть надо. Подумаю о вашемъ дѣлѣ, померекаю... Приходите сегодня по вечеру. Только такъ и знайте, если что путное надумаю, такъ ужъ вы по тому и сдѣлайте... И уговоръ тогда положимъ... А теперь мнѣ съ вами калякать больше не подъ силу...

И, Яковъ, кряхтя и покашливая, опустился на изголовье, давая тѣмъ знать «сосѣдушкамъ», что аудіенція кончена.

— Придемъ, батюшка, Яковъ Омельянычъ... Помогай тебѣ Богъ, придемъ по вечеру!—заговорили сосѣдушки, отвѣшивая низкіе поклоны и направляясь къ порогу съ облегченнымъ сердцемъ.

— Сказалъ, что подумаетъ, померекаетъ,—толковали между собою сосѣдушки, сходя съ крыльца избы во дворъ. — А ужъ коли онъ подумаетъ, такъ надумаетъ! Старая, ношенная птица!

Что надумалъ Яковъ Омельяновичъ, лежа на печи, кряхтя и ворочаясь подъ оленьей малицей—объ этомъ онъ ни кому не сказалъ ни слова: ни женѣ, ни сыну. Знаемъ только, что часа три спустя послѣ разговора съ сосѣдушками, Яковъ Омельяновичъ позвалъ своего сына, потолковалъ съ нимъ о чемъ-то долго и вразумительно, и передалъ ему свой завѣтный мѣшокъ съ ловушками. А сряду послѣ разговора съ отцемъ, его сынъ снарядился въ дорогу, навьючилъ мѣшокъ и всякій дорожный запасъ на легкіе саночки, запрягъ въ санки бойкую, длинношерстую лошаденку, распростился съ отцемъ, съ матерью, и съѣхалъ со двора въ поле задними воротами. Только его и видѣли...

Когда подъ вечеръ подошли сосѣдушки къ дому Якова Омельяновича, калитку имъ отворила его жена, провела ихъ къ мужу и тотчасъ удалилась, плотно притворивши за собою дверь. Сосѣдушки подошли къ печкѣ, гдѣ, еще пуще чѣмъ утромъ, кряхтѣлъ ворочаясь старый помытчикъ, который теперь показался посадскимъ и крестьянамъ настоящимъ Соломономъ Премудрымъ. Никто и рта не смѣлъ разинуть первый: всѣ ждали отъ него, чѣмъ онъ провѣщится, какъ разрѣшитъ ихъ загадку.

— Подумалъ я, братцы!—сказалъ наконецъ Соломонъ Премудрый,—подумалъ, да вижу голова-то у меня ужъ не прежняя стала...

Сосѣдушки переглянулись между собою съ лукавой улыбочкой, зная, что это только присказка, а сказка-то еще впереди будетъ.

— Подумалъ я... пораскинулъ... Какъ ни кинь, все клинъ выходитъ... Дрянь ваше дѣло..

«И это все не къ дѣлу говоритъ»,—сообразили сосѣдушки.

— И вижу я, православные, что дьякъ свое получилъ, и воевода свое получитъ завтра—этого не минуете!—А я то при чемъ буду, братцы, коли васъ изъ бѣды вызволю?..

— Да что ты, Яковъ Омельянычъ! — заговорили посадскіе.— Отъ насъ тебѣ благодарность во-какая, будетъ. Ничего не пожалѣемъ...

— И чего жалѣть!—добавили крестьяне.

— Не ты поможешь, такъ все равно насъ дьякъ съ воеводой разуютъ и рубаху съ насъ послѣднюю снимутъ...

— Эхъ, вы! А еще о хрестѣ ономнясь утромъ поминали—еще хрестомъ мнѣ глаза кололи! А теперь думаете, что и я тоже, какъ крапивное сѣмя, какъ строка приказная, васъ раздѣвать да разу-

вать стану? Стоило бы васъ всѣхъ отсюда за это самое по шеямъ выгнать, а не совѣтъ давать!

— Батюшка, отецъ родной!—спохватились сосѣдушки,—да вѣдь намъ ни къ чому! Не прогнѣвись на насъ... Яковъ Омельянычъ! по христіанству помоги...

— Ну, то-то же по христіанству!.. Такъ вотъ слушайте же, что я вамъ говорить стану—слушайте во всѣ уши. Ни чего мнѣ съ васъ не надобно... Изъ бѣды я васъ вызволю...

— Сердечный ты нашъ! Отецъ родной—радѣлецъ!..

— Только одинъ уговоръ... А уговоръ, сами знаете, лучше денегъ!.. Вотъ вы мнѣ сейчасъ передъ образомъ поклянитесь, что вы изъ моей воли ни на шагъ не выйдете...

— Присягнуть готовы! Вотъ тебѣ Никола Угодникъ и Знаменье Пречистое,—загалдѣли въ одинъ голосъ сосѣдушки, подымая руки къ потемнѣвшимъ иконамъ, передъ которыми въ углу теплились лампады.

— Крестъ цѣлуйте и за себя, и за вашихъ выборщиковъ, чтобы изъ уговора со мною не выходить—безъ спроса моего рукъ ни къ чему не прикладывать—и все то выполнять, что я вамъ прикажу, хоть бы вамъ воевода грозился, что голову съ плечъ вамъ сниметъ и на правежѣ васъ до смерти кнутовьемъ забьетъ!..

Всѣ сосѣдушки разомъ, какъ по командѣ, полѣзли за пазуху, вытащили свои деревянные, рѣзные и мѣдные литые кресты и набожно приложили ихъ къ устамъ, проговоривъ:

— Будь противъ насъ сила животворящаго креста, коли мы отъ уговору съ тобою отступимъ или изъ воли твоей выйдемъ!

Всѣ понимали, что дѣло идетъ къ благополучной развязкѣ.

Когда крестоцѣлованіе было закончено, Яковъ Омельяновичъ самодовольно провелъ рукою по бородѣ, и сказалъ сосѣдушкамъ:

— Ну, коли такъ, такъ я же вамъ обѣщаю, что все дѣло ваше я поправлю. Въ нонѣшнемъ году не прійдется вамъ больше шести птицъ государю великому промыслить...

— Больше шести?!—удивленно переспросили два голоса.

— Ну да! Аль говорю не внятно? Всего шесть птицъ промыслить—и о тѣхъ не ваша забота! Я вамъ тѣ птицы предоставлю... Только одно впередъ говорю, — вамъ прійдется на Москву ходака снарядить.

— Ходака? Да вѣдь, батюшка ты, радѣлецъ нашъ—какъ намъ его снарядить?—Мы люди темные, а тутъ грамотенъ человѣкъ нуженъ... А прознàетъ воевода о томъ ходакѣ, въ погонь за нимъ пошлетъ, челобитную отъ него отобрать велитъ, а насъ батожьёмъ поучитъ...

— Вы, значитъ, опять въ свою голову вершить дѣло хотите!—громко крикнулъ Яковъ Омельяновичъ.—Молчать! Аль цѣлованье крестное забыли? Коли я говорю, что ходака послать надо, такъ

чтобы было! И того ходака я вамъ самъ укажу, а о челобитной не ваша забота.

— Ды ты не прогнѣвись, кормилецъ, — робко замѣтили «сосѣдушки»,—вѣдь на ходака опять деньги скоплять надыть, да и опять же воевода коли прознаетъ...

— Я вамъ говорю—не ваша забота! Денегъ никакихъ не надо— ходака отправимъ на счетъ казны государевой; а воеводы бояться нечего, потому онъ самъ того ходака въ сани подсаживать будетъ, да на дорогу-то ему еще пирогъ за пазуху сунетъ!..

Сосѣдушки удивленно и недовѣрчиво переглянулись между собою. Яковъ Омельяновичъ понялъ ихъ взгляды и поспѣшилъ объяснить:

— Чего переглядываетесь? Небось, думаете, что старый хрѣнъ на печи разумъ проспалъ—говоритъ не ладное!? Такъ я же вамъ докажу! Я и воеводу, и дьяка по своей дудкѣ плясать заставлю.— Только чуръ! не робѣть! какъ бы они на васъ ни кричали, чѣмъ бы ни грозились, вы все одно твердите: «знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ,—безъ Якушки Омельянова ничего не смѣемъ, потому онъ здѣсь одинъ помытчикъ, а и тотъ на ладанъ дышетъ!»—Такъ и говорите и до тѣхъ поръ дурака валяйте, пока я велю! А тамъ ужъ я за себя самъ отвѣчу:—вашихъ головъ подъ обухъ не подставлю.

— Ну, а какъ станетъ воевода грозить страшнымъ именемъ царскимъ,—какъ въ ослушники насъ запишетъ...

— Страшенъ сонъ да милостивъ Богъ. — Онъ только потому и грозить вамъ можетъ, что вы, какъ курицы мокрыя, передъ нимъ крылья опущаете! Знаетъ, что до Бога высоко, а до царя далеко— вотъ и хорохорится. А развѣ же вы не знаете, что если дураками прикинитесь, такъ и ослушниками царскими не будете? Что съ дурака возьмешь?—дураку законъ не писанъ.

— Ишь вѣдь какъ складно расписываетъ!—невольно сорвалось у одного изъ посадскихъ.—Ну, а какъ же это ты...

— Э-э, братъ! За пазуху ко мнѣ лѣзешь!—сказалъ на это Яковъ, хитро прищуривая глаза. — Нѣтъ, погоди! Мое при мнѣ пусть и останется... А на первый разъ вотъ вамъ мой приказъ: завтра, какъ пойдете на поклонъ къ воеводѣ, снесите ему по три алтына съ головы... Теперь его задобрить надо! А потомъ сѳлоны ему эти алтыны придутся—и всѣ онъ ихъ намъ воротитъ съ лихвою. Ступайте теперь по домамъ, да спите спокойно... А объ нашемъ уговорѣ— ни, ни! Никому! Скажите только выборщикамъ, что я взялся дѣло ваше наладить и что вы мнѣ дали на то полную мочь и въ томъ за нихъ крестъ цѣловали.

— Слушаемъ, батюшка, Яковъ Омельянычъ.

— Да постойте-ка! Сколько-бишь, въ прошломъ-то году, Лупка Проскуринъ да Исачка Заборцевъ, вмѣстѣ съ моими, залишнихъ ловчихъ птицъ въ Москву свезли?

— Да всего-то надо было имъ тридцать отвесть, а тутъ благодать такая привалила — 74 птицы добыли; значитъ 44 птицы залишнихъ доставили...

— А денегъ за нихъ изъ казны государевой и по сей часъ не выдали?—насмѣшливо замѣтилъ Яковъ Омельяновичъ.

— Досель не выдали, батюшка!

— А деньги-то у васъ подъ носомъ и по сю пору лежатъ!

— Какъ же такъ?

— А такъ же! Въ нашихъ старинныхъ грамотахъ именно сказано:—«Давать помытчикамъ великихъ государей изъ казны по два рубля за птицу изъ двинскихъ таможенныхъ и Кружечнаго двора доходовъ.» А вамъ изъ тѣхъ доходовъ здѣсь не выдали; значитъ, ваши деньги и теперь въ таможнѣ да на Кружечномъ дворѣ лежатъ, коли ихъ ужъ воевода не получилъ оттуда да не подѣлился съ таможеннымъ и съ кружечнымъ старостой!

— Такъ вотъ оно что?.. Какъ же это онъ такъ насъ забижать смѣетъ? Значитъ, мы должны съ него требовать! Значитъ намъ съ него еще 88 рублей сойти должно.

— Поди, требуй! А онъ тебѣ скажетъ—отпишу, молъ, въ Новгородскій Приказъ, а тамъ и свалитъ на московскую волокиту—и ты не одни сапоги сносишь, за своими деньгами ходивши.

«Сосѣдушки» опять растерялись и сообразить не могли, какъ же это—и есть деньги, и получить ихъ нельзя?

— Нѣтъ, братцы, вы объ этихъ деньгахъ теперь и думать забудьте; а вотъ какъ ходока-то своего мы на Москву отправимъ, такъ въ челобитной его и пропишемъ, что противъ прежнихъ старинныхъ грамотъ воевода намъ денегъ не додалъ, а птицы мы тѣ сдали, и на то у насъ есть и видоки и послухи, и памяти изъ Новгородскаго Приказа на тѣ птицы взяты, въ томъ, что тѣ птицы на Потѣшный дворъ сданы, по росписи, и роспись та въ приказѣ въ столпъ внесена. Вотъ тогда-то и запляшетъ онъ у насъ... воевода-то! А теперь посулы ему несите, поминками его по губищамъ-то мажьте! Будетъ и на нашей улицѣ ярмонка!

VI.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. На другой день выборные отъ посадскихъ и отъ крестьянъ, пошли на поклонъ къ воеводѣ, который уже былъ предупрежденъ дьякомъ о ихъ посѣщеніи. Воевода принялъ ихъ привѣтливо, выслушалъ не брюжжа и не ругаясь ихъ словесную просьбу о томъ, чтобы имъ никакихъ притѣсненій и спѣшки по поводу новаго указа не вышло, принялъ отъ нихъ какой-то узелокъ съ вещественными доказательствами ихъ покорства и рабской готовности служить великому государю—и еще разъ посмѣялся себѣ воевода въ бороду.

— Вотъ онъ! Указъ-то! Служитъ службишку!—говорилъ самъ себѣ воевода, ссыпая въ ларецъ принесенные алтыны и гривны— а я-то еще тогда трусу отпраздновалъ, да и на бабу свою осерчалъ! Анъ смотришь, двухъ дней не прошло,—а ужъ съ указа-то мнѣ доходъ, ужъ есть и сынишкѣ на молочишко.

И затѣмъ прошло еще двѣ-три недѣли, въ теченіе которыхъ и обыватели мѣстные были вполнѣ довольны воеводой и воевода доволенъ былъ обывателями. Въ концѣ третьей недѣли мирное теченіе жизни холмогорцевъ было нарушено нѣкотораго рода событіемъ.

Ларька Омельяновъ вернулся въ городъ изъ отлучки и привезъ съ собою шесть ловчихъ птицъ, и въ томъ числѣ одного превосходнаго краснаго кречета. Съ этими птицами онъ явился въ съѣзжую избу, вмѣстѣ съ выборными отъ крестьянъ и отъ посадскихъ людей и заявилъ дьяку слѣдующее:

— Былъ я на Терскомъ берегу съ двумя работными людьми изъ Самояди, отъ отца моего Якушки Омельянова на кречатій промыселъ посланъ. И 20-го мая, какъ пришли мы на старыя птичьи пôмчи да помкнули по птицы, и далъ намъ Богъ, на великаго государя счастье, птицу кречета краснаго самаго добраго, а 22 мая еще двухъ кречетовъ, да трехъ челиговъ. И всѣ тѣ шесть уловныхъ птицъ прошу принять для отсылки на Москву къ великому государю.

— А какъ же я ихъ отъ тебя приму — куда я ихъ дѣну? — сердито огрызнулся дьякъ. — Уловилъ, такъ и держи ихъ у себя до случая. Пока напишемъ, да намъ отпишутъ—времени не мало пройдетъ.

— Ты мнѣ отписку дай, что уловныхъ птицъ отъ меня принялъ, и что тѣ шесть птицъ тебѣ доставлены въ цѣлости.

— Это зачѣмъ?

— А за тѣмъ, что я у себя этой птицы самовольно держать не могу: эта птица на великаго государя изловлена и если съ нею что приключится—я могу быть въ отвѣтѣ.

— Не дамъ я тебѣ никакой отписки... Убирайся!

— Не дашь?—Такъ вотъ у меня и видоки есть, что я тебѣ тѣхъ птицъ принесъ и доставилъ, и тутъ ихъ тебѣ въ съѣзжей избѣ и покину... Что хочешь, то съ ними и дѣлаешь—да самъ за нихъ передъ государемъ и отвѣтъ несешь. Такъ ли братцы?

— Такъ, такъ, Лáрюшка—такъ!—отозвались въ одинъ голосъ всѣ посадскіе и крестьяне.

Дьякъ подумалъ, подумалъ, а затѣмъ, какъ бы испытывая бойкаго парня, сказалъ:

— Ну, а если я отъ тебя тѣхъ птицъ не приму?

— Не принять не можешь, Автономъ Ильичъ. По нашимъ стариннымъ помытчичьимъ грамотамъ я тебѣ въ приказной избѣ птицу

на великаго государя объявить долженъ, а ты ее отъ меня принять долженъ. А потомъ, какъ примешь на великаго государя птицу, ты мнѣ ее сдать на руки долженъ для уходу и для прокорму до указа государева.

— Да на какіе же ты это старинныя грамоты ссылаешься? Я такихъ грамотъ и въ глаза не видалъ...

— А на тѣ грамоты, которыя намъ сокольимъ да кречатьимъ помытчикамъ еще великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ даны— отцомъ Грознаго царя. И тѣ грамоты у насъ хранятся и батька тѣ грамоты наизусть знаетъ.

Задумался дьякъ. «Ишь!» думаетъ, «чертёнокъ какой выдался: изъ молодыхъ да ранній!»

— Погодите вы здѣсь—и съ птицами... Я схожу къ воеводѣ—его спрошу.

Пошелъ дьякъ къ воеводѣ. Переглянулись между собою посадскіе и крестьяне: «клюетъ», значитъ, «выгораетъ дѣло».

Вернулся дьякъ хмуренъ. Швырнулъ шапку на столъ,—говоритъ:

— Воевода приказалъ принять птицъ на великаго государя и отписку тебѣ выдать.

Сѣлъ, написалъ отписку, подалъ Ларькѣ Омельянову; а тотъ отписку взялъ, пробѣжалъ глазами, да и говоритъ:

— Я такой отписки отъ тебя, Автономъ Ильичъ, принять— воля твоя—не могу.

— Какую же тебѣ еще?..

— Да тутъ у тебя писано, что принялъ шесть птицъ ловчихъ, а какихъ—и не сказано. А птица—птицѣ розь! Этой цѣна 2 рубля, а этой казенная цѣна 3 рубля.

— Да ты развѣ грамотный?—съ досадою спросилъ дьякъ.

— Грамотѣ у соловецкихъ отцевъ обученъ.

«А, будь имъ пусто! Плодятъ грамотныхъ намъ на горе!»— подумалъ дьякъ.—Какъ же тебѣ отписку писать?

— А вотъ изволь выписать, что принялъ отъ меня одного кречета краснаго, молодика, да двухъ кречетовъ подкрасныхъ, дикомытей, да двухъ челиговъ цвѣтныхъ, молодиковъ, да одного челига кропленаго, молодика же.

Дьякъ написалъ. Ларька просмотрѣлъ его росписку и потребовалъ, чтобы выборные къ ней приложили руки.

— Ну, а теперь какъ укажешь съ птицами быть, и кому ходить за ними, и кому ихъ кормить?—обратился Ларька къ дьяку.

— А мнѣ какое дѣло! По мнѣ, кто хочетъ, тотъ и корми!

— Нѣтъ, Автономъ Ильичъ, такъ-то нельзя,—заговорили въ одинъ голосъ выборные.—Ты отъ Ларьки на государево имя птицъ принялъ; тебѣ теперь съ воеводою объ нихъ и забота... Мы за нихъ отвѣчать не можемъ.

— Куда жъ я ихъ приму? Развѣ я помытчикъ или сокольничій—я къ птицамъ и приступиться не умѣю! Несите ихъ къ помытчику—къ Якушкѣ Омельянову.

— Якушка Омельяновъ на ладанъ дышетъ—не до птицъ ему ужъ теперь!—отвѣчали въ одинъ голосъ выборные.—А другіе помытчики всѣ въ разгонѣ... на промыслахъ.

— Такъ кто же птицъ кормить и держать станетъ до указу государева?

— Да некому больше, какъ Якушиному сыну—вотъ ему, Ла̀рюшкѣ Омельянову.

— Ну, коли нѣкому больше, такъ что-же вы ко мнѣ лѣзете? Ему и отдайте.

— Не можемъ мы отдать—теперь эта птица на великаго государя отписана, такъ ей только господинъ воевода распорядиться можетъ; опять же и насчетъ корму...

— Что на счетъ корму?

— Имъ теперь, государевымъ ловчимъ птицамъ, кормъ отъ казны долженъ быть положенъ. А корму имъ сходитъ по положенію—гнѣздо голубей на кречета, да полгнѣзда на челига; а гдѣ голубей не будетъ, въ голубей мѣсто, за два гнѣзда голубей по двое куровъ имать на день.

Дьякъ бросилъ съ досады перо на столъ, даже позабывъ его отщелкнуть, схватился за шапку и крикнулъ:

— Ступайте за мной къ воеводѣ!

Пошли за дьякомъ выборные, понесли съ собою и птицъ государевыхъ; поплелся за ними и Ла̀рюшка.

VII.

Прійдя во дворъ къ воеводѣ, выборные съ Ларюшкой и съ птицами остались въ сѣняхъ, а дьякъ вошелъ въ комнату къ воеводѣ.

Какъ разъ въ это время Тихонъ Григорьевичъ только-что собирался за столъ садиться. Супруга его уже и настойку его любимую передъ нимъ поставила; онъ уже и чарочку въ руки взялъ, какъ вдругъ голова дьяка показалась въ дверяхъ...

Выборные въ сѣняхъ не слышали, что докладывалъ дьякъ но, тотчасъ послѣ доклада дьяка, услыхали голосъ воеводы, который обрушился на дьяка съ такою грозою, что и въ сѣняхъ вчужѣ дрожь пробирала. Затѣмъ, дверь распахнулась настежь и самъ воевода, всею своею тучною особою выкатился въ сѣни, со сжатыми кулаками, съ молніями во взорахъ. Онъ уже открылъ ротъ, готовясь осыпать пришедшихъ отборнѣйшею бранью, какъ вдругъ Ла̀рюшка выступилъ впередъ, поклонился воеводѣ въ поясъ и произнесъ спокойно и съ достоинствомъ:

— Мы къ твоей милости, по дѣлу государеву.

— Ка...а...къ? Что такое... Что? по какому го...судареву дѣлу?— крикнулъ оторопѣвшій воевода.

— Да вотъ тутъ птицы государевы ловчія, всѣхъ счетомъ шесть, которыя моимъ радѣніемъ уловлены и въ государеву казну приняты — такъ кому ты ихъ кормить и содержать прикажешь до указа государева?

— Кому же какъ не государевымъ кречатьимъ помытчикамъ!— рявкнулъ воевода.

— Нѣтъ ихъ здѣсь, государь, ни единаго. Одинъ только Якушка Омельяновъ,—загорланили выборные,—да и тотъ немоченъ, почитай, на ладанъ дышетъ...

— Что же мнѣ за дѣло! Кто хочетъ, тотъ и корми!

— Мы, государь, ихъ кормить не умѣемъ—мы государевы тяглецы, а не помыкальщики.

— А я-то что̀ же? Помыкальщикъ, что ли, вамъ достался? — заревѣлъ воевода, страшно разгнѣванный на то, что этотъ приходъ выборныхъ отбивалъ его отъ настойки и горячихъ щей.

— Государь всемилостивый! — вкрадчиво вступился дьякъ, — они говорили мнѣ, что нѣкому больше здѣсь птицъ на кормъ поручить, какъ только Ларькѣ Омельянову, Якушкину сыну.

— Ну, пусть его и кормитъ, и ухаживаетъ за ними!—рѣшилъ воевода, льстя себя надеждою на то, что этимъ дѣло и кончится.

— Готовъ я ту птицу государеву на прокормъ и на всякое береженье принять, — сказалъ Ла̀рюшка, — только я безъ писаной грамотки ихъ принять не могу; безъ писанаго приказу, значитъ.

— Дьякъ! напиши ему приказъ...

— Да ужъ кстати, государь, и на кормъ тѣмъ птицамъ прикажи кормовыя деньги по положенью выдать...

— Это еще что! Какое тамъ положеніе!—опять загремѣлъ воевода.—Да какъ ты, холопъ, смѣешь?.. Да ты ихъ долженъ кормить! Самъ недоспи, недоѣшь — а ихъ корми!

— И радъ бы кормить, да они щей да каши ѣсть не станутъ... Имъ нужно ежедёнъ свѣжее убойное птичье мясо давать... А гдѣ же я его возьму — его купить надо! А по положенью...

— О какомъ ты смѣешь говорить положеніи! Кто его выдумалъ?..

— Не моги такъ говорить, государь; то положеніе въ нашихъ старинныхъ грамотахъ прописано. И въ нихъ именно сказано, что государевымъ уловнымъ птицамъ давать въ день—по гнѣзду голубей на кречета, да по полугнѣзду на челига; а гдѣ голубей не будетъ, въ голубей мѣсто, за два гнѣзда голубей имать по двое куровъ на день.

— Ну, ты ихъ и корми по положенію; а тамъ какъ придетъ указъ государя, что съ тѣми уловными птицами дѣлать, въ то время тебѣ за прокормъ и уплатится, — проговорилъ воевода, ста-

раясь примирительнымъ тономъ и согласіемъ на требованіе поскорѣе отдѣлаться отъ докучнаго дѣла.

— Гдѣ же мнѣ кормить ихъ!—Я человѣкъ бѣдный; я и такъ ужъ изловилъ тѣхъ птицъ на великаго государя на своихъ проторяхъ, безъ всякаго государева жалованья и помочи, да еще я же ихъ и корми,.. Нѣтъ, воля твоя, не могу.

— Такъ вы должны на кормъ птицамъ государевымъ выдать деньги! — обратился воевода къ выборнымъ.

— Мы люди бѣдные, государь, гдѣ же намъ экую силу денегъ взять! Вѣдь это, почитай, по алтыну на день выйдетъ. Экой тягости на себя взять не можемъ!

— А въ грамотахъ нашихъ именно сказано, — вступился Ларюшка,— кормъ на кречаты государевы въ городахъ имать у воеводъ и приказныхъ людей, а по станамъ у ямскихъ охотниковъ и у крестьянъ.

— Провались ты со своими грамотами!—заревѣлъ въ изступленіи воевода и ногами затопалъ.

Но сколько онъ ни кричалъ, сколько не топалъ ногами, выборные и Ларюшка, понимая выгоды своего положенія, отвѣчали ему только одно:

— Твоя воля, государь, а мы той тягости на себя принять не можемъ.

А Ларюшка прибавлялъ:—Нѣтъ отъ тебя птицамъ корму, при тебѣ и птицы государевы; при тебѣ и отвѣтъ за нихъ, коли имъ что приключится.

Пришлось воеводѣ согласиться на требованіе Ларюшки и выборныхъ. Онъ отдалъ приказъ дьяку написать на имя Ларьки Омельянова грамоту и по той грамотѣ сдать ему птицъ государевыхъ на прокормъ и на береженье; а на покупку имъ корму приказалъ изъ таможенныхъ и Кружечнаго двора сборовъ выдавать ему же, Ларькѣ, по пяти алтынъ на день, впредь до полученія указа государева.

VIII.

На другой же день воевода, крайне обезпокоенный тѣмъ, что на его отвѣтственности содержатся и кормятся въ Холмогорахъ шесть ловчихъ птицъ государевыхъ, приказалъ позвать къ себѣ дьяка и велѣлъ ему написать, прямо на имя государево, бумагу, слѣдующаго содержанія:

«Въ нынѣшнемъ, великій государь, въ 168 году, мая въ 20-й день, пришелъ съ кречатья промысла, кречатья помытчика сынишко Ларька Омельяновъ и въ съѣзжай избѣ объявилъ намъ, холопямъ твоимъ, шесть птицъ кречетовъ и челиговъ; а ходилъ тотъ Ларька Омельяновъ собою, на своихъ проторяхъ, и птицъ помкнулъ на

старыхъ птичьихъ пóмчахъ, и уловилъ своимъ радѣніемъ одного кречета краснаго, самаго добраго, да двухъ подкрасныхъ, да двухъ челиговъ цвѣтныхъ, да одного челига кропленнаго. И съ тѣми птицы, кречеты и челиги, опричь того Ларьки Омельянова, водиться. и кормить было не кому—и велѣлъ я тѣхъ птицъ отдать ему для береженья и корму. И ты, великій государь, насъ, холопей своихъ, пожалуй, вели тѣ уловныя птицы отпустить къ себѣ, великому государю, къ Москвѣ и подъ тѣ птицы дать подводы и на подводы прогонныя деньги и птицамъ кормъ».

Но заботы воеводы о птицахъ государевыхъ не кончились съ отправкою этой грамоты.

Каждый день утромъ онъ посылалъ въ домъ къ Якушкѣ Омельнову справляться о здоровьѣ тѣхъ птицъ, и успокоивался только тогда, когда ему приходили докладывать, что «государевы птицы, Божіею милостію, здоровы». А тутъ еще какъ-то прослышалъ воевода, что птицы плохо привыкаютъ къ ручному корму, такъ сталъ иногда къ Якушкѣ и по вечерамъ посылать, справляться о птицахъ—«ѣдятъ ли?» И только тогда засыпалъ спокойно, когда ему доносили, что «государевы птицы, Божіею милостію, ѣсть пріобыкли».

Но не прошло и недѣли, какъ явилась новая забота у воеводы: Якушка Омельяновъ заявилъ ему черезъ сына, что «государевыхъ птицъ нельзя вести въ Москву на простыхъ подводахъ», а нужно для нихъ приготовить особые болчки (т. е. возки или крытыя повозки) и въ тѣхъ болчкахъ устроить имъ мѣстà, «какъ прежъ сего велось». На устройство болчковъ и мѣстъ требовались матерьялы: сукно сермяжное, гвозди и ремни. Распорядиться такимъ важнымъ дѣломъ воевода не рѣшался самъ, такъ какъ на него требовалась затрата рубля въ два: нужно было испросить на это разрѣшеніе великаго государя черезъ Новгородскій Приказъ, потому что, въ противномъ случаѣ, эти два рубля могли быть взысканы приказомъ съ самого воеводы. И вотъ, вслѣдъ за первой грамотой, отправлена была вторая, къ думному дьяку, завѣдывавшему Новгородскимъ Приказомъ, которая гласила слѣдующее:

«Новгородскаго приказа дьяку Григорію Филиповичу Нарышкину Двинскій воевода Тишка Головковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ въ 168 году, далъ Богъ на великаго государя 6 птицъ кречетовъ и челиговъ, и о тѣхъ птицахъ, мая въ 31-й день, великому государю отъ меня, холопа твоего, писано; а тѣ птицы сданы для береженья и корму сынишкѣ кречатья помыкальщика Ларькѣ Омельянову, и тотъ Ларька ежеденъ въ съѣзжей избѣ словесно сказываетъ, что-де тѣ государевы птицы кречаты и челиги, Божіею милостію, здоровы и ѣсть пріобыкли; а кормитъ-де ихъ Ларька тѣхъ государевыхъ птицъ своимъ кормомъ, свѣжимъ убойнымъ, чистымъ мясомъ. И для провозу тѣхъ птицъ къ Москвѣ, буде великій государь повелитъ,

болчковъ и мѣстъ, построить нечѣмъ, а надобно-де къ тѣмъ болчкамъ на строенье сукна бѣлаго сермяжнаго, и гвоздья, и ременья, чѣмъ тѣмъ птицамъ государевымъ, въ болчкахъ мѣста устроить, какъ прежь сего велось. И о томъ, по указу великаго государя, что ты укажешь?»

Случилось, что эти обѣ грамоты Двинскаго воеводы пришли на Москву, какъ разъ въ то время, когда на государевой кречатнѣ околѣлъ любимый государевъ красный кречетъ Сѣкачъ, и молодой царь, прослышавъ о томъ, что въ Холмогорахъ «уловленъ красный кречетъ самый добрый», немедленно приказалъ себѣ оттуда этого кречета добыть и велѣлъ съ другими птицами къ Москвѣ доставить.

Полетѣлъ скорый гонецъ въ Холмогоры, привезъ воеводѣ царскій указъ—переслать уловныхъ птицъ къ Москвѣ «безъ всякаго мотчанья».

Засуетился воевода. Приказалъ собрать въ съѣзжую избу выборныхъ отъ уѣздныхъ крестьянъ, и отъ посадскихъ людей, и спросить ихъ, съ кѣмъ ему тѣхъ «уловныхъ государевыхъ птицъ» отправить, кому на руки деньги на кормъ ихъ и прогоны на подводы выдать. Отвѣчали ему въ одинъ голосъ выборные:

— Тѣ птицы не кому къ Москвѣ везти, опричь Ларьки Омельянова, потому всѣ другіе кречатьи помытчики въ разгонѣ, а отецъ его, Ларькинъ, на ладанъ дышетъ. А въ подмогу Ларькѣ изъ добрыхъ посадскихъ людей и изъ крестьянъ дать двоихъ выборныхъ.

Воевода сначала было затруднялся, какъ отправить въ Москву съ птицами молодого парня, помимо старшихъ кречатьихъ помытчиковъ; но выборные основательно ему замѣтили, что птицы у него все время на рукахъ были и изъ рукъ его ѣсть пріобыкли, да при томъ онъ и отъ отца своего птичьему разумѣнью обученъ — и воевода долженъ былъ сдаться на ихъ доводы.

Когда выборные пришли къ Якову Омельяновичу объявить объ этомъ рѣшеніи воеводы, старый кречетъ какъ-то особенно легко и быстро поднялся на печи, и, ухмыляясь лукаво, оскалилъ свои бѣлые, крѣпкіе зубы.

— Что, братцы? Не правду ли я вамъ сказывалъ, что у насъ ходокъ по нашему дѣлу найдется? Вотъ онъ ходокъ-то! Ларюшка мой: да онъ же и грамотный... Приходите сегодня вечеромъ; онъ вамъ и челобитную напишетъ... Вотъ оно что значитъ, какъ если съ воеводой-то говорить «по грамотамъ»—да «по положенью»!

— Что и говорить, Яковъ Омельянычъ! Супротивъ грамотъ да супротивъ положенія ни какой воевода не устоитъ! Твоимъ разумомъ наше дѣло поправляется... Дай тебѣ Богъ здоровья!

— А то взяли вы, сдуру-то, сами на себя какую обузу набухали! Чѣмъ бы выслушать указъ да въ ноги бы воеводѣ бухнуть: «Отецъ, молъ, милосердый! пощади людей бѣдныхъ! не мо-

жемъ, молъ, больше тридцати птицъ давать на годъ!»—а тогда-то бы ему и сунуть... А они словно кречеты въ тетерью ловушку попались!.. Сразу и указъ подписали, и ни за что, ни про что, еще дьяку съ воеводой посулы отдали! Тьфу, прости Господи...

— Да ужъ ладно, ладно, не кори, сосѣдушка! На тебя надежа... Съумѣлъ ты воеводу на этихъ птицахъ по своей дудкѣ плясать заставить, съумѣешь и челобитную написать.

— Ну, ладно, ладно! Приходите вечеромъ, напишемъ, авось?

Сосѣдушки распрощались и удалились въ сопровожденіи Ла̀рюшки, который долженъ былъ ихъ оберечь отъ собакъ и проводить до калитки; а старый помытчикъ все ухмылялся себѣ въ бороду и потиралъ руки съ видимымъ удовольствіемъ.

Когда же Ла̀рюшка вернулся въ избу, Яковъ Омельяновичъ весело глянулъ на него острыми сѣрыми глазами и проговорилъ:

— Ну, Ла̀рюшка, счастье тебѣ само въ руки дается! Смотри, не проспи его—проспишь, не воротишь!

IX.

Ближній стольникъ государя и московскій ловчій Аѳанасій Ивановичъ Матюшкинъ съ утра поднялся пасмуренъ: — дурной сонъ ему привидѣлся, и всю ночь до разсвѣта не давалъ ему покою. Только онъ отъ него очнется, перекрестится и сомкнетъ глаза, какъ тотъ же сонъ опять представляется ему, какъ наяву... И видится ему, что самъ великій государь ходитъ по кречатнѣ на Ваганьковѣ въ великомъ гнѣвѣ, и водитъ его, Матюшкина, за̀-воротъ и кажетъ ему на кречатьи и сокольи стулья, и Матюшкинъ съ ужасомъ видитъ будто на всѣхъ этихъ стульяхъ, вмѣсто любимыхъ царскихъ соколовъ и кречетовъ, и челиговъ—сидятъ простыя сороки, вороны и галки, въ птичьемъ большомъ нарядѣ—въ клобучкахъ, расшитыхъ серебромъ по червчатому бархату, въ обносцахъ и должикахъ, тканыхъ съ золотомъ волоченымъ; и на хвостахъ съ колокольцами серебряными. И кричитъ великій государь на Матюшкина гнѣвнымъ голосомъ: «гдѣ ты дѣвалъ моихъ любимыхъ ловчихъ птицъ? да какъ ты дерзнулъ на эту падаль вздѣть птичій большой нарядъ? Эй, подсокольничій, возьми его, закуй его въ желѣза»... И вотъ, какъ разъ на этихъ самыхъ «желѣзахъ» сонъ каждый разъ обрывался, и Матюшкинъ просыпался измученный тягостными впечатлѣніями сновидѣнія, которое такъ страшно расходилось съ дѣйствительностію... Аѳанасій Ивановичъ приходился великому государю двоюроднымъ братомъ (по матери), вмѣстѣ съ нимъ выросъ во дворцѣ и провелъ всю юность, и уже лѣтъ десять занималъ высокое положеніе ловчаго, слѣдовательно, завѣдывалъ и лѣтнею, и зимнею государевой охотой и, раздѣляя съ нимъ страсть

къ охотѣ во всѣхъ видахъ, былъ ему самымъ надежнымъ и преданнымъ товарищемъ въ охотничьемъ дѣлѣ.

— «Недобрый сонъ!»—думалъ про себя Аѳанасій Ивановичъ, поднимаясь съ постели и спѣшно натягивая легкій стеганый кафтанъ, обшитый пластинами изъ сѣрой мерлушки.

— «Недобрый сонъ!»—вертѣлось въ головѣ у Аѳанасія Ивановича въ то время какъ слуга поливалъ ему голову струею студеной воды изъ серебрянаго рукомойника, надъ серебряной лоханью; и Аѳанасій Ивановичъ потряхивалъ своими черными кудрями, такъ что брызги летѣли во всѣ стороны.

— «Не къ добру этотъ сонъ!»—продолжалъ твердить про себя Аѳанасій Ивановичъ въ то время, какъ другой слуга съ низкимъ поклономъ подавалъ ему расшитый шелковый убрусъ, а третій стоялъ наготовѣ съ зеркаломъ и рѣзнымъ костянымъ гребнемъ.

И Аѳанасій Ивановичъ сталъ припоминать впечатлѣнія вчерашняго дня, въ которыхъ, очевидно, слѣдовало искать разгадки этому недоброму и тягостному сну.

Впечатлѣнія эти были очень непріятны. Вчерашнее посѣщеніе государевой кречатни на Ваганьковѣ много напортило крови Аѳанасію Ивановичу. Онъ нашелъ вездѣ и во всемъ большіе безпорядки, не засталъ на кречатнѣ начальнаго сокольника второй статьи, который, какъ оказалось, уже второй день находился въ отлучкѣ. Само собой разумѣется, что коли начальный отлучился, то и подначальные ему, рядовые сокольники, тоже не оказались на своихъ мѣстахъ, и за птицами приходилось присматривать рядовымъ сокольникамъ другихъ статей... А отъ этой путаницы и въ другихъ статьяхъ были неустройства и запущенія.

— «Вѣдь вотъ, кажется, только на недѣлю я изъ Москвы отлучился»,—думалъ Аѳанасій Ивановичъ,—«и то по государеву же дѣлу ѣздилъ, а ужъ они вотъ чего накуралесили. И птицы не на мѣстахъ, и кормъ не тотъ... И больныя птицы сидятъ рядомъ со здоровыми, и молодыя—со старыми... И другъ на дружку сокольники пыхтятъ и злятся,—рады товарища въ лужѣ утопить! И Хомяковъ-то тоже хорошъ: во всемъ на подсокольничихъ полагается. А они вотъ какъ его слушаютъ!»

И Матюшкинъ припоминалъ, какъ онъ вчера разносилъ весь этотъ людъ, поставленный надзирать и ухаживать за государевымъ птичьимъ царствомъ; какъ вдругъ услышалъ топотъ коня по мостовой двора и выглянулъ въ окно, выходившее на дворъ изъ опочивальни. У надворнаго крыльца двое слугъ высаживали изъ сѣдла старшаго подсокольничаго—Петра Семеновича Хомякова.

— «А! вотъ онъ и самъ ко мнѣ пожаловалъ»,—проговорилъ про себя Матюшкинъ,—«надо будетъ ему здѣсь-то, на досугѣ да наединѣ, голову еще-таки намылить! Чай опять съ какими-нибудь оправданіями да увертками пріѣхалъ?..»

— Эй, кто тамъ?! Проводите ко мнѣ Петра Семеновича въ садъ, къ сажалкѣ—я тамъ буду.

И накинувъ сверхъ кафтана ферязь темно-синяго цвѣта, съ темнымъ бархатнымъ откиднымъ воротомъ и серебряными застежками, Матюшкинъ вышелъ въ садъ изъ опочивальни. А садъ былъ чудесный, старинный, тѣнистый—съ вѣчнымъ шумомъ и шелестомъ высокихъ, вѣтвистыхъ вязовъ, липъ, кленовъ и дубовъ, съ вѣчными птичьими пересвистами и пѣніемъ, съ чуднымъ ароматомъ душистыхъ травъ и цвѣтовъ... Особенно теперь, въ раннюю утреннюю пору, въ саду было такъ хорошо, что даже и у Аѳанасія Ивановича полегчало на сердцѣ, когда онъ прошелъ нѣсколько десятковъ шаговъ по саду до сажалки или прудочка, и опустился на скамью, въ тѣни развѣсистой старой рябины.

— Ишъ какъ жужжатъ!—проговорилъ онъ, прислушиваясь къ гудѣнью пчелъ, шмелей и осъ въ вѣтвяхъ рябины,—словно бы лѣту середина! А у насъ ужъ сентябрь на дворѣ!

Позади рябины послышались спѣшные шаги, и высокій, стройный мужчина, въ кафтанѣ свѣтло-зеленаго сукна съ золотой оторочкой и плетеными нашивками на груди, подошелъ съ поклономъ къ Аѳанасію Ивановичу.

— Здравствуй, Петръ Семеновичъ!—произнесъ ему на встрѣчу Матюшкинъ.—По здорову ли?

— Живъ и здоровъ по Божіей милости, батюшка Аѳанасій Ивановичъ! Къ тебѣ чуть свѣтъ поспѣшилъ...

— Ужъ опять не оплошкою ли вашей что на кречатнѣ учинилось?—съ досадою и безпокойствомъ перебилъ Хомякова Матюшкинъ, взглядывая въ открытое и добродушное лицо старшаго подсокольничаго.

— Поспѣшилъ съ письмомъ государевымъ...

— Съ письмомъ?!—сказалъ Матюшкинъ, волнуясь и протягивая руку за письмомъ.—Когда получено?

— Сегодня, въ первомъ часу дня изъ-подъ Колязина стадный конюхъ сюда пригонилъ, прямо къ намъ, на Ваганьково.

Матюшкинъ поднялся со скамьи, принялъ отъ Хомякова письмо правою рукою, приложилъ его къ груди и почтительно наклонилъ голову. Затѣмъ бережно взломилъ печать и сталъ пробѣгать строку за строкою, между тѣмъ какъ Хомяковъ стоялъ передъ нимъ безъ шапки и внимательно слѣдилъ глазами за выраженіемъ лица своего начальника.

— Великій государь изволитъ писать, что онъ изволитъ прибыть къ концу будущей недѣли въ село Коломенское, и намъ всѣмъ туда велитъ быть со всею его государевою птичьею охотою, а до той поры августа по 24-е число съ тою птичьею охотою ѣздить на поле по вся дни...

Хомяковъ хотѣлъ было вставить слово, но Матюшкинъ, съ особеннымъ удареніемъ, продолжалъ читать государево письмо:

...«Да и то молвь Петру, чтобы самъ людей пѝ-часту днемъ и ночью смотрѣлъ всѣ ли тутъ, да и самъ ты смотри ихъ пѝ-часту: да прикажи и то ему: котораго не будетъ, и онъ бы на смерть сѣкъ батоги; да чтобы у нихъ бережно было и пьяныхъ бы не было, а за пьянство бы на смерть били».

И Матюшкинъ глянулъ на Хомякова, какъ бы желая выразить взглядомъ: понимаешь ли ты это! а? А за тѣмъ продолжалъ:

«Да ты жъ писалъ съ сокольникомъ съ Аѳонькой Кельинымъ: Мурату кречету есть легче, а какою болѣзнью боленъ былъ, того къ намъ не пишешь; а про Алая пишете, что есть ему легче, и къ намъ о томъ вы не писывали, что онъ боленъ, и чѣмъ боленъ?»

«А будетъ вашимъ небреженіемъ Адаръ или Муратъ, или Стреляй, или Лихачъ, или Салтанъ, умрутъ — и вы меня и не встрѣчайте; а сокольниковъ всѣхъ велю кнутомъ перепороть; а если убережете, и васъ милостиво пожалую, и сокольниковъ такъ же пожалую».

Матюшкинъ бережно сложилъ письмо, положилъ его за пазуху и опустился на скамью.

Хомяковъ попрежнему стоялъ молча, ожидая вопросовъ и рѣчей своего начальника.

— Что ты на это письмо скажешь, Петръ Семеновичъ? Послѣ вчерашняго-то моего дозора?—сказалъ наконецъ сокольничій.

— Воля великаго государя казнить насъ и миловать!—уклончиво отвѣчалъ Хомяковъ.

— Это все такъ—да ты и свое приложи? Я тобой недоволенъ, Петръ Семеновичъ! Грозы отъ тебя твоимъ подначальнымъ мало! На что же тебѣ и дана полная мочь?

— Одной грозой не возьмешь, батюшка Аѳанасій Ивановичъ! Всего батогами не сдѣлаешь—коли въ людяхъ совѣсти нѣтъ. Вѣдь въ одинъ-то клинъ бить надо такъ, чтобы клинъ не разбился... а наше дѣло такое мудреное, что иногда не знаешь, какъ съ нимъ и быть!.. Грозою-то въ ино время такъ испортить дѣло можно, что потомъ и не поправишь! За лишнюю грозу тѣ же рядовые сокольники такого мнѣ дѣла надѣлать могутъ, что я и головы на плечахъ не сношу... Самъ изволишь знать, что я все при дѣлѣ! И день смотрю, и ночь смотрю — да гдѣ же за всѣмъ усмотришь? Вѣдь у меня, опричь всего остального, до 3000 однихъ ловчихъ птицъ на рукахъ! Здѣсь на Ваганьковѣ, да въ Коломенскомъ, да въ Семеновскомъ на Потѣшномъ Дворѣ... А другой-то запасной птицы что̀? Однихъ голубей какая сила,—до 100,000 гнѣздъ? А тутъ, только царь отлучился съ Москвы—и пошло все на изнанку... Только по та и порядокъ держится, какъ самъ великій государь не въ походѣ и есть опаска, что онъ нагрянетъ.

— Что же, по твоему, дѣлать намъ, чтобы твоихъ сокольниковъ на умъ наставить?

— Да коли ты моего совѣта спрашиваешь, Аѳанасій Ивановичъ, такъ я по моему разуму, одно сказалъ бы: обновлять людей надо бы.. не давать имъ, чтобы жирѣли, на одномъ мѣстѣ сидя... Самъ знаешь, что и соколъ, коли дать ему засидѣться да много тѣла ему набавить, какъ разъ зажирѣетъ и добычу забудетъ... Вотъ такъ-то и наши сокольники! Они и противъ жильцовъ, и противъ стремянныхъ конюховъ, люди пожалованные, и денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями, и вотчинами! Пьютъ и ѣдятъ все царское:—вотъ и зажрались...

— Кто же тебѣ мѣшаетъ! Мѣняй ихъ, ищи людей, обучай, сажай на мѣста! Я развѣ тебѣ учиню въ томъ помѣху?

— Скоро сказка сказывается, Аѳанасій Ивановичъ, да не скоро дѣло дѣлается! Ну, самъ посуди, гдѣ же мнѣ съ ними тягаться? Вѣдь ихъ у меня подъ началомъ 100 человѣкъ—а я одинъ за всѣхъ въ отвѣтѣ. Теперь они вонъ между собою и грызутся, и ногу другъ дружкѣ подставляютъ, а поди-ка, тронь и одного — всѣ на меня бросятся... Да и то тебѣ вѣдомо, что если бы я кого и спихнулъ съ мѣста—онъ пойдетъ во дворецъ, да черезъ роднію-то свою на заднихъ переходахъ, черезъ тётокъ да сестеръ, да черезъ истопничихъ, да черезъ постельницъ, на меня же такую бурю подниметъ, что самъ великій государь его обратно на кречатню принять велитъ! А мнѣ выговаривать станетъ.

Матюшкинъ сознавалъ вполнѣ правоту словъ Хомякова и самъ не зналъ, чтобы придумать такое, что могло бы облегчить неравную борьбу съ распущенною и своевольною дворцовою челядью.

— Коли такъ,—сказалъ онъ, наконецъ, поднимаясь со скамьи, и положа руку на плечо Хомякова,—такъ мы же съ тобою отнынѣ положимъ, да на томъ и великому государю челомъ бить будемъ: чтобы на убылыя мѣста—со стороны людей искать, и сажать, и беречь... А если кто по третьей винѣ попался, того съ мѣста гнать и на мѣсто ни въ какомъ разѣ не ворочать!

Хомяковъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ посмотрѣлъ на Матюшкина, который понялъ его взглядъ и сказалъ рѣшительно:

— Я же тебѣ крестъ цѣлую, что буду въ своемъ словѣ твердъ! А теперь сейчасъ поѣдемъ съ тобою опять на Ваганьково, тѣхъ же больныхъ птицъ провѣдать—о которыхъ государь въ письмѣ пишетъ. Хотя въ ихъ животѣ и смерти Богъ воленъ, а все надо намъ и себя оберечь, и имъ все на пользу сдѣлать, что бы государю-батюшкѣ скорбно не было, какъ встрѣчать его станемъ.

XI.

Государевъ Потѣшный дворъ въ селѣ Ваганьковѣ подъ самою Москвою представлялъ собою громадную, богатѣйшую усадьбу, на обширномъ пространствѣ застроенную высокими, прочными сараями—въ два жилья, очень похожими, по внѣшнему виду, на сушила кожевенныхъ заводовъ. И верхнія, и нижнія жилья этихъ сараевъ, освѣщенныхъ поперечными прорѣзными окнами, въ видѣ широкихъ щелей, были заняты сотнями соколовъ, кречетовъ, челиговъ, и ястребовъ, которые входили въ составъ огромной государевой птичьей охоты. У каждой изъ этихъ птицъ былъ свой стулъ или сидѣнье (нашесть) къ стулу она была привязана должикомъ, пропущеннымъ въ кольца кожанныхъ, подбитыхъ сукномъ, онучекъ, которыя плотно обхватывали лапу ловчей птицы и назывались обножцами или обносцами. Лучшія, обученныя, старыя ловчія птицы государевы сидѣли даже въ особыхъ, довольно просторныхъ и свѣтлыхъ чуланахъ, а любимыя птицы государевы въ отдѣльныхъ, большихъ и богатыхъ клѣткахъ. Все было устроено богато и удобно и на широкую ногу—для всего были отдѣльные углы и помѣщенія: и для больныхъ птицъ, и для молодыхъ, еще не обученныхъ и дикихъ, и для корму, и для запасной снасти. На чердакѣ, подъ высокими кровлями съ множествомъ слуховыхъ оконъ, вѣчно гулили и ворковали несмѣтныя стаи голубей, которыхъ на Потѣшномъ дворѣ тщательно разводили и воспитывали; ихъ свозили сюда цѣлыми обозами со всей Россія, чтобы пропитать и насытить государству ловчую птицу.

Рядомъ съ этими обширными сараями, которые и составляли собственно кречатню государеву, тянулись жилыя избы, для сокольниковъ, для служни, для конюховъ и вовчиковъ, которые исключительно заняты были ежедневною доставкою запасовъ для кречатни съ государева Житнаго дворца. Въ особыхъ флигеляхъ, по четыремъ угламъ двора, помѣщались четверо старшихъ или начальныхъ сокольниковъ, изъ которыхъ каждый вѣдалъ свою особую статью (или отдѣлъ) кречатни. У самыхъ воротъ Потѣшнаго двора стояли нарядныя хоромы или такъ называемая передняя изба, въ которой помѣщался самъ подсокольничій, Петръ Семеновичъ Хомяковъ. Здѣсь же, въ нижнемъ жильѣ, происходили и всѣ тѣ церемоніи, которыми сопровождалось возведеніе рядового сокольника въ начальные сокольники; здѣсь происходили пріемы и встрѣчи государя, во время его частыхъ пріѣздовъ на Потѣшный дворъ, и угощеніе начальныхъ и рядовыхъ сокольниковъ жалованными государевыми «столами». По другую сторону воротъ помѣщалась дьячья изба, въ которой скрипѣли перьями подъячіе, подъ начальствомъ старшаго «верховаго подъячаго сокольнаго пути», ко-

торый завѣдывалъ всею обширною письменною отчетностью государева Потѣшнаго двора. Рядомъ съ дьячей избой помѣщался въ другой избѣ «сокольнаго пути казначей», который завѣдывалъ обширною и разнообразною движимостью государева птичьяго царства. Въ его вѣдѣніи состояли огромныя кладовыя, примыкавшія къ его избѣ и тщательно-охраняемые день и ночь вооруженною стражею. Въ этихъ кладовыхъ, въ величайшемъ порядкѣ и бережи, сохранялись «птичьи рядовые наряды» и запасный матерьялъ для ихъ постоянной починки и пополненія; «птичьи большіе наряды» расшитые и затканные золотомъ, низанные жемчугомъ и усаженные драгоцѣннымъ каменьемъ; рядовые наряды сокольниковъ и большіе наряды ихъ, изъ цвѣтного сукна съ золотыми и серебряными нашивками; нарядныя рукавицы, расшитыя золотомъ, горностаевыя шапки, серебряные рожки, нарядныя перевязки, вабйла, вощаги, тулунбасы. И рядомъ съ этимъ драгоцѣннымъ запасомъ— цѣлыя горы веревокъ, сѣтей, всякихъ дудочекъ и сопѣлочекъ для приманки птицъ, всевозможныхъ силковъ, опрометовъ, западней, тайниковъ и другихъ снастей для ловли птицъ всѣхъ породъ, всѣхъ размѣровъ и сортовъ.

Весь Потѣшный дворъ былъ обнесенъ высокимъ и здоровымъ тыномъ, и всѣ входы и выходы въ немъ день и ночь тщательно охранялись стражей, которая не смѣла допускать во дворъ ни одного посторонняго человѣка. Всѣ сокольники, особою присягою, обязывались хранить въ глубокой тайнѣ все, что на государевой кречатнѣ совершалось и происходило: не даромъ же вся птичья охота государева находилась въ вѣдѣніи Приказа Тайныхъ Дѣлъ! Только самому государю, да Матюшкину съ Хомяковымъ, было извѣстно то, что вершалось и строилось въ стѣнахъ Потѣшнаго двора на Ваганьковѣ, откуда ввозились сюда ловчія птицы, какъ онѣ здѣсь обучались, и куда отсюда развозились.

Одинъ изъ иноземныхъ пословъ, удостоенный отъ великаго государя особою милостью, добился того, что ему были показаны шесть любимыхъ кречетовъ царя Алексѣя Михайловича. Посолъ, польщенный вниманіемъ государя, рѣшился было задать Матюшкину вопросъ: «гдѣ такіе великіе и славные кречеты добываются?» Матюшкинъ только молча смѣрилъ посла глазами, таинственно приложилъ палецъ къ устамъ и сухо отвѣтилъ:

— Тѣ великіе и славные кречеты добываются во владѣніяхъ нашего великаго государя.

И дѣйствительно, тотъ, кто переступалъ черезъ порогъ Потѣшнаго двора—вступалъ въ предѣлы какого-то особаго, таинственнаго птичьяго царства, въ которомъ на все были свои законы, свои обычаи, обряды, порядки, пріемы—даже свой особый языкъ, недоступный простому смертному. Онъ видѣлъ себя въ кругу людей, которые весь свой вѣкъ, отъ ранней юности до глубокой старости,

проводили среди тысячной стаи хищныхъ птицъ, то кормя, то обучая ихъ, то напуская на добычу, то приманивая ихъ и руководя ихъ движеніями на высотѣ едва доступной глазу, при помощи птичьихъ свистовъ и птичьихъ криковъ, при посредствѣ сигнальныхъ звуковъ рожка или бубна... Эти люди, отдѣленные отъ остального міра толстымъ тыномъ своего Потѣшнаго двора, окруженные тайною и привыкнувшіе зорко охранять свою жизнь отъ посторонняго, нескромнаго взгляда, подъ конецъ такъ сживались между собою, такъ тѣсно свыкались съ подчиненными имъ пернатыми хищниками, что уже и между собою научилась объясняться на какомъ-то особомъ языкѣ, который состоялъ изъ рѣзкихъ, рокочущихъ и свистящихъ звуковъ, изъ загадочныхъ словъ, болѣе напоминающихъ птичій языкъ, нежели говоръ разумнаго человѣка—царя вселенной:

— Врели горь сотьло?—спрашивалъ старшій сокольникъ подсокольничаго передъ началомъ охоты.

— Сшай даръ,—съ невозмутимою важностью отвѣчалъ ему подсокольничій.

— Дарыкъ чапу врестилъ данъ,—говорилъ подсокольничій, обращаясь къ своимъ поддатнямъ, которые держали лично ему порученныхъ кречетовъ—и первый изъ поддатней подавалъ ему лучшаго изъ кречетовъ.

— Дрыганса,—говорилъ подсокольничій, и первый изъ его поддатней подносилъ ему крыло съ кускомъ голубинаго мяса, которымъ подсокольничій, непремѣнно изъ своихъ рукъ, кормилъ своихъ кречетовъ.

XII.

Когда Аѳанасій Ивановичъ Матюшкинъ съ Петромъ Семеновичемъ Хомяковымъ, часа два спустя послѣ извѣстной намъ бесѣды, подъѣхали верхами на своихъ игреневыхъ иноходцахъ къ воротамъ Потѣшнаго двора, сторожевой сокольникъ, стоявшій у воротъ дневальнымъ, затрубилъ въ рогъ, извѣщая сокольниковъ всѣхъ статей о пріѣздѣ ихъ начальника «государева ловчаго и сокольничаго». Громко откликнулись рога сокольниковъ во всѣхъ концахъ обширнаго сокольничьяго городка. Всѣ сторожевые сокольники въ рядовомъ нарядѣ, въ стеганныхъ кожанныхъ шапкахъ и лосиныхъ рукавицахъ, съ рогомъ черезъ плечо и съ длиннымъ ножомъ за поясомъ—высыпали къ воротамъ. Старшій изъ начальныхъ сокольниковъ, Парѳентій Яковлевичъ Табалинъ, и верховой подъячій Василій Ботвиньевъ, появились на порогѣ дьячей избы и отвѣшивали пріѣзжимъ низкіе поклоны, между тѣмъ какъ четверо сокольниковъ держали ихъ иноходцевъ подъ уздцы и помогали имъ спѣшиться.

— Здравствуйте, сокольники!—крикнулъ Аѳанасій Ивановичъ, сойдя съ коня и кланяясь всѣмъ общимъ, привѣтливымъ поклономъ.

— Здравствуй и ты, господинъ нашъ сокольничій!—браво крикнули сокольники, между тѣмъ какъ Матюшкинъ всходилъ на крыльцо дома Хомякова и подзывалъ къ себѣ Табалина и Ботвиньева.

— Пареентій Яковлевичъ!—обратился Матюшкинъ къ старшему, сѣдому и почтенному начальному сокольнику.—Каково ты въ своей статьѣ птицами государевыми промышляешь?

— Промышляемъ, батюшка Аѳанасій Ивановичъ, какъ великій государь приказалъ: всякому кречету пускаемъ по четыре ѳсорьи въ недѣлю, да на коршака по дважды каждаго кречета спущаемъ; а въ другорядь даемъ ему ставокъ пять-шесть сдѣлать—а разметываться ему широко не даемъ... Тотчасъ его назадъ вабимъ...

— Чтобы тѣла у кречетовъ не убавить, — пояснилъ Хомяковъ Матюшкину, — потому великій государь любитъ своихъ кречетовъ въ тѣлѣ видѣть.

— А какъ въ тѣлѣ-то будетъ — не забудетъ ли добычи?

— Нѣтъ, ужъ мы такъ на корму наводимъ, чтобы не отяжелѣли очень,—продолжалъ Табалинъ, мягко разводя руками.—А своихъ кречетовъ къ государеву приходу готовимъ, а челигами своими также промышляемъ и на дикое напускаемъ, чтобы ихъ ввалить въ молодежь...

— А честе ли проку-то въ молодежи?

— Въ Бояринѣ, да въ Беляѣ, да въ Ковачѣ—чаемъ проку, Аѳанасій Ивановичъ. Нечай—тотъ ужъ и къ вабйлу теперь хорошо летитъ; и Паледь челигъ, коли изволишь помнить, добываетъ добрѣ добро, а вотъ Салтанъ—тотъ глупёнекъ...

— А изъ Сѣвскихъ соколовъ,—вступился Хомяковъ, — одного, котораго государь «Другомъ» назвалъ, я ужъ даже клобучечить сталъ, и ваблю его, и ворочаю. Къ государеву пріѣзду готовъ будетъ — и важный изъ него соколъ вышелъ!

— Сѣвскимъ-то соколамъ государь изволилъ всѣмъ имена назначить, и они у меня въ роспись государевой ловчей птицы внесены,—замѣтилъ Ботвиньевъ,—а какъ укажешь, батюшка Аѳанасій Ивановичъ, насчетъ послѣдней присылки, что съ Холмогоръ кречеты да челиги присланы?

— А у кого же они на рукахъ, Петръ Семеновичъ?—обратился Матюшкинъ къ Хомякову.

— Пока еще никому не сданы на руки, и ни въ чью статью не вписаны, — безъ государя не смѣемъ. Какъ великій государь повелитъ имъ имена дать, тогда самъ и укажетъ, котораго въ которую статью вписать. А есть тамъ между ними красный кречетъ—красавецъ на-диво!

— А кто же за ними ходитъ?

— Да ужъ по наряду назначаемъ изъ каждой статьи на день,— сказалъ Хомяковъ,—чай самъ изволишь знать, что лишнихъ людей у насъ нѣтъ. Едва успѣваемъ по утрамъ съ ними въ поле выѣхать. И съ больными птицами съ ногъ сбились.. Теперь у насъ ихъ до сотни наберется....

Какъ разъ въ это время, Ботвиньевъ, стоявшій позади Хомякова, нагнулся къ нему низко, и сказалъ вполгѣлоса:

— А не забылъ ли ты нашего челобитчика, Петръ Семеновичъ?

— Да вотъ кстати сказать, батюшка Аѳанасій Ивановичъ. Какъ ты изволилъ быть въ отлучкѣ, навязался тутъ къ намъ одинъ паренёкъ, изъ холмогорскихъ помытчиковъ, ежедёнъ къ намъ ходитъ, въ ногахъ валяется, проситъ, чтобы мы ему дозволили государеву больную птицу лечить. Мы ужъ его какъ ни отваживали, а онъ все свое да свое. А какъ прослышалъ, что ты вернуться изволилъ—слезно молитъ твои ясныя очи видѣть.

— Гдѣ же онъ? Можетъ, онъ и точно намъ пригоденъ будетъ?..— сказалъ Матюшкинъ.

— Сегодня ужъ съ утра здѣсь! — отозвался Ботвиньевъ, — въ дьячей избѣ дожидается.

— Позвать его сюда! Посмотримъ, что за человѣкъ?

Ботвиньевъ ушелъ и вернулся черезъ минуту въ сопровожденіи двухъ дюжихъ сокольниковъ, между которыми шествовалъ высокій и стройный парень лѣтъ 25, въ сермяжномъ армякѣ, подтянутомъ ремнемъ.

Какъ ввели парня въ переднюю Хомякова, такъ онъ и повалился въ ноги Матюшкину:

— Батюшка-бояринъ, не прикажи казнить — прикажи слово молвить!

— Кто ты такой? Откуда?

— Холмогорскаго кречатья помытчика, Якушки Омельянова, сынишко, Ларька Омельяновъ. Мы тамотка изстари, холопишки государевы, въ кречатьихъ помытчикахъ состоимъ... И теперь я сюда отъ воеводы Холмогорскаго съ государевыми птицами присланъ.

— Что ты врешь? Развѣ же не было тамъ постарше тебя помытчиковъ, что съ тобою птицъ отправили...

— Не было, бояринушка! Мой-то отецъ и старше всѣхъ, да почитай на ладанъ дышетъ — съ печи другой годъ не слѣзаетъ; а другіе-то помытчики, что постарше меня, всѣ по промысламъ разметалися.. А я къ ловчей птицѣ отцомъ еще съ измальства пріученъ — всѣ ея повадки знаю...

— Что же тебѣ до меня за нужда? — спросилъ Ларюшку Матюшкинъ, которому начинало приглядываться умное и открытое лицо парня, не смотря на то, что парень былъ видимо смущенъ присутствіемъ вельможи.—Говори скорѣе, да толкомъ!

— Батюшка-бояринъ! Изобижены мы совсѣмъ — раззорены въ конецъ! Смилуйся! Я на кречатій промыселъ ходилъ собою, на своихъ проторяхъ и радѣніемъ своимъ помкнулъ шесть кречетовъ и челиговъ, и тѣ птицы со мною къ великому государю къ Москвѣ присланы, и въ Новгородскій Приказъ сданы въ цѣлости... А великаго государя жалованья и подмоги, противъ великаго государя указа, мнѣ въ Холмогорахъ ничего не дано, и нынѣ на Москвѣ затѣмъ дѣломъ волочатъ... Пить—ѣсть нечего! Не дай, бояринъ, въ конецъ погинуть.

И Ларюшка еще разъ поклонился въ ноги Матюшкину, и разсыпалъ у ногъ его по полу свои свѣтлорусыя кудри.

— Вотъ и все такъ! — съ досадою проговорилъ Матюшкинъ, обращаясь къ Хомякову,—указы даны, а исполнять ихъ некому!— Затѣмъ, обращаясь къ Ларюшкѣ, онъ сказалъ строго:

— Если ты мнѣ солгалъ и меня обманулъ,—берегись! Я добьюсь правды! А отчего же тамъ въ Холмогорахъ воевода денегъ не отдалъ?

— Воевода намъ уже второй годъ денегъ за уловную птицу не платитъ... Говоритъ: въ Москвѣ получите! А какъ сюда пріѣдутъ помытчики съ птицей, здѣсь въ Новгородскомъ Приказѣ и говорятъ имъ:—«намъ до васъ дѣла нѣтъ! Требуйте съ воеводы—онъ вамъ заплатитъ изъ таможеннаго да изъ Кружечнаго двора сборовъ». А воевода-то нашъ и въ прошломъ-то году намъ за 44 уловныхъ птицы денегъ не заплатилъ... Вотъ тутъ и челобитная у меня къ великому государю отъ всѣхъ нашихъ посадскихъ да отъ крестьянъ! Пожалуй намъ, бояринушка, прикажи намъ тѣ деньги выплатить, противъ нашихъ жалованныхъ грамотъ, чтобы намъ передъ своей братьей кречатниками изобижену не быть.

Матюшкинъ принялъ челобитную отъ Ларюшки, пробѣжалъ ее глазами, и обращаясь къ нему сказалъ:

— Я тутъ сдѣлать ничего не могу: это дѣло мнѣ не вмѣстно. Однако, я прикажу дѣло разсмотрѣть и скажу о немъ государю— только ты такъ и знай: если ты дерзнулъ великаго государя неправымъ дѣломъ тревожить, я тебя отправлю къ Варварѣ на расправу [1]); а если твое дѣло правое—не сдобровать будетъ и воеводѣ...

— Спасибо, бояринушка, на милостивомъ словѣ!—И Ларюшка еще разъ стукнулъ лбомъ о полъ.

— А правду ли говорили мнѣ, будто ты берешься легчить птицъ государевыхъ отъ всякой лихой болѣсти?

— Правда, бояринъ!

— Чѣмъ же ты легчишь? Какими снадобьями?

Ларюшка провелъ рукою по кудрямъ, почесалъ за ухомъ и съ нѣкоторою опаскою и нерѣшительностью сказалъ:

---

[1]) Т. е. на Варварскій крестецъ, гдѣ находилась главная московская тюрьма.

— Этого я тебѣ, бояринъ, сказать не могу...

— Какъ не можешь! Ты, можетъ, чарами какими или заклятьями легчишь!

— Не приведи Господи! Мы помытчики государевы—съ нечистымъ не знаемся... А только не могу сказать, потому, что отцомъ на то зарокъ положо̀нъ!

— Какой зарокъ?

— А такой, что онъ отъ дѣда перенялъ, и ни кому опричь меня, не передалъ; а я тоже—только сыну передать могу... Я въ томъ отцу крестъ цѣловалъ—не прогнѣвись, бояринъ!

Это окончательно расположило Матюшкина въ пользу Ла̀рюшки. Онъ улыбнулся на его слова и, обращаясь къ Хомякову и Табалину, сказалъ:

— Ни дать, ни взять, какъ въ нашей присягѣ сокольничьей: «обѣщаюсь во всякой правдѣ постояненъ и однословенъ быть...»

Хомяковъ и Табалинъ одобрительно покачали головами.

— Ну, коли такъ,—сказалъ Матюшкинъ, поднимаясь съ своего мѣста,—такъ я тебя поручаю подсокольничему... Петръ Семеновичъ! Попробуй этого парня на дѣлѣ—точно ли онъ въ птичьихъ болѣстяхъ и недугахъ смыслитъ... Да смотри за нимъ въ о̀ба! Никуда его отсюда, безъ моего приказа, не выпускать! Сначала дай ему, Петръ Семеновичъ, двухъ птицъ на руки; а коли вылегчитъ, допусти къ остальнымъ. Ступай—да держи ухо востро̀! Помни, что ты съ государевой птицей водиться будешь!

Ла̀рюшка поклонился и вышелъ опять въ сопровожденіи тѣхъ же сокольничихъ; за нимъ слѣдомъ вышелъ и Табалинъ. Когда дверь за ними захлопнулась, Матюшкинъ передалъ челобитную Ботвиньеву и сказалъ:

— Розыщи и разслѣдуй это дѣло въ Новгородскомъ Приказѣ; провѣрь и по нашимъ записямъ, чтобы къ пріѣзду государеву у тебя всѣ справки были наготовѣ. Дѣло вопіющее и для царскаго имени зазорное!

Ботвиньевъ поклонился и вышелъ.

— Вотъ ты говорилъ мнѣ, сегодня утромъ, о новыхъ людяхъ, Петръ Семеновичъ! мнѣ этотъ парень очень приглянулся: смышленъ и толковъ, и упрямка поморская въ немъ есть... Коли онъ точно окажется намъ годенъ, смотри же, поддержи его—не дай нашимъ старымъ псамъ его на посмѣхъ да на растерзаніе.

XII.

Всѣ тѣ десять дней, которые еще оставались до пріѣзда государева, на Потѣшномъ дворѣ, на Ваганьковѣ кипѣла такая дѣятельность, шли такія спѣшныя приготовленія къ встрѣчѣ государевой, къ переѣзду «красной и славной птичьей охоты государе-

вой» въ село Коломенское,—что у непривычнаго, сторонняго человѣка могла бы голова пойти кругомъ. Съ самаго ранняго утра раздавались во всѣхъ четырехъ «статьяхъ» звонкіе призывы рожковъ, сокольники суетились и бѣгали по птичьимъ сараямъ, и, партія за партіей, выѣзжали изъ воротъ Потѣшнаго двора, разсыпаясь по окрестностямъ для упражненія ловчихъ птицъ въ «напускѣ» и «въ добычѣ». Со старыми «нóшенными» соколами и кречетами сокольники уѣзжали за нѣсколько верстъ отъ двора,—въ заповѣдныя государевы поля и болота; а съ молодыми и недоучеными располагались на полянахъ, около самаго села, выпускали ихъ летать на веревкѣ и учили слетать къ вабилу или бросаться сверху на живую приманку.

Вся окрестность оглашалась звуками рожковъ и бубенъ, звонкими охотничьими окликами и криками, топотомъ бѣшеной скачки вслѣдъ за ловчею птицею и громкой командой начальныхъ и первыхъ сокольниковъ. Матюшкинъ уѣзжалъ на охоту съ сокольниками двухъ первыхъ статей, съ готовыми птицами; Хомяковъ неутомимо слѣдилъ за упражненіемъ двухъ вторыхъ статей, занимавшихся обученьемъ и подготовкою птицъ молодыхъ. Въ то же самое время, въ различныхъ углахъ Потѣшнаго двора, шла чистка, мытье и уборка; въ кладовыхъ перебиралось, перетряхивалось, подновлялась вся сокольничья «сбруя» и всѣ «птичьи» и «сокольничьи» наряды. Всѣ знали, что царь Алексѣй Михайловичъ, на цѣлый мѣсяцъ отлучившійся изъ Москвы на богомолье, тотчасъ по возвращеніи, изволитъ посѣтить свой Потѣшный дворъ, осмотрить его во всѣхъ подробностяхъ, а затѣмъ ужъ, конечно, весь сентябрь мѣсяцъ проведетъ на своей любимой птичьей потѣхѣ. Въ этихъ-то видахъ «государево птичье царство» и готовилось показать себя въ полномъ блескѣ, а поставленные надъ нимъ ближніе государевы люди и любимцы, Матюшкинъ и Хомяковъ, изъ силъ выбивались, чтобы доставить государю, къ пріѣзду его, какъ можно больше радости и удовольствія.

Когда подъ вечеръ возвращались съ поля одна за другою охотничьи партіи, весь дворъ во всѣхъ закоулкахъ гудѣлъ разговорами и росказнями о подвигахъ ловчихъ птицъ различныхъ статей.

— Вы гдѣ нонечь ѣздили?—спрашивалъ одинъ сокольникъ у другого.

— Поѣхали отвѣдывать на Висильевъ прудъ. Такъ двое-то, изъ мóлодежи, летѣли высоко гораздо, да еще не слазятъ—къ уткамъ.

— А мы, между Сущова и Напруднова наѣхали на прыскъ, а въ камышахъ-то тамъ: свіязи, шилохвóсти, чирята—сила силой Такъ Есаула какъ спустили,—безмѣрно хорошо леталъ!—да высмотрѣлъ одно утя̀, палъ на нее, и какъ по шеѣ мя̀кнетъ! Богъ ты мой! она разъ десять перекинулась... Стрѣлить хотѣли... По-

чаяли, что худо заразилъ, анъ смотримъ: у нея и кишки вонъ, а онъ ужъ и сидитъ на ней... Богатый соколъ!

— А мы въ Тверскихъ поляхъ рыскали и тамъ Пароентьевой статьи кречетъ Нечай добылъ коршака, и добывалъ добрѣ-добро и ходко! А подъ Введенскимъ старымъ челигомъ тѣшились: добылъ двѣ совки—въ великомъ верху! Съ одною совкою было съ 15 ставокъ, и росшибъ ее вверху, такъ что упала безъ вѣдома!

— Ну, нѣтъ, у насъ не то! Все съ дикомытями бились — еще глупы; вабили ихъ съ вервью, а безъ верви-то и не летятъ, и не ворочаются...

И среди этого говора, во всѣхъ углахъ, слышались голоса начальныхъ сокольниковъ, которые то наставляли, то распекали, свою братью, подначальныхъ или рядовыхъ сокольниковъ. Когда же шумъ и гамонъ на Потѣшномъ дворѣ затихалъ и всѣхъ статей птицы и ловцы были дома и на мѣстахъ, начальные сокольники собирались въ хоромы Хомякова, сообщали ему свои отчеты и наблюденія, и получали приказанія на слѣдующій день. Матюшкинъ, который до пріѣзда государева рѣшился не съѣзжать съ Потѣшнаго двора, тоже присутствовалъ при этихъ вечернихъ пріемахъ и подтверждалъ распоряженія Хомякова своимъ вѣскимъ словомъ.

Въ этихъ хлопотахъ и приготовленіяхъ прошло дней восемь. До выступленія государевой птичьей охоты въ село Коломенское оставалось уже не болѣе двухъ дней, и Матюшкинъ былъ озабоченъ только тѣмъ, чтобы повсюду разослать надежныхъ людей и черезъ нихъ строжайшіе приказы—не допускать не только въ заповѣдныхъ мѣстахъ, но и по всѣмъ окрестностямъ Москвы, — птичьей посторонней охоты и беречь птицъ для «красной и славной потѣхи государевой».

— Пошли сказать въ Коломенское,—приказывалъ Митюшкинъ Хомякову,—чтобы тамъ никто не ѣздилъ и не травилъ бы ни утокъ, ни орлаковъ. И въ Голенищевѣ вели сказать приказчику патріаршему, чтобы берегли всякую птицу: а про Хвильскія и Хорошевскія болота приказать Петрункѣ Жидовскому, что если кто изъ охотниковъ птицу всякую прежде государя выѣздитъ, такъ онъ у меня не порадуется!

И сокольничій государевъ задумался, припоминая, не позабылъ ли еще какихъ распоряженій...

Хомяковъ и всѣ начальные сокольники стояли кругомъ стола, у котораго сидѣлъ Матюшкинъ, и выжидали его словъ. Вдругъ онъ спохватился и, обратясь къ Табалину, сказалъ:

— А вѣдь вотъ главнаго-то я и не припомнилъ! Пароентій Яковлевичъ,—а чтожъ нашъ дохтуръ? Легчитъ ли соколовъ и кречетовъ больныхъ?

— Виноватъ я передъ тобой, батюшка Аѳанасій Ивановичъ!— спохватился старый сокольникъ. — Въ хлопотахъ-то нашихъ я и

запамятовалъ доложить тебѣ о пареньке-то этомъ... Толковый вѣдь онъ!.. Въ недѣлю-то онъ ужъ никакъ съ полсотни птицъ намъ на ноги поставилъ!..

— Что ты? Да развѣ же ты ему всѣхъ сдалъ на руки?

— Нѣтъ, я сначала сдалъ только пару, какъ ты приказывалъ... Да вижу, потомъ, что онъ ихъ живо оправилъ — и сталъ просить меня «давай молъ больше: за одно легчить»... Вотъ я и винюсь передъ тобой, что безъ твоего приказа птицъ передалъ ему...

— Коли онъ точно ихъ вылегчилъ, такъ въ чемъ же ты винишься?

— Да все же не порядкомъ я сдѣлалъ...

— И что же, скажи пожалуй—государевы-то кречеты: Адаръ, Муратъ, Стрѣляй, Салтанъ—тѣ какъ?

— Здоровы (лишь бы не сглазить!)—и Лихачъ, и Булатъ—здоровы же и всѣ ѣсть стали попрежнему! Коли вздохнуть еще денекъ другой—сажай на рукавицу, да въ поле съ ними выѣзжай...

Матюшкинъ развелъ руками и обвелъ сокольниковъ изумленнымъ взглядомъ:

— Да что же онъ? Ужъ и точно не колдунъ ли какой? Вѣдь вы же ихъ легчить пытали?

— Пытать-то пытали, батюшка, да не съ того конца за дѣло брались,—съ улыбкой замѣтилъ старый сокольничій.

— Какъ же онъ-то дошелъ? Чтожъ онъ такое дѣлалъ съ ними?

— Да вотъ мы всѣ четверо между собою совѣщались,—сказалъ Тамбалинъ, указывая рукою на товарищей, начальниковъ другихъ «статей», — и положили легчить больную птицу той персидской мазью, что, изволишь помнить, года съ два тому назадъ, намъ бухарецъ-сокольникъ продалъ? Стали мазать—а птицамъ, что ни день, то хуже!.. Отъ кормовъ отстали, клювами лапы себѣ въ кровь дерутъ—до живого мяса... Что ты будешь дѣлать?

— Ну! а онъ-то какъ же?

— А онъ этой мази не взялъ, потому, говоритъ, это «снадобье бусурманское». Спросилъ воды въ тазахъ, да льду велѣлъ съ погреба принести—и заперся въ чуланъ съ птицами, съ Салтаномъ, да съ Адаромъ.

— Съ любимыми-то государевыми кречетами?

— Съ любимыми, Аѳанасій Ивановичъ!—И ужъ какъ я за нихъ трясся... у дверей чулана стоючи... Всю-то душу онъ у меня вымоталъ! Слышу: водой плещетъ, и птицъ въ воду окунаетъ... А онѣ только: крр., крр... Значитъ—отрадно имъ! Вотъ я ножемъ-то скважину и прочистилъ; думаю: дай погляжу! Пожалуй еще нашептываетъ на воду-то, или сыплетъ въ нее чего? И вижу,—онъ съ обоихъ кречетовъ и обносцы, и должики снялъ, на стулахъ нарядъ ихъ покинулъ, а кречетовъ самихъ поставилъ въ два таза, въ ледяную воду, да ковшикомъ ту воду черпаетъ и поливаетъ на

нихъ. А тѣ стоятъ въ водѣ по грудь, и не шелохнутся, что хошь съ ними дѣлай... Такъ-то поливалъ ихъ, поливалъ, да слышу шепчетъ что-то... Я уши насторожилъ, да только и могъ разслышать: «Мать Пресвятая Богородица.. «да ороси насъ милостью, великою благостью»... «да преподобные угодники соловецкіе»... Ну, тутъ ужъ и отошло у меня отъ сердца-то! Ужъ это какое же колдовство—это молитва!.. Такъ-то, батюшка! А на другой день тоже онъ съ ними, утромъ и вечеромъ, въ чуланѣ запирался... Я ужъ—ничего! Смотрю, на третій день птицамъ-то легче: видъ бодрый, взоръ этакой ясный, голову высоко несутъ—и ѣсть стали жадно. Ну, тутъ я ему ужъ и не побоялся другихъ-то птицъ отдать...

Матюшкинъ выслушалъ разсказъ Табалина внимательно и съ видимымъ удовольствіемъ.

— Дивныя дѣла, господа сокольники!—сказалъ онъ, посматривая на всѣхъ присутствующихъ.—Невѣдомо откуда какой безусый, безбородый выискался, да насъ бородатыхъ уму-разуму научилъ. А какъ бы ты думалъ, Петръ Семеновичъ, и вы, начальные? Вѣдь парень-то толковый—не дурно бы намъ его при Потѣшномъ дворѣ оставить?

Сокольники молча переглянулись между собою, какъ бы выжидая, чтобы выискался кто-нибудь посмѣлѣе, да сказалъ бы свое слово первый. Съ минуту продолжалось неловкое молчаніе, въ теченіе котораго Хомяковъ поглядывалъ на Матюшкина съ улыбкой... Глаза его ясно высказывали его мысль:

— Изволишь, молъ, видѣть, какъ они рады новому-то человѣку?..

Но Матюшкинъ не успѣлъ дождаться отвѣта отъ сокольниковъ. У воротъ раздался звукъ рожка, возвѣщавшаго о прибытіи какого-то поздняго гостя. Всѣ переглянулись.

— Чтобы это значило? Такъ поздно? Кто бы это?—воскликнулъ Матюшкинъ.

— И въ такую темь! Вѣдь зги не видно! — отозвался Хомяковъ, приподнимая окно и выставляя голову въ надворье.

Двое молодыхъ сокольниковъ направились къ воротамъ за вѣстями... Потѣшный дворъ, давно уже наглухо запертый, былъ въ эту вечернюю пору ни для кого недоступенъ.

Но сокольники вернулись и доложили въ-попыхахъ, что скорый гонецъ присланъ государемъ изъ похода, съ вѣстью къ господину сокольничему.

Черезъ минуту, въ комнату введенъ былъ и этотъ гонецъ, въ ѣздовомъ платьѣ, съ ногъ до головы покрытый густымъ слоемъ пыли:

— Что скажешь? Откуда ты великимъ государемъ посланъ?

— Великій государь отсюда за два стана. На разсвѣтѣ будетъ слушать раннюю обѣдню въ Алексѣевскомъ селѣ; приказалъ сказать тебѣ, стольнику и ловчему московскому, Аѳанасію Ивановичу

Матюшкину, что онъ, великій государь, въ Коломенское село ѣхать не изволитъ, а изъ Алексѣевскаго раннимъ утромъ, пожалуетъ прямо сюда, на свой Потѣшный государевъ дворъ, не заѣзжая въ Москву.

Всѣ встрепенулись и вытянулись, ожидая приказаній ловчаго и сокольничаго.

— Спасибо за добрую вѣсть,—сказалъ Матюшкинъ, обращаясь къ гонцу, — рады мы видѣть пресвѣтлыя очи великаго государя. Накормить гонца, да добрый оловянникъ меду ему!

— Ну, Петръ Семеновичъ, — сказалъ Матюшкинъ, обращаясь къ Хомякову и старшимъ сокольникамъ, когда гонецъ вышелъ съ младшими сокольниками,—намъ сегодня пожалуй спать и не придется? Всѣ по мѣстамъ!—къ разсвѣту, чтобы было все готово для встрѣчи батюшки-царя!

XIV.

На другое утро, въ седьмомъ часу дня, весело и звонко затрубили рога на Потѣшномъ дворѣ, на встрѣчу поѣзду государеву, приближавшемуся къ воротамъ со стороны Троицкой дороги, отъ села Алексѣевскаго. Какъ бы привѣтствуя государя—встрепенулись во всемъ дворѣ тысячи ловчихъ птицъ на своихъ стулахъ, помахивая крыльями и бряцая колокольцами, въ отвѣтъ на веселые звуки рожка и громкіе, радостные клики сокольниковъ. И птицы, и сокольники какъ бы чуяли, что возвращеніе царя и ихъ возвратитъ къ новой, шумной жизни, къ тревогамъ «красной и славной птичьей потѣхи», къ приволью полей и шири поднебесной, къ раздолью лѣсовъ и мокрыхъ луговинъ по берегамъ излучистой рѣчки, къ лихимъ «напускамъ» и «ставкамъ» на высотѣ едва доступной человѣческому оку—тамъ, гдѣ только «солнце свѣтитъ да кречетъ гуляетъ», какъ говорится объ этомъ въ одной татарской пѣснѣ.

Ларюшка не участвовалъ въ этомъ общемъ взрывѣ радости при встрѣчѣ царя-охотника на Потѣшномъ дворѣ. Въ дальнемъ углу дальняго сарая онъ сидѣлъ съ своими больными птицами, и ухаживалъ за ними со всѣмъ усердіемъ, занятый только одною мыслію—какъ бы ему угодить тому боярину Матюшкину, передъ которымъ всѣ эти сокольники, и рядовые, и начальные—стояли на вытяжку. Ему, непривычному къ московскимъ порядкамъ и отношеніямъ, этотъ сокольничій государевъ представлялся идеаломъ величія—человѣкомъ на верху власти и силы, для котораго нѣтъ и не можетъ быть ничего невозможнаго.

Любимою и самою смѣлою мечтою Ларюшки, за время его пребыванія на Потѣшномъ дворѣ—являлось желаніе угодить Матюшкину на столько, чтобы заслужить отъ него благодарность, получить удовлетвореніе по челобитной и прогоны на обратный путь въ Хол-

могоры. Далѣе этого не простирались желанія Ларюшки, и онъ, при помощи опытности и знанія, унаслѣдованныхъ отъ отца—добился того, что дней въ десять поставилъ на ноги около семидесяти птицъ изъ той сотни больныхъ соколовъ, кречетовъ и челиговъ, которые были ему сданы на руки Табалинымъ. Но Табалинъ не обмолвился передъ нимъ ни единой похвалою, и Ларюшка оставался въ томъ же положеніи не то полонянника, не то заключеннаго, которое онъ занялъ съ самаго прихода на Потѣшный дворъ. Матюшкинъ при немъ приказалъ: «смотрѣть за нимъ въ оба! Никуда его, безъ приказа не выпускать!» И за Ларюшкой смотрѣли «въ оба», запирали его на замокъ съ больными птицами, а когда онъ выносилъ изъ своего угла здоровыхъ птицъ и сдавалъ ихъ Табалину, о-бокъ съ нимъ всюду, какъ тѣни, ходили тѣ же два дюжихъ сокольника, и подводя къ какимъ-то запертымъ дверямъ, говорили: «обожди здѣсь,—туда нельзя!»—и одинъ изъ нихъ шелъ о немъ докладывать. И тѣмъ же путемъ, тѣ же сокольники отводили его назадъ и снова запирали съ больными птицами, впредь до прихода Табалина или другихъ трехъ начальныхъ.

Къ самой вѣсти о пріѣздѣ государя, которая была неожиданною новостью даже для Матюшкина и Хомякова, Ларюшка былъ вовсе не подготовленъ. Съ тѣхъ поръ, какъ его держали подъ замкомъ на Потѣшномъ дворѣ, никто не промолвилъ съ нимъ ни единаго слова, и онъ не имѣлъ рѣшительно никакого понятія о жизни «государева птичьяго царства», которая совершалась около него, но внѣ сферы его наблюденія. Каждое утро онъ только слышалъ рожки, вызывавшіе партіи охотниковъ «въ отъѣзжее поле», слышалъ топотъ коней, при отъѣздѣ партій, да нѣсколько громкихъ окликовъ на незнакомомъ ему, таинственномъ языкѣ сокольниковъ—и только. Табалинъ обмолвился передъ нимъ, какъ-то, что охота царская скоро двинется въ село Коломенское.., Вотъ почему и сегодня, когда весь дворъ огласился веселой, переливчатой музыкой рожковъ и вдали раздались какіе-то громкіе клики,—Ларюшка, одинъ на всемъ Потѣшномъ дворѣ,—оставался равнодушенъ къ этимъ звукамъ и не понималъ ихъ значенія. «Ишь, раструбились!» думалъ онъ, прислушиваясь къ необычайному шуму:—«ужъ не сегодня ли вся охота въ Коломенское выступаетъ?»

И онъ, съ прежнимъ усердіемъ и спокойствіемъ, продолжалъ ходить отъ птицы къ птицѣ, то покармливая ихъ изъ рукъ свѣжимъ мясомъ, ввязаннымъ въ пучекъ перьевъ, то купая ихъ въ тазахъ съ ледяною водою, съ обычными наговорами, въ которыхъ поминалась и «Мать Пресвятая Богородица», и «Бѣлъ-горючъ-камень», и «разрывъ-трава», и «угодники соловецкіе», примѣшавшіеся къ древнему языческому заклинанію на Сѣверѣ, гдѣ они пользуются такимъ громаднымъ значеніемъ. Но «охота государева», видимо не собиралась уходить въ село Коломенское. Тѣ же звуки

рожковъ и клики повторялись не однократно въ теченіе двухъ часовъ, то въ одномъ углу Потѣшнаго двора, то въ другомъ, переливаясь звонкими и радостными раскатами, которые доносились и до Ларюшки и только еще больше увеличивали тоску его мрачнаго уединенія.

Но что̀ это? Шумъ ближе, ближе... Вотъ слышатся громкіе голоса, вотъ спѣшные, торопливые шаги по лѣстницѣ:—слышно, какъ нѣсколько человѣкъ разомъ подошли къ дверямъ и брякочутъ замкомъ, отмыкая его. Къ Ларюшкѣ не входитъ, а почти вбѣгаетъ Табалинъ, а за нимъ человѣкъ пять рядовыхъ сокольниковъ и двое слугъ съ какимъ-то во̀рохомъ платья. Да какіе всѣ нарядные!—Въ красныхъ кафтанахъ съ черными гербовыми орлами, нашитыми на спинѣ и на груди, въ высокихъ красныхъ шапкахъ, въ желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ. А у Табалина кафтанъ весь золотомъ блеститъ, черезъ плечо на золотой перевязи рогъ серебряный, черезъ другое—сума бархатная, на рукахъ рукавицы перстатыя, съ раструбами за локоть, вокругъ расшитыя золотомъ... У Ларюшки, отъ внезапнаго появленія этихъ людей, очевидно озабоченныхъ какою-то важною заботою, отъ яркихъ красокъ и блеска ихъ одеждъ—въ глазахъ зарябило... Онъ оставался передъ ними въ недоумѣніи, нѐ зная, пугаться ли ему ихъ прихода или радоваться ему?

Табалинъ, какъ вбѣжалъ, такъ и крикнулъ слугамъ:

— Эй, ребята, раздѣвай его, да живо,—живо!

— Господинъ, начальный сокольничій!—взмолился Ларюшка, совершенно растерявшись и непонимая значенія этого приказа,—смилуйся, скажи, чѣмъ я провинился? Вѣдь я, кажись, все по хорошему жилъ, по закону... За что же меня...

— Вотъ за то, что по хорошему жилъ, за то тебя и Богъ наградилъ!—загадочно и съ улыбочкой проговорилъ Табалинъ.—Да ну, живѣй поворачивайся: господинъ сокольничій у насъ ждать не любитъ! У него дѣло не медвѣдь, а соколъ... Пурхъ—и улетѣло!..

И точно, по щучьему велѣнью, какъ въ сказкахъ дѣлается, ловкіе слуги мигомъ раздѣли и разули нашего Ларюшку: одѣли его и въ чистую рубаху камчатную съ шитымъ воротомъ, и въ порты дорожчатые, и въ синій кафтанъ суконный, и въ сапоги щегольскіе, желтые, сафьянные, съ вострыми приподнятыми носками. Одинъ изъ слугъ снялъ съ себя пестрый кушакъ, подтянулъ Ларюшкѣ кафтанъ и мудренымъ узломъ врозь-концы завязалъ; другой расчесалъ ему русыя кудри гребнемъ на обѣ стороны.

И сталъ нашъ Ларюшка передъ Табалинымъ молодецъ-молодцомъ и самъ не могъ удѐржаться отъ самодовольной улыбки, когда оглядѣлъ себя. Но самодовольство тотчасъ же смѣнилось чувствомъ неопредѣленной тревоги, когда Табалинъ и сокольники стали его поворачивать и оглядывать, съ великимъ вниманіемъ оправляя каждую складочку его одежды, счищая съ нея каждую пылиночку, каждую пушинку.

— Ну, теперь его и вести можно!—сказалъ Табалинъ, принимая строгій, начальническій видъ и устанавливая Ла́рюшку въ рядъ между нарядными сокольниками.

— Господинъ начальный сокольничій! Скажи ты мнѣ ради всего святаго,—взмолился не на шутку напуганный Ла̀рюшка,—куда ты вести меня ладишь? Не томи ты меня злою мукою...

Табалинъ отступилъ отъ него на шагъ, выпрямился и произнесъ торжественно:

— Посѣтилъ тебя Богъ великою милостью:—мнѣ велѣно явить тебя передъ пресвѣтлыя очи государевы! Впередъ!..

— Господи!..—сорвалось невольно у Ла́рюшки, и ему стало еще болѣе жутко и страшно, когда онъ зашагалъ по лѣстницамъ за сокольничими.

П. Полевой.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ДЕПТФОРДѢ.

Профессоръ Оксфордскаго университета Морфиль любезно сообщилъ редакціи «Историческаго Вѣстника» нѣсколько не лишенныхъ интереса документовъ, найденныхъ имъ въ Бодлеанской библіотекѣ и касающихся пребыванія Петра Великаго въ Дептфордѣ (въ Англіи) въ 1698 году. Документы эти, довольно ярко иллюстрирующіе русскіе нравы того времени, состоятъ изъ заявленія адмирала Бенбоу, арендатора дома, въ которомъ жилъ Петръ въ Дептфордѣ, объ убыткахъ, понесенныхъ имъ отъ постояльцевъ, и распоряженій англійскаго правительства по этому поводу. Печатая присланные намъ документы въ переводѣ, мы считаемъ не лишнимъ предпослать имъ краткія свѣдѣнія о пребываніи Петра въ Дептфордѣ, заимствованныя нами какъ изъ русскихъ, такъ и изъ англійскихъ источниковъ.

Во время перваго путешествія своего за границу, въ 1697 и 1698 годахъ, Петръ Великій, проживъ пять мѣсяцевъ въ Голландіи, рѣшился посѣтить Англію. Причины, побудившія его къ этой поѣздкѣ, изложены имъ самимъ въ собственноручномъ предисловіи къ «Морскому Регламенту».

«На Остъ-Индской верфи,—пишетъ онъ,—вдавъ себя съ прочими волонтерами въ наученіе корабельной архитектуры, государь въ краткое время совершился въ томъ, что подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерствомъ новый корабль построилъ и спустилъ. Потомъ просилъ той верфи баса (мастера) Яна

Поля, дабы училъ его препорціи корабельной, который ему черезъ четыре дня показалъ. Но понеже въ Голландіи нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкоторыя принципіи, прочее же съ долговременной практики, о чемъ и вышерѣченный басъ сказалъ, и что всего на чертежѣ показать не умѣетъ, тогда зѣло стало ему противно, что такой дальній путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ. И по нѣсколькихъ дняхъ прилучилось быть его величеству на загородномъ дворѣ купца Якова Тессинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо не веселъ ради вышеписанной причины; но когда, между разговоровъ, спрошенъ былъ: для чего такъ печаленъ? тогда оную причину объявилъ. Въ оной компаніи былъ одинъ англичанинъ, который, слыша сіе, сказалъ, что у нихъ въ Англіи сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ временемъ научиться можно. Сіе слово его величество зѣло обрадовало, по которому немедленно въ Англію поѣхалъ и тамъ, черезъ четыре мѣсяца, оную науку окончилъ».

Король англійскій Вильгельмъ III, бывшій также и штатгальтеромъ Нидерландскимъ, имѣлъ случай лично познакомиться съ Петромъ, въ Утрехтѣ и Гаагѣ, во время пріема московскаго посольства, въ свитѣ котораго царь занималъ скромную должность дворянина. Вильгельмъ оцѣнилъ необычайный умъ молодого русскаго государя, его энергію и страсть къ наукамъ, въ особенности къ кораблестроенію. Желая выразить ему свое сочувствіе, король, по возвращеніи своемъ въ Лондонъ, приказалъ изготовить, построенную незадолго передъ тѣмъ по новому способу, легкую, красивую, двадцатипушечную яхту «Transport-royal» и письменно просилъ Петра принять эту яхту въ подарокъ. Петръ остался чрезвычайно доволенъ такимъ неожиданнымъ и пріятнымъ подаркомъ и отправилъ въ Лондонъ, къ Вильгельму, съ изъявленіемъ своей благодарности, маіора Преображенскаго полка, Адама Вейде, которому поручилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщить королю о своемъ намѣреніи «посѣтить англійскую землю незнатнымъ иностранцемъ, чтобы видѣть корабли и морское поведеніе».

Вильгельмъ выразилъ искренное удовольствіе еще разъ свидѣться съ царемъ и послалъ въ его распоряженіе королевскую яхту подъ конвоемъ трехъ линейныхъ кораблей.

Царь выѣхалъ изъ Амстердама 7 января (1698 г.) и на другой день, вечеромъ, прибылъ въ голландскую гавань Гелветелюйсъ, къ ожидавшей его здѣсь англійской эскадрѣ. Переночевавъ на яхтѣ, Петръ, на разсвѣтѣ 9 числа, не взирая на бурную погоду, снялся съ якоря и послѣ двухъ-дневнаго плаванія, 11 числа, рано утромъ, высадился въ Лондонѣ, въ Іоркъ-Больдингсѣ (нынѣ Бокингамъ-стритъ, въ Адельфи), гдѣ для него былъ нанятъ большой домъ, выходившій на Темзу. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, король при-

слалъ камергера Бертона поздравить русскаго государя съ благополучнымъ пріѣздомъ, выразить свою готовность на всякія услуги и спросить, когда можно будетъ видѣться съ его царскимъ величествомъ. Петръ, поблагодаривъ съ своей стороны за добрый пріемъ, отвѣчалъ, что готовъ на свиданіе во всякое время, когда это будетъ угодно королю. На слѣдующій день, къ Петру явились, назначенные состоять при немъ, вице-адмиралъ Мичель и маркизъ Кармар-

Петръ Великій въ русскомъ платьѣ, въ бытность свою въ Голландіи въ свитѣ великаго посольства.

Съ современнаго гравированнаго портрета Оттенса.

тенъ. Царь очень скоро сошелся съ послѣднимъ и полюбилъ его за веселый характеръ, познанія въ морскомъ дѣлѣ и всегдашнюю готовность кататься съ нимъ по Темзѣ. Они часто проводили цѣлые вечера вдвоемъ, въ дружеской бесѣдѣ, попивая «peper and brandy» (настойка коньяку на перцѣ). Если вѣрить одной современной англійской газетѣ, Петру особенно пришелся по вкусу напитокъ, называвшійся «Nectar Ambrosia». Эта амброзія была изобрѣтена какимъ-то счаст-

ливымъ спекуляторомъ, поднесшимъ свою микстуру царю, который не удовольствовался поднесеннымъ количествомъ, а приказалъ закупить еще большой запасъ.

Король посѣтилъ царя черезъ три дня послѣ его пріѣзда, причемъ былъ принятъ Петромъ въ комнатѣ, служившей спальнею, гдѣ воздухъ оказался до такой степени испорченнымъ, что, несмотря на стоявшій въ то время холодъ, пришлось отворить окно. Царь былъ у короля спустя дней десять, одѣтый въ московское платье, бесѣдовалъ съ нимъ около двухъ часовъ на голландскомъ языкѣ и познакомился также съ его свояченицей, наслѣдницей англійскаго престола, принцессой Анной, которую, въ письмѣ къ Апраксину, почему-то назвалъ «сущей дочерью нашей церкви». Онъ не обратилъ никакого вниманія на превосходныя картины и другія художественныя произведенія, украшавшія резиденцію короля, Кенигстонскій дворецъ, но за то чрезвычайно заинтересовался, находившимся въ королевскомъ кабинетѣ, приборомъ для наблюденія за направленіемъ вѣтра.

Въ Лондонѣ, какъ и всюду, Петръ осматривалъ преимущественно то, что могло принести ему пользу въ практическомъ отношеніи. Онъ побывалъ въ королевскомъ обществѣ наукъ «гдѣ видѣлъ всякія дивныя вещи», въ Тоуерѣ «гдѣ честныхъ людей сажаютъ за караулъ», на монетномъ дворѣ, на астрономической обсерваторіи и т. п. Разъ посѣтилъ и театръ, гдѣ давали пьесу «Королевы соперницы или Александръ Великій» и гдѣ ему понравилась актриса Кросъ, съ которой онъ свелъ, впрочемъ кратковременное, знакомство. Петръ нѣсколько разъ обѣдалъ у маркиза Кармартена и у другихъ англійскихъ вельможъ, но при этомъ ставилъ условіемъ, чтобы они не приглашали постороннихъ лицъ. Онъ терпѣть не могъ и тщательно избѣгалъ всякой толпы. Когда, Вильгельмъ, по случаю своего рожденія, далъ балъ въ С. Джемскомъ дворцѣ, царь ни за что не согласился выйти къ гостямъ и помѣстился въ маленькой комнатѣ, откуда могъ видѣть все, не будучи самъ замѣченъ. Посѣтивъ парламентъ, Петръ не захотѣлъ войти въ зало засѣданій, а глядѣлъ на происходившее черезъ слуховое окошко, пробитое въ потолкѣ. Царь посѣтилъ также общество квакеровъ, осматривалъ лондонскія церкви и не разъ бесѣдовалъ съ извѣстнымъ богословомъ, епископомъ Салисбюрійскимъ, Джильбертомъ Бёрнетомъ о религіи и положеніи духовенства. Въ Бодлеанской библіотекѣ хранится, нигдѣ еще не напечатанное, письмо Бёрнета, отъ 19 марта 1698 г., къ доктору Фаллю, начальнику пѣвческой капеллы въ Іоркѣ (precentor), въ которомъ Бёрнетъ, между прочимъ, сообщаетъ краткія, но тѣмъ не менѣе любопытныя свѣдѣнія о своихъ сношеніяхъ съ царемъ. Приводимъ изъ этого письма, также сообщеннаго намъ въ копіи профессоромъ Морфилемъ, то мѣсто. которое касается Петра:

«Дорогой сэръ!.. Послѣ вашего отъѣзда, царь пріѣзжалъ однажды въ Ламбетъ, видѣлъ таинство причащенія и рукоположенія и остался очень доволенъ. Я часто бываю съ нимъ. Въ прошлый понедѣльникъ, я провелъ у него четыре часа. Мы разсуждали о многихъ вещахъ; онъ обладаетъ такой степенью знанія, какой я не ожидалъ видѣть въ немъ. Онъ тщательно изучалъ св. Писаніе. Изъ всего, что я говорилъ ему, онъ всего внимательнѣе слушалъ мои объясненія объ авторитетѣ христіанскихъ императоровъ въ дѣлахъ религіи и о верховной власти нашихъ королей. Я убѣдилъ его, что вопросъ о происхожденіи св. Духа есть тонкость, которая не должна была бы вносить раскола въ Церковь. Онъ допускаетъ, что иконамъ не слѣдуетъ молиться, и стоитъ лишь за сохраненіе образа Христа, но этотъ образъ долженъ служить лишь какъ воспоминаніе, а не какъ предметъ поклоненія. Я старался указать ему великія цѣли христіанства въ дѣлѣ усовершенствованія сердца человѣческаго и человѣческой жизни, и онъ увѣрилъ меня, что намѣренъ примѣнить эти принципы къ самому себѣ. Онъ начинаетъ такъ сильно привязываться ко мнѣ, что я едва могу отъ него оторваться... Царь или погибнетъ, или станетъ великимъ человѣкомъ».

Лондонскія фабрики и мастерскія также не были оставлены Петромъ безъ обзора. У знаменитаго часовщика Карте Петръ купилъ замѣчательные географическіе часы и при этомъ, какъ увѣряютъ англичане, выучился безукоризненно собирать и разбирать ихъ, а у одного гробовщика онъ даже пріобрѣлъ и отправилъ въ Россію образецъ англійскаго гроба. Но главное вниманіе Петра привлекали Вульвичъ, съ его знаменитымъ литейнымъ заводомъ и арсеналомъ, и Дептфордъ съ его обширными доками и верфями. Въ этотъ послѣдній городокъ, теперь уже слившійся съ Лондономъ, а тогда лежавшій отъ него въ девяти километрахъ, у самаго впаденія рѣчки Равенсбурнъ въ Темзу, Петръ рѣшился даже переселиться на нѣсколько недѣль, чтобы, подъ руководствомъ опытныхъ и ученыхъ наставниковъ, усовершенствовать свои познанія въ кораблестроеніи.

Англійскому правительству было не легко найти въ Дептфордѣ приличное и удобное помѣщеніе для царя и его свиты. Самымъ подходящимъ для этой цѣли зданіемъ оказался домъ нѣкоего Джона Евелина, называвшійся «Says Cort» очень помѣстительный, хорошо меблированный и примыкавшій обширнымъ садомъ къ самымъ докамъ. Домъ этотъ нанималъ по контракту адмиралъ Бенбоу, который, не смотря на выгодныя условія, не совсѣмъ охотно уступилъ свою квартиру и выѣхалъ въ гостинницу. Домъ Евелина на скорую руку поновили, садъ украсили растеніями, а въ стѣнѣ, смежной съ доками, пробили дверь, такъ что Петръ могъ во всякое время приходить туда, ни кѣмъ не стѣсняемый.

Слуга Джона Евелина, остававшійся въ домѣ, слѣдующимъ образомъ описывалъ своему хозяину порядокъ жизни царя: «Домъ полонъ народа ужасно грязнаго (right nasty). Царь спитъ рядомъ съ вашей библіотекой, а обѣдаетъ въ гостиной, что за кабинетомъ. Ѣстъ онъ въ 10 часовъ утра и въ 6 часовъ вечера. Иногда бываетъ дома цѣлый день. Часто ходитъ на верфь или плаваетъ по рѣкѣ въ разныхъ костюмахъ. Король платитъ за все». Въ праздничные дни, или по окончаніи дневныхъ работъ, Петръ обыкновенно отправлялся съ нѣсколькими приближенными въ Гоуфъ-Стритъ, въ небольшой кабачекъ, гдѣ спрашивалъ пива, или коньяку,

Король англійскій Вильгельмъ III.

Съ гравированнаго портрета Хубракена.

и отдыхалъ, покуривая свою голландскую трубочку. Хозяинъ заведенія намалевалъ портретъ московскаго царя и прибилъ его надъ дверями, какъ вывѣску. Эта вывѣска провисѣла до 1808 года, когда нѣкто Ваксель (Waxel) почему-то пожелалъ ее пріобрѣсти и предложилъ хозяину, взамѣнъ старой, написать для него новую. Согласно уговору, копія была сдѣлана въ нѣсколько увеличенномъ видѣ и занимала мѣсто оригинала до перестройки дома, послѣ чего портретъ уже не появлялся, но за кабачкомъ до сихъ поръ сохранилось названіе «Таверны московскаго царя» (Czars of Moscovy Tavern).

Изрѣдка, Петръ совершалъ кратковременныя поѣздки въ Лондонъ, Гринвичъ и Виндзоръ, для осмотра ихъ достопримѣчательностей. Чтобы сдѣлать пріятное царю, король Вильгельмъ задумалъ повеселить его примѣрною морскою битвою, близь острова Уайта. Съ этой цѣлью, на Портсмутскомъ рейдѣ была сосредоточена эскадра изъ 12 большихъ военныхъ кораблей. 21-го марта, Петръ пріѣхалъ въ Портсмутъ и, переночевавъ у губернатора, на другой день осмотрѣлъ англійскія суда. Когда показалась царская шлюпка, всѣ корабли открыли пальбу, а матросы привѣтство-

Лордъ Кармартенъ.

Съ рѣдкаго портрета, доставленнаго профессоромъ Оксфордскаго университета, Морфилемъ.

вали державнаго посѣтителя громкими криками. Окончивъ осмотръ, царь взошелъ на 80-ти пушечный, адмиральскій корабль «Гомбургъ». Эскадра вступила подъ паруса и въ тотъ же день обогнула островъ Уайтъ, но по случаю тихой погоды стала на якорь. Во время стоянки, Петръ посѣтилъ корабельныхъ капитановъ и «довольно съ ними веселился». На другой день, подулъ благопріятный вѣтеръ; корабли выстроились въ двѣ линіи и дважды вступали въ битву, производя, къ великому удовольствію царя, разнообразныя морскія эволюціи. По окончаніи маневровъ, Петръ возвратился на рейдъ, осматривалъ городъ, побывалъ въ близь лежащемъ Сютгей-кестлѣ (нынѣ Southampton) и на обратномъ пути въ Дептфордъ завтракалъ и

обѣдалъ, съ своими спутниками, которыхъ было 21 человѣкъ, въ лучшей гостинницѣ въ Годельмингѣ. Счетъ, по которому было уплочено англійскимъ правительствомъ содержателю гостинницы, за все съѣденное и выпитое гостями, сохранился въ подлинникѣ. Ими было уничтожено за завтракомъ: полъ-барана, четверть ягненка, десять куръ, двѣнадцать цыплятъ, три кварты коньяку, шесть квартъ глинтвейну, семь дюжинъ яицъ. За обѣдомъ они съѣли: 1¼ пудъ говядины, цѣлаго барана (вѣсомъ 1½ пуда), три четверти ягненка, плечо и филей телятины, восемь куръ, восемь кроликовъ, выпили двѣ съ половиной дюжины столоваго вина и дюжину краснаго.

Живя въ Дептфордѣ, Петръ, при содѣйствіи Кармартена и съ согласія короля, приговорилъ къ себѣ на службу до 60 человѣкъ разныхъ спеціалистовъ и мастеровъ. Здѣсь же, съ цѣлью подкрѣпить русскую казну, царь заключилъ съ Кармартеномъ условіе, которымъ предоставилъ ему право исключительной торговли въ Россіи табакомъ за 20,000 фунтовъ стерлинговъ (или 48,000 рублей), съ уплатою всей суммы впередъ. Кармартену было разрѣшено ввезти въ Россію и распродать въ одинъ годъ 3,000 бочекъ, или полтора милліона фунтовъ, табаку, при чемъ государь обязался «всѣмъ своимъ подданнымъ, какого ни есть чина, дозволить никоціанъ курить и употреблять, не смотря на всѣ прежніе противные указы и права».

Пріѣхавъ изъ Голландіи въ Англію уже опытнымъ корабельнымъ плотникомъ, Петръ въ три мѣсяца неустаннаго труда изучилъ англійскую систему постройки судовъ, узналъ размѣръ линейныхъ кораблей и фрегатовъ, пріобрѣлъ необходимыя свѣдѣнія для учрежденія верфей и вникнулъ во всѣ порядки морской службы. Теперь, для полнаго и окончательнаго усовершенствованія своихъ познаній въ кораблестроеніи, ему оставалось только изучить способы сооруженія галернаго флота и для этого онъ рѣшился отправиться въ Венецію.

18-го апрѣля, царь съ чувствомъ живѣйшей признательности простился съ королемъ Вильгельмомъ, который, желая сохранить черты геніальнаго русскаго государя, упросилъ его дозволить списать съ себя портретъ. По приказанію короля, знаменитый тогдашній живописецъ Готфридъ Кнеллеръ необыкновенно вѣрно передалъ потомству прекрасную, мужественную фигуру двадцатипятилѣтняго Петра. Замѣчательный по сходству и мастерству исполненія портретъ царя, работы Кнеллера находится въ аудіенцъ-залѣ Гамптонъ-Корта, одного изъ королевскихъ дворцовъ близъ Лондона.

21-го апрѣля, Петръ сѣлъ на подаренную ему яхту «Транспоръ-Рояль», поплылъ внизъ по Темзѣ, еще разъ посѣтилъ Вульвичъ и Чатамъ, и 23-го числа вышелъ въ море, направляясь къ берегамъ своей любезной Голландіи.

Какъ только царь покинулъ Дептфордъ, адмиралъ Бенбоу вознамѣрился перебраться въ свое прежнее жилище; но его ждало неожиданное и горькое разочарованіе. Московскіе гости оказались совершенными варварами. Въ свое двухъ-мѣсячное пребываніе въ домѣ Джона Евелина они до такой степени безцеремонно распоряжались чужимъ имуществомъ и привели его въ такой безобразный видъ, что адмиралъ вынужденъ былъ отказаться отъ намѣренія возобновить контрактъ съ Евелиномъ и обратился къ англійскому правительству съ слѣдующей жалобой:

«Джонъ Бенбоу въ почтительнѣйшей просьбѣ заявляетъ, что онъ нѣсколько времени тому назадъ нанялъ домъ Джона Евелина, эсквайра, называемый «Сэйсъ-Кортъ» въ Дептфордѣ, и обязался контрактомъ содержать оный, равно какъ и садъ и проч. въ хорошемъ и удовлетворительномъ состояніи и полной исправности, и сдать его въ такомъ же видѣ по истеченіи условленнаго срока; и случилось, съ позволенія Вашей Чести, что его царское величество обратился къ вышереченному, мѣсяца три тому назадъ, желая, на время пребыванія своего въ Англіи, занять его домъ, со всѣмъ убранствомъ, какое въ немъ находилось. Джонъ Бенбоу охотно согласился на это и немедленно вывезъ изъ дома свою семью и передалъ домъ царю въ пользованіе, предполагая, что это будетъ пріятно Его Милости королю, и что царь будетъ пользоваться нанятымъ домомъ, имуществомъ и садомъ, иначе, чѣмъ вышло въ дѣйствительности. Домъ оказался въ такомъ дурномъ видѣ, что едва ли возможно дать полное понятіе объ этомъ Вашей Чести. Кромѣ того, много вещей поломано, потеряно и испорчено.

«По сему, нижеподписавшійся почтительно проситъ, не благоугодно ли будетъ Вашей Чести приказать произвести осмотръ дома и проч. для приведенія въ извѣстность нанесенныхъ ему убытковъ и дабы ему могло быть дано вознагражденіе и онъ не вынужденъ былъ понести ущербъ за оказанную имъ любезность».

Просьба Джона Бенбоу была отослана сэру Христофору Рэну, которому поручено было осмотрѣть домъ, садъ и движимое имущество, и донести сколько убытка причинено просителю царемъ и его свитой.

Рэнъ произвелъ осмотръ при содѣйствіи оцѣнщика по части движимости и гардероба, мистера Севелля, и королевскаго садовника, мистера Лаудона, и исчислилъ общую цифру убытковъ въ 350 фунтовъ стерлинговъ. Это исчисленіе основано имъ на слѣдующихъ двухъ документахъ, подписанныхъ Севеллемъ и Лаудономъ.

I.

«Счетъ поврежденій, причиненныхъ постройкамъ и изгородямъ московскимъ царемъ и его свитой въ Сэйсъ-Кортѣ, въ Дептфордѣ:

	Фунтовъ.	Шиллинговъ.	Пенсовъ.
«За 150 ярдовъ окраски.	7	10	—
«За 244 ярда бѣленія въ домѣ.	2	—	8
«За 300 стеколъ въ окнахъ	—	15	—
«За 20 большихъ стеколъ.	2	8	—
«За 3 мѣдныхъ замка.	2	5	8
«За 9 замковъ, также испорченныхъ. . .	—	12	—
«За ключи ко всѣмъ сказаннымъ замкамъ .	1	—	—
«За 90 футовъ голландской черепицы для поправки каминныхъ трубъ.	1	1	—
«За 100 футовъ фламандскихъ изразцовъ для поправки кухни.	1	5	—
«За 90 футовъ (не разобранное слово) . .	1	10	—
«За починку задвижекъ.	—	10	—
«За починку шкафовъ	—	10	—
«За поправку испорченныхъ (не разобранное слово)	—	10	—
«За двѣ новыхъ еловыхъ двери	1	4	—
«Всѣ полы попорчены грязью и рвотой .	2	—	—
«За новый полъ въ нижнемъ домѣ. . . .	—	14	—
«За починку 300 футовъ аспиднаго и каменнаго помоста.	1	—	—
«За 240 футовъ сосновыхъ балясинъ . .	60	—	—
«За 170 футовъ дубовыхъ балясинъ и перилъ.	17	—	—
«За 100 футовъ наружной загородки сада .	1	13	8
«За полировку заново 4 мраморныхъ ступенекъ и мраморнаго стола.	1	4	—
«За 3 сломанныхъ и потерянныхъ тачки .	1	—	—

«Оцѣнено Уильямомъ Дикинсономъ Кларкомъ.

II.

«Спальная, убранная голубой отдѣлкой, и голубая кровать, обитая внутри свѣтло-желтымъ шелкомъ, вся измарана и ободрана	4	—	—
«Японскій карнизъ кровати сломанъ . . .	—	—	—

	Фунтовъ.	Шиллинговъ.	Пенсовъ.
«Индійское шелковое, стеганое одѣяло, байковое одѣяло и постельное бѣлье запятнаны и загрязнены	2	—	—
«Туалетный столикъ, обитый шелкомъ, сломанъ и изрѣзанъ	1	—	—
«Стѣнной орѣховаго дерева столикъ и рундукъ сломаны.	—	15	—
«Мѣдная кочерга, пара щипцовъ, желѣзная рѣшетка, лопатка, частью сломаны, частью утрачены	1	—	—
«Палевая кровать разломана на куски, красная отдѣлка, отороченная полосатымъ персидскимъ шелкомъ, сильно подрана и испорчена.	62	—	—
«Въ кабинетѣ: четыре полотнища тканыхъ дамасскихъ обоевъ сильно измараны.	—	10	-
«Въ большой комнатѣ: два большихъ каминныхъ крюка съ мѣдными рукоятями сломаны	—	15	—
«Въ смежной комнатѣ обои требуютъ чистки.	1	—	—
«Въ слѣдующей комнатѣ: коленкоровая кровать съ занавѣсями испятнана и изорвана въ клочки, а большое индійское одѣяло прорвано во многихъ мѣстахъ	3	10	—
«14 голландскихъ плетеныхъ стульевъ всѣ сломаны и испорчены	2	10	—
«12 стульевъ со спинками, обитыми драгетомъ, сильно испорчены	1	10	—
«Въ слѣдующей комнатѣ: обитая темнымъ камлотомъ кровать сильно порвана и испорчена.	2	—	—
«Обыкновенное стаметовое одѣяло изорвано и прожжено въ нѣсколькихъ мѣстахъ. . . .	—	10	—
«Черный панелевый столъ и рундуки сломаны и испорчены	—	10	—
«Пара каминныхъ крюковъ съ мѣдными рукоятями, лопатка и щипцы сломаны . . .	—	7	6
«Въ слѣдующей комнатѣ: двѣ кровати, одна обитая драгетомъ, другая саржей, изорваны и испорчены	2	10	—
«Старый комодъ, каминные крюки, лопатка и щипцы, сломаны и испорчены	—	10	—
«Въ слѣдующей комнатѣ: голубая, полосатая, коломенковая кровать, обитая внутри			

	Фунтовъ.	Шиллинговъ.	Пенсовъ.
пестрой, индійской, вышитой тканью, сильно измарана и попорчена, а карнизъ сломанъ. .	3	—	—
«12 креселъ, обитыхъ голубой матеріей, сильно попорчены	1	10	—
«3 старыхъ, голландскихъ плетеныхъ стула сломаны	—	7	6
«Орѣховый комодъ и оклейной столъ сильно испорчены и сломаны	—	15	—
«6 бѣлыхъ, тонкихъ, дамасковыхъ оконныхъ занавѣсей изорваны и испорчены.	1	10	—
«Грѣлка поломана внутри и позжена . .	5	5	—
«Внизу: японскій столъ, два стула и кушетка всѣ поломаны и испорчены	1	10	—
«7 отлогихъ стульевъ сломаны и утрачены .	1	10	—
«Нѣсколько другихъ стульевъ попорчены .	1	—	—
«Пара каминныхъ крюковъ съ мѣдными рукоятями, пара щипцовъ, лопатка и рѣшетка сломаны и попорчены	—	15	—
«Два стола съ инкрустаціей попорчены. .	—	15	—
«Большой турецкій коверъ попорченъ . .	—	15	—
«5 кожанныхъ стульевъ утрачены. . . .	1	—	—
«3 простыхъ плетеныхъ стула и 4 зеленыхъ, саржевыхъ стула сломаны или утрачены . .	1	—	—
«2 перины и 2 подушки потеряны. . . .	8	—	—
«3 пары новыхъ, пуховыхъ подушекъ потеряны.	3	—	—
«8 перинъ, 8 подушекъ, 12 паръ байковыхъ одѣялъ сильно замараны и попорчены. . . .	3	16	—
«Одна запасная, желѣзная рѣшетка изломана въ куски	—	16	—
«3 пары тройныхъ, тонкихъ, голландскихъ простынь утрачены	7	10	—
«3 кресла съ ручками и 5 рѣзныхъ деревянныхъ креселъ изломаны въ куски. . . .	1	—	—
«Столъ сломанъ и испорченъ	6	—	—
«20 прекрасныхъ картинъ сильно замараны, а рамы всѣ разбиты.	10	—	—
«Нѣсколько прекрасныхъ чертежей и другихъ рисунковъ, изображающихъ лучшіе виды, утеряны и оцѣнены адмираломъ Бенбоу въ .	50	—	—

«Дж. Севеллъ.

«9 мая, 1698 г.

III.

«Нѣсколько замѣчаній о садахъ и палисадникахъ, принадлежащихъ достопочтенному Джону Евелину, эсквайру, при его домѣ, Сейсъ-Кортѣ, въ Дептфордѣ, въ графствѣ Кентъ.

«Во все время, пока московскій царь проживалъ въ означенномъ домѣ, не мало поврежденій было понесено въ садахъ и палисадникахъ. Усмотрѣнныя поврежденія двухъ родовъ: одни изъ нихъ могутъ быть поправлены, другія же нельзя исправить.

«1) Трава помята и земля взрыта отъ прыжковъ и выдѣлыванія разныхъ штукъ.

«2) Лужайка, на которой играютъ въ шары, въ такомъ же видѣ.

«3) Вся земля, которая обработывается подъ хозяйственныя растенія, заросла сорными травами и оставалась безъ ухода и обработки, потому что царь все равно не допустилъ бы никого къ обработкѣ, когда наступило для этого время.

«4) Шпалерныя и другіе фруктовыя деревья остаются неподрѣзанными и безъ прививки.

«5) Ни живыя изгороди, ни дички, не подрѣзаны, какъ слѣдуетъ.

«6) Песчаныя дорожки изрыты ямами и запущены.

«Замѣчанія эти сдѣланы Джорджемъ Лаудономъ, садовникомъ его величества, который удостовѣряетъ, что для приведенія садовъ и плантацій въ то исправное состояніе, въ какомъ они находились до пребыванія его царскаго величества, потребуется сумма въ 55 фунтовъ, въ чемъ я и удостовѣряю.

«Джоржъ Лаудонъ.

«Примѣчаніе. Много вреда нанесено деревьямъ и растеніямъ, что уже оказывается непоправимымъ, а именно: поломаны вѣтви у шпалерныхъ и фруктовыхъ деревьевъ, попорчены три прекраснѣйшія широколистныя липы, поломаны нѣсколько остролистниковъ и другихъ красивыхъ растеній».

Приведенные нами три акта осмотра владѣній Джона Евелина, были представлены сэру Христофору Рэну, который, въ свою очередь, препроводилъ ихъ въ государственное казначейство при слѣдующемъ донесеніи:

«Съ позволенія Вашего Лордства.

«Вслѣдствіе предписанія Вашего Лордства отъ 6 мая, 1698 года, на просьбу Джона Бенбоу объ осмотрѣ и оцѣнкѣ убытковъ, причиненныхъ нанимаемому имъ дому, садамъ и имуществу его царскимъ величествомъ и свитой его, въ Дептфордѣ, я поступилъ согласно сему и оцѣнилъ поправки дома и двора при содѣйствіи опытныхъ людей; пригласилъ присутствовать мистера Севелля при

оцѣнкѣ движимаго имущества, а мистера Лаудона при оцѣнкѣ садовъ и палисадниковъ, къ каковымъ своимъ оцѣнкамъ, при семъ представляемымъ, они приложили свои руки и я считаю ихъ оцѣнку вполнѣ вѣрною.

«Убытокъ по дому исчисленъ въ 107 фунтовъ, 7 шиллинговъ, и по саду въ 55 фунтовъ, а всего 162 фунта, 7 шиллинговъ, каковая сумма должна быть, по моему мнѣнію, уплачена мистеру Евелину, владѣльцу дома, такъ какъ контрактный срокъ уже истекъ.

«Убытокъ по имуществу 133 фунта, 2 шиллинга, 6 пенсовъ; съ прибавленіемъ недѣльнаго дохода, который я оцѣниваю въ 25 фунтовъ, всего слѣдуетъ уплатить 158 фунтовъ 2 шиллинга, 6 пенсовъ.

«Сверхъ того, домъ, принадлежащій нѣкоему Росселю, бѣдному человѣку, гдѣ проживала стража, назначенная состоять при домѣ, занимаемомъ царемъ, почти совершенно разрушенъ, такъ что подлежитъ оплатѣ въ полной стоимости.

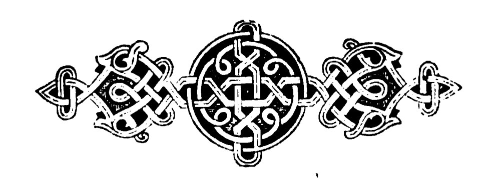
«Христофоръ Рэнъ».

«Мая 11 дня, 1698 г.

21-го іюля того же года, государственное казначейство приказало уплатить деньги всѣмъ лицамъ, понесшимъ убытки отъ пребыванія Петра Великаго въ Дептфордѣ, согласно исчисленію, приведенному въ рапортѣ сэра Христофора Рэна.

Домъ Джона Евелина существуетъ до сихъ поръ въ полуразрушенномъ видѣ. Онъ составляетъ теперь какъ бы часть доковъ и въ немъ помѣщается полиція и расчетная контора съ рабочими. Окружавшій его садъ превратился въ пустырь, поросшій сорной травой. Но улица, ведущая къ дому, обставленная жалкими лачужками и населенная исключительно бѣдняками, сохранила до настоящаго времени названіе «Царской» (Czars Street).

С. Шубинскій.

ТРИ СТОЛѢТНИХЪ СТАРЦА.

I.

Въ ЖИЗНИ моей привелось мнѣ быть знакомымъ съ тремя стариками, интересными уже потому, что каждому было за сто лѣтъ. Первому изъ нихъ — Петру Григорьевичу Сахновскому исполнилось сто двадцать четыре года, когда я встрѣтилъ его въ первый разъ въ 1847 году, въ домѣ моего дяди, старожила московскаго.

Небольшого роста, съ волосами, обратившимися изъ сѣдаго въ желтый цвѣтъ, Петръ Григорьевичъ, держался еще довольно прямо, зубы у него были цѣлы, слухъ и зрѣніе до того сохранились, что съ нимъ не приходилось кричать, какъ то дѣлается зачастую съ стариками, и читалъ онъ безъ очковъ. Глубокая его старость сказывалась только обильною растительностью волосъ, какими-то кустиками на неуказанныхъ мѣстахъ лица. На носу и на щекахъ размѣщались эти кустики и владѣлецъ ихъ не касался до нихъ бритвою, хотя чисто брилъ усы и бороду. Костюмъ Сахновскій носилъ современный сороковымъ годамъ.

Старикъ вошелъ въ столовую моего дяди, опираясь на камышевую палку съ небольшимъ набалдашникомъ, въ то время, какъ мы обѣдали. Дядя просилъ его присоединиться къ трапезѣ, но онъ отказался.

— Я, батюшка,—сказалъ онъ,—скоро буду уже ужинать, обѣдаю же не по вашему, въ 4 часа, а въ полдень. Но, все равно, подсяду къ вамъ, покалякаю.

Старика усадили.

— Э! да вы постничаете,—замѣтилъ онъ (то было въ великомъ посту),—а я и постнаго никогда не ѣмъ.

— Почему же?—спросила его моя тетушка, очень набожная и строгая постница.

— Потому что въ пустяки эти не вѣрю.

Тетушка, чрезвычайно чуткая къ охраненію всѣхъ церковныхъ уставовъ, очень обидѣлась такимъ рѣзкимъ сужденіемъ старика и съ горячностью сказала ему:

— А это вы не хорошо дѣлаете.

— Ну, ужъ теперь поздновато слушать-то мнѣ выговоры, матушка,—отвѣчалъ, улыбаясь Петръ Григорьевичъ.—Прожилъ 124 года, а учителемъ моимъ былъ фернейскій философъ; его книжки только и читалъ съ пользой.

— И это очень дурно. Учитель вашъ былъ безбожникъ.

Тетушка вспыхнула, какъ порохъ и совсѣмъ разгнѣвалась, такъ что дядѣ пришлось призывать ее къ кротости. Резоны его наконецъ подѣйствовали, она совладала съ собою, но весь обѣдъ просидѣла молча, какъ-то нахохлившись. Нужно прибавить, что Сахновскаго она видѣла, тоже какъ и я, въ первый разъ и не знала на сколько онъ интересенъ.

А старикъ, между тѣмъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на выговоры хозяйки, продолжалъ свою рѣчь, обращаясь съ нею ко всѣмъ присутствующимъ.

— Нѣтъ, для спасенія своей души постнаго я никогда не ѣдалъ, а спасалъ ее другимъ способомъ, зная, что какъ она пришла съ тѣломъ, такъ и уйдетъ съ нимъ и строго держался такихъ привычекъ. Вина и водки не пилъ, точно также какъ ни чаю, ни кофею, ничего, ничего горячаго; суповъ вашихъ совсѣмъ знать не хочу.—Каждое утро, проснувшусь въ 4 часа, окачиваюсь ведромъ холодной воды въ сѣняхъ, зимой со льдомъ; послѣ чего насухо обтираюсь и даю себѣ моціонъ въ теченіе часу, больше всего хожу, а потомъ завтракаю. Оттого что горячаго никогда не ѣлъ сохранились у меня и зубы, ими прекрасно разжевываю и теперь мясо,—безъ него же не могу жить... Какое же тутъ постное!

Старикъ, выложивъ съ откровенностью свое матеріалистическое міровозрѣніе, свое profession de foi, общее всѣмъ его современникамъ прошлаго столѣтія, немного помолчалъ; но видно было, что потребность говорить о себѣ сильно въ немъ сказывалась и онъ опять началъ,—какъ что-то твердо уже заученное.

«Родился я въ 1723 году, въ славное царствованіе Петра Великаго, въ Смоленской губерніи. Отецъ мой былъ тамошнимъ помѣщикомъ и служилъ прежде въ военной службѣ, а меня при крещеніи записали въ гвардію, въ Преображенскій полкъ».

«Въ царствованіе Анны Ивановны потребовали на службу и меня, еще ребенка, привезъ дядька (онъ назвалъ его по имени, которое теперь не упомню), въ Петербургъ и сдалъ въ шляхетскій корпусъ. Царицы Анны Ивановны я никогда не видалъ, да и не могу ничего сказать изъ своей памяти о ея царствованіи, знаю только, что всѣ были имъ недовольны и крѣпко ругали нѣмцевъ. Что было вслѣдъ за нимъ, тоже смутно помню; но когда воцарилась Елисавета Петровна, мнѣ было уже 18 лѣтъ, имѣлъ уже я первый офицерскій чинъ, участвовалъ въ парадахъ и съ этой поры начинаются мои отчетливыя воспоминанія. Первый разъ лучше всего разгладѣлъ я императрицу на Невской першпективѣ, а была она писаная красавица и вся тогдашняя молодежь съ ума отъ нея сходила. Иду я это по першпективѣ и вдругъ пролетѣли верховые, а въ народѣ послышалось: «императрица! императрица!» Всѣ бросились на встрѣчу къ ней. Ѣхала не спѣша, въ открытой колымагѣ, кланялась на обѣ стороны и, вынимая горсти серебра изъ фартуковъ колымаги, бросала ихъ въ народъ. Тутъ-то я ее и разглядѣлъ. Чудо какъ была хороша и помню такъ свѣжо, какъ если бы видѣлъ сегодня.

«Ни съ лейбъ-кампанцами, ни съ Разумовскимъ, ни у отца моего, ни у меня, связей никакихъ не было и потому служба моя шла очень, очень туго. Изъ гвардіи перевели меня въ армію, бросали изъ одного края въ другой, таскали и въ походы. Въ прусскую войну былъ раненъ, пролежалъ цѣлый мѣсяцъ въ Кенигсбергскомъ госпиталѣ, а когда кончилась война, вышелъ въ отставку съ чиномъ секундъ-маіора, женился и поселился въ смоленской деревнѣ, доставшейся мнѣ послѣ кончины отца. И покончилъ бы я свою жизнь деревенщиной, да вытащилъ меня опять на службу, нашъ же смоленскій, Потемкинъ-Свѣтлѣйшій. Взялъ онъ меня къ себѣ для особыхъ порученій и находился я при немъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Порученія его были очень разнообразны и нерѣдко приходилось мнѣ летать изъ Яссъ въ Петербургъ; вознаграждалъ онъ щедро и червонцы сыпались, а подчасъ ужасно былъ крутъ и такого напускалъ страху, что небо показывалось съ овчинку. Но все-таки милостями его пользовался и благодаря имъ прикупилъ себѣ двѣ сосѣднія деревеньки. Послѣ его смерти, вдовый, первую жену схоронилъ я еще до вторичнаго поступленія на службу,—женился второй разъ и вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника и занялся опять хозяйствомъ.

«Въ царствованіе Павла дѣла вызвали меня опять въ Петербургъ. Проживая въ столицѣ, захотѣлъ я повидать императора и пошелъ на разводъ, который каждое воскресенье производился на площадкѣ возлѣ дворца. Надѣтъ былъ на мнѣ отставной мундиръ, и я стоялъ въ первыхъ рядахъ зрителей. Государь вышелъ изъ дворца, обошелъ войска, поздоровался съ ними и началъ упражнять

ихъ въ маршахъ и ружейныхъ пріемахъ. Но вдругъ взглянулъ онъ въ мою сторону и сталъ быстро подходить, а когда былъ уже шагахъ въ двадцати, то громко крикнулъ, махнувъ мнѣ рукой: «ей, ты, тамъ отставной поди сюда».

«Я побѣжалъ.

«Какъ ты смѣлъ явиться на разводъ въ такомъ мундирѣ?... а? какъ ты смѣлъ?

— «Я награжденъ этимъ мундиромъ при отставкѣ, ваше императорское величество.

«А не знаешь ты, что для отставныхъ установлена другая форма?

— «Не зналъ, ваше императорское величество.

«А вотъ теперь ты будешь знать.

«И пошелъ меня государь бить камышевой тростью, которая была у него въ рукѣ, приговаривая:

«Теперь будешь знать... будешь знать...

«Трость треснула и онъ, бросивъ ее, повернулся ко мнѣ спиною и изволилъ уйти. Я поднялъ эту трость, склеилъ ее, придѣлалъ другой набалдашникъ и вотъ ношу ее съ тѣхъ поръ до сего дня».

Тутъ Петръ Григорьевичъ показалъ намъ свою трость и мы всѣ по очереди ее разсматривали. На ней дѣйствительно видна была въ верхней части трещина и ее сдерживалъ золотой ободокъ, а круглый набалдашникъ былъ изъ слоновой кости.

Когда осмотръ трости окончился, и она вручилась хозяину, онъ опять сталъ продолжать.

«Съ тѣхъ поръ на разводы я не ходилъ и, покончивъ дѣла, уѣхалъ изъ столицы.

«Вторая жена моя тоже не была долговѣчна и женился я въ третій разъ на вдовѣ Щербининой, когда мнѣ было уже за семьдесятъ лѣтъ. Но и отъ нея, какъ и отъ двухъ первыхъ женъ, имѣлъ я дѣтей и меньшой сынъ мой, полковникъ, служитъ теперь на Кавказѣ при Воронцовѣ, гдѣ тоже и пасынокъ мой, Михаилъ Павловичъ Щербининъ.

«Послѣ поѣздки въ Петербургъ при Павлѣ, думалъ, что никогда уже не выѣду изъ своей деревни, но французъ проклятый, выгнавъ меня оттуда, разорилъ, разграбилъ и сжегъ все до тла, а самого заставилъ на 89 году поступить въ ополченіе.

«Пришлось-таки насмотрѣться всякой всячины на своемъ вѣку, и вотъ, какъ видите, все прошелъ, пережилъ и цѣлъ покуда».

Этимъ и заключилъ свое curiculum vitae Петръ Григорьевичъ, видимо, утомленный долгимъ говореніемъ. Обѣдъ кончился, и, спустя нѣсколько минутъ, старикъ раскланялся и ушелъ домой. Ходилъ онъ всегда пѣшкомъ, а сзади слѣдовалъ за нимъ ливрейный лакей

Года черезъ два я встрѣтилъ его въ другой разъ, на Пречистенскомъ бульварѣ, сидящимъ рядомъ на скамейкѣ съ Алексѣемъ

Петровичемъ Ермоловымъ. Знаменитый нашъ генералъ зналъ меня и, какъ вообще ко всѣмъ юношамъ безъ исключенія, былъ чрезвычайно благосклоненъ. Я поклонился, генералъ протянулъ мнѣ руку и, посадивъ возлѣ себя, представилъ Петру Григорьевичу. Я напомнилъ старику нашу встрѣчу у моего дяди; но онъ не могъ ее припомнить и не безъ труда припомнилъ даже и самого дядю. А когда припомнилъ, очень повеселѣлъ.

— «Я вѣдь его въ корпусъ опредѣлялъ»... Дядѣ же было за шестьдесятъ лѣтъ.

На этотъ разъ разговоръ какъ-то не завязался и, занятый однимъ срочнымъ дѣломъ, я раскланялся и ушелъ. Послѣ того уже мнѣ не случалось болѣе встрѣчать Петра Григорьевича Сахновскаго.

Въ 1854 году судьба свела меня на Кавказѣ съ сыномъ его, полковникомъ, Григоріемъ Петровичемъ, начальникомъ кордона въ Гуріи и отъ него я узналъ, что батюшка его скончался въ 1851 году, 128 лѣтъ отъ роду. Почти до самой смерти онъ не терялъ ни чувствъ, ни памяти, и кончилъ жизнь тихо, сидя въ креслѣ, какъ бы заснулъ.

II.

Другой столѣтній старикъ, котораго я зналъ, былъ карликъ Иванъ Андреевичъ, а фамиліи его теперь не припомню, но знаю, что онъ былъ польскій шляхтичъ. Росту былъ онъ съ небольшимъ аршинъ и въ концѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія вывезъ его изъ Польши Николай Александровичъ Зубовъ, братъ фаворита и временщика, впослѣдствіи графъ. Зубовъ отличался колоссальнымъ ростомъ и для шику везъ Ивана Андреевича изъ Польши въ широкомъ рукавѣ своей медвѣжьей шубы. Карликъ выглядывалъ оттуда, какъ какой-то звѣрекъ и долженъ былъ продѣлывать разныя штуки. И тогда уже былъ онъ не первой молодости.

Начавъ свою карьеру въ такомъ скромномъ званіи, Иванъ Андреевичъ пережилъ полосу величія зубовской фамиліи, видѣлъ блескъ двора императрицы, куда его тоже возили напоказъ, всѣхъ зналъ и всѣ его знали. Въ царствованіе Александра I-го умеръ его баринъ графъ Николай Александровичъ и, щедро имъ награжденный, онъ съ пожизненной пенсіей переселился къ сестрѣ графа Ольгѣ Александровнѣ Жеребцовой. Тутъ прожилъ онъ долго, до ея кончины, т. е. до 1848 года, и отъ нея переѣхалъ къ графу Александру Николаевичу Зубову, сыну своего барина. Въ это время я его часто видалъ. По словамъ его, а метрикъ у него никакихъ не было, онъ пережилъ уже въ пятидесятыхъ годахъ столѣтіе своей жизни. У графа Александра Николаевича онъ и скончался.

Одѣтый всегда по послѣдней модѣ, блондинъ, у него ни одного волоса сѣдого не было, съ толстой цѣпочкой отъ часовъ на жи-

лѣтѣ и съ нѣсколькими бриллiантовыми перстнями на пальцахъ, Иванъ Андреевичъ своей физiономiей, похожей буквально на печеное яблоко, не производилъ желаннаго имъ эффекта. Ходилъ и говорилъ чрезвычайно важно и серьезно и былъ этимъ только смѣшонъ, а смѣяться надъ нимъ было грѣшно, такъ какъ столѣтiе его само по себѣ составляло крупный фактъ, да и воспоминанiя его были очень интересны. Вся жизнь его прошла среди людей высокопоставленныхъ; подъ конецъ онъ по своимъ деньгамъ былъ совершенно независимъ—говорили, что онъ накопилъ себѣ больше ста тысячъ и, живя среди третьяго и четвертаго уже поколѣнiй Зубовскихъ, считалъ себя какъ бы членомъ этого дома. Впрочемъ, и вся молодежь зубовская относилась къ нему съ уваженiемъ, почему, кажется, онъ больше всего и важничалъ.

Когда проживалъ онъ у Ольги Александровны Жеребцовой, та въ особенности къ нему привыкла, онъ былъ почти ея ровесникомъ; такой человѣкъ ей былъ нуженъ для разговоровъ о старинѣ, она уносилась съ нимъ въ область воспоминанiй и часто доходила до такихъ иллюзiй, что позабывала разстоянiе, бывшее когда-то между нею, фрейлиной Екатерины II-й, и имъ, карликомъ, сидѣвшимъ въ передней. Иногда пробуждаясь отъ этой иллюзiи, она ужасно сердилась на Ивана Андреевича, какъ онъ смѣетъ сидѣть теперь рядомъ съ нею, гнала его вонъ изъ комнаты, а черезъ полчаса опять звала и сажала играть съ собою въ пикетъ.

Подчасъ и за пикетомъ шли у нихъ очень обостренные разговоры.

— Когда же ты наконецъ умрешь, Иванъ Андреевичъ, я тебя съ юности своей знаю; ты всегда былъ старше меня 10 годами, мнѣ теперь слишкомъ восемьдесятъ, а ты все такой же противный херувимчикъ, какъ и въ старину?

Иванъ Андреевичъ, очень ужъ задѣтый такимъ непрiятнымъ для него вопросамъ, отвѣчалъ съ притаенной злобой:

— Читалъ я въ одной книжкѣ, Ольга Александровна, что жили, вотъ какъ мы живемъ, одна старая, старая барыня съ своимъ старымъ карломъ и никто изъ нихъ не зналъ, кто кого переживетъ...

— Ну, и карла пережилъ,—перебивала старуха,—слышала эту исторiю... Дуракъ! пошелъ вонъ и не показывайся мнѣ!

Иванъ Андреевичъ уходилъ на этотъ разъ довольный, что выместилъ за себя, а черезъ часъ старуха опять за нимъ слала и разговоръ, какъ ни въ чемъ не бывало, завязывался опять о старинѣ.

Внучка Жеребцовой и ея теска была за графомъ, впослѣдствiи княземъ, Алексѣемъ Өедоровичемъ Орловымъ; она и мужъ ея, ближайшiй наперстникъ императора Николая I-го, ожидали отъ старухи громаднаго наслѣдства, за ней ухаживали, а потому и ласкали всѣхъ ея домочадцевъ. Иванъ Андреевичъ въ числѣ ихъ стоялъ

на первомъ планѣ, и гордый графъ Орловъ, шутя, шутя, не брезгалъ протягивать ему руку, а жена его обращалась иногда къ содѣйствію карлика для разныхъ напоминаній бабушкѣ о желаніяхъ и нуждахъ ея внучки.

Проживая у графа Александра Николаевича Зубова въ Москвѣ въ пятидесятыхъ годахъ, Иванъ Андреевичъ, между прочимъ, заглядывалъ и ко мнѣ и, сидя очень важно въ креслѣ съ своими цѣпочками и брелоками, дарилъ иногда разсказами о старинѣ. Его надо было только завести, какъ ключикомъ часы, и онъ говорилъ, говорилъ, покуда не кончалась заведенная пружина.

Помню, между прочимъ, его разсказъ о томъ, какъ женился подъ старость князь Платонъ Александровичъ Зубовъ, блистательный когда-то временщикъ и фаворитъ Екатерины II-й, на совсѣмъ бѣдной шляхтянкѣ Валентиновичъ. А это произошло по словамъ карлика такимъ образомъ.

Забытый всѣми, потерявшій всякое значеніе при дворѣ, князь старѣлся, скупѣлъ и не зналъ, что съ собой сдѣлать. Онъ и вояжировалъ по Европѣ и живалъ зимами въ Гроднѣ и Вильнѣ, а все-таки чаще всего сидѣлъ въ своемъ дворцѣ, построенномъ въ мѣстечкѣ Шавли. Преобладающею страстью становилась у него скупость, но не смотря на преклонные годы, женское хорошенькое личико могло расшевелить его подчасъ. Богатъ онъ былъ несмѣтно и обстановка его дворца поражала царскою роскошью. У него былъ полный приборъ столовый изъ червоннаго золота на сто персонъ и въ числѣ этихъ вещей огромныя вазы, осыпанныя драгоцѣнными камнями. Выѣзжалъ всегда въ дорогой каретѣ съ княжескими гербами, окруженный свитою пикеровъ и гайдуковъ. Но все это величіе нисколько его не тѣшило, и онъ ужасно тосковалъ.

Въ Вильнѣ въ тѣ времена была какая-то ярмарка или какой-то съѣздъ, въ родѣ кіевскихъ контрактовъ. Сюда съѣзжалось польское магнатство и шляхетство и очень веселилось, танцуя по вечерамъ въ собраніи, а по утрамъ сходясь въ редутѣ, т. е. въ такомъ мѣстѣ торговли, какъ нашъ Гостинный дворъ. Въ одинъ изъ такихъ съѣздовъ увидѣли, между прочимъ, и тоскующаго князя Зубова, пріѣхавшаго сюда отъ нечего дѣлать. Каждое утро появлялся онъ въ редутѣ и скоро замѣтили, что онъ въ особенности преслѣдуетъ своими старческими любезностями одну очень хорошенькую шляхтянку, совсѣмъ бѣдную, мало съ кѣмъ знакомую изъ знати и сопровождаемую своею матерью въ весьма потертомъ салопѣ.

Любезности князя начались букетами и конфектами и, повторяясь каждый день, все ближе и ближе завязывали его знакомство. Въ Вильнѣ стали уже поговаривать, что старый отставной временщикъ скоро подаритъ всѣхъ новою своею метрессою и ничего не видѣли въ томъ чрезвычайнаго; ихъ много перемѣнилось у него на глазахъ всѣхъ, да и самъ онъ, конечно, думалъ ухаживанья свои

привести къ этому концу. Но не такъ думала мать хорошенькой шляхтянки, она расчитала ловко и вѣрно свою тактику и вела ее съ спокойствіемъ и хладнокровіемъ опытнаго стратега.

Въ самый разгаръ старческаго ухаживанья князя, она вдругъ заперла ему дверь своей скромненькой квартиры, и когда онъ подъѣхалъ къ ней съ своею великолѣпною свитой,—ему сказали, что «нѣтъ никого дома».

На другой день князь искалъ свой предметъ въ редутѣ и не нашелъ; поѣхалъ опять на домъ, оказалось, что опять «нѣтъ дома». На третій день онъ встрѣтилъ, наконецъ, въ редутѣ одну мать и сталъ ее разспрашивать о причинѣ исчезновенія ея съ дочерью. Но та отвѣтила ему со слезами на глазахъ, что она никакъ не ожидала отъ него, такого почтеннаго старца, чтобы онъ такъ мало цѣнилъ честь бѣдной, но благодарной дѣвушки.

Князь совсѣмъ былъ озадаченъ и пустился говорить что-то въ свое оправданіе, но г-жа Валентиновичъ его перебила.

— Вы напрасно все это говорите, князь, весь городъ повторяетъ самую позорную молву о моей дочери, благодаря вашему легкомыслію. У ней ничего нѣтъ, кромѣ честнаго, ничѣмъ незапятнаннаго имени, и она дорожитъ имъ больше всего на свѣтѣ.

— Да, помилуйте, сударыня,—залепеталъ князь,—кто могъ вамъ сказать, что когда-либо я желалъ посягнуть на честь вашей прелестной дочери. И въ чемъ вы видите мое легкомысліе; мои намѣренія были всегда самыя чистыя, и я докажу вамъ это на дѣлѣ, а чтобы не откладывать, теперь же предлагаю руку свою вашей достойной дочери.

Матери этого только и нужно было, она ковала желѣзо, пока оно горячо, и черезъ два дня князь былъ женатъ на вскружившей ему голову хорошенькой шляхтянкѣ.

Но, по словамъ Ивана Андреевича, изъ этого чаду онъ скоро вышелъ и способствовала тому сама тщеславная его теща. На семейныхъ праздникахъ, которые слѣдовали за свадьбой, собрала она всю свою пеструю толпу родныхъ изъ дробной шляхты, и князь очутился въ обществѣ приличномъ лишь его конюхамъ и гайдукамъ.

Это его окончательно сразило и хотя онъ скоро увезъ свою хорошенькую жену въ свой Шавельскій замокъ и тамъ заперся съ нею, но пережить полученнаго афронта долго не могъ и мѣсяцевъ черезъ шесть заболѣлъ и скончался.

Когда онъ находился уже на смертномъ одрѣ, пріѣхала къ нему, по вызову его, сестра его Ольга Александровна Жеребцова, а съ нею и карликъ Иванъ Андреевичъ.

Тутъ слѣдовалъ его разсказъ о кончинѣ князя и о похоронахъ его. Вдова княгиня осталась беременною и Жеребцова поселилась въ Шавляхъ до ея родовъ, главнымъ образомъ, въ видахъ охране-

нія родового имущества, оставшагося послѣ брата. У княгини родилась дочь, прожившая нѣсколько недѣль и тоже скончавшаяся, послѣ чего имѣнія всѣ пошли въ родъ Зубовскій, а вдова княгиня получила свою законную часть, составившую тоже громадное состояніе и поѣхала жить въ чужіе края.

Вся эта длинная исторія съ подробностями, сохранившимися въ памяти Ивана Андреевича, была очень интересна, но старика-карлика надо было долго разспрашивать, чтобы возстановить главную ея нить; онъ постоянно терялся и запутывался въ мелочахъ и перескакивалъ отъ чего-нибудь весьма важнаго къ самому вздорному. Воспоминаніе о какомъ-нибудь кроликѣ или чижикѣ, который у него въ это время водился, заставляли его забывать о главномъ. Но не менѣе того, какъ ходячее столѣтіе, онъ былъ интересенъ. Въ пятидесятыхъ годахъ я потерялъ его изъ виду и послѣ слышалъ, что онъ дожилъ и до начала шестидесятыхъ.

III.

Но самымъ интереснымъ столѣтнимъ старцемъ, котораго я зналъ, былъ генералъ-отъ-инфантеріи и андреевскій кавалеръ, князь Георгій Евсеевичъ Эристовъ, дожившій до 105 лѣтъ.

Въ 1801 году, когда за кончиною царя грузинскаго Георгія XII, послѣдовалъ манифестъ императора Александра I о присоединеніи Грузіи къ Россіи, князь Эристовъ, какъ главный военноначальникъ покойнаго грузинскаго царя, или по тамошнему сердарь, былъ принятъ на русскую службу подполковникомъ и отсюда начинается славная его, принадлежащая исторіи, боевая дѣятельность на Кавказѣ.

Въ персидскую войну 1827 года онъ былъ уже генералъ-лейтенантомъ и, командуя отдѣльнымъ отрядомъ въ корпусѣ Паскевича, вскорѣ послѣ занятія тѣмъ Эривани — занялъ Тавризъ; но такъ какъ это очень не понравилось герою Эриванскому, то долженъ былъ отступить. Между тѣмъ, кто не пойметъ, что занятіе Тавриза было несравненно важнѣе Эривани; но мелочное честолюбіе и интрига въ ходѣ нашей исторіи не разъ уже наносили самый существенный вредъ нашимъ интересамъ. Такъ было и тутъ.

Послѣ персидской войны, князь Эристовъ принималъ участіе въ покореніи Кавказа, командовалъ отдѣльными частями, а при князѣ Воронцовѣ, по преклонности своихъ лѣтъ, проживалъ уже на покоѣ у себя въ деревнѣ, въ Горійскомъ уѣздѣ, Тифлисской губерніи.

Но какъ только вспыхнула крымская война 1853—1856 годовъ, онъ написалъ письмо къ государю Николаю Павловичу и просилъ принять его опять на дѣйствительную службу.

Государь отвѣтилъ ему чрезвычайно милостивымъ рескриптомъ, въ которомъ говорилось, что благодаря Богу опасность отечества еще не такъ велика, чтобы тревожить такихъ доблестныхъ и преклонныхъ старцевъ, каковымъ былъ князь Георгій Евсеевичъ; но государь въ крайности, конечно, не преминетъ обратиться къ его испытанному военному таланту и мужеству.

Милостивая форма рескрипта была очень пріятна старику, но онъ все-таки не могъ помириться съ тою мыслію, что обреченъ на бездѣйствіе въ то время, какъ наши полки встрѣчали грудью многочисленнаго и сильнаго непріятеля. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ слѣдилъ онъ за каждымъ шагомъ нашихъ войскъ, за каждымъ самымъ незначительнымъ военнымъ дѣйствіемъ. Онъ получалъ въ деревнѣ всѣ тогдашнія газеты, ждалъ ихъ, какъ манны, и заставлялъ ихъ себѣ читать своихъ внуковъ и внучекъ.

Когда дѣло дошло до Альмы и Севастополя, домашніе его стали не на шутку опасаться за его здоровье и жизнь. Онъ находился въ страшной тревогѣ, писалъ и диктовалъ письма и представленія, отсылалъ все это въ Тифлисъ и бился какъ звѣрь въ клѣткѣ. Инкерманское сраженіе долго отъ него скрывали, но онъ-таки добился до его реляціи, и она такъ сильно подѣйствовала на него, что ночью, онъ всѣхъ напугалъ. Ему приснилось самое сраженіе и онъ находился въ немъ во главѣ войскъ; минута была рѣшительная, во снѣ крикнулъ онъ: «ура! ребята, за мной!» и сдѣлалъ такое сильное движеніе, что свалился съ постели на полъ. Конечно, слишкомъ девяностолѣтній старикъ, онъ сильно при этомъ ушибся и пришлось посылать за докторами въ Тифлисъ.

Нельзя не пожелать отъ всего сердца, чтобы на Руси никогда не переводились такіе горячіе патріоты, какимъ былъ князь Георгій Евсеевичъ. А у себя на родинѣ пользовался онъ всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ, такъ какъ не было ни одного общественнаго дѣла, на которое онъ не отзывался бы съ самымъ искреннимъ участіемъ. Помогалъ ему во многомъ и его постоянный юморъ, развязывавшій иногда самые запутанные узлы.

Такъ, когда пронеслась вѣсть о манифестѣ 19-го февраля 1861 года и дошла до Грузіи, тамошніе помѣщики повѣсили носы и многіе изъ нихъ поѣхали къ старику Георгію Евсеевичу, чтобы побесѣдовать съ нимъ объ этомъ и излить ему свое смущеніе и скорбь. Какъ же будутъ они теперь жить въ самомъ дѣлѣ безъ мужиковъ, когда своими руками дѣлать ничего не умѣютъ, а всѣ дѣлали ихъ руками. Но къ удивленію своему, настроенные на грустный ладъ помѣщики, когда повѣдали все старику — увидали, что онъ спокоенъ и веселъ. Это ихъ озадачило и они просили объяснить эту загадку.

— Чтобы пояснить все дѣло, братцы,—сказалъ имъ князь,—я разскажу вамъ маленькую исторійку.

«Выдавала замужъ одна грузинка-мать свою дочку и вотъ передъ самымъ вѣнчаніемъ, плачущая дочь, при разставаніи съ матерью, спросила ее:

— «Мама, я въ первый разъ останусь сегодня наединѣ съ мужчиною,—научи меня, что мнѣ дѣлать, чтобы ему угодить, а я люблю своего суженаго?

— «Ты только не завязывай крѣпкимъ узломъ, дитя мое, пояса, потому что, если мужъ скоро его не развяжетъ, то все равно разрубитъ кинжаломъ, такъ какъ непремѣнно его съ тебя сниметъ.

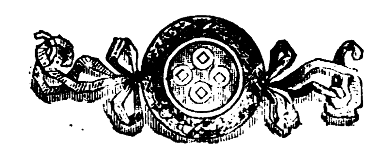
«Какъ мать-грузинка то же самое скажу вамъ и я на ваши вопросы. Развяжите вы узелъ и дайте свободу крестьянамъ сами, а то они возьмутъ у васъ ее кинжаломъ».

Эта маленькая исторійка, до чрезвычайности убѣдительная, съ электрическою быстротою облетѣла всю Грузію и, можно сказать, положительно, что ею князь Эристовъ болѣе всего другого помогъ императору Александру II въ дѣлѣ эмансипаціи грузинскихъ крестьянъ. Исторійка дошла и до самого государя, и когда тотъ въ 1861 году былъ въ Кутаисѣ и туда пріѣхалъ князь Георгій Евсеевичъ, онъ обнялъ его и заставилъ разсказать ему ее лично; при чемъ пожаловалъ старику орденъ Андрея Первозваннаго.

Дожилъ князь Эристовъ и до польскаго возстанія 60-хъ годовъ и былъ опять страшно имъ возмущенъ. Изъ газетъ слѣдилъ онъ усердно за этимъ печальнымъ дѣломъ и заставлялъ читать ихъ себѣ любимаго внука своего, кавалергардскаго корнета князя Датико Орбеліани, страшнаго школьника, а тотъ имѣлъ жестокость перевирать реляціи, чтобы сердить старика. Но старикъ скоро догадался и не въ шутку побилъ внука, послѣ чего, конечно, всѣ очень хохотали; князь не умѣлъ долго сердиться, а въ особенности на своего баловня-внука. Наружность князя была очень красива; большого роста, съ правильными чертами лица, онъ носилъ во всей физіономіи своей черты выдающагося благородства и чрезвычайнаго добродушія.

Но о немъ всѣ мои краткія воспоминанія будутъ недостаточны и слѣдовало бы давно подумать о подробной біографіи этого крупнаго историческаго лица Грузіи. Въ 1864 году онъ скончался тихо, тоже какъ бы уснулъ...

К. Бороздинъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ БУНТА ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЯНЪ ВЪ 1831 ГОДУ.

ВЪ БЫВШЕМЪ четвертомъ округѣ пахатныхъ солдатъ, штабъ котораго существуетъ и нынѣ въ 28 верстахъ отъ Новгорода, мой отецъ былъ смотрителемъ Новобоженскаго провіантскаго магазина съ 1828 по 1838 годъ. Магазинъ этотъ стоитъ и нынѣ на берегу рѣки Мсты. Въ неособенно-далекомъ разстояніи отъ него, на томъ же берегу, стоялъ деревянный, одноэтажный, въ три комнатки, съ рогоженною крышею, домишко—собственность моего родителя, имѣвшаго въ то время восемь человѣкъ дѣтей. Подлѣ означеннаго домика былъ нашъ небольшой огородъ, а за нимъ стояла избушка, въ которой проживали писаря округа.

Въ этомъ же округѣ проживалъ капитанъ Асѣевъ, служившій, кажется, въ квартировавшемъ тамъ до 1831 года Образцовомъ пѣхотномъ полку. У Асѣева былъ крѣпостной человѣкъ, по имени Василій, холостой, лѣтъ 22-хъ не болѣе.

Василій былъ очень ловкимъ лакеемъ, исполнялъ свою обязанность безукоризненно и въ то же время былъ отличный сапожникъ, башмачникъ, поваръ, и, въ заключеніе этихъ достоинствъ, такой красавецъ, что въ него влюблялись не только лица женскаго пола, но даже и мужчины. Бывши коротко знакомъ съ Асѣевымъ, мой отецъ сталъ просить его о продажѣ ему Василія. Асѣевъ сначала, какъ говорится, поломался, а потомъ, какъ бы изъ особеннаго уваженія къ моему отцу, согласился и продалъ ему Василія, за какую сумму—сказать не могу. Проживъ нѣсколько дней у новыхъ господъ, т. е. у моихъ родителей, Василій сбѣжалъ. Его привели, въ ножныхъ кандалахъ, по этапу, изъ Новгорода, конечно, за счетъ

моего отца. Отецъ, простивъ ему этотъ проступокъ, допытывался, что̀ заставило его бѣжать, но ничего не допытался; Василій отвѣчалъ только: «виноватъ-съ, простите, больше никогда не буду!» Спустя послѣ того нѣсколько дней, Василій опять сбѣжалъ, и опять былъ приведенъ изъ Новгорода этапнымъ же порядкомъ. Затѣмъ, Василій сталъ обкрадывать насъ и убѣгать, и постоянно былъ приводимъ изъ Новгорода; но причину своихъ побѣговъ хранилъ въ глубокой тайнѣ, не смотря на всѣ допросы. Такъ какъ и наказанія, не разъ употребленныя моимъ отцомъ, ни сколько не удерживали Василія отъ побѣговъ, то мой отецъ упросилъ Асѣева взять его обратно за половинную цѣну. Тогда только Асѣевъ сознался моему отцу, что онъ ни за что̀ не продалъ бы Василія, если бы за этимъ человѣкомъ не водилось два порока—воровство и бѣгство, за которые онъ самъ, Асѣевъ, многократно сѣкъ его до потери сознанія, и затѣмъ вздергивалъ его на какой-то крестъ, на которомъ съ одной стороны продолжалъ сѣчь, а съ другой—палилъ тѣло огнемъ. Купивъ Василія у моего отца обратно, Асѣевъ перепродалъ его какому-то помѣщику; послѣдній догадался женить Василія, и тогда онъ, переставъ бѣгать, сдѣлался хорошимъ человѣкомъ. Впослѣдствіи какъ-то открылось, что Василій бѣгалъ въ Новгородъ къ любимой имъ крѣпостной дѣвушкѣ какой-то генеральши, и таскалъ къ своей любовницѣ все краденое.

Въ половинѣ іюля 1831 года, подъ вечеръ, вышеописанный Василій, внезапно скрылся изъ нашего дома. Мой отецъ, приказавъ одному изъ служителей магазина немедленно осѣдлать лошадь, поѣхалъ верхомъ по поселянскимъ полямъ, чтобы посмотрѣть, не засѣлъ ли Василій гдѣ-либо во ржи, съ цѣлію укрыться отъ людскихъ глазъ до наступленія ночи. Проѣзжая полями, (по случаю существовавшихъ тѣмъ лѣтомъ сильныхъ жаровъ, рожь совершенно была готова къ жатвѣ), мой отецъ увидалъ стоявшую толпу поселянъ, о чемъ-то разсуждавшихъ. Подъѣхавъ къ толпѣ, отецъ спросилъ, не видалъ ли кто изъ поселянъ проходившаго или бѣжавшаго человѣка, и описалъ примѣты Василія; но поселяне, снявъ шапки, почтительно отвѣтили, что не видали. На второй вопросъ моего отца, о чемъ они разсуждаютъ между собою и тратятъ дорогое для жатвы время, они отвѣчали, что наступило для нихъ время тяжелое; что братія ихъ мретъ отъ холеры, какъ мухи, а господа начальники ихъ всѣ здравствуютъ. Разъяснивъ имъ причину большей смертности между людьми простого званія, чѣмъ интеллигентнаго, и посовѣтовавъ молиться Богу и быть осторожными и воздержными относительно пищи и питія, отецъ возвратился спокойно домой, не предусмотрѣвъ какихъ-либо дурныхъ послѣдствій отъ разсужденій поселянъ о холерѣ.

Чрезъ сутки, или двое, послѣ бесѣды съ поселянами о холерѣ, подъ вечеръ, мой отецъ, въ халатѣ и туфляхъ, былъ въ магазинѣ

для отпуска провіанта кучкѣ инвалидовъ, сторожившихъ магазинъ, по очереди, съ дреколіемъ въ рукахъ, а матушка моя въ тотъ же часъ находилась въ огородѣ для наблюденія за производившеюся поливкою овощей на грядахъ. Къ магазину подошелъ поселянинъ-бѣднякъ и сталъ вызывать отца моего изъ магазина разными знаками, что̀ онъ продѣлывалъ нерѣдко и прежде, съ цѣлію выпросить подачку муки или крупы. Предполагая послѣднее, отецъ мой сказалъ ему, чтобы онъ немного обождалъ, пока не окончится отпускъ провіанта инвалидамъ, но поселянинъ настоятельно вызывалъ отца изъ магазина. Когда отецъ мой вышелъ къ нему, то онъ, указавъ рукою на бѣжавшую отъ штаба къ магазину огромную толпу поселянъ и женъ ихъ, вооруженныхъ топорами, косами, граблями, лопатами и тому подобными орудіями, проговорилъ: «ваше благородіе! поселяне всѣхъ начальниковъ въ штабѣ перебили, и вотъ бѣгутъ убивать васъ». Увидавъ дѣйствительно бѣжавшую, по направленію къ магазину, толпу поселянъ, отецъ мой, крикнувъ: «вахтеръ, запирай магазинъ!» спустился съ крутого берега къ рѣкѣ, высыхающей лѣтомъ до того, что перейти ее безопасно даже для ребенка, побѣжалъ вдоль берега у самой рѣки, поднялся опять по крутизнѣ къ нашему дому, и, сказавъ старшей дочери, вязавшей у растворенпаго окна чулокъ: «Машенька! скажи матери, чтобы она съ вами спасалась»,—опять спустился съ берега и побѣжалъ черезъ рѣку, чтобы укрыться отъ поселянъ въ лѣсу, росшемъ на противоположной сторонѣ. Еще прежде, чѣмъ мой отецъ получилъ отъ поселянина-бѣдняка указаніе на толпу поселянъ, бѣжавшихъ отъ штаба къ магазину, моя матушка, усмотрѣвъ ихъ бѣгущими мимо нашего огорода, выбѣжала, въ испугѣ, на встрѣчу къ нимъ и спросила: «любезные, не магазинъ ли горитъ?»—«Да, жарко намъ стало!»—было отвѣтомъ со стороны поселянъ. Не понявъ смысла въ такомъ отвѣтѣ, моя матушка съ вопросомъ—«куда бѣгутъ поселяне?»—обратилась къ группѣ окружныхъ писарей, стоявшихъ у вышеупомянутой избушки, въ растегнутыхъ сюртукахъ, и смѣявшихся между собою; писаря отвѣтили улыбаясь: «зайцевъ ловятъ». Зайцами они называли тѣхъ начальствующихъ лицъ, которые, захваченые бунтомъ врасплохъ, не знали, гдѣ найти для себя спасеніе, и кто пѣхтурой, а кто верхомъ, улепетывали, черезъ рѣку, на другой берегъ отъ погони за ними взбунтовавшихся поселянъ-злодѣевъ. Саркастическій отвѣтъ писарей и ихъ вольное поведеніе, въ виду моей матушки (т. е. стояніе въ растегнутыхъ на распашку сюртукахъ, чего они, зная хорошо моего отца и все его семейство, никогда ранѣе бунта не осмѣлились бы сдѣлать), давали ясно понять, что если они и не участвуютъ прямо въ бунтѣ, то во всякомъ случаѣ сочувствуютъ ему; да инаго, впрочемъ, отъ нихъ и ожидать было нельзя, такъ какъ всѣ они были изъ кантонистовъ, т. е. солдатскихъ дѣтей, а солдаты, состоявшіе на службѣ

въ округахъ, едва ли не всѣ были изъ тѣхъ же поселянъ. Впрочемъ, навѣрное сказать этого не могу, а только предполагаю. Вышеприведенный отвѣтъ писарей еще болѣе поставилъ мою матушку въ недоумѣніе, но въ это время выбѣжала на черное крыльцо, выходившее во дворъ, къ огороду, моя старшая сестра и передала матери отцовское приказаніе—спасаться.

Для ясности послѣдующаго разсказа, я долженъ сдѣлать отступленіе и сообщить кое-какія свѣдѣнія о лицахъ, которые будутъ упоминаемы въ этомъ разсказѣ: 1) отецъ мой былъ, 48 лѣтъ, плотнаго сложенія и полнокровный, подверженный удару, отъ котораго и дѣйствительно умеръ въ 1864 году, на 82-мъ году своей жизни; 2) окружный врачъ Крузе, котораго поселяне ненавидѣли, подозрѣвая въ немъ своего отравителя; 3) Милосновъ, Максимовъ и Архиповъ—чиновники, или офицеры округа; изъ нихъ первый—былъ человѣкъ чахоточный, имѣвшій жену и маленькаго сына; 4) окружный священникъ Василій Ермолаевичъ Лукинскій, жившій, съ семействомъ, въ собственномъ домѣ, стоявшемъ такъ же на берегу, вверхъ по теченію рѣки отъ нашего дома; священникъ окончилъ курсъ наукъ въ Новгородской семинаріи, говорилъ не красно и отчасти заикался; 5) церковный сторожъ, или, вѣрнѣе, вѣрный батракъ священника, отставной солдатъ, по имени Титъ; 6) моя нянька, старуха, по имени Епистимія, которую все наше семейство звало, попросту, Лепестиньей; 7) купецъ Кузнецовъ, кажется, старовѣръ, жившій въ яму Бронницы, отстоящемъ отъ штаба 4-го округа верстахъ въ пяти; у Кузнецова отецъ мой забиралъ провизію, и онъ былъ весьма расположенъ и уважителенъ къ моимъ родителямъ, и 8) содержавшійся за что-то на штабной гаубтвахтѣ (не знаю въ точности гдѣ именно служившій) офицеръ Оловянниковъ, превосходно пѣвшій романсы и игравшій на гитарѣ, но при разговорѣ страшный заика: когда онъ спѣшилъ что̀-либо высказать, всегда надувалъ щеки и билъ себя правою рукою вдоль щеки и лба надъ правымъ глазомъ, а затѣмъ, по правой лядвеѣ, и такъ попеременно, пока не проговоритъ слово. Кстати сообщу и нѣкоторыя обстоятельства, служившія моему отцу, во время бунта поселянъ, частію въ пользу, частію во вредъ: отецъ мой и врачъ Крузе, будучи не въ служебной формѣ, весьма походили одинъ на другого, въ особенности профилью, и потому легко могли быть принимаемы другъ за друга; поселяне, связи (такъ назывались у поселянъ жилыя строенія) которыхъ находились ближе къ штабу, весьма хорошо знали моего отца, такъ какъ ежегодно занимались выгрузкою въ магазинъ хлѣба изъ судовъ, а по временамъ—исправленіемъ самыхъ строеній магазина; тѣ же поселяне, жилища которыхъ были на значительномъ разстояніи отъ штаба, мало видали моего отца, и всегда могли принять его за врача Крузе, если только онъ не былъ въ своемъ форменномъ сюртукѣ.

Теперь буду продолжать прерванный разсказъ.

Добѣжавъ до берега и увидавъ моего отца, бѣгущаго чрезъ рѣку, поселяне погнались за нимъ и схватили его уже на срединѣ рѣки. Онъ не могъ убѣжать отъ нихъ потому собственно, что путался въ халатѣ и въ намокшихъ туфляхъ. Скрутивши моему отцу веревкою руки назадъ, толпа повела его обратно, мимо нашего дома, въ штабъ. Тутъ выбѣжали матушка и рыдающія сестры и послѣдовали за отцомъ; я же, четырехълѣтній ребенокъ, былъ оставленъ дома, на попеченіи няни, караулить который оставалась вѣрнѣйшая и преданнѣйшая своимъ господамъ наша крѣпостная дѣвушка Ульяна. Когда отецъ, усталый до крайности, едва передвигалъ ноги, то одинъ изъ поселянъ дернулъ его за воротъ халата и сказалъ: «да ну, поворачивайся скорѣе!» Моя матушка, увидѣвъ такую дерзость, ударила поселянина по щекѣ, проговоривъ: «какъ ты смѣешь брать офицера за воротъ!» Получившій оплеуху поселянинъ только посмотрѣлъ молча на матушку, а другой, обратясь къ ней, сталъ говорить:

— Вотъ ты вѣдь барыня, а все-таки дура! ну чтò его рожѣ значитъ твоя мазилка; ты вѣдь здѣсь одна, а насъ эво сколько, и мы можемъ въ одну минуту разорвать тебя, если только захотимъ; иди-ка ты лучше съ дѣтушками, подобру-поздорову, домой, а мы твоего барина не тронемъ пальцемъ и не выдадимъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала матушка,—я ни на шагъ не отойду отъ своего мужа, и если вы убьете его, то убивайте и меня съ моими сиротами.

Отца привели на штабный плацъ, гдѣ другіе поселяне уже сѣкли розгами чиновника, или офицера, Максимова и допрашивали его:

— Признавайся, ходилъ ли ты съ комиссіонеромъ (такъ поселяне звали смотрителя провіантскаго магазина) по ночамъ въ магазинъ и подсыпалъ ли, вмѣстѣ съ нимъ, въ муку ядъ?

— Ходилъ и подсыпалъ!—простоналъ почти замертво, подъ ударами почернѣвшій Максимовъ.

— А, сознался! оттащите эту собаку! а теперь ложись-ка ты,—скомандовалъ кто-то изъ поселянъ, обращаясь къ моему отцу.

Максимова съ мѣста сѣченія оттащили на рогожкѣ въ сторону. Видя свои послѣднія минуты, отецъ мой воскликнулъ:

— Ребята, дайте Богу помолиться!

— Молись!—было глухимъ отвѣтомъ толпы, и отцу развязали руки. Онъ сталъ на колѣни, поднялъ глаза и простеръ руки къ небу и началъ слезно молиться о своихъ прегрѣшеніяхъ. Когда онъ клалъ послѣдній земной поклонъ и хотѣлъ уже, поднявшись съ колѣнъ, промолвить: «дѣлайте теперь со мною, чтò хотите», одинъ сѣдой, какъ лунь, поселянинъ прокричалъ изъ толпы:

— Стой, братцы, не тронь его, я вижу онъ праведный человѣкъ!

Лишь только старикъ проговорилъ эти слова, какъ между поселянами произошелъ споръ; одни изъ нихъ говорили: «клади его», а другіе, знавшіе хорошо отца, кричали: «нѣтъ не дадимъ его обидѣть; мы его хорошо знаемъ».

Ободренный такимъ неожиданнымъ заступничествомъ, отецъ мой, отступивъ нѣсколько шаговъ съ того мѣста, на которомъ молился Богу, и поднявъ руку, обратился къ толпѣ съ рѣчью, въ которой, объяснивъ ихъ заблужденіе и указавъ на важность отвѣтственности предъ Богомъ и государственными законами, произнесъ заключительно:

— Итакъ, будучи увѣренъ, что вы хорошо меня поняли, надѣюсь, что не попрепятствуете мнѣ теперь возвратиться къ своей рыдающей семьѣ и пойти вмѣстѣ съ нею подъ кровъ своего дома, дабы отдохнуть съ наступающею ночью отъ понесенныхъ мною невинно поруганій!

Окончивъ рѣчь, отецъ мой прямо пошелъ домой, оставивъ поселянъ на плацу, какъ бы остолбенѣвшихъ.

Возвратясь, въ сопровожденіи семейства, домой уже по закатѣ солнца, отецъ сказалъ матушкѣ, что онъ очень взволнованъ и потому сразу лечь спать не можетъ, а походитъ по двору, пока не успокоится. Только-что начавшая поправляться отъ сильной лихорадки, и при томъ потрясенная испытанной передрягой, матушка настолько ослабѣла, что не могла оставаться при отцѣ, и невольно должна была лечь въ постель для отдыха, а между тѣмъ, предусматривая въ отвѣтѣ отца замыселъ бѣжать, приказала Ульянѣ сидѣть въ кухнѣ у окна, выходившаго во дворъ, и слѣдить за дѣйствіями «барина», съ тѣмъ, чтобы она, въ случаѣ если «баринъ» вздумаетъ уходить, или уѣзжать верхомъ со двора, въ ту же минуту доложила о томъ ей. Матушка съ дѣтьми легла спать; солдаты магазина, жившіе въ небольшой избѣ у нашего двора, такъ же улеглись; отецъ сталъ ходить по двору, а Ульяна усѣлась въ кухнѣ смотрѣть въ окно. Отецъ ходилъ по двору, взадъ-впередъ, до тѣхъ поръ, пока Ульяна, отъ напряженнаго смотрѣнія, склонила голову и впала въ объятія Морфея. Лишь только онъ замѣтилъ это, какъ тихо вошелъ въ избу солдатъ, разбудилъ служителя Ѳедора и приказалъ ему, безъ всякаго шуму, осѣдлать лошадь. Отецъ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ шагомъ со двора къ рѣкѣ; переѣхавъ послѣднюю, онъ скрылся на противоположной сторонѣ въ лѣсу. Послѣдствія показали, что этотъ, какъ бы позорный, побѣгъ отца отъ семейства былъ обдуманъ имъ совершенно здраво и сохранилъ его жизнь для того же семейства. Очнувшись отъ сна и не видя «барина» на дворѣ, Ульяна бросилась въ комнаты, но не найдя отца и тамъ, разбудила матушку и повалилась къ ея ногамъ съ повинною въ томъ, что прозѣвала «барина». Конечно, матушка, въ горячахъ, дала ей оплеуху, но тѣмъ все и кончилось. Утромъ, какъ только

поднялись въ домѣ, матушка, первымъ дѣломъ, приказала Ульянѣ вытащить изъ кладовой мѣшокъ съ цѣлымъ пудомъ пороху, привезеннаго отцомъ изъ Новгорода за нѣсколько дней до бунта—онъ любилъ ходить на охоту—и высыпать порохъ въ ретирадное мѣсто. Затѣмъ, матушка начала распоряжаться на счетъ обѣда, какъ вдругъ, черезъ дворъ пробѣжала прямо въ конюшню лошадь безъ сѣдла. Съ матушкою сдѣлалось дурно, но оправившись отъ испуга, она приказала Ѳедору осмотрѣть лошадь, нѣтъ ли на ней крови; но крови на лошади не оказалось. Исполнивъ это, Ѳедоръ замкнулъ сарай, черезъ который былъ входъ въ конюшню, и куда-то ушелъ. Часовъ въ 11 того же утра къ нашему дому привалила толпа поселянъ. — «Барыня, гдѣ твой баринъ? намъ нужно его видѣть»,— сказали поселяне, увидѣвъ мою матушку.—«Барина нѣтъ: вы же, вѣроятно, убили его и пришли теперь спрашивать».—«Чтò ты, барыня, да мы его и въ глаза не видали, а ты, вѣрно, припрятала его; позволь-ка намъ осмотрѣть въ домѣ!» — «Можете искать», — отвѣчала матушка. Поселяне прошли чрезъ всѣ комнаты, и выйдя на дворъ, подошли къ замкнутому сараю.—«Прикажи-ка, барыня, отпереть сарай!»—«Ульяна, скажи Ѳедору, чтобы онъ отомкнулъ сарай!»—сказала матушка. Та отправилась за Ѳедоромъ, но, нигдѣ не найдя послѣдняго, вернулась и доложила при поселянахъ матушкѣ, что Ѳедоръ куда-то ушелъ. — «Ну, такъ сломайте замокъ, или, пусть кто-нибудь изъ васъ пролѣзетъ въ сарай подъ ворота!»— сказала матушка, обратясь къ поселянамъ.—«Экъ, ты, какая умная! я полѣзу, а тамъ кто-нибудь сидитъ съ топоромъ, да меня топоромъ по шеѣ», — проговорилъ одинъ изъ поселянъ. — «Ну, мы ломать замка не будемъ, а покажи намъ, барыня, въ шкафахъ и комодахъ: нѣтъ ли у тебя тамъ какого яду».—«Идите и смотрите»!— сказала матушка. Войдя въ сопровожденіи всей толпы поселянъ въ комнаты, она отворила комодъ; одинъ изъ бунтовщиковъ сунулъ было въ комодъ руку, но матушка, ударивъ его по рукѣ сказала:— «куда ты лѣзешь съ грязными лапами! у меня дѣвка стираетъ бѣлье, а ты будешь его пачкать; погоди, я сама выберу бѣлье».— «Ну, ну, выбирай сама», — покорно отвѣтилъ поселянинъ. Когда матушка выбрала изъ комода бѣлье, въ одномъ изъ ящиковъ оказался неизвѣстно какъ завалившійся кусокъ известки. Въ то лѣто производился въ нашемъ домѣ ремонтъ, но работа временно была пріостановлена. Ударенный поселянинъ лишь только увидалъ въ комодѣ кусокъ известки, схватилъ его, и поднося къ лицу матушки воскликнулъ: — «Вотъ ядъ, нà-тко, барыня, ѣшь!» — «Чтò ты, дуракъ»,—возразилъ ему другой,—«развѣ не видишь, что это известка!» Этимъ дѣло и окончилось, а, между тѣмъ, на кухнѣ происходила возня: нѣсколько человѣкъ поселянъ хотѣли забрать отцовскія ружья, но Ульяна схватила послѣднія въ охабку и не отдавала поселянамъ; боясь, что поселяне разсвирѣпѣютъ, матушка прика-

зала отдать имъ ружья. Въ кладовой дверь не притворялась плотно, такъ что въ щель можно было видѣть почти все, что тамъ находилось. Увидѣвъ черезъ щель находившуюся въ кладовой бутыль съ водкою, поселяне обратились къ матушкѣ съ просьбою: «барыня, поподчуй-ка насъ водочкой!»—«Дѣти! гдѣ ключи?»—обратилась матушка къ моимъ сестрамъ, но ключи въ общей суматохѣ затерялись.—«Сломайте замокъ и пейте на здоровье!»—сказала матушка поселянамъ.—«Нѣтъ, ужъ если ключей не отыскать, такъ и замка ломать мы не будемъ!»—отвѣтили поселяне. Когда они удалялись изъ дому, кто-то изъ нашего семейства замѣтилъ, что висѣвшіе на стѣнѣ отцовскіе карманные часы исчезли. Матушка закричала вслѣдъ удалявшимся поселянамъ: «послушайте, любезные! кто изъ васъ часы со стѣны снялъ?»—«Вотъ мы пойдемъ за сарай, а ты, барыня, прикажи своимъ солдатамъ обыскать насъ»,—отвѣтили поселяне и пошли за сарай. Матушка распорядилась, чтобы солдаты обыскали ихъ тщательно. Когда, по произведенномъ обыскѣ, часовъ ни у кого не нашлось, поселяне стали считать сами сколько ихъ налицо, и, сосчитавъ 38, сказали, что нѣтъ еще двоихъ, такого-то и такого-то, и что вѣрно они-то и украли часы.—«Не безпокойся, барыня, мы доставимъ тебѣ часы въ цѣлости!»,—пообѣщали поселяне, но, конечно, не исполнили. За часы впослѣдствіи уплатила моему отцу казна, а священникъ Лукинскій, уже будучи въ селѣ Медвѣдѣ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ бунта, говорилъ моимъ родителямъ, что одинъ изъ бунтовавшихъ поселянъ, оставшійся ненаказаннымъ, сознался ему на исповѣди въ кражѣ помянутыхъ часовъ, но онъ, т. е. священникъ, не можетъ по долгу своего священства указать моему отцу похитителя. Когда поселяне являлись въ нашъ домъ, я, слыша разсказы, что убиваютъ мужчинъ, забирался въ сѣняхъ подъ лавку, стоявшую у стѣны за отворенною внутрь сѣней дверью, а сестры ударялись въ слезы. Видя ихъ плачущими, нѣкоторые изъ поселянъ сами прослезились, и, гладя моихъ сестеръ по головѣ, приговаривали: «не плачьте, милыя, мы ничего вамъ не сдѣлаемъ; сами мы не знаемъ, что̀ дѣлаемъ; вѣрно ужъ такъ Богу угодно!» Послѣ описаннаго посѣщенія нашего дома толпою поселянъ, они часто прибѣгали къ намъ, то по одному, то по двое, чтобы узнать, не возвратился ли «баринъ». Какъ только кто изъ нихъ являлся одинъ или вдвоемъ, матушка сейчасъ же командировала мою няню «Лепистинью» къ священнику. Та обѣгала берегомъ и вскорѣ, неожиданно для поселянъ, являлся ихъ пастырь, Лукинскій, человѣкъ высокаго роста, хваталъ лѣвою рукою за чубъ перваго попавшагося ему на глаза поселянина и билъ его пастырскимъ жезломъ, т. е. посохомъ, находившимся у него въ правой рукѣ, произнося: «а ты зачѣмъ пришелъ сюда, воровать?» Тогда какъ біемый, такъ и его сотоварищъ, стремглавъ убѣгали изъ нашего дома. Такъ какъ подобныя посѣщенія насъ со стороны

поселянъ повторялись ежедневно, и въ каждое ихъ посѣщеніе всегда являлся къ намъ священникъ Лукинскій съ посохомъ въ правой рукѣ, то поселяне догадались, что за священникомъ посылается гонецъ и подсмотрѣли, что должность гонца отправляетъ моя няня. «Ну, смотри, старая корга: попадешься на дорогѣ намъ въ руки, такъ не уйдешь живою», — пригрозили ей поселяне. Считаю не лишнимъ упомянуть, что тѣхъ дамъ, которыя не трусили и относились къ поселянамъ повелительно, поселяне уважали, а тѣхъ, которыя обращались къ бунтовщикамъ съ слезными просьбами, поселяне, случалось, били и даже сѣкли. Такъ по крайней мѣрѣ я слышалъ.

Переѣхавъ Мсту, отецъ снялъ съ лошади сѣдло и отпустилъ ее на волю. Лошадь, какъ я выше упомянулъ, и прибѣжала обратно чрезъ рѣку прямо домой въ конюшню. Поднявшись на берегъ и идя опушкою лѣса, отецъ увидалъ, что мальчикъ, выгнавшій изъ волости въ поле стадо коровъ и лошадей, пристально всматривается въ него, такъ какъ онъ былъ уже не въ халатѣ, и не въ партикулярномъ платьѣ, а въ форменномъ сюртукѣ. Отецъ поспѣшилъ скрыться въ лѣсъ и сталъ наблюдать за мальчикомъ изъ-за куста. Мальчикъ, прослѣдивъ въ которую сторону пошелъ мой отецъ, тотчасъ бросился въ селеніе, оставивъ стадо безъ присмотра. Понявъ цѣль побѣга мальчика въ селеніе, отецъ перешелъ въ противоположную сторону лѣса. Идя такимъ образомъ по лѣсу, отецъ наткнулся на скрывавшагося отъ поселянъ Милоснова и присоединился къ нему. Они выбрали огромный кустъ въ виду нашего дома, а такъ какъ ранѣе встрѣчи моего отца съ Милосновымъ, послѣднему по ночамъ, тайкомъ отъ поселянъ, Титъ носилъ закуски, то и мой отецъ поручилъ ему сходить въ нашъ домъ, и, во-первыхъ, взять графинчикъ водки съ хлѣбомъ-солью, принести и оставить подъ упомянутымъ кустомъ, въ случаѣ если онъ уже не застанетъ отца моего на мѣстѣ; во-вторыхъ же, передать матушкѣ, чтобы она, какъ только окончится бунтъ, приказала солдатамъ выкинуть надъ домомъ флагъ. Получивъ отъ Тита свѣдѣніе, что отецъ живъ, матушка обрадовалась, вручила Титу графинъ водки съ хлѣбомъ и солью, и немедленно приказала Өедору взлѣзть на крышу и поставить палку съ краснымъ платкомъ или чѣмъ-то другимъ. Это было исполнено вечеромъ, а на другой день утромъ пришли поселяне, и увидавъ флагъ обратились къ матушкѣ: «Это что у тебя, барыня, за условный знакъ? сейчасъ прикажи снять!» Какъ ни увѣряла матушка ихъ, что это сдѣлано по желанію дѣтей, но поселяне настояли на своемъ и флагъ былъ снятъ. Это распоряженіе бунтовщиковъ, быть можетъ, послужило къ спасенію моего отца; иначе, увидавъ флагъ и повѣривъ ему, что бунтъ прекратился, отецъ возвратился бы домой и какъ разъ попалъ бы въ руки разбойниковъ.

Не только сами поселяне сѣкли, тиранили и различными манерами убивали господъ, но и жены ихъ съ дѣтьми подражали имъ, если не разбоемъ, такъ издѣвательствомъ. Я слышалъ про такой случай: одинъ изъ офицеровъ, избитый или засѣченный поселянами до полусмерти, былъ оставленъ ими подъ открытымъ небомъ. По удаленіи поселянъ, означенный офицеръ, долго ли, коротко ли—лежавшій на мѣстѣ наказанія, пришелъ въ себя и, опасаясь, чтобы поселяне, увидавъ его ожившимъ, не доканали его окончательно, какъ-то ползкомъ успѣлъ дотянуться до ржаного поля, и здѣсь вторично лишился чувствъ отъ изнеможенія. Очнувшись вновь, въ одинъ изъ жарскихъ часовъ дня, онъ чувствовалъ страшную жажду и лежалъ навзничь, съ закрытыми, отъ истомленія, глазами, но съ открытымъ, отъ внутренняго и наружнаго жара, ртомъ. Увидѣвъ его въ такомъ положеніи и смекнувъ, чего требуетъ изможденный организмъ, проходившая случайно, близъ офицера, поселянка стала надъ его головою и напоила его горячею струею изъ собственнаго природнаго источника. Влага, которую онъ необходимо долженъ былъ глотать, дѣйствительно оживила его и возвратила ему силы настолько, что по уходѣ поселянки, онъ могъ подняться и поплестись, куда ему хотѣлось.

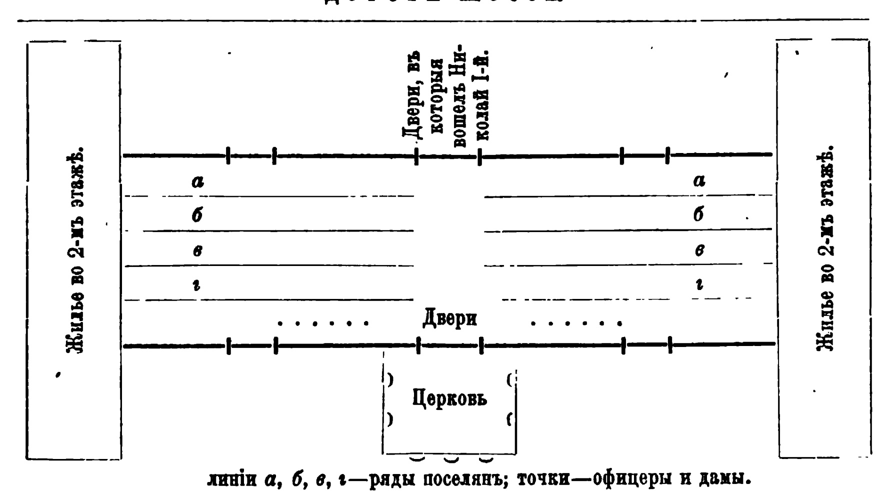
Однажды, пробродивъ долго по лѣсу, отыскивая ягоды—для пищи и болотную воду—для питья, отецъ мой съ Милосновымъ возвратились къ избранному ими кусту, долѣзли подъ него и сладко заснули; вдругъ, громкій разговоръ нарушилъ сонъ моего отца. Онъ выглянулъ осторожно изъ-подъ куста и увидѣлъ двухъ поселянъ, вооруженныхъ ружьями, которыми они, разговаривая между собою, раздвигали кусты и чего-то, или кого-то искали. Отецъ испугался такой неожиданности, тѣмъ болѣе, что въ эти самыя минуты Милосновъ немилосердно храпѣлъ. Разбудить Милоснова отецъ не рѣшался, опасаясь, что малѣйшій толчекъ можетъ въ сонномъ Милосновѣ вызвать или громкій вопросъ или заставить его вскочить. Поэтому, отецъ прилегъ, и ожидалъ, что поселяне непремѣнно откроютъ ихъ логовище; но вскорѣ, замѣтивъ, что ни шороху, ни голосовыхъ звуковъ не стало болѣе слышно, онъ сорвалъ тихонько у куста вѣточку и загадалъ, что если, при разрывѣ той вѣтки, стебелекъ останется въ такой-то рукѣ, а корешекъ—въ другой, то выходить изъ-подъ куста; если же выйдетъ наоборотъ, то — оставаться. Когда онъ разорвалъ вѣтку и вышло, что можно выходить, онъ нисколько не усумнился и, перекрестясь, вышелъ. Осмотрѣвшись кругомъ и увидѣвъ, что поселяне уже ушли, отецъ растолкалъ Милоснова и сообщилъ ему о грозившей имъ опасности. Они рѣшили покинуть кустъ и болѣе къ нему не возвращаться. Но куда дѣваться?! Милосновъ, едва таскавшій отъ слаботси ноги, поплелся домой: онъ жилъ рядомъ съ священникомъ, а отецъ мой задумалъ пробраться лѣсомъ въ ямъ Бронницы. Пробираясь ночью

лѣсомъ, къ Бронницамъ, отецъ подошелъ къ мельницѣ и постучался. Когда мельникъ, вовсе не знакомый отцу, отворилъ дверь, отецъ попросилъ у него чего-нибудь поѣсть, потому что былъ очень голоденъ. Мельникъ заявилъ отцу, что не можетъ оставить его у себя, такъ какъ поселяне часто заходятъ на мельницу, съ цѣлію захватить кого-нибудь изъ скрывающихся господъ, подалъ отцу цѣлую кринку сырого молока и порядочную краюху хлѣба. Отецъ съ жадностію уничтожилъ поданную ему пищу, поблагодарилъ мельника, сообщилъ ему, кто онъ такой и гдѣ имѣетъ домъ и сказалъ: «когда окончится бунтъ, приходи ко мнѣ; если я буду живъ, отблагодарю тебя сторицею». Дѣйствительно, явившемуся по окончаніи бунта мельнику отецъ подарилъ пять кулей муки. Отъ мельника онъ пробрался въ ямъ Бронницы, — въ ту же, или въ слѣдующую ночь—не знаю, къ купцу Кузнецову. Кузнецовъ также отказалъ отцу въ укрывательствѣ, въ виду посѣщенія поселянъ, а предложилъ лошадей для проѣзда въ Новгородъ.—«Какъ же я проѣду въ Новгородъ, когда вдоль всего шоссе, на протяженіи 25 верстъ отъ Бронницъ, сидятъ кучками поселяне у разведенныхъ костровъ, и останавливаютъ каждаго проѣзжаго вопросами: «кто онъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ»? — спросилъ отецъ Кузнецова. — «А вотъ я научу, какъ сдѣлать»,—отвѣчалъ Кузнецовъ и позвалъ своего кучера.— «Сейчасъ запряги тройку лошадей въ дрожки,—приказалъ онъ ему,— и вотъ, съ этимъ бариномъ скачи въ Новгородъ безъ остановки; гдѣ не будетъ по дорогѣ поселянъ, тамъ поѣзжай полегче, а какъ завидишь разведенный костеръ, не жалѣй лошадей. Если будутъ подбѣгать поселяне съ вопросомъ, кто ѣдетъ, грози имъ пальцемъ, чтобы молчали, и отвѣчай не громко — фельдъегерь отъ государя». «А вы, Францъ Мартыновичъ, — обратился Кузнецовъ къ моему отцу,—когда завидите поселянъ, притворяйтесь спящимъ и качайтесь, при скачкѣ дрожекъ, изъ стороны въ сторону». Все это было исполнено въ точности. Когда отецъ скакалъ на тройкѣ и качался, притворяясь спящимъ, изъ стороны въ сторону, поселяне подбѣгали къ дрожкамъ, спрашивая кучера, кто ѣдетъ. При отвѣтѣ его «фельдъегерь отъ государя», махали руками и говорили «поѣзжай, поѣзжай». Народъ былъ какъ бы въ одурѣніи и на столько не развитъ, что не могъ сообразить, какой же курьеръ, или фельдъегерь, будетъ скакать въ одномъ сюртукѣ, на дрожкахъ, по дорогѣ въ 600 верстъ протяженія. Такимъ образомъ отецъ доскакалъ въ Новгородъ благополучно. За это спасеніе, по донесенію моего отца, Кузнецовъ былъ награжденъ золотою медалью на шею. Изъ Новгорода отецъ прислалъ матушкѣ письмо, адресовавъ его Оловянникову, благодаря чему оно и дошло по назначенію.

Разогнавъ остававшихся въ живыхъ господъ, поселяне начали понемногу одумываться и присмирѣли окончательно, когда пришла вѣсть, что самъ государь Николай Павловичъ пріѣдетъ ихъ разби-

рать. Лишь только стало извѣстно, что поселяне смирились, всѣ служившіе въ округѣ офицеры и чиновники возвратились къ мѣстамъ своего служенія. Предварительно царскаго пріѣзда, прискакалъ, кажется, графъ Орловъ и читалъ поселянамъ Высочайшій манифестъ, гдѣ, между прочимъ, говорилось, что государь самъ пріѣдетъ разбирать ихъ жалобу. Поселяне слушали чтеніе безъ шапокъ, но графъ Орловъ, читая манифестъ, былъ блѣденъ, какъ полотно, а руки его, когда онъ держалъ манифестъ, замѣтно тряслись. Состояніе—понятное—среди массы разбойниковъ. По отъѣздѣ графа Орлова, стали ожидать пріѣзда императора. Утромъ того дня, въ который имѣлъ состояться пріѣздъ государя, офицеръ Архиповъ загналъ всѣхъ поселянъ въ манежъ, построилъ ихъ шеренгами, лицомъ къ входнымъ дверямъ манежа, противъ—церкви, и далъ имъ наставленіе, что когда войдетъ въ манежъ государь, то они должны пасть на колѣни и приклонить головы; священникъ же ожидалъ царскаго пріѣзда—въ церкви. Прилагаемый чертежъ нагляднѣе покажетъ планъ манежа, съ церковію, и какъ были поставлены въ немъ поселяне, въ ожиданіи прибытія государя императора.

ДОРОГА-ШОССЕ.

линіи *а*, *б*, *в*, *г*—ряды поселянъ; точки—офицеры и дамы.

Когда прибылъ государь, поселяне опустились на колѣни; священникъ, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ, стоялъ въ отворенныхъ дверяхъ церкви, офицеры и дамы размѣстились въ манежѣ, вдоль стѣны, прилегавшей къ церкви: первые по правую руку, а послѣдніе, по лѣвую руку отъ дверей церковныхъ; впереди же дамъ, на рукахъ «Лепестины» находился пишущій эти строки. Императоръ вошелъ въ сопровожденіи только одного генералъ-адъютанта. Отецъ послѣ разсказывалъ, что когда онъ увидѣлъ Николая I вошедшимъ въ манежъ, въ сопровожденіи только одного

генерала, то ему показалось отъ страха, что у него, т. е. у отца, волосы на головѣ встали; такъ казалось опасно нахожденіе государя безъ всякой свиты среди массы разбойниковъ. Николай I, пройдя поперекъ манежа къ церкви и приложившись къ кресту, громко произнесъ, обращаясь къ священнику: «батюшка, прошу васъ запереть церковь», и затѣмъ возвратился къ тѣмъ дверямъ манежа, въ которыя первоначально вошелъ. Священникъ немедленно убрался въ церковь и заперъ за собою двери. Окинувъ орлинымъ взглядомъ манежъ, и замѣтивъ, позади поселянъ, дамъ, государь крикнулъ: «дамъ прошу выйти вонъ!» Дамы повернулись и цугомъ потянулись изъ манежа вонъ. «Что вы надѣлали здѣсь, негодяи?!»—крикнулъ императоръ на поселянъ громовымъ голосомъ. «Виноваты, государь!»—протяжно проговорили поселяне, стоя на колѣняхъ, съ опущенными долу глазами и поникшими головами. Тутъ государь разразился грозной рѣчью, которую заключилъ словами: «Если я васъ прощу, то законы не простятъ; если законы простятъ, то Богъ васъ не проститъ!» Затѣмъ, обратившись къ священнику, государь сказалъ: «Батюшка, прошу васъ отслужить здѣсь молебенъ!». Тотчасъ былъ вынесенъ изъ церкви въ манежъ аналой съ евангеліемъ и крестомъ, и священникъ отслужилъ молебенъ. Государь, приложившись къ евангелію и кресту, спросилъ: «Ручаетесь ли вы, батюшка, мнѣ за этихъ негодяевъ?» Священникъ заикнулся. Сообразивъ, что священнику трудно было отвѣтить на подобный вопросъ, да или нѣтъ, государь, недождавшись отвѣта, повернулся, вышелъ изъ манежа, сѣлъ въ коляску и уѣхалъ.

По выходѣ императора, поселяне встали съ колѣнъ и начали креститься, приговаривая: «Слава Тебѣ Господи! простилъ, а мы думали, что какъ выхватитъ онъ свою саблю, да начнетъ рубить наши бѣдныя головушки съ праваго фланга до лѣваго, что-то будутъ тогда дѣлать наши жены, да дѣтушки».—«Будетъ государь марать свою саблю въ вашей поганой крови!»—отвѣчали имъ нѣкоторые изъ постороннихъ, присутствовавшихъ въ манежѣ, людей простого же званія.

Поселяне отправились изъ манежа по домамъ чинно, и, вообразивъ, что государь простилъ ихъ, разодѣлись по праздничному и принялись гулять по всему округу, какъ бы въ Пасху, что продолжалось чуть ли не трое сутокъ. Вдругъ, нежданно-негаданно, въ округъ прибыли, на рысяхъ, казацкіе полки и слѣдственная комиссія. Всѣхъ поселянъ переписали, заковали, и пошла разборка, кто правъ, кто виноватъ и въ чемъ именно.

Многіе поселяне, когда началось слѣдствіе, прибѣгали къ моему отцу на домъ и просили прощенія. Хотя отецъ ни одному изъ нихъ не отказалъ въ прощеніи, разумѣется, относительно своей личности, но дѣлалось ли это прощеніе извѣстнымъ слѣдственной комиссіи, и имѣло ли какую-либо цѣну въ глазахъ суда, мнѣ неизвѣстно.

По окончаніи слѣдствія, масса поселянъ была присуждена къ наказанію шпицрутинами сквозь строй и ссылкѣ въ Сибирь, кто— на поселеніе, кто въ каторжную работу. Наказаніе производилось преимущественно по ночамъ, и гдѣ же?! — за нашимъ огородомъ, противъ окна дѣтской комнаты нашего дома. Хотя мнѣ тогда было всего четыре года отъ роду, но я хорошо помню, что это былъ за адъ: крикъ, плачъ, вопли, стонъ — переливались, какъ морскія волны, и раздирали на части не только сердце и душу, но, кажется, самые камни, лежавшіе на мѣстѣ казни. Нѣкоторымъ поселянамъ было присуждено такое количество шпицрутеновъ, что они не выносили наказанія и умирали подъ ударами, но несмотря на смерть наказуемаго, тѣло послѣдняго продолжало награждаться ударами шпицрутеновъ до тѣхъ поръ, пока опредѣленное судомъ число ихъ не было выполнено въ дѣйствительности.

И. Радзиковскій.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ АКСАКОВЪ ВЪ ЕГО „ПИСЬМАХЪ“.

ОКОЛО ДВУХЪ лѣтъ тому назадъ, когда въ одно январское утро телеграфъ оповѣстилъ о внезапной, нежданной кончинѣ Ивана Сергѣевича Аксакова— мы были свидѣтелями общественнаго явленія, которое тогда весьма многихъ поразило своей неожиданностью. Да, не ждали, что со всѣхъ концевъ русской земли, отъ Царя до крестьянина, съ поразительно-чуткой отзывчивостью принесутся ко вдовѣ покойнаго столь многочисленные выраженія искренняго участія и скорби. Удивлялись, недоумѣвали откуда могло родиться это общее сочувствіе къ человѣку, котораго привыкли выставлять безпочвеннымъ идеалистомъ, вѣчно стоявшимъ особнякомъ внѣ рамокъ дѣйствительности—то раздвигавшимъ предѣлы Россіи до всеславянства, то пытавшимся якобы возвратить ту же Россію своимъ «домой, пора домой» чуть ли не на 200 лѣтъ назадъ; человѣкомъ, вѣчно носившимся въ областяхъ такой фантазіи, гдѣ положительнымъ идеаламъ будто бы не было мѣста; который съ надоѣдливой настойчивостью напоминалъ объ историческомъ призваніи и историческихъ задачахъ Россіи, въ то время когда не могли, казалось, совладать съ задачами дня, съ интересами минуты;—который настойчиво проповѣдывалъ о необходимости и въ этихъ задачахъ дня, и въ этихъ интересахъ минуты сообразоваться съ историческимъ прошлымъ Россіи или, выражаясь иными словами—кривыми словами противниковъ его искреннихъ, горячихъ убѣжденій,—заставлялъ насъ оглядываться назадъ, насъ, которые такъ благородно, возвышенно и безплодно вперяли свой взоръ впередъ...

Вдова покойнаго, дочь нашего извѣстнаго поэта Ѳ. И. Тютчева, А. Ѳ. Аксакова, руководимая своей преданностью къ памяти Ивана Сергѣевича, чуткимъ сердцемъ поняла, что это было искренное сочувствіе, глубоко коренившееся въ умахъ и сердцахъ неожиданно объявившихся сторонниковъ И. С. Аксакова. Какъ бы въ отвѣтъ на это, она съ рѣдкой у насъ энергіей, при содѣйствіи нѣсколькихъ преданныхъ лицъ, предприняла трудъ, громадностью котораго казалось хотѣла заслонить отъ себя пропасть, неминуемо создаваемую такой тяжкой утратой при концѣ жизненнаго пути. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ собраны были, просмотрѣны и изданы въ семи объемистыхъ томахъ статьи покойнаго И. С. Аксакова, извлеченныя изъ «Дня», «Москвы» и «Руси». Вслѣдъ за этимъ А. Ѳ. Аксакова, продолжая созидать памятникъ своему мужу, принялась за приведеніе въ порядокъ и изданіе сохранившихся въ семейномъ архивѣ писемъ Ивана Сергѣевича—и вотъ теперь передъ нами уже два объемистыхъ печатныхъ тома, составляющихъ первую часть «Писемъ И. С. Аксакова», относящихся къ 1839—1851 годамъ.

Письма эти своего рода «Хроника», за 12 лѣтъ, являющаяся продолженіемъ «Семейной Хроники» по отношенію къ развитію характера автора. Но это только одна ихъ сторона: помимо ея, «Письма» содержатъ богатый матеріалъ для исторіи культуры Россіи за это время, множество интересныхъ историко-этнографическихъ свѣдѣній, любопытныхъ эпизодовъ, относящихся къ исторіи русской литературы — и все это схвачено живьемъ, является въ освѣщеніи непосредственнаго впечатлѣнія, переживаемаго самимъ авторомъ, а не плодомъ воспоминаній, записанныхъ много лѣтъ спустя. Вотъ почему часто въ этихъ письмахъ мы наталкиваемся на противорѣчія, часто авторъ ихъ измѣняетъ первоначальный свой взглядъ, высказанный въ предъидущихъ письмахъ, и читатель какъ бы присутствуетъ при таинственномъ процессѣ созрѣванія мысли, переработки взглядовъ, убѣжденій, видитъ какъ мысль, запавшая въ зернѣ, мало по малу развивается, развѣтвляется и, глубоко пустивъ корни, уже крѣпко сростается съ природой человѣка. Процессъ тѣмъ болѣе интересный, что онъ происходитъ на почвѣ безусловно искренняго, честнаго и безкорыстнаго отношенія автора къ каждому данному случаю.

Вступленіемъ къ этому «Дневнику въ письмахъ» служитъ «Очеркъ семейнаго быта Аксаковыхъ», написанный самимъ Иваномъ Сергѣевичемъ, для введенія къ біографіи Константина Аксакова, которую И. С. собирался написать. Мастерски очерченная въ этомъ «Очеркѣ» личность матери обоихъ братьевъ Аксаковыхъ даетъ ключъ къ уразумѣнію ихъ характеровъ. Дочь турчанки Игель-

Сюмы, взятой 12-ти лѣтъ въ плѣнъ при осадѣ Очакова, Ольга Семеновна Заплатина, въ замужествѣ Аксакова, родилась въ 1792 году на походѣ въ Польшу, куда мать ея сопровождала мужа своего, Семена Григорьевича.

«Овдовѣвъ и поселившись въ деревнѣ, Обоянскаго уѣзда Курской губерніи, Семенъ Григорьевичъ взялъ свою старшую дочь изъ пансіона—и она стала его товарищемъ, секретаремъ и другомъ. Въ обществѣ стараго воина-отца она почерпнула тотъ духъ доблести, которымъ такъ рѣзко отличалась отъ другихъ женщинъ. Она постоянно читала отцу своему историческія сочиненія въ русскомъ переводѣ—напримѣръ, исторію Роллена въ переводѣ Тредьяковскаго, описаніе военныхъ походовъ, реляцій сраженій, газеты. Старикъ внимательно слѣдилъ за политикой».

«Благодареніе и Тредьяковскому, и Сумарокову, и всѣмъ дѣятелямъ на пользу русскаго просвѣщенія!»—восклицаетъ Иванъ Сергѣевичъ.—«Любопытно видѣть всходы сѣмянъ, разбросанныхъ ими. Въ деревенской глуши, въ отдаленной провинціи, въ сторонѣ отъ большой дороги, безъ тѣхъ средствъ, которыя даетъ богатство и общественное положеніе, зрѣетъ оно, это сѣмя, и ростить плодъ».

«Вотъ въ какой школѣ воспиталась Ольга Семеновна. Неумолимость долга, цѣломудренность, поразительная въ женщинѣ, имѣвшей столькихъ дѣтей, отвращеніе отъ всего грязнаго, сальнаго, нечистаго, суровое пренебреженіе ко всякому комфорту, правдивость, доходившая до того, что она не могла позволить сказать, что ея нѣтъ дома, когда она дома, презрѣніе къ удовольствіямъ и забавамъ, чистосердечіе, строгость къ себѣ и ко всякой человѣческой слабости, негодованіе, рѣзкость суда, при этомъ пылкость и живость души, любовь къ поэзіи, стремленіе ко всему возвышенному, отсутствіе всякой пошлости, всякой претензіи—вотъ отличительныя свойства этой замѣчательной женщины. Но всѣ эти свойства составляли ея стихію, а не были чѣмъ-то надуманнымъ. Напротивъ, въ ней не было того, что называется житейской мудростью; въ свѣтѣ она казалась наивною по своей неспособности къ лицемѣрію и двоедушію. Она не могла скрыть ни своихъ симпатій, ни антипатій. У нея не было никакой эластичности, и сойти съ своей точки зрѣнія и стать на чужую, отрѣшиться отъ своей личности, чтобы понять чужую,—ей было трудно, почти невозможно».

«При этомъ она вся принадлежала русскому быту. Русскіе обычаи, особенно церковные, русская кухня, русская природа—все это было ей родное. Гостепріимная и общительная, она не только не отдаляла гостей отъ мужа, но придавала еще болѣе привлекательности его собраніямъ».

Обрисовавъ такими чертами свою мать, Иванъ Сергѣевичъ, характеризуя своего брата, Константина Сергѣевича, говоритъ: «онъ весь былъ въ мать. Весь нравственный строй его существа, возвышенность помысловъ и стремленій, суровость въ отношеніи къ себѣ, строгость требованій, элементъ доблести и героизма—все это заложено было въ него матерью; все это было въ Константинѣ Сергѣевичѣ, какъ и въ его матери, не въ видѣ правила, руководящаго въ жизни, но составляло въ немъ и въ ней природную стихію».

Но еще съ большей справедливостью можно сказать и про Ивана Сергѣевича, прочтя его письма, что «онъ весь былъ въ мать»—и позаимствовавъ отъ отца художественность его натуры, его эсте-

тическій вкусъ, его страстность отношенія въ данную минуту къ какому-либо предмету, онъ доводилъ до крайности тѣ стороны характера, которыми надѣлила его мать. Возвышенностью помысловъ и стремленій онъ выдѣлялся часто настолько отъ своихъ современниковъ, что становился имъ непонятенъ, казался чудакомъ; суровость въ отношеніи къ себѣ и строгость требованій, которыя предъявлялъ къ своей дѣятельности, онъ доводилъ до подвижничества; рѣдко кто въ такой степени какъ онъ непренебрегалъ житейскою мудростью; въ проявленіи самостоятельности своего мнѣнія онъ доходилъ до доблести и героизма и также, какъ мать, не умѣлъ скрывать своихъ симпатій и антипатій, порывистыхъ и искреннихъ движеній души.

Въ дѣтствѣ Иванъ Сергѣевичъ былъ очень молчаливымъ и угрюмымъ ребенкомъ и среди своихъ братьевъ и сестеръ, гораздо болѣе его оживленныхъ, слылъ не очень даровитымъ мальчикомъ. Семи лѣтъ онъ заболѣлъ скарлатиной и чтобы оградить дѣтей отъ прилипчивой болѣзни, больного малютку удалили въ особый мезонинъ. Въ одиночествѣ онъ очень скучалъ и ради развлеченія написалъ братьямъ и сестрамъ въ нижній этажъ посланіе, которое такъ поразило родителей, что они перемѣнили взглядъ на дарованія молодого мальчика. По прочтеніи одного изъ такихъ дѣтскихъ произведеній, отецъ Ивана Сергѣевича, Сергѣй Тимоѳеевичъ, сказалъ: «Иванъ будетъ великій писатель». Самъ Иванъ Сергѣевичъ съ юныхъ лѣтъ чувствовалъ призваніе свое, стремился къ нему всей душой и въ то же время уже боролся съ этимъ стремленіемъ. Въ письмѣ отъ 17-го февраля 1849 года изъ Петербурга, вспоминая послѣдніе годы своего пребыванія въ Училищѣ Правовѣдѣнія за семь лѣтъ передъ тѣмъ, онъ восклицаетъ: «Вспоминаю я, какъ часто хаживалъ я одинъ по этому церковному корридору и сколько неясныхъ стремленій мучили меня тогда, и какъ мнѣ дѣтски хотѣлось, несмотря на всѣ отрицанія разсудка, писать и быть литераторомъ!.. Какое невольное желаніе было всякій случай, всякій предметъ, всякую картину, перенести на бумагу, оторвать отъ земли, обрамить. Я не исполнялъ этого желанія, но внутри, въ душѣ, эта работа происходила и обыкновенно, какъ помню я, за всенощной. Тамъ сочинялъ я цѣлыя сочиненія, которыхъ никогда не писалъ». Онъ сурово отталкивалъ отъ себя эти стремленія къ литературѣ, будучи «полонъ твердой рѣшимости и жажды труда, но труда тяжелаго, великаго и благодѣтельнаго», ставя себѣ цѣлью жить «не въ томленіи, а въ дѣятельномъ стремленіи къ достиженію цѣли. Покуда живы, будемъ работать и предпринимать такіе труды, какъ будто бы вовсе мы не должны были умирать. Мнѣ хотѣлось бы каждый день быть полезнымъ членомъ общества и полезнымъ не въ одномъ своемъ околоткѣ».

И вотъ черезъ годъ по окончаніи курса въ Училищѣ Правовѣдѣнія,—годъ проведенный на службѣ въ должности секретаря одного изъ отдѣленій 6-го департамента сената—Иванъ Сергѣевичъ получаетъ возможность пріобщиться къ «труду тяжелому», какимъ явилось участіе его въ сенаторской ревизіи Астраханской губерній, произведенной въ 1844 году сенаторомъ княземъ П. П. Гагаринымъ. Иванъ Сергѣевичъ отправился на эту ревизію, уже написавши свое первое крупное произведеніе въ стихахъ: «Жизнь чиновника», въ которомъ ясно обозначились мучившія его уже въ 19-тилѣтнемъ возрастѣ, при первомъ вступленіи на служебное поприще, сомнѣнія въ пригодности для него чиновничьей карьеры и вырывались вопли ужаса и отчаянія передъ необходимостью впречься въ эту лямку. Онъ отправился, не смотря на то, что въ этой мистеріи «Таинственный голосъ»—одно изъ дѣйствующихъ лицъ—обращаясь къ будущему чиновнику, восклицаетъ:

«Остановись! и для мертвящей жизни
«Не отдавай младой души своей:
«Чтобъ не внушило поздней укоризны
«Сознаніе ничтожности твоей!
«На поприщѣ служебномъ для отчизны
«Не будешь ты полезнѣй и славнѣй.
«Еще въ тебѣ такъ силы свѣжи, новы—
«Ужель на нихъ надѣнешь ты оковы?»

Нужно прочесть всю эту «мистерію», чтобы понять на какое подвижническое самоистязаніе шелъ Иванъ Сергѣевичъ, поступая на службу, обращаясь къ чиновничьей карьерѣ. Но его страстная натура, ищущая тяжелаго упорнаго труда, бѣгущая «томленія» и жизни, въ которой

«Умомъ ослаблены мечтанья,
«Мечтаньемъ обезсиленъ умъ»,

встрѣтила почти съ восторгомъ обширное поприще дѣятельности, которое представляла для него ревизія. Къ счастью Ивана Сергѣевича—онъ попалъ на чрезвычайно подходящаго къ его темпераменту и стремленіямъ начальника, въ лицѣ ревизовавшаго сенатора князя П. П. Гагарина, человѣка до неутомимости дѣятельнаго, ненавидѣвшаго медленность въ ходѣ дѣлъ и любившаго доводить дѣло съ крайней настойчивостью до конца. Потрудившись уже въ Астрахани около 4-хъ мѣсяцевъ Иванъ Сергѣевичъ пишетъ:

«Я теперь нѣсколько сердитъ на князя, многое мнѣ въ немъ не нравится, много мѣшаетъ ему его свѣтская природа, но все-таки я его очень люблю и уважаю и въ душѣ глубоко ему благодаренъ: я теперь учусь, формируюсь въ его школѣ. Повторяю, эта ревизія принесетъ мнѣ много пользы, и именно то, что ревизоромъ—князь Павелъ Павловичъ. Это первый государственный человѣкъ, котораго мнѣ пришлось видѣть, не пошлый человѣкъ, а дѣятельнымъ умомъ постоянно отыскивающій новыя стороны въ предметѣ. Часто то, что уже нѣ-

сколько лѣтъ идетъ по битой тропѣ, на что всѣ глядѣли съ одной точки, отъ одного, такъ сказать, прикосновенія князя получаетъ совершенно новый видъ». (Астрахань, 1 іюля 44). «Для меня ревизія эта потому интересна, что я вижу теперь, какъ всѣ вѣтви, жилы управленія сосредоточиваются въ одномъ мѣстѣ, что именно останавливаетъ свободное кругообращеніе, словомъ, механизмъ управленія» (Астрахань, 6 іюня 44). «Я благодаренъ ревизіи не только за узнаніе службы, но и за опытность, ибо, переворачивая народъ со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ его нуждахъ, узнаю его настоящія потребности лучше. И всѣмъ, порицающимъ современное, можно смѣло сказать, что они не могутъ быть организаторами будущаго общества, ибо не коснулись знаніемъ всей этой хитросплетенности народныхъ нуждъ и потребностей, размножившихся до безконечности, и механизмъ государственнаго управленія вообще, не только теперешній, для нихъ не можетъ быть понятенъ, ибо они не видятъ его обнажаемымъ, какъ мы».

И какихъ только частей этого сложнаго механизма управленія губерніей—да при томъ губерніей окраинной—не пришлось коснуться Ивану Сергѣевичу: черезъ его руки проходятъ въ теченіе 10 мѣсяцевъ и казенная палата, и уголовная, уѣздный и земскій суды, магистратъ, сиротскій судъ, дворянская опека, рыбная и тюленья экспедиція, карантины, спеціально-калмыцкій судъ Зорго, комиссія строительная, продовольственная, гражданскія дѣла военнаго штаба и множество другихъ!

Всѣ дѣла этихъ учрежденій, привозившіяся на квартиру Аксакова цѣлыми подводами, приходилось перерыть, пересмотрѣть, провѣрить счета, жалобы, правильность примѣненія законовъ и т. п. И все это дѣлалось съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ, усидчивостью и съ быстротой, поражавшими всѣхъ. Младшій чиновникъ поневолѣ при такомъ начальникѣ быстро обратился de facto въ старшаго—и это довѣріе къ начинающему, до извѣстной степени льстило самолюбію и тщеславію Ивана Сергѣевича, ублажало его, но тѣмъ больнѣе чувствовался обратный ходъ маятника въ этой кипучей натурѣ, которую Иванъ Сергѣевичъ силился переломить, обратить по возможности въ послушный механизмъ. Съ какой отчаянной ироніей восклицаетъ онъ, говоря о томъ, что онъ отдалъ переписать свои доклады и отчеты, чтобы сохранить ихъ какъ воспоминаніе молодости:

«Боже мой! до чего доходитъ нашъ вѣкъ: это воспоминаніе молодости!» и въ другой разъ, «работа, усталость, тоска, досада и рѣдко—рѣдко вспышки какой-то энергіи и настоящей дѣятельности». «Благоразуміе лежитъ на мнѣ свинцомъ и сердце не бьется такъ, какъ у 20-тилѣтняго. Стихи не пишутся, и только одни служебныя занятія и участіе, къ чести и блеску нашей ревизіи, могутъ хоть сколько-нибудь наполнить меня». (Астрахань, 24 іюня 44). И далѣе въ томъ же письмѣ: «Право я не знаю, изъ чего мнѣ хлопотать въ этой жизни, когда я не чувствую ни къ чему призванья, не имѣя ни задушевныхъ вѣрованій, ни первоначальныхъ убѣжденій. Погонюсь за однимъ, но, не слыша въ себѣ священнаго пламени, останавливаюсь съ сомнѣніемъ, съ тоскою... Чѣмъ олѣе я вникаю въ себя, тѣмъ яснѣе я вижу, что составленъ изъ 2-хъ началъ:

лѣни и тщеславія. Борьба, давняя борьба тщеславія съ внутреннимъ безжалостнымъ сознаніемъ, борьба безъ содержанія, жизнь безъ юности, безъ увлеченія чувства,—вотъ что съ раннихъ лѣтъ досталось мнѣ въ удѣлъ, а на долго ли— не знаю. Не живемъ мы въ прежнія времена, а настоящее безотрадно, будущее блѣдно. Тяжело сказать самому себѣ, помните?—строфу: «немного я въ тебѣ нашелъ» и проч. Не могу понять, для чего я существую и живу такою странною жизнью. Гадокъ человѣкъ, сознающій свою собственную дрянность и свое ничтожество.—Знаю я, что эти минуты смѣнятся другими, которыя опять уступятъ имъ мѣсто. Скучная переспектива. Хотѣлось бы мнѣ очень отрѣшиться отъ всего и обновиться въ трезвительномъ уединеніи. Но препятствуютъ матеріальныя средства, условія дѣйствительности, ждешь, выжидаешь, скрѣпя сердце, а время, не останавливаясь, совершаетъ свой кругооборотъ, съ нимъ вращается и жизнь, и человѣку или некогда воспитаться духовно, и, откладывая и заглушая, поглощается онъ пошлымъ существованіемъ—или же слишкомъ поздно достигаетъ онъ желаемаго обновленія и съ горькимъ безсильнымъ чувствомъ смотритъ назадъ, на даромъ прожитое время. И это жизнь!»

И подавляя въ себѣ сильной, самоистязующей волею всѣ эти душевные порывы, Иванъ Сергѣевичъ, очевидно, долженъ былъ наполнять «эту жизнь» чѣмъ-либо. Перечитывая его письма, видишь, какъ онъ искусственно заинтересовываетъ, увлекаетъ себя въ область внѣшней наблюдательности: въ изданной перепискѣ встрѣчается не мало страницъ, посвященныхъ то описанію астраханскаго рыбнаго промысла, то добычѣ тюленя, то очерку быта калмыковъ и т. п., и сквозь всю эту прозу дѣйствительности, въ которую Иванъ Сергѣевичъ насильственно пытается втискать силы и стремленіе своего духа, сквозь всѣ эти мелочныя соображенія ревизующаго чиновника, вдругъ пробивается и озаряетъ яркимъ блескомъ свѣтлая широкая мысль, искреннее восторженное слово, вырывающееся изъ глубины души! Такъ и видишь богатырски плотно сложенную фигуру Ивана Сергѣевича, сбрасывающую и стряхивающую съ себя чиновничью, чуждую ему оболочку. Какъ характерны, напр., слѣдующія строки, вызванныя разнесшимся въ Астрахани слухомъ о намѣреніи государя посѣтить этотъ городъ, гдѣ со временъ Петра никто не бывалъ. «Вотъ Петръ! всюду поспѣлъ! Можно почти утвердительно сказать, что со временъ Петра ничего не было сдѣлано для Астрахани. Петръ пріѣхалъ въ Астрахань, разомъ увидалъ, что можно изъ нея извлечь, развелъ здѣсь самъ виноградники и фруктовые сады, устроилъ адмиралтейскую верфь, объѣхалъ все Каспійское море, пріискалъ самъ гавани на противоположномъ берегу, построилъ крѣпостцу и т. д.» И тутъ же попутно Иванъ Сергѣевичъ, увлекаясь, набрасываетъ программу, которой бы слѣдовало намъ держаться за Каспіемъ и рисуетъ картину, которая осуществилась лѣтъ 25—40 спустя!

Не такъ скоро пришлось разстаться Ивану Сергѣевичу со службой, какъ онъ этого желалъ. Послѣ каторжнаго десяти-мѣсячнаго труда по астраханской ревизіи, онъ вернулся въ Москву въ

концѣ 1844 г. и уже послѣ Пасхи 1845 г. снова видимъ его въ сенатѣ; по этому поводу Иванъ Сергѣевичъ пишетъ своему пріятелю и сослуживцу по ревизіи, кн. Оболенскому: «Еслибъ ты зналъ, любезный другъ, съ какимъ отвращеніемъ вступилъ я съ Ѳомина понедѣльника опять на службу. Несдержимый потокъ дѣлъ, гнусныя хари, недостатокъ писцовъ, безплодная и скучная дѣятельность, отнимающая время и всякое расположеніе къ другимъ занятіямъ». Въ августѣ того же года Иванъ Сергѣевичъ получилъ назначеніе товарищемъ предсѣдателя Калужской уголовной палаты. И хотя это было для его лѣтъ (22 года)—блестящее назначеніе, хотя ранѣе того онъ не разъ выражалъ желаніе «уединиться въ губерніи», но когда пришла очередь этой губерніи, онъ пишетъ тому же Оболенскому: «Ты не повѣришь, въ какой степени мнѣ досадно ѣхать въ Калугу, жить тамъ одному, обзаводиться, знакомиться, подлежать претензіямъ многовѣднаго губернскаго общества — какое испытаніе.»

И губернія, чиновничья губернія, конечно, не могла сочувствовать Ивану Сергѣевичу, такъ какъ служить-то онъ и не умѣлъ: «я учетверяюсь въ палатѣ и работаю такъ быстро и безъ отдыха въ продолженіе этихъ 4-хъ часовъ, что, право, иногда чуть дурно не дѣлается. Всякій разъ возвращаюсь изъ палаты какъ шальной, какъ угорѣлый, ничего не понимая. Впрочемъ, и то сказать: за неимѣніемъ другой живой дѣятельности поневолѣ всѣ дѣятельныя силы устремляются на эту, а дѣятельность, хоть какая-нибудь, нужна человѣку. Дѣло въ томъ, что дѣятельность эта подлаго свойства и имѣетъ вліяніе на душу и умъ человѣка». До чего угнетала Ивана Сергѣевича служба и тягостная необходимость этимъ служеніемъ добывать себѣ до извѣстной степени матеріальную независимость, всего лучше видно изъ того, что онъ, подъ впечатлѣніемъ посѣщенія одного пригороднаго хозяйства, сталъ помышлять даже заняться... разсадкой хмеля! «Я съ нѣкотораго времени все думаю о будущемъ», пишетъ онъ въ октябрѣ 1846 г., «занятъ мыслью о разсадкѣ хмеля. Одна десятина хмеля, хорошо обработанная, можетъ приносить тысячъ пять доходу»—далѣе, говоря о намѣреніи перейти на службу въ Москву, онъ прибавляетъ: «тогда я, можетъ быть, попрошу у васъ одну десятину и займусь разсадкой хмеля. Тутъ нѣтъ ничего смѣшного: независимое существованіе (особенно независимое отъ службы) лучше всего, а независимость дается только деньгами, обезпечивающимъ доходомъ. Можетъ быть, я буду сѣять также свекловичныя сѣмена»... И хотя «хмель» и его обработка упоминаются еще разъ въ калужской перепискѣ Ивана Сергѣевича, но само собою разумѣется, что все это осталось въ области фантазіи.

Однако, какъ ни тяготила Ивана Сергѣевича служебная дѣятельность въ Калугѣ, — жизнь въ этомъ городѣ была ему относи-

сительно отрадна и, конечно, не могла идти въ сравненіе съ Астраханью, гдѣ вся эта армянщина и татарщина, «съ длинными и горбатыми носами», по мѣткому замѣчанію Ивана Сергѣевича, «принадлежащими безъ толку и умнымъ и глупымъ физіономіямъ», могла хоть кому отравить существованіе, а человѣку съ художественной натурой и подавно. Въ Калугѣ же все располагало къ нѣкоторому примиренію съ жизнью, давало пищу вдохновенію: Иванъ Сергѣевичъ въ восторгѣ отъ видовъ на калужскія окрестности, на разливъ Оки, на дальніе монастыри; онъ радуется и русскимъ типамъ, и русскимъ пѣснямъ, и русской природѣ. Кромѣ того, въ этой «губерніи», которую онъ такъ ненавидѣлъ, Ивана Сергѣевича выручало знакомство съ семьей Унк—скихъ, совсѣмъ не подходившей подъ типъ «губернской» семьи, отличавшейся миромъ, спокойствіемъ, задушевностью, закрытой для губернскихъ сплетенъ, интересовавшейся искусствомъ и литературой. Этой чудной семьѣ Иванъ Сергѣевичъ обязанъ былъ очень многимъ: онъ былъ принятъ тамъ какъ родной, находилъ успокоеніе въ минуты тоски и сомнѣнія въ самомъ себѣ, отводилъ душу послѣ бурныхъ стычекъ съ извѣстной А. О. Смирновой, разочарованіе въ которой, въ смыслѣ идеала женщины, все болѣе и болѣе росло, а когда Ивану Сергѣевичу становилось уже совсѣмъ мрачно на душѣ—онъ уѣзжалъ къ Унк—скимъ въ деревню, за 12 верстъ отъ Калуги, и тамъ, среди живописной и близкой русскому сердцу природы, успокоивался. Калуга еще потому не могла идти въ сравненіе съ Астраханью, что въ Калугу все-таки порой заглядывалъ кто-нибудь изъ литераторовъ или артистовъ, по пути изъ Москвы на югъ Россіи, и освѣжалъ атмосферу, въ которой становилось Ивану Сергѣевичу, душно. Интересно описана встрѣча его въ Калугѣ съ Бѣлинскимъ который очутился тутъ проѣздомъ вмѣстѣ съ Щепкинымъ. По поводу этой встрѣчи Иванъ Сергѣевичъ, между прочимъ, пишетъ: «Я не люблю Бѣлинскаго (онъ былъ знакомъ съ нимъ еще въ бытность свою въ училищѣ), но надо быть безпристрастнымъ; вся жизнь, вся дѣятельность этого человѣка прошла не въ пошлыхъ интересахъ. Убѣжденія свои мѣнялъ онъ часто, но всегда дѣйствовалъ по увлеченію и убѣжденію». «Если бы Бѣлинскій не относился такъ къ Константину, я все-таки радъ былъ бы говорить съ нимъ, какъ, все-таки, съ человѣкомъ живымъ — но когда онъ изъявилъ мнѣ желаніе побесѣдовать со мною о многомъ, я отвѣчалъ ему довольно сухо, что считаю это лишнимъ, что его убѣжденія мнѣ извѣстны и что мы другъ друга не переубѣдимъ». Какъ отражается въ этихъ строкахъ характеръ матери Ивана Сергѣевича.

Да трудно, невозможно было ему перемѣнить свою точку зрѣнія, отрѣшиться отъ разъ созданнаго идеала—и этимъ, на ряду съ другими

чертами характера, унаслѣдованными отъ матери, объясняется разочарованіе Ивана Сергѣевича при знакомствѣ съ А. О. Смирновой [1]). Его страстная, художественная натура, вопреки насилію которому онъ подвергалъ ее, стараясь утомить въ тяжеломъ трудѣ порывы души, все-таки брала верхъ: и чѣмъ разсудочнѣе онъ относился къ самому себѣ, чѣмъ далѣе сторонился онъ отъ дѣвушекъ и женщинъ, съ которыми судьба сталкивала его, тѣмъ возвышеннѣе становился идеалъ «женщины», который создавало себѣ его воображеніе. И, конечно, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ рѣзче явилось разочарованіе, когда дѣйствительность не отвѣтила этому идеалу, какъ случилось именно съ А. О. Смирновой. Прежде чѣмъ познакомиться съ ней лично, Иванъ Сергѣевичъ познакомился и близко сошелся съ мужемъ ея, почти одновременно съ Иваномъ Сергѣевичемъ прибывшимъ въ Калугу править губерніей. Смирновъ былъ человѣкъ очень добраго сердца, умиротворяющаго нрава, отличавшійся крайней снисходительностью и терпимостью. Всѣ эти качества искренно расположили къ нему Ивана Сергѣевича и скоро между ними установились добрыя, дружескія отношенія. Смирновъ, очень гордившійся умомъ своей жены, познакомилъ Ивана Сергѣевича съ ней еще до пріѣзда ея въ Калугу: Ивану Сергѣевичу довелось прочесть нѣкоторыя ея письма—и письма эти привели его въ восторгъ: «Я никогда, ты знаешь не мечталъ, не очаровывался»,—пишетъ онъ своему пріятелю Оболенскому,—«но тутъ вообразилъ себѣ, что все въ ней гармонія, все диво, все выше міра и страстей...; думалъ, что одинъ видъ ея породитъ такія волненія въ душѣ, дастъ столько стиховъ, да какихъ, не прежнихъ! Все это было очень глупо». Первое впечатлѣніе, которое впрочемъ и впослѣдствіи не изгладилось, было, что «она умна, какъ чортъ, какъ бѣсъ—это видно съ перваго взгляда; но она явилась мнѣ такой эгоисткою, такъ мало, казалось, въ ней любви и сострадания, что это меня огорчило и поразило непріятно». Разочарованіе росло и становилось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе узналъ онъ Смирнову, ту самую Смирнову, къ которой Пушкинъ обращался съ стихами: «Среди толпы холодной большого свѣта и двора, ты сохранила умъ свободный»; которой Лермонтовъ писалъ: «безъ васъ хочу сказать вамъ много, при васъ я слушать васъ хочу»; о которой Гоголь говорилъ: «едва ли найдется въ мірѣ душа, способная понимать и оцѣнить ее». Нужно припомнить характеристику матери Ивана Сергѣевича, ея цѣломудренность, отвра-

[1]) Александра Осиповна Смирнова, рожденная Россети, была очень извѣстна своей красотой и блестящимъ умомъ. Она родилась въ 1809 г.. воспитывалась въ Петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ и 17-ти лѣтъ назначена была фрейлиной. Она занимала при дворѣ очень выдающееся положеніе, была любимицей императрицы и государя; находилась въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми литературными знаменитостями своего времени; ее воспѣвали Пушкинъ, Лермонтовъ, Хомяковъ; она была дружна съ Гоголемъ и Самаринымъ.

щеніе отъ всего грязнаго, нечистаго, вспомнить что все это было ея «стихіей», а не только правиломъ, руководящимъ въ жизни, вспомнить, что эта стихія перешла и къ Ивану Сергѣевичу—и чистую, возвышенную натуру, въ духѣ которой сложился характеръ и идеалы Ивана Сергѣевича, сопоставить съ Смирновой, «равнодушнымъ тономъ привычки» повѣствующей Ивану Сергѣевичу про своихъ петербургскихъ знакомыхъ, про ихъ гнусный развратъ и «подлую жизнь»; съ Смирновой, показывающей Ивану Сергѣевичу портфель съ письмами всѣхъ знаменитостей того времени, съ письмами въ числѣ которыхъ были писанныя къ ней чуть ли не тогда, когда она была еще фрейлиной и, которыя она даже посовѣстилась читать вслухъ... «Столько мерзостей и непристойностей»! Разочарованіе было такъ сильно, что Иванъ Сергѣевичъ не сразу могъ примириться съ нимъ, напротивъ, онъ пытается разбить самого себя, исправить одностороннее сужденіе своей впечатлительной натуры:

«Можетъ быть Гоголь считаетъ ее идеаломъ русской женщины вотъ почему», пишетъ Иванъ Сергѣевичъ. «Она, не хлопоча объ эмансипаціи, какъ женщина Запада—довольно свободна, выше всѣхъ этихъ предразсудковъ, условій и приличій, давно признанныхъ ложными и смѣшными, но которыя еще сохраняютъ надъ нами власть привычки, все можетъ понять, видѣть и говорить, не пачкаясь тѣмъ, что видитъ и говоритъ, оставаясь чистою, можетъ свободнымъ смѣхомъ смѣяться всему смѣшному и стать открытымъ, не жеманнымъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью и природой. Вѣра въ ней искренна, безъ ханжества и суевѣрія; она проста и откровенна въ обращеніи, безъ аффектацій... Такъ, можетъ быть понимаетъ ее Гоголь, но чортъ знаетъ, это все какъ-то не такъ».

И дѣйствительно, это все было не такъ, какъ могъ и долженъ былъ себѣ воображать ее Иванъ Сергѣевичъ. Мѣткую и примиряющую характеристику Смирновой, даетъ отецъ Ивана Сергѣевича, Сергѣй Тимоѳеевичъ, въ письмѣ сыну:

«Я признаю А. О. способной къ самымъ великимъ поступкамъ и презирающей оттого, какъ мелочь, всѣ условія, законы приличія и дурную молву. Я готовъ ее признать Наполеономъ, но лучше соглашусь имѣть ее своимъ царемъ, чѣмъ женой. Стоя на такой высотѣ, она не могла остаться женщиной. Недоступная атмосфера цѣломудрія, скромности, это благоуханіе, окружающее прекрасную женщину, никогда ее не окружало даже въ цвѣтущей молодости: она родилась такою. Вотъ почему все нѣжное, умилительное, грустное, неизъяснимо сладкое въ поэзіи—отъ нея ускользаетъ».

Разочарованіе, повторяемъ, было однако такъ сильно, что Иванъ Сергѣевичъ сознается, какъ онъ обманулся въ своихъ надеждахъ, какъ хандрилъ и тосковалъ цѣлыя недѣли. Его особенно угнетало то, что Смирнова, оцѣнившая Гоголя и Самарина, въ вѣрности сужденія которой онъ поэтому не рѣшался сомнѣваться, считала или могла считать его мелкимъ, дюжиннымъ существомъ. И обращаясь къ самому себѣ, Иванъ Сергѣевичъ находилъ въ себѣ

«способность все понять, но не находилъ этого цѣльнаго живого пламени таланта: одни сомнѣнія, раздвоеніе, трусость, робость, тщеславіе и совершенную безотрадность въ прошедшемъ и будущемъ. Потому что нѣтъ для меня никакого веселья и радостей на землѣ (исключая семейныхъ), и моя скучная, суровая, утомительная жизнь мнѣ часто въ тягость. Во мнѣ нѣтъ молодого человѣка, а что же во мнѣ есть: ничего. Творческихъ мыслей никакихъ, одинъ отголосокъ и то недостойный чужихъ мыслей; дара слова—такъ же нѣтъ; изобрѣтательности нѣтъ; стихи мои... но въ нихъ нѣтъ магическаго очарованія... не такъ пишутъ поэты, не такіе стихи внушаетъ истинное вдохновеніе... Но ужасно, ужасно чувствовать въ себѣ внутреннія требованія и сознавать въ то же время, что ты не въ силахъ ихъ исполнить, чувствовать себя бездарнымъ».

Развивая мрачную картину своихъ неудовлетворенныхъ порывовъ, своей воображаемой безталанности, Иванъ Сергѣевичъ восклицаетъ: «Мнѣ хотѣлось бы совершеннаго ничтожества, обратиться въ пыль, въ прахъ, безо всякаго безсмертія души». Какъ бы то ни было, не смотря на всѣ эти треволненія, сомнѣнія и разочарованія—а вѣрнѣе даже благодаря имъ—пребываніе Ивана Сергѣевича въ Калугѣ было очень плодотворно для его стихотворной дѣятельности, а въ частности столкновеніямъ съ Смирновой онъ обязанъ самымъ прочувствованнымъ и сильнымъ стихамъ, которые явились у него энергичнымъ отголоскомъ наболѣвшей души.

Служебная дѣятельность Ивана Сергѣевича не окончилась въ Калугѣ; въ 1847 г. онъ возвратился въ московскій сенатъ. «Нечего дѣлать—я служу, служу, правда съ затаенной тоскою несбывшихся ожиданій». Послѣ лѣтняго отпуска, въ 1848 г., посвященнаго поѣздѣ на сѣрныя Сергіевскія воды (Самарской губерніи), онъ вернулся на службу—но тутъ случилась исторія надѣлавшая большаго шума: Иванъ Сергѣевичъ, въ качествѣ оберъ-секретаря, отказался скрѣпить своей подписью беззаконный приговоръ по уголовному дѣлу князя К., совершившему преступленіе при самыхъ возмутительныхъ обстоятельствахъ. Исторія дошла до свѣдѣнія государя Николая Павловича, дѣло было пересмотрѣно и преступникъ понесъ заслуженное наказаніе — но Ивану Сергѣевичу пришлось уже ранѣе этого перейти на службу въ другое министерство. Его репутація была уже настолько упрочена, что министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, принявъ его къ себѣ на службу, тотчасъ же послалъ его съ секретнымъ порученіемъ по изслѣдованію раскола въ Бессарабію. Иванъ Сергѣевичъ съ радостью ухватился за это порученіе. Если служба вообще была ему такъ тягостна, то служба въ Петербургѣ представлялась для него истинной пыткой. Петербургъ уже тогда производилъ на него до невѣроятія «тягостное впечатлѣніе». «Это оскорбительное великолѣпіе, эти громады, воздвигнутыя какою-то страшною, наглою силой, это отсутствіе всякой религіозной физіономіи, эта страшно развитая удобственность

чисто матеріальныхъ благъ — все это давитъ, болѣзненно давитъ душу. Но что могло бы привести въ отчаяніе при некрѣпкой вѣрѣ въ судьбу Россіи—это именно слышимое и чувствуемое присутствіе какой-то страшной силы во всемъ развратномъ бытѣ Петербурга!»— пишетъ онъ уже въ третьемъ письмѣ изъ Петербурга, на 4-й день своего пріѣзда. Въ другомъ письмѣ уже изъ Одессы, проводя сравненіе между Одессой и Петербургомъ, Иванъ Сергѣевичъ говоритъ: «Этотъ городъ — явленіе искусственное, но однако же не насильственное какъ Петербургъ». «Мужчины здѣсь все иностранцы... Это должно скоро налечь на сердце тяжелой скукой и жизни здѣсь постоянной я не понимаю; а все-таки ея впечатлѣніе легче, нежели впечатлѣніе Петербурга. Петербургъ громаднѣе, великолѣпнѣе, страшенъ силой средствъ своихъ, своей властью надъ Россіей». И онъ всѣми силами души всегда стремился вонъ изъ Петербурга, и какъ только попадалъ туда, то съ первымъ шагомъ на эту бюрократическую почву — его захватывала мысль какъ бы поскорѣе выбраться изъ Петербурга. Онъ создавалъ, изобрѣталъ себѣ всякаго рода порученія, лишь бы вырваться изъ департаменскихъ тисковъ— и вотъ по возвращеніи изъ Бессарабіи, мы видимъ Ивана Сергѣевича, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Петербургѣ, въ новой сложной и скучной командировкѣ, съ секретными порученіями отъ графа Перовскаго—въ Ярославской губерніи. Цѣлая серія ярославскихъ писемъ проникнута тѣмъ же отношеніемъ къ службѣ, той же тоской, вызванной неудовлетворенностью духовныхъ стремленій, что и въ письмахъ изъ Калуги. Если эти ноты даютъ себя менѣе чувствовать въ бессарабскихъ письмахъ—то потому только, что природа юга произвела, не смотря на неблагопріятное время года, такое обаятельное впечатлѣніе на Ивана Сергѣевича, примирила противоположности его духовныхъ стремленій съ дѣйствительностью на столько, что во время своей бессарабской поѣздки, онъ рядомъ съ исполненіемъ своего порученія, вслѣдъ за просмотромъ разныхъ вѣдомостей, актовъ, вслѣдъ за провѣркой какого-нибудь хлѣбнаго магазина, брался за перо и двигалъ впередъ свою излюбленную поэму—«Бродягу». Впрочемъ, нужно принять во вниманіе и то, что самая суть секретнаго порученія Ивана Сергѣевича—ознакомленіе съ положеніемъ раскольниковъ въ этомъ краѣ не втискивала Ивана Сергѣевича въ рамки сухой канцелярщины и давала полный просторъ его широко-захватывающей энергіи и тому духу свѣжаго, бодрящаго почина, который всюду до тѣхъ поръ встрѣчалъ непреодолимыя препятствія или не находилъ почвы для примѣненія.

Не останавливаемся подробно на дѣятельности Ивана Сергѣевича по командировкѣ въ Ярославской губерніи. Достаточно будетъ сказать, что Иванъ Сергѣевичъ и здѣсь не щадилъ своихъ силъ,

что и тутъ онъ всей душой предался тому труду тяжелому, къ которому рвался при выходѣ изъ училища и тутъ онъ на каждомъ шагу доказывалъ, что «чиновникомъ» въ общепринятомъ смыслѣ онъ не можетъ быть. Возьмемъ для примѣра предпринятое имъ и завершенное, по собственному почину и на свой страхъ, присоединеніе къ православію раскольниковъ цѣлаго города, или, напримѣръ, хлопоты его объ учрежденіи въ Ярославлѣ купеческаго или коммерческаго училища—къ слову сказать и до сихъ поръ кажется отсутствующему и въ Рыбинскѣ, и въ Ярославлѣ,—или еще его приглашеніе, напечатанное имъ въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и обращенное ко всѣмъ грамотнымъ крестьянамъ трудиться надъ мѣстными изслѣдованіями. Характернымъ является то, что во время своей ярославской командировки Иванъ Сергѣевичъ находился «подъ секретнымъ надзоромъ полиціи». Конечно, этотъ секретъ для ярославцевъ вскорѣ обратился въ общеизвѣстную тайну! Надзоръ этотъ былъ послѣдствіемъ его 4-хъ-дневнаго ареста въ III Отдѣленіи, вызваннаго въ свою очередь арестомъ Самарина и нѣкоторыми неосторожными выраженіями въ семейной перепискѣ Ивана Сергѣевича [1].

Но какъ бы то ни было, ярославская командировка, которой завершилась служебная дѣятельность Ивана Сергѣевича—оказала ему громадныя услуги: тутъ, онъ очутился въ прямомъ непосредственномъ прикосновеніи съ русскимъ народомъ, съ русской стариной, со слѣдами древняго русскаго быта и строя, съ русскимъ купечествомъ, съ нарождавшимися новыми типами среди этого купечества—всего этого не было въ Калугѣ, гдѣ онъ жилъ городской жизнью, и еще менѣе въ Астрахани и на югѣ Россіи, гдѣ важные вопросы государственной политики и государственнаго управленія выростали на фонѣ разной татарщины, армянщины, молдаванщины, обостряясь на привольи окраины до готовности порвать связь съ родной русской землей—какъ напримѣръ въ вопросѣ о положеніи придунайскихъ раскольниковъ. Эти столь мучительные во многихъ отношеніяхъ служебные годы сослужили Ивану Сергѣевичу большую службу: онъ тутъ, самъ того не подозрѣвая, прошелъ школу, въ которой будущій публицистъ «Дня», «Москвы» и «Руси» запасся такимъ знаніемъ Россіи, ея жизни, ея нуждъ, духовныхъ и экономическихъ, какое дай Богъ всякому.

Нельзя при этомъ пройти молчаніемъ то, что въ эти годы Иванъ Сергѣевичъ вовсе не примыкалъ такъ тѣсно, какъ можно было бы думать, къ тому знамени, которое тогда уже выставлялъ братъ его

[1] См. объ этомъ эпизодѣ статью академика Сухомлинова «И. С. Аксаковъ въ 40-хъ годахъ». «Историческій Вѣстникъ». Февраль, 1888 года.

Константинъ, и которое впослѣдствіи Иванъ Сергѣевичъ, съ кончиной брата, доблестно и высоко держалъ до самой своей смерти. Конечно, едва ли можно было ожидать найти въ его письмахъ, хотя бы съ помѣткой «12-го августа 1844 года» строки слѣдующаго содержанія: «Я хоть совсѣмъ не славянофилъ, но такъ, изъ шутки, собралъ нѣсколько денегъ для церквей Далмаціи и Герцеговины»... Въ частности, по отношенію къ брату своему Константину, Иванъ Сергѣевичъ проявляетъ въ письмахъ порой даже ироническое отношеніе, вызываемое нѣкоторыми крайностями Константина Сергѣевича, но, конечно, это нисколько не умаляло тѣсной дружбы и искренней любви, которая связывала обоихъ братьевъ,—и если Иванъ Сергѣевичъ порой нападалъ на Константина Сергѣевича, то руководясь только любовью къ нему и горячимъ желаніемъ свести его изъ области фантастическихъ увлеченій и мечтаній на почву дѣйствительности и реальнаго служенія родинѣ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ астраханскихъ писемъ Иванъ Сергѣевичъ восклицаетъ: «И такъ Константинъ снялъ съ себя дагеротипъ въ русскомъ костюмѣ: истый москвичъ, съ татарской фамиліею и нормандскаго происхожденія, въ костюмѣ XVII столѣтія, сшитомъ французскимъ портнымъ, изобрѣтеніемъ западнымъ XIX вѣка, передалъ черты лица и святославской шеи мѣдной доскѣ, для пріятеля, свѣтскаго молодого человѣка». Въ другомъ письмѣ, тоже изъ Астрахани, Иванъ Сергѣевичъ замѣчаетъ: «право мнѣ досадно, что у насъ въ особенности въ Москвѣ, въ извѣстномъ кругу, толкуютъ, разсуждаютъ и горячатся о какомъ-нибудь балахонѣ, оставаясь совершенно равнодушными къ торговымъ и промышленнымъ выгодамъ, мало того оставаясь въ совершенномъ невѣжествѣ въ этомъ отношеніи. Я не спорю, что и балахонъ имѣетъ свое значеніе—но я не могъ бы оставаться въ такомъ безучастномъ бездѣйствіи и довольствоваться убѣжденіемъ, что балахонъ когда-нибудь побѣдитъ пальто, что будетъ очень не скоро»... Въ томъ же письмѣ читаемъ въ заключеніе: «съ позволенія Кости сдѣлаю еще сравненіе: Костя точно паукъ, наткалъ около себя хитросплетенную паутину и цѣлый день цѣпляется по ней, такъ, что не можетъ идти по простому и прямому пути, и долженъ дѣлать разные сложные повороты и уступы». Иванъ Сергѣевичъ постоянно повторяетъ въ письмахъ своихъ, что ему очень хотѣлось бы «направить» дѣятельность брата къ «существенной пользѣ», «къ цѣли уловимой». Во время ярославской командировки, Ивану Сергѣевичу даже удалось убѣдить брата посѣтить его въ Ростовѣ. Это было событіемъ—потому, что Константинъ Сергѣевичъ жилъ почти неразлучно съ отцемъ. Но прикосновеніе къ «дѣйствительности» оказалось безплоднымъ. Сергѣй Тимоѳеевичъ, замѣчаетъ по этому поводу въ письмѣ къ Ивану Сергѣевичу: «ты правъ, предполагая, что Константинъ никогда не узнаетъ дѣйствительности; Хомяковъ наслаждался, читая

его неожиданные выводы. Кажется, остается желать, чтобы онъ на всю жизнь оставался въ своемъ пріятномъ заблужденіи, ибо прозрѣніе невозможно безъ тяжкихъ и горькихъ опытовъ».

«Такъ пусть его живетъ
«Да вѣритъ Руси совершенству».

Въ заключеніе той бѣглой характеристики Ивана Сергѣевича Аксакова въ третьемъ десятилѣтіи его жизни, которую позволяютъ сдѣлать изданные теперь два тома его «Писемъ»,—необходимо упомянуть о сомнѣніяхъ въ области вѣры, томившихъ его въ эти годы, наравнѣ съ сомнѣніями по вопросамъ политическимъ, государственнымъ и общественнымъ. Это тѣмъ болѣе интересно, что съ принятіемъ славянофильскаго наслѣдства отъ брата Константина Сергѣевича, Ивану Сергѣевичу пришлось очевидно оставить за собой эти сомнѣнія, можетъ быть даже примирившись съ ними лишь формально, не по существу, а только въ интересахъ того «дѣла», представителемъ котораго ему довелось сдѣлаться. Въ сентябрѣ 1844 года, по случаю совершеннолѣтія Ивана Сергѣевича, мать его писала ему: «Не высокомудрствуй, не надѣйся много на себя: есть, есть, есть Высшій, Который всѣмъ управляетъ. О какъ хотѣлось бы мнѣ перелить въ твою душу это теплое чувство вѣры?» Сѣтованія на отсутствіе «задушевныхъ вѣрованій» встрѣчаются много разъ въ письмахъ Ивана Сергѣевича, но рядомъ съ сѣтованіями и горячее желаніе искренно пріобщиться вѣрѣ. Большой толчокъ на пути къ достиженію этой завѣтной цѣли дало ему намѣреніе написать поэму «Марія Египетская» (которая впрочемъ такъ и осталась неоконченной). По этому поводу Иванъ Сергѣевичъ пишетъ изъ Калуги брату Константину въ 45-мъ году: «Не то, чтобы пробудилась во мнѣ вѣра... Нѣтъ, этого я не могу еще сказать, но я почувствовалъ и значеніе церкви и важность церковныхъ обрядовъ, по крайней мѣрѣ языкъ мой уже не станетъ болѣе кощунствовать и легкомысленное воззрѣніе замѣнилось уваженіемъ». Два года спустя, говоря о знакомствѣ съ Нарышкинымъ, бывшимъ 12 лѣтъ на каторгѣ, Иванъ Сергѣевичъ пишетъ: «Человѣкъ этотъ, видно, такъ проникнутъ вѣрою и любовью, что хоть онъ меня не убѣдилъ—мы разсуждали о вѣрѣ—но мнѣ отрадно было на него смотрѣть. Не имѣя самъ много вѣры, я люблю смотрѣть на людей вѣрующихъ». Еще два года спустя, въ 1849 году, въ письмѣ изъ Романово-Борисоглѣбска, онъ указываетъ, что противъ снѣдающей его «тоски» «есть лѣкарство, я знаю его, но не въ силахъ его принять—религія!» Но въ то же время Иванъ Сергѣевичъ такъ чувствовалъ необходимость вѣры, что напримѣръ въ 1851 году, по поводу встрѣчи съ одной m-lle М. пишетъ: «Слаба въ ней сторона религіозная и странно, что мнѣ, человѣку сомнѣнія, приходится именно возбуждать эту сторону, но не къ сомнѣнію, а къ вѣрѣ!»

Какъ не отрывочны приведенныя черты, однако, ими уже достаточно ясно обрисовывается личность и характеръ Ивана Сергѣевича Аксакова въ то переходное время его подвижническаго саморазвитія и борьбы противоположныхъ началъ его природы, когда по приводимому имъ выраженію Священнаго Писанія онъ «распиналъ въ себѣ ветхаго человѣка со страстьми и похотьми». Вынужденные рамками этой замѣтки ограничиться наброскомъ такого контура, мы поневолѣ должны были оставить въ сторонѣ многія другія черты характера и пройти молчаніемъ воззрѣнія Ивана Сергѣевича на разные вопросы и факты той дѣйствительности, которой онъ, въ противоположность господствующему о немъ мнѣнію, былъ всегда такъ близокъ. Въ этомъ отношеніи его «Письма» представляютъ богатый матеріалъ не только для досужаго любителя историческаго чтенія, но и для лицъ, посвятившихъ себя изученію исторіи литературы и культуры тѣхъ годовъ жизни русскаго общества, въ теченіе которыхъ втихомолку подготовлялись и назрѣвали преобразованія минувшаго царствованія.

В. Россоловскій.

ЖЕНЩИНА ИНДІИ.

Бытовой очеркъ.

ИЗЪ СОБРАННАГО мною обширнаго матеріала объ Индіи беру этотъ сюжетъ, какъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ. Подъ горячимъ солнцемъ двухъ полуостровов Индіи, среди ихъ сотенъ милліоновъ обитателей, до чего не коснись, вездѣ пестрый и яркій калейдоскопъ племенъ, языковъ, религій, боговъ и обычаевъ. Въ положеніи туземной женщины предъ нами готова богатая крайностями, почти сказочная, картина, на фонѣ которой рядомъ уживаются и выбрасываніе въ яму новорожденныхъ дѣвочекъ населеніемъ Ройпута, и индійскія леди, блистательно сдающія экзаменъ изъ классическихъ языковъ и математики въ университетѣ Калькуты. Этотъ женскій колейдоскопъ Индіи столь великъ разнообразіемъ, что, приступая къ описанію его, невольно затрудняешься—съ чего начать? Мораль тутъ не въ силахъ дать отвѣта на вопросъ — что лучше? Полная свобода дѣвушки, гуляющей напропалую подъ покровомъ законовъ и обычаевъ страны до замужества, полная свобода женщины, выбирающей себѣ мужа и мужей, отдающая свою красоту кому ей заблагоразсудится — столь же мало указываютъ на цивилизацію и развитіе массы, какъ и мусульманское заточеніе женщины въ гаремѣ, какъ и повелѣніе женщинѣ индускимъ священнымъ писаніемъ молиться мужу какъ богу. Хронологія здѣсь также ничему не учитъ. На обширномъ пространствѣ Индіи — не говоря уже о всемъ земномъ шарѣ—одновременно и рядомъ уживаются остатки столь древней старины, что разборъ по старшинству не мыслимъ. Единственнымъ выходомъ изъ затрудненія остается избраніе самаго многочисленнаго изъ племенъ, обитающихъ

въ Индіи—индусовъ—и повести разсказъ о нихъ, какъ о главной нити, привязывая къ ней сравнительныя черты изъ жизни другихъ сосѣднихъ народовъ. Мы не будемъ говорить лишь о мусульманахъ Индіи; обычаи послѣдователей ислама вездѣ однообразны и болѣе или менѣе извѣстны русскому читателю.

На Востокѣ нѣтъ ни одного проявленія жизни, которое не опредѣлялось бы религіознымъ закономъ. Въ самыхъ древнихъ священныхъ книгахъ нашихъ общихъ съ индусами предковъ аріанъ, въ четырехъ Ведахъ, собранныхъ, по мнѣнію строгаго Максъ-Мюллера, за 600 лѣтъ до Р. Х., а по мнѣнію другихъ и за полторы тысячи, мы находимъ нетолько описаніе боговъ, но и совѣты по архитектурѣ, ремесламъ, военному искусству, математикѣ и т. п. То же самое повторяется и въ позднѣйшихъ священныхъ писаніяхъ Индіи, и женщина въ нихъ, конечно, не забыта. Главный кодексъ индусовъ Ману-Сангита, написанный, по преданію туземцевъ, богомъ Свайемъ-Бава, тридцать милліоновъ лѣтъ тому назадъ, а по изслѣдованію европейскихъ ученыхъ за 500 л. до Р. Х. опредѣляетъ женщину такъ: «ея натура влечетъ мужчинъ ко грѣху; мужъ долженъ день и ночь стараться, чтобъ жена не взяла надъ нимъ верхъ; кто довѣряетъ женщинѣ, тотъ пойдетъ по міру нищимъ; жену, младшаго брата и слугу надо учить веревкой или тонкой палкой; если женщина не любезна, пьетъ, мотаетъ деньги или лжетъ — брось ее и возьми другую; если измѣнила — отрѣжь ей носъ; женщина, даже старая, не самостоятельна; она должна находиться подъ надзоромъ отца, мужа или сына, за отсутствіемъ таковыхъ—родни мужа или, наконецъ, хотя бы родни отца». Естественно, что Ману не допускаетъ у женщины также никакихъ имущественныхъ правъ, говоря: «жена, сынъ и рабъ не имѣютъ собственности; все, что они зарабатываютъ, принадлежитъ главѣ дома». Самое рожденіе дѣвочки—горе для индусской семьи. Если родился сынъ, тотчасъ бьютъ въ бубны и сосѣди собираются съ поздравленіями; если дочь — бубны молчатъ и друзья приходятъ съ печальными лицами для выраженія соболѣзнованія. Мать, рождающая много сыновей, пользуется особымъ уваженіемъ въ своемъ околоткѣ; рождающая лишь дочерей, считается находящейся подъ опалой у боговъ за какое-нибудь тайное и великое прегрѣшеніе. Для отца сынъ еще важнѣе. Илліада Индустана — Магабаратта — въ своихъ прелестныхъ стихахъ, переведенныхъ на англійскій языкъ талантливымъ оріенталистомъ—поэтомъ Арнольдомъ, разсказываетъ, что одинъ бездѣтный индусъ удостоился попасть живымъ на тотъ свѣтъ и увидѣлъ ужасное зрѣлище: множество мужчинъ повѣшены тамъ внизъ головой надъ глубочайшей пропастью и мыши грызутъ веревки, прикрѣпляющія ихъ къ дереву. Оказалось, что висятъ предки посѣтителя ада и страшное паденіе въ пропасть угрожаетъ имъ лишь за то, что у нихъ впереди не предвидится потомка въ

мужскомъ колѣнѣ, отъ котораго единственно Творецъ принимаетъ молитвы за спасеніе прародителей. Такимъ образомъ, неимѣніе сына грозитъ отцу неизбѣжной гибелью въ загробной жизни. Индусы крѣпко вѣрятъ въ это и разводятся съ женой, не дающей сына въ теченіе семи лѣтъ.

Люди всегда и вездѣ ищутъ лѣкарства отъ горя. Прѣступныя средства для избавленія отъ дочерей практиковались тысячелѣтія во всѣхъ населенныхъ уголкахъ земного шара. У нѣкоторыхъ племенъ арабовъ, напр., женщина рождаетъ надъ вырытой ямой; родился мальчикъ, его вынимаютъ; явилась на свѣтъ Божій дѣвочка— ее тутъ же закапываютъ. Греки, римляне и прочіе народы были знакомы даже съ покровительствомъ закона дѣтоубійству. Въ Индіи такое преступленіе практикуется и теперь. До сей поры эта удивительная страна даетъ статистикѣ цифры населенія, въ которыхъ женскій полъ считаетъ своихъ членовъ на шесть милліоновъ душъ меньше, чѣмъ мужской. Среди же племенъ Гурговъ, Удовъ. въ Пенджабѣ, Райпутанѣ и С.-З. провинціяхъ британской Индіи на четыре милліона мужчинъ приходится лишь три милліона женщинъ; въ Кутчѣ на 5 тысячъ душъ мужского пола триста женщинъ, въ 95 деревняхъ, въ округѣ Алагабада, осталось въ живыхъ только три дѣвочки; въ Райпурѣ цензъ 1867 г. открылъ 5 дѣвочекъ на 100 мальчиковъ и т. д. Эти цифры достаточно краснорѣчиво говорятъ въ какихъ грандіозныхъ размѣрахъ практиковалось и отчасти практикуется въ Индіи истребленіе женскаго пола. Даже драконовская суровость англійскихъ властей не въ силахъ искоренить варварскій стародавній обычай; такъ и послѣдняя подушная ревизія 1875 г. въ С.-З. провинціяхъ Индіи показала печальныя цифры: 70% новорожденныхъ мужского и 30% женскаго пола...

Изслѣдователи Индіи, однако, до сихъ поръ не открыли общеобычнаго способа истребленія дѣвочекъ. Путешественникъ, докторъ Кукъ, видѣлъ въ пещерахъ Белуджистана массу муміобразныхъ высушенныхъ солнцемъ тѣлъ брошенныхъ дѣтей; въ Индіи также нерѣдко дѣвочекъ вѣшаютъ въ корзинкѣ на дерево въ лѣсу; въ Саурадѣ ихъ одѣваютъ и закапываюъ живыми; въ Бенаресѣ ихъ топятъ въ молокѣ, читая особую молитву, въ которой испрашивается у боговъ возвращеніе умирающаго ребенка въ видѣ сына. Кромѣ того, во всей Индіи плодоистребленіе считается дѣломъ вполнѣ законнымъ. Разъ астрологи опредѣлили, что во чревѣ матери зачатъ ребенокъ женскаго пола — плодъ открыто и гласно изгоняется вонъ самыми грубыми средствами. Въ новѣйшей исторіи Индіи есть также указанія, что и жизнь взрослой дочери стòитъ для родителей не дорого. Въ 1809 г. князь владѣтель Удайпура умертвилъ свою дочь-красавицу, только для того, чтобъ примирить двухъ соперниковъ-претендентовъ на ея руку—князей Джейпура и

Джодпура. Слѣдуетъ, однако, во имя справедливости замѣтить, что въ дѣтоубійствѣ, хотя и оправдывавшемся даже великимъ законодателемъ классическихъ временъ Солономъ, религіи Индіи—Коранъ и Ману — не повинны. Первый заключаетъ въ себѣ слѣдующую безусловно прекрасную заповѣдь: «Кто спасетъ одну живую душу отъ смерти, тотъ достоинъ такихъ же почестей какъ спаситель всего человѣчества». У индусовъ въ свою очередь священный законъ гласитъ: «убійство одного брамина равно убійству ста коровъ [1]); одной женщины—ста браминовъ; одного ребенка—ста женщинъ». Многіе изъ пророковъ Индіи, подобно Моисею, также вооружались противъ этого обычая, имѣющаго, какъ увидимъ далѣе, практическую житейскую подкладку.

У буддистки есть утѣшеніе въ надеждѣ народиться вновь въ свѣтъ мужчиной, но либеральный буддизмъ пролетѣлъ надъ народами Инда и Ганга, какъ свѣтлый метеоръ, и у женщины Индустана нѣтъ розовой надежды даже въ будущую загробную жизнь. На землѣ же ея главный богъ—мужчина. Дѣвочекъ индусовъ обучаютъ религіи съ единственной цѣлью дать имъ средство вымолить у неба хорошаго мужа. Первый лепетъ младенческихъ устъ повторяетъ «Сива-Пуна—Боже дай мнѣ мужа! и Кришна-Пуна—Господь, дай мнѣ сына и мужа, дай мнѣ мужа-принца, да буду я прекрасна и добродѣтельна для него, пошли мнѣ также семь красавцевъ сыновей». Этой оригинальной религіи ея учитъ «гуръ», наставникъ или наставница, почитаемые за святыхъ, такъ какъ первая буква ихъ имени, по священному преданію, означаетъ «прикосновеніе», вторая «прощеніе грѣховъ», третья «бога Сиву», а все слово—«самого Творца». Но и женское небо Индустана не велико и не лучезарно. Главная богиня Сати, жена Сивы, погибла ужасной смертью: забеременевъ богами, она лопнула на нѣсколько частей; другая богиня — Кали — изображена сидящей на времени (Сивѣ), черная и окровавленная съ высунутымъ языкомъ, съ запутанными и висящими до ногъ волосами, съ сѣкирой въ рукѣ и съ ожерельемъ изъ человѣческихъ череповъ, вѣчно алчущая крови и кровавыхъ жертвъ; третья—патронесса хозяйства—Анна Пура—скромная богиня, сидящая на лиліи и держащая въ одной рукѣ ложку, въ другой — блюдо и пр.

Младенцу-дѣвочкѣ надо торопиться съ молитвами. Если она до семилѣтняго возроста не выдана замужъ, то восьми лѣтъ ее уже объявляютъ женой бога Сивы—нѣчто въ родѣ «Христовой невѣсты» [2]);

---

[1]) Корова — святое животное для индусовъ; даже пометъ ее въ большомъ религіозномъ почетѣ.

[2]) Сива или Шива одинъ изъ главныхъ боговъ индусовъ, олицетворяющій время, солнце и огонь. Начало поклоненія Сивы почти совпадаетъ съ началомъ христіанской эры.

а въ десять лѣтъ ребенокъ безъ мужа, по глубокому убѣжденію индусовъ, гнѣваетъ весь грандіозный пантеонъ боговъ, приноситъ дому родителей горе за бѣдой и заслуживаетъ исключенія изъ касты. Индусскій законъ къ несчастной дѣвочкѣ такъ строгъ, что для одиннадцатилѣтняго ребенка онъ даже отступаетъ отъ своего основного принципа — рабства женскаго пола — и наказываетъ отца позволеніемъ дѣвочкѣ этого возроста самой избрать для себя мужа.

Но рѣдко подобная угроза находитъ виновныхъ. Обычай такъ святъ и крѣпокъ, что даже въ самыхъ образованныхъ семьяхъ, богатыхъ, независимыхъ, живущихъ въ столицѣ британской власти и среди англичанъ, нѣтъ семилѣтней дѣвочки, еще не выданной замужъ. Этотъ ужасный обычай связанъ кровными узами съ другимъ, о существованіи котораго было бы трудно повѣрить безъ ежедневнаго подтвержденія его въ жизни — «кулинизмомъ». По общему правилу, индусы моногамисты и довольствуются одной женой, хотя при огромной массѣ туземныхъ священныхъ писаній можно найти въ нихъ указанія на какія угодно формы брака. Если жена не рождаетъ семь лѣтъ сына, мужъ индусъ имѣетъ право взять себѣ другую жену, оставляя у себя и первую, при чемъ новая, давъ сына, дѣлается старшей въ домѣ; затѣмъ допускается «гондарва»—нѣчто въ родѣ гражданскаго брака, бракъ по взаимному согласію, при чемъ гражданская жена также считается законной [1]); дѣйствителенъ и «ракшасъ»—бракъ съ взятой въ плѣнъ женщиной на войнѣ. Со времени длиннаго періода безконечныхъ междоусобицъ въ Индіи первый изъ этихъ двухъ побочныхъ браковъ излюбленъ купцами, второй воинами.

Кулинизмъ же—апоѳеозъ полигаміи—имѣетъ скорѣе религіозное происхожденіе. Лѣтъ за триста до нашествія магометанъ, одинъ изъ индійскихъ принцевъ призвалъ въ царство пять ученыхъ браминовъ, т. е. представителей высшей касты Индустана, и далъ ихъ потомкамъ особый почетный титулъ кулиновъ, что означаетъ «слуга» (подразумѣвается божій). Эти потомки, до сихъ поръ считаясь наисвятѣйшими изъ браминской касты, составляютъ цехъ самыхъ завидныхъ жениховъ для религіозныхъ семей и пользуются привиллегіей многоженства.

Индусъ долженъ выдать замужъ малютку-дочь до десятилѣтняго возроста, иначе его ждутъ и гнѣвъ боговъ, и осужденіе людей. Бѣдность въ странѣ велика, жениховъ не находится, а тутъ готовъ «кулинъ», имѣющій право вѣнчаться сколько разъ ему угодно и приносящій въ домъ тестя почетъ вмѣстѣ съ благословеніемъ неба. При такихъ обстоятельствахъ даже сладострастіе ушло на второй

---

[1]) Интересно поэтическое происхожденіе имени этого брака: гондарвами называется въ индустанской миѳологіи шестьдесятъ милліоновъ ангеловъ, обязанныхъ развлекать боговъ музыкой и врачевать ихъ болѣзни.

Типы индійскихъ женщинъ.

Типы индійскихъ женщинъ.

планъ и на первомъ явился гешефтъ. Кулины давно уже создали особую таксу для своей привиллегіи, обративъ ее въ профессію, доставляющую деньги и хлѣбъ. Въ недавно вышедшей брошюрѣ туземнаго писателя, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, приводится длинный поименный списокъ браковъ у кулиновъ:

У бинаржи (сообщаетъ авторъ) .	55 лѣтъ	80 женъ	
» чатержи	64 »	72 »	
» мукержи	55 »	62 »	и т. д.

У самаго скромнаго изъ современныхъ намъ кулиновъ оказывается сорокъ женъ! Британскій профессоръ Вильсонъ въ свою очередь зналъ между ними, имѣвшихъ по сто и по сто пятидесяти женъ, по тридцати сыновей и по 16 дочерей.

Кулины вѣнчаются со всѣми, кто платитъ имъ за это; живутъ съ женой изъ своей касты, а другихъ лишь навѣщаютъ по заранѣе заключенному условію разъ въ годъ, въ три года и т. п., смотря по степени богатства семьи, обязанной платить за каждое посѣщеніе мужа-брамина ихъ дочки. Понятно, что чѣмъ старѣе кулинъ, тѣмъ меньше ему цѣна, и вслѣдствіе этого въ Индіи среди бѣднаго населенія совершаются тысячи браковъ между шестилѣтними дѣвочками и семидесяти-восьмидесятилѣтними стариками-кулинами.

Столь безобразная привиллегія касты кулиновъ возмущаетъ умы даже туземнаго образованнаго общества, крайне робкаго во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ предразсудкамъ толпы. Уже многіе годы среди этого общества идетъ горячая агитація въ пользу отмѣны возмутительной привиллегіи, но британское правительство еще не осмѣлилось дотронуться до обычая, освященнаго преданіемъ тысячелѣтія, и, такимъ образомъ, кулинизмъ цвѣтетъ по сей день, ежечасно увеличивая число жертвъ вмѣстѣ съ размноженіемъ потомковъ пяти славныхъ ученостью браминовъ. Впрочемъ, не всегда и прекрасный полъ протестуетъ противъ полигаміи. Такъ, когда нынѣшній князь, владѣтель Танджара, собралъ восемнадцать красавицъ своей страны и объявилъ, что желаетъ избрать изъ нихъ одну, а остальныхъ выдать замужъ за царедворцевъ, то дѣвицы подняли бунтъ, требуя, чтобъ князь не обижалъ и женился бы на всѣхъ. Галантный князь внялъ мольбамъ и сразу обвѣнчался съ восемнадцатью бунтовщицами... Не смотря на то, что при бракѣ шестилѣтнихъ дѣвочекъ съ двѣнадцатилѣтними мальчиками о любви не можетъ быть и вопроса, но у индусовъ есть свой купидонъ «Камадева» и жрицы его Гатаки—свахи [1]). Онѣ навѣщаютъ семью невѣсты, осматриваютъ подробно послѣднюю, и, если желаютъ найти ей жениха, то даютъ ея родителямъ золотую монету; затѣмъ от-

[1]) «Камадева» — красавецъ-юноша, сынъ «Иллюзіи», ѣздитъ на попугаѣ и командуетъ арміей нимфъ.

правляются въ домъ жениха, свидѣтельствуютъ его и пишутъ съ родителями формальное условіе. Первая церемонія касается жениха. Его одѣваютъ въ праздничное платье, навѣшиваютъ на него бездну разныхъ украшеній и ставятъ на подмосткахъ между деревьями. Тутъ четыре замужнія женщины ходятъ кругомъ и обрызгиваютъ его водой изъ Ганга или другой святой рѣки. Въ это время семейство невѣсты угощаетъ родственницъ, а родители жениха—родственниковъ. Вслѣдъ за такой помолвкой наступаетъ и свадьба. Въ день ея, женихъ и невѣста постятся; мать же перваго ѣстъ не переставая, чтобъ «наѣсться досыта пока не отняла ѣду невѣстка». Жениха опять наряжаютъ; при выходѣ изъ дома мать спрашиваетъ его: «Зачѣмъ идешь?» — «Чтобъ привести тебѣ слугу», — обязанъ отвѣтить сынъ. Пышной процессіей, съ музыкой, пѣніемъ и танцами, слѣдуетъ женихъ въ паланкинѣ къ дому невѣсты. Тамъ готово для него особое сидѣнье, обитое краснымъ шелкомъ. Онъ снимаетъ съ себя украшенія, какъ бы желая сказать «полюби меня черненькимъ» и въ это время будущій тесть вводитъ свою дочь, кланяется и говоритъ: «даю ее тебѣ». Тогда женихъ обращается къ невѣстѣ съ словами: «Я буду вѣренъ и буду любить тебя, но хочу слышать и твое обѣщаніе, что ты будешь вѣрна и послушна мнѣ».—«Обѣщаюсь»,—отвѣчаетъ невѣста. Браминъ читаетъ генеалогію обѣихъ семей, связываетъ руки молодыхъ гирляндой цвѣтовъ, заковываетъ наглухо желѣзный браслетъ на рукѣ молодой, обводитъ ихъ семь разъ кругомъ огня, и бракъ считается совершоннымъ.

Иначе проходитъ дѣтство и юность женщины у другихъ обитателей Индіи, бурмезцевъ и аборигеновъ не арійскаго племени. Такъ, среди населенія монгольской расы ранніе браки неизвѣстны и тамъ существуетъ поэтическій обычай отдавать сумерки на свободное ухаживаніе молодежи другъ за другомъ. Этотъ обычай практикуется даже у нѣкоторыхъ магометанскихъ племенъ, наприм., у афганцевъ, гдѣ при закатѣ солнца самъ эмиръ когда-то выходилъ на улицу въ поискахъ за любовными приключеніями. Бурмезцы наиболѣе преданы этой забавѣ; ихъ вѣра—буддизмъ—религія равноправія и свободы, а ихъ женщины славятся красотой.

Дѣвочка-жена индуса остается послѣ свадьбы въ домѣ своихъ родителей и лишь по достиженіи 12—13-тилѣтняго возроста вручается мужу безъ всякихъ особыхъ церемоній, лишь при чтеніи спеціальной молитвы. Съ этого дня положеніе ее ясно иллюстрируется даже устройствомъ домовъ индусовъ. Обычная и всегда строго соблюдаемая форма ихъ такова: четырехугольный дворъ, съ верандой у входа для религіозныхъ празднованій; первый домъ вмѣщаетъ внизу кладовыя, вверху комнаты мужчинъ, свѣтлыя, съ большими окнами съ разными украшеніями, и въ городахъ часто съ европейской мебелью; за этимъ домомъ идетъ другой дворикъ и домъ поменьше — Зенана-Хана — теремъ, куда ведетъ узенькая лѣсенка и

гдѣ окна малы и такъ высоки, что изъ нихъ ничего не видно. Суровый законъ Ману предусмотрѣлъ и эту мелочь, заявляя, что женщина не должна выглядывать въ окно. Даже въ богатыхъ туземныхъ домахъ въ Зенанѣ-теремѣ нѣтъ ни мебели, ни украшеній—женщина не стоитъ ихъ!

Молодая дѣлается рабой мужа, не имѣющей права выходить изъ дома даже для посѣщенія своихъ родителей; она хуже рабы, ибо не смѣетъ ни смотрѣть на мужа, ни показываться ему, ни говорить съ нимъ днемъ. Она только часть имущества мужа, но не родня ему; священный законъ, напр., разъясняя кастѣ воиновъ ихъ обязанности, упоминаетъ о женахъ въ слѣдующемъ чытырехстишіи:

«Жену, очагъ свой защищай,
«Но за себя обоихъ ихъ отдай;
«Жену и домъ ты вновь найдешь,
«Но жизнь послѣ смерти не вернешь».

Съ другой стороны, въ многочисленныхъ драмахъ Индустана страстная любовь жены къ мужу выражается въ такомъ униженномъ тонѣ: «безъ тебя и небо потеряетъ свою прелесть, лобызать твои ноги для меня наслажденіе», а резонеры драмъ, обращаясь къ женамъ, говорятъ: «поклонившись Богу, не угодно ли вамъ теперь, сударыня, помолиться на вашего мужа?» Такая молитва категорически предписывается священнымъ писаніемъ Индіи: «Преклонившись передъ небесными богами,—наставляетъ Парана,—жена должна принести и жертвоприношеніе мужу, который есть поистинѣ богъ любви». Еще хуже ея положеніе среди другихъ домашнихъ. Индусы до сей поры не утратили патріархальности дома,—они почти не знаютъ раздѣловъ и живутъ цѣлымъ родомъ, нерѣдко по двѣсти и по триста душъ вмѣстѣ. Среди этого населенія строго соблюдается старшинство, а главенство принадлежитъ патріарху семьи, которому всѣ члены обязаны подчиняться безпрекословно. На женской половинѣ хозяинъ, разумѣется, самая старая женщина, и создались такія пословицы у индусовъ: «Коли свекровь разобьетъ—посуда земленая; коли невѣстка — золотая»; «послѣ смерти свекрови у невѣстки еще шесть мѣсяцевъ не просыхаютъ глаза». Младшій членъ Зенана-терема не смѣетъ даже обращаться или называть по имени старшихъ.

Женщина Индіи безграмотна и по обычаю не должна ничему учиться. Цѣлыя столѣтія усилій миссіонеровъ не могли сломить это вѣковое невѣжество. Даже правительственная субсидія каждой дѣвочкѣ, обучающейся въ школѣ, не принесла существенной пользы. Только лѣтъ десять тому назадъ американкѣ миссъ Бретенъ пришла благая мысль образовать особое общество европейскихъ учительницъ, которыя, уважая туземную традицію, не требуютъ отъ ученицъ прихода къ себѣ, а сами идутъ въ дома индусовъ и тамъ,

въ центрѣ Зенана-терема, зажигають лучъ просвѣщенія. Приходится учить все замужнихъ дамъ, ибо до шестилѣтняго возроста—единственной поры дѣтства—ученицы слишкомъ малы даже для азбуки, а жены не имѣютъ права выхода изъ дома мужа. Миссіонерская дѣятельность европейцевъ въ Индіи, попреимуществу англичанъ, нѣмцевъ и американцевъ, поистинѣ грандіозна по количеству ихъ учрежденій, по расходуемымъ ими суммамъ и въ особенности по ихъ энергіи. И дѣятельность эта основывается на правильномъ базисѣ—просвѣщеніи, какъ первой и главнѣйшей ступени къ признанію и познанію снятости евангелія. Братство учительницъ, дающихъ уроки въ домахъ туземцевъ, нынѣ разрослось въ одно изъ обширнѣйшихъ просвѣтительныхъ учрежденій Индіи.

Женщина Индустана, не смотря на свой смуглый цвѣтъ, имѣетъ красивый типъ [1]) и, не смотря на невзгоды своего пола, въ ней бьется хорошее сердце, и, при томъ, индусы вообще не обижены природой ни въ умѣ, ни въ любознательности. Европейскія учительницы скоро сдѣлались желанными гостьями мрачныхъ теремовъ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ теперь ученицы съ слезами радости на глазахъ, жаркими поцѣлуями и объятіями. Съ другой стороны, и мужья-туземцы, по мѣрѣ развитія образованія среди нихъ, стали жаловаться на тьму своихъ женъ и говорить, что «университетъ приговариваетъ индусовъ къ безбрачію». Такимъ образомъ, просвѣщеніе Зенана мало по малу становится подъ покровительство главы и «бога» женщины—ея мужа.

Печальна картина положенія женщины въ Индіи, но поверните калейдоскопъ, войдите изъ дома индуса въ его храмъ и предъ вами совершенно другія тѣни, свѣтъ и краски: тамъ десятки и сотни, если не тысячи красавицъ разодѣтыхъ въ богатыя яркія ткани, украшенныя драгоцѣнными цѣпями, кольцами и браслетами, смѣло вступаютъ въ остроумную бесѣду съ незнакомымъ мужчиной, высказывая обширную начитанность, нерѣдко и основательное знаніе нѣсколькихъ языковъ, въ томъ числѣ санскритскаго. Это—Дѣвы-Дасы, танцовщицы храмовъ, современныя весталки религіи Индустана. Въ каждомъ туземномъ храмѣ есть эти дѣвы, и, чѣмъ славнѣе, богаче и святѣе храмъ, тѣмъ бо̀льшее число танцовщицъ состоитъ при немъ. Въ знаменитомъ храмѣ Камакія, живописно воздвигнутомъ на высокомъ обрывѣ рѣки Брамапутры, еще недавно было пять тысячъ танцовщицъ...

[1]) У туземной поэзіи есть, конечно, свой идеалъ красоты, и она описываетъ, напримѣръ, ее такими словами: «вотъ идетъ красавица ярко-палеваго цвѣта съ неувядаемой юностью на лицѣ, съ глазами подобными чакарѣ, съ музыкальнымъ голосомъ попугая» и пр. Чакара — общераспространенная въ Индіи птичка, по народному повѣрью влюбленная въ луну; имя ее означаетъ «ѣдящая огонь».

Танцы во славу неба знали въ старину едва ли не всѣ народы. Израильтяне плясали кругомъ Ааронова быка, въ Греціи былъ культъ Венеры и т. д. И вездѣ же танцы соединялись съ обязательной религіозной проституціей танцующихъ. Въ Арменіи, напримѣръ, считалось даже позоромъ семьи, если дочь ея, предъ выходомъ замужъ, не послужитъ богинѣ Анаитисъ.

Часто въ надеждѣ на избавленіе отъ горя или въ благодарность богамъ за ниспосланную радость, родители Индіи посвящаютъ свою дочь служенію въ храмѣ. Этотъ обычай, какъ извѣстно даже изъ нашихъ религіозныхъ преданій, былъ некогда общераспространеннымъ на Востокѣ. Выбирается для посвященія богамъ, конечно, самая красивая и здоровая въ семьѣ дѣвочка; съ раннихъ младенческихъ лѣтъ приставляютъ къ ней учителей, которые, въ пагодѣ или на дому, преподаютъ дѣвочкѣ танцы, обучаютъ чтенію, письму, религіознымъ пѣснямъ и т. п. Дѣва-Дасса должна быть образована, какъ поклонница богини Сарасвати, индустанской Минервы, покровительницы наукъ, поэзіи и музыки. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Индіи и среди нѣкоторыхъ кастъ, какъ напримѣръ у ткачей городка Тиру-Каликундромъ, есть обычай посвящать храму всѣхъ старшихъ дочерей каждой семьи.

Посвященіе производится такимъ образомъ: выбирается богъ, которому въ жены и предназначаютъ дѣвочку; браминъ читаетъ брачную пѣснь, дѣвочка подводится къ идолу-супругу и т. д. со многими не цензурными подробностями.

Достигнувъ зрѣлости, т. е. 12—13 лѣтъ, дѣвочка отдается въ храмъ и дѣлается немедленно жертвой сладострастія священниковъ, а затѣмъ, получая отъ храма жалованіе за обязательные танцы шесть разъ въ день предъ идолами, она живетъ вмѣстѣ съ своими товарками, пользуясь абсолютной свободой любить кого хочетъ и отдаваться кому пожелаетъ. Проституція для нея обязательна, какъ одно изъ главныхъ условій оригинально-монашескаго чина. Но это нисколько не роняетъ танцовщицу въ глазахъ общественнаго мнѣнія; Дѣвы-Дассы Индіи, напротивъ, пользуются не только всеобщимъ уваженіемъ, всегда богатымъ доходомъ, но служатъ и предметомъ зависти для женщинъ Зенана-терема. Въ ихъ средѣ нерѣдко можно найти дочерей самыхъ аристократическихъ фамилій; ихъ танцы составляютъ непремѣнную необходимость каждаго праздника, веселья и пира; онѣ имѣютъ право и на почетъ, въ которомъ туземный законъ отказываетъ даже принцессамъ; напримѣръ, танцовщицы могутъ сидѣть въ присутствіи самаго высшаго общества, обращаться съ вопросами, называть по именамъ самихъ королей и т. д.

Покровительство религіи свободѣ отношеній къ Дѣва-Дассамъ, ихъ красота, образованіе и опытность, при невѣжествѣ и наивности женщинъ теремовъ, влечетъ въ храмы на веселье и любовь ту-

земныхъ мужей, у которыхъ годы еще не успѣли охладить сердце. Тамъ ждутъ ихъ боги, обѣщаніе за развратъ небеснаго царства, женщины, музыка, пѣснь торжеству сладострастія и танцы своей не прозрачной мимикой волнующія кровь. Въ религіи Индустана вообще Эросъ не забытъ, и среди племенъ живущихъ въ Индіи есть не мало такихъ, которыхъ молитвы, богослуженія и самые идолы составляютъ апоѳеозъ поклоненія этому божку.

Дѣвы-Дассы, ведя привольную жизнь свободной любви, богатства и религіознаго почета, пользуются особыми привиллегіями и въ имущественныхъ правахъ. Онѣ могутъ имѣть собственность и дѣтей, а наслѣдство, оставшееся послѣ ихъ смерти, передается исключительно по женской линіи. А потому и между многочисленнымъ классомъ танцовщицъ также существуетъ обычай дѣтоубійства, но только младенцевъ не женскаго, а мужского пола...

Въ Тибетѣ, Траванкорѣ, среди Сиксовъ, на нѣкоторыхъ частяхъ Гималая, на южныхъ горахъ Нейльгери и Кашмирѣ, среди аборигеновъ участь жены ужасна. Тамъ выбираетъ себѣ жену лишь старшій братъ, но она обязана быть женой и всѣхъ младшихъ братьевъ. Если кто-либо изъ послѣднихъ тоже вздумаетъ жениться, онъ долженъ выдѣлиться изъ семьи и его жена въ свою очередь принадлежитъ всѣмъ живущимъ съ нимъ младшимъ братьямъ. Впрочемъ, тутъ все-таки есть проблескъ свѣта для женщины: до замужества дѣвушка у упомянутыхъ народовъ свободна и грѣхопаденіе въ этотъ періодъ жизни не ставится ей въ вину; за измѣну же братьямъ-мужьямъ женѣ грозитъ смерть. И странное дѣло, путешественники удостовѣряютъ, что даже при такой безобразной формѣ брака ревность женъ и мужей самое обыкновенное дѣло. Наирсы, небольшой народецъ на Малабарскомъ берегу, напротивъ, предоставляютъ полную свободу своимъ женамъ; тамъ жена не живетъ въ домѣ мужа, оставаясь до смерти у родителей и принимая къ себѣ кого ей угодно. Лучшая похвала женщинъ у этого народа— длинный рядъ именъ знатныхъ персонъ, удостоившихъ раздѣлить ложе супруга; невинная же дѣвушка считается незаслужившей рая и любви боговъ. Такимъ образомъ, дѣти въ этой странѣ не знаютъ отцовъ и наслѣдство у нихъ, какъ у Дѣва-Дассъ переходитъ лишь по женскому колѣну.

Теперь возвратимся снова къ несчастной женщинѣ индустанскаго Зенана. Обвѣнчанная шести лѣтъ и отданная мужу двѣнадцати, она готовится быть матерью. Наступаютъ для нея новыя долгія и двойныя муки. Ей полагается строгая діета, особыя молитвы и безконечный рядъ символовъ, которыхъ она должна избѣгать во имя счастія всей семьи, т. е. подъ деспотическимъ надзоромъ послѣдней—не сидѣть подъ деревомъ, ибо злые духи могутъ легко нашептывать въ ухо; не быть на сквозномъ вѣтру, гдѣ дьяволу привольно; не носить платье, надъ которымъ пролетѣла птица, мо-

гущая быть чортомъ, переодѣтымъ въ птичью шкурку и т. д. Наконецъ, астрологи опредѣляютъ день перваго праздника Кашa-Садъ еще задолго до родовъ. Собираются гости, идетъ угощеніе и будущая мать въ праздничномъ нарядѣ центръ бесѣды и общаго интереса; черезъ два мѣсяца второй подобный же праздникъ Байя-Садъ, а за нѣсколько дней до родовъ главное торжество. Комнату выбѣливаютъ заново; будущая мать садится въ центрѣ ея предъ огнемъ, гости образуютъ кругъ и начинается пѣніе эротическихъ молитвъ и неприличные танцы. Съ наступленіемъ сумерекъ гости всѣ сразу убѣгаютъ по домамъ, ибо существуетъ повѣрье, что гость, не попавшій домой съ такого праздника засвѣтло, приноситъ родильницѣ горе и несчастіе.

Передъ началомъ мукъ женщина, по религіозному закону, становится нечистымъ существомъ, и потому не можетъ быть оставлена въ домѣ и не должна входить въ соприкосновеніе съ кѣмъ-либо. У богатыхъ на этотъ случай существуетъ особая постройка на дворѣ, у бѣдныхъ роженицу ведутъ въ кладовую. Тутъ мебели не полагается. На полу растилаютъ солому, ставятъ возлѣ матери коровью челюсть, какъ средство противъ визита чертей, и на стѣну вѣшаютъ изображеніе богини Састи (покровительницы женщинъ), сдѣланное изъ коровьяго помета. Пять дней кладовая не можетъ быть очищаема и, не смотря на самый жаркій сезонъ, въ ней день и ночь должна горѣть жаровня. Ребенка тотчасъ по появленіи на свѣтъ обтираютъ горчичнымъ масломъ, а роженицу нѣсколько дней подрядъ поятъ крѣпкой перцовой настойкой. Единственное лицо, допускаемое въ кладовую—жена цирульника, касты, присвоившей себѣ спеціальность акушерки. Лишь на третій день матери даютъ немного печенаго риса. При такихъ варварскихъ условіяхъ, внѣ попеченія и заботы семьи или мужа, дѣти-роженицы, отданныя на произволъ чужой бабки, рѣдко переживаютъ дни великаго испытанія, огромная смертность между юными матерями трогаетъ даже ледяныя сердца властителей-англичанъ.

Ночь съ пятаго на шестой день послѣ родовъ ребенокъ-мать проводитъ въ страхѣ и трепетѣ. Возлѣ нея лежитъ пальмовый листъ, чернила, перо, змѣиная шкура, камень изъ храма, плоды, шерсть и деньги. Все это приготовлено въ даръ страшному гостю—богу Видатра, имѣющему прійти послѣ полуночи къ одинокой матери [1]). Въ рукахъ этого бога и его расположенія духа вся будущая жизнь новорожденнаго младенца: богъ пишетъ въ эту ночь на лбу послѣдняго всю его судьбу и оттого-то индусъ-несчастливецъ, индусъ-преступникъ и всякій туземецъ въ горѣ, разочарованіи и печали спокойно отвѣчаетъ: «чтожъ дѣлать, это начертано на моемъ лбу!» Въ восьмой день на минутку заглядываетъ лучъ солнца въ мрач-

---

[1]) Видатра, значитъ—творецъ, одно изъ многочисленныхъ именъ Врамы.

ную темницу роженицы. Всѣ окрестныя дѣти собираются вокругъ кладовой, спрашиваютъ о здоровьи новорожденнаго и хоромъ отвѣчаютъ: «Да остается дитя въ мирѣ и здоровьи на рукахъ матери!» Черезъ три недѣли послѣ родовъ сына или черезъ четыре послѣ рожденія дочери наступаетъ день очищенія. Бабка стрижетъ больной ногти и кладетъ ее въ закрытый наглухо паланкинъ, не раздѣвая. Носильщики бѣгомъ тащутъ паланкинъ къ рѣкѣ или пруду, погружаютъ его въ воду и несутъ обратно въ домъ. Такое путешествіе совершается иногда за цѣлые десятки верстъ, при чемъ роженицу переносятъ въ мокромъ платьѣ, порой въ холодную погоду и вѣтеръ. Зато она является домой уже очищенной и застаетъ гостей съ поздравленіями.

Дѣвочкамъ-индускамъ даютъ имена разныхъ богинь—Лакшмы, Ганги и т. д. и, кромѣ того, каждый ребенокъ имѣетъ тайное имя, назначаемое астрологами по замѣчаемому ими сочетанію звѣздъ; астрологами же выдается родителямъ писанный гороскопъ, предсказывающій судьбу ребенка и этотъ документъ замѣняетъ у индусовъ законное метрическое свидѣтельство, признаваемое даже британскими властями. Если дѣти раньше рожденныя умирали, то вновь рожденныхъ называютъ жалкими именами—«Страданіе», «Горе» и т. п. въ надеждѣ разжалобить ими смерть, когда она вздумаетъ вновь прійти въ эту семью за жертвами. Бирмезцы, подобно китайцамъ и другимъ народамъ, исповѣдующимъ буддизмъ, прозвища дѣвочекъ берутъ изъ числа названій цвѣтовъ, добродѣтелей и т. д.

Плоха жизнь замужней индустанки, но еще хуже и горше ей, если смерть отниметъ ея земного бога—мужа.

При первомъ извѣстіи о вѣчномъ успокоеніи супруга, вдова дѣлается, по общепринятому повѣрью, существомъ лишнимъ на свѣтѣ, нечистымъ и грѣховнымъ, обращеніе къ которому съ ласковымъ словомъ или взглядомъ грозитъ великимъ гнѣвомъ боговъ. Отрицаніе права вдовы на жизнь весьма распространено на Востокѣ, этомъ истинномъ царствѣ мужской плоти. Еще въ текущемъ столѣтіи подъ охраной британской власти публично и торжественно совершались ауто-да-фе вдовѣ Индіи; теперь эти зрѣлища запрещены подъ строгой карой закона, костеръ почтиересталъ пылать подъ живыми жертвами предразсудка, но сами жертвы часто избираютъ другой путь на небо, гдѣ священное писаніе сулитъ 35 милліоновъ золотыхъ лѣтъ въ царствѣ боговъ женѣ, послѣдовавшей на тотъ свѣтъ за мужемъ. Вдовы бросаются съ крышъ, отравляются и проч. Извѣстно, что въ Китаѣ есть торжественный обычай и еще недавно европейскія газеты разсказывали подробно объ ужасной трагедіи въ Пекинѣ, героиней которой была одна изъ любимицъ высшаго общества Лондона. Въ 1880 году дочь китайскаго посланника при Сенъ-Джемскомъ дворѣ, Сангъ-Тона, семнадцати

лѣтъ обвѣнчалась съ братомъ извѣстнаго въ нашей новѣйшей исторіи Цангъ-Тенга, кроваваго покорителя Кульджи. Вскорѣ супругъ ея заболѣлъ; когда пища перестала подкрѣплять его, она вырѣзывала изъ себя куски мяса и варила изъ него супъ для больного; когда мужъ умеръ, молодая вдова уморила себя голодомъ. И это дѣлала женщина, проведшая нѣсколько лѣтъ въ самомъ эгоистическомъ европейскомъ обществѣ, привыкшая къ свѣтскимъ удовольствіямъ и видѣвшая воочію совсѣмъ другой строй жизни. Тѣмъ понятнѣе и яснѣе стремленіе суевѣрной женщины Индустана къ самоубійству послѣ смерти мужа.

Откуда произошелъ обычай сожженія женъ изслѣдователи теряются въ догадкахъ, а туземцы вѣрятъ, что поводомъ къ нему было частое отравленіе нелюбимыхъ мужей насильно отданными имъ женами. Есть данныя думать, что обычай имѣетъ за собой почти восемь столѣтій практики. Послѣднее публичное сожженіе жены въ британской Индіи имѣло мѣсто въ 1829 году, при чемъ власть старалась помѣшать варварству, но сама вдова требовала себѣ костра, какъ законнаго права, отказываясь идти домой и принимать пищу, пока ей не разрѣшили самосожженія. Господинъ Пирсъ былъ свидѣтелемъ публичнаго сожженія вдовы въ 1826 году въ Калькутѣ, столицѣ Индіи, при чемъ жертва была приведена на костеръ въ пьяномъ видѣ и обставлена густыми бамбуковыми вѣтвями, чтобъ не могла выскочить изъ огня. Въ вассальныхъ владѣніяхъ Индіи извѣстны случаи сожженія вдовъ еще въ 1880 году (см. «Modern Hinduism by W. Wilkins»). Въ британской Индіи ужасный обычай запрещенъ закономъ 1830 года, вызвавшимъ горячій протестъ съ 18-ю тысячами подписей самыхъ вліятельныхъ и образованныхъ туземцевъ. Тутъ сказалось несомнѣнно и огромное вліяніе туземной литературы, въ которой идеалъ женщины почти всегда изображается въ видѣ жены, слѣдующей за мужемъ на костеръ.

Если же вдова остается жить, ее казнятъ каторгой. Объявивъ о смерти мужа, женщины набрасываются на нее съ остервенѣніемъ, срываютъ украшенія, рвутъ одежды, вырываютъ серьги изъ ушей и носа, такъ чтобъ кровь брызгала, разбиваютъ камнями и молотами кольца на пальцахъ и браслеты на рукахъ, брѣютъ ей голову, тащутъ на похороны сзади всѣхъ и, пока сжигается тѣло супруга, вдова должна лежать въ водѣ и, мокрой, одинокой возвращаться домой. Тамъ 13 дней она обязана сидѣть безмолвной въ углу, не мѣняя одежды, почти безъ ѣды и безъ сна, слушая наставленія старшихъ о безполезности и грѣховности жизни вдовы. Кромѣ того, она обречена на вѣчный постъ, на вѣчное рабство и на вѣчный запретъ носить какія-либо украшенія. Цѣлый годъ вдова обязана ѣсть лишь одинъ разъ въ день и потомъ всю жизнь довольствоваться однимъ кушаньемъ, отказывая себѣ совершенно въ ѣдѣ и питьѣ каждые два мѣсяца по 48 часовъ. Всю жизнь

вдова должна носить бѣлую траурную одежду и ходить съ бритой головой.

Если вспомнить, что всѣ дѣвочки огромнаго края, начиная съ 6-тилѣтняго возроста уже жены, что тысячи такихъ дѣвочекъ замужемъ за кулинами, обладающими нерѣдко сотней номинальныхъ женъ, то картина вдовства въ Индіи является еще ужаснѣе. Въ странѣ оказывается масса вдовъ, не вышедшихъ изъ младенческаго возроста, еще не знавшихъ ни мужа, ни любви, ни жизни въ чужомъ домѣ. Легко предписывать драконовскіе законы, но жизнь обыкновенно не мирится съ ними и безобразію правилъ, выдуманныхъ человѣкомъ, противупоставляетъ другую крайность, словно въ урокъ міру и людямъ. Такъ случилось и съ отвратительными законами индустанскаго вдовства. Юная жизнь, обрѣченная ими на вѣчный трауръ, рветъ плотину ежечасно, заливая собой притоны разврата въ городахъ, селеніяхъ и даже на дорогахъ. Едва ли есть другая страна въ мірѣ, гдѣ проституція такъ велика, какъ въ Индіи. Въ городахъ она ломаетъ семейныя узы и давно уже уничтожила тамъ вѣру въ возможность встрѣтить туземнаго отца семейства, не имѣющаго наложницъ. Въ деревняхъ и на дорогахъ бродяжничаютъ многочисленныя «арджи»—женщины, посвятившія свой духъ богамъ, а тѣло на продажу. Вездѣ и всегда дитя крайности есть крайность.

Настаетъ, наконецъ, самый тяжкій моментъ въ жизни человѣка—смертный часъ. Если для насъ, христіанъ, разлука съ жизней полна безпокойныхъ думъ о грядущемъ, то для индуса эта мука въ милліонъ разъ горше. Ихъ боги не имѣютъ величайшаго изъ эпитетовъ Вышняго и не знаютъ милосердія. Небесный законъ Индіи также сухъ и безсердеченъ какъ земной, изобрѣтенный жадной и властолюбивой кастой браминовъ. Боги ихъ не дарятъ человѣка прощеніемъ, но зато караютъ грѣшныхъ милліонами лѣтъ страданій и милліонами лѣтъ скитаній ихъ души во образѣ грязныхъ и загнанныхъ животныхъ. Законы неба и земли воспитатели людей; нѣтъ въ нихъ сердца, нѣтъ и въ людяхъ любви къ ближнему. Эта черствость наглядно выражается въ отношеніи индусовъ къ самому творцу Брамѣ, въ честь котораго не существуетъ ни одного праздника, ибо Брама уже совершилъ все для человѣка, сотворивъ его, и нѣтъ болѣе практическаго основанія, разсуждаетъ индусъ, поклоняться ему. Ману, Пураны и другія священныя книги Индустана предусматриваютъ смерть, какъ и всякое другое мелкое и крупное событіе въ жизни людей, съ величайшими подробностями обставляя ее различными обрядами и возлагая подъ угрозой карами неба исполненіе ихъ на родственниковъ и друзей.

Первое правило—человѣкъ не долженъ умирать въ домѣ. На этомъ основаніи, какъ только туземный врачъ, часто полный невѣжда, заявляетъ семьѣ, что больная опасна или неизлѣчима, со-

бираются друзья и родные. Больную кладутъ на софу; плачутъ родственники и знакомые, воютъ наемные плакальщики; всѣ прощаются съ ней и ночью при свѣтѣ факеловъ, громко выкрикивая имя обреченной на смерть, несутъ ее многолюдной процессіей за городъ «на кладбище живыхъ». Тамъ, на полянѣ близь рѣки, подъ тѣнью раскидистыхъ сикоморъ, въ землянкахъ и шалашахъ изъ бамбуковыхъ вѣтвей, встрѣчаютъ новоприбывшую громкіе стоны и жалобы многочисленныхъ сотоварокъ. Богатые въ заготовленной палаткѣ, бѣдные подъ вѣтвями деревьевъ, ставятъ софу съ больной и ближайшіе родственники по очереди дежурятъ при ней. Съ этого момента больная потеряна для дома и семьи. Если холодъ, дождь и вѣтеръ не добьютъ ея слабыя силы и свершится чудо, она выздоровѣетъ, возвратъ къ прежней жизни почти невозможенъ. Возставшій съ кладбища живыхъ обязанъ и святымъ закономъ и обычаемъ посвятить себя вѣчному скитанію и одиночеству: мужчина превращается до гробовой доски въ голаго факира, женщина въ бродягу-арджу. Дежурящіе около одра несчастной жертвы человѣческаго заблужденія знаютъ это; кромѣ того, они сами ежеминутно находятся подъ страхомъ величайшихъ каръ неба. Выздоровленіе приговоренной къ смерти имъ не сулитъ радости или награды; пропускъ же момента смерти безъ погруженія тѣла въ священную воду рѣки обѣщаетъ милліоны лѣтъ ада, горя и униженій. За такой грѣхъ имъ можетъ грозить земное странствованіе двѣ тысячи сто лѣтъ въ образѣ камней, деревьевъ и т. п. неподвижныхъ предметовъ, 900 тысячъ лѣтъ въ видѣ рыбы и другихъ водяныхъ животныхъ, милліонъ лѣтъ насѣкомымъ, также милліонъ—птицей и три милліона—въ оболочкѣ животнаго, а порой и еще нѣсколько милліоновъ лѣтъ страданій въ аду индусовъ, предъ которымъ Дантовъ адъ можетъ показаться раемъ. При томъ, что такое смерть по понятію вѣрующаго туземца? Одна лишь перемѣна одежды. Соблюдалъ человѣкъ при жизни священное писаніе (морали это писаніе почти не знаетъ) и его ждетъ блестящій нарядъ высшей касты или даже сліяніе съ божествомъ; велъ дурную жизнь—превратится въ букашку, насѣкомое, но все-таки будетъ на землѣ, среди насъ...

У индусовъ вода играетъ огромную роль въ религіи. Они омываются ею еще чаще, чѣмъ мусульмане, а рѣки ихъ—олицетвореніе боговъ и богинь, первая среди которыхъ Гангъ. «Кто даже думаетъ о ней, говоритъ священная книга Бакіа-бами, тотъ получаетъ мѣсто въ небесахъ. Умирающему въ сознаніи въ водахъ Ганга обѣщается возвращеніе въ Создателя-Браму, изъ котораго произошелъ весь міръ; умирающему въ этихъ водахъ безъ сознанія дается мѣсто возлѣ Брамы». Эта вѣра заставляетъ богатыхъ индусовъ отправлять своихъ умирающихъ родственницъ изъ-за сотни и тысячи верстъ къ берегамъ Ганга, преимущественно въ святой го-

родъ Бенаресъ, вся земля котораго на десять миль кругомъ считается столь же священной. Менѣе же достаточный людъ довольствуется для этой цѣли другими рѣками не столь святыми.

Разъ невѣжественная толпа дежурныхъ родственниковъ заподозритъ, что больная готовится отдать Богу душу, несчастную моментально стаскиваютъ съ софы, и волокутъ къ рѣкѣ, на половину погружаютъ въ воду и грязью берега забиваютъ ротъ для освященія внутренностей страдалицы. Многіе достовѣрные изслѣдователи обычаевъ Индіи свидѣтельствуютъ какъ очевидцы, что въ вышеописанный моментъ большею частію совершается настоящее убійство больныхъ. Но европейскія власти и доктора не смѣютъ вмѣшиваться—опытъ доказалъ, что въ этихъ случаяхъ для спасенія страдальца отъ оскверненія присутствіемъ невѣрныхъ, родственники, особенно брамины, немедленно отравляютъ жертву своего изувѣрства, ибо немедленное сожженіе тѣла устраняетъ всякую возможность раскрыть преступленіе.

Тотчасъ за удостовѣріемъ, что смерть пришла, приготовляются къ похоронамъ. Богатые люди и народъ лѣсныхъ мѣстностей сжигаютъ трупы, оставляя лишь одну косточку, бросаемую во время тризны въ воду. Браминъ при этомъ читаетъ молитву: «Глупъ и не дальновидѣнъ тотъ, кто ищетъ постоянства въ человѣческой жизни. Наша жизнь не прочна, какъ стебель плантана, проходяща какъ морская пѣна. Тѣло было составлено изъ пяти элементовъ и возвратилось къ нимъ, гдѣ же тутъ причина для горя и скорби?» Бѣдныя семьи, особенно въ мѣстностяхъ гдѣ лѣсъ дорогъ, дѣлаютъ лишь видъ сжиганія, довольствуясь лишь маленькимъ костромъ изъ щепокъ на груди усопшей или даже тлѣніемъ уголька на ней, послѣ чего тѣло сдвигается въ рѣку. Алигаторы вѣками, изъ поколѣнія въ поколѣніе, привыкли къ такому обычаю. Ихъ отвратительные головы массами высовываются изъ воды при совершеніи обряда похоронъ и жаднымъ взоромъ маленькихъ хищныхъ глазъ ждутъ добычи. Кинуто тѣло страдалицы и стая земноводныхъ звѣрей кидается на него, вмигъ разрываетъ на части и поглощаетъ. Таковъ обычный конецъ земной юдоли женщины Индустана... У парсовъ, поклоняющихся единому богу Ормунду, положеніе женщины мало отличается отъ общихъ обычаевъ Индустана. Но у нихъ тѣло усопшей отдается въ добычу не алигаторовъ, а вороновъ, на горахъ, въ храмахъ «Молчанія».

Прекращеніе страданій женщины Индіи, понятно, должно совпасть съ разсвѣтомъ христіанства надъ тьмой туземной религіи. Уже теперь въ Индіи насчитываютъ до полутора милліоновъ христіанъ, изъ которыхъ три четверти—аборигеновъ. Они еще во многомъ не отстали отъ предразсудковъ своей старины, принимая даже Св. Причастіе изъ разныхъ чашъ во имя соблюденія кастовыхъ привиллегій и т. п., но ихъ женщина болѣе не затворница

и не раба. Она учится какъ равная мужчинѣ, не отдается насильно въ замужество, имѣетъ собственность и право личности. Именно въ этомъ классѣ туземныхъ счастливицъ образуются нынѣ многочисленныя братства миссіонерокъ и тѣ избранныя, которыя храбро вступаютъ въ научный бой на университетскихъ экзаменахъ съ самой просвѣщенной туземной мужской молодежью.

А. Молчановъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

С. Ѳ. Платоновъ. Древне-русскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. Спб. 1888.

КНИГА г. Платонова принадлежитъ къ числу немногихъ и весьма рѣдкихъ трудовъ молодого поколѣнія нашихъ ученыхъ. Отличительною и чрезвычайно пріятною особенностью этого молодого и серьезнаго труда является полное отсутствіе самомнѣнія, которымъ, въ большинствѣ случаевъ, страдаютъ всѣ труды молодыхъ ученыхъ, и труды молодыхъ ученыхъ новѣйшаго времени, по преимуществу. Другою, прекрасною чертою книги г. Платонова слѣдуетъ считать тотъ сильно-развитой критическій тактъ, съ которымъ онъ, какъ серьезный и толковый изслѣдователь, приступаетъ къ изученію обширнаго рукописнаго запаса «повѣстей и сказаній о Смутномъ времени». Этотъ критическій тактъ выработанъ у г. Платонова не тѣмъ, что онъ много рылся въ историческомъ матеріалѣ и много перебралъ рукописей; этотъ тактъ не привитъ ему и съ каѳедры, путемъ университетскаго преподаванія, хотя, конечно, руководство такого умнаго и талантливаго профессора, какъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и должно было, въ свое время, принести г. Платонову нѣкоторую пользу:—критическій тактъ, извѣстнаго рода критическое чутье, видимо, составляютъ прирожденное качество г. Платонова, какъ ученаго. А это—качество весьма цѣнное, особенно при томъ чрезвычайномъ спокойствіи, съ которымъ г. Платоновъ умѣетъ постоянно относиться къ главному предмету своего изслѣдованія. Но мы, не не шутку, боимся того, что г. Платоновъ, послѣ изданія въ свѣтъ своей диссертаціи, почіетъ на лаврахъ: — такъ много выпало на его долю похвалъ со стороны людей, нечитавшихъ его книги, читавшихъ ее урывками и клочками, или даже просто удовольствовавшихся заманчивымъ заглавіемъ, предисловіемъ и спи-

скомъ рукописей, послужившихъ основою для изслѣдованія[1]). Вотъ почему прочитавъ книгу г. Платонова и серьезно ознакомившись съ нею во всѣхъ ея подробностяхъ, мы считаемъ своимъ долгомъ высказать о ней молодому ученому наше личное мнѣніе, «безъ зависти и гнѣва» указавъ ему на нѣкоторые, весьма важные, недостатки и пробѣлы его труда, къ удивленію нашему, никѣмъ еще незамѣченные.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ недостатковъ труда г. Платонова слѣдуетъ считать отсутствіе опредѣленной системы въ изложеніи отдѣльныхъ его частей, вслѣдствіе чего автору не удалось установить между этими частями надлежащую связь и изъ всѣхъ частей, вмѣстѣ взятыхъ, создать органическое цѣлое. Самъ авторъ признаётъ, что «лучшею системою въ обзорѣ памятниковъ была бы система хронологическая»; но добавляетъ, что «отсутствіе точныхъ свѣдѣній о времени составленія многихъ сказаній не дозволяло расположить ихъ въ строгомъ порядкѣ по времени ихъ происхожденія» (стр. IV—V). А между тѣмъ, авторъ, главнымъ образомъ, заботится при разборѣ каждаго памятника о томъ, чтобы «опредѣлить время его составленія и указать личность составителя»; время составленія многихъ памятниковъ онъ опредѣляетъ съ величайшею точностью, указывая не только годъ, но даже мѣсяцы, къ которымъ слѣдуетъ отнести появленіе памятника въ свѣтъ... Слѣдовательно, расположеніе матеріала могло быть сдѣлано, если не въ строгомъ, то все же въ хронологическомъ порядкѣ, и это нисколько не помѣшало бы автору «давать въ одномъ мѣстѣ отчетъ о разновременныхъ произведеніяхъ въ силу ихъ внутренней близости». Въ виду этого, мы рѣшительно не понимаемъ г. Платонова, который самъ находитъ нужнымъ замѣтить въ предисловіи, что ему «не удалось выдержать единообразнаго пріема въ общемъ порядкѣ изложенія»... И затѣмъ добавляетъ, что и «въ изслѣдованіи отдѣльныхъ произведеній невозможно было выдержать этотъ единообразный пріемъ». Лыбопытно было бы знать: явилась ли это «невозможность» какъ результатъ трехъ-лѣтнихъ работъ надъ изслѣдованіемъ отдѣльныхъ памятниковъ, или же авторъ задался этою невозможностью съ самаго начала, при составленіи общаго плана своего труда? Во всякомъ случаѣ, эта «невозможность» представляется намъ неясною, и невыдержка общаго пріема въ изслѣдованіи отдѣльныхъ произведеній привела автора къ несоблюденію необходимой соразмѣрности въ разборѣ отдѣльныхъ памятниковъ. Вслѣдствіе этого, объ одномъ онъ говоритъ очень много и черезчуръ подробно — о другомъ упоминаетъ почти вскользь, мимоходомъ, опасаясь «повторить въ своемъ трудѣ наблюденія и выводы предшествующихъ изслѣдователей»[2].) Благодаря такому (сознательному или безсознательному) отсутствію «системы» въ расположеніи матеріала и «общаго пріема» въ его изслѣдованіи, автору, конечно, пришлось сгруппировать матеріалъ въ совершенно-произвольные отдѣлы и прійти къ выводамъ, несоотвѣтствующимъ громадности затраченнаго труда. Мало того: от-

---

[1]) Мы внимательно прочли все, что до сихъ поръ было писано о книгѣ г. Платонова, и положительно держимся того убѣжденія, что писавшіе о его книгѣ или не читали ее вовсе, или читали въ ней отдѣльныя страницы.

[2]) Невыдержка общаго пріема даже и съ этой стороны приводитъ автора къ противорѣчію: — о трудѣ Авраамія Палицына онъ почти ничего неговоритъ отъ себя, а только «повторяетъ выводы предшествующихъ изслѣдователей».

сутствіе опредѣленной, строго-выработанной системы привело въ такое разстройство всю внутреннюю архитектонику диссертаціи г. Платонова, что книга его оказалась безъ начала. Авторъ, на первой же страницѣ своей книги, «ex abrupto», безъ всякаго введенія и предварительныхъ объясненій, заявляетъ, что «въ ряду повѣствованій о смутномъ времени «Иному Сказанію» принадлежитъ одно изъ видныхъ мѣстъ»—и переходитъ къ подробному разбору составныхъ частей этого памятника. Читатель остается въ полнѣйшемъ недоумѣніи относительно цѣлей автора, не постигаетъ, почему г. Платоновъ начинаетъ свою книгу именно съ этого «Иного Сказанія», и только на стр. 4-й узнаетъ, что главная часть «Сказанія» относится къ 1606 г., и что, слѣдовательно, она представляетъ собою едва ли не самый древній памятникъ, относящійся къ исторіи смутнаго времени.

Разбору «Иного Сказанія» и его составителю посвящена вся первая глава книги г. Платонова, и читатель, на основаніи этой главы, исключительно посвященной разбору «Иного Сказанія», какъ наиболѣе ранняго памятника, начинаетъ предполагать, что всѣ остальныя сказанія и повѣсти о смутѣ — относятся къ другой, болѣе поздней эпохѣ. Но во второй главѣ, г. Платоновъ продолжаетъ разборъ другихъ, также раннихъ памятниковъ и этотъ разборъ совершенно искусственно связываетъ съ первою главою [1]). Въ сущности, разборъ всѣхъ этихъ памятниковъ можно было бы смѣло отнести въ первую главу, или каждому изъ нихъ посвятить отдѣльную главу (вторую, третью, четвертую),—въ книгѣ г. Платонова ничто не измѣнилось бы отъ этой перестановки, и намъ даже сдается, что если бы авторъ соединилъ I и II главы своего труда въ одинъ общій отдѣлъ—книга выиграла бы въ цѣльности.

Главное ядро книги составляютъ главы III и IV, посвященныя «произведеніямъ о смутѣ времени царя Михаила Өеодоровича» [2]). Здѣсь разобраны и оцѣнены такія крупныя произведенія, какъ «Временникъ» дьяка И. Тимоөеева, «Сказанія» Авраамія Палицына, творенія Хворостинина, И. М. Катырева-Ростовскаго и С. И. Шаховскаго, «Новый Лѣтописецъ», «Рукопись Филарета» и «Разрядная книга» Столярова. Разборъ всѣхъ этихъ произведеній (кромѣ «Сказанія» Палицына) можно назвать въ такой степени образцовыми, что если бы г. Платоновъ ограничилъ свою диссертацію только этимъ кругомъ произведеній, она и тогда была бы книгою весьма полезною и заслуживала бы полнаго вниманія по своимъ ученымъ достоинствамъ. Въ сущности, эта часть книги (очень слабо связанная съ предыдущими главами и съ послѣднею, V-ю главою) и при настоящемъ видѣ труда составляетъ своего рода «изслѣдованіе въ изслѣдованіи», къ которому тяготѣетъ невольно главный интересъ читателя. Послѣдняя глава, въ которой авторъ ограничивается обзоромъ цѣлаго ряда «повѣстей», «житій», «сказаній», «хронографовъ»—и при томъ обзоромъ весьма бѣглымъ—составляетъ только необходимое дополненіе къ книгѣ г. Платонова, и ничего не прибавляетъ къ ея сущности, хотя и служитъ доказательствомъ его весьма почтенной начитанности въ рукописномъ матеріалѣ.

---

[1]) «Въ первой главѣ мы говорили о томъ-то»... «Къ этимъ раннимъ произведеніямъ о смутѣ слѣдуетъ причислить еще то-то и то-то»—(стр. 82).

[2]) Т. е., не о смутѣ времени М. Ө—ча, «а—явившемся во время царствованія М. Ө—ча». Замѣчаемъ это потому, что неточность и неправильность языка составляютъ также одинъ изъ видныхъ недостатковъ книги г. Платонова.

Выше мы замѣтили, что только разборъ «Сказанія» Авраамія Палицына мы считаемъ неудовлетворительнымъ въ III главѣ книги г. Платонова. По отношенію къ этому драгоцѣнному памятнику, заключающему въ себѣ живыя и яркія черты дѣйствительности Смутнаго времени, авторъ даже отступилъ отъ своихъ постоянныхъ пріемовъ изслѣдованія. Посвятивъ три страницы (168—171) изложенію чужихъ мнѣній (Строева, Горскаго, Голохвастова, Костомарова и Кедрова), г. Платоновъ уклоняется отъ серьезнаго разбора этихъ мнѣній, предполагая, что такой разборъ «вывелъ бы его далеко изъ предѣловъ изслѣдованія», и поэтому «считаетъ себя въ правѣ ограничиться изложеніемъ лишь нѣкоторыхъ своихъ замѣчаній, касающихся собственно литературныхъ трудовъ Палицына». Едва ли нужно доказывать, что, въ данномъ случаѣ, аргументація г. Платонова чрезвычайно слаба? Разборъ взглядовъ на Палицына, существующихъ въ наукѣ, можно было бы отнести прямо въ примѣчанія, а въ текстѣ дать только краткіе выводы изъ этого разбора, которые бы не заставили автора «выйти изъ предѣловъ его изслѣдованія». Въ виду этого, мы склоняемся къ тому мнѣнію, что г. Платоновъ уклоняется отъ разбора взглядовъ, по совершенно инымъ побужденіямъ:—онъ просто не чувствуетъ себя достаточно сильнымъ и подготовленнымъ для серьезнаго разбора мнѣній, высказанныхъ о трудѣ Палицына, а потому ограничивается «изложеніемъ нѣкоторыхъ своихъ замѣчаній». Эти замѣчанія касаются только состава сочиненій Палицына. Г. Платоновъ указываетъ отдѣльныя части, изъ которыхъ создалось «Сказаніе» и пытается, не всегда удачно [1]), опредѣлить время происхожденія этихъ отдѣльныхъ частей. Но болѣе всего страннымъ представляется намъ то, что г. Платоновъ не занялся здѣсь же серьезнымъ разслѣдованіемъ вопроса о заимствованіяхъ Палицына изъ «Повѣсти» 1606 года. Самъ г. Платоновъ замѣчаетъ (на стр. 180), что «Палицына можно считать составителемъ этой «Повѣсти», что только «этою догадкою можно объяснить его заимствованія изъ «Повѣсти»—и, не смотря на это, такому въ высшей степени важному вопросу посвящаетъ всего нѣсколько строкъ...

Останавливаемся на этомъ указаніи г. Платонова, въ особенности, потому, что, въ началѣ книги своей, онъ посвящаетъ цѣлый большой отдѣлъ первой главы разбору «Повѣсти» 1606 года, изслѣдуетъ ее до мельчайшихъ подробностей, старается съ разныхъ сторонъ охарактеризовать ея автора, и — ни единымъ намекомъ не упоминаетъ объ Аврааміи Палицынѣ. Рождается вопросъ:—въ то время, когда г. Платоновъ писалъ первую главу, допускалъ ли онъ возможность той догадки, которую высказываетъ въ концѣ III-й главы? Если она существовала, то почему же онъ ее не высказалъ? И рядомъ съ этими вопросами опять выступаетъ на первый планъ искуствен-

---

[1]) Напримѣръ на стр. 177: «Въ 2-й главѣ своего сказанія старецъ Авраамій говоритъ, что въ смуту народъ питался и старымъ хлѣбомъ, который былъ спрятанъ владѣльцами еще во время голода при царѣ Борисѣ: «гумна же переполнены одоней, и копенъ, и взородовъ и до четырехъ-надесять лѣтъ, отнѣле же смятеніе бысть во всей Русской землѣ». Это мѣсто, по мнѣнію г. Платонова показываетъ, «что Палицынъ составилъ начало своей книги не ранѣе, какъ черезъ 14 лѣтъ послѣ голода 1601—1603 гг.. т. е. въ 1615—1617 гг.» (?) Тутъ происходитъ явное недоразумѣніе: Г. Платоновъ просто не понялъ словъ Палицына, изъ которыхъ слѣдуетъ, что народъ во время смуты питался хлѣбомъ, который уже въ ту пору 14 лѣтъ лежалъ «въ озородахъ и копнахъ».

ность и безсистемность постройки всего труда г. Платонова, выразившіяся въ совершенно произвольной группировкѣ матеріала по главамъ.

Важнымъ недостаткомъ книги г. Платонова мы признаемъ также и непониманіе того общественнаго строя, который существовалъ въ московской Руси начала XVII вѣка. Г. Платоновъ толкуетъ о какихъ-то партіяхъ и партійности русскихъ людей «Смутнаго времени», о какихъ-то «тенденціяхъ» и «тенденціозности» ихъ, различаетъ въ памятникахъ этой эпохи «оффиціальность» отъ «оффиціозности»... Неговоря уже о томъ, что эти термины современной журналистики рѣжутъ уши читателю въ трудѣ, посвященномъ изученію важной эпохи русской исторіи, — они невольно вызываютъ улыбку на уста каждаго, кто имѣетъ болѣе или менѣе ясное представленіе о складѣ русскаго человѣка временъ Бориса, Лжедмитрія, Шуйскаго и, вообще, первой половины XVII вѣка. Невольно улыбаешся, читая у г. Платонова отзывъ о «Временникѣ» дьяка Тимоѳеева, при чемъ г. Платоновъ весьма серьезно утверждаетъ, что «неточности изложенія (у Тимоѳеева) слѣдуетъ объяснять невольными заблужденіями автора, а не его тенденціозностью». Или еще: «Тимоѳеевъ не вынесъ изъ смуты никакихъ партійныхъ привязанностей»... и самое осужденіе дѣятелей смутной эпохи «обусловлено у него не партійными взглядами, а общею точкою зрѣнія моралиста» и т. д. Не значитъ ли это навязывать русскимъ людямъ XVII вѣка такія понятія и стремленія, какихъ, на самомъ дѣлѣ, у нихъ никогда не могло быть?

Прежде, чѣмъ перейдемъ, къ отдѣльнымъ замѣчаніямъ, касающимся частностей, отмѣтимъ еще одинъ, по нашему мнѣнію, довольно важный пробѣлъ въ трудѣ г. Платонова. Авторъ разбираемой нами книги занимается разборомъ памятниковъ о смутѣ не только рукописныхъ, но и тѣхъ, которые были напечатаны въ различныхъ изданіяхъ. Въ виду этого, мы рѣшительно не понимаемъ, почему онъ упустилъ изъ виду обширный «расказъ»[1]) о неправдахъ польскаго короля, который помѣщенъ въ «наказѣ думному дворянину Степану Михайловичу Ушакову и Семому Заборовскому», при отправленіи ихъ послами ко двору «Матьяша, цесаря римскаго», въ 1613 году? «Разсказъ» весьма обширенъ, начинается съ изложенія сношеній царя Бориса съ Польшею, предшествовавшихъ бѣгству Отрепьева, и затѣмъ обнимаетъ всѣ событія смутнаго времени до начала царствованія Михаила Ѳеодоровича. Въ ряду памятниковъ о смутѣ этотъ разсказъ занимаетъ важное мѣсто не только по своей подробности и по связному обзору всѣхъ событій о смутѣ, но еще и потому, что этотъ разсказъ относится къ 1613 г., слѣдовательно къ періоду очень раннему. На нашъ взглядъ, этого разсказа нельзя было обойти (если г. Платоновъ зналъ о его существованіи); около него слѣдовало бы даже сгруппировать и другія правительственныя изложенія событій смуты, которыя, по замѣчанію самого же г. Платонова, нерѣдко служили главными источниками для различныхъ Повѣстей и Сказаній.

Переходимъ къ отдѣльнымъ частностямъ. На стр. 12-й, г. Платоновъ старается установить тѣсную связь между «Повѣстью» 1606 года и грамотами Шуйскаго и говоритъ между прочимъ:

[1]) Памятники дипломатическихъ сношеній, II, стр. 938—958. «А будетъ Цесаревы ближніе люди учнутъ говорити, чтобы имъ польскаго короля неправды разказали подлинно—и Степану и Семому говорити» и т. д.

«Какъ грамоты говорятъ, что самозванецъ достигъ престола вѣдовствомъ и чернокнижествомъ, такъ и въ Повѣсти читаемъ, что ...Гришка былъ волшебной премудрости исполненъ» и т. д.

Въ данномъ случаѣ грамоты Шуйскаго ни при чемъ, потому что обвиненія Гришки Отрепьева «въ вѣдовствѣ и чернокнижествѣ» идутъ еще отъ временъ царя Бориса. Въ патріаршей грамотѣ отъ января 1605 г. уже упоминается о томъ, что «Гришка Отрепьевъ... впалъ въ чернокнижіе и вѣдовство, и, по призыванію бѣсовскому ...сталъ Дмитріемъ царевичемъ ложно называться».

На стр. 21-й, г. Платоновъ говоритъ: «Если даже и подозрѣвать, что слѣдственное дѣло было поддѣлано во всемъ его составѣ» и т. д. Не знаемъ, для чего нужно г. Платонову подобное, ни на чемъ не основанное, предположеніе? Слѣдственное дѣло объ убіеніи царевича Дмитрія дошло до насъ въ отрывкахъ, перепутанныхъ и разрозненныхъ, въ крайне-искаженномъ и неполномъ видѣ; въ него внесено много всякихъ лжесвидѣтельствъ, совершенно очевидныхъ, но въ немъ есть показанія, слишкомъ невыгодныя для Бориса и его пособниковъ, а потому и недопускающія возможности какихъ бы то ни было предположеній о поддѣлкѣ слѣдственнаго дѣло «во всемъ его составѣ».

На стр. 26-й: «Среди бояръ, достойныхъ царства и уступившихъ его Борису, въ 1598 году, авторъ, конечно, разумѣетъ родъ Шуйскихъ и царя Василія». Едва ли? И кромѣ Шуйскаго, авторъ «Повѣсти» 1606 г. могъ имѣть въ виду другихъ бояръ, напр., Романовыхъ, Милославскихъ, Голицыныхъ, которые имѣли болѣе правъ на престолъ, чѣмъ Шуйскій—и все же уступили Борису.

На стр. 27-й: «(авторъ Повѣсти 1606 г.) ставитъ патріарха Іова въ сторонѣ отъ Бориса и представляетъ его жертвою интриги, устроенной Борисомъ». Г. Платоновъ объясняетъ эту странность внѣшними обстоятельствами: «Патріархъ Іовъ былъ тогда живъ и его личность нельзя было тронуть съ такою легкостью, какъ личность Годунова и самозванца». Признаёмъ это объясненіе совершенно искусственнымъ: авторъ забываетъ, что дѣло идетъ не о печатной, а о рукописной литературѣ, въ которой всякіе отзывы о современникѣ были и возможны, и безъотвѣтственны.

На стр. 28-й, г. Платоновъ совершенно напрасно упрекаетъ (въ примѣчаніи) Карамзина въ неумѣніи читать рукописи, по поводу слѣдующаго мѣста въ «Повѣсти» 1606 г.: «(Богъ попустилъ)... отъ младыя чады Юшку Яковлева сына Отрепьева, якѡвъ самъ той святоубійца Борисъ Годуновъ». Г. Платоновъ, приведя это мѣсто говоритъ: «Карамзинъ относительное мѣстоименіе «якѡвъ» принялъ за имя собственное и замѣтилъ, что «отецъ Разстригинъ назывался Яковомъ, какъ и самъ Годуновъ»... А между тѣмъ,— «ни грамматическій строй, ни логическій смыслъ рѣчи нашей «Повѣсти» не позволяютъ читать это мѣсто какъ читалъ Карамзинъ». Заглядываемъ въ «Примѣчанія» Карамзина [1]) и находимъ, что въ рукахъ Карамзина была рукопись «Повѣсти», принадлежавшая А. И. Ермолаеву. Можетъ быть, въ этой рукописи, мѣсто, упоминаемое г. Платоновымъ, читалось иначе, нежели въ Погодинской рукоп. Имп. Пуб. Библіотеки (№ 1503)? Можетъ быть, наконецъ, что Карамзинъ просто только на основаніи отчества (Юшка Яков-

[1]) Т. XI, глава II, примѣчаіе 194.

левъ) говоритъ о томъ, что «отецъ Растриги назывался **Яковомъ!**» Можетъ быть, изъ той же рукописи почерпнулъ онъ свѣдѣнія о томъ, что Борисъ Годуновъ носилъ еще и другое имя **Якова** (Яковъ-Борисъ)? Во всякомъ случаѣ обвиненіе, взводимое на Карамзина, считаемъ недоказаннымъ.

Стр. 33—34: «Повѣствуя о времени Бориса Годунова и Лжедмитрія, «Повѣсть» имѣетъ цѣлью **успокоить взволнованныя умы московскихъ людей и укрѣпить положеніе только-что возникшаго правительства Шуйскаго**». «Въ виду этого «Повѣсть» 1606 года получаетъ характеръ пристрастный, публицистическаго произведенія «и не можетъ считатся объективной лѣтописью событій». Нужно-ли говорить, что здѣсь мы опять и еще разъ встрѣчаемся въ книгѣ г. Платонова съ полнѣйшимъ непониманіемъ русской общественной и государственной жизни XVII вѣка? О «публицистикѣ», въ то время, не имѣли никакихъ понятій въ Москвѣ, потому что не существовало понятія о «публикѣ»; «взволнованные умы» московскихъ людей успокоивали патріаршими посланіями и увѣщательными граматами, и «положеніе правительства» укрѣпляли царскими указами и посылкою людей, преданныхъ правительству.

На стр. 71-й встрѣчаемъ явное противорѣчіе въ отзывѣ о Хронографѣ 1617 года. Г. Платоновъ говоритъ: «Разъ установленъ тотъ фактъ, гдѣ авторъ Хронографа заимствовалъ кое-что изъ лѣтописей, пользовался Хожденіемъ Тр. Коробейникова, и, быть можетъ (?), Инымъ Сказаніемъ—мы имѣемъ **полное право отрицать полную оригинальность его произведенія**». Нужно ли говорить, что для «полнаго отрицанія оригинальности» данныя г. Платонова довольно шатки? Но онъ еще болѣе ослабляетъ ихъ самъ (нѣсколькими строками ниже), упоминая о томъ, что авторъ Хронографа «объединялъ и обработывалъ собранный имъ матеріалъ въ собственномъ вкусѣ и стилѣ», а немного далѣе прибавляетъ даже, что на статьяхъ Хронографа «лежитъ весьма замѣтный отпечатокъ **оригинальности слога и взглядовъ**».

На стр. 73: «Въ разсказѣ (автора того же Хронографа) нерѣдко встрѣчаемъ при какомъ-нибудь извѣстіи оговорку, что **такъ глаголютъ нѣцыи** или, что **такъ мнози глаголаху**. Намъ представляется, что въ подобныхъ случаяхъ авторъ намекаетъ на какой-либо свой литературный источникъ, **опасаясь согласиться съ нимъ безусловно**». Такое предположеніе едва ли можно допустить? Оно ничего не объясняетъ, а напротивъ—запутываетъ критика напрасными тонкостями. **Нѣцыи** и **мнози**—въ разсказѣ Хронографа—не болѣе, какъ ссылка на «гласъ народа», на молву.

Намъ хотѣлось бы еще указать на нѣкоторыя довольно рѣзкія противорѣчія въ сужденіяхъ г. Платонова о дьякѣ Тимоѳеевѣ (въ особенности на стр. 134—135); но... наша статья и безъ того уже оказывается слишкомъ обширною. Ограничимся еще однимъ послѣднимъ замѣчаніемъ, касающимся «языка» диссертаціи г. Платонова. Мы находимъ его недостаточно выработаннымъ, неточнымъ, неяснымъ, способнымъ иногда ввести читателя въ заблужденіе. Приводимъ на выдержку цѣлый рядъ выраженій, которыя поразили насъ своею неловкостью и своимъ нерусскимъ складомъ:

Стр. V: «Авторъ находитъ болѣе удобнымъ давать отчетъ въ одномъ мѣстѣ о разновременныхъ произведеніяхъ»...

Стр. IV: «Принимая на себя эту задачу»...

Стр. 16: «Личныя достоинства и права на занятіе престола новаго царя наша «Повѣсть» стремится подкрѣпить» и т. д.

Стр. 17: «Авторъ могъ чувствовать искреннюю преданность Шуйскому»...

Стр. 18: «Съ этой точки зрѣнія мы должны цѣнить (вм. оцѣнивать) всѣ показанія автора».

Стр. 38: «Виднѣйшія (?) отличія поздней «Повѣсти»...

Стр. 182: «виднѣйшіе писатели...

Стр. 57: «...самое видѣніе имѣло мѣсто (!) 12 октября».

Стр. 127: «...разсказъ, имѣющій своею цѣлью простое описаніе памятныхъ событій».

Стр. 144: «Вторая и третья главы содержаніемъ своимъ заходятъ одна въ другую». И т. д., и т. д.

Въ заключеніе, вмѣсто всякихъ похвалъ книгѣ г. Платонова, выскажемъ увѣренность въ томъ, что онъ приметъ нашъ подробный и безпристрастный разборъ за прямое доказательство уваженія къ его почтенному, хотя и молодому, труду. **П. Полевой.**

М. Бобжинскій. Очеркъ исторіи Польши (Dzieje Polski). Переводъ съ 3-го польскаго изданія подъ редакціей профессора Спб. университета Н. И. Карѣева. Т. I. Спб. 1888.

Книгѣ краковскаго профессора Бобжинскаго, предпринявшаго изложить въ сжатомъ, связномъ разсказѣ судьбы его отечества, выпала довольно рѣдкая судьба. Встрѣченная сначала на родинѣ ожесточенными журнальными нападками, не вполнѣ прекратившимися даже теперь, почти чрезъ 10 лѣтъ и послѣ трехъ изданій, она, наконецъ, завоевала себѣ видное мѣсто въ польской исторической литературѣ. Мало того: она послужила поводомъ къ оцѣнкѣ новаго направленія въ польской исторіографіи, котораго признана была лучшей, наиболѣе цѣльной и трезвой провозвѣстницей, не смотря на другія явленія въ той же области, въ родѣ многотомныхъ трудовъ профессора того же университета Шуйскаго. Въ русской литературѣ, какъ извѣстно, трудъ Бобжинскаго также составилъ себѣ уже нѣкоторую извѣстность, благодаря, въ особенности, обстоятельной статьѣ о немъ проф. Карѣева, а появленіе перваго тома русскаго перевода вызвало также и рѣзкую критику самой книги и факта появленія перевода, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ.

Все это указываетъ, однакожъ, какъ на талантливость самаго сочиненія, такъ и на животрепещущее — для поляковъ и русскихъ—свойство тѣхъ вопросовъ, которые книга затрогиваетъ въ своихъ конечныхъ выводахъ, въ своей обрисовкѣ отдѣльныхъ эпизодовъ польской исторіи. Не появлялось же въ русской передачѣ большинство другихъ плодовъ польской исторіографіи: могли, конечно, быть здѣсь и цензурныя причины, соотвѣтствовавшія прошлому времени, но не эти причины содѣйствовали равнодушію русскаго общества къ трудамъ польскихъ историковъ, не смотря даже на талантливость нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Лелевеля. Едва ли ошибочно будетъ сказать, что главною причиною здѣсь была увѣренность не найти въ этихъ многотомныхъ трудахъ необходимаго безпристрастія, — не найти ничего такого, что служило бы къ разъясненію вѣковой загадки русско-польскаго спора. Извѣстно было, что въ подобныхъ трудахъ исторія приносилась въ жертву пу-

блицистическимъ тенденціямъ, основаннымъ на самовосхваленіи, или что еще хуже—туманнымъ теоріямъ, болѣзненнымъ фантазіямъ, которыя нерѣдко имѣли даже мало общаго съ исторической наукой, хотя несомнѣнно служили матеріаломъ для характеристики современнаго самимъ историкамъ польскаго общества, его ожиданій, надеждъ и разочарованій.

Съ этой точки зрѣнія, знаменательно данное однимъ изъ критиковъ книгѣ Бобжинскаго названіе «epochemachendes Werk», по отношенію къ польской исторической литературѣ. Въ противоположность идеалистически-патріотической школѣ Лелевеля, процвѣтавшей со всѣми своими крайностями въ періодъ между двухъ польскихъ возстаній (1830 и 1863 гг.), а тѣмъ болѣе — ходульно-риторической исторіи Нарушевича, современника раздѣловъ Польши и ближайшихъ къ нимъ временъ, новая, реальная польско-историческая школа отражаетъ на себѣ то отрезвленіе умовъ, какое въ извѣстной степени (хотя, далеко еще не вполнѣ) замѣтно въ современномъ польскомъ обществѣ. Правда и теперь еще слышатся, какъ сказано, по адресу автора «Очерка исторіи Польши», ядовитыя замѣчанія краковскихъ газетчиковъ насчетъ того, что, дескать, съ его взглядами согласны «на берегахъ Невы»; и теперь еще шовинизмъ массы польской публики не настолько улегся, чтобы признать законность открытаго изобличенія авторомъ пороковъ старо-шляхетской Польши, которую историки-патріоты старались, даже со включеніемъ анархіи, идеализировать во чтобы ни стало. Однакожъ, люди, болѣе здравомыслящіе и среди польскаго общества,—люди, умѣющіе понимать уроки исторіи, взглянули на дѣло иначе: самымъ фактомъ успѣха книги, признана была оправедливость того положенія автора, что «не границы и не сосѣди, а внутренній неладъ довелъ Польшу до утраты государственной самостоятельности». Это «безнарядье», замѣченное и русскими историками (Соловьевымъ), характеризовано тѣмъ, что Польшѣ «недоставало правительства», которое могло бы въ критическій моментъ соединить около себя лучшія силы народа. Рѣчь Посполитая—не республика и не монархія—не выработала себѣ даже сколько-нибудь правильныхъ правительственныхъ формъ. При этой коренной причинѣ, пріобрѣтали силу и другія—сосѣди и границы, приниженіе роли городовъ, порабощеніе простого народа шляхтой, наконецъ, нравственный упадокъ, который, впрочемъ, свойственъ былъ не одной Польшѣ въ то время.

Но какъ имѣть смѣлость высказать подобный взглядъ гласно предъ соотечественниками, не одно поколѣніе которыхъ выросло на такихъ убѣжденіяхъ, что Польша—народъ-мученикъ, что она своего рода Мессія, искупляющій своими страданіями грѣхи другихъ народовъ,—что она — представительница принципа народовластія,—что «погана та птица, которая мараетъ собственное гнѣздо» и т. п.?

Эту рѣшимость авторъ, вознамѣрившись начертать полный очеркъ исторіи своей страны, объясняетъ такими общими афоризмами, разсѣянными въ книгѣ: «историческая истина не позволяетъ представлять бѣлымъ то, что на самомъ дѣлѣ черно»; «исторія не должна быть слугой какой бы то ни было предвзятой системы, она должна быть самостоятельной, должна быть вѣрнымъ изображеніемъ жизни народа, во всемъ ея продолженіи и во всѣхъ проявленіяхъ»... Вездѣ ли авторъ выдержалъ такой взглядъ—это другой вопросъ; по крайней мѣрѣ, онъ открыто его заявляетъ въ примѣненіи ко всей польской исторіи, и тѣмъ ставитъ себя, какъ мы сказали, наиболѣе выразительнымъ истолкователемъ новаго направленія польскихъ историковъ, кото-

рое, благодаря успѣхамъ исторической критики, открытію неизвѣстныхъ дотолѣ историческихъ документовъ, и также отрезвляющимъ политическимъ обстоятельствамъ, уже сказалось въ новѣйшее время въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ трудахъ, какъ-то, Шуйскаго, Яроховскаго, Корзона и особенно — ксендза Калинки въ его замѣчательномъ, неоконченномъ трудѣ о четырехлѣтнемъ сеймѣ.

Взглядъ на причины прекращенія государственной самостоятельности Польши больше всего и создалъ громкую репутацію книгѣ Бобжинскаго. Разъясненію этихъ причинъ посвященъ второй томъ сочиненія, начинающійся съ конца XV столѣтія, со смерти Казиміра Ягеллончика, которою завершается вышедшій нынѣ первый томъ русскаго перевода. Нельзя не сказать, при этомъ, что русскіе издатели книги Бобжинскаго сдѣлали ошибку, не выпустивъ оба тома сочиненія сразу и не приложивъ къ изданію руководящей статьи, хотя бы того же проф. Карѣева, какъ редактора перевода. Трудъ краковскаго профессора, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ быть извѣстнымъ русскимъ читателямъ, тѣмъ болѣе, что у насъ и нѣтъ полной исторіи Польши, кромѣ устарѣлаго труда Шмидта (въ переводѣ Шрейера). Необходимость же знанія хода этой исторіи и безпристрастнаго отношенія къ судьбѣ народа, съ которымъ та же судьба соединила Россію, едва ли кто будетъ отрицать. Но одинъ первый томъ Бобжинскаго не только ни въ какомъ отношеніи не достигаетъ этой цѣли, не только носитъ на себѣ отпечатокъ чего-то отрывочнаго, недодѣланнаго, даже полемическаго (въ предисловіи) противъ неизвѣстныхъ русской публикѣ обвиненій автора его соотечественниками, но можетъ, пожалуй, охладить интересъ къ коренному предмету сочиненія и вызвать сомнѣнія въ умѣстности появленія перевода. Авторъ, пишущій для польской публики, съ любовью останавливается на временахъ устроителей Польши, разныхъ Болеславовъ и Казиміровъ, и самъ говоритъ, что старался какъ можно сильнѣе изобразить XV и XVI столѣтія, какъ эпоху наибольшаго процвѣтанія Польши въ прошедшемъ, чтобъ современныя польскія поколѣнія «подражали своимъ великимъ предкамъ ягеллоновскихъ временъ». Приводимыя въ книгѣ, съ этой точки зрѣнія, сужденія и подробности относительно того или другого героя этихъ давнихъ временъ, могутъ для русской публики имѣть лишь очень отдаленный интересъ, а нѣкоторая усиленность въ изображеніи «счастливой Польши» XV вѣка можетъ возбудить только недовѣріе къ безпристрастію автора, насколько дѣло касается и болѣе близкихъ намъ событій польской исторіи.

Даже изъ вышедшаго тома видно, напримѣръ, что авторъ не находитъ заслуживающимъ порицанія, какъ бы слѣдовало въ интересахъ самой Польши, ея промахъ, совершенный въ XIV столѣтіи, при Казимірѣ Великомъ. Сочувствуя неудавшейся «цивилизаторской миссіи» поляковъ въ Литвѣ, не смотря на оговорки о невыгодности для нихъ разрѣженія населенія и оттяжки силъ на востокъ, авторъ обходитъ простымъ сожалѣніемъ фактъ упущенія изъ польскихъ рукъ Балтійскаго поморья въ пользу нѣмцевъ, чѣмъ была вырвана отъ Польши ея естественная роль—быть оградой славянства на западѣ противъ тевтонскаго натиска. Увлекшись направленіемъ на востокъ, Польша должна была рано или поздно сдѣлаться соперницей Россіи, и въ завязавшейся, такимъ образомъ, борьбѣ которая-нибудь сторона должна была подчиниться, за невозможностью компромисса въ жизненномъ для обѣихъ сторонъ вопросѣ. Какъ только Россія твердо стала, при Петрѣ Великомъ, на

своемъ Балтійскомъ поморьѣ, жизненнымъ вопросомъ для нея сдѣлался возвратъ древнихъ литовско-русскихъ областей, безъ которыхъ дѣло Петра было бы недокончено. А какъ при томъ преобразованная Россія росла и развивалась, въ Польшѣ же усиливалось «безнарядье», то и вопросъ о преобладаніи о ной изъ этихъ странъ сдѣлался простымъ вопросомъ времени.

Но, даже отмѣчая неправильные, съ русской точки зрѣнія, и несочувственные нашему общественному мнѣнію отдѣльные взгляды краковскаго профессора, нужно помнить, что ихъ высказываетъ польскій историкъ, отъ котораго нельзя же и ожидать, чтобъ онъ усвоилъ себѣ то отношеніе къ спорнымъ предметамъ, какое естественно съ нашей стороны. Онъ порицаетъ анархію, какъ губительницу Польши, не сочувствуетъ «клерикально-шляхетской» политикѣ, противной интересамъ массы народа, видитъ спасеніе для своего отечества въ союзѣ съ Россіей—такихъ мнѣній довольно, чтобы признать за книгой выдающееся значеніе. Что же касается упомянутыхъ, специфически-польскихъ взглядовъ на нѣкоторые, спорные съ Россіей вопросы польской политики, то въ русскомъ переводѣ необходимо оговорить такіе взгляды въ подстрочныхъ ли примѣчаніяхъ, или, всего лучше, въ особой руководящей статьѣ. Тогда книга Бобжинскаго пріобрѣтетъ свое настоящее значеніе въ русской переводно-исторической литературѣ. Н. С. К.

Сочиненія Ѳ. Ѳ. Тютчева. Стихотворенія, историческія повѣсти, разсказы изъ военнаго быта. Спб. 1888.

Ѳ. Ѳ. Тютчевъ, сынъ извѣстнаго поэта Ѳедора Николаевича Тютчева, писатель еще молодой, но несомнѣнно даровитый. Стихи его правда, не «тютчевскіе», имъ недостаетъ поэтической образности и блестящей фактуры, но въ нихъ есть мысли, содержаніе, чѣмъ не всегда могутъ похвалиться современные поэты. Да стиховъ въ книгѣ и не много: всего 30 пьесъ, занимающихъ съ небольшимъ тридцать страницъ, десятую часть книги. Поэтъ не воспѣваетъ избитые сюжеты: у него нѣтъ ни цвѣтовъ, ни весны, ни луны, ни любовныхъ воздыханій. Онъ вдохновляется тѣмъ, что поражаетъ его мысль, трогаетъ его сердце. Такъ первыя пьесы его написаны на извѣстныя картины Верещагина: «На Шипкѣ все спокойно» и «Забытый». Эти стихи поэта возбуждаютъ такое же тяжелое чувство, какъ и картины живописца. Въ такомъ же родѣ пьеса «Инвалидъ», гдѣ старый солдатъ бредетъ на родину и, умирая въ лѣсу отъ холода и изнуренія, видитъ въ послѣднія минуты, «бѣлаго генерала» впереди стройныхъ полковъ. Впечатлѣніе оставляютъ пьесы: «Могила Аксакова», «Илья богатырь», преданіе о смерти Ивана Грознаго и др. Но авторъ является болѣе замѣчательнымъ прозаикомъ, чѣмъ поэтомъ. Болѣе ста страницъ занимаетъ въ книгѣ историческая повѣсть изъ временъ военныхъ поселеній «Кровавые дни». Мрачная эпоха этихъ поселеній не разъ служила предметомъ и серьезныхъ изслѣдованій и романтическихъ разсказовъ, но авторъ умѣлъ найти въ старомъ сюжетѣ много новыхъ интересныхъ сторонъ и подробностей. Такова, напримѣръ, первая сцена повѣсти, когда столбовой, но полоумный дворянинъ—смотритель приказываетъ среди улицы жечь возъ съ сушеной рыбой, чтобы не распространялась холера. Понятно, что поступки такихъ смотрителей и разныхъ начальниковъ, проникнутыхъ духомъ аракчеевщины, могли поднять бунтъ между военно-

поселенцами, на которыхъ обрушилась еще страшная эпидемія. Характеры дѣйствующихъ лицъ повѣсти очерчены рельефно и вѣрны психически. Таковы: негодяй поручикъ Соловьевъ, докторъ Смолевъ, котораго бунтовщики заставляютъ выпить лѣкарства его аптеки и, наконецъ, склянку съ сулемой, поручикъ Луневъ и др.—Вторая большая повѣсть «Деньщикъ» замѣчательна по развитію характеровъ и психически вѣрнымъ подробностямъ состоянія духа деньщика-убійцы. Въ ней также, какъ и въ солдатскомъ разсказѣ «Отомстилъ», видно близкое знакомство автора съ малѣйшими особенностями военнаго быта. Въ исторической повѣсти «Семейная легенда рода дворянъ Лисиныхъ» разсказана исторія гвардейскаго поручика, убившаго своего товарища, который нанесъ ему оскорбленіе, приговореннаго за это къ разстрѣлянію, но бѣжавшаго и скрывшагося потомъ за границу съ своею невѣстою, которую увезъ отъ мошенника-дяди, заставивъ его возвратить украденное имъ ея приданое. Двадцать лѣтъ прожилъ Лисинъ за границей, но стосковался по родинѣ и вернулся въ царствованіе Павла, который простилъ бѣглеца. Тутъ же разсказана и исторія крестьянина, убившаго, при Екатеринѣ II, свою помѣщицу-злодѣйку и черезъ двадцать лѣтъ сознавшагося въ преступленіи, такъ какъ оно не давало ему покоя. Единство разсказа сильно ослабляется этой двойственностью интриги.—Изъ остальныхъ разсказовъ очень поэтиченъ—«Горе старой ели». Вообще, разсказы Ѳ. Ѳ. Тютчева даютъ основаніе ждать отъ него въ будущемъ еще болѣе зрѣлыхъ произведеній. **В. З.**

Wisła. Tom II: kwiecién, maj, czerwiec. Warszawa. 1888.

Второй выпускъ второго тома польскаго этнографическаго журнала содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: «Путешествіе по Нѣману», Глегера (продолженіе), «Дополненіе къ собранію цешинскихъ пословицъ», Цинцялы, «Тексты жмудской шляхты», собранные Довойною-Сильвестровичемъ, «Нѣкоторые рождественскіе обычаи въ окрестностяхъ Дубровы Гурничей», Зембы, «Нѣчто изъ статистики», «Старческая пѣснь о битвѣ подъ Вѣною», записанная Грабовскимъ и цѣлый рядъ критическихъ и библіографическихъ замѣтокъ о книгахъ по этнографіи, миѳологіи, народной поэзіи и т. п.

Изъ этихъ статей обращаетъ на себя особенное вниманіе статья Зембы. Она содержитъ въ себѣ описаніе 1) польскаго «вертепа» (или, попольски, «шопки»), какъ онъ исполняется въ Дубровѣ Гурничей, и 2) текстъ народной рождественской драмы, разыгрываемой въ той же мѣстности. «Вертепъ» интересенъ тѣмъ, что не представляетъ никакихъ діалоговъ, имѣющихъ отношеніе къ празднику Рождества Христова, и состоитъ исключительно изъ бытовыхъ сценъ, гдѣ являются краковякъ съ краковянкой, козакъ съ козачкой (говорящій порусски и поющій: «Ѣхалъ козакъ за Дунай»), рудокопъ съ своею Малгосей, жидъ съ жидовкой, трубочистъ съ Марысей, горецъ съ галичанкой, Теперъ съ Малгосей, наконецъ дѣдъ съ торбочкой, произносящій заключеніе и собирающій съ публики деньги. Что до драмы, въ которой дѣйствуетъ Иродъ, его фельдмаршалъ, турокъ, смерть, чортъ и ангелъ, то она поражаетъ своею близостью, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, къ одной изъ сценъ рождественской драмы, принадлежащей св. Димитрію Ростовскому и напечатанной Н. С. Тихонравовымъ въ «Русскихъ драматическихъ произведеніяхъ 1672—1725 годовъ», и тѣсная связь между

ними, черезъ посредство не дошедшихъ до насъ польской школьной драмы о Рождествѣ Христовомъ, не подлежитъ сомнѣнію.

Старческая пѣсня о побѣдѣ Собесскаго надъ турками подъ Вѣною также въ своемъ родѣ весьма замѣчательна. Какъ извѣстно, у поляковъ сохранилось самое ничтожное количество народныхъ историческихъ пѣсенъ, да и изъ сохранившихся не всѣ дошли до нашего времени въ достаточно исправномъ видѣ. Пѣсня, изданная въ «Вислѣ», представляетъ собою весьма хорошій экземпляръ.

Кромѣ статей, второй выпускъ «Вислы» заключаетъ въ себѣ изображеніе (красками) крестьянки изъ Новоалександровскаго уѣзда въ праздничномъ нарядѣ и портретъ вѣнскаго академика-слависта Миклошича, кажется, весьма удачный. А. С—скій.

Пастырство Христа Спасителя. Часть основоположительная. С. Соллертинскаго. Спб. 1888.

Исторія христіанскаго пастырства начинается пастырской дѣятельностью Іисуса Христа. Пасторалисты, касаясь пастырства основателя христіанства, обыкновенно пользуются примѣрнымъ способомъ, примѣняя его двоякимъ образомъ. Одни прямо говорятъ именно о пастырствѣ Спасителя и, отмѣчая одну подробность за другою, указываютъ соотвѣтственное обстоятельство въ современной христіанской жизни и доказываютъ необходимость примѣненія къ нему того, что найдено въ пастырскомъ служеніи Христа, или разоблачаютъ несогласіе съ послѣднимъ практики современнаго пастырства. Другіе излагаютъ собственно науку пастырскаго богословія, изслѣдуютъ и описываютъ содержаніе ея, приводя иногда соотвѣтственный примѣръ изъ пастырства Спасителя, указывая при этомъ и другія основанія—мѣста изъ св. Писанія, примѣры апостоловъ, св. отцовъ и данныя разума и опыта. Авторъ названнаго нами сочиненія, находя этотъ способъ недостаточно научнымъ, отдаетъ предпочтеніе «экзегетическому» способу профессора А. Бека, автора книги «Pastorallehren d. Neuen Testaments» (1880). Бекъ находитъ «въ цѣломъ богословскаго вѣдѣнія нестерпимый дуализмъ». Въ теоретической части царитъ мертвый схоластическій абстрактизмъ, неспособный дать какія-либо опредѣлительныя и устойчивыя понятія. Отсюда, за невозможностію заимствовать для себя руководящія положенія изъ этой области, практическое богословіе вдается въ другую крайность голаго эмпиризма. Оно обращается къ пастырскому опыту. Но такое «опытное» практическое богословіе совершенно безпринципно: оно возводитъ въ общій, неизмѣнный законъ такія средства, которыя оказываются цѣлесообразными только при извѣстныхъ условіяхъ.

По этому Бекъ думаетъ, что «будетъ гораздо правильнѣе, если мы просто забудемъ рѣшительно все, что даетъ обширная литература пастырскаго богословія; а вмѣсто этого возьмемъ книги св. Писанія Новаго Завѣта и постепенно шагъ за шагомъ будемъ штудировать съ пастырской точки зрѣнія по возможности каждый стихъ».

Нашъ авторъ хотя и не соглашается съ нѣмецкимъ профессоромъ относительно того, что правильная постановка данной науки возможна лишь на основаніи одного св. Писанія, и находитъ рискованнымъ отрицать «всю пасторалистскую работу, которая лежитъ между богодухновенными книгами и

временемъ ученаго реформатора», — но вполнѣ признаетъ важность пастырской герменевтики. Онъ находитъ, что гораздо научнѣе опереться на св. Писаніе, изучить и понять его пастырски, затѣмъ очистить всю послѣдующую литературу, понять и схватить въ ней прямое постепенно углублявшееся преданіе и такимъ образомъ, не отказываясь отъ всего нажитаго боtатства, вывести изъ него точное понятіе объ идеи, началахъ, объемѣ и содержаніи пастырскаго богословія. Отсюда слѣдуетъ, что «первая и наиважнѣйшая задача, которую предъявляетъ для изслѣдователя настоящаго времени пастырство Спасителя, есть по возможности точное изученіе его самого, не связывающее себя и не мѣшающее себѣ мыслію о непосредственной прикладности». Въ историческомъ отношеніи,—говоритъ почтенный изслѣдователь,—пастырство Спасителя есть моментъ всего въ цѣломъ христіанскаго пастырства, безпримѣрный, основополагающій, но все-таки моментъ, за которымъ слѣдуетъ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ моментовъ, и всѣ они связываются въ одно единое и нераздѣльное. Это единое и нераздѣльное есть дѣло, отправленіе, функція, не бытіе, не понятіе, не знаніе, не явленіе, не дѣйствіе, наконецъ, извѣстнаго отдѣльнаго лица, но именно дѣло. А поэтому какъ въ общей совокупности слагающихъ ее моментовъ, такъ равно и въ разсужденіи каждаго изъ нихъ отдѣльно, оно должно и можетъ быть разсматриваемо съ тѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ разсматривается каждое какое угодно дѣло — воспитаніе, право и т. д.» Въ концѣ первой главы, трактующей «о способахъ изслѣдованія вопроса» авторъ замѣчаетъ, «что указанный имъ способъ, открывая полный просторъ изслѣдовательной работѣ, въ то же самое время обѣщаетъ дать посылки и для чисто практическихъ выводовъ и для точнаго выясненія той постановки, которую должно имѣть пастырское богословіе».

Вторая глава посвящена разсмотрѣнію происхожденія христіанскаго пастырства «изъ нѣдръ богочеловѣческаго сознанія Христа Спасителя», а третья и послѣдняя рѣшаетъ вопросъ «о цѣли пастырства Христа Спасителя». Въ библіографической замѣткѣ не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе содержанія этихъ главъ. Скажемъ только, что взгляды автора, вообще отличаются оригинальностью, и его трактатъ далеко не подходитъ подъ школьный шаблонъ этого типа сочиненій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть начало его «предисловія». «Въ предлагаемой книгѣ, такъ начинается предисловіе, авторъ излагаетъ воззрѣніе, какое умѣлъ онъ вынести изъ долговременнаго занятія Евангеліемъ по добровольной охотѣ и внѣшнимъ необходимостямъ. Возможно, что отказываться отъ этого воззрѣнія нужды не настанетъ. Но овладѣть имъ я далеко еще не овладѣлъ. Это будетъ, когда Богъ дастъ силы и средства тщательнѣйше изучить каждую мельчайшую подробность той книги, которая прежде всего есть благовѣстіе человѣку и всегда впереди его, какъ бы далеко онъ ни ушелъ въ своемъ развитіи. Тогда сложившійся взглядъ пріобрѣтетъ и бо́льшую выразительность съ положительной стороны и бо́льшую обстоятельность въ виду тѣхъ возраженій, которыя противъ него могутъ быть сдѣланы». С.

О. Н. Чюмина (Михайлова). Стихотворенія 1884—1888. Спб. 1889.

«Историческій Вѣстникъ» не даетъ отчета о поэтическихъ произведеніяхъ, но на этотъ разъ можетъ сдѣлать исключеніе, какъ потому, что въ сборникѣ г-жи Чюминой, за лирическими пьесами, значительное мѣсто зани-

маетъ отдѣлъ «стихотвореній и поэмъ историческаго содержанія»,—такъ и потому, что поэмы эти дѣйствительно заслуживаютъ вниманія: въ авторѣ виденъ талантъ уже и теперь выдающійся, хотя и не успѣвшій еще сформироваться окончательно и принять своеобразный характеръ. Большая часть сборника занята переводами изъ иностранныхъ поэтовъ. Кромѣ шести пьесъ съ англійскаго и одной на мотивъ Шпильгагена, остальныя заимствованы у французскихъ поэтовъ—Гюго, Сюлли Прудома, Поля Бурже, Додэ, Поля Деруледа и болѣе всего у Коппе — двадцать двѣ пьесы, между которыми шесть поэмъ довольно обширныхъ и три драматическія сцены. Это нѣсколько странное пристрастіе къ поэту безспорно даровитому, но далеко не первоклассному, доказываетъ, что г-жа Чюмина не выбрала еще себѣ достойнаго образца между современными представителями поэзіи. Переводитъ она прекраснымъ, звучнымъ стихомъ, но знакомитъ русскихъ читателей далеко не съ лучшими произведеніями этихъ второстепенныхъ поэтовъ, а беретъ у нихъ больше всего пьесы элегическаго настроенія, какъ болѣе подходящія къ роду ея дарованія. Это же направленіе преобладаетъ и въ ея оригинальныхъ пьесахъ, хотя по временамъ она отзывается и о современныхъ явленіяхъ, пишетъ стихи на юбилеи Полонскаго, Майкова, на смерть Башкирцевой. Нельзя не замѣтить одной странной черты въ лирическихъ, субъективныхъ произведеніяхъ поэтессы: вездѣ въ нихъ она говоритъ отъ лица мужчины, какъ будто личныя ощущенія не должна высказывать женщина. Только въ одной пьесѣ «Встрѣча» г-жа Чюмина говоритъ отъ имени женщины, напрасно ожидающей, что хоть въ часъ разлуки ей скажутъ: «прости, дорогая!» Но вслѣдъ за этой пьесою, опять на сценѣ мущина, говорящій: я встрѣтилъ, я полюбилъ ее, а въ слѣдующемъ стихотвореніи бросающій даже «свой тяжелый, зазубренный мечъ». Понятно, что при этомъ отрицаніи своей женской личности, многіе, читая въ журналахъ пьесы, подписанныя именемъ Чюминой, думали, что ихъ пишетъ мужчина. Со стороны поэтессы было большою ошибкою являться подъ маскою непрекраснаго пола. У насъ и безъ того слишкомъ много поэтовъ наводняютъ столбцы ежедневныхъ и ежемѣсячныхъ изданій и публикѣ гораздо интереснѣе знать, какъ мыслитъ и чувствуетъ женщина. Изъ шестнадцати пьесъ, собранныхъ въ отдѣлѣ стихотвореній историческаго содержанія, половина относится къ бытовымъ или жанровымъ картинамъ. Изъ нихъ «Вчерашняя драма», «Пиръ», «Безправная», «Елка на могилѣ» проникнуты истиннымъ, глубокимъ чувствомъ. Въ пьесѣ «Царевна Софія» вѣрно очерчены ея мысли о Голицынѣ, о Петрѣ, о боярскихъ козняхъ, но врядъ ли воспоминанія о казни Хованскихъ могли пробудить въ ней мученія совѣсти. Въ исторической были «Маруся Чурай» рельефно очерчена энергическая фигура этой малороссійской поэтессы, отравившей своего Грицю, за то что онъ любилъ двухъ разомъ. Въ былинѣ «Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій» разсказана слишкомъ сжато и сухо сцена отравленія молодого боярина, надежды Руси. Пьеса «Новгородъ» совершенно неудачна. Стихи о затмившейся звѣздѣ вольности, о замолкнувшемъ звонѣ на вѣчевой башнѣ, о Волховѣ «старѣйшемъ, лучшемъ сынѣ Новгорода» слишкомъ слабы, чтобы опредѣлить значеніе когда-то великаго города. Это не подъ силу элегическому таланту г-жи Чюминой. Пьесы «Памяти царя-мученика», «Памяти Скобелева» и «Къ пятидесятилѣтней годовщинѣ смерти Пушкина» написаны звучными, прочувствованными стихами. Но вообще этотъ родъ стихотвореній не въ характерѣ дарованія поэтессы. И потомъ: не слишкомъ ли поторопился

авторъ издать свой сборникъ, въ которомъ слишкомъ много стиховъ? 346 страницъ, 93 пьесы, между которыми не мало довольно обширныхъ поэмъ и пять хотя одноактныхъ, но длинныхъ драматическихъ сценъ.—Все это написано въ теченіе пяти лѣтъ и прочитать все это, не отрываясь отъ книги—почти невозможно. Менѣе объемистый сборникъ, изъ котораго были бы исключены болѣе слабыя произведенія, оставилъ бы впечатлѣніе гораздо сильнѣе и глубже. . . В—ъ.

Кіевъ теперь и прежде. Составилъ инспекторъ Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ М. М. Захарченко. Издалъ содержатель парового лито-типографическаго заведенія С. В. Кульженко. Кіевъ. 1888.

Девятивѣковой юбилей крещенія Руси, торжественно отпразднованный въ день св. Владиміра во всей Россіи и, главнымъ образомъ, въ Кіевѣ, не остался безслѣднымъ въ нашей литературѣ. Много появилось къ этому времени и послѣ того книгъ, брошюръ, рисунковъ, посвященныхъ величайшему изъ событій въ жизни русскаго народа. Но вотъ предъ нами еще новое изданіе—большой томъ in-quarto въ 276 страницъ, украшенныхъ многочисленными превосходными рисунками. Не много запоздалое изданіе, вышедшее въ свѣтъ уже послѣ юбилейнаго торжества, но весьма интересное по содержанію и, главное, роскошное по внѣшности. Трудъ составителя компилятивный, но въ основаніе его положены обильные матеріалы, бывшіе въ распоряженіи автора, какъ это видно изъ ссылокъ на источники. Особенность этого труда состоитъ въ томъ, что, разбивъ его на три части (главы), авторъ въ первой изъ нихъ изложилъ общія историко-статистическія и топографическія свѣдѣнія о Кіевѣ и его окрестностяхъ, а слѣдующія двѣ главы отвелъ описанію отдѣльныхъ древнихъ памятниковъ города, — система, весьма удобная для справокъ и ближайшаго ознакомленія съ даннымъ предметомъ. Но мы не можемъ не пожалѣть, что описательная сторона труда преобладаетъ надъ историческою, которой вообще отведено мало мѣста въ текстѣ, что въ особенности относится къ такимъ древностямъ, какъ Софійскій соборъ и Десятинная церковь. Новѣйшему же кіевскому сооруженію—памятнику Богдана Хмельницкаго отведено всего счетомъ 19 строкъ (стран. 225) и безъ малѣйшаго упоминанія объ историческихъ переходахъ проекта памятника, а между тѣмъ исторія этихъ переходовъ весьма поучительна и ей умѣстнѣе бы всего быть на страницахъ этого изданія. Болѣе подробныя историческія свѣдѣнія находимъ въ описаніи Кіево-Печерской лавры. Къ числу недостатковъ изданія относится отсутствіе указателей какъ личныхъ именъ, такъ и мѣстъ, а для рисунковъ даже не составлено простого списка, и для того, чтобы отыскать нужное изображеніе, приходится перелистывать цѣлую главу. Всѣ эти недостатки выкупаются, однако, прекраснымъ изложеніемъ текста, написаннаго легкимъ языкомъ, и въ особенности богатою внѣшностью изданія. Бумага превосходная, шрифтъ крупный, рисунки—совершенство графическаго искусства. Тридцать четыре фототипическихъ листа, исполненные съ особенной отчетливостію, совершенно вѣрно передаютъ тѣ красивые и мѣстами поэтичные виды, которыми такъ изобилуетъ Кіевъ, а приложенный къ книгѣ хромолитографированный планъ города даетъ возможность найти

любой уголокъ матери городовъ русскихъ. Рисунки въ текстѣ, за исключеніемъ немногихъ цинкографій (памятникъ Александру II и новый Владимірскій соборъ), исполнены также очень хорошо. Вообще изданіе, по внѣшности, слѣдуетъ отнести къ числу роскошныхъ, и нужно радоваться, что такія изящныя книги могутъ появлятся въ провинціи: смѣло можемъ сказать, что «Кіевъ теперь и прежде» сдѣлалъ бы честь и столичнымъ издателямъ.

М. Г—цкій.

Таблицы русскихъ монетъ отъ начала русскаго государства до Петра I-го. Выпускъ I. Кіевъ. 1888.

Первый выпускъ «Таблицъ» содержитъ въ себѣ рисунки монетъ удѣльныхъ княжествъ—рязанскаго, кіевскаго, суздальскаго и проч. и московскаго до Ивана IV, включительно. Во второмъ выпускѣ, который, вѣроятно, не замедлитъ своимъ появленіемъ, составитель обѣщаетъ дать изображенія монетъ московской эпохи до Петра I. Въ томъ же второмъ выпускѣ будетъ помѣщено авторомъ и предисловіе къ обоимъ выпускамъ «Таблицъ»; первая книжка, лежащая теперь предъ нами, вышла безъ всякаго предисловія. Спѣшность ли работы, или что другое, заставили автора отложить предисловіе до второго выпуска—мы не знаемъ, но не можемъ не отмѣтить здѣсь, что подобное упущеніе весьма чувствительно отзывается на его работѣ. Безъ пояснительнаго предисловія невозможно даже оріентироваться въ вопросѣ, съ какой цѣлію предпринято вообще это изданіе и, главное, какія монеты имѣются въ виду авторомъ при составленіи «Таблицъ». Сюда, очевидно, вошли далеко не всѣ извѣстные виды русскихъ монетъ; такъ, напр., на первомъ же листѣ «Таблицъ» мы наталкиваемся на крайнюю скудность монетъ временъ Владиміра Святаго: ихъ приведено всего только два образца, тогда какъ извѣстно гораздо болѣе. Затѣмъ, среди монетъ княжества Кіевскаго не приведено монетъ Святополка, описаніе и изображеніе которыхъ есть у Солнцева («Нумизм. изслѣдованіе славянск. монетъ», ч. I, вып. II, стр. 14), Московскаго княжества нѣтъ монетъ Данилы Александровича, Ивана Ивановича («Деньги и пулы древн. Руси», прибавл. стр. 133), Петра и Юрія Дмитріевичей («Нум. изслѣд.», loc. cit.,стр. 52—53) и т. д. и т. д. Уже одно это обстоятельство невольно ставитъ втупикъ всякаго читателя относительно тѣхъ задачъ, которыя имѣлись въ виду при выпускѣ въ свѣтъ настоящаго изданія. Хотѣлъ ли составитель «Таблицъ» представить только образцы типичныхъ монетъ разныхъ періодовъ и мѣстностей, или же онъ описываетъ монеты одной своей частной коллекціи? Отвѣтъ на эти вопросы необходимо было бы дать въ настоящемъ же выпускѣ, а не откладывать до второй книжки, потому что при этихъ условіяхъ первый выпускъ теряетъ всякую цѣну,— по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не позволятъ автору выпустить вторую книжку, въ которой обѣщаны необходимыя разъясненія.

Впрочемъ, мы не могли бы остаться довольными выпущенной книжкой, если бы даже эти разъясненія и были сдѣланы въ ней. Прекрасныя работы г. Солнцева, появившіяся двадцать лѣтъ тому назадъ и по своему исполненію не уступающія лучшимъ нумизматическимъ изданіямъ Западной Европы, пріучили насъ относиться взыскательно ко всѣмъ подобнаго рода работамъ, пріучили искать въ нихъ хорошихъ рисунковъ и отчетливаго исполненія

ихъ, потому что рисунки въ такихъ изданіяхъ составляютъ все. Между тѣмъ, рисунки «Таблицъ» сдѣланы настолько аляповато и неряшливо, что даже опытный глазъ знатока, безъ подписей составителя, не въ состояніи былъ бы различить, что̀ именно изображено на монетахъ. Возьмемъ, напр., монету ярославскаго князя Александра Θеодоровича (1463 г.). Подпись гласитъ, что на монетѣ изображенъ князь, сидящій на престолѣ, а предъ нимъ человѣкъ простого званія на колѣняхъ; на самомъ же дѣлѣ на рисункѣ «Таблицъ» вы видите двухъ птицъ, изъ которыхъ одна летитъ повыше, другая пониже; за людей эти неясныя расплывчатыя фигуры принять невозможно. На монетѣ ростовскаго князя Андрея Θеодоровича (1331 г.) должна была быть изображена, судя по надписи, сдѣланной издателемъ, фигура человѣка, держащаго топоръ въ рукахъ, предъ нимъ голова, влѣво птица на вѣткѣ; сверху, внѣ круга, голова человѣка. На самомъ же дѣлѣ ничего этого нѣтъ и на монетѣ представлено лишь нѣсколько туманныхъ сѣрыхъ пятенъ, безъ формы и опредѣленныхъ очертаній. И такихъ рисунковъ множество... Поистинѣ жаль той массы труда и денегъ, которыя были затрачены издателемъ на составленіе и печатаніе этой странной и вполнѣ безполезной книжки.

Н. Д—скій.

Извѣстіе Тамбовской архивной комиссіи. Выпускъ XIX. Тамбовъ. 1888. Указатель къ описи Тамбовскаго историческаго архива. Часть I. Составилъ правитель дѣлъ Тамбовской архивной комиссіи М. Розановъ. Приложеніе къ извѣстіямъ архивной комиссіи. Тамбовъ. 1888.

Тамбовская ученая архивная комиссія принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу наиболѣе дѣятельныхъ. Мы уже не однократно упоминали о содержаніи различныхъ книжекъ «Извѣстій» и о положительныхъ достоинствахъ матеріала, помѣщаемаго въ нихъ. Придавая вообще большое значеніе ученымъ архивнымъ комиссіямъ и ожидая отъ нихъ въ будущемъ значительной пользы для разработки русской исторической старины, мы думаемъ, что Тамбовская архивная комиссія стоитъ на совершенно вѣрной дорогѣ и совершенно правильно ведетъ свое дѣло. Тамбовская архивная комиссія не довольствуется розысками въ мѣстныхъ архивахъ и переборкою матеріаловъ, находящихся уже подъ рукою:—значительную часть своихъ трудовъ она посвящаетъ печатанію матеріаловъ, важныхъ для исторіи Тамбовскаго края, и хранящихся въ центральныхъ архивахъ. Такъ, наприм., въ настоящемъ выпускѣ «Извѣстій» находимъ и «Опись дѣламъ Шацкаго (мѣстнаго) архива», составленную П. И. Пискаревымъ, съ чрезвычайно любопытными документальными приложеніями, и «Книги бывшаго Разряда разныхъ городовъ», хранящіяся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, съ весьма подробными описями городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, полными важныхъ бытовыхъ подробностей. Не менѣе важна въ томъ же отношеніи и напечатанная въ концѣ выпуска «Грамота царя Петра Алексѣевича, Андрею Палеологу о заготовленіи тамбовцами лѣсныхъ припасовъ и сгонкѣ ихъ по Хопру и Дону къ Азову». Не лишены интереса и тѣ выдержки изъ «Писцовыхъ книгъ старыхъ селъ Верхоценской волости», и тѣ отрывки апокрифическихъ сказаній, на которыя указываетъ г. Дубасовъ въ своемъ «Сообщеніи».

«Указатель» къ описи Тамбовскаго историческаго архива также представляетъ собою начало весьма полезнаго труда. При накопленіи матеріала въ комиссіяхъ, всякое пользованіе этимъ матеріаломъ вскорѣ окажется невозможнымъ, если не будутъ составлены подобные, руководящіе «Указатели». Опись нѣкоторой части архива уже напечатана въ первыхъ семнадцати выпускахъ «Журналовъ» и «Извѣстій» Тамбовской ученой комиссіи; печатаемый нынѣ «Указатель» къ этой описи (предметный, географическій и личныхъ именъ) даетъ возможность разобраться въ тѣхъ 2,000 дѣлъ, которыя вошли въ составъ напечатанной описи. По мѣрѣ того, какъ опись будетъ печататься далѣе, будетъ продолжаться и печатаніе «Указателя». П.

Свѣдѣнія о ботикѣ „Дѣдушка русскаго флота“ за 200 лѣтъ, съ 1688 по 1888 годъ. Спб. 1888.

Въ нынѣшнемъ году минуло 200 лѣтъ со времени находки Петромъ знаменитаго его ботика, ставшаго родоначальникомъ русскаго флота. По поводу этого юбилея г. Веселаго возвращается къ вопросу о происхожденіи ботика и излагаетъ довольно подробно исторію тѣхъ почестей, которыя оказывались «Дѣдушкѣ» Петромъ и его преемниками. Академикъ Г. Ф. Миллеръ, а за нимъ цѣлый рядъ историковъ, Голиковъ, Берманъ, Н. А. Полевой, Схельтема, Ламбинъ, признавали ботикъ судномъ русскаго происхожденія, построеннымъ для царя Алексѣя Михаиловича Брантомъ. Г. Веселаго, на основаніи собственноручной записки Петра, вошедшей въ предисловіе къ «Уставу Морскому», и гравюры художника Зубова, вполнѣ точно устанавливаетъ тотъ фактъ, что ботикъ былъ построенъ въ Англіи и привезенъ въ Россію для Никиты Ивановича Романова. Петръ чрезвычайно любилъ свой ботикъ, онъ «чествовалъ его какъ одного изъ достойнѣйшихъ своихъ сотрудниковъ, въ немъ онъ какъ бы олицетворялъ великую идею созданія флота». Ботикъ былъ неприкосновенной святыней; въ этомъ отношеніи весьма интересна инструкція, данная Петромъ для перевозки ботика изъ Москвы въ Петербургъ: на предположенія разныхъ поправокъ Петръ отвѣчалъ: «не замать до меня», «старова до меня не трогать»; приказывалось: «будучи въ дорогѣ смотрѣть прилежно, чтобы его не испортить, понеже судно старое, того ради ѣхать днемъ, а ночью стоять, и гдѣ есть выбоены спускать потихоньку». Заботливость о ботикѣ проявляли и преемники Петра, начиная съ императрицы Елисаветы Петровны, пробовавшей возстановить ежегодное празднованіе въ честь ботика, завѣщанное Петромъ на вѣчное время. Весьма любопытны въ разсматриваемой книжкѣ описанія празднествъ въ честь ботика при императорахъ Николаѣ Павловичѣ въ 1836 г. и Александрѣ Николаевичѣ въ 1872 г. Оба раза ботику воздавались почти царственныя почести, императоръ Николай даже самъ трудился надъ составленіемъ церемоніала празднества. Относительно внѣшней стороны изданія г. Веселаго замѣтимъ, что она безукоризненна, къ книжкѣ приложены факсимиле съ транскрипціей съ записки Петра о ботикѣ и снимокъ съ гравюры Зубова.

А. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Покаяніе русскаго революціонера. — Нигилизмъ, какъ явленіе психологическое, а не политическое.—Малороссійская газета, выходящая въ Вѣнѣ и ея редакторъ, Григорій Купчанко. — Война редактора «Revue nouvelle» съ княземъ Бисмаркомъ.—Дневникъ германскаго кронпринца въ 1870 году.—Династическій вопросъ въ Румыніи.—Французская біографія нѣмецкаго стратега.—Ирландскій агитаторъ и англійскій политическій дѣятель.

Исторія русской эмиграціи и русскихъ анархистовъ за границею составитъ любопытную страницу въ исторіи соціальнаго движенія въ Европѣ, во второй половинѣ XIX вѣка. Такія личности, какъ Герценъ, полупомѣшанный Бакунинъ, Петръ Долгоруковъ, Лавровъ, Драгомановъ, Кропоткинъ, имѣли несомнѣнное вліяніе на развитіе этого движенія, не говоря уже о томъ, что создали особую отрасль публицистической литературы и имѣли не мало послѣдователей. Но какъ ни разнообразны политическія и соціальныя убѣжденія, доходящія не рѣдко до абсурда, этихъ отщепенцевъ русской земли, какъ ни старались они играть роль всесвѣтныхъ демагоговъ среди космополитическихъ кружковъ европейскихъ анархистовъ, русская натура высказывалась въ нихъ нерѣдко и проявлялась по временамъ во враждебныхъ отношеніяхъ къ своимъ единомышленникамъ, въ желаніи вернуться на родину, къ которой они не переставали чувствовать влеченіе, хотя многіе ни за что не сознались бы въ этомъ открыто. Такъ, мы имѣемъ положительныя доказательства тому, что даровитѣйшій изъ эмигрантовъ Герценъ искренно желалъ возобновить въ концѣ шестидесятыхъ годовъ сношенія съ отечествомъ, порванныя въ концѣ сороковыхъ. Многіе изъ эмигрантовъ добровольно возвращались на родину, охотно подвергаясь всей строгости законовъ, лишь бы не оставаться космополитами, «сирѣчь побродягами», какъ перевелъ этотъ терминъ русскій поэтъ. Припомнимъ отреченіе отъ своихъ заблужденій и возвратъ въ Россію Кельсіева, недавно умершаго Блюммера,

благополучно здравствующаго Дьякова и др. Къ такимъ же лицамъ, сознавшимъ всю тщету анархическихъ идей, принадлежитъ и Л. Тихомировъ, основатель общества «Народной воли» и издатель журнала подъ тѣмъ же названіемъ, напечатавшій недавно любопытную брошюру: «Почему я перересталъ быть революціонеромъ». «Московскія Вѣдомости» представили обширное извлеченіе изъ этой брошюры. Критикъ одной изъ нашихъ лучшихъ провинціальныхъ газетъ «Южный край» г. Г. видитъ въ появленіи брошюры дѣло совѣсти, самое искреннее покаяніе автора, «одного изъ самыхъ плодовитыхъ революціонныхъ писателей, котораго никакъ нельзя заподозрить въ заднихъ мысляхъ, такъ какъ вся его прошлая дѣятельность отрѣзываетъ ему путь къ возврату на родину». Покаяніе это не вызвано никакими разсчетами (въ немъ сомнѣвается только «Гражданинъ» г. Мещерскаго) и объясняется тѣмъ, что, по мнѣнію Г., «русскій нигилизмъ есть явленіе психологическое, а не политическое, въ которомъ звѣрскія наклонности человѣческой природы пробуждаются только благодаря вліянію ложно направленной мысли, только благодаря теоретическому раздраженію сердца». Мнѣніе г. Г. важно потому, что по его собственнымъ словамъ, онъ лично зналъ Тихомирова, «какъ своего товарища по заключенію» (оба мы, прибавляетъ Г. судились по одному и тому же политическому дѣлу, лѣтъ десять тому назадъ). «Многіе, говорилъ Тихомировъ, достигшіе нѣкотораго возраста и опыта, перестаютъ вѣрить въ свои прежніе основы и мечты, но молчатъ. Они не дѣлятся опытомъ съ молодежью, замѣчая: зачѣмъ разочаровывать? Другіе молчатъ, сожалѣя о погибшей жизни: какъ? неужели эти пять или десять лѣтъ были ошибкой? за что же уложилъ я столько силъ, за что отказался отъ благъ міра?» Но Тихомировъ думаетъ, что поступать такъ малодушно и считаетъ своею обязанностью предостеречь молодежь, совѣтуя ей наблюдать, учиться, а не бросаться въ политику, не вѣрить громкимъ фразамъ, не позволять застращивать себя шарлатанамъ. Россія страна съ великимъ прошлымъ, а еще болѣе великимъ будущимъ, но она имѣетъ и свои недостатки, изъ которыхъ одинъ очень важный, особенно близко касается учащейся молодежи: это крайняя незначительность серьезно-образованнаго, мыслящаго слоя, способнаго къ серьезной, умственной работѣ. Главнымъ зломъ, отъ котораго страдаетъ современная Россія, Тихомировъ считаетъ — недостатокъ серьезно-выработанныхъ умовъ въ образованномъ классѣ. Соціальная наука у насъ не разрабатывается на изученіи нашей собственной страны и ея общественныхъ явленій. На это указывали всегда наши лучшіе писатели. Въ нашемъ образованіи обращается болѣе всего вниманіе на количество, а не на качество знаній. «Россія полна жизненныхъ силъ и ни въ какихъ революціяхъ не нуждается. Ни для баррикадъ, ни для ирландщины, ни для заговоровъ, въ ней не оказывается матеріала, то-есть сочувствія, желанія народа и общества. Между тѣмъ, нашъ передовой слой витаетъ въ теоріи—въ заоблачныхъ странахъ, а на практикѣ, то идетъ впередъ, съ мечтами о федераціи независимыхъ общинъ, съ планами повсемѣстныхъ возстаній, то создаетъ идею и практику террористической борьбы. Старшія же поколѣнія проявляютъ полнѣйшую неспособность къ самостоятельной умственной работѣ, къ руководству движеніемъ умовъ. У насъ многіе мечтаютъ о парламентаризмѣ, но въ немъ только одна цѣнная черта—постоянное обнаруженіе народныхъ желаній и мнѣній, а затѣмъ парламентаризмъ какъ система государственнаго управленія—въ высшей степени неудовлетворителенъ». Поэтому Тихомировъ является сторон-

никомъ самодержавной власти — и брошюра его является доказательствомъ искренности его убѣжденій, но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлымъ фактомъ, который ему никогда не простятъ его бывшіе единомышленники.

— Каждый мѣсяцъ приносятъ намъ новые, знаменательные факты борьбы славянства съ германствомъ, въ которой рано или поздно, волей или неволей, придется и намъ принять участіе. Въ то время, когда въ Болгаріи, даже непозволительными средствами, усиливается укрѣпить нѣмецкое вліяніе германскій канцлеръ, австрійскій императоръ даетъ публичный выговоръ католическому епископу и славянству, поздравившему Россію съ девятисотлѣтнею годовщиною ея крещенія телеграммою, въ которой Францъ-Іосифъ видитъ оскорбленіе религіи и государственной власти. Это нисколько не мѣшаетъ хорватамъ устраивать восторженныя оваціи опальному святителю, а папѣ приблизить Штросмайера къ себѣ и дать ему высшее назначеніе въ Римѣ, сдѣлавъ его членомъ католической пропаганды. Въ то же время младочехи требуютъ признанія своихъ государственныхъ правъ и не хотятъ довольствоваться уступчивою, выжидательною политикою старочешской партіи, а русскіе галичане, въ виду невыносимаго гнета поляковъ и нѣмцевъ, вовсе отказываются участвовать въ парламентской комедіи и посылать въ австрійскій рейхстагъ трехъ депутатовъ отъ лица своего трехмилліоннаго населенія. Положеніе этого южно-русскаго народа, управлявшагося когда-то князьями рюрикова дома, дѣйствительно очень печально. Оно изображено вѣрными и яркими красками въ газетѣ «Русская Правда», выходящей съ нынѣшняго года въ Вѣнѣ. Вотъ, что говорится въ послѣднемъ вышедшемъ нумерѣ этого изданія: «горька доля нашего русскаго мужика въ Буковинѣ, Галичинѣ и Венгерщинѣ. Робить якъ черный волъ, а жіетъ якъ песъ. За тяжкою работою свѣта Божого не видитъ, и все въ холодѣ, голодѣ да нуждѣ. А тутъ безпрестанно — давай, давай, давай, то на одно, то на друге, а то послѣдну худобинку, остатну одежинку заберутъ и за полдарма продадутъ. Со святой землицы нашъ мужикъ самъ ледви (едва) можетъ выжити, не то еще податы платити. Послѣднее добро продай и заплати, а потомъ хоть торбы на плечи бери, да въ чужи краи на заробки иди». И этотъ обнищавшій, загнанный народъ сознаетъ, «що мы, русскіе, въ Австро-Венгріи сегодня бѣдуемъ, да что мы не маемъ тѣхъ правъ котри давно уже маютъ други народы, то не вина нашего цезаря, а тѣхъ вельможъ, котри взяли верхъ надъ нами». Поэтому русскіе въ Австріи считаютъ себя въ правѣ просить, «абы надъ нами русскими, не владѣли, не пановали чужи люди, або въ нашей Буковинѣ и нашей Галичинѣ, гдѣ мы, русски, наибольшій народъ, былъ въ школахъ и урядахъ головнымъ, панующимъ языкомъ нашъ русскій языкъ; або до нашихъ политичныхъ, народныхъ, церковныхъ, школьныхъ и громадскихъ дѣлъ не мѣшалися чужи люди, наши вороги, якъ то теперь дѣется». Все это австрійскимъ русскимъ можетъ дать одинъ цезарь, а чтобы они могли поправиться въ экономическомъ отношеніи «Русская Правда» рекомендуетъ имъ— учрежденіе ссудосберегательныхъ обществъ. Вообще, газета эта ведется хорошо, толково и приноситъ большую пользу. Такъ въ сентябрьскомъ № ея помѣщена сжатая, но полная статистика имперіи, обзоръ послѣднихъ политическихъ событій, начиная съ Россіи и славянскихъ земель. Редакція радуется кіевскому торжеству и изъявляетъ желаніе, чтобы «до святой православной вѣры прилучились и тѣ славяне, котри сегодня принадлежатъ до римско-католической, лютеранской и магометанской вѣры. Мадьярски, польски и жи-

ловски газеты дуже бѣсилися и клеветали на кіевско торжество, писали, что въ Кіевъ сходилися панслависты, москалефилы, бунтовщики и нигилисты, абе обрядити революцію и войну противъ нашого краю, но все то — подла брехня. Ни русскій, ни нашъ цезарь не хотятъ войны — хотятъ ее лишь мадьяры, польска шляхта да жиды». Далѣе въ нумерѣ помѣщена съ прекраснымъ портретомъ краткая біографія Льва Кирилловича, профессора высшей реальной школы въ Черновицахъ, учителя и просвѣтителя молодежи въ Буковинѣ, для которой онъ благодѣтель и истинный отецъ, основалъ первыя русскія общества въ Черновицахъ—«Русскую Бесѣду» и «Руccкую Раду». Но проповѣдуя своимъ единоплеменникамъ миръ и согласіе, редакторъ «Русской Правды», Григорій Купчанко самъ впадаетъ въ недостатокъ, свойственный всѣмъ славянскимъ дѣятелямъ—переругивается съ редакторомъ черновецкой газеты «Буковина» Омельяномъ Поповичемъ, защищаясь отъ его обвиненій въ продажничествѣ и доказывая, напротивъ, что этотъ «перекинчикъ» (перевертень) съ своими помощниками паномъ Стоцкимъ и Тыминскимъ — продались полякамъ. Купчанко дѣйствительно ведетъ честно свою газету, но это не оправдываетъ подобныхъ выраженій его о своихъ противникахъ: «якъ бы мы не били ихъ по мордѣ, то ихъ безстыдствамъ не було бы границъ».

— Въ дипломатическомъ мірѣ сильное впечатлѣніе произвели статьи Жюльеты Аданъ, въ ея журналѣ «Revue nouvelle» о неудавшемся штетинскомъ свиданіи и о политикѣ князя Бисмарка. Французскій журналъ давно уже доказываетъ двойственность или вѣрнѣе—двуличность нѣмецкой политики по отношенію къ Россіи, что впрочемъ, не нуждалось въ особенныхъ разоблаченіяхъ и подтверждалось прямыми фактами. Съ тѣхъ поръ какъ Россія отказалась идти на помочахъ Германіи и приняла самостоятельную, національную политику, германскій канцлеръ сдѣлался непримѣримымъ врагомъ ея, видя что всѣ средства—снова подчинить ее своему вліянію, безполезны и не достигаютъ цѣли. Въ 1879 году онъ убѣдилъ престарѣлаго императора, искренняго друга Россіи, но подчинявшагося вліянію канцлера—заключить съ Австріей союзъ, направленный прямо противъ Россіи и, въ то же время, увѣрялъ ее въ неизмѣнности нѣмецкой дружбы и преданности. Затѣмъ онъ сочинилъ пресловатую лигу мира, долгое время не сознаваясь въ томъ, что вовлекъ въ нее Италію, какъ не сознается теперь, что въ лигу привлечена Бельгія и Румынія, не говоря уже о Сербіи, сдѣлавшейся австрійской провинціей. Затѣмъ послѣдовала открытая экономическая война противъ русскаго государственнаго кредита: боевыя хлѣбныя пошлины, запрещеніе германскому банку принимать въ залогъ русскія бумаги, самыя наглыя клеветы на Россію въ оффиціальныхъ газетахъ съ цѣлью подорвать ея курсъ на биржѣ, и т. д. Въ Болгарскомъ вопросѣ, признавая оффиціально незаконнымъ избраніе Фердинанда Кобургскаго, Бисмаркъ, черезъ германскаго посла въ Вѣнѣ, поощрялъ авантюриста твердо держаться на захваченномъ имъ престолѣ. Письмо князя Рейса Кобургу и нѣсколько писемъ этого принца къ своей родственницѣ были доставлены въ Россію. Бисмаркъ, тотчасъ же объявилъ, что всѣ эти письма подложныя и составлены принцами Орлеанскими; съ какой цѣлью? этого не могла объяснить и сама хитроумная канцлерская политика. Не могла же русская дипломатія не повѣрить германскому канцлеру, тѣмъ болѣе, что и Кобургъ отрекся отъ своихъ писемъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ плачется на то, что вынужденъ былъ къ этому отреченію подъ угрозою лишиться покровительства канцлера. Теперь, г-жа

Аданъ напечатала эти письма, вмѣстѣ съ своими комментаріями и съ другими бумагами, какъ записка канцлера императору Фридриху III по поводу брака его дочери съ принцемъ Батенбергскимъ и пр. Въ газетѣ Бисмарка всѣ эти документы, конечно, названы также подложными и въ доказательство приводится извѣстіе, сообщенное также въ «Revue nouvelle», будто изъ Германіи посылалось приглашеніе на штетинскіе маневры и на него былъ полученъ отказъ. Приглашенія въ дѣйствительности не посылалось и это подтвердилъ «Journal de St.-Petersbourg». Но это постороннее обстоятельство, не имѣющее никакого отношенія къ болгарской интригѣ, не даетъ повода признать завѣдомо подложными документы, сообщаемые г-жею Аданъ.

— Привыкнувъ отрицать всякій документъ не восторгающійся политикой канцлера, бисмарковскіе органы не хотятъ признать подлинности «Дневника германскаго кронпринца», появившагося въ октябрьской книжкѣ журнала «Deutsche Rundschau». Дневникъ этотъ, веденный покойнымъ императоромъ Фридрихомъ III въ войну 1870—71 года, чрезвычайно любопытенъ, потому что касается либеральныхъ плановъ будущаго императора и его столкновеній съ Бисмаркомъ по поводу двуличной и ретроградной политики канцлера. Кронпринцъ прямо высказываетъ свои симпатіи къ свободномыслящей германской партіи и говоритъ, что задачею и идеаломъ его царствованія—будетъ созданіе имперіи на принципахъ проповѣдуемыхъ этой партіей. «Въ настоящее время,— пишетъ державный авторъ въ 1871 году,—не существуетъ искренняго стремленія къ устройству имперіи на началахъ истинной свободы... Но я надѣюсь, что буду первымъ германскимъ монархомъ, который съумѣетъ сохранить, безъ всякихъ урѣзокъ, представительныя учрежденія страны, права и требованія націи». Фридрихъ особенно возставалъ противъ безконтрольной и безотвѣтственной власти имперскаго канцлера, и когда, въ одномъ разговорѣ 14 ноября 1870 года, Бисмаркъ осмѣлился замѣтить, что кронпринцъ не компетентенъ въ вопросахъ объ организаціи имперской власти, тотъ отвѣчалъ: «я никогда не позволю кому-либо указывать мнѣ, по какимъ вопросамъ взгляды мои компетентны или нѣтъ; только мой отецъ въ правѣ указывать мнѣ на то, что я могу обсуждать». Послѣ этого разговора канцлеръ заявилъ, что не преминетъ при новомъ царствованіи уступить свою власть лицамъ, чьи взгляды будутъ болѣе соотвѣтствовать взглядамъ новаго императора. «Быть можетъ, прибавляетъ Фридрихъ, я былъ слишкомъ оживленъ (lebhaft geworden) во время этой бесѣды, но не могъ же я оставаться равнодушнымъ при рѣшеніи такихъ міровыхъ, съ моей точки зрѣнія, вопросовъ». Подобныхъ любопытныхъ эпизодовъ не мало въ дневникѣ, начинающемся 10 іюля 1870 года. Еще 13-го іюля Бисмаркъ увѣряетъ кронпринца, что миръ обезпеченъ, а 15-го іюля война была уже объявлена. 24-го, передъ отправленіемъ въ походъ, король Вильгельмъ I крестилъ новорожденную дочь кронпринца, принцессу Софію, нынѣшнюю невѣсту греческаго наслѣднаго принца, и былъ такъ взволнованъ, что не могъ держать ребенка. «Печальные крестины, говоритъ Фридрихъ. Вернется ли кто-нибудь изъ насъ? Но мы побѣдимъ». Не разъ во время похода кронпринцу приходилось ободрять своего отца, но бѣдствія войны произвели такое впечатлѣніе на Фридриха, что онъ даетъ себѣ слово посвятить себя только мирнымъ задачамъ и надѣется, что эта война будетъ послѣднею въ его жизни. «Ближайшее призваніе мое во время мира, говоритъ кронпринцъ, будетъ рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ, которые я хочу изучить основательно». Въ то же время онъ вноситъ въ свой дневникъ

и мелкія характеристическія, даже юмористическія подробности, въ родѣ обжорства Жюля Фавра, явившагося для переговоровъ о мирѣ къ Бисмарку 15-го января 1871 года и съѣвшаго у него за обѣдомъ то, что назначалось для трехъ лицъ. На ужинѣ онъ выказалъ также волчій голодъ и еще взялъ съ собой въ обратный путь нѣсколько фаршированныхъ гусей. Въ дневникѣ помѣщены также мастерскія характеристики Бисмарка, Мольтке, Роона, Тьера и другихъ лицъ и, вообще, онъ дышитъ простотою, гуманностью, либерализмомъ, отличительными свойствами царственнаго страдальца, судьба котораго была такъ странна и печальна.

— Кто не пожалѣетъ, что всего три мѣсяца продолжалось царствованіе такого монарха, при которомъ европейскій миръ былъ совершенно обезпеченъ, тогда какъ другіе монархи только поддерживаютъ смуты и волненія въ своей собственной странѣ. Ареною такихъ волненій не одна единоплеменная намъ Сербія, гдѣ позоритъ королевскій санъ невмѣняемый Миланъ, но и единовѣрная Румынія, гдѣ все населеніе еще сильнѣе—если это только возможно—возбуждено противъ короля Карла, чѣмъ сербы противъ Милана. Недовольство правленіемъ Гогенцоллернскаго принца ростетъ съ каждымъ днемъ. Въ странѣ появилась брошюра «Династическій вопросъ въ Румыніи», распространенная въ громадномъ количествѣ, на румынскомъ и французскомъ языкахъ, не только въ городахъ, но и въ селахъ. Авторъ брошюры доказываетъ, что главный виновникъ печальнаго положенія Румыніи—король Карлъ. Въ теченіе 22 лѣтъ царствованія, онъ ничего не сдѣлалъ для экономическаго и нравственнаго развитія страны. Она разорена матеріально непомѣрными налогами, а нравственный упадокъ ея доказываютъ безчисленные процессы правительственныхъ чиновниковъ, обвиняемыхъ въ казнокрадствѣ, взяточничествѣ, мошенничествахъ всякаго рода. А сколько еще вопіющихъ дѣлъ остается безнаказанными! Первый министръ страны Братіано заботится только о томъ, чтобы подчинить ее Германіи и достигъ этого. Онъ наноситъ также ударъ за ударомъ православію, видя въ немъ вѣрнаго союзника національныхъ и патріотическихъ стремленій. Брошюра доказываетъ, что король совершенно утратилъ довѣріе народа, и ниспроверженіе династіи—только вопросъ времени. Прогнали же греки своего нѣмецкаго короля Оттона и послѣ 30-тилѣтняго царствованія. Народъ вездѣ ропщетъ и говоритъ, что ему жилось лучше даже при фанаріотскихъ князьяхъ, чѣмъ при всѣхъ этихъ мнимо-конституціонныхъ учрежденіяхъ и палатахъ, въ которыя правительство выбираетъ только своихъ клевретовъ. Спасеніе страны авторъ видитъ въ томъ, чтобы народъ выбралъ себѣ короля изъ числа лицъ, пользовавшихся его довѣріемъ, преданныхъ румынской національности, дорожащихъ ея интересами и твердо рѣшившихся сдѣлать изъ Румыніи оплотъ православія. Нѣмецкія газеты видятъ въ брошюрѣ орудіе сильной партіи, нашедшей отголосокъ особенно въ сельскомъ населеніи и духовенствѣ и приписываютъ составленіе и распространеніе брошюры Бибеско или Кузѣ.

— Неожиданная отставка начальника генеральнаго штаба германской арміи фельдмаршала Мольтке обратила на него общее вниманіе. Вышла и на французскомъ языкѣ его біографія (Le marechal de Moltke).. Неизвѣстный авторъ совершенно вѣрно оцѣнилъ значеніе этого великаго стратега, принявшаго послѣ 1866 года, въ сраженіяхъ правило: занимать противника частью своихъ силъ и рѣшительно бросать сосредоточенныя массы войска на ослабленныя части сбитаго съ толку противника. Правилу этому, требую-

щему искуснаго выбора пункта атаки и умѣнью сосредоточивать превосходныя силы къ рѣшительному пункту поля сраженія, мы не слѣдовали въ плевненскихъ бояхъ и потому они стоили намъ такъ дорого. Начальнику штаба авторъ брошюры приписываетъ огромное значеніе и, не увлекаясь патріотизмомъ, говоритъ, что во французской арміи должность эту занимали по большей части простые статисты. Подготовка арміи къ войнѣ дѣло на столько гигантское, что возлагать его на лицо, занятое, какъ военный министръ, другими обязанностями—немыслимо. Безспорно, что успѣхъ войны съ Франціей во многомъ зависѣлъ отъ плановъ Мольтке и увольненіе его—плохая награда за оказанныя имъ услуги. Правда, ему за 80 лѣтъ, и теперь на очереди въ германской арміи—обновленіе и освѣженіе ея силъ. Но вотъ уволенъ въ отставку и генералъ Вердеръ, губернаторъ Берлина, 17 лѣтъ бывшій военнымъ агентомъ въ Петербургѣ. Ему всего 68 лѣтъ, а на его мѣсто назначенъ 75-тилѣтній генералъ Паппе и приказъ о его назначеніи явился еще прежде указа объ отставкѣ Вердера. Молодость, если только она не дѣйствуетъ опрометчиво, конечно, можетъ оказать больше услугъ, чѣмъ старость, но надо дорожить и опытными людьми: они еще на многое могутъ пригодиться. На извѣстномъ посту слѣдуетъ не увлекаться личнымъ расположеніемъ, а соображаться съ общею пользою и признавать прошлыя заслуги. Тяжелое впечатлѣніе произвело неразрѣшеніе въ Германіи поставить памятникъ въ Дюссельдорфѣ великому поэту Гейне и великому ученому Якоби. Послѣдній, правда, сильно возставалъ противъ прусскаго милитаризма, а Гейне непочтительно отзывался о Германіи. Но развѣ это причина—не признавать ихъ поэтическое и ученое значеніе?..

— На англійскомъ языкѣ вышли біографіи двухъ лицъ, характеризующія положеніе современной Ирландіи и ея отношенія въ Англіи. Вильямъ Диллонъ описалъ жизнь ирландскаго агитатора Джона Митчеля (The life of John Mitchel), память котораго свято чтитъ вся Ирландія. Этотъ, во многомъ увлекавшійся политическій дѣятель всю жизнь не думалъ о личныхъ интересахъ, служа тому, что онъ считалъ общественнымъ долгомъ, хотя его идеи объ этомъ долгѣ не раздѣлялись многими изъ его соотечественниковъ. Въ то время, когда партія О'Коннеля и націоналистовъ держалась убѣжденій, что политическихъ и соціальныхъ реформъ можно требовать только моральными средствами, Митчель проповѣдовалъ, что противъ вооруженнаго врага хороши всѣ средства, неисключая ножа и петролеума. Какъ Карлейль, въ междоусобной американской войнѣ онъ былъ на сторонѣ южныхъ рабовладѣльческихъ штатовъ и за открыто-высказанную симпатію къ нимъ послѣ своего бѣгства въ Америку, подвергся въ фортѣ Монрое такому тяжкому заключенію, какого не испытывалъ и въ англійскихъ тюрьмахъ. Это не мѣшало ему совѣтовать выжигать посѣвы вокругъ Дублина, чтобы лишить провіанта англійское войско. Развѣ не точно также Андрей Гоферъ истреблялъ въ Тиролѣ жатвы на пути французовъ? Но не смотря на увлеченія Митчеля, ирландцы любятъ его не меньше О'Коннеля, понимая, что оба они стремились къ одной цѣли — возрожденію Ирландіи, только разными путями. Страшный голодъ 1848 года, до котораго довело Ирландію англійское управленіе страною, побудилъ Митчеля къ вооруженному возстанію, которое было потушено, и самъ онъ присужденъ къ четырнадцатилѣтнимъ каторжнымъ работамъ (penal servitude). Его сослали на Бермудскіе острова, но убійственный климатъ ихъ такъ подѣйствовалъ на здоровье

ссыльныхъ, что ихъ перевели на мысъ Доброй Надежды и, наконецъ, на островъ Фандимена, откуда Митчель бѣжалъ на Таити, затѣмъ въ Сан-Франциско. Въ Нью-Іоркѣ онъ былъ главою феніанскаго общества, издавалъ газету, отправилъ двухъ своихъ сыновей въ южную армію, гдѣ оба были убиты въ сраженіяхъ съ сѣверянами. Въ 1874 году онъ получилъ возможность вернуться въ Ирландію, но умеръ въ слѣдующемъ же году, оставивъ по себѣ память непримиримаго патріота и лучшаго журналиста Ирландіи.

— Другая біографія Вильяма Форстера (Life of William Edward Forster) рисуетъ оригинальный типъ англійскаго министра, выработавшаго себѣ самостоятельное мнѣніе о главнѣйшихъ политическихъ вопросахъ своего времени. Такъ, когда Гладстонъ поднялъ общественное мнѣніе своимъ описаніемъ «болгарскихъ звѣрствъ», Форстеръ, не зная иностранныхъ языковъ, отправился въ Болгарію и Турцію, чтобы на мѣстѣ провѣрить всѣ показанія. Онъ былъ всегда либераломъ и въ 1846 году сочувствовалъ чартистамъ и Ирландіи. Ему было тогда 28 лѣтъ. Въ 1861 году онъ былъ уже членомъ парламента, а въ 1865—товарищемъ министра колоній. Въ 1870 году онъ осуществилъ одну изъ основныхъ идей своей молодости и провелъ законъ о народныхъ школахъ, составляющій главную заслугу его передъ страною и за который ему поставили памятникъ въ Вестминстерѣ, въ іюлѣ нынѣшняго года. Но когда, въ 1880 году онъ сталъ въ главѣ управленія Ирландіей, то прибѣгнулъ къ такимъ же репрессивнымъ мѣрамъ, какъ и его предшественники въ этомъ званіи и имя его стало ненавистнымъ для ирландцевъ. Три раза только счастливая случайность спасала его отъ смерти, отъ ножей и револьверовъ феніанъ. Онъ понялъ, что англійская политика въ Ирландіи невозможна и вышелъ въ отставку. Въ 1885 году онъ объявилъ, что ирландскій парламентъ опасенъ для Англіи и Ирландіи. Смерть избавила его отъ печальной участи быть союзникомъ Салисбюри въ нынѣшнемъ англійскомъ кабинетѣ.—Біографія Форстера весьма замѣчательна и поучительна.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Пожалованная шаль.

Великая княгиня Елена Павловна пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ проѣзжала черезъ Курскъ. Остановившись на короткое время въ городѣ, она пожелала посѣтить Знаменскій соборъ. Экипажъ, въ которомъ великая княгиня подъѣхала къ собору, остановился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ церковнаго крыльца. Мостовая передъ крыльцомъ была покрыта густымъ слоемъ грязи, и Елена Павловна призадумалась, какъ выйти и погрузиться, быть можетъ, въ глубокую грязь. Вдругъ въ это время отъ толпы народа, окружавшаго крыльцо, отдѣлилась прилично одѣтая дама и, снявши съ плечъ своихъ шаль, бросила ее между экипажемъ великой княгини и соборнымъ крыльцомъ. Елена Павловна прошла по импровизованному ковру и хотѣла сейчасъ же поблагодарить бросившую шаль даму; но замѣчательно: эта послѣдняя весьма скоро скрылась въ толпѣ и при томъ такъ, что ее не могъ замѣтить никто изъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ лицъ.

Великая княгиня побыла въ соборѣ, приняла различныхъ лицъ ей представлявшихся, и обѣдала въ домѣ губернатора. Здѣсь она говорила о вызвавшей много толковъ и разговоровъ дамѣ и приказала курскому губернатору узнать имя и званіе бросившей шаль дамы. Когда высокая путешественница уѣхала, то губернаторъ приказалъ своимъ полицейскимъ чиновникамъ розыскать неизвѣстную даму, но старанія ихъ не увѣнчались успѣхомъ.

Прошло нѣсколько времени послѣ разсказаннаго нами случая. Быть можетъ, губернаторъ и забылъ о немъ. Какъ вдругъ получена была имъ бумага изъ Третьяго Отдѣленія отъ начальника штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ извѣстнаго Дубельта. Требовалось, во что бы то ни стало, узнать, ктò была неизвѣстная дама, положившая свою шаль подъ ноги великой княгини Елены Павловны. Губернаторъ, разумѣется, засуетился. Таинственную

незнакомку надо было найти; но какъ? Сначала былъ предписанъ строжайшій розыскъ полицейскимъ чинамъ; но всѣ усилія подгоняемыхъ губернаторомъ подчиненныхъ остались тщетными. Изъ Петербурга требовали увѣдомленія, а, между тѣмъ, строжайшій розыскъ не помогалъ.

Пробившись довольно долгое время попусту, губернаторъ измѣнилъ образъ дѣйствій. Самъ ли онъ догадался, или его кто-нибудь научилъ, только узнавать стали, кто была неизвѣстная дама инымъ способомъ. Полицейскіе и всякаго рода иные чиновники, находившіеся въ распоряженіи губернатора, пошли ходить по курскимъ улицамъ, и заглядывать въ одинъ домъ за другимъ. Вездѣ, куда они ни являлись, говорили, обращаясь къ барынямъ и барышнямъ, одно: начальникъ губерніи покорнѣйше умоляетъ и проситъ сказать не между вами ли дама, бросившая подъ ноги великой княгини шаль?

Убѣдительныя и усердныя мольбы помогли. Жена титулярнаго совѣтника Золотницкая сжалилась надъ курскимъ губернаторомъ, который въ томительномъ ожиданіи не досыпалъ и не доѣдалъ, и созналась, что шаль, по которой Елена Павловна прошла въ соборъ, была брошена ею. Узнавшій это чиновникъ, бросился со всѣхъ ногъ къ губернатору. Тотъ возликовалъ и сейчасъ же отправилъ эстафету въ Петербургъ съ донесеніемъ о Золотницкой.

Вскорѣ послѣ этого, въ Курскъ на имя губернатора отъ Дубельта пришла посылка. Когда ее вскрыли, то въ ящикѣ оказалась великолѣпная турецкая шаль. Препроводительное письмо гласило, что ея императорское высочество великая княгиня Елена Павловна изволила послать собственную ея высочества шаль для врученія г-жѣ Золотницкой, которой вмѣстѣ съ тѣмъ объявляется особенное благоволеніе великой княгини за прекрасный и безкорыстный ея поступокъ.

Губернаторъ написалъ письмо Золотницкой, вмѣстѣ съ которымъ отослалъ ей великокняжескій подарокъ; а такъ какъ Золотницкая была, по происхожденію, дворянка, то увѣдомилъ о случившемся и губернскаго предводителя дворянства.

Сообщено А. А. Танковымъ.

СМѢСЬ.

Присужденіе наградъ графа Уварова. 25-го сентября, въ Академіи Наукъ состоялось публичное засѣданіе, исключительно посвященное прочтенію отчета о присужденіи наградъ графа Уварова. Изъ представленныхъ восьми сочиненій, два сочиненія комиссія признала нужнымъ отложить до слѣдующаго конкурса, за неполученіемъ отзывовъ о нихъ отъ тѣхъ лицъ, которыя приняли на себя разсмотрѣніе. Изъ остальныхъ шести, четыре сочиненія найдены достойными малыхъ уваровскихъ премій въ 500 р. каждая. Первымъ изъ удостоенныхъ преміи сочиненій является сочиненіе профессора Московской духовной академіи Н. Ѳ. Каптерева: «Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII вѣкѣ». Рецензировалъ это сочиненіе профессоръ Казанской духовной академіи П. В. Знаменскій. Вторымъ сочиненіемъ удостоеннымъ преміи была: «Исторія Кіевской духовной академіи»; рецензировалъ это сочиненіе членъ корреспондентъ И. А. Чистовичъ. Третье сочиненіе: «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства» и «Матеріалы для исторія колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства въ XVI и XVIII столѣтій» принадлежитъ профессору Харьковскаго университета Д. И. Багалѣю. Разборъ этого сочиненія по приглашенію академіи былъ составленъ проф. Казанскаго университета Д. А. Корсаковымъ. Четвертое сочиненіе принадлежитъ магистру священнику А. Будиловичу. Оно носитъ названіе: «Русская старина въ Замостьи». Оцѣнка этого сочиненія въ виду его спеціальнаго характера была поручена д. ст. сов. Е. М. Крыжановскому, нынѣ уже умершему. Комиссія постановила выразить благодарность всѣмъ постороннимъ ученымъ, оказавшимъ ей содѣйствіе и четыремъ изъ названныхъ рецензентовъ присудила золотыя уваровскія медали. Перерыва въ присужденіи уваровскихъ наградъ впредь не будетъ, такъ какъ наслѣдники графа обезпечили дальнѣйшее существованіе этихъ наградъ.

Палата царевича Дмитрія. Въ виду поднятаго вопроса о возстановленіи остатковъ теремнаго дворца угличскихъ князей, называемаго «Палатой св. царевича Дмитрія», небезъинтересны слѣдующія данныя объ этомъ памятникѣ нашей старины. Что это остатокъ, подтверждается, во-первыхъ, лѣтопис-

ными документами, во-вторыхъ путемъ археологическихъ изысканій, указывающихъ на множество старыхъ фундаментовъ, прорѣзывающихъ «княжій дворъ». Въ 1464 г. князь Андрей Васильевичъ Большой воздвигъ каменную постройку въ Угличѣ,—это былъ теремной дворецъ. Въ лѣтописи сказано: «сооружи бо въ крѣпости града церковь и въ княжемъ дворѣ своемъ палаты велія созда каменныя»; въ другомъ письмѣ читаемъ: «застроенъ княжескими дворцами, кои были и каменные и деревянные, тоже были княжескія службы». Почти двѣсти лѣтъ позднѣе, въ 1611 году, городъ потерпѣлъ полное разграбленіе. Собственно говоря, Угличъ подвергался осадѣ въ 1609 г. Островскимъ а въ 1611 окончательно разграбленъ Сапѣгою. Въ лѣтописи такъ описывается поголовное разрушеніе: «прочь ожиданіе, едва слѣдъ града обрѣсти кому бѣ послѣ разоренія возможно, точію разныхъ сожженныхъ тѣлесъ гражителей, и т. д.»; затѣмъ перечисляется, что именно погорѣло: «елицы каменнозданія быша». Повидимому, остались именно только эти четыре стѣны памятника, такъ жестоко обезображеннаго и лишеннаго своей первоначальной физіономіи. Нѣсколько реставрацій, произведенныхъ надъ этимъ памятникомъ въ разное время, всѣ оказались неудачными и грубыми. Одна была произведена при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ вмѣстѣ съ возникновеніемъ церкви св. царевича Дмитрія, приблизительно въ 30-хъ годахъ XVII вѣка. Можно предположить, что княгиня Одоевская, какъ родственница царевича, возобновивъ церковь его имени, вѣроятно, постаралась сохранить и едва державшіяся стѣны. Далѣе, два столѣтія спустя, въ 1825 году остатокъ драгоцѣннаго памятника былъ достаточно обезображенъ, а въ 1855 году положительно искаженъ неуклюжей лѣстницей, живописью, новыми полами и потолками. Документовъ, описывающихъ «дворецъ углическихъ князей», не имѣется, а при тщательномъ изученіи этого памятника всякій изслѣдователь можетъ положительно утверждать, что въ этомъ сооруженіи остались неприкосновенными только часть кирпичной кладки, полуразрушенный фризъ (маіоликовый, восточнаго характера), одинъ коробовый сводъ (другой рухнулъ) и нѣсколько сломанныхъ слюдовыхъ рамъ.

Кубанскія древности. Во время высочайшаго путешествія, Государь Императоръ посѣтилъ, какъ извѣстно, городъ Екатеринодаръ. Тамъ, въ войсковой кругъ, были принесены въ церемоніальномъ шествіи регаліи кубанскаго войска. Урядники, по два въ рядъ, несли старинные куренные значки, числомъ 12; за ними депутаты отъ станицъ—18 куренныхъ мѣдныхъ перначей 1792 г., они же и урядники несли куренныя знамена; 14 депутатовъ несли куренныя булавы. Затѣмъ слѣдовали полковыя знамена 1736 года—27 знаменъ, пожалованныхъ императоромъ Павломъ—14, Александромъ I—16, Николаемъ I—17, Александромъ II—4. За полковыми знаменами отставные офицеры несли 5 серебряныхъ перначей 1792 года, штабъ-офицеры—2 войсковыхъ мѣдныхъ булавы; нижніе чины войскового музыкантскаго хора несли войсковыя серебряныя трубы. Затѣмъ слѣдовали войсковыя знамена. Всѣхъ ихъ 9: два императрицы Екатерины, бѣлыя, 1788 года, и голубыя, 1792 года; одно императора Павла, два императора Николая I и четыре императора Александра II. За знаменами, штабъ-офицеры, при двухъ ассистентахъ изъ оберъ-офицеровъ, несли грамоты императрицы Екатерины II 1792 года, повелѣнія императора Павла 1799 и 1800 годовъ, его же грамоту 1801 года, грамоты императоровъ Александра I и Николая I, рескриптъ императора Александра II, грамоту императора Александра II и мундиръ того же императора. За регаліями слѣдовалъ наказный атаманъ, имѣя въ рукахъ булаву, пожалованную войску въ 1792 г.; передъ атаманомъ шли два штабъ-офицера съ войсковою желѣзною булавою. Отнынѣ регаліи будутъ сохраняться въ областномъ правленіи; прежде же онѣ находились въ особомъ зданіи, передъ которымъ поставлены 7 пушекъ, взятыхъ при упраздненіи Запорожской Сѣчи и возвращенныхъ императоромъ Павломъ. Надпись на одной изъ пушекъ показываетъ ея годъ:

1732; всѣхъ знаменъ и знаковъ болѣе 80. Вмѣстѣ съ регаліями перенесены и всѣ другіе предметы, сохранявшіеся въ зданіи и которые въ церемоніи войскового круга не выносятся. Въ числѣ такихъ предметовъ находятся: богатый значекъ бывшаго атамана, генералъ-адъютанта графа Сумарокова-Эльстона, 1868 года; ордена князя Потемкина-Таврическаго; древній посохъ, — суковатая палка, на которую накладывалось для стрѣльбы ружье, на посохѣ виситъ серебряная дощечка съ обозначеніемъ, что его осматривалъ императоръ Николай Павловичъ; желѣзная алебарда и серебряная люстра, вѣсомъ въ двадцать пять фунтовъ, 1751 года. Стѣны залы, гдѣ хранятся регаліи, украшены портретами гетмановъ Скоропадскаго и Самойловича. Въ числѣ знаменъ, изъ которыхъ иныя представляютъ только кусочки, интересно хорошо сохранившееся знамя буджакскихъ казаковъ, бѣжавшихъ при разореніи Сѣчи въ Турцію, и, затѣмъ, при императорѣ Николаѣ, возвратившихся. Знамя, очевидно, самодѣльное; оно изображаетъ въ кругу, въ верхней половинѣ, руку, вооруженную мечемъ; въ нижней части — изображеніе палисада и крѣпости; кругъ увѣнчанъ трехугольною шляпою съ плюмажемъ, которая никогда не употреблялась у казаковъ; древко увѣнчано крестомъ надъ луною.

Домикъ Петра Великаго существуетъ не въ одномъ Петербургѣ, но и въ дальнемъ Дербентѣ. Домикъ стоитъ у самаго Каспія. Волны глухо шумятъ тутъ, набѣгая на отмели пустыннаго берега. Голубая неоглядная даль точно сторожитъ, вмѣстѣ съ насупившимися позади горами, простое жилье предпріимчиваго императора, задумывавшаго здѣсь походы на Персію. Вокругъ — насыпанный имъ валъ, за нимъ другой, и уже подъ защитою этого каменный футляръ — безвкусный, съ претензіею на какой-то греческій портикъ и состоящій изъ кровли, покоющейся на 20-ти четыреугольныхъ колоннахъ. Подъ нимъ кое-какъ навороченные камни — землянка, гдѣ жилъ Петръ въ двухъ «комнатахъ» безъ оконъ, съ земляныиъ поломъ, незатѣйливая и гораздо болѣе неудобная, чѣмъ тѣ, въ которыхъ живутъ лезгинскіе байгуши. Сверху, вмѣсто кровли, на камни навалена земля. Балки подгнили, едва держатся. Чтобы войти туда, надо низко наклониться. Передъ землянкою двѣ екатерининскихъ пушки 1715 года лежатъ на положенныхъ плашмя каменныхъ мусульманскихъ надгробныхъ памятникахъ.

Атласъ г. Барщевскаго. Археологическое Общество присудило медаль И. Ѳ. Барщевскому за труды по фотографированію древне-русскаго художественно-промышленнаго производства. Чтобы оцѣнить трудъ г. Барщевскаго, достаточно указать на то, что въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1882—1887 годъ, имъ исполнено около 2,000 фотографическихъ листовъ большого формата, собранные въ 27 объемистыхъ томахъ. Фотографіи свои онъ снималъ сначала въ Ярославлѣ и Ростовѣ (гдѣ былъ въ продолженіе многихъ лѣтъ простымъ фотографомъ). Послѣ того онъ отправился въ артистическое путешествіе, при чемъ снималъ фотографіи въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, Владимірѣ, Юрьевѣ-Польскомъ, Костромѣ, Вологдѣ, Суздалѣ, Москвѣ и ея окрестностяхъ (и здѣсь, кромѣ зданій въ оружейной палатѣ, въ соборахъ: Архангельскомъ, Успенскомъ, Благовѣщенскомъ, Василія Блаженнаго, въ монастыряхъ: Новодѣвичьемъ, Новоспасскомъ, Патріаршей ризницѣ, Романовскомъ домѣ); далѣе въ Казани, Астрахани, Новгородѣ, Псковѣ, монастыряхъ: Кириллобѣлозерскомъ и Саввы-Звенигородскомъ, въ области войска Донскаго, наконецъ, въ разныхъ петербургскихъ музеяхъ: академій художествъ, наукъ, Штиглицкой школы, общества поощренія художествъ. Одно уже это перечисленіе можетъ дать понятіе о томъ, какая громадная масса монастырей, церквей, ризницъ, музеевъ, коллекцій общественныхъ и частныхъ, дала матеріалъ для атласа г. Барщевскаго и насколько цѣнно собраніе этого великолѣпнаго матеріала. Атласъ г. Барщевскаго хотя еще и не доведенъ до конца, но уже и теперь даетъ возможность подумать объ исторіи русскаго искусства вообще и архитектуры и художественно-промышленнаго производства въ частности.

Такой исторіи давно бы пора явиться, благо матеріаловъ у насъ теперь накоплено достаточно, да и способные, знающіе люди то же есть уже налицо.

Препирательства археологическихъ комиссій. Въ министерство народнаго просвѣщенія поступила жалоба археологической комиссіи, состоящей при Казанскомъ университетѣ, на императорскую археологическую комиссію. Какъ извѣстно послѣдняя запретила самостоятельныя раскопки даже археологическимъ комиссіямъ, которыя, прежде нежели приступить къ изысканіямъ, должны испрашивать на то каждый разъ разрѣшеніе комиссіи. Казанская археологическая комиссія находитъ такой порядокъ крайне неудобнымъ, такъ какъ при немъ масса древностей, цѣнныхъ для науки, будетъ пропадать безслѣдно. Вводя строгія правила для археологическихъ изысканій, петербургская археологическая комиссія въ то же время весьма индиферентно относится къ историческимъ отечественнымъ памятникамъ. Такъ, императорская археологическая комиссія отнеслась къ развалинамъ древнихъ Булгаръ, остатки которыхъ уцѣлѣли только благодаря заботамъ казанскихъ археологовъ. Въ виду этого обстоятельства, казанская комиссія проситъ отмѣнить постановленіе императорской археологической комиссіи. Къ этой просьбѣ присоединилось и московское археологическое общество.

Двадцатипятилѣтіе «Русскихъ Вѣдомостей». Положеніе нашей періодической печати такъ шатко и неустойчиво, что газета, пережившая четверть вѣка, можетъ быть причислена къ рѣдкимъ феноменамъ современной журналистики. 3-го сентября состоялось скромное празднованіе двадцатипятилѣтія существованія газеты «Русскія Вѣдомости». Утромъ, въ Алексѣевскомъ монастырѣ была отслужена заупокойная обѣдня и панихида по бывшемъ редакторѣ-издателѣ газеты Н. С. Скворцовѣ, съ именемъ котораго неразрывно связана эпоха роста «Русскихъ Вѣдомостей» и превращенія этого нѣкогда маленькаго листка въ солидный органъ печати. У могилы Николая Семеновича собрался большой кружокъ близкихъ покойному людей, членовъ нынѣшней редакціи, вмѣстѣ съ рабочими типографіи и давнихъ сотрудниковъ газеты, чтущихъ честную память безусловно хорошаго человѣка и искренняго публициста. Крестъ и плита надъ Скворцовымъ, и безъ того окруженные цвѣтами и зеленью, украсились въ день юбилея новыми вѣнками отъ близкихъ, отъ редакціи и отъ служащихъ и рабочихъ. Въ 2 часа въ типографіи былъ отслуженъ молебенъ, а потомъ состоялся обѣдъ для служащихъ и рабочихъ. Въ память юбилея отчислено изъ редакціонныхъ средствъ 1,000 руб. въ пользу Литературнаго фонда. Вотъ что говорятъ о себѣ «Русскія Вѣдомости»:

«Четверть вѣка, въ жизни народа и его литературы, составляетъ, конечно, періодъ не особенно значительный, но въ жизни сравнительно молодой русской періодической печати это—промежутокъ времени довольно крупный. Немногимъ изъ нашихъ ежедневныхъ изданій,—если не считать двухъ-трехъ газетъ, основанныхъ правительствомъ и существующихъ болѣе столѣтія,—посчастливилось прожить столько времени, сколько прожили «Русскія Вѣдомости»: почти всѣ наиболѣе распространенныя теперь наши газеты возникли позже нашего изданія. За прожитый періодъ времени «Русскія Вѣдомости» не разъ измѣняли и свой наружный видъ и характеръ. Основанная покойнымъ Н. Ф. Павловымъ, газета была разсчитана главнымъ образомъ на распространеніе въ народѣ и выходила три раза въ недѣлю, въ форматѣ четвертой доли печатнаго листа. Но скоро этотъ скромный объемъ оказался недостаточнымъ. Изданіе новаго закона о печати 1865 г. и послѣдовавшее въ 1866 г. освобожденіе «Русскихъ Вѣдомостей» отъ предварительной цензуры открыли газетѣ возможность болѣе широкаго участія въ обсужденіи вопросовъ государственной жизни, и это побудило Н. С. Скворцова, въ собственность котораго газета перешла въ маѣ 1864 года, постепенно расширять ея объемъ и поставить ее въ положеніе большого общественно-политическаго органа. Свой настоящій форматъ газета получила въ 1875 г. и съ тѣхъ поръ

мало измѣнялась. Къ тому же времени установилось и направленіе газеты, котораго она неуклонно держится до сихъ поръ».

† Въ Кенигсбергѣ профессоръ хирургіи при клиническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны, **Несторъ Дмитріевичъ Монастырскій**. У него образовалась опухоль лѣвой почки, извѣстные врачи не совѣтовали ему дѣлать операцію, имѣя въ виду расшатанное здоровье и почтенный возрастъ профессора. Покойный, и самъ опытный хирургъ, хотя и соглашался съ совѣтами, но все-таки, рѣшилъ ѣхать къ своему давнишнему другу и товарищу дѣтства, хирургу Никуличу, въ Кенигсбергъ. Операція была сдѣлана и имѣла роковой исходъ. Русская медицина понесла очень крупную утрату. Монастырскій въ теченіе своей разносторонней и обширной дѣятельности зарекомендовалъ себя и превосходнымъ ученымъ, и неутомимымъ практикомъ-хирургомъ; ему много приходилось работать и за границею, въ Вѣнѣ, и въ послѣднюю нашу Восточную войну, въ военно-медицинской академіи, въ Петропавловской больницѣ и въ клиническомъ институтѣ; въ послѣднемъ съ самаго его основанія (1885), Несторъ Дмитріевичъ завѣдывалъ хирургическимъ отдѣленіемъ, читалъ лекціи для врачей-практикантовъ и студентовъ военно-медицинской академіи. Вездѣ онъ являлся неутомимымъ врачемъ, высоко образованнымъ и гуманнымъ человѣкомъ, а для сослуживцевъ — незамѣнимымъ товарищемъ. Происходя изъ духовнаго званія, онъ родился въ 1842 г. въ австрійско-славянской провинціи Буковинѣ, гдѣ его отецъ состоялъ миссіонеромъ; тамъ онъ окончилъ гимназическое образованіе и поступилъ въ вѣнскій университетъ по медицинскому факультету, который и окончилъ 2-мъ кандидатомъ. Въ Вѣнѣ же онъ получилъ одну за другою всѣ степени ученаго медика. Въ Вѣнѣ же Н. Д. Монастырскій женился на дочери протоіерея тамошней русской миссіи о. Раевскаго. Но, какъ истинно-русскій человѣкъ, всегда стремился въ Россію, не отступая даже передъ тѣмъ, что здѣсь ему приходилось вновь начинать ученую карьеру. Но едва Несторъ Дмитріевичъ покончилъ съ диссертаціями и экзаменами, какъ наступила война и онъ уѣхалъ за Дунай. Памятникомъ его службы на войнѣ остается капитальное сочиненіе — отчетъ о хирургической дѣятельности во время войны. Изъ позднѣйшихъ трудовъ важнѣйшіе: «О современномъ лѣченіи ранъ» (1886 г.), «Современные взгляды на патологію и терапію воспаленія суставовъ» (1887 года) и др.

† 12-го сентября, послѣ тяжкой болѣзни извѣстный педагогъ **Василій Андріановичъ Евтушевскій**. Онъ прославился въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ въ «Педагогическомъ Обществѣ» своими докладами о преподаваніи математики, въ особенности ариѳметики, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Пропагандируя методу нѣмецкаго педагога Грубе, въ измѣненномъ видѣ, покойный издалъ ариѳметическій задачникъ, методику ариѳметики и много книгъ по преподаванію этого предмета. Выпущенныя имъ въ свѣтъ книги имѣли огромный успѣхъ. Въ послѣднее время Евтушевскій состоялъ инспекторомъ пріютовъ великой княгини Александры Петровны; постъ этотъ онъ оставилъ только незадолго до смерти. Покойный пользовался любовью своихъ товарищей, сослуживцевъ и учениковъ, и извѣстіе о его смерти произвело тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ знавшихъ его какъ педагога и какъ человѣка.

† 12-го сентября 37-ми лѣтъ отъ роду, отъ чахотки, литераторъ **Михаилъ Николаевичъ Сойкиновъ**. Покойный былъ родомъ изъ дворянъ казанской губерніи и воспитывался въ Казани. Окончивъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ съ званіемъ кандидата правъ, М. Н. переселился въ Петербургъ, гдѣ числился въ корпораціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Но адвокатурой, за весьма рѣдкими исключеніями, М. Н. почти совсѣмъ не занимался и жилъ одной литературой. Онъ началъ свою литературную дѣятельность сотрудничествомъ въ «Московскомъ Телеграфѣ», для котораго редактировалъ, живя въ Петербургѣ, статьи и извѣстія, передававшіяся въ Москву

по телеграфу. Но настоящей его сферой была поэзія. Его стихотворенія, а также нѣкоторыя статьи и замѣтки, помѣщались въ «Дѣлѣ», «Наблюдателѣ», «Русскомъ Богатствѣ», «Всемірной Иллюстраціи», «Сѣверѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Новомъ Времени», «Родинѣ»; цѣлый рядъ юмористическихъ стихотвореній помѣщенъ имъ подъ разными псевдонимами въ «Будильникѣ», «Стрекозѣ», «Осколкахъ», «Шутѣ» и «Развлеченіи». Покойный отличался крайней непрактичностью въ своихъ личныхъ дѣлахъ и, благодаря этому, жизнь не улыбалась ему. Болѣе чѣмъ скромное существованіе и вѣчная погоня за скуднымъ заработкомъ тормозили развитіе его таланта и подрывали его силы. Весной прошлаго года онъ простудился, получилъ воспаленіе легкихъ, а въ это же время на него обрушился цѣлый рядъ неожиданныхъ нравственныхъ потрясеній, вызванныхъ его же собственной добротой и стремленіемъ протянуть братскую руку помощи тамъ, гдѣ другіе отворачивались. Съ тѣхъ поръ болѣзнь быстро стала подтачивать его уже надорванный прежними лишеніями организмъ. Онъ умеръ въ Казани, куда уѣхалъ нынѣшней весной къ родителямъ, въ надеждѣ поправиться съ перемѣной климата и условій жизни, но эта надежда не оправдалась.

† 17-го сентября, на 66 году, одинъ изъ весьма дѣятельныхъ нашихъ публицистовъ и бывшихъ заводчиковъ, **Василій Аполлоновичъ Полетика.** Его заводская дѣятельность дала ему сотни тысячъ; публицистическая же—поглотила эти сотни тысячъ. Онъ писалъ весьма много финансовыхъ и политико-экономическихъ статей въ разныхъ газетахъ, и такъ увлекся этой дѣятельностью, что пріобрѣлъ въ собственность отъ г. Трубникова «Биржевыя Вѣдомости», гдѣ вслѣдствіе прекращенія издательства В. О. Коршемъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», собрались всѣ выдающіяся литературныя силы. Тутъ участвовали: А. С. Суворинъ, Э. К. Ватсонъ, А. Н. Плещеевъ, В. С. Курочкинъ и многіе другіе. Это время было лучшимъ для Василія Аполлоновича, и онъ видѣлъ предъ собою достиженіе тѣхъ своихъ литературныхъ и публицистическихъ цѣлей, къ которымъ стремился и ради которыхъ жертвовалъ всѣмъ достояніемъ. Онъ былъ безспорно однимъ изъ некорыстолюбивыхъ нашихъ издателей. Съ переименованіемъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» въ «Молву», вслѣдствіе разныхъ случайностей, дѣла пошли такъ плохо, что В. А. Полетика потерялъ все свое состояніе. Бросивъ издательство, онъ снова принялся за практическую дѣятельность: сталъ работать по нефтяному дѣлу; и тутъ его дѣятельность была весьма плодотворна. Онъ былъ однимъ изъ видныхъ нашихъ общественныхъ дѣятелей. Покойный происходилъ изъ старинной малороссійской фамиліи и родился въ Саратовской губерніи; извѣстный дипломатъ Полетика приходился ему роднымъ дядею. Окончивъ курсъ въ Горномъ институтѣ, Полетика служилъ болѣе двадцати лѣтъ въ Западной Сибири, гдѣ былъ управляющимъ рудниками Алтайскаго округа. Выйдя въ отставку, онъ поселился послѣ Крымской войны въ Петербургѣ и, вмѣстѣ съ товарищемъ по службѣ Семянниковымъ, купилъ небольшой литейный заводъ Томсона. Въ ихъ рукахъ заводъ этотъ, при покровительствѣ морского министерства, во время Краббе и подъ вліяніемъ ожидавшагося въ 1863 г. разрыва съ западными державами, направился на кораблестроеніе изъ русскихъ матеріаловъ и обратился внезапно въ обширнѣйшій механическій заводъ и верфь. На заводѣ было затѣмъ введено паровозостроеніе и заводъ былъ проданъ акціонерному обществу, въ рукахъ котораго существуетъ и до сихъ поръ, но далеко не съ тѣмъ успѣхомъ, какъ въ рукахъ своихъ основателей. Обладая бойкимъ перомъ и замѣчательнымъ даромъ слова, Полетика велъ въ теченіе слишкомъ пятнадцати лѣтъ борьбу съ господствовавшимъ въ то время въ администраціи и печати фритредерскимъ настроеніемъ. Подъ впечатлѣніемъ одной его рѣчи произошелъ знаменитый въ лѣтописяхъ нашего самосознанія «пассажъ въ Пассажѣ», когда припертый къ стѣнѣ аргументами и цифрами г. Полетики, г. Ламанскій внезапно закрылъ собраніе и произнесъ

свое историческое: «мы еще не созрѣли». Фритредерскія мѣропріятія Полетика разоблачалъ сначала въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (временъ Корша), а еще чаще въ саркастическихъ рѣчахъ, произносимыхъ въ различныхъ акціонерныхъ и ученыхъ собраніяхъ, но любимою формою его были застольныя рѣчи. Многія изъ послѣднихъ имѣли значеніе событія и сильно волновали петербургскія чиновничьи сферы. Вообще дѣятельность Полетики въ этотъ періодъ была весьма плодотворна, онъ былъ одно время гласнымъ города Петербурга, принималъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ и состоялъ директоромъ завода, бывшаго нѣкогда его собственностью. Вниманіе публики привлекла его полемика съ г. Кокоревымъ изъ-за оцѣнки политическаго значенія войны 1877 года. Нѣсколько ранѣе Полетика былъ однимъ изъ основателей и директоромъ-распорядителемъ Сѣвернаго Общества, перваго занявшагося у насъ варрантною операціею. Затѣмъ всю жизнь Полетика былъ центромъ кружка дѣятелей по горной части и изъ кабинета его вышла иниціатива многихъ полезныхъ мѣропріятій для русскаго горнаго дѣла и для Сибири. Натура живая, талантливая и увлекающаяся, покойный не былъ практическимъ дѣятелемъ, какимъ его иные считали; въ другой странѣ, при парламентскихъ порядкахъ, Полетика навѣрное игралъ бы выдающуюся роль въ качествѣ коновода партіи. Онъ имѣлъ всѣ качества оратора: находчивость, язвительность, сжатое и изящное изложеніе и чрезвычайно мелодическую дикцію. Въ частной жизни это былъ человѣкъ добродушный, не лишенный оригинальности, остроумный собесѣдникъ и гостепріимный хозяинъ.

† Извѣстный собиратель народныхъ пѣсенъ **Николай Евграфовичъ Пальчиковъ** 25-го сентября, близъ Самары, гдѣ покойный лѣчился отъ мышечнаго ревматизма желудка и кишекъ. Онъ родился въ 1838 г., кончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ и затѣмъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, живя у себя въ имѣніи. Народныя пѣсни своей губерніи и околотка онъ усердно собиралъ въ теченіе всей жизни, и его сборникъ, выпущенный нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, обратилъ на себя вниманіе всей печати и всѣхъ компетентныхъ людей какъ добросовѣстностью и тщательностью записи, такъ и обиліемъ матеріала. Въ этомъ матеріалѣ находится значительная часть пѣсенъ новыхъ, какъ въ литературномъ, такъ и въ музыкальномъ отношеніи. Этотъ трудъ можетъ служить образцомъ толковаго собиранія пѣсенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣромъ того, какъ много можно сдѣлать при желаніи. Если бы примѣру Н. Е. Пальчикова слѣдовали лица, живущія въ деревняхъ, то русской пѣснѣ была бы оказана существенная услуга, такъ какъ всѣ экспедиціи, посылаемыя изъ Петербурга для записыванія пѣсенъ, не достигаютъ цѣли и производятъ эти записи чисто случайно и неизбѣжно «на-ходу».

† 25-го сентября въ своемъ имѣніи Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи, членъ государственнаго совѣта **Григорій Павловичъ Галаганъ**. По происхожденію покойный—дворянинъ Полтавской губерніи; первоначальное воспитаніе получилъ дома, потомъ слушалъ лекціи въ Петербургскомъ университетѣ, по юридическому факультету, курсъ котораго окончилъ со степенью кандидата правъ въ 1840 г. По выходѣ изъ университета онъ отправился по западной Европѣ и пробылъ за границей два года. Возвратившись въ Россію, онъ отказался отъ службы и рѣшился заняться сельскимъ хозяйствомъ, для чего и перебрался на жительство въ одно изъ своихъ помѣстій, въ село Сокиренцы, Полтавской губерніи. Въ 1847 г. Григорій Павловичъ былъ избранъ предводителемъ дворянства Борзенскаго уѣзда, Черниговской губерніи; въ 1850 г. принялъ обязанности попечителя черниговской гимназіи и совѣстнаго судьи. Въ 1858 г. былъ членомъ черниговскаго губернскаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ. Послѣ того былъ призванъ въ редакціонныя коммиссіи по освобожденію крестьянъ. Въ 1861 г. назначенъ членомъ отъ правительства въ черниговское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе; въ

1863 г. получилъ назначеніе состоять членомъ кіевской коммиссіи по вопросу объ обязательномъ выкупѣ и поземельномъ устройствѣ крестьянъ Юго-Западнаго края. Со времени введенія земскихъ учрежденій состоялъ губернскимъ гласнымъ Полтавской и Черниговской губерній, а съ 1869 г. предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей Прилукскаго уѣзда и предводителемъ дворянства того же уѣзда. Лѣтомъ 1881 г. принималъ, въ качествѣ эксперта, участіе въ разработкѣ вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей, послѣ того приглашенъ членомъ въ совѣщаніе свѣдущихъ земскихъ людей по вопросамъ питейному и переселенческому. 1-го января 1882 г. Григорій Павловичъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Это былъ первый примѣръ назначенія на высокій постъ человѣка трудившагося преимущественно на поприщѣ общественной дѣятельности и познакомившагося съ возникающими вопросами при обсужденіи и разрѣшеніи реформъ путемъ не только научнаго ихъ изученія, но и практически. Въ государственномъ совѣтѣ Галаганъ былъ членомъ департамента законовъ. Онъ учредилъ въ 1871 г. въ Кіевѣ, коллегію Павла Галагана, въ память умершаго единственнаго сына. Коллегія изъ четырехъ классовъ классической гимназіи находится въ вѣдѣніи университета св. Владиміра и обезпечена въ своемъ существованіи имѣніями, пожертвованными учредителемъ. Кромѣ того, Г. П. Галаганъ состоялъ попечителемъ, какъ учрежденной имъ коллегіи, такъ и прилукской прогимназіи и ремесленнаго училища, устроеннаго полтавскимъ губернскимъ земствомъ въ усадьбѣ, пожертвованной Галаганомъ на этотъ предметъ въ деревнѣ Дехтяркѣ, Прилукскаго уѣзда. Въ скончавшемся русское общество потеряло одного изъ свѣтлыхъ и симпатичныхъ своихъ дѣятелей.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Портретъ М. С. Щепкина.

Шестаго ноября нынѣшняго года исполняется ровно сто лѣтъ со дня рожденія знаменитаго актера московской драматической труппы—Михаила Семеновича Щепкина. Его жизнь и артистическая карьера были описаны много разъ, а мѣсто, занимаемое имъ въ исторіи нашего театра опредѣлено на столько ясно, что мы считаемъ излишнимъ повторять еще разъ то, что хорошо извѣстно всѣмъ, интересующимся русскимъ искусствомъ. Мы почтимъ юбилей Щепкина воспроизведеніемъ, прилагаемаго къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника», весьма рѣдкаго его портрета.

До настоящей поры, сколько намъ извѣстно, появились четыре портрета Щепкина. Первый изъ нихъ, гравированный пунктиромъ и представляющій нашего артиста «по-грудь» въ роли Репейкина (изъ водевиля А. И. Писарева: «Хлопотунъ, или дѣло мастера боится»), былъ приложенъ къ «Драматическому Альбому для любителей театра и музыки» (М. 1826 г.). Второй, «поясной» портретъ, рисованный съ натуры А. Добровольскимъ и гравированный на стали Гобертомъ, выдавался, какъ премія, подписчикамъ «Репертуара и Пантеона». Третій, также «поясной», былъ исполненъ московскимъ литографомъ А. Роппольтомъ для «Дрататическаго Альбома», изданнаго П. Араповымъ (М. 1850 г.). Наконецъ, четвертый — «до-колѣнъ», рисованный А. Скино и литографированный К. Эрготомъ, явился при книжкѣ: «Записки и письма М. С. Щепкина» (М. 1864 г.). Прилагаемый же нами портретъ М. С. Щепкина считается за большую рѣдкость и имѣетъ существенное значеніе: оригиналъ, съ котораго

теперь впервые снята копія, представляетъ большую фотографію, сдѣланную въ Москвѣ незадолго до кончины артиста, а потому отличается бо́льшимъ сходствомъ, чѣмъ всѣ другіе портреты Щепкина. Появленіемъ этого портрета при «Историческомъ Вѣстникѣ» мы обязаны извѣстному профессору Московскаго университета—Н. С. Тихонравову, сохранившему въ своемъ собраніи это рѣдкое изображеніе М. С. Щепкина и, ко дню столѣтняго юбилея, любезно дозволившему намъ снять съ него копію.

II.

Письмо въ редакцію.

Въ перепечатанной въ № 10 «Историческаго Вѣстника» корреспонденціи «Новаго Времени», касающейся между прочимъ или даже главнымъ образомъ Ростовскаго Успенскаго собора, сообщаются свѣдѣнія относительно дѣятельности настоятеля собора со старостою, положительно несправедливыя.

Такъ несправедливо во-первыхъ нареканіе корреспондента на протоіерея со старостою въ томъ, будто они въ 1887 году древній Успенскій соборъ обезобразили новою живописью на маслѣ. Никакой новой живописи лѣтомъ 1887 г. не производилось (да и невозможно расписать весь соборъ въ одно лѣто, на что прежде требовалось три года), а только, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, промывалась и очищалась отъ копоти и пыли стѣнная живопись предшествующаго времени, безъ всякаго измѣненія, съ поправкою, конечно, обившейся по мѣстамъ штукатурки. Это засвидѣтельствовано актомъ комиссіи, нарочно назначенной для осмотра промытой живописи епархіальнымъ начальствомъ, отъ 12-го декабря 1887 г. Насколько промытая живопись — древняя, и насколько изъ-подъ слоевъ ея учеными мѣстными археологами будто усмотрѣна древнѣйшая живопись, современная стѣнамъ собора, существующимъ 650 лѣтъ, — о томъ лучше археологовъ свидѣтельствуетъ соборная лѣтопись, начертанная на стѣнахъ собора и повторенная графомъ Толстымъ въ описаніи его—«Святыни и древности Ростова Великаго» (изд. 1860 г. стр. 29). Вотъ она: «Первое стѣнное расписаніе собора сдѣлано митрополитомъ Іоною Сисоевичемъ въ 1670 годахъ (т. е. черезъ 439 лѣтъ послѣ освященія собора въ 1231 году). Но это стѣнное писаніе истреблено страшнымъ пожаромъ 1730 года. Потому соборная церковь стѣннымъ иконописаніемъ подписана вновь тщаніемъ преосвященнаго Самуила въ 1777—1779 годахъ. Это иконописаніе при протоіереѣ А. Тихвинскомъ и старостѣ Хлѣбниковѣ переписано снова, на маслѣ въ 1843—1845 годахъ, при чемъ и Леонтіевскій придѣлъ расписанъ въ новомъ вкусѣ. Эту-то послѣднюю живопись 40-хъ годовъ въ 1887 году мы и промыли. И тѣмъ обезобразили соборъ?..

Несправедливо нареканіе А. на протоіерея со старостою и въ томъ, будто нынѣшнимъ лѣтомъ они по плану только печника, безъ всякаго архитектора съ разрѣшенія, впрочемъ, епархіальнаго начальства, рѣшились по случаю исправленія духовой соборной печи, для вентиляціонной трубы пробивать сѣверную стѣну собора во всю вышину его, въ чемъ будто бы остановилъ ихъ только г. Шляковъ. Нѣтъ, дѣло было вовсе не такъ. Духовая печь въ соборѣ отъ времени попортилась и стала коптѣть, о чемъ протоіерей собора доложилъ преосвященному въ присутствіи начальника губерніи, а городской голова Вахрамѣевъ указалъ и опытнаго печника Ярославскаго-Гурьянова. По совѣту его и съ одобренія преосвященнаго и губернатора, протоіерей со

старостою дѣйствительно и вызвали указаннаго мастера, которымъ и составленъ былъ планъ передѣлки. Но приводить въ исполненіе этотъ планъ безъ всякаго архитектора у протоіерея со старостою и въ мысляхъ не было. Напротивъ планъ мастера протоіереемъ собора предварительно представленъ былъ на разсмотрѣніе кремлевской комиссіи (протоколъ комиссіи 23-го іюня), а комиссіею планъ представленъ былъ губернскому комитету, которымъ для осмотра печей 24-го іюля (проток. 24-го іюля) и командированъ былъ архитекторъ Поздѣевъ. При осмотрѣ печей въ качествѣ члена комиссіи дѣйствительно находился и г. Шляковъ. Тѣмъ его участіе въ дѣлѣ исправленія печей и ограничилось.

Несправедливо, наконецъ, нареканіе А. на Ростовскій соборъ и въ томъ, будто онъ имѣетъ особыя значительныя суммы, предназначенныя для возстановленія собора въ прежнемъ его видѣ и въ обыкновенныя церковныя книги не внесенныя. Никакихъ такихъ секретныхъ суммъ въ соборѣ не бывало и нѣтъ. Всѣ церковныя суммы собора каждомѣсячно свидѣтельствуются всѣмъ соборнымъ причтомъ съ церковнымъ старостою. Вотъ онѣ по вѣдомости за 1887 годъ: къ 1888 году отъ 1887 года оставалось: процентными билетами 64,450 р. и наличными 2 р. 48 к. Больше никакихъ секретныхъ денегъ не оставалось ни копѣйки. Правда, билетная сумма, частію скопленная бережливыми предками, частію пожертвованная по духовнымъ завѣщаніямъ на вѣчное поминовеніе, довольно значительна, но надобно знать, что проценты съ нея составляютъ одинъ изъ главныхъ источниковъ для содержанія нашего безприходнаго собора. Истратить ихъ на возобновленіе собора, по вкусу гг. археологовъ, значило бы нарушить волю завѣщателей, тронуть ихъ кости и соборъ разорить окончательно.

Настоятель Ростовскаго, Ярославской губерніи, собора,

протоіерей Павелъ Ѳивейскій.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ ВЪ СМОЛЕНСКѢ

Годъ тому назадъ, въ одномъ изъ засѣданій Смоленской городской думы (16-го іюня) было постановлено открыть въ Смоленскѣ при городской управѣ историко-археологическій музей, который служилъ бы хранилищемъ всѣхъ древностей Смоленскаго края. Иниціатива этого хорошаго дѣла принадлежитъ высоко-просвѣщенному общественному дѣятелю, смоленскому городскому головѣ А. П. Энгельгардту, который внесъ объ этомъ докладъ въ думу, горячо и краснорѣчиво развивалъ его предъ гласными и, наконецъ, много содѣйствовалъ собиранію пожертвованій для музея.

Музей рѣшено было помѣстить въ новомъ, только-что отстроенномъ зданія городской думы. Завѣдующимъ музеемъ дума единогласно избрала извѣстнаго мѣстнаго археолога, члена многихъ ученыхъ обществъ, С. П. Писарева, состоящаго учителемъ словесности при мѣстной классической гимназіи. Послѣдній выразилъ готовность принять на себя завѣдываніе музеемъ безвозмездно.

Тотчасъ же послѣ состоявшагося постановленія думы, городской голова и завѣдующій музеемъ обратились, при посредствѣ мѣстной печати, съ воззваніями къ жителямъ Смоленской губерніи, приглашая ихъ пожертвовать старинныя вещи, какія у кого есть, въ устраивающійся музей. Пожертвованія потекли. Смоленская губернія, пережившая много интереснѣйшихъ историческихъ моментовъ, представляетъ до сихъ поръ еще неисчерпаемый запасъ всякихъ древностей и остатковъ старины, находящихся частію въ рукахъ частныхъ лицъ, частію въ церквахъ, нераскопанныхъ курганахъ [1]) и проч. Не только въ помѣщичьихъ домахъ, но и у рѣдкаго крестьянина вы не встрѣтите какой-нибудь «находки», въ родѣ старинннаго бердыша, сабли, монетъ, горшковъ курганной эпохи. Жаль только, что, попадая въ руки необразованныхъ людей, всѣ подобныя вещи скоро утрачиваются, подвергаются порчѣ и даже совершенному уничтоженію. Намъ самимъ лично не разъ приходилось видѣть, какъ крестьяне употребляли старинные мечи, случайно

---

[1]) Кургановъ по Смоленской губерніи считается до 20,000 шт.; изъ нихъ раскопано не болѣе 300.

ими найденные въ полѣ, вмѣсто «косарей» и преспокойно щепали ими лучину, кололи сахаръ и т. д. У одного помѣщика Краснинскаго уѣзда, Смоленской губерніи, хата въ деревнѣ оклеена французскими письмами и бумагами, найденными въ 1812 году при одномъ французскомъ офицерѣ, убитомъ подъ г. Краснымъ. Не очень давно одинъ ювелиръ въ Смоленскѣ купилъ у мѣщанина цѣлый горшокъ серебряныхъ монетъ, найденныхъ въ одномъ изъ ручьевъ, перерѣзающихъ верхнюю часть города, и перелилъ ихъ въ серебряныя ложки 84-й пробы; на монетахъ, какъ онъ самъ намъ разсказывалъ, были изображены рельефомъ головы какихъ-то царей и были надписи на «непонятномъ (для ювелира) языкѣ». Такъ пропадаютъ наши древности!

Не смотря, однако, на все это, Смоленская губернія еще полна сохранившимися древностями и по первому зову городского головы и завѣдующаго музеемъ мѣстные жители поспѣшили принести въ музей разныя древности, и понанесли ихъ многое множество...

Музей составился исключительно изъ пожертвованій разныхъ частныхъ лицъ и нѣкоторыхъ учрежденій, такъ что городской думѣ пришлось затратить на музей весьма немного и при томъ преимущественно на обстановку музея, на шкафы, столы, пріобрѣтеніе же вещей ей не стоило почти ничего.

Къ концу іюня мѣсяца текущаго года музей уже былъ настолько полонъ разными вещами, что городская управа нашла возможнымъ открыть его для публики.

Первыми посѣтителями музея были великій князь Владиміръ Александровичъ и великая княгиня Марія Павловна, бывшіе проѣздомъ въ гор. Смоленскѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ. 27-го іюня ихъ высочества изволили посѣтить музей, въ сопровожденіи всѣхъ мѣстныхъ военныхъ и гражданскихъ властей и собственной свиты. Здѣсь они пробыли около часу, осматривая собранныя коллекціи и слушая разъясненія завѣдующаго музеемъ. Великій князь въ особенности заинтересовался коллекціей нумизматической и разсматривалъ ее около получаса. Уходя изъ музея, ихъ высочества собственноручно занесли свои имена въ «памятную книгу» музея, предназначенную для вписыванія именъ почетныхъ посѣтителей и жертвователей. Послѣ этого посѣщенія музей тотчасъ же былъ открытъ для публики.

Въ общемъ, музей производитъ весьма пріятное впечатлѣніе на посѣтителей. Не говоря уже о его полнотѣ и систематичности коллекцій, старательно подобранныхъ завѣдующимъ С. П. Писаревымъ, вложившимъ въ это дѣло, можно сказать, всю свою душу,—музей поражаетъ также своей изящной, почти щегольской внѣшностію. Красивые дубовые шкафы и столы, съ дномъ, покрытымъ бархатомъ, по которому расположены монеты и жетоны, планы и картины, коллекція кирпичей, старинныя книги и рукописи, — все это съ большимъ искусствомъ и соблюденіемъ симметріи разставлено въ музеѣ и развѣшано по стѣнамъ.

Самый богатый и оригинальный отдѣлъ въ музеѣ это коллекція плитокъ и кирпичей мѣстнаго производства. Коллекція эта принесена въ даръ музею г. Писаревымъ, который старательно собиралъ ее въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ коллекціи находятся образцы кирпича всѣхъ эпохъ историческаго періода, начиная съ конца XI вѣка, т. е. со времени появленія христіанства въ Смоленскѣ и до настоящаго столѣтія. Въ коллекціи этой собрано много изразцовъ съ весьма интересными и оригинальными рисунками. Многіе изъ изразцовъ принадлежатъ къ «польской эпохѣ» (XVI—XVII столѣтій) и характеръ рисунка ихъ чисто польскій.

Затѣмъ, весьма богатъ также отдѣлъ нумизматическій. Древнѣйшія монеты относятся ко времени Аѳинской республики (I вѣка до Р. Хр., города Амизы); затѣмъ много римскихъ монетъ эпохи императоровъ (I—VI вв. по Р. Хр.), византійскихъ VIII и IX вѣковъ, средневѣковыхъ европейскихъ: польскихъ, шведскихъ, германскихъ, французскихъ и проч. Большинство этихъ

монетъ найдены внѣ предѣловъ Смоленской губерніи, поступили изъ частныхъ коллекцій и для исторіи края значенія не имѣютъ. Изъ монетъ, найденныхъ въ Смоленской губерніи, замѣчательны арабскіе диргемы VIII—XI вѣковъ; монеты эти, указывающія на торговыя сношенія смольянъ съ халифатомъ, найдены или въ самомъ городѣ Смоленскѣ, или въ курганахъ, по берегамъ большихъ рѣкъ, протекающихъ въ здѣшнемъ краѣ, Днѣпра, Каспли, Десны и проч. Затѣмъ, ольвійская мѣдная монета, найденная на полѣ с. Егорьевскаго, Дорогобужскаго уѣзда, въ 3 верстахъ отъ р. Днѣпра. Эта монета по своей рѣдкости и значенію ея для исторіи Смоленскаго края имѣетъ особый интересъ и представляетъ чуть ли не самый важный предметъ въ музеѣ. На одной сторонѣ ея изображена въ профиль голова какого-то царя (не скифскаго ли?) съ густыми волосами и бородою, на другой — неразобранные знаки и подпись погречески: олвіа. Въ изслѣдованіи графа Уварова объ ольвійскомъ государствѣ, въ числѣ извѣстныхъ монетъ этого государства, перечисленныхъ почтеннымъ изслѣдователемъ, такой монеты показано не было; слѣдовательно, она не была ему извѣстна. Въ предѣлы Смоленской губерніи монета эта попала, очевидно, вслѣдствіе торговыхъ сношеній, какія существовали, какъ нужно полагать, между Ольвіей и здѣшней мѣстностью. Отсюда можно заключить, что смоленское приднѣпровье было заселено издавна, такъ какъ государство Ольвійское, какъ извѣстно, возникло за три вѣка до Р. Христова и столько же существовало еще послѣ этого.

Затѣмъ, весьма цѣнными монетами представляются также монеты Золотой орды (XIII в.), монеты московскаго чекана, но съ татарскими надписями, нѣсколько экземпляровъ «пулъ» московскихъ, тверскихъ XIV и XV вв. «деньги можайскія» съ надписью: «князь Иванъ Андреевичъ». Кромѣ того, имѣется рѣдкій экземпляръ новгородской монеты, относящійся къ полусамостоятельной эпохѣ Новгорода съ 1456 до 1478 года; на одной сторонѣ монеты надпись: «деньга великаго князя», а на другой—изображеніе, какое обыкновенно встрѣчается на монетахъ Великаго Новгорода, именно: сидитъ въ креслахъ князь въ коронѣ, а противъ него посадникъ. Новгородцы, какъ извѣстно, первоначально вели торгъ, считая на «куны»; потомъ, съ 1388 года, при владыкѣ Иванѣ Хутынскомъ, «начаша торговати бѣлками, лобками, гроши литовскими, артуги нѣмецкими, а куны отложиша». Съ 1415 года у нихъ появляется самостоятельная серебряная монета съ означеннымъ выше изображеніемъ князя и посадника и съ надписью: «Великій Новгородъ». Указанная монета относится, очевидно, ко времени позднѣйшему, когда Новгородъ уже на половину потерялъ свою самостоятельность.

Систематически подобрана коллекція монетъ лишь со временъ Василія II (1425 г.). Къ этой коллекціи относятся также ассигнаціи стараго образца (1819 г.).

Изъ жетоновъ и медалей особенно интересна гальванопластическая копія жетона Сигизмунда III въ память взятія Смоленска 13 іюня 1611 года. Жетонъ этотъ весьма большихъ размѣровъ. Подлинникъ, съ котораго снята копія, хранится въ кіевскомъ нумизматическомъ музеѣ. На жетонѣ съ одной стороны изображенъ рельефомъ Сигизмундъ, съ другой—планъ города Смоленска.

Всѣхъ жетоновъ на разные случаи и въ память разныхъ лицъ поступило въ музей до 150 штукъ.

Остальные отдѣлы музея страдаютъ пока отрывочностію и неполнотой.

Въ отдѣлѣ гравюръ, картинъ и плановъ, въ особенности выдѣляется видъ города Смоленска и его окрестностей во время войны Шеина съ королемъ Владиславомъ 1634 года. Видъ этотъ оттиснутъ съ древнихъ досокъ, на которыхъ онъ вырѣзанъ и которыя хранятся въ Императорской Академіи Художествъ. Величиною этотъ видъ 3¼ арш., шириною 2 аршина. На немъ изображены, съ высоты птичьяго полета, всѣ дома, улицы, церкви, бывшія

въ Смоленскѣ въ указанномъ году. Но главная задача гравюры была изобразить не столько самый Смоленскъ, сколько расположеніе русскаго и польскаго войскъ во время осады города Шеиномъ. Съ этой точки зрѣнія она еще болѣе интересна. Здѣсь наглядно представлены всѣ части войскъ той и другой враждебной стороны, въ полномъ вооруженіи, съ знаменами, пушками; изображено даже направленіе полета ядеръ; не забытъ также человѣкъ-лазутчикъ, маскирующій себя кустомъ, о чемъ извѣстно изъ исторіи. Наконецъ, здѣсь представленъ также и бояринъ Шеинъ, со всѣми своими военачальниками преклоняющій колѣна и знамена предъ Владиславомъ. Означенная гравюра польская, съ латинскими надписями, имѣла цѣлью изобразить это торжество Владислава IV-го надъ русскими войсками. Главная подпись подъ ней гласитъ слѣдующее: «Городъ Смоленскъ, съ Божіей помощію освобожденный храбростію короля польскаго и шведскаго Владислава, непобѣдимаго вождя, осаждавшіе его москвитяне и ихъ союзники (?) были сами осаждены и побѣждены въ сраженіи; по неслыханной милости имъ дарована жизнь въ 1634 году».

Кромѣ того, въ этомъ отдѣлѣ интересенъ также рисунокъ древняго Смоленскаго собора, построеннаго Владиміромъ Мономахомъ и разрушеннаго въ 1611 году. Къ сожалѣнію, подлинность этого рисунка подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію.

Среди рукописей, пожертвованныхъ музею, есть много выписей съ отказныхъ книгъ, дѣловыхъ бумагъ, жалованныхъ грамотъ и проч.; есть также нѣсколько интересныхъ раскольничьихъ рукописей. Но самое интересное въ этомъ отдѣлѣ — письмо Петра Великаго, писанное имъ собственноручно и адресованное такъ: «Господину Брегадиру Балку въ Элбинге». Письмо это очень короткое, оно гласитъ: «Господинъ Брегадиръ! При отъѣзде своемъ отпустилъ жену свою въ Элбингъ к вамъ; і что ей понадобитца денегъ на покупьку какой мѣлочи: дайте изъ собранныхъ у васъ денегъ. 1 сентября рк (т. е. року, года). 1711. Петръ» [1]).

Древняя арматура представлена въ музеѣ не полно. Изъ доисторическихъ орудій необходимо отмѣтить боевую желѣзную сѣкиру, до-христіанской эпохи, найденную вмѣстѣ съ разрубленнымъ черепомъ чоловѣка (долицефала) въ одномъ изъ кургановъ, въ Порѣчскомъ уѣздѣ, Смоленской губ., близь села Слободы, принадлежащаго теперь г. Пржевальскому. Затѣмъ, здѣсь же фигурируютъ неизбѣжныя кремневыя стрѣлы, стальные наконечники копій и стрѣлъ и проч. Отъ городскаго головы А. П. Энгельгардта поступило нѣсколько каменныхъ и чугунныхъ пушечныхъ ядеръ, какъ цѣлыхъ, такъ и въ осколкахъ, собранныхъ въ Смоленскѣ и его окрестностяхъ. Кромѣ того, отъ него же поступила цѣлая коллекція кремневыхъ ружей русскаго и кавказскаго производства; нѣкоторыя изъ нихъ украшены замѣчательной художественной рѣзьбой и серебряной насѣчкой. Затѣмъ отъ разныхъ лицъ поступили: двѣ пушки, старинный польскій шлемъ XVI вѣка, вполнѣ сохранившаяся кольчуга, нѣсколько старинныхъ бердышей и сѣкиръ; всѣ эти вещи были вырыты изъ земли при раскопкахъ въ Смоленскѣ.

Изъ предметовъ древняго языческаго культа особенно замѣчательны двѣ миніатюрныхъ глиняныхъ чашечки, не болѣе ½ вершка въ діаметрѣ и столько же въ вышину. Такихъ чашечекъ года три тому назадъ въ Смоленскѣ, на Вознесенской горѣ (самая возвышенная мѣстность въ городѣ) было найдено очень много—штукъ 200—300 въ одномъ горшкѣ, но, къ сожалѣнію, въ то время никто не обратилъ на нихъ вниманія и они ушли на игрушки малымъ дѣтямъ; отъ цѣлаго горшка уцѣлѣли только двѣ чашечки, которыя и были пожертвованы музею однимъ чиновникомъ казенной палаты,

---

[1]) Письмо это, повидимому, нигдѣ еще не было напечатано.

г. Михайловымъ. Между тѣмъ, чашечки эти, по всей видимости, имѣютъ огромный интересъ и значеніе для науки, такъ какъ они употреблялись, думать надо, при жертвоприношеніяхъ или при богослуженіяхъ нашихъ предковъ. По всей вѣроятности, онѣ наполнялись саломъ или какимъ-либо горючимъ веществомъ и служили въ качествѣ свѣтильниковъ. На это указываетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что въ чашечкахъ, находящихся въ смоленскомъ музеѣ, видны слѣды гари и какого-то сѣроватаго вещества, весьма похожаго на то, которое остается въ плошкахъ, употребляемыхъ при иллюминаціяхъ, послѣ того какъ сало въ нихъ выгоритъ.—Къ слову замѣтимъ здѣсь, что на той же Вознесенской горѣ лѣтъ 5 тому назадъ однимъ мѣстнымъ обывателемъ найдены были при постройкѣ домѣ какая-то каменная или глиняная статуя («идолъ») весьма грубой работы и треножникъ. Къ сожалѣнію, и эти вещи пропали безъ слѣда.

Затѣмъ, къ предметамъ сацердотальнаго же характера относится древній, до-христіанской эпохи, надгробный камень, пожертвованный въ музей порѣчскимъ помѣщикомъ г. Пятницкимъ. Камень этотъ, по словамъ помѣщика, одинъ изъ многихъ такихъ же камней, лежащихъ въ опредѣленномъ порядкѣ въ рощѣ имѣнія Шашево, на берегу озера Дьго; форма всѣхъ этихъ камней одинаковая — усѣченный конусъ, внизу уступомъ расширяющійся. Высота камней—около полуаршина.

Въ музеѣ есть также отдѣлъ старинной одежды, въ которомъ выдѣляются частный костюмъ русскаго консула въ Польшѣ и «придворная салфетка» 1786 года, съ вытканными на ней означенной надписью и годомъ, государственнымъ гербомъ и короной. Изъ старинныхъ украшеній особенно замѣчательны женскія украшенія курганной эпохи, добытыя при раскопкѣ кургановъ въ разныхъ мѣстахъ губерніи.

Сверхъ всего этого, въ музеѣ не мало неизбѣжныхъ окаменѣлостей и костей допотопныхъ животныхъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе одного года смоленскій музей выросъ, такъ сказать, изъ ничего и наполнился массой интереснѣйшихъ вещей. Большею частію пожертвованій, равно какъ и внутреннимъ своимъ устройствомъ, музей обязанъ городскому головѣ А. П. Энгельгардту и въ особенности завѣдующему С. П. Писареву, который съ неутомимой энергіей весь этотъ годъ трудился надъ собираніемъ пожертвованій и самъ принесъ въ даръ музею нѣсколько драгоцѣнныхъ коллекцій изъ своихъ собраній (коллекцію строительнаго матеріала, монетъ, рукописей и т. д.). Нужно надѣяться, что при такомъ завѣдующемъ дальнѣйшее существованіе музея, его развитіе и расширеніе вполнѣ обезпечено.

Н. Добротворскій.

ОБЗОРЪ

ЖИЗНИ И ТРУДОВЪ

ПОКОЙНЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

Д. Д. ЯЗЫКОВА

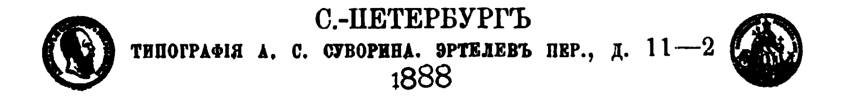
Что̀ люди? Что̀ ихъ жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ!
Надежда есть: ждетъ правый судъ...
Лермонтовъ.

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ

Русскіе писатели, умершіе въ 1885 году

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1888

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ЧЕТЫРЕМЪ ВЫПУСКАМЪ „ОБЗОРА"[1].

I-й ВЫПУСКЪ.

Антроповъ, Л. Н.—Имъ напечатанъ разборъ повѣсти Тургенева: «Вешнія воды» («Московскія Вѣдомости», 1872 г., № 9).

Бабстъ, И. К.—Ему принадлежитъ разборъ книги М. Барановича: «Матеріалы для географіи и статистики Россіи» («Вѣстн. Промышлен.», 1861 г., № 1).

Барсовъ, П. П.—Онъ напечаталъ «Заговоръ отъ укушенія змѣи» («Лѣтописи русск. литературы и древности», Москва, 1863 г., т. V).

Блюменталь, А. И.—Нами пропущенъ его «Медицинскій отчетъ по груднымъ отдѣленіямъ Императорскаго воспитательнаго дома за 1860 годъ», составленный вмѣстѣ съ В. А. Голицынскимъ («Московск. Медицинск. Газета», 1861 г., № 14—23).

Васильевъ, І. В.—Его «Письма къ Нантскому епископу Александру» еще напечатаны въ «Страннникѣ» (1861 г., кн. 5, 7, и 8), «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» (1861 г., № 19) и «Православномъ Обозрѣніи» (1861 г. кн. 4, 7 и 8). Кромѣ того, ему принадлежатъ «Мысли по поводу высказаннаго Англиканскою церковью желанія войти въ близкое сношеніе съ Восточн. Каѳолическою церковью» («Воскресн. Чтеніе», 1863 г., №№ 14—16). О немъ—«Владимірскія Епархіальныя Вѣдомости» (1882 г., № 7).

Васильчиковъ, князь, А. И.—Нами не названа его статья: «О преимуществахъ и недостаткахъ выписывать для сельскихъ работъ рабочихъ изъ-за границы» («Засѣданія Петербургск. собранія сельскихъ хозяевъ», 1864 г., № 1 и «Вѣсть» 1864 г., № 11).

Воронова, Е. П.—Она перевела и издала книжку «Жизнь полковника Гардинера», съ англійск., Спб. 1861 г., 40 стр.

Григорьевъ, В. В.—При этомъ писателѣ не названы его труды: «Описаніе Хивинскаго ханства и дороги туда изъ Сарай-Чиковской крѣпости» («Записки Русскаго Географическаго Общества» 1861 г., кн. 2), «Оренбургскіе

[1]) Эти дополненія частію найдены нами, частію присланы къ намъ Н. Бахтинымъ, П. Голицынскимъ, И. О. Сержпутовскимъ и А. В. Смирновымъ. Д. Я.

киргизы: ихъ честность и умѣнье въ торговомъ дѣлѣ» («Солдатская Бесѣда» 1864 г., кн. 1 и «Народная Бесѣда» 1864 г., кн. 1), «Объ изслѣдованіи вопроса: текла ли когда Аму-Дарья въ Каспійское море?» («Волга», 1864 г., № 40), «Нѣсколько новыхъ видовъ и варіантовъ джучидскихъ монетъ» («Труды Восточнаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества» 1864 г., ч. VIII, съ рисункомъ). Кромѣ того, о немъ теперь издана Н. И. Веселовскимъ книга, подъ заглавіемъ: «Василій Васильевичъ Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ» (1816—1881 гг., съ приложеніемъ портрета и факсимиле (Спб., 1887 г., 288+105 стр.).

Дебольскій, Г. С.—Его «Дни Богослуженія Православной каѳолической восточной церкви» вышли восьмымъ изданіемъ (Спб. 1887 г., два тома).

Дорнъ, В. А.—Пропущенъ его «Отчетъ объ ученомъ путешествіи по Кавказу и южному берегу Каспійскаго моря» («Труды Восточнаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества» 1864 г., ч. VIII).

Достоевскій, Ѳ. М.—Теперь напечатаны: «Письмо изъ ссылки» (отъ 18-го октября 1855 года), адресованное Прасковьѣ Егоровнѣ Анненковой («Русскій Вѣстникъ» 1888 г., кн. 4, стр. 446—449), «Письма» (1874—1880 г.) къ разнымъ лицамъ («Московскій Сборникъ», изданный С. Шараповымъ, М., 1887 г.) и «Выборъ изъ сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго для учащихся средняго возраста», съ портретомъ автора, подъ редакціею В. Я Стоюнина (Спб. 1887 г., 336 стр.).

Кесслеръ, К. Ѳ.—Имъ напечатана статья: «О рыболовствѣ» («Вѣстникъ естественныхъ наукъ» 1860 г., № 23). Кромѣ того, о немъ самомъ теперь появились подробныя свѣдѣнія въ «Извѣстіяхъ Императорск. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи» (1888 г., т. IV, стр. 145—154, съ портретомъ).

Колосовъ, М. А.—Его «Старославянская грамматика» вышла шестнадцатымъ изданіемъ (Варшава, 1887 г.).

Костровъ, князь, Н. А.—Пропущены его произведенія: «Замѣтки о курганахъ южной части Енисейской губерніи» (Москвитян. 1851 г., №№ 9—10), «Заштатный городъ Туруханскъ» (Тамъ же, № 13), «Камачинцы» (№ 18), «Онскія селенія Енисейской губерніи» (№ 24), «Качинскіе татары» (Казань, 1852 г., 66 стр.), «Лаиса», греческая гетера («Иллюстрированная Газета», 1864 г., №№ 22 и 23), «Тайга» (тамъ же, 1865 г., №№ 44, 46—48), «Римскія женщины-поэты» (тамъ же, 1871 г., №№ 22 и 23), «Сирійская трактирщица», изъ Виргилія (№ 43), «Карагасы» (№№ 43—44), «Шаманъ» (тамъ же, 1872 г., №№ 2 и 3), «Женщины Горація» (№№ 38, 39 и 40), «Мениппъ» (№№ 42—43), «Коринна» (тамъ же, 1873 г., №№ 12—13) и «О состояніи женщинъ между инородцами Томской губерніи», этнографическій очеркъ («Томскія Губернскія Вѣдомости», 1873 г., №№ 24—27, 29—31, 33—34).

Котляревскій, А. А.—Ему принадлежатъ: «Разборъ изданія Норова «Путешествіе игумена Даніила въ Святую землю» («Княжн.· Вѣстникъ», 1865 г., № 1) и «Рецензія на книгу Пахилевича: «Сказанія о населенныхъ мѣстахъ Кіевской губерніи» (тамъ же, 1865 г., № 2).

Кубаревъ, А. М.—Въ настоящее время новыя свѣдѣнія о немъ сообщены Н. Барсуковымъ на страницахъ книги: «Жизнь и труды М. П. Погодина» (Спб. 1888 г., кн. 1).

Мизко, Н. Д.—Его статья «Взглядъ на проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ» напечатана въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1861 г., кн. 1).

Пироговъ, Н. И.—Теперь напечатана его «Записка объ открытіи и учрежденіи каѳедры географіи при университетахъ» («Русская Старина», 1887 г., кн. 11), а такъ же «Записка о преобразованіи Одесскаго лицея въ университетъ» (тамъ же, кн. 12).

Писемскій, А. Ѳ.—Его разсказы «Старческій грѣхъ» переведенъ на французскій языкъ подъ заглавіемъ: «Le péché de vieillesse» (Paris, 1888 г.). О немъ же самомъ см. еще изданіе Баумана: «Наши дѣятели» (Спб. 1879 г., томъ VI).

Поповъ, А. Н.—О немъ: «Современныя Извѣстія», 1881 г., № 220.

Романовъ, І. К.—Его «Полное собраній поученій» теперь вышло вторымъ изданіемъ (Спб., 1887 г., два тома).

Соколовъ, Н. П.—О немъ—«Очерки по исторіи города Саратова и Саратовской губерніи», изданіе Н. Хованскаго (Саратовъ, 1884 г., вып. I, стр. 180).

II-й ВЫПУСКЪ.

Александровичъ, М. Н.—Пропущены его «Этнографическіе матеріалы: «Зъ села Калиты Остерьевскаго повіту» («Кіевскія Губернскія Вѣдомости», 1863 г., № 37).

Аристовъ, Н. Я.—Нами пропущены его два труда: «Казнь Пугачева» («Сѣверное Сіяніе», 1864 г., т. III, вып. 6) и «Обзоръ сочиненій, касающихся правленія царевны Софіи Алексѣевны» («Варшавскія Университетскія Извѣстія», 1871 г., № 1). Недавно же напечатано отдѣльно его сочиненіе: «Первыя времена христіанства Россіи по церковно-историческому содержанію русскихъ лѣтописей» (Спб., 1888 г.) и составлена В. К. Симанскимъ «Библіографія сочиненій профессора Нѣжинскаго историко-филологическаго института Н. Я. Аристова, изданныхъ отдѣльно и помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ» (Спб., 1887 г., 16 стр.).

Артлебенъ, Н. А.—Не названы его статьи во «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»: «Археологическая поправка» (1874 г., № 1), «Старинные акты» (1877 г., №№ 5 и 10; 1879 г., № 48; 1880 г., № 51), «Описная книга Владимірскаго Кремля-города, 1626 года» (1877 г., №№ 1—3), Владимірскій Кремль-городъ по описной книгѣ 1626 года» (1877 г., №№ 6 и 7), «Сказка бывшей игуменьи Владимірскаго Успенскаго дѣвичьяго монастыря Неонилы о происхожденіи своемъ и занятіяхъ» (1877 г., № 13) и «Древняя церковь XVII вѣка въ селѣ Драчевѣ, Меленковскаго уѣзда» (1879 г., № 45). О немъ же самомъ см. «Владимірскія Губернскія Вѣдомости» (1882 г. № 13) и «Владимірскія Епархіальныя Вѣдомости» (1882 г., № 8).

Васистовъ, П. Е.—Его «Христоматія» (курсъ первый) вышла семнадцатымъ изданіемъ (М. 1887 г.). Но нами пропущены еще слѣдующія критическія статьи этого автора: «О Губенскихъ очеркахъ Н. Щедрина» («Отечественныя Записки», 1857 г., кн. 8), «О стихотвореніяхъ А. Плещеева» (кн. 10), «О комедіи Тарасенкова: «Сплошь да рядомъ» (кн. 11), «О стихотвореніяхъ Е. Вердеревскаго» (тамъ же), «О драматическихъ очеркахъ М. Влады-

кина» (кн. 12) и «О сборникѣ М. Погодина: «Утро» (1859 г., кн. 2).—О самомъ Басистовѣ см. «Свѣтъ» 1882 г., № 132.

Богдановичъ, М. И.—Имъ еще напечатаны: «Письма генерала Аракчеева императору Александру I-му» и «Учебныя книги и тетради Великаго Князя Александра Павловича» («Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», Спб., 1867 г., т. I).

Буренинъ, К. П.—Изданное имъ вмѣстѣ съ А. Ѳ. Малининымъ «Руководство космографіи и физической географіи» вышло седьмымъ (М. 1884 г.) и восьмымъ (М. 1888 г.) изданіями; точно также «Руководство къ физикѣ и собраніе физическихъ задачъ» напечатано седьмымъ (М. 1883 г.) и восьмымъ изданіями (М. 1887 г.), а «Собраніе ариѳметическихъ задачъ» выдержало уже восемнадцатое изданіе (М. 1888 г.).

Бутаковъ, Г. И.—О немъ—«Свѣтъ» (1882 г., № 123.).

Бѣлецкій, Н. Ѳ.—Подробныя свѣдѣнія о немъ теперь напечатаны въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ» (1888 г., т. IV, стр. 17—18, съ портретомъ).

Гагаринъ, И. С.—О немъ—«Свѣтъ» (1882 г., № 157).

Гурій (Карповъ).—О немъ см. «Очерки по исторіи города Саратова», Н. Хованскаго (Саратовъ, 1884 г., стр. 183—184).

Делленъ, А. К.—О немъ—«Свѣтъ» (1882 г., № 68).

Дубровскій, П. П.—Пропущена его статья: «Очерки изъ путешествія славянина отъ Карпатскихъ горъ къ нѣмецкому морю» («Литературная Газета», 1840 г., № 97). О немъ же самомъ см. «Историческій Вѣстникъ» 1888 г., кн. 2, стр. 303.

Заблоцкій-Десятовскій, П. П.—О немъ—«Врачъ», 1882 г., № 42; «Свѣтъ», 1882 г., № 150; Змѣева, «Врачи-писатели», Спб., 1888 г., выпускъ III, стр. 17—18.

Золотовъ, В. А.—Его «Сборникъ для упражненія въ чтеніи рукописнаго» вышелъ двѣнадцатымъ изданіемъ (Спб. 1887 г.). Нами же пропущенъ его трудъ: «Поясненія къ 54 картинамъ изъ Священной исторіи Ветхаго завѣта», рисованнымъ Сапожниковымъ (Спб. 1861 г., 91 стр.).

Клементовскій, А. И.—Онъ былъ редакторомъ «Московской Медицинской Газеты».

Литке, графъ, Ѳ. П.—О немъ—«Свѣтъ», 1882 г., № 177 и «Газета Гатцука», 1883 г., № 52. Теперь же вышла книга В. Безобразова: «Графъ Ѳеодоръ Петровичъ Литке», часть первая: 1797—1832 гг. (Приложеніе къ LVII тому «Записокъ Императорской Академіи Наукъ», № 2, 239 стр., съ портретомъ).

Лядовъ, И. М.—Дополняемъ списокъ его трудовъ статьями, помѣщенными во «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»: «Три челобитныя царю Алексѣю Михайловичу» (1864 г., № 44), «Замѣтки о состояніи погоды и урожая хлѣбовъ въ Шуйскомъ краѣ въ 1865 году» (1866 г., №№ 15—17), въ 1866 году, (1867 г., № 16), въ 1868 году (1870 г., №№ 40—42 и 44), «О бывшихъ въ городѣ Шуѣ и его уѣздѣ пожарахъ въ 1865 году» (1866 г., № 18), въ 1868 году (1870 г., №№ 28—34), «Письмо бурмистра о покупкѣ свиного мяса, гусей и пшеницы про обиходъ Царскаго Величества, 1719 г.» (1866 г., № 19), «Челобитная 1621 года» (1867 г., № 15), «Челобитная 1631 года» (№ 19), «Шесть челобитныхъ» (№№ 17, 19 и 49), «Указы царя

Петра Алексѣевича» (1868 г., № 43; 1873 г., № 23; 1878 г., № 16; 1879 г., № 19; 1880 г., № 33), «Росписи, грамоты и челобитныя» (1868 г.. № 43; 1870 г., №№ 10 и 46; 1871 г., №№ 18 и 19; 1873 г., №№ 42 и 43; 1874 г., №№ 3, 6, 13, 14, 18, 31 и 32; 1875 г., № 3; 1876 г., №№ 23, 27, 28, 30, 31 и 33; 1877 г., №№ 4, 9, 10, 13, 39, 47 и 51; 1879 г., №№ 16, 18 и 25; 1880 г., № 31)' «Движеніе судоходства по рѣкѣ Тезѣ въ навигацію 1865 года» (1866 г., № 20).—«О пожарныхъ случаяхъ, бывшихъ въ городѣ Шуѣ въ 1866 году» (1867 г., № 18).—«Движеніе судоходства по рѣкѣ Тезѣ въ навигацію 1868 года» (1869 г., № 11).—«Выпись изъ холопскихъ кабальныхъ книгъ на владѣніе кабальными людьми, 1662 года» (1869 г., № 29).—«Сказка выборныхъ старостъ... 1723 года» (№ 33).—«Движеніе судоходства по рѣкѣ Тезѣ въ навигацію въ 1869 году» (1870 г., № 8).—«Сказка шуянъ о томъ, что въ Шуѣ корчемнымъ виномъ и табакомъ Шуяна не торгуютъ, 1659 году» (№ 9).—«Шуя: Археологическая находка и о почтовой пересылкѣ» (№№ 31 и 32).—«Шуйская земская публичная библіотека» (1870 г., №№ 45, 46 и слѣд.).—«Фабрикантскія и торговыя дѣла Шуйскаго края въ 1869 году» (1871 г., №№ 1, 3 и 4).—«Выпись изъ писцовыхъ книгъ на село Юрчаково съ деревнями, 1652 года» (№ 14).—«Воспоминаніе о Николаѣ Андреевичѣ Кашинцовѣ» (№ 31).—Некрологъ: «Андрей Васильевичъ Архангельскій, протоіерей Киселевской шуйской больничной церкви» (№ 34).—«Родословная поколѣнная роспись Юрія Лазынича, съ 1402 года, отъ котораго произошли роды Борисовыхъ, Бороздиныхъ, Колединскихъ, Житовыхъ и Кашинцовыхъ, ихъ челобитія, и указъ царей о утвержденіи рода Кашинцевыхъ, 1688 года» (№ 35).—«О бывшей часовнѣ на Шуйскомъ полѣ за рѣкою Тезою, построенной въ память избаленія отъ морового повѣтрія въ 1654 году» (1873 г., № 22).—«Шуя», корреспонденція, гдѣ говорится о Павлѣ Васильевичѣ Шеинѣ. (1874 г., № 1).—«Первый призывъ по всеобщей воинской повинности въ городѣ Шуѣ и его уѣздѣ, въ 1874 году» (1875 г., № 2).—«Хлѣбопашество и заработки сельскихъ жителей на фабрикахъ и заводахъ въ Шуйскомъ уѣздѣ» (№ 15).—«Врачебная часть въ Шуйскомъ уѣздѣ» (1876 г., № 27).—«Движеніе учебнаго дѣла въ Шуйскомъ уѣздѣ, въ 1875 году» (№ 30).—«Развитіе и упадокъ Холуйскихъ ярмарокъ въ Вязниковскомъ уѣздѣ» (№№ 31 и 32).—«Юридическіе народные обычаи крестьянъ Шуйскаго уѣзда» (№ 43).—«Учебное дѣло въ Шуйскомъ уѣздѣ за 1876 годъ» (1877 г., № 22).—«Свѣдѣнія и замѣтки о посѣвѣ и урожаѣ хлѣбовъ и травъ въ Шуйскомъ уѣздѣ, въ 1876 году» (№ 36).—«Нѣсколько замѣтокъ о фабрикантскихъ и торговыхъ дѣлахъ въ Шуйскомъ уѣздѣ, по поводу кризиса, 1876 года» (№ 37).—«Рѣка Молохта и находящіяся на ней мукомольныя мельницы въ Шуйскомъ уѣздѣ» (№ 38).—«Петръ Александровичъ Борисовъ» (1878 г., № 2).—«Крѣпостныя записи въ солдаты по найму 1709 и 1710 гг.» (№ 3).—«Сговорная запись о женитьбѣ, 1671 года» (№ 6).—«Производство и торговля овчиннымъ и шубнымъ товаромъ въ городѣ Шуѣ и его уѣздѣ, въ 1877 году» (№ 9).—«Замерзаніе и вскрытіе отъ льда рѣки Тезы при городѣ Шуѣ въ 40-лѣтній періодъ времени, съ 1838 по 1878 годъ» (№ 28).—«Винокуренные частные заводы и винницы въ Шуйскомъ уѣздѣ въ 1794 году» (№ 32).—«Заводы и фабрики въ городѣ Шуѣ и его уѣздѣ въ началѣ XIX ст. и дальнѣйшее ихъ развитіе» (№№ 33, 34, 35 и 36).—Шуя: «о празднованіи 100-лѣтія Владимірской губерніи» (№ 37).—«Топо-

графическое описаніе Владимірской, Суздальской, Переяславской-Залѣсской и Юрьевской-Польской провинціи городовъ въ 1760-хъ годахъ» (№№ 37, 38, 41 и 42).—«Шуя» (корреспонденція) (№ 49).—«Отчетъ Шуйской публичной Земской библіотеки за 1878 годъ» (1879 г., № 10).—«Замѣтка о бывшемъ въ городѣ Шуѣ убогомъ домѣ» (№ 10).—«Шуя»: корреспонденція по поводу покушенія на жизнь Государя Александра II, 2-го апрѣля» (№ 14).—«Замѣтка о состояніи погоды и свѣдѣнія о посѣвѣ, сборѣ и урожаѣ хлѣбовъ, картофелю и травъ въ Шуйскомъ уѣздѣ, въ 1878 году» (№ 24).—«Родъ Шуйскихъ гражданъ Лядовыхъ» (№ 26).—«Шуя», корреспонденція (1880 г., № 9).—«Отчетъ Шуйской публичной земской библіотеки за 1879 годъ» (№ 15).—«Замѣтка о состояніи погоды и свѣдѣнія о посѣвѣ, сборѣ и урожаѣ хлѣбовъ, картофелю и травъ и о существующихъ на оные цѣны въ Шуйскомъ уѣздѣ въ 1879 году» (№№ 19 и 20).—«Учебное дѣло въ городѣ Шуѣ и Шуйскомъ уѣздѣ въ 1879 году» (№ 27).—«Открытіе въ городѣ Шуѣ публичныхъ чтеній религіозно-нравственнаго содержанія» (1881 г., № 50).—«Очеркъ возникновенія и развитія женскихъ учебныхъ заведеній въ городѣ Шуѣ» (№№ 51 и 52).

Макарій (Булгаковъ).—Теперь шестой томъ «Исторіи Русской церкви» вышелъ восьмымъ изданіемъ (Спб., 1887 г.).—О немъ самомъ—«Свѣтъ» 1882 г., №№ 130 и 135.

Маклаковъ, Н. В.—О немъ въ книгѣ: Змѣева «Русскіе врачи писатели» (Спб., 1888 г., вып. III, стр. 36).

Матвѣевъ, А. П.—О немъ—«Свѣтъ» 1882 г., № 119.

Никитинъ, Н. Д.—О немъ—«Русск. Вѣдомости» 1882 г., № 342 и въ книгѣ Змѣева: «Русскіе врачи-писатели» (Спб., 1888 г., вып. III, стр. 42).

Палладій, (Пьянковъ).—О немъ—«Церковный Вѣстникъ» 1882 г., № 6.

Прохоровъ, В. А.—О немъ—«Свѣтъ», 1882 г., № 150 и «Русская Старина», 1888 г., кн. 3, стр. 696—703.

Рождественскій, И. В.—О немъ см. періодическія изданія 1882 года: «Владимірскія епарх. Вѣдомости» (№№ 20—21), «Голосъ» (№ 291), «Свѣтъ» (№ 228) и «Церковный Вѣстникъ» (№ 42).

Рождественскій, Н. П.—О немъ—«Свѣтъ», 1882 г., № 269.

Скворцовъ, Н. С.—О немъ: «Будильникъ», 1882 г., № 37.

Смирнова, А, I.—Ей принадлежитъ статья: «Изъ записокъ знатной дамы» («Русск. Архивъ», 1882 г., кн. 1). Теперь напечатаны ея «Письма къ Н. В. Гоголю» («Русск. Стар.» 1888 г., кн. 6).—О ней самой—«Русская Старина», 1888 г., кн. 4, стр. 31—72.

Соллогубъ, графъ, В. А.—О немъ—«Историческій Вѣстникъ», 1888 г., кн. 2, стр. 328.

Спѣшневъ, Н. А.—О немъ—«Русская Старина», 1887 г., кн. 11, стр. 417—424.

Строгоновъ, графъ, С. Г.—О немъ—«Свѣтъ», 1882 г., № 70.

Туловъ, М. А.—О немъ—«Свѣтъ», 1882 г., № 113.

Уверскій, Н. И.—О немъ—«Свѣтъ», 1882 г., № 177.

Филоѳей (Успенскій).—Его «Письма къ протоіерею Ѳ. А. Голубинскому» теперь напечатаны въ «Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. Отцевъ» (1887 г., ч. XL, кн. 4).—О немъ самомъ—«Церковн. Вѣстникъ», 1882 г., № 6.

Чупинъ, Н. К.—О немъ—«Историческій Вѣстникъ», 1888 г., кн. 3, стр. 760.

III-й ВЫПУСКЪ.

Андреевъ, Н. А.—О немъ—«Новости», 1883 г., № 54.

Бажановъ, В. Б.—О немъ въ книгѣ Баумана: «Наши дѣятели» (Спб., 1880 г., т. VII) и въ «Газетѣ Гатцука» (1884 г., №№ 34 и 36 съ портретомъ).

Борзенковъ, Я. А.—О немъ—«Извѣстія Импер. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ» (М. 1888 г., т. LV, стр. 77 съ портретомъ).

Васильевъ, П. П.—Пропущены его статьи: «Два слова въ память П. И. Якушкина» («Камско-Волжск. Газета», 1872 г., № 19), Разборъ драмы Батурина: «Жертва страсти и обольщенія» («Казанск. губ. Вѣдом.» 1873 г., № 85), «Некрологъ: А. И. Артемьевъ» («Казанск. Биржев. Листокъ» 1874 г., № 81), Разборъ сборника: «Складчина» (тамъ же, 1875 г., № 89), «Похороны Евменія Филипповича Аристова» (тамъ же, № 87), Разборъ сочиненія Камкова: «Начертаніе этимологіи церковно-славянскаго языка» («Казанск. Губ. Вѣдом.», 1875 г., № 2), «В. Н. Касьяновъ», некрологъ (тамъ же, № 22), Разборъ провинціальнаго литературнаго сборника: «Первый шагъ» («Казанск. Биржев. Листокъ», 1876 г., № 25) и «Некрологъ: Н. А. Демертъ» (тамъ же, 1876 г., № 103).

Викторовъ, А. Е.—О немъ—«Газета Гатцука», 1883 г., № 16, съ портретомъ и «Нива», 1883 г., № 16, также съ портретомъ.

Гербель, Н. В.—О немъ: «Газета Гатцука» (1883 г., № 11), «Живописное Обозрѣніе» (1883 г. № 12) и «Русск. Старина» (1887 г., кн. 8, стр. 446).—Его «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ» вышли третьимъ изданіемъ (Спб., 1888 г.), а «Полное собраніе драматическихъ произведеній Шекспира въ переводѣ русскихъ писателей»—четвертымъ изданіемъ. (Спб., 1887—1888 г.).

Димитрій (Муретовъ).—Пропущено его «Слово, сказанное въ Одесскомъ каѳедральномъ Преображенскомъ соборѣ по случаю открытія памятника князю М. С. Воронцову» («Таврическ. губернск. Вѣдом.», 1864 г., № 5).—О немъ самомъ «Газета Гатцука», 1883 г., № 49, съ портретомъ.

Дуброво, И. И.—О немъ: «Русск. Курьеръ», 1883 г., № отъ 30-го мая.

Евсевій (Орлинскій).—Нами пропущено его «Слово къ Иркутской паствѣ, говоренное при послѣднемъ служеніи въ Иркутскомъ каѳедральномъ соборѣ, ноября 21-го дня, 1860 года» (М., 1861 г., 16 стр.).

Жадовская, Ю. В.—Теперь новыя и болѣе правдивыя свѣдѣнія о ней напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1887 г., кн. 11, стр. 394—407).

Ковалевскій, В. О.—О немъ: «Извѣстія Импер. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ» (М. 1888 г., т. IV, стр. 35—36, съ портретомъ).

Корфъ, баронъ, Н. А.—О немъ—«Современн. Извѣстія», 1882 г.. № 288, 291 и 297.

Коршъ, В. Ѳ.—О немъ—«Газета Гатцука» (1883 г., №№ 29 и 37, съ портретомъ), «Свѣтъ» (1883 г., № 140) и «Русск. Старина» (1887 г., кн. 12, стр. 832).

Косинскій, М. О.—О немъ—«Свѣтъ», 1883 г., № 268.

Коссовичъ, К. А.—О немъ—«Газета Гатцука», 1883 г., № 5 и «Историческій Вѣстникъ» 1888 г., кн. 2, стр. 516—518.

Куницынъ, А. В.—Не названъ его трудъ: «О правахъ наслѣдства лицъ женскаго пола» (Харьковъ 1844 г.).

Мельниковъ, П. И.—Пропущены его труды: «Замѣтки о хозяйствѣ городовъ въ прежнее время» («Сѣверн. Почта», 1864 г., № 116) и «Посланія протопопа Аввакума къ боярынѣ Өеодорѣ Морозовой, княгинѣ Евдокіи Урусовой и Маріи Даниловой» («Русск. Архивъ», 1864 г., кн. 7—8).—О немъ самомъ—«Нива», 1881 г., № 1 (съ портретомъ). 1883 г., № 9 (также съ портретомъ; «Газета Гатцука», 1883 г., №№ 5 и 6; «Живописное Обозрѣніе», 1883 г., №№ 8 и 10 (съ портретомъ) и «Россія», 1884 г., № 47.

Мурзакевичъ, Н. Н.—Его: «Записки» были напечатаны еще въ «Русской Старинѣ» (1887 г., кн. 12). Но нами не указана его статья: «Кабинетъ Зимняго дворца императрицы Екатерины II-й («Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія», 1872 г., кн. 8) и не упомянуто, что онъ издалъ «Новороссійскій Календарь на 1839 годъ».—О немъ самомъ—«Газета Гатцука», 1883 г., № 46 и «Русск. Старина», 1887 г., кн. 12, стр. 858—859.

Нордовъ, В. И.—Теперь его «Письма къ Херсонскому архіепископу Иннокентію» появились въ книгѣ Н. Барсова: «Матеріалы для біографіи Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго» (Спб., 1888 г.).

Пихно, М. К.—Памяти этой издательницы посвященъ альманахъ «Кіевлянка», напечатанный въ видѣ преміи къ «Кіевлянину», 1884 года.

Розановъ, Н. П.—Теперь напечатана его статья: «Покушеніе на жизнь Тверскаго архіепископа Меѳодія» («Историческій Вѣстникъ», 1887 г., кн. 10).

Садовниковъ, Д. Н.—О немъ—«Газета Гатцука», 1884 г., № 1.

Симоновичъ, Я. М.—О немъ—«Врачъ», 1883 г., № 36.

Томашевскій, А. Ф.—О немъ см. книгу Н. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина» (Спб., 1888 г., кн, 1, стр. 215—216).

Тургеневъ, И. С.—Нами не указана его статья—«О статуѣ Іоаннъ Грозный Антокольскаго» («С.-Петербургск. Вѣдомости», 1871 г., № 50). Теперь вышли новыми изданіями: «Муму» (Спб., 1887 г., 35 стр.) и «Бирюкъ» (Спб., 1887 г., 12 стр.); а «Записки охотника» появились въ седьмомъ стереотипномъ изданіи (Спб., 1888 г. 385 стр. О немъ самомъ—«Газета Гатцука», 1883 г., №№ 20, 37, 39—45, 47, 49; 1884 г., №№ 24—25; «Сѣверн. Вѣстникъ», 1887 г., кн. 1, стр. 39—59; кн. 3, стр. 47—88; «Русск. Архивъ», 1887 г., кн. 8, стр. 527; «Русск. Вѣстникъ», 1888 г., кн. 2, стр. 97—129 и кн. 3, стр. 266—283.

Церетелевъ, князь, А. Н.—О немъ—«Газета Гатцука», 1883 г., № 34.

Өадѣевъ, Р. А.—О немъ—«Свѣтъ», 1884 г., №№ 4, 5 и 24.

Өедоровъ, И. В.—Его некрологъ еще появился въ «Сибирскомъ Сборникѣ», изданномъ подъ редакціей Н. Ядринцева (Спб., 1887 г.).

IV-й ВЫПУСКЪ.

Алферьевъ, С. П.—О немъ—«Русская Медицина», 1884 г., № 14 и въ книгѣ Змѣева: «Русскіе врачи-писатели» (Спб., 1888 г., вып. 3, стр. 1).

Андреевъ, А. П.—Надо прибавить къ числу его печатныхъ трудовъ: «Нева и Невскіе пороги» («Морской Сборникъ», 1861 г., № 4). «Прибрежныя и гребныя суда Финскаго залива и Ладожскаго озера» («Кронштадтскій Вѣстникъ», 1864 г., № 46 и 47), «Историческій и гидрографическій очеркъ

рѣки Ижоры» («Морской Сборникъ», 1864 г., № 4) и «Съ Ладожскаго Озера» («Кронштадтскій Вѣстникъ», 1864 г., № 133 и 134).—О немъ самомъ—«Свѣтъ», 1882 г., № 117.

Антоній (Зубко).—О немъ—«Газета Гатцука», 1884 г., № 6 и 8.

Вауеръ, В. В.—Теперь вышелъ второй томъ его «Лекцій по новой исторіи, читанныхъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ», изданіе графа А. Мусина-Пушкина (Спб., 1888 г.).—О немъ самомъ—«Газета Гатцука», 1884 г., № 40 и «Свѣтъ», 1884 г., № 246.

Бергъ, Н. В.—Еще его произведенія: «Ярославъ». Сербская народная поэма». («Современникъ», 1846 г., кн. 2).—«Краледворская рукопись» въ переводѣ Берга, «Прага», 1851 г., 24°, 102—4 стр. — «Сокольники». Посланіе къ друзьямъ. Отд. отт. М., 1849 г., 8°, 28 стр. (Рѣдкая).—Въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ» 1847 г. много стихотвореній Берга; упомянемъ изъ нихъ: «Сходство».—«Русская пѣсня» (№ 20).—«Изъ Анакреона: «Пѣснь 20». Подражаніе (№ 25).—«Л. Г. К.» Изъ Байрона (№ 40).—«Двѣ печали» (№ 41).—«Евангеліе» (№ 65).—«Во цвѣтѣ годовъ молодыхъ» (№ 85).—«Не блещешь ты красою необычной» (№ 88).—«Портретъ» (№ 91).—«....ой».—«Уголино» (№№ 101 и 102).—«Кармелитка» (№ 187).—«Синеусовъ курганъ» (№ 268) и «Она» (С. А. Ю.) (№ 282).—«Замѣчанія на статью: «Слова и выраженія рязанскаго простонародія», напечатанную въ «Москов. Город. Листкѣ» изъ «Рязан. Губерн. Вѣдомости» («Московскій Город. Листокъ», 1847 г., № 200).—«По возвращеніи съ бала».—«Гладіаторъ»—и «Подводный царь», стихотворенія («На новый годъ», альманахъ въ подарокъ читателямъ «Москвитянина» 1850 г.).—«Сундъ и Упасундъ». Разсказъ изъ Маюбгараты, посвящается Каэтану Андреевичу Коссовичу («Москвитян.», 1851 г., № 14).—«Пѣсня Ярославны», изъ «Слова о полку Игоревѣ» («Развлеченіе», 1860 г., № 9).—«Флорентійскія ночи» («Свѣточъ», 1861 г., №№ 7 и 11).—«Скандинавскія народныя пѣсни, носящія характеръ былевого эпоса и легендарный: 1) «Двѣ сестры».—2) «Жестокій братъ».—3) «Герцогъ Фрейденборгъ и Адель».—4) «Отплытіе Геръ-Педера».—5) «Соловей». («Филологич. Записки», 1874 г., т. 12, кн. 4—5).—«Программа вопросовъ по предмету русскаго языка для студентовъ I-го курса всѣхъ факультетовъ Варшавскаго университета» («Варшавск. университетск. Извѣстія», 1874 г., № 2, отд. I, стр. 1—15),—«Встрѣча» изъ Мицкевича (Пчела, 1875 г., № 6), «Разговоръ» изъ Мицкевича, «Новогреческія народныя пѣсни» и «Съ санскритскаго» (Сборникъ «Современники», т. III).—О немъ самомъ: «Газета Гатцука», 1884 г., № 25; «Свѣтъ», 1884 г., № 136; «Живописное Обозрѣніе», 1884 г., №№ 26 и 30.

Богословскій, М. И.—Снова вышелъ отдѣльной книжкой его трудъ: «Объ отличительномъ характерѣ Евангелія Св. Апостола Іоанна Богослова» (Спб., 1888 г., 52 стр.).—О немъ самомъ—«Газета Гатцука», 1884 г., № 3.

Бубновъ, Н. А.—О немъ—«Русск. Медицина», 1884 г., № 48.

Вернадскій, И. В.—Пропущена его статья: «Нѣсколько словъ г. А. Кошелеву» («Экономическій Указатель», 1857 г., № 50).—О немъ—«Свѣтъ», 1884 г., № 71.

Гейротъ, А. Ѳ.—О немъ—«Свѣтъ», 1882 г., № 149.

Глѣбовъ, И. Т.—О немъ—«Русск. Медицина», 1884 г., № 42 и въ книгѣ Змѣева: «Русскіе врачи-писатели» (Спб., 1888 г., вып. 3, стр. 10).

Генке, О. К.—О немъ—«Свѣтъ», 1883 г., № 268; «Новь», 1887 г., кн. 23, стр. 273 (съ портретомъ).

Жемчужниковъ, В. М.—Онъ печаталъ свои стихотворенія подъ названіемъ «Литератуный ералашъ» («Современникъ», 1854 г., т. 45—48).—О немъ—«Еженедѣльпое Обозрѣніе», 1884 г., № 45; «Пчелка», 1884 г., № 47; «Свѣтъ», 1884 г., № 246.

Зиновьевъ, А. З.—Нами пропущена его брошюра: «Извѣстія о жизни Іоанна Эриха Тунманна, изъ похвальнаго слова Эбергарда», перев. съ нѣмецкаго (М., 1828 г.). О немъ—«Свѣтъ», 1884 г., № 40 и въ книгѣ Н. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина» (Спб., 1888 г., кн. 1).

Іеремія (Соловьевъ).—Теперь напечатанъ А. Титовымъ, его біографическій очеркъ подъ названіемъ: «Преосвященнѣйшій Іеремія, въ схимонашествѣ Іоаннъ, епископъ Нижегородскій и Арзамасскій» («Чтенія Императерскаго Общества исторіи и древностей», 1887 г., кн. 3).—Отдѣльный оттискъ: М., 1887 г., 47 стр.—Также «Письма покойнаго Іереміи къ архіепископу Иннокентію», теперь помѣщены въ книгѣ Н. Барсова: «Матеріалы для біографіи Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго» (Спб., 1888 г.).

Кабатъ, И. Й.—О немъ—«Свѣтъ», 1884 г., № 78.

Кохъ, В. И.—О немъ—«Русская Медицина», 1884 г., №№ 17 и 18.

Кулжинскій, И. Г.—О судьбѣ его произведеній см. любопытныя свѣдѣнія, напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1887 г., кн. 12, стр. 664).

Курочкинъ, Н. С.—Объ этомъ авторѣ, писавшемъ подъ псевдонимомъ: «Поэтъ околодочный» въ «Наблюдателѣ», см. въ «Россіи», 1884 г., № 47, «Русскомъ Курьерѣ», 1884 г., № 337 и «Русской Мысли», 1887 г., кн. 7, отд. II, стр. 73 и 78.—Нами же пропущены его труды: «Мы всѣ живемъ» (изъ Шевченка)—въ «Народномъ Чтеніи», 1859 г., № 6; перепечатано въ книгѣ: «Кобзарь Шевченко въ русскомъ переводѣ», изданіе Гербеля.—«Къ музѣ» и «Къ долѣ» (изъ Шевченка)—тамъ же, 1860 г., № 5; первое стихотвореніе перепечатано въ «Кобзарѣ Шевченко», изданіе Гербеля.—«Валъ» (изъ Шевченка)—тамъ же, 1860 г., № 6.—«Средство увеличить число русскихъ ученыхъ трудовъ»—въ «Московской Медицинской Газетѣ», 1864 г., №№ 41—42.—«Байронъ въ своемъ Чайльдъ Гарольдѣ» и «Чайльдъ Гарольдъ» въ русскомъ переводѣ». («Отечествен. Записки», 1864 г., № 9).—«Привѣтственные стихи при случаѣ пріема славянскихъ гостей въ Варшавѣ и Петербургѣ» въ «Галичанинѣ», 1867 г., № 14.—«Два инквизитора» изъ трагедіи Меркантини)—въ «Складчинѣ», 1874 г.—«Къ черепу» (съ французскаго)—въ «Пчелѣ», 1877 г., № 8.—«Петъ Траза», сцены (изъ В. Лопрада)—въ «Словѣ», 1881 г., № 1.

Лазаревъ, Л. Э.—О немъ—«Газета Гатцука», 1884 г., № 3.

Лапшинъ, Г. И.—О немъ—«Свѣтъ», 1884 г., № 77.

Липранди, И. И.—О немъ—«Русск. Старина», 1887 г., кн. 11, стр. 415—423.

Лохвицкій, А. В.—О немъ—«Всемірн. Иллюстрація», 1884 г., № 25; «Газета Гатцука», 1884 г., № 20; «Свѣтъ», 1884 г., № 108.

Люценко, А. Е.—О немъ—«Свѣтъ», 1884 г., № 26.

Маркевичъ, В. М.—Теперь его повѣсть «Княжна Тата» вышла на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «La princesse Tata» (Paris 1887, 387 p.). При этой же повѣсти помѣщенъ французскій переводъ его разсказа «Двѣ маски». Но нами пропущенъ водевиль Маркевича:—«Первый день брака»,

напечатанный въ «Драматическомъ Сборникѣ» (Спб. 1858 г.).—О немъ самомъ—«Россія», 1884 г., № 46.

Милославскій, П. А.—О немъ—«Свѣтъ», 1884 г., № 67.

Новицкій, О. М.—О немъ—«Газета Гатцука», 1884 г., № 22.

Огородниковъ, Е. К.—Дополняемъ свѣдѣнія о немъ: Е. К. родился 3-го октября 1816 года въ Тюмени; первые годы дѣтства провелъ въ Тобольскѣ; обучался сначала въ вятскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ (1829—1833 гг.) въ тамошней гимназіи, откуда поступилъ сперва на медицинскій, а послѣ на филологическій факультеты Казанскаго университета (1833—1841 гг.); по окончаніи курса кандидатомъ съ серебряной медалью (1841 г.) онъ думалъ посвятить себя педагогической дѣятельности и потому отправился въ Иркутскъ, гдѣ сначала былъ только библіотекаремъ въ мѣстной публичной библіотекѣ; но потомъ предпринялъ большую поѣздку по Якутской области, плодомъ которой, кромѣ упомянутыхъ трудовъ, явился «Якутскій словарь», вполнѣ одобренный Академіею Наукъ. Не дождавшись мѣста учителя, Е. К. въ 1842 г. уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ въ 1843 г. поступилъ на службу въ министерство финансовъ, а въ 1848 г., избранный въ члены Императорскаго Географическаго Общества, перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ сначала занимался въ существовавшемъ тогда комитетѣ объ устройствѣ земскихъ повинностей въ государствѣ, а затѣмъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при хозяйственномъ департаментѣ министерства. Въ 1852 г., вмѣстѣ съ П. И. Мельниковымъ, былъ командированъ въ Нижегородскую губернію для мѣстныхъ изслѣдованій, при чемъ ему оффиціально поручено было собрать свѣдѣнія о составѣ и движеніи народонаселенія, а неоффиціально—изслѣдовать бытъ старообрядцевъ. Результаты оффиціальнаго порученія были разработаны и въ 1861 г. напечатаны подъ названіемъ: «О составѣ и движеніи населенія по губерніямъ Нижегородской и Ярославской» (нынѣ библіографическая рѣдкость). Находясь въ Нижнемъ-Новгородѣ, Огородниковъ составилъ «Проектъ устройства въ Нижегородской губерніи канцеляріи статистическаго комитета». Этотъ проектъ, поданный тогдашнему губернатору въ апрѣлѣ 1853 г., былъ напечатанъ А. С. Гацисскимъ въ «Сборникѣ въ память перваго русск. статистич. съѣзда, 1870 года», (Нижній-Новгородъ, 1875, вып. 2, стр. 645—647).—Въ 1855 г. Е. К. поступилъ въ статистическій комитетъ министер. внутр. дѣлъ, младшимъ производителемъ работъ,—а по образованіи центральнаго статистич. комитета, въ 1858 г., остался младшимъ, съ 1859 г.—старшимъ редакторомъ, каковую должность и занималъ до выхода въ отставку, 1-го апрѣля 1883 г.—Умеръ онъ не въ сентябрѣ, а 13-го марта 1884 г. Труды Е. К. Огородникова, кромѣ поименованныхъ: состоя редакторомъ «Вѣдомостей Спб. Город. Полиціи» и управляющимъ полицейской типографіей, онъ значительно улучшилъ это оффиціальное изданіе введеніемъ въ него новыхъ отдѣловъ.—Далъ нѣсколько статей въ «Энциклопед. Лексиконъ», изд. въ 50-хъ и 60-хъ годахъ.—Принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ проектовъ преобразованія губернскихъ и центральнаго статистическихъ комитетовъ и въ первой однодневной переписи Петербурга (1869 г.).—Редактировалъ «Общій обзоръ статистическихъ записей по вѣдомствамъ и главнымъ управленіямъ Имперіи», а, по порученію департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, обработалъ значительную часть

сборника «Экономическое состояніе городскихъ поселеній Европейской Россіи» (по девяти губерніямъ).—Въ трудахъ Н. А. Милютина, по устройству крестьянъ въ царствѣ Польскомъ, также принималъ непосредственное участіе.—Въ началѣ 60-хъ годовъ, въ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ: «Городскія поселенія въ Россійской Имперіи», ему принадлежатъ историческіе очерки городовъ по 28 губерніямъ и областямъ.—Въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ» его перу принадлежитъ: «Архангельская губернія».—Е. К. дѣятельно участвовалъ въ «Народномъ Законовѣдѣ»: большинство разсказовъ въ этомъ изданіи принадлежитъ Огородникову.—Въ «Зап. Имп. Геогр. Общ. по отдѣлу этнографіи», (1882, т. 9), напечатана его статья: «О районѣ волжскаго бассейна въ предѣлахъ рѣкъ Камы и Вятки» по «Книгѣ большого чертежа»; но о районѣ верхней Волги онъ только успѣлъ подготовить массу матеріала.

О немъ—«Люди Нижегородскаго Поволжья», А. С. Гациссsucceeded Гацисскаго. Нижній-Новгородъ, 1887, стр. 157—191.

Огородниковъ, П. И.—Пропущенъ его «Дневникъ заключеннаго», напечатанный въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1882 г., кн. 2, 6, 7, 8 и 9).

Пеликанъ, Е. В.—О немъ—«Русская Медицина», 1884 г., № 18 и «Свѣтъ», 1884 г., № 102.

Полторацкій, С. Д.—Выдержки изъ его бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ, теперь напечатаны въ «Русской Старинѣ» (1887 г., кн. 10, стр. 127—144; кн. 11, стр. 471—486). Изъ нихъ, между прочимъ, оказывается, что онъ воспитывался въ Ришельевскомъ лицеѣ.—О немъ—«Свѣтъ», 1884 г., № 18.

Раевскій, М. Ѳ.—Его статьи: «Изъ Вѣны», новѣйшія свѣдѣнія о церковномъ движеніи у галицкихъ уніатовъ («Духовн. Бесѣда», 1864 г., № 20; «Сѣверн. Пчела», 1864 г., № 121) и «Окружное посланіе галиційскаго (уніатскаго) митрополита» («Духовная бесѣда», 1864 г., № 42).—О немъ самомъ—«Газета Гатцука», 1884 г., № 18.

Разсадинъ, И. П.—О немъ—«Газета Гатцука», 1884 г., № 24.

Раппапортъ, М. Я.—Пропущена его статья—«Къ юбилею В. В. Самойлова» («Свѣтъ», 1884 г., № 214).—О немъ—«Россія», 1884 г., № 46.

Розенъ, баронъ, А. Е.—О немъ—«Газета Гатцука», 1884 г., № 18, «Свѣтъ», 1884 г., № 98; «Историческій Вѣстникъ», 1887 г., кн. 12, стр. 645—650.

Симборскій, Н. В.—Его произведенія въ стихахъ: «Стенька Разинъ» («Пчела», 1875 г., № 41), «На Волгѣ» (тамъ же, № 43), «Отрывокъ изъ поэмы: «Атаманъ Груня», изъ преданій Поволжья (тамъ же, 1876 г., № 9), «Приволье» (№ 19), «Насонъ», Волжское преданье (№ 24), «Коромыслова башня», легенда (№№ 31—33), «Пиръ звѣрей» («Русское Обозрѣніе», 1876 г., № 12), «Какъ Илья Муромецъ съ княземъ поссорился», былина (тамъ же, 1876 г., № 22 и 1877 г., № 1); «Смерть Святогора» (1877 г., №№ 5—6) и «Пѣсня» (№№ 8—9).

Славутинскій, С. Т. — О немъ—«Еженедѣльное Обозрѣніе», 1884 г., № 45 и «Историческій Вѣстникъ», 1884 г., кн. 11.

Соболева, С. П.—Она печатала свои труды еще въ «Задушевномъ Словѣ». Ею же издана книга: «Очерки современнаго Египта», по роману Абу: «Феллахъ Ахметъ» (Спб., 1874 г.).

Соханская, Н. С.—О ней—«Россія», 1884 г., № 48.

Старосельскій, Д. С.—О немъ—«Свѣтъ», 1884 г., № 65.

Сухонинъ, П. П.—Имъ напечатанъ романъ «На рубежѣ» («Русская Рѣчь», 1882 г., №№ 3—12).—О немъ самомъ—«Газета Гатцука», 1884 г., № 26.

Терновскій, Ѳ. А.—Его переводъ—«Лѣтописи византійца Ѳеофана» печатался въ «Чтеніяхъ Императорскаго общества исторіи и древностей» (1887 г., кн. 1—3).—О немъ самомъ —«Свѣтъ», 1884 г., № 116.

Толстой-Знаменскій, графъ, Д. Н.—О немъ—«Свѣтъ», 1884 г., № 68.

Тотлебенъ, графъ, Э. И.—О немъ—«Газета Гатцука», 1884 г., № 25; «Свѣтъ», 1884 г., №№ 135, 144 и 217; «Наши дѣятели», изданіе Баумана, т. III и «Колосья», 1887 г., кн. 3, стр. 91—95.

Туганъ-Мирза-Барановскій, А. А.—О немъ—«Свѣтъ», 1884 г., № 157.

Турбинъ, С. И.—Имъ изданъ: «Русскій Робинзонъ» (М., 1884 г.).

Уваровъ, графъ, А. С.—Имъ при жизни напечатаны: «Выписка о государственныхъ учрежденіяхъ, сдѣланныхъ императрицею Екатериною II-й съ 1762 по 1769 годъ включительно» и «Всеподданѣйшій докладъ Правительствующаго Сената по дѣлу капитана Голохвастова» («Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», Спб., 1868 г., т. II), а послѣ кончины изданы его рефераты: «О находкахъ бронзовыхъ предметовъ на Кавказѣ» и «Курганы съ разчлененіемъ труповъ близь Дербента» («Труды V-го Археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ», М., 1887 г.).—О немъ самомъ—«Труды VI-го Археологическаго съѣзда въ Одессѣ», Одесса, 1886 г., т. I.

Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, А. Г.—О немъ—«Газета Гатцука», 1884 г., № 28; «Свѣтъ», 1884 г., № 158.

Фрезе, А. У.—О немъ—«Свѣтъ», 1884 г., № 30.

Черепановъ, С. И.—Онъ принималъ дѣятельное участіе въ «Современныхъ Извѣстіяхъ», гдѣ между прочимъ напечаталъ: «Бѣды отъ писанья», извлеченіе изъ воспоминаній (1878 г., № 256) и «Родныя блага, вытѣсненныя чужими» (1879 г., № 100).

Чубинскій, П. П.—О немъ—«Газета Гатцука», 1884 г., № 6; «Еженедѣльное Обозрѣніе», 1884 г., № 6; «Свѣтъ», 1884 г., № 16.

Ширинскій-Шихматовъ, князь, А. П.—О немъ—«Нива», 1884 г., № 22.

Шрамекъ, И. Ѳ.—О немъ—«Свѣтъ», 1884 г., № 165.

Шуфъ, А. К.—Его «Разсказы и біографическіе очерки изъ русской исторіи», съ краткимъ описаніемъ древностей Москвы, вышли пятымъ (М., 1877 г.), шестымъ (М., 1883 г.) и седьмымъ (М., 1887 г.) изданіями.

Щеголевъ, Н. И.—Пропущена его статья: «Жизнь блаженнаго Іеронима Стридонскаго» («Труды Кіевской духовной Академіи», 1868 г., кн. 1—3).—О немъ—«Газета Гатцука», 1884 г., № 6.

Щуровскій, Г. Е.—О немъ—«Газета Гатцука», 1884 г., № 12 (съ портретомъ), «Русская Медицина», 1884 г., № 13; «Извѣстія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи», 1888 г., т. IV, стр. 113—115 и въ книгѣ Змѣева: «Русскіе врачи-писатели» (Спб., 1888 г., вып. III, стр. 76—77).

Юркевичъ, П. И.—Онъ, подъ псевдонимомъ «Медвѣдовскій» помѣстилъ «Повѣсть безъ названія» въ «Новогодникѣ», изд. Н. Кукольникомъ (Спб., 1839 г.).—О немъ—«Свѣтъ», 1884 г., № 115.

Яковлевъ, В. Д.—Ему принадлежатъ слова романса: «Аѳинской дѣвушкѣ», переведеннаго изъ Байрона и изданнаго въ 1849 году съ музыкою А. Дерфельда.

ПОКОЙНЫЕ ПИСАТЕЛИ, УМЕРШІЕ ВЪ 1885 ГОДУ.

Авдѣевъ, Алексѣй Александровичъ[1]), архитекторъ, родился 12-го марта 1819 года въ семьѣ тульскаго помѣщика, воспитывался въ Тульской гимназіи и московскомъ дворянскомъ институтѣ; по окончаніи курса въ послѣднемъ отправился за границу и значительное время прожилъ въ Римѣ, занимаясь изученіемъ архитектуры; возвратясь въ Россію, принялся за постройку обсерваторіи при Московскомъ университетѣ (1845 г.), послѣ чего былъ командированъ для археологическихъ изслѣдованій въ мѣстность древняго Танаиса, при устьѣ Дона (1853—1854 гг.); затѣмъ около тридцати лѣтъ покойный занимался постройками на югѣ Россіи; такъ имъ построены: часовни на Инкерманской скалѣ и надъ могилой князя Горчакова, храмъ св. Николая въ Севастополѣ, памятникъ на могилѣ Казарскаго въ Николаевѣ и церковь св. Владиміра надъ могилами черноморскихъ моряковъ-героевъ, (1856—1885 гг.); † 18-го марта въ Петербургѣ.—Онъ напечаталъ:

«Разборъ книги Снигирева и Мартынова: «Русская Старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго водчества» («Московск. Городской Листокъ», 1847 г., № 276).

«Экономическій лексиконъ городского и сельскаго хозяйства», Спб. 1848 г., двѣ части (вмѣстѣ съ Е. А. Авдѣевой).

«Письма изъ Рима и Неаполя» («Пропилеи», изд. П. М. Леонтьевымъ, Москва, 1853 г., кн. 3).

«Объяснительныя замѣчанія къ письмамъ изъ Рима и Неаполя» (тамъ же, М., 1854 г., кн. 4).

«Надгробный памятникъ К. П. Брюлова въ Римѣ» («Русскій Вѣстникъ», 1856 г., кн. 9).—Въ этой статьѣ говорится не только о памятникѣ, но также и о неоконченныхъ работахъ покойнаго художника.

«Мастерскія русскихъ художниковъ въ Римѣ» (тамъ же, 1856 г., кн. 10, 14 и 18).

---

[1]) О немъ—«Художественныя Новости», 1885 г., № 7, стр. 201—202.—«Библіографъ», 1885 г., № 5, стр. 103; 1886 г., № 12, стр. 178—179.

«Выставка Императорской Академіи Художествъ въ Петербургѣ» (тамъ же, 1857 г., кн. 6).
«Послѣдніе труды Корнеліуса и Овербека» (тамъ же, 1857 г., кн. 12).
«Выставка художественныхъ произведеній въ залахъ Московскаго училища живописи и ваянія (тамъ же, 1858 г., кн. 2).
«Нынѣшнее состояніе развалинъ Херсона и проекты для постройки храма въ память крещенія св. Владиміра» («Архитектурн. Вѣстникъ», 1859 г., № 3).
«Древнѣйшія оконницы въ русскихъ церквахъ» (тамъ же, 1860 г., № 2).
«Петербургская выставка картинъ и статуй» («Современная Лѣтопись», 1861 г., №№ 21, 22 и 27).
«Какъ у насъ обращаются съ древностями» («Современныя Извѣстія», 1875 г., № 333).
«Церковь св. Іоанна въ Керчи» («Труды VI-го Археологическаго съѣзда въ Одессѣ», Одесса. 1887 г., т. III).—Эта статья, приготовленная къ съѣзду, напечатана уже послѣ смерти автора.

Александровскій, Алексѣй Николаевичъ[1]), священникъ Іоанно-Предтеченской, чтò на Прѣснѣ, церкви; † 11-го мая въ Москвѣ.—Имъ изданы:

«Главнѣйшія молитвы, съ переводомъ на русскій языкъ и объясненіемъ», М., 1871, 1872, 1874, 1877, 1880, 1881 и 1883 гг. (семь изданій).
«Первоначальное ученіе о главныхъ истинахъ православной вѣры христіанской» М., 1875 г., 136 стр.

Александръ, въ мірѣ Андрей Васильевичъ Добрынинъ[2]), сынъ священника, родился 1-го августа 1820 года въ селѣ Веретеѣ (Мологскаго уѣзда, Ярославской губерніи), воспитывался въ Ярославской семинаріи и Петербургской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней со степенью магистра богословія (1843 г.), назначенъ преподавателемъ математики въ Новгородскую семинарію, гдѣ также исправлялъ должность инспектора и эконома; постриженный въ монашество (17-го ноября 1846 года), опредѣленъ инспекторомъ и профессоромъ церковной исторіи въ Пермской семинаріи (1847—1849 гг.), но затѣмъ перемѣщенъ на должность инспектора и преподавателя философіи въ Новгородскую семинарію (1849—1851 гг.); возведенный въ санъ архимандрита (3-го іюня

---

[1]) См. «Московскія Вѣдомости», 1885 г., № 129.

[2]) О немъ—«Исторія С.-Петербургск. духовн. Академіи», Чистовича, Спб., 1857 г., стр. 451.—«Списки іерарховъ», Строева, Спб. 1877 г., стр. 537, 540 и 1014.—Періодическія изданія 1885 года: «Благовѣстъ», № 10; «Церковный Вѣстникъ», № 18; «Церковно-Общественный Вѣстникъ», № 37; «Виленск. Вѣстникъ», № 92; «Холмско-Варшавск. епарх. Вѣстникъ», № 9; «Голосъ Москвы», №№ 119 и 124; «Московскія Вѣдомости», №№ 120 и 154; «Православн. Обозрѣніе», кн. 5, стр. 380—382; «Русскій Архивъ», кн. 6, стр. 294—299.—Епархіальныя Вѣдомости 1885 года: «Волынскія» № 15, «Воронежскія» № 11, «Донскія» № 11, «Кіевскія» № 11, «Литовскія» №№ 18—19, «Минскія» №№ 10—12, «Подольскія» № 19, «Смоленскія» № 11, «Ярославскія» № 21.—«Критико-біографическій словарь», Венгерова, Спб., 1887 г., вып. 8, стр. 362—363.—«Девятисотлѣтіе Русской іерархіи», М., 1888 г., стр. 67, 73, 75 и 76.

1851 года), назначенъ ректоромъ Литовской семинаріи и настоятелемъ Виленскаго Святотроицкаго монастыря (съ 31-го августа 1851 года до 21-го ноября 1860 года), а послѣ хиротоніи въ санъ епископа Ковенскаго (21-го ноября 1860 года) числился викаріемъ Литовской епархіи (до 14-го августа 1868 года); затѣмъ—епископъ Минскій и Бобруйскій (съ 14-го августа 1868 года до 25 апрѣля 1877 года); возведенный въ санъ архіепископа (27-го марта 1877 г.), назначенъ архіепископомъ Донскимъ и Новочеркасскимъ (съ 25-го апрѣля 1877 года до 23-го мая 1879 года), конецъ—архіепископомъ Литовскимъ и Виленскимъ (съ 23-го мая 1879 года); † 28-го апрѣля въ Вильнѣ.—Почившій принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ архипастырей Русской церкви: онъ былъ дѣятельнымъ сподвижникомъ знаменитаго митрополита Іосифа Сѣмашки, укрѣпляя православіе и проводя чисто-русскія воззрѣнія въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Кромѣ того, онъ напечаталъ слѣдующіе труды:

«Слово при освященіи новоустроенной каменной церкви въ городѣ Трокахъ, Виленской губерніи» («Литовск. епархіальныя Вѣдомости», 1863 г., № 20, стр. 781—788.—Это же «Слово» перепечатано въ «Странникѣ» (1863 г., кн. 12)

«Слово при освященіи въ Вильнѣ собора св. Николая» («Странникъ», 1868 г.).

«Посланіе къ паствѣ» (тамъ же, 1869 г.).

«Рѣчь при освященіи храма въ мѣстечкѣ Ивенцѣ» (тамъ же, 1869 г.).

Анненковъ, Юрій Семеновичъ [1]), изъ дворянъ Курской губерніи, родился 1-го декабря 1849 года въ Петербургѣ, воспитывался въ одной изъ тамошнихъ гимназій и Петербургскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету; по окончаніи курса со степенью кандидата (1871 г.) и золотою медалью за сочиненіе: «Іоаннъ Гуссъ, обзоръ его чешскихъ сочиненій», былъ оставленъ при университетѣ стипендіатомъ для усовершенствованія въ славянской филологіи и въ то же время опредѣленъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Смольномъ институтѣ, училищѣ Правовѣдѣнія и въ педагогическомъ классѣ Павловскаго иститута; † 8-го февраля въ Петербургѣ.—Покойный помѣстилъ слѣдующія статьи:

«Сказаніе о чешскомъ святомъ Іоаннѣ Непомукѣ» («Странникъ», 1877 г.).—Отдѣльный оттискъ, Спб., 1877 г., 30 стр.

«Гусситы въ Россіи въ XV и XVI столѣтіяхъ» (тамъ же, 1878 г., кн. 1—3).

«Критическій разборъ изданія Гатталы и Патеры: «Zbytcy rymovanich Alexandried Staroceskych» («Журналъ мин. нар. просвѣщенія» 1879 г.. ч. 209).

«Чешскія сочиненія Гусса и время ихъ написанія», библіографическія розысканія (тамъ же, 1879 г., ч. 212).

«Чешскій писатель Хельчицкій» («Ласописъ Чешскаго Музея», 1882 г.).

---

[1]) О немъ—«Извѣстія С.-Петербургск. Славянск. Благотворительн. Общества», 1885 г., № 2, стр. 93—94.—«Библіографъ», 1886 г., № 12. стр. 179.

«Мистръ Протива, новый чешскій писатель XV вѣка» (Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный учениками проф. Ламанскаго», Спб., 1883 г.
«Чешская книга о романтической поэзіи» («Извѣстія С.-Петерб. Слав. Благотв. Общества», 1884 г., № 5).
«О культѣ Яна Непомука въ Чехіи» (тамъ же, № 10).
«Лекціи французскаго слависта Луи Леже» (тамъ же, № 11).
«Новая книга о Хельчицкомъ: «Dr. Lenz, Vceni Petra Chelcického o eucharistii» (тамъ же, 1885 г., № 2).

Аполлосъ, въ мірѣ Иванъ Егоровичъ **Бѣляевъ**[1]), сынъ священника, родился въ селѣ Волоховѣ (Александровскаго уѣзда, Владимірской губерніи), въ 1812 году, воспитывался во Владимірской семинаріи и Кіевской духовной академіи; постриженный въ монашество (1838 г.), онъ окончилъ курсъ со степенью старшаго кандидата (1839 г.) и началъ преподавательскую дѣятельность; удостоенный степени магистра богословія (1842 г.) и возведенный въ санъ архимандрита (1851 г.), назначенъ инспекторомъ (1851—1855 гг.) и ректоромъ (1855—1859 гг.) Астраханской семинаріи, изъ которой переведенъ ректоромъ во Псковскую семинарію (1860—1864 гг.); послѣ хиротоніи—епископъ Старорусскій и викарій Новгородской епархіи (съ 16 февраля 1864 года до 21-го февраля 1866 года), затѣмъ—епископъ Ладожскій и первый викарій С.-Петербургской митрополіи (съ 21-го февраля 1866 года до 12-го декабря того же года), наконецъ—епископъ Вятскій и Слободскій (съ 12-го декабря 1866 года), возведенный въ санъ архіепископа (20-го апрѣля 1880 года); по разстроенному здоровью отпросился на покой (съ 7-го іюня 1885 года) и жилъ въ Слободскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ до дня кончины—27-го ноября.—Онъ напечаталъ:

«Слово, сказанное въ 1852 году, въ сырную недѣлю», Астрахань, 1852 г.
«Слово по освященіи храма во имя Богоявленія Господня въ селѣ Подоклиньѣ Псковской епархіи» («Странникъ» 1862 г., кн. 2).
«Псково-Печерскаго монастыря іеросхимонахъ отецъ Лазарь» (тамъ же, кн. 8).
«Слово предъ отпѣваніемъ тѣла преосвященнѣйшаго Евгенія, архіепископа Псковскаго» («Духовн. Бесѣда», 1862 г., т. XVI, № 32).

---

[1]) О немъ—«Духовная Бесѣда», 1866 г., № 20.—«Пятидесятилѣтній юбилей Кіевск. дух. академіи», Кіевъ, 1869 г., стр. 130, 263, 264 и 416.—«Исторія Владимірской духовной семинаріи», Надеждина, Владиміръ, 1875 г., стр. 146.—«Списки іерарховъ», Строева, Спб., 1877 г., стр. 42, 268, 314, 387 и 801.—Періодическія изданія 1885 года: «Новое Время», № 3506; «Новости», № 330; «Церковный Вѣстникъ», № 49; «Церковно-Общественный Вѣстникъ», № 105; «Московскія Вѣдомости», № 335; «Православное Обозрѣніе», кн. 12, стр. 833—834.—«Епархіальныя Вѣдомости» 1885 года: «Вятскія», №№ 14 и 24, «Астраханскія», № 24; «Владимірскія», 24; «Волынскія», № 36; 1886 года: «Воронежскія», № 2; «Донскія», № 5.—«Библіографъ» 1886 г., № 8, стр. 115.—«Девятисотлѣтіе Русской іерархіи», М., 1888 г., стр. 20, 22 и 56.

«Псково-Печерскій монастырь», Новгородъ, 1864 г., 149 стр.—На книжкѣ обозначено: «второе изданіе». Это указываетъ, что покойный Аполлосъ перепечаталъ съ исправленіями «Описаніе Псково-Печерскаго монастыря», изданное неизвѣстнымъ (Дерптъ, 1832 г.).

«Слова и рѣчи къ паствѣ Вятской», Вятка, 1869 г.

«Архипастырское воззваніе къ духовенству Вятской епархіи» («Православное Обозрѣніе», 1885 г., кн. 4).

Аѳанасьевъ, Николай Ивановичъ, докторъ медицины, † 2-го мая въ Петербургѣ.—По словамъ некролога («Библіографъ» 1886 года, № 12, стр. 179), онъ, кромѣ статей въ медицинскихъ журналахъ, напечаталъ въ своемъ переводѣ:

«Собраніе клиническихъ лекцій, изданныхъ проф. Р. Фолькманомъ», Спб., 1871 г.

«Руководство къ общей патологіи Эрн. Вагнера», Спб., 1874 г.

Беневе, Генрихъ Генриховичъ [1]), воспитывался въ петербургской медико-хирургической академіи; по окончаніи курса въ ней (1857 года), началъ службу въ морскомъ вѣдомствѣ; послѣ полученія степени доктора медицины, назначенъ главнымъ врачемъ калинкинскаго морского госпиталя (1869 года), а незадолго до кончины—начальникомъ медицинской части С.-Петербургскаго порта; † 18-го января въ Петербургѣ.—Онъ, кромѣ трудовъ въ медицинскихъ изданіяхъ, напечаталъ:

«Отчетъ о занятіяхъ гимнастическаго заведенія для больныхъ и здоровыхъ въ С.-Петербургѣ, съ краткимъ изложеніемъ вліянія и пользы гимнастики вообще», Спб., 1864 г., 10 стр.

«Раціональная гимнастика, какъ средство сохранять здоровье и исцѣлять нѣкоторые хроническіе недуги», Спб., 1870 г., 109 стр.

Бобровницкій, Иванъ Матвѣевичъ [2]), родился въ селѣ Антоновѣ (Сквирскаго уѣзда, Кіевской губерніи), въ 1813 году, обучался въ духовномъ училищѣ, семинаріи и академіи, Кіева; по окончаніи курса въ послѣдней со степенью магистра богословія (1837 г.), занялъ каѳедру греческаго языка въ родной академіи, сначала какъ баккалавръ (съ сентября 1837 г.), а потомъ какъ профессоръ (съ 19-го января 1859 года до 1873 года); † 20-го декабря въ Кіевѣ.—Покойный, кромѣ исправленія перевода съ греческаго языка на русскій толкованія св. Іоанна Златоустаго на посланіе ап. Павла къ Коринѳянамъ, сверхъ перевода «Бесѣдъ Златоустаго на Евангеліе Іоанна», напечатаннаго въ «Христіанскомъ Чтеніи» (за 1854 годъ), и участія въ переводѣ книгъ

---

[1]) См. «Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 179—180.

[2]) О немъ—«Пятидесятилѣтній юбилей Кіевск. духовн. академіи», Кіевъ, 1869 г., стр. 398 и 413.—Періодическія изданія 1886 года: «Кіевск. епарх. Вѣдомости», № 2; «Церковный Вѣстникъ», № 6; «Церковно-Общественный Вѣстникъ», № 12.—«Труды Кіевск. дух. академіи», кн. 1.

Новаго Завѣта съ греческаго языка на русскій, издалъ свою магистерскую диссертацію: «О происхожденіи и составѣ римско-католической литургіи и отличіи ея отъ нашей» («Собраніе сочиненій студентовъ Кіевск. духовн. академіи», Кіевъ 1839 г.). Эта диссертація появилась во второмъ исправленномъ и пополненномъ изданіи (Кіевъ, 1855 г., 117 стр.), въ третьемъ, съ нѣкоторыми добавленіями и перемѣнами (Кіевъ, 1857 г., 126 стр.) и четвертомъ (Кіевъ, 1874 г.). Кромѣ названнаго труда, имъ помѣщено нѣсколько статей въ «Воскресномъ Чтеніи» (1837—1857 гг.).

Богровъ, Григорій Исаакіевичъ [1]), воспитывался въ университетѣ и петербургской консерваторіи, но нигдѣ не окончилъ полнаго курса и состоялъ на частной службѣ бухгалтеромъ; † въ концѣ мая, въ Минской губерніи.—Его произведенія:

«Записки еврея» («Отечеств. Записки», 1871 г., кн. 1, 5, 8; 1872 г., кн. 7, 8, 11, 12; 1873 г., кн. 3, 4, 5, 6).—Отдѣльное изданіе: Спб., 1874 г.
«Еврейскій манускриптъ: передъ драмой», Спб., 1876 г., 242 стр.
«Нѣжный братецъ», разсказъ («Библіотека западной полосы Россіи», изданіе Н. Д. Шигарина, Спб., 1878 г., т. I.).
«Жить или не жить евреямъ повсемѣстно въ Россіи?» («Слово», 1878 г., кн. 2).
«Вѣшеная», разсказъ старика изъ еврейской жизни (тамъ же, кн. 7).
«Былое», очеркъ («Восходъ», 1883 г., №№ 1—11).

Сверхъ того, Богровъ сотрудничалъ въ еврейской газетѣ: «Разсвѣтъ».

Брандъ, Александръ Егоровичъ, докторъ медицины, † 25-го октября въ Петербургѣ.—По указанію г. Быкова («Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 180), имъ напечатана книжка: «Лѣченіе тучности», популярная лекція профессора Нимейера, по такъ называемой системѣ Бэнтинга, Спб. 1865 г.

Брюлло, Николай Өедоровичъ [2]), родился въ 1827 году, окончательное образованіе получилъ въ Императорской Академіи Художествъ, гдѣ и былъ удостоенъ званія профессора архитектуры (1864 г.); онъ служилъ при министерствѣ императорскаго двора и министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; † 18-го января.—Его статьи помѣщались въ «Запискахъ Русскаго Техническаго Общества» и «Зодчемъ».

Быковскій, Михаилъ Доримедонтовичъ [3]), родился въ 1800 году, получилъ архитектурное образованіе подъ руководствомъ Жилярда, а затѣмъ путешествовалъ по Западной Европѣ и изу-

---

[1]) О немъ—періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ», № 8, стр. 32.—«Историческ. Вѣстникъ», кн. 7, стр. 220.—«Новь», кн. 15, отд. II, стр. 182.—«Всеобщ. календарь» на 1886 г., изд. Гоппе, стр. 486.

[2]) См. «Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 180.

[3]) О немъ—«Московск. Вѣдомости», 1885 г., №№ 313 и 318.—«Библіографъ», 1886 г., № 5, стр. 82.

чалъ памятники древняго искусства; по возвращеніи въ Россію, сдѣлался первостепеннымъ художникомъ-архитекторомъ, занималъ мѣсто директора московскаго дворцоваго архитектурнаго училища, былъ основателемъ и членомъ совѣта московскаго художественнаго общества, учредителемъ и первымъ предсѣдателемъ московскаго архитектурнаго общества; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ имѣлъ званіе академика архитектуры, почетнаго члена Императорской Академіи Художествъ и миланской академіи изящныхъ искусствъ; † 9-го ноября въ Москвѣ.—Ему принадлежитъ: «Рѣчь о неосновательности мнѣнія, что архитектура греческая или греко-римская можетъ быть всеобщею» (М. 1834 г.).

Бѣляевъ, Алексѣй Михайловичъ [1], генералъ-лейтенантъ, окончательное образованіе получилъ въ артиллерійской академіи; по окончаніи курса въ ней, поступилъ репетиторомъ по артиллеріи въ 1-й кадетскій корпусъ и чиновникомъ особыхъ порученій при штабѣ инспектора всей артиллеріи; затѣмъ—постоянный членъ и управляющій дѣлами техническаго комитета при главномъ артиллерійскомъ управленіи; съ 1870 года былъ командированъ за границу съ ученою цѣлью, а по возвращеніи (1872 г.) назначенъ редакторомъ «Артиллерійскаго Журнала», который и издавался имъ до кончины—въ мартѣ, въ Петербургѣ. Также, подъ его редакціей, издано «Краткое руководство артиллерійской службы съ полевыми орудіями» (Спб., 1878—1879 гг.).

Ваксель, Левъ Николаевичъ [2], † 26-го ноября въ Петербургѣ. — Имъ напечатана «Карманная книжка для начинающихъ охотиться съ ружьемъ и лягавою собакою», (Спб. 1856 г.).—Второе изданіе: Спб. 1858 г.—Третье изданіе: Спб. 1870 г.—Четвертое изданіе: Спб. 1876 г., 362 стр.

Валицкій, Святославъ Станиславовичъ [3], родился въ 1838 году, воспитывался въ морскомъ корпусѣ, окончилъ тамъ курсъ мичманомъ (1856 г.) и остался при офицерскихъ классахъ того же корпуса; выйдя оттуда первымъ офицеромъ (1859 г.), былъ назначенъ на фрегатъ «Ослабя» и на немъ отправленъ въ заграничное плаваніе (1861 г.); черезъ три года воротился въ Россію (1864 г.) и былъ назначенъ флагъ-офицеромъ къ начальнику броненосной эскадры—контръ-адміралу И. Ѳ. Лихачеву; затѣмъ—преподаватель морской артиллеріи въ морскомъ училищѣ (1864—1884 гг.) и инспекторъ классовъ, въ чинѣ капитана перваго ранга, при техническомъ училищѣ морского вѣдомства (1884—1885 гг.); † 26-го августа въ Петербургѣ.—Онъ, кромѣ сотрудничества въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ», напечаталъ слѣдующіе труды:

---

[1] См. «Новь», 1885 г., кн. 12, отд. II, стр. 734.

[2] См. «Всеобщій календарь», изд. Гоппе на 1887 годъ, стр. 490.

[3] О немъ—«Морской Сборникъ», 1885 г., кн. 10, стр. 117—126.

«Разборъ книги: Balistique sous-marine-Calcul d'un projectile sous-marin explosif par M. A. Devèze» («Морск. Сборникъ», 1867 г., кн. 4).

«Размышленія кронштадтскаго читателя Морского Сборника», Спб., 1868 г.

«Усовершенствованные станки морской артиллеріи и современныя боевыя отъ нихъ требованія» и «Орудія англійской морской артиллеріи» («Морской Сборникъ», 1873 г.).

«Морскіе скрывающіеся станки» (тамъ же, 1875 г.).

«Лучшій способъ стрѣльбы въ морской войнѣ» (тамъ же, 1877 г.).

«Учебникъ артиллеріи», выпускъ первый, Спб., 1877 г., 232 стр.

«Руководство для преподаванія артиллеріи въ Морскомъ училищѣ», Спб., 1880 г., 568 стр.

Веселовскій, Николай Алексѣевичъ[1]), родился въ 1810 году, воспитывался въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ въ саперные офицеры (1829 г.); послѣ короткой боевой дѣятельности въ польскую кампанію (1830—1831 гг.); вернулся въ родной корпусъ и состоялъ ротнымъ командиромъ то въ немъ, то во 2-мъ кадетскомъ и Александровскомъ корпусахъ (1833—1864 гг.); выйдя въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора, посвятилъ себя на служеніе земству въ должности предсѣдателя управы и заботамъ о сельскомъ хозяйствѣ въ своемъ имѣніи Нѣмцовѣ (Малоярославскаго уѣзда, Смоленской губерніи), гдѣ и умеръ въ сентябрѣ.—Его труды:

«Обозрѣніе успѣховъ науки сельскаго хозяйства въ Россіи въ послѣднее трехлѣтіе» (1838—1841 гг.), Спб., 1842 г.

«Ленъ и его обработка, М. 1875 г., 325 стр. и одна таблица.—Это изслѣдованіе было удостоено золотой медали отъ Импер. Вольно-Экономическаго общества (См. Каталогъ Импер. Вольно-Экономическаго Общества, столб. 447).

Кромѣ того, его статьи помѣщались въ «Трудахъ Импер. Вольно-Экономическаго общества» и «Листкѣ для всѣхъ».

Виталій, въ мірѣ Василій Васильевичъ Гречулевичъ[2]), родился въ 1823 году, въ мѣстечкѣ Тульчинѣ (Подольской губерніи), гдѣ его отецъ—**Василій Яковлевичъ** состоялъ священникомъ и позже—протоіереемъ[3]); воспитывался въ подольской семи-

---

[1]) См. «Новое Время», 1885 г., № 3,440. — «Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 180.

[2]) О немъ—«Исторія С.-Петербургск. дух. академіи», Чистовича, Спб., 1857 г., стр. 377 и 453.—Періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ», № 8, стр. 32; «Благовѣстъ», № 12, стр. 13—15; «Голосъ Москвы», № 135; «Историческій Вѣстникъ», кн. 7, стр. 220; «Московск. Вѣдомости», №№ 136 и 150; «Новь», кн. 15, отд. II, стр. 182; «Православное Обозрѣніе», кн. 7, стр. 586—588; «Церковный Вѣстникъ», №№ 20 и 21; «Церковно-Общественный Вѣстникъ», № 37.—Епархіальныя Вѣдомости 1885 года: «Волынскія», №№ 16 и 17; «Воронежскія», № 11; «Донскія», № 13; «Могилевскія», №№ 15—16; «Подольскія», № 22; «Смоленскія», № 13, «Девятисотлѣтіе Русской іерархіи». М., 1888 г., стр. 55 и 69.

[3]) Онъ скончался въ 1870 году. (См. некрологъ о немъ въ «Голосѣ», 1870 г., № 193).

наріи (1837—1843 гг.) и Петербургской духовной академіи (1843—1847 гг.); по окончаніи курса въ послѣдней со степенью магистра богословія (1847 г.) былъ законоучителемъ гатчинскаго сиротскаго института (1847—1849 гг.), потомъ—Николаевскаго сиротскаго института при Петербургскомъ Воспитательномъ домѣ (1849—1860 гг.) и наконецъ—при Императорскомъ Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ (1860—1875 гг.); удостоенный сана протоіерея (1862 г.), онъ получилъ должность члена въ петербургскомъ духовно-цензурномъ комитетѣ (1875 г.), а черезъ годъ постриженъ въ монашество и возведенъ въ санъ архимандрита (1876 г.); спустя три года, былъ назначенъ (23-го апрѣля 1879 года) и хиротонисанъ (13-го мая того же года) во епископа Острожскаго, викарія Волынской епархіи, а 6-го октября 1882 года переведенъ на самостоятельную епископскую каѳедру въ Могилевъ, гдѣ и скончался 14-го мая.—Почившій оставилъ по себѣ добрую память, какъ ревностный поборникъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія, открывшій въ одной могилевской епархіи 268 церковныхъ школъ, какъ редакторъ издатель журналовъ: «Странникъ» (1860—1879 гг.), «Современный Листокъ политическихъ, общественныхъ и литературныхъ извѣстій» (1863—1873 гг.) и «Мірское Слово» (1875—1876 гг.) и какъ авторъ слѣдующихъ трудовъ:

«О молитвѣ Манассіи», Спб., 1848 г., (магистерская диссертація).

«Размышленія о честномъ крестѣ Господнемъ», Спб., 1848 г.—Второе изданіе, Спб., 1853 г.

«Размышленія о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа», Спб., 1848 г.

«Сравнительное обозрѣніе четвероевангелія въ хронологическомъ порядкѣ», Спб. 1849 г.

«Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ», Спб., 1849 г.—Второе изданіе: Спб., 1857 г.

«Катехизическія бесѣды на девять блаженствъ евангельскихъ и десять заповѣдей Божіихъ, говоренныя на малороссійскомъ языкѣ», Спб., 1852 г.

«Примѣръ дѣтскаго благочестія», истинное происшествіе», Спб., 1853 г.

«Указатель церковныхъ чтеній изъ священныхъ книгъ Новаго и Ветхаго Завѣта на всѣ дни недѣли и числа мѣсяцевъ какого бы то ни было года», Спб., 1853 г.—Второе изданіе: Спб., 1866 г.

«Объ изданіи П. Дубровскаго: «Образцы польскаго языка въ прозѣ и стихахъ для русскихъ» («Журналъ мин. нар. просвѣщенія», 1853 г., ч. LXXVIII).

«Катихизическія бесѣды на символъ вѣры и молитву Господню, говоренныя на малороссійскомъ языкѣ», Спб., 1856 г.

«Христіанскія размышленія, предложенныя въ словахъ, бесѣдахъ и рѣчахъ, Спб., 1856 г., два выпуска.

«Евангельская исторія», Спб., 1857 г.—Второе изданіе: Спб., 1876 г., 164 стр.

«Бесѣды о семи спасительныхъ таинствахъ, говоренныя на малороссійскомъ языкѣ», Спб., 1858 г.

«Указатель церковныхъ чтеній изъ священныхъ книгъ Новаго и Ветхаго Завѣта, съ Пасхи 1858 до Пасхи 1859 года», прибавленіе къ «Указателю», изданному въ 1853 году, Спб., 1858 г., 135 стр.

«О должностяхъ родителей и дѣтей», двѣ бесѣды, говоренныя на малороссійскомъ языкѣ, Спб., 1859 г.

«Подробный сравнительный обзоръ четвероевангелія въ хронологическомъ порядкѣ, съ картою Палестины и другими приложеніями, какъ пособіе къ основательному изученію евангельской исторіи», Спб., 1860—1866 гг., двѣ части.—Второе изданіе: Спб.. 1875 г.

«Изложеніе евангельской исторіи, по руководству подробнаго сравнительнаго обзора четвероевангелія», Спб., 1861 г.—Второе изданіе: Спб., 1864 г.

«Слово въ день столѣтняго юбилея Императорскаго Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ и С.-Петербургскаго Александровскаго училища, 5-го мая 1864 года, произнесенное въ Воскресенскомъ соборѣ всѣхъ учебныхъ заведеній» (Еженедѣльн. прибавл. къ «Русск. Инвалиду», 1864 г., № 19).—Отдѣльный оттискъ: Спб., 1864 г., 8 стр.

«Разборъ книги Авдія Востокова: «Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду» («Странникъ». 1865 г., кн. 1).

«О книгѣ: «Сказаніе о земной жизни Пресвятой Богородицы» («Странникъ», 1869 г., кн. 3).

«О книгѣ: «Избранныя слова св. отцевъ въ честь и славу Пресвятыя Богородицы» (тамъ же).

«Разборъ книги П. Лебедева: «Руководство къ пониманію православнаго богослуженія» (тамъ же, кн. 7).

«Бесѣды къ простому народу», Спб., 1872 г., двадцать два выпуска, Спб., 1874 г., сорокъ одинъ выпускъ.

«Христіанскія разсужденія и размышленія», Спб., 1873 г., двѣ части, Спб., 1877 г., третья часть.

«Двѣ рѣчи къ выпускнымъ воспитанницамъ Импер. Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ», Спб., 1873 г.

«Отвѣтъ на ученую полемику по вопросу о послѣдней пасхальной вечери Іисуса Христа и днѣ его смерти», Спб., 1877 г., 48 стр.

«Рѣчь при отпѣваніи законоучителя могилевскихъ мужской и женской гимназій, члена консисторіи, протоіерея С. К. Гласко» («Могилевск. епарх. Вѣдомости», 1885 г., № 9).

Сверхъ упомянутыхъ трудовъ, покойный издалъ книгу архіепископа Анатолія: «Вѣра, Надежда и Любовь» (Спб. 1854 г., двѣ части) и сочиненіе того же Анатолія, подъ псевдонимомъ «Авдія Востокова»: «Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду» (Спб. 1857 и 1864 г., два изданія).

Вишневскій, Викторъ Петровичъ [1]), сынъ священника, родился въ ноябрѣ 1804 года, въ селѣ Сугуть-Торбиковѣ (Ядринскаго уѣзда, Казанской губерніи); воспитывался въ Казанской семинаріи и Московской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣд-

[1]) О немъ—«Извѣстія по Казанской епархіи», 1878 г., № 22.—«Исторія Московской духовной академіи», Смирнова, М., 1879 г., стр. 237, 341, 360, 474 и 536.—«Извѣстія по Казанской епархіи», 1886 г., № 2.—«Волынск. епархіальныя Вѣдомости», 1886 г., № 8.

ней со степенью кандидата и правомъ получить магистерство по выслугѣ двухъ лѣтъ (1826 г.) былъ опредѣленъ учителемъ философіи въ Казанскую семинарію (2-го сентября того же года) и рукоположенъ во священника (22-го октября 1828 года), потомъ—протоіерея (21-го іюня 1831 года) при казанскомъ Петропавловскомъ соборѣ; затѣмъ—инспекторъ Казанской семинаріи (съ 20-го августа 1836 года до 25-го января 1842 года), членъ консисторіи (съ 10-го іюня 1843 года до кончины), миссіонеръ для утвержденія въ православной вѣрѣ чувашъ и черемисъ (17-го декабря 1843 года до 1860 года), законоучитель въ фельдшерской школѣ (1847—1849 гг.), членъ конференціи Казанской духовной академіи (съ 11-го сентября 1850 года) и, наконецъ—протоіерей Казанскаго каѳедральнаго собора (съ 8-го іюля 1854 года до смерти); † 30-го декабря въ Казани.—Покойному, кромѣ «Начертаній правилъ чувашскаго языка съ словаремъ», принадлежатъ слѣдующіе труды:

«О дѣйствительной нуждѣ и важности званія и избранія пастырей, по извѣстному чину и порядку», магистерская диссертація («Нѣсколько разсужденій и поучительныхъ словъ, сочиненыхъ студентами Московк. духовн. академіи пятаго учебнаго курса», М., 1828 г., ч. I).

«Свѣдѣнія о погребеніи Владиміра, архіепископа казанскаго и его автобіографія» («Казанск. губ. Вѣдомости», часть неофиц., 1856 г., №№ 1 и 2).

«О религіи некрещеныхъ черемисъ Казанской губерніи», изъ записокъ миссіонера («Казанск. губ. Вѣдомости», часть неофиц., 1856 г., №№ 9 и 10.—Отдѣльный оттискъ: Каз., 1856 г., 16 стр.). Эта «Записка» перепечатана въ «Вѣстникѣ Импер. Русск. Географическ. Общества» (1856 г., ч. XVII, кн. 4, отд. II, стр. 281—290) и появилась на французскомъ языкѣ подъ названіемъ: «Les Tschérémisses du gouvernement de Casan» (Extraits des publications de la Société Impériale Géographique de Russie en 1856 et 1857, Спб., 1859 г.).

«Древніе письменные акты, сохранившіеся въ соборной ризницѣ Казанскаго каѳедральнаго собора»: указъ о переписи колоколовъ (1700 г.), сказка или объясненіе, составляющее отвѣтъ на него, и списокъ съ грамоты царя Алексѣя Михайловича о переливкѣ колоколовъ («Казанск. губ. Вѣдомости» 1859 г., №№ 1 и 2).

«Матвѣй Семеновичъ Пальмовъ, заштатный діаконъ, умершій въ 1860 году въ Чебоксарахъ» («Казанск. губ. Вѣдомости», 1860 г., № 9).

«Отвѣтъ изъ старинныхъ книгъ на раскольническій толкъ о трехперстномъ знаменіи» («Руководство для сельск. пастырей», 1860 г., т. II, № 24).

«О сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и благословенія и символѣ вѣры, читаемомъ въ православной церкви, 'противъ раскольниковъ», Казань, 1861 г., 59 стр.—Второе изданіе: М., 1863 г., 70 стр.

«Освященіе новаго единовѣрческаго храма въ Казани» («Православн. Собесѣдникъ», 1862 г., кн. 2).—Эта статья перепечатана въ «Церковн. Лѣтописи Духовн. бесѣды» (1862 г., № 11) и «Страннинѣ» (1862 г., кн. 4).

«О старинныхъ Богослужебныхъ книгахъ русскихъ», противъ раскола («Православн. Собесѣдникъ», 1862 г., кн. 8).

«Раскольническія мудрованія объ именословномъ благословеніи» (тамъ же, кн. 5)

«Свидѣтельства старопечатныхъ русскихъ книгъ о достопокланяемомъ имени Іисусъ» (тамъ же, кн. 11).

«Архимандритъ Мартирій, настоятель Свіяжскаго Богородицкаго монастыря» («Православн. Собесѣдникъ», 1874 г., кн. 1).

Воденюкъ, Павелъ, Ероѳеевичъ [1]), родился въ 1848 году и воспитывался на историко-филологическомъ факультетѣ въ университетѣ св. Владиміра; по окончаніи университетскаго курса (1874 г.) со степенью кандидата и золотою медалью за сочиненіе подъ заглавіемъ: «Слово о полку Игоревѣ», поступилъ на службу въ канцелярію одесскаго градоначальника, но скоро перемѣнилъ административную карьеру на слушаніе лекцій въ археологическомъ институтѣ (1874—1878 гг.), по выпускѣ изъ послѣдняго съ званіемъ дѣйствительнаго члена и серебряною медалью, началъ педагогическую дѣятельность въ качествѣ воспитателя и преподавателя географіи въ кіевской военной гимназіи; затѣмъ состоялъ учителемъ того же предмета въ петербургскихъ гимназіяхъ—коломенской женской и 3-ей мужеской; † 26-го октября въ Петербургѣ.—Онъ напечаталъ:

«Гдѣ нужно искать рѣку, на берегахъ которой 5-го мая 1185 года былъ разбитъ Игорь Святославичъ Новгородъ-Сѣверскій и которая названа Каялой?» («Труды III-го Археологическ. Съѣзда въ Кіевѣ», Кіевъ, 1878 г., т. II).

«Темное мѣсто въ Словѣ о полку Игоревѣ» («Сборникъ Археологическ. Института», Спб., 1880 г., кн. 3).—Отдѣльный оттискъ: Спб., 1880 г., 6 стр.

«Географическіе очерки Россіи», курсъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, изложенный монографически», Спб., 1883 г., 183 стр.

Воеводскій, Платонъ Васильевичъ, вице-адмиралъ, членъ главнаго военно-морского суда и членъ главнаго правленія общества спасанія на водахъ, † 13-го ноября.—По указанію «Библіографа» (1886 г., № 12, стр. 180), онъ помѣщалъ статьи въ «Морскомъ Сборникѣ».

Волковъ, Егоръ Егоровичъ [2]), родился въ 1809 году, воспитывался въ Благородномъ пансіонѣ при Петербургскомъ университетѣ, послѣ чего служилъ въ азіатскомъ департаментѣ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а потомъ—въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, состоя долгое время цензоромъ при Петербургскомъ цензурномъ комитетѣ; † 4-го декабря въ Петербургѣ.—Кромѣ нѣсколькихъ романсовъ, имъ изданы:

«Не по-хорошу милъ, а по-милу хорошъ», комедія-пословица въ одномъ дѣйствіи, Спб., 1861 г.

---

[1]) О немъ—періодическія изданія 1885 года: «Новое Время»; № 3,474; «Новости», № 298; «Историческій Вѣстникъ», кн. 12, стр. 738—739.—«Библіографъ», 1886 г., № 4, стр. 68.

[2]) О немъ—«Новое Время», 1885 г., № 3,511.—«Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 180.

«Разсказы для дѣтей», Спб., 1865 г.
«Опытъ программы уроковъ рисованія», Спб., 1868 г.
«О книгѣ Фальке: «Новый способъ обученія началамъ геометріи» («Педагогическ. Листокъ», приложеніе къ «Дѣтскому Чтенію», 1872 г., № 1).
«Уроки рисованія для молодыхъ дѣтей съ методическими указаніями для матерей и воспитателей», Спб., 1872 г.
«Образовательный курсъ наглядной геометріи», руководство для преподавателей, Спб., 1873 г.

Вышневскій, Петръ Акимовичъ [1]), родился въ 1824 году, въ селѣ Боровомъ (Коротоякскаго уѣзда, Воронежской губерніи), гдѣ его отецъ былъ діакономъ; воспитывался въ Воронежской семинаріи (1839—1845 гг.) и Кіевской духовной академіи (1845—1849 гг.); по окончаніи курса въ послѣдней со степенью магистра богословія, состоялъ въ родной семинаріи преподавателемъ математики и физики (1850—1860 гг.), философіи (1860—1871 гг.) и латинскаго языка (1871—1880 гг.); наконецъ—инспекторъ Воронежской семинаріи (1875—1880 гг.); † 29-го марта въ Москвѣ. — Онъ напечаталъ въ «Воронежскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ».

«Слово на Срѣтеніе Господне», (1866 г., № 3).
«Слово въ недѣлю сыропустную» (№ 4).
«Мысли о славѣ Богоматери и нашихъ славословіяхъ въ честь Ея» (№ 7).
«О виновности въ чужихъ грѣхахъ» (№ 16).
«Слово на Рождество Пресвятыя Богородицы» (1868 г., № 18).

Гельмерсенъ, Григорій Петровичъ [2]), родился 29-го сентября 1803 года, въ Дуксендорфѣ (Лифляндской губерніи), воспитывался въ Петербургскомъ пансіонѣ Муральта и Дерптскомъ университетѣ; по окончаніи курса въ послѣднемъ со степенью кандидата (1827 г.), отправился съ проф. Энгельгардтомъ на Уралъ для изслѣдованія мѣсторожденій золота, а по возвращеніи изъ этой поѣздки поступилъ на службу въ министерство финансовъ чиновникомъ особыхъ порученій при графѣ Канкринѣ; но скоро былъ командированъ вмѣстѣ съ Э. К. Гофманомъ [3]) для геогностическихъ изслѣдованій на южный Уралъ (1828—1829 гг.) и для изученія палеонтологіи за границу (1830—1832 гг.); затѣмъ совершилъ два

---

[1]) См. «Воронежск. епарх. Вѣдомости», 1885 г., № 11, стр. 457—460.

[2]) О немъ—«Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat», Dorp., 1853 г., стр. 67.—«Московскія Вѣдомости», 1878 г., № 103.—Періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ», № 3, стр. 68; «Еженедѣльное Обозрѣніе», № 62; «Екатеринбургская Недѣля», № 6; «Всемірная Иллюстрація», № 9, стр. 174 (съ портретомъ), «Московскія Вѣдомости», № 73; «Московскій Листокъ», № 41; «Нива», № 9.—«Всеобщій календарь на 1886 годъ», изданн. Гоппе, стр. 487.—«Горный Журналъ» 1884 г., кн. 3.

[3]) См. о немъ—«Біографическій словарь профессоровъ университета св. Владиміра», Кіевъ, 1884 г., стр. 132—137.

путешествія на Уралъ и одно на Алтай (1833—1835 гг.), послѣ чего поступилъ въ Горный Институтъ (1835—1838 гг.), а по выпускѣ изъ него назначенъ профессоромъ геологіи въ Горномъ институтѣ (1838—1863 гг.). инспекторомъ (1840—1856 гг.) и директоромъ (1856—1863 гг.) того же заведенія; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ состоялъ адъюнктомъ (1844—1847 гг.) и академикомъ (1847—1885 гг.) по геогнозіи и палеонтологіи при Императорской Академіи Наукъ; † 4-го февраля въ Петербургѣ.—Его труды:

«Geognostische Untersuchung des Süd-Uralgebirges», Berlin, 1831 г. (вмѣстѣ съ Э. К. Гофманомъ).

«Описаніе южнаго Урала» («Горный Журналъ», 1835 г., ч. I, II и IV).—Эти статьи также составлены вмѣстѣ съ Э. К. Гофманомъ.

«Орографическое и геогностическое описаніе части Киргизской степи, заключающейся между Ураломъ, Уемъ и рѣчками, впадающими съ лѣвой стороны въ Тоболъ» (тамъ же, 1836 г. ч. IV).

«Der Magnetberg Blagodat am nördlichen Ural» («Bulletin scientifique publié par l'Académie Imp. des Sciences de St.-Petersb»., 1837 г., ч. III).

«Notiz über einen in der Stadt Iakutsk angelegten Brunnen» (тамъ же).

«Ueber den Ural und Altai» (тамъ же, ч. IV).

«Объ Уралѣ и Алтаѣ» («Горный Журналъ», 1838 г., ч. II).

«Замѣчаніе о колодцѣ, вырытомъ въ Якутскѣ» (тамъ же, 1838 г., ч. II).

«Магнитная гора Благодать въ сѣверномъ Уралѣ» (тамъ же, 1838 г., ч. III).

«Отчетъ по изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ 1838 году надъ мѣсторожденіями горючаго сланца, открытаго въ Эстляндской губерніи», (тамъ же, 1838 г., ч. III).

«Der in Esthland bei Fall und Tolks entdeckte brennbare Schiefer» («Das Inland» 1838 г., № 48).

«Ueber den bituminösen Thonschiefer und ein neu entdecktes brennbares Gestein der Uebergangsformation Esthlands», съ картою («Bulletin scientifique», 1838 г., ч, V).

«О мѣсторожденіи смолистаго глинистаго сланца и вновь открытомъ горючемъ минералѣ въ переходной формаціи Эстляндской губерніи» («Горный Журналъ», 1839 г., ч. III).

«Nachrichten über Chïwa, Buchara, Chokand und den nordwestlichen Theil des chinesischen Staates», съ картою» («Baer und Helmersen, Beitrage zur Kenntniss Russlands und der angränzenden Länder Asiens», 1839 г., два тома).

«Notiz ueber die Entdeckung des Waschgoldes am Ural» («Billetin scientifique», 1839 г., ч. IV).

«Der Telezkische See und die Teleuten im ostlichen Altai» Спб., 1839 г.

«Телецкое озеро и Телеуты восточнаго Алтая» («Горный Журналъ», 1840 г. ч. I и II).

«Ueber die geognostische Beschaffenheit des Wabdaiplateauss und seines nördlichen Abhanges» («Bulletin scientifique», 1840 г., ч. VII).

«Геогностическій взглядъ на Валдайскую плоскую возвышенность и сѣверный ея отклонъ» («Горный Журналъ», 1840 г., ч. II).

«Sur la formations des montagnes du Waldai» («Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou», 1840 г., т. XIII).

«Ueber die geognostische Beschaffenheit des Landes zwischen dem ilmen—und Seliger—See im Osten und dem Peipussee im Westen» («Bulletin scientifique», 1840 г., ч. VIII).

«Notice historique sur les travaux des mines dans l'Oural» («Annuaire du journal des mines de Russie», année, 1835 г., 1840 г.).

«Description orographique et géognostique d'une partie de la steppe Kirguise, située entre le fleuve Oural, le Oui et les ruisseaux afluents de gauche du Tobol» (тамъ же, année, 1836 г., 1849 г.).

«L'Oural et l'Altai» (тамъ же, année, 1838 г., 1840 г.).

«Mémoire sur le schiste argileux-bitumineaux d'Estonie et sur un nouvelle roche combustible, découverte dans cette province» (тамъ же, année. 1838 г., 1840 г.).

«Description de la montagne magnétique de Blagodat dans l'Oural septentrional» (тамъ же, année, 1838 г., 1840 г.).

«Résumé des comptes-rendus des expéditions de mineurs faites dans l'Oural septentrional et inserées dans le Journal des mines» (тамъ же, année, 1838 г., 1840 г.).

«Observations faites sur un puits creusé à Iakutsk» (тамъ же, année, 1838 г., 1840 г.).

«Ueber das Erdbeben in Armenien und die durch dasselbe veranlassten Uerwüstungen am Berge Ararat» («St. Peterburger Zeitung», 1840 г., № 256).

«О геогностическомъ составѣ Европейской Россіи, ограниченной съ востока озерами Ильменемъ и Селигеромъ, а съ запада Чудскимъ озеромъ» («Горн. Журналъ», 1841 г., ч. II).

«Uebersichtskarte der Gebirgsformationen im evropaischen Russland», Спб., 1841 г.

«Erlaeuterungen zu der Uebersichtskarte der Gebirgsformationen in Russland» Спб., 1841 г.

«Генеральная карта горныхъ формацій Европейской Россіи», Спб., 1841 г.—Это карта была приложена къ «Горному журналу» (1841 г., ч. II).

«Пояснительныя примѣчанія къ генеральной картѣ горныхъ формацій Евренейской Россіи» («Горн. Журналъ», 1841 г., ч. II).

«Отчетъ о дѣйствіяхъ геогностическихъ разысканій, произведенныхъ въ 1841 г. въ губерніяхъ: Тверской, Московской, Тульской, Орловской и Калужской» («Горн. Журналъ», 1841 г., ч. IV).

«Steinkohlenlager in den Gouvernements Kaluga, Tula und Moskwa» («St.-Petersburger Zeitung», 1841 г., № 240).

«Auffindung Devonischer Schichten bei Orel und Uergleichung der Mittel-Russischen mit der Waldaischen Kohlenformation» («Erman's, Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland», 1841 г., вып. I).

«Reise nach dem Ural und der Kirgisensteppe in den Iahren 1833 und 1834», съ тремя картами («Baer und Helmersen Beiträge zur Kenntniss Russlands», 1841 г.).

«Ueber ein Vorkommen von Kupfererzen und Knochenbrekcie in den silurischen Schichten des Gouvernements St.-Petersburg» («Bulletin de la classe physiko-mathématique de l'Académie Imper. des Sciences de St.-Pétersbourg», 1842 г., вып. I).

«Барометрическія измѣренія на Уралѣ, въ Киргизской степи и Каспійской котловинѣ» («Горн. Журналъ», 1842 г., ч. IV).

«Отчетъ объ изслѣдованіи мѣсторожденія мѣдныхъ рудъ, открытыхъ въ 1842 г. на правомъ берегу рѣки Волхова между Гостинопольскою пристанью и Дубовиками» («Горн. Журналъ», 1842 г., ч. IV).

«Untersuchung ueber das relative Alter und die Steinkohlenlager in den Gouvernements Tula und Kaluga» («Bulletin scientifique, publie par l'Academie», 1842 г., т. X).

«Wilhelm Böthlingk», некрологъ («St.-Petersb. Zeitung», 1842 г., № 65).

«Объ алмазныхъ бразильскихъ штуфахъ г. Ломоносова» («Горный Журналъ», 1843 г., ч. II).

«Le lac Teletz et les Téleoutes de l'Altai oriental» («Annuaire du Journal des mines de Russie», année 1840 г., 1843 г.).

«Coup d' oeil géognostique sur le plateau de Valdai et sur son versant septentrional» (тамъ же, année, 1840 г., 1843 г.).

«Diamanten im Muttergestein» («St.-Petersburger Zeitung», 1843 г., № 223).

«Отчетъ о геогностическихъ и палеонтологическихъ занятіяхъ въ Россіи въ теченіе двухъ предпослѣднихъ годовъ» («Горн. Журналъ», 1844 г., ч. I).

«Notice géologique sur la partie de la Russie evropéenne comprise entre les lacs Ilmen, Seliguer et Tchudes» («Annuaire du Journal des mines de Russie», année, 1841, 1844 гг.).

«Excursion géologique dans les gouvernements de Moscou, de Toula, d'Orel et de Kalouga» (тамъ же).

«Carte géologique de la Russie d'Evrope», 1841 г.

«Explication à l'appui d'une carte géologique de la Russie d'Evrope» (тамъ же).

«Ueber die geognostische Beschaffenheit des Ustürt und insbesondere dessen östlichen Alfalles zum Aral-See» («Bulletin de la classe physico-mathematique de l'Académie», 1845 г., ч. IV).

«О геогностическомъ составѣ Усть-Урта и въ особенности восточнаго склона его къ Аральскому морю» («Горн. Журналъ», 1845 г., ч. III).

«Общая карта золотыхъ промысловъ Восточной Сибири съ прибавленіемъ въ увеличенномъ масштабѣ картъ важнѣйшихъ золотоносныхъ округовъ или системъ Енисейской губерніи», Спб., 1845 г.

«Sur le mémoire de Mr. Murchison intitulé: «Orographical survey of the country of Orenbourg» («Bulletin de la classe physico-mathém. de l'Académie», 1845 г. томъ IV).

«Compte rendu de la reconnaissance du gisement de minerais de cuivre, découvert en 1842 sur la rive droite du Volkhov, entre le débarcadère de Gostinopolsk et le village Doubovick» («Annuaire du Journal des mines de Russie», année, 1842, 1845 гг.).

«Determination barométrique de quelques hauteurs dans l'Oural, la steppe Kirghise et le bassin Caspien» (тамъ же).

«Geognostische Bemerkungen ueber die Steppengegend zwischen den Flüssen Samara; Ural, Wolga und Manisch, gesammelt auf einer Reise im Jahre 1843 von A. Nöschel» («Bulletin de la classe physiko-mathématique de l'Académie», 1846 г., т. V).

«Ueber die Veröffentlichung einer Reise nach dem Altai die im Jahre 1834 ausgefürt wurde von Helmersen» (тамъ же, 1846 г., т. VI).

«Геогностическія замѣчанія о степи между рѣками Самарою, Волгою, Ураломъ и Манычомъ, по наблюденіямъ г. Нешеля, произведеннымъ во время путешествія въ 1843 году» («Горн. Журналъ», 1846 г., ч. III).

«Nachrichten ueber die im Jahre 1847 von der Russischen Geographischen Gesellschaft ausgesandte Expedition zur Erforschung des nördlichen Ural», Спб., 1847 г.

«Neuere Nachrichten ueber die Ural-Expedition» («St.-Petersburger Zeitung», 1847 г., № 262).

«Dritter Bericht ueber die Ural-Expedition» (тамъ же, № 284).

«Извѣстія объ экспедиціи, отправленной въ 1847 году Русскимъ Географическимъ Обществомъ для изслѣдованія сѣвернаго Урала, по донесеніямъ г. полковника Гофмана» («Горн. Журналъ», 1847 годъ, т. IV).—То же напечатано въ С.-Петербургск. Вѣдомостяхъ» (1847 годъ, №№ 221, 225 и 281).

«Aulosteges variabilis, ein neuer Brachipode, aus dem Zechstein Russlands» («Billetin de la classe physico-mathématique de l'Académie», 1847 г., т. VI).

«Ueber Herrn Sastorius von Waltershausenss Altas des Etna» (тамъ же, 1847 г., томъ VIII).

«Разборъ сочиненія графа Кейзерлинга и Крузенштерна: «Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschora Land im Jahre 1843». («Отчетъ Императ. Академіи Наукъ о XVI присужденіи Демидовскихъ наградъ», Спб., 1848 г.).—То же въ «Горномъ Журналѣ» (1848 г., т. I).

«Разборъ сочиненія А. Н. Демидова подъ заглавіемъ: «Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée» (тамъ же).

«Hern von Middendorff geognostische Beobachtungen auf seiner Reise durch Sibirien» («Bulletin de la classe physico-mathématique de l'Académie», 1848 г., т. VI).

«Reise nach dem Altai im Jahre 1834 ansgeführt von P. Helmersen», съ двумя картами (Бера и Гельмерсена Beiträge et c. 1848 г.).

«Geognostische Bemerkungen über die Halbinsel Mangyschlack, am östlichen Ufer des Kaspischen Meeres» («Bulletin de la classe physico-mathematique de l'Académie», 1848 г., т. VII).

«Geognostische Beobachtungen, bearbeitet von Helmersen» («Middendorffs Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens», 1848 г.).

«Разборъ сочиненія г. Вазинера подъ заглавіемъ: «Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe in Jahre 1842» («Отчетъ Импер. Академіи Наукъ о XVII присужденіи Демидовскихъ наградъ», Спб., 1849 г.).

«Aulosteges variabilis, новый родъ моллюсковъ съ членистымъ замкомъ, изъ отряда Brachiopodae, находящійся въ цехштейновой формаціи Россіи» («Горн. Журналъ», 1849 г., т. I).

«Разборъ сочиненія полковника Гофмана подъ заглавіемъ: «Reise nach den Goldwaschen Ostsibiriens» («Отчетъ Импер. Академіи Наукъ о XVIII присужденіи Демидовскихъ наградъ», Спб., 1850 г.).

«Отчетъ полковника Гельмерсена объ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ имъ по порученію Импер. Русск. Географическ. Общества въ 1850 году.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1889 году.
(ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться **въ 1889 году** на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе девять лѣтъ (1880—1888).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей, съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Въ 1889 году, въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ будутъ напечатаны, уже находящіеся въ распоряженіи редакціи: историческій романъ **графа Е. А. Саліаса**, историческія повѣсти **Д. Л. Мордовцева, П. Н. Полевого** и **Ѳ. Ѳ. Тютчева**; записки и воспоминанія: **Н. Я. Аѳанасьева, С. Б. Броневскаго, А. Я. Головачевой (Панаевой), В. Р. Зотова, Р. М. Зотова, Г. В. Карцева, Н. В. Кукольника, А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, А. В. Старчевскаго, И. Р. Тимченко-Рубана, А. С. Харламова** и др.; историческія статьи и очерки: **А. В. Арсеньева, В. А. Бильбасова, А. К. Бороздина, А. Г. Брикнера, Е. М. Гаршина, Б. Б. Глинскаго, К. П. Горбунова, М. И. Городецкаго, Н. А. Добротворскаго, И. И. Дубасова, Н. Е. Ермилова, Г. В. Есипова, П. П. Каратыгина, А. И. Кирпичникова, А. И. Корсакова, Д. А. Корсакова, А. П. Мальшинскаго, А. П. Милюкова, А. Н. Молчанова, А. И. Незеленова, Н. Н. Оглоблина, Е. Н. Опочинина, Н. И. Петрова, П. Н. Полевого, В. А. Потто, Е. В. Пѣтухова, М. С. Робуша, А. Н. Сиротинина, С. Т. Славутинскаго, Н. В. Сорокина, М. И. Сухомлинова, А. А. Танкова, С. С. Татищева, С. Н. Терпигорева, С. П. Тимоѳеева, А. А. Титова, А. С. Трачевскаго, С. Є. Трубачева, Ѳ. М. Уманца, Н. Н. Фирсова, В. В. Чуйко, В. И. Шенрока, Д. Д. Языкова, Д. И. Эварницкаго** и др.

Многія изъ статей названныхъ авторовъ будутъ **иллюстрированы** портретами и рисунками.

Въ приложеніи къ **„Историческому Вѣстнику“ 1889 года** будетъ печататься, въ переводѣ съ нѣмецкаго, **иллюстрированный** историко-бытовой романъ изъ эпохи XVII столѣтія, **Адольфа Глазера**, подъ заглавіемъ **„Мазаніелло“**.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“**.

ЦАРСКІЙ КРЕЧАТНИКЪ
Съ картины художника Литовченко.

Дозв. ценз., Спб., 25 ноября 1888 г.

АРАКЧЕЕВСКІЙ СЫНОКЪ[1]).

XLVIII.

УСПОКОЯСЬ, и прійдя въ себя, Шумскій обвелъ глазами обоихъ пріятелей и выговорилъ тверже.

— Возьмите, читайте вслухъ. Я не могу.

Онъ поднялъ упавшіе листки и передалъ ихъ Квашнину, который быстро началъ читать красивый и разборчивый почеркъ барона.

Письмо было чрезвычайно пространно и хотя толково написано, но витіевато и фигурно, съ претензіями на то, что очень любилъ баронъ — le style épistolaire. Вдобавокъ письмо было въ третьемъ лицѣ.

Баронъ писалъ, что не смотря на данное имъ слово и согласіе на бракъ дочери, онъ долженъ взять это слово назадъ и не только отказать г. Шумскому, но одновременно съ этимъ отказомъ согласиться на бракосочетаніе баронессы съ дальнимъ ихъ родственникомъ Фонъ-Энзе. Дѣйствовать такъ странно и необычно для дворянина, баронъ принужденъ вслѣдствіе чрезвычайно исключительныхъ обстоятельствъ. Фонъ-Энзе представилъ барону доказательства первостепенной важности того, что баронесса ни коимъ образомъ не должна стать женою г. Шумскаго.

Разъясненія этихъ едва вѣроятныхъ, подавляющихъ обстоятельствъ баронъ не желаетъ, такъ какъ оно поведетъ только къ огласкѣ и соблазну. Баронъ не удивится, если узнаетъ, что самъ

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIV, стр. 267.

г. Шумскій въ полномъ невѣдѣніи той причины, которая понуждаетъ его, барона, взять свое слово назадъ.

Баронесса Нейдшильдъ, дворянка, принадлежащая къ одному изъ древнѣйшихъ родовъ Финляндіи, она послѣдній отпрыскъ знаменитой и славной въ Шведской исторіи фамиліи Нейдшильдовъ, которые были въ родствѣ съ потомками Густава Вазы. И баронесса, какъ праправнука Вазы не имѣетъ права стать женою человѣка не равнаго съ ней происхожденія.

— Уй, батюшки!—невыдержалъ Ханенко,—Вазы-то зачѣмъ онъ приплелъ? До горшковъ дѣло дойдетъ...

Квашнинъ нетерпѣливо махнулъ рукой на капитана и продолжалъ читать:

Баронъ говорилъ, что поспѣшилъ дать свое согласіе на бракъ дочери съ г. Фонъ-Энзе для того, чтобы прекратить всякіе толки и скорѣе дать дочери законнаго заступника, такъ какъ онъ, въ его года, ужъ не можетъ рыцарски защищать дочь отъ злоязычія свѣтскаго.

Затѣмъ особенно пространно и очень осторожно баронъ намекалъ, что онъ въ настоящемъ невѣроятно-щекотливомъ случаѣ готовъ даже на крайность, готовъ отказаться, что когда-либо соглашался на бракъ баронессы съ Шумскимъ. Баронъ туманно объяснялъ, что въ случаѣ подобныхъ вопросовъ и разговоровъ въ обществѣ онъ будетъ отвѣчать, что никогда не соглашался на этотъ бракъ и что если г. Шумскій разсказалъ это кому-либо въ Петербургѣ, то это была... ошибка!

Баронъ прибавлялъ, что если баронъ Нейшильдъ дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ не совсѣмъ правильно, то онъ вынужденъ такъ поступать тѣми же поразительно-невѣроятными обстоятельствами, которыя г. Шумскому быть можетъ даже и невѣдомы. Въ концѣ письма баронъ просилъ избавить его отъ личнаго посѣщенія и отъ всякихъ объясненій и затѣмъ объявлялъ, что свадьба баронессы Евы послѣдуетъ въ очень скоромъ времени ради скорѣйшаго прекращенія всякихъ толковъ и пересудовъ въ обществѣ.

Письмо было подписано длинной строчкой: Густавъ-Эрикъ-Христіанъ, баронъ Фонъ-Нейдшильдъ, Голмъ-фонъ Голмквистъ,—Цуръ Олау.

Квашнинъ бросилъ письмо на столъ, а Ханенко выговорилъ, какъ бы продолжая титулованіе:

— Абра-кадабра, турска-курка, польска-цурка, сивая ковурка...

— Да, канитель,—замѣтилъ Квашнинъ.—Размазалъ, половины не поймешь.

— Нѣтъ, совершенно все понятно, — выговорилъ Шумскій глухо. — То что нужно знать, то понятно. Отказъ! А она женою Фонъ-Энзе.

И Шумскій вдругъ разразился хохотомъ, котораго его друзья

еще не разу не слыхали. Морозъ подралъ по кожѣ добродушнаго Квашнина.

— И неужели же,—воскликнулъ Шумскій,—всѣ они думаютъ, что она будетъ г-жею Фонъ-Энзе? Да не только его—я десять человѣкъ, двадцать человѣкъ убью. Я самое ее и себя застрѣлю—но никогда этой свадьбы не допущу.

Шумскій всталъ, началъ шарить въ комодѣ, потомъ въ письменномъ столѣ, потомъ раскрылъ шкафъ и на нижней полкѣ досталъ небольшой красный ящикъ. Раскрывъ его, онъ вынулъ пару пистолетовъ.

— Что ты хочешь дѣлать?—изумился Квашнинъ.

— Что вы?—вскрикнулъ и капитанъ.

— Заряжу сейчасъ одинъ изъ нихъ и возьму съ собой. Я заставлю его драться. Если онъ опять откажется, я ему приставлю пистолетъ ко лбу и положу на мѣстѣ.

Друзья стали успокоивать и уговаривать Шумскаго.

Онъ молчалъ, но отсыпалъ пороху, выбиралъ пули и не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Наконецъ, онъ обернулся къ нимъ и произнесъ совершенно спокойно, улыбаясь той улыбкой, которую такъ не любилъ Квашнинъ и которой такъ боялась мамка Авдотья.

— Полно же. Вѣдь вы какъ бабы какія судите. Вы точно ничего не видите и ничего не понимаете. Неужто это такъ мудрено понять? У человѣка отнимаютъ его жизнь. Онъ изъ чувства сохраненія этой жизни защищается. Фонъ-Энзе меня безъ ножа рѣжетъ и хочетъ дорѣзать. Надо же мнѣ себя защищать! Ну, я его и застрѣлю. Пойду я въ солдаты, или пойду въ каторгу, или въ Камчатку. Ну, чтожъ изъ этого! Неужели же тамъ хуже мнѣ будетъ, нежели здѣсь въ Петербургѣ сидѣть и видѣть счастіе супруговъ Фонъ-Энзе. А вѣдь эта нареченная г-жа Фонъ-Энзе для меня — все! Ужъ конечно больше и дороже того, что называютъ жизнью! Жизнь—комедія! Ну, да что!—махнулъ Шумскій рукой.— Не мѣшайте. Я не младенецъ, не мальчишка, и не выжившій изъ ума старикъ, и не безумный. Если я дѣйствую, то дѣйствую съ полнымъ разумомъ.

Шумскій быстро, но аккуратно зарядилъ пистолетъ, заколотилъ пулю, бросилъ было шомполъ, но затѣмъ подумалъ секунду, взялъ еще пулю и забилъ въ дуло—вторую.

— Эдакъ крѣпче будетъ,—разсмѣялся онъ сухимъ смѣхомъ.—Вы други мои, можете меня здѣсь обождать: черезъ часа полтора, два, все будетъ кончено—я пріѣду и объясню вамъ, что Фонъ-Энзе согласился драться со мной. Или же, если до сумерекъ я не вернусь, такъ вы разузнайте, гдѣ я. По всей вѣроятности буду арестованъ за убійство и буду гдѣ-нибудь сидѣть. А тамъ, дальше—что Богъ дастъ! Да почемъ знать! Можетъ быть, этотъ дуболомъ Аракчеевъ,

тятенька мой, схлопочетъ и меня выгородитъ. Онъ, да я, — мы не простые люди: намъ на Руси безобразничать можно, сколько душа приметъ. Только лады у насъ разные.

Шумскій спокойно одѣлся, положилъ пистолетъ въ карманъ сюртука, и бодро двинулся изъ квартиры. Друзья его стояли истуканами, переглядывались и не знали что дѣлать.

Когда Шумскій уже надѣвалъ шинель и спускался на крыльцо, Квашнинъ догналъ его и взволнованно вскрикнулъ:

— Михаилъ Андреевичъ! Еще разъ—подумай. Неходи съ легкимъ сердцемъ на такое дѣло!

— Я не съ легкимъ иду...—проговорилъ Шумскій, дѣлая надъ собой усиліе и хотѣлъ было что-то прибавить, но скулы его такъ затряслись, что онъ стиснулъ зубы и быстро спустился съ крыльца.

Взявъ извозчика, онъ выговорилъ съ трудомъ:

— На Владимірскую. Гони. Рубль.

Извозчикъ, знавшій барина Шумскаго, какъ и многіе ваньки Большой Морской, погналъ лошадь вскачь.

Черезъ нѣсколько минутъ молодой человѣкъ снова поднимался по лѣстницѣ въ квартиру улана, снова позвонилъ, и тотъ же латышъ отворилъ ему дверь.

— Баринъ? Фонъ-Энзе?—произнесъ Шумскій.

— Нѣту,—отозвался латышъ.

— Врешь!—и Шумскій двинулся.

— Ей-Богу нѣту! Стойте! Куда вы?!.

Шумскій ударомъ кулака сшибъ съ ногъ латыша и прошелъ въ квартиру. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отстегнулъ пуговицы сюртука и ощупалъ ручку пистолета, какъ бы примѣриваясь.

Онъ прошелъ двѣ-три комнаты, и вошелъ въ спальню улана— вездѣ было пусто. За спальней виднѣлась маленькая ясеневая дверка. Онъ подошелъ къ ней, оттолкнулъ ее, и глазамъ его представилась крошечная комнатка, въ которой не было ничего особеннаго: въ одномъ углу умывальный столъ, въ другомъ — столъ съ рапирами и масками. Но переведя глаза направо, Шумскій вскрикнулъ и невольно попятился, шагнулъ назадъ какъ отъ привидѣнія.

— О-о! — тихо протянулъ онъ, какъ если бы получилъ сильный ударъ въ грудь или былъ раненъ.

Въ этомъ протяжномъ звукѣ сказалось много муки—физической и нравственной боли.

То, что нежданно бросилось въ глаза Шумскому, имѣло для него громадное пояснительное значеніе. Со стѣны, въ красивой деревянной рамѣ изъ пальмоваго дерева, подъ стекломъ, смотрѣла на него Ева.

Но этотъ портретъ, былъ его портретъ, его—Шумскаго, его работы! Стало быть онъ наемнымъ живописцемъ писалъ съ нея порт-

ретъ для ея возлюбленнаго. Очевидно, что она, и быть можетъ даже тайкомъ отъ барона, подарила улану этотъ портретъ.

Прошло нѣсколько мгновеній, Шумскій шагнулъ къ стѣнѣ, схватилъ что-то тяжелое, попавшееся подъ руку и сильными ударами началъ разбивать стекло въ дребезги. Осколки стеколъ сыпались и падали на полъ, жалобно дребезжали, звенѣли и эхо разносилось по всей пустой квартирѣ, дико отдаваясь въ ушахъ Шумскаго.

Какая-то фигура что-то кричала, вопила около него, сильная рука уцѣпилась за его плечи. Онъ обернулся, схватилъ эту фигуру и почти непонимая, что это латышъ-лакей, вышвырнулъ его въ другую комнату, вернулся и снова принялся за работу. При помощи ножницъ, взятыхъ со стола, Шумскій быстро вырѣзалъ изъ рамы портретъ, свернулъ его трубкой и двинулся быстро изъ квартиры.

Лакей снова бросился было къ нему, какъ бы собираясь отнять свернутый листъ, но достаточно было одного движенія Шумскаго, чтобы латышъ отскочилъ.

XLIX.

Шумскій вышелъ на улицу и тихо двинулся пѣшкомъ. Ему хотѣлось успокоиться. Ему хотѣлось, чтобы та буря, которая поднялась на душѣ, улеглась. Этотъ портретъ его работы, найденный въ квартирѣ улана, былъ для него вторымъ ударомъ и такимъ же какъ письмо барона: тамъ узналъ онъ, что Ева не будетъ его женой, а теперь онъ почти такъ же вѣрно узналъ, что Ева любитъ Фонъ-Энзе.

«Но зачѣмъ же дала она мнѣ свое согласіе? Вѣдь она согласилась. Вѣдь она протянула мнѣ руку. И когда же это было! Вѣдь не полгода назадъ, не недѣлю. А между тѣмъ мнѣ, право, кажется, что это было чуть не годъ назадъ».

Не смотря на смуту въ душѣ, Шумскій замѣтилъ, что небольшой накрапывавшій дождь становится все сильнѣй, и онъ сразу сообразилъ, что измочитъ вырѣзанный портретъ, а взявъ его подъ шинель, изомнетъ.

Въ ту же минуту ему попала на глаза вывѣска офицерскихъ вещей. Это былъ его поставщикъ. Шумскій тотчасъ же вошелъ въ магазинъ. Хозяинъ, узнавъ его голосъ, выскочилъ изъ сосѣдней комнаты и подобострастно сталъ кланяться, ожидая заказа.

— Я съ просьбой,— глухо заговорилъ Шумскій.—Пожалуйста, вотъ это — спрячте у себя. Вечеромъ я пріѣду, возьму. Пожалуйста, чтобы никто не видалъ. Вы аккуратный, честный нѣмецъ, вамъ я довѣряю.

Хозяинъ магазина, пораженный лицомъ и голосомъ Шумскаго, сдѣлалъ сейчасъ же самую подобострастно многозначительную фи-

зіономію и такъ принялъ изъ рукъ Шумскаго свернутый листъ, какъ бы принималъ младенца отъ купели, или же — патентъ изъ рукъ министра. Онъ протянулъ руки, нагибаясь въ поясъ, благоговѣйно взялъ свернутый листъ и понесъ его къ себѣ, какъ бы боясь разсыпать все или разбить.

Тамъ, въ другой комнатѣ, аккуратный нѣмецъ тотчасъ же, даже не глядя, положилъ портретъ въ комодъ, заперъ его на ключъ и долго соображалъ, куда дѣвать ключъ отъ довѣреннаго сокровища.

Шумскій въ это время уже снова ѣхалъ по Невскому.

— Гдѣ же, гдѣ искать? гдѣ искать?—повторялъ онъ вслухъ и такъ часто, что извозчикъ обернулся и выговорилъ:

— Кого то-ись? Вы это мнѣ?

— Пошелъ! Гони!—вскрикнулъ Шумскій.

Извозчикъ началъ хлестать по лошади, но, наконецъ, обернулся снова къ Шумскому выговорилъ:

— Все прямо, аль куда завернете?

— Тебѣ сказано куда!—крикнулъ Шумскій.

— Никакъ нѣтъ, баринъ, ничего вы мнѣ не сказали.

— Гони!—повторилъ Шумскій и сталъ думать, куда въ эту пору могъ выѣхать Фонъ-Энзе.

«Навѣрное въ томъ трактирѣ, гдѣ уланы бываютъ,—подумалъ онъ.—Тогда не нашелъ, а теперь, сегодня, мнѣ будетъ удача! Чую, что мнѣ будетъ удача».

— На углу Конюшенной остановись,—сказалъ онъ.

Минутъ черезъ пять Шумскій вошелъ въ ресторанъ, гдѣ сидѣло много народу—человѣкъ по крайней мѣрѣ шестьдесятъ; большинство были офицеры разныхъ полковъ и въ томъ числѣ три-четыре улана. Оглядывая всѣхъ пристально и злобно, онъ прошелъ во вторую горницу, гдѣ было еще нѣсколько человѣкъ офицеровъ и затѣмъ, прошелъ въ третью, но она оказалась пустой.

«Куда же я теперь поѣду?—Лучше весь день здѣсь ждать, онъ всякій день бываетъ тутъ».

Шумскій вернулся въ первую комнату, сѣлъ около маленькаго столика и на предложеніе услугъ лакея отвѣтилъ раздражительно.

— Ничего! Отстань!

Онъ оперся локтями на столъ и казался всѣмъ окружающимъ, человѣкомъ тревожно и глубоко задумавшимся. Но онъ ни о чемъ не думалъ. Въ его головѣ крутились какія-то обрывки мыслей безъ всякой связи между собой.

Но вдругъ онъ вздрогнулъ и вскочилъ какъ отъ электрическаго удара и двинулся впередъ.

Передъ нимъ явилась фигура Фонъ-Энзе.

Шумскій подошелъ къ улану вплотную и выговорилъ:

— Наконецъ-то!

Это слово произнесено было глухимъ голосомъ, но все, что было

въ ресторанѣ, двинулось, а нѣкоторые повскакали съ мѣстъ. Люди, прислуживавшіе публикѣ, тоже сразу остановились. Всѣ замерли.

— Что вамъ?—тихо отозвался Фонъ-Энзе.

— Женихъ ли вы ея?—выговорилъ Шумскій черезъ силу, такъ какъ чувствовалъ, что дыханіе ему захватываетъ.

— Да,—отозвался Фонъ-Энзе и сталъ къ Шумскому бокомъ, плечемъ къ его лицу и насторожѣ.

— Что вы вчера налгали барону на меня?— Отвѣчайте сейчасъ.

— Оставьте меня,—глухо отозвался Фонъ-Энзе,—или вы—погибшій человѣкъ! Я скажу одно слово, и вы—погибшій. Здѣсь много народу. Я здѣсь, при всѣхъ скажу. Уйдите, я напишу вамъ, объясню. Если же вы пальцемъ двините, я васъ уничтожу...

— Ахъ, ты собака!—прошепталъ Шумскій такъ тихо отъ спазмы въ горлѣ, что никто, кромѣ Фонъ-Энзе не могъ разслышать.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ схватилъ и тресъ улана за бортъ сюртука. Фонъ-Энзе отмахнулся ударомъ кулака, не столько сильнымъ, сколько искуснымъ, и Шумскій невольно выпустилъ его и едва устоялъ на ногахъ.

— Я хочу драться. Ты будешь драться со мной!—задыхаясь, выговорилъ онъ.—Негодяй и клеветникъ!

Фонъ-Энзе вспыхнулъ и крикнулъ громко:

— Съ тобой? Сказано—никогда! Теперь менѣе чѣмъ когда-либо. Я не могу драться съ подкидышемъ! Да, дерзкій и распутный блазень и шатунъ. Ты—подкидышъ! Я тебѣ здѣсь объявляю и всѣмъ буду сказывать, что любовница графа Аракчеева купила крѣпостного мальчишку и выдала его за своего ребенка. И вотъ ты ходишь подъ названіемъ Аракчеевскаго сынка. Ты—безродный подкидышъ—безъ отца, безъ матери. И не съ тобою идти на поединокъ дворянину и офицеру съ незамараннымъ именемъ.

Шумскій стоялъ ошеломленный, почти не видя ничего. Слова улана были нѣсколькими тяжелыми ударами по головѣ его и будто оглушили его. Слова эти однако—безсмыслица! Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой безсмыслицѣ чудится ему «что-то», что̀ онъ уже давно, давно знаетъ, хотя слышитъ теперь въ первый разъ въ жизни. Это «что-то» всегда вѣдь было въ немъ, но было едва видимо, а теперь сразу выросло въ нѣчто огромное, ясно видимое, тяжелое, давящее...

Да, это ложь, безсмыслица, глупость, клевета. Онъ все это слышитъ въ первый разъ, но нисколько не удивленъ! Все это, однако, схватило его, давитъ и вотъ сейчасъ раздавитъ въ прахъ.

— Послѣдній разъ... Я хочу драться! — заговорилъ Шумскій безсмысленнымъ голосомъ, чувствуя, что теперь дуэль уже нѣчто второстепенное, глупое, пустое... Все перевернулось, спуталось...

Онъ снова подступилъ къ улану, и тотчасъ засунулъ руку въ карманъ сюртука, гдѣ былъ пистолетъ.

Фонъ-Энзе поднялъ кулакъ и крикнулъ:

— Возьмите! Я убью его.

— Нѣтъ, врешь... Я...

И Шумскій вдругъ полусознательно увидалъ себя и улана среди кучки обступившихъ ихъ людей. Быстро вытащилъ онъ пистолетъ, вытянулъ руку, и дуло въ одно мгновенье было уже у самаго виска Фонъ-Энзе. Но выстрѣла не послѣдовало. Что-то тяжелое налегло на Шумскаго со всѣхъ сторонъ.

Только впослѣдствіи сообразилъ онъ, что это были десять рукъ, схватившихся и за пистолетъ, и за него. Другія сильныя руки обхватили его сзади и оттащили отъ улана.

Когда Шумскій вполнѣ пришелъ въ себя, онъ сидѣлъ на диванчикѣ. Ресторанъ на половину опустѣлъ. Онъ вскочилъ съ мѣста, и тотчасъ же два лакея двинулись къ нему, какъ бы намѣреваясь схватить его.

— Прочь!—вскрикнулъ онъ и бросился въ слѣдующую горницу. Но тамъ было пусто. Не только Фонъ-Энзе, но ни одного офицера не оставалось въ ресторанѣ. Вѣроятно не одну минуту просидѣлъ онъ ошеломленный словами своего соперника.

Шумскій надѣлъ шинель, вышелъ на улицу, но тотчасъ же снялъ киверъ и, не смотря на проливной дождь, двинулся съ обнаженной головой. И только черезъ нѣсколько мгновеній, благодаря крупной сѣти свѣжаго дождя, въ головѣ его стало проясняться. Онъ вспомнилъ все, что произошло, понялъ что сейчасъ былъ самъ не свой, оглушенъ ударомъ, отуманенъ, будто въ полуобморокѣ. И чѣмъ больше, чѣмъ ярче вспоминалось Шумскому все слышанное имъ, тѣмъ спокойнѣе становился онъ. Но спокойствіе это не просто, какъ всегда входило въ него, а врывалось въ душу болью, захватывало сердце, леденило тѣло. Когда Шумскій, спокойный на видъ, взялъ извозчика и сѣлъ, то ему показалось, что не онъ ѣдетъ въ пролеткѣ, а сидитъ какой-то другой человѣкъ, какой-то деревянный, глупый, безчувственный, безсмысленный. И этотъ человѣкъ захваченъ! И не спокойствіемъ захваченъ, а какимъ-то звѣремъ, который влѣзъ въ него и ворочается въ немъ. И вся жизнь сосредоточивается въ этомъ звѣрѣ, который называетъ себя спокойствіемъ. А онъ, этотъ человѣкъ, только какая-то клѣтка или какой-то деревянный футляръ для этого большого, сильнаго, злобнаго звѣря — спокойствія.

«Подкидышъ!» — постоянно кричитъ голосъ. Но это не Фонъ-Энзе кричитъ, это онъ самъ. Нѣтъ, и не онъ. Это захватившій его злобный звѣрь кричитъ.

«Подкидышъ!» Вѣдь это же безсмыслица? Нѣтъ, это сущая правда. Онъ этого никогда не зналъ! Онъ это всегда зналъ! Оно было въ немъ съ дѣтства, но маленькое, крошечное... Это была черная точка, или это былъ прыщикъ. А теперь это огромная, зу-

дящая, страшная язва! Изъ нея кровь течетъ, изъ нея гной идетъ!

И эта язва становится все шире. Скоро она захватитъ все его тѣло, и ничего не останется.

L.

Въ то же время Квашнинъ и Ханенко сидѣли въ кабинетѣ Шумскаго молча и понурившись. Квашнинъ изрѣдка вздыхалъ, но не подымалъ головы, а капитанъ сильно сопѣлъ и безсознательно перебиралъ пальцами по своимъ толстымъ колѣнкамъ, какъ бы играя на фортепьянахъ. Изрѣдка подбросивъ одни кисти рукъ, онъ ударялъ сразу всѣми пальцами трелью, какъ по клавишамъ и приговаривалъ однозвучно:

— Д-да-съ, батенька. Исторія!..

Затѣмъ онъ снова принимался сопѣть и думать, снова начиналъ играть на колѣнкахъ и снова подпрыгивали руки, и капитанъ протяжно, выпустивъ изъ себя духъ, опять произносилъ:

— И-сто-рі-я-съ!

Каждый разъ, что раздавался стукъ экипажа, оба подымали головы и глядѣли въ окно.

Наконецъ, раздался стукъ колесъ ближе къ окошкамъ и оба офицера вскочили. Это былъ Шумскій. Оба быстро вышли въ переднюю.

— Не палилъ! Не пáлилъ! Слава тебѣ, Господи! — произнесъ капитанъ. — Кабы палилъ, домой бы не пріѣхалъ.

Васька, который сидѣлъ, вѣроятно, тоже на чеку, отворилъ дверь, прежде чѣмъ Шумскій успѣлъ позвонить.

Когда молодой человѣкъ вошелъ въ прихожую, оба пріятеля, собиравшіеся спросить что-нибудь, не вымолвили ни слова. Они никогда не видали лица Шумскаго такимъ искаженнымъ.

Шумскій двинулся мимо нихъ въ комнату, какъ если бы не замѣчалъ ихъ. Они пошли за нимъ.

Шумскій, на видъ, совершенно спокойно и обыкновенно разстегнулъ сюртукъ и сбросилъ его съ себя на стулъ. Оба офицера замѣтили, что пистолета въ сюртукѣ нѣтъ.

— Убилъ, что ли?—проговорилъ Квашнинъ совершенно дрожащимъ голосомъ.

Шумскій взглянулъ на пріятеля совершенно безсмысленными глазами и сталъ что-то искать въ горницѣ. Онъ бродилъ по комнатѣ, какъ пьяный или сонный. Нечаянно, будто ощупью, задвигалъ онъ руками по подставкѣ, гдѣ были всегда трубки съ набитымъ табакомъ, взялъ одну изъ нихъ и сталъ опять стеклянными глазами водить вокругъ себя.

Квашнинъ зажегъ спичку. Шумскій протянулъ къ нему конецъ

трубки, какъ дѣлалъ это всегда съ Васькой. Затѣмъ, раскуривъ, онъ сталъ двигаться по комнатѣ.

Оба офицера были столько же смущены и встревожены, стоя истуканами среди горницы, на сколько Шумскій казался естественно и просто спокойнымъ.

Однако, капитанъ Ханенко уже думалъ «не свихнулся ли онъ? Больно чуденъ!»

Онъ взглянулъ Квашнину въ глаза, и Квашнинъ будто понялъ мысль капитана.

— Михаилъ Андреевичъ!—подошелъ онъ къ Шумскому и положилъ ему руку на плечо.—Сядь.

Шумскій поглядѣлъ на него и послушно, какъ ребенокъ, сѣлъ на ближайшее кресло и началъ тянуть дымъ изъ трубки. И оба пріятеля замѣтили, что онъ какъ-то странно тянетъ дымъ. Точно будто ребенку дали въ руки трубку и заставили его дѣлать нѣчто, смыслъ чего онъ не понимаетъ.

Но затѣмъ Шумскій вдругъ опустилъ руки, чубукъ вывалился и трубка упала на полъ. Онъ задумался. Потомъ онъ поднялъ обѣ руки и сталъ тереть себѣ лобъ и виски. Оба офицера сѣли близь него и тревожно смотрѣли на него. Нѣсколько разъ принимался Шумскій тереть лобъ, ерошить волосы, потомъ потянулъ себя за воротъ, оборвалъ галстукъ и бросилъ его на полъ.

Квашнинъ догадался, налилъ стаканъ воды и подалъ ему. Шумскій взялъ и выпилъ съ такимъ видимымъ наслажденіемъ, какъ если бы умиралъ отъ жажды. Квашнинъ, ни слова не говоря, взялъ стаканъ, налилъ еще воды и снова подалъ, а когда тотъ опять выпилъ все до дна, онъ хотѣлъ-было взять стаканъ изъ опущенной руки, но Шумскій не давалъ. Чрезъ мгновеніе безсознательно онъ выпустилъ его изъ руки. Стаканъ скользнулъ, ударился объ полъ, зазвенѣлъ и разбился въ дребезги. Шумскій сильно вздрогнулъ и выпрямился на стулѣ.

Этотъ звукъ былъ особо знакомый звукъ, и коснулся прямо сердца! Этотъ звукъ дребежащаго стекла напомнилъ что-то. Въ этомъ звукѣ, сразу, какъ бы въ какомъ-то сіяніи, явилась предъ его глазами, красавица. Это она, Ева! Она, которую онъ тщательно, съ любовью, съ страстью, создалъ вновь цвѣтными карандашами на бумагѣ.

И тотчасъ же этотъ,—въ звукѣ возникшій,—образъ дѣвушки, съ серебристыми волосами, съ чудными глазами, умиротворяюще подѣйствовалъ на Шумскаго. Онъ вздохнулъ глубоко, поднялъ глаза, и его друзья сразу увидѣли перемѣну во взглядѣ.

— Михаилъ Андреевичъ, что съ тобой?—заговорилъ Квашнинъ, сразу понявъ, что пріятель теперь пришелъ въ себя.

Шумскій вздохнулъ, провелъ рукой по лбу и выговорилъ:

— Голова тяжела. Вотъ теперь ничего не помню, чудное дѣло.

Какъ я сюда попалъ: будто съ неба свалился. Должно быть сильно хватилъ онъ меня.

— Да что было-то?—выговорилъ Ханенко.

Шумскій молчалъ, вздохнулъ, но затѣмъ, взглянувъ поочередно на Квашнина и на капитана, выговорилъ совершенно другимъ и спокойнымъ голосомъ:

— Вы меня простите. Я васъ буду просить. Вы уѣзжайте. Я теперь не могу ни о чемъ говорить. Мнѣ хочется одному побыть, такъ вотъ полежать, подумать, покурить.

Шумскій улыбнулся, а вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ:

«Какъ я хорошо говорю! Какія слова выходятъ! Нѣтъ, это совсѣмъ не я, это онъ, деревянный человѣкъ такъ хорошо ротъ разѣваетъ».

— Мы тебя оставимъ, только ты ложись въ постель,—услыхалъ онъ голосъ Квашнина.

— Да, да, я сейчасъ лягу. А вы поѣзжайте.

— Стало быть, ничего не было?—выговорилъ Ханенко.

— Ничего, ничего. Совсѣмъ ничего.

— Пистолетъ-то гдѣ же?

Шумскій улыбнулся странной улыбкой, но добродушной.

— Отняли,—произнесъ онъ.

— Какъ отняли?

— Да.

— Ну, и слава Богу,—махнулъ рукой Квашнинъ и подморгнулъ капитану—бросить разговоръ.

Офицеры собрались и взялись за свои кивера. Ханенко былъ даже радъ поскорѣе добраться домой послѣ скверно проведенной ночи и тровожнаго дня.

Когда капитанъ уже былъ въ столовой, выходившій за нимъ Квашнинъ вернулся назадъ, подошелъ къ Шумскому и повторилъ:

— Ложись въ постель, а я, пожалуй, въ сумерки пріѣду.

— Да, — вдругъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ отозвался Шумскій,—да, Петя, пріѣзжай въ сумерки, пріѣзжай, надо: ты мнѣ скажешь — ты добрый, ты меня любишь — ты скажешь, зарѣзалъ, или не зарѣзалъ.

— Что ты! кого?

— Ты скажешь, ты узнаешь въ Петербургѣ и скажешь—а я не знаю—зарѣзалъ онъ меня или нѣтъ, кажется, сдается—да.

— Фу, ты, Господи!—произнесъ Квашнинъ, какъ бы себѣ самому и растопырилъ руками. Онъ не зналъ, что ему дѣлать, уѣзжать или оставаться.

— Ну, слушай, Михаилъ Андреевичъ: часа черезъ два я уже буду здѣсь, а ты,—будь другъ,—ложись въ постель.

— Да, хорошо,—отозвался Шумскій.

Квашнинъ вышелъ въ противоположную дверь, прошелъ въ коридоръ и крикнулъ Шваньскаго. Его не оказалось дома.

— Чортъ бы его взялъ!—выговорилъ Квашнинъ. — Таскается, когда не нужно. Василій! приглядывай за бариномъ, онъ что-то не хорошъ, будто не по себѣ. Уложи-ко его въ постель, а я черезъ часа полтора буду здѣсь.

Квашнинъ вышелъ въ прихожую, гдѣ его дожидался Ханенко и оба вмѣстѣ вышли на улицу.

— А вѣдь онъ свихнулся, — проговорилъ Ханенко. — Вѣдь онъ почти и совсѣмъ безумнымъ выглядываетъ.

— Нѣтъ, капитанъ, это пройдетъ. Онъ силенъ, у него все сильно—и руки, и разумъ. Его такъ легко не сломаешь.

— Но что же такое могло съ нимъ быть; что́ огорошило?

— Я къ нему черезъ часа полтора вернусь. Успокоится—разскажетъ. А вы бы вечеромъ пріѣхали?

— Съ удовольствіемъ,—отозвался капитанъ,—только вотъ что, до вечера-то пожалуй его уже успѣютъ заарестовать.

— За что?

— Какъ за что? Вы развѣ вѣрите, что онъ ничего не натворилъ?

Квашнинъ не отвѣтилъ и сдѣлалъ движеніе рукой, говорившее: «Нѣтъ, тутъ что-то не то»!..

Офицеры разстались и разошлись въ разныя стороны.

LI.

Квашнинъ былъ на столько взволнованъ всѣмъ, что случилось съ пріятелемъ и въ особенности отказомъ барона, что теперь вдругъ невольно задалъ себѣ вопросъ:

«Что же—такъ его оставлять? Не помочь, чѣмъ можно? Стало быть поступить, какъ и всѣ эти блюдолизы? Кутить на его счетъ умѣли, а теперь, хоть годъ свисти, никого ихъ не досвищешься. Надо помочь».

Но Квашнинъ остановился въ недоумѣніи. Онъ не зналъ, что онъ можетъ сдѣлать. И вдругъ внезапная мысль осѣнила его. Не поѣхать ли ему въ качествѣ друга тотчасъ же къ барону и просить словеснаго объясненія, такъ какъ посланіе его чрезвычайно темно и ничего не объясняетъ.

«Пускай онъ мнѣ прямо скажетъ все, назоветъ причину, которая понудила его на такой рѣзкій шагъ».

Квашнинъ рѣшился сразу. Съѣздивъ домой, онъ надѣлъ новый мундиръ и менѣе чѣмъ черезъ часъ послѣ того, что онъ вышелъ отъ Шумскаго, онъ уже входилъ въ домъ барона.

Человѣкъ пошелъ докладывать. Квашнинъ, назвавшись человѣку, велѣлъ прибавить, что онъ является по весьма важному дѣлу.

Баронъ, узнавъ, что имѣетъ дѣло съ гвардейскимъ офицеромъ, приказалъ просить къ себѣ въ кабинетъ.

Уже двигаясь черезъ столовую, Квашнинъ вдругъ вспомнилъ нѣчто и невольно остановился. Вѣдь онъ когда-то бесѣдовалъ съ барономъ, изображая изъ себя Шумскаго.

«Ну, все равно,—подумалъ онъ,—теперь ужъ не до того».

Когда офицеръ переступилъ порогъ кабинета, баронъ двинулся къ нему и приглядѣвшись, пріостановился. Онъ вспомнилъ лицо этого молодого человѣка, это тотъ самый, который когда-то игралъ съ нимъ комедію, назвавшись Шумскимъ. И у барона тоже явилась та же мысль: «не до того».

За то баронъ тотчасъ же догадался по какому дѣлу и отъ кого является офицеръ. Онъ поэтому не счелъ возможнымъ подать руку и сухо попросилъ садиться.

— Вы, конечно, отъ г. Шумскаго?—произнесъ Нейдшильдъ.

— Нѣтъ, баронъ. Я являюсь по его дѣлу, но онъ не знаетъ, что я теперь у васъ.

— Можетъ быть,—отозвался этотъ равнодушно.

Квашнинъ немножко выпрямился и выговорилъ:

— Я утверждаю, баронъ, что Шумскій не знаетъ, что я рѣшился быть у васъ. Я не понимаю, по какому праву вы считаете возможнымъ мнѣ не вѣрить.

— Я имѣю право господинъ офицеръ не вѣрить словамъ молодыхъ людей, принадлежащихъ къ тому кружку гвардейцевъ, гдѣ все считается позволительнымъ. Если имъ возможно мѣнять свои фамиліи, надѣвать разные костюмы, являться въ дома и принимать у себя подъ разными личинами и, вообще, играть всякія комедіи, то ужъ говорить имъ...

Баронъ не договорилъ и слегка пожалъ плечами, какъ бы удивляясь, что молодой человѣкъ еще имѣетъ претензію обижаться.

— Но оставимте въ сторонѣ вопросъ,—продолжалъ баронъ,— имѣлъ ли я право такъ отнестись къ вашимъ словамъ или вообще относиться такъ къ вамъ, къ господину Шумскому и вамъ подобнымъ. Объясните, пожалуйста, кратко, какая причина заставляетъ меня принимать васъ у себя.

— Я явился, баронъ, узнать какой поводъ вы имѣли, чтобы въ короткій промежутокъ времени согласиться на предложеніе моего друга и тотчасъ же написать ему письмо съ отказомъ. И мало того—по слухамъ, баронесса уже невѣста другого. Что могло случиться за нѣсколько часовъ времени?

Баронъ помолчалъ, потомъ поднялъ свои свѣтлые, честные глаза на Квашнина и вымолвилъ:

— Вы не знаете этой причины? Полагаю, что вы должны ее знать, что вы знаете многое изъ того, что я узналъ вдругъ неожиданно.

— Если бы я зналъ, баронъ, то я бы и не явился васъ спрашивать.

— Вы другъ господина Шумскаго?

— Точно такъ-съ

— Давнишній?

— Да-съ.

— И вы не знаете, кто господинъ Шумскій? Странно!

— Какъ кто!—удивляясь отозвался Квашнинъ,—вы сами назвали его.—Шумскій, флигель-адъютантъ, артиллерійскій офицеръ, сынъ графа Аракчеева,—не прямой, но за то единственный и любимецъ. А такъ какъ графъ Аракчеевъ всесильный сановникъ въ государствѣ, то очевидно, что Шумскому предстоитъ быть по соизволенію государя—графомъ Аракчеевымъ и наслѣдовать все состояніе отца.

— Все, что вы изволите говорить,—отозвался баронъ,—я тоже думалъ. Иначе я никогда бы не далъ своего согласія... Но все это оказывается только однимъ—какъ бы это сказать—un mirage... вы говорите пофранцузски?

— Нѣтъ-съ, не говорю,—нетерпѣливо отозвался Квашнинъ,—и слова этого не понимаю. Вранье—хотите вы сказать?

— Нѣтъ, не совсѣмъ вранье, а... un mirage. Все это такъ казалось. Можетъ быть и самому господину Шумскому все это казалось, и теперь даже кажется. Я почти увѣренъ, что Шумскій дѣйствительно не знаетъ самъ ничего и только вѣроятно теперь узнаетъ то, что многіе уже знаютъ.

— Баронъ, я ничего не понимаю. Потрудитесь объясниться просто, а не загадками. Вы сами желали, чтобы бесѣда наша была короткая.

— Господинъ Шумскій,—выговорилъ баронъ, какъ будто слегка вспыливъ,—неизвѣстно кто, и что, и откуда. Онъ не сынъ Аракчеева, а подкинутый младенецъ. Кто его отецъ и мать—никому неизвѣстно.

Квашнинъ только слегка сдвинулъ брови и, помолчавъ мгновеніе, отвѣтилъ тихо:

— Это, баронъ, безобразная петербургская сплетня, вражеская клевета, про которую не стоитъ говорить. Кому же лучше знать—Аракчееву самому или намъ съ вами—кто Шумскій? И какимъ образомъ человѣкъ въ положеніи графа Аракчеева станетъ называть и даже станетъ любить чужого ребенка?

— Да поймите,—воскликнулъ баронъ,—что онъ самъ обмануть! Самъ Аракчеевъ. Только двѣ женщины знаютъ, кто Шумскій—любовница графа и какая-то нянька, которая даже была у меня въ домѣ.

— Но позвольте, баронъ. Откуда все это дошло до васъ?

— Мнѣ передалъ все мой родственникъ, молодой человѣкъ, котораго я очень люблю и за котораго всегда думалъ отдать дочь.

— Фонъ-Энзе?—произнесъ Квашнинъ.

— Да, Фонъ-Энзе.

— Гдѣ же онъ подобралъ эту клевету?

— Онъ узналъ все это отъ дѣвушки, которая жила у насъ, которую зовутъ Пашутой, и она же была у меня сегодня утромъ и мнѣ подробно разсказала всю исторію происхожденія господина Шумскаго. И неужели вы думаете, что я бы основалъ мое рѣшеніе отказать принятому жениху, если бы не было у меня вѣрныхъ свѣдѣній?

— Но почему же,—возразилъ улыбаясь Квашнинъ,—крѣпостная дѣвушка Аракчеева знаетъ то, чего никто не знаетъ?

— Она узнала это отъ одной женщины, которая была взята въ домъ Аракчеева почти со дня рожденія Шумскаго. Кому же знать лучше, какъ не ей! Она все разсказала Пашутѣ, и даже передала много подробностей, которыхъ Пашута не хочетъ покуда разсказывать.

— И вы всему этому вѣрите?

— Совершенно,—отозвался баронъ.—И согласитесь, что всякій въ моемъ положеніи, не смотря на скандалъ, немедленно взялъ бы свое слово назадъ. Если бы я зналъ, что графъ Аракчеевъ знаетъ эту тайну и все-таки желаетъ считать господина Шумскаго своимъ сыномъ, все-таки пожелаетъ сдѣлать его наслѣдникомъ своего имени и состоянія, то тогда признаюсь вамъ...

Баронъ пожалъ плечами и прибавилъ:

— Не знаю, какъ бы я поступилъ. Побочный сынъ или пріемышъ—что лучше? По моему пріемышъ лучше. Еслибы графъ, хотя бездѣтный, хотѣлъ имѣть сына, то лучше было бы, честнѣе было бы, взять пріемыша и воспитать, нежели, будучи уже женатымъ, прижить ребенка съ какой-то женщиной. Ну, да это все,—прибавилъ баронъ,—разсужденія, къ дѣлу не идущія. Я хотѣлъ сказать, что когда я писалъ письмо господину Шумскому, мною руководила увѣренность, что самъ графъ Аракчеевъ обманутъ, ничего не знаетъ, а что теперь, когда все раскроется, графъ самъ прогонитъ отъ себя своего обманнымъ образомъ полученнаго подкидыша. И тогда—представьте себѣ мое положеніе, мое, барона Нейдшильда, потомка древнѣйшаго шведскаго рода, человѣка, коего предки отличились во времена Карла XII, одинъ изъ нихъ даже...

— Но кто же вамъ сказалъ,—перебилъ Квашнинъ,—что графъ самъ обманутъ?

— Даже Густавъ-Адольфъ,—продолжалъ баронъ упрямо и не слушая,—въ бытность свою...

— Но отъ кого же вашъ Густавъ-Адольфъ могъ это узнать,— возразилъ Квашнинъ.

Баронъ вытаращилъ глаза на Квашнина, потомъ сообразилъ и вымолвилъ съ иронической усмѣшкой:

— Вамъ, кажется, неизвѣстно, кто такой Густавъ-Адольфъ.

— Почему же оно должно быть мнѣ извѣстно. Я знаю двоихъ, Фонъ-Энзе и Мартенса, но больше ни одного изъ офицеровъ нѣмцевъ не знаю.

Баронъ собрался было разъяснить недоразумѣніе, но потомъ легко дернулъ плечомъ и прибавилъ:

— Мы, кажется, объяснились. Я не могу согласиться отдать свою дочь за молодого человѣка, который завтра будетъ существовать однимъ своимъ артиллерійскимъ жалованьемъ и сдѣлается для Петербурга la bête noire. Вѣдь на него всѣ будутъ пальцемъ показывать. Наконецъ, легко быть можетъ, что государь, узнавши, кто этотъ молодой человѣкъ, лишитъ его званія флигель-адъютанта. Хорошаго пріобрѣлъ бы тогда зятя баронъ Нейдшильдъ!

Въ это мгновенье Квашнинъ уже думалъ о другомъ. Онъ собирался спросить нѣчто, о чемъ думалъ еще дорогой къ барону. Ему хотѣлось узнать одно обстоятельство, крайне важное для самого Шумскаго.

— Согласитесь ли вы, баронъ, отвѣчать мнѣ на одинъ вопросъ, нѣсколько щекотливый? Отвѣчая на него правду, вы бы крайне меня обязали.

— Если можно, отвѣчу. Если отвѣчу, то правду. Если не захочу сказать правды, промолчу. Я не изъ породы комедіантовъ,— прибавилъ баронъ, прищуривъ глаза и говоря ими: «я не ты и твои пріятели-скоморохи».

— Идетъ ли ваша дочь замужъ за Фонъ-Энзе по своему желанію или по вашему приказанію? Простите, я выражусь прямо: къ кому больше склонна баронесса—къ Фонъ-Энзе или къ Шумскому?

— Баронесса,—отозвался Нейдшильдъ,—молодая дѣвушка, привыкшая почитать и уважать своего отца и слушаться его совѣтовъ, полагаться на его опытность. Но во всякомъ случаѣ, баронесса такъ воспитана, что прежде, чѣмъ быть молодой дѣвушкой, она, понимаете ли, avant tout—баронесса Нейдшильдъ. Она точно такъ же обязана предъ своими предками...

Но при словѣ «предки» Квашнинъ уже нетерпѣливо задвигалъ руками и ногами. Эти предки, путаясь въ его бесѣду съ барономъ, до такой степени раздразнили его, что мягкій Квашнинъ готовъ былъ разругать ихъ всѣхъ самыми крѣпкими словами.

— Изъ вашихъ словъ,—выговорилъ Квашнинъ умышленно,— я заключаю, что баронесса имѣетъ склонность къ Шумскому и выходитъ за Фонъ-Энде по вашему приказанію.

— Это до васъ не касается,—отозвался баронъ рѣзко.

— Совершенно вѣрно-съ. Это до меня не касается, но тѣмъ не менѣе это правда. Скажите: нѣтъ.

— Не скажу. Можетъ быть. Къ несчастію. Но это пройдетъ! И при этихъ словахъ баронъ всталъ съ мѣста.

Квашнинъ поднялся тоже и поклонился. Баронъ положилъ руку въ руку и началъ слегка потирать ихъ, какъ бы отъ легкаго холода. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ слегка наклонялся, отпуская гостя.

Квашнинъ хотѣлъ иронически улыбнуться, но вдругъ вспомнилъ, что одинъ изъ офицеровъ ихъ полка, которому товарищи перестали подавать руку, тоже каждый разъ гордѣливо ухмыляется.

Квашнинъ холодно, но низко поклонился и вышелъ.

LII.

Двигаясь пѣшкомъ тихими шагами по Васильевскому острову, Квашнинъ былъ почти въ такомъ же туманѣ, въ какомъ былъ Шумскій послѣ своей стычки съ Фонъ-Энзе. Бесѣда съ барономъ имѣла для него одуряющее значеніе. Не разъ слыхалъ онъ въ Петербургѣ кое-гдѣ, что яко бы всѣмъ извѣстный блазень и кутила «аракчеевскій сынокъ» долженъ бы былъ по настоящему называться иначе—аракчеевскимъ подкидышемъ. Квашнинъ былъ всегда убѣжденъ, что это была злобная клевета, сочиненная одними изъ ненависти къ Аракчееву, а другими изъ зависти къ молодому человѣку, умному, красивому, богатому, но дерзкому. Многіе боялись этого дерзкаго баловня судьбы и такъ какъ попрекать его различными соблазнами и скандалами было мало—кто же тогда въ гвардіи не дѣлалъ ихъ!—враги Шумскаго придумали, что онъ не сынъ того, чьимъ значеніемъ пользуется, чтобы безнаказанно шумѣть на весь Петербургъ своими похожденіями.

Чѣмъ больше думалъ Квашнинъ о томъ, что слышалъ отъ барона, тѣмъ меньше вѣрилъ въ правдивость всей этой исторіи.

«Вѣдь это все бабы,—думалъ онъ, тихо подвигаясь по панели.— Тутъ и Пашута и Авдотья и, можетъ, еще какая-нибудь баба. Фонъ-Энзе выгодно вѣрить этому, но барона онъ обманываетъ. И можно ли дойти до такой глупости, чтобы думать и вѣрить, что самъ Аракчеевъ обманутъ, что ему любовница подкинула чужого ребенка, выдавъ его за своего. Вѣдь это чортъ знаетъ что такое! Что же онъ самъ-то младенецъ развѣ! Развѣ это такъ легко! Можно обмануть постороннихъ, но нельзя обмануть человѣка, въ домѣ котораго живешь безвыѣздно, какъ жена. Какая гадость!—волновался Квашнинъ.—И неужели же все это такъ и останется? И баронесса выйдетъ замужъ за Фонъ-Энзе, любя Шумскаго? А что она его любитъ и идетъ за улана по приказанію отца—въ этомъ я теперь совершенно увѣренъ».

Черезъ мгновеніе Квашнинъ остановился и спросилъ себя, что̀ ему дѣлать? И невольно пришелъ онъ къ заключенію, что дѣлать окончательно нечего, помочь другу никоимъ образомъ нельзя. Единственное средство—оттянуть свадьбу Фонъ-Энзе, чтобы вся эта клевета пала сама собою, чтобы все объяснилось. Но какъ, когда?

Во всякомъ случаѣ самъ Квашнинъ считалъ себя въ полной невозможности чѣмъ-либо помочь. Онъ сѣлъ на извозчика и велѣлъ ѣхать въ Морскую.

Войдя въ прихожую, первымъ вопросомъ Квашнина, котораго впускалъ Васька, былъ, конечно, вопросъ о баринѣ.

— Ничего-съ,—отозвался Копчикъ,—они у себя, не кликали, должно быть почиваютъ. Я прислушивался къ дверямъ—не слышно.

— Почему же ты думаешь, что почиваютъ?

— Да они всегда ходятъ, трубки мѣняютъ, а тутъ совсѣмъ тихо.

Квашнинъ прошелъ всѣ горницы, остановился у дверей спальни Шумскаго и прислушался. Въ горницѣ было совершенно тихо. Онъ отошелъ, рѣшившись дожидаться, чтобы пріятель проснулся самъ.

Увидя снова Копчика, Квашнинъ освѣдомился о Шваньскомъ.

— Сейчасъ вернулся,—отозвался Васька.—Сидитъ у себя. Иванъ Андреевичъ тоже не въ своемъ состояніи, даже заперся на ключъ.

Квашнинъ двинулся къ дверямъ Шваньскаго, попробовалъ замокъ и такъ какъ дверь оказалась запертою, то онъ постучался.

— Кто тамъ?—отозвался Шваньскій.—Ты, Васька?

— Я это, Иванъ Андреевичъ, впустите.

— Зачѣмъ вамъ?

— Нужно, впустите.

— Дѣло развѣ какое?

— Дѣло. Да что вы, не одѣты, что ли? Такъ вы не дѣвица.

— Увольте, Петръ Сергѣевичъ,—отозвался Шваньскій громче, какъ бы прислонясь къ самой двери, чтобы было слышнѣе.

— Что вы?—удивился Квашнинъ.—Больны вы, что ли?

— Хуже, Петръ Сергѣевичъ!

— Да пустите, полноте блажить! Говорятъ вамъ—дѣло есть.

— Ахъ, ты, Господи!—заворчалъ Шваньскій и отперъ дверь.

Квашнинъ вошелъ и, присмотрѣвшись къ Шваньскому, удивился. Лицо его было совершенно другое, какъ бы послѣ трудной болѣзни или отъ какого-либо важнаго происшествія.

Шваньскій тотчасъ же отвернулся отъ Квашнина къ окошку и произнесъ въ раму:

— Ну, что вамъ нужно-съ? Говорите.

— А нужно, Иванъ Андреевичъ, чтобы вы объяснились. То, что васъ перековеркало, и мнѣ извѣстно. Полагаю я, что это все тоже. Объяснитесь. А не хотите, я вамъ самъ скажу.

— Нѣтъ ужъ, Петръ Сергѣевичъ,—отозвался Шваньскій, не оборачиваясь отъ окна и говоря какъ бы на улицу.—Нѣтъ ужъ—

зачѣмъ? Я говорить не стану, ничего не стану говорить. Хотите объясниться, сами говорите.

— Ну, такъ я вамъ скажу. Вы встревожились тѣми сплетнями, что по городу пошли насчетъ Михаила Андреевича?

Шваньскій молчалъ.

— Такъ ли, Иванъ Андреевичъ?

— Все пошло прахомъ!—заговорилъ Шваньскій, постукивая пальцами по стеклу.—Все кверху ногами пошло! Я его все-таки люблю. Я бы теперь въ одномъ дранномъ сюртучкѣ, да въ порткахъ, въ кабакѣ бы сидѣлъ пьяный, а вотъ я бариномъ живу по его милости!

И Шваньскій вдругъ обернулся, какъ если бы ему сказали что-либо и къ тому же противорѣчили ему.

— Не вѣрите-съ?—выговорилъ онъ, наступая на Квашнина.— А я вамъ вѣрно говорю: я бы теперь былъ пропойца! Какое бы я себѣ мѣсто нашелъ? Меня изъ полка-то выгнали, чуть въ солдаты не разжаловали. А вотъ на мнѣ чинъ, я дворянинъ, да и деньги у меня есть и живу я въ свое удовольствіе. Я—Иванъ Андреевичъ! А не будь его, я бы былъ Ванька-пропойца! Я вамъ говорю—я бы мертвую пилъ, я бы, видя всю несправедливость судьбы къ себѣ, спился бы и воровать бы сталъ, грабить бы я сталъ по петербургскимъ улицамъ!

Шваньскій снова наступилъ еще ближе и крикнулъ еще громче:

— Говорятъ вамъ толкомъ—грабить бы сталъ! Не смирился бы глядючи, какъ другіе люди живутъ — головорѣзомъ бы сталъ, въ каторгу бы пошелъ, въ кандалахъ бы ходилъ... Я бы...

Шваньскій задохнулся.

— Я бы... я бы... все! Понимаете вы?..

Шваньскій разинулъ ротъ, и вдругъ скулы его задрожали и слезы полились по сморщившемуся лицу.

— Я... я... я...—началъ онъ, но не могъ выговорить ни слова и отошелъ.

Онъ сѣлъ на самый кончикъ дивана, скорчившись и утирая глаза кулаками, точь-въ-точь, какъ ребенокъ, нашалившій, но не наказанный, а самъ раскаявшійся въ своей шалости.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Шваньскій плакалъ хрипливо, жалобно, какъ плачутъ пожилыя бабы.

Квашнинъ сѣлъ на ближайшій стулъ, далъ Шваньскому успокоиться и, когда тотъ глубоко вздохнулъ, онъ заговорилъ:

— Вотъ я и хотѣлъ съ вами объясниться.—Я то же слышалъ, что и вы. По столицѣ пробѣжала молва, что Михаилъ Андреевичъ не сынъ графа?

Шваньскій снова вздохнулъ, перешелъ горницу и, взявъ носовой платокъ изъ комода, вытеръ себѣ глаза и лицо. Затѣмъ онъ

снова вернулся и сѣлъ на тотъ же диванъ, только нѣсколько спокойнѣе.

— Что же вы молчите? Такъ вѣдь я сказываю? Васъ это встревожило?

Шваньскій затрясъ головой.

— Не стану я ни о чемъ этомъ разговаривать. Не хочу я объ этомъ разговаривать!—громче, какимъ-то капризнымъ голосомъ выкрикнулъ онъ,—я о всякихъ гадостяхъ не хочу разговаривать! Неправда это! А если это правда—все пошло къ чорту! И онъ улетитъ, и я улечу. Онъ себя со зла пристрѣлитъ, а я..

И Шваньскій крикнулъ во все горло:

— Прямо въ кабакъ пойду! Я такъ, Петръ Сергѣевичъ, пить буду! — такъ буду пить, что отвѣчаю вамъ моимъ честнымъ словомъ — въ одну недѣлю съ вина подохну! Кабы я былъ крѣпокъ, а то—вишь я какой! Худой, въ чемъ только душа держится! Болѣзненный! Я въ одну недѣлю непремѣнно подохну.

— Да вы погодите, успокойтесь. Я вамъ хочу сказать, что все это одна еще болтовня. Вѣдь это все вздоръ. Не изъ чего и тревожиться. Вы откуда узнали? кто вамъ сказалъ?

— Мнѣ сказалъ этотъ поганый уланишка и сказала треклятая Пашка.

— И вы имъ вѣрите?

— Не сталъ бы я имъ вѣрить, Петръ Сергѣевичъ, да есть нѣкій человѣкъ, который вотъ уже болѣе сутокъ глазъ не подымаетъ, носомъ въ уголъ упершись сидитъ. Кабы этотъ человѣкъ смотрѣлъ прямо—ничего бы я не боялся.

— Кто это?

Шваньскій махнулъ рукой, помолчалъ и прибавилъ:

— Больше ни слова не скажу. Говорятъ вамъ толкомъ,—вскрикнулъ онъ хрипливо,—не хочу я объ этихъ гадостяхъ разсуждать. Буду ждать—что будетъ, то и будетъ. Какъ хватитъ его и меня вслѣдъ за нимъ, такъ и полетимъ. Онъ тамъ куда знаетъ, а я — вотъ сюда около Мойки на углу, два кабака. — Такъ и буду изъ одного въ другой перебѣгать, съ перваго же дня ведро выпью. Да. Я вамъ говорю—выпью!—вскрикнулъ Шваньскій, хотя Квашнинъ молчалъ и даже не глядѣлъ на него.

— Я вамъ повторяю, Иванъ Андреевичъ, что все это выдумки, все это разъяснится—я въ этомъ увѣренъ, потому что...

Но въ эту минуту вбѣжалъ Васька и прервалъ Квашнина.

— Проснулись! Васъ просятъ,—выговорилъ онъ.

И когда Квашнинъ переступилъ порогъ горницы, Копчикъ прибавилъ тихо:

— Должно, хворають: лежатъ, очень бѣлы лицомъ и глаза такіе... Должно, хворость какая начинается.

— Господи Іисусе! Какъ же ты можешь, разбойникъ, таить

это отъ меня!—отчаянно воскликнулъ голосъ за спиной офицера. Онъ обернулся и увидѣлъ мамку Авдотью, блѣдную и перепуганную.

— Родной мой,—заговорила женщина тревожно.—Попросите его меня допустить къ себѣ. Если онъ хвораетъ, я его выхожу. Не впервой... Будьте милостивы...

Квашнинъ глядѣлъ на Авдотью молча и не сморгнувъ, но не слыхалъ ея словъ.

«Вотъ кто знаетъ все!»—думалось ему.—«Если есть что̀ знать—она знаетъ».

LIII.

Войдя къ Шумскому въ спальню, Квашнинъ нашелъ друга на постели, лежащаго на спинѣ съ подсунутыми подъ голову руками. Лицо его было блѣдно, глаза сверкали необычнымъ блескомъ, но въ выраженіи ихъ не было гнѣва, а ясно и ярко сказывалось какъ бы невѣроятно-мучительное физическое страданіе.

— Нездоровится?—произнесъ Квашнинъ, становясь предъ нимъ, но смущенно опуская глаза.

Шумскій глянулъ на друга пристальнѣе и выговорилъ глухо:

— Смерть! Нѣтъ хуже смерти... Умирать навѣрное легче... Вотъ когда я узналъ что такое—адская мука... Когда Еву потерялъ, думалъ хуже не будетъ... А теперь... вотъ...

Шумскій не договорилъ и глубоко вздохнулъ.

— Въ чемъ дѣло? что случилось? Вѣдь ты говоришь, что не стрѣлялъ по немъ...—спросилъ Квашнинъ.

— Какъ мальчишка дался... Отняли пистолетъ.

— И слава Богу! Могъ убить.

— Онъ меня убилъ... Не я его... Однимъ словомъ убилъ, простымъ словомъ. Да, простое слово. Подкидышъ!

— Что?!—воскликнулъ Квашнинъ.—Онъ тебѣ это сказалъ!

— Ты это зналъ...

Квашнинъ молчалъ.

— Ты это зналъ... Ты не удивился теперь... Вы всѣ... Весь Петербургъ... Всѣ знали! Зачѣмъ же никто мнѣ не сказалъ это...

Шумскій смолкъ и глядѣлъ передъ собой въ стѣну лихорадочно засверкавшими глазами.

— Не будь Фонъ-Энзе—я бы и теперь не зналъ... Все воображалъ бы себя...

— Михаилъ Андреевичъ, развѣ этотъ нѣмецъ присутствовалъ при твоемъ рожденіи, развѣ...

— Однако я—Андреевичъ... А графъ—Алексѣй Андреевичъ.

— Это клеветническая выдумка... Такіе вещи нельзя говорить. Все можно сказать. Надо доказать. Фонъ-Энзе лжетъ...

— Нѣтъ, не лжетъ!—оживился Шумскій.—Не таковскій. Скажи Фонъ-Энзе, что я убійца и я повѣрилъ бы. И сталъ бы вспоминать, когда убилъ.

— Надо доказать. Эдакъ и про меня и про всякого можно то же выдумать. Гдѣ доказательства? У кого онѣ?

— Здѣсь. У меня!..

Шумскій тихо принялъ одну руку изъ-подъ головы и показалъ себѣ на сердце.

— Здѣсь доказательство, что это правда... Подкидышъ. Чужой... Да...

Квашнинъ опустилъ голову, голосъ Шумскаго тихій, томительный, за душу хватающій потрясъ все его существо. Квашнинъ боялся, что слезы явятся у него въ глазахъ и онъ отвернулся.

— Я не вѣрю,—проговорилъ онъ чуть слышно, но звукъ его голоса выдавалъ неправду.

— Я знаю... Да. Подкидышъ! Не даромъ я съ колыбели презиралъ эту пьяную бабу и ненавидѣлъ этого дуболома. Боже! Чтò царь нашелъ въ немъ? Чтò Россія видитъ въ немъ? Я вижу звѣря и дурака. Да. Звѣрь и дуракъ! Свирѣпо жестокъ, и глупъ...

Шумскій приподнялся, сѣлъ на кровати и взялъ себя за голову.

— Бѣдная башка!.. Вотъ ударили-то... Крѣпка была, а надтреснула...

Онъ помолчалъ и, вздохнувъ глубоко, заговорилъ медленно, но болѣе твердымъ голосомъ:

— Ты, думаешь, другъ, Петръ Сергѣевичъ, что я скорблю о томъ, что не побочный сынъ вельможи-звѣря и пьяной канальи.— Нѣтъ, видитъ Богъ—я радъ даже, что Аракчеевъ мнѣ чужой человѣкъ и она чужая... Я это всегда чувствовалъ и теперь радъ, что узналъ навѣрное... Но я... Я теряю Еву... Она не можетъ идти замужъ за... За кого? Я и самъ не знаю. Кто я—кто это скажетъ... Мальчишка съ деревни, сынишка крестьянина, а то... А то и лакея... Да, сынишка даже не простого мужика крестьянина, а двороваго хама... Вотъ какъ Васька...

Шумскій вытянулъ руки и сталъ смотрѣть на нихъ, потомъ грустно улыбнулся.

— Вотъ... Да... Хамово отродье... Кровь дворянская?.. Нѣтъ хамская, холуйская, лакейская. Я Васькѣ Копчику говорилъ еще вчера объ этомъ... А оно и во мнѣ... Да это не... не весело. Ева одно — а я другое. Говорятъ ученые въ заморскихъ краяхъ — всѣ равны, всѣ одинаковы, по образу Божію... Да я то въ это не вѣрилъ! Глубоко, сердцемъ моимъ не вѣрилъ. И вотъ оно—наказанье! Тяжело, другъ Петя.

— Почему же ты знаешь... — заговорилъ Квашнинъ.—Можетъ быть ты хотя и не Аракчеева сынъ, но все-таки нашего... Квашнинъ запнулся и прибавилъ быстро: дворянскаго происхожденія.

— Нѣтъ, не вашего...—отозвался тихо Шумскій странно улыбаясь и налегая на это слово.—И вотъ теперь надо узнать кто я... И я узнаю!.. Я доръюсь... Но что пользы будетъ... Она все-таки моей женой не станетъ.

— Ты забываешь, что ты офицеръ и флигель-адъютантъ государя.—Стало быть ты самъ по себѣ...

— Дѣланый дворянинъ.

— Не все ли равно.

— Отчего же Нейдшильдъ отказалъ.

— Онъ дуракъ!—вскрикнулъ Квашнинъ.—Я такихъ дураковъ рѣдко видалъ. У него третье слово,—предки да предки, да Густавы какіе-то.

— Надо застрѣлиться!—тихо произнесъ Шумскій какъ бы самъ себѣ.

— Господь съ тобой!—воскликнулъ Квашнинъ,—стыдись и говорить... А сдѣлать этого ты не можешь. Ты слишкомъ уменъ для того...

— Вотъ этого я и боюсь,—глухо проговорилъ Шумскій.—Мнѣ ничего бы убить себя... Это не такъ мудрено какъ говорятъ... Но я боюсь, что разумъ не допуститъ... А какъ жить—какова будетъ моя жизнь... Ты подумай—какова будетъ моя жизнь. Любимая дѣвушка—женой другого. Самъ холопскаго происхожденія. Средствъ къ жизни никакихъ... А работать, доставать деньги... Какъ? Лавочку открыть, торговать свѣчами и ламповымъ масломъ.

— Помилуй. Вѣдь это только этотъ дьяволъ уланъ могъ такую гадость сдѣлать... Сказать тебѣ это въ лицо... Но все такъ и останется. Кто же сунется съ этимъ къ графу.

— Что?—громче произнесъ Шумскій, слегка выпрямляясь.

— Я хочу сказать, что слухи и прежде были, но до графа же не дошли. И теперь никто не сунется ему это объявить. Все по старому и останется. Кто же это пойдетъ, посмѣетъ любимцу государя говорить, что...

— Я.

Наступила пауза. Квашнинъ глядѣлъ на друга, широко раскрывъ глаза.

— Зачѣмъ?—тихо выговорилъ онъ наконецъ.

— Онъ прогонитъ ту... свою... за обманъ.

— Тебѣ-то что же пользы. Одинъ вредъ.

— А чѣмъ же другимъ отомстить мнѣ этой проклятой бабѣ, этой гадинѣ, которая ради себя играла чужою жизнью. Моей жизнью! Она! Моею! Какъ смѣла она меня украсть отъ моихъ родныхъ, или купить, или отнять...

— Но можетъ быть ты былъ сиротой...

— Давай Богъ! Найти теперь Еремку и Маланью, тятьку съ

мамкой въ курной избѣ, еще того горше будетъ... Но она вытащила меня изъ моего крестьянскаго положенія.

— Все это бредни, Михаилъ Андреевичъ,—выговорилъ Квашнинъ строго.—Когда ты успокоишься, то бросишь все это... Я тебя не узнаю по твоимъ теперешнимъ рѣчамъ. Мало развѣ пріемышей, которые благодарны своимъ назвȧнымъ родителямъ, за то, что они ихъ взяли и возвысили. А ты проклинаешь, за... За доброе дѣло...

— Пойми. Я бы никогда не видалъ Евы.

— Въ этомъ ни графъ, ни она—не виноваты.

— Нѣтъ виновны. Они меня съ клеймомъ на лбу пустили по свѣту. Покуда я пьянствовалъ да безобразничалъ,—оно мнѣ не мѣшало, а какъ только жизнь моя стала было направляться почеловѣчески... Какъ я встрѣтилъ дѣвушку, которую полюбилъ—клеймо оказалось и я... Что я? Я убитъ! Я заживо — мертвый! И знаешь ли ты что будетъ?!

Шумскій всталъ съ кровати и, медленно подойдя къ Квашнину, вымолвилъ:

— Я все-таки ее возьму. Я не дамъ ее Фонъ-Энзе. Нѣтъ, не дамъ. Я ее увезу, насильно... Скроюсь съ ней гдѣ-нибудь, буду держать взаперти, насильно. Буду любить насильно... А тамъ, послѣ застрѣлю ее и застрѣлю себя... А онъ пусть живетъ. Пусть живетъ и знаетъ, что она, любя его, принадлежала мнѣ насильно.

— Она его не любитъ, а любитъ тебя...

— Нѣтъ. Его она любитъ! Я это знаю теперь.

— А я говорю: нѣтъ!

— Ты не можешь знать. У меня есть доказательства. Портретъ, который я рисовалъ.

— Я тебѣ говорю, что она любитъ тебя и дала согласіе идти за Фонъ-Энзе по приказанію отца! — громко и твердо выговорилъ Квашнинъ.

— Ты-то почему это знаешь?

— Мнѣ это сейчасъ далъ понять самъ баронъ, у котораго я былъ.

— Квашнинъ?!—вскрикнулъ Шумскій.

— Да. Я вѣрно знаю! Я его просилъ сказать мнѣ честно: любитъ ли баронесса улана или идетъ за него только по его приказу, а сама любитъ тебя? Онъ промолчалъ; а потомъ сказалъ: «къ несчастью, но это пройдетъ».

Шумскій бросился на Квашнина, обхватилъ его руками и крѣпко поцѣловалъ.

— Это все! Все! Больше мнѣ ничего не надо, никого не надо!— тихо произнесъ онъ дрогнувшимъ отъ чувства голосомъ.

LIV.

Разумѣется, Шумскій началъ разспрашивать пріятеля объ его визитѣ къ барону и ихъ бесѣдѣ. Квашнинъ передалъ все подробно и Шумскій вдругъ понурился и глубоко задумался.

— Фонъ-Энзе передалъ барону все со словъ Пашуты? — выговорилъ онъ какъ бы самъ себѣ.

— Да и она сама потомъ была и то же разсказала,—отвѣтилъ Квашнинъ.

— А Пашута же отъ кого узнала?

— Она сказала, что отъ какой-то женщины, которая въ Грузинѣ и знаетъ тебя съ рожденія.

— И теперь эта женщина въ Грузинѣ? — странно произнесъ Шумскій.

— Не знаю... Но я думаю, Михаилъ Андреевичъ, что у тебя здѣсь въ квартирѣ есть женщина, которая должна знать многое получше всякихъ Пашутъ. Твоя нянька. Разспроси ее и повѣрь, что она тотчасъ же съумѣетъ доказать тебѣ, что все это одни сплетни.

Шумскій вдругъ перемѣнился слегка въ лицѣ и проговорилъ едва слышно:

— На всякого мудреца довольно простоты!

И затѣмъ онъ прибавилъ со странной будто дѣланой интонаціей и съ умышленнымъ равнодушіемъ въ голосѣ:

— Нѣтъ, Авдотья дура... Ничего она не можетъ знать... Вотъ что Петя... сдѣлай милость.

Шумскій запнулся.

— Что? Говори. Я съ великой радостью готовъ тебѣ служить!— сказалъ Квашнинъ съ чувствомъ.

— Нѣтъ я такъ... Пустое... Въ другой разъ...

Шумскій хотѣлъ было просто просить друга тотчасъ уѣхать. Мысль объ Авдотьѣ только теперь пришла ему въ голову и онъ даже изумился себѣ самому, что ранѣе не вспомнилъ объ ней. Но просить Квашнина тотчасъ же оставить его одного, чтобъ объясниться съ мамкой онъ не рѣшился. Онъ сразу повѣрилъ въ особое значеніе своего объясненія съ Авдотьей и не хотѣлъ, чтобы Квашнинъ догадался. Но съ этого мгновенья разговоръ друзей прекратился и даже на два вопроса Квашнина Шумскій, опять глубоко задумавшійся, не отвѣтилъ ни слова. Наконецъ, спустя около получаса онъ рѣшился вымолвить.

— Ну, другъ Петя, ступай домой. Спасибо тебѣ за все... Я хочу побыть одинъ, а то и спать лягу.

Квашнинъ, молча, недовѣрчивымъ взглядомъ окинулъ пріятеля и произнесъ, смущаясь:

— Я думалъ и ночевать у тебя... Ты пожалуй глупость какую учинить можешь.

— Застрѣлюсь что ль? Нѣтъ, братъ. Не теперь. Послѣ, можетъ быть... А теперь надо прежде... Многое надо. Прощай. Уѣзжай себѣ. Спасибо. Навѣсти завтра утромъ.

Квашнинъ сталъ было упираться, но Шумскій настоятельно потребовалъ, чтобы онъ уѣхалъ, говоря, что хочетъ сѣсть писать письмо графу Аракчееву. Пріятель уступилъ и, простившись, вышелъ въ прихожую.

Но вмѣсто того, чтобы тотчасъ уѣхать, онъ прошелъ снова чрезъ корридоръ въ комнату Шваньского. У него сидѣла въ гостяхъ его невѣста Мареуша. Квашнинъ вызвалъ его.

— Иванъ Андреевичъ, держите ухо востро, — сказалъ онъ серьезно.—Смотрите за Михаиломъ Андреевичемъ. Онъ все-таки не хорошъ...

— Что же смотрѣть?—отозвался Шваньскій уныло и не подымая глазъ.—Онъ себѣ голова. Съ нимъ ничего не подѣлаешь. Меня онъ прогонитъ. Я лучше вотъ Мареушу пошлю къ нему. Яко бы по дѣлу. Она его скорѣе разговоритъ.

— Ну, хоть ее. Его надо развлекать отъ думъ,—сказалъ Квашнинъ.

Какъ только офицеръ отъѣхалъ отъ дома, Шумскій двинулся изъ спальни по направленію къ своей гардеробной.

Но едва очутился онъ въ полутемномъ корридорѣ, какъ вскрикнулъ и, затрепетавъ отъ нечаянности, бросился впередъ.

Ему на встрѣчу тихо двигалась женская фигура въ бѣломъ платьѣ, бѣловолосая, стройная... Она!.. Его Ева!..

— Здѣсь?! Вы?!—вскрикнулъ Шумскій задыхаясь и хватая ея за руки.

Но въ то же мгновенье на всю квартиру грянулъ яростный голосъ того же Шумскаго.

— Ахъ, дьяволъ! Ахъ ты... Вонъ отсюда проклятая... Вонъ!.. Убью я тебя, если еще разъ...

Фигура въ бѣломъ платьѣ отскочила и бросилась бѣжать опрометью отъ Шумскаго. Въ ту же минуту въ корридоръ выскочили Шваньскій, Копчикъ и Авдотья....

Это была, конечно, Мареуша, посланная было Шваньскимъ къ барину, чтобы его «разговорить».

Шумскій вернулся къ себѣ въ волненіи, но озлобленный.

— Дьявольское сходство! — произнесъ онъ, стоя середи спальни.—И нѣтъ его—этого сходства... Нѣту! А есть что-то... въ темнотѣ. Ахъ, дьяволъ! Какъ она меня по сердцу хватила.

И, помолчавъ, онъ прибавилъ спокойнѣе:

— И я дуракъ! Развѣ можетъ она здѣсь очутиться. Это было бы чудомъ. Это было бы... все. Все! Тогда мнѣ ничего болѣе на

свѣтѣ не надо. Ахъ, проклятая дѣвчонка, какъ она меня... Будто ножемъ рѣзнула. Одинъ мигъ. А какой мигъ? Я умиралъ отъ счастья!

Шумскій сѣлъ, долго молчалъ уныло—задумавшись и, наконецъ, прійдя въ себя, крикнулъ Ваську:

— Скажи Ивану Андреевичу,—выговорилъ онъ тихо, когда Копчикъ появился на порогѣ,—что если я еще разъ увижу у себя его треклятую дѣвчонку, то я его самого выгоню изъ дому и никогда на глаза не пущу. Чтобы она не смѣла переступать порога квартиры. Авдотья дома?

— Тутъ-съ,—отвѣтилъ Копчикъ робѣя.—Онѣ просили доложить объ себѣ. Желаютъ васъ... стало быть... Если молъ, хвораютъ, то я бы, сказываютъ, за ними...

— Зови!—перебилъ Шумскій такъ тихо и такимъ вдругъ упавшимъ голосомъ, что лакей едва разслышалъ произнесенное слово.

Чрезъ нѣсколько мгновеній дверь снова отворилась и женщина появилась на порогѣ...

— Войди... Затвори дверь... Поди сюда,—выговорилъ Шумскій глухо.

Авдотья приблизилась.

— Садись.

— Что же... Я и такъ...—проговорила мамка какъ бывало всегда и все съ той же интонаціей.

— Садись, дура!—воскликнулъ Шумскій съ нетерпѣньемъ.

Авдотья сѣла на стулъ противъ своего питомца. Шумскій сталъ глядѣть ей въ лицо упорно—тревожными глазами, но Авдотья не могла видѣть этого взгляда, такъ какъ при наступавшихъ сумеркахъ въ комнатѣ становилось совершенно темно.

— Авдотья, ты недавно сказала Пашутѣ,—дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ Шумскій,—что я не сынъ Аракчеева... а чужой ему. Подкидышъ.

Женщина ахнула и замерла... Наступило молчанье.

— Сказала это—ты... Я знаю. И ты меня убила. Я не живой теперь... Пашута разгласила это на всю столицу. Говори же теперь... Откуда я? Гдѣ меня Настасья достала? Ты это знаешь...

— Михаилъ Андреевичъ... вымолвила Авдотья, но голосъ ея такъ задрожалъ, что она не могла говорить.

— Говори, откуда меня раздобыли? Чей я сынъ?..

— Я же... Ей-Богу... Я... Помилосердуй!—чрезъ силу произнесла Авдотья и начала всхлипывать.

— Слушай же, глупая баба... Пойми, хоть разъ въ жизни, что не все же на свѣтѣ шутки да прибаутки. Пойми, что если ты мнѣ не скажешь сейчасъ всей правды, все что ты знаешь, то я тутъ же при тебѣ застрѣлюсь. Не вѣришь, я пистолетъ вотъ достану. Выпалить въ башку не долго.

Авдотья начала громко рыдать и тряслась всѣмъ тѣломъ.

— Грузинскій, я парнишка? Съ деревни что ль. Краденый, купленный... Говори!

— Грузинскій,—прорыдала Авдотья и начала почти стонать.

— Полно ревѣть бѣлугой!—грозно, но хрипливо отъ спазмы схватившей горло, произнесъ Шумскій.—Не до того теперь.. Отецъ мой кто? Хамъ, лакей, мужикъ...

— Михаилъ Андреевичъ, Господь видитъ. Я же не могу... Я же...

— А?! Тебѣ надо стало быть примѣръ примѣрить!—вымолвилъ Шумскій и быстро поднявшись съ мѣста, онъ взялъ со стола пистолетъ вынутый изъ ящика еще съ утра и перейдя снова, сѣлъ предъ мамкой держа его въ рукахъ. Онъ зналъ, что пистолетъ не заряженъ и эта комедія была досадна ему самому.

— Говори. Кто мой отецъ? Мужикъ?

— Мужикъ,—съ отчаяньемъ произнесла Авдотья, хватая себя за голову руками.

— Живъ онъ?

Авдотья отвѣтила, но отъ всхлипыванья ея нельзя было разобрать словъ.

— Живъ или умеръ?!

— Померъ... Давно...

— А мать?..

— Михаилъ Андреевичъ, Господа ради...

— Мать жива?—крикнулъ вдругъ Шумскій громовымъ голосомъ.

— Жи-ва!—съ усиліемъ произнесла Авдотья.

— Ктожъ она?—задыхаясь отъ волненья произнесъ онъ.

— Охъ, не могу... Не знаю... Никогда я не скажу.

— Не скажешь. Нà, вотъ гляди!..

И Шумскій, не поднимая даже курка, приставилъ пистолетъ себѣ къ лицу.

— Сейчасъ мертвый буду, шалая баба. Говори! Кто мать?!

Авдотья простонала и вдругъ повалилась со стула Шумскому въ ноги, хватаясь за его колѣни.

— Говори! Ничѣмъ не возьмешь. Говори!

— Я же... Я...

— Говори!—внѣ себя крикнулъ Шумскій, ухвативъ Авдотью за плечо и съ силой потрясая ее.

— Охъ, да я же.. Пойми...

— Не хочешь. Ладно же! Сейчасъ и готово!

Шумскій взвелъ и щелкнулъ куркомъ. Авдотья съ безумнымъ крикомъ схватилась за пистолетъ руками.

— Да я же!.. Мой ты!.. Мой!..

Шумскій молча пригнулся къ женщинѣ и выронилъ пистолетъ изъ рукъ.

— Что?!.—едва слышно шепнулъ онъ.

Авдотья рыдала, положивъ голову на его колѣни.

— Твой?.. Я твой... Ты моя... Моя ты...

Но слово «мать» не сходило съ языка. Шумскій смолкъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Ты моя мать? Ты?—выговорилъ онъ, наконецъ, задохнувшись.

— Я... я...

Онъ откачнулся на спинку кресла, закрылъ лицо руками и тяжело простоналъ.

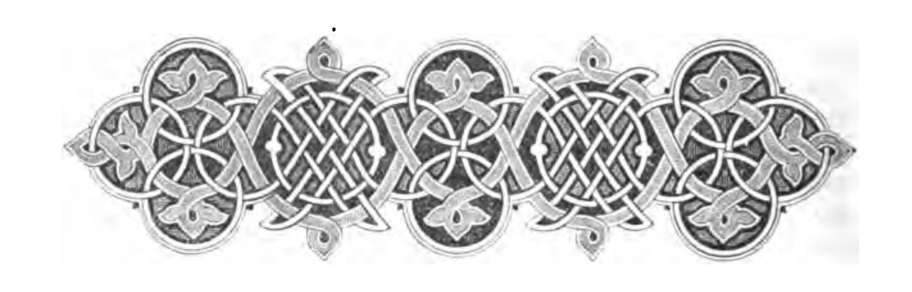
— Господи! Да что же это?..

И послѣ гробового молчанія длившагося нѣсколько мгновеній, онъ вдругъ зарыдалъ какъ ребенокъ, страстно, горько, но также безпомощно какъ и его мамка... его мать.

Графъ Е. Саліасъ.

Отъ редакціи. Второй романъ графа Е. А. Саліаса, составляющій какъ бы продолженіе «Аракчеевскаго сынка» и носящій заглавіе «Аракчеевскій подкидышъ» начнется печатаніемъ съ Январской книжки «Историческаго Вѣстника» 1889 года.

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ [1].

XXXVI.

«Александръ вчера уѣхалъ въ Тригорское»,—сообщаетъ Надежда Осиповна моей матери отъ 7-го мая 1835 года,—«и долженъ возвратиться прежде десяти дней, чтобы поспѣть къ родамъ Наташи. Ты подумаешь, быть можетъ, что онъ отправился по дѣлу—совсѣмъ нѣтъ; а единственно ради удовольствія путешествовать, да еще въ дурную погоду! (Tu croiras peut être que c'est par affaire? Pas du tout: rien que pour avoir le plaisir de voyager et par ce mauvais temps!) Мы очень были удивлены, когда Александръ пришелъ съ нами проститься наканунѣ отъѣзда, и его жена очень опечалена; надо сознаться, что твои братья оригиналы, которые никогда не перестанутъ быть таковыми (Sa femme est toute triste; il faut avouer, que tes frères sont des originaux, qui ne se désoriginaliseront jamais). Леонъ ожидаетъ въ Тифлисѣ Розена съ большимъ нетерпѣніемъ. Тифлисомъ онъ очарованъ, восхищаясь прелестной природой, прелестнымъ климатомъ, и въ очень веселомъ письмѣ подшучиваетъ надъ своими лѣтами: говоритъ, что въ тридцать лѣтъ онъ разстался съ романическими мечтами, увѣряя будто бы у него болѣе половины волосъ посѣдѣла, чтò и придаетъ ему видъ будто бы совершенно шутовской (et que cela lui donne un air tout à fait ridicule).

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIV, стр. 286.

«Наконецъ дождались Порай-Кошеца»,—пишетъ Сергѣй Львовичъ десять дней спустя, 17-го мая.—«Онъ у насъ былъ, передалъ твое письмо, и мы очень были обрадованы, какъ можешь себѣ представить, посѣщенію твоего посланнаго, а ждали его, повторяю, какъ жиды Мессію. Пріѣхалъ Кошецъ 12-го числа, въ прошлое воскресенье. Я просилъ его считать нашъ домъ своимъ (je l'ai prié de regarder notre maison comme la sienne). На это Кошецъ отвѣчалъ усердными, едва ли не китайскими поклонами. Дай Богъ, чтобы онъ содѣйствовалъ совершенному выздоровленію мамà; непремѣнно къ нему зайду, а остановился Кошецъ у своего отца, который и служитъ, и живетъ въ почтовомъ департаментѣ... Но письмо я началъ о Кошецѣ подъ вліяніемъ радости и надежды, что онъ возвратитъ здоровье моей Надеждѣ [1]), извини опять за каламбуръ. По настоящему, я долженъ былъ начать письмо съ другой новости: 14-го числа, т. е. въ прошлый вторникъ, въ семь или въ восемь часовъ вечера, Наташа разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ, котораго они назвали Григоріемъ,—право не знаю съ какой стати (se quatorze, c'est à dire Mardi, à sept ou à huit heures du soir, Nathalie est accouchée d'un garçon, qu'ils ont appellé Grégoire, je ne sais trop pourquoi). Александръ, совершивъ десятидневную поѣздку въ Тригорское, пробылъ въ отлучкѣ, считая время туда и обратно, три дня, и возвратился въ среду, въ восемь часовъ утра, на другой день разрѣшенія Наташи. Александръ сообщилъ намъ печальныя извѣстія о Михайловскомъ: крестьяне грабятъ и дѣлаютъ ужасы (les gens pillent et font des horreurs). Тебѣ извѣстно, какъ я ухаживалъ за садомъ; смѣю сказать, украсилъ его, и придалъ изящный видъ всему, что̀ окружало господскій домъ; кромѣ того, распорядился въ прошломъ году выстроить заново флигеля (les dépendances); теперь же все, по словамъ Александра, пошло къ чорту. Безпорядокъ такой, какой и вообразить себѣ нельзя; этотъ безпорядокъ, огорчая насъ до нельзя, не приглашаетъ насъ,—сказать нечего,—ѣхать туда лѣтомъ. Не знаю, что съ нами будетъ, лишь бы Богъ оказалъ намъ милосердіе выбраться лѣтомъ изъ Петербурга».

«.... Въ концѣ концовъ, вотъ и ожидавшійся съ такимъ нетерпѣніемъ Кошецъ»,—продолжаетъ приводимое письмо дѣда Надежда Осиповна (à la fin des fins voilà ce Koщецъ, si longtemps attendu).—«Я такъ ему обрадовалась, что право не знаю, почему его не расцѣловала; онъ все время говорилъ о васъ; расположеніе къ тебѣ доктора дѣлаетъ его въ моихъ глазахъ очень интереснымъ. Кошецъ встрѣтилъ Александра на боровичской станціи, когда онъ, то есть не Кошецъ, а мой сынъ, отправлялся въ Тригорское; твой братъ былъ, по словамъ Кошеца, очень озабоченъ, разсѣянъ, и я почти увѣ-

[1]) Фраза порусски. Л. П.

рена, что мой «старшій» не разслышалъ ничего, о чемъ ему толковалъ докторъ, потому что вчера, когда ему сообщала о Кошецѣ, Александръ удивился, и сталъ раскаяваться въ оказанномъ холодномъ пріемѣ доктору, котораго самъ же ожидалъ съ нетерпѣніемъ, и какъ искуснаго врача, а главное, какъ твоего хорошаго знакомаго. Думаю также, что Александръ не пустился съ нимъ на станціи въ бесѣду, принимая его за одного изъ многихъ любопытныхъ пассажировъ, добивающихся его знакомства».

«.... Александръ увѣряетъ, что въ Петербургѣ жить ему невозможно, и желаетъ отправиться въ деревню на нѣсколько лѣтъ. Но не думаю, чтобы Наташа на это согласилась. Она родила наканунѣ его пріѣзда, и радость свиданія съ мужемъ ее такъ разстроила, что проболѣла весь день (le plaisir de revoir son mari l'a tellement agitée, qu'elle a été souffrante pendant toute la journée). Посѣтить мнѣ ее невозможно: погода прескверная, и вообрази, не могу ѣздить въ каретѣ, не подвергаясь спазмамъ. Какъ желала бы видѣть новорожденнаго Григорія! Но что же дѣлать? Надо вооружиться терпѣніемъ. Желаю еще болѣе видѣть тебя съ твоимъ ребенкомъ, но тутъ и всякое терпѣнье исчезнетъ (je suis encore plus impatiente de te voir avec Lolo, mais il n'y a plus de patience qui tienne); это меня опечаливаетъ, и, признаюсь, когда думаю о лишеніяхъ, какія испытываю,—горько плачу; сдѣлалась такой нервной, что сама себѣ удивляюсь. Думаемъ нанять дачу въ Павловскѣ: слишкомъ слаба, чтобы предпринять болѣе дальнюю поѣздку. Со времени болѣзни забываю числа мѣсяца и дни недѣли, мѣшаю имена, что̀ дѣлаетъ меня смѣшною въ глазахъ свѣта (j'embrouille tous les noms, ce qui me donne un air tout à fait ridicule dans le monde); даже не могу хорошенько припомнить, что̀ недавно тебѣ писала».

«Милая Ольга»,—сообщаетъ бабка отъ 8-го іюня,—«не безпокойся, если мои письма къ тебѣ подробны и длинны. Мнѣ писать совсѣмъ не тяжело: сижу очень удобно въ креслахъ, держу бумагу на пюпитрѣ, грудь не болитъ, не болитъ и бокъ. Просила Кошеца тебѣ написать и на мой счетъ успокоить; ждала его и вчера и сегодня, а третьяго дня онъ, вмѣстѣ съ Александромъ, провожалъ обѣихъ Анетъ—Вульфъ и Кернъ. Обѣ уѣхали. Дворъ въ Петергофѣ, Архарова въ Павловскѣ, и приказала своей дочери Васильчиковой отыскать для насъ тамъ дачу, но наше переселеніе туда зависитъ отъ Александра: надо чтобы онъ далъ намъ для этого средства. Наташа слаба, недавно вышла изъ спальни (il n'y a pas longtemps qu'elle a quitté sa chambre à coucher) и не можетъ ни читать, ни писать, ни работать; между тѣмъ у нея большіе планы повеселиться на петергофскомъ праздникѣ 1-го іюля—въ день рожденія императрицы,—ѣздить верхомъ съ своими сестрами на острова, нанять дачу на Черной рѣчкѣ, и не хочетъ отправиться дальше, какъ

желалъ бы Александръ. Въ концѣ концовъ «чего женщина хочетъ, того хочетъ Богъ». Она мнѣ надняхъ сказала:

— «Я увѣрена, что вы будете любить Лелю—сына Ольги Сергѣевны,—больше чѣмъ моихъ дѣтей; бабушки, говорятъ, предпочитаютъ дѣтей дочери дѣтямъ сыновей» (Nathalie me disait l'autre jour: «je suis sûre, que vous aimerez mieux Lolo que mes enfants, car on prètend, que les grand's mamans aiment mieux ceux d'une fille que d'un fils»). Ничего я Наташѣ на это не отвѣтила. Знаю, что очень люблю дѣтей Александра,—Машу и Сашу,—но къ маленькому Леону,—который отъ меня такъ далеко,—чувствую особенную нѣжность (une tendresse toute particulière). Кстати,—извиняюсь передъ нимъ за маленькое воровство, и это преступленіе заглажу надняхъ: я ему сшила одѣяльце, но сообразивъ, что Александръ послалъ уже твоему Леончику другое, сшитое Наташей, и чепчикъ, подарила мою работу маленькому Григорію — новорожденному «моего старшаго». За то шью Леончику теперь одѣяльце, покрасивѣе, побольше. Это справедливо, и такая мысль побуждаетъ меня работать съ бо̀льшимъ удовольствіемъ.»

«Отъѣздъ нашъ въ деревню всецѣло зависитъ отъ Александра»,—пишетъ на другой день (отъ 9-го іюня) Сергѣй Львовичъ,—«но онъ самъ не знаетъ, что̀ и съ нимъ будетъ. По крайней мѣрѣ изъ моихъ съ нимъ разговоровъ я не добился толку. Отпуска ему продолжительнаго не дадутъ,—такъ по крайней мѣрѣ думаю — даже и на годъ; останется въ Петербургѣ, и тратить ему деньги на дачу—все равно, что жить въ столицѣ: тѣ же посѣщенія большого свѣта, который переселился на тѣ же дачи. Александръ надѣется на успѣшную продажу сочиненій. Но вѣрно ли это? Конечно, его геній будетъ оцѣненъ презрѣннымъ металломъ. Но презрѣнный металлъ развѣ будетъ достаточенъ на удовлетвореніе всѣхъ потребностей (pour subvenir à tous ses besoins), сообразно его придворному и семейному положенію? Ровно ничего не знаю... ума не приложу, а отъ Александра, повторяю, зависитъ и нашъ отъѣздъ въ Михайловское, или въ Павловскъ.»

«Всѣ мои насущныя заботы не мѣшаютъ мнѣ постоянно думать и говорить о тебѣ и о твоемъ Лелѣ встрѣчному (et de parler de toi et de Lolo, à qui veut l'entendre). А Леля большой—то есть храбрый капитанъ Левъ Пушкинъ—веселится въ Тифлисѣ, но умалчиваетъ, чѣмъ кончились его хлопоты о новомъ опредѣленіи въ Кавказскую армію. По послѣднему письму «мой младшій» все ожидаетъ возвращенія Розена, который будто бы рѣшитъ его судьбу; попрежнему восторгается Тифлисомъ и Кавказомъ, называя этотъ край земнымъ раемъ. Объѣхалъ Леонъ всю Грузію, и провелъ пятнадцать дней въ деревнѣ у вдовы несчастнаго Грибоѣдова, да—смѣшно сказать,—желѣзное сердце храбраго капитана не осталось чуждо поэзіи: Леонъ нашъ пишетъ, что считаетъ эти пятнадцать дней са-

мыми счастливыми днями своей жизни; очарованъ умомъ и любезностью жены своего покойнаго друга, и опять туда поѣдетъ, во ожиданіи Розена. Увѣряетъ, будто бы начинаетъ помышлять о карьерѣ (il dit, qu'il commence à songer à sa carrière). Во всякомъ случаѣ, онъ не замедлитъ опять сражаться. Драться ему наслажденіе, а намъ... Боже мой!.. онъ намъ дороже жизни»...

«Дача въ Павловскѣ нанята»,—сообщаетъ Сергѣй Львовичъ, десять дней спустя (19-го іюня). «Завтра переѣзжаемъ, а пиши намъ такъ: Чрезъ Царское Село въ Павловскъ, въ домъ крестьянина Удалова, возлѣ нѣмецкой церкви. Въ Павловскѣ пробудемъ нѣсколько мѣсяцевъ. Признаюсь, скорблю о Михайловскомъ, но плетью обуха не перешибешь (mais à l'impossible nul n'est tenu). Мамà, будетъ пользоваться Маріенбадскими водами, которыми запасемся здѣсь въ городѣ, и не искусственными, а натуральными. Аннетъ Вульфъ въ Тригорскомъ, а ея братъ Алексѣй—здѣсь. Александръ ѣдетъ на три года въ деревню, да не знаю куда именно [1]). Мы надѣемся, если Богъ дастъ, поѣхать въ Михайловское черезъ годъ, чѣмъ избавить Александра отъ лишнихъ хлопотъ по приведенію въ порядокъ «холмовъ и полей родныхъ». Не можемъ ему предоставить Михайловское на все это время, и лишать себя послѣдняго утѣшенія (nous ne pouvons pas le lui abandonner pour tout ce temps là. Ce n'est pas dutout, notre plan que de nous priver de cette dernière consolation). Обнимаю тебя и Леончика отъ всего сердца; дай Боже мнѣ его увидѣть. Adesso e sempre твой.»

«Бога ради не имѣй черныхъ мыслей обо мнѣ»,—пишетъ бабка 3-го іюля изъ Павловска.—«По твоему письму вижу и чувствую твои опасенія, но еще разъ повторяю: они совершенно напрасны, что̀ тебѣ можетъ подтвердить и Кошецъ. Александръ тоже хочетъ тебѣ обо мнѣ писать. Если мнѣ не вѣришь, повѣрь имъ, а я скажу одно: право, я здорова [2]). Съ 20-го іюня мы въ Павловскѣ, а 22-го я стала пить воды, которыя очень мнѣ помогли: могу довольно долго гулять, и даже ѣзда въ экипажѣ перестала дѣйствовать на нервы.

«Петергофскій праздникъ удался какъ нельзя лучше. Подробностей описывать не стану, а скажу, что Александръ былъ на праздникѣ съ Наташей; Наташа была, говорятъ, очаровательна, чему вполнѣ вѣрю: послѣ ея послѣднихъ родовъ красота ея въ полномъ блескѣ (Nathalie était superbe, à ce qu'on dit; c'est vrai, qu'après cette couche elle est devenue plus belle que jamais). А знаешь, Александръ ѣдетъ въ сентябрѣ въ деревню на три года! Это рѣшено: отпускъ получилъ, чему Наташа и покорилась»...

---

[1]) Дядя выѣхалъ изъ Петербурга, но гораздо позже—въ августѣ 1835 года,—получивъ трехмѣсячный отпускъ. Л. П.

[2]) (En verité je me porte bien).

Приводя дословно письмо бабки отъ 3-го іюля, сомнѣваюсь, получилъ ли дядя Александръ именно тогда этотъ отпускъ.

«Александръ уѣзжаетъ»,—пишетъ Сергѣй Львовичъ отъ того же числа,—«но куда—ничего не знаю; да и онъ, кажется, самъ не знаетъ; не думаю, чтобы сынъ меня навѣстилъ до своего отъѣзда; если же навѣститъ, то появится какъ молнія (et s'il le fera—il paraitra comme un éclair); между тѣмъ, многое мы должны вмѣстѣ съ нимъ порѣшить прежде нежели разстаться—быть можетъ на очень долгое время (et pourtant, nous aurons beaucoup de choses à régler entre nous avant que de nous séparer, et peut être pour bien longtemps).

«Вчера былъ день твоихъ имянинъ»,—сообщаетъ Надежда Осиповна отъ 12-го іюля.—«Провела его, милая Ольга, какъ провожу всѣ прочіе дни моей жизни, т. е. думала о тебѣ, мой ангелъ, думала о нашей долговременной разлукѣ. Мысли эти черныя: сердце надрывается, и однѣ лишь слезы его нѣсколько облегчаютъ; не полагаю, однако, что слезы лекарство отъ желчи...

«...Александръ не даетъ намъ о себѣ знать; знаемъ только по наслышкѣ, что онъ съ женой веселится (Alexandre ne nous donne pas signe de vie; je sais par ouï dire qu'ils s'amusent — c'est à dire lui et sa femme). Были они и въ Петергофѣ, и въ Парголовѣ у графини Бобринской, а Александрѣ Ивановнѣ Шевичъ сказали, будто бы непремѣнно пріѣдутъ къ намъ. Мы ихъ ждали и къ пятому и къ одиннадцатому, а теперь, кажется, ожиданія видѣть ихъ такъ и останутся ожиданіями (et je crois que nous les attendrons sous l'orme). Далеко не забавно, потому что твой братъ забываетъ, что не можемъ жить однимъ воздухомъ. Обнимаю тебя, прижимая Лелю къ моему растерзанному сердцу».

Сергѣй Львовичъ тоже сѣтуетъ на сына, заключая письмо слѣдующими строками:

«Александръ намъ даже не пишетъ, какъ будто мы въ какой нибудь Кохинхинѣ. Сердце надрывается и молчу. Да будетъ воля неба! (Alexandre ne nous ecrit pas même, c'est comme si nous etions à Cochinchine. Cela me serre le coeur, et je me tais. Enfin, que la volonté du Ciel soit faite!)

XXXVII.

Въ августѣ 1835 года Ольга Сергѣевна отправилась къ родителямъ изъ Варшавы, взявъ и меня съ собою.

«Наконецъ, я у моихъ»,—пишетъ она моему отцу отъ 31 числа изъ Павловска.—«Ласкаютъ меня, лелѣятъ ребенка. Живу не на той дачѣ, которую родители хотѣли для меня нанять—она оказалась не совсѣмъ удобной — а въ ихъ же домѣ. У меня двѣ комнатки, и я была бы совершенно спокойна, если бы не плохое здоровье матери: перемѣнилась болѣе, чѣмъ я себѣ воображала; говоритъ, чувствуетъ

себя недурно, но ея слабость меня очень безпокоитъ. На другой день я немедленно поѣхала къ Александру. Описывать его радость не стану. Сейчасъ же послѣ первыхъ словъ спросилъ, гдѣ мой ребенокъ, и узнавъ, что привезла его съ собой, и оставила у родителей, спросилъ опять, хорошо ли тамъ за нимъ будутъ смотрѣть до вечера? Братъ представилъ меня своимъ остальнымъ женамъ— теперь у него цѣлыхъ три, какъ тебѣ извѣстно[1]); эти жены— то есть обѣ его свояченицы—очень красивы, но не могутъ все-таки сравниться съ Наташей, у которой появился свѣжій цвѣтъ лица: она немного и пополнѣла. Гостила у брата не долго, а сегодня онъ съ женой былъ у насъ. Въ Нижегородской деревнѣ они не будутъ, какъ братъ предполагалъ, потому что Наташа и слышать объ этомъ не хочетъ. Братъ ограничится поѣздкой на нѣсколько дней въ Тригорское, а Наташа изъ Петербурга не тронется[2]). (Hier Alexandre avec sa femme est venu me voir. Ils ne vont plus à la campagne de Nijni, comme monsieur se le proposait, car madame ne veut pas en entendre parler. Alexandre se contente d'aller faire un séjour de quelques jours à Тригорское, et elle ne bouge pas de Petersbourg). Онъ мнѣ говорилъ во-первыхъ о томъ, что получилъ отпускъ на четыре мѣсяца, и, кромѣ того, ему дали, о чемъ просилъ: триддать тысячъ рублей взаймы».

Далѣе Ольга Сергѣевна пишетъ:

«Во-вторыхъ, Александръ проситъ тебя извѣстить, какую довѣренность полагаешь составить, чтобы ты черновую написалъ, а онъ на все согласенъ. Между тѣмъ, тебя предупреждаетъ, «что если ты хочешь на пашню, то трудъ лишній будетъ, а толку мало: земли на его части слишкомъ недостаточно— то лучше ихъ оставить на оброкѣ»[3]); тамъ новый управитель Пеньковскій. Александръ уже ему писалъ о нашемъ дѣлѣ».

«Александръ»,—продолжаетъ моя мать,—«надняхъ продалъ фермуаръ за 850 рублей, и вчера принесъ мнѣ деньги, стало быть не безпокойся о моихъ денежныхъ обстоятельствахъ, а родители въ этихъ-то обстоятельствахъ очень стѣснены, почему и не хочу быть имъ въ тягость.

«Александръ, во время своей бесѣды, держалъ Лелю на рукахъ, ласкалъ его, но при этомъ—нечего сказать—братъ утѣшать мастеръ:

---

[1]) Подчеркнутая фраза порусски. Л. П.

[2]) Это письмо не совсѣмъ согласно съ замѣткою Я. К. Грота, въ его «Хронологической канвѣ для біографіи Пушкина», гдѣ сказано: «27-го августа Пушкинъ получилъ отпускъ въ Москву до декабря 23-го, и ѣдетъ въ Калужское имѣніе жены, а потомъ въ Болдино, но возвращается въ Петербургъ уже къ 15-му октября, по причинѣ болѣзни матери». Изъ письма же Ольги Сергѣевны видно, что Пушкинъ посѣтилъ ее 30-го августа въ Павловскѣ—слѣдовательно и не поѣхалъ тогда ни въ Болдино, ни въ Михайловское. Л. П.

[3]) Подчеркнутыя слова порусски. Л. П.

сталъ высказывать свое предчувствіе, что судя по печальному выраженію лица ребенка, и грустному его взгляду, онъ едва ли будетъ счастливъ, и безпрестанно повторялъ: «береги, береги его»...

«Александръ уѣхалъ на три мѣсяца въ Тригорское»,—сообщаетъ Ольга Сергѣевна отъ 12 сентября.—«Это, однако, не мѣшаетъ тебѣ прислать на его имя довѣренность: братъ подпишетъ, вотъ и все, что̀ и поручилъ тебѣ сообщить. А еще было бы лучше, если бы вмѣсто переписки, ты бы самъ пріѣхалъ зимой, между тѣмъ какъ при перепискѣ будутъ возникать недоразумѣнія съ моимъ братомъ, у котораго никогда не хватаетъ терпѣнія дочитывать письма до конца. (Il y aura toujours du mic-mac par écrit avec mon cher frère, qui n'a jamais la patience d'achever une lettre). О поѣздкѣ моихъ родителей нѣтъ и рѣчи; я же затрогивать этого вопроса не хочу; впрочемъ, едва ли на поѣздку у нихъ оказались бы средства, а вообрази, въ прошломъ году имѣніе описывали пять разъ».

Ольга Сергѣевна черезъ недѣлю отправилась на нѣсколько дней по дѣламъ въ Петербургъ, откуда, между прочимъ, пишетъ:

«У мама̀ разлитіе жолчи; чувствуетъ себя то лучше, то хуже. Безпокоится обо Львѣ, который, надѣвъ опять мундиръ, ушелъ въ экспедицію противъ горцевъ, что̀ гораздо лучше нежели быть празднымъ.»

«...Добрѣйшая Дельвигъ—нынѣ Баратынская—въ деревнѣ, и очень счастлива. Теща и невѣстка весьма ее полюбили, но мужъ въ постоянныхъ отлучкахъ, будучи вынужденъ посѣщать больныхъ, что̀ мнѣ говорилъ Александръ. Очень жаль, что мнѣ не удастся ее видѣть. Кстати, о новостяхъ: государь запретилъ графинѣ С—й въѣздъ въ Москву и Петербургъ (Sa Majesté a donné la clef des champs à la comtesse S—f à condition, qu'elle ne mette pas le pied ni à Moscou ni à Petersbourg), за данный ей безъ позволенія праздникъ въ Славянкѣ; она, во время праздника, распорядилась поставить мачту (un mât de cocagne) и повѣсить на верхушкѣ сарафанъ и повойникъ, назначивъ ихъ въ награду тому, кто ихъ сниметъ со столба. Вообрази, побѣду одержала старая 50-тилѣтняя, толстая, некрасивая баба. Мужъ ея, усмотрѣвъ въ гимнастикѣ своей супруги крайне неприличную выходку, отколотилъ побѣдительницу, а трофеи бросилъ въ огонь, приговаривая: «Ты осрамила меня и себя на цѣлый вѣкъ! Вотъ тебѣ сарафанъ, а вотъ тебѣ и повойникъ!» [1]). Героиня пожаловалась графинѣ; та сейчасъ же подарила ей другой нарядъ, приказавъ не снимать эту награду за ловкость и отвагу. Говорятъ, господа военные, поѣхавшіе безъ позволенія на праздникъ, очутились на другой день за это на гауптвахтѣ.

...«Бѣдная Кюхюльбекеръ, разставшись съ своей дочерью Глинкой, совершенно одинока. Сынъ ея Вильгельмъ въ сухоткѣ, и со-

---

[1]) Фраза порусски. Л. П.

вершенно гаснетъ (et s'eteint tout à fait); другая же дочь Юлія поступила въ компаньонки къ графинѣ Полье, которая, наконецъ, выходитъ замужъ за богатаго итальянца—Бутера. Теперь новость за новостью: твой и мой другъ—композиторъ Михаилъ Глинка—женился на Ивановой — молодой дѣвицѣ, бѣдной и безъ образованія (jeune personne sans fortune et sans éducation)—далеко не красивой, и которая музыки терпѣть не можетъ, что̀ не помѣшало, однако, Глинкѣ посвятить ей великолѣпное свое произведеніе (un morceau de musique de toute beauté), исполненіе котораго вчера слышала. Игралъ молодой Даргомыжскій. Теперь Даргомыжскій геній, но такъ обиженъ природой, что кто обладаетъ мало-мальски веселымъ характеромъ, тотъ не будетъ въ состояніи видѣть—въ особенности же слышать его—безъ желанія разсмѣяться. (Cést un genie maintenant, mais si disgracié de la nature, qu'avec un caractère tant soit peu gai, on ne saurait le voir, et surtout l'entendre parler sans avoir envie de rire). Даргомыжскій мнѣ и сообщилъ о знаменитой женитьбѣ своего друга.

... «Пожалуйста не присылай мнѣ больше твоихъ статей для передачи редакторамъ журналовъ»,—пишетъ Ольга Сергѣевна отъ 13-го октября.—«Я еще въ Павловскѣ, и даже если бы была въ Петербургѣ, то ни за что̀ на свѣтѣ не хочу водить знакомства съ журнальной ракальей (avec toute cette racaille litteraire, ne vous en déplaise). Отъ этой шайки я подальше. Богъ только одинъ знаетъ, что̀ отъ нея терпѣлъ бѣдный Александръ, и предсказываю, что эта ракалья подпольными пакостями изподтишка не оставитъ его въ покоѣ in saecula saeculorum, говоря полатыни. А потому эту шайку терпѣть не могу, и можешь посылать твои палинодіи (vos palinodies) прямо къ означеннымъ господамъ...»

... «Я въ Павловскѣ теперь одна: мои старики поѣхали въ Петербургъ выбрать квартиру; мать пробудетъ пока у Княжниной, а отецъ—у графа Толстого. Они получили письмо отъ Леона, которое ихъ ужаснуло. Полагаю, Леонъ говоритъ опять о своихъ долгахъ; лучше бы молчалъ, не разстраивая надломленное здоровье мама̀. Брата Александра здѣсь нѣтъ, а онъ имѣетъ иногда талантъ ее успокоивать, (il a au moins ce talent quelquefois). Уѣхалъ онъ въ Тригорское, гдѣ и пробудетъ вѣроятно весь ноябрь [1]). Отецъ переслалъ тебѣ копію письма брата; по его словамъ, Александръ совершенно согласенъ предоставить тебѣ самыя широкія полномочія, (de vous donner les pleins pouvoirs) за исключеніемъ, разумѣется, продажи имѣнія, но не рѣшается дать довѣренности, не зная въ чемъ она должна состоять. Александръ увѣренъ, что мы въ Москву не поѣдемъ, и не ошибается: мама, по болѣзни, не можетъ тронуться, въ особенности зимой, а денегъ оказалось въ этомъ мѣсяцѣ такъ мало, что мама заняла у меня 150

[1]) Предположенія Ольги Сергѣевны не оправдались: Пушкинъ возвратился вскорѣ послѣ этого письма. Л. П.

рублей; кромѣ того, я для родителей покупаю на мои деньги дрова, свѣчи, и прочее. Между тѣмъ, Александръ,—какъ тебѣ, впрочемъ, уже писала,—получилъ 30,000 рублей отъ его величества. Стало быть дѣла его слава Богу...»

«Шестнадцатаго числа я пріѣхала изъ Павловска»,—пишетъ мать отъ 20-го октября.—«У Княжниной нашла мамà—очень ослабѣвшей, въ постели. У нея сидѣли доктора Спасскій и Раухъ. Спасскій тотчасъ мнѣ объявилъ, что за жизнь мамà не ручается, и прибавилъ: «болѣзнь вашей маменьки длится съ 1807 года, потому что именно тогда желчь у нея разлилась въ первый разъ». Заявленіе Спасскаго показалось мнѣ до нельзя смѣшнымъ. Раухъ немного утѣшительнѣе: говоритъ, болѣзнь матери хроническая, но пока опасности не представляетъ, хотя на радикальное исцѣленіе расчитывать нельзя. Доктора стали ей давать лекарства, которыя сама желаетъ, а я и Новосильцова послали Толстого переговорить съ изобрѣтателемъ цѣлебныхъ лепешекъ Маркеловымъ; графъ Толстой привезъ ихъ.»

«Ухудшенію здоровья мама содѣйствовало отчаянное письмо Леона, увѣряющаго, что находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи: занялъ будто бы деньги, чтобы опустить письмо на почту, что̀ почти унизительно, и прочее (que pour remettre sa lettre à la poste, il a eu recours à une démarche presque humiliante, et coetera). Ни во что̀ считаетъ двадцать тысячъ, уплаченныхъ за него братомъ и стариками, а, между тѣмъ, Леонъ живетъ въ Тифлисѣ какъ всякій, у кого въ распоряженіи десять тысячъ рублей на расходы, что̀ подтвердилъ женѣ Александра и пріѣхавшій оттуда Россетъ. Мама, прочитавъ письмо сына, подверглась ужасному лихорадочному припадку. Третьяго дня переѣхали на новую квартиру—у Шестилавочной, на углу Графскаго переулка въ домѣ Кокушкина. Квартира незавидна,—въ деревянномъ домѣ,—и мала, по милости множества слугъ, съ которыми отецъ не рѣшается разстаться; изъ себя выходитъ, когда всю челядь не видитъ на лицо: «Да гдѣ этотъ, да гдѣ тотъ, да кто его послалъ?» [1]). Мама не могла квартиру даже и осмотрѣть, а знаетъ только свою комнату, гдѣ и я помѣстилась съ ребенкомъ...»

... «Александръ возвратился вчера изъ Тригорскаго, и привезъ намъ только одни поклоны отъ Осиповой, которая все больна,—и дочери ея Вревской. Александръ, вѣрующій въ Спасскаго, какъ жиды въ пришествіе Мессіи, повторяетъ все, что̀ тотъ ни говоритъ, увѣряя будто бы мать очень плоха (mon frère, qui croit à Spasky comme les juifs au Messie, qui doit leur arriver, repète tout ce qu'il dit, et prétend que ma mère est très mal.) Но это неправда: Александръ только одинъ это проповѣдуетъ, а другіе поздравляютъ ее съ улуч-

[1]) Подчеркнутая фраза порусски. Л. П.

шеніемъ, и въ самомъ дѣлѣ: послѣдніе дни она замѣтно поправилась съ тѣхъ поръ, какъ стала принимать лепешки Маркелова, такъ что сегодня Спасскій разинулъ ротъ. Приписываетъ улучшеніе не лепешкамъ Маркелова,—а единственно крѣпкому тѣлосложенію больной. Можешь себѣ, между тѣмъ, представить положеніе моего отца! Его преслѣдуютъ черныя мысли, а къ тому же денегъ нѣтъ. Сдѣлался хуже женщины, и вмѣсто того чтобы дѣйствовать, плачетъ, а я право не знаю что дѣлать. Отдала все, что̀ могла, и безъ толку, по милости домашнихъ порядковъ и плутовства лакеевъ, въ сравненіи съ которыми сахаръ медовичъ Пронька ходячая добродѣтель. [1]) Получено изъ деревни тысяча рублей, за квартиру уплачено 400, а остальные куда дѣвались? Ни я, ни маленькій Леля, ни мои люди родителямъ не стоятъ ни копѣйки, занимая только у нихъ комнату. За столъ же и моимъ двумъ прислугамъ плачу я изъ присылаемаго жалованья, и изъ денегъ вырученныхъ Александромъ отъ продажи фермуара, данныя мной старикамъ 150 рублей такъ и пропали. Отецъ проситъ у меня еще 225 рублей, такъ что у меня, до высылки тобой денегъ, ничего и не останется (je serai tout a fait à sec). Просить же возвращенія уже данныхъ мною финансовъ у меня не достанетъ духу—слишкомъ на этотъ счетъ совѣстлива и деликатна...»

... «9-го ноября. Жена Александра опять беременна. Александръ объявилъ мнѣ объ этомъ сегодня. Вообрази, на нее, бѣдняжку, напали—отчего и почему мать у нея не остановилась по пріѣздѣ изъ Павловска? А дѣло просто: мама не думала тогда, что еще больше захвораетъ, расчитывая и прежде того остаться у Княжниной до переѣзда на новую квартиру. На мѣстѣ моей невѣстки и я бы не пригласила свекровь, подвергая ее неудобствамъ. Правда, квартира Александра большая, но въ ней проживаютъ уже двѣ сестры, да трое ребятъ; брата же тогда и не было, а безъ его разрѣшенія Наташа не предложила бы мама̀ къ ней переселиться. Безкостные языки пошли далѣе: вознегодовали (on est venu à se recrier), зачѣмъ у невѣстки ложа въ театрѣ, зачѣмъ на туалеты тратитъ бѣшеныя деньги, между тѣмъ какъ родители ея мужа бѣдствуютъ (à quel propos elle dépense un argent fou pour ses robes, tandis que les parents de son mari se trouvent dans de mauvais draps), словомъ нашли очень остроумнымъ ее бранить (en un mot, on a trouvé trés piquant de la gronder) [2]). Бранятъ и насъ, само собою разумѣется: Александръ—дескать чудовище, а я—жестокосердая дочь! (Alexandre est un monstre, et moi—une fille dénaturée!) Впрочемъ Але-

---

[1]) Эта фраза порусски. Л. П.

[2]) Подтвержденіемъ того, что моя мать сообщила отцу, служитъ письмо дяди Александра къ П. А. Осиповой, но не въ исходѣ августа—какъ напечатано на 260 стр. VIII тома изд. г. Суворина,—а послѣ возвращенія Пушкина въ Петербургъ—въ октябрѣ. Дядя высказываетъ почти тѣ же мысли. Л. П.

ксандръ, я и Наташа не лишены и защитниковъ. Знаешь, что еще говорятъ?—будто бы ты управляешь имѣніемъ, отецъ насъ будто бы отдѣлилъ, а братъ Александръ подарилъ, сверхъ того, мнѣ двѣсти душъ, полученныхъ имъ отъ отца къ своей свадьбѣ. Дай Богъ ихъ устами медъ пить. Но этого никогда не будетъ: не говорю объ Александрѣ—было бы глупо и несправедливо съ его стороны: онъ отецъ семейства, и жена ему ближе меня [1]). Всѣмъ однако сплетнямъ отецъ самъ виноватъ: онъ то и дѣло жалуется, плачетъ и вздыхаетъ при встрѣчномъ и поперечномъ (il ne fait que se plaindre, pleurer et soupirer à tout venant et à tout passant). Когда у него просятъ денегъ на дрова или сахаръ, бьетъ себя по лбу и кричитъ: Что вы ко мнѣ приступаете? я несчастный человѣкъ [2]). Пустилъ онъ это восклицаніе и при мнѣ, что̀ признаюсь, меня позабавило, такъ какъ подумала о его тысячѣ двухстахъ душахъ въ Нижнемъ (car j'ai d'abord songé à ses 1,200 paysans de Nijni)... Постарайся пріѣхать сюда зимой! Ручаюсь, примутъ съ распростертыми объятіями! Даже моя мать повидимому тебя полюбила; часто говоритъ о тебѣ, спрашивая, что̀ мнѣ пишешь, и всегда поручаетъ тебѣ очень кланяться. Твою палинодію напечатаютъ въ «Сѣверной Пчелѣ», куда ее отослалъ Вяземскій, а статья противъ Сенковскаго,—по словамъ Вяземскаго и брата Веневитинова—запоздала: бумаги Брамбеуса уже такъ упали, что о немъ больше и не говорятъ; это подтвердилъ и Александръ.»

«Кстати: отгадай, чѣмъ занимается Анетъ Кернъ?—Переводитъ Жоржъ Занда, и не ради удовольствія, а ради денегъ! Просила она Александра замолвить слово въ ея пользу Смирдину; но Александръ всегда дѣйствуетъ безъ церемоніи, когда дѣло идетъ объ отказѣ (mais Alexandre est toujours sans façons, quand il s'agit de refuser). Братъ отвѣчалъ, что онъ Смирдина совсѣмъ не знаетъ, но Анета не печалится, расчитывая получить за переводъ романа «Andrée»—ни болѣе ни менѣе какъ пятьсотъ рублей».

Въ письмѣ отъ 22 ноября Ольга Сергѣевна разсказываетъ довольно юмористическое происшествіе:

«Твое письмо—а лучше сказать—вложенный туда кредитивъ на имя банкира, произвело не совсѣмъ плохой эфектъ: надо замѣтить, что въ тотъ же день мой отецъ долженъ былъ получить 1400 рублей высланныхъ управляющимъ, и преподнесъ мнѣ съ сіяющимъ видомъ сто рублей—часть его долга. Затѣмъ получается и твое письмо; я его отцу читаю. «Дражайшій» вытянулъ физіономію и вознегодовалъ, зачѣмъ высылаешь мнѣ деньги чрезъ банкира? Приходитъ тогда Александръ; «дражайшій» отводитъ его въ сторону, показываетъ письмо управляющаго, и топая ногою, спрашиваетъ:

---

[1]) Подчеркнутыя фразы порусски. Л. П.

[2]) Подчеркнутая фраза порусски. Л. П.

«Что это такое? что это значитъ? не понимаю» (qu'est ce que c'est que cela, qu'est ce que cela veut dire? je ne comprends pas). Я удалилась въ другую комнату, дать отцу и брату объясняться на свободѣ. Однако слышала ихъ преніе. Александръ говорилъ съ большимъ жаромъ, и когда споръ кончился, пришелъ ко мнѣ и сказалъ: «Для тебя есть девятьсотъ рублей, но тебѣ не дадутъ ничего, потому что мой отецъ—не смотря на мои доказательства—упорно утверждаетъ, что деньги для Льва (Il y a neuf cents roubles pour vous; mais on ne vous donnera rien, car mon pére, malgré que je le lui prouvais, s'obstine à soutenir, que c'est pour Léon); а мужъ твой виноватъ: если бы написалъ прежде Пеньковскому, деньги были бы у него[1]). Мама, лежа въ постели, услышавъ, что говорятъ о дѣлѣ въ сосѣдней комнатѣ, перепугалась, опасаясь сцены, а сидѣвшая у матери Княжнина выходитъ къ намъ на ципочкахъ, со словами: «Бога ради потише! Съ вашей мама сдѣлается дурно». Я сей же часъ пошла съ братомъ къ больной; Александръ, полагая ее успокоить, сказалъ ей, что ничего особеннаго не случилось, а разговоръ касался денегъ, высланныхъ изъ деревни. Затѣмъ Александръ взялся за шляпу и былъ таковъ[2]). Весь день мой отецъ дулся; за обѣдомъ и ужиномъ не проронилъ ни слова (et ne me souffla pas le mot), но послѣ ужина послѣдовалъ за мной, и показывая мнѣ бумажникъ, сказалъ:—Тутъ есть деньги и для тебя, какъ увѣряетъ Александръ; возьми по крайней мѣрѣ часть (Il y a aussi de l'argent pour toi, à ce que dit Alexandre; prends au moins une partie). Первымъ моимъ словомъ было отказаться, и я отвѣчала:—если васъ это стѣсняетъ, ни за что̀ на свѣтѣ не приму, а попрошу только у васъ, что̀ мнѣ должны.—«Но это меня ни мало не стѣсняетъ»,—отвѣчалъ отецъ.—«Матвѣй Михайловичъ Сонцовъ мнѣ прислалъ кое-что надняхъ...» Я опять просила его не безпокоиться, вслѣдствіе чего онъ и положилъ обратно бумажникъ въ карманъ, а на другой день... ни слова. На третьи сутки, зарядившись храбростью, и видя отца въ хорошемъ расположеніи, я попросила должные мнѣ сто двадцать пять. На это «дражайшій»:—«Возьми же пятьсотъ, прошу тебя». Послѣ того я уже отцу не прекословила. Остальныя пятьсотъ отецъ послалъ въ Тифлисъ Леону, вмѣстѣ съ письмомъ довольно безцеремоннымъ—чтобы не сказать рѣзкимъ. Но храброму капитану—съ гуся вода: подвергается не такимъ пулямъ[3]). Какъ тебѣ это все кажется? Право, папа́ жалокъ, всегда нуждается. Александръ увѣряетъ, что «дражайшій» опять хочетъ заключить заемъ. Со всѣхъ сторонъ отца обманываютъ, обворовываютъ, грабятъ, да еще подсмѣиваются надъ нимъ. А челядь

---

[1]) Подчеркнутая фраза порусски. Л. П.

[2]) Подчеркнутыя слова порусски. Л. П.

[3]) Подчеркнутое порусски. Л. П.

его—саранча сущая [1]). И такъ, не присылай теперь мнѣ денегъ: у меня болѣе четырехъ сотъ рублей; двухъ сотъ круглымъ счетомъ очень достаточно; если же весной поѣдемъ въ деревню—и того слишкомъ много. Не буду выѣзжать,—помимо увѣщаній Александра,—въ свѣтъ, во избѣжаніе расходовъ...

«Только что возвратилась отъ Александра»,—сообщаетъ мать отъ 26 ноября, между прочимъ,—«и провела у него цѣлый день съ моимъ Лелей. Братъ, повидимому, опять меня весьма полюбилъ (mon frère parait de nouveau m'aimer beaucoup), а Лелю очень хвалитъ и ласкаетъ [2]). Леля большой говорунъ, и особенно сошелся съ своимъ двоюроднымъ братомъ Сашей, но успѣлъ на него тутъ же дядѣ насплетничать:—«Дядя, знаешь, Маша плачетъ? Сашка ее прибилъ!» Александръ своимъ дѣтямъ такъ же какъ и я моему—спуску не даетъ—ни двухлѣтнему своему мальчику, ни дѣвочкѣ. Впрочемъ, нѣжный отецъ (il châtie bien son garçon, qui n'a que deux ans, et sa Macha de même. Au reste il est tendre pére). Знаешь ли, братъ хотя человѣкъ и не дѣловой, но дѣла понимаетъ, и далъ мнѣ много практическихъ совѣтовъ? Ругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ журналистовъ, называя ихъ ябедниками и жидами. Говоритъ, въ деревнѣ писалъ очень немного, но своей элегіей (онъ мнѣ ее прочелъ) остался доволенъ [3]). Написалъ и очеркъ «Клеопатра» [4]). Отыскалось у него до двадцати экземпляровъ твоего лирическаго альбома [5]). Отдалъ мнѣ пятнадцать для перемѣны на книги, совѣтуя пріобрѣсти взамѣнъ, между прочимъ, сочиненія Гоголя. Прочти «Ссору Ивана Ивановича съ сосѣдомъ—тоже Иваномъ». Я послушалась и купила—но не взамѣнъ альбома, а на чистыя деньги. И дѣйствительно не раскаяваюсь: хохотала до упаду. Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ—неподражаемы. (Ces deux Иванъ sont impayables, et le «поцѣлуйтесь съ своей свиньею, а если не хотите такъ съ чортомъ»—c'est tout ce qu'il y a de plus gentil). Гораздо больше смѣялась при чтеніи «Ивана Ивановича», чѣмъ при чтеніи «Героя Очаковскихъ временъ» Основьяненки, который, помнишь, меня такъ забавлялъ!..»

«Наташа и сестры ея—Азинька и Коко [6]) прелюбезныя и предобрыя. Видятъ во мнѣ родную, и, конечно, чтобы сдѣлать мнѣ пріятное—ласкаютъ моего Лелю, въ особенности Коко. Мальчишка (le petiot) кажется уже въ нее и влюбился... Къ сожалѣнію, не могу часто у нихъ бывать. Всякій день проливной дождикъ, а

---

1) Подчеркнутое порусски. Л. П.

2) Тоже. Л. П.

3) Вѣроятно эта элегія: «Вновь я посѣтилъ». Л. П.

4) Не «Клеопатра», а «Египетскія ночи». Л. П.

5) Объ этомъ альбомѣ мною упомянуто выше. Л. П.

6) Александра и Екатерина Николаевны. Послѣдняя вышла замужъ за Дантеса. Л. П.

грязь непроходимая, въ особенности въ части города, гдѣ живемъ. Мамѣ теперь гораздо лучше, и если будетъ продолжать лепешки Маркелова, Богъ дастъ, поправится».

«Тебѣ кланяется»,—пишетъ Ольга Сергѣевна отъ 28 ноября,— «Сергѣй Соболевскій, безъ котораго Александръ жить не можетъ. Все тотъ же на словахъ злой насмѣшникъ, а на дѣлѣ добрѣйшій человѣкъ. Братъ посвящаетъ Соболевскаго въ семейныя дѣла; ничего отъ него не скрываетъ. Читая твои письма, Александръ часто терялъ терпѣніе, и тогда Соболевскій ихъ ему дочитывалъ, совѣтуя обращать серьезное вниманіе, на то, о чемъ сообщаешь. Разсмѣшилъ меня этотъ mylord qu'importe своей сатирической выходкой; сказалъ мнѣ порусски: «Сестра незабвеннаго здѣ присутствующаго піита, и дочь знаменитаго его родителя! Не соблаговолите ли осчастливить мой карманъ девятью стами сребрениковъ, ожидаемыхъ вами отъ онаго родителя? Когда-нибудь честное слово отдамъ, если не на этомъ, то, ей-Богу, на томъ свѣтѣ»...

... «Леонъ продолжаетъ писать письма изъ Тифлиса старикамъ на имя Александра, который, по моему совѣту, болѣе ихъ по принадлежности и не пересылаетъ—(иначе съ мама сдѣлалось бы Богъ знаетъ что̀), и не стѣсняется ихъ распечатывать. По этимъ письмамъ, Леонъ, прежде опредѣленія своего въ линейный казачій полкъ, задавалъ будущимъ товарищамъ обѣды. Какъ тебѣ нравится? Къ тому же, Александръ мнѣ разсказалъ, что Леонъ, будучи въ послѣдній разъ въ Петербургѣ, нанялъ первый нумеръ въ домѣ Энгельгардта, за который платилъ двѣсти рублей въ недѣлю, и давалъ завтраки графу Самойлову! Александръ говоритъ: «это уже изъ рукъ вонъ, ни на что не похоже!»

... «Александръ намѣренъ ѣхать въ Москву на два мѣсяца, а можетъ быть останется и долѣе. Будетъ рыться въ архивахъ для своей исторіи Петра Великаго. Онъ очень разсѣянъ, и не рѣшаюсь поэтому подробно говорить ему о нашихъ денежныхъ дѣлахъ. Къ тому же слишкомъ озабоченъ хозяйствомъ, ребятишками и нарядами жены (D'ailleurs il pense trop à son ménage, a sa marmaille, et à la toilette de sa femme). Вчера былъ, по обыкновенію, не надолго, къ тому жъ съ тремя женами и въ дистракціи [1]). Все что отъ него могла добиться, ограничивается тѣмъ, что,—какъ ты полагалъ—на нашу долю придется пока, за вычетомъ процентовъ въ ломбардъ, 1600 рублей, которые управляющій долженъ выслать тебѣ во что̀ бы ни стало, и будто бы Александръ письменно приказалъ ему это сдѣлать. Повтори однако это господину Пеньковскому. Но во всякомъ случаѣ, было бы еще лучше, если бы ты пріѣхалъ сюда, пока Александръ еще здѣсь, или же немедленно по его возвращеніи перего-

---

[1]) Подчеркнутыя слова порусски. Л. П.

ворить съ нимъ лично. Полагаю, братъ не уѣдетъ раньше января, а въ мартѣ будетъ назадъ. Ничего положительнаго объ этомъ не говоритъ—даже и Наташѣ.»

... «Былъ у насъ Плетневъ, былъ и Жуковскій, были и Талызины, но мать къ нимъ не выходила, а принималъ «дражайшій». Мама поправляется, но очень медленно, и перебирается съ помощью палки изъ спальни въ гостиную, посидитъ въ креслѣ, и опять уходитъ.

...«Пишу тебѣ въ знаменитый день моего рожденья»,—иронизируетъ Ольга Сергѣевна въ письмѣ отъ 20-го декабря.—«Удивительное, нечего сказать счастіе, что лишній годъ сѣлъ мнѣ на плечи! Если бы знаменитый день принесъ мнѣ какое-либо особенное благополучіе—можно было бы его еще отпраздновать. Александръ совершенно согласенъ съ моими мыслями, потому и не счелъ нужнымъ находиться въ числѣ поздравившихъ, а ихъ было много. Богъ знаетъ какимъ образомъ всѣ они провѣдали о «достославной годовщинѣ». Показались даже такіе господа, которыхъ я до «сихъ поръ» и въ глаза не видала. Все это звонило безъ памяти—такъ что и звонокъ никуда больше не годится—злословило, сплетничало, ѣло, да закусывало, да радовалось, и повидимому всякій воображалъ, что восторгается не моимъ, а собственнымъ днемъ своего рожденья[1]). Боже мой, какъ все это смѣшно, и какъ достойно самыхъ колкихъ насмѣшекъ Александра! (Grand Dieu, que c'est ridicule! Mais tout ceci peut servir de sujet aux epigrammes les plus mordantes d'Alexandre!) Утромъ мама настояла, чтобы я пошла къ обѣднѣ, что̀ я и сдѣлала, зная какъ это будетъ ей пріятно, хотя дома помолилась бы съ бо̀льшимъ усердіемъ, не соблазняясь пѣніемъ дьячка въ скороговорку, которое болѣе чѣмъ неблаголѣпно, не располагая къ теплой молитвѣ. Принимая же затѣмъ знакомыхъ и незнакомыхъ. въ качествѣ «новорожденной»—въ тридцать-то восемь лѣтъ[2])—я устала такъ, что и сказать не могу. Отецъ не въ духѣ, мать тоже не въ своей тарелкѣ и, какъ полагаю, единственно вслѣдствіе моихъ словъ, что день моего рожденья терпѣть не могу.

...«Мама чувствуетъ себя повидимому лучше. Раухъ и Спасскій являются всякій день, и говорятъ между собою полатыни, что̀ меня однако далеко не успокаиваетъ.»

...«Ма̀ма не покидаю днемъ. Занимаю ее чтеніемъ Вальтеръ-Скотта, Бальзака и Поль де-Кока, чѣмъ и заставляю смѣяться. Мать кажется полюбила тебя не на шутку, очень желаетъ тебя увидѣть,—спрашиваетъ, привезешь ли свою гитару, прошелъ ли твой кашель,

---

[1]) Подчеркнутая фраза порусски. Л. П.

[2]) Подчеркнутая фраза порусски. Л. П.

даже прослезилась, сказавъ: «я много, много была виновата передъ нимъ.» (J'ai eu tort, bien tort à son égard.») Леля ея любимецъ и баловень. По вечерамъ выѣзжаю очень рѣдко, и то, чтобы сдѣлать удовольствіе Александру. Была съ нимъ у Вяземскихъ, Талызиныхъ, но не пускаюсь въ большой свѣтъ.... что я тамъ забыла? Правда, ѣздила въ собраніе, но не танцовала, а была на хорахъ. Наташа разумѣется танцовала, а братъ нашелъ своего Соболевскаго, который тоже не танцовалъ, а прогуливался, задравъ кверху носъ, руки въ карманы и, кажется, былъ намѣренъ сказать: «Смѣюсь надъ всѣми!» (il se promenait le nez au vent, les deux mains dans ses poches, et semblait dire à toute la société: je ne me moque pas mal de vous)!— Надняхъ посѣтила я Анетъ Кернъ вмѣстѣ съ Александромъ. Былъ тамъ Глинка. Онъ ставитъ свою оперу «Сусанинъ». Кромѣ Глинки, встрѣтила я многихъ пріятныхъ собесѣдниковъ и собесѣдницъ, нравственно отдохнула, и прежняя веселость, хотя на пару часовъ, ко мнѣ возвратилась. Кстати или некстати (à propos ou mal à propos): Очень хорошо дѣлаешь, что не кажешь носа къ К—мъ, послѣ того, какъ глава этого семейства не заблагоразсудилъ отвѣчать тебѣ визитомъ. Александръ говоритъ, что онъ очень глупъ, доказательствомъ чего, между прочимъ, служитъ слѣдующая выходка этого вельможнаго пана: вообрази, заставилъ французскихъ актеровъ играть свой глупый водевиль, и вышелъ просто срамъ. Употребляю выраженіе Александра (Alexandre dit, qu'il est bien sot et ce qui le prouve, c'est que, figurez vous, qu'il à fait jouer aux acteurs français sa bête de pièce — son charmant vaudeville!—C'etait une honte tout court. J'emploie les termes d'Allexandre.) Что касается жены этого господина — то она Александра терпѣть не можетъ. Она когда-то вздумала говорить ему о его стихахъ, а такъ какъ братъ ей отвѣчалъ довольно сухо, то и отнеслась къ нему съ насмѣшливымъ тономъ:

— Знаете ли, г. Пушкинъ, что вашъ «Годуновъ» можетъ показаться интереснымъ въ Россіи?

Александръ на это отвѣчалъ:

— Такъ же онъ можетъ показаться интереснымъ въ Россіи, какъ вы можете казаться красивой женщиной въ домѣ вашей матушки. (Savez vous monsieur Пушкинъ que votre «Годуновъ» peut paraître intéressant en Russie?—Madame—riposta Alexandre — tout comme vous pouvez passer pour une jolie femme dans la maison de madame votre mère.)

«Александръ вообще въ долгу не остается; на глупости отвѣчаетъ мѣтко и дерзко, тогда какъ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы пожать на пошлыя фразы плечами и отойти, или же, на худой конецъ, забарабанить пальцами по столу, какъ будто невзначай, въ отвѣтъ на подобныя выходки: самое лучшее средство, и значило бы: «съ пошляками не хочу тратить словъ». Александръ же нерв-

ный. Принимая къ сердцу то, что надо бы пропустить мимо ушей, и не ожидая выходокъ, на которыя всегда надо быть готовымъ, онъ тогда или растеряется, а черезъ полчаса отомстить колкой эпиграммой, которую напечатаетъ, или же «огрѣетъ» (il ripostera) противника на мѣстѣ, да такъ «огрѣетъ», что тотъ, будучи разбитъ двумя-тремя словами Александра на̀-голову, (étant battu à plate couture), сдѣлается его тайнымъ—слѣдовательно—самымъ опаснымъ врагомъ [1]... К — я съ тѣхъ поръ равнодушно на него смотрѣть не можетъ...

«Александръ далъ мнѣ надняхъ читать стихи Бенедиктова; есть вещи прекрасныя, но и безвкусія довольно. Показались ли они у васъ? «Ледяной домъ»—новый романъ Лажечникова—вовсе не хорошъ. Пахнетъ литературнымъ похищеніемъ (cela sent son plagiat); подражаніе и Гюго, и Вальтеръ Скотту, мочи нѣтъ [2]), что̀ собственно trés mauvais goût... Съ этимъ согласенъ и Владиміръ Соломирскій — мой ученикъ по френологіи и хиромантіи; былъ у меня надняхъ вмѣстѣ съ Александромъ. Говорю «у меня»,—такъ какъ отца не было дома, а мама принять, по болѣзни, никакъ не могла. Соломирскій выдержалъ тоже большую, и еще болѣе опасную болѣзнь».

«.... Тебѣ уже извѣстно»,—пишетъ Ольга Сергѣевна мужу отъ 3-го января слѣдующаго 1836 года,—«что̀ сдѣлалъ мой братъ Леонъ, но что̀ мнѣ сейчасъ разсказалъ Александръ—это уже новость: Леонъ проигралъ триддать тысячъ рублей! (mais ce que vient de me dire Alexandre—c'est quelque chose de nouveau: Léon vient de perdre au jeu trente mille roubles!) Александръ хочетъ купить вексель, и напрасно; ему это удалось однажды. Левъ проигралъ Болтину десять тысячъ, а помирился эдакимъ манеромъ на двѣ тысячи. Каковъ же Левъ? Изъ рукъ вонъ! Соболевскій говоритъ: «Придется же Александру Сергѣевичу кормить; кормить-то еще не бѣда, а поить накладно»; [3]) я же съ моей стороны не вижу никакой причины платить за долги Леона и полушки.»

---

[1]) Къ этому времени появилось въ «Московскомъ Наблюдателѣ» знаменитое стихотвореніе дяди «На выздоровленіе Лукулла», направленное противъ Сергѣя Семеновича Уварова, въ отместку за его замѣчаніе, вслѣдствіе извѣстной эпиграммы Пушкина на попечителя петербургскаго учебнаго округа Дондукова-Корсакова. Ольга Сергѣевна многое предвидѣла, что̀ касалось ея брата; злополучные стихи дяди на Уварова—о которыхъ впрочемъ она въ письмахъ отцу не упоминаетъ, — были ей тогда еще неизвѣстны. Съ дочерью графа Уварова—княгиней Александрой Сергѣевной Урусовой,—мужъ которой состоялъ, если не ошибаюсь, адъютантомъ у Паскевича—Ольга Сергѣевна находилась въ весьма дружескихъ отношеніяхъ. Александра Сергѣевна, разумѣется, была во всей этой исторіи не при чемъ. Л. П.

[2]) Подчеркнутыя слова порусски. Л. П.

[3]) Подчеркнутое порусски. Л. П.

.... «Хочу тебя уже давно спросить, когда же выйдетъ романъ нашего друга полковника Франковскаго [1]). А пора ему и другой печатать: кстати, здѣсь появился новый русскій романъ; мнѣ его рекомендуютъ, но не имѣю храбрости прочесть, такъ какъ, признаюсь, имѣю очень дурное мнѣніе о новыхъ произведеніяхъ нашихъ любезныхъ соотечественниковъ. Конечно, само собою разумѣется, не говорю о перѣ моего брата, Жуковскаго, Вяземскаго и Гоголя, котораго «Вечера въ Малороссіи» [2])—прелесть. Онъ и поэтъ, и живописецъ. Я его видѣла у Александра. Показался мнѣ крайне печальнымъ, неразговорчивымъ, задумчивымъ, такъ что я въ шутку спросила брата: не влюбился ли онъ въ одну изъ твоихъ женъ? Большой фаворитъ Плетнева. Что касается Булгарина, то и его встрѣтила на улицѣ. Представь, узналъ, остановилъ и очень много о тебѣ разспрашивалъ. Разумѣется о братѣ и не заикнулся. Проситъ тебя присылать ему для печати твои замѣтки о Варшавѣ, восхищался твоимъ талантомъ писать «положительныя» статьи, бренчать [3]) на гитарѣ, восторгался твоимъ лирическимъ альбомомъ,—словомъ, чтò ни слово—любезность, чтò ни жестъ—утонченный комплиментъ [4]). Объ этой встрѣчѣ я разсказала Александру, а братъ отвѣчалъ: «онъ хорошъ съ твоимъ мужемъ и съ тобой, а со мной... Богъ съ нимъ!» (Il est très bien avec ton mari et avec toi; mais quant-à-moi—que le bon Dieu le bénisse!) Встрѣтила я и Элькана. Такой же какъ былъ; попрежнему подражаетъ Александру въ костюмѣ, бакенбардахъ, даже въ походкѣ. Этотъ тоже меня узналъ, «грозился быть у Сергѣя Львовича, хотя бы для того, чтобы насладиться моей бесѣдой». Пожалуйста не ревнуй меня къ нему. Онъ, правда, очень уменъ и любезенъ, но далеко не опасенъ».

«Очень благодарю»,—сообщаетъ Ольга Сергѣевна отъ 18 января,—«за присылку денегъ, но чрезвычайно недовольна твоимъ письмомъ Александру. Твое письмо взволновало лишь его желчь. Не помню, видѣла ли я когда-нибудь брата въ такомъ скверномъ расположеніи духа!! Онъ раскричался до хрипоты, что лучше отдастъ все чѣмъ владѣетъ, нежели опять имѣть дѣло съ Болдинымъ, управляющимъ, ломбардомъ и пр. (Votre lettre n'a abouti qu'à lui mettre la bile en mouvement, et je ne me souviens pas d'avoir vu mon frère d'une humeur aussi detestable!! il a crié jusqu'à s'égosiller, qu'il aimait

---

[1]) Полковникъ Франковскій упомянутъ мною во второй главѣ. Объ этомъ воинѣ,—который во время взятія, въ 1814 г., высотъ Бельвиля и Монмартра, обратилъ своей храбростью вниманіе покойнаго императора Александра Павловича,—поэтѣ и беллетристѣ—разсказываю болѣе подробно въ другомъ отдѣлѣ моей «Семейной Хроники» отъ 1837 по 1846 годъ. Л. П.

[2]) «Вечера на хуторѣ». Л. П.

[3]) Слово написано порусски. Л. П.

[4]) Тоже. Л. П.

mieux donner tout ce qu'il possède, que d'avoir affaire de nouveau à Boldino, à l'intendant, au lombard etc. etc.). Сказалъ, что вмѣсто того, чтобы писать ему, можешь адресоваться прямо къ Пеньковскому, который и долженъ слѣдить за дѣлами, такъ какъ за это получаетъ деньги. Александръ письма твоего не читалъ, и, распечатавъ, возвратилъ его тотчасъ. Впрочемъ, гнѣвъ Александра показался мнѣ довольно забавнымъ: казалось, онъ передразнивалъ отца (il avait tout l'air de contrefaire mon père). Изъ его словъ (cependant j'ai pu tirer de lui) я вынесла, во-первыхъ, что Пеньковскій простофиля, которому братъ уже приказалъ внести деньги въ ломбардъ, и затѣмъ выслать тебѣ по разсчету что̀ слѣдуетъ; во-вторыхъ, что имѣніе заложено за сорокъ тысячъ, шесть процентовъ слѣдуетъ внести, а такъ какъ дохода приблизительно лишь четыре тысячи, то мы можемъ получить только отъ 1,500 до 1,600 рублей, и, наконецъ, въ-третьихъ, что такъ какъ намъ въ ноябрѣ доставлено девятьсотъ, а теперь столько же, то мы и получили двумя стами рублями больше чѣмъ слѣдовало. Правда, въ ноябрѣ я получила четыреста рублей, но тѣмъ не менѣе деньги, высланныя брату Льву, были наши. Напиши Пеньковскому, безъ лишнихъ церемоній, что съ его стороны довольно глупо причинять тебѣ хлопоты уплачивать проценты изъ Варшавы въ московскій ломбардъ, слѣдовательно avec un argent rogné. Сообщи ему, ради Бога, чтобы онъ больше не писалъ ни Александру, ни моему отцу, а вѣдался бы съ тобой, согласно приказанію моего брата; если же Пеньковскій *считать* не умѣетъ, то можетъ узнать какимъ-либо другимъ образомъ, сколько онъ долженъ уплачивать изъ имѣнія Александра. Ясно ли? *Просрочка же ничего не значитъ.— Александръ тѣмъ и заключилъ*[1]). Разбери самъ все хорошенько, если кое-что покажется тебѣ неяснымъ. Ничего болѣе не въ состояніи узнать отъ Александра, и какъ тебѣ угодно, говорить съ нимъ объ этомъ уже не стану. Твои же письма онъ броситъ въ печку, и броситъ нераспечатанными. Вѣрь мнѣ. *Брату же не до того теперь: онъ издаетъ надняхъ журналъ, который ему приносить будетъ не меньше шестидесяти тысячъ рублей. Хорошо и завидно*[2]). Кстати: Соболевскій надняхъ выигралъ процессъ въ сто четыре тысячи рублей, а вчера эту всю сумму получилъ сполна. Собирается опять съѣздить за границу, и посѣтить Испанію — единственный край, въ которомъ еще не бывалъ.

---

[1]) Подчеркнутыя слова порусски. Л. П.

[2]) Подчеркнутыя фразы порусски. Ольга Сергѣевна подразумѣваетъ журналъ «Современникъ», но ошибается, говоря *надняхъ*. Первый томъ «Современника»,—на изданіе котораго покойный дядя получилъ разрѣшеніе въ началѣ января,—одобренъ цензурою къ печати гораздо позднѣе, и вышелъ, когда Пушкинъ отсутствовалъ, сопровождая тѣло Надежды Осиповны въ Святогорскій Успенскій монастырь. Л. П.

Его стихотвореніе, подъ названіемъ «Моя поѣздка въ Италію» презабавно. Подсмѣивается онъ и надъ затѣей Анеты Кернъ переводить Занда. Опять кстати (encore un à propos): здѣсь въ Петербургѣ ожидаютъ пріѣзда Бальзака; увѣряютъ, будто бы онъ уже въ Кіевѣ».

«... Журналъ Александра»,—пишетъ Ольга Сергѣевна отъ 31 января, — «будетъ въ родѣ англійскаго «Quarterly Review», выходя только въ количествѣ четырехъ томовъ въ годъ. Александръ будетъ помѣщать бо̀льшею частію не свои прелестныя произведенія, но плоды вдохновенія сотрудниковъ, а потому, право не знаю, сдѣлаюсь ли я усердной читательницей? Не жалую, болѣе нежели когда-либо, нынѣшнюю литературу, въ особенности послѣ того, какъ прочла хваленый романъ Лажечникова «Ледяной домъ». Хвалятъ еще одинъ новый романъ пера фрейлины (!) Шишковой, «Скопинъ Шуйскій». Воображаю, какая прелесть! Что же касается стихотвореній, все-таки не говорю о твореніяхъ Александра — они неподражаемы — то всѣ прочія наводятъ на меня несносную скуку; не могу рѣшиться прочитать и двѣнадцати строкъ. За то читаю и перечитываю все съ бо̀льшимъ наслажденіемъ «Евгенія Онѣгина», въ которомъ открываю всякій разъ новыя красоты. Нѣтъ, никогда подобнаго, какъ говорятъ французы (comme disent les français) chef d'oeuvre, у насъ не появится. Говорю не какъ сестра Александра, а какъ женщина, вполнѣ понимающая изящное и изучившая поэзію, хотя и не обладаю творческимъ талантомъ. Совѣтую и тебѣ углубиться на досугѣ въ поэму Александра и увѣрена—съ моимъ мнѣніемъ согласишься. Братъ мнѣ прочелъ и новое свое стихотвореніе «Полководецъ», въ память и честь Барклая, которое напечатается въ журналѣ брата. Александръ прочелъ «Полководца» съ такимъ увлеченіемъ, съ такимъ чувствомъ, что не могла удержаться отъ слезъ. Въ этой пьесѣ всякій стихъ—алмазъ. Вотъ какъ надо творить! Не думай, впрочемъ, что ничего, кромѣ Онѣгина и Годунова не читаю. Александръ снабдилъ меня, по моей просьбѣ, многими французскими и даже англійскими авторами, а маму развлекаю нашимъ пріятелемъ Поль де-Кокомъ, котораго я читаю вслухъ. Она смѣется, и забываетъ на пару часовъ свои страданія... Говоритъ, что нашъ Леля ея самый лучшій докторъ, и будто она никогда не встрѣчала такого милаго и хорошенькаго ребенка,—заблужденіе и пристрастіе, свойственныя всѣмъ бабушкамъ. Напротивъ того: онъ порядочный горланъ, плакса и далеко не красивъ, да и не въ кого. Александръ, когда приходитъ, всегда беретъ мальчишку къ себѣ на колѣни, душитъ его конфектами (et le bourre de bonbons), а сегодня увезъ къ себѣ на цѣлый день играть съ своими ребятишками (pour qu'il joue avec ses poupons à lui). Братъ находитъ его печальнымъ, и безпокоится, что мальчикъ худъ и блѣденъ, забывая, что послѣ піявокъ иначе и быть не можетъ»...

«... Сегодня день святаго Льва папы Римскаго»,—пишетъ Ольга

Сергѣевна 18 февраля, — «значитъ имянины и нашего ребенка, и его дяди храбраго капитана, котораго здѣсь нѣтъ, къ большому огорченію бѣдной мама̀».

...«Сегодня маленькій Леонъ — мужчина самый счастливый на свѣтѣ (le petit Lolo est aujourd'hui l'homme le plus heureux du monde). Александръ, его жена и обѣ свояченицы навезли ему съ три короба игрушекъ. Александръ, пока пишу тебѣ, сидитъ у мама̀, и останется у насъ весь день, чѣмъ заставитъ ее забыть отсутствіе другого имянинника — большого Леона. Завтра Александръ ѣдетъ на пятнадцать дней въ Москву по литературнымъ дѣламъ, и отправляется не одинъ, а съ шуриномъ—Иваномъ Гончаровымъ.

...«Не описываю подробно увеселительную мою прогулку съ Александромъ и его женой на масляницѣ за городъ, а также и поѣздку на третій день—тоже за городъ на фарфоровую фабрику. Этотъ послѣдній пикникъ устроили Политковскіе. Завтракали обѣдали, и танцовали, подъ звуки стройнаго оркестра, до 11 часовъ вечера» . . . .

...«Мама очень плоха»,—пишетъ Ольга Сергѣевна 11-го марта.— «Статься можетъ, въ ней осталось жизни лишь на нѣсколько дней, и когда получишь это письмо, безъ сомнѣнія она отойдетъ въ вѣчность. Докторъ сказалъ: «на этой недѣлѣ все можетъ кончиться (cette semaine tout peut finir). Голова у нея еще свѣжа; она улыбается Лелѣ, но это покойница. (Elle sourit à Lolo mais c'est une morte). Ничто не могло спасти ее. Осенью она уже была приговорена (elle a été condamnée depuis cet automne), и болѣзнь ея была ничто иное, какъ медленная агонія (une longue agonie, une agonie prolongée). Я видѣла сама, что на исцѣленіе нѣтъ надежды, но полагала, что мать можетъ протянуть еще годъ, если не два. По мнѣнію доктора Спасскаго, ее сломила единственно печаль. Отчаяніе отца меня мучаетъ невыразимо; не можетъ воздержаться: рыдаетъ при ней, что̀ ее и пугаетъ и волнуетъ. Я попыталась ему это высказать, но онъ закричалъ на меня, забывая, что и я лишаюсь матери. Право не знаю, что дѣлать. Александръ приходитъ на нѣсколько времени, и уходитъ, какъ и прочіе (Alexendre ne fait que des apparitions, ainsi que les autres personnes), я съ отцомъ совершенно одна, а подруга моей матери, Тимоѳеева, не можетъ находиться безотлучно, помимо всего своего желанія, такъ какъ надняхъ неумолимая смерть похитила ея сестру, Екатерину Воронцову. Боже мой! если бы, по крайней мѣрѣ, я имѣла счастіе быть съ тобою! Между тѣмъ, хозяйство изъ рукъ вонъ: челядь поистинѣ ужасна—сущіе разбойники! Нѣтъ у нихъ никакого усердія, никакихъ слезъ, хотя мама всегда была съ прислугами ласкова; челядь поступаетъ такимъ образомъ потому, что выжидаетъ перемѣны, а всякая перемѣна этимъ людямъ нравится (la valetaille est terrible: se sont des brigands à la lettre! aucun zèle, point de larmes, et pour-

tant maman a été toujours bonne envers eux. C'est qu'ils s'attendent à un changement — tout changement leur plait). Даю мои деньги дворнику за возлагаемыя на него порученія. Къ большому счастію, Александръ не уѣхалъ, какъ предполагалъ: распутица и дурныя дороги его испугали (l'ont effrayé). Увижу ли тебя, по крайней мѣрѣ, къ праздникамъ? Пріѣзжай прямо къ намъ; отецъ не говоритъ о тебѣ ни слова, но все равно. За его будущность я спокойна (je suis tranquille sur son avenir à lui). По всей вѣроятности онъ переселится къ своей сестрѣ Сонцовой. И мама думала переселиться въ Москву немедленно послѣ выздоровленія... Право не знаю, что пишу; рука дрожитъ, не знаю спокойствія ни днемъ, ни ночью.»

«Всякую минуту ожидаю страшнаго удара. Мама говоритъ со мною, и постоянно требуетъ къ себѣ маленькаго Лелю, безпокоится когда его уносятъ, почему онъ и не сходитъ теперь съ моихъ рукъ, а я при ней безотлучно. Мама очень терпѣливо переноситъ страданія (elle est très patiente). Прощай... завтра жду твоего письма»...

Получивъ это грустное сообщеніе моей матери, отецъ немедленно явился къ фельдмаршалу, и испросилъ позволеніе безотлагательно отправиться въ Петербургъ; онъ выѣхалъ 24-го марта на Страстной недѣлѣ, но прибылъ въ столицу только 30-го, на Пасхѣ.

Между тѣмъ, жизнь Надежды Осиповны догорала. Она обнаруживала сильное безпокойство о Николаѣ Ивановичѣ, томительно ожидая свиданія; спрашивала дочь, на которой, по расчету Ольги Сергѣевны, онъ станціи... считала бой часовъ, минуты, секунды, затѣмъ подзывала къ себѣ дочь, клала ей руки на голову, требовала, чтобы ей меня показывали, благословляла меня, ласкала, и опять спрашивала дочь:

«Какъ думаешь? — скоро ли пріѣдетъ мужъ... да не тутъ ли онъ? Можетъ быть, раздѣвается въ той комнатѣ... пріѣхалъ... поди, узнай»...

Въ великую пятницу или субботу—не запомнилъ изъ разсказа матери—бабку пріобщили Св. Тайнъ. Сынъ и дочь были при ней. Дядя Александръ рыдалъ какъ ребенокъ, Сергѣй Львовичъ рвалъ на себѣ волосы, и подвергся ужасному истерическому припадку, такъ что его «унесли» въ сосѣднюю комнату. Тутъ же лежалъ въ комнатѣ бабки и я полусонный. По требованію угасавшей, Александръ Сергѣевичъ взялъ меня на руки, и поднесъ къ умирающей. Она опять меня благословила, сказавъ:

«Ольга, посмотри... не пріѣхалъ ли мужъ?»...

Часа черезъ два бабка лишилась сознанія. Вечеромъ—въ великую субботу—началась агонія, но тихая, а въ половинѣ перваго часа ночи, во время великой заутрени,—когда въ храмахъ Божіихъ раздавалось радостное «Христосъ воскресе» — не стало Надежды Осиповны Пушкиной...

Не могу не замѣтить: бабка выражала неоднократно желаніе переселиться въ будущую жизнь именно во время этого Богослуженія. . . . .

. . . .

«Я въ Петербургѣ съ понедѣльника Свѣтлой недѣли», — сообщаетъ Николай Ивановичъ своей матери Луизѣ Матвѣевнѣ отъ 9-го (21) апрѣля. Пріѣхалъ сюда по службѣ и по дѣламъ. Пріѣздъ мой ускоренъ былъ извѣстіемъ объ отчаянной болѣзни матушки моей жены: она очень желала меня видѣть, но я опоздалъ одними сутками, заставъ ее уже на столѣ. Скончалась въ первый день Свѣтлаго воскресенья, въ самую заутреню. Кончина ея меня очень огорчила, и печаль, въ которой засталъ батюшку и Ольгу, долго не позволяла мнѣ приняться за дѣла... Александръ Сергѣевичъ уѣхалъ въ Псковскую деревню, вслѣдъ за тѣломъ Надежды Осиповны, которая тамъ будетъ погребена...

«Живу у тестя. По окончаніи шести недѣль, онъ отправится въ Москву къ своей сестрѣ Лизаветѣ Львовнѣ Сонцовой, поэтому Ольгѣ нельзя здѣсь оставаться безъ меня. Ѣхать съ нею и сыномъ къ вамъ, а потомъ въ Варшаву, было бы и дорого, и даже опасно, при здоровьѣ ребенка. Слѣдовательно, не остается ничего болѣе какъ воротиться съ ними въ Варшаву. По дорогѣ думаю заѣхать въ Псковскую деревню, и прожить тамъ нѣсколько времени. Можетъ быть, оттуда проберусь къ вамъ одинъ, если обстоятельства,— разумѣю денежныя—позволятъ: фельдмаршалъ рѣшитъ мои планы. Онъ былъ такъ добръ, что взялъ меня съ собою; онъ же можетъ доставить мнѣ способы къ исполненію моихъ желаній.

«Ольга очень грустна, но слава Богу здорова, а Левка дѣлаетъ зубы: большой любимецъ дѣдушки, дядюшки и тетушекъ, а въ особенности былъ баловнемъ покойной своей бабушки»...

Прискорбное событіе дядя Левъ Сергѣевичъ узналъ въ Тифлисѣ, изъ письма къ нему моей матери. За пять же дней до кончины бабки — 24-го марта [1]) — Александръ Сергѣевичъ извѣщалъ брата излагая ему матеріальныя обстоятельства—только о томъ, что «мать очень больна, почему онъ все еще занимается дѣлами, не смотря на сильное къ нимъ отвращеніе, и что надѣется сдать ихъ при первой возможности».

Пребываніе Александра Сергѣевича въ Михайловскомъ и Тригорскомъ было кратковременно. Хотя онъ — по словамъ моей матери—то же былъ младенецъ въ сельско-хозяйственномъ управленіи, но, посѣтивъ запущенную дѣдомъ Михайловскую отчину, раз-

[1]) А не 24-го апрѣля, какъ напечатано въ изданіи г. Суворина (т. VIII, стр. 146). 24-го же апрѣля Александръ Сергѣевичъ возвратился уже въ Петербургъ, послѣ преданія тѣла Надежды Осиповны землѣ. Л. П.

велъ руками. Въ отчинѣ оказалось все въ величайшемъ безпорядкѣ, а потому онъ и сообразилъ, что горю лучше всего можетъ пособить одна лишь энергія Николая Ивановича, который и избавитъ дядю отъ лишнихъ заботъ. Къ тому же у дяди было множество и другихъ непріятностей.

Первая книжка «Современника» вышла въ началѣ апрѣля — слѣдовательно во время его отсутствія. Противъ статей, входившихъ въ составъ первой книжки—подробно уже упомянутыхъ въ матеріалахъ Аненкова—да и противъ самого изданія ополчились, какъ выражалась Ольга Сергѣевна—журнальные щелкоперы, а въ «Сѣверной Пчелѣ» дядю прямо укоряли въ занятіяхъ, несвойственныхъ его поэтическому генію. Онъ еще осенью 1835 года заявлялъ сестрѣ, что пускается въ журналистику единственно съ цѣлію улучшить денежныя обстоятельства. Балы, камеръ-юнкерство и прочіе расходы—безъ которыхъ, по его мнѣнію, обойтись было нельзя—заставили Пушкина отдаться дѣлу діаметрально противуположному его поэтической натурѣ...

Дядя Александръ, предавъ землѣ тѣло Надежды Осиповны,—погребенной рядомъ съ прахомъ ея родителей—Осипомъ Ибрагимовичемъ и Марьей Алексѣевной, и приготовивъ тогда же, по недоброму предчувствію, мѣсто и для себя,—возвратился въ Петербургъ 14-го или 15-го апрѣля. Николай же Ивановичъ и Ольга Сергѣевна, оставались на квартирѣ у Сергѣя Львовича.

Дѣдъ осунулся; горе его было внѣ всякаго описанія, а сестра его, Лизавета Львовна, и мужъ ея Матвѣй Михайловичъ Сонцовъ отправляли ему письмо за письмомъ съ приглашеніемъ разстаться съ злополучнымъ Петербургомъ. Извѣстія о дѣлахъ Льва Сергѣевича, тоже не особенно благопріятныя, огорчали старика, и сердили Александра Сергѣевича. Пріѣхавъ изъ Михайловскаго, этотъ послѣдній сообщилъ сестрѣ и зятю съ малѣйшими подробностями всѣ открытыя имъ въ деревнѣ безобразія, и напомнилъ Николаю Ивановичу его обѣщаніе заѣхать въ Михайловское, на возвратномъ пути въ Варшаву, и водворить въ запущенномъ имѣніи порядокъ.

Въ началѣ мая дядя взялъ кратковременный отпускъ въ Москву, чтобы поработать въ мѣстномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и позабыть, хоть на нѣсколько времени, непріятности, которыя на этотъ разъ не счелъ нужнымъ сообщать сестрѣ. Въ этотъ періодъ времени—какъ она догадывалась—началась уже подпольная противъ ея брата интрига.

Въ Москву, почти въ одно время съ дядей, уѣхалъ и Сергѣй Львовичъ, а Наталья Николаевна съ сестрами поселилась на дачѣ Каменнаго острова.

Ольга Сергѣевна посѣщала невѣстку довольно часто, но не по вечерамъ, при чемъ брала съ собой и меня.

Дядя воротился 23 мая, спустя нѣсколько часовъ по разрѣшеніи

жены отъ бремени дочерью[1]), чтò и дало поводъ Ольгѣ Сергѣевнѣ подшутить: «Всегда Александръ на нѣсколько часовъ опаздываешь! Въ прошломъ маѣ прозѣвалъ Гришу, а въ этомъ маѣ Наташу».

По возвращеніи Александра Сергѣевича, Николай Ивановичъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Михайловское 10 іюня, предварительно исходатайствовавъ у фельдмаршала трехмѣсячный отпускъ. Ольга же Сергѣевна выѣхала туда же въ концѣ іюня, прогостивъ послѣднія двѣ недѣли со мною у дяди.

Тутъ дядя высказывалъ ей свои мрачныя предчувствія, недовольство жизнію, одолѣвающую его тоску, которую не могли подавить ни ласки жены и сестры, ни вниманіе окружавшихъ. Не могли подавить это чувство и его усиленныя занятія. Переписываться съ Николаемъ Ивановичемъ,—котораго Александръ Сергѣевичъ называлъ «прозой ходячей»,—Пушкинъ считалъ очень скучнымъ, и писалъ вообще о дѣлахъ à corps défendant, а Льву Сергѣевичу послалъ одно лишь короткое «дѣловое посланіе» 3 іюня, по поводу предполагаемаго раздѣла [2]).

Ольга Сергѣевна, уѣхавъ въ Михайловское, разсталась съ братомъ очень грустно. Оба рыдали, и разлучились на вѣки. Провожалъ онъ сестру до Подгорнаго Пулкова—какъ и четыре года тому назадъ. Слова Пушкина, при разставаньи, приведены мной уже во 2-й главѣ «Хроники», а здѣсь прибавлю только, что дядя ласкалъ меня всю дорогу, крестилъ нѣсколько разъ, а благословляя, положилъ руку мнѣ на голову, и повторялъ: «живи, и будь счастливъ, будь счастливъ»...

Мои родители провели въ Михайловскомъ цѣлое лѣто...

Привожу слѣдующія выдержки изъ двухъ русскихъ писемъ отца, къ Луизѣ Матвѣевнѣ. Одно изъ нихъ, отъ 8 іюня, писано наканунѣ отъѣзда изъ Петербурга—второе по возвращеніи въ Варшаву—отъ 15 октября.

... «Я не получилъ здѣсь ожидаемаго мною денежнаго сикурса, и съ трудомъ нашелъ денегъ, чтобы добраться отсюда за пять сотъ верстъ въ Псковскую деревню, принадлежавшую моей тещѣ, а теперь поступающую въ раздѣлъ, между Ольгою и ея двумя братьями. Наслѣдство не велико: всего 80 душъ. Въ деревнѣ проживемъ до половины сентября, пока Александръ Сергѣевичъ успѣетъ достать намъ денегъ для продолженія нашего пути въ Варшаву. Завтра надѣюсь выѣхать одинъ. Жена хочетъ еще побыть у брата недѣли съ двѣ, съ Левкой. Здоровье Ольги очень разстроено. Съ нетерпѣніемъ желаю добраться до деревни. Поѣздка сюда принесла

---

[1]) Натальи Александровны—по первому браку Дубельтъ—а по второму графини Меренбергъ. Л. П.

[2]) Напечатано въ Суворинскомъ изданіи (см. т. VIII, стр. 147—148). Л. П.

мнѣ только ту пользу, что а самъ привезу жену и сына въ Варшаву».

... «Возвратились мы недѣли три тому назадъ благополучно»,— пишетъ отецъ во второмъ письмѣ,—«а въ дорогѣ побаивался за здоровье Ольги и Левки. Если бы не кончина тещи, конечно, я побывалъ бы у васъ, оставивъ Ольгу у родителей; но всѣ мои планы разрушились. По крайней мѣрѣ видѣлъ деревню, которой часть достается Ольгѣ; вмѣсто 8,000 р. жена получитъ 10,000 изъ этого наслѣдства. Я завелъ тамъ совсѣмъ другіе порядки, и говорю, не хвастая, дѣло сдѣлалъ. Плута управляющаго обличилъ въ подвигахъ очень неблаговидныхъ, и отправилъ къ чертямъ, поставивъ на его мѣсто другого, чѣмъ значительно улучшилъ хозяйство и добился того, что увеличилъ не мало поземельный доходъ. Велъ переписку и съ шуриномъ—Александромъ Сергѣевичемъ, и съ тестемъ. Оба, надѣюсь, будутъ мнѣ за это пѣть хвалебныя пѣсни. А потрудился я порядкомъ, да иначе нельзя: надо браться за дѣло всякое не съ верхушки, а съ корня. Тесть, наконецъ, обѣщаетъ выслать изъ Москвы дарственную запись на полтораста душъ въ Нижегородскомъ имѣніи. Все это еще впереди, а пока... едва съ чѣмъ нашлось сюда пріѣхать. Можете себѣ представить, что̀ стоила мнѣ дорога, въ двухъ экипажахъ, подъ каретой шесть, а подъ коляской четыре лошади, со всѣмъ почти домомъ. Хорошо, что давали во все это время жалованье, а то бы мнѣ не сдобровать. Къ счастію еще успѣлъ продать хлѣбъ, и на эти-то деньги сюда пріѣхать»...

Тотчасъ послѣ пріѣзда въ Михайловское, моя мать заболѣла серьезно—острымъ воспаленіемъ въ легкихъ, простудясь въ дорогѣ, и уже 27-го іюня слегла. Ждали въ Михайловское Александра Сергѣевича, но онъ не пріѣхалъ. Къ августу Ольга Сергѣевна поправилась, и стала видѣться часто съ сосѣдями—П. А. Осиповой, дочерьми ея, баронессою Е. Н. Вревской и А. Н. Вульфъ, а также и съ Веніаминомъ Петровичемъ Ганнибаломъ, сосѣдствомъ котораго, какъ опытнаго агронома, Николай Ивановичъ и воспользовался.

. . . .

XXXVIII.

Убійца моего дяди—баронъ Георгъ Дантесъ-Гекеренъ—главнымъ образомъ выступилъ на сцену лѣтомъ того же года, на злополучной Каменноостровской дачѣ; впрочемъ, Ольга Сергѣевна встрѣтила его раза два или три въ домѣ своего брата уже въ первыхъ мѣсяцахъ 1836 года.

Само собою разумѣется, не могу передать съ буквальною точностью разсказы и мысли моей матери о насильственной смерти ея брата, но передаю ихъ добросовѣстно.

«Въ этой кончинѣ»,—говорила мнѣ она,—«гораздо менѣе виновенъ ничтожный Дантесъ, нежели добрые люди (!), намѣтившіе его палачемъ,—люди, въ числѣ которыхъ—кромѣ нѣмца Бенкендорфа—оказались между прочими—къ вящшему ихъ стыду и посрамленію, носившіе русскія, украшенныя княжескими титулами фамиліи—іезуитъ Гагаринъ, и авторъ не одного памфлета противъ Россіи—кривоногій (le bancal) [1]) Долгоруковъ Петръ. Оба они,—въ сущности—ненавидѣли Россію, въ которой родились, воспитывались, хлѣбъ которой они ѣли не одинъ десятокъ лѣтъ... оба виновны, и нельзя придавать значенія ихъ спитымъ бѣлыми нитками уверткамъ. Одинъ изъ нихъ соображалъ, сочинялъ, и писалъ пасквили—другой адресовалъ, запечатывалъ, отправлялъ». Такъ полагаетъ по крайней мѣрѣ Ольга Сергѣевна...

«Дантесъ обладалъ безукоризненно-правильными, красивыми чертами лица, но ничего не выражавшими, что̀ называется стеклянными глазами. Ростомъ онъ былъ выше средняго, къ которому очень шла полурыцарская, парадная кавалергардская форма. Къ счастливой внѣшности слѣдуетъ прибавить неистощимый запасъ хвастовства, самодовольства, пустѣйшей болтовни, забавныя выходки шалуна лѣтъ семнадцати, [2]) (tout un arsenal de jactance, de suffisance, et de jargon, au surplus un petit ton d'un polisson de dix sept ans)—и вотъ противникъ Александра Сергѣевича.

«Дантесомъ увлекались женщины не особенно серьезныя и разборчивыя, готовыя хохотать всякому излагаемому въ модныхъ салонахъ вздору, да считать разсказчика очень остроумнымъ, и—по ихъ логикѣ,—чуть ли не геніальнымъ человѣкомъ».

«Если бы во время самаго разгара гнусной подпольной войны противъ брата я находилась въ Петербургѣ,—сказала моя мать—то не посмотрѣла бы ни на какихъ Бенкендорфовъ, и не поколебалась открыть все самолично государю, одно мощное слово котораго заставило бы низкихъ заговорщиковъ снять маски, и они понесли бы должную кару по закону. Но меня не было, а братъ не пожелалъ написать о своемъ горѣ, иначе я немедленно поѣхала бы въ Петербургъ. Въ довершеніе несчастія, въ Петербургѣ не было тоже ничего не подозрѣвавшаго брата Льва: тотъ не допустилъ бы Александра до поединка, да и самъ бы на дуэль не вышелъ—доказавъ уже храбрость въ дюжинѣ кровопролитныхъ сраженій,—а безъ всякой дуэли съумѣлъ бы преподать Дантесу щеголю (à ce mirliflore) болѣе дѣйствительный урокъ, и отбить у него навсегда охоту финтить да тарантить [3]). Впрочемъ, «мирлифлёръ» и самъ не разсуждалъ съ

[1]) Этимъ прозвищемъ его называла не одна моя мать, а все петербургское общество. Л. П.

[2]) Дантесу было въ 1836 году—по словамъ Ольги Сергѣевны не болѣе двадцати трехъ лѣтъ. Л. П.

[3]) Буквальныя, русскія слова Ольги Сергѣевны. Л. П.

кѣмъ дерзнулъ играть, а такъ какъ въ его головѣ логика работала не съ особеннымъ усердіемъ, то гдѣ же и было ему сообразить, что самъ играетъ роль пѣшки, проводимой въ дамки поражаемыми Александромъ врагами?»

Не повторяя въ моей «Семейной хроникѣ» того, что напечатано въ Россіи и за границей о кровавой катастрофѣ, ограничиваюсь краткимъ обозрѣніемъ фактовъ въ хронологическомъ порядкѣ, руководствуясь сообщенными мнѣ моей матерью разсказами ея ближайшихъ родныхъ—отца Сергѣя Львовича, сестры его Сонцовой, ея мужа Матвѣя Михайловича, безвинно пострадавшей Натальи Николаевны, а также и моими личными бесѣдами съ остававшимися въ живыхъ друзьями дяди.

При послѣднемъ свиданіи съ сестрою въ іюнѣ 1836 года—Александръ Сергѣевичъ сказалъ ей, что онъ еще въ прошломъ году принялъ къ сердцу «учительскій» тонъ Уварова, укорившаго его за эпиграмму: «Въ академіи наукъ засѣдаетъ» и проч., и отомстилъ ему комплиментомъ [1]) еще болѣе злымъ—комплиментомъ, появившимся въ печати, и переведеннымъ на французскій языкъ однимъ французскимъ профессоромъ. Этотъ французъ, обиженный Уваровымъ, препроводилъ къ обидчику свой переводъ, и пригрозилъ напечатать его за границей. Уваровъ поскакалъ къ Бенкендорфу, вслѣдствіе чего Пушкинъ и получилъ отъ послѣдняго выговоръ. Вотъ все, что̀ разсказалъ моей матери дядя. Ольга Сергѣевна замѣтила ему, что Уваровъ, и безъ того недолюбливавшій брата—человѣкъ въ высшей степени самолюбивый, мстительный, и во всякомъ случаѣ сила, съ которой нельзя не считаться.

Этимъ разговоръ между ними и кончился.

Родители мои ожидали дядю въ Михайловскомъ,—особенно Николай Ивановичъ, желавшій познакомить шурина съ заведенными имъ новыми порядками,—но Пушкинъ не только не пріѣхалъ, но и не писалъ ни зятю, ни сестрѣ. Не отвѣчалъ онъ сестрѣ и по прибытіи ея въ Варшаву. Тогда она стала очень о немъ безпокоиться, почему и черкнула въ Петербургъ своей давнишней пріятельницѣ, Т. С. Вейдемейеръ, прося ее извѣстить, не случилось ли чего-нибудь съ братомъ. Татьяна Семеновна, наведя немедленно справки, сообщила, что Александръ Сергѣевичъ здоровъ, сопровождаетъ попрежнему жену и свояченицъ на балы; что сестра пишущей, фрейлина—княжна Херхеулидзева,—видѣла его недавно у графини Нессельроде и графини Фикельмонъ—жены австрійскаго посланника, а одинъ изъ ея родственниковъ—на раутѣ у графини Разумовской.

Въ этихъ-то домахъ, въ особенности же въ салонѣ у графини Фикельмонъ, и вертѣлся Дантесъ, вмѣстѣ съ усыновившимъ его

[1]) «На выздоровленіе Лукулла». Л. П.

голландскимъ посланникомъ барономъ Гекереномъ. Вертѣлся онъ, кромѣ того, у Карамзиныхъ, Вяземскихъ, и наконецъ,—въ домѣ своей будущей жертвы.

Говоря безпристрастно, Дантесъ не былъ злымъ, лукавымъ человѣкомъ, но по легкомыслію, свойственному и юношескому возрасту, и націи (отецъ его, какъ нѣкоторые утверждаютъ, былъ выслужившійся при Наполеонѣ офицеръ), возмечталъ, что онъ необычайный красавецъ, и что никакое женское сердце не можетъ устоять противъ его очаровательныхъ глазъ, и игриваго ума. Снабженный рекомендательными письмами, записанный въ первый русскій кавалерійскій полкъ, съ довольно значительнымъ негласнымъ пособіемъ, усыновленный, наконецъ, представителемъ иностраннаго двора, Дантесъ счелъ себя въ правѣ держаться въ высшемъ обществѣ нахально. . . . .

Враги Пушкина, нуждавшіеся въ «подставной пикѣ», поняли, что Дантесъ имъ очень удобенъ, и можетъ какъ нельзя лучше осуществить ихъ замыслы, вовсе при этомъ не подозрѣвая, кому именно онъ служитъ. Роль же старика Гекерена, который—вслѣдствіе неоднократныхъ по отношенію къ нему рѣзкостей Пушкина увеличилъ собою число враговъ послѣдняго,—была, по мнѣнію моего дѣда Сергѣя Львовича, не въ примѣръ хуже, хотя онъ и не авторъ анонимныхъ пасквилей; но Ольга Сергѣевна полагала, что Гекеренъ-отецъ вначалѣ вовсе не хотѣлъ язвить Пушкина, а слова его Натальѣ Николаевнѣ «rendez moi mon fils, pour l'amour de Dieu», или нѣчто въ этомъ родѣ, вовсе не имѣли характера, имъ придаваемаго: Гекеренъ просто хотѣлъ просить или просилъ ее похлопотать о свадьбѣ своего питомца на ея сестрѣ, Екатеринѣ Николаевнѣ Гончаровой.

Дантесъ,—какъ я уже сказалъ выше,—зачастилъ въ домъ Александра Сергѣевича еще лѣтомъ 1836 года, на Каменноостровской дачѣ. Осенью дядя переѣхалъ въ домъ Волконской, по Мойкѣ, дѣдъ оставался въ Москвѣ, Левъ Сергѣевичъ воевалъ на Кавказѣ, а Соболевскій очутился за границей.

Переписки съ Сергѣемъ Львовичемъ за этотъ періодъ Ольга Сергѣевна не сохранила. Упоминала только, что ея отецъ, сообщая однѣ лишь московскія новости, жаловался, попрежнему, на молчаніе сыновей, на безденежье, и располагалъ пріѣхать въ слѣдующемъ году въ Варшаву, что̀ сдѣлалъ, однако, гораздо позднѣе.

Въ началѣ ноября 1836 г. дядей и многими его знакомыми былъ полученъ пасквиль, въ видѣ диплома на предоставленіе Пушкину (за мнимою подписью одного всѣми уважаемаго лица) званія coadjuteur du grand maître, et historiographe de l'ordre des c...»

«Еще гораздо раньше этого пасквиля»,—говорила мнѣ мать,—«Александра преслѣдовали анонимными письмами насчетъ Дантеса и его жены, рекомендуя брату принять мѣры въ защиту своей

супружеской чести (знали злодѣи, на чтò били). Письма подбрасывались къ нему на квартиру, подсовывались и въ ресторанѣ, (куда онъ изрѣдка заходилъ по дорогѣ съѣсть кусокъ) въ салфетку прибора, а разъ, при выходѣ изъ театра, нашелъ онъ подобную гадость и въ карманѣ верхней одежды, поданной капельдинеромъ.

«Отъ жены братъ сперва утаивалъ эти посылки, но, наконецъ, не выдержалъ: показалъ и прочелъ Наташѣ одну изъ нихъ, затѣмъ бросилъ въ растопленный каминъ, при чемъ заявилъ: «Voilà le cas que j'en fait!» (Вотъ какъ отношусь къ этому!)

«Наташа истерически зарыдала, и стала на колѣняхъ умолять мужа всѣми святыми уѣхать съ нею и съ дѣтьми въ деревню, не теряя ни минуты (sans coup férir). Александръ согласился, отвѣчая, что самъ уже объ этомъ давно думаетъ, и только ждетъ отъ одного пріятеля высылки денегъ на дорогу, а пока распорядился: Дантеса не принимать, во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей.

«Вскорѣ послѣ этого, Александръ, возвращаясь къ себѣ домой довольно поздно вечеромъ, увидѣлъ въ передней военную шинель на вѣшалкѣ.

— Кто здѣсь?

Камердинеръ назвалъ фамилію Дантеса.

— Да я же велѣлъ его не пускать.

— Не послушались: они у барыни.

«Александръ прошелъ въ комнату жены, и засталъ Наталью Николаевну бесѣдующей о чемъ-то съ Дантесомъ, который, на вопросъ хозяина дома чего ради пожаловалъ, отвѣчалъ:

— Съ цѣлью просить руки Екатерины Николаевны.

— Если такъ,—сказалъ дядя,—требую, чтобы свадьба состоялась черезъ три дня! Самъ приготовлю и разошлю свадебные билеты.

Такъ, по словамъ Ольги Сергѣевны, Пушкинъ и поступилъ...

Свадьба не поправила взаимныхъ отношеній, и, по мнѣнію Ольги Сергѣевны, ея братъ сдѣлалъ тутъ большой промахъ: не только не примирился съ свояком, но и не отдалъ новобрачнымъ свадебнаго визита, чѣмъ и воспользовалась ополчившаяся на поэта шайка.

Горю хотѣлъ пособить почтенный графъ Строгоновъ—родственникъ Натальи Николаевны,—желавшій отъ добраго сердца помирить враждовавшихъ: онъ устроилъ свадебный обѣдъ, на которомъ и свелъ супруговъ Пушкиныхъ съ супругами Дантесами-Гекеренами.

Но вышло еще хуже:

Дантесъ, на этомъ обѣдѣ, промахнулся въ свою очередь: сидя противъ Натальи Николаевны, онъ чокнулся съ ней бокаломъ черезъ столъ, чтò страшно взорвало Пушкина.

Затѣмъ, Дантесъ, по обыкновенію, сталъ упражняться въ своихъ плоскихъ каламбурахъ.

Раздражило дядю и все послѣдующее поведеніе Дантеса, который продолжалъ танцовать и разговаривать исключительно со свояченицей на вечерахъ, устраиваемыхъ «не безъ злостнаго намѣренія людьми добрыми» (О. С. называетъ Фикельмоншу, возненавидѣвшую поэта, уже гораздо прежде), сводившими и стравливавшими враговъ, какъ бы невзначай. «У господъ NN—буквальныя слова матери—они грызлись какъ собаки». Достойная же всякаго уваженія княгиня Вѣра Өедоровна Вяземская заявила Дантесу, что встрѣчи его съ Пушкиной въ ея домѣ, ей не нравятся, вслѣдствіе чего и распорядилась закрыть «новобрачному» доступъ въ ея квартиру по вечерамъ, когда у подъѣзда будутъ кареты.

Дантесъ, по мнѣнію покойнаго моего дѣда, игралъ тогда двойную роль: съ одной стороны—жаловался всѣмъ и каждому на упорство Пушкина продолжать ссору, поводы которой, дескать, угасли со свадьбой Екатерины Николаевны, а съ другой—Богъ знаетъ почему,—не прекращалъ назойливыхъ, нахальныхъ ухаживаній за свояченицей.

Наступилъ 1837 годъ. Пушкинъ снова подвергся разнаго рода анонимнымъ пасквилямъ, а ѣхать въ деревню лишенъ былъ возможности... Деньги не высылались. Такимъ образомъ, враги, бившіе навѣрняка, заранѣе предвкушали побѣду, и не долго пришлось имъ ждать крови намѣченной жертвы...

Привожу слѣдующія слова моей матери:

«Братъ, среди этихъ обстоятельствъ, потерялъ терпѣніе, почему и сдѣлалъ рядъ ошибокъ, не сообразивъ, что если онъ разрубитъ Гордіевъ узелъ трагической исторіей, то какъ бы она ни кончилась— пострадаетъ, въ концѣ концовъ, имъ же обожаемая Наташа: всякій мерзавецъ сочтетъ себя въ правѣ кинуть въ нее камнемъ».

«Предложеніями Дантеса заключить миръ слѣдовало брату непремѣнно воспользоваться, но сказать при томъ Дантесу: «мирюсь съ вами, только подъ честнымъ вашимъ словомъ вести себя по отношенію къ женѣ моей, слѣдовательно и ко мнѣ—такъ, а не иначе». Дантесъ далъ бы, и сдержалъ слово; вѣдь онъ же не былъ абсолютнымъ негодяемъ».

«Оскорбленіе, нанесенное братомъ сѣдовласому Гекерену-отцу— братъ бросилъ старику едва ли не въ лицо примирительное письмо Дантеса,—съ площаднымъ ругательствомъ «Tu la recevras, gredin»—шло въ разрѣзъ съ чувствомъ самоуваженія, и даже съ добрымъ сердцемъ.»

«Эта соблазнительная—почти уличная—сцена въ домѣ и въ присутствіи почтенной дамы—г-жи Загряжской—не могла не оскорбить добрѣйшую, гостепріимную хозяйку.»

«Обида была нанесена въ силу подозрѣнія, будто бы старикъ Гекеренъ авторъ анонимныхъ пасквилей — подозрѣнія, ни на чемъ не основаннаго.»

«Наконецъ, послѣдовавшее вскорѣ послѣ того роковое письмо

Александра къ нему же, старику—какимъ бы онъ тамъ въ нравственномъ отношеніи ни былъ — письмо, порвавшее нить жизни брата — было просто явленіемъ сверхъестественнымъ, по забвенію азбуки приличія, и злобѣ.»

«Послѣ подобнаго письма все пропало»...

Покойнаго К. К. Данзаса дядя пригласилъ въ секунданты неожиданно—за нѣсколько часовъ до поединка, при разговорѣ своемъ съ секундантомъ противника—виконтомъ Даршіакомъ. По словамъ Ольги Сергѣевны, Данзасъ былъ такъ пораженъ всѣмъ происшедшимъ, на долю его выпало столько порученій, съ требованіемъ окончить все черезъ два или три часа, что поневолѣ онъ и упустилъ единственное средство,—ниспосылавшееся, казалось, свыше—къ спасенію жизни, драгоцѣнной для всей Россіи: Когда Данзасъ отправлялся въ саняхъ съ Пушкинымъ на мѣсто поединка, и узналъ Наталью Николаевну, ѣхавшую въ экипажѣ, почему-то не крикнулъ ея кучеру спасительное—«стой!» [1]).

«Брата огорчили, брата же убили»,—говорила Ольга Сергѣевна,—«къ большому ликованію Бенкендорфа и ему подобныхъ, имъ же имя легіонъ. А бѣдной Наташѣ какое вышло удовлетвореніе? Ее стали въ свѣтѣ—какъ и предвидѣлъ Александръ на смертномъ одрѣ—заѣдать, честное имя ея терзать. Къ счастію, она впослѣдствіи — года черезъ четыре — нашла смѣлаго защитника, въ лицѣ добрѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка—Петра Петровича Ланскаго [2]).

«Между тѣмъ, и послѣ того нашлись люди, осуждавшіе ее и за этотъ именно шагъ,—шагъ послужившій для моей невѣстки спасеніемъ»...

Говоря о смерти шурина, и извѣщая о постигшей Ольгу Сергѣевну болѣзни, отецъ мой пишетъ, между прочимъ, Луизѣ Матвѣевнѣ:

«Не распространяюсь на счетъ самой дуэли и кончины Александра Сергѣевича. Объ этомъ вся Россія, а слѣдственно и вы, въ Екатеринославлѣ, слышали и знаете. Жаль дѣтей и вдовы—невинной причины несчастія. Онъ искалъ смерти, умеръ съ радостію, а потому былъ бы несчастливъ, еслибъ остался живъ. Самолюбіе его—чувство, которое руководило всѣми его поступками,—было слишкомъ оскорблено. Оно отчасти удовлетворилось въ послѣднія минуты:

---

[1]) См. брошюра Аммосова, стр. 22. Въ ней сказано: «На Дворцовой набережной они (т. е. дядя и Данзасъ) встрѣтили въ экипажѣ г-жу Пушкину. Данзасъ узналъ ее, надежда въ немъ блеснула, встрѣча эта могла поправить все. Но жена Пушкина была близорука, а Пушкинъ смотрѣлъ въ другую сторону». Л. П.

[2]) Нынѣ покойнаго. Прибавлю и отъ себя: Наталья Николаевна, своимъ замужествомъ, исполнила предсмертную волю поэта, который—какъ пишетъ кн. Вяземскій—сказалъ женѣ: «Ступай въ деревню, носи по мнѣ трауръ два года, а потомъ выходи замужъ, но за человѣка порядочнаго»... Л. П.

вся столица смотрѣла на умирающаго. Противникъ его родственникъ, ибо женатъ на родной сестрѣ его жены, кавалергардскій офицеръ Гекеренъ (прежде Дантесъ) подъ судомъ: ожидаемъ примѣрнаго наказанія».

Во второй главѣ я говорилъ, какимъ образомъ до Ольги Сергѣевны дошло извѣстіе о кончинѣ брата, упомянулъ также о выдержанной ею, вслѣдствіе того, опасной нервной болѣзни, и объ участіи къ ней всего варшавскаго—какъ русскаго, такъ и польскаго—высшаго общества, но забылъ сказать, что по странному,—свойственному членамъ ея семейства—психологическому характеру, съ моей матерью повторилось явленіе, какому подверглась она въ 1831 году, за нѣсколько дней до кончины ея дяди Василія Львовича.

Три ночи сряду, до полученія чрезъ г. Софіаноса ужаснаго извѣстія, Александръ Сергѣевичъ являлся сестрѣ во снѣ, блѣдный, и окровавленный, между тѣмъ какъ наяву объ исторіи съ Дантесомъ она и не догадывалась; такимъ образомъ, моя мать и тутъ была подготовлена таинственнымъ образомъ, почему перебила моего отца, собиравшагося разсказать ей сообщеніе г. Софіаноса вопросомъ: «Скажи же, наконецъ, что братъ боленъ? боленъ? умеръ?!.»

. . . .

Въ заключеніе нѣсколько словъ о Дантесѣ-Гекеренѣ:

Лѣтомъ 1880 года, возвращаясь изъ Москвы—куда ѣздилъ на открытіе памятника моему дядѣ,—я сидѣлъ въ одномъ вагонѣ съ сыномъ подруги моей матери,—жены партизана Давыдова—Василіемъ Денисовичемъ Давыдовымъ—нынѣ покойнымъ,—съ которымъ встрѣтился въ Москвѣ же, послѣ долголѣтней разлуки.

Разговоръ конечно шелъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, о Пушкинѣ, и вотъ что̀ В. Д. мнѣ сообщилъ:

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, Василій Денисовичъ былъ въ Парижѣ. Пріѣхавъ туда, онъ остановился въ какомъ-то отелѣ, гдѣ всякій день ему встрѣчался совершенно сѣдой старикъ большого роста, замѣчательно красивый собою. Старикъ всюду слѣдовалъ за пріѣзжимъ, что̀ и вынудило Василія Денисовича обратиться къ нему съ вопросомъ о причинѣ такой назойливости. Незнакомецъ отвѣчалъ, что узнавъ его фамилію, и что онъ сынъ поэта,—знавшаго Пушкина—долго искалъ случая заговорить съ нимъ, при чемъ, рекомендовавшись барономъ Дантесомъ-Гекереномъ де Бревеардомъ (или Бевервардомъ — сказать навѣрное не умѣю), объяснилъ Давыдову, будто бы онъ, Дантесъ, и въ помышленіи не имѣлъ погубить Пушкина, а, напротивъ того, всячески старался примириться съ Александромъ Сергѣевичемъ, но вышелъ на поединокъ единственно по требованію усыновившаго его барона Гекерена, кровно оскорбленнаго Пушкинымъ. Далѣе, когда соперники, готовые сразиться, стали другъ противъ друга, а Пушкинъ наводилъ на Гекерена пистолетъ, то разсказчикъ, прочтя въ исполнен-

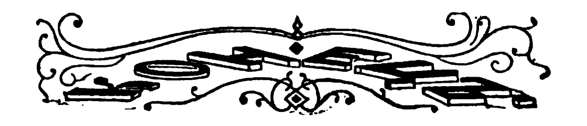
номъ ненависти взглядѣ Александра Сергѣевича свой смертный приговоръ, яко бы оробѣлъ, растерялся, и уже по чувству самосохраненія предупредилъ противника и выстрѣлилъ первымъ, сдѣлавъ четыре шага изъ пяти назначенныхъ до барьера. Затѣмъ, будто бы цѣлясь въ ногу Александра Сергѣевича, онъ, Дантесъ, «страха ради» передъ безпощаднымъ противникомъ, не сообразилъ, что при такомъ прицѣлѣ не достигнетъ желаемаго, а попадетъ выше ноги. «Le diable s'en est mêlé» («чортъ вмѣшался въ дѣло»), закончилъ старикъ свое повѣствованіе, заявляя, что проситъ Давыдова передать это всякому, съ кѣмъ бы его слушатель въ Россіи ни встрѣтился. . . . .

Выслушавъ Василія Денисовича, я припомнилъ слова моей матери: «Не повѣрю, чтобы Дантесъ расчитывалъ умертвить брата. Тутъ, повидимому, самъ дьяволъ повернулъ руку Гекерена... (On dirait que c'est le diable lui-même, qui a tourné la main de Hekeren»).

. . . .

Кончиной дяди-поэта и заключается первый отдѣлъ моихъ тридцати двухъ лѣтнихъ воспоминаній. Событія же обнимающія періодъ времени съ февраля 1837 по 1848 годъ, — когда дѣдъ мой, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, переселился въ вѣчность—вошли въ составъ второго отдѣла, который, если позволятъ обстоятельства, я также со временемъ напечатаю, предполагая, что онъ можетъ показаться не безъинтереснымъ для многихъ, касаясь дальнѣйшей судьбы родныхъ и друзей Александра Сергѣевича.

Левъ Павлищевъ.

ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРСТВО Н. Н. МУРАВЬЕВА ВЪ СИБИРИ [1].

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

V.

Карьеры служившихъ въ Сибири.— Сенаторы и губернаторы.— Вопросъ объ устройствѣ быта ссыльныхъ.— Ссыльный Зыковъ.— Поѣздка къ графу Муравьеву въ Петербургъ.— Перепитіи разсмотрѣнія вопроса объ устройствѣ ссыльныхъ.— Карповъ.— Корсаковъ и Муравьевъ.— Положеніе ссыльныхъ.— Практика жизни.

ПРЕСТРАННЫЯ бываютъ стеченія обстоятельствъ. Путешествуя въ Сибирь, мнѣ приходилось не разъ задаваться вопросомъ: что меня ждетъ въ Сибири и чего бы я желалъ достигнуть въ ней? Служить въ Сибирь манилъ меня не карьеризмъ. Онъ не былъ въ моемъ характерѣ. Сверхъ того, еще студентомъ, т. е. лѣтъ за восемь, Сибирь меня привлекала. Амурская эпопея была у всѣхъ на языкѣ. Личность графа Муравьева была какою-то легендарною. Еще въ студенческомъ мундирѣ, за полтора мѣсяца до окончанія курса, безъ всякихъ рекомендацій, я явился къ графу Муравьеву, прося его принять меня на службу въ Восточную Сибирь. Онъ долго со мной разговаривалъ, но, въ заключеніе, окатилъ меня водой.

— Новичковъ,—высказалъ онъ,—намъ не нужно. Ихъ не кому учить! Послужите здѣсь лѣтъ восемь и такъ... въ чинѣ коллежскаго ассессора... пріѣзжайте къ намъ. Тогда найдется вамъ дѣло.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIV, стр. 317.

Въ данномъ случаѣ Муравьевъ былъ пророкомъ. Безъ малаго черезъ восемь лѣтъ, въ томъ самомъ чинѣ, о которомъ случайно упомянулъ графъ, я предсталъ передъ нимъ. Въ чиновничьемъ отношеніи я скорѣе терялъ отъ перевода: меня готовились представить къ слѣдующему чину. Не могу въ этомъ случаѣ не остановиться на томъ, что, присвоенная Восточной Сибири во времена графа Муравьева репутація страны карьеристовъ,—не оправдывается. Если исключить Корсакова и Кукеля, какъ выдающихся въ этомъ отношеніи личностей, при чемъ карьера послѣдняго, какъ я могъ убѣдиться по сличеніи формуляровъ, была быстрѣе корсаковской, что оправдывалось многостороннимъ образованіемъ, полученнымъ Кукелемъ, если исключить эти двѣ личности, то я бы желалъ, чтобы проповѣдывавшіе въ свое время о карьеризмѣ въ Восточной Сибири указали мнѣ лицъ, которыя дѣйствительно подходили бы подъ это обвиненіе. Чинопроизводство между военными дѣйствительно шло быстро, но чинъ, самъ по себѣ взятый, не только не созидаетъ извѣстнаго положенія, а напротивъ, въ большей части случаевъ, вредитъ тому. По моимъ наблюденіямъ за пятнадцать лѣтъ оказывается, что изъ двухъ сослуживцевъ графа Муравьева,—двое, К. К. Венцель и Штубендорфъ, изъ губернаторовъ попали въ сенатъ; П. В. Козакевичъ, продолжая служить по морскому вѣдомству, докончилъ свою карьеру службой внѣ Сибири; Деспотъ-Зеновичъ, бывшій кяхтинскимъ градоначальникомъ, послѣ губернаторства въ Тобольскѣ прошелъ въ члены совѣта министра внутреннихъ дѣлъ; Лохвицкій, съ мѣста енисейскаго губернатора, Карповъ, съ мѣста члена совѣта главнаго управленія, причислены были къ тому же министерству; знаменитый Беклемишевъ не пошелъ далѣе вице-губернаторства; Шелеховъ былъ управляющимъ сперва Варшавской, а потомъ Ярославкой контрольной палаты; Арсеньевъ получилъ камеръ-юнкерство, и, опять службой внѣ Сибири, дошелъ до сената. Большинство же выѣхало изъ Восточной Сибири или умерло въ ней отставными: гдѣ же эти карьеристы, о которыхъ такъ много кричали.

Но дѣло не въ этомъ: мечтая о томъ, что̀ мнѣ предстоитъ въ Сибири и какого рода дѣятельность была бы мнѣ болѣе по сердцу, я останавливался мысленно на ссыльныхъ. Изъ университетскихъ лекцій того времени, мы усвоили себѣ тотъ взглядъ, что ссылка самое соотвѣтственное, самое цѣлесообразное наказаніе и что благо той странѣ, которая, подобно Россіи, имѣетъ возможность устроить ссылку не за морями. Затѣмъ, объ устройствѣ быта ссыльныхъ, намъ въ тѣ времена, если и читалось, то по своду законовъ, и уставъ о ссыльныхъ былъ единственной книгой закона, въ которую, въ теченіе восьмилѣтней службы, мнѣ не приходилось заглядывать. Но на дорогѣ въ Сибирь, встрѣчаясь съ партіями ссыльныхъ, съ бродягами, разговаривая съ ними и о нихъ, я невольно заинте-

ресовался ихъ положеніемъ. И невольно, безотчетно, какой-то безсознательной pia desideria—стала для меня мысль, какъ бы было хорошо, если бы на долю мою выпала именно эта чаша. Склонность къ мечтательности, поощряемая скучною дорогой, дѣлала свое дѣло: изъ какихъ-то смутныхъ въ началѣ образовъ выдвигались все болѣе и болѣе точные и опредѣленные.

Какое же должно было произвести на меня впечатлѣніе первое предложеніе мнѣ Корсакова!

Не я же подсказалъ его: мнѣ и въ голову не приходило, что на очереди стоитъ вопросъ, меня заинтересовавшій. Живя въ деревнѣ по сосѣдству съ заводомъ, гдѣ работали каторжные, я имѣлъ возможность ознакомиться съ заинтересовавшимъ меня вопросомъ, но отсюда, до осуществленія мечты, было еще слишкомъ далеко.

Изъ главнаго управленія мнѣ передали цѣлые фоліанты дѣлъ по вопросу о ссыльныхъ. Оказалось, что, начиная съ тридцатыхъ годовъ, и въ Петербургѣ, и въ Сибири, на первой очереди, стоялъ вопросъ объ устройствѣ быта ссыльныхъ. Вслѣдствіе того народилась масса проектовъ, которые писались въ Петербургѣ, въ Западной и въ Восточной Сибири. Въ послѣдней не было свѣжаго человѣка, которому, въ качествѣ причисленнаго къ главному управленію, не выпадало бы на долю внести свою лепту въ этотъ трудъ. Работали въ этомъ направленіи и спеціалисты по горному дѣлу, и управляющіе казенными заводами. Но дѣло все-таки не подвигалось. Петербургъ раскритиковывалъ присылаемыя ему съ мѣста предположенія, по несоотвѣтственности ихъ карательному элементу ссылки, а мѣстная администрація клала подъ сукно выработанныя въ Петербургѣ по непрактичности ихъ. Извѣстно, что графъ Блудовъ въ составъ ссылки, какъ наказанія, ввелъ тюремное заключеніе; но, какъ было ввести его, когда съ одной стороны не было тюремъ, а съ другой—не изъ кого было сформировать стражу. Имѣя передъ собой какихъ-нибудь десять дней, я, конечно, не могъ одолѣть всего мнѣ переданнаго, тащить же съ собой всѣ эти фоліанты—не предстояло физической возможности.

Впрочемъ, задача, мнѣ предстоявшая, упрощалась. Она сводидилась къ двумъ пунктамъ. Съ одной стороны, къ исполненію сообщеннаго графомъ Блудовымъ высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта о разработкѣ на мѣстѣ, т. е. въ Восточной Сибири, проекта управленія ссыльными, при соблюденіи слѣдующихъ началъ: замѣчено, сообщалъ графъ Блудовъ, что всѣ старанія правительства организовать бытъ ссыльныхъ, оказывались безуспѣшными, потому что проекты, разработывавшіеся въ Петербургѣ, основываясь на требованіяхъ карательнаго закона и интересахъ государственныхъ, не находили себѣ опоры въ мѣстныхъ условіяхъ; проекты же, писанные въ Сибири, опираясь исключительно на экономическіе интересы края, отодвигали на задній

планъ интересы карательнаго закона и частью государственные. Тѣмъ и другимъ не доставало точнаго знанія быта ссыльныхъ, вслѣдствіе того, что, будучи подвѣдомы главному управленію, губернаторамъ, общей полицейской власти, спеціальной въ лицѣ горныхъ и заводскихъ начальствъ, они, ссыльные, въ существѣ оставались внѣ всякаго завѣдыванія, такъ какъ управлявшіе ими фактически и номинально, имѣя множество иныхъ, прямыхъ обязанностей, не имѣли времени и возможности тщательно изучить ихъ бытъ, а слѣдовательно на столько оріентироваться, чтобы выработать для будущаго устройства ссыльныхъ, разумную и цѣлесообразную програму. По этому, заключалъ графъ Блудовъ, необходимо, пріостановившись на время всякими проектными предначертаніями, устроить, въ видѣ попечителей, такое управленіе надъ ссыльными въ обѣихъ частяхъ Сибири, чтобы чины его составляющіе, не отвлекаясь отъ прямой своей обязанности другими служебными и не вмѣшиваясь, такъ сказать, въ исполнительныя распоряженія, могли посвятить себя исключительно охраненію интересовъ ссыльныхъ и изученію ихъ быта, дабы, на основаніи послѣдняго, построить всѣ дальнѣйшія соображенія о благоустройствѣ этой части населенія.

Другой пунктъ предстоящей работы истекалъ изъ личныхъ соображеній графа Муравьева высочайше одобренныхъ и заключавшихся въ необходимости измѣненія отношеній ссыльныхъ, какъ рабочей силы, къ заводскимъ начальствамъ. Въ запискѣ своей, написанной съ рѣзкой, въ тѣ времена, смѣлостью и убѣдительностью графъ Муравьевъ доказывалъ всю несоотвѣтственность, и съ нравственной и съ матеріальной точки зрѣнія, того законоположенія, въ силу котораго всѣ преступники, подвергшіеся извѣстнаго рода наказаніямъ, поступали въ непосредственное распоряженіе Кабинета его величества и заводовъ казенныхъ, въ качествѣ дешевыхъ рабочихъ, на дѣлѣ же обходившихся дороже всякихъ другихъ, въ прямой ущербъ хозяйству, не говоря уже о томъ, что сосредоточеніе въ одномъ лицѣ и власти хозяина, и власти полицейской, и власти судебной, представлялось источникомъ однихъ злоупотребленій. Указывая, вслѣдствіе этихъ соображеній, другую организацію, а именно: сосредоточеніе управленія ссыльныхъ въ рукахъ гражданскаго начальства съ тѣмъ, чтобы оно ставило ихъ на работы въ подлежащія вѣдомства,—графъ Муравьевъ испрашивалъ себѣ право разработать эту основную тему въ подробностяхъ.

Если первая задача сама по себѣ не требовала особыхъ спеціальныхъ знаній, то вторая, наоборотъ, была мыслима лишь подъ условіемъ близкаго ознакомленія и съ технической частью производствъ пріисковаго, желѣзодѣлательнаго, солевареннаго и винокуреннаго, на которыя употреблялись ссыльные, и съ мѣстными условіями, которыя не могли, конечно, оставаться безъ вліянія и на самое производство и на програму дѣятельности предстоящей тю-

ремному управленію. Если для первой задачи были намѣчены важнѣйшія черты, такъ что все ограничивалось приведеніемъ ихъ въ систему, то для второй были намѣчены лишь грани, наполнить пустыя мѣста между которыми приходилось не иначе, какъ по соглашенію съ подлежащими властями, отзывы которыхъ, однако, нельзя было принимать на вѣру.

Надо ли распространяться въ доказательствахъ, съ какимъ отраднымъ впечатлѣніемъ я полетѣлъ въ Читу. И прелесть самой задачи и возможность сразу достигнуть желаемой цѣли—ознакомиться съ краемъ. Мнѣ предстояло побывать и за Байкаломъ, а для ознакомленія съ заводами, объѣхать и Иркутскую, и Енисейскую губерніи.

Хотя по предписанію, мнѣ данному, я и долженъ былъ работать по ближайшимъ указаніямъ М. С. Корсакова, но ни во время перваго пребыванія моего въ Читѣ, ни на обратномъ пути, ни при окончательной отдѣлкѣ проектовъ въ Иркутскѣ, я никакихъ указаній отъ него не получалъ, кромѣ лишь предостереженія относительно горнаго начальства. Это, молъ, Іуды.

Предупрежденія Корсакова, какъ въ слѣдственномъ дѣлѣ, о которомъ я упоминалъ выше, такъ и по отношенію къ ссыльнымъ, въ моихъ, по крайней мѣрѣ, глазахъ не оправдались. Напротивъ, въ горномъ начальствѣ, достойными представителями котораго въ то время были Д—нъ, У—се, Дубр—винъ, Б—ій, я нашелъ себѣ полную поддержку, на столько это были люди здраво отнесшіеся къ задачѣ и оцѣнившіе ее тотчасъ же, безъ всякихъ заднихъ мыслей. Совершенно иное соотношеніе къ дѣлу я встрѣтилъ на заводахъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ, т. е. солеваренныхъ и винокуренныхъ.

Относительно Д—на я могу занести въ свою лѣтопись лишь одну черту.

Разговаривая съ нимъ о предстоящей реформѣ, существенно затрогивавшей интересы, если не Кабинета его величества, то представителей его, такъ какъ съ осуществленіемъ предположеній графа Муравьева, въ лицѣ ссыльныхъ они потеряли бы многое, что обезпечивало ихъ личный комфортъ (даровую прислугу), и встрѣтивъ въ немъ горячаго поборника предстоящаго измѣненія, я къ удивленію выслушалъ отъ него, что для исполненія выпавшей на мою долю задачи, мнѣ безусловно необходимо поговорить съ такимъ человѣкомъ, который чуть не Соломонъ...

И вотъ на другой день онъ посылаетъ ко мнѣ съ запиской ссыльнаго Зыкова, прославившагося въ Москвѣ убійствомъ кн. Голицыной, и о которомъ мнѣ приходилось выслушать не мало разсказовъ въ Иркутскѣ. Познакомиться съ подобнымъ человѣкомъ, какъ интереснымъ для изученія субъектомъ, было, положимъ, не безполезно, но встрѣтиться въ то время, и въ первый еще разъ, съ убійцей,

разыгрывающимъ роль въ обществѣ (да и какую?.. онъ былъ даже учителемъ дѣтей Д—на), видѣть его самоувѣренно толкующимъ о предстоящемъ преобразованіи съ апломбомъ авторитета, мнѣ показалось крайне страннымъ. Не желая обидѣть Д—на, его ко мнѣ приславшаго, я выслушалъ его съ терпѣніемъ и, на предложеніе подать особую записку съ изложеніемъ его взглядовъ, я отвѣчалъ, что не уполномоченъ принимать какія бы то ни были записки и проекты, что задача моя крайне ограничена и что я дѣйствую въ предѣлахъ указаній, данныхъ мнѣ начальствомъ, а потому и рекомендую ему воспользоваться предстоящимъ пріѣздомъ Корсакова, чтобы подать ему все, что онъ заблагоразсудитъ.

Зыковъ презрительно усмѣхнулся и былъ таковъ.

Часа черезъ два, когда я пришелъ къ Д—ну обѣдать, я замѣтилъ, что онъ предупрежденъ и какъ-будто косится на меня. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и самъ завелъ разговоръ, что я напрасно отнесся съ такимъ пренебреженіемъ къ Зыкову, что онъ умнѣйшій и достойнѣйшій человѣкъ, что преступленіе имъ совершено подъ вліяніемъ аффекта и фанатизма, и что къ подобнымъ преступникамъ слѣдуетъ всегда относиться съ особымъ снисхожденіемъ.

Я ограничился отвѣтомъ, что не понимаю, какъ можно подобнымъ лицамъ, если и справедливо, что они впали въ преступленіе подъ вліяніемъ аффекта и фанатизма, довѣрять судьбу своихъ дѣтей... Это, повидимому, еще болѣе не понравилось моему амфитріону, и между мною и имъ, повидимому, пробѣжало облачко.

Ноябрь и декабрь я посвятилъ группировкѣ собранныхъ данныхъ и, наконецъ, разработкѣ двухъ проектовъ: а) положенія объ управленіи ссыльными и б) инструкціи для употребленія ихъ въ работы на кабинетскихъ и казенныхъ заводахъ. М. С. Корсаковъ, оставшійся послѣ отъѣзда Муравьева управлять краемъ, едва заглянулъ въ мою работу. Графу Муравьеву, торопившемуся въ Петербургъ, было тоже не до проекта.

Поѣздка въ Петербургъ досталась мнѣ не легко. Мнѣ пришлось проводить проектъ въ совѣтѣ главнаго управленія и хотя составъ совѣта въ то время былъ, можно сказать, блестящій, до котораго въ послѣдующее время онъ никогда не доходилъ, тѣмъ не менѣе, такіе дѣльцы, какъ Осиповъ, Кокоринъ, Успенскій, были въ существѣ консерваторами до конца ногтей; а изъ молодыхъ, сравнительно, дѣятелей, Савинскій, хотя и не отвергалъ необходимости улучшенія быта ссыльныхъ и не возражалъ противъ технической стороны дѣла, однако, былъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ тѣмъ, что какъ членъ и дѣлопроизводитель существовавшаго ранѣе спеціальнаго комитета изъ горныхъ чиновъ, доказывалъ необходимость казни для ссыльныхъ. Это обстоятельство побудило А. И. Деспотъ-Зеновича, тогда еще кяхтинскаго градоначальника, пользовавшагося особымъ благоволеніемъ графа Муравьева, подать замѣ-

чательную записку, написанную чуть не съ юношескимъ жаромъ, въ которой онъ соединилъ все, что только, съ точки зрѣнія теоріи и сердца, можно и должно было высказать противъ дикой идеи— примѣненія смертной казни. Но основный пунктъ возраженій въ совѣтѣ главнаго управленія былъ не тотъ: «заботьтесь прежде о честныхъ людяхъ,—провозгласилъ Успенскій,—и потомъ уже о негодяяхъ». Вотъ около чего вертѣлись всѣ возраженія. Затѣмъ, наши сенаторы не могли помириться съ мыслью объ уничтоженіи экспедицій о ссыльныхъ. Онѣ были оставлены во всей ихъ прелести.

Молодость, увлеченіе проектомъ, основныя указанія для котораго даны были графомъ Муравьевымъ, перспектива поѣздки въ Петербургъ, замедлявшейся отъ противорѣчій, можно сказать, уклончивости отъ категорическаго разрѣшенія дѣла, каюсь, бѣсили меня, тѣмъ болѣе, что въ М. С. Корсаковѣ я не находилъ себѣ никакой, даже нравственной, поддержки. Онъ уклонялся отъ личнаго присутствія въ засѣданіяхъ, а своего мнѣнія не высказывалъ. Какъ докладчикъ, я далеко переступалъ предѣлы этой скромной роли, и хотя выигралъ дѣло и настоялъ, чтобы въ томъ или другомъ видѣ проекты прошли къ назначенному сроку, тѣмъ не менѣе я получилъ отъ Корсакова замѣчаніе въ томъ, что не умѣю себя держать.

Какъ бы то ни было, 1-го марта 1860 года, съ имяниннаго вечера, бывшаго у И—хъ, я былъ полиціймейстеромъ Сухотинымъ доставленъ къ Корсакову, который вручилъ мнѣ необходимыя бумаги, посадилъ меня тутъ же на перекладную, при чемъ полиціймейстеръ получилъ приказаніе выпроводить меня за городъ. Это приказаніе не помѣшало намъ съ Сухотинымъ завернуть къ попутчику, котораго я нашелъ до Красноярска, отлично у него поужинать, пересѣть съ нимъ не въ перекладную, а въ проходную повозку и выѣхать часа черезъ три, если не болѣе. Выѣхавъ 2-го марта, я 23-го сидѣлъ уже въ вагонѣ Николаевской желѣзной дороги (Нижегородской дороги въ то время еще не было), а 26-го марта явился уже къ графу Муравьеву съ бумагами.

Но онъ былъ уже на выѣздѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ принялъ отъ меня на второй или третій день докладъ и остался крайне недоволенъ включеніемъ въ проектъ экспедицій.

— Это все мои старики,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Ну, дѣлать нечего: проектъ вы повезете назадъ и тамъ мы имъ займемся на свободѣ.

Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выпросить себѣ право пріѣхать назадъ не ранѣе іюня и, вмѣстѣ съ тѣмъ на случай, если я и въ послѣднее время буду занятъ разработкой той же темы, испросилъ себѣ подлежащій кредитъ на пріобрѣтеніе необходимыхъ по этой части книгъ, такъ какъ чувствовалъ себя недостаточно еще подготовленнымъ къ той дѣятельности, которая выпадала на мою

долю. Графъ Муравьевъ заговорилъ о командировкѣ за границу: я отклонился въ виду того, что изученіе тюремной системы не входило еще въ программу. Мечтать о постройкѣ пенитенціарныхъ тюремъ для каторжныхъ было не мыслимо. А для ссыльно-поселенцевъ онѣ были совершенно безполезны.

Въ первыхъ числахъ іюня, я былъ уже въ Нижнеудинскѣ. Хотя я и слѣдовалъ обратно по курьерской подорожной, но везъ съ собою лишь одинъ конвертъ изъ азіатскаго департамента, вручая который меня предупредили, что онъ особеннаго значенія не имѣетъ и дается мнѣ для декорума.

Корсаковъ, утвержденный помощникомъ генералъ-губернатора, былъ въ это время командированъ въ Петербургъ. Графъ Муравьевъ на этотъ разъ оставался въ Иркутскѣ, и мнѣ пришлось работать подъ непосредственнымъ его руководствомъ, при чемъ всѣ дополненія, придуманныя совѣтомъ главнаго управленія, и въ томъ числѣ пресловутыя экспедиціи были упразднены. Съ тѣмъ вмѣстѣ, графъ Муравьевъ призналъ необходимымъ сосредоточить въ моихъ рукахъ всю производившуюся по главному управленію переписку о ссыльныхъ, вслѣдствіе чего я и являлся по ней непосредственнымъ его докладчикомъ. Хотя подобныхъ докладовъ выпало на мою долю и не много, тѣмъ не менѣе, я сохранилъ о нихъ самое отрадное воспоминаніе. Какое сравненіе между ними и тѣми, которые, спустя нѣкоторое время, мнѣ пришлось имѣть у Корсакова. Одно было неудобство при докладахъ графу Муравьеву: это неувѣренность, когда докладъ начнется и когда кончится, такъ какъ у графа, хотя и существовало распредѣленіе времени, но оно никогда не соблюдалось. Доклады прерывались для пріемовъ, для которыхъ опредѣленнаго времени не существовало. Придешь, бывало, къ 11 часамъ, надѣясь освободиться, самое большее, къ 12 часамъ. Не тутъ то было. Или докладъ примется передъ самымъ обѣдомъ или послѣ обѣда, въ томъ и другомъ случаѣ, приходилось обѣдать у Муравьева. Относительно обѣдовъ разницы не дѣлалось: былъ ли этотъ обѣдъ обыкновенный, или, экстраординарный, званый. Совсѣмъ другой системы держался Корсаковъ.

Какъ бы то ни было, въ концѣ осени, всѣ предварительныя работы мои были окончены, заготовлены подлежащія бумаги и пояснительныя записки, что составило порядочный фоліантъ, и я удостоился послѣдняго доклада у графа Муравьева. Живо помню этотъ докладъ. Я готовился поочередно читать графу все подготовленное.Онъ выслушалъ лишь препроводительную бумагу и, расчеркнувшись подъ нею, обратился ко мнѣ съ улыбкой, подмигивая на прочія бумаги.

— А ужъ это-то, — сказалъ онъ,—я подпишу, не читая... Вѣдь вы меня не подводите?!.

— Помилуйте, ваше сіятельство.

— Знаю, знаю...—и, подписывая подаваемыя ему бумаги, онъ продолжалъ:

— Сегодня я толковалъ о васъ съ Платономъ Петровичемъ. Я знаю, что переходомъ на службу въ Сибирь вы потеряли по чинопроизводству. (Старое начальство собиралось меня представить, но не могло этого выполнить за переходомъ моимъ въ Восточную Сибирь, а новое начальство было стѣснено обязательнымъ двухгодичнымъ срокомъ). Мнѣ хотѣлось по этому представить васъ разомъ къ двумъ чинамъ; но Платонъ Петровичъ уперся. Говоритъ—невозможно. Дѣлать нечего: въ долгу передъ вами я не останусь.

Удивленный, я пробормоталъ нѣсколько словъ благодарности. Окончивъ подписываніе, возвращая мнѣ бумаги и приказавъ лично сдать ихъ отправлявшемуся въ тотъ день курьеру, графъ Муравьевъ предуказалъ мнѣ, что, не дожидаясь утвержденія составленныхъ проектовъ, я долженъ продолжать разработывать и послѣдующіе, при чемъ живо была нарисована программа дальнѣйшихъ работъ.

— Я предупрежу о томъ Корсакова,—закончилъ графъ.

— Но,—возразилъ я,—по существу составленнаго проекта обязанность дальнѣйшей разработки вопроса лежитъ на вновь созидаемомъ управленіи, по этому мои работы...

Графъ усмѣхнулся и, протягивая мнѣ на прощаніе руку, произнесъ:

— Прощайте, г. главный инспекторъ ссыльныхъ Восточной Сибири.

Я не успѣлъ возразить, такъ какъ графъ Муравьевъ обратился къ кому-то входившему съ кипой бумагъ и тѣмъ самымъ лишилъ меня возможности вызвать какія-нибудь дальнѣйшія объясненія..

Увы! обѣщанію графа Муравьева не суждено было осуществиться, и самый проектъ, если исключить распорядокъ употребленія каторжныхъ въ работы и управленія карійскими ссыльно-каторжными, остался не утвержденнымъ до сихъ поръ.

Я забѣгу впередъ и покончу съ вопросомъ о ссыльныхъ, чтобы не возвращаться къ нему.

Года черезъ два мнѣ пришлось быть опять въ Петербургѣ и ознакомиться съ докладомъ, при которомъ министерство внутреннихъ дѣлъ вносило все дѣло въ государственный совѣтъ. Въ докладѣ были изложены отзывы всѣхъ подлежащихъ вѣдомствъ, которыя, если и предлагали нѣкоторыя измѣненія и дополненія противъ представленныхъ графомъ Муравьевымъ проектовъ, но въ общемъ ихъ одобряли. Столь же одобрительно о немъ отозвалось и министерство внутреннихъ дѣлъ. Мнѣ случилось тогда бесѣдовать съ однимъ изъ дѣятелей того времени, которому была прислана изъ совѣта печатная записка. Онъ отзывался о работѣ вполнѣ сочувственно. Казалось бы, не могло быть сомнѣнія, что проектъ

пройдетъ. Съ этимъ ожиданіемъ я вернулся въ Сибирь, но тутъ меня ждалъ сюрпризъ.

Оказалось, что Корсаковъ по телеграммѣ, адресованной къ государственному секретарю, просилъ въ виду измѣнившихся обстоятельствъ и вновь обнаруженныхъ данныхъ, пріостановить разсмотрѣніе въ государственномъ совѣтѣ проектовъ, представленныхъ графомъ Муравьевымъ, такъ какъ онъ, Корсаковъ, имѣетъ въ виду представить новыя соображенія, существенно измѣняющія первоначальныя. Желаніе Корсакова было исполнено. Разсмотрѣніе проекта въ законодательномъ порядкѣ было пріостановлено.

Я засталъ дѣйствующимъ въ Иркутскѣ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ В. Д. Карпова, иниціатора остановки, при чемъ меня не только не пригласили въ означенный комитетъ, хотя бы съ совѣщательнымъ голосомъ и изъ простой вѣжливости, но отобрали отъ меня бумаги, всѣ дѣла, которыя были въ производствѣ по этой части, и одновременно съ тѣмъ отчислили изъ чиновниковъ особыхъ порученій, утвердивъ въ должности товарища предсѣдателя губернскаго суда. Мало того: отъ меня лично работа комитета составляла какой-то секретъ, и только тогда, когда Карпову вздумалось полиберальничать и отпечатать новый проектъ и пояснительную записку, что составило порядочный фоліантъ, только тогда, и то благодаря Савинскому, мнѣ удалось ознакомиться съ нимъ. Къ тому времени мои личныя отношенія къ Корсакову существенно измѣнились. Но сама по себѣ взятая, эта перемѣна не могла бы повліять на дѣло, если бы не вмѣшательство Карпова.

Я зналъ Карпова за долго до пріѣзда въ Восточную Сибирь. Еще студентомъ, у меня была привычка, возвращаясь изъ университета, заходить къ Доминику съ товарищами. Эти посѣщенія продолжались и послѣ съ сослуживцами. Приходилось бывать у Доминика и по вечерамъ, послѣ театровъ. Засѣдали мы постоянно въ билліардной комнатѣ. Я самъ, если и игралъ на билліардѣ, то очень плохо, но въ вечернее время ресторанъ Доминика былъ театромъ игры и шулеровъ и лучшихъ билліардныхъ игроковъ того времени. Состязаніе послѣднихъ было очень интересно. Въ числѣ ихъ постоянно фигурировалъ и Карповъ, съ которымъ, встрѣчаясь чуть не ежедневно, волей не волей пришлось познакомиться, но лишь на столько, что я узналъ его фамилію и то, что онъ изъ университета, сколько помнится, Московскаго. Далѣе этого знакомство наше не шло. Затѣмъ я потерялъ Карпова изъ вида.

Каково же было мое удивленіе, когда зимой 1859 года Из—ій, приглашая меня обѣдать, между прочимъ, предупредилъ, что я встрѣчусь съ однимъ хорошимъ пріятелемъ и, на вопросъ мой съ кѣмъ—назвалъ мнѣ Карпова. Въ первую минуту эта фамилія мнѣ ничего не напомнила. Но, когда мы встрѣтились, я дѣйствительно узналъ своего ресторраннаго и клубнаго знакомца.

Надо сказать, что Карповъ обладалъ представительной фигурой,—и, въ Сибири, явился мнѣ держащимъ себя самоувѣренно, чтобы не сказать сильнѣе. Какъ онъ попалъ въ Восточ. Сибирь—я не знаю, но, пройдя должность чиновника особыхъ порученій при главномъ управленіи, онъ, въ моментъ нашей встрѣчи, былъ кяхтинскимъ пограничнымъ комиссаромъ. Въ Иркутскѣ онъ пользовался расположеніемъ общества.

Знакомство между нами возобновилось, но о дружбѣ не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что Карповъ наѣзжалъ въ Иркутскъ временами и предпочиталъ карточную компанію. Карты были страстью его. Онъ способенъ былъ просиживать за ними и дни, и ночи. Весьма естественно, что онъ велъ жизнь игрока. Сегодня — съ золотомъ, завтра—ни съ чѣмъ.

Въ тотъ моментъ, когда мы вновь встрѣтились съ нимъ, онъ, по милости Корсакова, былъ уже членовъ совѣта главнаго управленія отъ министерства государственныхъ имуществъ и управлялъ IV отдѣленіемъ, въ которомъ сосредоточена была и переписка о ссыльныхъ и вся проектная часть.

Было бы съ моей стороны непростительно умолчать, что Карповъ былъ человѣкъ безусловно способный, отличный работникъ, владѣвшій перомъ, такъ, что если при графѣ Муравьевѣ перомъ Восточной Сибири называли Кукеля, подъ перомъ котораго получили окончательную отдѣлку наиболѣе капитальныя работы и по гражданскому вѣдомству, хотя фактически Кукель былъ начальникомъ штаба, то при Корсаковѣ, въ особенности послѣ смерти Кукеля, эту роль пера могъ бы занять Карповъ. Но несчастная страсть къ картамъ, ставившая Карпова весьма часто въ матеріальномъ отношеніи въ безвыходное положеніе, самонадѣянность, соединенная съ умѣніемъ поддѣлываться къ людямъ выше стоящимъ и ему нужнымъ, а, по минованіи въ нихъ надобности, обращаться къ нимъ спиной, извѣстная доля честолюбія и въ то же время завистливости—обращали Карпова въ человѣка, не имѣвшаго никакихъ твердо установившихся нравственныхъ принциповъ и готоваго вредить и дѣлу, и людямъ, коль скоро ему представлялось, что они становятся на его дорогѣ.

Обязанный Восточной Сибири своей карьерой, онъ въ послѣдствіи, служа въ Петербургѣ, при чемъ черезъ его руки проходили сибирскія дѣла, тщеславился тѣмъ, что такое-то представленіе провалилъ, а такое-то затянулъ и т. д. А его отношенія къ Корсакову? Тотъ ли не благодѣйствовалъ ему. Онъ былъ мученикомъ Карпова въ денежномъ отношеніи. Никто изъ сослуживцевъ его не умѣлъ такъ выманивать у послѣдняго денегъ. Между тѣмъ... онъ же дозволилъ себѣ дерзкія дѣйствія относительно Корсакова при свидѣтеляхъ, вынужденъ былъ уѣхать изъ Восточной Сибири черезъ годъ вновь сошелся съ Корсаковымъ, пользуясь отъ него

денежными субсидіями, за спиной—ругалъ его, а послѣ смерти—написалъ ему некрологъ. Кому бы, кромѣ Карпова, удалась такая продѣлка. Онъ убѣдилъ Корсакова въ необходимости обревизовать Якутскую область, получилъ это порученіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и не малозначительное денежное довольствіе на поѣздку; но вслѣдъ за тѣмъ, ревизія была отмѣнена, такъ что Карпову не пришлось выѣхать изъ Иркутска. Тѣмъ не менѣе полученныя деньги онъ не возвратилъ.

При такихъ наклонностяхъ, мудрено ли, что Карповъ, заглянувъ въ проекты, представленные графомъ Муравьевымъ, усмотрѣлъ въ нихъ нѣкоторую почву для самообезпеченія. Обойти Корсакова было не трудно. Это было время, когда онъ въ порывѣ, должно быть, благодарности стряхивалъ съ себя вліяніе графа Муравьева и на скромныя напоминанія, что такъ дѣлалось при графѣ, самоувѣренно отвѣчалъ: «мнѣ графъ не указчикъ!»...

Не отстаивая нисколько своего проекта, тѣмъ болѣе, что своимъ въ немъ я могу считать единственно редакцію, я не считаю нужнымъ распространяться о существѣ Карповскаго проекта, удостоившагося полнаго одобренія Корсакова и полетѣвшаго въ Петербургъ, при эфектно расписанныхъ поясненіяхъ.

Мнѣ пришлось быть опять въ Петербургѣ въ тотъ самый моментъ, когда предстояло разсмотрѣніе новаго проекта въ государственномъ совѣтѣ. По письму ли Корсакова или самъ непосредственно, но графъ Муравьевъ выѣхалъ изъ-за границы, чтобы принять участіе въ разсмотрѣніи этого дѣла. Случай насъ свелъ: мы жили въ одной гостиницѣ Демута. И вотъ графъ Муравьевъ за два или за три дня до засѣданія приходитъ ко мнѣ и, передавая кипу печатныхъ бумагъ, проситъ разсмотрѣть и разъяснить ему въ чемъ дѣло. На этотъ разъ было передо мною опять заключеніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Врѣзались мнѣ въ память изъ него слѣдующія выраженія. Излагая исторію дѣла до того момента, когда Корсаковъ пріостановилъ разсмотрѣніе въ государственномъ совѣтѣ первоначальнаго проекта и напоминая, что послѣдній, какъ вполнѣ согласный съ высочайшими указаніями, былъ одобренъ подлежащими вѣдомствами, министерство выражало крайнее удивленіе, что могло побудить генералъ-губернатора Восточной Сибири задержать, на нѣсколько лѣтъ, осуществленіе настоятельно требовавшейся мѣры, тѣмъ болѣе, что никакихъ новыхъ обстоятельствъ и данныхъ, кои оправдали бы подобную задержку, въ виду не оказывается. Затѣмъ слѣдовала безпощадная критика проекта.

Подобный отзывъ облегчилъ мнѣ исполненіе задачи передъ графомъ Муравьевымъ. Мнѣ осталось указать на него и дополнить это указаніе нѣкоторыми разъясненіями, такъ сказать, мѣстными.

Графъ Муравьевъ былъ пораженъ. На этотъ разъ онъ не выдержалъ своего характера. Отстаивать Корсаковскій проектъ было

бы не честно, да и невозможно: это бы значило противорѣчить самому себѣ. Вооружиться противъ проекта, значило бы выдать головой, если не творца его, то лицо, дозволившее обойти себя, а это лицо всѣмъ своимъ положеніемъ обязано было графу Муравьеву. Пришлось выскочить изъ этого положенія: обстоятельства помогли. Въ то время была рѣшена высылка въ Сибирь повстанцевъ. Въ виду этого новаго обстоятельства, т. е. поступленія въ Сибирь политическихъ ссыльныхъ и неудобства учрежденія двухъ управленій, признано было за лучшее пріостановиться разсмотрѣніемъ вопроса о порядкѣ управленія ссыльными.

Оба проекта такимъ образомъ провалились, а съ тѣмъ вмѣстѣ исчезла надежда на упорядоченіе быта ссыльныхъ въ Сибири.

Съ того времени, къ которому относятся мои замѣтки, прошло уже 20 лѣтъ. Взглядъ на ссылку перемѣнился: и люди дѣла, или, по крайней мѣрѣ, считающіе себя за таковыхъ, и представители науки, и пресса по стопамъ послѣднихъ, и общественное мнѣніе, какъ стараются насъ убѣдить, хотя подобнаго мнѣнія въ Сибири и прежде не было, да и до сихъ поръ, не существуетъ, пришли къ единогласному убѣжденію: ссылка—язва Сибири; пока она существуетъ, пока Сибирь волей не волей должна принимать въ свою среду ссыльныхъ,—до тѣхъ поръ, она никогда не поднимется экономически и нравственно.

Съ теоретиками мы спорить не будемъ. Не признаемъ себя на столько компетентными, да, наконецъ, и задача, нами себѣ предпосланная, не даетъ намъ права вмѣшиваться въ подобные споры.

Что администрація готова отдѣлаться отъ ссыльныхъ — весьма понятно. Одной обузой меньше. По справедливости, слѣдовало бы спросить: сдѣлала ли что администрація для упорядоченія быта ссыльныхъ? Отвѣтятъ: да, производились опыты, чего не предпринималось? Все осталось безуспѣшнымъ; — но почему? Потому ли, что люди, надъ которыми производились эти опыты, дѣйствительно—отребіе человѣчества,—потому ли, что самые опыты въ существѣ—были безразсудные, потому ли, что производство этихъ опытовъ поручалось людямъ или совершенно къ подобнымъ экспериментамъ не подготовленнымъ, или пользовавшимся ими для набитія себѣ каркановъ.

Но, слѣдя за литературой вопроса, въ особенности мѣстной, за корреспонденціями, посвященными вопросу о ссыльныхъ, меня всегда поражали и поражаютъ два обстоятельства: одно—увѣренность, съ которой стараются трубить, что, благодаря ссыльнымъ, отсутствуетъ въ Сибири понятіе объ общественной безопасности, другое—что, въ экономическомъ отношеніи, ссыльные не помогли, а повредили Сибири.

Проживъ 15 лѣтъ въ краѣ, занимаясь не мало статистикой и, между прочимъ, криминальной, изучивъ бытъ ссыльныхъ и въ ка-

чествѣ судьи и въ качествѣ ревизора полицейскихъ и судебныхъ учрежденій, при чемъ особенное вниманіе мое привлекали дѣла, въ которыхъ замѣшаны были ссыльные, такъ какъ участь ихъ рѣшается почти безконтрольно, имѣвъ дѣла съ ссыльными лично, при чемъ въ дѣлахъ этихъ были замѣшаны мои матеріальные интересы, зная множество частныхъ примѣровъ безусловнаго исправленія ихъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ и, сопоставляя, по газетнымъ хроникамъ, число преступленій совершаемыхъ въ Сибири и внѣ Сибири, хотя бы въ столицахъ, не говоря о провинціи, я рѣшительно недоумѣваю: гдѣ болѣе ограждена общественная безопасность? Живя 15 лѣтъ въ Иркутскѣ,—я сохранилъ въ памяти, едва ли ошибусь,—не болѣе пяти выдающихся преступленій, совершенныхъ ссыльными, да и то—не безъ участія лицъ честнаго имени. Что въ числѣ преступниковъ ссыльные преобладаютъ—это неоспоримо, но спрашиваемъ: что сдѣлано было для ссыльныхъ, чтобы удалить ихъ отъ зла. Прочтите дѣйствующій до сихъ поръ законъ о способахъ водворенія ссыльно-поселенцевъ. Поселенецъ, говоритъ этотъ законъ, получивъ землю отъ общества, долженъ водвориться на ней собственнымъ трудомъ, при чемъ забыты два обстоятельства,—что общество не очень-то податливо на надѣлъ землями поселенцевъ, и весьма естественно почему? Мы должны, говорятъ они, тѣсниться, между тѣмъ поселенцы не участвуютъ даже и въ мірскихъ повинностяхъ. Съ одной стороны—привиллегированное положеніе, съ другой—отсутствіе всякихъ правъ. Но, кромѣ того, земля, голая земля, не даетъ поселенцу хлѣба: ее надо воздѣлать. А чѣмъ и какъ? Одними руками и волей, согласитесь, ничего не сдѣлаешь.

Дозволяю себѣ привести изъ тысячи два факта, бывшіе со мной. Въ 1860 году, я пріобрѣлъ, на берегу Иркута, отъ города участокъ земли въ полную собственность и предполагалъ устроить на немъ лѣтнее для себя жилище. Земля моя была расположена на горѣ и мнѣ предстояло проложить дорогу, устроить колодезь и выравнять мѣсто для постройки. Лѣтомъ 1860 года, я приступилъ къ работамъ, а чтобъ наблюдать за ними, переѣхалъ самъ и поселился смежно съ своимъ участкомъ, при чемъ насъ жило двое: я и слуга мой. Рабочихъ я просилъ у полиціймейстера.

Возвращаюсь я домой поздно вечеромъ. Застаю слугу въ крайне встревоженномъ состояніи.

— Что такое?..

— Привели, говоритъ, изъ полиціи восемнадцать каторжныхъ и сдали мнѣ.

— Ну, и что же? гдѣ они?

— Я ихъ помѣстилъ въ сараѣ.

— Накормилъ?

— Накормить-то накормилъ, а что хотите страшно. Что ни говори, а каторжные.

Съ трудомъ мнѣ удалось успокоить бѣднаго. На утро я вышелъ къ людямъ. Оказалось, что въ числѣ восемнадцати каторжныхъ было человѣка четыре, остальные были или ссыльно-поселенцы или водворяемо-рабочіе. Нашелся между ними и мастеръ колодезнаго дѣла. Первое — я объяснилъ имъ, какой работы отъ нихъ требую, затѣмъ, сдавая эту работу на отрядъ, при моихъ инструментахъ и харчахъ, я договорился съ ними на счетъ платы и срока выполненія работъ, въ заключеніе сдѣлалъ имъ должную нотацію, какъ они должны себя вести.

И принялись они за дѣло. Работали молодецки. Передъ обѣдомъ и ужиномъ получали, сверхъ условія, по чаркѣ водки. Вечеромъ они потѣшали меня пѣснями. Вели себя наилучшимъ образомъ, такъ что мнѣ не пришлось ни разу дѣлать имъ внушеніе, между тѣмъ среди ихъ былъ одинъ, который, по собственному его сознанію, возвращался въ Иркутскъ третій разъ, при чемъ одинъ разъ бѣжалъ съ Амура. Подошло дѣло къ осени. Надо было переѣзжать въ городъ. Дорога, распланировка и огороженіе мѣста были окончены, продолжать рытье колодца, безъ техническихъ приспособленій, становилось опасно. Пришлось закончить работы. Наканунѣ какого-то праздничнаго дня, я разсчитался съ людьми и объявилъ имъ, что на завтра явится за ними конвой и отведетъ ихъ въ острогъ.

Они обратились ко мнѣ съ просьбой: отсрочить отправку ихъ на одинъ день, мотивируя это тѣмъ, что ихъ заподряжаютъ перетаскать съ берега бревна.

— А на счетъ конвоя—не извольте безпокоиться—послѣ завтра, къ 12 часамъ, придемъ въ острогъ сами.

Я съ удивленіемъ поглядѣлъ на нихъ. Тогда выступилъ впередъ Голубевъ (бѣжавшій уже три раза) и сказалъ мнѣ:

— Не извольте сумнѣваться: отъ васъ не убѣжимъ. Порукой— я. А что я васъ увижу опять—это такъ вѣрно, какъ то, что я говорю съ вами.

— Т. е. какъ увидишь?—переспросилъ я его.

— Куда бы меня не сослали... я сбѣгу и, проходя черезъ Иркутскъ, розыщу васъ и покажусь. Вотъ-те Христосъ,—добавилъ онъ, перекрестившись съ такой увѣренностью, что возражать было неумѣстно.

Дѣлать нечего, я согласился. Весьма понятно, что на послѣ завтра я былъ самъ не свой. Дождавшись 12-ти часовъ, ѣду въ острогъ. Ожидаю—тревоги. Смотритель встрѣчаетъ меня совершенно спокойно.

— Что мои?..—спрашиваю я его тихо и неувѣренно.

— Пришли-съ.

— Всѣ?

— Всѣ до единаго.

Я пожелалъ ихъ видѣть. Всѣ явились минута въ минуту.

Что же оказалось въ дѣйствительности? Никакихъ бревенъ не было. Они отпросились на гулянку и, какъ разсказывали, задали они трезвона сосѣдямъ. У меня осталось цѣло все: оставались запасные хлѣба. Они и ихъ не тронули.

Прошло послѣ этого нѣсколько лѣтъ. Я заарендовалъ вблизи города такъ называемую заимку и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Рабочихъ я получалъ то же изъ острога. Придетъ партія, отберутъ изъ нея подходящихъ, передадутъ мнѣ до причисленія къ волости, но эта оговорка, въ существѣ, ничего не значила. Такимъ образомъ, въ моихъ рукахъ перебывало не мало рабочихъ. На зимніе мѣсяца приходилось сокращать число ихъ, а слѣдовательно дѣлать строгій выборъ. Помню, въ одинъ годъ, въ числѣ лѣтнихъ рабочихъ выдѣлился одинъ. Чудо, а не работникъ, не пьющій, толковый, знающій, честный. Содержаніе отъ меня онъ получалъ хорошее. Я намѣтилъ его старшимъ на зиму и предполагалъ содержаніе ему удвоить. Къ величайшему изумленію не хочетъ.

— Почему, худо тебѣ что ли у меня?..

— Нѣтъ, но хочу самъ похозяйничать. Былъ на родинѣ самостоятеленъ, ко всякому крестьянскому труду гораздъ, есть деньжата, обзаведусь, выпишу семью.

Не поощрить подобную рѣшимость было бы преступленіемъ. Я не только не задерживалъ, напротивъ сдѣлалъ все, что зависѣло, чтобы облегчить его положеніе. Его назначили въ хорошую волость... Потерялъ я человѣка изъ вида. Прошло года два или три. Ѣду на почтовыхъ. Ямщикъ слегка пьяненькій... Смотрю, все поворачивается ко мнѣ, какъ бы заговорить хочетъ и не рѣшается. Наконецъ, не вытерпѣлъ.

— А вы меня, ваше благородіе, не узнаете?

— Нѣтъ.

— Я такой-то: помните работалъ у васъ на заимкѣ. Не послушался васъ, не остался, ну...

— Неужели это ты? Какъ же ты попалъ въ ямщики?

— Гмъ, въ ямщики. Гдѣ я не перебывалъ, и на пріискахъ былъ и...

— А хозяйство и семья...

Махнулъ только рукой. Исторія обыкновенная. Бился, бился, послѣднія деньги потратилъ, хозяйство обстановить не удалось, запьянствовалъ... и пошелъ блажить, какъ сотни ему подобныхъ.

Можно ли, послѣ подобнаго примѣра, а ихъ, повторяю, тысячи, ставить въ вину несчастнымъ, что они, и при доброй волѣ, при отсутствіи всякой попечительности о нихъ, не выдерживаютъ, сбиваются съ пути, проходятъ всѣ мытарства, включая пріисковую школу и, въ результатѣ, попадаютъ въ рецидивисты.

Но если, въ общемъ числѣ преступниковъ, ссыльнымъ принад-

лежитъ преобладающее мѣсто, то вывела ли статистика какой процентъ, къ общему числу ссыльныхъ, составляютъ преступники изъ нихъ. Конечно, нѣтъ, такъ какъ точнаго счета ссыльныхъ не велось и не ведется. Выкиньте изъ общаго числа преступленій квалифицерованные бродяжество, побѣги,—много ли останется для прочихъ? Наконецъ, то обстоятельство, что изъ среды честнаго населенія гораздо менѣе преступниковъ, не свидѣтельствуетъ ли въ пользу того, что эта среда ссыльныхъ не на столько испорчена, чтобы воздѣйствовать на лицъ честнаго имени. Между тѣмъ, проповѣдывающіе противъ ссыльныхъ главнымъ аргументомъ выставляютъ тотъ, что ссыльные портятъ честныхъ. Каковъ же послѣ этого нравственный уровень честныхъ, если они, превышая ссыльныхъ числомъ, не только не могутъ воздѣйствовать на нихъ, но сами заражаются ими?

Что ссыльные не принесли въ экономическомъ отношеніи пользы краю—опровергается фактами: кто же соорудилъ дороги, которыми пользуется Сибирь, — хотя бы большой почтовый трактъ. Кто же даетъ возможность государству пріобрѣтать золото, которымъ оно пользуется? Неужели поборники свободной колонизаціи,—этой несбыточной пока мечты,—думаютъ, что въ будущемъ и эта отрасль промышленности перейдетъ всецѣло въ руки переселенцевъ. Хорошую экономическую будущность рисуютъ они краю? А нравственныя послѣдствія!

По опыту и съ твердымъ убѣжденіемъ скажу, что ссыльные, въ хорошихъ рукахъ при соотвѣтственной обстановкѣ, были бы отличными рабочими. Надо только умѣть воспользоваться ими и разъ навсегда разстаться съ фикціей, что человѣкъ, подвергнувшійся гражданской смерти, уже не живъ.

Но допустимъ, что ссылка будетъ прекращена, хотя до этого еще далеко, — развѣ остающіеся въ краѣ ссыльные не заслуживаютъ о себѣ никакихъ заботъ? А о послѣднихъ что-то не слышно! Инспекціи съ птичьяго полета, совершаемыя новыми дѣятелями, если и даютъ матеріалъ для высшихъ, политическихъ выводовъ, то на практикѣ не приводятъ ни къ чему благопріятному...

VI.

Назначеніе товарищемъ предсѣдателя губернскаго суда.—Дѣло о дуэли Неклюдова и Беклемишева.—Роль въ ней Петрашевскаго.—Мои отношенія къ Петрашевскому.—Ревизія сенатора Толстого и графъ Муравьевъ.—Враги послѣдняго въ Сибири.—«Навозники».

Я сказалъ въ предъидущей главѣ, что графъ Муравьевъ, по возвращеніи моемъ изъ первой поѣздки въ Петербургъ, оставался въ Иркутскѣ и что мнѣ приходилось бывать у него съ докладами и просто обѣдать.

Послѣ одного такого обѣда, въ іюлѣ, графъ Мураевьевъ позвалъ меня въ кабинетъ и между нами произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Я хочу васъ просить объ особомъ для меня одолженіи.

— Что прикажете, ваше сіятельство?

— Я думаю, что работы, на васъ возложенныя, не на столько отнимаютъ у васъ время, чтобы вы не могли принять отъ меня еще одно порученіе...

Я спѣшилъ засвидѣтельствовать полную мою готовность принять всякую посильную работу.

— Въ губернскій судъ передается надняхъ весьма важное дѣло по поводу извѣстной дуэли. Сенатъ, постановивъ окончательное рѣшеніе о виновныхъ, опредѣлилъ возбудить отвѣтственность судей, постановившихъ первый о нихъ приговоръ. Я, надо вамъ сказать, не довѣряю нынѣшнему составу суда, въ особенности предсѣдателю, который къ тому же страдаетъ болѣзнью — запоя. Мнѣ хотѣлось бы имѣть въ судѣ довѣреннаго человѣка, тѣмъ болѣе, что суду же придется произвести и слѣдствіе, а такъ какъ въ судѣ открылась вакансія товарища предсѣдателя, то, не замѣщая ее, я предложилъ бы вамъ исполнять эти обязанности. Вы сохраните свою теперешнюю должность, а такъ какъ два жалованья совмѣстить нельзя, то вы будете получать бóльшее, т. е. по званію товарища. Позаняться въ судѣ будетъ вамъ не безполезно, а когда надоѣстъ, вы заявите и васъ отчислятъ. Согласны вы?

— Конечно, ваше сіятельство,—отвѣчалъ я.

— Ну, и прекрасно... Я не требую, чтобы вы въ чемъ-либо уклонились отъ закона и внушеній совѣсти,—продолжалъ графъ.— Вникните и рѣшайте дѣло, какъ должно. Напрасно думаютъ, что я преслѣдую этихъ людей. Если бы они были осуждены, я готовъ употребить всѣ старанія, чтобы они были помилованы, но мнѣ хочется возстановить правду. Нельзя же играть судейскою обязанностью и безнаказанно относить молодыхъ людей, можетъ быть и виновныхъ, къ числу убійцъ.. Если я ошибаюсь, пусть будетъ такъ. Я требую безпристрастнаго и совѣстливаго разсмотрѣнія дѣла. Вы меня поняли?

— Понялъ, ваше сіятельство, и исполню на сколько это будетъ въ моихъ силахъ.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ соотвѣтственное предписаніе и вступилъ въ новую должность, при чемъ, по исконному обычаю, соблюдавшемуся въ судѣ, мнѣ, какъ исправляющему должность товарища предсѣдателя, пришлось вступить въ управленіе вторымъ отдѣленіемъ суда, въ которомъ сосредоточены были всѣ слѣдственныя дѣла, т. е. дѣла по преступленіямъ должности и, между прочимъ, дѣла рѣшаемыя губернскимъ судомъ, на правахъ суда первой инстанціи.

Предсѣдателемъ былъ Б—въ, старичекъ, служака старой школы, звѣздъ съ неба не хватавшій и пороха не изобрѣтшій, и вообще безобидный, если бы не несчастная болѣзнь, отрывавшая его отъ дѣла на мѣсяцы и не установившаяся репутація лихоимца, хотя, во все время пребыванія моего въ губернскомъ судѣ, я не могъ понять: съ кого и за что можно было брать взятки? Предшественникъ мой былъ на ножахъ съ Б—мъ. Возможности подобной борьбы я тоже не понималъ, а потому во все время, что мы служили съ Б—мъ, между нами не пробѣжало ни одного облачка. Первымъ отдѣленіемъ управлялъ С—бъ, человѣкъ не глупый, знающій дѣло, но довольно упрямый. Третьимъ — М—ій, служившій долго за Байкаломъ, университетскій, крайне симпатичный, но мизантропъ. Наконецъ, четвертымъ отдѣленіемъ (гражданскимъ) завѣдывалъ Бут—въ, личность прелестнѣйшая во всѣхъ отношеніяхъ. Съ сослуживцами я сошелся, въ особенности же съ Бут—мъ.

Черезъ нѣсколько дней по моемъ вступленіи въ должность, поступилъ знаменитый указъ сената, переданный въ мое отдѣленіе, и мнѣ пришлось направлять слѣдствіе, къ которому были привлечены члены Иркутскаго и Верхоленскаго окружнаго суда (ихъ было трое), постановившіе первый приговоръ о дуэлистахъ и обвиненые сенатомъ въ неправосудіи.

Въ предъидущихъ главахъ я нѣсколько разъ упоминалъ о недоброжелателяхъ, которыхъ я создалъ себѣ совѣстливымъ веденіемъ дѣла о Мейерѣ: съ ними не могло быть примиренія, даже и при счастливомъ для меня исходѣ изъ этого дѣла. Эти недоброжелатели, вертясь въ высшихъ слояхъ администраціи, въ качествѣ заступниковъ за Г—ва, и въ низшихъ, были, если хотите, опасны, потому что во время сказанный злобный намекъ, могъ повредить моему служебному положенію. Но новое дѣло, на меня возложенное, и которое я повелъ не по указаніямъ графа Муравьева, а по закону и посовѣсти, создало мнѣ враговъ тѣмъ болѣе опасныхъ, что они удары своей вражды направляли не на служебное мое положеніе, а на репутацію какъ человѣка, задѣвая личное самолюбіе и достоинство.

Приходится по этому остановиться по долѣе на этомъ эпизодѣ

моей служебной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что это даетъ мнѣ поводъ объяснить и то раздраженіе, въ которое приведенъ былъ графъ Муравьевъ, побудившее его отнестись сурово къ иркутскому обществу. Считаю нужнымъ припомнить, что изъ лицъ, причастныхъ къ дѣлу дуэли, я близко сошелся лишь съ Шелеховымъ, съ прочими я былъ далеко не въ близкихъ отношеніяхъ, встрѣчаясь съ ними на службѣ, въ обществѣ, но не имѣя съ ними ничего общаго, въ виду хотя бы того, что средства мои не позволяли вести тотъ образъ жизни, который они вели, а лично—они не были мнѣ симпатичны.

16-го апрѣля 1859 г., возвратившись съ проводовъ графа, происходившихъ на берегу Байкала, Беклемишевъ, въ то время членъ совѣта главнаго управленія, и чиновникъ особыхъ порученій того же управленія Неклюдовъ нашли нужнымъ разсчитаться между собой посредствомъ поединка [1]), который и произошелъ между ними, на пистолетахъ, при участіи въ качествѣ секундатовъ, со стороны Беклемишева—чиновниковъ особыхъ порученій Анненкова и Гурьева, а со стороны Неклюдова—Шелехова и Молчанова (моего предшественника по губернскому суду). Поединокъ этотъ имѣлъ несчастный исходъ. Неклюдовъ былъ смертельно раненъ и, въ тотъ ли самый день или на другой, умеръ. Что подало поводъ къ поединку—исторія умалчиваетъ. Одни говорили—женщина, другіе ссылались на неблаговидныя дѣйствія Неклюдова, въ которыхъ онъ былъ прямо обвиненъ Беклемишевымъ. Третьи указывали на рядъ неудовольствій, возникшихъ между Неклюдовымъ и сотоварищами его, неудовольствій, которыя копились мало по малу и должны были разразиться катастрофой. Фактъ, не подлежащій сомнѣнію, что Неклюдовъ не пользовался симпатіей товарищей и одинаково съ Беклемишевымъ и его секундатами—симпатіей общества.

Фактъ поединка, съ несчастнымъ исходомъ, вездѣ, гдѣ бы онъ не случился, не проходитъ безъ извѣстной сенсаціи въ обществѣ. Тѣмъ значительнѣе должна была быть сенсація, имъ произведенная въ Сибири, которая поединковъ еще не знала, такъ какъ это былъ первый случай, происшедшій въ Восточной Сибири. Къ сожалѣнію, онъ сопровождался такимъ несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, которое не умалило неблагопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на общество, напротивъ—увеличило его.

Эти несчастныя обстоятельства были слѣдующія. Въ глазахъ

---

[1]) На сколько дуэль эта имѣла оттолосокъ, можно судить потому, что въ «Сибирскомъ календарѣ» на 1885 г., т. е. на разстояніи четверти столѣтія, значится день ея, хотя многія болѣе знаменательныя для края событія, забыты. Въ литературу дуэль эта попала (сборникъ Любавскаго), но въ немъ изложено лишь опредѣленіе сената. Сверхъ того, въ «Искрѣ» была карикатура, изображавшая тогдашняго иркутскаго полиціймейстера, глядящаго на дуэль съ колокольни.

общества случившійся поединокъ съ тѣмъ несчастнымъ исходомъ, который онъ имѣлъ, ни чѣмъ не отличался отъ убійства, между тѣмъ, виновные не были даже арестованы; по крайней мѣрѣ въ самый день поединка, Беклемишевъ и секунданты его имѣли безтактность, хорошо ихъ характеризующую, — почти что публично, такъ какъ квартира Беклемишева была на Большой улицѣ, имѣла балконъ, выходившій на улицу,—кутить. Оргія ихъ происходила на балконѣ.

Высшая администрація знала о предстоящей дуэли и не приняла никакихъ мѣръ къ предупрежденію ея [1]), такъ какъ фактъ нахожденія полицеймейстера во время ея на колокольнѣ, съ которой можно было видѣть мѣсто поединка, былъ констатированъ. Затѣмъ, хотя для производства слѣдствія и былъ назначенъ членъ совѣта главнаго управленія Успенскій, дѣятель Рупертовскаго времени, человѣкъ съ твердо сложившейся репутаціей, но и ему не довѣряли въ виду того, что, приступивъ къ слѣдствію, онъ ограничился мѣрой домашняго ареста для Беклемишева, тогда какъ «убійцъ сажаютъ обыкновенно въ острогъ», говорили иркутяне.

Пошелъ затѣмъ слухъ, что Неклюдовъ хотѣлъ избѣжать поединка и съ этой цѣлью, пользуясь разрѣшеннымъ ему отпускомъ, думалъ скрыться, но его удержали силой, что тѣ лица, которыхъ онъ хотѣлъ имѣть секундантами, не были допущены къ этому, а были ему навязаны другіе, которые не оградили, какъ слѣдуетъ, его личности во время поединка. Этотъ фактъ справедливъ только въ томъ отношеніи, что лица, къ которымъ обращался Неклюдовъ, дѣйствительно отказались быть его секундантами, согласился лишь Шелеховъ, къ которому онъ обратился къ послѣднему съ просьбой. Молчановъ же, лично не знакомый съ Неклюдовымъ, самъ предложилъ ему свои услуги, не желая допустить, чтобы со стороны Неклюдова былъ одинъ только секундантъ—обстоятельство, которое ставило въ затрудненіе и противную сторону.

Наконецъ, въ дѣло вмѣшался Петрашевскій. Присужденный, за извѣстное дѣло, въ качествѣ ссыльно-поселенца, онъ пребывалъ въ то время въ Иркутскѣ. Надо знать, что въ тѣ времена въ Иркутскѣ существовала частная библіотека, которая, по вечерамъ, замѣняла для извѣстныхъ лицъ клубъ. Въ этотъ клубъ собирались такъ

---

[1]) Фактъ этотъ объясняется рыцарскимъ характеромъ К. К. Венцеля, не допускавшимъ возможности помѣшать дуэлистамъ. При расмотрѣніи этого дѣла въ сенатѣ, послѣдній имѣлъ въ виду переписку 3-го Отдѣленія собственной канцеляріи по доносу одного офицера, который явился жаловаться К. К. Венцелю на товарища, нанесшаго ему личное оскорбленіе. Онъ былъ принятъ Венцелемъ крайне непривѣтливо именно потому, что предпочелъ общепринятому способу возстановленія своей чести — жалобу. Венцель имѣлъ неосторожность высказаться крайне рѣзко, вслѣдствіе чего доносчикъ и писалъ, что Венцель обуянъ зловреднымъ духомъ дуэлизма.

называемыя интеллигентныя лица, которыя по чему бы то ни было имѣли зубокъ противъ администраціи, а подобныхъ лицъ было въ то время не мало. Къ этому клубу примыкали и вновь прибывающіе, не имѣющіе знакомствъ въ городѣ, чаящіе мѣстъ. Первоприсутствующимъ въ клубѣ былъ, конечно, Петрашевскій [1]), типъ агитатора. Какъ было пропустить ему удобный случай.

---

[1]) Я зналъ Петрашевскаго еще въ Петербургѣ, будучи студентомъ. На знаменитыхъ пятницахъ его я не бывалъ, хотя Петрашевскій и заманивалъ меня на нихъ. Встрѣчался я съ нимъ по понедѣльникамъ у нѣкоего Н—го, котораго Петрашевскій хотя и считалъ однимъ изъ своихъ, но тотъ, устроивая у себя вечера, преслѣдовалъ иную цѣль. У него происходила правильно организированная карточная игра, успѣхъ которой поддерживался чарами сожительницы Н—го, для глазокъ которой молодежь стекалась во множествѣ. За ужиномъ, конечно, происходили зловредные разговоры, но никто изъ насъ не придавалъ имъ особеннаго значенія. Не за долго до арестованія, въ одинъ изъ понедѣльниковъ, Петрашевскій особенно настойчиво приглашалъ меня къ себѣ, сознавшись на этотъ разъ, что у него, будто, дѣло на мази. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы спросить Петрашевскаго: какія же идеи онъ преслѣдуетъ, подъ какимъ знаменемъ придется дѣйствовать его единомышленникамъ и какъ предполагаетъ онъ отнестись къ крѣпостнымъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ какую-то чепуху, а относительно послѣдняго вопроса: «подождутъ». Тогда я высказался прямо, чтобы онъ на мое участіе не разсчитывалъ. Тѣмъ не менѣе, означенныя пятницы меня заинтересовали и на одну изъ нихъ я, было, собрался идти, но Провидѣніе меня спасло. Я обѣдалъ въ эту пятницу у замужней сестры своей и она, уже неизвѣстно почему, отговаривала меня. Я стоялъ упорно на своемъ. Вдругъ съ сестрой дѣлается обморокъ, а такъ какъ я былъ съ нею одинъ, то пришлось послать за докторомъ, а потомъ просидѣть у постели сестры до половины ночи. Такъ визитъ мой не состоялся. Это была чуть ли не предпослѣдняя пятница. О предполагавшемся арестѣ говорилось въ обществѣ гораздо ранѣе. Изъ соучастниковъ Петрашевскаго, мнѣ приходилось встрѣчаться съ Плещеевымъ и Спѣшневымъ, но особенно близокъ я былъ съ Толлемъ, потому что младшій братъ его — былъ мнѣ товарищемъ не только по университету, но и по гимназіи. Я часто бывалъ у нихъ въ семействѣ, жившемъ въ такъ называемомъ іезуитскомъ домѣ. Густавъ Толль жилъ отдѣльно, если не ошибаюсь, въ Басковомъ переулкѣ. Разъ, вечеромъ, зашелъ я къ нему и застаю его во фракѣ, готовымъ идти куда-то. Оказалось—пятница. Я сталъ отговаривать Толля, но онъ, на всѣ приводимые мною доводы, отвѣчалъ одно, что въ эту пятницу ему необходимо идти, такъ какъ имъ приготовленъ для прочтенія рефератъ о Богородицѣ и что они вообще ничего не боятся, такъ какъ въ числѣ завсегдатаевъ у нихъ В—въ, кому не извѣстный въ то время жандармскій дѣятель. Было ли это обстоятельство передано Толлемъ Петрашевскому—не знаю, но послѣдній попытался запутать меня въ дѣло, давъ показаніе, что я будто бы предупреждалъ ихъ о предстоящей опасности, за что онъ, Петрашевскій, обозвалъ меня шпіономъ. Подобнаго факта никогда не было, тѣмъ не менѣе лѣтомъ 1848 года, когда я былъ въ Гельсингфорсѣ, ко мнѣ являлись и допрашивали человѣка и дворниковъ о томъ, какъ я живу, многихъ ли принимаю и какъ обхожусь съ прислугой. Сестра моя въ то время жила въ Сергіевской улицѣ. Прислуга ея, въ день ареста, знала о предстоящемъ заарестованіи изъ разговоровъ, происходившихъ въ мелочной лавочкѣ, возбужденныхъ наймомъ въ 3 Отдѣленія Собственной Канцеляріи, къ ночи этого дня, значительнаго числа каретъ.

И вотъ онъ является къ Карлу Карловичу Венцелю съ смиренной просьбой: не дозволитъ ли его превосходительство напечатать пригласительные билеты на погребеніе Неклюдова. Подалъ... Дѣйствительно пригласительный билетъ. Добродушнѣйшему Венцелю и не вдомёкъ было спросить Петрашевскаго: «да вамъ-то что въ этомъ дѣлѣ? Родственникъ вы что ли Неклюдова? Другъ его?» Онъ подмахнулъ разрѣшеніе, не спросивъ даже въ скольких экземплярахъ оно будетъ печататься.

И дивное для Иркутска совершилось дѣло. Пригласительные билеты, съ разрѣшительной надписью К. К. Венцеля, появились афишированными на всѣхъ перекресткахъ, ихъ разсылали по домамъ, всовывали въ руки проходящимъ. Даже нейтральная часть населенія подумала, что это оффиціальный призывъ. И воздали же послѣдній долгъ Неклюдову по заслугамъ. Цѣлый городъ шелъ за его гробомъ. Власти, было, показались, но предпочли ретироваться. И надъ могилой раздалась рѣчь того же Петрашевскаго и въ первый разъ публично произнесены слова: «измѣнническое убійство». Всѣ перечисленныя мною обстоятельства слились въ одномъ: представился случай нанести Муравьеву ударъ прямо въ сердце. Вѣдь преступниками были люди ему близкіе, люди, которыхъ онъ отличалъ и приближалъ къ себѣ, люди—его выбора.

Въ Иркутскъ, какъ было сказано, я пріѣхалъ 3-го іюля того же 1859 года. Еще по дорогѣ въ Иркутскъ, отъ проѣзжающихъ, случалось слышать цѣлыя легенды о поединкѣ. Тяжелѣе всего было мнѣ прослушать этотъ разсказъ отъ встрѣтившагося офицера, съ которымъ послѣ приходилось встрѣчаться въ Иркутскѣ.

— И вы вѣрите тому, что разсказываете?—спросилъ я его, хотя вовсе не зналъ людей, о которыхъ говорилось.

Онъ сконфузился.

— Конечно, я не былъ на мѣстѣ, но весь городъ...

Я промолчалъ.

Слѣдствіе, самымъ добросовѣстнымъ образомъ произведенное, вступило въ Иркутскій и Верхоленскій окружный судъ. Что же дѣлаетъ съ этимъ слѣдствіемъ послѣдній?

Онъ пользуется не слѣдствіемъ, произведеннымъ опытнымъ юристомъ и человѣкомъ, стоявшимъ въ такомъ положеніи, что онъ не задумался бы высказать правду прямо, безъ обиняковъ. Судъ призналъ измѣнническій поединокъ, основавъ свое рѣшеніе на экспертизѣ, но кѣмъ и при какихъ условіяхъ произведенной? Экспертизу эту производилъ Петрашевскій. Она производилась гласно, при свидѣтеляхъ, въ числѣ которыхъ былъ и членъ суда, на обязанности котораго лежалъ докладъ дѣла. Цѣлью экспертизы было доказать, что рана, причинившая смерть, была нанесена въ спину. Чтобъ констатировать это, непризванный экспертъ стрѣлялъ въ доску, поставленную плашмя. И убѣдительно, и вѣрно!

При обыскѣ у члена-докладчика, нашелся не только актъ этой экспертизы, но и выводы изъ нея, написанные рукой Петрашевскаго, которые вошли цѣликомъ и безъ измѣненій въ ту часть приговора, въ которой излагались соображенія о виновности. И такъ судьба людей рѣшилась даже не судомъ...

Что въ данномъ случаѣ судьями руководили не корыстные виды,—несомнѣнно; но законъ (ст. 366 уложенія о наказаніяхъ) требуетъ не однихъ корыстныхъ побужденій. Онъ допускаетъ и личные виды... Приговоръ первой инстанціи былъ, конечно, измѣненъ въ губернскомъ судѣ, но нашелся членъ, который подалъ особое мнѣніе, написанное въ духѣ приговора. Этотъ господинъ, по развитію, стоялъ нѣсколько выше гг. Дороѳеева, Образцова и Петрова—членовъ окружнаго суда. Онъ принадлежалъ къ числу той же мнимой интеллигенціи, которая муссировала дѣло и, потерявъ, какъ и слѣдовало, мѣсто судьи, прослылъ чуть не мученикомъ за правду.

Объектомъ дѣла, подлежащаго разсмотрѣнію губернскаго суда, въ силу указа сената, было выяснить: доказанъ ли фактъ неправосудія?

Выше я уже упомянулъ, что приговоръ былъ основанъ на экспертизѣ, не имѣющей смысла, на соображеніяхъ, большая часть которыхъ была продиктована Петрашевскимъ. Обстоятельства самаго поединка авторитетнымъ слѣдствіемъ были выяснены вполнѣ. Объ измѣнническомъ убійствѣ не могло быть и рѣчи уже по одному тому, что какими бы ни были нравственными уродами участники поединка, они были слишкомъ молоды, чтобы сдѣлаться умышленно убійцами. Участіе въ дѣлѣ Шелехова, старшаго возрастомъ, бывшаго студента, студента старыхъ временъ, принявшаго участіе въ поединкѣ по необходимости, отстраняло всякую возможность подозрѣнія.

Фактъ постановленія приговора, не соотвѣтствующаго обстоятельствамъ дѣла и постановленнаго при условіяхъ, лишающихъ его всякаго юридическаго смысла, былъ налицо. Оставалось констатировать присутствіе личныхъ видовъ. Но прежде чѣмъ пояснить въ чемъ послѣдніе могли заключаться, дозволю себѣ нѣкоторую оговорку.

Оправданіемъ судей могъ служить безспорно идіотизмъ двухъ изъ нихъ, что и было признано въ приговорѣ губернскаго суда. На сколько простирался этотъ идіотизмъ, можно судить по тому, что бывшій предсѣдателемъ суда пришелъ благодарить меня за то, что, желая облегчить ему наказаніе, мы сослались на 4 п. ст. 134 уложенія, предусматривающей слабоуміе и глупость обвиняемаго. Другой изъ участвовавшихъ въ рѣшеніи дѣла, до поступленія въ судъ, служилъ въ общемъ губернскомъ управленіи столона-

чальникомъ и добродушнѣйшимъ Карломъ Карловичемъ Венцелемъ былъ смѣненъ, какъ это значилось въ формулярѣ, по неспособности, что не помѣшало, однако, черезъ два или три мѣсяца, опредѣлить его засѣдателемъ въ судъ. Третій членъ, онъ же и докладчикъ, духовнаго происхожденія, получившій воспитаніе чуть ли не въ академіи, былъ, какъ говорится, съ гвоздемъ въ головѣ, что не мѣшало ему, однако, вліять на сотоварищей: онъ орудовалъ всѣмъ дѣломъ.

Ставили въ упрекъ Муравьеву, что онъ повліялъ на рѣшеніе сената. Дѣло темное; но если бы и дѣйствительно было такъ, то могъ ли онъ поступить иначе. Дѣло было обстановлено такими побочными декораціями, что впечатлѣніе, ими произведенное, должно было быть изглажено, хотя бы и крутой мѣрой. Авторитетъ власти необходимо было возстановить.

Говорили: было бы человѣчнѣе и проще погнать въ шею подобныхъ судей, но сдѣлай это Муравьевъ, тѣ же проповѣдники завопили бы объ административномъ произволѣ... Онъ предпочелъ дать людямъ возможность оправдаться.

Чтобы объяснить: какіе могли имѣть въ данномъ случаѣ личные виды судьи, пора же наконецъ снять завѣсу съ таинственнаго дѣла и высказать горькую правду.

Судьи, о которыхъ идетъ рѣчь, жили подъ вліяніемъ мѣстнаго тогдашняго общества, которое, ненавидя графа Муравьева, воспользовалось, какъ мы сказали, несчастнымъ случаемъ, чтобы выместить на немъ всю злобу, которая накопилась въ душѣ и выхода для которой долго не представлялось удобнаго повода.

Это мѣстное общество состояло съ одной стороны изъ эксплуататоровъ прежняго времени, стиснутыхъ Муравьевымъ въ извѣстныя рамки: они не могли позабыть о старомъ Рупертовскомъ времени, когда въ ихъ рукахъ была вся Сибирь. Съ другой стороны, въ составъ этой враждебной партіи входило мѣстное чиновничество, которое будто бы было оттиснуто Муравьевымъ на задній планъ. Эти лица, потерявшія свое преобладающее значеніе, очевидно не могли помириться съ вновь созданнымъ имъ положеніемъ.

Кто, подобно мнѣ, имѣлъ случай ознакомиться съ драгоцѣнными матеріалами ревизій Восточной Сибири сенатора Толстого по подлиннымъ документамъ—а за ревизіей этой послѣдовало назначеніе Муравьева генералъ-губернаторомъ, тотъ пойметъ: на сколько дѣятельность послѣдняго, направленная вначалѣ исключительно на подъемъ матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія народа, могла придтись по вкусу современному, сибирскому обществу. Оговариваюсь вначалѣ, потому что эта симпатическая дѣятельность, такъ сказать внутренняя, эта непрестанная борьба съ эксплуатаціей и злоупотребленіями, свившими себѣ гнѣздо въ Восточной Сибири, эта непрерывная попечительность объ интересахъ народа, со

стороны Муравьева продолжались до тѣхъ поръ, пока его не увлекли политическія соображенія вообще и Амуръ въ частности. Этимъ-то и объясняется возможность фактовъ, описанныхъ мною во второй и третьей главахъ. Въ началѣ управленія Муравьева они были бы не мыслимы. Человѣкъ того времени, съ умомъ государственнымъ и проницательнымъ, одаренный энергіей и въ то же время увлекающійся, Муравьевъ велъ выпавшую на его долю борьбу такими способами, которые, при современныхъ понятіяхъ, могутъ показаться не сообразными. Но государственнаго человѣка надо судить съ точки зрѣнія не современныхъ понятій, а тѣхъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ жилъ. На сколько борьба эта была сурова, на сколько она шла въ разладъ съ понятіями общества, которому пришлось выносить ее на своихъ плечахъ, можно судить по тому, что, на разстояніи 25 лѣтъ, насъ раздѣляющихъ, находятся еще современники ея, пострадавшіе и стоявшіе въ сторонѣ, — которые, подъ вліяніемъ духа времени и ихъ коснувшагося, хотя и не отвергаютъ, что Муравьевъ былъ воодушевленъ благими намѣреніями, тѣмъ не менѣе не могутъ говорить хладнокровно о способахъ, употреблявшихся имъ для борьбы. Лучшимъ способомъ оцѣнки въ этомъ случаѣ мы признаемъ результатъ. Достигъ ли Муравьевъ желаемаго? Въ извѣстной мѣрѣ—да. Если исключить частные случаи, какъ очевидецъ, служившій при Муравьевѣ сравнительно не много, сравнивая то, что я засталъ съ тѣмъ, что было записано сенаторомъ Толстымъ, я не усумнюсь удостовѣрить, что Сибирь 1859 года далеко ушла впередъ. Одна Енисейская губернія сохраняла слѣды Рупертовскаго періода. Это была язва, которую нельзя было залѣчить, что и побуждало Муравьева желать отдѣлаться отъ нея, какъ можно скорѣе.

О борьбѣ съ эксплуатаціей едва ли нужно распространятся. Что она порождала массу враговъ—несомнѣнно. Что вражда не могла, да и не можетъ до сихъ поръ успокоится—столь же понятно. Но графъ Муравьевъ создалъ себѣ враговъ въ мѣстномъ чиновничествѣ: эта вражда имѣла болѣе серьезный характеръ, между тѣмъ она была неизбѣжна, а Муравьевъ—не могъ же дѣйствовать одинъ. Ему нужны были сотрудники. Но могли ли быть этими сотрудниками тѣ, которые были воротилами въ Рупертовское и предшествовавшее ему время. Очевидно нѣтъ. Въ ближайшее время, мы были свидѣтелями борьбы другого лица, одареннаго не меньшей энергіей, воодушевленнаго столь же благими намѣреніями и державшагося противоположной системы въ выборѣ сотрудниковъ: онъ мнилъ въ старые мѣха влить свѣжее вино. И не добился цѣли. Что же оставалось дѣлать Муравьеву?

Смѣнить однихъ и поискать на мѣстѣ—другихъ. Но надо припомнить, что въ тѣ времена, при отсутствіи способовъ къ мѣстному образованію (на всю Сибирь существовала одна гимназія), доступъ

къ среднему, не говоримъ высшему образованію, даже въ Европейской Россіи былъ не мыслимъ. Да и сила прежняго чиновничества заключалась не въ образованіи.

Прямымъ послѣдствіемъ такого положенія было то, что Муравьеву не оставалось ничего болѣе, какъ искать себѣ сотрудниковъ внѣ Сибири. Это-то создало ему враговъ. Хотя я и не скрываю, что, не смотря на кратковременность своего служенія при графѣ Муравьевѣ, я многимъ ему обязанъ, тѣмъ не менѣе, вѣрный предпосланной себѣ задачѣ—относиться къ фактамъ, заносимымъ въ воспоминанія, съ полнымъ безпристрастіемъ, свидѣтельствую, что обвиненіе графа Муравьева въ систематическомъ преслѣдованіи мѣстныхъ чиновниковъ преувеличено, такъ какъ я могу перечесть не одинъ десятокъ дѣятелей стараго времени, не только усидѣвшихъ на своихъ мѣстахъ, но пользовавшихся и при графѣ авторитетомъ. Я признаю въ то же время, что выборъ свѣжихъ силъ былъ не всегда удаченъ, и что Муравьевъ въ силу характера своего, способнаго на безграничное увлеченіе и слѣпое довѣріе, не умѣлъ или не хотѣлъ держать своихъ новыхъ сотрудниковъ какъ слѣдуетъ.

Историческая кличка «навозные», преслѣдовавшая эти свѣжія силы, ко многимъ изъ нихъ примѣнялась вполнѣ справедливо. Не будемъ распространяться о выходящихъ изъ ряда случаяхъ, какъ напримѣръ, о князѣ Л., нагло обманувшемъ довѣріе графа, но спросимъ: многіе ли изъ этихъ свѣжихъ силъ оставили по себѣ въ краѣ не только благодарную, но хоть какую-нибудь сносную память. Большинство такъ называемой золотой молодежи, окружавшей графа Муравьева, пользовавшейся его довѣріемъ и снисходительностью, если даже и допустить, что они дѣлали свое дѣло и были, въ смыслѣ чиновничества, **честными**, держали себя на столько высокомѣрно по отношенію къ мѣстному обществу, на столько нагло, жизнь внѣ служебную проводили на столько не соотвѣтственно, что могли сдѣлаться притчей во языцѣхъ и въ болѣе развитомъ обществѣ. Они создали Муравьеву не малое количество враговъ, совершенно лишнихъ. Къ сожалѣнію, онъ ихъ отстаивалъ... Въ комъ нѣтъ слабостей, а въ людяхъ съ высшими стремленіями, самой судьбой выдвигаемыхъ на первый планъ, подобныя слабости проявляются сильнѣе.

Самая дуэль, о которой идетъ рѣчь, должна ли была имѣть мѣсто, если бы личности, состряпавшія ее, относились къ графу Муравьеву, имъ благодѣтельствовавшему, съ должной степенью благодарности и уваженія. Возникшая, изъ-за серьезныхъ поводовъ или изъ-за пустяковъ, между лицами, про которыхъ можно бы было сказать: одинъ другого лучше, развѣ она не могла быть отстранена, а если была неизбѣжна, то, въ силу чувства приличія, нельзя развѣ было разыграть ее внѣ Сибири?

Если присоединить къ указаннымъ нами враждебнымъ элементамъ—случайный, явившійся въ лицѣ Петрашевскаго, то весьма понятными станутъ тѣ послѣдствія, которыя имѣла пресловутая дуэль, а равно и то, что подкладкой этихъ послѣдствій было нѣчто болѣе серьезное, требовавшее принятія мѣръ энергическихъ. Отъ искры—пожары бываютъ сокрушительные.

Замѣтимъ, что при всей очевидной виновности Петрашевскаго противъ него не было принято никакихъ мѣръ. Честь обузданія этого несчастнаго человѣка выпала на долю Корсакова.

Говорю это съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что на совѣсти этого человѣка лежало совращеніе съ пути нѣсколькихъ юношей, пріѣхавшихъ одновременно со мной, о которыхъ я говорилъ выше.

Графъ Муравьевъ, какъ извѣстно, не довѣрялъ университетскому образованію. Онъ предпочиталъ въ особенности лицеистовъ. Корсаковъ хотя и сказалъ мнѣ, что онъ принимаетъ меня на службу, на личную свою отвѣтственность, тѣмъ не менѣе оказалось, что онъ, кромѣ меня, завербовалъ еще нѣсколько молодыхъ людей и, въ томъ числѣ, студентовъ. Между нами была та существенная разница, что я появился въ Сибири послѣ восьмилѣтней службы, они же—прямо съ университетской скамьи, что я привезъ рекомендательное письмо, а они не были снабжены ни какимъ. За мое время въ Сибири была одна скверная черта. Стоило пріѣхать военному, хотя бы съ замараннымъ хвостомъ, чтобы быть принятымъ начальствомъ съ распростертыми объятіями, а по стопамъ начальства шло и интеллигентное общество. Военные de facto содѣлывались членами высшаго общества, ихъ носили чуть не на рукахъ и соотвѣтственно выдвигали. Совершенно въ другомъ положеніи стояла гражданская молодежь. Оффиціальный пріемъ, сухое слово «ждите»... и затѣмъ ни малѣйшей заботливости объ юношахъ, не имѣющихъ ни знакомства, ни средствъ къ жизни. То же самое случилось и съ той молодежью, о которой я повелъ рѣчь. Исключая двухъ, прибывшихъ одновременно со мною, лицеистовъ, одного, хотя и университетскаго, но бывшаго въ родственныхъ отношеніяхъ съ Деспотъ-Зеновичемъ, тогдашнимъ кяхтинскимъ градоначальникомъ, что оставалось дѣлать прочимъ, заброшеннымъ въ Иркутскѣ въ теченіе 6 или 7 мѣсяцевъ томительнаго ожиданія. Правда, въ числѣ ихъ были и виноватые. Имъ предлагали мѣста столоначальниковъ, даже въ губернскихъ мѣстахъ, но они, съ неумѣстной гордостью, отвергли эти предложенія, объявивъ, что помирятся лишь съ назначеніемъ ихъ въ чиновники особыхъ порученій. Какъ бы то ни было, брошенная на произволъ судьбы молодежь ухватилась, какъ за якорь спасенія, за библіотеку, о которой я говорилъ. Тутъ ихъ ждалъ и учитель. Результатъ—оппозиція противъ администраціи, глупыя и неумѣстныя выходки, а эпилогъ — сцена, о которой я упоминалъ выше. Одинъ изъ этой молодежи, послѣ пріема, какъ говорятъ, ушелъ

пѣшкомъ изъ Восточной Сибири. Одинъ—пристроился въ Западной Сибири, гдѣ у него были родственники.

Резюмируя все сказанное, мы должны придти къ положительному заключенію, что судьи, постановлявшіе явно неправосудный приговоръ надъ людьми, хотя и виновными, при прежней осторожности судовъ, предпочитавшихъ, по завѣту Екатерины, отпустить десять виновныхъ осужденію одного невиннаго, дѣйствовали очевидно изъ личныхъ видовъ. Имъ надо было наложить извѣстное клеймо на людей, которыхъ они не долюбливали.

Столь же естественно, что, мы, призванные судить ихъ, установивъ фактъ неправосудія, не могли погладить виновныхъ по головкѣ, а потому, признавъ всѣ возможныя уменьшительныя обстоятельства, приложили къ нимъ законъ во всей строгости. Сенатъ, сколько помнится, смягчилъ нашъ приговоръ, однако не коснулся существа его. Это опредѣленіе состоялось, когда графъ Муравьевъ не былъ уже генералъ-губернаторомъ и былъ за границей, слѣдовательно, повліять онъ не могъ.

Хотя окончательное рѣшеніе коснулось только трехъ лицъ, но очевидно, оно задѣло массу оставшихся въ сторонѣ лицъ, прямо или косвенно содѣйствовавшихъ осужденнымъ.

Весьма естественно, что они не могли принять этотъ приговоръ благосклонно. Графа Муравьева уже не было. На комъ же было излить безсильную злобу?

Конечно на мнѣ. Замѣчу въ заключеніе, что предсѣдатель губернскаго суда, какъ истый сибирякъ, успѣлъ во время захворать и приговоръ пришлось подписать мнѣ.

VII.

Зинаида Ивановна Трапезникова.—Моя общественная дѣятельность.—Первая женская воскресная школа въ Восточной Сибири.—И. И. Базановъ.—Николай Павловичъ Игнатьевъ въ Иркутскѣ.—Бакунинъ въ Восточной Сибири.—Полиціймейстеръ Сухотинъ.—Его бѣдственная кончина.—Закатилась зорька Восточной Сибири.

Съ зимы 1860 года началась, и моя общественная дѣятельность.

Въ этомъ году послѣдовало открытіе перваго разсадника женскаго образованія въ Иркутскѣ—если не считать института, сиропитательнаго дома и пріюта,—второразряднаго женскаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, типа, преподаннаго А. В. Головнинымъ. Во главѣ этого училища долженъ былъ стоять попечительный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ предводителя дво-

рянства, а за неимѣніемъ таковыхъ въ Сибири—предсѣдателя губернскаго правленія, двухъ членовъ отъ дворянъ и двухъ отъ городского общества. Такъ какъ дворянскихъ выборовъ у насъ не существовало, то, по приглашенію начальника губерніи Из—го, я былъ удостоенъ чести быть назначеннымъ въ совѣтъ представителемъ отъ дворянства: со стороны городского общества однимъ изъ представителей, по званію городского головы, былъ И. С. Хаминовъ. Училище обязано своимъ открытіемъ его инициативѣ. Городское общество ассигновало опредѣленную ему субсидію и отвело даровое помѣщеніе. Помню, какъ едва-едва, при содѣйствіи полиціи, ко дню открытія училища, удалось собрать въ него семь учениць. Фактъ этотъ характеризируетъ уровень умственнаго развитія тогдашняго общества, того самаго, которое брало на себя судъ надъ государственнымъ дѣятелемъ. Купечество познатнѣе лѣзло въ институтъ, мелочники же довольствовались для дочерей и домашнимъ образованіемъ. Въ теченіе 14 лѣтъ, почти что непрерывной дѣятельности моей по училищу, послѣдовательно преобразовавшемуся изъ второразряднаго въ перворазрядное и затѣмъ въ гимназію, причемъ мнѣ пришлось независимо отъ членства въ совѣтѣ и завѣдыванія всѣмъ дѣлопроизводствомъ его, быть одновременно преподавателемъ въ училищѣ, а затѣмъ предсѣдателемъ попечительнаго совѣта его, это малое зерно разрослось до того, что въ спискахъ гимназіи числилось уже не семь, а болѣе 200 учениць, мнѣ же, какъ гласному иркутской городской думы, по новому положенію, выпало на долю возбудить вопросъ о необходимости учрежденія особой прогимназіи, такъ какъ впослѣдствіи пожертвованный для училища Хаминовымъ домъ оказывался тѣснымъ. Предположеніе это осуществилось послѣ моего отъѣзда изъ Сибири.

Выше я попытался охарактеризировать Хаминова, какъ жертвователя. На училищѣ характеръ его вполнѣ обрисовался. Ни къ селу, ни къ городу—онъ жертвуетъ училищу домъ, за что, конечно, получаетъ соотвѣтственную награду, но не заботится о томъ, чтобы общество увеличило назначенную имъ субсидію. Съ перваго же года владѣнія домомъ въ смѣту училища вносятся новыя статьи: страхованіе, отопленіе, ремонтъ его, статьи, которыхъ мы не знали прежде, помѣщаясь въ общественномъ зданіи. Но слѣдуя правилу: даровому коню въ зубы не смотрятъ, Хаминовъ, пріобрѣтая домъ по случаю, отремонтировалъ его лишь для вида. Общество въ прибавкѣ средствъ отказываетъ, приходится или клянчить, или приносить въ жертву излишнему комфорту болѣе важные интересы.

Если такимъ образомъ по отношенію къ пожертвованіямъ на училище и гимназію, Хаминовъ держался поговорки: «на тебѣ, Боже, что мнѣ не гоже», то, понятно, что онъ былъ не выносимъ, когда дѣло шло о какомъ-нибудь серьезномъ улучшеніи, о расширеніи программы курса, о послѣдовательномъ преобразованіи.

— И того, что есть, довольно. Нашимъ дочерямъ бо̀льшаго не нужно. Вы ихъ переучите...

Вотъ фразы, которыми онъ оспаривалъ всякое предложеніе объ улучшеніи, даже если его предполагалось совершить безъ посягательства на его карманъ.

Первой попечительницей училища была А. Ѳ. Изв—ая, первой начальницей—А. А. Пф—съ, дама, о педагогической подготовленности которой къ этому званію, не могло быть и спора. Она была вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Мы только не могли сойтись съ ней въ одномъ—въ проведеніи опредѣленной грани между тѣмъ, что принадлежитъ училищу и что ей.

По отъѣздѣ Из—хъ, мы избрали попечительницей Зинаиду Ивановну Трапезникову, женщину (ея уже нѣтъ въ живыхъ), къ которой, сравнительно, Иркутскъ относился незаслуженно холодно. Она дѣлала столько добра и вообще, и спеціально для училища и гимназіи, что, на поприщѣ пожертвованій едва ли не перещеголяла многихъ акробатовъ благотворительности; правда, какъ женщину, ее невозможно было обвѣшивать орденами. Покойная Зинаида Ивановна и не нуждалась въ суетныхъ отличіяхъ. Она имѣла свои взгляды на предметы, была не безъ причудъ, свойственныхъ и старости, и нѣмецкой натурѣ, объяснявшихся, кромѣ того, и тяжелой жизнью, которая выпала на ея долю, во время замужества, но какъ женщина, и женщина воспитанная, она сочувственнѣе отзывалась ко всякому несчастію, ко всякой нуждѣ. И надо было видѣть, какъ умѣлъ ее эксплуатировать тотъ же Хаминовъ. И смѣшно было порой, и грустно. Если въ программу засѣданія попечительнаго совѣта входило что-либо такое, что могло бы привести къ вопросу о пожертвованіи, то Хаминовъ всегда упрашивалъ, чтобы засѣданіе происходило у З. И. Трапезниковой, или, чтобы она присутствовала въ засѣданіи сама. Дойдетъ дѣло до щекотливаго вопроса. Хаминовъ прикидывается крайне заинтересованнымъ и заявляетъ готовность пожертвовать. Стоитъ только Зинаидѣ Ивановнѣ услыхать это, тотчасъ же между ею и Хаминовымъ возникаетъ препирательство.

— Нѣтъ, Иванъ Степановичъ,—говоритъ она,—этого нельзя, вы ужъ такъ много жертвовали и жертвуете... этотъ расходъ я приму на себя.

— Что вы, что вы, матушка Зинаида Ивановна, не считаться же намъ въ мелочахъ. Вы и то тратитесь. Нѣтъ, нѣтъ,—обращается онъ къ секретарю,—такъ и запишите, что этотъ расходъ я принимаю на себя.

И дойдетъ это препирательство до того, что, играя роль вѣжливаго кавалера, Хаминовъ уступитъ, увѣряя, что это въ послѣдній разъ, или сама Зинаида Ивановна вынесетъ требуемую сумму и выложитъ на столъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, Хаминовъ совершаетъ лобызаніе руки у Трапезниковой, а иногда заявитъ претен-

зію на бутылочку, которая тутъ же и распивается. А за дверьми тотъ же Хаминовъ похваляется: «каково, молъ, обработалъ. И всегда такъ будетъ, коли захочу».

Но, отстраняя въ сторону эти мелочные факты, я долженъ сказать, что, при сотрудничествѣ такихъ людей, какъ покойный Бобановскій, предсѣдательствовавшій, по званію директора мужской гимназіи, въ педагогическомъ совѣтѣ, и всего педагогическаго персонала училища, дѣло у насъ шло. Училище послѣдовательно развивалось, пріобрѣтало все бо̀льшее и бо̀льшее довѣріе и сдѣлалось необходимостю для Иркутска.

21-го ноября 1860 года, на собранныя пожертвованія, мною была открыта въ Иркутскѣ женская воскресная школа — первая въ Восточной Сибири. Просуществовала она до 1864 года и закрылась одновременно со всѣми прочими.

По приглашенію того же начальника губерніи, я вступилъ директоромъ въ мѣстный тюремный комитетъ. Эта дѣятельность привела меня въ столкновеніе съ личностью, которая въ то время была терпима, впослѣдствіи же играла и не малую роль въ Иркутскѣ. Не помню для чего, образована была по тюремному комитету особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя казенной палаты, П. И. Какуева, при участіи моемъ, совѣтника казенной палаты Яковенко, казначея комитета П. О. Катышевцева и купца И. И. Базанова. Комиссія собиралась у меня, по вечерамъ, и, послѣ трудовъ праведныхъ, подавалась закусочка. Вотъ послѣ одной изъ такихъ закусочекъ, г. Базановъ увлекся и, не прошенный, сталъ намъ разсказывать, представляя въ лицахъ, какъ онъ устроивалъ въ Западной Сибири двѣ или три несостоятельности, какъ онъ одѣвался въ грязные хламиды, какъ заманивалъ кредиторовъ къ себѣ, валялся въ ногахъ у нихъ, заставлялъ дѣлать то же жену свою, какъ они его сперва ругали, какъ потомъ, подъ вліяніемъ водочки, становились мягче и мягче, и какъ, наконецъ, соглашались отпустить его на всѣ четыре стороны, взявъ 5-ти или 10-ти копѣечную дань. Разсказъ этотъ былъ до того циниченъ, что слушать было противно, а между тѣмъ этотъ же Базановъ, котораго отлично умѣлъ доить генералъ-губернаторъ Синельниковъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, сдѣлался милліонеромъ и умеръ, оставивъ мужу своей дочери состояніе, равняющееся чуть не Шереметьевскому. Думалъ ли и самъ Сиверсъ, будучи чиновникомъ особыхъ порученій, и завѣдуя мастерски театромъ, что лѣтъ черезъ десять онъ женится на дочери того же Базанова, похоронитъ и ребенка и жену, переживетъ сына своего тестя и послѣ смерти его наслѣдуетъ все громадное состояніе. Поневолѣ придетъ въ голову изреченіе: «родись не уменъ, не пригожъ, а счастливъ», или извѣстный куплетъ:

«Жизнь—комедія, гдѣ случай
«Людямъ роли раздаетъ».

А скольких Базановъ пустилъ по міру? Скольких, будучи уже богачемъ, онъ обсчиталъ? Разсчитаться честно, копѣйка въ копѣйку,—было не въ природѣ этого господина. Надо было всегда поторговаться, позатянуть дѣло, не уступитъ ли съ гривны — алтынъ. Живо помню слѣдующій случай. Былъ Базановъ участникомъ въ пароходствѣ по Ленѣ. Пришлось ему быть по очереди распорядителемъ. Капитаномъ былъ аккуратный шведъ; жалованье, условленное по контракту, онъ не проживалъ, сберегая его для отъѣзда на родину. Прошло условленное время, получилъ онъ совершенно чистую квитанцію отъ мѣстной конторы и пріѣхалъ въ Иркутскъ, разсчитывая получить удовлетвореніе отъ самого Ив. Ив. Базанова и немедленно отправиться на родину. Не тутъ то было. Ив. Ив. Базановъ повертѣлъ квитанцію въ рукахъ, нашелъ какія-то сомнѣнія, надо, говоритъ, спросить мѣстную контору. Шведъ удивился, но промолчалъ. Пошла переписка. Разстояніе не близкое. Получается вполнѣ удовлетворительный для капитана отвѣтъ. Является онъ опять къ Базанову.

— Я, говоритъ, затрудняюсь: какъ ты могъ сберечь такую сумму. Вѣдь тебѣ надо было кормиться, одѣваться, чай, на родину посылалъ; значитъ, ты меня обворывалъ... Наконецъ, мѣстная контора можетъ быть въ заговорѣ съ тобой. Вотъ, поѣду лѣтомъ, обревизую...

Но шведъ погрозилъ судомъ.

— Ну, получай половину и останься еще на годъ.

— Служить не хочу, деньги отдавай всѣ, да въ придачу заплати за все, что я проѣлъ и пропилъ въ Иркутскѣ, въ ожиданіи разсчета.

Дѣло дошло до полицейскаго разбирательства. Поставленный въ необходимость удовлетворить навязчиваго капитана, Базановъ попытался и тутъ пустить фортель. Разсчетъ приходился съ копѣйками.

— Мелочи, говоритъ, нѣтъ, останется за мною.

— Давайте рублевку,—отвѣчаетъ капитанъ,—сдачи дамъ,—и отваливаетъ милліонеру мѣдяками.

— Вотъ народецъ-то,—жаловался Базановъ...

Если Базановъ распоряжался такимъ образомъ съ своими служащими и въ домашней обстановкѣ отказывалъ себѣ во всемъ, то, по части служенія Эроту, онъ былъ ловокъ, и сколько на этой амурной струнѣ надъ нимъ продѣлывали грязныхъ штукъ, даже мальчишки! Онъ сдѣлался въ Иркутскѣ—притчей во языцѣхъ. Къ благотворительности, которою ознаменовалъ себя Базановъ въ концѣ жизни, его подтолкнулъ генералъ-губернаторъ Синельниковъ, довольно оригинальнымъ способомъ, а потомъ — тщеславное желаніе перегнать въ почестяхъ Хаминова. Онъ, дѣйствительно, перегналъ послѣдняго на дорогѣ къ кладбищу. За то нашлись въ Петербургѣ

поклонники, которые служили по Базановѣ панихиды, а память Хаминова не почтили ею даже и тѣ, которые, при жизни, объѣдали его!

Благодаря присутствію въ Иркутскѣ графа Муравьева и измѣнившимся отношеніямъ его къ обществу, зимній сезонъ 1860 года прошелъ весьма оживленно. Графъ Муравьевъ обладалъ драгоцѣннымъ даромъ оживлять всякое общество, въ которомъ онъ показывался. Государственныя заботы, личныя думы — откидывались въ сторону. Пріятнѣйшій собесѣдникъ, ровный со всѣми, онъ не стѣснялъ никого, не нагонялъ гробового молчанія, не принуждалъ сосредоточиваться около него и слушать только его.

Этой же неоцѣненной способностью вносить миръ и спокойствіе обладала и другая личность въ Иркутскѣ, но тотъ достигалъ этой цѣли добродушнѣйшей физіономіей и характеромъ. Говоримъ о начальникѣ артиллеріи, покойномъ В. П. Кондратьевѣ. Альминскій герой, обладающій болѣе чѣмъ почтенной репутаціей, во взглядахъ и убѣжденіяхъ скромнѣйшій человѣкъ, онъ вселялъ во всѣхъ искреннѣйшее къ себѣ уваженіе и даже болѣе теплыя чувства. Бывало войдетъ онъ, взглянешь на его спокойное лицо, и всякая душевная буря невольно уляжется. За то въ картахъ онъ былъ не выносимъ. Зналъ я и испыталъ не спокойныхъ партнеровъ, Изв—го, Шел—ва, доктора Грж—аго, типа въ своемъ родѣ, но тѣ, по крайней мѣрѣ, были врагами лишь во время игры. Кончится она и все забыто. Кондратьевъ же не только язвилъ васъ за сдѣланную ошибку игры, но онъ не забывалъ ея: онъ попрекалъ ею и на завтра и спустя недѣлю, мѣсяцъ, при каждой встрѣчѣ, въ особенности же, если вы садились играть съ нимъ. Такимъ же характеромъ не возмутимаго добродушія, котораго не могло взволновать ничто, и который къ самымъ серьезнымъ катастрофамъ относился съ неизмѣнной улыбкой, былъ И. А. Федченко, «милый коммерсантъ», какъ мы его называли. На какія партіи не дѣлилось иркутское общество, онъ былъ принятъ во всѣхъ и одинаково цѣнимъ всѣми. Коммерсантъ, ведшій разнообразнѣйшія дѣла, въ то время, какъ изъ сотоварищей его рѣдкій не имѣлъ замараннаго хвоста по поводу ли происхожденія капитала, по поводу ли способа веденія дѣлъ, онъ пользовался безупречной репутаціей, безусловнымъ довѣріемъ. Конечно, онъ и не обладалъ значительными капиталами, какъ его товарищи,—не умѣлъ составить ихъ!

Сезонъ, о которомъ я намѣренъ говорить, былъ съ одной стороны блестящимъ, съ другой — изобиловалъ и нѣкоторыми драматическими эпизодами.

Начало зимняго сезона ознаменовалось проѣздомъ черезъ Иркутскъ нашего посла въ Китай Н. П. Игнатьева, послѣ заключенія имъ знаменитаго трактата. Графъ Муравьевъ, воздавая должное заслугамъ его, устроилъ ему, если не торжественную, то глу-

боко сочувственную встрѣчу. Встрѣтивъ его лично на перевозѣ, графъ Муравьевъ провелъ его въ залу, гдѣ городское общество поднесло гостю хлѣбъ-соль; затѣмъ, въ другой залѣ, ожидало главное управленіе, т. е. совѣтъ и мы, чиновники особыхъ порученій. «Это, сказалъ графъ Муравьевъ, мои ближайшіе совѣтники и товарищи. Они, какъ и я, высоко цѣнятъ заслугу, которую ты оказалъ Россіи и въ частности Сибири». Затѣмъ послѣдовали обѣды, литературный вечеръ, любительскій спектакль, въ которомъ и я фигурировалъ, сопровождавшійся ужиномъ для участниковъ, даннымъ гостемъ, наконецъ проводы, устроенные по подпискѣ, которые никогда не изгладятся изъ моей памяти. Мнѣ приходилось видѣть графа Муравьева въ многолюдныхъ, такъ сказать, открытыхъ собраніяхъ. Впечатлѣніе, имъ производившееся, я описалъ. На проводахъ Н. П. Игнатьева мнѣ пришлось видѣть того же графа Муравьева, хотя и въ не малочисленномъ кружкѣ лицъ, разнохарактерныхъ, начиная съ членовъ совѣта главнаго управленія, кончая юношами, но въ кружкѣ замкнутомъ, и графъ Муравьевъ привелъ меня въ восхищеніе. Проводы происходили въ загородномъ домѣ. Началось съ чиннаго обѣда и съ не менѣе чинныхъ спичей. Но потомъ все перемѣшалось: пошли спичи другого рода, началось пѣніе, закончилось пляской... Графъ Муравьевъ былъ неизмѣнно ровенъ, веселъ. Его присутствіе не стѣсняло никого. Помню, что я произнесъ забористый спичъ и заключилъ его воззваніемъ «выпить за народъ».

Принявъ участіе въ этомъ тостѣ, графъ Муравьевъ сказалъ мнѣ съ улыбкой:

— Я не подозрѣвалъ, что вы такой народникъ.

— Онъ, кажется, доказалъ это на дѣлѣ, — сказалъ кто-то изъ близко стоящихъ...

— И совѣтую вамъ,—сказалъ мнѣ графъ,—не отвлекаться отъ этого направленія. Служите народу: онъ заслуживаетъ жертвъ!..

На ряду съ оффиціальными празднествами, конечно, продолжались и картежная игра (не въ вистъ только) и частные кутежи, пріобрѣтшіе большее развитіе и заканчивавшіеся не разъ хожденіемъ по ночамъ съ музыкой по улицамъ, въ чемъ начальство не стѣсняло.

Съ политической точки зрѣнія общество, хотя и продолжало будировать начальство, но нѣсколько спокойнѣе. За высылкой Петрашевскаго [1]), на сцену выступилъ Бакунинъ, но онъ не прикасался

[1]) Когда,, отправленный въ 1860 г. курьеромъ въ Петербургъ къ Муравьеву, я явился къ государственному секретарю В. П. Буткову (управлявшему и дѣлами сибирскаго комитета), то первый вопросъ его былъ: «Опять убійство или драка?» Я отвѣчалъ: «Богъ миловалъ». Когда же онъ вскрылъ привезенные мною конверты и прочелъ донесеніе Корсакова о переселеніи Петрашевскаго въ Минусинскій округъ, то воскликнулъ: «Молодецъ Корсаковъ!»

черни. Онъ плавалъ по верхушкамъ и былъ очень хорошо принятъ у Из—хъ. Держалъ онъ себя въ политическомъ отношеніи очень скромно; хотя за нимъ, за учителемъ, и ходило нѣсколько лицъ изъ молодежи, но я подозрѣваю по отношенію къ нѣкоторымъ, умыселъ у нихъ былъ иной: пользуясь близостью Бакунина и къ графу Муравьеву, и къ Изв—му, заручиться карьерой, чего, черезъ послѣдняго, они и достигали. Помню бывшіе у Бакунина вечера: квартира не топленная, грязно содержимая. Приходилось сидѣть въ верхней одеждѣ, согрѣваться чаемъ. Денежныя средства у Бакунина были плохи: ученики доставляли къ чаю коньякъ. А рѣчи лились потоками изъ устъ краснорѣчиваго хозяина. Впрочемъ, онъ пропагандировалъ мало, болѣе всего разсказывалъ о своихъ подвигахъ. Оттого ли, что онъ остерегался, изъ уваженія къ графу Муравьеву, или къ тому времени онъ выдохся, но, лично на меня, Бакунинъ ни какого впечатлѣнія не произвелъ, а послѣдовавшая затѣмъ женитьба его, совершившаяся крайне грязно, и подлая продѣлка его съ Корсаковымъ, внушала къ нему полнѣйшее отвращеніе.

Я уже упоминалъ о полиціймейстерѣ Сухотинѣ. Гусаръ старыхъ временъ, пожившій на своемъ вѣку, гремѣвшій когда-то въ Москвѣ, съѣвшій большее состоянье и разошедшійся съ женой, я уже не знаю, какъ онъ попалъ въ Сибирь. Я засталъ его полиціймейстеромъ, при чемъ между нимъ и графомъ Муравьевымъ существовали самыя близкія отношенія. Графъ Муравьевъ говорилъ, что онъ спитъ спокойно лишь при полиціймейстерѣ Сухотинѣ. Сухотинъ же питалъ къ графу какую-то собачью привязанность. Его слово для Сухотина было закономъ. Онъ готовъ былъ идти за Муравьева въ огонь и воду. Все остальное начальство онъ не ставилъ ни въ грошъ: въ особенности онъ не долюбливалъ Из—скаго и былъ крайне недоволенъ, какъ бы лично обиженъ назначеніемъ послѣдняго губернаторомъ. «Поклоняться соплякамъ»,— твердилъ онъ часто. Вообще, человѣкъ преклоннаго возраста, сохранившій еще гусарскія манеры, bon vivant, онъ, при всѣхъ странностяхъ своихъ, былъ душа-человѣкъ, честнѣйшихъ правилъ, радушнѣйшій и добрѣйшій. Другого такого полиціймейстера Иркутску не приходилось имѣть. Говорю это на основаніи фактовъ, хотя бы того, что, въ теченіе многихъ лѣтъ его полиціймейстерства, на него не было подано ни одной жалобы. Дѣла у него шли гладко, все общество, безъ исключенія, его любило; одинъ Из—кій, благодаря невоздержности языка Сухотина, косился на него и жилъ съ нимъ не въ ладахъ. Много еще было юношескаго жара въ старикѣ. Приведу два факта: гдѣ бы мы ни кутили, но, поздно ночью, подкатывалъ къ мѣсту гулянки Сухотинъ въ традиціонномъ своемъ фаэтонѣ. Его привѣтствовали всегда съ распростертыми объятіями, угощали и т. д. Но цѣль его посѣщенія была высоко охранитель-

ная: онъ развозилъ по домамъ подкутившихъ. Заберетъ онъ, бывало, человѣкъ пять, какъ уже онъ ихъ усадитъ въ свой фаэтонъ—это составляло его тайну, и не успокоится до тѣхъ поръ, пока не доставитъ каждаго въ свой домъ, не уложитъ въ постель.

Съ Сухотинымъ я познакомился у Савинскихъ въ первый же годъ своего пріѣзда, но въ то время отношенія наши не были близки. По возвращеніи изъ Петербурга, мнѣ пришлось поселиться у Сухотина. Городской домъ, который онъ занималъ, былъ громадный, а потому Сухотинъ имѣлъ полную возможность принимать къ себѣ пріѣзжавшихъ въ Иркутскъ, по дѣламъ службы, знакомыхъ, такъ что по временамъ домъ его представлялся какъ бы заѣзжимъ дворомъ. Одни уѣзжали, другіе пріѣзжали. Къ концу 1860 года, я сталъ замѣчать въ Сухотинѣ громадную нравственную перемѣну. Перемѣна эта выражалась не въ томъ, что старикъ закутилъ, онъ и прежде былъ не прочь кутнуть, но кутежи эти приняли безобразный характеръ. Къ несчастію, оргіи эти въ особенности отзывались на мнѣ. Въ то время я страдалъ грудью и мнѣ было строго запрещено какое бы то ни было излишество. Возвратишься откуда-нибудь вечеромъ, дымъ коромысломъ,—гремитъ военная музыка, или хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ,—смотришь: Сухотинъ кутитъ съ какимъ-нибудь купцомъ вдвоемъ,—случалось встрѣчать его съ такими лицами, которымъ онъ въ прежнее нормальное время и руки не подалъ бы.

Какъ не добивался и я, и ближе знавшіе Сухотина, въ чемъ дѣло—добиться истины не могли. Кто говорилъ, что онъ потерялъ казенныя деньги, но графъ Муравьевъ такъ любилъ Сухотина, не говорю уже объ обществѣ, что его вывели бы изъ затрудненія. Толковали о несчастной любви и семейныхъ обстоятельствахъ, но Сухотинъ былъ въ такомъ возрастѣ, что былъ застрахованъ отъ первой, а къ разлукѣ съ женой онъ уже привыкъ.

Графъ Муравьевъ не могъ не знать этихъ продѣлокъ, но такъ какъ по службѣ Сухотинъ продолжалъ быть исправнымъ, то онъ и не обращалъ вниманія.

Между тѣмъ, дѣла пошли хуже. Фактъ безпримѣрный—появилась жалоба: она попала въ руки Изв—го. Тотъ придалъ ей особенное значеніе. Потребовали объясненія. Это раздражило еще болѣе Сухотина. Я сталъ опасаться серьезнаго столкновенія, тѣмъ болѣе, что оба, при всемъ добродушіи своемъ, были горячи и вспыльчивы; но судьбѣ угодно было покончить съ Сухотинымъ иначе.

Открывалъ новую гостинницу пресловутый Краузе, который впослѣдствіи игралъ не малую роль въ Иркутскѣ. Въ то время, онъ только-что показался на горизонтѣ. Послѣ обычнаго молебна и обильнаго завтрака, на который приглашены были избранные, Сухотинъ съ кѣмъ-то изъ своей компаніи остался допивать вино. Является Бакунинъ съ своей компаніей и въ томъ числѣ аптекарь

Ш—ъ, всѣ подъ рядъ ненавидимые Сухотинымъ. Садятся за отдѣльный столъ. Приходитъ на мысль этой послѣдней компаніи предложить Сухотину бокалъ вина. Порученіе это принимаетъ на себя Ш—ъ. Сухотинъ отвѣчаетъ, что онъ пьетъ всегда свое вино, тѣмъ менѣе способенъ принимать его отъ іерусалимскихъ дворянъ. Намекъ относился прямо къ Ш—у. Сотоварищи за него заступаются. Начинается перебранка, слово за слово... потомъ рукопашная. Кто первый началъ послѣднюю, конечно, неизвѣстно.

Утромъ рано къ Сухотину явились секунданты, кто долженъ былъ драться уже не знаю, только не Бакунинъ; поѣхали, но, увы, на мѣстѣ... оказались жандармы. Сухотина возвратили назадъ, приставили караулъ, а черезъ нѣсколько времени пришло ему предписаніе: сдать должность старшему по себѣ и выѣхать до ночи за Байкалъ, гдѣ и принять казачій полкъ.

— Не то обидно, что арестовали, что отрѣшили, что понизили,— лепеталъ Сухотинъ,—это все достойно и праведно. Не пьянствуй, старый дуракъ. Обидно то, что не хочетъ меня видѣть, хоть бы проститься далъ съ собой...

Я посовѣтовалъ написать письмо графу, предложилъ даже самъ отвезти его, но Сухотинъ не согласился и послалъ его съ кѣмъ-то.

Не прошло часа, адъютантъ привозитъ записку. Что въ ней заключалось... не знаю, но, прочитавъ, Сухотинъ расцѣловалъ ее, набожно перекрестился, спряталъ... и повеселѣлъ.

Между тѣмъ, въ городѣ происшествіе разнеслось, узнали и о послѣдовавшихъ распоряженіяхъ. И что за помпезные проводы выпали на долю Сухотина. Въ теченіе цѣлаго дня, начиная съ членовъ совѣта, поочередно навѣстившихъ его, кончая послѣднимъ гражданиномъ города и лицами, подавшими на него жалобы и въ наивности своей воображавшими, что паденіе Сухотина вызвано этими жалобами, всѣ посѣтили его, прощались искренно, иные со слезами. Что эта трогательная манифестація была искренна, доказывается тѣмъ, что кто же и что побуждали къ ней. Духъ оппозиціи?—но въ данномъ случаѣ, въ чемъ онъ могъ проявиться. Справедливость и неминуемость кары сознавали всѣ. Шли проститься съ Сухотинымъ, какъ съ человѣкомъ, котораго привыкли любить и уважать.

Командованіе полкомъ было назначеніемъ фиктивнымъ. Сухотинъ былъ тотчасъ же назначенъ начальникомъ амурскихъ сплавовъ. Года черезъ два мнѣ пришлось свидѣтся съ нимъ въ Читѣ... Но уже это былъ не тотъ Сухотинъ. Прошло еще нѣсколько времени... и онъ окончилъ жизнь самоубійствомъ. Стоустая молва, Богъ знаетъ, что говорила объ этомъ послѣднемъ, исполненномъ трагизма, актѣ. Несомнѣннымъ осталось то, что, ко дню смерти, бывшія на рукахъ Сухотина суммы, счетоводство, дѣла... все было въ порядкѣ.

Миръ же праху твоему и вѣчная память, достойный и честный труженикъ!..

Заговоривъ о частныхъ эпизодахъ, ознаменовавшихъ зиму 1860 года, не могу не разсказать пассажа, случившагося съ Хаминовымъ.

30-го августа былъ оффиціальный обѣдъ у графа Муравьева. Столъ былъ накрытъ покоемъ. За главнымъ столомъ сидѣли высшіе міра, на угловыхъ, съ одной стороны, мы, а съ другой—представители городского общества съ Хаминовымъ во главѣ. Расположила его судьба сѣсть прямо противъ меня. Послѣ перваго обычнаго тоста, всталъ архіерей Евсевій, что-то прошепталъ себѣ подъ носъ, только близь сидѣвшіе слышали. Оказалось: былъ предложенъ тостъ за графа Муравьева. Насъ взорвало, тѣмъ болѣе, что мы имѣли основаніе заподозрить, что архіерей сдѣлалъ это нарочно; онъ былъ не въ ладахъ съ Муравьевымъ. Я подбѣжалъ къ Изв—му депутатомъ съ приглашеніемъ возобновить тостъ, онъ сослался на Кукеля, какъ начальника штаба, Кукель въ свою очередь мигнулъ на губернатора, словомъ, пошла въ ходъ дипломатія. Взбѣшенный, я иду на свое мѣсто, взглянулъ и вижу умильное лицо Хаминова. Подбѣгаю къ нему.

— Предложите,—говорю ему,—тостъ за графа.

— Да хорошо ли будетъ?

— Чего тутъ хорошо, вы голова.

Не успѣлъ я вернуться на свое мѣсто... Хаминовъ встаетъ.

— Здоровье графа Муравьева-Амурскаго... покорно прошу.

Тостъ былъ принятъ восторженно. Графъ посмотрѣлъ на Хаминова, да уже кстати и на нашу половину, понявъ очень хорошо, откуда шелъ вѣтеръ.

Кончился обѣдъ; Хаминовъ подходитъ ко мнѣ.

— Ну, теперь на гауптвахту.

— За что же? арестовываютъ провинившихся, а вы чѣмъ провинились?

Прощаясь со мной, графъ спросилъ:

— Это вы научили Хаминова?

— Я.

Онъ улыбнулся и погрозилъ мнѣ пальцемъ.

Передо мной за нѣсколько дней прибыла въ Иркутскъ съ Кавказа чета Вакульскихъ, мужъ, жена и сестра мужа. По какимъ-то соображеніямъ, это тріо было заботливо удалено графомъ Муравьевымъ изъ Иркутска. Къ возвращенію своему изъ Петербурга, графу Муравьеву предстоялъ сюрпризъ. Тріо очутилось опять въ Иркутскѣ: мужу дали мѣсто начальника военной прогимназіи. Графъ поморщился, но исправить дѣло было невозможно.

Въ концѣ декабря, 29-го или 30-го, не помню, графъ сдалъ должность своему помощнику. Надо же было, чтобы на другой день случился пожаръ театра. Самъ по себѣ пожаръ этотъ не пред-

ставлялъ никакой опасности. Театръ стоялъ на площади. Что спасти его было нельзя—это было несомнѣнно съ самаго начала. Надо было отстаивать, окаймлявшія площадь, деревянныя зданія.

Въ моемъ распоряженіи было одно таковое зданіе, которое я и отстаивалъ. Послѣ Сухотина полиціймейстеромъ былъ назначенъ, П—въ, человѣкъ прекраснѣйшій, честный, человѣкъ дѣла, но, увы! для наружной полиціи онъ не годился. За присутственнымъ столомъ—онъ былъ у мѣста. Но на пожарѣ, хотя бы на томъ, о которомъ я говорю, и при отсутствіи надобности суетиться, П—въ представлялъ комическую картину.

За то Вакульскій дѣлалъ свое дѣло. Куда Корсаковъ, туда и онъ. Онъ лѣзъ изъ кожи, бросался то туда, то сюда—мозолилъ глаза. Пожаръ уже кончался, когда пробѣжалъ мимо меня адъютантъ съ словами:

— Михаилъ Семеновичъ приказалъ васъ предупредить, что полиціймейстеромъ уже не П—въ, а Вакульскій.

«А мнѣ какое дѣло»,—подумалъ я.

Въ то время мнѣ не пришло и въ голову, какое громадное значеніе будетъ имѣть для меня это, въ существѣ, ничтожное перемѣщеніе. Вакульскій и П—въ помѣнялись мѣстами. Оба остались довольны.

Поморщился вновь, какъ я слышалъ, графъ Муравьевъ, но онъ былъ уже не у дѣлъ.

Насталъ день окончательнаго отъѣзда Муравьева. Ни для кого не было тайной, что онъ уѣзжаетъ навсегда. Отъѣзду предшествовали обѣды, въ томъ числѣ и отъ совѣта главнаго управленія. Сперва насъ, чиновниковъ особыхъ порученій, не хотѣли допустить на этотъ обѣдъ, потомъ рѣшили принять въ качествѣ гостей. Когда мы протестовали, допустили на равномъ съ членами положеніи. Обѣдомъ распоряжался присяжный въ то время устроитель, членъ совѣта Сельскій, а помогалъ ему докторъ Персинъ. Обѣдъ обошелся въ 75 рублей съ лица. Ужъ это одно говоритъ, что онъ долженъ былъ быть задуманъ на славу; говорились искренніе или не искренніе спичи. И избушка Хаминова на этотъ разъ не осталась въ сторонѣ, и въ ней совершилось кормленіе.

Но всему бываетъ конецъ. Назначенный для отъѣзда день начался въ соборѣ, въ которомъ, при архіерейскомъ служеніи, графъ Муравьевъ, окруженный обществомъ, отстоялъ напутственный молебенъ. Площадь, или, лучше сказать, рядъ площадей, окаймлявшихъ соборъ, кишѣли народомъ. Послѣ молебна, всѣ, имѣвшіе на то право, бросились въ близь лежавшее собраніе. Графъ Муравьевъ дошелъ до него пѣшкомъ; народъ тѣснился около него; слышались прощальные крики. Графу приходилось останавливаться, выслушивать прощальныя напутствія. Наконецъ, онъ въ собраніи. Громадная зала послѣдняго, прилегающія комнаты кишѣли публикой.

Тутъ были и мундиры, и ремесленники съ значками, и фраки, и сюртуки, и крестьяне, прибывшіе изъ сосѣднихъ деревень, и иногородные, и казаки. Я внимательно слѣдилъ за графомъ Муравьевымъ. Не было, кажется, человѣка, которому бы онъ не сказалъ слова. Смотрю: говоритъ съ Баркъ-Петровскимъ. Протискиваюсь. Словъ не слышу. Вижу, Баркъ-Петровскій плачетъ. Растроганъ. Кончилось это прощаніе. Въ городскихъ экипажахъ, кто только могъ, поѣхали въ Иннокентіевскій монастырь. Казалось, что туда прибудутъ только избранные, но пока шелъ молебенъ надъ мощами святителя, пока продолжался завтракъ у настоятеля, площадка передъ монастыремъ наполнялась народомъ, буквально прибѣжавшимъ. Мы вынесли, по сибирскому обычаю, на рукахъ графа Муравьева, но только показались въ толпѣ, какъ моментально были отброшены въ сторону, а графъ очутился на рукахъ сперва крестьянъ, а потомъ инородцевъ, такъ же поспѣшно выхватившихъ его у первыхъ. Имъ выпало на долю сказать и послѣднее «прости»... Когда я протискался сквозь толпу и подошелъ къ экипажу графа, я слышалъ только слѣдующія слова, произнесенныя инородцами:

— Мы тебя, графъ, не забудемъ, не забудь ты насъ!..

— Не забудь насъ!—подхватилъ народъ.

Тронулись повозки; всѣ стояли безъ шапокъ; кто бѣжалъ сзади, кто обратился къ монастырю и крестился, кто набожно благословлялъ отъѣзжающаго.

Шибче и шибче двинулись повозки. Народъ долго еще стоялъ безъ шапокъ, слѣдя за ними.

Стоялъ и я! Невольно пришло въ голову: закатывается зорька Восточной Сибири!

И, дѣйствительно, она закатилась... На долго ли?

В. Милютинъ.

ГОСУДАРЕВЪ КРЕЧАТНИКЪ[1].

(Разсказъ изъ быта сокольниковъ).

XV.

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ Михайловичъ былъ страстнымъ охотникомъ — изъ тѣхъ, которые занимаются охотою не какъ забавою, не какъ пріятнымъ развлеченіемъ, а какъ серьезнымъ дѣломъ, захватывающимъ на время все существо человѣка. Улучая для охоты удобное время, оторвавшись отъ остальныхъ житейскихъ заботъ и тягостей государственнаго управленія, царь Алексѣй Михайловичъ предавался охотѣ всей душой, и находилъ въ ней источникъ не сказанныхъ наслажденій. Не даромъ написалъ онъ въ предисловіи къ своему «Уряднику сокольничьяго пути», обращаясь къ охотникамъ: «Забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою, да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія». И прибавилъ потомъ: «Дѣлу время, и потѣхѣ часъ»—какъ бы желая этимъ сказать: «отдавайте все ваше время дѣлу, но умѣйте отдать часть времени и потѣхѣ».

И онъ умѣлъ удѣлить этотъ часъ, умѣлъ его найти, и умѣлъ въ этотъ краткій часъ такъ цѣльно, такъ горячо отдаться своей любимой потѣхѣ, что становился не узнаваемъ—перерождался въ новаго человѣка. Ближніе люди, которые бывали съ царемъ не разлучны и постоянно дѣлили съ нимъ его труды и его забавы,

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIV, стр. 365.

изумлялись той перемѣнѣ, которая происходила въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда онъ пріѣзжалъ на Потѣшный дворъ или выѣзжалъ съ охотою въ «отъѣзжія поля». Можно было подумать, взглянувъ на этого страстнаго охотника, что для него не существуетъ ничего на свѣтѣ, кромѣ охоты. Любимцы государевы даже говорили: «угоди царю охотою—а тамъ и проси чего хочешь». Они, конечно, намекали при этомъ на то свѣтлое и радостное расположеніе духа, которое никогда не покидало государя во время рѣдкихъ и немногихъ часовъ, посвященныхъ «красной и славной птичьей потѣхѣ». Этому расположенію много способствовало отсутствіе того чопорнаго и суроваго этикета, который царилъ при московскомъ государевомъ дворѣ. Являясь на Потѣшный дворъ съ двумя-тремя любимцами, такими же страстными сокольниками, какъ онъ самъ—царь Алексѣй Михайловичъ здѣсь также забывалъ о строгихъ требованіяхъ этикета, какъ и о государственныхъ заботахъ. Здѣсь онъ смотрѣлъ на себя, какъ на хозяина охоты, какъ на старшаго среди старшихъ сокольниковъ, и заботился только о соблюденіи тѣхъ обычаевъ и обрядовъ, которые самъ ввелъ и установилъ въ своей птичьей охотѣ, любя во всемъ «благочиніе, устроеніе и уряженіе». Здѣсь онъ видѣлъ себя среди своей охотничьей семьи и входилъ съ удовольствіемъ во всѣ ея интересы, тревоги, радости и заботы, не пренебрегая никакими мелочами охотничьяго быта и охотничьяго хозяйства, въ которыхъ—кстати сказать—былъ великимъ знатокомъ.

При торжественной и шумной встрѣчѣ, подготовленной благодушному царю-охотнику Матюшкинымъ и Хомяковымъ, ему прежде всего бросились въ глаза его любимые кречеты и соколы,—Адаръ, Муратъ, Стреляй, Булатъ и Салтанъ—которыхъ сокольники держали на рукавицахъ «честно и явно», къ «видѣнію человѣческому и къ красотѣ кречатьей».

— А!—весело воскликнулъ царь, обращаясь къ Матюшкину,— значитъ, здоровы?—Ну, ваше счастье, сокольники! А то ужъ я вамъ за нихъ какую грозу готовилъ...—Помнишь, и въ письмѣ тебѣ писалъ?..

Матюшкинъ улыбнулся и сказалъ:

— Трепетали мы не грозы твоей, государь, а того, что скорбью омрачимъ сердце твое при встрѣчѣ.

— А чѣмъ они были больны? Кто ихъ легчилъ?—продолжалъ разспрашивать царь, остановившись передъ своими кречетами-любимцами и любуясь ихъ статями и новыми роскошными нарядами.

Матюшкинъ подробно и толково изложилъ царю весь эпизодъ съ «легченіемъ птицъ», припомнилъ кстати и о томъ, что царь еще не видалъ новоприсланныхъ Двинскихъ птицъ, и въ двухъ словахъ упомянулъ о дѣйствіяхъ воеводы, описанныхъ въ челобитной Холмогорскихъ крестьянъ и посадскихъ.

Царь выслушалъ Матюшкина и сказалъ:

— Ты мнѣ послѣ этого дохтура покажешь... А теперь веди осматривать кречатню: да смотри, все покажи—во всѣхъ четырехъ статьяхъ — ничего не утай! Я ваши непорядки и оплошки сразу запримѣчу...—У меня ужъ глазъ такой! Вонъ у него,—сказалъ улыбаясь царь, указывая на Хомякова,—у него глазъ лучше моего, въ отъѣзжемъ полѣ; а въ его кречатнѣ мой глазъ вѣрнѣе видитъ!.. Такъ ли, Петръ Семеновичъ?

— Такъ, такъ, великій государь!—поспѣшилъ согласиться Хомяковъ, который уже давно не видалъ царя въ такомъ милостивомъ и веселомъ настроеніи.

И затѣмъ всѣ начальные послѣдовали за царемъ, котораго сопровождали бояре Борисъ Морозовъ и Юрій Ромодановскій — оба такіе же страстные охотники, какъ и самъ царь, и также ничего ни жалѣвшіе на пріобрѣтеніе ловчихъ птицъ и на содержаніе обширныхъ птичьихъ охотъ.

Осмотръ кречатни продолжался около двухъ часовъ и закончился осмотромъ сараевъ, въ которыхъ собраны были разныя породы ястребовъ и кобчиковъ. Царь и его любимцы (тоже тонкіе знатоки дѣла) остались очень довольны осмотромъ Потѣшнаго двора, и Алексѣй Михайловичъ, закончивъ осмотръ, ласково потрепалъ Матюшкина по плечу:

— Братъ!—сказалъ онъ ему добродушно,—а я, признаться, хотѣлъ тебя врасплохъ застать! Вѣдь я тебѣ писалъ, чтобы ты въ Коломенское выѣзжалъ—да вдругъ и отмѣнилъ! Дай, думаю, наѣду... Вы, чай, ужъ завтра и въ путь бы сдвинулись?

— Сдвинулись бы, государь; все уложено ужъ было...

— Когда же ты это успѣлъ все опять уставить и урядить?

— Времени было вдоволь, государь. Гонецъ твой къ намъ пріѣхалъ въ третьемъ часу ночи съ доброй вѣстью... А въ «урядникѣ» твоемъ недаромъ сказано: «Достовѣрному же охотнику нѣсть разсужденія временàмъ и порàмъ». Вотъ мы ночь-то обратили въ день— и къ встрѣчѣ твоей изготовились...

— Спасибо, братъ!—сказалъ государь съ видимымъ удовольствіемъ,—утѣшилъ ты меня!

И царь протянулъ Матюшкину руку, которую тотъ съ жаромъ поцѣловалъ.

— Спасибо и тебѣ, Петръ Семеновичъ! На сей разъ вижу, что ты и въ кречатнѣ также зòрокъ сталъ, какъ и въ отъѣзжемъ полѣ...

Хомяковъ поклонился государю въ поясъ.

— Спасибо и вамъ, начальные!—громко произнесъ царь, обращаясь къ начальнымъ сокольникамъ четырехъ статей—вижу, что вы робятъ въ рукахъ держите... — И всѣмъ рядовымъ передайте мое царское спасибо! Вижу, что нашъ государскій птичій промыселъ не поизмѣшался во время отлучки нашей!

Громкіе, радостные клики всѣхъ сокольниковъ были отвѣтомъ на царское милостивое слово.

— А теперь не изволишь ли государь, осмотрѣть новые большіе птичьи наряды въ нашей сокольничей казнѣ?—спросилъ Матюшкинъ, указывая рукою въ сторону дьячей избы, на порогѣ которой стояли и казначей, и подъячій сокольничаго пути, отвѣшивая низкіе поклоны.

— Нѣтъ, спасибо,—послѣ посмотрю!—Я сегодня у тебя, братъ, въ гостяхъ и еще гостей тебѣ привелъ: всѣ у тебя будемъ кушать.

— Удостой насъ, государь, сей великой чести! Столъ про тебя и про гостей твоихъ уготованъ въ нашей сокольничей передней избѣ,—сказалъ Матюшкинъ, почтительно кланяясь царю.

— Такъ туда прямо и веди насъ. А послѣ обѣда, поотдохнувши, и въ казну загляну къ Епуслану Дрыганову, и въ книги, къ Василью Ботвиньеву.

Произнося эти слова, государь обернулся къ начальнымъ сокольничимъ и громко произнесъ обычныя слова команды, по «Уряднику»:

«Начальные, время отдохновенія птицамъ, и намъ премѣненію платья и часъ обѣда».

Начальные дали знакъ трубачеямъ, и веселые звуки переливчатыхъ серебряныхъ рожковъ возвѣстили всему Потѣшному двору о наступленіи временнаго отдыха и обѣда.

Царь съ боярами, съ сокольникомъ Матюшкинымъ и подсокольничимъ Хомяковымъ поднялся на крыльцо передней избы, устланное богатымъ персидскимъ ковромъ—и передъ нимъ съ низкими поклонами разступилась почетная стража изъ сокольниковъ, въ большомъ сокольничемъ нарядѣ поставленныхъ у дверей передней избы.

XVI.

Когда Табалинъ съ сокольниками свелъ Ларюшку сверху, изъ того угла, гдѣ онъ былъ запертъ съ больными птицами, то приказалъ ему обождать въ дьячей избѣ; а самъ направился обратно въ кречатню и приказалъ сокольникамъ вынести оттуда шесть кречетовъ и челиговъ, которые были уловлены и привезены къ Москвѣ Ларькой Омельяновымъ. И кречатьяго помытчика, и «помкнутыхъ» имъ птицъ хотѣли одновременно «явить предъ царскія пресвѣтлыя очи».

Ларюшка, оставшись одинъ одинёшенекъ въ дьячей избѣ, былъ до такой степени встревоженъ ожиданіемъ, что не могъ совладать съ собою: на него напалъ страхъ великій и трясло его съ головы до ногъ, какъ въ лихоманкѣ.

Ждать пришлось ему, на его счастье, не долго:—царь Алексѣй Михайловичъ, умѣренный въ пищѣ и питьѣ, какъ монахъ, не си-

дѣлъ за столомъ долго, и отдыхалъ послѣ обѣда не больше двухъ часовъ. Какъ только онъ вышелъ изъ опочивальни, устроенной въ особыхъ хоромахъ, около передней избы, на случай царскихъ пріѣздовъ, такъ тотчасъ позвалъ къ себѣ въ «переднюю» Матюшкина и Хомякова, переговорилъ о чемъ-то съ ними наединѣ и затѣмъ вышелъ въ переднюю избу, гдѣ уже были собраны всѣ начальные сокольники и первые изъ рядовыхъ.

По знаку, данному Хомяковымъ, дверь въ боковой покой отворилась и въ комнату чинно вошли шесть сокольниковъ въ большомъ нарядѣ, съ кречетами и челигами на рукавицахъ, и съ начальнымъ Табалинымъ впереди; позади этихъ сокольниковъ—Ла̀рюшка между двумя рядовыми сокольниками. Табалинъ и сокольники съ кречетами размѣстились въ рядъ передъ самыми креслами государя; Ла̀рюшка съ сокольниками остался у дверей, въ ожиданіи новаго приказа.

Картина, которая представилась изумленнымъ взорамъ молодого помытчика, такъ поразила его, что онъ даже позабылъ о своемъ смущеніи и тревогѣ, и весь обратился въ слухъ и зрѣніе.

Передъ нимъ, на богатомъ рѣзномъ и золоченомъ креслѣ, съ низкою и широкою спинкою, около стола, покрытаго пестрымъ ковромъ, сидѣлъ мужчина величавой наружности. Небольшая, но окладистая черная борода и усы оттѣняли его правильное, бѣлое и румяное лицо, а темнокаріе глаза смотрѣли зорко и привѣтливо изъ-подъ темныхъ, красиво-обрисованныхъ бровей. Это былъ царь Алексѣй Михайловичъ. Голова его была прикрыта небольшой бархатной скуфейкой, кругомъ унизанной крупымъ жемчугомъ; а спереди, какъ жаръ горѣла на скуфейкѣ запона изъ рубиновъ, сапфировъ и изумрудовъ. Богатая ферязь изъ толстой камки съ птицами и травами, обхватывала красивыми складками стройную и полную фигуру царя; досчатый, сребр285кованный поясъ, къ которому былъ привѣшенъ богато-оправленный и усыпанный каменьями охотничій ножъ—дополнялъ одежду царя. Двое знатныхъ бояръ,—въ богатѣйшихъ кафтанахъ, блиставшихъ золотомъ и низанныхъ жемчугомъ по высокому стоячему воротнику-козырю, стояли о-бокъ царя по сторонамъ его кресла.

Бояре не приглянулись Ла̀рюшкѣ: ни Морозовъ, съ его хитрыми, быстрыми карими глазками, ни Ромодановскій, съ его суровымъ и мрачнымъ выраженіемъ лица — не внушали ему ни довѣрія, ни уваженія. Но царь Алексѣй Михайловичъ очаровалъ его съ перваго взгляда. Онъ почувствовалъ на себѣ невольное обояніе той силы и той спокойной увѣренности, которыя выражались въ каждомъ поворотѣ головы, въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи царя.

И онъ замѣтилъ, что это обояніе царственной особы ясно ска зывалось на всѣхъ окружающихъ: всѣ присутствовавшіе стояли

притаивъ дыханіе, не спуская глазъ съ царя и на немъ сосредоточивая все свое вниманіе; они старались не проронить ни одного слова царскаго, ни одного взгляда. И не только Хомяковъ и Матюшкинъ, но даже эти два знатные боярина, которые стояли по сторонамъ царскаго кресла, — высокіе, дородные, видные, гордые своимъ величіемъ и значеніемъ—совершенно стирались передъ царемъ и также подобострастно, также зорко слѣдили за каждымъ движеніемъ царя, какъ и послѣдній изъ стоявшихъ около него сокольниковъ.

Царь перебиралъ лежавшіе передъ нимъ на столѣ бархатные и парчевые сокольи клобучки, расшитые золотомъ и жемчугомъ, и улыбался, поглядывая на Матюшкина:

— Ай-да наряды же ты, братъ, моимъ соколамъ нашилъ.—Исполать тебѣ! гдѣ ты тѣхъ и швей-то выискалъ, что росписали и разцвѣтили ихъ такими мудреными узорами.

— Во Владимірѣ, въ Рожественскомъ монастырѣ такія искусницы живутъ!—замѣтилъ Матюшкинъ.—Туда посылалъ.

— Ужъ точно искусницы! Борисъ Ивановичъ,—обратился царь къ Морозову—напомни мнѣ, чтобы я не забылъ: надо будетъ въ тотъ монастырь велѣть запасцу отпустить съ Житнаго дворца.

— Слушаю, государь; напомню.

— А это вотъ и есть тѣ уловныя птицы, что съ Двины присланы?—вдругъ обратился царь къ Хомякову, указывая на сокольниковъ съ птицами.

— Тѣ самыя, великій государь! Онѣ еще у насъ, до твоего указа, безъ именъ живутъ...

— Да, да, знаю! Дай-ка ихъ сюда поближе!..

По знаку Хомякова сокольники двинулись впередъ и остановились на шагъ отъ государя.

— А вотъ это и есть тотъ красный кречетъ, о которомъ ты мнѣ писалъ, Аѳанасій Ивановичъ?.. Ахъ, какой красавецъ! Вотъ такъ кречетъ! .

И царь, поднявшись съ кресла, гладилъ кречета по шеѣ и спинѣ, между тѣмъ какъ тотъ пугливо поводилъ большими глазами и старался клювомъ поймать пальцы царской руки.

— Дикій! Глупъ еще!—посмѣиваясь, говорилъ царь, продолжая дразнить кречета и любуясь его движеніями. — О-го-го! го-го! — приговаривалъ онъ съ улыбкою знатока и любителя, внимательно разсматривая птицу.—Князь Юрій!—посмотри-ка, каковы ногтищи! Мнѣ сдается, что этотъ кречетъ, какъ выносится, будетъ лучше моихъ любимцевъ, Адара и Салтана?

И царь опустился въ кресло, не спуская глазъ съ кречета и продолжая имъ любоваться. Всѣ сокольники съ птицами на руковицахъ, замерли безъ движенія, въ ожиданіи своей очереди.

— А гдѣ-же тотъ помытчикъ, что уловилъ красавца-кречета?

Сокольники съ птицами разступились, какъ по командѣ, и двое сокольниковъ, стоявшихъ около Лäрюшки, разомъ выдвинули смущеннаго Лäрюшку передъ царскія очи.

Лäрюшка ударилъ земной поклонъ.

— Какъ тебя звать?

— Лäрька Омельяновъ, великій государь, сынишко Холмогорскаго помытчика твоего Якушки Омельянова.

— Омельяновъ?.. Омельяновъ? — повторялъ царь, вглядываясь своими зоркими очами въ открытое и красивое лицо Лäрюшки.— Что-то помнится мнѣ.. Не Омельянова ли батюшка мой, блаженной памяти, да дѣдъ мой—посылали съ кречетами къ Кесарю Римскому съ подношеніемъ?

— Такъ точно, государь!—подтвердилъ Матюшкинъ.

— Такъ это твой отецъ?—переспросилъ царь у Лäрюшки.

— Батька, государь,—онъ самый!

— Ну, видно, вамъ на роду написано такое счастье на уловъ кречетовъ!—Гдѣ же ты сыскалъ такого молодца?

Лäрюшка, въ величайшемъ смущеніи, опустилъ очи въ землю, и не зналъ, что отвѣчать царю.

— Гдѣ ты уловилъ его—и какъ?—Какой ловушкой?—съ возростающимъ интересомъ допрашивалъ царь, полагая, что парень, растерявшись, не дослышалъ вопроса.

— Уловилъ я его на старыхъ батькиныхъ кречатьихъ сѣдбищахъ, государь!—А гдѣ, и какимъ снарядомъ ловилъ—того сказать не могу.

Изумленіе, почти испугъ—выразились на всѣхъ лицахъ... Ромодановскій насупилъ брови, а Морозовъ смѣрилъ глазами Лäрюшку съ головы до ногъ.

— Какъ же ты не можешь?—Вѣдь ты же самъ уловилъ его?— спокойно продолжалъ допрашивать государь; но въ голосѣ его слышалось нѣкоторое недовольство....

— Самъ я уловилъ, государь! Видитъ Богъ—самъ... Да у меня съ отцомъ зарокъ положенъ—ни кому, ни сѣдбищъ его не показывать, ни снарядовъ...

— А если я тебѣ... приказываю!—сказалъ, вспыливъ, царь Алексѣй Михайловичъ.

Лäрюшка упалъ на колѣни:

— Прикажи казнить, государь!—въ совершенномъ отчаяніи воскликнулъ онъ,—а зарока нарушить... не могу! Я въ томъ крестъ цѣловалъ!

Наступила минута очень тяжелаго ожиданія. Всѣ впились глазами въ царя, который видимо боролся съ собою—и вдругъ просіялъ лицомъ.

— Встань!—сказалъ онъ твердо:—ты правъ! И сóколъ выше солнца не летаетъ—такъ не бывать и царскому приказу выше кре-

ста Господня?—Хвалю, что твердъ въ словѣ... Аѳанасій Ивановичъ! этого кречета назвать «Холмогоромъ». Дай Богъ, чтобы онъ въ напускѣ на всякую лѣсную и болотную птицу былъ также упористъ, какъ этотъ малый въ своемъ крестоцѣлованьи.

Затѣмъ, царь еще разъ обратился къ Ларькѣ и сказалъ:

— За то, что ты намъ, великому государю, угодилъ твоимъ уловомъ, жалуемъ мы тебя изъ нашей казны кафтаномъ;—выдать ему на кафтанъ синяго сукна лундыша (обратился царь къ Матюшкину)!—А за то что ты своимъ радѣніемъ нашихъ царскихъ птицъ вылечилъ и отъ злого недуга избавилъ—приказываемъ принять тебя рядовымъ сокольникомъ на нашъ Потѣшный дворъ.

Ла̀рюшка, самъ себя не помня отъ радости, повалился царю въ ноги.

— Принимаете ли вы его въ свою братью, господа сокольники?—ласково обратился царь къ начальнымъ и рядовымъ, находившимся въ комнатѣ.

— Готовы принять съ радостью!—крикнули въ одинъ голосъ сокольники.

— Такъ возьми же ты его, Парѳентій Яковлевичъ, въ свою статью. Научи его нашей красной и славной сокольничьей наукѣ

XVII.

Не даромъ говорятъ старые люди, что коли Господь Богъ взыщетъ кого-нибудь счастьемъ, такъ счастье того человѣка и въ лѣсной трущобѣ, подъ колодой найдетъ. Такъ случилось и съ Ла̀рюшкой. Приглянулся онъ съ перваго раза царю Алексѣю Михайловичу, который не могъ забыть ни о своей вспышкѣ, ни о твердости молодого холмогора. Когда, на другой день, Матюшкинъ передалъ царю челобитную холмогорскихъ посадскихъ людей и крестьянъ, привезенную Ла̀рюшкой, а при этомъ и всѣ справки и выписки, добытыя изъ Новгородскаго приказа, царь сказалъ прямо:

— Ну, коли этотъ самый Ларька Омельяновъ челобитную привезъ, да тебѣ по ней отвѣтъ держалъ—значитъ правда. Этотъ не станетъ кривить душей!

И тотчасъ положилъ царь на той челобитной свое суровое рѣшеніе: залишнихъ уловныхъ птицъ—сорокъ четыре сокола и кречета—зачесть холмогорамъ за нынѣшній годъ и больше съ нихъ «ни пера» до будущаго года не взыскивать. Уплатить за ту птицу всѣ деньги сполна изъ царской казны, да сверхъ того, съ воеводы взыскать всѣ деньги, которыя онъ за ту птицу получилъ изъ сборовъ таможеннаго и кружечнаго двора.

Но и послѣ этого великій государь не забывалъ Ла̀рюшки, не обходилъ его своею милостью. Каждый разъ, когда царю случалось бывать на Потѣшномъ дворѣ онъ справлялся о Ла̀рюшкѣ у

Матюшкина, у Хомякова, у Табалина—и отъ всѣхъ слышалъ о немъ похвальные отзывы.

Вѣроятно на этомъ основаніи, царь сказалъ, чтобы любимый кречетъ его «Холмогоръ» былъ отданъ на руки Ларюшкѣ.

— Отдай моего «Холмогора» на руки Ларькѣ Омельянову,— сказалъ царь Матюшкину,—они земляки, и другъ друга не выдадутъ.

Видя такую явную милость къ молодому сокольнику, смѣтливый Пареентій Яковлевичъ, взявъ къ себѣ Ларюшку, налегъ на него, да года въ два и выучилъ его всякой сокольничей премудрости. Такъ твердо выучилъ, что тотъ сталъ у него постоянно подъ рукой ходить, и въ умѣньи вынашивать птицъ сравнялся съ первыми въ числѣ рядовыхъ сокольниковъ, которые жили на дворѣ лѣтъ по семи и болѣе. Твердо помнилъ Ларюшка завѣтъ отца:— «смотри, не проспи счастья—проспишь, не воротится». И онъ бился изо всѣхъ силъ, чтобы счастье въ рукахъ удержать; не досыпалъ и не доѣдалъ—убивался надъ дѣломъ, и «служилъ и работалъ вѣрою и правдою», какъ требуетъ того «Урядникъ сокольничаго пути» отъ каждаго сокольника. Табалинъ на него нарадоваться не могъ не могъ имъ нахвалиться; Хомяковъ—выставлялъ его въ образецъ другимъ рядовымъ сокольникамъ; а Матюшкинъ—приказывалъ давать ему на руки всѣхъ лучшихъ птицъ, потому что вѣрилъ въ его умѣнье съ ними обращаться, вѣрилъ въ его счастье и въ «легкую руку». Къ тому же и кречетъ «Холмогоръ» вышелъ просто диковинный. Всѣхъ царскихъ кречетовъ загонялъ—лучше всѣхъ добывать сталъ. Да что за сила, что за полетъ! И при томъ повадливый, умный, «вѣжливый»:—не то что голоса Ларюшки слушался, а всякій свистъ его понималъ, всякій знакъ, всякое слово... Только, только, что самъ не говорилъ по-человѣчьи!.. Сталъ тотъ кречетъ царю Алексѣю Михайловичу всѣхъ его ловчихъ птицъ милѣе; сталъ имъ однимъ царь тѣшиться, и какъ выѣдетъ въ поле, такъ на него одного и любуется. И повелѣлъ великій государь, чтобы сокольникъ Ларька Омельяновъ на всѣхъ царскихъ охотахъ ѣздилъ въ первой статьѣ, за спиной у Табалина—подъ рукой его, государевой.

Случилось однажды, какъ пошелъ третій годъ службы Ларюшки на Потѣшномъ дворѣ, что назначилъ царь великую охоту соколиную въ селѣ Коломенскомъ и приказалъ звать на ту птичью потѣху и польскихъ пословъ, и крещеныхъ царевичей и всѣхъ ближнихъ бояръ и окольничихъ.

Въ день, назначенный для этой потѣхи, погода была чудесная. Въ тотъ годъ бабье лѣто стояло такое, какого давно не бывало въ Москвѣ. Ясные, солнечные дни, съ совершенно-безоблачнымъ небомъ и удивительно-прозрачнымъ воздухомъ, тишина и свѣжесть,

и яркія, разнообразныя, пестрыя краски, которыми покрывалась трава на лугахъ и жнивье на поляхъ, и листва на опушкѣ лѣса— все манило кречатника въ отъѣзжее поле и сулило ему такую охоту, о которой онъ могъ только мечтать въ иное время года.

Поблекшая зелень еще серебрилась отъ холоднаго сентябрьскаго утренника, а рѣчки и болота были еще подернуты легкою дымкою утренняго тумана, когда затрубили рога на Коломенскомъ Потѣшномъ дворѣ и царская соколиная охота стала высыпать изъ воротъ въ поле и выстраиваться по статьямъ и по наряду. Было тутъ на что посмотрѣть, было чѣмъ полюбоваться! Поистинѣ— «красною и славною» была эта птичья потѣха государева! Сто человѣкъ сокольниковъ, въ красныхъ и зеленыхъ суконныхъ кафтанахъ, обшитыхъ золотымъ позументомъ, въ синихъ и желтыхъ кафтанахъ, обшитыхъ серебряннымъ, въ высокихъ островерхихъ шапкахъ, въ цвѣтныхъ кожанныхъ рукавицахъ съ раструбами за локоть—въ строгомъ порядкѣ выходили и выѣзжали изъ воротъ Потѣшнаго двора и занимали около своихъ начальныхъ тѣ мѣста, которыя должны были сохранять и въ отъѣзжемъ полѣ. Въ каждой статьѣ, около начальнаго сокольника, стояли по четверо пбдатней (или подручныхъ сокольниковъ), которые держали четырехъ лучшихъ птицъ: кречета и кречатьяго челига, сокола и сокольяго челига. Эти четверо поддатней, какъ и самъ начальный сокольникъ, были всѣ на коняхъ. Остальные сокольники въ каждой статьѣ шли пѣшіе, держа птицъ на рукахъ.

По случаю торжественной потѣхи, не одни сокольники, а и птицы были принаряжены въ большой нарядъ. У всѣхъ были на глаза надвинуты клобучки изъ червчатаго бархата, на ногахъ были обносцы изъ тесьмы, волоченной серебромъ и золотомъ. Изъ той же тесьмы были и должики, которыми птица была привязана къ кольцу на сокольничьей перевязи. Серебряные колокольцы были приколоты къ среднимъ хвостовымъ перьямъ птицъ. Еще богаче были наряжены царскіе любимцы—Салтанъ, Адаръ, Муратъ и Холмогоръ. Клобучки на нихъ были низаны жемчугомъ съ изумрудными искрами; крупными бурмицкими зернами были усажены на нихъ и обносцы, подбитые бархатомъ, а на мѣсто должиковъ были къ ихъ ногамъ прикрѣплены золотыя цѣпочки съ бляхами тонкаго сканнаго дѣла.

Когда всѣ сокольники выстроились и ихъ обошелъ Хомяковъ, оглядывая каждаго съ головы до ногъ и подробно осматривая птицу— къ Матюшкину былъ посланъ сокольникъ съ докладомъ, что вся «красная и славная государева птичья потѣха въ сборѣ и ждетъ его, сокольничьяго».

Четверть часа спустя, изъ боковыхъ воротъ дворца выѣхалъ Матюшкинъ, на своемъ любимомъ игреневомъ иноходцѣ, и мелкой перевалистой рысцой подъѣхалъ къ сокольникамъ; Матюшкинъ,

точно также какъ и Хомяковъ, и всѣ начальные сокольники, былъ въ большомъ сокольничьемъ нарядѣ, въ высокой шапкѣ подпушенной горностаемъ, въ рукавицахъ расшитыхъ по сафьяну золотомъ, «притчами»; шелковый убрусъ, украшенный пестрымъ узоромъ, висѣлъ у него черезъ плечо. Двое слугъ везли позади его баулы съ серебрянымъ золоченымъ блюдомъ и съ серебрянымъ рукомойникомъ.

Поздоровавшись съ сокольниками, Матюшкинъ, точно также какъ и Хомяковъ, объѣхалъ всѣ статьи сокольниковъ. Онъ твердо помнилъ наставленіе «Урядника сокольничаго пути», по которому слѣдовало прежде выѣзда въ поле, озаботиться, «о славочестіи, устроеніи, уряженіи сокольничьяго чина начальныхъ людей и птицъ ихъ и рядовыхъ по чину же», а потомъ на полѣ «утѣшаться и наслаждаться сердечнымъ утѣшеніемъ». Матюшкинъ однакожъ неудовольствовался исполненіемъ этого наставленія «Урядника»;— осмотрѣвъ птицъ, онъ поѣхалъ съ Хомяковымъ взглянуть на обозъ, который долженъ былъ выступить изъ Потѣшнаго двора вслѣдъ за охотой, съ богатѣйшимъ походнымъ шатромъ для государя, съ необходимымъ запасомъ для птицъ и для самихъ сокольниковъ.

— Ну, теперь, кажется все въ порядкѣ, Петръ Семеновичъ?— сказалъ Матюшкинъ Хомякову.—Можно вамъ и въ путь двигаться. Поѣзжайте прямо къ Майкову болотцу, оставьте его вправо, поднимитесь на полянку, что надъ Томиловымъ логомъ, по-надъ рѣчкой-то, тамъ и обождите... А я поѣду доложу государю, что ждетъ его на полѣ красная и славная птичья потѣха, уряжена и устроена по чести и чину.

Когда вся охота была на мѣстѣ, и въ сторонѣ, на возвышенной полянкѣ былъ разбитъ шатеръ государя, Хомяковъ послалъ загонщиковъ въ стороны и велѣлъ имъ расположиться въ кустахъ, чтобы по первому знаку начать поискъ дичи въ ближайшихъ частяхъ обширнаго Томилова лога и по густо заросшимъ прибрежьямъ рѣчки, которая по немъ извивалась. Вскорѣ послѣ того вдали, на дорогѣ, изъ-за рощи показалась голова царскаго поѣзда—съ полсотни боярскихъ дѣтей съ пищалями и копьями, на бойкихъ гнѣдыхъ и кораковыхъ коняхъ въ наборной сбруѣ, которая ярко горѣла на солнцѣ. За боярскими дѣтьми ѣхали стольники и стряпчіе въ цвѣтныхъ кафтанахъ и бархатныхъ шапкахъ, опушенныхъ соболями, а за ними конюшій бояринъ съ ясельничимъ и ловчій московскій съ своею свитою. Средину поѣзда занималъ самъ великій государь, ѣхавшій на превосходномъ персидскомъ аргамакѣ, бѣломъ, какъ снѣгъ. Весь уборъ царскаго коня горѣлъ золотомъ на солнцѣ и былъ разукрашенъ изумрудами и яхонтами; тяжелая жемчужная кисть болталась подъ шеей коня, вмѣсто науза; грива, заплетенная въ мелкія косички, была прикрыта жемчужною сѣткою. Богатѣйшій бархатный чалдаръ, расшитый золотыми мудре-

ными восточными узорами, прикрывалъ коня почти по колѣно, а поверхъ его еще былъ положенъ яркій покровецъ, расшитый шелками и замѣнявшій собою чапракъ подъ сѣдломъ, сплошь усаженнымъ по высокой лукѣ крупной бирюзой, въ перемежку съ каралами, сердоликами и лалами.

На государѣ было полевое платье, сокольничьяго покроя и такая же островерхая шапка съ горностаевой подпушкой, и также надѣта «изкривя», какъ и у всѣхъ сокольниковъ. Но поверхъ этого платья былъ надѣтъ еще верхній кафтанъ съ широкими рукавами, аксамитный, брусничнаго цвѣта, а по немъ «травы и коруны золото съ серебромъ затканы». О-бокъ государя ѣхали съ одной стороны два крещеныхъ царевича, въ богатой татарской одеждѣ на вороныхъ коняхъ, съ луками за спиной и драгоцѣнными саадаками у лѣваго бедра. По другую сторону ѣхали постоянные спутники царя на соколиной охотѣ—бояринъ Морозовъ и князь Григорій Ромодановскій,—оба въ сокольничьихъ островерхихъ шапкахъ, въ кафтанахъ изъ золотого виницейскаго бархата съ высокимъ козыремъ, сплошь зашитымъ узорами изъ крупнаго скатнаго жемчуга. Позади государя ѣхала верхами вся свита изъ ближнихъ бояръ и окольничихъ, а среди ея и двое польскихъ пословъ, въ богатыхъ бархатныхъ контушахъ и яркихъ магеркахъ. На хвостѣ поѣзда слѣдовали, опять въ видѣ почетной стражи, боярскіе дѣти съ пищалями и копьями и съ полсотни всякой царской челяди и служни, съ возами разной снѣди и различными напитками.

Подъѣзжая къ полю, Матюшкинъ отдѣлился отъ свиты, заскакалъ къ строю своихъ сокольниковъ и приказалъ всѣмъ коннымъ спѣшиться, а слугамъ держать лошадей въ поводу. Потомъ онъ спѣшился и самъ, и выжидалъ приближенія великаго государя.

Когда царь подъѣхалъ къ шатру, разбитому на полянкѣ, вся его свита осталась у шатра, и къ строю сокольниковъ подъѣхали вслѣдъ за государемъ только Морозовъ, Ромодановскій и двое царевичей съ двоими послами, приглашенные въ видѣ почетныхъ гостей на царскую охоту.

Какъ только государь приблизился къ сокольникамъ, всѣ поснимали шапки и на привѣтствіе государя отвѣчали дружными и громкими кликами. Затѣмъ подошелъ къ государю съ низкимъ поклономъ сокольничій и, поклонившись ему въ поясъ, спросилъ:

— Время ли, государь, образцу и чину быть?

И государь молвилъ:

— Время, объявляй образецъ и чинъ.

Тогда Матюшкинъ, отступя отъ государя и поопрявясь «добролично и добровидно», кликнулъ подсокольничаго и молвилъ ему ясно и громогласно:

— Подсокольничій! Время начати славную и красную потѣху государеву; вели начальнымъ изготовиться.

— Начальные! — лихо скомандовалъ Хомяковъ, — время напускать и добывать. Будьте готовы по первому слову государеву.

Затѣмъ сокольничій, обращаясь къ Хомякову, произнесъ:

— Подсокольничій! Подай великаго государя рукавицу нарядную.

Хомяковъ съ поклономъ поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ рукавицу государеву, которую, вмѣстѣ съ блюдомъ принялъ отъ него Матюшкинъ и, низко кланяясь, поднесъ государю.

Государь вздѣлъ рукавицу «тихо и стройно», между тѣмъ какъ конюшій и ясельничій держали подъ уздцы его аргамака.

— Первый начальный, Пареентій Табалинъ! Прими у Ларьки кречета «Холмогора» и поднеси ко мнѣ,—крикнулъ Хомяковъ.

И когда кречетъ былъ поданъ, подсокольничій, прежде чѣмъ принять его, перекрестился, взялъ его отъ начальнаго, съ рукавицы на рукавицу, «премудровато и образцовато», и передалъ его Матюшкину, который сталъ близь великаго государя и держалъ кречета «честно, явно, предъявительно къ видѣнію человѣческому и ко красотѣ кречатьей».

Государь принялъ кречета отъ Матюшкина тѣмъ же порядкомъ, и когда принялъ—заиграли трубы, забили и зазвенѣли бубны сокольничьи, сокольники мигомъ вскочили на коней и двинулись вслѣдъ за государемъ и его приближенными. Началась «славная и красная птичья потѣха государева».

XVIII.

Уже завечерѣло и раннія сентябрьскія сумерки стали спускаться надъ Томиловымъ логомъ, когда великій государь вернулся со своею свитою и со всею своею охотою къ шатру, раскинутому на полянкѣ. За государемъ везли богатую добычу: десятка три чирятъ и утокъ, десятокъ гусей, 3 лебедя, 2 гагары и цаплю. Послѣднія три птицы были добыты «Холмогоромъ», который всѣхъ изумилъ быстротою полета, вѣрностью глаза и необычайною силою удара. Царь Алексѣй Михайловичъ находился въ томъ блаженномъ состояніи, которое знакомо только страстнымъ охотникамъ: онъ былъ совершенно удовлетворенъ, онъ былъ счастливъ и доволенъ всѣми, онъ былъ всѣмъ признателенъ и благодаренъ, онъ гордился своею охотою, которая, дѣйствительно, выказала себя блистательно.

Во время всего пути, царь почти неумолкая говорилъ, то съ Морозовымъ, то съ Ромодановскимъ, вспоминая различные эпизоды охоты и сравнивалъ силу и рѣзвость одной птицы съ другою. Подъѣхавъ къ шатру и спѣшившись, государь вошелъ въ шатеръ и, съ видимымъ удовольствіемъ опустившись въ кресла, продолжалъ окружающимъ разсказывать объ охотѣ, хвалился богатою добычею своихъ ловчихъ птицъ и вспоминалъ о томъ, что̀ его особенно поразило.

— Помнишь, князь Григорій Өедоровичъ, какъ кречетъ дикомытъ Булатъ, что Андрюшка Кельинъ держитъ, дикаго коршака поутру добывалъ?

— Какъ не помнить, государь! Подивился я не мало: большого верха ему и взять не далъ, въ среднемъ верху его добылъ и добывалъ добрѣ добро.

— А другой-то кречетъ, сибирскій, Михѣевой статьи,—припоминалъ царь,—въ какомъ великомъ верху добывалъ, мало его и видѣть было, а добрѣ ходко напускъ велъ; ставокъ съ 20 сдѣлалъ и ни въ одной ставкѣ даромъ не проѣхалъ! Разбилъ розно...

— Ну, а все же, великій государь!—вступился Морозовъ, зная, чѣмъ угодить царю,—все же всѣ твои кречеты противъ твоего любимаго кречета «Холмогора» мѣрой не вышли...

— Да! Точно! Вѣрно ты говоришь, Борисъ Ивановичъ! Какъ онъ сегодня-то цаплю добывалъ, князья и бояре,—оживленно и весело обратился царь къ окружающей свитѣ, не принимавшей участія въ охотѣ,—такъ у меня даже духъ захватило! Всѣ за нимъ скачемъ, всѣ вверхъ смотримъ, и забыли даже, куда скачемъ! Кабы моего аргамака ты не ухватилъ подъ уздцы, Аөанасій Ивановичъ, я бы съ кручи въ рѣку сверзился! Да вѣдь какъ же и добывалъ-то онъ: ставокъ было съ 70, а добывалъ добрѣ опасно и памятно, и ставки велъ крутыя.

— Кабы не круты были ставки, великій государь,—замѣтилъ Матюшкинъ,—не сдобровать бы «Холмогору». Вѣдь съ цаплей плохія шутки!.. Изволишь помнить, какъ въ запрошломъ году твой любимый кречетъ на цаплю напоролся?..

— Какъ не помнить? Ткнулся грудью о клювъ ея съ размаха, да на землю и рухнулъ мертвый... А гдѣ же тотъ молодецъ, что «Холмогора»носитъ? Позвать его сюда... Хочу ему сказать спасибо. Я думалъ, что его и костей не соберутъ! Какъ осадили мы на кручѣ—смотримъ: онъ прямо въ рѣку и съ конемъ махнулъ, вплавь переплылъ, да и пошелъ чесать за кречетомъ!..

— Кабы не онъ, такъ кречетъ съ цаплей бы упалъ невѣдомо куда! Ужъ точно молодецъ!—замѣтилъ Ромодановскій.

Какъ разъ въ это время Хомяковъ вошелъ въ шатеръ, а за нимъ слѣдомъ и Ла̀рюшка съ «Холмогоромъ» на рукавицѣ. И кречатникъ, и кречетъ—герои дня—обратили на себя общее вниманіе. Всѣ замѣтили, что и охотникъ, и птица были страшно утомлены. На Ла̀рюшкѣ и кафтанъ былъ порванъ и забрызганъ грязью; а его русыя кудри мокрыми прядями липли ко лбу и къ щекамъ, по которымъ обильно струился потъ крупными каплями.

— Ла̀рька Омельяновъ!—ласково и съ веселою улыбкою произнесъ царь, обращаясь къ кречатнику,—ты насъ, великаго государя, сегодня своею усердною службою утѣшилъ, и мы, великій государь, приказали тебя пожаловать платьемъ и прибавкою къ

денежному жалованью. А чтобы всѣмъ была памятна безмѣрно славная и хвальная кречатья добыча кречета «Холмогора», то мы и его не обойдемъ своею милостью. Аѳанасій Ивановичъ! Вотъ тебѣ съ моей руки рубиновый перстень — возьми его и прикажи надѣть «Холмогору» на правую лапу и носить ему тотъ перстень не снимая. — И царь подалъ Матюшкину драгоцѣнный свой перстень съ крупнымъ рубиномъ, присланнымъ въ подарокъ отъ шаха Персидскаго.

Ла̀рюшка, за себя и за «Холмогора», ударилъ государю земной поклонъ и вышелъ изъ шатра.

— Спасибо и тебѣ, братъ!—обратился государь къ Матюшкину.— Вижу, что ты заботишься о чести и повышеніи нашей государевой птичьей охоты. Спасибо и тебѣ, Петръ Семеновичъ, и всѣмъ начальнымъ и рядовымъ сокольникамъ—тоже отъ меня скажите; да угостить ихъ на славу! А теперь, Борисъ Ивановичъ, пора и къ дому подвигаться; да проси же всѣхъ, кто на охотѣ былъ со мною, за нами во дворецъ, къ столу нашему государскому.

И царь, привѣтливо улыбаясь и кланяясь на обѣ стороны, вышелъ изъ шатра на полянку, гдѣ уже ожидала его колымага, присланная изъ села Коломенскаго.

XIX.

Съ этого дня положеніе Ла̀рюшки на Потѣшномъ дворѣ упрочилось настолько, что Пароентій Яковлевичъ безъ него не дѣлалъ ни шагу, и прямо говорилъ ему:

— Ну, Омельяновъ, какъ помирать буду, на тебя указывать стану, чтобы тебя въ начальные на мое мѣсто подняли. Ты нашу науку въ конецъ произошелъ—не хуже меня разумѣешь.

Такъ минулъ и еще годъ — какъ вдругъ нежданно-негаданно на Ла̀рюшку стряслась бѣда. На одной изъ первыхъ весеннихъ охотъ, въ то время, когда кречатники въ Тверскихъ поляхъ подъ Москвою разминали птицъ, нѣсколько отяжелѣвшихъ отъ зимняго сидѣнья,—вдругъ поднялся сильный вихрь. Ла̀рюшка, который только-что спустилъ «Холмогора» на стадо дикихъ голубей—съ ужасомъ увидѣлъ, какъ его подхватило вихремъ, откинуло въ бокъ и низомъ понесло на Владимірку. Напрасно трубилъ и свистѣлъ онъ кречету, напрасно ва̀билъ его—свистъ вѣтра заглушалъ эти звуки; напрасно мчался онъ за нимъ, какъ угорѣлый, перескакивая черезъ рытвины, черезъ пни и кочки—«Холмогора», на глазахъ у него, унесло вихремъ за лѣсъ, который сплошною стѣною сталъ кречатнику поперекъ дороги.

Часъ спустя, весь Потѣшный дворъ былъ на ногахъ, во всѣ стороны разосланы были гонцы и сокольники; а Ла̀рюшка, по приказу Хомякова, былъ запертъ на замокъ въ темномъ чуланѣ.

— Жаль мнѣ парня-то!—говорилъ Хомяковъ совершенно растерявшемуся Табалину;—вô-какъ жаль его! Коли часа черезъ два не найдется кречетъ—Аѳанасій Ивановичъ къ государю поѣдетъ: доложить ему нужно о нашей бѣдѣ!

— Бѣда да не одна, Петръ Семеновичъ! Вѣдь у кречета на лапѣ-то перстень царскій съ камнемъ многоцѣннымъ! Ты самъ посуди; кто бы ни нашелъ птицу—ни въ жисть ее не воротитъ. Ей свернетъ голову, а перстень-то за пазуху!.. Вотъ бѣда-то!

— Я о перстнѣ и думать забылъ!—съ досадою сказалъ Хомяковъ.—Да великому-то государю тотъ кречетъ перстня дороже:—а за кречета, знаю, что не похвалитъ онъ насъ! Всѣмъ достанется—и Ларькѣ не сдобровать!

— Да за что же, батюшка Петръ Семеновичъ! Вѣдь вихремъ отнесло; всѣ мы видѣли... Въ прошломъ году вонъ и съ самимъ государемъ тоже на охотѣ было: Михѣева «Дураса» при немъ вѣтромъ откинуло. Только ужъ три недѣли спустя сысканъ да принесенъ былъ.

— Да то «Дурасъ»; а то «Холмогоръ»!.. За «Дураса» посулилъ государь Михѣева батожьемъ угостить, да на посулѣ и осталось. А за «Холмогора» онъ, подъ сердитую руку—пожалуй Ларьку на соболиную ловлю отправитъ?

— Охъ, грѣхи тяжкіе!—сокрушался Табалинъ, жалѣя о своемъ любимцѣ.

Лàрюшка провелъ въ чуланѣ тяжелую, безсонную ночь. Когда ему удавалось задремать на нѣсколько минутъ, ему грезились такіе страхи, что онъ, просыпаясь, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Особенно заботило его то, что пропалъ его дорогой «Холмогоръ» вмѣстѣ съ царскимъ жалованнымъ перстнемъ, и что могли найтись недобрые люди, которые бы на тотъ перстень покорыствовались, и загубили бы кречета, чтобы слѣдъ замести... И чуть только закрывалъ Лàрюшка очи, ему тотчасъ представлялось, что передъ нимъ стоитъ Двинскій воевода и свертываетъ голову «Холмогору», приговаривая: «вотъ тебѣ и царскій кречетъ! Вотъ тебѣ и челобитная!» И воевода заливался такимъ хохотомъ, что тряслась и ходенемъ ходила вся его утроба.

Наконецъ, рано утромъ, открыли дневальные сокольники чуланъ, вывели оттуда Лàрюшку и повели въ переднюю избу, гдѣ уже ожидали его Матюшкинъ съ Хомяковымъ и съ начальными.

Лàрюшка повалился въ ноги сокольничему, и такъ былъ взволнованъ, что не могъ выговорить ни слова—только слезы градомъ полились у него изъ глазъ.

Матюшкинъ тоже былъ видимо тронутъ, хоть и старался казаться гнѣвнымъ и строгимъ.

— Рядовой сокольникъ Ларька Омельяновъ!—произнесъ онъ

громко.—Докладывалъ я вчера великому государю о нашемъ нежданномъ горѣ, и распалился государь на меня великимъ гнѣвомъ, и велѣлъ тебѣ сказать:—если въ двѣ недѣли не отыщешь ты его любимаго кречета и не доставишь его на Потѣшный дворъ здрава и невредима, то велитъ онъ тебя батожьемъ наказать нещадно и отправитъ обратно на родину, въ городъ Холмогоры. Если же отыщешь, не оставитъ онъ тебя своею милостью, и наградитъ тебя такъ, что ты и не чаешь.

Ла̀рюшка еще разъ поклонился въ ноги Матюшкину и сказалъ твердо:

— Господинъ сокольничій!—Коли не сыщу я своего ненагляднаго «Холмогора» — не видать мнѣ болѣе твоихъ очей ясныхъ! Однако, надѣюсь на милость Божію...

И онъ не могъ докончить—опять заплакалъ.

— Мужайся! Да живѣй сбирайся въ путь! Не трать времени попустому. — Петръ Семеновичъ! Прикажи Ботвиньеву выдать Ларькѣ охранную грамоту—да пусть возьметъ съ собою коня и запасъ на дорогу.—Съ Богомъ!

Ла̀рюшка еще разъ низёхонько поклонился Матюшкину и вышелъ изъ избы, собираться въ дорогу. А Матюшкинъ досадливо махнулъ рукой и сказалъ Хомякову:

— Вѣдь вотъ поди же ты! Стряслась бѣда на самолучшаго сокольника! И вѣдь я его знаю: онъ въ словѣ твердъ... Не найдетъ онъ кречета,—головы на плечахъ не сноситъ! Жаль парня, коли пропадетъ задаромъ... А я было мѣтилъ его ноньче въ старшіе рядовые вывести... Видно, не судьба? А все-таки жаль помо̀ра!

XX.

Верстахъ въ полутораста отъ Москвы, въ сторонѣ отъ Владимірской дороги, стояло сельцо Терехово и жилъ въ немъ на помѣстьѣ боярскій сынъ Иванъ Өедоровичъ Крюкъ-Колычевъ! Человѣкъ онъ былъ ужъ старый и на вѣку своемъ много поту за Русскую землю утёръ, много «кровей» своихъ на службѣ царской пролилъ. При покойномъ царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ ходилъ онъ на шведовъ, и на ляха, бился и съ татарами и съ Лисовчиками; а теперь, когда за него на службу поверстаны были его два старшіе сына, Иванъ Өедоровичъ доживалъ вѣкъ въ небольшомъ своемъ помѣстьицѣ и занимался хозяйствомъ.

Жилъ онъ и не шибко да сытно. Не было у него никакихъ залишковъ, да за то и нужды ни въ чемъ не было, и никому изъ сосѣдей не приходилось кланяться. Мало того: была у Ивана Өедоровича въ усадьбѣ, въ сторонкѣ отъ сада, па̀сѣчка на хохлацкій образецъ устроена и въ той па̀сѣчкѣ бывало у него ульевъ съ полсотни и больше; и всѣ сосѣди той па̀сѣчкѣ завидовали.—«Никто

не умѣетъ такъ за пчелами ходить какъ «Старый Крюкъ»,—говаривали сосѣди.—«У другихъ улья пусты, а къ нему рой за роемъ такъ и валится! Да никто же и медовъ такихъ варить не умѣетъ, какъ Иванъ Ѳедоровичъ!» И точно: умѣлъ онъ ихъ варить, умѣлъ ставить, и раза два въ годъ онъ угощалъ ими на славу все свое сосѣдство, всѣхъ, съ кѣмъ водилъ знакомство и дружбу.

Въ усадьбѣ у «Стараго Крюка» была и еще одна забава, которой завидовали сосѣдніе помѣщики:—среди двора стояла у него голубятня и на той голубятнѣ не переводились всякіе голуби: и турманà, и мохноногіе, и козыри, и какъ снѣгъ бѣлые, и разномастные. День-деньской бывало воркуютъ да суетятся, да съ крыши на крышу перелетываютъ. Любуется, бывало, ими Иванъ Ѳедоровичъ, сидя на крылечкѣ, посвистываетъ на нихъ, помахивая длинной хворостиной съ тряпкою, чтобы ихъ летать заставить и не нарадуется, когда они туча-тучей надъ домомъ поднимутся и кружатъ въ воздухѣ, блестя на солнцѣ крыльями...

И все бы казалось, не дурно: да была на рукахъ у Ивана Ѳедоровича одна тяжелая, претяжелая забота. Покойная жена его, кромѣ двухъ сыновей, родила ему дочку, да вскорѣ потомъ заболѣла и умерла. Остался Иванъ Ѳедоровичъ старымъ вдовцомъ съ маленькой дочкой на рукахъ; вспоилъ, вскормилъ, воспиталъ ее—и выросла дѣвица красавица. Да вѣдь ужъ кто же того не знаетъ, что дочь отцу «въ старости не опора и въ напасти не оборона...» Вотъ потому-то и сокрушался Иванъ Ѳедоровичъ о своей Пашутѣ. Дѣвушка на возростѣ (съ вешняго Николы двадцатый годъ пошелъ), а жениховъ во всемъ околоткѣ не сыскать:—кто бы и посватался за нее, за того она сама не пойдетъ, а кто получше тѣхъ, тѣ смотрятъ какъ бы взять за себя не жену добрую, а приданое богатое... Вотъ и сидитъ, и горюетъ частенько Иванъ Ѳедоровичъ, и не знаетъ какъ ему быть со своей заботой: шутка ли на старости усмотрѣть за молодой дѣвушкой, уберечь ее отъ всякой напасти, да еще и о томъ подумать какъ бы ее позабавить, порадовать—уму-разуму ее научить?

Такъ-то разъ сидѣлъ вечеромъ на своемъ крылечкѣ Иванъ Ѳедоровичъ, да посматривалъ на свою голубятню, между тѣмъ какъ Пашута въ сторонѣ, съ двумя крестьянскими бабами, доила коровъ подъ навѣсомъ и молоко процѣживала. Голуби кружились надъ дворомъ и перелетывали съ крыши на крышу.

Вдругъ случилось что-то странное, совсѣмъ необычайное и невиданное! Голуби, однимъ мàхомъ, взмыли всею стаею въ сторону, и пугливо бросились подъ крыши, подъ навѣсы, подъ кровельку крылечка... Въ ту же минуту на крышу голубятни тяжело шлепнулся, распластавъ крылья, бѣлый мохноногій голубь, съ перебитымъ крыломъ и окровавленной шеей; онъ еще трепеталъ и помахивалъ однимъ крылышкомъ, но ужъ не могъ поднять головы.

Иванъ Θедоровичъ вскочилъ разомъ на ноги, глянулъ вверхъ въ изумленіи и видитъ, что на крышу голубятни, плавно и мѣрно взмахивая крыльями, спускается какая-то большая птица... Спускается,—и, на-лету, ровно въ колокольчикъ серебряный звёнитъ... Иванъ Θедоровичъ глазамъ не вѣритъ—прислушивается и присматривается; а птица все также плавно спускается прямо на голубятню. Спустилась, сѣла на побитаго голубя и принялась его свѣжевать.

Тутъ ужъ Иванъ Θедоровичъ не вытерпѣлъ—закричалъ во весь голосъ:

— Пашута, Пашута! Ступай сюда скорѣй—смотри, что это за птица невиданная! Ни вѣсть отколь налетѣла—рветъ на крышѣ голубя!..

А самъ ужъ и за камень ухватился—хочетъ непрошеннаго гостя камнемъ попотчивать. Да подбѣжала Пашута съ бабами—и съ двухъ сторонъ Ивана Θедоровича ухватили за руки.

— Батюшка! не тронь этой диковинной птицы—глянько, глянь, что у ней подъ крыломъ то блеститъ!

— Гдѣ блеститъ! что вы, бабы, путаете?

— Да вонъ же, вонъ! Подъ правымъ крыломъ словно красный огонекъ, либо уголь горитъ!

«Старый Крюкъ» сталъ всматриваться, и видитъ—точно! Пониже крыла, на лапѣ у птицы горитъ что-то, и на солнцѣ огнемъ краснымъ переливается, искрами сыплетъ... Обомлѣлъ Иванъ Θедоровичъ не меньше бабъ; то на птицу посмотритъ, то на Пашуту свою. А бабы-то крестятся, да про себя твердятъ:

— Съ нами крестная сила! Пронеси навожденіе, Господи? Еще птица-то крышу бы не спалила!

И между тѣмъ, какъ бабы, Пашута и Иванъ Θедоровичъ смотрятъ съ крылечка на диковинную птицу, та преспокойно продолжаетъ свѣжевать голубя—свѣжуетъ его не торопясь, не обращая на людей ни малѣйшаго вниманія, и величаво поводя по сторонамъ своими большими зоркими очами. Наконецъ, Иванъ Θедоровичъ, глядѣлъ, глядѣлъ на птицу да и плюнулъ.

— Дуракъ я, дуракъ! Чего я всполошился, да и васъ-то всѣхъ напугалъ! Да вѣдь это соколъ, либо кречетъ! Залетѣлъ сюда ненарокомъ—отъ чьей нибудь боярской охоты отбился!

— Чтой-то ты, батюшка Иванъ Θедоровичъ, вздумалъ?—отозвалась одна изъ бабъ.—Какой же это соколъ—это, смотри, не жаръ-птица ли? Развѣ у сокола такъ подъ крыломъ можетъ горѣть?

— Охъ, не къ добру—не къ добру, батюшка!—заголосила другая баба.

Пашута пугливо прижалась къ отцу.

— Подите прочь! Еще голосить вздумали! Ну васъ! Что у него на лапѣ надѣто—не знаю; а что это соколъ—да еще ручной—такъ

это вѣрно. Видишь, Пашута, терзаетъ онъ голубя у насъ на глазахъ и ничуть насъ не боится. Ихъ вѣдь и все голубятиной кормятъ.

Покончивъ съ голубемъ, птица, которую бабы принимали за «навожденіе», почистила клювъ лапой, встрепенулась, и съ крыши голубятни перелетѣла къ слуховому окну на вышкѣ дома, сѣла на краешкѣ его, какъ на нашести, нахохлилась и стала дремать.

— Постой! Теперь ты отъ меня не уйдешь!—сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, вадѣвая на хворостину обручь съ сѣткой.—Теперь я тебя изловлю, и коли явится ко мнѣ твой хозяинъ, я тебя безъ выкупа не выпущу.

И «Старый Крюкъ» полѣзъ на крышу, загородилъ сѣткой слуховое окно, и спустившись обратно, шепнулъ Пашутѣ:

— Что они врутъ, дуры-бабы,—не къ добру? Знать позабыли, что въ свадебныхъ пѣсняхъ, въ дѣвичникъ, поется:

«Прилеталъ младъ ясёнъ соколъ,
«Садился къ дѣвицѣ на причилинку,
«На косящато на окошечко».

— Ну, да! такъ и есть!—смѣясь, отозвалась Пашута,—тебѣ, батюшка, всюду женихи мои грезятся!

XXI.

Бываетъ и сонъ въ руку, и примѣта кстати. Не прошло и сутокъ съ той поры, какъ «Старый Крюкъ» захлопнулъ у себя на вышкѣ диковинную птицу съ серебрянымъ колокольцемъ на хвостѣ и съ дорогимъ перстнемъ на лапѣ, какъ явился въ село Терехово нежданный гость. Иванъ Ѳедоровичъ ворочался съ поля, сидя верхомъ на своемъ «Гнѣдкѣ», впряженномъ въ соху, а за нимъ ѣхали трое его батраковъ на другихъ лошадяхъ съ другими сохами—и видитъ, что съ другой стороны подъѣзжаетъ къ воротамъ его усадьбы какой-то конный. Подъѣхавши ближе, Иванъ Ѳедоровичъ увидѣлъ высокаго и статнаго парня, въ синемъ суконномъ кафтанѣ и островерхой кожанной шапкѣ изъ-подъ которой выбивались его густыя русыя кудри. Парень стоялъ у воротъ усадьбы, опершись о луку сѣдла, и разговаривалъ съ Пашутой.

Когда Иванъ Ѳедоровичъ подъѣхалъ къ воротамъ, парень снялъ шапку и низенько ему поклонился, а Пашута, раскраснѣвшись, подбѣжала къ отцу и скороговоркой проговорила:

— Батюшка, вотъ проѣзжій переночевать у насъ просится.— Пусти его!

А сама юркнула въ калитку и была такова.

«Старый Крюкъ» оглядѣлъ пріѣзжаго внимательно, и спросилъ его опасливо:

— Откуда будешь, добрый молодецъ? Дѣла пытаешь, аль отъ дѣла лытаешь?

— Съ Москвы ѣду—по дѣлу государеву,—отвѣчалъ парень.—Прошу, не пустишь ли меня переночевать?

— Какъ царскому слугѣ въ ночлегѣ отказать! Милости просимъ! Коли я и допрашивалъ тебя, такъ вѣдь потому, что у насъ въ сторонѣ есть довольно народу всякаго... Есть и недобрые люди... Эй! возьмите коня гостинова!

И «Старый Крюкъ» ввелъ гостя въ свой домъ.

— А какъ будетъ твое святое имячко?

— Ларіономъ зовутъ; а слыву Омельяновымъ.—А служу въ сокольникахъ государевыхъ.

Иванъ Θедоровичъ такъ и вскинулъ на него глазами, и чуть-чуть удержался, чтобы не разсказать ему о вчерашней своей удачѣ.

— Въ сокольникахъ?—переспросилъ онъ гостя.—Хм! А смѣю спросить—за какимъ же это ты дѣломъ ѣдешь?

Ларюшка посмотрѣлъ на Ивана Θедоровича и сказалъ съ грустью:

— Лучше и не спрашивай—не береди напрасно моей раны...

Иванъ Θедоровичъ только ротъ разинулъ и хотѣлъ дальше гостя допросить, какъ изъ сосѣдней комнаты дверь скрыпнула, и вошла Пашута, а за ней слѣдомъ дворовая дѣвка—принесли и поставили на столъ ужинъ.

— Вотъ и дочка моя!—Ларіонъ... какъ бишь тебя по батюшкѣ величать?

— Яковлевъ! Да ты ужъ зови меня просто Ларіономъ... Не заслужилъ я еще, чтобы меня по изотчеству величать!

— Такъ вотъ, Ларіонъ Яковлевичъ! Видишь ты, какая у меня хозяйка молодая, да недогадливая,—продолжалъ Иванъ Θедоровичъ, указывая на дочку.—Ужинать то намъ дала, а меду не принесла; а вѣдь сама знаетъ, что такихъ медовъ какъ у «Стараго Крюка», на сто верстъ въ околоткѣ нѣтъ!

Пашута, и безъ того ужъ раскраснѣвшаяся, зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ, и побѣжала въ погребъ за медомъ. Только тогда, когда она вернулась обратно съ большимъ жбаномъ ароматнаго меда и съ двумя оловянными стопками, Иванъ Θедоровичъ замѣтилъ, что дочка его была «даже очень догадлива»... Она успѣла для гостя и принарядиться, и ожерельице на шею надѣть, и ленту новую въ косу вплести.

За медомъ бесѣда пошла поскладнѣе и поровнѣе. У добраго молодца языкъ развязался и онъ подъ рядъ, безъ всякой утайки, разсказалъ Ивану Θедоровичу всю свою жизнь. Разсказалъ, какимъ великимъ счастіемъ, не по заслугамъ, взыскалъ его Богъ, и какимъ жестокимъ посѣтилъ испытаніемъ. Свой простой, чистосердечный разсказъ онъ заключилъ словами:

— Ты спрашивалъ, за какимъ дѣломъ я ѣду! Такъ вотъ те-

перь я тебѣ и скажу на чистоту: за своей головой ѣду! Коли сыщу кречета царскаго—живъ буду; не сыщу—не сношу на плечахъ головушки! Не понесу ее на позоръ, да на посмѣхъ своей же братьѣ-сокольникамъ...

— Не ладное говоришь, Ларіонъ Яковлевичъ! Наша голова намъ не игрушка! Срокъ у тебя есть—поищешь, авось и найдешь кречета...

Ларюшка ничего не сказалъ — только голову повѣсилъ... Онъ уже десять дней искалъ своего «Холмогора», ужъ полтораста верстъ отъ Москвы отъѣхалъ, вездѣ по пути о немъ разспрашивалъ, и нигдѣ о царскомъ любимомъ кречетѣ не было ни слуху, ни духу.

Иванъ Ѳедоровичъ, тѣмъ временемъ налилъ еще меду въ обѣ стопки и спросилъ у Ларюшки, плутовато прищуривъ глаза:

— Чай ты, добрый молодецъ, ничего бы не пожалѣлъ для того человѣка, кто бы тебѣ царскую птицу вернулъ? Небось отцомъ бы роднымъ его назвалъ?

— Въ кабалу бы пошелъ вѣковѣчную! Работалъ бы на него всю жизнь до смертнаго часа.

— И крестъ на своемъ словѣ поцѣлуешь? — сказалъ «Старый Крюкъ», пристально вглядываясь въ парня.

Ларюшка вдругъ вскочилъ со своего мѣста и впился глазами въ своего собесѣдника.

— Ты вѣрно знаешь, гдѣ мой «Холмогоръ!»—воскликнулъ онъ, внѣ себя отъ радости и волненія.

«Крюкъ» нахмурился и посмотрѣлъ на парня исподлобья:

— А ты вѣрно ужъ и спятиться со своего слова хочешь?

— Я-то?!. Отецъ родной! Да вотъ тебѣ Богъ свидѣтель! А вотъ тебѣ и крестъ святой цѣлую, что если ты мнѣ укажешь, гдѣ мнѣ искать царскаго кречета... если ты меня на слѣдъ наведешь... Я тебѣ на себя кабальную запись выдамъ!

И Ларюшка, вытащивъ крестъ изъ-за пазухи, набожно перекрестился и трижды его поцѣловалъ.

Иванъ Ѳедоровичъ медленно поднялся со своего мѣста, подошелъ къ двери въ смежную комнату, пріотворилъ ее и крикнулъ:

— Эй, Пашута, ступай сюда!

Пашута переступила черезъ порогъ и остановилась въ смущеніи, видя, что отецъ ея стоитъ среди комнаты, а гость около стола—и въ великомъ смущеніи.

— Ну, Ларіонъ Яковлевичъ, мнѣ съ тебя теперь кабальной записи не брать,—ты мнѣ крестъ цѣловалъ, что ее выдашь;—только ужъ такъ, для порядка, повтори еще разъ, при моей дочкѣ, въ чемъ ты мнѣ запоручаешься.

Ларюшка повторилъ все, что ужъ прежде сказалъ отъ слова до слова, — повторилъ и клятву свою, помянулъ и о крестоцѣлованіи.

— Такъ слышишь, Пашута! — Если я укажу этому молодцу, гдѣ ему искать царскаго кречета — или только на слѣдъ его наведу, такъ онъ долженъ быть въ моемъ домѣ вѣковѣчнымъ кабальнымъ работникомъ, до послѣдняго смертнаго часа! Хотя бы Богъ послалъ по мою душу грѣшную, Ларіонъ Омельяновъ долженъ будетъ у тебя кабалу нести, и на тебя весь свой вѣкъ работать...

Пашута ничего не понимала. Она поглядывала то на отца, то на русоволосаго заѣзжаго молодца, и пришла къ тому убѣжденію, что вѣрно имъ обоимъ старый стоялый медъ забрался въ голову и тамъ бродитъ-ходитъ въ ней да колобродитъ.

— Да ты что посматриваешь? Думаешь я шутки шучу? Или, можетъ, что охмѣлѣлъ отъ меду? Ну, такъ вотъ же тебѣ мой приказъ: веди добраго молодца на вышку, гдѣ у меня сидитъ пойманный кречетъ съ серебрянымъ колокольцемъ да съ драгоцѣннымъ перстнемъ.

Ларюшка, какъ услышалъ эти слова, такъ и взмолился къ Пашутѣ:

— Веди, веди меня къ нему, красная дѣвица! Спасай мою буйную головушку отъ бѣды не минучей!

XXII.

Какъ обрадовался Ларюшка, когда принялъ отъ Пашуты своего «Холмогора» цѣлымъ и не вредимымъ, когда ощупалъ на лапѣ его и завѣтный царскій перстень — объ этомъ мы и говорить не станемъ. Ларюшкѣ, казалось, что онъ, послѣ долгой ночи, впервые увидѣлъ свѣтъ, впервые свѣжимъ воздухомъ вздохнулъ... Онъ, Ларюшка, бережно снялъ «Холмогора» съ вышки, приласкалъ, покормилъ изъ своихъ рукъ, а потомъ вынулъ изъ кармана обносцы съ должикомъ, надѣлъ ихъ на лапы кречету, устроилъ ему наскоро нашесть въ комнатѣ и привязалъ его къ нашести на-крѣпко. А затѣмъ и клобучекъ ему на голову надвинулъ:—Сиди молъ здѣсь! Никуда отъ меня не уйдешь!

И тутъ только онъ вздохнулъ полною грудью—тутъ только понялъ, какой бѣды избѣгъ! И опять чуть не въ сотый разъ бросился обнимать Ивана Ѳедоровича...

Онъ чувствовалъ, онъ сознавалъ, что Иванъ Ѳедоровичъ ему жизнь спасъ; отъ позора его избавилъ — и Ларюшкѣ даже въ голову не приходило сѣтовать на «Стараго Крюка» за то, что онъ потребовалъ за свою услугу такой дорогой платы.

На другой день рано утромъ сталъ Ларюшка въ дорогу снаряжаться, и видитъ, что «Старый Крюкъ» все на него посматриваетъ, да въ бороду ухмыляется.

— Слышь-ка, ты, Ларіонъ Яковлевичъ! Должно быть ты меня за нехристя, али за бусурмана вмѣняешь?

— Какъ такъ?

— Такъ неужли же ты и вправду думаешь, что я тебя въ кабалу возьму и вѣкъ на себя работать заставлю?

Ларюшка посмотрѣлъ на него съ какимъ-то оторопѣлымъ видомъ; онъ рѣшительно ничего понять не могъ.

— И наложилъ бы я на тебя кабалу, кабы получше тебя зналъ, да зналъ бы, что тебя точно въ домъ принять можно... Да дѣло-то это... то есть, кабала-то эта не подневольная...

— Какъ не подневольная!—воскликнулъ Ларюшка.—Аль не вѣришь мнѣ? Вѣдь я же тебѣ крестъ цѣловалъ!.. Вотъ только отвезу на Москву кречета, разскажу тамъ какъ было дѣло, да и вернусь къ тебѣ...

— Да не въ тотъ огородъ ты лѣзешь!—нетерпѣливо перебилъ его «Старый Крюкъ».—Я тебѣ говорю, что не надо мнѣ твоей кабалы... А вотъ кабы зналъ я, что дочкѣ моей ты пригоденъ будешь, по смерти-то моей... Она вѣдь у меня одна забота... На кого ее-то покину, какъ умирать Богъ велитъ?!.

Ларюшка начиналъ догадываться...

— Вотъ какъ я о ней-то раздумаюсь, такъ и придетъ мнѣ въ голову... Ну, да что тутъ путать околесную!—съ досадою сказалъ Иванъ Өедоровичъ,—лучше я тебѣ напрямикъ скажу... Ты мнѣ приглянулся и сдается мнѣ, что ты добрый человѣкъ. Такъ вотъ, вмѣсто кабалы-то, какъ вернешься въ Москву, да все дѣло государское уладишь да управишь,—да если, примѣрно, задумаешь жениться... Засылай сватовъ, я за тебя дочку отдамъ, коли нѣтъ у тебя другой зазнобы...

На такую кабалу Ларюшка, конечно, согласился съ радостью.

Ударили они съ Иваномъ Өедоровичемъ по рукамъ, и сговорились, что теперь ничего Пашутѣ не скажутъ, а только по осени, послѣ осенней охоты, Ларюшка отпросится у подсокольничаго и пріѣдетъ къ Ивану Өедоровичу на побывку,—да тогда ужъ, не мѣшкая, веселымъ пиркомъ и за свадебку. И еще разъ Иванъ Өедоровичъ этотъ уговоръ съ Ларюшкой стопой меду запилъ—и когда Пашута имъ тотъ медъ съ погреба принесла, «Старый Крюкъ» все только на нее посматривалъ, да посмѣивался да на Ларюшку головой кивалъ.

Будущій тесть съ будущимъ зятемъ еще не успѣли и стопокъ своихъ допить, какъ вбѣжалъ въ комнату босоногій мальчишка и крикнулъ во все горло:

— Батюшка, Иванъ Өедоровичъ! Къ тебѣ кто-то на пяти подводахъ отъ города ѣдетъ... Человѣкъ по пять на подводѣ, да съ ружьями!..

За мальчишкой прибѣжали бабье, потомъ Пашута—перепуганная. Всѣ кричали, что ѣдутъ въ гору по дорогѣ къ усадьбѣ вооруженные люди...

— Прости Господи! Ужъ не разбойники ли?

— Не приказные ли съ дьякомъ?—сказалъ Иванъ Өедоровичъ.— Эти подчасъ хуже разбойниковъ. Пойти посмотрѣть.

И выйдя съ Ла̀рюшкой на крылечко, Крюкъ глянулъ на дорогу и увидѣлъ, что дѣйствительно къ воротамъ околицы подъѣхало пять подводъ; что на двухъ переднихъ сидятъ человѣкъ десять городовыхъ стрѣльцовъ, а на трехъ заднихъ онъ узналъ переяславскаго воеводу, дьяка его, Оболдуя Хапилова, и нѣсколькихъ знакомыхъ посадскихъ. Остальные люди были ему совершенно неизвѣстны. Крюкъ немедленно отправилъ людей отворить ворота; а самъ сошелъ съ крыльца, въ ожиданіи непрошенныхъ гостей.

Какъ только воевода вступилъ во дворъ, такъ тотчасъ обратился къ дьяку и сказалъ громко:

— Возьми стрѣльцовъ и разставь ихъ кругомъ дома. Чтобы муха отсюда не вылетѣла! Какъ ихъ разставишь по мѣстамъ, поспѣшай самъ сюда. А вы, понятые, за мною...

— Господинъ воевода?—обратился «Старый Крюкъ» съ вопросомъ.—Дозволь тебя спросить—чѣмъ я такую напасть заслужилъ, что ты на меня какъ на вора, съ понятыми да съ дреколіемъ пожаловалъ?

— А вотъ сейчасъ узнаешь, зачѣмъ я пожаловалъ!—сурово отозвался воевода.—Вотъ какъ скрутимъ мы тебѣ руки за спину да посадимъ на телѣгу, такъ узнаешь... Потому ты царской волѣ учиняешься ослушникъ.

— Я-то? Когда же? въ чемъ?

— Да ты полно, не отнѣкивайся! Все равно весь домъ у тебя вверхъ дномъ поверну—все обыщу!

— Да въ чемъ же? Въ чемъ! Объяви вину мою!

— Довѣдался я вчера, отъ твоихъ же людей, что у тебя царская ловчая птица объявилась, и что ты ее укрыть осмѣлился—и мнѣ не донесъ! А у насъ еще на прошлой недѣлѣ грамота съ Потѣшнаго двора государева получена, чтобы гдѣ въ нашихъ мѣстахъ залетный царскій кречетъ объявится—немедля его на Москву доставить...

— А какъ же я могъ знать, господинъ воевода, какая у тебя грамата въ твоей дьячей избѣ получена?..

— Чего тутъ еще разговаривать... Показывай, гдѣ ты птицу государеву дѣвалъ?.. Подай ее сюда!—кричалъ и горячился воевода.

— Опоздать твоя милость изволила!—насмѣшливо кланяясь, сказалъ «Старый Крюкъ».—Я ту самую птицу изъ полы въ полу государеву кречатнику передалъ, который по тоё птицу присланъ.

— Еще что выдумалъ? Гдѣ ему тутъ быть! Кабы онъ сюда заѣхалъ, такъ ко мнѣ бы прежде заявиться долженъ!.. А безъ меня—ни-ни!

— А вотъ онъ и самъ тебѣ налицо! — сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, указывая на Ларюшку.—Самъ и въ отвѣтѣ.

— Стану я его отвѣтовъ слушать! Вяжи и его, и въ городъ!.. Въ приказной избѣ разберемъ.

— Нѣтъ, постой господинъ воевода!—смѣло молвилъ Ларюшка, выступая впередъ и отстраняя понятыхъ рукою.—Аль тебѣ не вѣдомо, что въ нашихъ сокольничихъ грамотахъ сказано: «сокольниковъ и кречатниковъ государевыхъ ни воеводы, ни намѣстники, ни тіуны ихъ ни въ какихъ дѣлахъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и вобчихъ дѣлъ...» «А кому будетъ на нихъ чего искати—ино ихъ судитъ самъ великій государь или его сокольничій...»

Воевода хотѣлъ было возражать; но дьякъ, который разслышалъ слова кречатника государева, шепнулъ на ухо воеводѣ:

— Это онъ правильно!.. И у нашихъ переяславскихъ сокольниковъ тоже въ грамотахъ значится...

Тогда воевода понизилъ голосъ, и спросилъ Ларюшку:

— Да ты кто же такой будешь?

— Я тотъ самый и есть кречатникъ государевъ, который на поиски кречета посланъ... Зовутъ меня Ларькой Омельяновымъ, а коли не вѣришь, такъ я тебѣ прочту и охранную грамоту, которая мнѣ отъ царскаго сокольничаго дана.

И Ларюшка вынулъ изъ-за пазухи грамоту, въ которой было подробно прописано, куда и зачѣмъ онъ отправленъ; а всѣмъ «воеводамъ и инымъ властямъ» вмѣнялось въ обязанность «чинить тому кречатнику Ларькѣ Омельянову всякое вспоможеніе, давать ему работныхъ людей, сколько человѣкъ пристойно, и поить и кормить его, и лошади государевой давать кормъ, сѣно и овесъ, и кречету государеву, буде сыщется, давать на прокормъ мясица...» «И какъ поѣдетъ онъ на Москву съ кречетомъ государевымъ, государевы намѣстницы по городамъ, и по волостямъ волостели, и ихъ пошленники, и по мытамъ мытчики, и по рѣкамъ перевощики, и по гатямъ гатовщики, мыта и тамги и явки, ни иныхъ никоторыхъ пошлинъ на нихъ не емлютъ...»

Воевода въ совершенномъ недоумѣніи посмотрѣлъ на дьяка.

— Обалдуй! Какъ же такъ? Погляди, подлинная ли у него грамота?

— Подлинная, государь,—отвѣчалъ дьякъ, посмотрѣвъ въ Ларюшкину грамоту, которую тотъ крѣпко держалъ въ рукахъ. — Писана на александрійскомъ листу, и печать при ней малая государева изъ краснаго воску, на снуркѣ.

— Кажись, и намъ въ нашихъ послушныхъ указахъ, кречатникъ, что на поиски посланъ, не Омельяновымъ ли названъ?

— Такъ точно — Ларькой Омельяновымъ! — сказалъ дьякъ, заглянувъ въ какую-то бумагу.

— Ну, такъ намъ теперь надо еще только посмотрѣть, вѣрны ли примѣты царской птицы. А ну-ка, господинъ кретатникъ, вынеси ее къ намъ сюда!

Ларюшка вынесъ на крыльцо «Холмогора», и дьякъ съ воеводою подробно осмотрѣли опись примѣтамъ государева кречета. Дьякъ читалъ въ грамотѣ примѣты, а воевода оглядывалъ птицу и поддакивалъ.

— Кречетъ цвѣтомъ красенъ,—читалъ дьякъ,—а крылья у него подкрасны...

— Такъ, такъ, подкрасны...

— Спина и хлупъ темнокрасные; на папоркахъ перья бурнастыя...

— Такъ, точно такъ — бурнастыя...

— Хвостъ бурнастый же съ малой проглинностью...

— Вѣрно — съ проглинностью...

— На правой лапѣ перстень съ руки государевой, а въ гнѣздѣ у перстня камень самоцвѣтный, красный, самый добрый...

— Съ руки государевой!! Такъ!.. Ахъ, Господи ты Боже, отецъ нашъ!—заговорилъ скороговоркою воевода, и шапку передъ перстнемъ государевымъ снялъ, и птицѣ государевой низкій поклонъ отвѣсилъ.

Затѣмъ и дьякъ, и всѣ понятые по поклону же ударили.

— Ну, господинъ кречатникъ,—обратился воевода къ Ларюшкѣ ужъ совсѣмъ ласково,—прощенья просимъ, что потревожили. Изъ усердія, ей, ей, только изъ усердія... Обалдуй, ступай, сними стрѣлецкій караулъ!.. Ей-Богу изъ усердія, потому государево дѣло — прежде всего! А тутъ слышу—государева птица къ Крюкъ-Колычеву на голубятню опуститься изволила, а онъ будто бы укрылъ ее... Ну, вотъ, я и поспѣшилъ, по горячему слѣду... Прощенья просимъ, Иванъ Өедорычъ...

«Старый Крюкъ» только плечами пожалъ и отвернулся отъ него.

— Дьякъ, сажай понятыхъ на подводы, а пятерыхъ стрѣльцовъ оставь господину кречатнику для охраны государевой птицы... А ты когда же къ Москвѣ-то двинешься?

— Да вотъ, кабы ты не задержалъ, такъ я бы ужъ и на пути былъ...

— Да вѣдь пойми же ты, господинъ кречатникъ, что я это впрямь отъ усердія... Такъ я тебѣ сейчасъ изъ города и подводы пришлю съ проводниками, и запасцу на дорогу... Чай не обезсудишь?..

И воевода, видимо смущенный, поспѣшилъ удалиться къ своимъ подводамъ, живо вскочилъ на переднюю и во всю прыть помчалъ къ городу.

XXIII.

Минуло съ полгода послѣ описанныхъ нами событій. Крещенскіе морозы стояли на дворѣ и гулко постукивали въ углы и стѣны московскихъ домовъ, занесенныхъ снѣгомъ, а красноватые лучи зимняго солнца рисовали причудливые узоры на слюдяныхъ окнахъ, затянутыхъ сплошнымъ покровомъ заледенѣвшаго инея.

Въ одинъ изъ этихъ морозныхъ зимнихъ дней, Петръ Семеновичъ Хомяковъ засталъ Матюшкина за чтеніемъ только-что полученнаго царскаго письма и въ очень веселомъ расположеніи духа.

Послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій, Матюшкинъ сказалъ Хомякову:

— Я за тобою нарочнаго посылалъ—дѣло есть. Великій государь писать изволитъ изъ Рубцòва, что будетъ на Москву къ концу недѣли. Да пишетъ все таково забавно, весело—видно, что у него на сердцѣ легко!.. Изволь прислушать: «буду въ пятницу, а то кончае, что въ субботу, часу въ четвертомъ дни. Да извѣщаю тебя, что тѣмъ утѣшаюся, что стольниковъ безперестани купаю ежеутръ въ прудѣ; Іордань хорошо сдѣлана, человѣка по четыре и по пяти, и по двѣнадцати человѣкъ, за то—кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и купаю, да послѣ купанья жалую, зову ихъ ежеденъ; у меня купальщики тѣ ѣдятъ вдоволь, а иные говорятъ: мы-де нарòкомъ не поспѣемъ, такъ-де и насъ выкупаютъ и за столъ посадятъ. Многіе нарòкомъ не поспѣваютъ»... Ха! ха! ха! Еще бы! вѣстимо не поспѣваютъ, чтобы великой чести удостоиться,—за царскій столъ сѣсть!

Хомяковъ тоже улыбнулся, хотя и подумалъ, что въ такой морозъ и для великой чести не весело лѣзть въ прорубь.

— Да что же это я?—спохватился Матюшкинъ,—о главномъ-то дѣлѣ и не скажу тебѣ... Государь, изволишь видѣть, самъ хочетъ прибыть къ намъ на Потѣшный дворъ, какъ мы Ларьку Омельянова изъ старшихъ рядовыхъ сокольниковъ въ начальные жаловать будемъ. Самъ хочетъ все благочиніе и словочестіе сокольничья чина видѣть... Такъ ты все приготовь, смотри, да уряди къ воскресенью.

— Будетъ готово,—сказалъ съ видимымъ удовольствіемъ Хомяковъ.—Это вѣдь всѣмъ намъ праздникъ! И Богу слава, и Омельянову—честь и хвала.

— Да ужъ истинно Богу слава!.. Вѣдь какая вдругъ было на него бѣда стряслась! И точно, что дивны дѣла Господни:—десять дней кречетъ въ лѣсахъ пропадалъ, да по дорогѣ Володимерской носился, за полтораста верстъ отъ Москвы отлетѣлъ, и таки нужно ему было въ тотъ самый домъ спуститься, въ который черезъ сутки и Омельяновъ толкнулся!..

— На добрыхъ людей напалъ! Да ты, чай, слышалъ, Аѳанасій Ивановичъ, что онъ тамъ не одного кречета нашелъ, а съ кречетомъ на одной нашести и лебедь бѣлую, чернобровую...

— Слышалъ, слышалъ, какъ же! Вотъ послѣ обряда, какъ будетъ онъ ужъ начальнымъ сокольникомъ, просится, чтобы я отпустилъ его на побывку,—тамъ свадьбу играть хочетъ. Ну, да дай Богъ ему счастья—онъ малый путный!

— Ужъ какъ не путный! Не даромъ же великій государь для него и пятую статью на Потѣшномъ дворѣ учинилъ, чтобы его пятымъ начальнымъ сокольникомъ сдѣлать, и никого въ зависть не ввести.

— Такъ смотри же, Петръ Семеновичъ! Все приготовь къ встрѣчѣ царской, какъ царь любитъ, чтобы всякая, хотя и малая вещь была «по чину честна, мѣрна, стройна и благочинна».

— Будь спокоенъ Аѳанасій Ивановичъ! Все такъ пристроимъ, что никто не похулитъ, а всякій похвалитъ,—говорилъ Хомяковъ, откланиваясь и направляясь къ порогу.

Въ ближайшее воскресенье, весь Потѣшный дворъ принялъ торжественный и праздничный видъ. Всѣ до послѣдняго сокольника, нарядились въ большой сокольничій нарядъ. Изъ казны были выданы самые дорогіе птичьи наряды для тѣхъ птицъ, которыя должны были принять участіе въ обрядѣ «благочинія и славочестія начальныхъ людей сокольнаго пути»: — щегольскія вѐтолки, нагрудники и нахвостники изъ атласа, расшитаго золотомъ и жемчугомъ и бархатные клобучки, осыпанные яхонтовыми искрами, были въ величайшемъ порядкѣ разложены на столѣ, около того мѣста, гдѣ должно было происходить главное дѣйствіе торжества. Приняты были мѣры для украшенія всего дома, въ которомъ жилъ Хомяковъ, и гдѣ обыкновенно происходили всякія сокольничьи празднества. Не только «передняя изба», но и заднія хоромы въ домѣ Хомякова были устланы по полу и увѣшаны по стѣнамъ дорогими персидскими и бухарскими коврами, а по выше ковровъ обиты яркими нѣмецкими и англійскими цвѣтными сукнами.

Въ самомъ видномъ мѣстѣ передней избы, въ красномъ углу, разостланъ былъ золотой коверъ диковатый, а на коверъ положено зголовье полосатое бархатное: а пухъ въ немъ изъ дикихъ утокъ. Противъ этого мѣста, уготованнаго для государя, были поставлены четыре нарядныхъ «стула» [1]) для птицъ, а между стуловъ было устроено поляново, т. е. настлано сѣно и покрыто богатою попоною. На этомъ мѣстѣ, символически изображающеемъ отъѣзжее поле, и долженъ былъ происходить весь обрядъ «наряжанія» нововыборнаго начальнаго сокольника.

---

[1]) «Стулъ»—стоянецъ съ нашестью для птицы.

На первый стулъ Хомяковъ приказалъ посадить кречета, уже извѣстнаго намъ «Холмогора»; на второй — челига кречатья, на третій — сокола, на четвертый — челига соколья.

Позади этого мѣста былъ поставленъ столъ, покрытый ковромъ и на немъ Хомяковъ, вмѣстѣ съ начальными сокольниками размѣстилъ и урядилъ «птичьи наряды» для птицъ нововыборнаго и его собственные наряды.

Начальные сокольники были собраны около стола съ нарядами; а всѣ остальные, по старшинству, разставлены около стѣнъ, возлѣ лавокъ, направо и налѣво отъ стола, въ нарядныхъ рукавицахъ, но безъ птицъ, и безъ шапокъ. Самъ подсокольничій сталъ впереди передъ столомъ съ нарядами; онъ былъ въ богатой перевязи, и въ шапкѣ. Главный виновникъ торжества, Ларюшка, до прихода государева, былъ удаленъ въ особую избу, гдѣ на него надѣли «государево жалованье» — новый синій суконный кафтанъ съ серебромъ и желтые сафьянные сапоги.

Вскорѣ послѣ того, какъ это приготовленіе было окончено, въ переднюю избу вошелъ и царь Алексѣй Михайловичъ въ сопровожденіи одного только Матюшкина: — лица, непринадлежавшія къ сокольничьему сословію, не имѣли права присутствовать при этомъ сокольничьемъ празднествѣ.

При входѣ царя, всѣ сокольники ему поклонились въ поясъ, а подсокольничій снялъ шапку и отступилъ отъ стола и наряда на правую сторону. Постоявъ не много, подсокольничій тихо и степенно подошелъ къ государю, уже занявшему свое мѣсто, и доложилъ ему:

— Время ли, государь, образцу и чину быть?

И государь изволилъ молвить:

— Время, объявляй образецъ и чинъ.

Подсокольничій возвратился на свое мѣсто и крикнулъ громко:

— Четвертый начальный, Терентій Тулубьевъ, прими у сокольника Андрюшки челига, нововыборнаго статьи [1]), и поднеси ко мнѣ.

Когда челига ему поднесли, онъ молвилъ, обратясь къ начальнымъ:

— Начальные, время наряду и часъ красотѣ.

И самъ сталъ наряжать поданную ему птицу; а потомъ при помощи начальныхъ — и другихъ трехъ птицъ.

Затѣмъ подсокольничій подступилъ къ государю и молвилъ:

— Время ли, государь, пріимать и по нововыборнаго посылать, и украшеніе уставлять?

— Время, пріимай и посылай, и уставляй...

Тогда подсокольничему поднесли рукавицу, онъ натянулъ ее и принялъ кречета «Холмогора» изъ рукъ начальнаго сокольника; а

---

[1]) Т. е. изъ числа тѣхъ птицъ, которыя должны были войти въ составъ «статьи нововыборнаго».

затѣмъ приказалъ послать за «новвыборнымъ» двухъ старшихъ рядовыхъ сокольниковъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, они вернулись съ Ла̀рюшкой, стали на порогѣ и начали креститься и молиться на иконы. Тогда впередъ выступилъ верховой сокольный подъячій, Василій Ботвиньевъ, и молвилъ по обычаю:

— Великій государь, царь и великій князь, Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ! Нововыборный твой государевъ сокольникъ, Ларіонъ Яковлевъ сынъ Омельяновъ, вамъ, великому государю, челомъ бьетъ.

И Ларіонъ съ товарищами поклонился государю до земли.

Немного погодя, подсокольничій сказалъ товарищамъ Ларіона:

— Рядовые, поставьте Ларіона Яковлева сына Омельянова, на поляново.

Ла̀рюшку поставили на поляново и отобрали отъ него шапку, кушакъ и рукавицы.

Затѣмъ подошли начальные, держа въ рукахъ горностайную шапку, нарядную рукавицу, «съ притчами», сумку бархатную, съ вышитымъ на ней изображеніемъ райской птицы «Гамаюна» и перевязь золотую. Съ другой подступили тѣ сокольники, которые должны были служить у Ла̀рюшки въ «по̀ддатняхъ»: одинъ держалъ «вабѝло», другой—вощ а̀гу, третій—рогъ серебряный, четвертый—полотенце.

Подсокольничій подступилъ къ государю и сказалъ:

— Время ли, государь, мѣрѣ, и чести, и укрѣпленію быть?

И государь отвѣчалъ по обычаю:

— Время. Укрѣпляй.

Тогда подсокольничій приказалъ сокольникамъ:

— Начальные! Время мѣрѣ, и чести, и укрѣпленію быть.

И начался длинный обрядъ «наряжанія» нововыборнаго, во время котораго, Ботвиньевъ вынулъ изъ сумки съ «Гамаюномъ» письмо, въ которомъ изложены были обязанности нововыборнаго и указывалось ему «тѣшить великаго государя отъ всего сердца своего, до кончины живота своего, и во всякой правдѣ быть постоянну и однословну и отъ всего дурного быть чисту и за государевою охотою ходить прилежно и безскучно, и подначальныхъ своихъ сокольниковъ любить какъ себя, и ото всякія дурости унимать ихъ безъ всякой хитрости». Затѣмъ слѣдовало исчисленіе царскихъ милостей новопожалованному, въ видѣ прибавки къ жалованью, новаго платья, сукна, соболей и золотыхъ ефимковъ. Въ числѣ прочихъ царскихъ милостей, упоминалось и томъ, что отнынѣ «великій государь повелѣвалъ писать нововыборнаго полнымъ именемъ».

По окончаніи чтенія, новопожалованный поклонился въ землю и произнесъ, по «Урядникy сокольничья пути» обычную сокольничью присягу. По окончаніи присяги, подъячій Василій Ботвиньевъ вложилъ и копію съ присяги, и «письмо» съ изложеніемъ

обязанностей въ сумку нововыборнаго; а подсокольничій подошелъ доложить государю о совершеніи дѣла.

Тогда, по приказу государя, была передана Ларюшкѣ охота государева, въ видѣ четырехъ вышепомянутыхъ птицъ, которыя должны были олицетворять собою всю «статью», поручаемую его вѣдѣнью.

Новопожалованный взялъ на руку своего излюбленнаго кречета, и держалъ его «смѣло, урядно и радостно», смотря прямо въ пресвѣтлыя очи государевы.

И вотъ подсокольничій сказалъ, обращаясь къ Табалину, который все еще держалъ въ рукахъ горностайную шапку новопожалованнаго:

— Первый начальный,—закрѣпляй государеву милость.

И Табалинъ возложилъ шапку на голову Ларіона Омельянова, который поспѣшилъ ее снять, между тѣмъ какъ Табалинъ говорилъ:

— Бей челомъ государю на его государской премногой милости и памятуй ее до кончины живота своего, и обѣщанія не позабывай, и послушанія своего не отбывай, и нашего совѣта не отметай.

И новопожалованный трижды поклонился государю до земли.

Этимъ обрядъ былъ заключенъ и Ларіонъ Омельяновъ былъ отведенъ Табалинымъ на то мѣсто, которое долженъ былъ занять между начальными. Тогда всѣ присутствующіе, обратясь въ его сторону, поклонились ему и поздравили его «съ государской милостью, въ новой чести и въ начальныхъ сокольникахъ».

Государь поднялся съ своего мѣста, а верховой подъячій, Василій Ботвиньевъ, выступилъ на средину передней избы и произнесъ громогласно:

— Подсокольничій, Петръ Семеновъ сынъ Хомяковъ! Царь и великій князь жалуетъ тебя съ товарищи, для новыя чести и мѣры новопожалованнаго пятаго начальнаго Ларіона Яковлева сына Омельянова, — велѣлъ вамъ быть у стола и веселитися, и утѣшатися съ новопожалованнымъ по чину.

Государь поклонился благосклонно и сказалъ на прощанье:

— Наслаждайтесь по нашей государской милости.

— Да здравствуетъ великій государь нашъ на многія лѣта! — закричали сокольники, и веселые клики ихъ раздавались на всемъ пути государя до малыхъ воротъ, гдѣ его ожидали нарядныя сани, свита и почетная стража.

И долго потомъ, почти до полуночи, пировали сокольники, величали своего новаго начальнаго, славили подсокольничаго и сокольничаго и дивились судьбѣ Ларюшки, приговаривая:

— Счастье человѣка и въ лѣсной трущобѣ сыщетъ; отъ него и подъ гнилой колодой не укроешься!

П. Полевой.

С. Алексѣевское.
Іюнь, 1888.

НА ВЫСТРѢЛЪ ОТЪ ВЫСТРѢЛОВЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

I.

Нѣсколько строкъ въ видѣ предисловія. — Объявленіе войны. — Энтузіазмъ. — Одесскій англійскій консулъ. — Переѣздъ за границу. — Въ Плоэштахъ. — Наемъ квартиры. — Патріархальная хозяйка. — Городъ. — Европейская гостинница. — Посѣтители садика. — Плотоядный коммерсантъ и пикантная куконица. — Доморощенные аргонавты. — Букарестъ; его внѣшность, извозчики, женщины и мужчины. — Церковь, духовенство, религіозный индеферентизмъ. — Молодежь, ея тщеславіе, политическія бредни. — Объявленіе независимости. — Румынъ, знавшій Пушкина. — Кафе-шантаны. — Пѣвица патріотка.

ПРОШЛО уже болѣе десяти лѣтъ послѣ достопамятной войны съ Турціей, и за все это время, при относительномъ обиліи военно-историческаго матеріала, частныхъ мемуаровъ, писемъ, записокъ объ отдѣльныхъ эпизодахъ славной кампаніи, я находилъ очень мало свѣдѣній о личномъ участіи въ ней покойнаго государя Александра Николаевича. Я не говорю о книгѣ Л. М. Чичагова, вышедшей только въ 1885 году. При несомнѣнныхъ достоинствахъ ея и при полной достовѣрности сообщаемыхъ въ ней фактовъ, она нѣсколько одностороння: она трактуетъ, такъ сказать, о внѣшней сторонѣ дѣла, о выѣздахъ государя на позиціи, о посѣщеніи имъ госпиталей, о смотрахъ проходившимъ войскамъ; съ математической точностью указываетъ день, а иногда и часъ, передвиженія главной

квартиры государя съ одной стоянки на другую, вдается даже въ сообщеніе подробностей совершенно секретнаго свойства. Очевидно, что г. Чичаговъ составлялъ свой дневникъ при содѣйствіи людей, бывшихъ близкими какъ къ покойному государю, такъ и къ великому князю главнокомандующему; иначе нельзя объяснить помѣщенные въ его книгѣ разговоры государя съ великимъ княземъ главнокомандующимъ, которые велись съ глазу на глазъ; или описанія засѣданій военныхъ совѣтовъ, съ дословною передачею мнѣній участниковъ его; съ этой точки зрѣнія книга г. Чичагова, какъ собраніе ему только одному доступныхъ данныхъ,—является драгоцѣннѣйшимъ историческимъ матеріаломъ. Односторонность заключается въ томъ, что въ книгѣ г. Чичагова ускользаетъ отъ читателя другая сторона дѣятельности императора, его борьба съ условіями, которыми дѣятельность эта была обставлена; напримѣръ, ничего не говорится о томъ, какъ Румынія, по внѣшности, преклоняясь передъ царемъ, въ то же время въ тайнѣ противодѣйствовала его намѣреніямъ, очень ловко пользовалась возможностію, если не задержать, то затруднить, усложнить нашу работу. Политика Румыніи причинила не мало волненій и тревогъ покойному государю, такъ что онъ вынужденъ былъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, послѣ перваго неудачнаго штурма Плевны, энергично потребовать отъ румынскаго правительства снять маску и высказаться опредѣленнѣе... Казалось бы, что если никто иной не могъ проникнуть въ сокровенность военныхъ плановъ и предначертаній, а также знать достовѣрно результаты военныхъ операцій, то государю все это должно было доноситься своевременно и достовѣрно; на дѣлѣ же выходило далеко не такъ: государь съ болѣзненнымъ любопытствомъ выслушиваетъ волонтера-партизана корреспондента Форбса, который особнякомъ пробрался на Шипку, пробылъ тамъ нѣсколько дней и привезъ обстоятельное донесеніе о томъ, что нашелъ и видѣлъ; другое донесеніе государь получилъ отъ австрійскаго военнаго агента, тогда какъ въ главной квартирѣ не было недостатка въ молодыхъ людяхъ, и государь могъ бы всякій день имѣть самыя достовѣрныя свѣдѣнія.

Совершенно случайныя обстоятельства поставили меня въ непосредственныя соприкосновенія съ императорской главной квартирой: на меня выпала честь быть поставщикомъ государя во все время нахожденія его на театрѣ войны; въ силу моей обязанности я безотлучно находился въ главной квартирѣ почти съ первыхъ дней прибытія государя въ Плоэшты и по день выѣзда его обратно въ Россію, т. е. съ 5-го іюня по 5-е декабря; во все это время я дѣлалъ краткіе наброски въ своей карманной книжкѣ, заносилъ въ нее, что видѣлъ или слышалъ самъ отъ людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія. Мои записки есть результатъ вполнѣ субъективнаго и искренняго отношенія къ дѣлу; я не нашелъ нужнымъ вы-

ключить изъ нихъ то, что относится ко времени, предшествовавшему моему водворенію при императорской главной квартирѣ; оно представляетъ достаточный бытовой интересъ, характеризуя и иллюстрируя эпоху.

Излишне было бы воспроизводить до сихъ поръ еще, полагаю, всѣмъ памятный энтузіазмъ, порожденный въ обществѣ объявленіемъ войны. Народное чувство, сильно наэлектризированное предварительнымъ движеніемъ, которому Россія не была чужда, а даже неоффиціально и причастна, допуская массу добровольцевъ густо наполнять боевые ряды возставшихъ славянъ, только выжидало момента, и едва онъ насталъ, чувство это, какъ вода черезъ открытый шлюзъ, хлынуло широкимъ потокомъ. Крупными пожертвованіями частныхъ лицъ, участіемъ возрожденнаго государемъ земства, отозвалась Россія на объявленіе войны. Это былъ энтузіазмъ, какого давно не видѣла Россія и энтузіазмъ, порожденный не враждою ко врагу и распаленный религіозною подкладкою для эффектнаго воздѣйствія на темныя массы, а энтузіазмъ, берущій свое начало изъ сознательнаго отношенія къ цѣлямъ и мотивамъ войны, и согрѣтый любовью и преданностію къ императору, возвѣстившему эту войну. Я наблюдалъ это чувство не внутри Россіи, населенной сплошь русскими, гдѣ политическія симпатіи и антипатіи нивелируются общностію русскаго національнаго чувства, а наблюдалъ его въ разноплеменной, космополитической, какъ привыкли ее считать, Одессѣ, и никто не относился здѣсь къ этому всеобщему увлеченію иначе, какъ съ самымъ искреннимъ, задушевнымъ сочувствіемъ. Было одно только комично претенціозное исключеніе—это одесскій англійскій генеральный консулъ Стенлей. Помню, прихожу я какъ-то къ нему въ кабинетъ; застаю его сидящимъ на любимомъ своемъ мѣстѣ, въ креслѣ передъ развѣшенной на стѣнѣ картой Балканскаго полуострова, англійской работы. Покуривая папиросу, поглядывая то на карту, то на меня, и слегка ухмыляясь, съ какою-то затаенною мыслію, процѣживаетъ онъ сквозь зубы на ломаномъ французскомъ языкѣ, какъ будто разсуждая самъ съ собою:

— Oh, yes, yes, la presque-île des Balkans c'est un magnifique pays et il est vraiment indispensable pour la Russie. (О, да, да, Балканскій полуостровъ прекрасная страна и въ самомъ дѣлѣ необходимъ Россіи).

— Vous, monsieur, comme un vieux diplomate de l'école de Darby, vous pouvez bien apprécier le sens politique et économique de ce pays pour la Russie,—отвѣчалъ я. (Вы, какъ старый дипломатъ школы Дерби, можете хорошо оцѣнить политическій и экономическій смыслъ этой страны для Россіи).

— Savez-vous que les turcs sont très braves,—повернулъ англій-

скій генеральный консулъ,—et puis il y a tant de difficultés, tant d'obstacles, tant de combinaisons, et puis les autres puissances, l'Autriche, par exemple... (Знаете, вѣдь турки очень храбры, и потомъ столько затрудненій, столько препятствій, столько разсчетовъ, и потомъ другія державы, напримѣръ, Австрія...)

Видя, что мой собесѣдникъ не можетъ сдержать наплыва глубокомысленныхъ соображеній и тонкихъ политическихъ комбинацій, я рѣшился терпѣливо выжидать окончанія политическаго пароксизма. Мой консулъ продолжалъ сыпать общими мѣстами, подкрѣпляя ихъ междометіями, предполагая вѣроятно, что въ моей власти остановить рѣшеніе императора. Консулъ Стенлей не ограничивался одними застращиваніями меня, онъ въ порывѣ не столько туркофильства, сколько руссофобіи, доходилъ до комичныхъ и крайне безтактныхъ, въ виду его оффиціальнаго положенія, выходокъ; такъ въ городѣ ходили упорные слухи о томъ, что англійскій консулъ не въ мѣру интересуется воздвигавшимися оборонительными сооруженіями Одессы, его даже видѣли ѣздившимъ верхомъ около батарей, потомъ прогуливавшимся пѣшкомъ по самымъ батареямъ... эта безцеремонная смѣлость, граничащая съ грубымъ нахальствомъ, была совершенно въ характерѣ упрямаго брита.

Во мнѣ родилось желаніе ѣхать за границу, на театръ военныхъ дѣйствій, ѣхать безъ всякаго опредѣленнаго плана, безъ всякихъ видовъ и цѣлей; ѣхать, чтобъ видѣть, что будетъ доступно. Путь предстоялъ недалекій, не дорогой и удобный. Я былъ не прочь, если представится возможность, смѣшать пріятное съ полезнымъ, войти въ какое-нибудь дѣло, на что имѣлась вѣроятность уже и въ томъ, что у меня было много знакомыхъ въ военной средѣ по моему прошлому, а также были и кое-какія отношенія къ одесскому коммерческому міру; а нѣтъ, я не пѣнялъ бы на себя, во всякомъ случаѣ затрата окупилась бы съ избыткомъ новизною впечатлѣній; во мнѣ былъ больше путешественникъ, туристъ, чѣмъ алчный искатель наживы. 10-го апрѣля я сидѣлъ уже въ вагонѣ, отвозившемъ меня за границу; еще съ марта движеніе по желѣзнымъ дорогамъ измѣнило свой нормальный, обыденный видъ; обыкновенные пассажирскіе поѣзда состояли почти исключительно изъ военныхъ, не говоря о спеціальныхъ войсковыхъ поѣздахъ въ 50—60 вагоновъ, наполненныхъ солдатами, объ отдѣльныхъ транспортныхъ поѣздахъ съ войсковыми тяжестями; на станціяхъ появились военные коменданты, завѣдывавшіе передвиженіемъ войскъ, около нѣкоторыхъ станцій были устроены кухни для варки пищи передвигавшимся войскамъ, вездѣ сказывались необыкновенное оживленіе, дѣятельность; мимо станцій то и дѣло пробѣгали поѣзда, къ самымъ станціямъ подвозились грузы; у болѣе значительныхъ станцій устроивались склады сѣна, фуражнаго зерна. Заѣхавъ дня на два въ Кишиневъ для необходимыхъ свиданій, я направился въ Румынію, намѣтивъ себѣ конечнымъ

пунктомъ Плоэшты, куда и прибылъ 16-го апрѣля. Въ Плоэштахъ я остановился въ частномъ домѣ, принадлежавшемъ нѣкой Аникѣ Ружеско, старушкѣ, вдовѣ мелкаго землевладѣльца. Маленькій одноэтажный домикъ-хижина, крытый гонтомъ, состоялъ изъ трехъ комнатъ, сѣнецъ и кухни. Домъ этотъ выходилъ главнымъ фасадомъ на вокзальную площадь, боковымъ въ переулокъ, а двумя остальными сторонами во дворъ; я занялъ самую большую угловую комнату о четырехъ окнахъ, выходившихъ на площадь и переулокъ; бѣлыя какъ снѣгъ стѣны моей комнаты украшены были двумя, очевидно, фамильными портретами, между окнами узенькое въ деревянной рамѣ зеркальце, по бокамъ его два мѣдныхъ бра на три свѣчи; у внутренней стѣны вмѣсто кровати широчайшій диванъ безъ боковъ и спинки, а съ валиками вдоль всей стѣны, и противъ громадный, топорной работы, комодъ. Эта неприхотливая, чтобы не сказать болѣе, обстановка подкупала въ пользу себя необыкновенной, педантической чистотой; старые стулья обтянуты бѣлыми какъ снѣгъ чехлами, на покрышкѣ дивана ни одной морщинки, на стѣнахъ ни одного пятнышка, на оконныхъ стеклахъ ни одной крапинки; за стеклянной дверкой, стоявшаго въ углу шкафа, по полкамъ, разставлена посуда съ блестящею глазурью, точно она только-что выпущена изъ фабрики и, разумѣется, ни разу не была въ употребленіи; а, между тѣмъ, эту посуду моя хозяйка употребляла ежедневно, чуть ли не со дня своего замужества; такъ сохранять вещи есть результатъ знанія и умѣнія обращаться съ ними, что составляетъ общую черту румынокъ. Хитроумной устроительницѣ этого благолѣпія, старушкѣ Аникѣ, можно было дать на видъ лѣтъ подъ шестьдесятъ; низенькая, сухая, съ маленькими, но живыми добрыми глазами, она производила необыкновенно пріятное, располагающее впечатлѣніе симпатичнымъ выраженіемъ лица и не поддѣльнымъ простодушіемъ и патріархальностію обращенія. Пока я оглядывалъ комнату, старушка что-то безостановочно тараторила; я вслушивался въ ея говоръ, хотѣлъ уловить хоть одно понятное мнѣ слово, но напрасно; старушка, видя безпомощность моего положенія, начала тонировать и весьма вразумительно жестикулировать, но мой румынскій лексиконъ былъ очень тощъ, онъ ограничивался только нѣсколькими словами, выученными мною въ переѣздъ отъ Унгенъ до Плоэштъ. Надо было позаботиться о переводчикѣ, хотя бы только на одинъ разъ, чтобы установить мои договорныя отношенія съ хозяйкой; такого переводчика я нашелъ въ вокзалѣ, въ лицѣ грека, исполнявшаго обязанность толмача при нашемъ желѣзно-дорожномъ комендантѣ на станціи Плоэшты. Оказалось, что старушка крайне поразилась, когда ей предложили вопросъ о цѣнѣ квартиры.

— Какая цѣна я и не знаю, какъ не знаю, понравится ли еще жить у меня? я никогда этимъ не занималась; живите, Бога ради,

сколько хотите; слава Богу, что есть кому жить; эта комната пробудетъ все равно пустая цѣлое лѣто; въ ней живетъ обыкновенно моя дочь, которая уѣхала въ деревню...

О, sancta simplicitas! О, нетронутая патріархальность... Много было потрачено времени и словъ на убѣжденіе старушки; наконецъ, когда я передалъ ей черезъ переводчика, что нежеланіе ея объявить цѣну я принимаю за нежеланіе отдать квартиру въ наемъ, бѣдная старушка испугалась, перемѣнилась въ лицѣ и безнадежнымъ тономъ заявила протестъ. «Какъ можно, какъ можно, а я такъ обрадовалась, что не буду одна!»—обратилась она къ переводчику, прося уже у него посредничества, а не перевода. Толмачъ, какъ мѣстный житель, оцѣнилъ комнату въ 15 франковъ въ мѣсяцъ. Наконецъ, послѣ долгихъ ломаній со стороны старушки, начинавшихъ мнѣ надоѣдать, была условлена цѣна 20 франковъ въ мѣсяцъ, съ правомъ оставить квартиру когда мнѣ угодно и съ платой только за прожитое время.

Плоэшты первый румынскій городъ, который пришлось мнѣ видѣть; при населенности, доходящей до 35,000 жителей, онъ не напоминаетъ нашихъ губернскихъ городовъ, въ немъ нѣтъ традиціонной одноформенности нашихъ провинціальныхъ центровъ, въ немъ нѣтъ и благоустройства и удобствъ западно-европейскихъ городовъ. Раскинувшись привольно, не стѣсненный экономіей земли, Плоэшты съ своими просторными, хорошо обстроенными усадьбами, являетъ видъ экономическаго довольства; въ центральной части города двухъ и трехъ-этажные каменные дома, тутъ же гостинницы, базаръ, словомъ, городская сутолока; прекрасные одно-этажные деревянные дома горожанъ-собственниковъ съ изящными фасадами, съ большими зеркальнаго стекла окнами, съ непремѣнной верандой съ фасада, выходящей на красивый цвѣтникъ. Основа благосостоянія Плоэштъ—торговля скотомъ, шерстью и очистка нефти, источники которой находятся около самаго города. Не смотря на то, что я пріѣхалъ въ Плоэшты на пятый день послѣ объявленія войны, я засталъ уже тамъ массу русскихъ; кромѣ военныхъ, попадалось много наѣзжихъ изъ Одессы и еще болѣе изъ Петербурга; самый городъ сталъ видимо примѣняться къ потребностямъ времени и обстоятельствъ: на многихъ домахъ появились вывѣски еще съ свѣжеблестящими надписями «Hotel de Pétersbourg», «Birtul lumei eleganti» (Ресторанъ для элегантнаго общества), а одинъ хитромудрый румынъ, съ пытливостію заглядывая въ будущее и не умѣя предрѣшить, чѣмъ оно разыграется, сдѣлалъ вывѣску: «Cafea turceasca si ceai rusesc» (кофе потурецки и чай порусски), т. е. дескать и нашимъ, и вашимъ. Вывѣску эту, вѣроятно, вслѣдствіе ея политической игривости, вскорѣ сняли. Румыны по природѣ народъ очень мягкій, добродушный, привѣтливый, еще усугубили въ себѣ эти качества въ отношеніяхъ съ русскими, на ко-

торыхъ они возлагали большія надежды въ политическомъ и матеріальномъ отношеніи. Самымъ шумнымъ мѣстомъ, центромъ единенія всѣхъ пріѣзжихъ, была европейская гостинница; въ ней квартировали именитѣйшіе, наѣзжіе изъ Россіи аргонавты-дѣльцы, тутъ же жилъ и агентъ товарищества по продовольствію арміи—Червениковъ. Въ саду этой гостинницы по вечерамъ собирались почти всѣ пріѣзжіе изъ Россіи; военныхъ тутъ было мало, потому что Плоэшты были только переходный пунктъ, въ которомъ не назначалось дневокъ, но за то весь контингентъ дѣльцовъ, такъ или иначе связанныхъ дѣлами съ арміей, или еще только чаявшихъ дѣлъ, почти каждый вечеръ былъ налицо въ миніатюрномъ садикѣ, угощался пивомъ подъ звуки оркестра, разыгрывавшаго почтальона, дойну и какую-то заунывную пѣсню, въ которой музыканты унисономъ подтягивали минорный припѣвъ: «о, да-да; о, да-да!» Посѣтители садика рѣзко дѣлились на двѣ группы: людей бодрыхъ, веселыхъ, съ сіяющимъ лучемъ осуществляющейся надежды—это уже заручившіеся дѣломъ и витающіе въ мечтахъ легкой наживы, и другая категорія съ неопредѣленнымъ, болѣе недовѣрчивымъ выраженіемъ лица унылаго, задумчиваго, не столько слушала музыку, сколько пытливо приглядывалась ко всякому входящему, особенно новому лицу... Ловкая, молоденькая и миловидная продавщица напитковъ, уже со многими познакомившаяся, привѣтливо здоровается съ подходящими къ конторкѣ или рѣзво перебѣгаетъ отъ одного столика къ другому, на мгновеніе подсаживаясь около знакомыхъ; ей метнутъ какое-нибудь «словцо», и она какъ искра блеснетъ уже въ другомъ мѣстѣ. Сытый, плотоядный комерсантъ іудейскаго племени настойчиво требуетъ, чтобы куконица помѣшала поданный ему кофе; куконица кокетливо выполняетъ прихоть стараго сатира, онъ, осклабясь на ея молодое розовое личико, урываетъ моментъ, когда она наклонила голову надъ чашкой, и звучно и сочно чмокаетъ ее въ горбокъ шейнаго позвонка...

— Hei, dra cole batrine!.. (Ну, чортовъ старикъ!)—говоритъ кукона съ напускнымъ раздраженіемъ. Чортовъ старикъ окупаетъ свою вольность нѣсколькими монетами, которыя, какъ по пробитой дорогѣ, ловко скользятъ изъ ея рукъ въ фартучный карманъ... Съ каждымъ днемъ садикъ становился все люднѣе и люднѣе, появлялись новыя лица, пошелъ говоръ о взятыхъ дѣлахъ и предстоявшихъ новыхъ подрядахъ... Кромѣ интенданства, стали браться подряды прямо отъ войсковыхъ частей; предвидѣлись большія дѣла съ транспортами, госпиталями. Было что-то адское въ этой погонѣ за подрядами, что-то трагическое въ этой подрядческой сатурналіи; но она имѣла свой raison d'être, свои мотивы оправданія; подрядческое дѣло имѣло какой-то подзадоривающій характеръ, оно смахивало на игру въ запуски, на азартъ; были дѣла, взятыя по столь высо-

кимъ цѣнамъ, на какія не разсчитывали подрядчики съ самымъ безцеремоннымъ запросомъ. Это происходило оттого, что къ дѣламъ допускались только дѣльцы большого калибра, привыкшіе къ крупнымъ заработкамъ; а оказывалось, что взявшіе были только просто факторами дѣла, бравшими львиную долю заработка и передававшими его частями маленькимъ подрядчикамъ, аргонавтамъ-сошкамъ за 60,50% общей подрядной цѣны. Такъ, и только исключительно такъ, велось все транспортное дѣло крупными подрядчиками. Какъ не была вульгарна вся эта разномастная толпа искателей наживы, этихъ доморощенныхъ аргонавтовъ, алчныхъ и плотоядныхъ продуктовъ родной земли, но они были правы по своему; ихъ циническій эпикуреизмъ объясняется извѣстнымъ развитіемъ, имъ присущимъ кругозоромъ.

Въ городѣ стали ходить слухи о томъ, что Румынія собирается объявить свою политическую независимость и что идутъ уже приготовленія къ празднованіямъ этого объявленія; въ Букарестѣ, какъ столицѣ Румыніи, это объявленіе предполагалось обставить особенно помпезно... предстоящее торжество должно было имѣть совершенно исключительный характеръ; мнѣ не хотѣлось упустить случай быть очевидцемъ торжества, а также не воспользоваться уважительнымъ предлогомъ осмотрѣть Букарестъ... Переѣздъ отъ Плоэштъ до Букареста продолжается около четырехъ часовъ; выѣхавъ въ восемь часовъ утра, около полудня поѣздъ подходитъ къ столицѣ Румыніи Букарестъ большой городъ, съ 250 тысячъ жителей, расположенъ на безводной, низменной равнинѣ, если не считать тощую рѣченку, протекающую по западной окраинѣ города. Центральная часть имѣетъ видъ хорошо обстроеннаго, богатаго европейскаго города; главныя улицы, по которымъ идетъ оживленная городская дѣятельность, Поди-могошой, Липскани, Санту-Георги—обставленны прекрасными каменными домами, съ красивыми фасадами, и со вкусомъ и богато обставленными магазинами; положительное украшеніе Букареста это биржевые извозчики: красивые, щегольски содержимые фаэтончики, запряженные парою одномастныхъ, хорошо выдержанныхъ, рослыхъ экипажныхъ лошадей, и франтовски одѣтые кучера. Почти всѣ букарестскіе извозчики, за единичными исключеніями, русскіе скопцы, дѣды и отцы которыхъ давно уже поселились въ Румыніи, порвали всякія связи съ Россіей, если не считать языкъ, который крѣпко держится и благоговѣйно охраняется въ ихъ домашнемъ быту. Сейчасъ же въ сторону отъ главныхъ улицъ,—Букарестъ тѣ же Плоэшты; тѣ же одноэтажные деревянные дома боэръ (господъ) съ красивыми фасадами, непремѣнными цвѣтниками и разноцвѣтными, металлическими садовыми баллонами, къ которымъ румыны чувствуютъ необыкновенную слабость, какъ высшему проявленію не столько изящества, сколько шика, до котораго румыны очень падки... Нужно сказать, что чувство

изящнаго, франтоватаго, элегантнаго присуще румынамъ; отъ бѣднаго простолюдина, всегда опрятнаго, до празднаго фланера на улицѣ Поди-могошой, на всѣхъ лежитъ общій характеръ элегантности, порядочности. Замѣчательно, что особенность эта рѣзче сказывается въ мужчинахъ, чѣмъ въ женщинахъ. Румынская женщина, какъ большинство южныхъ женщинъ, малоросла, смугла и брюнетка, тогда какъ ей хочется быть большой, бѣлолицей и блондинкой, и она удовлетворяетъ своему желанію при посредствѣ ужаснѣйшихъ каблуковъ и необыкновеннаго количества косметиковъ; такого немилосердаго раскрашиванія и умащиванія своего лица, какое продѣлываетъ румынка, не видѣвъ, и представить себѣ трудно; на лицѣ ея буквально нѣтъ точки, не тронутой какимъ-нибудь сдобривающимъ средствомъ: брови крашенныя, рѣсницы рисованныя, лобъ бѣленный, щеки крашенныя, подъ глазами подведено, губы крашенныя, зубы налощенные или вставные, уши и тѣ крашенныя, словомъ, въ полномъ смыслѣ слова крашенный манекенъ, фигурирующій въ окнѣ парикмахера. Одѣваются румынки щеголевато, но бѣдно, безвкусно и некрасиво; мужчины наоборотъ: красивы, изящны, стройны и ловки, особенно военные; отличительная черта мужчинъ вѣжливость и предупредительность до щепетильности, нужно удивляться ихъ ловкости, умѣнью дать проходъ при встрѣчѣ на самомъ узенькомъ пространствѣ: «Me rog, poftim» (Прошу, не угодно ли?)—слышится на всякомъ часу... Говорятъ румыны обыкновенно съ крайнимъ одушевленіемъ, тонируя на разные лады, сопровождаютъ свою рѣчь, то и дѣло мѣняя выраженіе лица и жестикулируя до невозможности. Стороннее лицо, не привыкшее къ подобному говору, вообразитъ, что собесѣдники повздорили и что вотъ-вотъ дѣло дойдетъ до скандала; ни чуть не бывало, они ведутъ самый мирный разговоръ и о совершенно безобидномъ и даже далекомъ имъ предметѣ. На ряду съ богатствомъ магазиновъ и роскошью частныхъ домовъ, заѣзжій наблюдатель поразится внѣшнимъ неглижерствомъ и внутреннимъ убожествомъ румынскихъ церквей; мнѣ случалось заходить въ церкви въ праздникъ къ обѣднѣ, въ будни къ вечернѣ, и я ни разу не встрѣчалъ церковь, наполненную молящимися; кое-гдѣ стоятъ одинако двѣ-три человѣческія фигуры, самое богослуженіе обставлено крайне убого, церковная утварь бѣдна, содержится небрежно; служба отправляется грубо, просто механически, не чувствуется, что находишься въ храмѣ; за всю литургію нѣтъ ни одного момента, вызывающаго стоящаго сосредоточиться. Самое духовенство не пользуется никакимъ авторитетомъ, ни малѣйшимъ уваженіемъ народа; румыны сложили про свое духовенство далеко не остроумную, но образную припѣвку:

«Domnul miluesti.
«Popa prinde pesti»...

то есть, румынъ такъ привыкъ къ бездѣльничанью и байбачеству духовенства, что онъ удивляется, когда священникъ даже рыбу удитъ: «Господи помилуй, попъ рыбу удитъ» значитъ въ дословномъ переводѣ эта припѣвка.—Въ Румыніи даже и понятія не имѣютъ о томъ, что значитъ говѣть; сколько я не добивался о говѣніи, для всѣхъ это слово, даже понятіе это, было du chinois, какъ сказалъ бы французъ, и какъ дѣйствительно отвѣтилъ мнѣ молодой румынъ, прокуроръ букарестскаго суда, получившій образованіе въ Дуэ во Франціи; и вся эта молодежь, въ сравненіи съ нашею молодежью, которую привыкли корить въ легкости, поверхности образованія, не можетъ быть поставлена ей даже въ параллель. Изъ десяти, двадцати молодыхъ людей, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться въ послѣдующіе мои пріѣзды въ Букарестъ или на переѣздахъ по желѣзной дорогѣ, я встрѣтилъ только одного молодого человѣка—это профессора математики въ университетѣ,—который трезво судилъ и имѣлъ выработанный взглядъ на вещи, а все остальное это такое легкое, заносчивое, тщеславное, хвастливое, что только слушаешь и думаешь, да гдѣ же конецъ этому бахвальству. «Румынія—это бульваръ Европы», т. е. видите ли, бульваръ, по которому европейская цивилизація пойдетъ въ Азію. «Румыніи предназначено исторіей воскресить славу и служить продолжительницею величія и историческаго назначенія Западной Римской Имперіи», и чортъ знаетъ, что такое; бредней ихъ всѣхъ не перечтешь.

— Взгляните,—говорилъ мнѣ восторженный румынъ, когда мы проходили мимо единственнаго монумента, весьма, впрочемъ, убогой работы, стоящаго на крохотной площади,—это Микель чель Маре (Михаилъ Великій), онъ въ самомъ концѣ XVI столѣтія разбилъ турокъ при Калугарени и соединилъ Молдавію, Валахію и Семиградію въ одно цѣлое; а мы теперь,—мнѣ нравилось это мы,—окончательно выгонимъ ихъ изъ Балканскаго полуострова, да подумаемъ о Семиградіи, Буковинѣ и Бессарабіи, а тамъ Богъ дастъ и будемъ доминировать на юго-западѣ Европы.

Все это бахвальство въ общемъ крайне безобидное, потому что всякій имѣетъ право быть по своему патріотомъ своего отечества, какъ равно и пѣтушій задоръ на счетъ доминированія, давало прекрасный матеріалъ для изученія пробужденія гражданскаго самосознанія въ молодомъ народѣ, достаточно выстрадавшемъ и добившемся-таки политической независимости, которую Румынія и собиралась провозгласить и отпраздновать... Были голоса, относившіеся съ большимъ недовѣріемъ къ будущему, смотрѣвшіе на него скептически; они говорили, что на случай счастливой войны, въ первые годы турки присмирѣютъ, даже въ Болгаріи они притихнутъ, но съ годами они вновь приберутъ Болгарію въ свои руки, доберутся до Румыніи, и тогда будетъ хуже, чѣмъ было прежде;

былъ и еще варіантъ политическаго мнѣнія, который просто не допускалъ, чтобы въ нашъ вѣкъ политической жадности могла уцѣлѣть маленькая Румынія; съ одной стороны Австрія, разномастная, какъ жакетъ арлекина, держава, къ тому же состоящая подъ протекторатомъ Бисмарка, всегда готоваго облагодѣтельствовать ее изъ чужого кармана; да и на Россію они посматривали косо, находя, что и она не прочь прирѣзать что-нибудь къ Бессарабскимъ владѣніямъ, чтобы имѣть хоть свободный переходъ въ Болгарію... Нѣтъ возможности, да и цѣли, перечислить всѣхъ оттѣнковъ политическихъ комбинацій въ общественномъ мнѣніи Румыніи, видоизмѣнявшихся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ страдной поры, которую переживала тогда Румынія. Какъ бы то ни было, но Румынія 21-го мая, какъ разъ въ день окончательнаго выѣзда государя изъ Петербурга на театръ войны, объявила себя независимою и отпраздновала этотъ день во-первыхъ церковными богослуженіями въ епископіи, шумными оваціями, политическими демонстраціями съ заявленіемъ сочувствія Россіи, а вечеромъ иллюминаціею и людными гуляньями въ садахъ... Естественно, что Румынія не безъ соображенія избрала 21 мая днемъ объявленія независимости съ днемъ выѣзда императора, это былъ актъ политической тактичности, которая требовала, чтобы рыцарски протягивавшая ей руку помощи Россія являлась бы союзницей не вассальной, а независимой страны. И такъ, первымъ политическимъ союзникомъ независимой Румыніи суждено было быть Россіи. Въ день объявленія независимости Румыніи, я отправился вечеромъ въ садъ близь Подимогошойской улицы, здѣсь игралъ прекрасный театральный оркестръ; сидя у столика, я вступилъ въ разговоръ съ высокимъ, сухимъ старикомъ, фамиліи котораго, къ крайнему моему сожалѣнію, не припомню; оказалось, что онъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, выѣхалъ изъ Россіи, изъ Кишинева собственно, и помнитъ, что за нѣсколько лѣтъ до своего выѣзда изъ Кишинева, онъ встрѣчалъ тамъ Пушкина, друга его Раевскаго, который былъ военный, помнитъ губернатора генерала Инзова, разсказывалъ, не прихвастнувши, что Пушкинъ бывалъ въ домѣ его родителей и ухаживалъ за его сестрой. Я спросилъ второй разъ его фамилію, но онъ проговорилъ ее крайне невнятно; просить повторить третій разъ не приходилось, но сколько удалось уловить эту фамилію, что-то въ родѣ Батезатулъ, Банческулъ, — помню, онъ очень вѣрно описалъ мнѣ внѣшность Пушкина, добавилъ, что у него были двѣ типичныя особенности: курчавые, короткіе черные волосы на головѣ и необыкновенное обиліе волосъ на первыхъ суставахъ пальцевъ. Если въ Плоэштахъ поражало обиліе градинъ (садикъ), нѣчто въ родѣ кафе-шантановъ, то въ Букарестѣ они были чуть ли не на всякомъ закоулкѣ. Лучшій изъ нихъ былъ въ саду гостинницы Dacia; здѣсь пѣлъ букарестская знаменитость теноръ Іонеско; садъ служилъ очень успѣшно

дѣлу воодушевленія, поднятія духа, приводилъ слушателей просто въ изступленіе. Здѣсь Іонеско пѣлъ на русскомъ языкѣ знаменитаго «Стрѣлочка», перешедшаго потомъ на шарманки; какой-то итальянецъ баритонъ, съ флагомъ въ рукѣ, неистово выкрикивалъ air de circonstance съ припѣвомъ:

«Россія и Румынія
«Отомстятъ за угнетенныхъ»...

и эта вендетта, пуще знаменитой Тамберликовской въ Отелло, наэлектризировывала слушателей. Осязательнымъ доказательствомъ и мѣриломъ увлеченія служитъ слѣдующій фактъ. Одна изъ пѣвицъ садика при европейской гостинницѣ въ Плоэштахъ, рыженькая румынская еврейка, изловчилась распѣвать русскіе романсы съ подобающей декламаціей и всего только три: «Ахъ ты время, времячко», «Я люблю тебя, горячо люблю» и «Когда душа просилась ты», и, въ относительно короткое время своего пребыванія въ Плоэштахъ, набрала 6,000 франковъ деньгами, которыя ей бросали на ноты, когда она обходила публику. Мнѣ говорили, что примадонна эта оказалась и признательной патріоткой—она пожертвовала изъ собранныхъ ею денегъ 500 франковъ на бѣдныхъ.

II.

Пріѣздъ государя въ Плоэшты.—Какимъ представлялся мнѣ государь въ моментъ его въѣзда въ Плоэшты.—Утро, базаръ, жанровая картинка во вкусѣ Теньера.—Случайное знакомство; что изъ него вышло.—Мое предложеніе императорскому двору.—Петербургскій грекъ К—р—и. — Поѣздка въ лѣсъ.—Утвержденіе подряда поставки двору.—Компаньонъ Нельговскій.—Предстоявшія трудности. — Мои цѣны. — Вуро. — Дѣловая поѣздка въ Букарестъ. — Императорскій военно-походный обозъ.

Въ Плоэштахъ ждали императора, а судя по приспособленіямъ въ заготовленныхъ помѣщеніяхъ какъ для самого императора, такъ и для лицъ сопровождавшихъ его и входившихъ въ составъ главной квартиры, надо было предполагать, что пребываніе императора въ Плоэштахъ будетъ не кратковременно. 25-го мая подъ вечеръ состоялся пріѣздъ государя; въ городъ онъ въѣхалъ въ открытомъ фаэтонѣ, запряженномъ четверткой вороныхъ лошадей. Государь имѣлъ здоровый, рѣшительный и бодрый видъ, не смотря на безостановочный переѣздъ изъ Царскаго Села, откуда онъ выѣхалъ утромъ 21-го мая, значитъ пробылъ въ пути четверо съ половиною сутокъ. Я какъ теперь помню характерное выраженіе лица императора, когда онъ ступилъ на Плоэштскій вокзалъ. Много знаме-

нательныхъ и рѣшительныхъ моментовъ было въ его царствованіе, многимъ Россія обязана силѣ его державной воли, и съ пріѣздомъ императора въ Плоэшты, Россія дѣлала еще новый поступательный шагъ.

Съ превращеніемъ Плоэштъ во временную резиденцію, онъ постепенно утрачиваетъ свою типичную внѣшность мирнаго румынскаго провинціальнаго города, дѣлается люднѣе, оживленнѣе, по улицамъ русская рѣчь окончательно заглушаетъ румынскую, появиляются экипажи съ русской упряжью, то и дѣло попадаются курьеры, вѣстовые казаки, пыль столбомъ стоитъ въ раскаленномъ воздухѣ; слышатся то бой барабана, то звуки военнаго оркестра проходящихъ войскъ, то крикливая солдатская пѣсня, и вся эта сутолока, вся эта тревога военной суеты однимъ общимъ гуломъ стоитъ надъ городомъ... Лучшая пора дня—утро: легкая зыбь свѣжаго утренняго воздуха, тишина не пробужденнаго еще города, еле нарушаемая скрипомъ тянущихся къ базару возовъ, мѣрный, пронзительный лязгъ румынскихъ церковныхъ колоколовъ, монотонный рожокъ городского пастуха—предвѣстники зачинающагося дня. Я любилъ это пробужденіе; вставая рано утромъ, я любилъ ходить по городу; смотришь черезъ полуотворенныя ворота—домовитая румынка стоитъ надъ коровой, всласть пьющей изъ подставленнаго жбана, и любовно почесываетъ ей между рогами, а выхоленный барбатъ (мужъ) лѣниво вышелъ на крыльцо и, баловано разсѣвшись въ бѣлой, какъ снѣгъ, рубашкѣ, длинной до щиколокъ, съ расшитыми рукавами, грудной оторочкой и воротникомъ, ждетъ, когда всюду поспѣвающая кокона перенесетъ свои заботы на него; выпроводивъ корову, выпустивъ птицу изъ заклѣтей, кокона скрывается со двора и черезъ мгновенье возвращается къ мужу съ блюдечкомъ дульчеса (варенье) въ одной рукѣ и стаканомъ воды въ другой... а на базарѣ около лотка собралась небольшая группа румынъ въ высокихъ, овечьяго мѣха шапкахъ и жадно впилась глазами въ пухлыя карнаци (сосиски изъ воловьяго мяса), поджаривавшіяся на шкарѣ, рядомъ съ которой лежитъ высокая глыба мягкой мамалыги (густо вареное тѣсто изъ кукурузной муки). Продавецъ отрѣзываетъ широкимъ острымъ ножемъ солидный ломоть мамалыги, кладетъ на него одну карнацу, обливаетъ ее растопленымъ саломъ и обдѣляетъ этими порціями покупателей, взимая съ нимъ по десяти бани (десятая часть франка) за порцію; а у другого лотка другая группа покупателей лакомится брынзою, (соленый овечій сыръ); съ каждымъ часомъ базарная площадь дѣлается люднѣе, появляются возы съ сельскими продуктами, между возами съ привычною ловкостью пробиваются кухарки съ кошелями, коконицы съ корзинами и сумками, базаръ въ полномъ разгарѣ... Появившіеся на базарѣ камеръ-лакей въ форменномъ казакинѣ, да конвоецъ въ красномъ полукафтанѣ, обращаютъ на себя вниманіе наивныхъ ру-

мынъ-поселянъ, которые толпами ходятъ за ними, а оторопѣлыя румынки, уставясь въ нихъ недоумѣлыми глазами, такъ и застыли, пораженныя невидѣннымъ зрѣлищемъ. «Ce frumos barbat! N'ai vidut ceel frumos barbat?» (Какой красивый мужчина! Не видѣла какой красивый мужчина?) Я засмотрѣлся на эту жанровую картину, достойную кисти Теньера или Рюисдаля.

Я собирался уже возвращаться, неумолимый желудокъ тянулъ домой; купивъ себѣ къ чаю знакомой для южнорусскаго хозяина брынзи, я сталъ лавировать между возами, какъ встрѣтился глазами съ направлявшимся ко мнѣ субъектомъ въ фуражкѣ съ кокардой,—это былъ очевидно русскій чиновникъ; едва блеснуло во мнѣ намѣреніе направиться къ нему, какъ онъ уже былъ около меня, едва приготовился я открыть ротъ, какъ онъ уже заговорилъ со мною.

— Я слышалъ, какъ вы, дѣлая покупку, затруднялись объясняться порумынски; вы, вѣроятно, русскій?

Я отвѣтилъ.

— Здѣсь по дѣламъ службы?

— Нѣтъ; да я и не постигаю какая у русскаго можетъ быть служебная обязанность ходить по румынскимъ базарамъ?—спросилъ я его въ свою очередь.

— Я спрашиваю по дѣламъ ли службы вы въ Румыніи, а не на базарѣ?

— Нѣтъ, я нигдѣ не служу.

— Такъ вы коммерческій человѣкъ?

— Нѣтъ.

— Корреспондентъ?—допытывалъ онъ.

— И не корреспондентъ.

— Такъ что же вы, наконецъ?—спросилъ онъ въ недоумѣніи.

— Человѣкъ безъ профессіи, безъ опредѣленной цѣли,—отвѣтилъ я ему отрывисто, но меня какъ-то нервно передернуло.

И въ самомъ дѣлѣ, что за роль человѣка безъ резонныхъ основаній затесавшагося въ среду, въ которой все дышало стремленіемъ къ преднамѣченной цѣли, всякій носилъ на себѣ какой-нибудь ярлыкъ, видимую вывѣску своей профессіи. Отдѣлавшись общими фразами, я рѣшился самъ перейти въ наступленіе и въ свою очередь спросилъ своего собесѣдника. Оказалось, что это былъ одинъ изъ чиновниковъ управленія коменданта императорской главной квартиры, нѣкто З—ій. Маленькій, плотный, бѣлокурый человѣкъ, съ полнымъ лицомъ, усѣяннымъ веснушками, съ маленькими карими, быстро бѣгающими глазами. Слово за слово, мы разговорились и я предложилъ ему зайти ко мнѣ и выпить чашку утренняго кофе; узнавъ, что я живу около вокзала, гдѣ ему надо было побывать по дѣлу, онъ принялъ мое предложеніе и мы отправились. Случайному знакомству съ З—мъ я обязанъ добытыми мною нѣкото-

рыми свѣдѣніями о персоналѣ, входившемъ въ составъ императорской главной квартиры, но свѣдѣніями на первый разъ совершенно достаточными для того, чтобы построить на нихъ планъ, малѣйшій намекъ на который я старался скрыть отъ З—го, потому что онъ произвелъ на меня впечатлѣніе субъекта, которому, чтобы смекнуть что-либо, не надо долго чесать переносицу. Въ воздухѣ стояла удушливая, палящая жара, когда я вышелъ проводить З—го. Я предполагалъ засѣсть за корреспонденцію, писать семьѣ, къ двумъ-тремъ пріятелямъ, но не было рѣшительно ни какой возможности высидѣть въ комнатѣ; я заперъ ставни, чтобъ прекратить доступъ палящихъ лучей солнца, вынесъ коврикъ на дворъ, разослалъ его въ тѣнистой сторонѣ около дома и, чувствуя себя крайне утомленнымъ, прилегъ отдохнуть; по справкѣ оказалось, что меня ожидаетъ обѣдъ на славу: ceorba si verdiaca (супъ съ зеленью), fritura si papikas (жареное мясо съ церцомъ), kaimak, я рѣшилъ засѣсть дома, немного побайбайчничать, а уже подъ вечеръ, когда спадетъ жара, заняться корреспонденціей. Дознано, что ничто такъ не тревожитъ, ничто такъ не бременитъ и не преслѣдуетъ человѣка, какъ запавшая ему въ голову идея какого-нибудь плана, проекта, до его осуществленія, и чѣмъ болѣе достиженіе его представляетъ трудностей, тѣмъ энергія къ одолѣнію этихъ трудностей дѣлается усиленнѣе, настойчивѣе; въ моемъ же положеніи, т. е. человѣка безъ всякихъ связей, знакомствъ, овладѣвшая мною идея—не заурядный интендантскій подрядъ, а продовольствіе императора, сознаюсь, казалась мнѣ недоступной и по грандіозности и по исключительности положенія самаго объекта дѣла. По поговоркѣ, что попытка не шутка, а спросъ не бѣда, я рѣшился приступить къ дѣлу. На слѣдующій же день я представился генералу Воейкову, исправлявшему должность гофмаршала, отъ котораго прежде всего зависѣло осуществленіе моего плана. Генералъ принялъ меня очень любезно, освѣдомился о моемъ прошломъ, обстоятельно выслушалъ мое предложеніе, долго разспрашивалъ о способѣ, какимъ я предполагалъ осуществить его, о средствахъ, какими я располагалъ, и о гарантіяхъ, какія я могу дать въ обезпеченіе солидности моего предложенія, и приказалъ мнѣ подать ему подробное письменное заявленіе въ тотъ же вечеръ или завтра утромъ, но предварительно зайти въ канцелярію управленія главной квартиры, гдѣ и подождать еще одного распоряженія. Конвойный казакъ проводилъ меня въ канцелярію и вызвалъ къ генералу Воейкову чиновника Дмитріева. Возвратившійся черезъ нѣсколько минутъ Дмитріевъ повторилъ мнѣ распоряженіе генерала Воейкова и передалъ еще списокъ предметовъ поставки, чтобы я въ письменномъ моемъ заявленіи проставилъ и цѣны, по которымъ предполагаю производить поставку. Возвратясь домой, я очутился съ глазу на глазъ съ труднѣйшей задачей проставки цѣнъ. Легко сказать—проставьте цѣну? измыслите цѣну внѣ усло-

вій количества потребленія, продолжительности поставки, мѣста поставки и времени поставки; потому что требовалось только одно: «поставлять гдѣ бы то ни было и поставлять сколько бы то ни было»... Но долго раздумывать было некогда, часы были считанные, нельзя было терять ни минуты; я сѣлъ за работу, долго думалъ надъ каждой цифрой, взвѣшивалъ всѣ за и противъ, бралъ въ соображеніе всякія случайности и, оріентируясь съ существовавшими цѣнами въ Плоэштахъ и соображая съ ними хорошо мнѣ извѣстныя цѣны одесскія, я выработалъ предѣльныя цѣны, ниже которыхъ идти было немыслимо. На другой день въ 9 часовъ утра я былъ уже у генерала Воейкова; въ пріемной у него я засталъ извѣстнаго мнѣ по наружности и фамиліи, пріѣзжаго изъ Петербурга, грека К—р—и; онъ пристально смѣрилъ меня глазами отъ головы до ногъ, долго мялся на одномъ мѣстѣ, наконецъ, видимо потерявъ усиліе сдержать себя, обратился ко мнѣ:

— Здравствуйте, я К—р—и, я давно хотѣлъ познакомиться съ вами; знаете, у васъ такой хорошій видъ, вы совсѣмъ какъ русскій большой баринъ; такіе люди теперь очень нужны, знаете, для разговоровъ съ генералами, князьями... Я уже имѣю много подрядовъ и буду еще имѣть, я хочу васъ взять въ компанію?...

Эта греческая логика и греческая тактика взорвали меня.

— То есть какъ же это въ компаньоны? вы будете давать дѣла, капиталъ, а я свой барскій видъ? Нѣтъ, г. К—р—и, меня, при моемъ барскомъ видѣ, Богъ не обошелъ и нѣкоторой смекалкой; благодарю за предложеніе, и мы останемся всякій при своемъ: вы при подрядахъ и капиталахъ, а я при барскомъ видѣ и смекалкѣ.

— Я знаю, вы хотите быть поставщикомъ императора,—брякнулъ онъ,—но это напрасный трудъ, вамъ это не удастся; скажу прямо, и я хлопочу о томъ же; а если выборъ будетъ дѣлаться только изъ насъ двухъ, то я убѣжденъ, что получу это дѣло легче чѣмъ вы, я привезъ генералу письмо отъ...—но въ это время дверь кабинета отворилась и вышелъ генералъ Воейковъ. К—р—и стремительно опередилъ меня и передалъ какой-то пакетъ, затѣмъ я вручилъ свой листъ, и генералъ отпустилъ насъ, добавивъ, что теперь ничего не имѣетъ сообщить намъ, но что мы получимъ сегодня же или завтра отвѣтъ. Встрѣча съ К—р—и еще болѣе возбудила меня, еще болѣе раздражила и такъ сильно разстроенные нервы; кровь сильно била мнѣ въ голову, ноги дрожали, я еле добрелъ до дому и едва переступилъ порогъ, сдѣлалъ большія усилія, чтобъ добраться до кровати, на которую и грохнулся, какъ подпиленный столбъ... Черезъ нѣсколько минутъ хозяйка, крадучись на цыпочкахъ черезъ комнату, подобралась къ кровати и осторожно штурхая меня, стала заботливо выпытывать.

— Ce face, domnule, esti bolnav? n'ai primit scrisore de acasa. Vrei, domnule, aste sera se mergem le preumblare la mosie[1]), — начинала меня тѣшить старушка.

Я схватился за эту идею, я такъ былъ утомленъ послѣдніе дни, вынесъ такъ много напряженія, что проѣхаться за городъ для меня помимо развлеченія было существенно необходимо, какъ средство для возстановленія нервовъ, освѣженія силъ. Моя хозяйка, старая помѣщица, проведшая всю молодость въ деревнѣ, страстно любила весь деревенскій обиходъ; она давно уже приговаривалась ко мнѣ о загородной экскурсіи; я охотно пригласилъ ее и мы часовъ въ пять выѣхали въ извозчичьемъ фаэтончикѣ за городъ. Мы ѣхали открытой мѣстностію, на близкомъ разстояніи другъ отъ друга попадались намъ одинокія усадьбы хуторянъ; отъѣхавъ версты четыре отъ города, дорога стала спускаться подъ гору, мѣстность оживляться оазисами маленькихъ рощицъ, вдали сверкнула стальной лентой рѣка; дневная жара стала спадать, атмосфера дѣлалась до того легка, что, жадно вдыхая свѣжій, ароматическій воздухъ, въ груди чувствовалась какая-то зыбь, которая тихо передавалась по всѣмъ нервамъ, сообщая тѣлу сладкую, нѣжно раздражающую истому; я свалился на спинку фаэтона, снялъ шапку и закинулъ голову назадъ... экипажъ круто повернулъ налѣво по узкой, но хорошо уѣзженной дорогѣ; мы подъѣзжали къ рощѣ. Я зашелъ далеко въ гущу рощи, оставивъ старуху у экипажа; припавъ за чащу кустарника, я разостлалъ пальто, сбросилъ шапку и улегся... кругомъ было тихо; былъ тотъ ненарушимый, священный покой, который дается въ рѣдкія минуты жизни. Счастливецъ, баловень судьбы лишенъ возможности постигнуть прелесть покоя, затишья; но пасынки судьбы, злосчастные мыкальщики жизни только въ немъ и находятъ примиреніе съ дѣйствительностію. Не покой байбака, увальня, а покой, котораго ищутъ люди, сломленные силой... Я долго лежалъ, поджавъ руки подъ голову и щуря глаза отъ солнечныхъ лучей, пробивавшихся сквозь гущу листьевъ... я забылся...

— Domule, este tardio, mergem la oras acasa,—кричалъ визгливый голосъ старушки.

Были сумерки, когда мы выѣхали изъ лѣсу и совсѣмъ темно, часовъ девять, когда подъѣхали къ дому. Я вошелъ въ комнату, зажегъ лампу и засѣлъ писать домой письмо, за которое принимался уже нѣсколько разъ и никакъ не могъ принудить себя за хлопотами и заботами объ интересовавшемъ меня дѣлѣ сосредоточиться на другомъ. «Ужъ не подождать ли результата моихъ хлопотъ?»—думалось мнѣ. Едва я собрался съ мыслями, какъ въ сѣ-

---

[1]) Что вы дѣлаете, сударь, не больны ли? не получили письма изъ дому. Хотите, сударь, поѣдемъ сегодня вечеркомъ покататься въ деревню.

няхъ послышался какъ будто знакомый голосъ, назвавшій мою фамилію; я никакъ не могъ припомнить чей былъ это голосъ?

— Позвольте войти,—проговорилъ стоявшій въ сѣняхъ, предварительно постукивая по румынскому обычаю въ дверь, но, не дожидаясь отвѣта, отворилъ ее.—Я увидѣлъ передъ собою жандармскаго офицера, съ которымъ встрѣтился на вокзалѣ на второй день моего пріѣзда въ Плоешты.

— Ну, батюшка, задали же вы мнѣ гону, я васъ ищу давнымъ давно... а вы, говорятъ, поѣхали въ лѣсъ, да хоть бы зналъ въ какой, я и туда поѣхалъ бы.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— А въ томъ, что за вами присылали лейбъ-казака, васъ требуютъ въ управленіе императорской главной квартиры. Чтобы это значило?:.

Я поблагодарилъ его за невольно причиненныя хлопоты и сказалъ, что я дѣйствительно жду, но не присылки за мной, а извѣщенія по одному меня лично касающемуся дѣлу. Не откладывая ни минуты, я вышелъ изъ дому; вскочивъ съ офицеромъ въ фаэтонъ ѣхавшаго съ вокзала извозчика, я подвезъ его въ городъ, а самъ поѣхалъ къ генералу Воейкову. Генералъ объявилъ мнѣ, что министръ двора утвердилъ поставку за мной, чтобы я завтра же утромъ явился въ управленіе императорской главной квартиры для выработки условій контракта и озаботился бы представленіемъ залога пять тысячъ рублей золотомъ. Онъ передалъ мнѣ, что при существованіи другихъ соискателей подряда, имѣвшихъ ходатайства очень вліятельныхъ людей, выборъ графа палъ все-таки на меня, потому что я лично вселяю ему полное довѣріе, и въ убѣжденіи, что я оправдаю это довѣріе, онъ ввѣряетъ мнѣ трудное и отвѣтственное дѣло продовольствія государя императора, членовъ императорской фамиліи, персонала главной квартиры государя и особъ его свиты; поздравивъ меня и пожелавъ успѣха, онъ отпустилъ меня. Я вышелъ отъ генерала и какъ теперь помню съ какимъ-то тяжелымъ, удручающимъ чувствомъ; я испытывалъ удовольствіе достиженія цѣли, наслажденіе осуществленныхъ мечтаній, достигнутыхъ стремленій, но въ то же время и робость передъ будущимъ; меня какъ бы давила грандіозность дѣла и сила нравственной отвѣтственности; мнѣ глубоко запали слова генерала Воейкова: «меня предпочли, потому что я вселялъ довѣріе». Я пришелъ домой, раскрылъ передъ собою листъ съ перечнемъ предметовъ поставки, въ немъ стояло: быки, телята, бараны, куры, цыплята, яйца, масло коровье, картофель, ледъ, дрова, уголь деревянный, шампанское, лафитъ, го-сотернъ, хересъ, мадера, медокъ, доппель-кюммель, англійская горькая, ромъ, коньякъ, русская очищенная водка, пиво, всѣ вина должны быть заграничныя и указанныхъ марокъ, пиво петербургское Калашникова, или одесское промышленнаго товарищества, или

братьевъ Ансельмъ; сельтерская вода натуральная, а искусственная сельтерская и содовая вода въ сифонахъ завода одесскаго общества минеральныхъ водъ; сахаръ головной русскій, сахаръ румынскій, сахарная пудра; кофе, чай цвѣточный и черный; масло сливочное, сливки, молоко, масло прованское, сыръ швейцарскій, голландскій и честеръ; эстрагонъ, горчица, перецъ, лимоны, апельсины, сельди, свѣчи стеариновыя Невскаго завода, спиртъ; все это должно было быть поставляемо безъ малѣйшаго недостатка и безъ задержки во все время войны, гдѣ бы не находился императоръ, и вплоть до возвращенія его въ Петербургъ. Въ этомъ перечнѣ сорока двухъ предметовъ главнѣйшее затрудненіе составляли вино, газовыя воды и ледъ, какъ предметы трудно перевозимые и очень трудно сохраняемые въ жару. Кромѣ поставки, въ мой контрактъ входило обязательство стирки бѣлья, что составляло труднѣйшую и хлопотливѣйшую статью подряда. Легко сказать, мыть въ походѣ, при крайне неудобныхъ и тѣсныхъ стоянкахъ, скатерть въ 22 аршина длиною, и дѣлать тщательную пріемку бѣлья. Стирка носильнаго бѣлья ставила меня въ непосредственныя сношенія съ частною прислугою, контингентомъ очень разнохарактернымъ и крайне своеобразнымъ. Хлопоча о поставкѣ, добиваясь получить ее, ни на моментъ не задумывался я о способѣ ея выполненія; да и смѣшно было забѣгать впередъ, обдумывать то, достиженію чего не придавалъ ни малѣйшей надежды и вѣроятія, но когда дѣло очутилось уже въ моихъ рукахъ, когда предстояло черезъ нѣсколько дней приступить къ его выполненію, я нѣсколько поколебался и, по зрѣломъ обсужденіи, по тщательномъ разборѣ всѣхъ за и противъ, рѣшилъ, что одному этого дѣла мнѣ не поднять; во-первыхъ, по необыкновенной сложности самаго дѣла, разбросанности дѣятельности, и во-вторыхъ, по значительности денежныхъ затратъ, какія это дѣло потребовало на первыхъ же порахъ; я пригласилъ знакомаго моего, Н. И. Нельговскаго въ качествѣ компаньона. 4-го іюня былъ подписанъ контрактъ, и тогда же я выговорилъ себѣ три дня льготныхъ на устройство необходимыхъ приспособленій по организаціи дѣла. Цѣны, по которымъ я взялъ подрядъ, были въ совершенномъ соотвѣтствіи съ тогдашними рыночными цѣнами, если добавить къ этимъ послѣднимъ расходы перевозки товаровъ въ походѣ, подвозку ихъ къ мѣсту расположенія главной квартиры, полученія винъ изъ-за границы, а большинства товаровъ изъ Россіи, уплату пошлины, убыль, порчу и битье въ пути, содержаніе громадныхъ перевозочныхъ средствъ и большого состава служащихъ. Впослѣдствіи оказалось, что наши цѣны были значительно ниже цѣнъ поставщика главнокомандующаго и несравненно ниже цѣнъ частныхъ торговцевъ, появлявшихся въ мѣстахъ расположенія значительныхъ частей войскъ, не смотря на то, что торговцы эти держали только то, что имъ было выгодно, и

торговали только тамъ, гдѣ имъ было удобно. Чтобы имѣть представленіе о накладныхъ расходахъ, приведу слѣдующій, взятый на выдержку счетъ: куплено по фактурѣ 200 бут. вина медокъ f. со Галацъ 944 фр. 30 с.—уплачено коммисіи 14 фр., пошлины 151 фр. 60 с., билетъ на желѣзную дорогу 43 фр. 50 с.—перевозка вина по желѣзной дорогѣ 44 фр. 30 с., погрузка и выгрузка на желѣзной дорогѣ 4 фр. и того накладнаго расхода 257 фр. 40 с., т. е. болѣе 30%; не считая расхода по эксплуатаціи дѣла, который составлялъ до 10% валового поступленія денегъ!.. Цѣну быка мы имѣли 280 фр., что при тогдашнемъ курсѣ составляло до 110 руб за быка, а по детальному расчету, полагая въ быкѣ средній вѣсъ чистаго мяса только 15 пудовъ, получимъ, что фунтъ мяса обходился двору по 46 сантимовъ или по 18,4 копѣйки; полагаю, что это цѣна болѣе, чѣмъ скромная, ибо по этому расчету, при полученіи съ быка 18 пудовъ, а мы давали исключительно рослый и жирный скотъ, фунтъ мяса обходится двору 14 копѣекъ тогда какъ въ то же время въ Петербургѣ мясо стоило 16 копѣекъ фунтъ, въ Москвѣ 15 коп. и въ Одессѣ 14 коп. фунтъ. Поставку воловъ, телятъ, барановъ, птицы, коровьяго и сливочнаго масла, яицъ и топлива для кухонь я передалъ двумъ плоэштскимъ евреямъ Самуилу Шварцу и Арону Ротлеру на условіяхъ, что они должны это поставлять, гдѣ бы я не потребовалъ и въ какомъ бы ни было количествѣ, по цѣнамъ на 6% ниже моихъ контрактныхъ цѣнъ, и если что-либо изъ поставленнаго ими не было бы принято, то я имѣю право купить за ихъ счетъ и по какой бы то ни было цѣнѣ... Эти контрагенты оказались дѣятельными и честными людьми, а толстый, но живой и всегда веселый Самюель, еще и способнымъ и расторопнымъ малымъ, который нерѣдко оказывалъ мнѣ весьма существенныя услуги. Такъ какъ императорская ставка была на противоположномъ отъ моей квартиры краю города, а мнѣ при предстоящихъ ежедневныхъ сношеніяхъ нужно было расположиться около самой ставки императора, то я вынужденъ былъ разстаться съ моею гостепріимною, доброю хозяйкою; я поручилъ Шварцу и Ротлеру, какъ мѣстнымъ жителямъ, нанять для меня подходящее помѣщеніе; взялъ рекомендованнаго мнѣ компаньономъ молодого человѣка Вуро, въ качествѣ бухгалтера и корреспондента, и нанялъ двухъ извѣстныхъ мнѣ изъ Одессы людей Тимоѳея Галанина и Александра Дружинина въ качествѣ приказчиковъ. Вуро—молодой человѣкъ хорошей, зажиточной фамиліи, получившій коммерческое образованіе во Франціи, оказался веселымъ спутникомъ и находчивымъ собесѣдникомъ. Такъ какъ перевозочныя средства должны были понадобиться съ первыхъ же дней поставки, то я поручилъ Вуро изготовить три полныхъ двуконныхъ фургонныхъ выѣзда и нанять трехъ кучеровъ, а самъ, въ сопровожденіи Галанина и Дружинина, выѣхалъ въ Букарестъ для закупокъ. По пріѣздѣ въ

Букарестъ, я прежде всего обратился въ наше генеральное консульство, представился консулу Стуарту;—онъ былъ родной братъ профессора Новороссійскаго университера, богатаго бессарабскаго землевладѣльца, съ которымъ я часто встрѣчался въ обществѣ сельскаго хозяйства и зналъ хорошо. Я просилъ консула дать мнѣ руководителя, онъ направилъ меня къ своему секретарю Нягѣ, давнишнему букарестскому жителю. При содѣйствіи и по указаніямъ Няги, я сдѣлалъ первыя покупки всего на восемь тысячъ франковъ; возвратившись на другой день въ Плоэшты, я засталъ депеши изъ Одессы, что заказные товары куплены и седьмого отправляются въ Унгени; въ Плоэштахъ я нашелъ уже три фургонныхъ выѣзда, которые послужили ядромъ моего будущаго транспорта. Вечеромъ я отправился въ расположеніе императорскаго обоза, чтобы познакомиться съ людьми, съ которыми мнѣ предстояло войти въ дѣловыя сношенія. Первое лицо съ которымъ я свидѣлся былъ Леонтьевъ гофъ-фурьеръ; онъ сообщилъ мнѣ обстоятельныя свѣдѣнія объ организаціи хозяйственнаго распорядка въ дневномъ обиходѣ двора; оказалось, что это очень сложный механизмъ и къ тому же приводимый въ движеніе многочисленнымъ персоналомъ.

III.

Распорядокъ продовольствія императорской главной квартиры; составъ персонала ея; механизмъ хозяйственнаго обихода.—Должностныя лица, Вавасеръ и Клеве.—Первый нарядъ.—Самюель.—Выходъ изъ Плоэштъ.—Первый ночлегъ.—Первая стоянка.—Вуро.—Затрудненія и осложненіе дѣла.—Исчезновеніе часовъ.—Зимницы.—Устройство прачешной.—Полевая почта.—Новый типъ почтоваго чиновника.—Зимницкая стоянка.—Выступленіе изъ Зимницы.—Царевицъ.—Павло.—Вступленіе въ Бѣлу.

Продовольствіе императорской главной квартиры во время похода имѣло слѣдующій распорядокъ: утренній чай, завтракъ, обѣдъ, вечерній чай и ужинъ. Для продовольствія была обширная, общая столовая палатка; завтракъ, обѣдъ и ужинъ подавались одновременно въ столовой палаткѣ, а чай, какъ утренній, такъ и вечерній, хотя и сервировался въ столовой палаткѣ, но большею частью разносился по отдѣльнымъ палаткамъ. Обѣдъ дѣлился на четыре отдѣльныхъ стола: императорскій, гофмаршальскій, кавалерскій и должностной; первые три стола сервировались одновременно, а должностной столъ подавался въ томъ же помѣщеніи, но по окончаніи первыхъ трехъ столовъ. Государь большею частью обѣдалъ одновременно съ первыми тремя столами, и вообще раздѣленіе этихъ столовъ существовало только теоретически, а практически оно ска-

зывалось только въ распредѣленіи мѣстъ за однимъ общимъ большимъ столомъ;—въ рѣдкіе дни особеннаго недомоганія или дурной погоды государь обѣдалъ отдѣльно. Къ гофмаршальскому столу принадлежали особы высшихъ ранговъ, а остальные къ столу кавалерскому; всѣ же служащіе въ разныхъ канцеляріяхъ и управленіяхъ чиновники составляли должностной столъ. Въ составъ императорской главной квартиры входили слѣдующія лица: ихъ императорскія высочества великій князь Владиміръ Алексадровичъ, только сначала кампаніи до полученія въ свое командованіе отдѣльнаго отряда, великій князь Сергѣй Александровичъ, ихъ высочества князья Николай и Сергѣй Максимиліановичи Лейхтенбергскіе, министръ двора графъ А. В. Адлербергъ, военный—графъ Д. А. Милютинъ, графъ А. А. Суворовъ-Рымникскій, князь Меншиковъ, графъ Игнатьевъ, шефъ жандармовъ Н. В. Мезенцовъ, комендантъ главной квартиры генералъ Рылѣевъ, помощникъ командующаго главной квартиры генералъ-лейтенантъ Н. В. Воейковъ, прусскій генералъ Вердеръ, графъ Левашевъ, графъ Протасовъ-Бахметьевъ, генералъ-маіоры: Тучковъ, Салтыковъ, тайный совѣтникъ Гамбургеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фредериксъ, генералъ-маіоръ Щелковъ, полковники: Черевинъ, Лобко, Фулонъ, лейбъ-медикъ Боткинъ, доктора: Головинъ, Кавальскій (прибывшій нѣсколько позднѣе, кажется во время стоянки въ Бѣлой), протоіерей Никольскій и діаконъ. Кромѣ того, были представители иностранныхъ державъ: принцъ Александръ Батенбергскій, баварскій принцъ Арнульфъ; фонъ-Лигницъ, Вильомъ, графъ Ведель, полковникъ Гальяръ, капитанъ Варбергъ, капитанъ Гедеманъ, поручикъ Гринъ, полковникъ Катарджи, Станко-Радовичъ, генералъ Зефкасъ, полковникъ Гергель, японскій полковникъ Сего-Іозамо; флигель-адъютанты государя императора, адъютантъ военнаго министра и офицеръ своднаго гвардейскаго конвоя его величества. Составъ этотъ времени отъ времени измѣнялся:—убывалъ отъ временныхъ командировокъ на боевыя линіи и прибывалъ отъ ежедневнаго пріѣзда въ императорскую квартиру ординарцевъ командировъ частей и отдѣльныхъ начальниковъ; общій составъ императорской главной квартиры, кромѣ должностныхъ чиновниковъ, служившихъ въ разныхъ управленіяхъ и канцеляріяхъ, доходилъ до 70 человѣкъ; на столѣ же вмѣстѣ съ должностными лицами и службами состояло до 100 человѣкъ; на общемъ же продовольствіи, вмѣстѣ съ прислугой, было до 200 человѣкъ. Непосредственное завѣдываніе всѣмъ механизмомъ хозяйственнаго обихода принадлежало гофъ-фурьеру; кромѣ этого, въ его спеціальномъ вѣдѣніи было освѣщеніе и отопленіе всѣхъ помѣщеній императорской главной квартиры. Все хозяйство дѣлилось на четыре отрасли: 1) часть мундшенка—должность эту исполнялъ Тонфельдъ; вѣдѣнію его подлежали напитки: водки, вина, пиво, газовыя воды и

ледъ; 2) часть кофешенка—должность эту исполнялъ Лепехинъ; вѣдѣнію его подлежалъ чай, кофе, сахаръ, сливки, сливочное масло; 3) часть тафельдекера—должность эту исполнялъ Шороховъ; вѣдѣнію его подлежали всѣ закуски и завѣдываніе столовымъ бѣльемъ; и 4) какъ нѣчто болѣе самостоятельное, внѣ надзора гофъ-фурьера, часть метръ д'отеля—должность эту исполнялъ французъ Вавасеръ; вѣдѣнію его подлежала кухня. Общій надзоръ и завѣдываніе всѣми отраслями хозяйства военно-походнаго обоза принадлежали чиновнику дворцоваго вѣдомства П. Н. Дмитріеву. Всѣ эти должностныя лица, какъ они назывались, обязаны были согласно контракту дѣлать мнѣ ежедневные заказы по письменнимъ ордерамъ, согласно съ которыми и производился отпускъ товаровъ. Первое знакомство съ людьми, съ которыми мнѣ предстояло быть въ ежедневныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ, произвело на меня совершенно неожиданное впечатлѣніе: я увидѣлъ передъ собою некультивированныхъ, простодушныхъ людей; я просто недоумѣвалъ: неужели это тѣ люди, которые fassent les honneurs et services во дворцѣ русскаго царя; неужели это фактотумы гостепріимства именитыхъ гостей государя; такъ мало эти люди по внѣшности своей отвѣчали роскоши, блеску, фешенебельности, этикету императорскаго обихода; всѣ они выглядѣли какими-то вахтерами или дядьками кадетскихъ корпусовъ ростовцевскаго времени; одинъ только гофъ-фурьеръ Леонтьевъ отличался нѣкоторою внѣшнею представительностію; но къ чести этихъ простыхъ людей нужно сказать, что внѣшность ихъ была далеко ниже ихъ нравственной опрятности; это были люди честные, правдивые и большіе работники. Надъ этой группой стояла другая, высшая—канцелярскихъ чиновниковъ. П. Н. Дмитріевъ, казначей главной квартиры—Поповъ и письмоводитель управленія главной квартиры—Ларіоновъ. Эти три лица совершенно заурядные субьекты, простые, écrus, какъ говорятъ французы. Изъ нихъ съ Дмитріевымъ я бывалъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ; онъ, при несомнѣнномъ умѣ, обладалъ и житейской сноровкой, умѣньемъ примѣниться къ людямъ и обстоятельствамъ. Среди этихъ людей совершенно особнякомъ стоялъ Вавасеръ съ представительною и внушительною внѣшностію, красивымъ, осмысленнымъ лицомъ, полированными манерами, природнымъ умомъ и тактомъ, всегда веселымъ, бодрымъ расположеніемъ духа, привѣтливый въ обращеніи; какъ французъ, онъ любилъ и умѣлъ говорить весело, игриво и мѣтко; какъ спеціалистъ, это былъ мастеръ своего дѣла и достойный представитель великаго Вателя при русскомъ царѣ. При обозѣ была еще одна личность, съ которой я не имѣлъ никакихъ дѣловыхъ сношеній, но умолчать о которой, въ виду ея типичности, нельзя; это хлѣбопекъ Клеве; веселый, энергичный и толстѣйшій, но очень подвижной нѣмецъ; при маленькомъ ростѣ онъ имѣлъ до $2^1/_4$ аршинъ въ об-

хватѣ; кубообразный тевтонъ этотъ никогда, даже въ дни, когда температура доходила до +40°, не жаловался на жару; я никогда не видѣлъ, чтобы Клеве шелъ шагомъ, а всегда въ припрыжку, точно его гналъ кто-нибудь.

Было 6 іюня, канунъ начала поставки; дѣло мое уже было на сколько можно налажено; я отправилъ двухъ людей въ Унгени за полученіемъ ожидавшагося туда изъ Одессы товара, и часовъ въ 7 вечера получилъ первые ордера; привожу ихъ цѣликомъ, какъ интересные документы:

Метръ-д'отель:—1 быкъ, 100 цыплятъ, 20 куръ, 6 барановъ, 300 яицъ; масла коровьяго пудъ; молока 10 квартъ.

Мундшенкъ:—Лафиту—50 бутылокъ, мадеры—10 бутылокъ, медоку—50 бутылокъ, пива—100 бутылокъ, шампанскаго—12 бутылокъ; водки очищенной Попова—18 бутылокъ; англійской горькой—6 бутылокъ; доппель-кюммелю—6 бутылокъ, льду—65 окъ.

Кофешенкъ:—Сахару русскаго головами—2 пуда, сахару румынскаго—2 пуда; кофе—20 фунтовъ, чаю цвѣточнаго—5 фунтовъ, чаю чернаго—10 фунтовъ; масла сливочнаго—10 фунтовъ; сливокъ—8 бутылокъ; угля деревяннаго—25 окъ.

Тафельдекеръ:—Масла прованскаго—4 бутылки, сыру голландскаго—2 головы, сыру швейцарскаго—5 фунтовъ, честеру—5 фунтовъ, сельдей голландскихъ—25 штукъ, уксусу эстрагону—2 бутылки, горчицы сарептской—4 банки; горчицы французской—6 банокъ, горчицы англійской—2 банки, лимоновъ—30 штукъ.

Гофъ-фурьеръ:—Свѣчей стеариновыхъ пудъ; спирту чистаго 96°—3 бутылки.

Передавъ эти ордера Вуро для разноски по книгамъ, я поручилъ ему вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ приготовить отпускъ и послалъ за Самюелемъ, который съ своимъ хозяйствомъ помѣстился тутъ же во дворѣ.

— Nu, Herr Samuel, morgen wir fangen chon an. (Ну, господинъ Самуилъ, завтра мы уже начинаемъ).

— Ja, mein Herr. (Да, сударь).

— Da haben Sie die erste Bestellung, es ist für morgen. (Вотъ вамъ первый заказъ, это на завтра).

— Nu, gut was denn? (Ну, хорошо, что же?)—невозмутимо спокойно промычалъ Самюель.

Я беру ордеръ метръ-д'отеля и читаю.

— Ein Ochs. (Одинъ быкъ).

Самюель заноситъ въ маленькую записную книгу...

— Ja, mein Herr. (Да, сударь).

— 100 Huhner. (100 цыплятъ).

— Gut, mein Herr. (Хорошо, сударь).

— 20 Huhner. (20 курицъ).

— Shön, mein Herr. (Прекрасно, сударь).

— 6 Schafen. (6 овецъ).

— Ja, mein Herr (да, сударь).

Самюель начинаетъ веселѣть и поддакивать энергичнѣе.

— 300 Eier (300 яицъ).

— Brawo, mein Herr. (Браво, сударь).

— Ein Pud Butter. (Пудъ масла).

— Was ist es für Gewicht a Pud? (Что это за вѣсъ—пудъ?)—недоумѣвая, спрашиваетъ Самюель.

— Es ist sechs und zwei viertel Ocos; beinahe 7 Ocos. (Это шесть и двѣ четверти окъ; почти 7 окъ).

— Zu wenig, zu wenig, mein Herr (слишкомъ мало, слишкомъ мало, сударь),—видимо уже соображая, заявилъ Самюель.

— 10 Liter's Milch (10 квартъ молока).

— Nur? (Только?)—удивленно замѣтилъ Самюель.

Я предупредилъ его, что все должно быть завтра въ 6 часовъ утра доставлено и сдано метръд'отелю.

— Gewisz, fix und fertig (непремѣнно, точно и аккуратно).—отрапортовалъ Самюель.

Седьмаго іюня, рано утромъ, два фургона, нагруженные заказанными припасами, поѣхали въ ставку главной квартиры; я отправился туда же, желая присутствовать при первой сдачѣ. Войдя во дворъ зданія, гдѣ было расположено хозяйство главной квартиры, я увидѣлъ у средняго подъѣзда фургонъ, на которомъ высился быкъ, уже безъ кожи, подъ фургономъ шесть покорно лежавшихъ съ перевязанными передними ногами барановъ, сбоку клѣть съ птицею и большая корзина съ яйцами; тутъ же и самъ Самюель съ торжествующимъ и самодовольнымъ выраженіемъ лица.

— Und wo ist Butter und Milch? (А гдѣ же масло и молоко?)

— Schon da (уже тамъ),—лаконически отвѣтилъ Самюель, показывая на домъ.

Начало было сдѣлано, первые дни работа настраивалась, люди привыкали, втягивались въ дѣло; я ознакомливался съ характеромъ пріемки и требованій. Весь трудъ, вся тяжесть работы предстояла впереди въ походѣ, о которомъ всѣ говорили, къ которому готовились со дня на день, но никто не зналъ опредѣлительно. Товары одесскіе вскорѣ прибыли, складъ мой значительно увеличился прибывшими товарами изъ Букареста и Вѣны, я увеличилъ свои подъемныя средства, прибавивъ еще три фургона, и 14-го іюня императорская главная квартира выступила изъ Плоэштъ, но государь выѣхалъ за два дня ранѣе. Куда мы шли опредѣленно не было извѣстно, какъ и во все время похода никогда не было заранѣе извѣстно, куда мы направляемся далѣе. Первый же день похода ознаменовался дождемъ, который захватилъ насъ въ пути; когда же мы остановились на ночлегъ, онъ полилъ буквально какъ изъ ведра. Не могу возстановить въ своей памяти точнаго названія этой мѣст-

ности, но самой мѣстности никто и воспроизвести себѣ не можетъ, потому что мы пришли поздно вечеромъ, когда не было видно ни зги. Тимоѳей досталъ мнѣ желѣзную кровать, разложилъ ее подъ открытымъ небомъ, закрылъ меня съ головою запаснымъ брезентомъ и я улегся спать и заснулъ подъ аккомпанементъ частой дроби крупныхъ дождинъ о брезентъ; послѣ долгаго забытья слышу сквозь сонъ нѣкогда знакомый мотивъ генералъ-марша; я высунулъ голову изъ-подъ брезента, дождя нѣтъ, но небо сѣро, земля набухла отъ воды, разбросанныя вдоль опушки лѣса палатки сдѣлались темносѣраго цвѣта; въ какія-нибудь пять-шесть минутъ весь персоналъ главной квартиры былъ уже на коняхъ и подъ звуки марша конныхъ трубачей пестрая группа всадниковъ стала дефилировать вдоль опушки лѣса, выѣзжая на дорогу. Помню, какъ теперь, старика графа Суворова молодцовато выѣзжающаго впереди всѣхъ на сѣрой лошади; за всадниками нѣсколько экипажей, за ними длинный рядъ фургоновъ военно-походнаго обоза, затѣмъ я въ шарабанѣ вдвоемъ съ Вуро, за нами наше хозяйство и, наконецъ, Самюель съ своимъ богатствомъ и багажемъ. Мы ѣхали полурысью, и вообще, все время похода никогда не дѣлали болѣе восьми верстъ въ часъ. Около полудня былъ сдѣланъ привалъ для чаю и холодной закуски. Бѣдному Вуро первый же день похода далъ себя знать; онъ промокъ до костей, но крѣпился сколько могъ; ознобъ сильно донималъ его, онъ никакъ не могъ согрѣться; два стакана чаю съ ромомъ сдѣлали противоположный эффектъ; его вогнало въ сильный жаръ, лицо сдѣлалось мѣдно-краснаго цвѣта, выступила обильная испарина, а въ воздухѣ было сыро, свѣжій вѣтерокъ дѣлалъ атмосферу прохладною. Часовъ въ пять подъ вечеръ, крайне утомленные, мы пришли въ Копачени. Императорская свита расположилась во владѣльческомъ домѣ и въ палаткахъ, раскинутыхъ въ саду, а обозъ на полянѣ около сада; я занялъ тутъ же вблизи маленькій домикъ съ большимъ дворомъ и длиннымъ навѣсомъ. Съ Вуро было плохо; напоивъ его чаемъ и приказавъ растереть водой съ уксусомъ, я уложилъ его на своей кровати и плотно укуталъ, а самъ отправился въ ставку императорскаго обоза, лично получить наряды и разузнать о дальнѣйшемъ движеніи. Мнѣ сообщили, что ничего неизвѣстно, что могутъ простоять и нѣсколько дней и что будутъ стоять здѣсь, дожидаясь дальнѣйшихъ распоряженій. Возвратясь къ себѣ, я засталъ нарочнаго, выѣхавшаго изъ Плоэштъ по желѣзной дорогѣ на Фратешти, а оттуда на подводѣ въ Копачени. Онъ привезъ мнѣ депешу, полученную на мое имя въ Плоэштахъ, и письмо. Въ депешѣ сообщалось, что большой транспортъ товаровъ, отправленныхъ изъ Одессы въ количествѣ до 400 пудовъ, прибылъ въ Фратешти, а въ письмѣ меня извѣщали, что восемь прачекъ изъ Одессы прибыли въ Букарестъ, что къ нимъ принанято еще четыре румынки, и что всѣ онѣ отправлены въ

Фратешти, гдѣ и будутъ ждать дальнѣйшаго направленія. Я поставленъ былъ въ крайне затруднительное положеніе: дѣло разрослось, хозяйство становилось сложное и разбросанное, распорядиться не кѣмъ и вдобавокъ ко всему, единственное подходящее лицо Вуро и тотъ боленъ. Прежде всего я, схватившись за поговорку—la nuit porte conseil (утро вечера мудренѣе) и въ виду собственнаго утомленія и изнуренія людей, улегся спать. Комната освѣщалась тощимъ свѣтомъ стеариновой свѣчи; въ углу на кровати лежалъ Вуро, изрѣдка стоналъ и слегка бредилъ; я расположился на деревянной скамьѣ, въ углу около окна, раскинулъ свой походный матрасикъ, загасилъ свѣчу, но — какъ не силился заснуть—не могъ; меня тревожило безпокойство за цѣлость товара, я просто затруднялся и не зналъ куда пріютить араву женщинъ-прачекъ; время давно перевалило за полночь, на дворѣ темная мгла и мертвая тишина, изрѣдка нарушаемая храпомъ лошадей; вдругъ два сильныхъ удара въ окно, какъ разъ противъ горящей свѣчи; я посмотрѣлъ въ окно, какая-то длинная фигура.

— Къ вамъ, къ вамъ, г. поставщикъ, изъ главной квартиры—казакъ.

Я впустилъ его и онъ объявилъ, что главная квартира выступаетъ завтра чуть свѣтъ. Болѣе запутывающаго, болѣе сбивающаго всѣ мои разсчеты извѣстія нельзя было придумать. Я рѣшилъ разгрузить пять подводъ и послать съ ними Вуро и Дружинина въ Фратешти ждать прачекъ, которыя должны были прибыть въ тотъ же день; затѣмъ прачки на высланныхъ подводахъ должны въ сопровожденіи Дружинина проѣхать прямо въ Зимницу, а Вуро, оставаясь въ Фратештахъ, долженъ принять весь товаръ и по мѣрѣ прибытія подводъ пересылать его въ Зимницу. Съ разсвѣтомъ императорскій обозъ двинулся обычнымъ порядкомъ; вскорѣ выѣхалъ и Вуро, который послѣ сна окрѣпъ и чувствовалъ себя лучше; за императорскимъ обозомъ двинулся Самюель съ своимъ хозяйствомъ; я же остался съ двумя нагруженными подводами и внесенными въ комнату ящиками и тюками, снятыми съ разгруженныхъ пяти подводъ. Комната моя была буквально баррикадирована тюками, ящиками, связками, мѣшками; я едва съэкономничалъ маленькое пространство для стола; еле занимавшійся разсвѣтъ слабо озарялъ комнату, я ютился съ маленькимъ самоваромъ у угла стола, пилъ чай и наблюдалъ въ окно за сохранностью стоявшихъ тамъ подводъ, а Тимоѳея съ однимъ кучеромъ послалъ искать людей для перевозки сгруженнаго товара въ Зимницу; другой же кучеръ остался около лошадей. Часа черезъ два началась нагрузка товаровъ на нанятыя подводы. Приказавъ имъ выѣзжать, я возвратился уже въ совершенно опорожненную комнату, но до того опорожненную, что не нашелъ и своихъ золотыхъ часовъ, которые, выходя часто изъ комнаты, по забывчивости, оставилъ на столѣ; искать было не съ кого,

да и некогда; въ комнатѣ за два часа перебывала масса народу, къ нанятымъ людямъ нашло много помогать нагружать; такъ часы и канули, и до сихъ поръ воръ-румынъ считаетъ по нимъ время и вспоминаетъ счастливую пору наживы и воровства. Оставивъ Тимоѳея съ двумя казаками, которыхъ выпросилъ на этотъ переѣздъ для сопровожденія транспорта, я сѣлъ въ свой шарабанчикъ и на всѣхъ рысяхъ поѣхалъ въ погоню за императорскимъ обозомъ, нагналъ его подъ самою Зимницею, въ которую мы и вошли 16 іюня часовъ въ семь вечера.

Въ Зимницѣ государь императоръ помѣщался въ двухъэтажномъ домѣ, обращенномъ главнымъ фасадомъ на Дунай, а заднимъ фасадомъ на большой, но совершенно невоздѣланный и прямо-таки запущенный садъ; въ саду небольшими группами были разбросаны палатки персонала императорской квартиры, большая съ зеленымъ верхомъ палатка для походной столовой, за оградой сада обозъ, разъѣзжія брички и фургоны, далѣе коновязи съ лошадьми, а противъ императорской ставки черезъ дорогу моя квартира. Помѣщеніе мое въ Зимницѣ было очень удобно: оно состояло изъ большого двора съ длинными сараями и плановаго дома о пяти комнатахъ. Стоянка въ Земницѣ продолжалась 16 дней и была лучшимъ временемъ всего похода. Государь былъ здоровъ, въ отличномъ расположеніи духа, поддерживавшагося свѣтлыми надеждами и удачнымъ началомъ кампаніи, легко сдѣланною переправою черезъ Дунай. Дѣло мое налаживалось и принимало регулярный ходъ. Съ перваго же дня прихода въ Зимницу, меня стали буквально атаковать сдачею бѣлья въ стирку; а тафельдекеръ прямо заявилъ, что у него осталось столоваго бѣлья только на двѣ недѣли, такъ какъ съ самаго выѣзда изъ Петербурга, бѣлье еще ни разу не было въ мытьѣ, а обходились все свѣжимъ. Дѣлать было нечего, я сталъ принимать бѣлье. Перевозить прачекъ въ Зимницу и устроивать въ ней прачешную, не представлялось никакой возможности; вся Зимница была переполнена войсками, тутъ же была и главная квартира главнокомандующаго, тутъ были и госпитали; черезъ Зимницу проходила почти вся армія, направлявшаяся на переправу—помѣщенія найти не было возможности. Я далъ знать Вуро, чтобы онъ помѣстилъ прачекъ въ Путинеѣ или Бригадирахъ. Черезъ четыре дня Вуро извѣстилъ меня, что прачешная устроена въ двухъ миляхъ отъ Зимницы, на мызѣ близь Бригадиръ... Въ прачешной былъ заведенъ образцовый порядокъ, которымъ я былъ обязанъ, приглашенной нами въ качествѣ кастелянши, Варварѣ Васильевнѣ Денисовой, очень способной, смѣтливой и распорядительной дѣвушкѣ. Такъ какъ стирка носильнаго бѣлья не входила въ наше обязательство, то я поставилъ условіемъ, что носильное бѣлье будетъ приниматься въ стирку только мѣченное и безъ всякаго обязательства сдавать его на срокъ. Дѣло стирки было устроено такъ акку-

ратно, отчетность и присмотръ были таковы, что мòя, кромѣ столоваго бѣлья, еще и носильное на 60 душъ въ теченіе шести мѣсяцевъ не было пропажи буквально ни одной штуки; дѣло шло, какъ правильно заведенная машина; шесть прачекъ мыли и гладили столовое бѣлье, двѣ прачки мыли и гладили носильное бѣлье императора и особъ императорской фамиліи, а четыре прачки бѣлье особъ свиты государя; четверо мужчинъ катали бѣлье, возили воду и поочередно караулили прачешную.

Невдалекѣ отъ расположенія моей квартиры была главная контора полевой почты; она помѣщалась въ отдѣльномъ домѣ, на дворѣ. Какъ-то утромъ я пошелъ на почту лично справиться о письмахъ, которыхъ давно не получалъ, но имѣлъ полное убѣжденіе, что они высланы. Черезъ сѣни я вошелъ въ большую комнату, посреди которой, буквально на полу, лежала конусообразная груда писемъ; два исхудалыхъ, истомленныхъ чиновника сидѣли, понуря головы, на пустыхъ кожанныхъ почтовыхъ чемоданчикахъ, свернутыхъ въ руло.

— Нѣтъ ли писемъ на имя...? я назвалъ свою фамилію.

На мой голосъ изъ сосѣдней полутемной комнаты, вышелъ почтовой чиновникъ, человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ.

— Это вы будете сами?—спросилъ онъ.

— Да, я.

— Не думаю, — проговорилъ онъ, предварительно пристально всмотрѣвшись въ меня.

— Отчего же «не думаю»; да тутъ и думать нечего, а надо посмотрѣть.

— А потому и говорю—не думаю, что смотрю на васъ,—отвѣчалъ хладнокровно почтовый чиновникъ, играя словами и видимо, тѣшась моимъ недоумѣніемъ.

— Я васъ не понимаю.

— Видите ли въ чемъ дѣло,—вкрадчивымъ голосомъ сталъ объяснять мой собесѣдникъ,—у насъ, у старыхъ почтовыхъ чиновниковъ есть своя служебная наметка; мы дѣлимъ получателей писемъ на категоріи: самые аккуратные корреспонденты бываютъ у людей отъ 25-ти до 35-тилѣтняго возраста; у такого возраста можетъ еще быть и мать въ живыхъ, можетъ быть и барышня влюбленная, а этихъ двухъ сортовъ люди настоящая напасть для почтоваго дѣла; будь вы много постарше—опять есть основаніе къ усиленной корреспонденціи, — взрослыя дѣти, степенная жена, а вы уже не на столько молоды и не достаточно стары, вашъ возрастъ самый покойный въ почтовомъ отношеніи; а помимо того посмотрите пожалуйста, ну какъ тутъ искать;—онъ указалъ на гору писемъ, — мы, знаете, только и дѣлаемъ, что подсыпаемъ кучу, да такъ ее съ мѣста на мѣсто и перевозимъ.

При мнѣ вошли два офицера, ахнули, взглянувъ на брустверъ

изъ конвертовъ, покачали, покачали головами, да и ушли; мнѣ ничего не оставалось, какъ послѣдовать ихъ примѣру; и дѣйствительно я, во все время нахожденія моего въ походѣ, т. е. въ теченіе шести мѣсяцевъ, не получилъ ни одного письма черезъ полевую почту.

Жизнь въ Зимницѣ была очень монотонна, однообразна; на глазахъ у главной квартиры переходили войска на ту сторону Дуная, государь часто выѣзжалъ изъ Зимницы, навѣщая лазареты, дѣлая прогулки по окрестностямъ; вечеромъ у него иногда составлялась партія винта, которую составляли ему графъ Адлербергъ, князь Суворовъ и прусскій генералъ Вердеръ; зимницкая жизнь при ея однообразіи была безъ потрясеній и безъ тревогъ. Изъ-за другого берега Дуная доходили слухи, что войска наши идутъ все впередъ и впередъ, лишь кое-гдѣ встрѣчая слабое сопротивленіе; казалось, что турки просто поражены были внезапностью нашего перехода черезъ Дунай; порой слышалось предположеніе, что по сю сторону Балканъ, они не намѣреваются оказывать никакого серьезнаго сопротивленія и что если дѣло пойдетъ такъ, то мы черезъ мѣсяцъ, много черезъ два, будемъ въ Константинополѣ... Императорская квартира снялась съ зимницкой стоянки 3-го іюля. Еле занявшаяся заря мягкимъ свѣтомъ освѣщала большую группу всадниковъ, спускавшихся съ крутого дунайскаго берега къ мосту. Государь императоръ былъ во главѣ своей главной квартиры; весь кортежъ императорскаго обоза вытянулся версты на двѣ. Было одно изъ прелестныхъ утръ южнаго лѣта; на небѣ свѣтло, легкія облака цвѣта свѣтло-дымчатаго сафира весело перебѣгали по небосклону, то сливаясь въ одну общую группу, то дробясь на мелкіе барашки и кокетливо забѣгая и прячась въ дальнихъ облачныхъ пространствахъ. Это была пріятная, освѣжающая прогулка послѣ долгой стоянки. Мы вступали въ Болгарію, занималась заря великаго историческаго дня—начала освобожденія Болгаріи...

«Отчизна чтитъ тѣ дни святые,
«Поля и горы, залитыя
«Дуная свѣтлаго волной
«И русской матери слезой...»

Изъ Зимницы мы направились на Царевицъ, гдѣ остановились на ночлегъ. На другой день главная квартира вышла въ с. Павло, гдѣ пробыла двое сутокъ на бивуакахъ, а потомъ двинулась въ городъ Бѣлу, куда и вступила 8-го іюля, часовъ 7 вечера.

IV.

Бѣла.—Страдная пора.—Мои затрудненія.—Переполохъ.—Наши военныя дѣла и положеніе въ Бѣлой.—Госпитали, купанье больныхъ.—Сестры милосердія.—Раненые.—Встрѣча съ императоромъ.—Его нетребовательность.—Эпизодъ съ кителемъ государя.—Церковь въ Бѣлой.—Отношеніе болгаръ къ церкви и духовенству.—Происшествіе въ моемъ дворѣ.—Вмѣшательство болгарскаго священника, его маневръ.—Выходъ изъ Бѣлой.—Горный Студень.—Квартира императора.—Генералъ Рылѣевъ.—Выступленіе въ Пародимъ.—Взятіе Плевны.—Выѣздъ императора.—Петрошаны.—Поднесеніе жетона; выѣздъ въ Россію.—Значеніе пребыванія императора на театрѣ войны.—Вопросъ времени.

По переходѣ черезъ Дунай императорская главная квартира всегда размѣщалась почти въ центрѣ боевого расположенія арміи; нѣкоторыя стоянки были такъ близки, что слышалась кононада, такъ что императорская квартира была въ нѣсколькихъ верстахъ отъ линіи огня, какъ, напримѣръ, въ Пародимѣ, который отстоялъ только на девять верстъ отъ нашихъ осадныхъ батарей. Вотъ почему я и далъ своимъ замѣткамъ на сколько образное, на столько и вѣрное заглавіе: «на выстрѣлъ отъ выстрѣловъ». Бѣла расположена у глубокой, узкой и быстротекущей рѣки—Янтры, черезъ которую перекинутъ широкій каменный мостъ. Въ городъ въѣзжаютъ по узкому крутому подъему, проложенному извилистою лентою между окопами, отдѣляющими участки частныхъ владѣльцевъ. Главная квартира расположилась на противоположной окраинѣ города. Государь жилъ въ палаткѣ, раскинутой во дворѣ частнаго дома, самый же домъ, двухъэтажный, былъ отведенъ подъ жилье нѣсколькихъ лицъ изъ состава главной квартиры,—тутъ жили графъ Адлербергъ, князь Суворовъ. Я имѣлъ помѣщеніе вблизи самой ставки, оно заключалось въ маленькой мазанкѣ съ крылечкомъ и просторными хозяйственными помѣщеніями. Въ Бѣлой главная квартира простояла съ 8-го іюля по 2-е августа, и стоянка эта была самою страдною порою всего похода; тутъ были пережиты моменты нашихъ плевненскихъ неудачъ, во время этой стоянки были главные моменты героической шипкинской эпопеи и балканскихъ переходовъ, здѣсь государь сталъ недомогать отъ приступовъ болгарской лихорадки. Походныя тяготы, страшныя жары, тревоги и волненія и безъ того крайне впечатлительнаго государя вліяли на него очень сильно; онъ значительно измѣнился противъ того, какимъ выглядывалъ въ Плоэштахъ. Съ первыхъ же дней прибытія въ Бѣлу стало извѣстно, что стоянка здѣсь продлится долго. Я собралъ все мое хозяйство въ Бѣлой. Наступила середина лѣта, начало іюля; болгарскія жары вставали передъ моимъ воображеніемъ, какъ грозное страшилище,—что будетъ со льдомъ, съ газовыми водами. Я рѣшился осуществить уже задуманное мною дѣло—выписать машины для дѣланія льда и газовыхъ водъ; пер-

вую я выписалъ изъ Вѣны, а вторую изъ Берлина. Льду я имѣлъ большой запасъ въ Зимницѣ, гдѣ купилъ два ледника; по переходѣ черезъ Дунай ледъ возился изъ Зимницы въ фургонахъ, укрытый соломой; везли его на полныхъ рысяхъ, черезъ каждыя 15-ть верстъ дѣлали перепряжку подставныхъ лошадей. Льду набирали на фургонъ каждый разъ 100 окъ и перевозили его, относительно говоря, удачно, такъ какъ убыль отъ пути и таянія не превышала 30%. Съ газовыми водами я испытывалъ гораздо большія затрудненія; такъ какъ дворъ не охотно пилъ букарестскія воды, то я выписывалъ ихъ изъ Одессы; пока вôды выносили только желѣзнодорожную перевозку, убыль ихъ была незначительна, но съ удаленіемъ главной квартиры отъ желѣзныхъ дорогъ, убыль отъ перевозки водъ лошадьми стала дѣлаться просто раззорительною: такъ разъ при вскрытіи корзины, въ которой было 300 бутылокъ воды, я вынулъ цѣлыхъ бутылокъ пятьдесятъ съ чѣмъ-то, а остальныя были или полопавшись отъ жары или разбитыя; когда подняли крышку и сняли верхній слой бумажныхъ стружекъ, началась пальба какъ бы бѣглымъ огнемъ изъ комнатныхъ духовыхъ ружей. Вскорѣ по прибытіи въ Бѣлу, была доставлена машина для выдѣлки газовой воды; техникъ пруссакъ, сопровождавшій ее, два дня устроивалъ разныя приспособленія для производства и много порадовалъ меня, когда принесъ первый сифонъ воды, обильно насыщенный газомъ углекислой соды; но—увы!—радость моя оказалась нѣсколько преждевременной. День мой начинался обычными хлопотами, заботами и тревогами, которыя не умалялись до 7 часовъ вечера—конца императорскаго обѣденнаго стола. Сидя на крылечкѣ своей квартиры, я слушалъ музыку, игравшую во время обѣда, и только когда возвращалась подвода, отвозившая въ императорскую ставку напитки, я вздыхалъ свободно и тогда-то наступала пора моего нервнаго успокоенія. Привозъ машины для выдѣлки газовой воды произвелъ сенсацію; многіе приходили смотрѣть на ея работу, поощрительно относились къ моей энергіи, пробовали воду—она оказалась превосходною. Былъ сдѣланъ первый выпускъ воды для поставки. Государь большею частью обѣдалъ за общимъ столомъ, но въ Бѣлой, по случаю недомоганья, онъ нерѣдко обѣдалъ отдѣльно, и я для его личнаго потребленія держалъ запасъ одесской воды въ бутылкахъ, экономничалъ которою на сколько только могъ. Разъ какъ-то изъ-за фабрикаціи воды произошелъ непріятный переполохъ. Помню, обѣдъ шелъ своимъ порядкомъ, музыка продолжала играть, я сижу на своемъ обычномъ мѣстѣ на крылечкѣ квартиры, вижу по направленію ко мнѣ бѣжитъ гофъфурьеръ Леонтьевъ, въ сопровожденіи его прикащика Дружинина.

— Баринъ, бѣда!—кричитъ Дружининъ, еще не добѣжавъ до меня.

— Что такое?—испуганно спросилъ я.

— Вода никуда не годится, господа обижаются, очень недовольны,—говорилъ, еле переводя духъ, Дружининъ.

— Вода съ запахомъ, ее не пьютъ; сюда идетъ генералъ Воейковъ.

Послѣ обѣда я рѣшилъ пойти самъ къ генералу Воейкову и разузнать въ чемъ дѣло и взялъ съ собой нѣсколько сифоновъ воды. Оказалось, что мастеръ съ утра смазалъ машину костянымъ масломъ и къ столу вѣроятно попало нѣсколько сифоновъ перваго разлива съ отдачей запаха масла; но мастеръ не признавалъ и этого, упорно отрицая такой недосмотръ съ его стороны, такъ какъ онъ до разлива въ сифоны за четверть часа пропустилъ воду прямо на землѣ; онъ утверждалъ, что запахъ былъ отъ небрежнаго обращенія съ посудой, что вѣроятно стаканы были вытерты жирными или просто не чистыми полотенцами. Вечеромъ я отправился въ ставку главной квартиры, и многіе, какъ-то князь Суворовъ, генералъ Мезенцевъ, хвалили воду, видимо желая меня ободрить; для меня было очень дорого это участіе, выраженное съ такимъ добрымъ побужденіемъ и такъ во время.

Бѣла, относительно говоря, представляла много выгодъ какъ стоянка, но мы пришли въ нее какъ разъ въ пору развитія въ ней лихорадки, что, судя по отзывамъ мѣстныхъ жителей, повторяется тамъ періодически; лѣтомъ лихорадки составляютъ въ Бѣлой какъ бы обычную эпидемію. Во время стоянки въ Бѣлой наше оружіе вынесло нѣсколько серьезныхъ испытаній; тутъ государя радовали успѣхи генераловъ Гурко, Скобелева, Столѣтова, Дерожинскаго, тутъ же его печалили неудачныя атаки Плевны, которая грозила уже сдѣлаться серьезною помѣхою всей кампаніи и задержать ея развитіе, а также и угрюмое наступленіе сперва Али-Паши, а потомъ Сулеймана-Паши, который настойчиво напиралъ на соединеніе съ Плевненскимъ гарнизономъ; намъ предстояло два не легкихъ дѣла: удерживать натискъ Сулеймана и держать въ желѣзномъ кольцѣ Османа... Я лично вошелъ въ нормальное очень однообразное и крайне томительное теченіе дѣла; плотно съежившись, какъ улитка въ скорлупѣ, въ своемъ дѣлѣ, я какъ и всѣ бывшіе въ главной квартирѣ оказались буквально отрѣзанными отъ внѣшняго міра, никакія свѣдѣнія не проникали къ намъ, ни газеты, ни письма; намъ осталась только Бѣла съ ея окрестностями и то на очень ограниченномъ пространствѣ, такъ какъ было время, когда выѣзжать за десять верстъ отъ Бѣлой было не безъ риску... Рѣка Янтра при такихъ условіяхъ играла существенную роль въ нашей жизни. Я любилъ ходить подъ вечеръ за городъ; сойдя съ моста направо, идти по крутому берегу Янтры, вдоль котораго былъ разбитъ госпиталь. Такой образцовой чистоты, а главное такого внимательнаго, сочувственнаго ухода за больными, какой оказывали въ этомъ госпиталѣ сестры милосердія, не видѣвши,

и передать нельзя... Подходитъ сестра къ горячечному; на кровати лежитъ полу-трупъ, желто-восковое лицо, глаза впалые, сквозь узкую просвѣтлину между рѣсницъ виднѣется свинцовый глазъ, полуоткрытый ротъ съ присохшими къ зубамъ потрескавшимися губами.

— Ну, Андреевъ, пойдемъ купаться.—Трупъ лежитъ и ни чѣмъ, ни малѣйшимъ видоизмѣненіемъ мертвеннаго лица, не проявляетъ своего участія. Больного съ простыней поднимаютъ четыре лазаретныхъ служителя, сестра осторожно поддерживаетъ подушку подъ головою, его бережно перекладываютъ на носилки и несутъ на рѣку. Тутъ съ простыней погружаютъ въ воду на мгновеніе; затѣмъ, послѣ малаго промежутка, дѣлаютъ второе и третье погруженіе; потомъ накрываютъ двумя-тремя суконными одѣялами, несутъ обратно, кладутъ на кровать и тутъ больной поступаетъ въ полное распоряженіе сестры: она его вытретъ и сейчасъ же поитъ чаемъ съ краснымъ виномъ; и такъ съ другимъ, третьимъ и такъ далѣе, а въ углу другая сестра стоитъ на колѣняхъ передъ койкою отходящаго больного и тихо читаетъ молитву; новый варіантъ трагической сцены изъ стихотворенія Некрасова «Въ больницѣ»... Какой богатый матеріалъ художнику дали эти святыя дочери евангельскаго самарянина... Кто видѣлъ художественныя, но нѣсколько тенденціозныя, картины Верещагина: «На Шипкѣ все спокойно» и другія, тотъ пожалѣетъ, что талантливый художникъ не заглянулъ въ госпитали; тутъ бы онъ нашелъ больше правды, не менѣе достойной его художественной кисти. Какіе искалѣченные, обезображенные, истерзанные субъекты попадались въ госпиталяхъ, какіе ужасные, душу грызущіе стоны слышались изъ госпитальныхъ палатокъ. Какъ вспомнишь попадавшіяся иногда по дорогѣ длинныя вереницы повозокъ съ ранеными, а сторонкой, плетущихся пѣшкомъ или еле волочащихъ ногами, а то и лежащихъ вдоль дороги, кто свалившійся отъ потери силъ, а кто и просто вывалившійся изъ повозки, да съ неподвижно-устремленнымъ въ небо взоромъ, какъ бы взывающимъ о прекращеніи мукъ, да какъ соразмѣришь какой мздой вознаградила Болгарія и европейская политика всѣ жертвы Россіи и муки ея страдальцевъ, то невольно признаешь, что правосудіе исторіи въ большомъ долгу у Россіи.

Какъ-то передъ обѣдомъ возвращался я съ купанья, подхожу къ мосту и вижу на встрѣчу ѣдетъ государь; я снялъ шапку и сталъ почтительно привѣтствовать его величество. Государь остановилъ экипажъ и сдѣлалъ мнѣ рукою знакъ, чтобы я приблизился.

— Кто ты такой, что я постоянно встрѣчаю тебя?—спросилъ государь.

— Поставщикъ вашего императорскаго величества.

— Какъ фамилія?

Я сказалъ.

— Помню, помню эту фамилію; одного я зналъ въ Москвѣ, другого гдѣ-то въ Россіи.

Я напомнилъ его величеству о моемъ московскомъ дядѣ и объ отцѣ.

— Помню и его. Много хлопотъ?

— Прошу милостиваго снисхожденія вашего императорскаго величества, дѣлаю все, что позволяютъ средства и обстоятельства.

— Мнѣ, пожалуйста, чтобы была каждый день бутылка пива,— сказалъ государь и велѣлъ кучеру ѣхать; я раскланялся.

Экипажъ государя отъѣхалъ нѣсколько шаговъ, я стоялъ, провожалъ его глазами, какъ вдругъ экипажъ снова остановился, государь махнулъ мнѣ рукой. Я подбѣжалъ.

— Мнѣ говорили, что ты не забываешь раненыхъ, благодарю— это доброе дѣло,—и государь поѣхалъ далѣе.

Я рѣшительно не могъ сообразить на что намекалъ его величество; только впослѣдствіи узналъ, что государю доложили въ одной изъ палатокъ госпиталя, что я какъ-то прислалъ раненымъ табакъ, и теперь я не знаю навѣрно, это ли именно имѣлъ въ виду государь, изъявляя мнѣ свою благодарность.—По поводу бутылки пива необходимо добавить, что государь императоръ лично былъ крайне невзыскателенъ и требованія его были очень ограничены; онъ не пилъ буквально никакихъ напитковъ, кромѣ содовой воды, а когда въ Бѣлой она ему кажется была запрещена по случаю недомоганія, то онъ ограничивался только пивомъ, котораго и выпивалъ одну бутылку, дѣля ее на два раза, половину выпивалъ за обѣдомъ, а другую половину бутылки за ужиномъ.

Была суббота или канунъ какого-то другого праздника, время подходило къ полуночи, я сидѣлъ за столомъ и заканчивалъ свою корреспонденцію, выйти было нельзя, накрапывалъ дождикъ, и я собирался спать, какъ въ комнату вошелъ камеръ-лакей императора; онъ держалъ что-то бѣлое подъ мышкой.

— Что вамъ г. Прегеръ?—спросилъ я его.

— Господинъ поставщикъ, я къ вамъ съ большою, очень большою просьбою; пожалуйста не откажите и выручите изъ затруднительнаго положенія.

— Въ чемъ же дѣло?

— Завтра утромъ его величество будетъ у обѣдни, а потомъ онъ присутствуетъ на парадѣ, а у меня нѣтъ чистаго кителя для его величества, я принесъ съ собой китель, прикажите приготовить къ утру.

— Какъ же это вы не досмотрѣли, г. Прегеръ, и доводите до того, что не имѣете въ запасѣ одного чистаго кителя, въ которомъ и помимо парада всегда можетъ встрѣтиться надобность?

— Да уже журите и распекайте сколько хотите, а помогите.

— Легко сказать помогите, а китель вѣдь надо мыть, сушить,

катать и гладить; все бы это легко сдѣлать, если бы была хорошая погода, а то какъ разъ дождь; ну, есть ли какая-нибудь возможность высушить китель; вѣдь вамъ извѣстно, что у насъ нѣтъ чердака и мы сушимъ бѣлье на воздухѣ.

— Я сознаю свою вину, а прошу потому, что знаю, что если вы захотите, то сдѣлаете; берите китель, будьте добры; а я завтра часовъ въ 8 утра забѣгу за нимъ.

Что оставалось дѣлать? беру китель, отправляюсь въ прачешную, бужу прачекъ, и начинается мытье кителя: по счастію, въ котлѣ нашлось достаточно теплой воды, китель вымыли, выжали, зажгли свѣчи и шесть прачекъ начали поочередно, попарно размахивать китель въ воздухѣ; часа черезъ два онъ нѣсколько просохъ, но былъ еще влажный; тогда его слегка прогладили, скатали въ сухую простыню и стали бить рубелемъ, затѣмъ еще разъ разгладили и китель былъ готовъ къ 6-ти часамъ утра.

— Ну, ужъ пусть не взыщутъ,—сказала кастелянша,—à la guerre comme à la guerre, а отъ ночной работы, да такой спѣшной, лучшаго и требовать нельзя...

Единственная въ г. Бѣлой церковь помѣщалась на противоположномъ краю города; низенькое, узкое, довольно длинное зданіе, съ совершенно почернѣвшимъ отъ времени иконостасомъ, убогою церковною утварью, разбитыми окнами, заклеенными кусочками стеколъ,—производило грустное впечатлѣніе; чѣмъ объяснить эту скаредность обстановки: турецкимъ гнетомъ? будетъ, если и вѣрно, то съ большой натяжкой; эта скаредность обстановки есть непосредственный результатъ религіозной опущенности, совершенно безразличія въ отношеніяхъ народа къ церкви и духовенству. Болгарскій народъ, сколько удалось мнѣ наблюдать, не одно только сельское населеніе, простонародье, но и горожане и интеллигентный классъ, если можно только считать такимъ скрупулезную часть болгарскаго населенія чему-нибудь учившуюся, третируютъ духовенство, какъ что-нибудь низшаго порядка, относятся къ нему просто презрительно. Духовные у болгаръ это нѣчто въ родѣ паріевъ; если румынъ поднимаетъ своего попа (popa) на смѣхъ, сложивъ про него вышеприведенную мною пѣсенку, то болгаринъ говоритъ про своего священника: «попъ низокъ какъ грибъ, только отъ дождя и подымается»; сколько грубой ироніи и какъ аляповато топорно выражена она. Правда, болгарское духовенство при его крайнемъ умственномъ неразвитіи, отсутствіи всякой научной подготовки и нравственной несостоятельности, какую естественно предъявлять къ духовному лицу, не очень-то и гоняется за тѣмъ, чтобы заручиться у населенія нравственнымъ авторитетомъ. Духовенство это, какъ извѣстно, не было очень разборчиво въ своихъ отношеніяхъ къ паствѣ, мало справлялось съ совѣстію и не стѣснялось разыгрывать на глазахъ народа двусмысленную роль: оно

являлось послушнымъ орудіемъ и угодникомъ турецкаго режима, когда видѣло въ этомъ свою пользу, а чуть только виды его не оправдывались, оно круто поворачивало въ обратную сторону, распаляя въ немъ вожделѣнія политической независимости. Къ русскимъ оно относилось просто пассивно или съ разсчитанною сдержанностію; не будучи въ состояніи предусмотрѣть исходъ борьбы, оно не рѣшалось противиться русскимъ, а боясь на всякій случай раздражать турокъ, оно не оказывало русскимъ буквально никакого активнаго содѣйствія, чтобы не имѣть противъ себя никакихъ уличающихъ данныхъ; за то если представлялся случай такъ или иначе поживиться, никто не сумѣлъ бы лучше болгарскаго священника воспользоваться своимъ положеніемъ; въ подтвержденіе моего заключенія разскажу о случившемся у меня происшествіи, въ которомъ болгарскій священникъ выступилъ во всей неприкосновенности своего типа. Съ первыхъ же дней стоянки въ Бѣлой, стали обнаруживаться мелкія пропажи, чего не было нигдѣ, если не считать кражи часовъ въ Копаченяхъ, гдѣ, пользуясь сумятицей, былъ учиненъ простой грабежъ; но въ Бѣлой пропажи дѣлались систематически, изо-дня въ день, и чѣмъ дальше, все крупнѣе и дерзче; дворъ, который я занималъ, былъ сквозной: одной стороной онъ выходилъ на улицу, отдѣлявшую мою стоянку отъ ставки императора, съ противоположной стороны были ворота, выходившія на параллельную улицу, а съ боковыхъ сторонъ была ограда изъ частокола; въ виду того, что проникнуть во дворъ и даже вынести громоздкую вещь не представляло никакихъ затрудненій, я завелъ ночной дозоръ; людей у меня было достаточно, а работы имъ, кромѣ присмотра за лошадьми, никакой. Какъ-то поздно вечеромъ со двора послышалась суматоха, мнѣ дали знать, что поймали вора; выхожу на дворъ и вижу, что одинъ изъ моихъ кучеровъ, приземистый болгаринъ Сава, изъ всѣхъ силъ тузитъ человѣка, котораго держатъ за руки два другіе подводчика. Пойманный подползъ подъ полъ сарая, въ которомъ были сложены товары, выпилилъ двѣ половицы, образовавъ люкъ аршина два длиною и аршинъ шириною, и спустилъ уже въ него два ящика вина, ящикъ стеариновыхъ свѣчей и шесть головъ сахару; вино и сахаръ были уже перетянуты за ограду въ сосѣдній дворъ, но его поймали, когда онъ ползъ въ послѣдній разъ за свѣчами. Всѣ улики были налицо: на сосѣднемъ дворѣ нашли вино и сахаръ, которые онъ не успѣлъ еще спрятать, въ полу прорѣзъ, и воръ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, т. е. когда онъ полѣзъ подъ полъ и ему загородили выходъ. Я распорядился отправить вора къ нашему мѣстному коменданту; его повели, собравшаяся толпа стала расходиться по домамъ.

— Ну, а того кто билъ, куда отправить?—спросилъ кто-то изъ толпы; я подошелъ къ говорившему; оказалось, что говорившій былъ священникъ.

— Не умѣю вамъ сказать, да и не мое дѣло; воромъ я распорядился, потому что онъ воровалъ у меня; а затѣмъ онъ, какъ мѣстный житель, я думаю, знаетъ хорошо куда ему жаловаться на того, кто его билъ. Наконецъ, билъ то его то же болгаринъ и, будьте справедливы, вѣдь били его не даромъ.

— Нѣтъ, даромъ,—съ особеннымъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ сказалъ священникъ,—и уворованное отобрали, и за битье не заплатили.

Священникъ сталъ роптать и ропотъ его съ каждой минутой дѣлался все энергичнѣе, онъ, видимо, хотѣлъ повліять на толпу. Напрасно я представлялъ ему доводы, что, защищая отпѣтаго вора, онъ дурно вліяетъ на народъ, что тутъ надо не оправдывать и защищать, а, признавая преступленіе, находя его порочнымъ, просить о снисхожденіи. Я сказалъ, что онъ своимъ поведеніемъ только потворствуетъ развитію преступленій.

— Вы пришли насъ защищать отъ турокъ, а сами поступаете хуже турокъ. Я очень желалъ бы быть на мѣстѣ этого болгарина, чтобы меня также избили, отъ меня бы такъ не отдѣлались.

Цинизмъ этого замѣчанія возмутилъ меня.

— Знаете, батюшка,—возразилъ я, значительно повысивъ голосъ,—если бы васъ поймали на воровствѣ, да еще ночью, вѣроятно и васъ побили бы также, потому что пойманъ былъ бы не священникъ, а воръ...

— Не сердитесь, ну, не сердитесь, я только такъ, я и попалъ-то сюда совершенно случайно; я шелъ именно къ вамъ, попросить немного сахару, у меня дитя больное.

Я велѣлъ дать ему сахару, отлично понимая, что дитя было тутъ не при чемъ, а только удачный маневръ, чтобы вывернуться изъ неловкаго положенія, а кстати и уйти не съ пустыми руками.

Истомленный нравственно и физически, ослабленный болѣзнію, трудно переживалъ государь въ Бѣлѣ тяжелые дни нашихъ военныхъ неудачъ. Наступленіе арміи Сулеймана-паши, замѣнившаго Али-пашу, какъ бы отрѣзывало Бѣлу отъ расположенія нашихъ главныхъ боевыхъ силъ, а упорная оборона Плевны, около которой главнѣйше сосредоточивался военный интересъ, вызывала государя приблизиться къ ней; къ тому же болѣзнь государя требовала перемѣнить стоянку, очевидно дурно вліявшую на его здоровье. 2-го августа императорская главная квартира выступила изъ Бѣлой, направляясь по пройденной уже дорогѣ на с. Павло. Передъ самымъ выѣздомъ моимъ ко мнѣ зашелъ священникъ, о которомъ я говорилъ выше; онъ благодарилъ меня за что-то, разсыпался въ любезностяхъ, завѣрялъ въ преданности и любви къ русскимъ и упрашивалъ уѣзжать какъ можно скорѣе, потому что долго задерживаться не безопасно; онъ увѣрялъ самымъ положительнымъ образомъ, что турки очень близко и не сегодня—завтра появятся въ

Бѣлой, самый отъѣздъ государя онъ мотивировалъ приближеніемъ турокъ... Закончивъ разсчеты съ хозяевами помѣщеній, которыя я занималъ, я выѣхалъ изъ Бѣлой послѣ всѣхъ и не вытерпѣлъ, чтобы на прощаніи не выкупаться въ красивой Янтрѣ. Крупной рысью побѣжали лошади; черезъ полчаса я завидѣлъ на горизонтѣ длинную ленту, извивающуюся по узкой дорогѣ, а минутъ черезъ двадцать я подъѣзжалъ уже къ царскому поѣзду. Было два часа, когда императорская квартира вошла въ Горный Студень; теперь государь расположился на 40 верстъ ближе къ Плевнѣ, этой злосчастной зацѣпѣ, которою связано было развитіе кампаніи. Располагаясь въ Горномъ Студнѣ, императорская квартира оказалась на большомъ трактѣ маршеваго движенія арміи; здѣсь же одновременно расположилась и квартира великаго князя главнокомандующаго; вокругъ Горнаго Студня на бивуакахъ размѣстилось значительное количество войскъ, такъ что Горный Студень, какъ въ началѣ кампаніи Зимница, былъ главнымъ военнымъ сосредоточіемъ; только Горный Студень далеко не представлялъ тѣхъ удобствъ какъ Зимница; крайне непривѣтливая мѣстность, пустынная, голая, безъ растительности, гористая, каменистая, безводная, и ко всему этому надо добавить палящій зной. Удобствъ для квартирнаго расположенія никакихъ; государю былъ отведенъ отдѣльный домъ, который приспособили къ обитаемости, обивъ его, замазавъ и заклеивъ разныя щели и прорѣхи. Государь занялъ въ немъ одну комнату, уступивъ три другія князю Суворову и графамъ Адлербергу и Милютину; весь же остальной персоналъ главной квартиры былъ расположенъ по палаткамъ. Вскорѣ стоянка въ Горномъ Студнѣ дала себя знать: императоръ чувствовалъ себя плохо, нисколько не лучше, чѣмъ въ Бѣлой; на всѣхъ была печать утомленія, унынія, взамѣнъ прежней энергіи и бодрости, полныхъ надеждъ. Такой голыдьбы, нищеты, какую мы нашли въ Горномъ Студнѣ, не видѣвши и представить себѣ нельзя; короче сказать: во всемъ селѣ, довольно большомъ, буквально нельзя было найти ни одной вязанки сѣна, ни одного куля соломы, такъ что я, пока успѣлъ запастись, долженъ былъ вывезти моихъ лошадей за 14 верстъ отъ Студня, въ отдѣльную деревушку. Силы мои начали мнѣ измѣнять, я чувствовалъ себя утомленнымъ, со мной стало дѣлаться головокруженіе, а нервы такъ разстроились, что я по нѣсколько ночей къ ряду не могъ сомкнуть глазъ, такъ что днемъ еле двигалъ ногами... Бывало встанешь утромъ, еще до восхода солнца, и слоняешься вокругъ своей стоянки; а то перейдешь черезъ крутую балку, отдѣлявшую мою ставку отъ расположенія императорской квартиры, и ходишь между палатками; вездѣ тишина, безмолвіе, около самой квартиры императора въ палаткѣ блеститъ свѣтъ горящей свѣчи, иду на свѣтъ — это палатка генерала Рылѣева, а сбоку ея въ креслѣ сидитъ генералъ Рылѣевъ и не спитъ, бодр-

ствуетъ. Онъ все время похода спалъ только днемъ, а ночью просиживалъ въ креслѣ, охраняя покой государя. Какъ-то я встрѣтилъ генерала Мезенцова.

— Что, держитесь? — спросилъ онъ меня.

— Плохо, ваше превосходительство.

Онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ доктору Головину, который нашелъ, что мнѣ необходимъ по крайней мѣрѣ мѣсячный отпускъ и безъ отлагательствъ. Надо было слѣдовать этому совѣту, и я 20-го августа выѣхалъ изъ Горнаго Студня въ Бухарестъ. За мое отсутствіе, продолжавшееся мѣсяцъ, въ главную квартиру наѣзжалъ мой товарищъ по поставкѣ.

20-го сентября я возвратился въ Горный Студень, достаточно окрѣпнувъ для перенесенія походной жизни. Наступившая осенняя пора давала себя чувствовать хорошими утренними морозами, даже днемъ, и осеннею слякотью... Въ мое отсутствіе императорская главная квартира 24-го августа вышла изъ Горнаго Студня, перебывала въ Чаумъ-Магола, Радоницѣ, и затѣмъ 2-го сентября возвратилась въ третій разъ въ Горный Студень. Только въ Горномъ Студнѣ всѣ достаточно оцѣнили предъидущія стоянки въ Зимницѣ и Бѣлой. Стали ходить слухи о предстоящей зимовкѣ; Горный Студень наводилъ ужасъ; наконецъ, стало извѣстнымъ, что на зиму императорская квартира расположится въ Систовѣ; тамъ приступлено было къ устройству приспособленій для зимовки; я получилъ нарядъ для заготовленія дровъ. Императоръ продолжалъ себя чувствовать не хорошо; стали хворать многіе изъ состава императорской квартиры; наконецъ-таки горно-студенская стоянка сломала настойчивость императора и 14-го октября, при большомъ холодѣ и пронзительномъ горномъ вѣтрѣ, главная квартира вышла изъ Горнаго Студня и расположилась въ м. Пародимѣ, въ девяти верстахъ отъ Плевны, такъ что тутъ императорская ставка была даже ближе, чѣмъ на выстрѣлъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Какъ ни гадко было помѣщеніе въ Пародимѣ, но не въ примѣръ лучше, чѣмъ въ Горномъ Студнѣ. Государь и почти вся свита были размѣщены подъ жилымъ кровомъ. Мое положеніе было ужасно, я приходилъ въ отчаяніе за свой товаръ; сложить было негдѣ, все было оставлено на возахъ; самъ я и люди помѣстились въ конюшнѣ, въ которой прорубили окно; за легкой перегородкой помѣстилось семейство хозяина, состоявшее изъ четырехъ маленькихъ дѣтей, которые кричали, визжали, плакали, то отъ холода, то отъ голода, безъ малѣйшаго перерыва; сквозь щели стѣнъ дулъ вѣтеръ, какъ черезъ рѣшето; въ серединѣ ноября морозъ доходилъ до 18°, такъ что руки были постоянно окоченѣвши. Государь часто выѣзжалъ на плевненскія позиціи, все предвѣщало, что дни Плевны сочтены, и, наконецъ, 28-го ноября Плевна была взята приступомъ, Османъ-паша сдался. Государь выѣхалъ въ рущукскій отрядъ; я продо-

вольствовалъ главную квартиру до 2-го декабря. 4-го декабря я доѣхалъ до Петрошанъ, мѣстечка, расположеннаго между Зимницей и Фратештами; до этого мѣстечка была доведена желѣзная дорога, которую С. Поляковъ строилъ отъ Фратештъ. Здѣсь у конца желѣзнодорожнаго пути, который шелъ на версту въ сторону отъ самаго мѣстечка, собрался почти весь составъ императорской главной квартиры, тутъ былъ и Поляковъ. Государь императоръ изъ рущукскаго отряда проѣхалъ въ Петрушаны къ великому князю Алексѣю Александровичу, у котораго завтракалъ, и къ четыремъ часамъ подъѣхалъ къ желѣзнодорожному пути; тутъ С. Поляковъ поднесъ его величеству жетонъ въ память отстроенной имъ желѣзной дороги; пока государь разговаривалъ съ Поляковымъ, а затѣмъ съ нѣкоторыми изъ своей свиты, началась погрузка вещей въ вагоны; наконецъ, государь императоръ занялъ приготовленное ему мѣсто въ поѣздѣ, размѣстились по вагонамъ и всѣ сопровождавшіе императора. Обязательный С. Поляковъ удѣлилъ и мнѣ мѣсто, и поѣздъ двинулся на Фратешти. На фратештской станціи государь переночевалъ въ вагонѣ, а 5-го декабря утромъ выѣхали въ Букарестъ.

Пребываніе императора въ Болгаріи, вблизи арміи, имѣло рѣшающее значеніе на весь ходъ кампаніи; не говоря уже о томъ вліяніи, которое производило на войска личное присутствіе государя, поднимая духъ войскъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствуя угрожающе на непріятеля; пребываніе государя на театрѣ войны давало понять Европѣ, какое значеніе придаетъ Россія предпринятой ею войнѣ... и хотя стараніями европейской дипломатіи всѣ результаты блистательной кампаніи въ относительно короткое время сведены почти ни къ чему, но поступательное движеніе исторіи не можетъ быть задерживаемо вводными, эпизодическими преградами, и новый приступъ къ рѣшенію нашей исторической задачи, но уже съ добытымъ прошлою кампаніею опытомъ, есть только вопросъ времени.

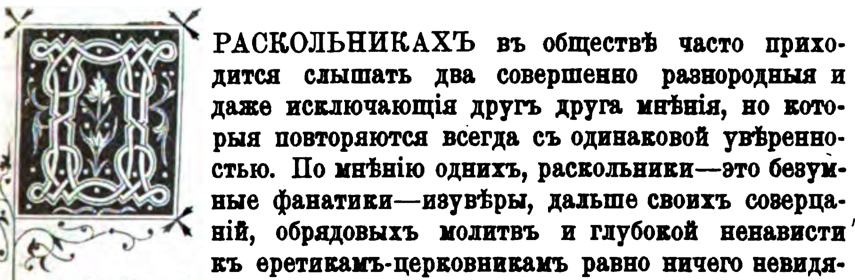
В. Дубецкій.

СРЕДИ РАСКОЛЬНИКОВЪ ЮЖНАГО УРАЛА.

(Изъ дневника туриста).

РАСКОЛЬНИКАХЪ въ обществѣ часто приходится слышать два совершенно разнородныя и даже исключающія другъ друга мнѣнія, но которыя повторяются всегда съ одинаковой увѣренностью. По мнѣнію однихъ, раскольники—это безумные фанатики—изувѣры, дальше своихъ созерцаній, обрядовыхъ молитвъ и глубокой ненависти къ еретикамъ-церковникамъ равно ничего невидящіе. Другіе считаютъ ихъ сплошь чуть не мошенниками, которые пользуются религіозной распрей исключительно только для своихъ темныхъ дѣлъ и дѣлишекъ. Потребуете доказательствъ,—приведутъ ихъ множество, завалятъ васъ примѣрами и стародавними и новѣйшими. Добро бы такое мнѣніе высказывалось только въ обществѣ людьми, непривыкшими придавать своимъ словамъ серьезнаго значенія. Это бы конечно ничего. Мало ли что говорится иной разъ подъ вліяніемъ минуты или подъ впечатлѣніемъ отдѣльнаго факта. На это у насъ и пословица есть въ запасѣ: «не всякое лыко въ строку».

Къ сожалѣнію, подобные же взгляды не разъ проникали и въ литературу и не рѣдко клались въ основаніе цѣлыхъ сочиненій и трактатовъ, несомнѣнно проникнутыхъ истиннымъ знаніемъ и сильной эрудиціей ихъ авторовъ.

Легко понять однако, что какъ то, такъ и другое изъ этихъ мнѣній одинаково не справедливы. Ужъ одно то, что они существу-

ютъ рядомъ и при томъ взаимно исключаютъ другъ друга, служитъ достаточнымъ доказательствомъ ихъ несостоятельности. Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ же фанатикъ, всецѣло отдавшійся своей идеи, мошенничать на счетъ той же идеи; нельзя себѣ также представить и темнаго мошенника, фанатически преданнаго тѣмъ или другимъ религіознымъ воззрѣніямъ. Это не только не вяжется какъ-то, но и положительно исключаетъ другъ друга. Ближайшее знакомство съ раскольниками въ массѣ вполнѣ подтверждаетъ несостоятельность этихъ мнѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объясняетъ, почему могли составиться такія мнѣнія. Изъ такого знакомства пишущему эти строки пришлось вынести то убѣжденіе, что раскольничья масса въ сущности довольно спокойно относится къ религіозной распрѣ; въ ихъ обычной средѣ нѣтъ ни фанатическаго увлеченія тѣми или другими догматами, ни пресловутой нетерпимости къ церковникамъ-никоніанамъ; они, правда, твердо держатся раскола, но не изъ-за какихъ-нибудь дурныхъ или хорошихъ цѣлей, и не прикрываютъ церковной распрей своихъ незаконныхъ дѣлъ; наконецъ, тутъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ нѣтъ сознательнаго уклоненія въ расколъ, такъ какъ громадное большинство изъ нихъ отлично сознаютъ, что тѣ разнотолки, на которые обыкновенно ссылаются для объясненія причины распри, далеко не настолько важны, чтобы повлечь за собою отпаденіе отъ господствующей церкви. Но если такъ, то почему же эта распря живетъ на Руси вотъ уже третій вѣкъ? Почему и сейчасъ мы считаемъ раскольниковъ милліонами? Что заставляетъ такую массу русскаго люда сторониться церкви? Если приглядѣться къ обыденной жизни массы раскольничьей, или, пользуясь ихъ довѣріемъ, разспросить ихъ самихъ, то получится одинъ стереотипный отвѣтъ— не сами, по родителямъ. И этому можно вѣрить безусловно, говоря конечно о массѣ. Вѣдь раскольники тѣ же коренные, русскіе люди, а развѣ для русскаго человѣка примѣръ отцовъ и дѣдовъ не служилъ всегда и не служитъ лучшей гарантіей законности и справедливости? Не сами, по родителямъ... Въ этомъ вся сила и крѣпость какъ простого обычая, такъ и религіознаго вѣрованія. Бываютъ, конечно, случаи, когда не сдерживаетъ и примѣръ дѣдовъ и отцовъ. Такъ было, напримѣръ, при началѣ раскола, когда русскій человѣкъ, большой поклонникъ обрядности, не могъ переварить новшествъ патріарха Никона въ дѣлахъ церковныхъ, и Великаго Петра въ дѣлахъ государства и гражданственности. Да и тутъ руководилъ народомъ тотъ же принципъ—не сами, по родителямъ,— только въ примѣненіи не собственно къ церкви, а къ освященной вѣками обрядности. Большинство знало, конечно, что дѣлало, и наперечетъ могло сказать, въ чемъ оно не согласно съ нововведеніями, строго при этомъ основываясь на примѣрѣ отцовъ и дѣдовъ. А теперь? Время сгладило распрю, и основные пункты ея даже въ

глазахъ раскольниковъ перестали быть пропастью, на всегда раздѣляющею ихъ отъ вѣрныхъ церкви. Стоитъ только попросту поговорить съ раскольниками, и нетрудно убѣдиться, что этимъ основнымъ пунктамъ они не придаютъ уже исключительнаго значенія, какъ прежде, даже не всѣ и не всегда могутъ ихъ полностью формулировать, а попеняютъ развѣ на то, за что же ихъ гнали да мучили, а въ концѣ концовъ обычное стереотипное «не сами, по родителямъ». Такова масса раскольничья.

Что же касается отдѣльныхъ личностей, коноводовъ раскола, начетчиковъ, столповъ древняго благочестія и всякихъ адамантовъ вѣры, то здѣсь легко наткнуться и на фанатиковъ, всею душою преданныхъ дѣлу вѣры, и на форменныхъ мошенниковъ, обдѣлывающихъ свои темныя дѣлишки среди невѣжественной раскольничей массы подъ прикрытіемъ того или другого темнаго вѣроученія. То и другое есть безспорно, но нельзя же по этимъ отдѣльнымъ адамантамъ дѣлать заключеніе о всей 16-ти милліонной массѣ раскольниковъ. Само собою разумѣется, что такіе адаманты всегда и всего рѣзче выдѣлялись на темномъ фонѣ исторіи раскола, въ особенности при яркомъ освѣщеніи судебнаго слѣдствія, а это и служитъ конечно причиной, почему черты, характерныя исключительно для этихъ адамантовъ, огульно приписали всѣмъ раскольникамъ.

Еще одно замѣчаніе. Какъ ярые антагонисты раскола, такъ и его гуманные покровители, въ одинъ голосъ утверждаютъ, что крестьяне-раскольники всегда исправнѣе и зажиточнѣе крестьянъ, оставшихся вѣрными православной церкви, но толкуютъ это различно. Первые видятъ здѣсь широко организованную самопомощь и подозрѣваютъ въ расколѣ нѣчто въ родѣ еврейскаго кагала; вторые не безъ основанія приписываютъ это большей воздержанности раскольниковъ отъ «зелена вина». Первое справедливо только по отношенію къ адамантамъ и ихъ приспѣшникамъ, да еще пожалуй къ раскольникамъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ всего какая-нибудь горсть. Въ раскольничей же массѣ тамъ, гдѣ они «преизбыточествуютъ», говоря эпархіальнымъ терминомъ, никакихъ признаковъ кагала нѣтъ: всѣ они преисправно «бредутъ врозь», какъ и наши православные. Что же касается большей трезвости раскольниковъ въ сравненіи съ православными, то спорить противъ этого нельзя. Но этого однако недостаточно для объясненія ихъ относительной зажиточности. Тутъ есть другая причина и кажется болѣе важная, чѣмъ только-что указанная. Посмотрите, гдѣ держится главная масса раскольничаго населенія въ предѣлахъ Европейской Россіи. Большинство ихъ мы находимъ въ сѣверо-восточномъ углу между Волгой и Камой, да по всему протяженію Урала. Здѣсь вѣдь не черноземная полоса, гдѣ, кромѣ какъ къ своей десятинѣ, и рукъ приложить не къ чему. Здѣсь и хлѣбъ, и лѣсъ, и

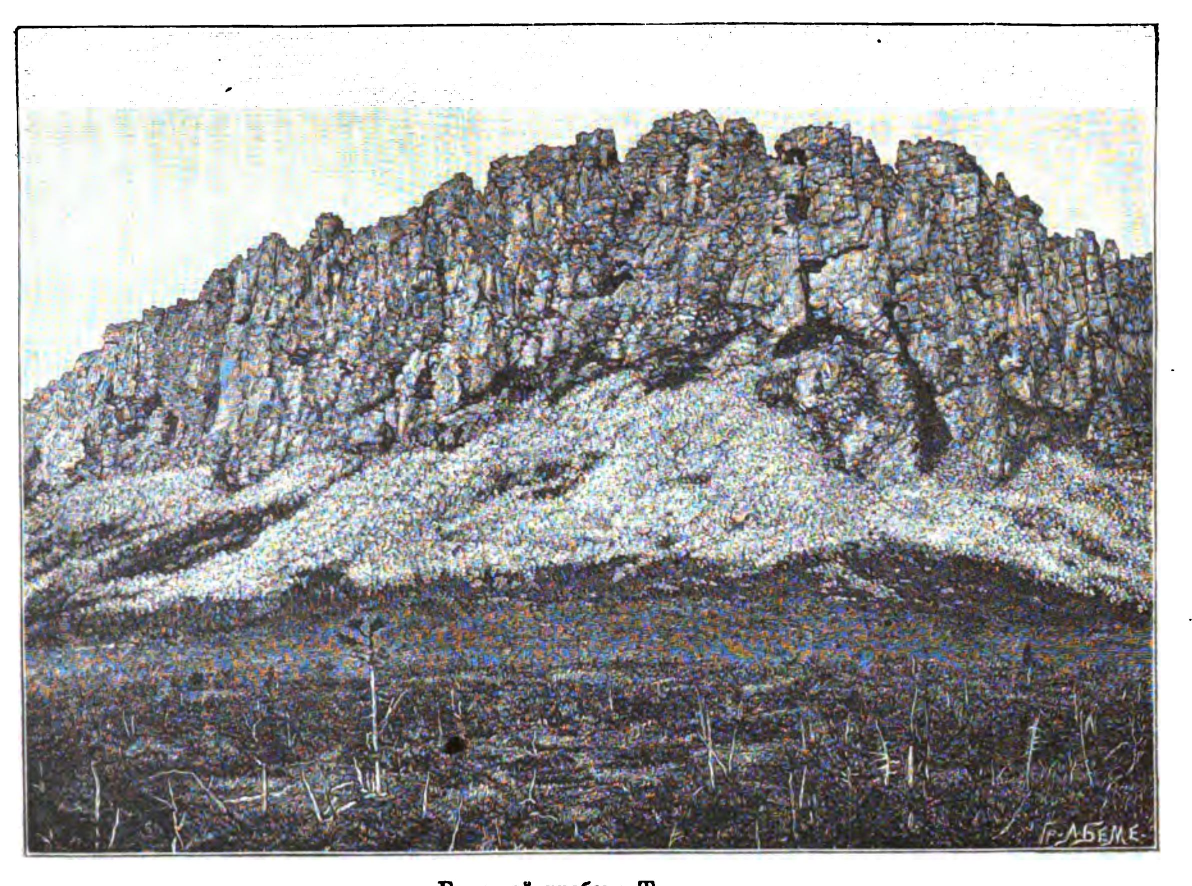
сплавъ, и горное дѣло. Ни то, такъ другое. «Есть вокругъ чего обихаживать, были бы руки да голова на плечахъ»,—говорятъ мѣстные обыватели, и, дѣйствительно, «обихаживаютъ» исправно. Но опять-таки это относится къ большинству раскольниковъ, а не ко всѣмъ безъ исключенія. Тамъ, гдѣ обихаживать нечего, или гдѣ этотъ обиходъ сводится къ одной только опредѣленной задѣльной платѣ, и мудрить не надъ чѣмъ, тамъ и раскольники живутъ не въ особенныхъ достаткахъ, и ужъ во всякомъ случаѣ нисколько не выдѣляются своею зажиточностью изъ православнаго населенія.

Все сказанное здѣсь относится исключительно къ раскольникамъ австрійской секты (пріемлющимъ австрійское священство) и къ безпоповцамъ, а изъ этихъ послѣднихъ главнымъ образомъ къ поморцамъ, съ которыми намъ пришлось познакомиться за Волгой и въ особенности въ Южномъ Уралѣ. Позволяемъ же себѣ дѣлать нѣкоторыя обобщенія о всѣхъ раскольникахъ только потому, что названныя секты, со множествомъ ихъ подраздѣленій, составляютъ главную массу раскола. Что же касается такихъ сектъ, какъ духоборцы, хлысты, скопцы и т. п., то онѣ имѣютъ такъ же мало общаго съ расколомъ, какъ и мы съ ними. Надо только удивляться, съ какой стати ихъ до сихъ поръ еще припутываютъ къ расколу. Почти вся масса раскола ведетъ свое начало отъ второй половины 17-го столѣтія, когда именно и произошелъ расколъ въ русской церкви, а хлыстовщина, скопчество и проч. явились у насъ одновременно съ христіанствомъ, т. е. 900 лѣтъ тому назадъ. Кромѣ того, расколъ—это доморощеное, наше русское зло, а хлыстовщина и скопчество—издѣлье заграничное и дано намъ въ придачу къ христіанству изъ Византіи, или, точнѣе говоря, изъ Болгаріи. О нихъ здѣсь и рѣчи нѣтъ, такъ какъ съ расколомъ старобрядчества они не имѣютъ рѣшительно ничего общаго.

I.

Расколъ съ самаго возникновенія своего въ русской церкви всегда тянулъ на востокъ, за Волгу, гдѣ вдали отъ Москвы, въ глуши лѣсовъ заволжскихъ, не такъ-то легко могли потревожить его «слуги антихристовы». Заволжье и сдѣлалось поэтому центромъ раскола, откуда уже и пошли вѣтви въ разныя стороны, не вездѣ, однако, встрѣчая для себя одинаково удобную почву. Чѣмъ дальше отъ Москвы и чѣмъ глуше мѣста съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, тѣмъ масса оказывалась воспріимчивѣе къ расколу. Не удивительно поэтому, что глухой и далекій отъ всего Уралъ почти на всемъ своемъ протяженіи оказался раскольничьимъ.

Южный Уралъ безспорно является однимъ изъ самыхъ прочныхъ гнѣздъ раскола. Сколько здѣсь раскольниковъ и каково численное ихъ отношеніе къ православному населенію, сказать трудно,

Большой гребень Таганая.

въ особенности если принять во вниманіе, что по многимъ причинамъ раскольники оказываютъ себя до сихъ поръ неохотно, не смотря на существенныя облегченія, которыя даны имъ майскимъ закономъ 1884 года. Одно только могу сказать, что во время всѣхъ моихъ странствованій и работъ на южномъ Уралѣ, когда такъ или иначе приходилось сталкиваться какъ съ сельскимъ, такъ и съ заводскимъ населеніемъ, мнѣ чаще приходилось имѣть дѣло съ раскольниками, чѣмъ съ православными. Не думаю, чтобы это была простая случайность.

Въ этой мѣстности Урала всѣ раскольники, безъ различія сектъ, извѣстны подъ общимъ именемъ кержаковъ. По объясненію извѣстнаго знатока раскола Мельникова (Печерскаго), имя это утвердилось за ними потому, что первые раскольники пришли на Уралъ съ р. Керженца, впадающаго въ Волгу съ лѣвой стороны въ 60 верстахъ отъ Нижняго и знаменитаго своими скитами и обитателями. Такъ это, или нѣтъ, только названіе «кержакъ», или иногда ласкательное «кержачекъ», прочно утвердилось за раскольниками. Большинство раскольниковъ принадлежитъ къ сектѣ безпоповцевъ, которыхъ здѣсь, по оффиціальнымъ даннымъ, считается до 60% всего раскольничаго населенія. Часть изъ нихъ—поморское согласіе,—признаютъ бракъ, другіе не признаютъ. Изъ остальныхъ 40% большая часть падаетъ на долю, такъ называемыхъ, австрійцевъ, т. е. пріемлющихъ австрійское священство. На сколько силенъ расколъ въ этой мѣстности, можно видѣть изъ того уже, что въ Златоустѣ, напр., еще въ 1868 году сочли нужнымъ открыть братство съ цѣлью распространенія грамотности и противодѣйствія расколу, но чѣмъ выразилась дѣятельность этого братства, свѣдѣній подъ руками не имѣю. Въ 1872 г. завелись было въ томъ же Златоустѣ скопцы, но удержались ли они послѣ разгрома, когда было забрано 27 человѣкъ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ они стоятъ отдѣльно и съ расколомъ ничего общаго не имѣютъ.

Во время своихъ странствій по Уралу я вовсе не думалъ изучать расколъ; во-первыхъ, это вовсе не входило въ программу моихъ работъ; а во-вторыхъ, я не считалъ, да и теперь не считаю, себя достаточно подготовленнымъ для этого дѣла. Но мнѣ такъ часто приходилось сталкиваться съ раскольниками, что нѣкоторые изъ нихъ положительно заинтересовали меня, какъ лично своими воззрѣніями, такъ и разсказами о недавно минувшемъ, богатомъ всякими эпизодами, крайне иногда тяжелаго характера. Этими случайными впечатлѣніями, отрывочными разговорами и короткими встрѣчами, я и хочу подѣлиться съ моими читателями. Съ этой точки зрѣнія я и прошу смотрѣть на мои наброски. Если они прибавятъ хотя бы одинъ живой штрихъ для созданія общей и вѣрной картины раскола въ теперешнемъ его положеніи, то этого будетъ болѣе чѣмъ достаточно и цѣль ихъ будетъ достигнута вполнѣ.

Изъ всѣхъ бывшихъ у меня проводниковъ особенно заинтересовалъ меня Назаръ Софроновъ. Онъ работалъ на одномъ изъ казенныхъ желѣзно-дѣлательныхъ заводовъ Южнаго-Урала. Большой охотникъ и любитель природы. Всѣ тропы въ разстояніи верстъ двадцати отъ завода извѣстны ему какъ свои пять пальцевъ. Ему лѣтъ тридцать съ небольшимъ, но онъ выглядитъ старше своихъ лѣтъ.

— Былъ и я въ свое время здоровъ!—говоритъ онъ про себя.— Да разъ какъ-то по осени на охотѣ остылъ сильно (простудился), вотъ съ тѣхъ самыхъ поръ и недомогаю. И спина болитъ, и грудь иной разъ словно сдавитъ кто, думаешь, ужъ часъ насталъ послѣдній... А тамъ, смотришь, кровь горломъ пойдетъ, ну и облегчитъ маленько!..

Это, однако, нисколько не мѣшало ему каждый праздникъ таскаться по сосѣднимъ горамъ и чащамъ, пощелкивать глухарей, тетеревовъ и рябчиковъ, которыхъ еще многое множество въ глухихъ ельникахъ и пихтарникахъ, густой щетиной покрывающихъ склоны безчисленныхъ сопокъ Урала. У него семья,—жена и трое дѣтей. Живетъ въ своемъ домишкѣ, работаетъ на заводѣ, получаетъ за свою работу по 75 коп. въ день, нужды особенной не видитъ, да и достатковъ никакихъ нѣтъ.

— Маячимъ такъ-то вотъ! Пока живъ да здоровъ, ребятишки голодомъ не насидятся. А помирать-то вотъ боязно!

Въ первое же наше знакомство я легко могъ замѣтить, что онъ придерживается раскола. Пока въ пути, ничего,—всѣ равны, а какъ только пришли на мѣсто, сейчасъ это и обнаружится. Какъ потянулись къ роднику каждый со своей чашечкой, ну такъ ужъ и знаешь, что кержаки. У православнаго въ его сумѣ переметной обыкновенно нѣтъ ни чашечки, ни плошечки; напиться наровитъ изъ шапки, или на мѣстѣ смастеритъ себѣ бурачекъ изъ бересты... Въ крайнемъ случаѣ, онъ всегда надѣется, что у кого-нибудь да найдется, чѣмъ воды зачерпнуть, и всѣ, конечно, пьютъ изъ общей посудины. Кержакъ не то,—онъ всегда съ своей посудинкой. Первая привальная чарка водки сейчасъ же обличаетъ рознь: православный беретъ у васъ изъ рукъ стаканчикъ, а кержакъ смущенно тянется со своей чашечкой.

Этого одного ужъ для меня было достаточно, чтобы съ перваго же раза признать въ Назарѣ раскольника. Но болѣе близкое наше знакомство началось съ другой моей экскурсіи въ окрестностяхъ завода, на которомъ работалъ Назаръ. На этотъ разъ у меня только и было двое проводниковъ,—Назаръ да пріятель его Петръ, парень лѣтъ двадцати трехъ, записной бродяга-охотникъ, ни одного праздника кажется не встрѣтившій дома, а вѣчно гдѣ-нибудь въ глухой чащѣ въ поросшемъ мохомъ балаганѣ.

Во время этой-то поѣздки, ночуя въ глухомъ балаганѣ у ярко

пылающаго въ очагѣ огня, разговорились мы о расколѣ. Самъ я не старался заговаривать на этотъ счетъ, не зная хорошенько, какъ отнесутся мои кержаки къ подобному разговору. Мнѣ же они нужны были какъ проводники; изучать на нихъ расколъ я вовсе не думалъ. Тѣмъ съ большимъ интересомъ я сталъ прислушиваться, когда они сами заговорили о расколѣ.

— А вѣдь вамъ К. П. поди и не вдомекъ совсѣмъ, что вотъ вы забрались теперь въ балаганъ въ такой чащобѣ съ двумя старовѣрами!—началъ Назаръ прихлебывая чай изъ своей плошечки.

— Ну какъ тебѣ сказать... Пожалуй и догадывался. Да чтожъ тутъ худого?—отозвался я.

— Худого, конечно, какъ бы и нѣтъ!.. А всежъ-таки... Поди, раскольниками насъ зовете, отступниками!..

— Отступниками звать не приходилось... А раскольниками... Чтожъ дѣлать,—всѣ такъ зовутъ!

— Откололись ли, отступили ли,—все едино!—продолжалъ Назаръ.

Повидимому, мое кажущееся равнодушіе задѣвало его за живое и заставляло откровеннѣе высказываться, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы я самъ началъ его разспрашивать.

— Знаю и самъ, что насъ такъ обзываютъ... Да только это совсѣмъ напрасно. Раскольники-то не мы, а вы, выходитъ. Вы откололись, а мы по старому остались; значитъ, мы старообрядцы, а не раскольники!

— То есть не мы, и не вы...

— Извѣстно, отцы наши!—перебилъ меня Назаръ.—А ужъ намъ отъ нихъ отставать не приходится!

Помолчали немного. Назаръ долго мялся, видимо желая что-то сказать; наконецъ не выдержалъ.

— Не могу я только въ толкъ взять, чѣмъ мы неправы оказались? Развѣ не знали Бога при патріархахъ святѣйшихъ до Никона отступника? Сколько святости-то было! Знать правильно они церковь держали!..

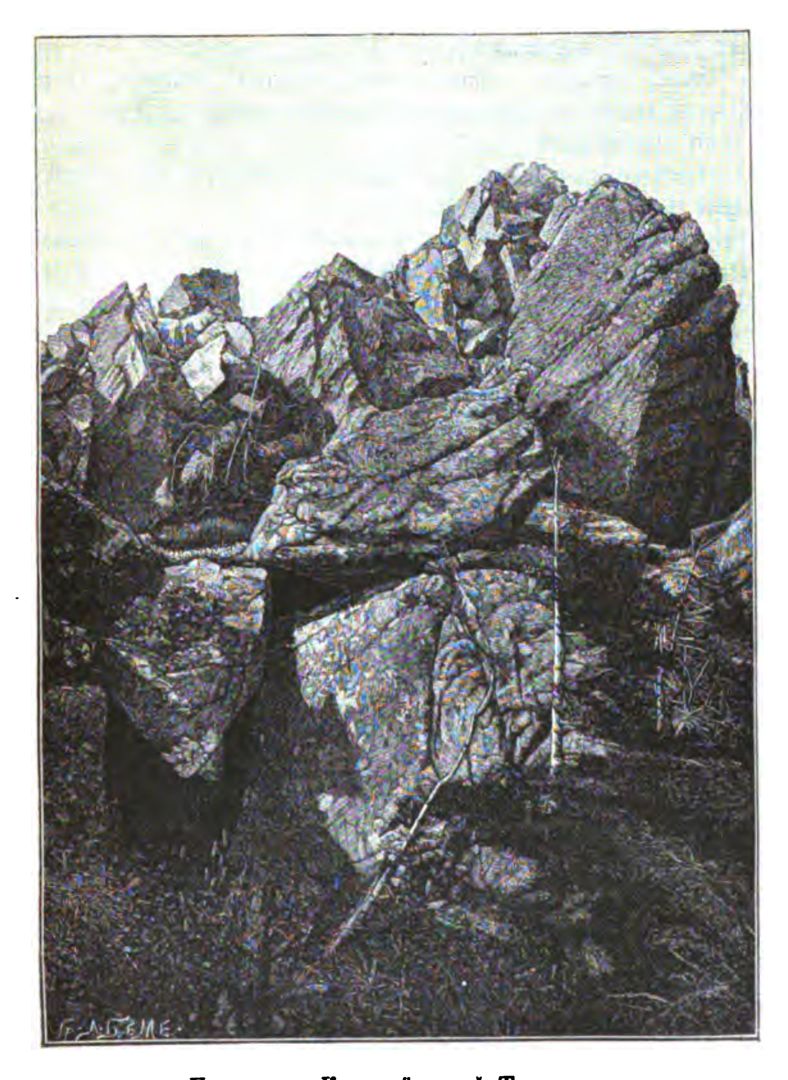
— Кто говоритъ про то! Отъ двуперстнаго ли, или трехперстнаго сложенія святѣе не будешь. Іисусомъ ли станешь называть Спасителя или Ісусомъ, два ли раза пѣть станешь аллилуйю или три,—въ этомъ ли дѣло, Назаръ? Поди самому доводилось читать, что два старца спаслись, не зная, какъ и назвать Бога, а вѣруя только въ св. Троицу. Помнишь, небось, какъ молились они: двое насъ, трое васъ, помилуй насъ!..

— Какъ не читать! Малолѣткомъ еще зналъ всю эту исторію,—говорилъ Назаръ.—Такъ за что же гнали-то насъ, за что казнили, жгли огнемъ, въ темницахъ томили?.. За что же? За что?..

— Что про то вспоминать, Назаръ! То было и былью поросло. Было время, теперь другое...

— Такъ-то такъ, да вѣдь не забывается это!..

— Не забывается... Ты вотъ старое-то поминаешь, Назаръ, а о теперешнемъ не заикаешься. Вспомни-ка, кого вы антихристомъ зовете!..

Пещера на Круглой сопкѣ Таганая.

— Было это, да ужъ миновало, видитъ Богъ, миновало!—засуетился Назаръ.—Нѣтъ теперь такихъ!..

— Зря говоришь... И теперь есть!..

— У насъ нѣтъ по крайности, а за другихъ не поручусь!..

— И не ручайся!.. Да и ты, братъ, хотя и не зовешь, напр., меня слугою антихриста, а все-таки считаешь нечистымъ!

— Это вы насчетъ чашечки-то?—вспыхнулъ Назаръ.

— Да хоть бы и насчетъ чашечки!—продолжалъ я.—Положимъ, я и самъ не люблю общей посудинки, но вѣдь не потому, чтобы считалъ другого поганымъ...

— Чтожъ поганаго?—раздумчиво говорилъ Назаръ.—Оно, конечно, если взять въ разсужденіе, такъ и ничего... Да не сами мы такъ,—по родителямъ!

На этомъ разговоръ и пресѣкся. Заговорили объ охотѣ, о заводскомъ житьѣ-бытьѣ и т. п.

Вскорѣ потомъ Назаръ зашелъ какъ-то ко мнѣ. Я предложилъ ему чаю, хотя не зналъ хорошенько, какъ онъ сдѣлается насчетъ посудинки. Онъ не отказался, замѣтивъ при этомъ, что дѣлаетъ въ настоящемъ случаѣ изъ уваженія ко мнѣ. Оставалось только поблагодарить за подобную любезность съ его стороны. Скоро Назаръ снова свелъ разговоръ на расколъ.

— А все это дѣло изъ-за тиранствъ вышло, такъ я думаю!—началъ онъ, очевидно желая втянуть меня въ разговоръ.

— Ужъ толковали мы объ этомъ!—отозвался я.—Что старину-то перетряхивать,—не исправишь! А по правдѣ сказать, кабы вы были сильнѣе въ то время, такъ тоже не помиловали бы. Хуже еще было бы!..

— Кто знаетъ!..—раздумчиво отвѣчалъ Назаръ.—Много грѣхато въ мірѣ... Не такъ все дѣло повелось,—прибавилъ онъ черезъ минуту.—Зачѣмъ насъ обманывать-то было?

— Какъ такъ обманывать? Кто же обманывалъ васъ?

— Да іереи же ваши!

— Это какимъ образомъ?—спросилъ я, совершенно озадаченный такимъ обвиненіемъ.

— А доводилось небось читать о томъ, что въ самое то время, какъ шибко пошелъ споръ на счетъ двуперстнаго и трехперстнаго сложенія, въ ризницѣ патріаршей обрѣтена была нетлѣнная десная рука св. Андрея Первозваннаго?—говорилъ Назаръ, видимо впадая въ книжный тонъ.

— Нѣтъ не доводилось!—сознался я.

— Какъ же такъ?—изумился Назаръ.—Совсѣмъ не читали?

— Говорю тебѣ не читалъ!

Назаръ видимо не довѣрялъ, чтобы я былъ такимъ профаномъ въ этихъ вопросахъ, тѣмъ болѣе, что зналъ меня за человѣка книжнаго. Онъ замолчалъ на минуту, какъ бы обдумывая что-то, желая о чемъ-то спросить... Кажется, онъ никакъ не могъ примирить моего знанія по другимъ вопросамъ съ полнымъ невѣжествомъ на счетъ обрѣтенія десной руки св. Андрея Первозваннаго. Наконецъ, онъ снова заговорилъ:

— Такъ вотъ когда обрѣтена была эта десная рука, церковники-то и пустили слухъ, что это знаменіе Божіе, намъ, значитъ, старовѣрамъ въ назиданіе, потому сложеніе-то у нея трехперстное.

— Ну и что же?

— Да обманъ выходитъ!—оживился Назаръ.—Видѣли люди и говорятъ, что нѣтъ тамъ трехперстнаго сложенія, а истинное двуперстное!

— Да вѣдь не въ этомъ дѣло, самъ знаешь!

— Оно точно, конечно... Да зачѣмъ же обманывать?

— Не тебя ли, братъ, обманули-то? Самъ я не видѣлъ, но думаю, что если церковь русская утверждаетъ, что трехперстное сложеніе, значитъ такъ оно и есть. Вѣдь можно небось и посмотрѣть, не скроешь... Статочное ли дѣло, чтобы вся церковь стала обманывать? А вотъ коноводы-то ваши да келейницы,—тѣ охулки на руку не положатъ: соврутъ, не дорого возьмутъ!

— Всяки бываютъ! Да кто жъ ихъ слушаетъ?

— Кто слушаетъ... Да ты же первый. А если самъ не слушаешь, такъ всежъ-таки съ ихъ голоса поешь!

— Эхъ, и самъ про то я знаю!—вдругъ оживился мой собесѣдникъ,—да что подѣлаешь-то? Ужъ больно сѣрость-то наша велика. Что я такое, къ примѣру сказать? Въ лѣсу родился, пнямъ Богу молился... Далась мнѣ грамота. Читалъ я много старопечатныхъ книгъ,—уразумѣть думалъ истину... Да довелось мнѣ разъ слышать, какъ начетчикъ одинъ у насъ похвалялся. Все, говоритъ, могу оказать (доказать): такъ поверну,—одно выйдетъ, въ другую сторону—другое. И вертитъ это онъ Писаніемъ, какъ нашъ братъ напилкомъ... Бросилъ я эту самую музыку, да такъ и сталъ мохомъ обростать... А кажись кабы учить-то меня, скрозь бы все произошелъ!..

Задумался Назаръ и уныло поникъ головой.

Оказалось, однако, что послѣ того случая съ начетчикомъ Назаръ не только не сталъ мохомъ обростать, а кое-что соскребъ съ себя даже изъ стараго мха: онъ принялся за мірскую науку. Началъ онъ съ какого-то стараго календаря, узналъ кое-что по физикѣ и химіи, которыя ему особенно полюбились, и съ тѣхъ поръ сильно затосковалъ о своей сѣрости. Само собою разумѣется, что сколько-нибудь основательныхъ знаній онъ не пріобрѣлъ, но съ нимъ можно поговорить и о планетахъ, и о полюсахъ земли, и о происхожденіи горъ, облакахъ, электричествѣ и т. п. Обо всемъ этомъ онъ имѣетъ нѣкоторое понятіе, хотя иногда крайне своеобразное, но все же основанное не на кругломъ невѣжествѣ, и на коекакихъ положительныхъ знаніяхъ.

Типъ Назара, тяготящагося своей сѣростью, встрѣчается довольно часто. Нѣчто подобное я встрѣчалъ и раньше, во внутреннихъ губерніяхъ, но тамъ необходимость знанія ставилась обыкно-

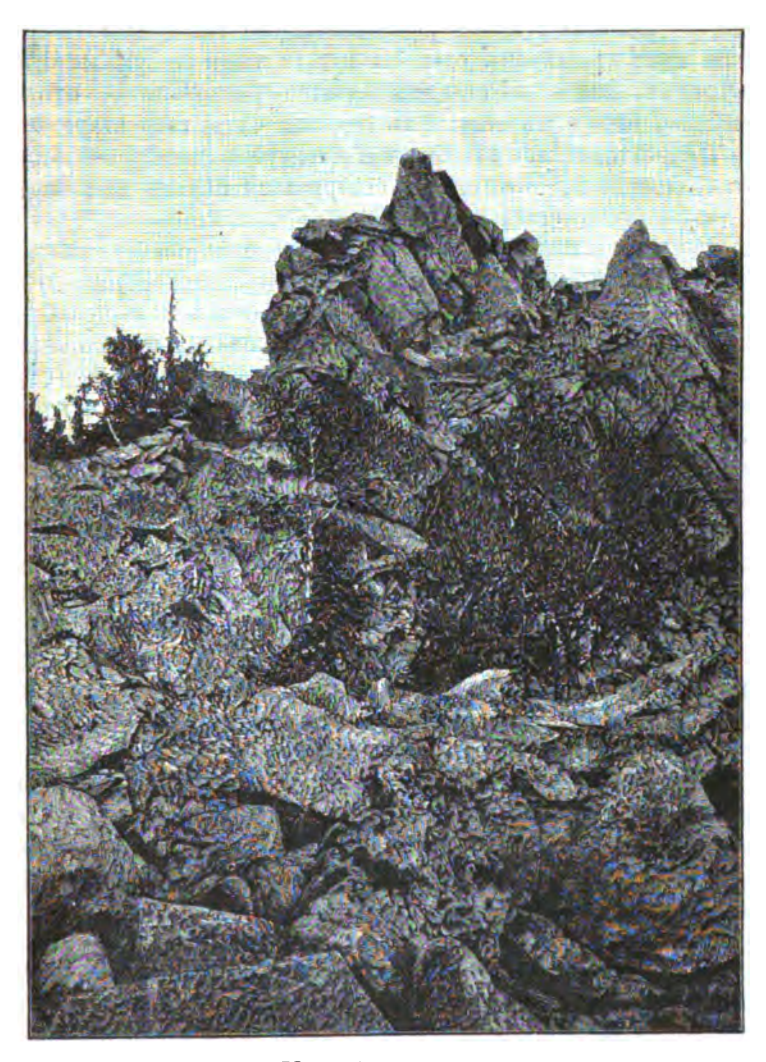
венно въ зависимость отъ чисто практическихъ цѣлей; Назаръ же добивается знанія для знанія, надѣясь при помощи этого знанія перестроить свою внутреннюю жизнь, а не внѣшнюю.

II.

Въ большей части раскольниковъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться, я не встрѣчалъ сознательной отчужденности отъ православія. Правда, нѣкоторые изъ нихъ пробовали, подобно Назару, мотивировать свое нежеланіе имѣть общеніе съ великороссійскою церковью, но мотивировка эта, вообще говоря, крайне слаба, да и сами раскольники видимо не придаютъ уже ей серьезнаго значенія, хотя и продолжаютъ, по старой памяти, пересчитывать основные пункты разногласія. Кончаютъ же обыкновенно ссылкой на отцовъ и дѣдовъ. «Не сами, по родителямъ!» говорятъ они, и кажется въ этомъ единственно лежитъ живая сила раскола для настоящаго времени. Это, конечно, относится къ массѣ раскольничей; для коноводовъ и адамантовъ должно быть сдѣлано исключеніе. Вообще говоря, духъ раскола, на сколько я могъ замѣтить, гораздо тверже держится въ женской, менѣе развитой половинѣ старообрядчества: женщины гораздо ревностнѣе въ исполненіи всѣхъ обрядностей и первыя протестуютъ противъ всякихъ новшествъ и измѣненій старообрядческихъ преданій.

Изъ всего моего знакомства съ раскольниками на Уралѣ я вынесъ то общее впечатлѣніе, что расколъ, какъ ученье, съ каждымъ днемъ теряетъ свою силу и теперь уже въ большинствѣ случаевъ является не болѣе, какъ формой. Разсказы раскольниковъ о недавнемъ прошломъ доказываютъ съ поразительной ясностью, что въ то время, когда расколъ испытывалъ наибольшія стѣсненія, онъ пріобрѣталъ наибольшую силу и наибольшее вліяніе на православное населеніе, и наоборотъ,—чѣмъ меньшимъ стѣсненіямъ подвергался онъ, тѣмъ меньше была его какъ внутренняя, такъ и внѣшняя сила. Впрочемъ, это вполнѣ естественно: живучаго въ самомъ расколѣ рѣшительно нѣтъ ничего; въ самомъ корнѣ своемъ онъ исключаетъ всякую возможность дальнѣйшаго развитія и прогресса. Расколъ представляется мнѣ безобразнымъ стариннымъ зданіемъ, застрявшимъ какъ-то между новыми и обнесеннымъ крѣпкой и высокой стѣной, чтобы оно не портило общаго вида, зданіе это въ конецъ обветшало и держится только тѣмъ, что оперлось на стѣны, которыми его окружили. Разрушатся стѣны, и оно рухнетъ само собою... Коноводы раскола только и держатся стѣсненіями: только подъ страхомъ гоненій, нерѣдко вовсе не существующихъ, они могутъ обдѣлывать съ народной массой свои темныя дѣлишки. Не даромъ же они сами себѣ выдумываютъ стѣсненія и другихъ стараются увѣрить въ нихъ. Кому, напримѣръ, понадобилось распро-

странять среди раскольничаго населенія Урала слухъ, что собесѣдованія съ раскольниками въ Петербургѣ устраиваются исключительно для того только, чтобы ловить раскольничьихъ начетчиковъ? Кто увѣрилъ ихъ, что православные пастыри на этихъ

Юрмскій шиханъ.

собесѣдованіяхъ только надругаются надъ расколомъ и спорятъ съ подставными старообрядцами, для одной только видимости, а если кто изъ истиныхъ старообрядцевъ не стерпитъ, заговоритъ и уличитъ пастырей въ неправотѣ, такихъ сейчасъ же забираетъ полиція, и они пропадаютъ? Кто распускаетъ такой вздоръ? Кому

это понадобилось? Развѣ петербургскіе раскольники не знаютъ, какъ ведутся эти собесѣдованія? Цѣль такихъ вздорныхъ слуховъ болѣе, чѣмъ очевидна: расколу необходимы стѣсненія, и если ихъ нѣтъ, раскольники сами ихъ выдумываютъ, чтобы только чѣмъ-нибудь поддержать свою развалину. А что это дѣйствительно развалина, съ каждымъ днемъ разсыпающаяся все больше и больше, тому не мало примѣровъ хотя бы между тѣми же уральскими раскольниками. Взять хотя бы знаменитое раскольничье пустынножительство, которымъ еще такъ недавно славились старовѣры.

— Падаетъ древнее благочестіе!—говорятъ сами раскольники.— Не стало больше подвижниковъ: обмірщился народъ въ конецъ. Не стало прежняго радѣнія о Христѣ!

А ужъ гдѣ и жить келейникамъ да подвижникамъ, какъ не на Уралѣ! И теперь еще среди раскольниковъ жива память о прежнихъ подвижникахъ; и теперь еще цѣлы кельи и пещеры, въ которыхъ въ былое, недавнее еще время спасались отшельники. Такихъ укромныхъ мѣстъ тамъ много, въ особенности въ глухихъ дебряхъ Юрмы, этого угрюмаго узла Южнаго Урала, откуда онъ разбѣжался на три вѣтви, отбросивъ отъ себя массу отроговъ и выдвинувъ множество величественныхъ сопокъ, заросшихъ непроходимой чащей лѣса. Глушь страшная... Лучшаго мѣста для игры въ прятки кажется и не придумаешь. Крѣпче этихъ мѣстъ и не сыскать. Одна только забота, не спрятаться бы такъ, что и самому не выйти потомъ... И прятались келейники, оставляя по себѣ въ народѣ ту или другую память...

Вотъ такъ называемый Травяной Бугоръ у Большого гребня Таганая. Тутъ нашли отшельника замерзшимъ съ псалтыремъ въ рукахъ. Къ ногамъ подвязаны лыжи: должно быть бѣжалъ съ бугра, да поднялась вьюга, такъ и замерзъ несчастный. Въ другомъ мѣстѣ къ сѣверо-востоку отъ Круглой сопки Таганая около Келеима [1]), вблизи такъ называемыхъ Большихъ Камней, которые какъ развалины древняго замка стоятъ въ глуши дремучаго ельника, есть оставленная пещера, гдѣ еще недавно спасался отшельникъ изъ австрійской секты. На Юрмѣ найдутся и могилки, къ которымъ и въ настоящее время ходятъ на богомолье... Но все это было и былью поросло. Теперь эти келейники почти перевелись. О новыхъ не слыхать совсѣмъ... Впрочемъ, такой отзывъ въ устахъ самихъ раскольниковъ можетъ показаться нѣсколько подозрительнымъ. Можно думать, что просто скрываютъ, какъ скрываютъ напримѣръ мѣстонахожденіе могилокъ ихъ святыхъ отшельниковъ. Извѣстно, что есть напримѣръ такая могилка у Большого гребня Таганая, или на Юрмѣ, а гдѣ именно,—попробуйте поискать въ безконечныхъ каменныхъ розсыпяхъ и въ глухомъ ельникѣ... Изъ

[1]) На картахъ эта рѣчка называется Кіолимомъ.

дальнѣйшихъ разспросовъ оказывается, однако, что существованія келейниковъ въ камняхъ и лѣсахъ Урала не отрицаютъ и теперь, но только не такихъ келейниковъ, къ которымъ можно было бы ходить на поклоненіе. Оказывается, что нынѣшніе келейники больше на счетъ пшенца [1]) промышляютъ, а душеполезнымъ трудамъ и размышленіямъ посвящаютъ только свободное отъ этихъ занятій время.

— Да вѣдь небось и въ прежнее время пшенцу-то спуска не давали?

— Были и тогда такіе, что вокругъ золота обихаживали, да не всѣ, а теперь сплошь пошло!..

Такіе отзывы мнѣ приходилось слышать въ различныхъ мѣстахъ и отъ раскольниковъ, и отъ православныхъ. Всѣ, однако, въ одинъ голосъ говорятъ, что если и есть теперь эти келейники, то больше такіе, что на счетъ золотца перебиваются. А между тѣмъ въ прежнее время и здѣсь были свои угодники, память о которыхъ и понынѣ жива среди раскольниковъ. Вотъ что̀, напримѣръ, разсказывали мнѣ о святомъ отшельникѣ Дмитріи, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ умершемъ на Юрмѣ, гдѣ была его келья и гдѣ осталась теперь одинокая могилка; сюда ежегодно около Троицы сходятся вѣрующіе для поклоненія.

... «Келья отшельника Дмитрія стояла неподалеку отъ пещеры другого старца-слѣпца. Рѣдко сходились отшельники,—только въ случаѣ крайней необходимости. Дмитрій совсѣмъ почти не показывался изъ кельи; даже христолюбцы, что приносили ему подаянія, не часто удостоивались видѣть его: принесъ, положилъ и иди съ миромъ. Долго не показывался Дмитрій слѣпцу-отшельнику. Вдругъ является къ нему и говоритъ:

— «Зайди, отче, провѣда̀ть меня»,—и день назначилъ...

«Пришелъ старецъ въ назначенный день, а Дмитрій ужъ преставился. Понялъ тогда старецъ, что товарищъ звалъ его на похороны. Надо законъ, значитъ, справить. А какъ слѣпецъ хоронить станетъ? Гдѣ копать въ каменной розсыпи, когда онъ только и зналъ свою тропу, по которой умѣлъ бродить ощупью... Подумалъ это старецъ, и таково ему горько стало, что не можетъ онъ по христіанскому обычаю предать землѣ тѣло усопшаго товарища. Вышелъ изъ кельи Дмитрія и слышитъ старецъ, пришли какіе-то два звѣря и таково сильно скрести начали... Мелкіе камни такъ и летятъ изъ-подъ острыхъ когтей ихъ; звенятъ когти, ударяя въ твердый камень горы... Сто̀итъ старецъ у кельи да умную [2]) молитву творитъ. Рыли, рыли звѣри и ушли. Тихо стало: не слышно больше скрежета когтей ихъ. Подошелъ старецъ къ тому мѣсту, гдѣ рыли звѣри, и

[1]) Ворованное, или тайно промытое золото.

[2]) Мысленную.

нащупалъ яму... какъ разъ, чтобы положить покойника. Такъ и похоронилъ онъ здѣсь Дмитрія, прочитавъ свою грѣшную молитву надъ тѣломъ святаго отшельника... И до сихъ поръ еще изъ Кусы, Златоуста, Кыштыма, Каслей и даже далекаго Екатеринбурга ходятъ вѣрующіе для поклоненія на могилку святаго отшельника Дмитрія [1]).

Не мало было гоненій на келейниковъ, укрывшихся въ горахъ и непроходимыхъ чащахъ Урала. Воспоминанія объ этихъ гоненіяхъ и разгромахъ живы въ памяти и теперешнихъ раскольниковъ. Какъ ни трудно было искать ихъ въ глухихъ ельникахъ, зыбучихъ трясинахъ и каменныхъ розсыпяхъ, все же случалось находить: искали не однихъ расколоучителей, а еще и тайныхъ золотоискателей, и потому горная полиція нерѣдко предпринимала походы въ мѣста, особенно излюбленныя тѣми и другими изъ этихъ пустынножителей. Разсказываютъ, что это были настоящія облавы, и тогда келейникамъ приходилось круто. Но такъ какъ полиція производила эти облавы не по собственному почину, а всякій разъ по особому распоряженію начальства, то въ періоды между двумя облавами считала себя въ правѣ смотрѣть сквозь пальцы на тѣхъ же келейниковъ, которыхъ во время облавъ не помиловала бы. Говорятъ, что въ мирное время келейники въ особенности изъ тѣхъ, которые орудовали больше по части золота, не рѣдко показывались даже въ заводскихъ кабакахъ, гостили у родныхъ и затѣмъ вновь отправлялись въ свою одинокую пещеру.

И теперь еще живъ одинъ такой келейникъ Саватей. Старикъ ужъ совсѣмъ; ходитъ въ оборванной, длинной рясѣ на подобіе монашеской. Большую часть года пропадаетъ неизвѣстно гдѣ, но вѣроятно гдѣ-нибудь поблизости на Юрмѣ или на Таганаѣ, потому что отъ времени до времени показывается въ родномъ заводѣ.

Лѣтъ 15—20 тому назадъ онъ отшельничалъ на Юрмѣ. Во время розысковъ однажды чуть не попался, но, говорятъ, благополучно успѣлъ убѣжать по вершинамъ деревъ. Когда розыски кончились, онъ опять сталъ показываться на заводѣ, таскаясь по кабакамъ. Деньги носилъ прямо въ горсти. Мальчишки это какъ-то вызнали и стали караулить Саватея. Бредетъ онъ бывало къ кабаку, выскакиваетъ какой-нибудь шустрый мальчуганъ... «Саватей! Полиція»!.. Саватей взмахиваетъ руками, бросаетъ деньги, а самъ по задворкамъ да въ лѣсъ... Мальчишкамъ только это и нужно было...

III.

Когда начинается разговоръ о пустынножителяхъ ближайшаго къ намъ времени, такъ сказать, новѣйшей формаціи, то ужъ всегда какъ-то такъ бываетъ, что душеспасительные подвиги отшельни-

[1]) Могила эта находится на Юрмѣ, около Большого Юрмскаго шихана.

ческаго житія непремѣнно связаны съ пшенцомъ или золотцемъ. Но ставить это въ вину исключительно однимъ только раскольникомъ нельзя; не отстають отъ нихъ и православные,—ужъ такая, видно, сторонушка! Какъ начнуть, напр., пересчитывать, кто изъ богатыхъ торговцевъ и какимъ путемъ въ силу вошелъ, такъ сплошь выходитъ вся карьера этимъ пшенцомъ пересыпана... Дѣло темное...

Всѣ разсказы самихъ раскольниковъ объ отшельнической жизни сводятся къ тому, что подвиговъ благочестія въ ней теперь уже почти совсѣмъ нельзя искать; если и остались теперь келейники, то ужъ и прежніе-то почитатели стали смотрѣть на нихъ подозрительно. На сколько пустынножительство потеряло свое обояніе въ глазахъ самихъ же раскольниковъ, можно видѣть изъ того, что теперь уже появились стихи и псалмы, въ которыхъ съ нескрываемой ироніей относятся къ этимъ пустынникамъ.

Во время моихъ скитаній среди уральскихъ раскольниковъ мнѣ удалось записать нѣкоторые стихи, какъ мнѣ кажется, отлично характеризующіе тотъ путь, которымъ шелъ расколъ до настоящаго времени въ своихъ взглядахъ на подвижничество. Слѣдующій «стихъ» былъ доставленъ мнѣ въ старинномъ спискѣ; писанъ полууставомъ. Привожу его дословно, исправляя, однако, чудовищную орфографію оригинала.

«Кто бы далъ мнѣ, яко птицѣ
«Два пернатыя крыла!
«Полетѣлъ бы я на тотъ свѣтъ,
«Я узналъ бы, что тамъ есть!
«Я узналъ бы, разсказалъ бы
«Вамъ моимъ милымъ друзьямъ!
«Но чего никакъ не можно
«Невозможно учинить.
«Только едина смертна щ(ч)аша
«Своей горестью претитъ.
«Не сего дня, то въ другіе
«Мнѣ сію чашу испить!
«Отъ сего свѣта на тотъ свѣтъ
«Свою жизнь опредѣлить,
«Что случится тамъ со мною
«Не извѣстенъ я о томъ.
«Только есть одна надежда
«Моя вѣра во креста.
«Сія вѣра и надежда
«Много праведныхъ спасла,
«Въ покаянье, во спасенье
«Много грѣшныхъ привела.
«Возвѣщаетъ намъ писанье,
«Гдѣ прекрасныя мѣста,
«Несказанную доброту
«Всеблаженнаго рая.

«Гдѣ поютъ и воспѣваютъ
«Райскія птицы завсегда,
«Гдѣ исходитъ, истекаетъ
«Ефратъ райская рѣка;
«Поливаетъ, наполняетъ
«Все прекрасныя мѣста;
«Все рождаетъ, умножаетъ
«Много сладкаго плода;
«О которой добротѣ
«И сказать никакъ нельзя!
«Тамъ цвѣты не увядаютъ
«Крины зелны никогда;
«Тамъ зимы нѣту ни лѣта,
«А всегда цвѣтетъ весна.
«Тамъ ни дня нѣту, ни ночи,
«Свѣтъ сіяетъ завсегда,
«Во блаженномъ тамъ покоѣ
«У небеснаго царя!
«И меня того блаженства
«Не лиши небесный царь!
«Хоть я грѣшный, беззаконный,
«Но твоя, Создатель, тварь!»

Полетъ раскольничей фантазіи былъ здѣсь слишкомъ силенъ: такая прогулка «на тотъ свѣтъ» оказалась не подъ силу. Для душеполезныхъ подвиговъ надо было искать болѣе подходящую почву. Эта почва и была найдена въ пустынножительствѣ. Вотъ какъ воспѣвается это пустынножительство въ другомъ стихѣ, который съ увлеченіемъ распѣваютъ раскольники-поморцы на Уралѣ:

«Для того ли свѣтомъ льститься,
«Чтобъ измѣрить жизнь тоской,
«Чтобъ мнѣ плакать и крушиться
«И не знать, что есть покой.
«Все несчастье и напасти
«Предо мною предстоятъ;
«Но и будущія страсти
«Духъ тревожатъ и мутятъ.
«Тщаться мнѣ преодолѣти,
«Духъ уныніемъ грозятъ,
«Чтобы надежды мнѣ не имѣти
«И отщ(ч)аяніемъ горѣть.
«Видны слезъ моихъ потоки,
«И бѣдъ моихъ не стерпѣть.
«Тамъ въ забвеніи глубокомъ
«Я потчуся потопить.
«Отъ красотъ я удалюся.
«Полно льститься суетой!
«Я во вѣки не плѣнюся
«Сею лестною мечтой!

«Въ лѣсахъ темныхъ я водворюся
«Со звѣрьми тамъ я буду жить,
«Во пещерахъ подъ землею
«Буду я рубища носить.
«Тамъ пріятный воздухъ дышетъ,
«И я слышу птичій свистъ;
«Нѣжные вѣтры дышутъ тамо,
«И потоки водъ гремятъ.
«Одна тамо темная келія
«Извлечетъ изъ глазъ струи.
«Наполняютъ духъ веселья
«Сладкопѣвцы соловьи.
«Тамъ храня покой сердечный
«И о свѣтѣ небрегу;
«Отъ блаженства жизни вѣчны
«Сомнѣваться не могу.
«Хотя гибель спогружало(?)
«Инъ спокойна жизнь моя.
«И по смерти мнѣ будь надежда:
«Ожидать буду рая».

Это поклоненіе пустынножительству держалось долго, вплоть до настоящаго времеии. Но подвижничество этого рода стало замѣтно выдыхаться... И вотъ въ концѣ концовъ явилось уже ироническое отношеніе къ благочестивымъ подвигамъ пустынножителей, которое и выразилось въ слѣдующемъ «Стихѣ о младомъ инокѣ»:

«Братія вонмите, всѣ друзья мои!
«Внятно приклоните ушеса свои.
«Я вамъ псаломъ спою
«Про судьбину про свою,
«Про житье жестоко,
«Про младыя лѣта.
«Въ восемнадцатомъ я лѣтѣ жизни своея
«Въ юношескомъ цвѣтѣ, о душѣ своя,
«Возгнушался сему міру
«И послѣдовалъ въ пустыню,
«Желая спастися,
«Съ суетой простился.
«Младыя тамъ лѣта мирно провожалъ,
«Прелести навѣта я вовсе не зналъ.
«Отъ печали былъ свдбоденъ
«И худѣйшимъ доволенъ
«Во пищи и одеждѣ,
«Въ потребахъ тѣлесныхъ.
«Вѣрой ограждаюсь, въ нуждахъ не скорбѣлъ;
«Любовно питался, съ надеждой терпѣлъ.
«Не роскошно тамъ я жилъ,
«Болотную воду пилъ,
«Хлѣбъ я ѣлъ ячменный
«Иногда съ корою.

«Вкушалъ безъ роптанья отъ трапезы той,
«Не внималъ страданья, веселился душой.
«Книгъ во чтеньи упражнялся
«Отъ прелестныхъ отвращался,
«Духъ имѣлъ степенный,
«Взоромъ былъ смиренный.
«Воздыхалъ сердечно о душѣ своей,
«Думалъ такъ и вѣчно прожить безъ страстей.
«Лѣта младыя миновали,
«Совершенныя настали.
«Я сталъ немощенъ
«И гораздо ослабѣлъ.
«Почувствовалъ я страсти, сталъ отъ нихъ страдать
«Житейскія сласти началъ познавать.
«Сталъ я духомъ колебаться,
«Понемногу уклоняться
«Отъ поста и молитвы,
«Отъ пустынной жизни.
«Скучно наединѣ безмолвно жить,
«Дикая пустыня наскучила мнѣ.
«Я съ пустыней распростился,
«Въ міръ мятежный возвратился,
«Обязался мечтою
«И мірской суетою.
«Чего я гнушался, случилось со мной;
«Чего отвращался, вижу надъ собой.
«Сталъ почаще умываться,
«Въ кафтанъ синій наряжаться,
«Лѣстовку оставилъ:
«Ея рѣдко надо...
«Братія явите милости своей,
«Себя не блазните, зря грѣхи мои.
«Прошу за то извинить,
«Что горѣлочку сталъ пить:
«Я вѣдь не допьяна,
«Только для здоровья.
«Пьянъ не напиваюсь, я правду храню,
«Скромно разгуляюсь, честность я веду.
«А хоть что и случится,
«Во всемъ можно извиниться:
«Я вѣдь не архангелъ,
«Право не безплотный!
«Кто подозрѣваетъ брату своему,
«Меня осуждаетъ, я скажу тому:
«Мнѣ за всѣхъ не умолить.
«Прошу самихъ честно жить.
«Я вамъ не ходатай,
«На меня не надѣйтесь!»

Эти три «стиха» отмѣчаютъ до нѣкоторой степени три эпохи въ жизни раскола. Для автора послѣдняго стиха пустынножительство уже освѣтилось немного и перестало быть безупречнымъ подвигомъ благочестія. Тутъ сдѣланъ первый, кажется, шагъ къ возмущенію противъ поклоненія одной только бездушной формѣ. Является запросъ на внутреннее содержаніе...

Это одна только сторона раскола. Но освѣтите всю эту развалину свѣтомъ истины,—и пустота ея внутренняго содержанія обнаружится ясно для всѣхъ и каждаго. Только темнота, сгустившаяся надъ расколомъ, заставляетъ подозрѣвать въ немъ какое-то будто бы живое внутреннее содержаніе. Исчезнетъ тьма, и онъ явится на свѣтъ Божій во всей пустотѣ своей, во всей своей безсодержательности. Внѣшнія стѣсненія, какъ крѣпкія стѣны, поддерживаютъ эту развалину, а внутренняя темнота мѣшаетъ разсмотрѣть ея пустоту. А потому—свѣта, больше свѣта!

К. Горбуновъ.

СТОРІЯ О ГОСПОДѢ И О ЗЕМЛѢ.

(Къ воспоминаніямъ о Гоголѣ).

ОСЕНЬЮ 1851 года, Гоголь въ разговорѣ со мной въ Москвѣ о собираніи народныхъ малорусскихъ пѣсенъ, преданій и былинъ, спросилъ меня, слышалъ ли я когда-нибудь любопытную украинскую легенду о томъ, какъ Господь создалъ землю?— На мой отвѣтъ, что этого мнѣ не удавалось слышать, онъ сказалъ: «Интересно было бы найти и записать эту легенду. Въ моей памяти осталось, о ней кое-что, совершенно отрывочное и смутное; а надо думать, что у народа объ этомъ сохранилась цѣлая, своеобразная космическая поэма. И если теперь, когда забывается многое, слышанное отъ дѣдовъ, трудно найти эту легенду цѣликомъ, то хорошо было бы записать ее хотя бы по частямъ».—На мой вопросъ, что же именно осталось у него въ памяти изъ этой легеды,—Гоголь отвѣтилъ: «Не спрашивайте; такъ, какіе-то осколки, труха, безъ связи, начала и конца... Что-то тутъ, помню, продѣлывалъ сатана, былъ уличенъ, и только...»

Послѣ смерти Гоголя, я не разъ вспоминалъ о своемъ разговорѣ съ нимъ и, въ разъѣздахъ по Новороссіи и Малороссіи, тщетно допытывался о занимавшей его легендѣ. Тѣ, кого я о ней спрашивалъ, отзывались невѣдѣніемъ. И вотъ, однажды, совершенно случайно, мнѣ удалось услышать простодушный народный разсказъ не только о томъ, ка̀къ Господь сотворилъ землю, но и ка̀къ онъ потомъ, въ видѣ нищаго, ходилъ по ней,—спасать грѣшныхъ людей. Я тогда же записалъ и переслалъ слышанное М. А. Макси-

мовичу, извѣстному собирателю украинскихъ преданій, вскорѣ потомъ, къ сожалѣнію, умершему. Чтò сдѣлалъ послѣдній съ моимъ разсказомъ и куда попали егó бумаги,—между которыми могъ сохраниться и записанный мною разсказъ,—мнѣ неизвѣстно.

Перебирая недавно свои старые, письменные матеріалы, я среди нихъ нашелъ черновой набросокъ слышанной мною легенды. Привожу его здѣсь въ томъ видѣ, какъ я тогда его записалъ.

...Это случилось въ половинѣ апрѣля, во время половодья, у Екатеринослава. Мнѣ пришлось долго ожидать черепраны черезъ Днѣпръ. Былъ канунъ Пасхи,—вечеръ страстной субботы. Стояла бурная, студеная погода. Вздувшаяся рѣка несла бѣлогривыя, пѣнистыя волны. По небу стремительно бѣжали сѣрыя, разорванныя клочками, облака. Изрѣдка срывался дождь, косыми полосами застилая окрестность. Смеркалось.

Кучка перезябшаго народа, съ котомками и топорами, пробиравшагося на другой, едва видный въ туманѣ берегъ, сидѣла у лоцманскаго куреня. Иные, грѣясь у костра, толковали и спорили, будетъ ли еще къ ночи, съ той стороны, паровой баркасъ или на веслахъ паромъ; другіе молча и сумрачно глядѣли на рѣку, въ неоглядномъ разливѣ катившую опустѣлыя, хмурыя воды.

Высокій, сѣдой и загорѣлый, коротко-остриженный лоцманъ, съ длинными бѣлыми усами, въ высокихъ сапогахъ и въ накинутой на плечи короткой сѣрмягѣ, расхаживалъ по берегу, то подкладывая щепокъ и хвороста въ костеръ, то ворча на волны, хлеставшія въ бокà его сторожевой лодки, привязанной, у песчанаго берега, къ вербѣ.

— А что, панòче, не погрѣлись бы въ куренѣ?—сказалъ, подойдя ко мнѣ, съ иззябшимъ и намокшимъ лицомъ, лоцманъ:—переправы сегодня уже не будетъ.

Я вошелъ въ курень, гдѣ сохранялась моя ручная поклажа, улегся на соломѣ и, отъ сильной усталости, скоро заснулъ...

Долго ли я спалъ, не помню. Меня разбудили какіе-то голоса. Я прислушался. Подъ куренемъ снаружи разговаривали двое. Кто-то спрашивалъ; ему отвѣчалъ другой. Въ послѣднемъ я узналъ густой и басистый голосъ лоцмана. Приподнявшись на локтѣ, я взглянулъ въ отверстіе куреня. Буря смолкла; вѣтеръ затихъ. Ночь была на исходѣ. Прояснившееся небо сверкало тысячами звѣздъ. Съ вечера,—когда я заснулъ,—очевидно, изъ города приплывало что-нибудь сюда, такъ какъ ожидавшихъ переправы здѣсь уже не было видно. Берегъ опустѣлъ. Съ лоцманомъ, пустившимъ меня въ курень, разговаривалъ кто-то изъ подошедшихъ позже.

— Боже милостивый, Боже правый,—слышалось изъ-за куреня: шестой десятокъ живу... день-деньской мàешься, всѣ ноженьки ото-

бьешь; а пришелъ, вотъ и домъ, рукой, кажется, подать, въ церквахъ божіе служеніе, всякъ разговѣться поспѣшаетъ, а самъ когда попадешь? Ты говоришь—конь; былъ, да покрали. Ну, и ходи... И все вода, вода! гдѣ ея нужно людямъ, въ степи, тамъ нѣту, а тутъ—сущій потопъ.

— Изъ воды, друже, Господь и землю сотворилъ,—возразилъ голосъ лоцмана: не будь воды, не было бы и земли!

— Ну?!—удивился путникъ: какъ же такъ изъ воды? то вонъ что, житкое, а то земля...

— А также... Про то люди старые знаютъ; есть такая стôрія.

— Какая же она такая стôрія?

— Про Господа и про землю.

— Разскажи, Андрій Петровичъ.

Лоцманъ помолчалъ.

— Прежде, споконъ вѣку,—сказалъ онъ:—вездѣ была одна, какъ есть, вода. Богъ леталъ надъ тою водою, а за нимъ его главный, вѣрный ангелъ. И сказалъ Господь ангелу: нырни на дно, захвати въ горсть илу; пора быть землѣ. Ангелъ нырнулъ, долго былъ подъ водою, а какъ выплылъ, едва переводитъ духъ; говоритъ: «не досталъ, Господи, дна; очень глубоко!» — «Нырни еще разъ!»—Опять нырнулъ ангелъ, былъ подъ водою еще долѣе, и досталъ илу. Началъ Богъ сѣять землю. Куда, на восходъ солнца, ни кинетъ,—тамъ становятся горы, долины, поля. Такъ онъ леталъ и сѣялъ; а на тѣхъ поляхъ, горахъ и долинахъ выростали травы, деревья и зацвѣли цвѣты. Богъ оглянулся и видитъ, у ангела распухла губа. «Что это у тебя»?—спрашиваетъ Богъ.—«Ошкрябнулся, Господи, какъ нырялъ».—Стало благословиться на свѣтъ; взошло и покатилось по небу солнце. Былъ первый на свѣтѣ день. Оглянулся Богъ, передъ вечеромъ, и видитъ, ангелъ изъ-за губы тоже вынимаетъ что-то кидаетъ на западъ солнца, и изъ того киданья также становятся долины, горы и поля, только безъ травы, безъ цвѣтовъ и деревьевъ, голыя, какъ въ позднюю осень, пустыя и точно проклятыя.—«Что это ты дѣлаешь, позади меня?»—спросилъ Господь ангела. Тотъ молчитъ.—«Признайся, ты укралъ илу, утаилъ отъ меня?»—Ангелъ клянется, что не кралъ и не утаилъ.—«Ну, будь же ты,—сказалъ Господь: не моимъ первымъ и вѣрнымъ ангеломъ, а сатаніиломъ, и чтобъ тебѣ, отъ сего часу, опочину не было, до конца вѣка и земли!»

Богъ полетѣлъ выше и дальше, на восходъ солнца, а сатана низомъ, на западъ. Отъ божьяго сѣянья стали добрыя люди и зѐмли, а отъ дьяволова—злые и всякая неправда и грѣхи. Съ тѣхъ поръ сатана, съ своими подпомôщниками, больше и держится надъ водою, въ омутахъ, у мельницъ и у переправъ; водяные—то все его дѣти.

— А кто ихъ видѣлъ?—усомнился собесѣдникъ: можетъ, оно и не такъ...

— Были такіе... Вотъ хоть бы мой батько, — царство ему небесное, — видѣлъ, да не одного, а двухъ водяныхъ, молодшаго и старшаго.

— Гдѣ онъ ихъ видѣлъ?

— То было давно. Батько тоже держалъ перевозъ, только не тутъ, а въ Никополѣ. Погода,—разсказываетъ, бывало,—стояла тогда еще хуже, — дождь и буря, да такая, что онъ черпалъ, черпалъ воду изъ челна, да и руки опустилъ. И вдругъ видитъ, передъ нимъ выросъ незнакомый, черномазый такой человѣчекъ, не то мѣщанинъ изъ города, не то приказный фертикъ. Дождь сыпалъ, какъ изъ рѣшета, а тотъ черномазый подошелъ чистый и сухой, точно съ иголки снятый.—«Добрый вечеръ, старче,—говоритъ: перевези, будь ласковъ, на ту сторону». — «Да какъ же везти, — отвѣтилъ батько: въ такую темень, не то, что я, самъ чортъ тебя не переправитъ, не намочивъ хвоста».—Черный усмѣхнулся.—«Не бойся,—говоритъ,—со мною не замочишься!»—Батько видитъ, буря, дождь еще сильнѣе, а черный стоитъ сухой, какъ порохъ, сапоги такъ и блестятъ, и еще пыль съ нихъ палочкой онъ сбиваетъ. Перекрестился батько и сталъ развязывать лодку; возился, копался, никакъ не раскрутитъ узла. Оглянулся, а возлѣ него уже не одинъ, а двое; откуда-то взялся еще сивенькій дѣдокъ, весь въ тинѣ, съ зеленою бородою и кнутикомъ.—«О чемъ, спрашиваетъ, толкуешь, рыбаче?» «Да вотъ, человѣкъ просится на тотъ бокъ; только боюсь, не скупаться бы въ такую бурю и тьму».—Дѣдокъ посмотрѣлъ на фертика, да какъ крикнетъ: «А? такъ это ты? шебарда—барда! а на свое мѣсто,—пьяницъ въ шинки таскать,—не знаешь?»—и ну его чесать кнутомъ по бокамъ... Черный въ воду, дѣдъ за нимъ, и побѣжали оба, въ перегонку, по Днѣпру, точно по полю... То и были водяные!.. Шебарда!.. Съ тѣхъ поръ и батьку такъ всѣ и прозвали шебардой.

— Такъ, выходитъ,—отозвался голосъ за куренемъ: гдѣ сѣялъ сатана, тамъ уже только грѣшные люди и земли?

— Такъ оно было и долго, пока милосердный Господь опять спустился съ неба и сталъ нищимъ ходить по землѣ.

— Для чего нищимъ?

— Узнать, кто праведный, кто грѣшный, какъ люди живутъ и кому что воздать по дѣламъ.

— Разскажи, на милость... Сколько живу, немало внукамъ разсказывалъ, а про такое, о, Господи, не доводилось слышать.

Лоцманъ всталъ, подложилъ щепокъ въ костеръ и опять сѣлъ.

— Ходилъ это Богъ, съ апостоломъ Петромъ,—сказалъ онъ: оба пѣшіе, съ котомками и клюками, какъ старцы-нищуны. И пришли они разъ, противъ ночи, въ большое село. Видятъ, стоитъ новая, богатая хата. Петръ и говоритъ:—«Господи! мы въ конецъ изморились,—попросимся тутъ ночевать».—Богъ отвѣтилъ: «Богачъ да-

ромъ не пустить, еще заставитъ утромъ молотить снопы».—«Такъ пойдемъ на постоялый».—«И туда не слѣдъ,—сказалъ Господь: тамъ навѣрное много всякаго народа; кто-нибудь хмѣльной еще чоботомъ подъ лавку подопхнетъ.»—Не послушался Петръ, пошелъ въ хату къ богатому. Тотъ говоритъ:—«Пока жены нѣту дома, заходите, ложитесь за печкой, въ углу; жена у меня бѣдовая, гуляетъ въ гостяхъ; а можетъ, какъ вернется, и не замѣтитъ».—Господь улегся за печкой, подальше къ стѣнѣ, а Петръ скраю, кнаружи. Середь ночи возвратилась жена, да хмѣльная. Напустилась, спьяну, на мужа:—«Такой—сякой, пускаешь всякихъ бродягъ!»—Ухватила метлу и давай ею стегать по спинѣ праведнаго Петра. Умаялась, заснула. Лежитъ, охаетъ Петръ:—«Господи, когда бы уже скорѣе, разсвѣло!»—Рано утромъ старцы встали, поблагодарили хозяина и ушли. Имъ на встрѣчу мужикъ изъ шинка, а изъ церкви попъ.—«Боже правый,—говоритъ мужикъ: еле бреду, упился, хоть вались!»—А попъ говоритъ:—«Вотъ до бѣса было дѣтей въ церкви! руки отбилъ, ихъ причащаючи.»—И сказалъ Богу Петръ:—«Такая-то правда на свѣтѣ; мужикъ пьянъ и поминаетъ Господа, а попъ, только-что причащалъ, поминаетъ бѣса!»—«Молчи,—сказалъ Господь: не то еще услышишь и увидишь.»—Ходили они цѣлый день, къ ночи зашли на хуторъ. Тамъ жила бѣдная вдова. Хатенка у нея такая, что въ ни стать, ни сѣсть; сама хозяйка хворая лежитъ, а дѣтей куча, да все маленькія,—ползаютъ, пищатъ вокругъ нея. Обрадовалась вдова гостямъ; встала черезъ силу, затопила печку, достала въ торбочкѣ послѣдней муки, наварила варениковъ, накормила гостей, чѣмъ Богъ послалъ, и уложила ихъ спать на палатяхъ, а сама съ дѣтьми легла на земь, подъ лавку. Отдохнули старцы, поблагодарили утромъ хозяйку и ушли. Идутъ полемъ. Смотритъ Петръ, надъ Богомъ летитъ бѣлое, кудрявое облако; то былъ съ крыльями серафимъ. И говоритъ Богъ серафиму:—«Лети вонъ на тотъ хуторъ, гдѣ мы ночевали,—тамъ живетъ праведная, убогая вдова; вынь изъ нея и принеси мнѣ ея душу!»—Серафимъ полетѣлъ и воротился одинъ.—«Не могу,—говоритъ,—Господи! рука не поднялась! жалко бѣдной вдовы; дѣти такъ пищатъ и ползаютъ вокругъ нея, что приступу нѣтъ! что̀ будетъ съ малыми дѣтьми, какъ возьмемъ у нея душу?»—«И правда, Господи,—сказалъ Петръ: ка̀къ ее не пожалѣть! Она такъ ласково насъ приняла и накормила; дай ей, милостивый, пожить, хоть нѣсколько годковъ, пока дѣти подростутъ!»—Господь отвѣтилъ:—«Слушай Пётре! ты еще не все знаешь, не все видишь! Узнаешь и увидишь послѣ. А теперь иди вонъ въ тотъ лѣсъ; тамъ стоитъ хата—еще хуже, чѣмъ у той вдовы,—дырявая и нетопленная,—и въ ней живетъ такая старая ста̀рица, что отъ старости совсѣмъ поцвѣла и мохомъ поросла. Коли она согласится теперь же помереть, дамъ той вдовѣ жизни,—она еще поживетъ на землѣ для своихъ дѣтей!»—Отправился Петръ, нашелъ непокрытую дырявую

хату и въ ней старуху.—«Здорово,—говоритъ,—бабу́ся!»—«Здоровъ будь и ты!»—«Тяжко тебѣ, бабу́ся, жить тутъ одной?»—«Охъ, тяжко!»—«Такъ ты бы, бабу́ся, лучше померла!»—«Э-ге,—говоритъ старая: умирай лучше ты самъ; только еще лѣто подошло, солнышко пригрѣло, цвѣтики зацвѣли, а ты о смерти!»—Доложилъ Господу Петръ.—«Ну, теперь видишь?»—сказалъ Господь, и велѣлъ серафиму летѣть ко вдовѣ. Тотъ махнулъ крыльями, зашумѣлъ, понесся, вынулъ и принесъ Богу душу вдовы.—«Пусти ее въ рай—сказалъ Господь:—она лучшее мѣсто заслужила!»—И полетѣла праведная душа въ рай; малыя дѣти осиротѣли. Удивился Петръ и осмѣлился укорить Бога:—«Не по правдѣ, Господи, ты рѣшилъ!»—«Не поправдѣ?»—спросилъ Господь: «хорошо же; пойдемъ на судъ къ тому, кто не покривитъ душой, къ праведному Семіону!»—А тотъ Семіонъ долго былъ судіей, состарился и сказалъ людямъ: «Ни сильному, ни богатому я не угождалъ; а вы все думали, что я потакалъ зажиточнымъ, да своимъ. Хотите, чтобъ я васъ еще судилъ, выжгите мнѣ глаза!» —Люди подумали, потолковали и согласились. Ослѣпъ Семіонъ. Петръ взялъ серебряный дукатъ, а Богъ хлѣбъ, и пошли къ Семіону. Сидитъ слѣпецъ за столомъ и спрашиваетъ:—«Что̀ вамъ, добрые люди, надо?»—«Мы пришли къ тебѣ,—говоритъ Петръ: разсуди наше дѣло!»—и подсунулъ слѣпому дукатъ. Семіонъ ощупалъ его и отодвинулъ по столу и прочь. Богъ положилъ на столъ хлѣбъ; Семіонъ ощупалъ хлѣбъ, поцѣловалъ его, но тоже отодвинулъ. Поклонился Петръ и сталъ говорить, ка̀къ неправедно божій серафимъ вынулъ у бѣдной вдовы душу и ка̀къ осиротилъ неповинныхъ передъ Богомъ ея малыхъ дѣтей. Семіонъ выслушалъ, задумался и отвѣтилъ: «Вы пришли ко мнѣ судиться?»—Такъ, честной о̀тче!—«Вы заспорили?»—Заспорили.—«Ну, слушайте же, добрые люди; не нужно мнѣ ни вашего̀ сребра, ни злата, ни всякаго яства; а скажу вамъ, по чистой, по правдѣ; у отца—матери, а особливо еще съ достаткомъ, дѣти выходятъ иной разъ—куда хуже злыхъ, ненасытныхъ псовъ,—лѣнтяи, негодники и моты,—а какъ сами станутъ трудиться, въ потѣ лица добывать божій хлѣбъ,—куда скудное сиротство̀ бываетъ лучше боботаго родства̀!»—Богъ отвѣтилъ: «Праведно разсудилъ ты, Семіоне! и какъ судъ твой свѣтелъ, чтобъ и ты такъ же увидѣлъ свѣтъ!»—Семіонъ тѣмъ же часомъ прозрѣлъ. А когда, спустя сколько лѣтъ, Богъ и Петръ опять шли по землѣ и завернули въ большое село, на ярмарку, смотрятъ, имъ на встрѣчу ѣдетъ судія, съ нимъ полковникъ и богатый купецъ. Передъ церковью они снимаютъ шапки, Богу молятся, нищимъ милостыню подаютъ.—«Угадай,—сказалъ Господь Петру: что̀ это за люди ѣдутъ?»—Важные, видно, господа.—«Важные? то дѣти—сироты убогой той вдовы»—сказалъ Господь: тебѣ думалось, я ихъ, за добро матери, покаралъ,—а видишь, стали на свои ноги, трудились и въ люди вышли... могъ ли я помиловать ихъ лучше?»

Лоцманъ замолчалъ. Не отзывался нѣкоторое время и его собесѣдникъ.

— Стòрія опять-таки важная,—проговорилъ онъ: только кàкъ же это? Милосердный Господь сотворилъ землю, небо и весь великій міръ... Зачѣмъ же ему было о людяхъ узнавать отъ другихъ? развѣ и такъ онъ не знаетъ всего?

Лоцманъ не отвѣтилъ. Съ рѣки, въ это мгновеніе, донесся странный звукъ, точно вдали, въ темнотѣ, кто звалъ на помощь и тихо стоналъ. У берега, какъ бы отъ проплывшей гдѣ-то лодки, плеснула волна.

— Чайки уже проснулись!—сказалъ, вслушавшись, лоцманъ: завтра будетъ тихо и тепло... Ты говоришь, зачѣмъ? и я такъ бы думалъ,—а знающіе толкуютъ не то... На чтò батько былъ разумный, а разъ тоже, какъ и мы теперь, передъ самою свѣтлою заутреней,—сидитъ это на берегу и думаетъ,—люди по божьимъ храмамъ, скоро «Христосъ воскресе» запоютъ, понесутъ кресты и свѣчи вкругъ церквей,—а онъ одинъ, какъ перстъ... и вдругъ видитъ... Одначе, стой! что-то, и въ самомъ дѣлѣ, плыветъ... такъ и есть... почта!

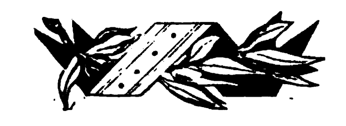
Лоцманъ направился къ берегу. Въ тишинѣ ясно слышался мѣрный плескъ веселъ. Что-то темное близилось и надвигалось отъ рѣки. У песчаной отмели обрисовался бортъ казеннаго баркаса. На берегъ стали выгружать почтовые тюки.

— А кому ѣхать? садись!—послышался окликъ отъ рѣки.

Я взялъ свою поклажу, вышелъ изъ куреня, поблагодарилъ лоцмана за ночлегъ и, въ передразсвѣтныхъ сумеркахъ, поплылъ черезъ стихшую, плавно-колыхавшуюся рѣку.

Баркасъ чуть переваливался. На палубѣ стоялъ низенькій, бородатый дѣдъ, очевидно, собесѣдникъ лоцмана. Опершись на посохъ, онъ пристально взглядывался за рѣку и крестился. На противоположномъ, еще невидномъ въ туманѣ берегу, вправо и влѣво по взгорью, двигались огоньки церковныхъ крестныхъ ходовъ. Благовѣстъ воскресной заутрени торжественно гудѣлъ и далеко разносился надъ городомъ и по рѣкѣ.

Григорій Данилевскій.

ЗАПОРОЖСКОЕ ГНѢЗДО [1]).

КАЗАЧЕСТВО играетъ весьма важную и выдающуюся роль въ исторіи русской народной жизни, и всѣ русскіе историки, поочередно занимаясь изслѣдованіемъ казачества, какъ явленія вполнѣ оригинальнаго, какъ явленія исключительно-свойственнаго русской исторической почвѣ, вносили свою долю свѣта въ изученіе жизни и быта казаковъ, и того значенія, которое они несомнѣнно имѣли въ русской исторіи. По исторіи казачества обнародовано до настоящаго времени очень много матеріаловъ, написано и достаточное количество изслѣдованій, обнимающихъ исторію отдѣльныхъ казацкихъ общинъ; но мы не знаемъ въ русской литературѣ ни одного такого сочиненія по исторіи казачества, которое бы давало намъ болѣе или менѣе полную картину всѣхъ отдѣльныхъ казацкихъ общинъ, въ ихъ тѣсной взаимной связи, въ послѣдовательности ихъ историческаго роста и развитія, въ ихъ отношеніяхъ къ центральной государственной власти и къ обще-русской народности. А между тѣмъ, казалось бы—обиліе и разнообразіе собраннаго уже матеріала и крайняя доступность архивнаго матеріала по исторіи казачества давно уже должны бы побудить нашихъ историковъ къ созданію такой общей, хотя бы чисто документальной «исторіи казаковъ». Въ этомъ отношеніи, важнымъ препятствіемъ служитъ, конечно, то, что на казаковъ и казачество наши историки смотрятъ съ

---

[1]) По поводу книги Д. И. Эварницкаго: «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа». Съ 55 рисунками и 7-ю планами. 2 части. Спб., 1888

двухъ совершенно противуположныхъ точекъ зрѣнія. Между тѣмъ, какъ одни видятъ въ немъ весьма обычное и вполнѣ-объяснимое явленіе исторической жизни народа, жившаго на окраинѣ степи и вынужденнаго къ борьбѣ съ кочевниками, явленіе того переходнаго періода, когда въ народѣ борются самые противуположные элементы, вырабатывая прочную основу правильной государственной жизни; другіе,—напротивъ,—смотрятъ на казачество, какъ на идеалъ, видятъ въ немъ олицетвореніе всевозможныхъ доблестей и высокой нравственной красоты, а потому и приписываютъ казачеству такое значеніе, какого оно никогда не имѣло и не могло имѣть въ русской исторической жизни. Особенно грѣшатъ въ этомъ отношеніи, конечно, наши южно-руссы, которые, вообще, отличаются преобладаніемъ воображенія подъ всѣми остальными сторонами своего нравственнаго типа, и преклоняются передъ казачествомъ до такой степени, что совершенно утрачиваютъ всякую способность относиться къ нему критически и спокойно. Увлеченіе южно-русскихъ историковъ и изслѣдователей казачества доходитъ даже до того, что печатая историческіе акты, касающіеся казачества, они стараются обойти тѣ документы, которые рисуютъ намъ «лыцарей» съ невыгодной стороны, и даютъ «лыцарству» не то освѣщеніе, какое желательно для его идеализаціи и огульнаго прославленія. Но за то, надо сказать правду:—наши южно-руссы сдѣлали очень многое для исторіи казачества, собрали массу всякаго матеріала для ближайшаго знакомства съ Запорожьемъ и запорожцами и для возможно-точнаго опредѣленія ихъ исторической роли; а въ послѣднія десятилѣтія они обратились даже къ подробному археологическому изученію запорожской старины, къ изученію топографіи тѣхъ мѣстностей, на которыхъ, главнымъ образомъ, протекала вся жизнь запорожскаго «лыцарства». Мѣстные богачи-землевладѣльцы стали скупать остатки старины и производить раскопки на мѣстахъ, прославленныхъ подвигами казачества; создались въ частныхъ рукахъ обширные музеи и замѣчательныя, по количеству предметовъ, собранія оружія, одеждъ, медалей, украшеній и утвари, знакомящіе насъ съ казачьимъ бытомъ или напоминающіе намъ о его особенностяхъ. Въ этихъ музеяхъ и собраніяхъ, конечно, увлеченіе тоже играетъ весьма значительную роль; научная, строгая, археологическая критика, вѣроятно, многое, собранное въ нихъ, не признаетъ важнымъ для изученія бытовой стороны казачества, а ко многому отнесется даже и съ сомнѣніемъ... Но, тѣмъ не менѣе, потомство будетъ благодарно людямъ, усердно собиравшимъ остатки казацкой старины и посвятившимъ такъ много труда и заботъ на составленіе музеевъ и коллекцій, заключающихъ въ себѣ много цѣннаго и прекраснаго матеріала, сохраняющихъ память о славномъ и привольномъ казацкомъ житьѣ-бытьѣ.

Похвальное усердіе и ревность къ изученію запорожской ста-

рины, проявленныя южно-руссами въ послѣднія десятилѣтія, особенно-ярко выразились въ дѣятельности одного молодого ученаго,— Д. И. Эварницкаго—который посвятилъ цѣлыхъ восемь лѣтъ жизни на поѣздки по Новороссійскому краю, на собираніе пѣсенъ и преданій о Запорожьѣ и запорожцахъ, на самое кропотливое и мелочное изслѣдованіе всѣхъ остатковъ запорожской старины. Съ палкою въ рукахъ, онъ пѣшкомъ обошелъ всѣ тѣ мѣстности, на которыхъ когда-либо жили и селились запорожцы, останавливаясь надъ каждымъ камешкомъ, надъ каждымъ курганомъ, надъ каждымъ могильнымъ крестомъ, измѣряя то шагами, то аршинами, каждый ровъ, каждый валъ или бастіонъ бывшихъ запорожскихъ укрѣпленій, заглядывая въ церковныя ризницы, въ мѣстные музеи и коллекціи частныхъ лицъ. Недовольствуясь этимъ, онъ изъѣздилъ, съ опасностью жизни, то на плотахъ, то на дубахъ и дощаникахъ, то на шаландахъ, всѣ пороги и ерики Днѣпра, осмотрѣлъ и изслѣдовалъ всѣ острова, всѣ пещеры, всѣ прибрежныя урочища, связанныя по воспоминаніямъ съ исторіею Запорожья. Близко знакомый съ документальною исторіею Запорожья, онъ всюду связалъ исторію съ топографіей и оживилъ сухія изслѣдованія мертвыхъ памятниковъ яркими воспоминаніями о дѣятеляхъ и подвигахъ минувшей эпохи. Мало того, этотъ самоотверженный изслѣдователь не упустилъ изъ виду и того запаса свѣдѣній, который могла еще сохранить до нашего времени народная память: онъ всюду розыскивалъ старыхъ «дѣдовъ», всюду разспрашивалъ ихъ, выпытывалъ отъ нихъ все слышанное ими отъ ихъ отцовъ о Запорожьѣ, всюду пользовался народными мѣстными легендами и преданіями, не пренебрегалъ ни какими указаніями старожиловъ и мѣстныхъ наблюдателей и собирателей... И вотъ изъ всей совокупности своихъ знаній, наблюденій, странствованій, изслѣдованій на мѣстѣ, разспросовъ, впечатлѣній и домысловъ,—Д. И. Эварницкій создалъ двухъ-томное сочиненіе подъ заглавіемъ «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа».

Книга г. Эварницкаго—это большой, тщательно-составленный и чрезвычайно подробный путеводитель по Запорожью, расположенный по довольно удобному и наглядному плану. Авторъ описываетъ послѣдовательно, шагъ за шагомъ, свои странствованія по восьми различнымъ Сѣчамъ запорожскимъ: Хортицкой, Базавлуцкой, Томаковской, Никитинской, Чертомлыцкой, Каменской, Алешковской и Пидпильненской (или Новой). Подробно описавъ мѣстность каждой Сѣчи, перечисливъ и пересмотрѣвъ внимательно всѣ остатки старины въ мѣстныхъ храмахъ и собраніяхъ частныхъ владѣльцевъ, г. Эварницкій сообщаетъ вкратцѣ, въ общихъ чертахъ, исторію этой отдѣльной Сѣчи по документамъ и пытается дополнить документальную исторію мѣстными преданіями, народными думами и своими собственными соображеніями. Чрезвычайно

важною заслугою г. Эварницкаго мы считаемъ то, что онъ не пожалѣлъ ни трудовъ, ни издержекъ на внесеніе въ книгу свою цѣлаго ряда весьма интересныхъ рисунковъ, дополняющихъ намъ картину Запорожской старины многими бытовыми чертами, которыя доселѣ были мало извѣстны. Въ ряду этихъ рисунковъ многіе прекрасно, вполнѣ художественно, исполнены нашимъ извѣстнымъ художникомъ и знатокомъ казацкой старины, И. Е. Рѣпинымъ. Рисунки, приложенные къ книгѣ г. Эварницкаго, въ общей своей совокупности, даютъ намъ весьма полную картину стариннаго казачьго быта и столько же полную картину мѣстности бывшаго Запорожья. На рисункахъ видимъ войсковыя клейноды и пушки, и ружья, и сабли, и кинжалы, и копья, и келепа (чеканы, боевые молота); тутъ же и всякая домашняя утварь: кружки, баклажки, стопки, стаканы, казаны (котлы), трубки, бандуры, кобзы запорожцевъ. Тутъ же—богатый матеріалъ для изученія древней казачьей одежды и различныхъ подробностей ихъ домашняго и военнаго быта. Вотъ запорожскій лагерь и возы; запорожскій зимовникъ, общій видъ Новой Сѣчи, расписныя потолочныя балки (сволокъ и лутки) запорожскаго куреня, запорожскія галеры и чайки (рѣчныя суда). Этотъ обширный художественный запасъ пополненъ еще портретами историческихъ лицъ, бытовыми сценами, снятыми съ современныхъ рисунковъ, и множествомъ снимковъ съ церковной утвари, пожертвованной въ мѣстныя церкви усерднымъ «лыцарствомъ». Рядомъ съ этими остатками жизни и быта запорожцевъ, встрѣчаемъ въ рисункахъ и снимки съ могилъ знаменитыхъ запорожскихъ дѣятелей и подвижниковъ: нѣмыя напоминанія потомству о быломъ и минувшемъ... И все это пересыпано видами мѣстностей, урочищъ, днѣпровскихъ пороговъ и заборовъ, планами укрѣпленій, сѣчей, крѣпостей и городищъ; а въ концѣ книги все это заканчивается общимъ планомъ запорожскихъ владѣній. Однимъ словомъ, всѣ рисунки, планы и карты, приложенные къ книгѣ г. Эварницкаго, служатъ прекраснымъ, нагляднымъ дополненіемъ и хорошимъ подспорьемъ къ тексту, хорошей иллюстраціей его изслѣдованій и разнообразныхъ изысканій. Читатели сами могутъ объ этомъ судить по тѣмъ немногимъ образцамъ, которые мы заимствовали изъ книги г. Эварницкаго и помѣщаемъ при настоящей статьѣ. Два изъ этихъ рисунковъ знакомятъ насъ, въ талантливомъ наброскѣ И. Е. Рѣпина, съ живописною и характерною одеждою запорожцевъ (рис. 1 и 2), одинъ представляетъ намъ (№ 3) видъ Новой Сѣчи съ собравшеюся среди нея казацкою ра̀дою (совѣтомъ). Въ срединѣ рады стоятъ выборные представители Сѣчевого товарищества съ войсковыми клейнодами въ рукахъ, около нихъ, подковою, расположилось казачество, къ которому отовсюду, изъ куреней, сбѣгаются запоздалые запорожцы. Одного, совсѣмъ пьянаго, валяющагося на землѣ, сѣчевые това-

Запорожское платье (рисунокъ И. Е. Рѣпина).

рищи стараются унести подальше отъ шумной рáды, на которой, въ разныхъ углахъ, уже начинаютъ говорить мѣстные, доморощенные ораторы. Этотъ набросокъ, сдѣланный очевидцемъ, знакомитъ насъ довольно подробно и съ внѣшнимъ видомъ Сѣчи, въ которой курени были расположены кругомъ просторной площади; между куренями поднималась и Сѣчевая церковь съ колоколнею, а все поселеніе казаковъ было обнесено тыномъ. На рисункѣ № 4, мы видимъ казака во всей его обстановкѣ, воспѣтой думами, и особенно милой сердцу каждаго малоросса: казакъ въ степи привязалъ коня своего къ копью, воткнутому въ землю, повѣсилъ саблю на вербу, и варитъ себѣ свою скудную пищу, кулишъ съ саломъ; кругомъ казака нетолько всѣ важнѣйшія аттрибуты казачества, но и всѣ утѣхи его степной жизни: люлька въ зубахъ, въ рукахъ бандура, на которой онъ наигрываетъ свои заунывныя думки, около него арбузъ и фляжка съ горѣлкою. На рис. № 5, казаки изображены загулявшими: полуодѣтые, на широкомъ просторѣ, среди зелени, они пьютъ, поютъ и пляшутъ, помахивая своими крутозаплетенными чубами. Двое, въ сторонѣ, кажется, ссорятся, подъ вліяніемъ выпитой горѣлки; у одного изъ нихъ, въ опущенной рукѣ, бандура, у другого—типическая казацкая «люлька» (трубка). Наконецъ, на послѣднемъ изъ заимствованныхъ нами рисунковъ (№ 6), изображенъ одинъ изъ представителей казачества временъ Екатерины II, въ его домашней одеждѣ. На немъ жалованный кафтанъ со сборными рукавами, опоясанный полосатымъ поясомъ; подъ мышкою—казацкая шапка; въ правой рукѣ, трость—знакъ полковничьяго достоинства; въ лѣвой—рукоять кривой сабли, на которую онъ опирается; на шеѣ, на широкой лентѣ, красуется крупная жалованная медаль, съ портретомъ императрицы Екатерины.

Мы такъ много говорили о достоинствахъ и заслугахъ г. Эварницкаго и о несомнѣнномъ значеніи его объемистой книги, что наша статья была бы неполна, если бы мы не указали на нѣкоторые ея недостатки—и на недостатки весьма существенные. Главнымъ недостаткомъ книги мы считаемъ то, что ею очень трудно пользоваться, какъ книгою справочною. Каждый, желающій ознакомиться съ Запорожьемъ по книгѣ г. Эварницкаго, долженъ прочесть ее всю, цѣликомъ, отъ первой страницы до послѣдней; долженъ прочесть много такого, что можетъ вовсе не казаться ни любопытнымъ, ни важнымъ, для серьезнаго читателя, и, среди массы нагроможденнаго матеріала, отыскивать то немногое, что представляетъ собою дѣйствительно цѣнное, важное для исторіи быта или старины Запорожья. При книгѣ нѣтъ ни руководящаго предисловія, ни указателя, который бы давалъ возможность собрать во-едино разбросанный по двумъ томамъ запасъ свѣдѣній археологическихъ, топографическихъ, историческихъ и всякихъ иныхъ.

Запорожское платье (рисунокъ И. Е. Рѣпина).

А между тѣмъ этотъ запасъ, въ самой книгѣ, лежитъ подъ толстымъ слоемъ такого литературнаго матеріала, который рѣшительно никому не нуженъ и едва ли кому-нибудь можетъ быть интересенъ, кромѣ самого туриста, исходившаго Запорожье вдоль и поперекъ и привыкнувшаго цѣнить каждою мелочью въ своихъ воспоминаніяхъ. Этотъ толстый слой воспоминаній и впечатлѣній состоитъ изъ тѣхъ бесѣдъ съ дидами и мѣстными старожилами, изъ тѣхъ разспросовъ встрѣчнаго и поперечнаго люда, которые занимаютъ въ книгѣ десятки страницъ. Для примѣра, приводимъ отрывки изъ этихъ бесѣдъ:

— Здоровеньки були, диду!

— Здоровеньки були, паны!

— А шо, диду, чи не перевезли бы вы насъ до мельнички?

— Чомъ же не перевезты?

— Отъ спасыби вамъ такъ спасыби!—А шо жъ тамъ у васъ и рыбка буде?

— И рыбка буде!

— И юшка буде?

— Та-й юшка буде!

— Э, якъ у васъ и рыбка и юшка буде, то у насъ и отъ яка буде!—замѣтилъ я, показывая диду бутылку съ горилкой (стр. 158).

Но туристъ не довольствуется этой интересной бесѣдой;—на слѣдующей страницѣ онъ подробно расказываетъ, какъ дидъ угощалъ его и юшкой, и рыбкой; при чемъ сообщаетъ описаніе трапезы до величайшихъ мелочей:

«Мы поснимали шапки, перекрестились, выпили по чаркѣ горилки, при чемъ диду поднесли первую чарку и принялись за уху»... «Скоро мы выпили по другой чаркѣ, потомъ по третьей»... а когда дидъ принялъ отъ насъ казанокъ и вмѣсто него поставилъ «ночвы» съ рыбой, тогда произошелъ слѣдующій эпизодъ: г. Эварницкій замѣтилъ ему «шо рыба плава».—«Та вже такъ!» отвѣчалъ дидъ. «Выпили и по четвертой» и т. д.

А вотъ и другой образецъ бесѣды:

— А шо, диду, есть табака?

— Есть; а хиба вы нюхаете?

— А тожъ!

— А якъ нюхаете, то извольте съ?

— Добра табака!

— Уже же шо добра, колы чхаете.

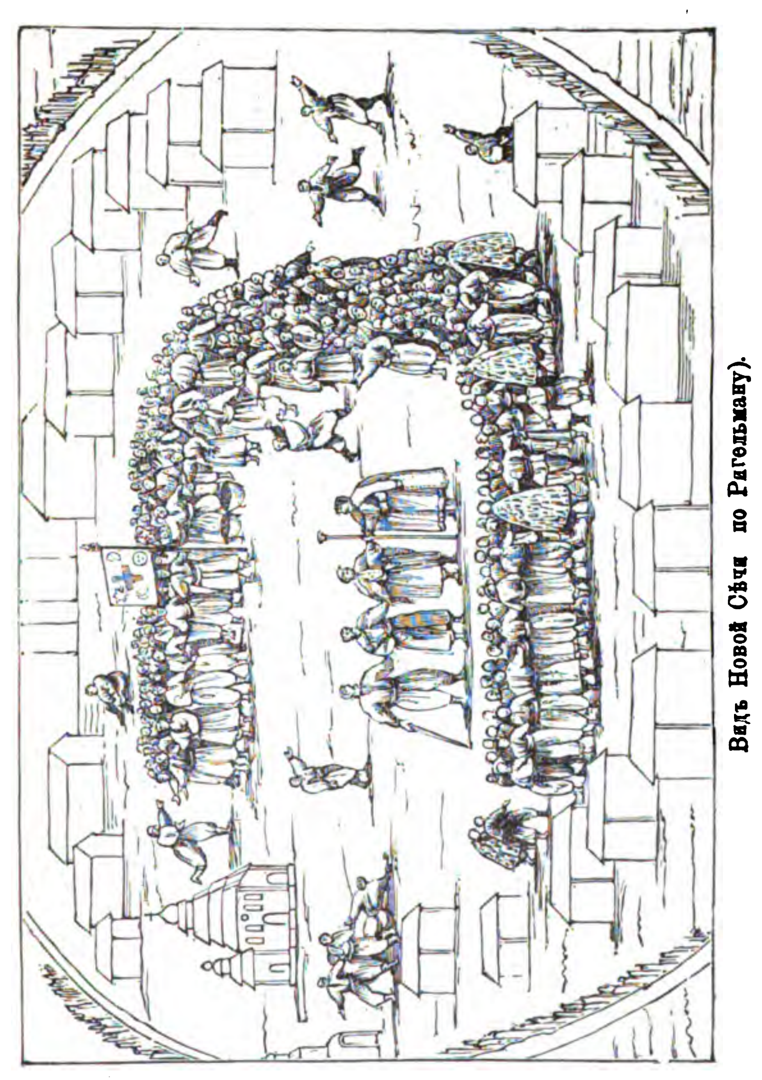
— А шо, диду, чи не знаете, якой не будь казацкой пѣсни?

— Знавъ, колись, та теперь не зведу.

— А бога то знали?

— Та до гибели.

Само собою разумѣется, что всѣ подобныя бесѣды ни къ чему не подвигаютъ читателя и не имѣютъ рѣшительно никакого отношенія къ описываемой г. Эварницкимъ старинѣ Запорожской. Микроскопическіе результаты, извлекаемые изъ этихъ бесѣдъ, могли бы быть изложены авторомъ въ двухъ словахъ, а они занима-

Видъ Новой Сѣчи по Ригельману).

ютъ десятки страницъ и напрасно отвлекаютъ вниманіе отъ болѣе важнаго и существеннаго.

Другимъ, немаловажнымъ недостаткомъ книги г. Эварницкаго является отсутствіе опредѣленной критики при обзорѣ древностей и остатковъ старины. Какъ только онъ узнаетъ, отъ кого бы то

ни было, что вещь могла принадлежать запорожцамъ или могла существовать въ ихъ время, такъ онъ уже придаетъ вещи важное значеніе, заноситъ ее въ свой списокъ, и посвящаетъ ей видное мѣсто на страницахъ своей книги. При этомъ, дѣйствительно важное никогда не различаетъ отъ маловажнаго; а къ запорожской старинѣ относитъ и то, что, при ближайшемъ разсмотрѣніи, принадлежитъ къ каменному вѣку и къ эпохѣ троглодитовъ.

— Это что за пещера?

— Старая пещера.

— А какъ стара?

— Запорожская!—наугадъ отвѣчаетъ г. Эварницкому одинъ изъ «дидовъ», для котораго столѣтній періодъ времени является весьма отдаленною эпохою.

— Запорожская?!.—восклицаетъ г. Эварницкій.—Подворачивай!

И лѣзетъ въ пещеру, и размѣряетъ ее, и подробно описываетъ одну изъ тѣхъ пещеръ, которыхъ тысячи сохранились по берегамъ Днѣпра отъ такъ называемой до-исторической эпохи. Нечего и говорить о томъ, что эти пещеры никогда не имѣли ничего общаго съ запорожской стариной, хотя, можетъ быть, и не разъ укрывалась въ нихъ удалая запорожская вольница.

«Кромѣ крѣпости», говоритъ г. Эварницкій на стр. 21 (часть I)— «въ томъ Мишуриномъ рогѣ есть и другія примѣчательности. Таковы четыре, совершенно-правильно-повыверченныя въ гранитныхъ камняхъ дырки, въ огородѣ крестьянина Мусія Петрюка; таково подобіе копыта, сдѣланное въ камнѣ, лежащемъ у берега Днѣпра и т. д.». Но для читателя такъ и остается загадкою, какое отношеніе въ Запорожской старинѣ должны имѣть эти дырки и эти копыта?

При такомъ увлеченіи каждою мелочью, г. Эварницкій страдаетъ еще одною слабостью многихъ туристовъ:—онъ записываетъ все, что ни сболтнетъ ему встрѣчный и поперечный человѣкъ. Зашелъ разговоръ о змѣяхъ, и г. Эварницкому сообщаютъ, что на Днѣпрѣ, въ балкахъ, водятся огромныя змѣи, длиною въ двѣ сажени— г. Эварницкій записываетъ эти свѣдѣнія, несправляясь ни съ какою русскою фауною; находится и такой молодецъ, который разсказываетъ, что ему на охотѣ повстрѣчалась змѣя въ три сажени—г. Эварницкій записываетъ и это. Старый, выжившій изъ ума, дѣдъ сообщаетъ ему, что во времена запорожцевъ «така поведенція була, шо парубки годъ до двадцать ходили безъ штановъ и работою не дуже-то утруждали себе. Видъ того вони и здоровы и долговични були». Г. Эварницкій записываетъ и это (стр. 29, II-й части), да еще прибавляетъ отъ себя: «слова столѣтняго старца звучатъ, какъ гласъ какого-нибудь ясновидца, какъ слова ветхаго деньми патріарха».

При этой излишней довѣрчивости, г. Эварницкій еще и самъ

Гайдамакъ, играющій на бандурѣ.

увлекается до крайней степени не только предметомъ своихъ наблюденій и изслѣдованій, но и самою мѣстностью, на которой онъ ихъ производятъ. Не только При-днѣпровье, но даже и голая, невыносимо-скучная степь Екатеринославской и Херсонской губерніи—приводятъ его въ восторгъ, навѣваютъ на его душу поэтическое вдохновеніе и представляются ему библейскою обѣтованною землею, въ которой рѣки текутъ «млекомъ и медомъ»... [1]) г. Эварницкій разсказываетъ намъ о «гигантскихъ дубахъ», о «громаднѣйшихъ скалахъ», о «величайшихъ горахъ», о «глубочайшихъ пещерахъ»... «Гайдамацкая хата»—говоритъ г. Эварницкій— «это огромнѣйшая пещера, могущая вмѣстить въ себѣ до 20 и даже болѣе человѣкъ» (т. е. совсѣмъ даже небольшая!)... «По берегамъ балки можно видѣть такіе причудливыя бесѣдки, такія густыя, непролазныя чащи, какихъ не выдумать и самой разнообразной фантазіи человѣка (!)»... «Весь берегъ, вообще, высокій, подъ конецъ еще больше того возвышется. Здѣсь природа дѣлаетъ какъ бы послѣднее усиліе и выдвигаетъ громаднѣйшую скалу, саженъ 40 или 50 высоты» (т. е. очень небольшую скалу!) и т. д. въ томъ же гиперболическомъ родѣ, который не чуждъ вообще всему, что создаетъ воображеніе южно-русса [2]).

Если такою дивною, неподражаемою и величавою представляется г. Эварницкому природа его родины—колыбель Запорожья, то можно себѣ представить, какими яркими красками рисуетъ онъ себѣ самихъ запорожцевъ—этотъ идеалъ всѣхъ доблестей не только воинскихъ, но и гражданскихъ. Даже и нынѣ живущаго и здравствующаго потомка одного изъ запорожцевъ, г. Эварницкій пред ставляетъ намъ вотъ въ какомъ привлекательномъ видѣ:

«Иванъ Пареентьевичъ Шило, запорожецъ по происхожденію, купецъ по профессіи, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный; въ немъ сочетались всѣ лучшія черты малорусскаго характера: это большой хлѣбосолъ, остроумный собесѣдникъ, тонкій юмористъ, глубокій самородокъ-философъ, замѣчательный ораторъ и превосходный знатокъ малорусской литературы, какъ въ ея прозѣ, такъ и въ стихахъ».

По этой характеристикѣ живого человѣка, современника, уже не трудно судить, каковы должны являться г. Эварницкому представители настоящей запорожской казатчины! Сѣчь, въ расказѣ восторженнаго туриста—это «всеобъемлющая колыбель (?), орли-

---

[1]) Часть I, стр. 101: «Въ дождливое лѣто Орельская долина кажется по истиннѣ Палестиной, текущею млекомъ и медомъ». Авторъ не добавляетъ, что обычно, въ лѣтнюю засуху эта долина вся выгораетъ, и смотритъ очень уныло.

[2]) Невольно припоминается такой же гиперболизмъ въ извѣстномъ Гоголевскомъ описаніи Днѣпра: «Рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра»,— восклицаетъ Гоголь, живописуя ширину рѣки, черезъ которую совершенно свободно перелетаетъ любая птица.

Группа запорожцевъ (собраніе А. Н. Поля).

ное гнѣздо, львиное логовище». Оно «спасло Россію, Польшу, Литву и сосѣднія съ ними страны[1]) отъ страшнаго наплыва турокъ, поглотившихъ всю византійскую имперію, обезличившихъ многія славянскія государства, грозившихъ перевернуть вверхъ дномъ всю Европу, раздавить, уничтожить и даже стереть съ лица земли всѣхъ ея обитателей христіанъ!» Сѣчь, впрочемъ, не только «спасла Россію отъ турокъ», но и самое православіе защитила отъ «всѣхъ хитросплетеній и адскихъ каверзъ ненавистныхъ іезуитовъ, этихъ демоническихъ слугъ его святѣйшества непогрѣшимаго римскаго папы». Послѣ всѣхъ этихъ неоцѣненныхъ заслугъ, послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ, которымъ и русская народность, и даже православіе, обязаны своимъ спасеніемъ,—конечно, уже не трудно понять лирическій порывъ, которымъ г. Эварницкій заканчиваетъ свою книгу, обращаясь къ Украйнѣ съ слѣдующимъ патетическимъ воззваніемъ:

«Украйна! Сколько грустныхъ и веселыхъ воспоминаній встаетъ въ моемъ воображеніи при одномъ этомъ словѣ! Только одно слово, но какое богатое и глубокое. Найдется ли гдѣ-нибудь въ нашей обширной матушкѣ Россіи столь многозначительный своимъ прошлымъ и вмѣстѣ столь чарующій своимъ настоящимъ уголокъ, какъ та тихая, далекая и широкая Украйна?.. Путникъ, остановись: здѣсь священна почва!.. Да, здѣсь почва священна, трижды священна! Здѣсь, что ни шагъ, то намекъ на славное прошлое нашихъ славныхъ предковъ. Сколько подвизалось здѣсь достойныхъ въ нашей исторіи героевъ? Сколько завязывалось и развязывалось здѣсь громкихъ побѣдъ?» и т. д.

Такое, слишкомъ восторженное и слишкомъ лирическое настроеніе, конечно, мѣшаетъ автору-туристу взглянуть открыто и прямо въ глаза и прошлому, и настоящему. Насколько онъ невольно преувеличиваетъ красоты своей родины, будто бы и нынѣ текущей «млекомъ и медомъ», настолько преувеличиваетъ онъ и достоинство предковъ, и значеніе ихъ подвиговъ; настолько же старается онъ изгладить изъ памяти потомства всякія непріятныя для предковъ воспоминанія. Такъ, напримѣръ, сокрушаясь о паденіи Сѣчи, г. Эварницкій въ одномъ мѣстѣ только глухо замѣчаетъ, что Сѣча была «скасована» русскимъ правительствомъ «по политическимъ соображеніямъ», а въ другомъ даже и прямо указываетъ (стр. 176), что «грабежи и разбои», которые побудили Екатерину II уничтожить «Запорожское гнѣздо» были только предлогомъ, а въ сущности правительству не нравились только вольно-любивыя стремленія запорожской вольницы къ «независимому управленію». О такихъ невинныхъ шалостяхъ, какъ знаменитая «Уманская рѣзня», о томъ, что запорожское «рыцарство», послѣ присоединенія Новороссіи пред-

[1]) Слѣдовательно и Европу также, между прочимъ.

ставлялось странной аномаліей, о томъ, что запорожцы XVIII вѣка, вообще, приносили Россіи болѣе вреда, чѣмъ пользы — объ этомъ г. Эварницкій вовсе не упоминаетъ... Да и зачѣмъ? Онъ не хочетъ портить широкой, яркой картины какими-то ненужными, излишними тѣнями—и только!

Полковникъ А. Ѳ. Колпакъ.

Но всѣ замѣченныя нами слабости автора-туриста, всѣ недостатки его изложенія, всѣ неточности многихъ историческихъ данныхъ, упоминаемыхъ въ книгѣ г. Эварницкаго, все это ни мало не уменьшаетъ ея несомнѣнныхъ достоинствъ. Горячимъ, искреннимъ чувствомъ любви къ родной старинѣ проникнуты всѣ страницы этой любопытной книги, посвященной прославленію «Запорожья»,

и это чувство невольно подкупаетъ читателя и заставляетъ его извинять автору нѣкоторыя увлеченія и преувеличенія, которыя, въ сущности, такъ естественны, когда мы говоримъ о чемъ-нибудь дорогомъ и близкомъ нашему сердцу. Отъ души желаемъ, чтобы и многія другія мѣстности нашего обширнаго отечества нашли себѣ такихъ же горячихъ, такихъ же усердныхъ и самоотверженныхъ описателей и изыскателей, какъ г. Эварницкій.

П. П.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПРЕСТУПНИКИ ВЪ ЯЛУТОРОВСКѢ И КУРГАНѢ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

ВЪ НАЧАЛѢ 1840-хъ годовъ, лучшее общество маленькаго и невзрачнаго города Тобольской губерніи Ялуторовска составляли государственные и политическіе преступники,—но какъ тѣ, такъ и другіе, жили особнякомъ отъ мѣстныхъ чиновниковъ, показываясь только изрѣдка у мѣстнаго протоіерея Знаменскаго, человѣка почти святой жизни, у исправника Меньковича, славившагося въ тогдашнее время по всей губерніи своимъ безкорыстіемъ, у купцовъ И. Ф. Мамонтова, впослѣдствіи извѣстнаго Московскаго богача, а тогда управлявшаго мѣстнымъ откупомъ, у Н. Я. Балакшина, и у нѣкоторыхъ изъ молодыхъ учителей уѣзднаго училища. Вообще же въ то спокойное, и, относительно говоря, счастливое время какъ-то весело жилось въ Ялуторовскѣ. У насъ былъ свой хоръ пѣвчихъ изъ учениковъ уѣзднаго училища и свой оркестръ музыки изъ ссыльныхъ поляковъ подъ управленіемъ скрипача Шевченко. Дѣвицъ и холостой молодежи также было довольно, не считая пріѣзжихъ на праздники, особенно на святки, разныхъ адъютантовъ и чиновниковъ особыхъ порученій изъ Омска и изъ Тобольска, а потому у насъ часто составлялись танцовальные вечера. Танцовали, большею частію, подъ звуки фортепьяно и скрипки, и танцовали, сказать правду, до упаду, не зная усталости. Въ карты никто изъ молодежи не игралъ. Нынѣ, увы! совсѣмъ не то. Ялуторовскъ превра-

тился въ пустыню: улицы поросли травою, лучшіе дома заколочены; просидишь цѣлый часъ подъ окномъ на большой улицѣ и не увидишь ни прохожаго, ни проѣзжаго. Такое запустѣніе произошло отъ выѣзда во внутреннія губерніи всемилостивѣйше прощенныхъ государственныхъ и политическихъ преступниковъ, уничтоженія должностей городничаго, стряпчаго, управляющаго откупомъ, перемѣщенія земскихъ засѣдателей на жительство изъ города въ назначенные имъ участки, а самое главное—отъ усилившейся втрое и вчетверо дороговизны на всѣ житейскія потребности.

Изъ числа государственныхъ преступниковъ въ описываемое мною время жили въ Ялуторовскѣ: Андрей Васильевичъ и Александра Васильевна Ентальцевы, Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ съ женою Марьею Константиновною и воспитанницами Августой и Анной Матвѣевнами, Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ, Иванъ Ивановичъ Пущинъ, князь Евгеній Петровичъ Оболенскій и Василій Карловичъ Тизенгаузенъ.

А. В. Ентальцевъ былъ больной человѣкъ, но, когда здоровье ему позволяло, усердно занимался медициною, не отказывая въ безкорыстной помощи своей никому, какъ изъ богатыхъ, такъ и изъ бѣдныхъ жителей города. Для послѣднихъ онъ даже и лѣкарства пріобрѣталъ на собственный счетъ. Жена его, добровольно прибывшая за нимъ въ Сибирь, была очень образованная женщина, хотя и отличалась мужскими пріемами и даже голосомъ. Андрей Васильевичъ умеръ въ Ялуторовскѣ, если не ошибаюсь, въ 1841 году, супруга же его впослѣдствіи возвратилась въ Россію и, какъ носились слухи, вышла тамъ замужъ за И. И. Пущина.

И. Д. Якушкинъ всецѣло посвятилъ себя математическимъ и естественнымъ наукамъ; въ свободное же отъ этихъ занятій время занимался въ устроенной имъ при Соборной церкви ланкастерской школѣ. Въ 1842 году, онъ устроилъ на дворѣ своей маленькой квартиры вѣтромѣръ, состоявшій изъ утвержденнаго на высокомъ шестѣ горизонтальнаго колеса, открытаго для вѣтровъ со всѣхъ сторонъ; къ оси этого колеса былъ придѣланъ механизмъ, приводившій въ движеніе стрѣлку, которая, вращаясь на циферблатѣ, подобномъ часовому, показывала сумму вѣтра въ данное время.

Съ этимъ-то вѣтромѣромъ, вскорѣ по устройствѣ его, случилась забавная исторія. Почти въ теченіе всего лѣта не было дождей ни въ Ялуторовскѣ, ни въ окрестностяхъ его, между тѣмъ какъ въ дальнихъ селеніяхъ были проливные дожди. Нерѣдко собирались надъ городомъ тучи, но, разносимыя вѣтрами, быстро разлетались въ разныя стороны, не оросивъ ни одной каплей засохшихъ и пожелтѣвшихъ полей. Травы горѣли, хлѣба сохли на корню и жители города, придя въ отчаяніе отъ угрожавшей имъ бѣды, начали уже служить молебны о ниспосланіи дождя. Но не помогали и молебны, дождя все-таки не было. Въ столь печальныхъ обстоятельствахъ

между мѣщанами города распространился слухъ, что Якушкинъ занимается черной магіей, устроилъ у себя машину, которая съ помощью нечистой силы съ визгомъ и скрипомъ разгоняетъ собирающіяся надъ городомъ тучи; что фармазонъ Якушкинъ давно уже продалъ свою душу дьяволу, а нынѣ уже кровью обязался ему же закабалить и всѣ христіанскія души въ городѣ. Составился заговоръ противу такого бѣсовскаго навожденія и вотъ въ одну темную ночь, когда Морфей смежилъ очи благополучныхъ Ялуторовцевъ, нѣсколько мѣщанъ съ топорами и заступами въ рукахъ забрались на дворъ къ Якушкину, срубили шестъ, разломали на мелкія части механизмъ вѣтромѣра и выкопавъ за городомъ около еврейскаго кладбища яму, увезли туда сатанинскую силу и засыпали ее землею.

Слѣпому случаю удалось доставить невѣждамъ торжество: на третій же день, какъ нарочно, пошелъ дождь, оросилъ поля и огороды и оживилъ духъ народный. Истребители нечистой силы торжествовали свой подвигъ и впослѣдствіи, подъ веселую руку, сами разсказали тайну его.

Этотъ случай г. Максимовъ въ статьѣ своей «Государственные преступники», помѣщенной въ октябрской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1869 года, описалъ нѣсколько иначе, а объ устройствѣ самаго вѣтромѣра и вовсе не упомянулъ. Вообще многое написано имъ по слухамъ и невѣрно; такъ невѣрно обозначены мѣста смерти В. К. Кюхельбекера и А. В. Ентальцева.

И. И. Пущинъ и князь Е. П. Оболенскій, будучи старыми холостяками, жили сначала вмѣстѣ, занимая весьма просторный домъ купца Бронникова; но впослѣдствіи они разошлись и вотъ по какому случаю: у Пущина была хорошенькая горничная или экономка, что-то въ этомъ родѣ; Оболенскій, при всей своей религіозности и строгой жизни, не устоялъ противъ искушенія голубыхъ ея глазъ, сблизился съ нею и послѣдствіемъ этого сближенія была, конечно, беременность дѣвушки. Желая передъ Богомъ и передъ людьми искупить тяжкій грѣхъ свой, Евгеній Петровичъ рѣшился жениться на Варѣ. Иванъ Ивановичъ дружески уступилъ ему ее, и свадьба состоялась на новой квартирѣ Оболенскихъ въ домѣ купцевъ Ильиныхъ. Въ виду такого «mesalliansʼa» молодая Оболенская сначала не была принята въ кругу декабристовъ, но впослѣдствіи Муравьевы, изъ уваженія къ старому товарищу, приласкали ее.

Семидесятилѣтній старецъ Василій Карловичъ Тизенгаузенъ жилъ въ собственномъ домѣ на концѣ города, близъ кладбища. Первый его домъ, построенный на этомъ мѣстѣ, будучи подожженъ какими-то негодяями, сгорѣлъ до тла; это обстоятельство не помѣшало ему выстроить другой, гораздо въ большихъ размѣрахъ, но вскорѣ отъ неизвѣстной причины сгорѣлъ и этотъ, и вотъ Василій

Карловичъ, ничто же сумняшеся,—выстроилъ третій, въ которомъ и жилъ въ описываемое время. Жилъ онъ одинъ одинехонекъ, хотя помѣщенія у него достало бы и для нѣсколькихъ семействъ. Стола своего онъ не имѣлъ, а обѣдалъ по очередно у товарищей. Василій Карловичъ былъ желѣзной натуры старикъ. По собственнымъ его словамъ, онъ, проживъ до 70 лѣтъ, ни разу не хворалъ серьезно, и находясь въ Ялуторовкѣ еще такъ обдѣлывалъ свои секретныя дѣлишки, что ему позавидовалъ бы иной и 30-тилѣтній молодой человѣкъ. Въ прочихъ же отношеніяхъ это былъ человѣкъ честнѣйшихъ правилъ; холодное благоразуміе его доказали нѣсколько случаевъ, бывшихъ съ нимъ еще въ Читѣ. Въ особенности одинъ изъ нихъ, лично мнѣ имъ разсказанный, остался у меня въ памяти. Дѣло было такого рода: товарищи его, однажды выведенные изъ терпѣнія разными притязаніями грубыхъ и невѣжественныхъ тюремщиковъ [1]), вздумали было наотрѣзъ отказаться отъ заводскихъ работъ. Дѣло подобнаго рода походило на возмущеніе и Василій Карловичъ, предвидя печальныя послѣдствія его, началъ убѣждать товарищей бросить принятое ими намѣреніе. Но голосъ благоразумія оказался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ: положено было окончательно—не смотря ни на какія угрозы—не выходить изъ острога на слѣдующій день на работы. Тогда Василій Карловичъ, подойдя къ кружку наиболѣе вліятельныхъ изъ товарищей, сказалъ съ свойственнымъ ему нѣмецкимъ хладнокровіемъ: «хорошо, господа, когда такъ, то и я съ вами; только прежде чѣмъ насъ поведутъ сѣчь, я первый размозжу себѣ голову».

Находясь еще въ каторжной работѣ и слѣдовательно не будучи еще изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній, товарищи, внявъ голосу холоднаго благоразумія, поговоривъ еще нѣсколько между собою, успокоились и вскорѣ затѣмъ оставили свое намѣреніе.

Василій Карловичъ былъ оригиналъ въ своемъ родѣ: онъ, по собственнымъ словамъ его, не вѣрилъ ни одному медику и потому никогда не лѣчился аптекарскими лѣкарствами. Отъ всѣхъ простудныхъ и желудочныхъ болѣзней у него былъ одинъ рецептъ—діэта. Пробывъ два-три дня безъ пищи, онъ приходилъ въ прежнее нормальное состояніе. Однажды я спросилъ его: неужели онъ и вередъ, или такъ называемый чирей, лѣчитъ діэтой?

— Непремѣнно! отвѣчалъ онъ. Вередъ происходитъ отъ испорченной крови; надобно исправить ее и для этого необходима діэта.

Не знаю, носилъ ли Василій Карловичъ въ молодости своей шубу, калоши и перчатки; но находясь въ Сибири, онъ никогда не имѣлъ ихъ. Обыкновенный костюмъ его и праздничный, и буд-

---

[1]) О комендантѣ же Лепарскомъ всѣ проживавшіе въ городахъ Ялуторовскѣ и Курганѣ декабристы, вопреки отзыву товарища своего Бѣляева, отзывались всегда съ особымъ уваженіемъ.

ничный, составляли: длиннополый, съ длинными, ниже пальцевъ, рукавами, коричневаго сукна сюртукъ, такого же цвѣта брюки, осьмиугольная съ огромнымъ верхомъ шапка и въ ненастную погоду или зимнее время обыкновенная лѣтняя шинель.

По полученіи всемилостивѣйшаго прощенія, Василій Карловичъ, находясь уже въ глубокой старости, выѣхалъ въ 1855 году на родину, гдѣ и скончался.

У Муравьевыхъ, жившихъ въ собственномъ домѣ, собирался свой кружокъ часто, а по воскресеньямъ даже обязательно. Тутъ обѣдали и оставались на весь вечеръ, занимаясь картами, чтеніемъ и музыкою. Танцевъ у нихъ не бывало, такъ какъ воспитанницы ихъ Густинька и Аннушка бѣгали еще въ кальсончикахъ, хотя уже и начали ученіе подъ руководствомъ самаго Матвѣя Ивановича и при пособіи Ивана Дмитріевича Якушкина. Очень рѣдко заходилъ здѣсь разговоръ о событіяхъ 14-го декабря, но и касаясь ихъ, всѣ декабристы были очень осторожны въ своихъ разсказахъ и сужденіяхъ, хотя, быть можетъ, осторожность эта соблюдалась только при насъ, молодыхъ людяхъ. Теперь, когда этому времени минуло уже болѣе сорока лѣтъ и изъ всѣхъ, жившихъ въ Ялуторовскѣ декабристовъ никого уже не осталось въ живыхъ, я, положа руку на сердце, положительно могу сказать, что отъ этихъ почтенныхъ людей мы не слыхали ничего такого, что клонилось бы къ осужденію современнаго правительства, и они держали себя вполнѣ безукоризненно, дѣлая окружающему ихъ обществу добро, быть можетъ, даже болѣе, чѣмъ оно, питавшее къ нимъ болѣе чѣмъ холодность, заслуживало. Благонамѣренность же и честныя, гуманныя стремленія свои они доказали всего болѣе основаніемъ въ Ялуторовскѣ на свой счетъ двухъ учебныхъ заведеній: первоначально ланкастерской приходской школы и впослѣдствіи—женскаго училища для дѣтей бѣднѣйшихъ обывателей города. Въ обѣихъ этихъ училищахъ, съ самаго основанія ихъ, число учащихся всѣхъ сословій начало такъ быстро возростать, что по тѣснотѣ помѣщенія приходилось уже отказывать просителямъ, имѣвшимъ болѣе, сравнительно съ другими, средствъ къ обученію дѣтей дома или въ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Ко всѣмъ этимъ лицамъ, по пріѣздѣ моемъ въ Ялуторовскъ, въ 1839 году, на должность учителя русскаго языка въ уѣздномъ училищѣ, я долгомъ поставилъ себѣ представиться и, встрѣтивъ съ ихъ стороны обязательное вниманіе, бывалъ у нихъ не рѣдко. У Муравьева же, окончившаго свое образованіе въ Парижѣ, я бралъ уроки французскаго языка. Кончивъ курсъ въ тобольской гимназіи, я могъ только порядочно читать и писать пофранцузски; по истеченіи же года моихъ занятій съ почтеннымъ Матвѣемъ Ивановичемъ, я свободно читалъ уже на этомъ языкѣ легкіе романы и первыми, прочитанными мною безъ лексикона книгами, какъ

припоминаю, были «Les fiancés», Манцони и «Iwanchoe», Вальтеръ-Скотта. Подъ руководствомъ его же составлено было мною, въ 1845 году, первое историко-статистическое описаніе Ялуторовскаго округа.

Изъ воспитанницъ Муравьевыхъ, Августа Матвѣевна Созоновичъ и по сіе время здравствуетъ, оставшись наслѣдницею огромнаго состоянія Матвѣя Ивановича, не имѣвшаго дѣтей, а Анна Матвѣевна умерла еще въ молодыхъ лѣтахъ. Умерла также и супруга Матвѣя Ивановича, Марья Константиновна,—всѣ они скончались въ Россіи. Въ минувшемъ 1886 году кончилъ долголѣтнюю жизнь свою и Матвѣй Ивановичъ. У меня сохранились двѣ фотографическія карточки его, одна, присланная изъ Москвы при собственноручномъ его письмѣ отъ 13-го февраля 1872 года, и другая, посланная предъ самою смертью его, когда уже онъ совсѣмъ лишился зрѣнія, воспитанницею его Августою Матвѣевною. Обѣ эти карточки, напоминающія мнѣ почтеннаго, глубоко уважаемаго мною старца и мою собственную юность, я храню, какъ драгоцѣнность.

Изъ политическихъ преступниковъ, сосланныхъ въ Сибирь по дѣлу Конарскаго, находились въ Ялуторовскѣ поляки: Готардъ Михайловичъ Собаньскій, извѣстный богачъ на Волыни, и бывшіе студенты Виленскаго университета: Романъ Петровичъ Циховскій и Карлъ Станиславовичъ Чернявскій, оба молодые еще люди отъ 18 до 20 лѣтъ. Въ Ялуторовскѣ эти юноши жили не долго и по ходатайству родственниковъ, вскорѣ по прибытіи въ Сибирь, возвращены были на родину.

Г. М. Собаньскій былъ, какъ выше сказано, однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ въ своемъ краѣ. Объѣхавъ въ молодости почти всю Европу, онъ, наконецъ, bon gré, mal gré, очутился въ Сибири. Здѣсь грустныя обстоятельства жизни сломили его крѣпкую натуру; онъ помѣшался на мысли, что бывшій тогда шефомъ корпуса жандармовъ графъ Бенкендорфъ искалъ будто бы случая отравить его черезъ своихъ агентовъ. Вслѣдствіе этого убѣжденія, находясь гдѣ-либо въ гостяхъ и принимая подносимые ему чай, кофе или шампанское, онъ обыкновенно мѣнялся взятымъ имъ стаканомъ съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей, подозрѣвая въ подаваемомъ имъ питьѣ отраву. Предчувствіе его отчасти оправдалось: онъ дѣйствительно умеръ насильственною смертью, хотя и не такою, какой ожидалъ. Дѣло было такъ. Въ одинъ изъ майскихъ вечеровъ 1841 года, нѣсколько человѣкъ собралось у И. Ф. Мамонтова; въ числѣ этихъ гостей былъ и я, тогда еще 18-тилѣтній юноша, съ Собаньскимъ. Составилась карточная игра, но какъ оба мы не играли въ карты, то и отправились въ кабинетъ хозяина, гдѣ обыкновенно лежали на столѣ полученныя съ послѣдней почтой газеты и журналы. Просмотрѣвъ ихъ и выкуривъ нѣсколько трубокъ табаку, мы съ Собаньскимъ усѣлись на диванѣ, но раз-

говоръ у насъ какъ-то не клеился: компаньонъ мой былъ противъ обыкновенія грустенъ; черезъ часъ онъ, взявшись за шляпу, спросилъ меня, останусь ли я тутъ, или пойду вмѣстѣ съ нимъ домой. Я согласился на послѣднее и мы, тихонько, не простясь съ хозяиномъ, вышли въ переднюю.

— Грустно мнѣ что-то сегодня, — сказалъ, выходя на крыльцо Собанскій,—приду и лягу спать.

Пройдя вмѣстѣ до перваго переулка, мы разстались; онъ повернулъ направо къ собственному дому, а я налѣво, на свою квартиру.

На слѣдующее утро, часу въ 9-мъ, собираясь въ училище и взглянувъ случайно въ окно своей квартиры, я съ изумленіемъ увидѣлъ бѣгущій по улицѣ народъ; вскорѣ пролетѣлъ куда-то городничій съ казаками, а за нимъ и стряпчій. Спрашиваю у бѣгущихъ, что случилось, и мнѣ въ отвѣтъ кричатъ нѣсколько голосовъ, что ночью Собаньскаго зарѣзали. Меня, какъ громомъ пришибло; вчерашняя тоска его, оказавшаяся предчувствіемъ, пришла мнѣ на память. Я одѣлся наскоро и поспѣшилъ на мѣсто происшествія.

Съ трудомъ пробравшись сквозь густыя толпы народа, окружавшаго домъ несчастнаго Собаньскаго, я, при помощи одного изъ полицейскихъ служителей, успѣлъ кой-какъ пробраться въ комнаты и здѣсь въ кабинетѣ хозяина представилась мнѣ ужасная картина: бездыханный трупъ Собаньскаго лежалъ на кровати съ перерѣзаннымъ горломъ, голова держалась, спустясь внизъ, на одной становой жилѣ, лицо было въ пуху [1]), а на полу, недалеко отъ кровати, лежала какая-то медицинская залитая кровью книга, которую, вѣроятно, читалъ покойный въ послѣднія минуты жизни своей. Въ прочихъ комнатахъ всѣ вещи оказались разбросанными въ безпорядкѣ; тамъ же валялись и разбитыя бутыли съ разными наливками.

Въ столь важныхъ обстоятельствахъ мѣстная полиція тотчасъ же приступила къ розыскамъ, а въ Тобольскъ была послана эстафета съ донесеніемъ губернатору о случившемся происшествіи. Вскорѣ прибылъ въ Ялуторовскъ и самъ начальникъ губерніи М. В. Лодыженскій съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ Огаревымъ и началось строгое слѣдствіе, строгое тѣмъ болѣе, что покойный, принадлежа къ знатной фамиліи, состоялъ въ категоріи политическихъ преступниковъ. Черезъ двѣ недѣли, при помощи всевозможныхъ

---

[1]) Злодѣи, зная Собаньскаго за человѣка богатаго, полагали, что онъ держалъ у себя деньги спрятанными въ подушкахъ, почему разорвавъ ихъ и не найдя тамъ ничего, съ досады побросали пухъ въ лицо покойнаго. Впослѣдствіи деньги, всѣ съ чѣмъ-то 300 руб. сер., оказались спрятанными въ роялѣ, купленномъ для себя проживавшимъ въ гор. Тобольскѣ извѣстнымъ пьянистомъ графомъ Моркотскимъ, который и предъявилъ ихъ своевременно начальству. Онъ же впослѣдствіи, по просьбѣ матери Собаньскаго, поставилъ и богатый мраморный памятникъ на могилѣ его, существующій и по нынѣ.

въ то время устращиваній и даже пытокъ, открыты были виновные, именно поваръ и кучеръ покойнаго, имъ при жизни своей облагодѣтельствованные. Они въ отсутствіи Собаньскаго, выставивъ обращенное въ садъ окно, забрались въ его кабинетъ съ топорами и спрятались одинъ подъ кроватью, а другой за печью и когда заснулъ несчастный,—совершили убійство. По суду оба были наказаны кнутомъ и сосланы въ каторжныя работы.

Долго событіе это жило въ памяти ялуторовцевъ, долго страхъ подобной насильственной смерти пугалъ ихъ робкое воображеніе, но, наконецъ, какъ на землѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, всепоглощающее время унесло въ вѣчность какъ память объ этомъ событіи, такъ и большую часть современниковъ его.

Говоря о государственныхъ преступникахъ и политическомъ Собаньскомъ, нельзя умолчать о томъ, что, не смотря на принятыя въ отношеніи ихъ строгости со стороны петербургскаго правительства, ихъ посѣщали многія, проѣзжавшія черезъ Ялуторовскъ, высокопоставленныя лица, какъ напримѣръ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Рупертъ, ревизовавшій этотъ край сенаторъ графъ Толстой, и почти всѣ Тобольскіе губернаторы; только генералъ-губернаторъ Западной Сибири кн. Горчаковъ, въ проѣзды свои черезъ Ялуторовскъ, принималъ ихъ у себя на квартирѣ.

Въ 1846 году, оставивъ службу по учебному вѣдомству, я опредѣленъ былъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири кн. Горчаковымъ на должность засѣдателя въ Курганскій окружный судъ, гдѣ и познакомился съ остававшимися еще въ Сибири тремя декабристами: Александромъ Ѳедоровичемъ фонъ-деръ-Бриггеномъ, Дмитріемъ Александровичемъ княземъ Щепинымъ-Ростовскимъ, и Флегонтомъ Мироновичемъ Башмаковымъ. Прочіе же товарищи ихъ, жившіе вмѣстѣ съ ними въ Курганѣ, какъ-то: баронъ Розенъ, Нарышкинъ, Лореръ, Назимовъ, Фогтъ, Повало-Швейковскій и Лихаревъ, были уже возвращены во внутреннія губерніи Россіи и на Кавказъ. А. Ф. фонъ-деръ-Бриггеръ, крестникъ Державина и другъ Жуковскаго, занимался въ это время переводомъ на русскій языкъ Юлія Цезаря и переводы свои посылалъ въ Петербургъ на имя Василія Андреевича. Состоя въ морганатическомъ бракѣ съ дѣвушкою простого происхожденія, онъ прижилъ съ ней двухъ дочерей, которыхъ и выдалъ замужъ въ Курганѣ. А. Ф. жилъ въ собственномъ домѣ и будучи еще свѣжимъ и стройнымъ мужчиною, далеко не казался старикомъ. Познакомившись со мною ближе, онъ былъ воспріемникомъ перваго моего ребенка, дочери, и впослѣдствіи, въ 1849 году, по взаимному между нами соглашенію, онъ поѣхалъ въ гор. Омскъ, просить генералъ-губернатора кн. Горчакова объ опредѣленіи его на мое мѣсто. Просьба эта была уважена: онъ получилъ просимое, а я переведенъ былъ на службу въ гор. Омскъ и болѣе мнѣ съ нимъ уже не суждено было видѣться.

Кн. Д. А. Щепинъ-Ростовскій жилъ старымъ холостякомъ. Вслѣдствіе апоплексическаго удара, одна сторона усовъ его посѣдѣла совершенно, тогда какъ другая оставалась еще темно-русою. Не смотря на свои лѣта и положеніе, онъ усердно ухаживалъ еще за мѣстными барышнями, особенно же за одною, вышедшею впослѣдствіи замужъ за военнаго доктора. Впрочемъ, страсть его имѣла характеръ платоническій и онъ нисколько не обижался, не встрѣчая отъ обожаемыхъ имъ предметовъ взаимности.

По полученіи всемилостивѣйшаго прощенія, онъ выѣхалъ изъ Кургана, но куда именно, не знаю, такъ какъ въ то время я жилъ уже въ Омскѣ. Ф. М. Башмаковъ, какъ извѣстно, случайно сдѣлавшійся декабристомъ, живя въ Курганѣ, при скудномъ, получаемомъ имъ отъ казны, содержаніи, существовалъ почти исключительно пособіемъ своихъ товарищей. Курганскіе же чиновники крѣпко не долюбливали его за его острый языкъ, возвѣщавшій во всеуслышаніе разныя ихъ продѣлки. Впослѣдствіи онъ перепросился на жительство въ гор. Тобольскъ, гдѣ и умеръ въ глубокой старости, имѣя, если не ошибаюсь, отъ роду около 90 лѣтъ. Вообще, декабристы, проживавшіе въ Тобольской губерніи, много дѣлали добра мѣстному населенію. Не говоря уже объ устройствѣ школъ для бѣдныхъ дѣтей обоего пола, безплатной подачѣ медицинской помощи нуждавшимся, — одни изъ нихъ брали къ себѣ дѣтей на воспитаніе, устроивая и будущность ихъ, другіе давали уроки по разнымъ наукамъ и, наконецъ, многіе помогали словомъ и дѣломъ ближайшимъ подгороднымъ жителямъ въ ихъ домашнемъ хозяйствѣ.

Изъ политическихъ преступниковъ, поляковъ, жили въ мое время въ Курганѣ трое, но я помню только одного изъ нихъ, Свирщевскаго. Это былъ маленькій, худенькій, сѣдой старичекъ, замѣчательный во-первыхъ любовью своей къ преферансу, а во-вторыхъ тѣмъ, что онъ, проживъ половину своей жизни съ русскими, попольски говорить разучился, а порусски не научился. Такъ, играя однажды въ карты у Повало-Швейковскаго и проигравъ хорошую игру, онъ въ гнѣвѣ выскочилъ изъ-за стола и, схвативъ себя за голову, съ отчаяніемъ вскричалъ:

— «Тузъ, круль, вàлетъ, десентёрка—и игру проигралэмъ!»

Можно представить, какой хохотъ послѣдовалъ за этою выходкой почтеннаго старичка.

Много, много лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло; многихъ изъ описанныхъ мною лицъ поглотили бурныя волны моря житейскаго, оставивъ о нихъ одни только воспоминанія, и невольно приходятъ на память слова Жуковскаго:

«Мертвый въ гробѣ мирно спи,
«Жизнью пользуйся живущій!»

К. Голодниковъ.

АНГЛІЙСКІЙ КОНСУЛЪ ВЪ РОЛИ РУССКАГО ВОЛОНТЕРА.

(Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—1878 гг.).

Послѣ извѣстнаго счастливаго сраженія нашего парохода «Веста» съ турецкимъ броненоснымъ фрегатомъ, происходившаго 11-го іюля 1877 года, на Черномъ морѣ, близь Кюстенджи, командиръ «Весты» (нынѣ генералъ-маіоръ и начальникъ Нижегородской губерніи) Николай Михайловичъ Барановъ, былъ заваленъ массою письменныхъ и личныхъ просьбъ отъ лицъ, желавшихъ поступить добровольцами въ ряды главнаго экипажа «Весты». Просители, желавшіе сразиться съ непріятелемъ на палубѣ прославившейся «Весты», принадлежали къ самымъ разнообразнымъ профессіямъ и состояніямъ; между ними были воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, офицеры различныхъ родовъ оружія, почему-либо не попавшіе въ войска дѣйствующей арміи, чиновники разныхъ вѣдомствъ, помѣщики, и масса другихъ лицъ, не говоря уже объ офицерахъ черноморскаго и балтійскаго флотовъ, наперерывъ рвавшихся перевестись съ другихъ судовъ подъ начальство героя-командира «Весты». Изъ всей массы просителей, только весьма не многимъ счастливцамъ удалось заручиться надлежащимъ разрѣшеніемъ на поступленіе волонтерами на «Весту», большинство же получило отказъ, такъ какъ крайне незначительныя внутреннія помѣщенія наскоро приспособленнаго къ военно-крейсерской службѣ комерческаго парохода, не позволяли увеличивать штатную, хотя и ограниченную, команду и, кромѣ того, на «Вестѣ» уже находилось нѣсколько человѣкъ добровольцевъ, поступившихъ на нее еще до знамени-

таго сраженія 11-го іюля. Въ числѣ другихъ добровольцевъ на «Вестѣ» плавали извѣстный изобрѣтатель подводныхъ лодокъ, нынѣшній предсѣдатель воздухоплавательнаго отдѣла императорскаго русскаго техническаго общества, С. К. Джевецкій и теперь уже скончавшійся грекъ, А. С. Спиропуло.

Но вотъ, въ числѣ желавшихъ поступить волонтерами на «Весту» явилось лицо, просьба котораго вызвала особое ходатайство Н. М. Баранова и отказать въ которой едва ли было бы справедливо.

По прибытіи «Весты» послѣ сраженія въ Севастополь, публика массами посѣщала геройскій пароходъ, и его экипажъ долгое время былъ предметомъ самыхъ восторженныхъ, патріотическихъ овацій со стороны севастопольцевъ. Однажды, въ числѣ прочихъ посѣтителей, на «Весту» прибылъ англичанинъ, мистеръ Гардфордъ, бывшій англійскимъ консуломъ въ Ялтѣ. Во время Крымской кампаніи, мистеръ Гардфордъ сражался въ рядахъ англійской арміи противъ защитниковъ севастопольскихъ укрѣпленій. По окончаніи войны, мистеръ Гардфордъ оставилъ военную службу (служилъ онъ, кажется, въ кавалеріи) и переселился въ Россію. Облюбовавъ мѣстность, бывшую театромъ военныхъ дѣйствій, мистеръ Гардфордъ вскорѣ сдѣлался собственникомъ небольшого участка земли на южномъ берегу Крыма, близь Ялты, и сблизился съ владѣльцемъ Алупки княземъ Воронцовымъ.

Осмотрѣвъ «Весту» во всѣхъ подробностяхъ почти тотчасъ же послѣ сраженія и выслушавъ разсказы участниковъ славнаго боя, зародившіе въ почтенномъ англичанинѣ небезосновательныя предположенія о присутствіи на турецкомъ броненосцѣ англійскихъ морскихъ офицеровъ, мистеръ Гардфордъ, не смотря на свой почтенный возростъ, тутъ же выразилъ твердое намѣреніе, во чтобы то ни стало, вступить волонтеромъ въ ряды геройской команды «Весты». Просьбу свою объ этомъ, обращенную къ Н. М. Баранову, мистеръ Гардфордъ мотивировалъ искреннимъ желаніемъ «чтобы въ Англіи видѣли и знали, гдѣ настоящее мѣсто истинному англичанину во время борьбы, веденной государемъ императоромъ во имя правъ угнетеннаго человѣчества и свободы».

Не смотря на двусмысленность, въ то время, англійской политики и ходившіе, въ черноморскихъ портахъ, упорные слухи о крайне подозрительныхъ телеграммахъ, отправляемыхъ великобританскими подданными, искренній тонъ заявленія мистера Гардфорда и доброе имя, пріобрѣтенное имъ во время долголѣтняго пребываніе въ предѣлахъ Россіи, исключали всякое подозрѣніе о возможномъ съ его стороны соглядатайствѣ и побудили Н. М. Баранова тотчасъ же ходатайствовать передъ высшимъ морскимъ начальствомъ о разрѣшеніи ему поступить добровольцемъ на «Весту».

На ходатайство Н. М. Баранова, главный командиръ черноморскаго флота и портовъ, генералъ-адъютантъ Аркасъ, по сношеніи съ морскимъ министерствомъ, увѣдомилъ телеграммой, что «въ виду похвальныхъ побужденій г. Гардфорда, разрѣшается ему вступить въ ряды геройскаго экипажа славной «Весты».

Въ виду исключительности положенія мистера Гардфорда, ему было дало право не поступать на дѣйствительную военно-морскую службу, а плавать на «Вестѣ», оставаясь великобританскимъ подданнымъ и сохраняя свой штатскій костюмъ.

Увѣдомленный о разрѣшеніи главнаго командира черноморскаго флота, мистеръ Гардфордъ былъ въ восторгѣ и тотчасъ же перебрался на «Весту», на которой, благодаря обычной любезности и личной симпатіи Н. М. Баранова къ англичанину-волонтеру, занялъ часть командирскаго помѣщенія и въ званіи добровольца плавалъ до самаго окончанія военныхъ дѣйствій.

Послѣ передачи парохода «Веста» въ командованіе другого командира, мистеръ Гардфордъ перешелъ на пароходъ «Россія», взятый, также какъ и «Веста» изъ состава судовъ Русскаго Общества пароходства и торговли и по иниціативѣ Н. М. Баранова и, по его же плану, приспособленный къ крейсерской службѣ. На обоихъ судахъ мистеръ Гардфордъ съумѣлъ сразу привлечь къ себѣ общія симпатіи. Глубоко убѣжденное и льстящее русскому самолюбію заявленіе, сдѣланное командиру «Весты» г. Гардфордомъ, ни на моментъ не оставляло его во все время пребыванія подъ нашимъ флагомъ и еще болѣе располагало къ нему симпатіи каютъ-кампаній, въ которыхъ онъ вращался. Мнѣ самому пришлось принимать участіе въ минувшей Восточной войнѣ; но къ сожалѣнію, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, я былъ лишенъ возможности попасть въ число экипажа «Весты», а только во второй періодъ боевой дѣятельности ея командира Н. М. Баранова мнѣ удалось быть подъ его начальствомъ, во время его командованія крейсеромъ активной обороны—пароходомъ «Россія», на которомъ я познакомился и нѣкоторое время плавалъ вмѣстѣ съ почтеннымъ мистеромъ Гардфордомъ.

Въ дни празднованія пятидесятилѣтняго юбилея царствованія англійской королевы Викторіи, я встрѣтилъ въ газетахъ извѣстіе изъ Ялты о народномъ гуляньи, устроенномъ въ Ялтѣ мистеромъ Гардфордомъ, въ честь высокой юбилярши. Это обстоятельство воскресило въ моей памяти образъ этаго симпатичнаго англичанина и нѣкоторые факты изъ его жизни на судахъ черноморской активной обороны. Къ сожалѣнію, какъ я уже упомянулъ выше, мнѣ не удалось плавать на «Вестѣ», поэтому свои воспоминанія о мистерѣ Гардфордѣ я ограничу лишь нѣсколькими фактами, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, исключая одного случая, о которомъ мнѣ передавали бывшіе сослуживцы г. Гардфорда на «Вестѣ и о которомъ

Н. М. Барановъ въ свое время сообщилъ въ одномъ изъ повременныхъ изданій.

Явясь на «Весту», мистеръ Гадфордъ, за неимѣніемъ свободныхъ офицерскихъ помѣщеній, поселился въ командирской рубкѣ; столъ онъ также имѣлъ у командира, что, однако, не мѣшало ему иногда завтракать или обѣдать въ каютъ-кампаніи. Вскорѣ между Н. М. Барановымъ и мистеромъ Гардфордомъ установились дружескія отношенія. Посѣщенія каютъ-кампаніи мистеромъ Гардфордомъ возвѣщались обыкновенно появленіемъ двухъ огромныхъ собакъ «Гревса» и «Прута», неотлучно находившихся при своемъ хозяинѣ и съ шумомъ врывавшихся, по узкой и крутой лѣстницѣ, въ каютъ-кампанію.

Однажды «Веста», крейсируя вдоль кавказскихъ береговъ, должна была высадить дессантъ въ одномъ изъ прибрежныхъ русскихъ селеній, оставленныхъ жителями. Легкая возможность появленія турецкихъ броненосцевъ, блокировавшихъ кавказскій берегъ, заставляла командира «Весты» торопиться отправкой дессанта на берегъ. Тотчасъ же шлюпки были спущены на воду и на нихъ размѣщенъ судовой дессантный отрядъ. Командованіе отрядомъ Н. М. Барановъ поручилъ (нынѣ уже скончавшемуся) капитанъ-лейтенанту князю Ю. Н. Голицыну-Головкину. До объявленія войны князь Ю. Н. Голицынъ-Головкинъ находился въ отставкѣ и служилъ по выборамъ, предводителемъ дворянства въ одной изъ внутреннихъ губерній; съ объявленіемъ войны, князь Ю. Н., движимый глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, снова поступилъ на морскую службу и былъ назначенъ ревизоромъ на «Весту». По званію ревизора, покойный князь Ю. Н. долженъ былъ во время сраженія находиться у крюйтъ-камеры, но благодаря своей необычайной толстотѣ онъ ни какъ немогъ, даже при посторонней помощи, проникнуть въ узкій люкъ крюйтъ-каморы и во все время боя «Весты» съ турецкимъ броненосцемъ находился на верхней палубѣ и на командирскомъ мостикѣ; когда непріятельскій броненосецъ приблизился къ «Вестѣ» на разстояніе ружейнаго выстрѣла и началъ осыпать ее градомъ снарядовъ, князь Ю. Н., пользуясь своимъ гигантскимъ корпусомъ, старался защитить имъ, находившагося безотлучно на мостикѣ, командира Н. М. Баранова. Этотъ фактъ беззавѣтной храбрости и необыкновенная доброта покойнаго князя Ю. Н. пріобрѣли ему широкую популярность не только въ морской средѣ, но и далеко за ея предѣлами. Воспоминаніямъ, о добрѣйшемъ князѣ Ю. Н. можно бы было посвятить обширную статью. Ограничусь однимъ характернымъ фактомъ, бывшимъ уже на «Россіи», обрисовывающимъ личность покойнаго. Князь Ю. Н. всегда располагалъ обширными денежными средствами и никогда не зналъ, какая у него сумма разложена по разнымъ карманамъ. Однажды, придя въ Севастополь, послѣ продолжительнаго крейсер-

ства, у князя оказалась лишь одна пачка кредитокъ, находившаяся въ карманѣ брюкъ; эта принадлежность княжескаго гардероба всегда страдала и, благодаря небрежности и колоссальнымъ размѣрамъ его владѣльца, брюки чуть не ежедневно отдавались въ починку. Какъ на грѣхъ, на этотъ разъ случилось такъ, что потребовали починки брюки, въ которыхъ хранилась послѣдняя пачка наличныхъ денегъ. Гардеробомъ князя завѣдывалъ плававшій вольнонаемный слуга, который и отдалъ брюки въ починку береговому портному-еврею. На другой день князю понадобились деньги; обшарилъ онъ всѣ карманы, но не нашелъ ни одной бумажки: тогда онъ вспомнилъ о порванныхъ брюкахъ и заявилъ объ этомъ слугѣ. Тотъ отправляется къ портному и требуетъ возврата денегъ, которыя вѣроятно еще раньше были вынуты изъ кармана; еврей отказывается, такъ какъ онъ ихъ не находилъ. Слуга докладываетъ объ этомъ князю и прибавляетъ, что въ числѣ машинной команды находится кавказскій князь Д., отлично знакомый съ севастопольской полиціей и который можетъ вынудить еврея возвратить деньги. Князь Ю. Н. призываетъ князя Д. и спрашиваетъ: «можешь найти у жида мои деньги?»—«Могу, ваше сіятельство».—«На, вотъ, тебѣ на расходы (при этомъ Ю. Н. сунулъ Д. трехрублевку), отправляйся съ моимъ человѣкомъ къ жиду, а главное хорошенько напугай его».—«Слушаюсь». Черезъ нѣсколько времени Д., пропивъ, конечно, три рубля, возвращается къ князю Ю. Н. и говоритъ, что не смотря на всѣ принятыя имъ мѣры, онъ никакъ не могъ получить отъ жида деньги обратно.—«Ну, ничего, ничего,—добродушно замѣчаетъ Ю. Н.,—а главное напугалъ жида?»—«Напугалъ, ваше сіятельство».—«И сильно?»—«Сильно, ваше сіятельство».—«Ну, спасибо, вотъ тебѣ еще на чай»—и въ рукѣ Д. снова появилась трехрублевка, занятая, какъ и первая, у ревизора.

Мистеръ Гардфордъ просилъ Н. М. Баранова разрѣшить и ему отправиться охотникомъ въ дессантномъ отрядѣ. Разрѣшеніе, конечно, было дано и мистеръ Гардфордъ, вооруженный съ ногъ до головы, представляя изъ себя «цѣлый арсеналъ» холоднаго и огнестрѣльнаго оружія, опускался по трапу въ шлюпку. Почти на самомъ концѣ трапа онъ быстро повернулъ обратно и, поднявшись на палубу, заявилъ командиру, что онъ, какъ англійскій подданный, не имѣетъ права идти съ оружіемъ въ рукахъ противъ турокъ, съ которыми Англія не ведетъ войны, а потому отправляется съ дессантнымъ отрядомъ въ качествѣ санитара. Спокойный и категорическій тонъ заявленія эксцентричнаго волонтера поневолѣ заставилъ командира на нѣсколько времени задержать отправку дессанта, пока мистеръ Гардфордъ не разоружился и снова появился на палубѣ, снабженный медикаментами и перевязочными средствами, необходимыми для оказанія раненымъ первоначальной помощи. Шлюпки отвалили отъ борта «Весты» и вскорѣ дессантъ

высадился на берегъ опустѣвшаго селенія. Впослѣдствіи оказалось, что мистеру Гардфорду, въ роли брата милосердія, удалось принести отряду гораздо большую пользу, нежели въ качествѣ воина. Наши матросы, разсыпавшись по селенію, отыскали раненаго казака, который и сдѣлался предметомъ самаго заботливаго ухода за нимъ со стороны добровольнаго санитара мистера Гардфорда. Объ этомъ фактѣ активнаго участія въ минувшей войнѣ мистеръ Гардфордъ всегда вспоминалъ съ удовольствіемъ и не безъ гордости.

Плавая на крейсерѣ «Россія», почтенный доброволецъ, однажды едва не провелъ ночь подъ арестомъ въ караульномъ домѣ одесскихъ береговыхъ укрѣпленій. Во время пребыванія нашихъ крейсеровъ на одесскомъ рейдѣ, на нихъ ежедневно получались изъ управленія мѣстной обороны секретныя сообщенія о назначенномъ на каждый день паролѣ, который и сообщался съѣзжавшимъ на берегъ офицерамъ, для свободнаго возвращенія ночью на пароходъ, черезъ цѣпь часовыхъ. Пароль не держался въ секретѣ и отъ заслужившаго полнѣйшее довѣріе мистера Гардфорда и онъ имъ всегда пользовался, возвращаясь поздно изъ города. Замѣчу, кстати, что мистеръ Гардфордъ, не смотря на долголѣтнее пребываніе въ Россіи, почти совершенно не владѣлъ русскимъ языкомъ, такъ что заучиваніе паролей, въ большинствѣ случаевъ, состоявшихъ изъ названій русскихъ городовъ, было для мистера Гардфорда дѣломъ не легкимъ. Однажды, въ декабрѣ мѣсяцѣ, «Россія» стояла въ одесской гавани, отшвартовавшись у стѣнки береговой батареи. Въ этотъ день паролемъ было назначено названіе какого-то сложнаго и мало извѣстнаго города. Забылъ ли мистеръ Гардфордъ пароль, или же сошелъ на берегъ раньше его полученія на пароходѣ, только около часа по полуночи, стоявшій на вахтѣ мичманъ князь Г—ъ, услышалъ на берегу какой-то крикъ. Ночь была морозная и шелъ снѣгъ, такъ что вахтенный начальникъ былъ въ башлыкѣ и не разслышалъ явственно раздававшихся съ берега криковъ. Наконецъ, къ князю Г—у подходитъ вахтенный унтеръ-офицеръ и докладываетъ, что кричитъ нашъ «англичанинъ». Г—ъ, снявъ башлыкъ, услышалъ голосъ мистера Гардфорда и сквозь мглу разсмотрѣлъ его фигуру и державшаго его за рукавъ пальто артиллерійскаго солдата. Напрягая грудь, мистеръ Гардфордъ кричалъ на «Россію»: «каптенъ Гардфо-о-о-рдъ», но отвѣта не получалъ почти полчаса; арестовавшій его солдатъ безпрерывно понукалъ его: «кричи еще» и уже собирался вести нашего добровольца въ караульный домъ, когда посланный съ вахты унтеръ-офицеръ, объяснивъ часовому въ чемъ дѣло, избавилъ мистера Гардфорда отъ предстоявшаго ему ночлега въ кутузкѣ. Когда, арестовавшій нашего волонтера, артиллерійскій солдатъ передалъ его посланному съ «Россіи» унтеръ-офицеру, то мистеръ Гардфордъ

сунулъ ему въ руку нѣсколько серебряныхъ монетъ, похваливъ его, на непонятномъ для русскаго солдата англійскомъ языкѣ, за точное исполненіе служебныхъ обязанностей. На слѣдующій день оказалось, что мистеръ Гардфордъ, позабывъ пароль, подошелъ къ рогаткѣ, у входа на батарею; на опросъ часового онъ съумѣлъ только назвать свое имя и пароходъ «Россія». Этого, конечно, не было достаточно для свободнаго пропуска иностранца черезъ батарею, въ военное время и при томъ ночью, но смѣтливый солдатъ сообразилъ, чего добивается поздній гость и передалъ его ближайшему часовому, для препровожденія до послѣдняго поста батареи, откуда онъ могъ бы вызвать съ «Россіи» кого-нибудь, для удостовѣренія своей личности. Почтенный англичанинъ нисколько не сѣтовалъ за свой случайный арестъ, а, напротивъ, съ похвалой отзывался о строгомъ исполненіи службы нашими солдатами.

Мистеръ Гардфордъ, строго опредѣливъ рамки своего участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, искренно возмущался, когда ему приходилось слышать или читать о тайной помощи, оказываемой англійскимъ правительствомъ турецкой арміи и о тѣхъ англичанахъ, которые открыто сражались противъ насъ въ рядахъ турецкихъ войскъ и оттоманскаго флота. Не выдаю за фактъ, но въ нашемъ обществѣ ходили упорные и, по всей вѣроятности, не безосновательные слухи, о письмѣ, отправленномъ мистеромъ Гардфордомъ главѣ тогдашняго англійскаго министерства, въ которомъ онъ выразилъ полнѣйшее и справедливое порицаніе образу дѣйствій англійскаго правительства, а какъ утверждали нѣкоторые, этотъ искренній протестъ истиннаго англичанина былъ адресованъ прямо въ руки повелительницы Великобританіи и Индіи и будто бы мистеръ Гардфордъ заключилъ свое письмо угрозой, въ случаѣ дальнѣйшаго активнаго содѣйствія туркамъ его родины, оставить великобританское подданство. Этому легко можно было вѣрить, зная глубокую убѣжденность мистера Гардфорда въ идеѣ, во имя которой велась послѣдняя Восточная война.

Послѣ захвата крейсеромъ «Россія» турецкаго транспорта «Мерсина», переименованнаго впослѣдствіи въ пароходъ черноморскаго флота «Пендераклія» мистеръ Гардфордъ, получавшій массу англійскихъ газетъ, нашелъ въ одной изъ нихъ извѣстіе изъ Константинополя, сообщавшее о спрятанной на «Мерсинѣ» крупной суммѣ турецкаго золота, не найденной нашими моряками, захватившими этотъ призъ. Извѣстію англійскихъ газетъ мистеръ Гардфордъ обрадовался, какъ собственной находкѣ, и тотчасъ же сообщилъ объ этомъ Н. М. Баранову. Это случилось, какъ разъ въ то время, когда «Россія» стояла на севастопольскомъ рейдѣ, куда былъ доставленъ и пароходъ «Мерсина» и гдѣ онъ былъ уже окончательно разгруженъ и предназначался для передѣлокъ и приспособленій къ службѣ въ русскомъ военномъ флотѣ. Командиръ «Россіи» Н. М. Ба-

рановъ сначала скептически отнесся къ заявленію своего экстраординарнаго добровольца, но затѣмъ, видя его упорную настойчивость на тщательномъ осмотрѣ всѣхъ помѣщеній плѣненнаго парохода, согласился отправить на «Мерсину» вмѣстѣ съ мистеромъ Гардфордомъ нѣсколько человѣкъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, для самаго подробнаго изслѣдованія внутреннихъ помѣщеній «Мерсины». До этого времени, все что было на захваченномъ пароходѣ поступило въ вѣдѣніе призовой комиссіи, а каюты и трюмы «Мерсины» были совершенно пусты. Мистеръ Гардфордъ, по уполномочію командира «Россіи», руководя назначеной по его же инициативѣ комиссіей, началъ самый детальный осмотръ и изслѣдованіе всѣхъ сомнительныхъ мѣстъ парохода, гдѣ можно было подозрѣвать присутствіе спрятанныхъ денегъ. Обойдя всѣ каюты и трюмы, мистеръ Гардфордъ снова возвратился съ сопровождавшими его лицами въ капитанское помѣщеніе и снова началъ его тщательно осматривать, но все оказалось напраснымъ; нигдѣ не было видно никакихъ признаковъ скрытаго клада. Но, вотъ, мистеръ Гардфордъ замѣтилъ на верху каюты подозрительную балку и тотчасъ же дюжія руки матросовъ ломами и топорами разобрали эту балку, внутри которой оказалась пустота. Мистеръ Гардфордъ обрадовался этому открытію, разсчитывая, что именно здѣсь и находится розыскиваемый имъ кладъ. Обшаривъ собственными руками внутренность разломанной балки, мистеръ Гардфордъ убѣдился, что тамъ, кромѣ пыли, ничего другого нѣтъ и видя, что всѣ его поиски турецкаго золота оказались тщетными, очень серьезно заявилъ присутствующимъ: «золота здѣсь нѣтъ, но это настолько удобное и скрытное мѣсто, что въ немъ можно спрятать много денегъ». Пролазавши нѣсколько часовъ по грязнымъ трюмамъ турецкаго транспорта, комиссія искателей турецкаго золота возвратилась ни съ чѣмъ, хотя мистеръ Гардфордъ такъ и остался при убѣжденіи, что деньги, о которыхъ говорили англійскія газеты, дѣйствительно были на «Мерсинѣ» и если онѣ исчезли, то уже по прибытіи «Мерсины» въ Севастополь, или же были выброшены въ море капитаномъ «Мерсины», когда уже сдѣлалось очевидно, что ей не уйти отъ преслѣдованія «Россіи».

О заключеніи перемирія мы узнали, прійдя въ Одессу изъ продолжительнаго крейсерства у Румелійскаго берега. Вскорѣ послѣ этого, въ Одессѣ распространились довольно упорные слухи о занятіи англичанами Галиполи. Однажды, когда все общество сидѣло въ каютъ-кампаніи за завтракомъ, съ вахты было доложено командиру, что съ моря идетъ англійскій пароходъ; это былъ первый иностранный пароходъ, входившій на одесскій рейдъ по снятіи блокады. Всѣ бросились на верхъ; мистеръ Гардфордъ до того заторопился, что выскочилъ на палубу безъ шапки. Огромный англійскій пароходъ проходилъ вдоль нашего борта настолько близко,

что едва не задѣлъ праваго выстрѣла; на мостикѣ стоялъ рыжебородый капитанъ въ цилиндрѣ и съ сигарой въ зубахъ и небрежнымъ взглядомъ окидывалъ нашу палубу съ внушительными восьмидюймовыми орудіями. Мистеръ Гардфордъ взбѣжалъ на командирскій мостикъ и что-то громко крикнулъ англичанину. Отвѣта не послѣдовало. Мистеръ Гардфордъ три раза повторилъ свой вопросъ, но отвѣта не получилъ; тогда разсерженный, разражаясь ругательствами, онъ спустился въ каютъ-кампанію, проклиная англійскаго капитана. Оказалось, что мистеръ Гардфордъ спрашивалъ англичанина, занятъ ли Галиполи? Въ этотъ же день, вечеромъ, на рейдъ входилъ съ моря другой англійскій пароходъ и такъ близко рѣзалъ корму «Россіи» что едва не потопилъ стоявшія у насъ за кормой наши гребныя суда. Бывшій на вахтѣ лейтенантъ П., не знавшій англійскаго языка, сильно жестикулируя, посылалъ по адресу англичанамъ крѣпкія слова и въ концѣ закричалъ: «Болванъ, русскаго языка непонимаешь, что ли?» Находившійся на палубѣ мистеръ Гардфордъ, бросился къ кормѣ и также началъ осыпать англичанина отечественною бранью, но тотъ не обращалъ никакого вниманія и не на іоту неизмѣнилъ курса. «Дуракъ, чортъ!» заключилъ мистеръ Гардфордъ порусски.

Вскорѣ мы разстались съ нашимъ случайнымъ сослуживцемъ— почтеннымъ мистеромъ Гардфордомъ, который покинулъ насъ, какъ только Н. М. Барановъ оставилъ командованіе «Россіей».

М. О. Р.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія среднихъ вѣковъ. Съ приложеніемъ очерка средневѣковой исторіографіи. Университетскія чтенія профессора Н. А. Осокина. Томъ первый (до XIII столѣтія). Казань. 1888.

УЖЕ НЕ ВЪ ПЕРВЫЙ разъ приходится намъ давать отчетъ о профессорскихъ курсахъ, изъ которыхъ потомъ, при небольшой сравнительно затратѣ труда, вырабатываются книги, полезныя для нѣсколькихъ тысячъ читателей. Что можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, естественнѣе такого происхожденія научно-популярнаго сочиненія, обнимающаго или значительную часть предмета или даже цѣлый предметъ? Всякій профессоръ готовится къ своему курсу по источникамъ и новѣйшимъ пособіямъ; допустимъ, что въ первый годъ онъ только компилируетъ; но если тотъ же курсъ онъ повторяетъ два, три раза, то онъ почти не можетъ не внести въ этотъ курсъ единства и самостоятельности. Такимъ образомъ, всякій добросовѣстно обработанный курсъ является самостоятельнымъ научнымъ трудомъ, а такъ какъ онъ предназначается не для спеціалистовъ и любителей, а для студентовъ, т. е. для людей, получившихъ только среднее образованіе, то онъ по необходимости долженъ быть изложенъ популярно. Такимъ образомъ, почти всякому профессору представляется полнѣйшая возможность подарить читающей публикѣ по крайней мѣрѣ одно учено-популярное сочиненіе, довольно обширнаго объема: онъ долженъ для этого только придать окончательную отдѣлку тому курсу, который читаетъ съ наибольшей любовью.

Вотъ что говоритъ г. Осокинъ въ предисловіи о возникновеніи своей книги:

«Предпринимаемое изданіе имѣетъ цѣлью дать русскому обществу доступное чтеніе, которое въ одно время удовлетворяло бы какъ потребности

университетскаго юношества, такъ и образованной публики, интересующейся историческимъ знаніемъ...

«Основаніемъ изданія послужили университетскія чтенія автора, нѣсколько разъ литографированныя въ продолженіе его профессорской дѣятельности, то подробныя, то сжатыя, сообразно той или другой задачѣ курса. Исторія первой половины среднихъ вѣковъ, эпохи хаоса и возникновенія европейской цивилизаціи до XIII столѣтія, изложенная авторомъ впервые въ 1876—77 учебномъ году, передъ выпускомъ въ свѣтъ подвергалась неоднократно переработкѣ, дополняемая въ однихъ отдѣлахъ, сокращаемая въ другихъ. Характеръ лекцій для читателя и теперь будетъ замѣтенъ въ языкѣ, въ складѣ устной рѣчи, которую авторъ не видѣлъ надобности сглаживать, въ распредѣленіи подробностей по степени ихъ интереса для слушателей, которымъ могли быть извѣстны одни отдѣлы, и которые совершенно не были подготовлены къ другимъ».

Далѣе въ томъ же предисловіи авторъ говоритъ о самостоятельномъ приложеніи къ этому курсу въ видѣ очерка средневѣковой исторіографіи и о планѣ и содержаніи слѣдующаго тома, въ которомъ будутъ закончены средніе вѣка.

Предлагаемый томъ состоитъ изъ введенія, въ которомъ г. Осокинъ говоритъ объ общемъ характерѣ среднихъ вѣковъ и ихъ исторіографіи (стр. 1—10) и изъ 5 большихъ главъ. Первая изъ нихъ носитъ заглавіе: Переходный періодъ отъ язычества къ упроченію христіанства и обозрѣваетъ событія отъ Константина Великаго до Ѳеодосія включительно (стр. 11—57). Вторая называется: Великое передвиженіе варварскихъ народовъ и распаденіе западной римской имперіи на германскія государства, и говоритъ о германцахъ, о переселеніи народовъ, объ Остготахъ, Франкахъ, Лангобардахъ и Англосаксахъ (стр. 58—170). Третья озаглавлена: Феодализмъ. Римская имперія Карла Великаго на Западѣ и мусульманство на Востокѣ (стр. 171—370); въ нее кромѣ того, что обозначено въ заглавіи, входитъ обозрѣніе германскаго права, исторія Англосаксовъ во время ихъ борьбы съ Норманами, исторія Византіи въ VIII—X вѣкахъ и образованіе славянскихъ государствъ. Четвертая глава: Западъ въ X и XI столѣтіяхъ. Священная Римско-Германская имперія въ борьбѣ съ папствомъ и славянами (стр. 371—505) распадается на 2 отдѣла: a) До папско-императорской борьбы (исторія Саксонскаго дома) и b) Папско-императорская борьба, куда входитъ также и исторія капетинговъ, завоеваніе Англіи норманнами и исторія Испаніи до Санчо III включительно. Наконецъ, пятая глава называется: Крестовое и коммунальное движеніе въ XII вѣкѣ, и заключаетъ въ себѣ исторію западной Европы во время 3-хъ первыхъ крестовыхъ походовъ (стр. 506—608).

Затѣмъ слѣдуетъ съ особымъ выходнымъ листомъ и особой нумераціей «Очеркъ средневѣковой исторіографіи» (115 стр.) и «Полный списокъ памятниковъ по средневѣковой исторіи Италіи, помѣщенныхъ въ изданіи Muratori Rerum italicarum scriptores (31 стр.) и, наконецъ, нѣсколько генеалогическихъ таблицъ.

Книга г. Осокина даетъ гораздо болѣе, нежели можно заключить по вышеприведеннымъ заголовкамъ ея отдѣловъ: онъ, очевидно, принадлежитъ къ числу тѣхъ историковъ, которые свою науку считаютъ положительно

безбрежнымъ океаномъ, не выдѣляя изъ нея ни исторіи церкви, ни исторіи искусства, ни исторіи литературы. Поэтому, читатель, въ курсѣ г. Осокина, кромѣ фактовъ политической и экономической жизни первой половины среднихъ вѣковъ, найдетъ и изложеніе главныхъ ересей и краткое изложеніе миѳологіи и небольшіе этюды по исторіи искусства и т. д. и т. д. Это, конечно, имѣетъ свою хорошую сторону, какъ въ курсѣ напечатанномъ, такъ и въ курсѣ излагаемомъ съ каѳедры; въ послѣднемъ случаѣ это даже необходимо, если слушатели г. Осокина не имѣютъ преподавателей спеціалистовъ по вышеназваннымъ отраслямъ историческаго знанія. Но такая широта задачи имѣетъ и свои неудобства: нельзя быть спеціалистомъ по всѣмъ этимъ отдѣламъ, и съ другой стороны такое расширеніе не можетъ не нанести ущерба ближайшимъ задачамъ курса. Все это ясно видно на книгѣ г. Осокина. Никто, конечно, не въ правѣ сѣтовать на г. Осокина за то, напримѣръ, что онъ не спеціалистъ по славянской миѳологіи, какъ это видно хотя бы изъ того, что книгу г. Фаминцина онъ ставитъ рядомъ съ трудами Аѳанасьева и Котляревскаго, но иной читатель будетъ недоволенъ тѣмъ, что эти экскурсіи въ чуждыя для автора области принуждаютъ его быть слишкомъ краткимъ въ такихъ кардинальныхъ вопросахъ, какъ феодальная система. Выше было приведено заявленіе автора о томъ, что онъ не счелъ нужнымъ сгладить форму устной рѣчи, въ которой излагалъ онъ курсъ своимъ слушателямъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторая небрежность изложенія вполнѣ понятная, или, по крайней мѣрѣ, извинительная въ лекціяхъ, осталась и въ книгѣ г. Осокина, а ее, безъ сомнѣнія, слѣдовало сгладить сколько возможно старательно: то, что студентъ *слышитъ* отъ профессора, усвоивается имъ въ *главныхъ* чертахъ, а то, что читатель находитъ въ книгѣ, принимаетъ онъ со всѣми деталями. Г. Осокинъ совершенно правъ, заявляя, напр., на лекціи, что міросозерцаніе средневѣковаго человѣка характеризуется *старофранцузскими* бестіаріями, но то же заявленіе въ книгѣ (стр. 8) наводитъ читателя на невѣрную мысль, что такія бестіаріи сохранились именно только на старо-французскомъ языкѣ или, по крайней мѣрѣ, что такой взглядъ находится только во французскихъ бестіаріяхъ. Или, напр., въ живой рѣчи назвать французскія chansons de gestes *рыцарскими* пѣснями (въ особенности съ каѳедры историка) пожалуй и можно; но въ книгѣ (стр. 255) это слѣдуетъ считать весьма нежелательнымъ недосмотромъ. Или еще примѣръ: читая о партіяхъ синихъ и зеленыхъ, г. Осокинъ, можетъ быть, сдѣлалъ такое сильное логическое удареніе на отсутствіи у нихъ *особаго* политическаго значенія, что онъ и не вышелъ изъ предѣловъ истины; но въ книгѣ такое заявленіе представляется страннымъ и плохо совмѣстимымъ съ заявленіемъ автора на той же стр. (118), что циркоманія продолжала оказывать вліяніе на замѣщеніе престола въ Византіи. Или, напримѣръ, нѣсколько частныхъ недосмотровъ въ біографіи Абеляра (будто онъ, выступивъ изъ монастырскихъ стѣнъ, возвратился на профессорское поприще или будто онъ бѣжалъ изъ монастыря Діонисія вслѣдствіе безнравственности монаховъ) пройдутъ совершенно незамѣченными и безвредными въ лекціи, такъ какъ общее представленіе объ Абелярѣ получается вѣрное; но въ книгѣ такіе недосмотры не желательны. Также слѣдовало бы почтенному автору при редактированіи своихъ курсовъ вычеркнуть нѣсколько разъ повторяющіяся указанія на одну и ту же книгу; да и самый складъ живой рѣчи не вредитъ книжному изложенію только въ томъ случаѣ, если онъ не

нарушаетъ ея правильности и понятности, противъ которыхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ грѣшитъ книга г. Осокина (укажемъ, напримѣръ, выраженіе, что Восточная имперія внушала нерасположеніе у западныхъ ученыхъ, стр. 307, или малопонятное опредѣленіе общаго характера славянской исторіи на стр. 323 и т. д.).

Но мы ни коимъ образомъ не желаемъ выразить этими указаніями на мелочные промахи, что г. Осокинъ долженъ былъ непремѣнно переработать свой живо изложенный курсъ въ догматическій учебникъ; форма лекцій имѣетъ свою огромную выгоду, такъ какъ она обусловливаетъ живость, наглядность и доступность книги для большой публики; мы только желали бы, чтобы почтенный авторъ прошелъ по своему курсу съ редакторскимъ карандашемъ.

Очеркъ исторіографіи отдѣланъ значительно тщательнѣе самаго курса; онъ, конечно, не можетъ претендовать на полноту и не представляетъ результата копотливыхъ самостоятельныхъ работъ, но онъ будетъ чрезвычайно полезенъ для всякаго студента или самостоятельно занимающагося любителя, которому не по силамъ Виттенбахъ и Лоренцъ и у котораго нѣтъ времени рыться по спеціальнымъ журналамъ и предисловіямъ изданій, собирая свѣдѣнія по исторіографіи Франціи, Англіи и Италіи.

Мы позволимъ себѣ сдѣлать только два замѣчанія почтенному автору: во 1-хъ, едва ли онъ въ правѣ представлять Жуанвиля какимъ-то ésprit fort XIII столѣтія, когда вѣрный сенешаль всѣми мѣрами старается показать, что наставленія святого короля глубоко проникали въ его душу и что выказанное имъ когда-то легкомысліе было только плодомъ его невѣжественной молодости; во 2-хъ, мы не понимаемъ, почему г. Осокинъ, говоря о Малеспини, ни однимъ словомъ не упомянулъ о тѣхъ сомнѣніяхъ, въ подлинности, которыя. начиная съ появленія извѣстной статьи Scheffer — Boichorst'a (Die florentinische Geschichte d. Malespini—eine Fölschung), тяготѣютъ надъ его именемъ.

Съ понятнымъ нетерпѣніемъ будемъ ожидать появленія второго тома исторіи среднихъ вѣковъ г. Осокина, вполнѣ убѣжденные, что болѣе богатый и живой матеріалъ, который онъ будетъ въ немъ имѣть подъ руками, дастъ ему возможность вполнѣ развернуть свой талантъ излагать ясно и живо, тѣмъ болѣе, что г. Осокинъ въ своихъ прежнихъ спеціальныхъ работахъ по среднимъ вѣкамъ преимущественно останавливался на второй ихъ половинѣ.

Мы увѣрены, что прекрасный принципъ автора не ограничиваться однимъ изложеніемъ фактовъ, а раскрывать «руководящія начала, одушевляющія широкій средневѣковой періодъ» (стр. 7) въ слѣдующемъ томѣ найдетъ еще болѣе широкое примѣненіе. **А. К.**

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Составилъ преподаватель Волынской духовной семинаріи Н. И. Теодоровичъ. Томъ I. Уѣзды: Житомирскій, Новоградъ-Волынскій и Овручскій. Почаевъ. 1888.

Волынскому краю посчастливилось: едва ли найдется другая какая-либо изъ русскихъ областей, которой было бы посвящено столько трудовъ со стороны изслѣдователей исторіи, сколько это выпало на долю Волыни. Кромѣ многочисленныхъ монографій, появлявшихся на страницахъ разныхъ періоди-

ческихъ изданій, начиная съ «Волынскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и «Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», въ этомъ отношеніи пользуются извѣстностью труды Карашевича, Хойнацкаго, Андріяшева, Петрова и многихъ другихъ. Оно и понятно. Волынь—одна изъ первыхъ русскихъ мѣстностей, гдѣ возсіялъ свѣтъ Христовой вѣры. Извѣстно преданіе о водруженіи на Днѣпровскихъ горахъ креста апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ, предсказавшимъ вмѣстѣ съ тѣмъ созданіе на этихъ горахъ великаго города; но существуетъ преданіе и объ евангельской проповѣди просвѣтителя славянъ Меѳодія на берегахъ рр. Буга и Стыри, т. е. въ предѣлахъ Волынской земли; съ конца же X вѣка являются уже несомнѣнныя доказательства развитія на Волыни христіанства. Владиміръ Равноапостольный, принявъ въ 988 году вѣру Христову и приведя къ ней жителей своего стольнаго города, «нача ставити по градомъ церкви и попы и люди на крещеніе приводити по всѣмъ градомъ и селомъ». Несомнѣнно, что просвѣтительная дѣятельность крестителя земли русской распространялась при этомъ и на древнюю Волынь; по крайней мѣрѣ, извѣстно, что, спустя четыре года послѣ крещенія кіевлянъ, въ г. Владимірѣ-Вонынскомъ была основана первая на Волыни епископская каѳедра. Здѣсь же св. Владиміръ соорудилъ и два храма, остатки которыхъ сохранились до нашего времени.

Такому историческому краю посвященъ и трудъ г. Теодоровича, прежде напечатанный въ «Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», а теперь вышедшій отдѣльной книгой, изданной въ пользу попечительства о воспитанникахъ Волынской духовной семинаріи. Авторъ обѣщаетъ предисловіе къ своему труду приложить къ послѣднему тому «Описанія». Этотъ необычный порядокъ лишаетъ насъ возможности ближе познакомиться, такъ сказать, съ жизненною стороной «Описанія», его программой, размѣромъ изданія и проч. и опредѣлить степень самостоятельности труда. Во всякомъ случаѣ трудъ автора представляется весьма почтеннымъ. Собраны и приведены въ послѣдовательный порядокъ историко-статистическія свѣдѣнія по тремъ уѣздамъ Волынской губерніи о 295 приходахъ съ 418 церквами. Если вспомнить историческое значеніе края, бывшаго нѣкогда могущественнымъ удѣльнымъ княжествомъ Даніила Романовича, края, раздробившагося потомъ на мелкіе удѣлы, вынесшаго на своихъ плечахъ счетомъ сорокъ два нашествія татарскихъ полчищъ, пережившаго господство Литвы и Польши съ фанатическою нетерпимостію католическаго духовенства и жестокостію панщины,— если припомнить эту многострадальную исторію, прекратившуюся съ возрожденіемъ въ краѣ русской государственности и древняго православія,— можно будетъ опредѣлить весь интересъ историко-статистическаго обозрѣнія каждаго прихода, почти каждой церкви такой мѣстности. Распредѣливъ матеріалъ по благочиніямъ и расположивъ его въ алфавитномъ порядкѣ селеній, авторъ иногда даетъ интересныя поясненія въ примѣчаніяхъ. Такъ изъ примѣчанія къ описанію села Лисовщины (Житомирскаго уѣзда) мы узнаемъ, что это «бывшее имѣніе знаменитаго князя М. Кутузова-Смоленскаго; старожилы и доселѣ указываютъ въ сосѣднемъ лѣсу мѣсто, гдѣ стоялъ домъ князя. Нынѣ это село принадлежитъ поляку-католику Гедцольду, владѣющему имъ на имя нѣкоего унтеръ-офицера Иванова». Слѣдуетъ замѣтить, что законъ воспрещаетъ полякамъ пріобрѣтать имѣнія въ нашихъ западныхъ окраинахъ, и нужно пожалѣть, что такой законъ остался безъ примѣненія даже къ имѣнію, принадлежавшему русскому историческому лицу;

этому условію, вѣроятно, обязано и исчезновеніе дома знаменитаго героя двѣнадцатаго года. Тому же князю принадлежали на Волыни и другіе села, какъ напр. с. Немировка, Овручскаго уѣзда.

Будемъ ожидать выхода въ свѣтъ дальнѣйшихъ томовъ интереснаго «Описанія» г. Теодоровича, чтобы съ бо́льшею подробностію остановиться на трудѣ молодого ученаго. **М—нъ Г—цкій.**

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1885 годъ. С.-Петербургъ. 1888.

Отчеты Императорской Публичной Библіотеки годъ-отъ-году начинаютъ становиться болѣе и болѣе любопытными и важными нетолько въ смыслѣ библіографическомъ, но и въ смыслѣ общаго обзора книжныхъ и рукописныхъ сокровищъ, поступающихъ въ Библіотеку изъ частныхъ собраній или пріобрѣтаемыхъ на книжномъ рынкѣ. Въ этомъ обзорѣ каждый спеціалистъ найдетъ пищу по себѣ: археологъ отыщетъ указаніе на книгу разнымъ образцамъ матерій съ наклеенными образчиками парчей и штофовъ XVIII вѣка; собиратель автографовъ—указанія на массу писемъ и собственноручныхъ записокъ множества историческихъ дѣятелей; поклонникъ Пушкина — неизданныя и неизвѣстныя доселѣ дополненія къ Пушкинской поэзіи; оріенталистъ—ссылки на восточныя рукописи. Особенно пріятно то, что въ «Отчетѣ» ни одна ссылка на какое бы то ни было заглавіе не представляется сухой и скучной буквой библіографическаго каталога:—каждое сообщаемое заглавіе оживлено примѣчаніями, указаніями, сличеніями съ печатнымъ текстомъ того же произведенія (если оно рукописное), ссылками на критическіе отзывы и замѣтки.

Самою печальною страницею «Отчета» представляется намъ все же финансовая сторона. Библіотека не имѣетъ основного и запаснаго капитала и пользуется средствами на столько ограниченными, что должна стѣснять себя въ существеннѣйшихъ затратахъ. Она не только не можетъ помышлять о тѣхъ цѣнныхъ пріобрѣтеніяхъ, какія ежегодно производятся всѣми важнѣйшими европейскими библіотеками (даже не самыми богатыми), но даже не можетъ размѣстить свои сокровища съ должною пышностью и простором и съ полною сохранностью. Въ Отчетѣ видимъ, что на «содержаніе зданій, отопленіе, освѣщеніе и другіе хозяйственные расходы» имѣется возможность издерживать не болѣе 11,000 р.—а этой суммы, конечно, недостаточно даже и для того, чтобы ремонтировать огромное зданіе Библіотеки съ надлежащимъ тщаніемъ и солидностью. О расширеніи зданія (въ которомъ давно уже ощущается потребность), конечно, не можетъ быть и рѣчи... Въ такой же степени недостаточными представляются суммы, которыя Библіотека можетъ тратить на пріобрѣтеніе рукописей и книгъ [1]) (26,582 р.), на переплеты (6,461 р.) и въ особенности на каталогизацію (1,817 р.!). Остается только пожалѣть о томъ, что наши крупные капиталисты и богачи до сихъ поръ еще очень мало обращаютъ вниманія на нужды нашего народнаго

---

[1]) Въ этой же статьѣ значатся еще и другія расходы: «доставка книгъ и рукописей изъ-за границы, напечатаніе «отчета», критика обзора рукописей Порфирія и описаніе византійскихъ рукописей его собранія».

книгохранилища и не жертвуютъ на его упроченіе, расширеніе и положеніе также охотно, какъ они жертвуютъ на школьное дѣло и другія отрасли благотворительности. На нашъ взглядъ, Императорская Публичная Библіотека есть главное ядро, главная основа тѣхъ просвѣтительныхъ началъ, какія вносятся въ народъ путемъ науки и литературы, — а потому Библіотека и должна имѣть наибольшее право на вниманіе людей, обладающихъ крупными матеріальными средствами и расположенныхъ жертвовать ими на пользу русскаго просвѣщенія.

Въ числѣ важныхъ пріобрѣтеній библіотеки слѣдуетъ отмѣтить въ 1885 г.: — часть бумагъ извѣстнаго военнаго историка А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, бумаги покойнаго сенатора В. Н. Хвостова, относящіяся къ освобожденію крестьянъ, драгоцѣнныя дополненія къ собранію музыкальныхъ автографовъ М. И. Глинки, собраніе писемъ разныхъ лицъ къ М. М. Философову, новыя дополненія къ художественно-литературной коллекціи И. Е. Вецкаго («Флоринская Елка»), къ отдѣлу сочиненій о Палестинѣ и къ особому отдѣлу «Horatiore».

Не вдаваясь въ перечисленіе печатныхъ книгъ, принесенныхъ въ даръ библіотекѣ иностранными обществами и издателями, не перечисляя рѣдкихъ книгъ, пріобрѣтенныхъ покупкою, замѣтимъ только, что въ числѣ рукописей, поступившихъ въ Библіотеку въ отчетномъ году находятся очень замѣчательныя рукописи грузинскихъ богослужебныхъ книгъ (XIII в.), листокъ Требника (XII в.), писанный глаголицею, пергаментныя рукописи Евангелій XIV вѣка и обширный сборникъ документовъ, касающихся Пугачевскаго бунта.

Въ приложеніи къ «Отчету» напечатаны любопытнѣйшія письма Ив. С. Аксакова и М. П. Погодина къ Е. П. Ковалевскому и статья Э. Л. Радлова, подъ заглавіемъ: «Сочиненія о магіи».

Чтобы дать понятія о дѣятельности служащихъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, необходимо привести здѣсь цифры посѣтителей Библіотеки и количество книгъ, выданныхъ въ чтеніе. Оказывается, что въ 1885 г. число посѣтителей библіотеки простиралось до 11,953 лицъ обоего пола (въ томъ числѣ женщинъ 1,843); число выданныхъ книгъ доходитъ до 270,947 томовъ и повременныхъ изданій до 92,147 нумеровъ. Цифры настолько внушительны, что не требуютъ комментаріевъ.

П. П.

Описаніе Тверского музея. Археологическій отдѣлъ. А. К. Жизневскаго, съ примѣчаніями графа А. С. Уварова. Москва. 1888.

Эта роскошно изданная книга, въ большую четверку, въ 260 страницъ, со множествомъ рисунковъ, исполненныхъ хромолитографіей, фотографіей и ксилографіей, обязана своимъ появленіемъ въ свѣтъ нашему высокодаровитому археологу, такъ рано окончившему свою неутомимую и полезную дѣятельность въ области русской науки. Еще въ 1873 году Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ, зорко слѣдившій за успѣхами археологіи въ отечествѣ, пріѣхалъ въ Тверь съ цѣлью ознакомиться съ открытымъ въ предшествовавшемъ году при Тверскомъ музеѣ археологическимъ отдѣломъ. Съ устроителемъ этого отдѣла, г. Жизневскимъ, покойный графъ вошелъ съ тѣхъ поръ въ постоянныя сношенія и оказывалъ полное содѣйствіе музею, какъ и всякому учреж-

денію въ томъ же родѣ. Недостаточно было, конечно, ограничиться собираніемъ древнихъ вещей, необходимо было и описаніе ихъ. Сознаваясь въ недостаточной подготовкѣ къ занятіямъ археологіей, г. Жизневскій прибѣгнулъ къ помощи графа и, въ 1877 году, напечаталъ въ «Древностяхъ», издаваемыхъ московскимъ археологическимъ обществомъ, описаніе Тверского музея, снабженное примѣчаніями А. С. Уварова. Затѣмъ слѣдовали еще два выпуска описанія и послѣдній былъ готовъ еще при жизни графа, въ 1883 году, но выходу его въ свѣтъ помѣшали другія занятія графа: устройство пятаго археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ, историческаго музея въ Москвѣ, наконецъ, болѣзнь Уварова, не позволявшая ему составить примѣчанія къ послѣднимъ отдѣламъ описанія. Теперь оно является въ переработанномъ видѣ по постановленію археологическаго общества и заключаетъ въ себѣ научное изслѣдованіе 1762-хъ предметовъ, находящихся въ музеѣ, между которыми много весьма рѣдкихъ и замѣчательныхъ. Описаны они въ систематическомъ порядкѣ, по отдѣламъ, которыхъ въ каталогѣ десять. Древностями первобытными музей не богатъ: остатковъ каменнаго вѣка въ немъ всего 6, а курганныхъ предметовъ, горшковъ, привѣсокъ, подковокъ и пр. 34. Любопытенъ отдѣлъ камней съ надписями и изображеніями, хотя въ памятникѣ, отнесенномъ къ норманской эпохѣ, трудно признать предполагаемыя на немъ руны. Замѣчательны надгробные памятники съ изображеніемъ трехконечнаго креста (твердо-креста, въ видѣ буквы Т), каменные кресты и каменный гробъ. Обширнѣе всего отдѣлъ памятниковъ церковныхъ: иконъ, крестовъ, церковной одежды, подсвѣчниковъ, паникадилъ (до 600 предметовъ). Есть даже древняя восковая свѣча въ пудъ вѣсомъ, найденная на берегу рѣки Нерли, и которой крестьяне начали-было служить молебны, пока ее не отобрали въ консисторію. Въ отдѣлѣ домашней утвари описаны и изображены серьги, перстни, пуговицы, запонки, наряды, посуда, вѣсы, разныя домашнія и письменныя принадлежности (до 350-ти предметовъ). Портретовъ всего десять и между ними нѣтъ особенно замѣчательныхъ. Портретъ инокини Мареы, матери Михаила Θеодоровича Романова, долгое время принимали за портретъ Мареы посадницы. Въ отдѣлѣ оружія и доспѣховъ помѣщены кольчуги, мечи и сабли, шпаги и кортики, рогатины, протазаны и бердыши, копья, ружья и пушки. Въ строительномъ отдѣлѣ описаны разныя деревянныя вещи: горельефы, рамы, глиняные предметы: черепицы, кирпичи, кафели, металлическія плиты и доски, наконецъ, планы и чертежи. Самый богатый послѣдній отдѣлъ, нумизматическій—болѣе 750-ти предметовъ, и еще болѣе 60-ти монетъ уступлены имъ, изъ дублетовъ, одесскому и московскому историческому музею. Монеты эти пріобрѣтены большею частію изъ первыхъ рукъ и найдены въ кладахъ, вырытыхъ въ различныхъ мѣстахъ Тверской губерніи. Таковы аббасидскіе диргемы VIII вѣка, чеканеные въ Багдадѣ, или саманидскій диргемъ—серебряная куфическая монета, чеканеная въ Бухарѣ въ 952 году. Въ отдѣлѣ иностранныхъ монетъ любопытнѣе, другихъ серебряныя монеты Золотой Орды, чеканеныя въ городѣ Сараѣ. Есть нѣсколько древнихъ серебряныхъ гривенъ и рублей (слитковъ) и не мало монетъ Тверского княжества, начиная съ XIV вѣка. Рѣдчайшія монеты изображены въ политипажахъ. Мѣстныя монеты описаны подробнѣе, хотя между ними много неопредѣленныхъ, какъ монеты городенскія, которыя скорѣе слѣдуетъ отнести къ монетамъ города Старицы, который великій князь Михаилъ Александровичъ отказалъ, въ 1399 г., своему старшему сыну. Царскихъ монетъ меньше,

но и между ними есть замѣчательныя. Къ книгѣ приложено нѣсколько отдѣльныхъ рисунковъ большого формата, какъ внутренній видъ музея въ 1884 году, надгробная, хромолитографированная доска съ изображеніемъ князя Владиміра и княгини Агриппины. Этотъ ржевскій князь неизвѣстенъ въ исторіи, хотя сохранились иконы (снятыя и въ изданіи г. Жизневскаго), на которыхъ онъ и княгиня изображены святыми. Вѣрнѣе всего, что онъ былъ сыномъ Мстислава Храбраго.

Для полноты описанія археологическаго отдѣла Тверского музея остается еще описать хранящіяся въ немъ рукописи. В. З.

Памятная книжка редакціи неоффиціальнаго отдѣла „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, по поводу ихъ пятидесятилѣтія (1838—1888 гг.). Составилъ В. В. Соловскій. Тамбовъ. 1888.

Неоффиціальный отдѣлъ нашихъ «Губернскихъ Вѣдомостей» составляетъ до сихъ поръ, для каждаго изслѣдователя нашей провинціальной жизни, совершенный лѣсъ дремучій. Среди ужаснѣйшаго хлама, въ массѣ матеріала, печатаемаго въ «Неоффиціальномъ отдѣлѣ», попадаются драгоцѣнности, которыя пропадаютъ почти безслѣдно, потому что отыскиванье ихъ представляетъ собою весьма серьезныя трудности даже для лицъ, которымъ доступны на мѣстѣ болѣе или менѣе полные экземпляры «Губернскихъ Вѣдомостей» [1]. Тѣмъ болѣе желательно, чтобы мѣстные провинціальные дѣятели занялись составленіемъ «Указателей» или хоть простыхъ перечней къ «Неоффиціальной части» нашихъ «Губернскихъ Вѣдомостей». Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что составители подобныхъ «Указателей» оказали бы серьезную услугу нашему отечествовѣдѣнію?

Въ этомъ именно смыслѣ, мы порадовались появленію разбираемой нами «Памятной книжки», которая отчасти выполняетъ вышеуказанную нами задачу, предлагая довольно подробный «объяснительный» указатель статей «Неоффиціальнаго отдѣла Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» отъ 1838—1880 г., и алфавитный перечень ихъ отъ 1880—1887 г. Къ этому указателю, въ видѣ предисловія, приложена не лишенная интереса статья «Матеріалы по исторіи типографіи при губернскомъ правленіи и «Губернскихъ Вѣдомостей» въ Тамбовѣ». Замѣтимъ кстати, что первая типографія въ Тамбовѣ была заведена Державинымъ въ 1786 году, и что «исторія типографіи» для данной мѣстности составляетъ любопытную страницу изъ исторіи нашего просвѣщенія на дальнихъ окраинахъ Россіи. Повторяемъ, что книги, подобныя книжкѣ г. Соловскаго, весьма желательны, и думаемъ, что его примѣру послѣдуютъ многіе изъ нашихъ провинціальныхъ дѣятелей. П.

---

[1]) Такими полными экземплярами, сколько намъ извѣстно, не можетъ похвалиться ни одно изъ нашихъ центральныхъ книгохранилищъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Предшественники и послѣдователи ученія Л. Н. Толстого. — Русскіе финансы во французской оцѣнкѣ. — Панславизмъ въ новомъ историческомъ журналѣ. — Англійская книга о русскомъ художникѣ. — Французская и итальянская брошюры о морскомъ дѣлѣ. — Медицинскій трактатъ съ политическими тенденціями. — Французская поэма о болгарскомъ терроризмѣ. — Книга невоеннаго о военныхъ силахъ Англіи. — Мемуары американскаго посланника въ Парижѣ. — Переписка Уго Фосколо съ графинею Альбани. — Балканскія народности въ этнографическомъ отношеніи.

РОССІЯ не перестаетъ служить предметомъ изученія нашихъ единственныхъ друзей въ Европѣ. Членъ французскаго института, Леруа-Болье, дѣйствительно знающій Россію, хотя нерѣдко произносящій о ней совершенно ошибочныя сужденія, издалъ обширный этюдъ подъ заглавіемъ «Религія въ Россіи. Реформаторы. Графъ Левъ Толстой, его предшественники и приверженцы» (La réligion en Russie. Les réformateurs. Le comte Léon Tolstoï, ses précurseurs et ses émules, par Anatole Leroy-Beaulieu). Главная мысль книги та, что ученіе русскаго писателя можно объяснить средою, въ которой онъ живетъ и изъ котораго оно возникло. Въ ученіи этомъ нѣтъ ничего новаго, что не проповѣдовалось бы раньше графа Толстого русскими раскольниками. Онъ только развилъ, оформилъ, коментировалъ, идеи духоборцевъ и молоканъ, признающихъ спиритуалистическое, а не догматическое, обрядовое христіанство. Французскій писатель вѣрно опредѣляетъ ученіе этихъ сектъ, но напрасно приписываетъ происхожденіе ихъ Лютеру и Кальвину. Болгарскіе богомилы были раньше этихъ реформаторовъ. По ученію духоборцевъ, Богъ воплощается въ человѣка и говоритъ его устами, если онъ праведникъ. Будущей жизни нѣтъ, а душа человѣка, послѣ его смерти, переходитъ въ другого человѣка, оживая такимъ образомъ безчисленное множество разъ. Из-

вѣстно, что тоже признаютъ и наши спириты, допуская въ то же время и абсурдную мысль, что души эти, не смотря на вторичное воплощеніе, могутъ двоиться и являться черезъ медіумовъ, въ формѣ первичнаго воплощенія. Мистическій идеализмъ духоборцевъ, впрочемъ, не въ духѣ русскаго народа и секта эта имѣетъ мало приверженцевъ. Гораздо болѣе успѣха въ народѣ имѣетъ ученіе молоканъ, основанное на демократической теократіи. Въ ихъ мнѣніи церковь и государство нераздѣльны и должны составлять одно цѣлое, такъ какъ все гражданское общество должно быть основано на евангельскихъ принципахъ любви, равенства и свободы. Прежде молокане не признавали существующихъ государственныхъ порядковъ, не хотѣли служить въ солдатахъ, платить подати. Необходимость заставила ихъ сдѣлать уступки гражданскому строю жизни и крайній радикализмъ ихъ превратился въ практическій раціонализмъ, легко мирящійся съ дѣйствительностью и ея требованіями. Гр. Толстой признаетъ молоканское единеніе церкви и общества, считаетъ евангельское ученіе выше гражданскаго закона и единственнымъ обязательнымъ для гражданъ, видитъ спасеніе не въ исполненіи высшихъ обрядовъ, или въ борьбѣ со зломъ, а въ нравственномъ самосовершенствованіи. Леруа-Болье находитъ много общаго между идеями Толстого и полуграмотнаго тверского крестьянина Сутаева, у котораго графъ, по его собственнымъ словамъ, научился очень многому, только развивъ научно проповѣдь крестьянина и придавъ ей литературную форму. То же стремленіе къ нравственному обновленію и къ принятію болѣе разумныхъ началъ житейской нравственности, авторъ видитъ въ Пашковѣ и лордѣ Редстокѣ, сравнивая гр. Толстого не только съ ними, но и съ Жанъ-Жакомъ Руссо, что совершенно напрасно. Объясняя ученіе Толстого мистическимъ раціонализмомъ, свойственнымъ русской мысли, и выразившемся въ русскомъ сектантствѣ, Леруа-Болье находитъ естественнымъ превращеніе геніальнаго писателя въ плохого проповѣдника. «Одно искусство не удовлетворяетъ русскихъ писателей,—говоритъ онъ,—у нихъ прорывается потребность передѣлывать общество и спасать человѣчество. Гоголь и Достоевскій только на половину придали русскому роману мистическое направленіе. Толстой, обладая болѣе законченнымъ талантомъ, совершилъ эту эволюцію вполнѣ до тѣхъ крайнихъ предѣловъ, гдѣ она уже соприкасается съ бреднями пророковъ изъ простого народа и гдѣ высокоинтеллигентный писатель превращается въ фанатика-мужика». Въ этихъ словахъ заключается вѣрная оцѣнка многихъ русскихъ писателей, недовольствующихся литературною славою, но силящихся—и совершенно напрасно—быть пророками и наставниками человѣчества.

— Оцѣнивая довольно вѣрно нашу литературу и даже наше политическое положеніе, французы остаются часто совершенными невѣждами по вопросамъ нашей экономической и общественной жизни. Особенно когда дѣло касается нашихъ финансовъ, которымъ трудно поправиться безъ внѣшней помощи, симпатіи къ намъ французовъ становятся совершенно платоническими и, что всего обиднѣе, они представляютъ эти финансы въ гораздо худшемъ положеніи, точно берлинскіе или лондонскіе биржевики, вмѣсто того чтобы противодѣйствовать, на парижскомъ денежномъ рынкѣ, пониженію нашей валюты, упорно роняемой жидами всѣхъ націй и болѣе всего русскими жидами, у которыхъ отечество только тамъ, гдѣ хорошій гешефтъ. Считающій себя глубокимъ финансистомъ и дѣйствительно знающій много по

этой части Теофиль Лати издалъ брошюру «Общественный долгъ въ Россіи, его происхожденіе и развитіе» (La dette publique en Russie, ses origines et son developpement). Цѣль и значеніе брошюры видны изъ первыхъ строкъ ея, высказывающихъ самое пессимистическое настроеніе: «Чудовищная цифра долговъ и неограниченное царство ужасающаго дефицита, перешедшаго въ хроническое состояніе—вотъ каково плачевное и почти безвыходное положеніе самой обширной и богатой страны въ Европѣ». Повидимому, подобное вступленіе избавляетъ говорить о брошюрѣ, но мы уже до того привыкли встрѣчать во французскихъ трактатахъ выводы совершенно противоположные основной ихъ темѣ, что захотѣли познакомиться въ особенности съ мнѣніемъ автора о происхожденіи нашего долга и нашли нѣсколько любопытныхъ данныхъ, идущихъ въ разрѣзъ съ главнымъ положеніемъ его о невозможности для насъ выйти изъ финансоваго кризиса. Главными плательщиками въ Россіи являются крестьяне, а ихъ податная недоимка въ 1887 году превышаетъ 1.206 милліоновъ. Какъ тяжела эта подать, доказывается примѣромъ нижегородской губерніи, гдѣ она представляетъ 565% земельнаго дохода. Неизвѣстно откуда авторъ взялъ первую цифру,—вторая заимствована у Янсона. Лати расказываетъ исторію нашихъ займовъ, съ царствованія Екатерины II. Она оставила долгъ въ 41 милліонъ рублей слишкомъ, кромѣ полутораста милліоновъ ассигнацій. Съ долгомъ кредитныхъ учрежденій общая сумма всѣхъ долговъ, по смерти Екатерины, простиралась до 215 милліоновъ рублей. При Александрѣ I ассигнаціонный рубль превратился въ 25 копѣекъ металлическихъ. Въ 1820 году сумма долговъ Россіи возрасла до 1.250 милліоновъ франковъ, что въ сравненіи съ долгами другихъ государствъ было не очень значительной суммой. Задолженность одной Англіи доходила до 22½ милліардовъ франковъ, кромѣ 725 милліоновъ долга англійской Индіи, Голландія и Франція были должны болѣе 3½ милліардовъ, Австрія—2,477 милліоновъ, Пруссія и Германія 1,325 милліоновъ; даже Испанія была должна 1.300.000,000, и Россія между 12-ю главными державами по числу своихъ долговъ занимала седьмое мѣсто. Въ сороковыхъ годахъ долгъ Россіи превышалъ уже два милліарда рублей. Авторъ очень невысокаго мнѣнія о министрахъ финансовъ той эпохи Канкринѣ, Вронченкѣ и Брокѣ. Венгерская кампанія стоила болѣе 65 милліоновъ, Крымская болѣе 528 милліоновъ, польское восстаніе 1863 года болѣе 71 милліона. Самыми бѣдственными годами для русскихъ финансовъ были пять лѣтъ 1862—1866. Въ 1870 году долги Россіи доходили до 7½ милліардовъ франковъ и она занимала уже третье мѣсто въ ряду государствъ, общая задолженность которыхъ простиралась до 97,774 милліоновъ. Послѣ войны 1877—1878 гг. это печальное финансовое положеніе должно было сдѣлаться еще тяжелѣе и, между тѣмъ, Лати приводитъ цифру долговъ къ 1887 году въ 5,264 милліона. Что же значатъ всѣ его фразы о безнадежномъ положеніи Россіи? Авторъ самъ говоритъ, что въ Россіи болѣе 109 милліоновъ жителей, стало быть на каждаго приходится долга 48 рублей съ копѣйками и каждый платитъ до 8-ми рублей налоговъ, тогда какъ каждый французъ платитъ ихъ до 27 рублей и на немъ лежитъ до 250-ти рублей государственнаго долга. Приводя примѣры страшнаго контрабанднаго воровства и корчемства по границамъ Россіи, Лати приходитъ къ заключенію совершенно противоположному тому, что онъ говорилъ вначалѣ: «это печальное положеніе не происходитъ отъ ослабленія богатства и производительныхъ силъ Россіи: оно только прямое и естественное послѣдствіе непроизводитель-

ной финансовой политики». Стало быть, положеніе вовсе не такъ безнадежно. И еще одну изъ причинъ все возростающихъ налоговъ, но необходимыхъ для покрытія хроническаго дефицита въ русскомъ бюджетѣ, французскій авторъ видитъ «въ нѣмецкомъ милитаризмѣ, поставившемъ по милліону добрыхъ солдатъ на каждую изъ своихъ границъ». Для чего же было тогда толковать объ исключительномъ положеніи Россіи, и еще въ то время, когда она, по биржевымъ слухамъ, дѣлаетъ значительный заемъ у той же Франціи?

— Болѣе всего вздора говорится, конечно, о панславизмѣ Россіи нѣмцами—съ понятною цѣлью оправдать свои клеветы и вооруженія, французами — по ихъ врожденному, національному легкомыслію. Поэтому пріятно встрѣтить очень дѣльную статью объ этомъ предметѣ въ новомъ еженедѣльномъ французскомъ журналѣ «Revue d'histoire contemporaine». Онъ помѣстилъ на своихъ страницахъ очень хорошую оцѣнку французской революціи и ея учрежденій, разработывалъ вопросъ о фальсификаціи пищевыхъ предметовъ, о франко-китайской торговлѣ, о передѣлкѣ романовъ въ драмы и пр., даетъ въ каждомъ нумерѣ портреты и біографіи современныхъ дѣятелей, министра финансовъ Пейтраля, Гримма, редактора «Le petit journal», принца Жерома Бонапарте, извѣстнаго критика Фредерика Сарсе, члена института Фредерика Пасси и др. Въ статьѣ «Панславизмъ и Франція» (Le panslavisme et la France) авторъ Мишель Делинь высказываетъ жестокую правду даже полякамъ, къ которымъ французы всегда такъ снисходительны. Онъ говоритъ прямо, что изъ всѣхъ славянскихъ племенъ поляки менѣе другихъ доступны демократическимъ идеямъ и болѣе всѣхъ враждебны принципамъ революціи. Съ русскими поляки боролись всегда не за принципы, а за преобладаніе. Луи-Филиппъ и Наполеонъ III высказывали польскія симпатіи съ единственною цѣлью—ослабить Россію, которую почему-то считали опасною для Франціи. Признавая законнымъ стремленіе итальянцевъ къ освобожденію, почему-то не хотѣли признать законности такого же стремленія у славянскихъ племенъ. Николая I обвиняли въ властолюбивыхъ замыслахъ, не смотря на его увѣренія, что онъ вовсе не панславистъ и что судьба славянъ интересуетъ его, насколько она касается интересовъ Россіи. Тѣ же обвиненія слышатся и теперь, хотя Россія хочетъ только, чтобы Германія и Австрія не угрожали ея спокойствію и интересамъ, вмѣшиваясь въ дѣла Болгаріи и Сербіи, освобожденныхъ ея усиліями. Въ этой борьбѣ всѣ права на сторонѣ Россіи и въ ея соперничествѣ съ Австріею симпатіи всѣхъ народовъ не на сторонѣ Габсбурговъ. Славянскія племена не хотятъ болѣе жить подъ тяжелымъ игомъ. Они стремятся къ такому же единенію, какого добились итальянцы и нѣмцы, вотъ въ чемъ идея панславизма и пока она не осуществится—Восточный вопросъ будетъ нарушать миръ въ Европѣ. Австрія не государство, а правительство (это сказалъ еще Наполеонъ I), это агрегатъ національностей, покоренныхъ грубою силою и плохо сплоченныхъ между собою, гдѣ трехмилліонная нѣмецкая національность давитъ 18-ти-милліонную славянскую и пятимилліонную румынскую. Какая идея положена въ основаніе этой разношерстной монархіи, у которой то отнимаютъ такія огромныя провинціи, какъ сѣверную Италію, то присоединяютъ къ ней славянскія земли? Въ будущемъ неминуемо отойдутъ и ея нѣмецкія провинціи къ общегерманскому отечеству, а славянскія племена составятъ между собою федерацію, къ которой примкнутъ Венгрія и Румынія. Эта федерація лишитъ Германію гегемоніи надъ средней Европой и «на развалинахъ прусской ка-

зармы возникнетъ снова Германія великихъ мыслителей и поэтовъ». Въ эти дни Европа освободится, наконецъ, отъ вѣчнаго опасенія войны и будетъ имѣть возможность заняться соціальными реформами. Такой идеалъ еще далекъ отъ насъ, но братство народовъ скорѣе осуществимо, чѣмъ братство индивидуумовъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Европѣ было до пятидесяти большею частью мелкихъ государствъ, теперь въ ней господствуютъ только большія группы національностей. Роль Франціи по отношенію къ панславизму совершенно ясна: она должна быть на сторонѣ Россіи противъ Австріи, подавляющей всякое стремленіе славянскихъ племенъ къ самостоятельности. Таковъ окончательный выводъ автора.

— На англійскомъ языкѣ вышелъ автобіографическій очеркъ «Василій Верещагинъ, живописецъ, воинъ, путешественникъ» (Vassili Verestchagin: painter, soldier, traveller. Autobiographical scetches transluted from the german and the french by E. H. Peters). Книга эта составлена преимущественно по запискамъ г-жи Верещагиной во время ея путешествій съ мужемъ по западному Гималаю и Кашемиру. Англичанъ, конечно, болѣе всего занимаетъ описаніе этихъ знакомыхъ имъ странъ. Къ сожалѣнію, два тома книги Петерса составлены не по русскому оригиналу, а по французскому и нѣмецкому переводу. Переводчикъ не выбрасывалъ, впрочемъ, мѣстъ, въ которыхъ русскій авторъ дѣлаетъ не лестныя для англичанъ замѣтки о грубомъ обращеніи ихъ съ туземцами Индіи. Онъ не одобряетъ также и отношеній нѣкоторыхъ изъ русскихъ начальниковъ къ туркменамъ. Бо̀льшая половина второй части занята характеристикой Скобелева и Тургенева, съ которыми г. Верещагинъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ, что не мѣшаетъ ему отзываться довольно рѣзко и о ихъ недостаткахъ. Но если можно повѣрить разсказамъ художника о похожденіяхъ Скобелева въ Бухарестѣ, то подробности о томъ, какъ въ одномъ дѣлѣ генералъ надѣлалъ много ошибокъ, а живописецъ исправилъ ихъ — уже слишкомъ прикрашенъ—недостатокъ, которымъ страдаютъ и картины, и описанія г. Верещагина. Англійская критика осуждаетъ автора-живописца за дурные отзывы о Скобелевѣ и Тургеневѣ, котораго г. Верещагинъ представляетъ также малодушнымъ, безхарактернымъ, дрожащимъ за свою жизнь, хотя и увѣреннымъ, что болѣзнь его неизлечима. Подобные отзывы о лучшихъ русскихъ людяхъ, дѣйствительно, могли бы и не появляться въ книгѣ русскаго художника.

— Возможность столкновенія между Франціею и Италіею, въ которомъ значительная роль будетъ принадлежать флотамъ этихъ державъ, придала особый интересъ двумъ брошюрамъ объ этомъ вопросѣ—одной французской, другой итальянской. Первая носитъ названіе «Флотъ въ опасности» (La marine en danger) и написана знатокомъ морского дѣла Пена Сіеферомъ. Авторъ приходитъ къ неутѣшительному заключенію, что французскій флотъ замѣтно отсталъ отъ флотовъ всѣхъ другихъ державъ и уступаетъ итальянскому, сдѣлавшему въ послѣднее время огромные успѣхи. Въ случаѣ войны Италія не только задержитъ перевозку войскъ изъ Алжиріи, но нападетъ на французское побережье, пустивъ въ ходъ свои быстроходные крейсеры, дѣлающіе 17 узловъ. У Франціи тоже семь крейсеровъ, но они ниже итальянскихъ по боевымъ качествамъ и скорости хода, а броненосцы Италіи не имѣютъ себѣ равныхъ.—Итальянская брошюра «Взглядъ на морское будущее» (Uno sguardo all' avenire navole) принадлежитъ адмиралу Альбини, излагающему свои взгляды на современныя условія морского боя и на не-

обходимость измѣненій въ конструкціи боевыхъ судовъ. Итальянскій адмиралъ стоитъ за большіе суда и за уничтоженіе миноносокъ, «нисколько не отвѣчающихъ требованію неуязвимости». Мина должна быть не ударная, а пробивающая, въ видѣ мины-пушки, «которая внутри себя имѣетъ трубу, заряженную гранатой, высокой взрывчатой силы». Порохъ будущаго не будетъ имѣть дыма.

— Политическое значеніе имѣетъ еще брошюра медицинскаго содержанія, озаглавленная «Роковая болѣзнь Фридриха Благороднаго» (The fatal ilness of Frederic the Noble). Она написана англійскимъ докторомъ Морелемъ Макензи, лечившимъ покойнаго императора Фридриха III и обвиненнымъ нѣмецкими докторами не только въ невѣжествѣ, но и въ политическихъ интригахъ. Англичанинъ, въ свою очередь, обвиняетъ нѣмецкихъ врачей въ томъ, что они поздно сдѣланною операціею и своею грубою системою леченія ускорили кончину монарха. Разобрать, кто изъ нихъ правъ — трудно не спеціалисту. Макензи упрекаетъ даже такое свѣтило науки, какъ Вирхова, въ томъ, что тотъ не призналъ прямо горловую болѣзнь Фридриха — ракомъ. Книгу Макензи запретили въ Германіи, а въ газетѣ «Daily News» королева Викторія напечатала благодарственное письмо доктору Макензи и осыпаетъ его похвалами за искусное леченіе и за приведенныя въ книгѣ черты высокихъ качествъ императора. Макензи дѣйствительно много говоритъ объ немъ, и какъ о человѣкѣ, но вообще въ книгѣ его много шарлатанства, не доказанныхъ и недосказанныхъ обвиненій; форма ея не только не научная, но и не литературная. Обвиняя Бергмана въ томъ, что онъ плохой операторъ, не ларингоскопистъ и вызванъ былъ изъ Петербурга для занятія каѳедры послѣ Бильрота, а не для леченія, Макензи негодуетъ, что Гергардтъ обвинилъ его въ поврежденіи голосовой связки во время изслѣдованія гортани кронпринца. Между тѣмъ, англичанинъ самъ сознается, что изслѣдованіе это ему не удалось, и что онъ приступилъ къ третьей операціи, въ ноябрѣ 1887 года, и къ леченію, не убѣжденный въ томъ, что наростъ въ гортани—раковидная опухоль. Вообще вся исторія этой болѣзни и ея леченія остается еще далеко не разъясненной.

— Печальное положеніе Болгаріи и господствующій въ ней терроризмъ послужили предметомъ не только множества брошюръ, но и цѣлой поэмы, появившейся еще въ началѣ нынѣшняго года, на французскомъ языкѣ. Теперь эта поэма вышла въ Парижѣ вторымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: «Болгарія во время регентства, съ прибавленіемъ разговора между принцемъ Кобургскимъ и Стамбуловымъ» (La Bulgarie sous la régence, suivie d'un dialogue entre le prince de Cobourg et Stambouloff, par A. Pachaléry). Въ предисловіи авторъ говоритъ, что его брошюра произвела на похитителей власти въ Болгаріи дѣйствіе холодной души. Они подняли крикъ, какъ смѣлъ памфлетистъ очернить ихъ передъ Европой, особенно передъ Австріей и Англіей, «этими безкорыстными покровительницами славянъ». Первое изданіе брошюры быстро разошлось и теперь она является вновь, потому что положеніе дѣлъ нисколько не измѣнилось съ прибытіемъ въ страну принца Кобургскаго, а только ухудшилось. Въ брошюрѣ описаны интриги Англіи и Австріи, палочники, аресты, грабежи, изгнаніе и пытки патріотовъ, преслѣдованія печати, оргіи полиціи, неистовства солдатчины, истинныя чувства народа къ Россіи и ея царю. Если онъ скажетъ слово—

славяне пойдутъ, куда онъ укажетъ. Будущее принадлежитъ славянамъ — таковъ выводъ брошюры. Въ примѣчаніяхъ приводится много любопытныхъ фактовъ о Стамбуловѣ, Муткуровѣ, Кальчевѣ, Живковѣ, Стояновѣ, распутствѣ и трусости Батенберга, его сомнительномъ происхожденіи и пр. Въ разговорѣ Кобурга съ Стамбуловымъ, послѣдній прямо высказываетъ, что Бисмаркъ обманываетъ Россію, увѣряя, что держитъ ея сторону въ болгарскомъ вопросѣ. Но заключеніе брошюры, что Кобургъ собирается покинуть Болгарію, совершенно ошибочно. Такіе люди не уходятъ добровольно съ однажды захваченнаго ими теплаго мѣста.

— Общественное мнѣніе въ Англіи давно рѣшило, что военныя силы ея далеко не отвѣчаютъ ни тѣмъ требованіямъ, какія въ правѣ заявить народъ великой державы, ни тѣмъ жертвамъ, какія онъ приноситъ для защиты своего отечества, которое нисколько не гарантировано ни на сушѣ, ни даже на морѣ настоящими вооруженіями страны. Эту же мысль подтверждаетъ и доказываетъ неоспоримыми аргументами не принадлежащій къ военному сословію авторъ книги «Британская армія» (The british army). Хотя онъ не назвалъ себя въ заголовкѣ книги, но критика называетъ его извѣстное въ публицистикѣ и политикѣ имя. Это—Чарльсъ Дильке, одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ ораторовъ парламента. Онъ прежде всего констатируетъ, что тревожныя опасенія англичанъ за безопасность своего острова совершенно основательны. Прежде всего у нихъ нѣтъ еще почти вовсе резервовъ, а дѣйствующая армія и по численности, и по вооруженію, и по боевой готовности, неизмѣримо ниже армій великихъ державъ. Англійскіе порты, арсеналы, угольныя станціи, не могутъ противустоять даже непродолжительному бомбардированію. Англіи трудно вести войну оборонительную, а о наступательной нечего и думать. Вторженіе въ Англію совершенно возможно и доступно. Генералъ Бракенбергъ, въ комитетѣ для обороны береговъ Англіи, прямо заявилъ, что непріятельская армія въ полтораста тысячъ, высадившись на берегъ, можетъ въ короткое время занять всю Великобританію. Ея артиллерія и, въ особенности, кавалерія совершенно недостаточны для обороны страны. Все это подтверждается мнѣніями лицъ вполнѣ компетентныхъ, какъ генералъ Вольслей, Стангопъ и др. Англійская критика оспариваетъ, однако, мнѣніе автора, что туземныя индійскія войска, сейки и гуркасы, не въ состояніи бороться съ русской арміей, и восхваляетъ храбрость мадрасскихъ сипаевъ. Обнаруживъ недостатки устройства военныхъ силъ Англіи, Дильке предлагаетъ и средства помочь дѣлу. Онъ находитъ необходимымъ сформированіе двухъ армій: одной—съ долгосрочной службой въ строю—для Индіи и Востока, другой — съ краткосрочной службой для Англіи и Средиземнаго моря. Мѣстные гарнизоны должны состоять изъ волонтеровъ и милиціи и проч. Но эти подробности подлежатъ уже оцѣнкѣ спеціалистовъ.

— Вышли довольно любопытныя «Воспоминанія сѣверо-американскаго посланника во Франціи Вашборна, относящіяся къ 1869—1877 годамъ (Recollections of a minister to France, by E. B. Washburne). Мемуары эти являются уже послѣ смерти ихъ автора, прибывшаго въ Парижъ незадолго до паденія второй имперіи и оставившаго свой постъ вскорѣ послѣ паденія Мак-Магона, какъ президента республики. Періодъ этотъ несомнѣнно любопытенъ и Вашборнъ сообщаетъ объ немъ много хотя и не особенно важныхъ, но интересныхъ свѣдѣній. Двѣ трети его двухтомныхъ мемуаровъ по-

священы разсказамъ о коммунѣ и подвигахъ ея героевъ. Онъ приводитъ и свои разговоры съ Наполеономъ III, жаловавшимся на то, что французы не дозрѣли до либеральныхъ учрежденій, которыми онъ намѣренъ надѣлить ихъ и что они не могутъ обойтись безъ правительственной опеки, не умѣютъ управляться сами собою. Во время войны съ Германіей, Вашборнъ завѣдывалъ интересами и нѣмецкихъ подданыхъ, принужденныхъ остаться во Франціи и, принявъ на себя ихъ защиту, дѣйствовалъ такъ твердо и искусно, что императоръ Вильгельмъ I изъявилъ ему искренюю благодарность. Когда, во время коммуны, всѣ посланники покинули Парижъ, Вашборнъ, остался въ городѣ, подверженномъ бомбардировкѣ версальской арміи и поджогамъ коммунаровъ, какъ оставался въ немъ во время всей осады пруссаками. Не имѣя возможности слѣдить за военными дѣйствіями, онъ пишетъ въ своихъ замѣткахъ, о внутреннемъ состояніи города. Такъ, на 59-ый день осады онъ отмѣчаетъ: «Съѣли всѣхъ лошадей и муловъ, принимаемся за собакъ, кошекъ и крысъ; въ мясныхъ лавкахъ онѣ продаются на вѣсъ и поштучно». На 66-й день онъ пишетъ: «Кошки поднялись въ цѣнѣ и хорошая стоитъ восемь—девять франковъ, крыса—два франка, а длиннохвостая—два съ половиной, собачье мясо также два франка, а хорошая собака три франка за фунтъ». Самъ посланникъ однако не питался, повидимому, этимъ мясомъ, потому что на 82-й день осады описываетъ, какъ онъ очень пріятно обѣдалъ у баронесы Ротшильдъ. На 91-й день онъ однако говоритъ, что они ѣли мясо мула по два доллара золотомъ за фунтъ, а въ 98-й день осады, приходившійся въ Рождество—супъ изъ устрицъ, жареную говядину и цыпленка. Въ 112-й день осады и четвертый бомбардированія, онъ пишетъ: «Безпечность парижанъ изумительна; чуть упадетъ гдѣ граната, весь кварталъ сбѣгается смотрѣть, какой вредъ причинила она, а если ее не разорвало, они тотчасъ же уносятъ ее къ себѣ на память. Элегантныя дамы отправляются какъ на прогулку въ мѣста, гдѣ падали бомбы». Усиленіе коммуны онъ приписываетъ бездарности неспособнаго правительства и радуется, что во все время коммуны ни американскій флагъ, ни члены посольства не подвергались оскорбленіямъ и по его заявленію тотчасъ же выпускали на свободу арестованныхъ американцевъ и нѣмцевъ. Замѣтки о послѣднихъ годахъ его пребыванія въ Парижѣ слабѣе и менѣе интересны. Вообще Вашборнъ не мастеръ на характеристику лицъ, съ которыми находился въ сношеніяхъ по обязанностямъ своего званія. Такъ портреты Тьера, Трошю, Мак-Магона—у него очень блѣдны, а о какомъ-нибудь Оливье, министрѣ «съ легкимъ сердцемъ» онъ отзывается почему-то съ особенной похвалою.

— Къ литературѣ мемуаровъ слѣдуетъ также причислить вновь найденныя письма графини Альбани къ Уго Фосколо и аббата Луиджи-ди-Брема къ графинѣ Альбани (Lettere inedite di Luigia Stolberg contessa d'Albany a Ugo Foscolo e dell'abbate Luigi di Breme alla contessa d,Albany). Знакомство знаменитаго итальянскаго писателя со вдовою Стуарта, имѣвшей такое вліяніе на судьбу и произведенія поэта, началось въ 1812 году. Уже прославившійся въ то время авторъ «Джаконо Ортиса», и «Погребальныхъ одъ», долженъ былъ, по политическимъ причинамъ и вслѣдствіе мучившей его лихорадки, оставить Миланъ и переселиться во Флоренцію. Тамъ для красиваго, молодого, извѣстнаго поэта открылся салонъ графини, въ которомъ являлись Альфіери, Шатобріанъ, Канова, Сисмонди,

Байронъ, Роское, кардиналъ Консальви. Фосколо скоро сдѣлался самымъ дорогимъ гостемъ этого салона и самымъ близкимъ другомъ графини. Издатель обнародованныхъ теперь писемъ графини, Траверси, говоритъ, что она чувствовала къ поэту любовь, но это маловѣроятно. Ея, всѣмъ извѣстная, связь съ живописцемъ Фабромъ-де-Монпелье, безпорядочная жизнь поэта, нескрывавшаго своихъ любовныхъ похожденій, наконецъ, уже не молодые годы графини могли внушить ей только дружескую привязанность къ поэту. Въ письмахъ своихъ она принимаетъ теплое участіе во всѣхъ дѣлахъ поэта, даже въ любовныхъ, и пишетъ къ нему объ нихъ съ полною откровенностью, допускавшеюся тогдашними легкими нравами. Фосколо былъ натурой слабой, экзальтированной, легко увлекавшейся. Графиня даетъ ему совѣты какъ держать себя, часто полезные, иногда странные, какъ напримѣръ, совѣтъ— не жертвовать собою для своего отечества. Траверси упрекаетъ ее въ томъ, что она не умѣла ни цѣнить, ни понимать поэта. Но вѣдь была же она болѣе тридцати лѣтъ лучшимъ другомъ Альфіери, а ея совѣты Фосколо, заняться серьезнымъ трудомъ, не тратить жизни въ недостойныхъ связяхъ, не жечь свѣчи съ двухъ концовъ, доказываютъ и участіе къ поэту и желаніе, чтобы онъ оставилъ свои слабости. Въ письмахъ ея 1813 и 1814 года встрѣчается также много вѣрныхъ политическихъ замѣтокъ о томъ, что Италія еще не созрѣла для самостоятельной жизни, а ея принцы, реставрированные на своихъ престолахъ, находятся далеко не на высотѣ своего положенія. Къ итальянцамъ графиня вообще относится не дружелюбно, называетъ ихъ развратнымъ народомъ, покрытымъ плесенью, не способнымъ составить сильную націю. Сужденія ея отличаются крайнимъ пессимизмомъ. Письма къ ней аббата Бреме, хотя вполнѣ литературныя, ничѣмъ не замѣчательны и печатать ихъ было незачѣмъ.

— Голландецъ Ван-ден-Гейнъ изучилъ «Балканскія народности» съ этнографической точки зрѣнія (Les populations danubiennes. Etudes d'ethnographie comparée). Выводъ автора тотъ, что происхожденіе четырехъ національностей, населяющихъ полуостровъ: грековъ, румынъ, албанцевъ, славянъ, гипотеза не подтвержденная несомнѣнными историческими свидѣтельствами. Скифы, ѳракійцы, готы, даки, иллирійцы, были родоначальниками нынѣшнихъ племенъ, но какіе изъ нихъ и кого именно могутъ считать своими предками—не рѣшено исторіей. И теперь еще встрѣчаются противники происхожденія румынъ отъ трояновыхъ поселенцевъ, въ грекахъ много славянскаго элемента, въ болгарахъ восточнаго. Напрасно также Ван-ден-Гейнъ утверждаетъ, авторитетно, что церковнославянскій языкъ былъ древнимъ языкомъ болгаръ. Апостолы IX вѣка, составляя священныя книги, заимствовали для нихъ слова и выраженія изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій и преимущественно изъ языка великой Моравіи, гдѣ была епископская каѳедра св. Меѳодія. Вообще, авторъ этой книги не сказалъ въ ней ничего новаго и даже не представилъ полной оцѣнки мнѣній объ этомъ предметѣ Бергмана, Сульцера, Энгеля, Ресслера и др.

СМѢСЬ.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. 15-го октября, наши университеты и ученыя общества праздновали двадцатипятилѣтіе научной дѣятельности Московскаго Общества любителей естествознанія. Каждый русскій человѣкъ, кому дороги успѣхи родного знанія и развитія русской науки, посылалъ привѣтствіе этому Обществу, посвящавшему свои силы изученію естественно-историческихъ, антропологическихъ и этнографическихъ богатствъ Россіи. Общество издало пятьдесятъ пять объемистыхъ томовъ своихъ «Извѣстій» и достаточно просмотрѣть эти томы, чтобы убѣдиться, какъ служило оно научному развитію Россіи и какую первенствующую роль играло въ дѣлѣ изслѣдованія естественно-историческихъ условій нашего отечества. Этому обществу русская наука обязана первыми замѣчательными изслѣдованіями природы Туркестанскаго края; этимъ обществомъ былъ предпринятъ и осуществленъ цѣлый рядъ экспедицій для изученія русскихъ морей — Балтійскаго, Бѣлаго, Аральскаго, Чернаго; не мало сдѣлано имъ для изученія флоры и въ особенности фауны Европейской Россіи. Наконецъ, оно положило прочное начало систематическому изученію антропологіи и этнографіи Россіи и дѣятельной разработкой этихъ отдѣловъ содѣйствовало изслѣдованіямъ у насъ доисторической археологіи вообще и русскихъ древностей въ частности. Много пользы принесли выставки Общества, какъ этнографическая и въ особенности антропологическая; оно собрало многочисленныя коллекціи, представляющія цѣнный матеріалъ для изученія и характеристики природныхъ богатствъ нашего отечества. Изслѣдованіе Россіи въ естественно-историческомъ отношеніи всегда служило Обществу главной, руководящей цѣлью. Юбилей Общества былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и юбилеемъ его президента, заслуженнаго профессор

Анатолія Петровича Богданова, энергіи котораго Общество всего болѣе обязано своимъ развитіемъ. Онъ былъ всегда его руководителемъ, живымъ центромъ, вокругъ котораго группировались силы общества.

Вечеромъ 15-го октября, большая зала московскаго политехническаго музея, украшенная разными коллекціями и множествомъ портретовъ ученыхъ дѣятелей, была переполнена собравшимися отпраздновать, семейнымъ образомъ, 25-тилѣтіе Общества. Не было усиленныхъ извѣщеній въ газетахъ, не дѣлалось особыхъ приготовленій или приглашеній, но праздникъ вышелъ все-таки торжественнымъ, благодаря Монаршему вниманію къ Обществу, сочувствію москвичей и массѣ поздравленій и адресовъ, полученныхъ съ разныхъ концовъ Россіи и изъ-за границы. Зала была переполнена. Предсѣдательствовалъ А. П. Богдановъ, послѣдній оставшійся въ живыхъ основатель общества. Уважаемый профессоръ сказалъ длинную, проникнутую искреннимъ чувствомъ рѣчь. Прежде всего онъ почтилъ память тѣхъ скончавшихся дѣятелей, неутомимой энергіи которыхъ, неостановленной никакими препятствіями, общество обязано прочностью своего существованія. Двадцать пять первыхъ лѣтъ пошли на ростъ общества и на его организацію. Искренне, всецѣло преданное наукѣ, оно не замыкалось однако въ тѣсный кружокъ ученыхъ, докторовъ и магистровъ, и, не довольствуясь кабинетной работой, искало живого содѣйствія у всѣхъ, кто сочувствуетъ ученымъ интересамъ и готовъ потрудиться ради нихъ. Отсюда и самое названіе: «Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи». Иные строгіе ученые въ первое время не довѣряли пользѣ такого расширенія круга дѣятельности Общества и находились люди, желавшіе видѣть что-то «политическое» въ идеалахъ Общества. Много трудныхъ минутъ пережило Общество и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніи. Одно время, предубѣжденіе противъ него въ высшихъ сферахъ было такъ сильно, что только открыто заявленное сочувствіе покойнаго государя дало Обществу возможность спокойно продолжать свою дѣятельность. По временамъ не хватало у него средствъ, но тутъ приходили на помощь добрые люди, сочувствующіе честнымъ и серьезнымъ цѣлямъ Общества и оно съ новыми силами продолжало работу изслѣдованія Россіи, составленія коллекцій, устройства выставокъ и музеевъ, изданія трудовъ своихъ членовъ и т. п. Государь императоръ, въ день юбилея, назначилъ экстренно 2,500 р. на изданія Общества. Послѣ рѣчи почтеннаго президента были прочтены отчеты о дѣятельности Общества и всѣхъ его отдѣловъ и провозглашены имена лицъ, избранныхъ въ члены. Почетными членами избраны: В. Я. Буняковскій, К. С. Веселовскій, П. П. Семеновъ, І. И. Шатиловъ, И. М. Сѣченовъ, В. Я. Цингеръ, Ѳ. И. Буслаевъ, А. И. Воейковъ и нѣсколько западныхъ ученыхъ. Всѣ эти имена привѣтствованы дружными аплодисментами, особенно имя И. М. Сѣченова, избраніемъ котораго чествовались не только его ученые труды, но и недавній 25-ти-лѣтній юбилей. Затѣмъ происходила раздача медалей лицамъ, оказавшимъ Обществу особыя заслуги. Картина была своеобычная: медали получались и пожилыми людьми, и дамами, и юношами-студентами, усердно потрудившимися для естественной науки. Большія золотыя медали выданы А .И. Баранову, А. К. Трапезникову и С. П. фонъ-Дервизу, которые оказали Обществу крупную матеріальную поддержку. Г. Дервизомъ пожертвовано Обществу чуть не цѣлое состояніе, обезпечившее надолго и изданіе его трудовъ, и его учрежденія. Серебряныя медали выданы студентамъ Маркову, поднимавшемуся недавно на Араратъ, Анисимову и Хаханову за этнографическія изслѣдованія, Сатунину и графу Бобринскому за изысканія въ Сахарѣ. Послѣ раздачи наградъ читалось множество привѣтственныхъ телеграммъ.

Пятидесятилѣтній юбилей Н. К. Гирса. 13-го октября, исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени начала службы министра иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секре-

таря Гирса. Юбилейное торжество носило совершенно частный, семейный характеръ. Тѣмъ не менѣе привѣтствовать юбиляра явилась масса лицъ, пожелавшихъ выразить Н. К. Гирсу свое глубокое уваженіе и сочувствіе къ его долголѣтней государственной дѣятельности. Къ 10-ти часамъ утра въ квартиру министра прибыли депутаціи. Въ обширной залѣ, убранный тропическими растеніями, стоялъ портретъ юбиляра работы французскаго художника Беккера. Портретъ замѣчательно схожъ; онъ сдѣланъ въ натуральную величину, Н. К. Гирсъ изображенъ сидящимъ въ креслѣ. У портрета стоялъ роскошный подарокъ, поднесенный министру сослуживцами. Альбомъ, состоящій изъ 30 картинъ работы лучшихъ художниковъ. Кромѣ портретовъ августѣйшихъ особъ, на рисункахъ изображены: домъ близъ Радзивилова, въ которомъ 9 мая 1820 г. родился Н. К. Гирсъ; портретъ его лицеистомъ; видъ Царскосельскаго лицея; видъ части зданія Главнаго штаба, занимаемый мин. иностр. дѣлъ (пейз. А. Бенуа, портр. В. Бобровъ); виды консульскихъ домовъ въ Яссахъ и Бухарестѣ (А. Бенуа); Требизонтскій берегъ и фрегатъ «Флора», на которомъ въ 1846 году Н. К. Гирсъ сопровождалъ въ плаваніи великаго князя Константина Николаевича (Айвазовскій); штабъ главнокомандующаго отрядомъ войскъ въ Трансильваніи генерала Лидерса (Шарлемань); видъ посольскаго дома въ Буюкдере близъ Константинополя (Вилье де-Лиль Адамъ); видъ города Одессы, гдѣ проживалъ Н. К. Гирсъ, состоя въ распоряженіи новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора (Вилье де-Лиль Адамъ); Египетъ,—караваны въ эпоху предшествовавшую прорытію Суэзскаго канала (К. Маковскій); домъ русской миссіи въ Тегеранѣ и лѣтнее ея мѣстопребываніе въ Зергендэ (Каразинъ); вилла Шанценбергъ близъ Берна, гдѣ Николай Карловичъ проводилъ со своимъ семействомъ лѣтніе мѣсяцы. Видъ Женевскаго озера (Мещерскій); замокъ Дьюрсгольмъ и видъ города Стокгольма (А. Бенуа); виды Петергофа, куда лѣтомъ 1875 г. Николай Карловичъ, состоявшій въ то время посланникомъ въ Стокгольмѣ, сопровождалъ короля шведскаго Оскара II (А. Бенуа); Царскосельскій дворецъ, въ которомъ Н. К., находясь при покойномъ Императорѣ Александрѣ II, имѣлъ помѣщеніе во время Берлинскаго конгресса съ 29-го мая по 9-е іюля 1878 года (Премацци); дворецъ въ Ливадіи; Гатчинскій дворецъ; четыре Императорскія свиданія: въ Александровѣ 22-го августа (3-го сентября) 1879 г., въ Данцигѣ 28-го августа (9-го сентября) 1881 года, въ Скерневицѣ 4-го (16-го) сентября 1884 года и въ Кремзирѣ 13-го (25-го) августа 1885 г. (Н. Богдановъ); коронованіе въ Москвѣ; присяга государя наслѣдника цесаревича по достиженіи совершеннолѣтія 6-го мая 1884 г. (Н. Богдановъ); устье Дуная,—Лондонскимъ трактатомъ 1883 г. опредѣлены условія, относящіяся до Килійскаго рукава (Айвазовскій); Мервъ. Виды города до присоединенія къ Россіи, состоявшагося въ 1884 г. и въ настоящее время (Каразинъ); Чарджуй,—желѣзнодорожный мостъ на Аму-Дарьѣ (1888 г.).—Видъ Бухары (Каразинъ); Батумъ.—Видъ порта послѣ упраздненія «porto franco» въ 1886 года (Лагоріо); встрѣча императора германскаго Вильгельма II въ виду Кронштадта, 7-го іюля 1888 г. (А. Беггровъ); кабинетъ Н. К. Гирса въ зданіи министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ (Премацци): дача Реттіярви на Сайминскомъ каналѣ въ Финляндіи, пріобрѣтенная Н. К. Гирсомъ лѣтомъ 1887 г. (А. Бенуа); виды изъ сада и съ балкона дачи Реттіярви; домовая церковь министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которой 24-го января 1888 г. состоялось бракосочетаніе третьяго сына Н. К. Гирса, Александра Николаевича съ Ольгою Михайловною Шидловскою (Шарлемань); портреты всѣхъ членовъ семейства Н. К. Гирса (В. Бобровъ). Всѣ эти картины находятся въ бюварѣ изъ амарантоваго дерева съ великолѣпной рѣзьбой, украшенной металлическими фигурами и орнаментами изъ темнаго кованнаго желѣза. Въ свою очередь бюваръ укрѣпленъ на подставкѣ изъ

того же дерева и съ такими же украшеніями. При поднесеніи альбома присутствовалъ почти весь составъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ залѣ находились почти всѣ члены Государственнаго Совѣта, всѣ министры, многіе сенаторы, статсъ-секретари, генералъ-адъютанты и высокопоставленныя лица. Представилась особая депутація отъ «Краснаго Креста» и депутація отъ Александравской общины сестеръ «Краснаго Креста» съ г-жею Гамбургеръ. Александровская община учреждена по иниціативѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и находится до сихъ поръ подъ постояннымъ покровительствомъ его. Тутъ же находились представители отъ Академіи Наукъ и Академіи Художествъ. Наконецъ, пріѣхали привѣтствовать юбиляра депутаты отъ Александровскаго лицея, питомцы Царскосельскаго лицея, воспитанникомъ котораго былъ Н. К. Гирсъ. Директоръ этого лицея, г. Гартманъ, прочиталъ слѣдующій адресъ: «Ваше высокопревосходительство, Николай Карловичъ! 50 лѣтъ тому назадъ совѣтъ Императорскаго Александровскаго лицея вручилъ вамъ первый дипломъ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе десятилѣтій въ различныхъ государствахъ Азіи, Африки и Европы вы неусыпно стояли на стражѣ государственныхъ интересовъ Россіи. Призванный державною волею къ осуществленію задачъ миролюбивой политики нашего отечества, вы съ неусыпной твердостью среди вооруженной Европы охраняли непоколебимо достоинство Россіи и дружественныя ея отношенія къ иностраннымъ державамъ. Александровскій лицей, привѣтствуя васъ сегодня въ знаменательный день полувѣкового служенія русской землѣ, гордится, что многотрудныя задачи внѣшней политики выполняются съ такимъ достоинствомъ однимъ изъ питомцевъ лицея». Былъ поднесенъ юбиляру вмѣстѣ съ красивымъ портфелемъ адресъ и отъ кружка дамъ. Кромѣ этихъ адресовъ юбиляръ получилъ еще массу подарковъ. Первая телеграмма была отъ его императорскаго величества государя императора. Слѣдующія телеграммы были: отъ наслѣдника цесаревича, отъ великихъ князей Георгія Александровича, Владиміра Александровича, отъ великой княгини Александры Іосифовны. Отъ иностранныхъ государей юбиляръ получилъ: привѣтственную телеграмму отъ германскаго императора Вильгельма, отъ итальянскаго короля Гумберта, шведскаго короля Оскара, короля и королевы Виртембергскихъ и великаго герцога и герцогини Мекленбургъ-Шверинскихъ. Во всѣхъ этихъ привѣтствіяхъ выражались самыя дружественныя и теплыя пожеланія Н. К. Гирсу еще долгіе годы служить на пользу своего отечества. Кромѣ телеграммъ отъ высочайшихъ особъ и иностранныхъ государей, Н. К. Гирсъ получилъ массу телеграммъ со всѣхъ концовъ Европы, Азіи, Африки, Америки и Австраліи. Вездѣ высказывались глубокія чувства уваженія къ дѣятельности юбиляра. Слѣдуетъ отмѣтить телеграмму, полученную юбиляромъ отъ князя Висмарка. Вспоминая въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ дружественныя отношенія, долгіе годы связывавшія германскаго канцлера съ Н. К. Гирсомъ, князь Висмаркъ заключаетъ свое привѣтствіе слѣдующими словами: «молю Бога о дарованіи вамъ и мнѣ силъ и здоровья, необходимыхъ намъ для хорошей службы нашимъ монархамъ, и молю Бога, чтобы личная дружба, соединяющая меня съ вами, никогда не переставала облегчать намъ эту высокую задачу». Отвѣчая на слова городского головы, упомянувшаго о заслугахъ Н. К. Гирса на поприщѣ мирнаго развитія могущества Россіи, юбиляръ выразилъ, что онъ является «исполнителемъ, вѣрнымъ исполнителемъ предначертаній его императорскаго величества и что такова была, есть и будетъ всегда его роль». Около 3-хъ часовъ въ квартиру юбиляра прибыли для принесенія личныхъ поздравленій великій князь Константинъ Константиновичъ, великая княгиня Елизавета Маврикіевна, великій князь Дмитрій Константиновичъ, принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій и принцесса Евгенія Максиміліановна Ольденбургская. Затѣмъ посланники и начальники всѣхъ иностранныхъ миссій: гер-

манскій — генералъ Швейницъ, австрійскій — Вольkенштейнъ-Тростбургъ, французскій — де-Лабулэ (спеціально прибывшій за двѣ недѣли до окончанія срока отпуска своего), великобританскій — сэръ Робертъ Моріэръ, турецкій — Шакиръ-паша, итальянскій повѣренный въ дѣлахъ маркизъ Визіо, бельгійскій посланникъ и прочіе представители всѣхъ акредитованныхъ въ Россіи государствъ.

Пушкинскія преміи. 19-го октября, въ Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности состоялось торжественное засѣданіе по присужденію пушкинскихъ премій. Засѣданіе открылось подъ предсѣдательствомъ академика Я. К. Грота. Публики собралось немного. Докладъ начался сообщеніемъ, что въ нынѣшнемъ году по соисканію пушкинскихъ премій подлежали оцѣнкѣ: 2 труда въ прозѣ, 2 сборника стихотвореній и 2 стихотворные перевода поэтическихъ произведеній. Къ разсмотрѣнію трудовъ были приглашены: профессоръ Казанскаго университета Н. Н. Буличъ, приватъ-доцентъ Московскаго университета А. Н. Веселовскій и Н. Н. Страховъ. Спеціальная комиссія, составленная сверхъ четырехъ членовъ отдѣленія, изъ К. Н. Бестужева, А. Д. Галахова, графа А. А. Голенищева-Кутузова и Д. В. Григоровича, по обсужденіи доставленныхъ рецензентами разборовъ, закрытой баллотировкой пришла къ слѣдующимъ результатамъ: трудъ Л. Н. Майкова по изданію сочиненій Батюшкова удостоенъ единогласно полной преміи въ 1,000 р., сотруднику г. Майкова В. И. Саитову по составленію примѣчаній въ этомъ изданіи присуждена поощрительная премія въ 300 р.; автору разсказовъ, изданныхъ подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ», А. П. Чехову — половинная премія въ 500 р. и, наконецъ, переводчикъ мольерова «Тартюфа» В. С. Лихачовъ признанъ заслуживающимъ почетнаго отзыва. Разборъ труда Л. Н. Майкова по изданію сочиненій Батюшкова составленъ Н. Н. Буличемъ. Упомянувъ прежде всего о роскошной внѣшности изданія, критикъ замѣчаетъ, что эти три тома почтенныхъ размѣровъ даютъ читателю всѣ произведенія, какія только сохранились въ настоящее время отъ рано-погибшаго поэта, все, что удалось собрать до сихъ поръ оставшагося неизвѣстнымъ изъ написаннаго имъ и, наконецъ, все, что можетъ служить къ объясненію какъ мало извѣстной личности поэта, такъ и его произведеній. Самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для всесторонняго изученія Батюшкова, какъ человѣка и писателя, въ этомъ изданіи является собраніе всѣхъ писемъ его; изъ нихъ цѣлая половина является въ первый разъ и даетъ, — особенно письма къ сестрѣ поэта Александрѣ Николаевнѣ. — совершенно новый матеріалъ для изученія Батюшкова. Самый существенный трудъ, употребленный на это изданіе, принадлежитъ редактору его Л. Н. Майкову. Главнымъ вкладомъ является большая вводная статья г. Майкова «О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова». Въ ней, въ изящномъ изложеніи, разсказана весьма подробно несчастная судьба русскаго поэта, все его внутреннее развитіе, его отношенія къ событіямъ и людямъ эпохи и опредѣляется въ заключеніе мѣсто и значеніе Батюшкова въ исторіи нашего литературнаго развитія. Рѣдко можно встрѣтить въ нашей наукѣ исторіи литературы такую полную всестороннюю монографію, посвященную одному изъ главныхъ представителей словесности до-пушкинскаго періода. Обширные коментаріи и біографическія сообщенія о 75 европейскихъ писателяхъ, упоминаемыхъ въ сочиненіяхъ Батюшкова, въ трудѣ г. Майкова, по словамъ рецензента, являются цѣннымъ вкладомъ въ исторію русской литературы. Изъ 75-ти біографій 35 принадлежатъ Л. Н. Майкову, остальныя 40 біографій составлены г. Саитовымъ.—Книга А. П. Чехова «Въ сумеркахъ. Разсказы и очерки» разсмотрѣна А. Ѳ. Бычковымъ. Въ этомъ сборникѣ помѣщено 16 разсказовъ. Они, какъ и прежде изданные тѣмъ же авторомъ, свидѣтельствуютъ о талантѣ въ изображеніи картинъ природы и бытовыхъ сценъ, а иногда даже въ художественной выдержанности характе-

ровъ дѣйствующихъ лицъ. Но, тѣмъ не менѣе, нельзя не пожалѣть, что дарованіе автора употреблено на такія незначительныя вещицы, которыя болѣе или менѣе носятъ слѣды случайности. Лучшіе по достоинству изъ разсказовъ тѣ, которые имѣютъ сравнительно большій объемъ. Въ отношеніи перевода г. Лихачовымъ «Тартюфа» Мольера, по отзыву А. Н. Веселовскаго, переводчикъ обратилъ вниманіе на выработку непринужденной разговорности слога, но въ то же время, не смотря на жизненность и простоту языка перевода, г. Лихачовъ придалъ произведенію какой-то національно-русскій отпечатокъ. Равнымъ образомъ, переводчикъ опустилъ или обезцвѣтилъ нѣкоторыя изъ болѣе выдающихся выраженій. Онъ недостаточно изучилъ литературу предмета. Два стихотворныхъ сборника разбиралъ Н. Н. Страховъ и нашелъ, что они не заслуживаютъ преміи, относясь къ области стихотворства, а не поэзіи. Въ послѣднее время новое стихотворство стало рости чрезвычайно быстро. Лѣтъ пять тому назадъ оно еще не бросалось сильно въ глаза: но теперь новые поэты считаются едва ли не сотнями, и мы имѣемъ до полусотни отдѣльныхъ сборниковъ, большею частью появившихся въ послѣдніе годы. Между тѣмъ, если судить по существу, то окажется, что передъ нами такое же плачевное явленіе, какъ и прежній двадцатилѣтній застой въ поэзіи. Уровень новыхъ поэтовъ очень низокъ, и они обязаны своимъ успѣхомъ только столь же низкому, или еще болѣе низкому уровню читающей публики.

Археологическое значеніе Оренбургскаго края. Членъ Московскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, Ф. Д. Нефедовъ, по приглашенію оренбургскаго губернскаго статистическаго комитета, сдѣлалъ краткое сообщеніе объ археологическомъ значеніи Оренбургскаго края на основаніи курганныхъ раскопокъ, которыя г. Нефедовъ производитъ здѣсь давно. Засѣданіе комитета было публичнымъ и состоялось въ залѣ оренбургской соединенной палаты гражданскаго и уголовнаго суда. Опредѣливъ мѣсто археологіи въ исторической наукѣ, г. Нефедовъ перешелъ къ своимъ изысканіямъ въ Оренбургскомъ краѣ и сказалъ. «Мнѣ выпало на долю счастіе положить начало археологическимъ изслѣдованіямъ въ Тургайской области на землѣ Оренбургскаго казачьяго войска и въ губерніяхъ Самарской, Оренбургской и Уфимской. Первыя мои взысканія относятся къ 1876 и 1878 годамъ; затѣмъ въ 1884 году я приступилъ къ изслѣдованіямъ Илецкаго раіона и Тургайской области; въ прошломъ и текущихъ годахъ я продолжалъ начатыя прежде работы въ указанныхъ мѣстностяхъ и включилъ треугольникъ между рѣками Ураломъ и Илекомъ, а также Бузулукскій и Новоузенскій уѣзды Самарской губерніи. Эти изслѣдованія поставили меня лицомъ къ лицу съ разными народами: въ Илецкомъ уѣздѣ Тургайской области я встрѣтился съ памятниками скиѳовъ, тевтонцевъ и чуди; въ Уфимской губерніи—съ тою же чудью и другими племенами; въ Новоузенскомъ и Бузулукскомъ уѣздахъ—съ кельтами, а на земляхъ Оренбургскаго казачьяго войска—съ монголами. Черепа монголовъ рѣзко отличаются отъ черепновъ представителей кавказской расы: первые—массивные, круглоголовые съ сильно развитыми теменными, скуловыми и челюстными діаметрами, а вторые—длинноголовые, съ болѣе развитымъ лбомъ и не выдающимися скулами. Вещи и разные предметы, находимые при скелетахъ, свидѣтельствуютъ какъ о племенномъ различіи, такъ и о степени культуры курганныхъ народовъ. На лѣвомъ берегу р. Илека я нашелъ курганъ съ каменными, бронзовыми и желѣзными орудіями: каменныя стрѣлы, кольца, привѣски съ изображеніемъ животныхъ, фигуры птицъ, служившихъ, вѣроятно, идолами, и т. п.; изъ бронзы больше всего попадались наконечники стрѣлъ, металлическія зеркала, золотыя и серебряныя серьги и т. п. Въ курганахъ по р. Уралу и въ Самарской губ. встрѣчались бронзовые сосуды, топоры (кельты), шапки, желѣзные идолы, каменные жертвенники, древніе желѣзные мечи и бронзо-

выя стрѣлы. Одинъ изъ такихъ жертвенниковъ, треножникъ, вмѣстѣ съ бронзовыми наконечниками стрѣлъ и прочими вещами былъ добытъ при раскопкахъ въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ. Масса серебрянныхъ и бронзовыхъ колецъ и перстней, ожерелій, состоящихъ изъ коралловыхъ пронизокъ, янтарныхъ и стеклянныхъ бусъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ пряжекъ и всевозможныхъ украшеній, были извлечены изъ древнихъ кургановъ. Только могилы монголъ не дали почти никакихъ вещей—одни скелеты да въ гробницахъ, у головъ покойниковъ, большіе камни, съ высѣченными на нихъ вглубь тамгами». Въ заключеніе лекторъ указалъ на важное значеніе въ доисторическія времена малоизслѣдованнаго племени Чуди. По народнымъ преданіямъ, чудь была аборигенами Оренбургскаго края; она жила въ горныхъ долинахъ Урала и по берегамъ рѣкъ и озеръ; жилищемъ ей служила землянка или пещера. Вытѣсненная съ Урала башкирами, чудь переселилась на западъ и сѣверъ, а часть ея перешла рѣку Уралъ и заселила правый берегъ рѣки Илека; есть основанія предполагать, что она впослѣдствіи занимала и южныя степи Россіи. Какъ преданія, такъ и раскопки чудскихъ могилъ показали, что этотъ народъ жилъ большими селеніями и осѣдло; онъ оставилъ послѣ себя землянки и массу кургановъ, встрѣчающихся въ огромномъ числѣ на незначительной площади. Этому племени мы обязаны развитіемъ на Уралѣ горной промышленности; отъ чуди, по всей вѣроятности, еще въ началѣ нашего историческаго существованія мы научились металлургіи и даже земледѣлію.

† 26-го августа въ британской Бирмѣ, въ селеніи, не далеко отъ Рангуна, русскій путешественникъ **графъ Рейнгольдъ Анрепъ Эльмптъ**. Покойный по происхожденію изъ прибалтійскихъ губерній, родился въ Курской губерніи въ 1834 г. и воспитывался сначала въ Ригѣ, затѣмъ въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ. Двадцати лѣтъ, произведенный въ офицеры, Анрепъ отправился на югъ и принялъ участіе въ Крымской кампаніи. Въ 1858 г. онъ вернулся обратно въ Лифляндскую губернію и, выйдя въ отставку, занялся сельскимъ хозяйствомъ. Ему давно хотѣлось заниматься этнографическими изслѣдованіями, но осуществить свои намѣренія удалось только въ 1870 г. Съ этого года до 1888, онъ почти безъ перерывовъ объѣхалъ всѣ части свѣта, не останавливаясь ни передъ лишеніями, ни передъ опасностями. Покойный выпустилъ цѣлый рядъ многотомныхъ трудовъ, въ томъ числѣ «Путешествіе по пяти частямъ свѣта», «Путешествіе по Австраліи» и проч. Скончался онъ въ Бирмѣ отъ злокачественной лихорадки, сломившей въ 8 дней эту крѣпкую, сильную и энергическую натуру.

† 21-го сентября, въ станицѣ Кокчетаевской, сибирскаго казачьяго войска, атаманъ перваго отдѣла этого войска полковникъ **Ѳедоръ Николаевичъ Усовъ**, 49 лѣтъ. По происхожденію сибирскій казакъ, онъ посвятилъ сибирскому войску всю свою служебную, разностороннюю дѣятельность. Ни одинъ сколько-нибудь серьезный вопросъ для войска за послѣднія 10—15 лѣтъ не проходилъ безъ его дѣятельнаго и всегда плодотворнаго участія. Независимо отъ служебныхъ обязанностей, генералъ-губернаторы Западной Сибири Казнаковъ, Мещериновъ и нынѣшній степной генералъ-губернаторъ Г. А. Колпаковскій часто возлагали на него порученія, касающіяся ввѣреннаго имъ края. Западно-сибирскій отдѣлъ Географическаго Общества избралъ его своимъ секретаремъ (1880—1886 гг.). Отчетъ его о состояніи сибирскаго казачьяго войска въ 1876 г., какъ образецъ для руководства былъ разосланъ по всѣмъ другимъ казачьимъ войскамъ. Такого же вниманія удостоилось и его «Статистическое описаніе сибирскаго казачьяго войска», напечатанное особою книгою. Кромѣ того, въ разное время Ѳ. Н. Усовымъ составлены «Справочная книжка о сибирскомъ казачьемъ войскѣ» и «Очерки по исторіи сибирскаго войска». Вмѣстѣ съ покойнымъ Н. Н. Балкашинымъ имъ состав-

ленъ «Хронологическій указатель событій, относящихся къ исторіи Западной Сибири, съ 1465 по 1881 г.». Не мало также въ разное время помѣщено имъ статей и замѣтокъ въ повременныхъ изданіяхъ.

† 25-го сентября, въ Ревелѣ одинъ изъ видныхъ дѣятелей Прибалтійскаго края, чиновникъ при эстляндскомъ губернаторѣ **Михаилъ Николаевичъ Харузинъ**, составившій себѣ извѣстность сочиненіемъ «Община у донскихъ казаковъ». Окончивъ Московскій университетъ, Харузинъ отправился за границу для пополненія юридическихъ знаній и слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ и Берлинѣ. По возвращеніи изъ-за границы, состоялъ секретаремъ отдѣла этнографіи московскаго Общества любителей естествознанія, но вскорѣ перешелъ на службу въ эстляндское губернское правленіе. Не смотря на кратковременное свое пребываніе въ Прибалтійскомъ краѣ, Харузинъ успѣлъ сдѣлать тамъ весьма многое; кромѣ тщательнаго изученія архивовъ края, составилъ весьма полезный для всякаго рода справокъ «Указатель хронологическій и систематическій законовъ для прибалтійскихъ губерній съ 1704 по 1888 г.». Кромѣ того, имъ изданы брошюры: «Балтійская конституція» и «Пюхтица—святое мѣсто». М. Н. Харузинъ состоялъ также редакторомъ неофиціальной части «Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», въ которыхъ, за время его редакторства, напечатано нѣсколько интересныхъ статей его о краѣ. Онъ же присылалъ «Письма съ Балтійской окраины», печатавшіяся въ нынѣшнемъ году въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Харузинъ скончался отъ брюшного тифа тридцати лѣтъ.

† 1-го октября, **Викторъ Павловичъ Ландцертъ** на 59 году; онъ отличался неутомимою дѣятельностью; имъ основана была первая въ Россіи желѣзнодорожная газета «Вѣстникъ желѣзныхъ дорогъ и пароходства». Въ 1875 г. онъ приступилъ къ изданію «Спутника по Россіи», который и до сихъ поръ выходитъ ежегодно 2 раза. Послѣднее время покойный служилъ секретаремъ правленія товарищества братьевъ Нобель.

† 11-го октября, на 79 году, вслѣдствіе четырнадцатилѣтнихъ лишеній и бѣдности, тщательно скрываемыхъ отъ соотечественниковъ, въ S. Crocce, въ Италіи, постоянная сотрудница итальянской газеты «Araldo», **княжна Маргарита Андреевна Ухтомская**, старѣйшая изъ внучекъ бывшаго владѣльца извѣстнаго приволжскаго села Лысцева, князя Ивана Михайловича Ухтомскаго, друга дѣтства императора Павла I-го. М. А. впала въ нищету потому, что довѣрила свой наслѣдственный капиталъ племяннику, сыну родной ея сестры, который, благодаря женитьбѣ, подчинился чуждому вліянію и, невозвращеніемъ денегъ теткѣ, поставилъ ее въ безвыходное положеніе,—такъ что покойная, на 70 году жизни, вынуждена была для поддержанія своего существованія, прибѣгнуть къ литературнымъ трудамъ, преимущественно въ мѣстныхъ итальянскихъ газетахъ, для которыхъ съ увлеченіемъ переводила все, относящееся до Россіи. Передъ своей кончиной она озабочена была переводомъ «Ревизора». Вообще она пользовалась большимъ авторитетомъ среди итальянскихъ литераторовъ, относившихся съ полнымъ довѣріемъ къ ея чуткому пониманію красотъ поэзіи. Къ этой неожиданной дѣятельности княжна М. А. была подготовлена образованіемъ, полученнымъ въ домѣ тетки своей.

† 20-го октября, въ маленькомъ городкѣ Семирѣченской области, Караколѣ, **Николай Михайловичъ Пржевальскій**, знаменитый путешественникъ, неутомимый изслѣдователь внутренней Азіи. Караколь, куда благополучно прибылъ покойный вмѣстѣ со своими спутниками, былъ назначенъ исходнымъ пунктомъ его новой, широко задуманной экспедиціи. Смерть сразила Пржевальскаго на самомъ рубежѣ его новаго, громаднаго дѣла. Онъ умеръ отъ возвратнаго тифа, который съ чрезвычайною быстротою сломилъ этотъ крѣпкій и здоровый организмъ, давно обтерпѣвшійся и привыкшій ко всякимъ невзгодамъ и лишеніямъ. Знаменитый путешественникъ умеръ далеко

не въ преклонномъ возрастѣ: ему было всего 49 лѣтъ. Н. М. Пржевальскій происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи; онъ родился въ 1839 г. въ усадьбѣ Отрадное, близъ Смоленска. Семья его состояла изъ трехъ братьевъ и сестры; Н. М. былъ старшій. Съ дѣтства у покойнаго замѣчалась страсть къ охотѣ, которая впослѣдствіи сослужила ему большую службу въ путешествіяхъ. Десяти лѣтъ Пржевальскій опредѣленъ былъ въ смоленскую гимназію, откуда вышелъ въ 1855 г. и поступилъ юнкеромъ въ бѣлевскій полкъ, въ 1856 г. произведенъ въ офицеры, по 1863 г. покойный былъ въ академіи генеральнаго штаба и тутъ ощутилъ призваніе путешественника. По выходѣ изъ академіи Н. М. участвовалъ въ усмиреніи польскихъ мятежниковъ, а съ 1864 г. въ продолженіе двухъ лѣтъ былъ преподавателемъ географіи въ Варшавѣ, въ мѣстномъ юнкерскомъ училищѣ. Къ 1867 г. онъ поѣхалъ въ Иркутскъ, откуда отправился въ Уссурійскій край. Экскурсіи по Уссурійскому краю, продолжавшіяся въ 1867, 1868 и 1869 г., дали покойному солидную опытность для дальнѣйшихъ предпріятій. Результатомъ этого путешествія былъ первый большой трудъ Н. М. о дальнемъ азіатскомъ Востокѣ. По возвращеніи изъ Уссурійскаго края, Пржевальскій предложилъ Русскому Географическому Обществу осуществить задуманный имъ планъ экспедиціи въ Центральную Азію. Это и было первое знаменитое путешествіе Н. М. Пржевальскаго, продолжавшееся съ 1871 по 1873 г., при чемъ экспедиціей было пройдено болѣе 11,000 верстъ и посѣщены Куку-Норъ и сѣверный Тибетъ до верховьевъ Голубой рѣки. Въ 1876 г. Пржевальскій отправился во второе путешествіе, продолжавшееся до весны 1878 года. Онъ посѣтилъ въ это время озеро Лобъ-Норъ, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстное европейцамъ. Экспедиціи было отпущено 24,740 руб. Успѣхъ ея былъ полный. Въ іюлѣ 1877 г. Пржевальскій возвратился въ Кульджу. Зоологическая и ботаническая коллекціи, собранныя во время этого путешествія, были принесены имъ въ даръ зоологическому музею Академіи Наукъ и ботаническому саду. Пробывъ два мѣсяца въ Кульджѣ, Н. М. снова двинулся въ путь, намѣреваясь проникнуть въ Тибетъ. Когда экспедиція достигла Гучена, сдѣлавъ 1,000 верстъ отъ Кульджи, путешественникъ заболѣлъ и, возвратясь въ пограничный постъ Зайсанскій, поѣхалъ въ Россію. Лѣто 1878 г. Н. М. провелъ въ своей родной деревнѣ, въ Смоленской губерніи, но въ началѣ 1879 г. вновь отправился въ путешествіе—въ Тибетъ. Средства экспедиціи были увеличены отпускомъ еще 20,000 рублей. Въ продолженіе 1879 и 1880 гг. экспедиція прошла Чжунгарію, Хамійскую пустыню, Цайдамъ, Куку-Норъ, Сѣверный Тибетъ, обслѣдовала верховья Желтой рѣки и черезъ Алашань и Гоби вернулась въ Кяхту. Результаты этого путешествія послужили предметомъ сочиненія Н. М. Пржевальскаго: «Третье путешествіе въ Центральной Азіи». Съ октября 1883 г. до ноября 1885 года покойный совершилъ свое знаменитое четвертое путешествіе, на которое отпущено было 43,480 рублей. Онъ прошелъ въ это время 7,325 верстъ караваннаго пути отъ Кяхты до истока Желтой рѣки и далѣе до рѣки Голубой. Изъ восточнаго Цайдама по совершенно неизвѣстнымъ мѣстностямъ Н. М. двинулся на Лобъ-Норъ и черезъ Хотанъ и Аксу—въ предѣлы Семирѣчья. Были собраны богатыя коллекціи (поступившія попрежнему въ даръ Зоологическому музею Академіи наукъ и Ботаническому саду), не говоря уже о массѣ добытыхъ покойнымъ важныхъ научныхъ матеріаловъ. Результатомъ этой четвертой экспедиціи покойнаго въ Центральную Азію явилось обширное сочиненіе «Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-Норъ по бассейну Тарима». Этотъ трудъ, изданный Географическимъ Обществомъ, появился лишь нынѣшней осенью. Онъ посвященъ наслѣднику цесаревичу, даровавшему 25,000 рублей на изданіе Академіею Наукъ зоологическихъ результатовъ путешествій Н. М.

Пржевальскаго. Главный районъ экспедицій покойнаго обнимаетъ собою обширныя внутреннія страны Азіи, до сихъ поръ остававшіяся совершенно неизслѣдованными. Смѣлый, энергичный и неутомимый Николай Михайловичъ Пржевальскій проникъ въ глубь дикихъ азіатскихъ пустынь, по которымъ не ступала еще нога европейца.

† Въ Одессѣ одинъ изъ первыхъ профессоровъ Новороссійскаго университета **Василій Ивановичъ Лапшинъ**. Покойный родился въ 1809 г.; первоначальное образованіе получилъ въ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ губернской гимназіи; по окончаніи университетскаго курса въ 1835 г. назначенъ профессоромъ Харьковскаго университета; для занятій по своей спеціальности (физика и физическая географія), онъ нѣсколько разъ ѣздилъ за границу и результатомъ этихъ поѣздокъ было нѣсколько очень важныхъ работъ по физикѣ и физической географіи. При открытіи Новороссійскаго университета въ 1865 г. Лапшинъ былъ назначенъ туда профессоромъ физики. Какъ ученый, В. И. оставилъ цѣлый рядъ работъ, изъ которыхъ одна напечатана въ I томѣ «Записокъ» Новороссійскаго университета («О вулканическихъ явленіяхъ близь острова Санторина»). В. И. былъ однимъ изъ учредителей «Попечительства о недостаточныхъ студентахъ Новороссійскаго университета». Оставивъ службу, В. И. большую часть времени проводилъ въ своемъ имѣніи, близь Ѳеодосіи; онъ издалъ нѣсколько учебныхъ руководствъ по физикѣ, этнографіи и алгебрѣ.

† 4-го ноября, пользовавшійся большой извѣстностью педагогъ и знатокъ родного языка, **Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ**. Онъ принадлежалъ къ той немногочисленной плеядѣ преподавателей отечественнаго языка и литературы, которая съумѣла возвысить значеніе русскаго языка и словесности. Онъ родился въ купеческой семьѣ, въ 1830 году; образованіе кончилъ въ Петербургскомъ университетѣ, со степенью кандидата, по разряду восточной словесности, въ 1850 году; вскорѣ затѣмъ онъ выдержалъ испытаніе на званіе учителя русской словесности. Въ 1852 г. В. Я. былъ назначенъ преподавателемъ спб. 3-й классической гимназіи, гдѣ и оставался до 1871 г.; въ то же время онъ преподавалъ русскій языкъ въ Маріинскомъ женскомъ училищѣ, а съ 1862 по 1867 годъ состоялъ преподавателемъ въ Маріинскомъ институтѣ. Въ 1871 году В. Я. былъ назначенъ на должность инспектора Николаевскаго сиротскаго института въ Москвѣ, которую и занималъ до 1874 г.; въ этомъ году онъ былъ причисленъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій къ IV-му отдѣленію Собственной канцеляріи. Служебная карьера его по вѣдомству Императрицы Маріи, была, къ сожалѣнію, непродолжительна. За то его литературно-педагогическая дѣятельность была весьма разносторонней и обширной. Начиная съ грамматики и кончая критическими объясненіями писателей, покойный оставилъ не мало учебныхъ пособій, служащихъ руководствомъ не только для учащихся, но и для преподавателей отечественнаго языка и словесности. Въ 1855 году имъ изданъ былъ «Высшій курсъ русской грамматики», который не устарѣлъ и до настоящаго времени. Затѣмъ слѣдовали руководства «для историческаго изученія замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы» и «для теоретическаго изученія литературы» (по образцамъ русскимъ и иностраннымъ). Замѣчательнѣйшимъ трудомъ В. Я. является книга «О преподаваніи русской литературы», внесшая живое и развивающее начало въ этомъ преподаваніи, впервые ясно доказавшая важное педагогическое значеніе историческаго изученія литературныхъ произведеній въ школѣ. Эта книга, говоритъ В. Острогорскій, наповалъ убила схоластическій методъ преподаванія родного языка и литературы и породила новую генерацію учителей, которые повели преподаваніе на разборахъ живыхъ эстетическихъ образцовъ. Дальнѣйшія сочиненія покойнаго, окончательно утвердили новый методъ, возбуждающій въ ученикахъ любовь къ литера-

турѣ и самодѣятельное критическое къ ней отношеніе; и прежняя рутина, и отупляющая схоластика въ дѣлѣ преподаванія словесности пали у насъ навсегда. Цѣлая масса учебниковъ явилась вслѣдъ за этими книгами, но вся эта масса, собственно говоря, представляетъ только дальнѣйшее развитіе или, вѣрнѣе, варіаціи и дополненія этихъ книгъ. Стоюнинъ основалъ цѣлую школу словесниковъ, которые обязаны ему всѣмъ тѣмъ, что дѣлаютъ лучшаго. Въ этихъ литературно-дидактическихъ трудахъ покойнаго главнѣйшая и неоцѣненная его заслуга. Проникнутый благороднѣйшими идеями Бѣлинскаго, передъ памятью котораго онъ благоговѣлъ, В. Я. сблизилъ школу съ жизнью и литературой, какъ ея лучшей выразительницей и наставницей, — и этого никогда не должны забыть ни русская школа, ни русская литература. Изъ другихъ трудовъ покойнаго замѣчательны критическіе разборы сочиненій русскихъ писателей (Княжнинъ), историческіе этюды о писателяхъ и дѣятеляхъ русскаго просвѣщенія (о Пушкинѣ, Шишковѣ, Пироговѣ), критическія изданія писателей, какъ «Антіохъ Кантеміръ». Цѣлый рядъ статей въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ (въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Вѣстникѣ Европы» и «Историческомъ Вѣстникѣ») посвященъ покойнымъ вопросамъ общественнаго образованія. Это не мѣшало В. Я. работать и для школы непосредственно. Такъ извѣстны его ученыя и объяснительныя изданія нѣкоторыхъ русскихъ писателей для школъ и хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Владим. Яковл. пользовался глубокимъ уваженіемъ въ средѣ педагоговъ, цѣнившихъ его знанія, опытность и педагогическій тактъ. Въ учебно-воспитательномъ мірѣ не было такого живого дѣла, на которое не откликался бы покойный съ полнымъ радушіемъ и готовностью помочь всякому доброму предпріятію, касалось ли оно элементарнаго обученія или вопросовъ высшаго образованія. Въ послѣднее время В. Я. очень усердно руководительствовалъ частной женской гимназіей, которая открыта его женой нѣсколько лѣтъ назадъ, и принималъ дѣятельное участіе въ собраніяхъ преподавателей русскаго языка съ цѣлью выработки новой программы по этому предмету. Онъ былъ первымъ педагогомъ, который счелъ необходимымъ строго и тщательно наблюдать за физическимъ воспитаніемъ дѣтей и ввелъ въ гимназіи гимнастику, преподаваемую врачами. Въ ноябрѣ нынѣшняго года предстоялъ тридцатилѣтній юбилей литературной дѣятельности покойнаго, составилась даже комиссія, занявшаяся выработкой программы чествованія Владиміра Яковлевича, но смерть неожиданно подкосила этого еще недавно крѣпкаго и здороваго человѣка, никогда въ теченіе всей своей жизни серьезно не хворавшаго. Потеря невознаградимая для русской педагогіи, лишившейся въ немъ замѣчательнѣйшаго преподавателя; для литературы, утратившей въ немъ серьезнаго изслѣдователя, для его гимназіи, которую онъ создалъ и сдѣлалъ образцовымъ воспитательнымъ заведеніемъ. Не говоримъ уже о тысячахъ его учениковъ и ученицъ, обязанныхъ ему общечеловѣческимъ развитіемъ, любовью къ родной литературѣ и серьезнымъ критическимъ къ ней отношеніемъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Письмо въ редакцію.

Г. Павлищевъ, въ отвѣтѣ своемъ на мою поправку, помѣщенную въ сентябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», указываетъ на письмо Плетнева къ Пушкину, какъ на источникъ его показанія, что портретъ

Пушкина былъ проданъ ему моею матерью. Мнѣ очень хорошо извѣстно, что Плетневъ ходатайствовалъ объ этомъ по просьбѣ Пушкина, и что моя мать согласилась отдать портретъ. Но послѣ разговора съ Плетневымъ, моя мать видѣлась съ самимъ Пушкинымъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что она отдала Пушкину его портретъ и настояла на томъ, чтобъ онъ принялъ его въ подарокъ.

Единственная цѣль моей поправки — сообщить фактъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дѣйствительно совершился.

Баронесса **Елизавета Дельвигъ.**

въ среднихъ губерніяхъ Россіи» («Географическія Извѣстія», 1850 г.).— То же въ «Горномъ Журналѣ» (1851 г., т. II).

»Die neuesten Fortschritte des Geologie in Russland» («Iahrbuch der K. K. Geologischen Reichsanstalt», Wien, 1850).

«Ueber den artesischen Brunnen in der Westbatterie bie Reval» («Buttetin de la classe physico-mathématique de l'Académie», 1850 г., т. IX).

«Разборъ сочиненія А. Шренка: «Reise durch die Tundren de Samojeden zum arktischen Uralaebirge» («Отчетъ Импер. Академіи Наукъ о XIX присужденіи Демидовскихъ наградъ», Спб., 1850 г.).

«Объ артезіанскомъ колодцѣ въ Ревелѣ и о вѣроятности достигнуть воды посредствомъ такого же колодца въ С.-Петербургѣ» («Горный Журналъ», 1851 т., т. I).

«Разборъ сочиненія д-ра Гревингка: «Beitrage zur Kenntniss der orographischen und geognostischen Bescheffenheit der Nord-West-Küste Amerikas» («Отчетъ Импер. Академіи наукъ о XX присужденіи Демидовскихъ наградъ», Спб., 1851 г.).

«Versuche die relative Wärmeleitungsfähigkeit einiger Felsarten zu ermitteln» («Bulletin de la classe physico-mathématique de l'Académie», 1851 г., т. X).

«Опыты надъ теплопроводностію нѣкоторыхъ горнокаменныхъ породъ» («Горн. Журналъ», 1851 г., т. II).

«Ueber ein in der Nähe von Moskau angelegtes Bohrloch zur Auffindung von Steinkohlenlagern» («Bulletin de la classe physico-mathématique de l'Académie», 1852 г., т. XI).

«Notiz über die Brachiopoden-Genera Aulosteges und Strophalosia» (тамъ же).

«Отчетъ объ изслѣдованіяхъ девонской полосы средней Россіи, произведенныхъ въ 1850 году» («Вѣстникъ Импер. Русскаго географическаго Общества», 1852 г., ч. V).

«Мнѣніе о геогностической картѣ проф. С.-Петербургскаго университета, С. Куторги» («Отчетъ Импер. Академіи Наукъ о XXII присуденіи Демидовскихъ наградъ», Спб. 1853 г.).

«Разборъ сочиненія А. Влангали: «Геогностическія поѣздки въ восточную часть Киргизской степи въ 1849 и 1851 годахъ» («Отчетъ Импер. Академіи Наукъ о XXIII присужденіи Демидовскихъ наградъ», Спб., 1854 г.).

«Die Salzseen Bessarabiens und der Einbruch des Schwarzen Meeres in dieselben im Iahre 1850», съ картою («Bulletin de la classe physico-mathématique de l'Académie», 1854 г., т. XVII).

«Ueber das langsame Emporsteigen der Ufer des Baltischen Meeres und die Wirkung der Wellen und des Eises auf dieselben» (тамъ же).

«Геогностическое изслѣдованіе девонской полосы средней Россіи отъ Западной Двины до города Воронежа» («Записки Русскаго географич. Общества», 1856 г., ч. XI).

«О медленномъ поднятіи береговъ Балтійскаго моря и дѣйствіи на нихъ волнъ и льда» («Горный Журналъ», 1857 г., ч. I).

«О правильныхъ трещинахъ въ нижнесилурійскомъ известнякѣ Эстляндскаго берега, разрушеніе его волненіемъ и нахожденіе асфальта въ этой формаціи» (тамъ же, ч. II).

«Разборъ сочиненій Гофмана: «Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой» («Отчетъ Импер. Академіи Наукъ о XXVI присужденіи Демидовскихъ наградъ», Спб., 1857 г.).

«Ueber die Bohrarbeiten auf Steinkohle bei Moskau und Serpuchow» («Bulletin de la classe physico-mathém. l'Académie», 1857 г., ч. XVI).

«Geognostische Bemerkungen auf einer Reise in Schweden und Norwegen» (Memoires des Sciences mathém. et physiques de l'Académie», 1858 г., ч. VII).

«Ueber artesischen Brunnen in Russland» («St.-Petersbtrger Zeitung», 1858 г.).

«Объ артезіанскихъ колодцахъ въ Россіи» («С.-Петербургскія Вѣдом.», 1858 г., № 251).

«Geognostische Untersuchung der Devonischen Schichten des Mittlern Russlands zwischen der Düna und dem Don ausgeführt im Iahre 1858». («Baer und Helmersen, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs», 1858 г.).

«Разборъ сочиненія Шмидта: «Untersuchung über die Silurische Formation von Oesel, Nord Livland und Oesel» («Отчетъ Импер. Академіи Наукъ о XXVII присужденіи Демидовскихъ наградъ», Спб., 1858 г.).

«Beschreibung einiger Massen gediegenen Kupfers, die aus russischen Bergwerken herstammen und in dem Museum des Berginstituts zu St.-Petersburg aufbewahrt werden («Bulletin de la classe physico-mathém. de l'Académie», 1859, ч. I).

«Разборъ сочиненія Моллицкаго и Антипова: «Геогностическое описаніе южной части Уральскаго хребта» («Отчетъ Импер. Академіи Наукъ о XXVIII присужденіи Демидовскихъ наградъ», Спб., 1859 г.).

«Das Olonezer Bergrevier geologisch untersucht in den Iahren 1856, 1857, 1858 und 1859», Спб., 1860 г., съ картою.

«Геогностическое изслѣдованіе Олонецкаго горнаго округа, произведенное въ 1856, 1857, 1858 и 1859 годахъ» («Горн. Журналъ», 1860 г., ч. IV).

«Die geologische Beschaffenheit des untern Narowathals und die Versandung der Narowamündung», съ двумя картами («Bulletin de l'Académie», 1860 г., ч. III).

«Die in Angriff genommenen Steinkohlenlager des Gouvernements Tula» («Mémoires de l'Académie», 1860 г., ч. III, № 9).

«Выписка изъ рапорта генералъ-маіора Гельмерсена о каменноугольныхъ мѣсторожденіяхъ Тульской и Московской губерній» («Горный Журналъ», 1860 г., ч. III).

«Vorschlag zur Anstellung palaeontologischer Nachgrabungen im südlichen Russland» («Bulletin de l'Académie», 1868 г., ч. I).

«Die Diluvialerscheinungen in Russland («Leonhard's Neues Iahbuch fur Mineralogie», 1860 г.).

«Ueber die von der Kais. Russischen Gesellschaft ausgerüstete Sibirische Expedition und Nachrichten über Magister Schmidt's Reise nach dem Amur-Gebiete» («Das Inland», 1860 г., № 2).

«Erwiderung (pro Radd-contra Romanow) (тамъ же, № 38).

«Bericht über das behauptete Seichterwerden des Asowchen Meeres», съ одною картою («Bulletin de l'Académie». 1861 г., ч. I).

«Ueber Artesische Brunnen im Allgemeinen und die Artesischen Brunnen Russlands insbesondere» («St.-Petersburger Kalender für das Iahr», 1861 г.).

«Объ артезіанскихъ колодцахъ вообще и въ Россіи въ особенности» («Мѣсяцесловъ на 1861 годъ», приложеніе 6).

«Noch ein Wort über die Tulaer Steinkohle» («Bulletin de l'Académie», 1861 г., ч. IV).

«О геогностическомъ горизонтѣ и относительной древности каменнаго угля въ Подмосковномъ краѣ» («Горный Журналъ», 1861 г., ч. I).

«Еще одно слово о Тульскомъ каменномъ углѣ» («Горный Журналъ», 1862 г., ч. I).

«Die Alexandersäule zu S.-Petersburg» («Bulletin de l'Académie», 1862 г., ч. V).— То же напечатано въ «St.-Petersburg. Zeitung», 1862 г., № 73.

«Александровская колонна въ С.-Петербургѣ» («Горн. Журналъ», 1862 г., ч. II).

«Артезіанскій колодезь въ С.-Петербургѣ» («Записки Импер. Академіи Наукъ», 1862 г., т. II, кн. 1 и 2; 1864 г., т. V, кн. 1).

«Артезіанскій колодезь въ С.-Петербургѣ» («С.-Петербургскія Вѣдом.», 1862 г., № 58).

«Der Artesische Brunnen zu St.-Petersburg» («St.-Petersburg. Zeitung», 1862 г., № 49).

«Bericht über eine zur Untersuchung des Donezkischen Steinkohlengebirges und der angrenzenden Gegenden gemachten Reise» («Bulletin de l'Académie», 1863 г., ч. VII).

«Noch ein Wort über den artesischen Brunnen in S.-Petersburg» («St.-Petersburg. Zeitung», 1863 г., № 32).

«Современное состояніе геологіи въ Россіи» («Горн. Журналъ», 1863 г., ч. II).— То же напечатано въ «Запискахъ Импер. Академіи Наукъ» (1864 г. № 3).

«Die Geologie in Russland» («Baer und Helmersen, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs», 1864 г.).

«О мѣсторожденіяхъ нефти и разработкѣ ихъ въ окрестностяхъ Керчи и Тамани» («Горный Журналъ», 1864 г., ч. IV).

«Brief an Herrn G. Rose» («Zeitschrift der Deutschen Geologischen Gesellschäft», 1864 г.).

«Der artesische Brunnen zu St.-Petersburg» («Bulletin de l'Académie», 1864 г., ч. VII).

«Артезіанскій колодезь въ С.-Петербургѣ» («С.-Петербургскія Вѣдомости». 1864 г., № 3).

«Предварительныя извѣстія о геологическихъ изслѣдованіяхъ въ Донецкомъ каменноугольномъ бассейнѣ» («Записки Импер. Академіи Наукъ», 1864 г., т. V, кн. 1).

«Der Peipus-See und die obere Narova», съ картою («Baer und Helmersen, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs», 1864 г.).

«Чудское озеро и верховье рѣки Наровы» («Приложеніе къ Запискамъ Импер. Академіи Наукъ», 1865 г., т. VII, № 2).

«О физическихъ и геологическихъ условіяхъ Петербурга» («С.-Петерб. Вѣдом»., 1865 г., № 14).

«Еще о физическихъ и геологическихъ условіяхъ Петербурга» (тамъ же, № 143).

«Ueber die geologischen und physikalischen Verhältnisse St.-Petersburgs» «(St.-Petersburg. Zeitung», 1865 г., № отъ 23-го апрѣля).

«Das Donetzer Steinkohlengebirge und dessen industrielle Zukunft» («Bulletin de l'Académie»).

«Донецкій каменноугольный кряжъ и его будущность въ промышленномъ отношеніи» («Горный Журналъ», 1865 г., ч. I).

«Отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ на Самарской Лукѣ, въ Крыму и въ Донецкомъ кряжѣ» (тамъ же).

«Геологическая карта Россіи и хребтовъ Уральскаго и Кавказскаго», съ пояснительнымъ текстомъ, Спб., 1865 г.

«О мѣсторожденіяхъ каменнаго угля въ Россіи, въ приложеніемъ карты Европейской Россіи, съ показаніемъ желѣзныхъ дорогъ и каменноугольной почвы», Спб., 1865 г.—Извлеченіе изъ этого труда (о мѣсторожденій ка-

меннаго угля въ Донецкомъ кряжѣ) напечатано въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (1865 г., № 90).
«Die Naphta in Russland» («St.-Petersburg. Zeitung», 1865 г., № отъ 14-го сентября).
«Письмо къ редактору «Горнаго Журнала» по поводу отчета г. Романовскаго о геогностическихъ изслѣдованіяхъ въ Орловской губерніи» («Горный Журналъ», 1865 г., ч. IV).
«Des gisements de charbon de terre en Russie» (Спб., 1866 г., съ картою).
«Ueber Herrn von Eichwalds Bemerkungen zu den geologischen Karten Russlands» («Bulletin de là Société Imper. des Naturalistes de la Moscou, 1866 г., ч. I).
«Die Bohrversuche zur Entdeckung von Steinkohlen auf der Samarahalbinsel und die Naphtaquellen und Schlammvulkane bei Kertsch und Taman» («Bulletin de l'Académie Imper. 1866 г., т. XI).
«Bericht an die physicalisch-mathematische Klasse über die Durchschneidung der Pallas'schen Eisenmasse» (тамъ же, 1866 г., т. X).
«О геологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ по высочайшему повелѣнію на Уралѣ въ 1865 году» («Горный Журналъ», 1866 г.).
«Die Steinkohlenformation des Urals und der enpraktische Bedeutung» («Bulletin de l'Académie» 1866 г., т. XI).
«Ueber die Bedeutung der Uralschen Steinkohlenformation und der sie begleitenden Eisenerzlager» («St.-Petersburger Zeitung», 1866 г., сентябрь).—То же перепечатано въ журналѣ: «Pharmaceutische Zeitschrift» (1867 г., № 2).
«Lettre à Mr. le Secrétaire Dr. Renard» («Bulletin de la Société Imper. des Naturalistes de Moscou 1867 г., № 2).
«Донесеніе комиссіи, назначенной физико-математическимъ отдѣленіемъ академіи по вопросу о распиловкѣ Палласова желѣза» («Записки Импер. Академіи Наукъ», 1867 г., т. XII, кн. 1).
«О значеніи палеонтологическаго изслѣдованія почвы Южно-Русскаго края» (тамъ же).
«Das Vorkommen und die Enstehung der Reisenkessel in Finnland» (Mémoires de l'Académie Imper. de Sciences», 1867 г., ч. VII).
«Объ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ Тульской и Московской губерніяхъ въ 1867 году» («Горный Журналъ», 1867 г., ч. IV).
«Die Steinkohlen des mittlern Russlands, ihre Bedeutung und ihre Zukunft» («Bulletin de l'Académie», 1867 г., ч. XII).
«Zur Frage über das behauptete Seichterwerden des Asowschen Meeres», съ литографированною таблицей (тамъ же, 1867 г., ч. XI).
«Bericht über eine Arbeit von Hrn. Magister Goebel: «Untersuchungen über den einst an der lappländischen Küste stattgefundenen Bergbau» (тамъ же, 1867 г., ч. XII).
«Ueber Meeresmuscheln aus der nördlich vom Syr-Darya liegenden Sandwüste Kara-Kum» (тамъ же, 1868 г., ч. XIII).
«Ueber devonische Steinkohle in Malöwka» (тамъ же, 1868 г., ч. XIV).
«Erinnerungen an Tomhold August von Sievezs» (Спб., 1868 г.).
«По вопросу о предполагаемомъ обмеленіи Азовскаго моря», съ чертежами («Записки Импер. Русскаго географ. Общества», 1869 г., ч. II).
«Предположеніе о преобразованіи системы метеорологическихъ наблюденій въ Россіи («Записки Импер. Академіи Наукъ», 1869 г., ч. XVI, кн. 1).
«Мнѣніе объ инструкціи по геологіи для Туркестанской экспедиціи» («Извѣстія

Императовск. Общества любител. естествознанія антропологіи и этнографіи», 1869 г., т. III, вып. 2).

«Studien über die Wanderblöcke und die Diluviolgebilde Russlands» съ десятью литографированными таблицами (Mémoires de l'Académie 1869 г., серія VII, т. XIV, № 7).

«Zur Steinkohlenangelegenheit in Russland» («St.-Petersburger Zeitung», 1869 г., № 144).

«Ueber die Braunkohlenlager bei Smela im Gouvernement Kijev und bei Ielisavetgrad im Gouvernement Cherson» («Bulletin de l'Académie«, 1870 г.).

«Отчетъ по изслѣдованію въ 1869 году мѣсторожденій бураго угля въ Кіевской и Херсонской губерніяхъ» («Горный Журналъ», 1870 г., ч. II).

«Нѣсколько словъ о каменноугольномъ промыслѣ въ Россіи» («Записки Импер. Академіи Наукъ», 1870 г., ч. XVII, кн. 1).

«Notiz über die Berge Ak-tau und Kara-tau auf der Halbinsel Mangyschlak am Ostufer des Kaspischen Meeres» («Bulletin de l'Académie, 1870 г., ч. XIV).

«Zur Steinkohlenangelegenheit in Russland» («St.-Petersburger Zeitung» 1870 г.).

«Отчетъ по изслѣдованію вопроса о выгоднѣйшемъ направленіи Уральской желѣзной дороги» («Горный Журналъ», 1871 г., ч. II).

«Замѣтка на отчетъ Туннера» (тамъ же).

«Zur russischen Steinkohlenangelegenheit» («St.-Petersburger Zeitung», 1871 г.).

«С.-Петербургскій артезіанскій колодезь» («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1872 г., № 163).

«Der St.-Petersburges Artesische Brunnen» («St.-Petersburges Zeitung», 1872 г., май).

«Серъ Родерикъ Импей Мурчисонъ», некрологъ («Записки Императ. Академіи Наукъ», 1872 г., т. XX, кн. 2).

«Sir Roderic Impey Murchison», Nekrolog («Bulletin scientifique de l'Académie», 1872 г., ч. XVII).

«О залежахъ каменнаго угля и желѣзныхъ рудъ въ Польшѣ и Донецкомъ горномъ кряжѣ и о залежахъ каменнаго угля въ Курляндіи и восточной Пруссіи» («Горный Журналъ», 1873 г., ч. III).

«Geologische Karte des Evropaeischen Russlands, sammt Erläuterungen», Спб., 1873 г

«Chiwa» («Nordische Presse», 1873 г., № 112),

«Ernst Hofmanns», некрологъ («Записки Импер. С.-Петербургскаго минералогическаго Общества», 1873 г., вторая серія, ч. VIII). — Тотъ же некрологъ помѣщенъ въ изданіяхъ: «Baltische Monatsschrift» (1873 г., августъ и сентябрь) и «Nordische Presse» (1874 г. №№ 64 и 66).

«Graf Georg Canerin» («St.-Petersburg. Zeitung», 27-го ноября 1874 г.).

«Нѣсколько соображеній о значеніи каменноугольнаго промысла въ Россіи» («Записки Импер. Академіи Наукъ», 1875 г., т. XXV, кн. 2).

«Einige Erwägungen über die Bedeutung der Steinkohlen-Industrie in Russland» («St.-Peterburg. Zeitung», январь, 1875 г.),

«Краткій отчетъ о результатахъ геологическихъ изслѣдованій, произведенныхъ въ Курляндской губерніи и въ восточной Пруссіи въ 1875 году» («Горный Журналъ», 1875 г., ч. IV).

«Ueber die Nothwendigkeit des Waldschutzes für die schiffbaren Ströme Russlands und über neue montanistische Untersuchungen und Massnahmen in Russiand» («St.-Petersburg. Zeitung» 1876 г., №№ 212 и 213).

«Bericht der zur Begutachtung der Abhandlung des Herrn Wex über die Wasse-

rabnahme in den Quellen und Srömen, eingesetzten Commission» («Bulletin de l'Académie», 1876 г., т. XIX).
«Bericht über die in den Iahren 1872 bis 1876 in den Gouvernements Grodno und Curland ausgeführten geologischen Untersuchungen zur Kenntnis de dort vorkommenden mineralischen Brennstoffe» (тамъ же, 1877 г., т. XXIII).
«Рѣчь, посвященная памяти Бэра» («Протоколы Академіи Наукъ за 1877 годъ»).
«Karl Ernst von Baer», некрологъ («Baltische Monatsschrift», 1877 г., ч. XXV).
«Beitrag zur Kenntniss der Geologischen und physiko-geographischen Verhältnisse der aralo-caspischen Niederung» («Bulletin de l'Académie», 1879 г., ч. XXV).
«Очеркъ геологіи и физической географіи Арало-Каспійской низменности» («Горный Журналъ», 1879 г., ч. IV).
«Отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ и развѣдкахъ, произведенныхъ съ 1872 до 1876 года въ губерніяхъ Гродненской и Курляндской для изученія встрѣчающихся въ нихъ мѣсторожденій минеральнаго топлива» («Горный Журналъ», 1880 г., ч. I).
«О провѣркѣ геологической пластовой карты Рязанской, Тульской и Калужской губерній, составленной горнымъ инженеромъ Струве въ 1876—1880 годахъ» («Горный Журналъ», 1882 г., ч. I).
«Geologische und Physico-geographische Beobachtugenim Olonezer Bergrevier» («Beiträge zur Kenntniss d. Russl. Reichs», 1882 г., ч. V).
«Studien über d. Wander» («Mémoirees de l'Académie», 1882 г., ч. XXX).
«Sur la géologie de la depresion Aralo-Caspienne» («Bulletin de l'Académie d. Sciences de St.-Pétersb.», 1883 г., ч. XXVIII).

Голицынъ князь, Александръ Сергѣевичъ[1], родился въ 1805 году, воспитывался въ благородномъ пансіонѣ императорскаго Александровскаго лицея; по окончаніи курса въ этомъ заведеніи (1825 г.), поступилъ въ гвардейскую артиллерію и долгое время состоялъ ординарцемъ при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ; выйдя въ отставку съ чиномъ генералъ-лейтенанта, проживалъ въ Петербургѣ, гдѣ и скончался 10-го октября.—Какъ указываютъ некрологи, покойный напечаталъ нѣсколько спеціальныхъ брошюръ по артиллерійскому дѣлу и перевелъ съ иностранныхъ языковъ подобныя же монографіи; но мы не могли отыскать ихъ въ библіотекахъ Москвы.

Гоппе, Германъ Дмитріевичъ[2], родился въ Вестфаліи (5-го іюня 1836 года), въ городѣ Гаммѣ и съ ранней юности изучилъ книжное дѣло въ Англіи, Германіи и Бельгіи; затѣмъ, съ 1861 года переселился въ Россію, занимаясь продажею книгъ у Вольфа и и Дюфура, съ 1866 года онъ открылъ свою издательскую дѣя-

---

[1]) О немъ—«Петербургскій Листокъ», 1885 г., № 280.—«Памятная книжка Импер. Александровскаго лицея на 1886 годъ», Спб., 1886 г., стр. 130.—«Библіографъ», 1886 г., № 1, стр. 14.—«Новь», 1886 г., № 1, отд. II, стр. 77.

[2]) О немъ—періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ», № 5, стр. 103—104; «Всемірная Иллюстрація», № 18, стр. 351—352 (съ портретомъ); «Историческій Вѣстникъ», кн. 5, стр. 494—495; «Живописное Обозрѣніе», № 16, стр. 254, «Новь», кн. 12, отд. II, стр. 734; «Обзоръ графическ. искусствъ», № 1, стр. 22—23 (съ портретомъ); «Московскій Листокъ», № 107.

тельность и продолжалъ ее до дня кончины — 15-го апрѣля.— Кромѣ изданія журналовъ: «Моды и Новости» (съ 1867 года), преобразованныхъ въ «Модный Свѣтъ» и «Модный Магазинъ», «Всемірной Иллюстраціи» (съ 1-го января 1869 года), «Огонька» (съ 1879 года) и «Новаго Русскаго Базара» (съ 1884 года), онъ напечаталъ: «Путеводитель по Россіи и въ особенности по Петербургу и его окрестностямъ», съ планомъ и словаремъ, сост. Бастеномъ (Спб. 1867 г.), «Адресную книгу С.-Петербурга» (Спб. 1867 г.), «Всеобщій Календарь» (Спб. 1867—1885 гг.), «Catalog der wichtigeren, hervorragenden und besseren Schriften Deutscher Literatur», 1801—1868 гг. (Спб. 1871 г., 1,061 стр.), «Альбомъ 200-лѣтняго юбилея Петра Великаго», съ текстомъ П. Н. Петрова и С. Н. Шубинскаго (Спб. 1872 г.), «Альбомъ русскихъ народныхъ сказокъ и былинъ» (Спб. 1875 г.) и «Коронаціонный Альбомъ» (Спб. 1883 г.).

Гордзинскій, Иванъ Осиповичъ [1]), воспитывался въ университетѣ св. Владиміра, по выпускѣ изъ котораго въ 1876 году отправился въ Парижъ и тамъ около четырехъ лѣтъ спеціально изучалъ глазныя болѣзни у окулиста Галензовскаго; по возвращеніи въ Россію получилъ степень доктора медицины; † въ началѣ августа въ мѣстечкѣ Соболевкѣ (Подольской губерніи).—По словамъ составителя некролога, «сочиненія Гордзинскаго по окулистикѣ обнаружили въ авторѣ большого знатока своего дѣла»; но намъ не пришлось розыскать ни одного изъ трудовъ покойнаго.

Градобоевъ, Порфирій Евѳимовичъ [2]), родился въ мѣщанской семьѣ (1816 г.), воспитывался въ 1-й московской гимназіи, но вышелъ оттуда изъ четвертаго класса; въ 1843 году былъ допущенъ къ исправленію должности учителя рисованія, черченія и чистописанія при 3-мъ московскомъ уѣздномъ училищѣ; затѣмъ преподаватель каллиграфіи въ Александровскомъ Сиротскомъ институтѣ (1844—1847 гг.), въ 3-й московской реальной гимназіи (1850—1860 гг.), въ коммерческомъ, строгановскомъ, коммисаровскомъ и мѣщанскомъ училищахъ и при московской военной семинаріи (1860—1874 гг.); послѣ того уволенъ въ отставку съ пенсіей; † 21-го октября въ Москвѣ.—Имъ изданы:

«Примѣры чистописанія», М., 1851 г.

«Учебникъ русскаго письма», М., 1852 г.

«Русскія прописи англійскаго шрифта», М., 1856 г.

«Русскія прописи, заключающія въ себѣ курсъ чистописанія и скорописи въ постепенномъ порядкѣ расположенный по новымъ методамъ Мидолли, Берлинера, Неделина и другихъ иностранныхъ калиграфовъ», М. 1858 г.

«Практическія русскія прописи, заключающія въ себѣ формы дѣловыхъ бумагъ по военному вѣдомству», М., 1866 г.

[1]) См. «Московскій Листокъ», 1885 г., № 229.

[2]) О немъ—«Московскій Листокъ», 1885 г., №№ 293, 295 и 296.

«Практическія русскія прописи, заключающія въ себѣ формы дѣловыхъ бумагъ по купеческимъ конторамъ», М., 1867 г.

«Руководство къ чистописанію для родителей, воспитателей и учителей, а также для тѣхъ лицъ, которыя желали бы безъ помощи учителя исправить свой дурной почеркъ», М., 1871 г.

«Русскія прописи, писанныя и составленныя для учениковъ низшихъ классовъ гимназій, а также для городскихъ и сельскихъ школъ», М., 1879 г.—Второе изданіе, М., 1886 г.

Гречъ, Евгенія Ивановна [1]), урожденная **Швидковская**, вторая жена Н. И. Греча, а впослѣдствіи инспектрисса с.-петербургскаго училища глухо-нѣмыхъ; † 31-го марта въ Петербургѣ.—Она печатала свои статьи подъ псевдонимомъ: «Серафима» въ «Сѣверной Пчелѣ», «Сѣверной Почтѣ» и «Сынѣ Отечества».

Гущинъ, Петръ Алексѣевичъ, докторъ медицины, † 8-го іюля въ Кіевѣ.—По указанію «Библіографа» (1886 г., № 12, стр. 180), онъ помѣщалъ статьи въ медицинскихъ журналахъ и также сотрудничалъ въ «Малярѣ». Намъ же знакома его брошюра подъ названіемъ: «Объ оспѣ и оспопрививаніи», чтеніе для войска и народа, М. 1879 г., 24 стр.

Давидовъ, Августъ Юльевичъ [2]), извѣстный профессоръ математики, родился 15-го декабря 1823 года въ Либавѣ, уѣздномъ городѣ Курляндской губерніи; первоначальное образованіе получилъ въ родной семьѣ подъ руководствомъ своего отца, доктора медицины [3]), а послѣ переѣзда съ родителями въ Москву (1839 г.) посѣщалъ классы тогдашняго института для оберъ-офицерскихъ дѣтей при Воспитательномъ домѣ; затѣмъ онъ поступилъ въ Московскій университетъ по второму философскому (теперь-физико-математическому) факультету (1841 г.) и, по окончаніи полнаго курса со степенью кандидата (1845 г.), получилъ золотую медаль за сочиненіе: «О безконечно-малыхъ качаніяхъ» [4]); послѣ того три года

[1]) О ней—«Новое Время», 1885 г., № 3266. — «Новь», 1885 г., кн. 12, стр. 784.—«Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія», 1888 г., т. CCLIX, кн. 10, приложеніе, стр. 72 («Библіографическій словарь русскихъ писательницъ, кн. Н. Голицына»).

[2]) О немъ—«Отчеты Московскаго университета» за 1850—1885 гг.—«Біографическій Словарь профессоровъ Московскаго университета», М., 1885 г., ч. I, стр. 275—276. — Періодическія изданія 1885 года: «Газета Гатцука, № 54, стр. 836; «Московскія Вѣдомости», №№ 286, 288, 296, 354, 358 и 359; «Московскій Листокъ», № 357; 1886 года: «Библіографъ», № 10, стр. 147—149; «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія», кн. 1, стр. 30—31; «Историческій Вѣстникъ», кн. 2, стр. 499.—«Рѣчь и отчетъ, читанные въ Московскомъ университетѣ», М. 1886 г., стр. 153—173.—«Извѣстія Импер. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи», М., 1887 г. т. II (приложеніе).

[3]) Его отецъ—Юлій Петровичъ Давидовъ—окончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, служилъ врачемъ при Московскомъ Воспитательномъ домѣ и скончался въ 1870 году. (О немъ—«Album academicum», Dorpat, 1853 г., стр. 91).

[4]) Этотъ первый научный трудъ Давидова остался неизданнымъ. О немъ сохранилась только любопытная рецензія проф. Брашмана въ «Отчетѣ Московскаго университета» (М., 1845 г., стр. 13—14).

постоянно занимался математическими науками, особенно аналитическою механикою, подъ руководствомъ профессора Н. Д. Брашмана; отлично подготовленный, онъ былъ удостоенъ степени магистра математики (1848 г.), свидѣтельства на право учителя того же предмета въ военно-учебныхъ заведеніяхъ (1849 г.) и мѣста адъюнкта въ Московскомъ университетѣ для преподаванія теоріи вѣроятности съ ея приложеніями (съ 8-го іюня 1850 года); вслѣдъ затѣмъ, утвержденный въ степени доктора математики и астрономіи (1852 г.), назначенъ экстраординарнымъ (1853 г.), ординарнымъ (1859 г.) и заслуженнымъ (1875 г.) профессоромъ того же университета по каѳедрѣ прикладной и чистой математики, а также деканомъ физико-математическаго факультета (1863—1873 гг. и 1878—1880 гг.); послѣ тридцатипятилѣтней службы при Московскомъ университетѣ, вышелъ въ отставку (8-го іюня 1885 года) и † 22-го декабря въ Москвѣ.—Покойный состоялъ членомъ московскаго общества испытателей природы, вице-президентомъ (1863 г.) и президентомъ (1884—1885 гг.) императорскаго общества любителей естествознанія, президентомъ императорскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній (1881 г.) и предсѣдателемъ московскаго математическаго общества (1864—1885 г.).—Его труды:

«Теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость», магистерская диссертація, М., 1848 г. — Это изслѣдованіе увѣнчано половинной Демидовской преміи.

«Ueber die Gleichgewichtslagen eines mit seiner ganzen Grundfläche in eine Flüssigkeit getauchten geraden dreiseitigen Prismas» («Журналъ Крелля», 1849 г., т. XXXVIII).

«Опредѣленіе поверхности жидкости, содержащейся въ сосудѣ», М., 1850 г. — Это изслѣдованіе, доставившее автору докторскую степень, составляло часть слѣдующаго труда.

«Теорія капиллярныхъ явленій», М., 1851 г.—Этотъ трактатъ удостоенъ половинной Демидовской преміи.

«Приложеніе теоріи вѣроятностей къ медицинѣ» («Московскій Врачебн. Журналъ», 1854 г., кн. 1).

«Sur le maximum du nombre des positions d'equilibre d'un pisme triangulaire, homogêne, plongé dans un fluide» («Bulletin phys.-mathém. de l'Acad. de Pétersbourg, 1855 г., т. XIII).

«Употребленіе выводовъ теоріи вѣроятностей въ статистикѣ» («Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія», 1855 г. т. LXXXVIII, отд. II).

«Supplément à la théorie des phénomènes capillaires», М., 1855 г.

«Теорія среднихъ величинъ съ приложеніемъ ея къ составленію таблицъ смертности», актовая рѣчь («Рѣчи и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Московск. университета», М., 1857 г., стр. 1—46).

«О книгѣ Добронравова: «Общая теорія паровыхъ машинъ» («С.-Петербургск Вѣдомости», 1858 г., № 267).

«О парахъ» и «Паровомъ котлѣ», двѣ публичныя лекціи («Вѣстникъ естественн. наукъ», 1859 г.).

«О физикѣ, изданной Н. Любимовымъ» («Русскій Вѣстникъ», 1861 г., кн. 9).

«Элементарная геометрія въ объемѣ гимназическаго курса», М., 1864, 1865, 1866, 1867, 1869, 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1878, 1881, 1883 и 1885 гг. (четырнадцать изданій).

«Біографія проф. Н. Д. Брашмана» («Математическій Сборникъ», 1886 г., т. I).

«Интегрированіе уравненій съ частными дифференціалами какого-нибудь порядка» (тамъ же).

«Начальная алгебра», М., 1866, 1867, 1868, 1870, 1871, 1872, 1875, 1877, 1879, 1883 и 1887 гг. (одиннадцать изданій).

«О геометрическомъ представленіи эллиптическихъ функцій перваго вида» («Математическій Сборникъ», М., 1867 г., т. II).

«Элементарный выводъ соотношенія между показателями и тригонометрическими функціями» (тамъ же).

«Распространеніе формулы бинома на дробные и отрицательные показатели» («Математическій Сборникъ», М., 1868 г., т. III).

«Объ эллиптическихъ интегралахъ» (тамъ же).

«Замѣчаніе объ Абелевыхъ функціяхъ» («Математическій Сборникъ», М., 1870 г., т. IV).

«Рѣчь въ публичномъ засѣданіи Математическаго Общества, 19-го февраля 1869 года» (тамъ же).

«Единство мѣръ и вѣсовъ», рѣчь на второмъ общемъ собраніи II-го съѣзда естествоиспытателей въ Москвѣ (тамъ же).

«Руководство къ ариѳметикѣ», М., 1870, 1872 и 1879 гг. (три изданія).

«О политехническомъ музеѣ» («Труды Общества любителей естествознанія 1872 г., т. X, вып. 1).

«Геометрія для уѣздныхъ училищъ, составленная по Дистервегу», М., 1873, 1876, 1878, 1882 и 1887 гг. (пять изданій).

«О физикѣ, изданной Н. Любимовымъ» («Русск. Вѣстникъ», 1874 г., кн. 1).

«Отчетъ о первомъ десятилѣтіи Общества любителей естествознанія» («Труды Общества 1874 г.», т. XIV).

«Начала тригонометріи», М., 1877, 1880 и 1885 гг. (три изданія).

«Объ одной общей формулѣ въ теоріи опредѣленныхъ интеграловъ» («Математическій Сборникъ», М., 1882 г., т. X). — Эта статья, переведенная на французскій языкъ подъ заглавіемъ: «Sur une formule générale des intégrales définies», помѣщена въ «Journal des Mathématiques pures et appliquees» (1882 г., т. VIII).

«Собраніе геометрическихъ задачъ», посмертное изданіе, М. 1888 г.

Кромѣ того, подъ редакціею самого А. Ю. Давидова, вышелъ литографированный «Курсъ по теоріи вѣроятностей» (М. 1854 г.).

Данилевскій, Николай Яковлевичъ [1]), родился 28-го ноября

---

[1]) О немъ—«Импер. С.-Петербургскій университетъ», В. Григорьева, Спб., 1870 г., стр. LXXXIV.—Періодическія изданія 1885 года: «Вѣстникъ Европы», кн. 12, стр. 943; «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія», кн. 12, стр. 206—209; «Извѣстія С.-Петербургск. Славянск. Благотворительн. Общества», № 10, стр. 457—458; «Новое Время», № 3496; «Новости», № 314; «Русь», № 20.—Періодическія изданія 1886 года: «Библіографъ», № 5, стр. 81—82; «Историческій Вѣстникъ», кн. I, стр. 255, «Московскія Вѣдомости», № 178; «Нива», № 2; «Русскій Вѣстникъ», кн. 12, стр. 783—788; 1887 г., кн. 1, стр. 9—62. — «Николай Яковлевичъ Данилевскій», некрологъ П. Н. Семенова, Спб., 1885 г., 16 стр. — «Памятная книжка Импер. Александровск. лицея», Спб., 1886 г., стр. 138—143.

1822 года; первоначальное образованіе получилъ дома и въ иностранныхъ пансіонахъ—въ Верро (Лифляндск. губерніи) и Москвѣ; затѣмъ воспитывался въ Царскосельскомъ лицеѣ (1837—1842 гг.), откуда, по окончаніи курса, поступилъ на физико-математическій факультетъ Петербургскаго университета (1842 г.) и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленъ на службу въ канцелярію военнаго министерства (съ 12-го декабря 1842 года); по выпускѣ изъ университета со степенью кандидата (1846 г.), онъ сдалъ магистерскій экзаменъ и принялъ порученіе вольно-экономическаго общества—изслѣдовать границы черноземной полосы Россіи и ея флоры; но по дѣлу Петрашевскаго былъ арестованъ въ Тульской губерніи и заключенъ въ Петропавскую крѣпость; освобожденный отъ суда по совершенной невиновности, Высочайшимъ приказомъ опредѣленъ на службу въ канцелярію вологодскаго (20-го мая 1850 года) и самарскаго (1852 г.) губернаторовъ, а затѣмъ командированъ (18-го іюня 1853 года) въ ученую экспедицію подъ начальствомъ К. М. Бэра для изслѣдованія рыболовства на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ, [1]) послѣ того, переведенный въ число чиновниковъ, состоящихъ при департаментѣ сельскаго хозяйства въ министерствѣ государственныхъ имуществъ (съ 5-го октября 1857 г.), состоялъ членомъ ученаго комитета (съ 1-го октября 1872 г.) и совѣта при томъ же министерствѣ (съ 16-го августа 1871 г. до кончины); въ этотъ періодъ жизни онъ предпринялъ нѣсколько ученыхъ путешествій: для изслѣдованія рыболовства Бѣлаго и Ледовитаго морей (1858 г.), для составленія (1861 г.) и примѣненія правилъ (1868 г.) о рыбныхъ и тюленьихъ промыслахъ, для изслѣдованія Псковскаго и Чудскаго озеръ (1862 г.), сѣверо-западныхъ озеръ (1870 г.), для изслѣдованія Кубанской дельты и состоянія рыбныхъ промысловъ въ Архангельской губерніи (1868 г.), наконецъ, въ Крымъ для составленія правилъ пользованія проточными водами и для борьбы съ филоксерой (1872 г. и 1880—1885 гг.); † 7-го ноября въ Тифлисѣ.—Онъ напечаталъ:

«Кавказъ и его горскіе жители въ нынѣшнемъ ихъ положеніи», М.. 1846 г.

«Іоахимъ Дютроше» («Отеч. Записки», 1848 г., кн. 5 и 6).

«Есть ли гдѣ конецъ свѣту?» (вмѣстѣ съ А. Оссовскимъ), Спб., 1847, 1849 гг., 1852—1859 гг., М. 1863, 1865 гг., Спб. 1868, 1877 гг. (семь изданій).

«О движеніи народонаселенія въ Россіи» («Журналъ Мин. Внутреннихъ Дѣлъ» 1852 г.).—Это изслѣдованіе увѣнчано большой преміей Жукова отъ Импер. Русскаго Географическаго Общества.

«Климатъ Вологодской губерніи» («Записки Русск. Географическ. Общества», 1853 г., кн. IX).—Этотъ трудъ, вышедшій и отдѣльно (Спб. 1853 г., 224 стр.), удостоенъ малой золотой медали отъ Импер. Русскаго Географическаго Общества.

---

[1]) См. сочиненіе К. М. Бэра: «Kaspische Studien», напечатанное въ «Mélanges Physiques et Chimiques de l'Akademie Imp. des sciences de St.-Petersbourg» (1855 г.).

«Путешествіе къ устью рѣки Эмбы» («Вѣстникъ Русск. Географическ. Общества», 1855 г., ч. XIII, кн. 1).

«Краткій очеркъ Уральскаго рыбнаго хозяйства» (тамъ же, 1858 г., ч. XXII, кн. 3).

«Отвѣтъ на статью, помѣщенную въ «Экономическомъ Указателѣ» подъ названіемъ: «Что хотятъ видѣть и чего видѣть не хотятъ» (тамъ же, 1858 г., ч. XXIII, кн. 7).

«Статистика Уральскаго рыболовства» («Журналъ Мин. Государ. Имуществъ», 1858 г., ч. LXVII).

«Разборъ книги К. Веселовскаго: «О климатѣ Россіи» («Вѣстникъ Импер. Русск. Географическ. Общества», 1859 г., ч. XXV).

«Отчеты Высочайше учрежденной экспедиціи для изслѣдованія рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ на Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ, Кубенскомъ озерѣ и въ Норвегіи за 1859—1861 годы» («Журналъ Мин. Государственныхъ Имуществъ 1860 г., т. LXXIV, кн. 6 и 8; т. LXXV, кн. 10 и 11; 1861 г., т. LXXVII и LXXVIII; 1862 г., т. LXXX, кн. 6).

«Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи», изданныя министерствомъ государственныхъ имуществъ, томъ третій: «Описаніе Уральскаго рыболовства», Спб., 1860 г., 106 стр., съ таблицею рисунковъ. — То же, томъ шестой: «Рыбные и звѣриные промыслы на Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ», Спб., 1862 г., 257 стр.

«Расколъ въ нѣдрахъ румынской національности» («Одесскій Вѣстникъ», 1863 г., № 115).

«Отчетъ по изслѣдованію экономическаго положенія Архангельской губерніи» («Правительственный Вѣстникъ», 1868 г.). — Отдѣльный оттискъ: Спб., 1868 г.

«Изслѣдованіе о Кубанской дельтѣ», съ картою («Записки по общей географіи, изданн. Импер. Русск. Географическ. Обществомъ», Спб., 1869 г., т. II, 180 стр.).—Оно удостоено большой Константиновской медали.

«Нѣсколько мыслей о русской географической терминологіи по поводу словъ: «лиманъ и ильмень» (тамъ же).

«Извлеченіе изъ письма о результатахъ поѣздки на Манычъ» (тамъ же).

«Дополненіе къ опыту областного великорусскаго словаря Даля», Спб., 1869 г., 17 стр.

«Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи», изданныя министерствомъ государственныхъ имуществъ, томъ пятый: «Статистика каспійскаго рыболовства», Спб., 1869 г., 72+150 стр.

«Россія и Европа», взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германо-романскому («Заря», 1869 г., кн. 1—6, 8—10). — Отдѣльно: Спб., 1871 г., 542 стр. и Спб., 1888 г., съ портретомъ и посмертными замѣчаніями, XXXVIII+557 стр.

«Россія и франко-германская война» («Заря», 1871 г., кн. 1).

«Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи», изданныя министерствомъ государственныхъ имуществъ, томъ восьмой: «Описаніе рыболовства на Черномъ и Азовскомъ моряхъ», Спб., 1871 г., 315 стр.—То же, томъ девятый: «Описаніе рыболовства въ сѣверо-западныхъ озерахъ», Спб., 1875 г., 151 стр.

«Конференція или даже конгрессъ» («Русскій Міръ», 1878 г., №№ 74—75).

«Общеевропейскіе интересы» (тамъ же, №№ 92, 99 и 101).

«Россія и Восточный вопросъ» («Русская Рѣчь», 1879 г., кн. 2).

«Филоксера на южномъ берегу Крыма и средства борьбы съ нею», Өеодосія. 1880 г., 29 стр.

«О пути мадьяръ съ Урала въ Лебедію» («Извѣстія Импер. Русск. Географическаго Общества, 1881 г., т. XIX).

«О конституціи» («Московскія Вѣдомости», 1881 г.).

«О борьбѣ съ филоксерою» (тамъ же, № 102).

«Отчетъ о результатахъ поѣздки за границу предсѣдателя филоксерной коммиссіи», Симферополь, 1881 г.

«Сравненіе методовъ борьбы съ филоксерою», Симферополь, 1881 г., 47 стр.

«Отчетъ о дѣятельности по уничтоженію филоксеры въ Крыму», Спб., 1882 г., стр. 97—104.

«Нѣсколько мыслей по поводу низкаго курса нашихъ бумажныхъ денегъ и нѣкоторыхъ другихъ экономическихъ явленій и вопросовъ» (Русскій Вѣстникъ», 1883 г., кн. 8 и 9).

«Происхожденіе нашего нигилизма», по поводу статьи: «Этюды господствующаго міровоззрѣнія» («Русь», 1884 г., №№ 22 и 23).

«Г. Владиміръ Соловьевъ о православіи и католицизмѣ» («Извѣстіе С.-Петербургск. Славянск. Благотворительнаго Общества», 1885 г., №№ 2 и 3).

«Дарвинизмъ», критическое изслѣдованіе, Спб., 1885 г., часть первая, 529 стр., съ семью таблицами рисунковъ и чертежей; часть вторая, 694 стр., съ 15 приложеніями (изданіе на средства М. Е. Комарова).

Уже послѣ смерти Н. Я. Данилевскаго напечатаны:

«О низкомъ курсѣ нашихъ денегъ и новыхъ источникахъ государственныхъ доходовъ», Спб., 1886 г., 200 стр.

«Экспрессія или выраженіе чувства у человѣка и животныхъ» («Русскій Вѣстникъ», 1877 г., кн. 5 и 6).

Демидовъ, князь Санъ-Донато, Павелъ Павловичъ [1]), родился 9-го октября 1839 года и воспитывался въ Петербургскомъ университетѣ по естественному отдѣленію; по окончаніи университетскаго курса со степенью кандидата (1860 г.), долгое время жилъ въ Парижѣ, потомъ служилъ при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ и городскимъ головою въ Кіевѣ; † 15-го января въ виллѣ Пратолино, близь Флоренціи.—Онъ издавалъ на свои богатыя средства газету: «Россія» и напечаталъ свою брошюру: «Еврейскій вопросъ въ Россіи» (Спб. 1883 г.).

Де-Пуле, Михаилъ Өедоровичъ [2]), родился 12-го октября 1822 года въ селѣ Хрѣнномъ (Липецкаго уѣзда, Тамбовской губер-

---

[1]) О немъ—періодическія изданія 1885 года: «Всеміри. Иллюстрація», № 6; «Всеобщая Газета», № 4 съ портретомъ; «Московскій Листокъ», № 18; «Наблюдатель», кн. 3, стр. 348—353; «Новое Время», № 3192; «Новости», № 17; «Новь», кн. 7, стр. 435; «Правительственный Вѣстникъ», № 16; «Современн. Извѣстія», №№ 17 и 29; «Свѣтъ», № 14; «Церковно-Общественн. Вѣстникъ», № 50.—«Памяти П. П. Демидова, князя Санъ-Донато», брошюра, Спб., 1885 г., 20 стр.

[2]) О немъ—«Отечеств. Записки», 1868 г., кн. 12, стр. 388—401.—«Донъ» 1871 г., № 76.—Періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ», № 10, стр. 63—66; «Историческій Вѣстникъ», кн. 10, стр. 227; «Московскія Вѣдомости», № 243;

ніи); начальное образованіе получилъ въ козловскомъ уѣздномъ училищѣ; потомъ воспитывался въ воронежской гимназіи и на историко-филологическомъ факультетѣ Харьковскаго университета; по окончаніи курса съ званіемъ дѣйствительнаго студента (1846 г.), поступилъ преподавателемъ русскаго языка и исторіи въ воронежскій кадетскій корпусъ (1848—1862 г.); оставаясь преподавателемъ, онъ былъ назначенъ тамъ же помощникомъ инспектора классовъ (1862—1865 гг.), инспекторомъ и директоромъ виленской 1-й гимназіи (1865—1868 гг.), чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній (1868—1870 гг.) и, наконецъ—инспекторомъ классовъ полтавской военной гимназіи (1870—1872 гг.); послѣ того вышелъ въ отставку, поселился въ Тамбовѣ, гдѣ и умеръ 27-го августа.—Покойный редактировалъ «Воронежскую Бесѣду», «Сборникъ статей», изданн. Глотовымъ (Спб. 1861 г.), «Воронежскія губернскія Вѣдомости» (1862—1863 гг.), «Виленскій Вѣстникъ» (1866—1868 г.) и напечаталъ слѣдующіе труды:

«Нѣсколько словъ по поводу мнѣнія г. Разина о преподаваніи русскаго языка» («Московскія Вѣдомости», 1857 г., № 29).

«Мысли объ общественномъ воспитаніи» («Атеней», 1858 г., кн. 21).

«Разборъ книги Гончарова: «Фрегатъ Паллада» (тамъ же, кн. 44).

«Рецензія книги Аксакова: «Дѣтскіе годы Багрова внука» («Московскія Вѣдомости», 1858 г., № 54).

«Воспоминаніе объ А. О. Валицкомъ, профессорѣ греческой литературы въ Харьковскомъ университетѣ» («Московскія Вѣдом.», 1859 г., № 3).—То же перепечатано въ «Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія» (1859 г., ч. CI, кн. 2).

«Вѣсти и замѣтки о книжной торговлѣ въ провинціи» («Московск. Вѣдомости», 1859 г., № 21).

«О романѣ Писемскаго: «Тысяча душъ» («Русская Бесѣда», 1859 г., кн. 2).

«Разборъ стихотвореній И. С. Никитина» («Русск. Слово», 1859 г., кн. 4).

«О брошюрѣ Срезневскаго: «Замѣчанія о первоначальномъ курсѣ русскаго языка» («Московскія Вѣдомости», 1859 г., № 141).

«Разборъ Исторической грамматики русскаго языка, изданной Буслаевымъ» («Современникъ», 1859 г., кн. 8).

«Объ украинскихъ народныхъ разсказахъ Марко-Вовчка» («Русское Слово» 1859 г., кн. 10).

«Разборъ романа Тургенева: «Дворянское гнѣздо» (тамъ же, кн. 11).

«О повѣстяхъ г-жи Кахановской» (тамъ же, кн. 12).

«Разборъ повѣстей и разсказовъ Д. В. Григоровича» («Русское Слово», 1860 г., кн. 3).

«О стихотвореніяхъ И. С. Никитина» (тамъ же, кн. 4).

«Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній, состоящіе изъ царскихъ грамотъ и другихъ актовъ XVII и XVIII столѣтій», книга первая, Воронежъ, 1861 г., 459 стр.—Эти «Матеріалы» постепенно печатались въ «Воронежскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1858 (№№ 42—52), 1859 №№ 1—7, 9—11, 39, 41—50) и 1861 годы (№№ 1—5, 8—9 и 11).

«Новое Время», № 3413; «Петербургскій Листокъ», № 235; «Русь», № 11; «Тамбовск. губ. Вѣдомости», №№ 88 и 89; «Филологическія Записки», кн. 4—5, стр. 23; «Церковно-Общественн. Вѣстникъ», № 71; «Южный Край», № 1612.

«Михаилъ Матвѣевичъ Петровъ, ветеранъ 1812 года» («Воронежская Бесѣда» на 1861 годъ, стр. 78—127).

«Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ» (тамъ же, стр. 401—432).

«Неизданное четверостишіе А. В. Кольцова» («Библіографическія Записки», 1861 г., № 16).

«О повѣсти Писемскаго: «Старческій грѣхъ» («Русск. Рѣчь« 1861 г., № 22).

«Нѣчто о подводныхъ камняхъ и утесахъ въ нашей литературѣ», по поводу романа Авдѣева (тамъ же, №№ 28 и 29).

«Нѣчто о талантѣ Марко-Вовчка« (тамъ же, № 47).

«И. С. Никитинъ», некрологъ («Московск. Вѣдом.», 1861 г., №№ 241 и 248).

«О русскомъ народномъ эпосѣ», отрывокъ изъ курсовыхъ записокъ («Филологическія Записки», 1862 г., вып. IV и V).

«О русской народной лирикѣ» (тамъ же, вып. VI).—Отдѣльный оттискъ: Воронежъ, 1863 г., 20 стр.

«Послѣдняя воля И. С. Никитина и ея исполненіе» («Воронежскія губ. Вѣдомости», 1862 г., № 9).

«О Воронежскихъ воскресныхъ школахъ» (№ 11).

«Иванъ Ивановичъ Зиновьевъ», некрологъ (№ 16).

«Замѣтка для біографіи митрополита Евгенія» (№ 18).

«Годичные экзамены въ женской Воронежской гимназіи» (№ 30).

«Общественная благотворительность въ Воронежѣ» (№№ 37 и 44).

«Замѣтка для біографіи И. С. Никитина» (№ 48).

«Василій Ивановичъ Малышевъ», некрологъ «Воронежскія губ. Вѣдомости», 1863 г., № 7).

«Два слова о памятникѣ Кольцову» (№ 9).

«Воспоминаніе о Никитинѣ» (№ 12).

«Ольдриджъ на воронежской сценѣ» (№ 23).

«Челобитная кирасира Попова въ 1765 году» («Чтеніе въ Обществѣ исторіи и древностей», 1863 г., кн. 2).

«Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности И. С. Никитина» («Русск. Архивъ», 1863 г., кн. 5—6).

«Отчетъ о занятіяхъ по устройству въ городѣ Воронежѣ публичной библіотеки» («Воронежскій Листокъ», 1864 г., №№ 3, 11—12, 14, 17 и 22).

«По поводу провинціальнаго безмолвія» («День», 1864 г., № 7).

«Нѣсколько словъ о провинціальной журналистикѣ» (№ 21).

«Матеріалы для исторіи Тамбовской губерніи и епархіи изъ окладныхъ книгъ Рязанской митрополіи XVII вѣка» («Прибавленіе къ Тамбовск. епарх. Вѣдом.», 1864 г., №№ 16—23).

«Нѣчто о школьномъ нигилизмѣ» («Воронежскій Листокъ», 1864 г., № 26).

«Неизданныя стихотворенія А. В. Кольцова» («Воронежскія губ. Вѣдомости», 1864 г., № 26). — То же перепечатано въ «Русскомъ Архивѣ» (1864 г., кн. 9).

«Письма отъ Якова Вилимовича Брюса къ княгинѣ Дарьѣ Михайловнѣ Меншиковой въ 1708 году» («Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей» 1864 г., кн. 2).

«О конкурсѣ для составленія учебника по русской исторіи» («День», 1864 г., № 36).

«О находкѣ черновыхъ тетрадей Кольцова» («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1864 г., № 141).

«По поводу толковъ о классическомъ и реальномъ образованіи» («День» 1864 г., № 49).
«О замѣчательныхъ людяхъ Воронежскаго края: «Ставровѣ и Серебрянскомъ» («Воронежскія губ. Вѣдом.», 1865 г., № 7).
«Къ вопросу о публичныхъ библіотекахъ» («День», 1865 г., №№ 19 и 32).
«Алексѣй Ивановичъ Селивановъ» («Воронежскій Листокъ», 1865 г., № 85).
«Николай Ивановичъ Второвъ» (тамъ же, № 88).
«Молитва въ саду Гевсиманскомъ», неизданное стихотвореніе И. С. Никитина («Русскій Архивъ», 1865 г., кн. 7).
«Объ изданіи П. И. Бартенева: «Русскій Архивъ» («Виленскій Вѣстникъ», 1866 г., № 64).
«Иванъ Саввичъ Никитинъ» (тамъ же, 1867 г., №№ 9—90).
«О дѣтскихъ пѣсняхъ П. Безсонова» («Петербургскія Вѣдомости», 1868 г., № 110).
«Митрополитъ Іосифъ Сѣмашко», некрологъ (тамъ же, № 326).
«О книгѣ Градовскаго: «Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи» (тамъ же, № 254).
«Крестьянское движеніе при императорѣ Павлѣ Петровичѣ и дневникъ князя Н. В. Репнина» («Русскій Архивъ», 1869 г., кн. 3).
«Послѣдній король польскій въ Гроднѣ и Литвѣ въ исходѣ XVII вѣка» (XVIII вѣкъ, изданіе П. И. Бартенева, М., 1869 г.).
«Сочиненія И. С. Никитана», два тома, Воронежъ, 1869 г. — Второе изданіе: М., 1878 г. — Четвертое изданіе[1]): М., 1885 г. — При этихъ изданіяхъ приложена біографія И. С. Никитина, написанная г. Де-Пуле и прежде напечатанная имъ въ «Филологическихъ Запискахъ» (1869 г., вып. 2 и 3).
«Старые писатели и новые педагогическіе на нихъ взгляды» («Филологическія Записки», 1869 г., вып. 4).
«Петръ Великій по исторіи Соловьева» («Петербургскія Вѣдом.», №№ 16 и 23).
«Война изъ-за Войны и мира» (тамъ же, № 144).
«О двухъ стихотвореніяхъ И. С. Никитина» (тамъ же, № 164).
«Журналъ пребыванія Е. В. короля польскаго Станислава Августа въ Гроднѣ» («Чтеніе въ Обществѣ исторіи и древностей», 1870 г., кн. 3).
«Пребываніе императора Павла въ Козмодемьянскѣ» (1798), разсказъ очевидца («Русская Старина», 1870 г., кн. 2).
«Анекдоты объ И. А. Крыловѣ» (тамъ же, кн. 4).
«Послѣдній польскій король Станиславъ Августъ Понятовскій» («Заря», 1871 г., кн. 5—7, 9—10). — Отдѣльно: Спб., 1871 г.
«Малороссійскіе эмигранты при Петрѣ Великомъ» («Вѣстникъ Европы», 1872 г., кн. 5).
«Портретъ Петра Великаго, находящійся въ Петровской военной гимназіи въ Полтавѣ» («Русская Старина», 1872 г., кн. 6).
«Нѣчто объ оскудѣніи литературныхъ талантовъ» («Петербургскія Вѣдомости», 1872 г., № 351).
«Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій», культурный очеркъ и воспоминанія изъ сороковыхъ годовъ» («Вѣстникъ Европы», 1874 г., кн. 1 и 2).
«О бракосочетаніи Карамзина» («Московскія Вѣдомости», 1876 г., № 232).

---

[1]) Третья изданіе «Сочиненій И. С. Никитина» (М. 1885 г. въ одномъ томѣ, 252 стр.) напечатано подъ редакціей С. Миропольскаго.

«Отецъ и сынъ», опытъ культурно-біографической хроники» («Русскій Вѣстн.», 1875 г., кн. 4—9).
«Къ исторіи города Тамбова» («Русскій Архивъ», 1877 г., кн. 1).
«Военно-учебный реализмъ и военно-учебная реформа» («Русскій Вѣстникъ», 1877 г., кн. 4).
«Николай Ивановичъ Второвъ» («Русскій Архивъ», 1877 г., кн. 6—8).
«Къ вопросу о военно-учебномъ реализмѣ» («Русскій Вѣстникъ», 1878 г., кн. 3).
«Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ» («Древн. и Нов. Россія», 1878 г., кн. 3—6).— Отдѣльно: Спб., 1878 г., 199 стр.
«Николай Алексѣевичъ Некрасовъ», историко-литературный очеркъ («Русскій Вѣстникъ», 1878 г., кн. 5).
«Новѣйшіе критики» («Русскій Архивъ», 1878 г., кн. 10).
«Тревожный вопросъ русской педагогіи» («Русскій Вѣстн.», 1879 г., кн. 6).
«Анекдотъ о Пушкинѣ» («Русскій Архивъ», 1879 г., кн. 9).
«П. Н. Броневскій и братья Муравьевы» (тамъ же, кн. 10).
«На память о Пушкинѣ» («Русскій Вѣстникъ», 1880 г., кн. 6).
«Къ исторіи украйнофильства» (тамъ же, 1881 г., кн. 3).
«Нигилизмъ, какъ патологическое явленіе русской жизни» (тамъ же, кн. 11).— Отдѣльный оттискъ: М., 1881 г., 53 стр.
«Къ вопросу объ украйнофильствѣ» («Русскій Вѣстникъ», 1882 г., кн. 2).
«Наше образовательное дѣло и учебная смута» («Русь», 1883 г., №№ 17—20 и 23).
«Мысли и замѣтки по образовательнымъ вопросамъ» (тамъ же, 1884 г., № 15; 1885 г., №№ 5 и 9).

Кромѣ названныхъ трудовъ, перу покойнаго Де-Пуле принадлежали мелкія статьи, помѣщенныя въ газетѣ «Новое Время» (1880—1885 гг.), и рядъ статей, подъ заглавіемъ: «Виленскія письма», безъ подписи, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1867—1868 гг.).

Долоцкій, Василій Ивановичъ [1]), сынъ протоіерея при петербургскомъ Волковомъ кладбищѣ, родился въ Петербургѣ (1813 г.), воспитывался въ мѣстной семинаріи и духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней со степенью магистра богословія (1837 г.), занялъ въ родной академіи мѣсто баккалавра французскаго языка (съ 7-го марта 1838 года), а затѣмъ каѳедру литургики (съ 18-го августа 1839 года) въ званіи экстраординарнаго (1851—1852 гг.), ординарнаго и заслуженнаго (1852—1868 гг.), соединяя съ профессурой должность секретаря петербургскаго духовно-цензурнаго комитета (съ 1850 г.) и библіотекаря академіи (съ 1854 г.); въ концѣ шестидесятыхъ годовъ вышелъ въ отставку и жилъ въ Петербургѣ до дня смерти—20-го ноября.—Его ученые труды напечатаны въ «Христіанскомъ Чтеніи» въ слѣдующемъ порядкѣ:

[1]) О немъ—«Исторія Петербургск. дух. Академіи», Чистовича, Спб., 1857 г., стр. 330, 343, 353 и 419.—Періодическія изданія 1885 года: «Волынскія епарх. Вѣдомости», № 35; «Новое Время», № 3498; «Новости» № 326; «Петербургскій Листокъ», №№ 318 и 322; «Церковно-Общественн. Вѣстникъ», №№ 102 и 103.—«Библіографъ», 1886 г., №№ 6—7, стр. 100.—«Новь», 1886 г., кн. 3, стр. 218.

«Объ исповѣди» (1842 г., ч. I).

«О значеніи и древности дѣйствій, совершаемыхъ при освященіи храмовъ» (1844 г., ч. II).

«Объ обрядахъ, совершаемыхъ при погребеніи православнаго христіанина» (1845 г., ч. III).

«О чтеніи св. Писанія при Богослуженіи» (1846 г., ч. III).

«О значеніи обрядовъ, соблюдаемыхъ православною церковью при совершеніи таинства крещенія» (1847 г. ч. I).

«О христіанскихъ храмахъ» (1847 г., ч. II, III и IV).

«О священныхъ одеждахъ» (1848 г., ч. I).

«Чинъ оглашенія въ древней церкви» (1849 г., ч. I).

«Праздникъ Рождества Христова» (1849 г., ч. II).

«Святая великая суббота» (1850 г., ч. I).

«О важности Богослужебныхъ книгъ православной церкви въ догматическомъ отношеніи» (1851 г., ч. II).

«О священныхъ сосудахъ, употребляемыхъ при Богослуженіи въ православной церкви» (1852 г., ч. I).

«Римскій новый догматъ о зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи безъ первороднаго грѣха предъ судомъ св. Писанія и преданія св. отцевъ» (1858 г., ч. I).

«Когда и кѣмъ написаны греческія службы, входящія въ составъ мѣсячной минеи» (1860 г., ч. II).

Кромѣ того, подъ редакціей покойнаго Долоцкаго, изданъ переводъ книги: «Византійскіе историки: Никиты Хоніата, Исторія, начинающаяся съ царствованія Іоанна Комнина», томъ первый (1118—1185 гг.), Спб. 1860 г., 466 стр.

Домгеръ, Валеріанъ Александровичъ [1]), горный инженеръ и штатный геологъ геологическаго комитета; † 10-го января въ Петербургѣ.—Онъ печаталъ статьи по своей спеціальности въ «Горномъ Журналѣ» [2]) «Трудахъ С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей», «Запискахъ импер. минералогическаго общества», «Извѣстіяхъ геологическаго комитета» и «Южно-русскомъ горномъ листкѣ». Сверхъ того, имъ изданы отдѣльно:

«Основныя начала горнаго искусства въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ», съ 48 политипажами въ текстѣ и съ приложеніемъ нѣмецко-русскаго техническаго словаря, относящагося до горнаго искуства, переводъ съ нѣмецк., Спб., 1878 г. (вмѣстѣ съ г. Лебедевымъ).

«Предварительный отчетъ о геологическомъ изслѣдованіи, произведенномъ лѣтомъ 1883 года», Спб., 1884 г., 32 стр.

«Очерки исторіи геологіи Донецкаго каменно-угольнаго бассейна». Харьковъ 1884 г.

---

[1]) См. «Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 180—181.—«Всеобщій Календарь» изд. Гоппе, Спб., 1886 г., стр. 490.

[2]) Напримѣръ его статья: «Геологическія наблюденія, произведенныя лѣтомъ 1876 года въ Ливенскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи и въ пограничной съ нимъ части Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи» («Горный Журналъ», 1878 г., кн. 4 и 5).

Дрекслеръ, Михаилъ Михайловичъ [1]), родился въ 1839 году среди крестьянскаго латышскаго семейства, жившаго въ мѣстечкѣ Позендорфъ (Лифляндской губерніи), и дѣтство провелъ въ нуждѣ; затѣмъ воспитывался въ рижской семинаріи и Московской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней со степенью магистра богословія (1862 г.), профессоръ рижской семинаріи и священникъ (съ 1864 года), ректоръ той же семинаріи и протоіерей (1870—1881 гг.), наконецъ—ректоръ псковской семинаріи (1881—1885 гг.); † 4-го іюня въ Ригѣ.—Онъ напечаталъ:

«О внутреннихъ миссіяхъ у протестантовъ», магистерская диссертація («Духъ Христіанина», 1863—1864 гг., кн. 6 и 9).

«О ложныхъ направленіяхъ воспитанія», Псковъ, 1882 г.

Држевецкій, Александръ Игнатьевичъ [2]), родился въ 1836 году, воспитывался въ петербургской медико-хирургической академіи и въ послѣднее время состоялъ ординаторомъ при петербургской маріинской больницѣ; † 15-го января въ Петербургѣ.—Его труды:

«Печальное положеніе народа въ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1869 г., № 328).

«Эпидемія возвратной горячки и сыпнаго тифа въ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи въ 1867—1869 годахъ» («Архивъ Судебн. Медицины», 1870 г., № 1).

«Медико-топографія Устьсысольскаго уѣзда, Вологодской губерніи» («Медико-Топографическій Сборникъ», 1871 г., т. II, стр. 451—556).

«Отъ С.-Петербурга до Россійско-норвежской границы и по его протяженію («Знаніе» 1872 г., кн. 4—5).

«Отчетъ о состояніи и дѣятельности Кавказскаго военно-временнаго № 54-го госпиталя въ минувшую войну съ Турціею» («Военно-Медицинскій Журналъ», 1880 г., кн. 10).

Евецкій, Аркадій А . . . . . [3]), родился въ 1856 году и высшее образованіе получилъ на юридическомъ факультетѣ Харьковскаго университета; по окончаніи курса кандидатомъ (1876 г.), оставленъ при томъ же университетѣ для занятія каѳедры международнаго права и командированъ въ университетъ св. Владиміра для спеціальнаго изученія гражданскаго права; затѣмъ секретарь харьковской судебной палаты (1881—1884 гг.), товарищъ-прокурора лубенскаго окружнаго суда (1884—до марта 1885 г.) и наконецъ—присяжный повѣренный кіевскаго судебнаго округа; † въ концѣ мая въ Нѣжинѣ.—Имъ напечатаны:

---

[1]) О немъ—«Исторія Московской дух. Академіи», Смирнова, М., 1879 г., стр. 245, 459 и 569: Періодическія изданія 1885 года: «Baltijas-Wehstnesis», № 126, «Волынскія епарх. Вѣдом., № 20; «Московскія Вѣдом.», № 192; «Новь», кн. 17, стр. 332; «Православн. Обозрѣніе», кн. 8, стр. 780—782; «Рижскій Вѣстникъ», № 121; «Церковно-Обществен. Вѣстникъ», № 40.

[2]) См. «Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 181.

[3]) О немъ—«Недѣля», 1885 г., № 23, стр. 859—860.

«О юридическихъ лицахъ», Кіевъ, 1876 г.
«Философская сторона владѣнія: владѣніе—право естественное», Харьковъ, 1878 г., 16 стр.
«О представительствѣ при заключеніи юридическихъ сдѣлокъ», Харьковъ, 1878 г. 62 стр.
«Начала международнаго права по ученію философской и положительной школы публицистовъ», Воронежъ, 1880 г., 24 стр.
«Задачи художественнаго творчества», Воронежъ, 1880 г., 13 стр.
«Критерій общественнаго интереса въ гражданскомъ правѣ», Воронежъ, 1883 г.

Европеусъ, Александръ Ивановичъ [1], воспитывался въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, гдѣ и окончилъ курсъ съ чиномъ X класса; † въ чинѣ прапорщика, 11-го декабря въ Петербургѣ.—Онъ сотрудничалъ, какъ корреспондентъ, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и помѣстилъ тамъ слѣдующія статьи:

«Пражскіе журналы и общественное мнѣніе Чехіи», (1864 г., № 186).
«Религіозное возрожденіе Италіи и протестантская пропаганда», (1864 г., № 178).
«Старая и новая Италія», (1864 г„ № 149).
«Католическіе монастыри и монастырская жизнь въ Италіи», (1864 г., №№ 279, 281, 288, 290 и 295).
«Нѣмцы, итальянцы и славяне въ легендахъ Фріуля», (1866 г., № 215).

Евстаѳій, въ мірѣ Николай Романовскій [2], сынъ священника Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, родился въ 1809 году, воспитывался въ Виѳанской семинаріи и Московской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней со степенью кандидата богословія (1834 г.) и послѣ постриженія въ монашество, назначенъ смотрителемъ перервинскаго духовнаго училища (1834—1838 гг.) и затѣмъ синодальнымъ ризничимъ при патріаршей библіотекѣ въ Москвѣ (1838—1850 гг.); возведенный въ санъ архимандрита, опредѣленъ настоятелемъ Серпуховскаго Высоцкаго (съ 29-го августа 1850 г. до 8-го марта 1851 года), московскихъ: Златоустова (съ 8-го марта 1851 г. до 22-го февраля 1866 года) и Симонова (съ 22-го февраля 1866 г. до 1881 года) монастырей, при чемъ нѣсколько лѣтъ состоялъ членомъ московской духовной консисторіи: наконецъ, въ 1881 году, по преклонности лѣтъ, уволился на покой и жилъ въ Симоновѣ монастырѣ до дня кончины—15-го ноября.—Его труды:

«Московскій мужскій ставропигіальный Симоновъ монастырь», М., 1869 г.
«Разговоръ между ученикомъ и катихизаторомъ при изъясненіи молитвы Господней: Отче нашъ, по руководству катихизическаго ея истолкованія отъ

---

[1]) О немъ—«Памятная книжка Импер. Александровскаго лицея на 1886 г.», Спб., 1886 г., стр. 65.—«Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 181.

[2]) О немъ—«Списки іерарховъ», Строева, Спб., 1877 г., стр. 153, 197 и 202. «Воспоминанія объ архіепископѣ Леонидѣ», изданн. архіеп. Саввою, Харьковъ, 1877 г., стр. 14.—«Исторія Московск. дух. академіи», Смирнова, М., 1879 г., стр, 544.—«Московск. Вѣдомости», 1885 г., № 319.—«Библіографъ», 1886 г., № 5, стр. 83—84.

первыхъ вѣковъ Вселенской церкви, съ приложеніемъ: о постѣ, добромъ исправленіи жизни христіанской, о первородномъ грѣхѣ и о молитвѣ вообще», М., 1869, 1870, 1874, 1875, 1876, 1877 и 1880 г. (семь изданій).

Ераковъ, Левъ Александровичъ [1]), родился въ 1839 году и, по окончаніи учебнаго курса, состоялъ профессоромъ по прикладной механикѣ въ институтѣ путей сообщенія, а за годъ предъ кончиною былъ назначенъ и членомъ совѣта при министерствѣ путей сообщенія; † 19-го октября въ Петербургѣ.—Имъ напечатаны:

«О причинахъ поломокъ шинъ», Спб., 1874 г.

«Опредѣленіе расходованія топлива паровозами», Спб., 1877 г.

«Подвижной составъ Уральской горнозаводской желѣзной дороги», съ 24 листами чертежей, Спб., 1879 г. (вмѣстѣ съ инженеромъ В. Голубевымъ).

Зарудный, Алексѣй Андреевичъ [2]), изъ дворянъ Харьковской губерніи, состоялъ въ военной службѣ, но потомъ, выйдя въ отставку, занялся литературными трудами; † 5-го января въ Петербургѣ.—Покойный, вмѣстѣ съ братомъ Н. А. Зарудным издавалъ газету: «Петербургскій Листокъ» (1866—1870 гг.) [3]) и напечаталъ слѣдующія брошюры:

«По поводу опроверженія, напечатаннаго въ № 1415 газеты: «Новое Время» правленіемъ Оренбургской желѣзной дороги», Спб., 1880 г.

«Опять объ Оребургской желѣзной дорогѣ», Спб., 1880 г.

«Какъ гибнутъ иногда люди», Спб., 1884 г.

Захаровъ, Иванъ Ильичъ [4]), родился въ 1814 году, въ селѣ Вислая Поляна (Землянскаго уѣзда, Воронежской губерніи), гдѣ его отецъ состоялъ дьячкомъ; по окончаніи курса въ Воронежской семинаріи со степенью студента (1837 г.), былъ отправленъ для высшаго образованія въ Петербургскую духовную академію; но онъ пробылъ въ послѣдней только два года (1837—1839 гг.) и поступилъ въ число студентовъ православной Пекинской миссіи, которая отправилась изъ Петербурга въ концѣ 1839 года; время пребыванія въ Пекинѣ (1840—1850 гг.) имъ было посвящено изученію

---

[1]) См. періодическія изданія 1885 года: «Новое Время», № 3467; «Новости», № 292; «Петербургск. Листокъ», №№ 286 и 288.—«Библіографъ», 1886 г., № 1, стр. 15.—«Новь», 1886 г., кн. I, отд. II, стр. 77.

[2]) О немъ—«Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 181.

[3]) По изданію «Петербургскаго Листка» ему пришлось вести процессы. Они указаны въ книгѣ Межова: «Библіографическіе матеріалы», (Спб., 1872 г., стр. 259).

[4]) О немъ—«Исторія С.-Петербургскаго университета», Григорьева, Спб., 1870 г., стр. 389—390. «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія», 1875 г., кн. 7, отд. IV, стр. 111—114; 1885 г., кн. 11, отд. IV,. стр. 94—110.—Періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ», № 12, стр. 93; «Волынск. Епарх. Вѣдомости», №№ 31 и 32; «Воронежск. Епарх. Вѣдом.», № 20; «Историч. Вѣстникъ», кн. 11, стр. 481; «Новое Время», № 3446; «Новости», № 269; «Новь», кн. 24, отд. II, стр. 809.—«Воспоминаніе объ И. И. Захаровѣ», брошюра В. Васильева, Спб., 1885 г., 19 стр.

маньчжурскаго и китайскаго языковъ; послѣ того состоялъ русскимъ консуломъ въ Кульджѣ (1850—1864 гг.), драгоманомъ V-го класса въ Петербургѣ (съ 13-го іюня 1864 г. до 28 го февраля 1866 года), наконецъ—преподавателемъ (съ октября 1868 года), экстраординарнымъ (съ 1875 года) и ординарнымъ (съ 1884 года до кончины) профессоромъ Петербургскаго университета по каѳедрѣ маньчжурскаго языка; † 26-го сентября въ Петербургѣ.—Онъ напечаталъ:

«Историческое обозрѣніе народонаселенія Китая», («Труды Пекинск. дух. миссіи». Спб., 1852 г., т. I, стр. 247—760).

«Поземельная собственность въ Китаѣ», (тамъ же, Спб., 1853 г., т. II, стр. 1—96).

«Отзывъ о Китайско-русскомъ словарѣ В. П. Васильева», («Приложеніе къ Отчету Импер. Русскаго Географическаго общества за 1870 годъ», Спб., 1871 г.).

«Полный маньчжурско-русскій словарь», Спб., 1875 г., XXX+1129 стр.—Онъ удостоенъ Константиновской медали отъ Импер. Русскаго Географическаго Общества.

«Грамматика маньчжурскаго языка», Спб., 1879 г., 346 стр.

Кромѣ того, покойнымъ составлена большая карта нашихъ владѣній, смежныхъ съ Китаемъ и Маньчжуріей, удостоенная на всемірной парижской выставкѣ почетной медали и патента.

Зейдлицъ, Карлъ Карловичъ [1]), родился 6-го марта 1798 года въ Ревелѣ и высшее образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Дерптскаго университета (1815—1820 гг.); удостоенный золотой медали (1818 г.), онъ окончилъ курсъ со степенью доктора медицины (1820 г.) и поступилъ на службу въ петербургскій морской госпиталь (1821—1823 гг.); затѣмъ ѣздилъ въ Астрахань для борьбы съ холерой (1823 г.), за границу—въ Парижъ и Монпелье (1826 г.), а затѣмъ былъ назначенъ главнымъ врачемъ 2-го корпуса дѣйствующей арміи во время турецкой кампаніи (1829 г.); по окончаніи войны, состоялъ докторомъ при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, пока не былъ утвержденъ профессоромъ терапевтической клиники при петербургской медико-хирургической академіи (1836—1847 гг.); по выслугѣ пенсіи, онъ вышелъ въ отставку и проживалъ то въ Дерптѣ, то въ своемъ имѣніи Мейерсгофѣ, купленномъ имъ у своего друга, извѣстнаго поэта В. А. Жуковскаго; † 7-го февраля въ Дерптѣ.—Покойный пріобрѣлъ себѣ имя хорошаго сельскаго хозяина и общественнаго дѣятеля. Имъ было основано «Лифляндское вольно-экономическое общество», труды

[1]) О немъ—«Album Academicum», Дерптъ, 1853 г., стр. 45. «Русск. Старина», 1883 г., кн. 1, стр. 190—191. Періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ», № 3, стр. 67—68; «Вѣстникъ Европы», кн. 3, стр. 445—446; «Журналъ мин. нар. просвѣщенія», кн. 3, стр. 94—96; «Историческ. Вѣстникъ», кн. 4, стр. 249. «Московскія Вѣдомости», № 47; «Новое Время», № 3219; «Русская Старина»; кн. 4, стр. 192.

котораго выходили при его содѣйствіи, особенно одинъ—«Нивеллировка Лифляндской губерніи». Кромѣ того, онъ напечаталъ:

«Разборъ сочиненія г. Витта: «О свойствахъ климата Валахіи и Молдавіи», («Записки по части врачебн. наукъ», 1844 г., кн. 1—4).

«Zur Erinnerung an den Türkischen Feldzug aus dem Jahre 1828—1829», Дерптъ, 1854 г.—Отрывки изъ этого труда, переведенные на русскій языкъ, напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ», (1878 г., кн. 1).

«Очеркъ поэтической дѣятельности В. А. Жуковскаго», («Журналъ мин. нар. просвѣщенія», 1869 г., т. CXLII и CXLIII, кн. 4—6).—Этотъ трудъ, въ болѣе полномъ видѣ, вышелъ на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Wasily Andrejewitsch Joukoffsky, ein russisches Dichterleben» (Mitau 1870 и второе изданіе 1872 г., 240 стр.) и снова на русскомъ языкѣ съ заголовкомъ: «Жизнь и поэзія Жуковскаго, по неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ», (Спб., 1883 г., 256 стр.).

«Предисловіе къ письмамъ В. А. Жуковскаго» («Русск. Старина», 1883 г., кн. 1).

Послѣ кончины К. К. Зейдлица, напечатано его «Открытое письмо къ проф. Н. И. Пирогову», въ переводѣ съ нѣмецкаго языка («Русск. Старина 1885 г., кн. 9).

Іаковъ, въ мірѣ Алексѣй Ивановичъ Кротковъ [1]), родился въ 1810 году, въ уѣздномъ городѣ Волоколамскѣ (Московской губерніи), гдѣ его отецъ былъ причетникомъ Воскресенскаго собора, а послѣ діакономъ въ селѣ Царевѣ; воспитывался въ московской духовной семинаріи, по окончаніи курса въ которой, со степенью студента (1836 г.), посвященъ въ санъ діакона при Московской Пятницкой церкви, что въ Охотномъ ряду, но чрезъ одиннадцать мѣсяцевъ овдовѣлъ и постригся въ монахи (1838 г.); затѣмъ—преподаватель и инспекторъ московскаго духовнаго училища, смотритель перервинскаго и дмитровскаго училищъ (1838—1846 гг.), архимандритъ—настоятель Дмитровскаго Борисоглѣбскаго (съ 9-го февраля 1847 года) и Московскаго Даніилова (съ 31-го августа 1855 года) монастырей; наконецъ, хиротонисанный въ санъ епископа Муромскаго (18-го января 1870 года), былъ викаріемъ Владимірской епархіи (1870—1884 гг) и временно (съ іюня по декабрь 1882 года) управлялъ могилевскою каѳедрой; по преклонности лѣтъ и слабому здоровью, уволенъ на покой (съ 28-го января 1884 года) съ назначеніемъ настоятелемъ Московскаго Донскаго монастыря; † 1-го декабря въ Москвѣ.—Покойный былъ основателемъ

[1]) О немъ—«Списки іерарховъ», Строева, Спб., 1877 г., стр. 199 и 205.—Періодическія изданія 1885 года: «Голосъ Москвы», № 265; «Московск. Вѣдомости», № 344; «Московск. Листокъ», №№ 335 и 337; «Петербургск. Газета», № 332; «Православн. Обозрѣніе», кн. 12, стр. 834—835; «Церковн. Вѣстникъ», № 49; «Церковно-Обществен. Вѣстникъ«, № 106.—«Епархіальныя Вѣдомости 1885 года»: «Владимірскія», № 24; «Волынскія», № 36; «Московскія», №№ 50 и 51; 1886 года: «Воронежскія», № 2; «Могилевскія», № 1.—«Библіографъ», 1886 г., № 8, стр. 115—116.—«Чтенія въ обществѣ люб. дух. просвѣщенія», 1886 г., кн. 3, стр. 198—199.—«Девятисотлѣтіе Русской іерархіи»,.М., 1888 г., стр. 34.

московской и владимірской епархіальныхъ библіотекъ, учредителемъ и первымъ предсѣдателемъ московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія (съ 1863 года), а также однимъ изъ основателей братства св. Николая въ Москвѣ. Ему принадлежатъ проповѣди, помѣщенныя во «Владимірскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», и «Благодарственное слово митрополиту Филарету» (Чтенія въ обществѣ любителей духовн. просвѣщенія 1863 г., вып. I).

Кавелинъ, Константинъ Дмитріевичъ [1]), извѣстный ученый и публицистъ, родился въ Петербургѣ 4-го ноября 1818 года; дѣтство и юность онъ провелъ среди родной семьи то въ Петербургѣ (до 1823 г.), то въ Рязани (до 1829 г.), то въ Москвѣ (съ 1829 г.), уѣзжая на лѣто въ деревню Иваново (Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губерніи); его образованіе совершалось подъ руководствомъ гувернеровъ-иностранцевъ, а послѣ—при участіи русскихъ учителей: К. А. Коссовича [2]) и В. Г. Бѣлинскаго [3]); прекрасно подготовленный, К. Д., по экзамену, поступилъ въ Московскій универ-

---

[1]) О немъ—«Отчеты Московскаго университета» съ 1844 до 1849 года.—«Біографическ. Словарь профессоровъ Московс. университета», М., 1855 г., ч. I, стр. 364—366.—«Дневникъ Т. Г. Шевченка» (Основа 1861—1862 г.).—«Портреты. Галерея русскихъ дѣятелей», изд. А. Мюнстера, (Спб., 1869 г., т. II).—«С.-Петербургск. университетъ», Григорьева, Спб. 1870 г., стр. 158—159.—«Литературныя воспоминанія И. И. Панаева», Спб., 1876 г., стр. 250—251.—«Dizionario biografico degli scrittori contemporanei», Г. Де-Губернатиса, (Firenze, 1879 г., стр. 582).—«К. Д. Кавелинъ», брошюра, Спб., 1885 г., 52 стр.—Періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ», № 6, стр. 124; № 10, стр. 59—61; «Волжск. Вѣстникъ», № 102; «Волынск. епарх. Вѣдом.», № 16; «Восточн. Обозрѣніе», № 19; «Всемірн. Иллюстрація», № 21 (съ портретомъ); «Вѣстникъ Европы», кн. 6, стр. 787—820; кн. 8, стр. 656—665; «Газета Гатцука», №№ 18 и 19; «Голосъ Москвы», № 125; «Дневникъ писателя», изд. Аверкіева, № 7—8; «Журналъ гражданск. и уголовн. права», кн. 7, стр. 145—150; «Журналъ мин. нар. просвѣщенія, кн. 6, стр. 78—80; «Живописн. Обозрѣніе», № 19 (съ портретомъ); «Историческ. Вѣстникъ», кн. 6, стр. 1—8 (съ портретомъ); кн. 8, стр. 295—297; «Колосья», кн. 5, стр. 369—370; «Московск. Церковн. Вѣдомости», № 46; «Нива», № 23 (съ портретомъ); «Новости», №№ 272, 277 и 280; «Недѣля», № 18, стр. 665; № 19, стр. 697—700; 710—716; «Новь», кн. 14, стр. 248—249; «Русская Мысль», кн. 5, стр. I—II; кн. 11, стр. 160—194; «Русск. Старина», кн. 6, стр. 649—660; «Русск. Архивъ», кн. 6, стр. 335—336; «Русск. Вѣдомости», №№ 123 и 128; «Сибирск. Вѣстникъ», № 1; «Церковн. Вѣстникъ», № 19: «Церковно-Обществен. Вѣстникъ», № 39; «Юридическ. Вѣстникъ», кн. 6—7, стр. 205—221.—«Сѣверн. Вѣстникъ», 1886 г., кн. 5, стр. 1—26.—«Русская Старина», 1886 г., кн. 3, стр. 764—765; кн. 5, стр. 358, 461—462; кн. 8, стр. 366—368; «Вѣстникъ Европы», 1886 г., кн. 5, стр. 5—30; кн. 6, стр. 445—491; кн. 7, стр. 21—38. кн. 8, стр. 539—564; кн. 10, стр. 731—758; кн. 11, стр. 162—194; 1887 г., кн. 2; стр. 608—645; кн. 4, стр. 457—488; кн. 5, стр. 5—32; кн. 8, стр. 765—776; 1888 г., кн. 5, стр. 5—51.—Эти послѣднія статьи, напечатанныя въ «Вѣстникѣ Европы», даютъ наиболѣе полныя и точныя свѣдѣнія о К. Д. Кавелинѣ.

[2]) О немъ см. нашъ «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», Спб., 1887 г., вып. III, стр. 43—45.

[3]) См. книгу А. Пыпина: «В. Г. Бѣлинскій», Спб., 1876 г., томъ I, стр. 140—142.

ситетъ на 1-е отдѣленіе философскаго (нынѣ историко-филологическаго) факультета (въ августѣ 1835 года), но скоро, именно въ ноябрѣ, перешелъ на юридическій факультетъ, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата (1839 г.), золотою медалью за сочиненіе на заданную тему: «О римскомъ владѣніи» и правомъ начать службу въ мѣстахъ высшаго управленія; по выпускѣ изъ университета, выдержалъ экзаменъ на степень магистра гражданскаго права (1840 г.), а затѣмъ началъ службу въ департаментѣ министерства юстиціи (съ 20-го сентября 1842 года); послѣ защиты магистерской диссертаціи (24-го февраля 1844 года), опредѣленъ исправляющимъ должность адъюнкта въ Московскій университетъ по каѳедрѣ исторіи русскаго законодательства (съ мая 1844 года), а черезъ два года (въ іюлѣ 1846 года) утвержденъ адъюнктомъ; послѣ четырехлѣтняго (1844—1848 гг.) преподаванія, вышелъ изъ университета [1]), переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ (въ сентябрѣ 1848 года) въ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ «редакторомъ городского отдѣленія»; отсюда перешелъ въ штабъ военно-учебныхъ заведеній начальникомъ воспитательнаго отдѣленія (1850—1857 гг.) и въ то же время состоялъ начальникомъ отдѣленія въ канцеляріи комитета министровъ (1853—1857 гг.); затѣмъ преподаватель энциклопедіи законовѣдѣнія покойному цесаревичу Николаю Александровичу (1857—1858 гг.) и исправляющій должность ординарнаго профессора по каѳедрѣ гражданскаго права въ Петербургскомъ университетѣ (1857—1861 г.); по выходѣ изъ послѣдняго, министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинымъ былъ командированъ за границу для изученія состоянія западно-европейскихъ университетовъ (1862—1864 гг.), а по возвращеніи изъ командировки служилъ юрисконсультомъ при министерствѣ финансовъ (съ декабря 1864 года до кончины) и профессоромъ гражданскаго права въ военно-юридической академіи (съ 3-го сентября 1878 года до смерти); † 3-го мая въ Петербургѣ.— Учено-литературная дѣятельность покойнаго представляется въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

1841 г.: «О теоріяхъ владѣнія» («Юридическ. Записки», изданн. П. Рѣдкинымъ, М., томъ первый).—Эта статья передѣлана изъ вышеназваннаго труда, увѣнчаннаго золотою медалью (въ 1839 году).

1842 г.: «Устройство гражданскихъ судовъ отъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича до Петра Великаго» («Юридическ. Записки», изданн. П. Рѣдкинымъ, М., томъ второй).—Эта статья—отрывокъ изъ магистерской диссертаціи.

1844 г.: «Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства, въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ», М., (диссертація на степень магистра гражданскаго законодательства).

---

[1]) Причиною этого выхода считаютъ временный разрывъ проф. Н. И. Крылова съ своей супругой, сестрой жены Кавелина.

1845 г.: «Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ и введеніе нѣмецкихъ колонистовъ» («Сборникъ историческ. и статистическ. свѣдѣній о Россіи, изданн. Д. Валуевымъ, М., томъ первый, ч. I).

«Рецензія на Синбирскій сборникъ, изданный Д. Валуевымъ» («Отечественныя Записки», кн. 7).

1846 г.: «Разборъ Сборника историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи, изданнаго Д. Валуевымъ» («Отечественн. Записки», кн. 7).

«Объ изданіи Калачова: «Текстъ Русской Правды» (тамъ же, кн. 11).

«Критика на книгу Соловьева: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» («Отечественн. Записки», кн. 12).

1847 г.: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи» («Современникъ», кн. 1).

«Взглядъ на русскую литературу по части русской исторіи въ 1845 году» («Отечественн. Записки», кн. 1).

«Объ историко-критическихъ отрывкахъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ Погодина» (тамъ же, кн. 1 и 3).

«Разборъ книги Калачова: «Изслѣдованія о Русской Правдѣ» (тамъ же, кн. 2).

«О Чтеніяхъ въ Импер. обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ» («Современн.», кн. 5).

«О Памятникахъ, изданныхъ временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ» (тамъ же).

«О Рѣчахъ и отчетѣ, читанныхъ въ Московскомъ университетѣ 17-го іюня 1847 года» («Отечественн. Записки», кн. 7),

«Критическая статья о книгѣ Соловьева: «Исторія родовыхъ отношеній между русскими князьями Рюрикова дома» («Современн.», кн. 8 и 12).—Конецъ этой статьи былъ помѣщенъ въ слѣдующемъ году (1848 г., кн. 5).

«Отвѣтъ Москвитянину» («Современн.», кн. 12).—Этотъ отвѣтъ вызванъ статьей: «О мнѣніяхъ «Современника», напечатанной въ «Москвитянинѣ» и подписанной: «М... З... К...» (псевдонимомъ Ю. Ѳ. Самарина).

1848 г.: «Разборъ книги А. Лакіера: «О вотчинахъ и помѣстьяхъ» («Современникъ», кн. 8).

«О книгѣ Фундуклея: «Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи» («Отечественн. Записки», кн. 8).

«О сочиненіи Терещенка: «Бытъ русскаго народа» («Современн.», кн. 9—12).

«Рецензія на книгу Рождественскаго: «Руководство къ россійскимъ законамъ» (тамъ же, кн. 10).

«Объ изслѣдованіяхъ Круга, относящихся до древней русской исторіи» («Отечественн. Записки», кн. 12).

1849 г.: «Разборъ книги М. Михайлова: «Исторія образованія и развитія системы русскаго гражданскаго судопроизводства» («Современн.», кн. 2).

«Рецензія на книгу Рождественскаго: «Обозрѣніе внѣшней исторіи русскаго законодательства» («Современн.», кн. 3).

«Ремесленная богадѣльня и вообще управленіе ремесленнымъ сословіемъ въ Петербургѣ» («С.-Петербургск. Полицейск. Вѣдом.», № 173).

1850 г.: «Нѣкоторыя извлеченія изъ собираемыхъ въ Импер. Русскомъ Географическомъ обществѣ этнографическихъ матеріаловъ о Россіи, съ замѣтками объ ихъ многосторонней занимательности и пользѣ для науки» («Географическ. Извѣстія», выдаваемыя отъ Русскаго Географическ. общества, вып. 2).

«О сочиненіи А. Тюрина: «Общественныя и земскія отношенія въ древней Руси» («Отечественн. Записки», кн. 4).
«По поводу книги Полѣнова: «Библіографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей» (тамъ же).
«Объ архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изданн. Калачовымъ» (кн. 5).
«Объ описаніи Государственнаго архива старыхъ дѣлъ, изданн. Ивановымъ» (кн. 7).
«Разборъ монографіи В. Шульгина: «О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго» (кн. 8).
«Рецензія на сочиненіе П. Павлова: «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова» (кн. 9).
1851 г.: «О статьѣ Аѳанасьева: «Вѣдунъ и вѣдьма» («Отечественныя Записки», кн. 6).
«Объ изданіи кн. М. Оболенскаго: «Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго» (кн. 8).
«Рецензія сочиненія Троцины: «Исторія судебныхъ учрежденій Россіи (кн. 10).
«О первомъ томѣ Исторіи Россіи Соловьева» (кн. 12).
1853—1854 г.: Въ теченіе этихъ лѣтъ К. Д. Кавелинъ издалъ по порученію Географическаго общества «Этнографическій Сборникъ» (Спб., 1853 г., вып. I; Спб., 1854 г., вып. II),
1856 г.: «Разборъ книги Б. Чичерина: «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ» («Отечественн. Записки», кн. 12).
«О кончинѣ Петра Васильевича Кирѣевскаго» («С.-Петербургск. Вѣдом.», № 242).
1857 г.: «Отчетъ Импер. Вольно-Экономическаго общества за 1856 годъ» («Труды Импер. Вольно-Экономическ. общества», кн. 3).—Затѣмъ этотъ «Отчетъ» вышелъ отдѣльною брошюрою (Спб., 1857 г., 103 стр.).
«Слуга», современный физіологическій очеркъ («Русск. Вѣстникъ», кн. 5).
1858 г.: «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта», извлеченіе изъ записки объ освобожденіи крестьянъ («Современн.», кн. 2 и 3).—Эта статья явилась безъ подписи автора.
«О кончинѣ Александра Андреевича Иванова» («Русск. Вѣстникъ», кн. 13).
1859 г.: «Замѣтка о подрядахъ и поставкахъ» («Архивъ истор. и практич. свѣдѣній о Россіи, изданн. Н. Калачовымъ», М., кн. I).
«Взглядъ на русскую сельскую общину» (Атеней, кн. 2).
«Сочиненія К. Д. Кавелина, изданныя К. Солдатенковымъ и Н. Щепкинымъ, М., четыре части.—Въ первой части помѣщены разсужденія, изслѣдованія и извлеченія; во второй и третьей—критическія статьи и рецензіи, а въ четвертой—критическія статьи и разсужденія, относящіяся къ народному быту. Но въ это собраніе не вошли нѣкоторыя статьи, выше названныя нами.
1860 г.: «Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія и сравненіе теперешняго законодательства объ этомъ предметѣ съ римскимъ, французскимъ и прусскимъ» («Современн.», кн. 2).—Это рѣчь, произнесенная авторомъ на торжественномъ актѣ Петербургскаго университета (8-го февраля 1860 года) и тогда же вышедшая отдѣльною брошюрою (Спб., 1860 г., 88 стр.). Она вызвала разборъ А. В. Лохвицкаго («Отечеств. Записки», 1861 г., кн. 1), на что авторъ рѣчи помѣстилъ отвѣтъ въ «Современникѣ» (1861 г., кн. 2).

«Объ учетѣ досрочныхъ платежей по обязательствамъ» («Юридическій Журналъ», кн. 3).

«Письма изъ деревни» («Московск. Вѣдом.», №№ 192 и 194).—Эти письма касались посѣвовъ и положенія крестьянъ въ Новоузенскомъ и Никаевскомъ уѣздахъ Самарской губерніи.

1861 г.: «Паспорты въ Россіи» («Вѣкъ», №№ 1, 3 и 4).

«Отмѣна старыхъ ярмарочныхъ обычаевъ въ отзейскихъ губерніяхъ» (№ 5).

«Заселеніе помѣщичьихъ земель Крыма» (№ 8).

«Мировые посредники» (№ 7).—Эта же статья перепечатана въ журналѣ: «Сельское Хозяйство» (1861 г., № 7).

1862 г.: «Дворянство и освобожденіе крестьянъ», (Берлинъ, 68 стр.).—Эта брошюра, безъ имени автора, издана книгопродавцемъ Бэромъ.

«Записка по поводу годового собранія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ» («С.-Петербургск. Вѣдомости», № 43).

«Объ ограниченіи гражданской правоспособности въ Россіи по состояніямъ и званіямъ» («Журналъ мин. юстиціи», кн. 3).

«Объ организаціи учебной части во Франціи» («Журналъ мин. нар. просвѣщенія», кн. 5 и 11).—Это—извлеченія изъ писемъ, писанныхъ авторомъ изъ Парижа къ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, А. В. Головнину, отъ 3-го (15-го) мая и 4-го (16-го) октября 1862 года.

«Очеркъ французскаго университета» («Журналъ мин. нар. просвѣщенія», кн. 6, 7 и 11).

1863 г.: «Свобода преподаванія и ученія въ Германіи» («Журналъ мин. народнаго просвѣщенія», кн, 3 и 4).

«Извлеченіе изъ письма отъ 25-го марта (6-го апрѣля) 1863 года изъ Тюбингена», Спб., 27 стр.

«Замѣтки о Новоузенскомъ краѣ Самарской губерніи» («С. Петербургск. Вѣдомости», № 216).

«Чего желательно для Россіи: новаго свода или уложенія?» (тамъ же, № 223).

1864 г.: «Что есть гражданское право, и гдѣ его предѣлы?» Одинъ изъ современныхъ юридическихъ вопросовъ, Спб., 152 стр.—Эта брошюра составилась изъ статей, напечатанныхъ подъ тѣмъ же заголовкомъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1864 г., №№ 3, 14, 18, 24, 31 и 37).

«По поводу губерскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій», Спб., 66 стр.—Это—отдѣльный оттискъ статей, помѣщенныхъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1864 г., №№ 49, 51 и 53).

1865 г.: «Устройство и управленіе нѣмецкихъ университетовъ» («Русск. Вѣстникъ», кн. 2—4).

«Мысли о современныхъ научныхъ направленіяхъ», Спб.—Эта брошюра вызвана диссертаціей г. Неклюдова: «Уголовно-статистическіе этюды». Она сначала, въ видѣ критическихъ статей, появилась въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1865 г., №№ 132—133).

1866 г.: «Сборникъ статей о конституціонномъ началѣ», сочиненіе бар. Гакстгаузена, переводъ съ нѣмецкаго, Спб., часть вторая, съ предисловіемъ.

«Мысли и замѣтки о русской исторіи» («Вѣстникъ Европы», кн. 2).—Эта статья написана по поводу «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», С. Соловьева и «Исторіи царствованія Петра Великаго», Н. Устрялова.

«Съ Волги» («Русск. Инвалидъ», № 254).

1868 г.: «Нѣмецкая современная психологія», по поводу книги М. Троицкаго: «Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи» («Вѣстникъ Европы», кн. 1).

1872 г.: «Задачи психологіи» («Вѣстникъ Европы», кн. 1—4).—Этотъ замѣчательный трудъ, сначала помѣщенный въ журналѣ, вышелъ и отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ: «Задачи психологіи, соображенія о методахъ и программѣ психологическихъ изслѣдованій», Спб., 1872 и 1883 гг. (два изданія).

«Разборъ сочиненія Д. Корсакова: «Меря и Ростовское княжество» («С.-Петербургск. Вѣдомости», № 102).

«Некрологъ Н. А. Милютина» («Вѣстникъ Европы», кн. 3).—Этотъ некрологъ подписанъ: «П. В.».

«Письмо въ редакцію, по поводу книги: «Задачи психологіи» («С.-Петербургск. Вѣдомости», № 307).

1873 г.: «Куяльницко-Ходжибейскій соляной промыселъ» («Юридическ. Вѣстникъ», кн. 3—4, 10—11).—Окончаніе этой статьи напечатано въ слѣдующемъ году (кн. 3).

«Изъ деревенской записной книжки» («С.-Петербургскія Вѣдомости», №№ 259, 260 я 264), за подписью: «Ивановскій».

1874 г.: «Психологическая критика» («Вѣстникъ Европы», кн. 3—6 и 9).—Эти статьи вызваны замѣчаніями проф. Сѣченова на книгу: «Задачи психологіи».

1875 г.: «Чѣмъ намъ быть?» Отвѣтъ редактору газеты: «Русскій Міръ«, въ двухъ письмахъ, Берлинъ (анонимно).

«Апріорная философія или положительная наука? По поводу диссертаціи В. Соловьева», Спб., 48 стр.

«Кризисъ западной философіи», Спб., 48 стр.

«Психологическая критика»: замѣчанія Ю. Ѳ. Самарина на книгу: «Задачи психологіи» («Вѣстникъ Европы», кн. 5—7).

«По поводу полемики В. Лесевича и В. Соловьева» («Недѣля», № 15).

«Бѣлинскій и послѣдующее движеніе нашей критики» (тамъ же, № 40).

«Возможно ли метафизическое знаніе?» (Тамъ же, № 42).

1876 г.: «Разборъ книги Е. Якушкина: «Обычное право» («Недѣля», № 3—7).

«Общинное владѣніе», Спб., 63 стр.—Эта брошюра появилась и на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Der bürgerliche Gemendebesitz in Russland» (Лейпцигъ, 1877 г.).

«Некрологъ Ю. Ѳ. Самарина» («Вѣстникъ Европы», кн. 4).

1877 г.: «Русское изслѣдованіе о позитивизмѣ» («Недѣля», № 2).—Это—разборъ книги В. Лесевича: «Опытъ критическаго изслѣдованія основныхъ началъ позитивной философіи».

«Политическіе призраки: верховная власть и административный произволъ», одинъ изъ современныхъ вопросовъ, Берлинъ (анонимно).

«О книгѣ Ю. Янсона: «Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ» («Сѣверный Вѣстникъ», № 21).

«Авдотья Петровна Елагина» («Сѣверный Вѣстникъ», №№ 68—69).

«Поземельная община въ древней и новой Россіи», по поводу книги фонъ-Кейселера («Вѣстникъ Европы», кн. 5).

«Разборъ сочиненія кн. А. Васильчикова: «Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи» («Недѣля», №№ 26—29).

1878 г.: «Московскіе славянофилы сороковыхъ годовъ» («Сѣверный Вѣстникъ», №№ 20, 23, 24 и 49).

«О задачахъ искусства» («Вѣстникъ Европы», кн. 10).

1879 г.: «Записка о положеніи полевого хозяйства у крестьянъ сельца Иванова (Тульской губерніи, Бѣлевскаго уѣзда), и о томъ, какъ его поправить», Спб., 18 стр.

«Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ въ примѣненіи къ русскому законодательству», Спб., 442 стр.

«Памяти Н. Н. Тютчева» («Голосъ», № 64).

1880 г.: «Какое мѣсто занимаетъ гражданское право въ системѣ права вообще?» («Журналъ гражданск. и уголовн. права», кн. 1—2).

«Разговоръ съ соціалистомъ-революціонеромъ», Берлинъ (анонимно).

«Мефистофель Антокольскаго», письмо въ редакцію («Вѣстникъ Европы», кн. 7).

«Письмо Ѳ. М. Достоевскому» (тамъ же, кн. 11).

«Письма изъ медвѣжьяго угла» («Русская Мысль», кн. 11).

1881 г.: «Крестьянскій вопросъ», изслѣдованіе («Вѣстникъ Европы», кн. 3, 8—10 и 12).—Это изслѣдованіе вышло и отдѣльно: Спб., 1882 г., 219 стр.

«По дорогѣ», замѣтки и впечатлѣнія («Порядокъ», № 149).

«Изъ деревни», письма (тамъ же, №№ 162 и 174).

«Некрологъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго» (тамъ же, № 356).

1882 г.: «Письма къ О. К. Нотовичу», по поводу его книги: «Основы реформъ мѣстнаго и центральнаго управленія» («Новости», №№ 240 и 256).

«Новый портретъ В. Г. Бѣлинскаго» («Русская Мысль», кн. 9).

«Путевыя письма» («Вѣстникъ Европы», кн. 10).

«О русскомъ гражданскомъ уложеніи» («Журналъ гражданск. и уголовн. права», кн. 11 и 12).—Эта статья закончилась въ слѣдующемъ году (кн. 1 и 2).

«Полемика по поводу книги О. Нотовича: «Основы реформъ мѣстнаго и центральнаго управленія» («Вѣстникъ Европы», кн. 12).

1883 г.: «О мѣрахъ къ оживленію дѣятельности Общества по улучшенію экономическихъ условій сельскаго хозяйства» («Труды Импер. Вольно-Экономическаго общества», кн. 4).

«Освобожденіе крестьянъ и г. фонъ-Самеонъ-Гиммельстіерна» («Вѣстникъ Европы», кн. 9).—Эта статья переведена на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: «Die Bauern-Emancipation und Herr von Samson Himmelsjerna» и помѣщена въ «Revalsche Zeitung» (1883 г., №№ 202—213).—Отдѣльный оттискъ на нѣмецкомъ языкѣ: Ревель, 1883 г., 67 стр.

«Письмо въ редактору» («Reval. Zeitung», № 256).

1884 г.: «Крестьянскіе разговоры» («Сельск. Вѣстникъ», № 18).

«Н. А. Лукинъ», некрологъ («Новости», № 16).

«Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ семейнаго союза», Спб.

«Философія и наука въ Европѣ и у насъ» («За двадцать пять лѣтъ», сборникъ, изданн. Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, Спб., стр. 318—337).

«Письмо къ редактору о выходѣ изъ президентовъ Импер. Вольно-Экономическаго общества» («Новости», № 324).—Кавелинъ былъ президентомъ названнаго общества въ теченіе 1883—1884 годовъ.

«Задачи этики», изслѣдованіе («Вѣстникъ Европы», кн. 10—12). — Оно вышло и отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Задачи этики, ученіе о нравственности при современныхъ условіяхъ знанія», съ предисловіемъ, посвященнымъ моло-

дому поколѣнію, Спб., 1885 г., 114 стр.—Второе изданіе этой книги, съ портретомъ автора и его біографическимъ очеркомъ: Спб., 1886 года XXVII+147 стр.

1885 г.: «Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ наслѣдованія имущества», Спб., 134 стр.

«Отзывъ о трудѣ И. Иванюкова: «Общинное землевладѣніе» («Русская Мысль», книга 1).

«Рѣчь на обѣдѣ 19-го февраля, въ годовщину дня освобожденія крестьянъ» («Русская Старина», кн. 4).

Послѣ кончины К. Д. Кавелина, появились слѣдующіе его труды:

«Два письма къ В. А. Гольцеву» («Русская Мысль», 1885 г., кн. 9).

«Записка объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи» («Русская Старина», 1886 г., кн. 1, 2 и 5).—Эта записка была составлена еще въ 1855 году.

«Письмо къ Б. П. Обухову» («Новости», 1886 г., № 22).—Это письмо помѣчено 24-го января 1862 года.

«Три неизданныя монографіи по крестьянскому вопросу» («Русская Старина», 1887 г., кн. 2 и 4).—Подъ такимъ названіемъ напечатаны: «Мысли объ уничтоженіи крѣпостного состоянія въ Россіи», «Мнѣніе о лучшемъ способѣ разработки вопроса объ освобожденіи крестьянъ» и «Чтеніе въ профессорскомъ клубѣ въ Боннѣ объ историческомъ значеніи освобожденія крестьянъ въ Россіи». Всѣ эти монографіи написаны въ промежутокъ 1857—1864 годовъ.

«Два письма къ Д. П. Голохвастову» («Русскій Архивъ», 1887 г., кн. 6).

«Злобы дня» («Русская Мысль», 1888 г., кн. 3 и 4).

Калачовъ, Николай Васильевичъ [1]), извѣстный юристъ-археологъ, родился 26-го мая 1819 года, въ имѣніи родного дѣда—селѣ Алексинѣ (Юрьево-Польскаго уѣзда, Владимірской губерніи), но свое дѣтство провелъ въ родовой усадьбѣ отца при сельцѣ Вескѣ (того же уѣзда и губерніи); здѣсь онъ получилъ первоначальное образованіе подъ надзоромъ родителей и при помощи иностранныхъ гувернеровъ, изъ числа которыхъ слѣдуетъ назвать доктора

[1]) О немъ—«Отчеты Императорскаго университета» за 1848—1855 годы.—«Біографическій Словарь профессоровъ Московскаго университета», М., 1855 г., ч. I, стр. 366—374.—Періодическія изданія 1885 года: «Волынскія епархіальныя Вѣдомости», № 32; «Всемірная Иллюстрація», № 22, стр. 390 (съ портретомъ); «Вѣстникъ Европы», кн. 12; стр. 924—930; «Голосъ Москвы», № 228; «Журналъ мин. нар. просвѣщенія», кн. 12, стр. 209—213; «Историческій Вѣстникъ», кн. 12, стр. I—IV; «Московскія Вѣдомости», №№ 299, 300, 307 и 339; «Московскія Церковн. Вѣдомости», № 46; «Недѣля», № 44, стр. 1536—1537; «Нива», № 45, стр. 1086 (съ портретомъ); «Новое Время», № 3473; «Новости», №№ 296, 198 и 335; «Петербургскій Листокъ», № 293; «Русская Старина», кн. 12, стр. 714—715; «Русь», № 18; «Церковно-Общественный Вѣстникъ», №№ 93 и 108; «Юридическ. Обозрѣніе», № 242, стр. 1353—1354.—Періодическія изданія 1886 года: «Русск. Старина», кн. 1, стр. 257—260; «Библіографъ», № 1, стр. 17—19; «Московскія Вѣдомости», № 270; «Вѣстникъ археологіи и исторіи», издав. при Археологическомъ иститутѣ, Спб., вып. V.—«Историческій Вѣстникъ», 1887 г., кн. 5, стр. 401—414 (съ портретомъ).—«Русская Старина». 1888 г., кн. 2, стр. 487—517, кн. 3, стр. 703—731.

философіи Гегермана, поселившаго въ питомцѣ любовь къ историческимъ занятіямъ; затѣмъ Н. В. былъ отданъ въ московскій пансіонъ Л. К. Чермака (1832—1833 гг.) и московскій дворянскій институтъ (1833—1836 гг.); въ послѣднемъ, подъ руководствомъ Василія Степановича Межевича [1]), онъ съ особенною любовью занимался отечественною словесностью, такъ что, по окончаніи курса въ институтѣ, хотѣлъ поступить на словесное отдѣленіе Московскаго университета и, только по желанію отца, зачислился въ студенты юридическаго факультета (1836 г.); выпущенный изъ университета со степенью кандидата (1840 г.), Н. В, по рекомендаціи М. П. Погодина, былъ принятъ на службу чиновникомъ въ археографическую комиссію и въ то же время сталъ готовиться къ магистерскому экзамену; черезъ три года, онъ выдержалъ испытаніе на степень магистра гражданскаго законовѣдѣнія (1843 г.) и тогда же узналъ о кончинѣ отца, что̀ заставило нашего ученаго оставить службу въ археографической комиссіи (1843 г.) и заняться сельскимъ хозяйствомъ въ родовыхъ имѣніяхъ; только въ 1846 году онъ получилъ возможность занять мѣсто библіотекаря въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (1846—1848 гг.), прежнюю должность чиновника при археографической комиссіи, а послѣ защиты диссертаціи (1846 г.), за выходомъ изъ Московскаго университета К. Д. Кавелина [2]), поступилъ на каѳедру исторіи русскаго законодательства въ званіи исправляющаго должность экстро-ординарнаго профессора (1848 г.); послѣ семилѣтней службы при Московскомъ университетѣ, Н. В. былъ опредѣленъ чиновникомъ во II-е Отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи (съ 17-го октября 1855 года), при чемъ занялся редактированіемъ третьяго изданія «Свода законовъ» и также принялъ живое участіе въ редакціонныхъ комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу; за свою службу онъ получилъ званіе сенатора (1864 г.), а за ученые труды—дипломъ на степень доктора гражданскаго права отъ Петербургскаго университета (1865 г.); наконецъ—начальникъ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи (1864—1885 гг.); † 25-го октября въ своемъ имѣніи—селѣ Волхонщинѣ (Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи).— Покойный состоялъ дѣйствительнымъ членомъ московскаго общества исторіи и древностей (1847—1885 гг.), археографической комиссіи (1851—1885 гг.), общества любителей россійской словесности (1865—1885 гг.) и московскаго юридическаго общества (1863—1885 г.), членомъ-корреспондентомъ (1858—1881 гг.) и академикомъ императорской академіи наукъ (1881—1885 гг.), предсѣдателемъ этнографической комиссіи при императорскомъ русскомъ географи-

---

[1]) О немъ см. «Словарь» Геннади, Берлинъ, 1880 г., т. II, стр. 302—303.
[2]) См. о томъ выше, подъ фамиліей: «Кавелинъ».

ческомъ обществѣ и учредителемъ-директоромъ археологическаго института (1877—1885 гг.). Что же касается его учено-литературной дѣятельности, то она началась еще на школьной скамьѣ: въ стѣнахъ московскаго благороднаго пансіона имъ были написаны «сочиненія» и «рѣчи» полатыни, порусски и понѣмецки, которыя и напечатаны при «Отчетахъ» означеннаго заведенія. (М. 1834 и 1835 гг.). Затѣмъ, его ученые труды появились въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

1841 г.: «О судебникѣ царя Іоанна Васильевича» («Юридическія Записки», изданн. Рѣдкинымъ, т. I, стр. 47—160).

«Отрывокъ изъ сочиненія Чилли: «Исторія Московіи», перев. съ итальянскаго («Маякъ», ч. XVII).—Вторая часть этого перевода появилась въ слѣдующемъ году («Маякъ», 1842 г., т. III).

1842 г.: «Объ уголовномъ правѣ по судебнику Іоанна Васильевича» («Юридическія Записки», изданн. Рѣдкинымъ, т. II, стр. 306—418).

1843 г.: «Дневникъ камеръ-юнкера Бергхольца: сентябрь и октябрь 1721 года» («Отечественныя Записки», кн. 1).

1844 г.: «Разсказы иностранца о Петрѣ Великомъ» переводъ съ нѣмецкаго («Отечественныя Записки», кн. 6).

1846 г.: «Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій», М.—Второе изданіе: М., 1847 г.—Третье изданіе: Спб., 1881 г., 61 стр. съ таблицею.

«Изслѣдованіе о Русской Правдѣ, часть первая: предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды», магистерская диссертація, М., 158 стр.—Второе изданіе: Спб., 1880 г., 288 стр.

1847 г.: «О значеніи Кормчей книги въ системѣ древняго русскаго права» («Чтенія въ Импер. обществѣ исторіи и древностей», кн. 3).

«Приложеніе къ статьѣ: «О значеніи Кормчей книги» (кн. 4).—Обѣ эти статьи вышли и отдѣльно: М., 1850 г.

1847—1848 гг.: «Иностранныя сочиненія и акты, относящіеся до Россіи», собранные кн. М. Оболенскимъ, М., четыре тетради.—Это изданіе печаталось подъ редакціею Н. В. Калачова.

1848 г.: «Псковская судная грамота, составленная на вѣчѣ въ 1467 году» («Москвитян.», кн. 2).

Въ этомъ же году Н. В. Калачовъ перевелъ сочиненіе Флетчера о Россіи и помѣстилъ свой переводъ въ «Чтеніяхъ Импер. общества исторіи и древностей»; но этотъ трудъ тогда же былъ вырѣзанъ изо всѣхъ экземпляровъ «Чтеній» и теперь хранится въ библіотекѣ Московск. университета.

1850 г.: «Разборъ книги Деппа: «О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича» («Москвитян.», кн. 2 и 3).

«Мѣрило праведное» («Архивъ истор.-юридическ. свѣдѣній», кн. I).

«О значеніи изгоевъ и состояніе изгойства въ древней Руси» (тамъ же).

1851 г.: «Рецензія на книгу Пахмана: «О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву» («Московск. Вѣдомости», № 68).

1852 г.: «Историческія замѣтки, собранныя въ Орлѣ и Мценскѣ», М.

«Рецензія на первый томъ Исторіи Россіи, С. Соловьева» («Московск. Вѣдомости», №№ 30—32 и 35).

1854 г.: «Жалованная грамота царя Михаила Θеодоровича Мартыну Филимонову 1621 года» («Временникъ Импер. общества исторіи и древностей», кн. 20).

«Отрывки изъ сборника XVII столѣтія: о съѣздѣ русскихъ и шведскихъ пословъ въ Нейгаузенѣ въ 1678 году; о приходѣ турокъ подъ Чигиринъ и о войнѣ съ ними; о флотѣ въ Россіи морскомъ» (тамъ же).

«Названія лихорадокъ въ заговорахъ» («Архивъ историко-юридическ. свѣдѣній», кн. II, половина 2).

«Предисловіе и примѣчанія къ переводу Шестакова: «О нравахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ, сочиненіе Михалона Литвина» (тамъ же).

1855 г.: «Предисловіе къ сообщенію Бычкова: дополнительныя статьи къ Судебнику, издаваемыя въ первый разъ по списку Эрмитажной библіотеки» («Архивъ историко-юридическ. свѣдѣній», кн. II, половина 1).

«Предисловіе къ списку бояръ, окольничихъ и другихъ чиновъ съ 1538 года до царствованія Θеодора Алексѣевича» (Тамъ же).

«Замѣчаніе о словѣ: Дума» (тамъ же).

«Предисловіе къ сообщенію Закревскаго: грамота новгородскаго правительства къ рижскому, начала XV вѣка» (тамъ же).

«Предисловіе къ сообщенію Лакьера: акты, записанные въ крѣпостной книгѣ XVI вѣка» (тамъ же).

«Статистическія и археологическія замѣтки объ Инсарѣ и его уѣздѣ» (тамъ же).

«О научной пользѣ рецензій на первую книгу «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній» (тамъ же).

1857 г.: «Разборъ книги Чичерина: «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ» («Отчетъ о 26-мъ присужденіи Демидовскихъ наградъ», Спб., 1857 г., стр. 55—115).—Этотъ же разборъ перепечатанъ въ «Архивѣ истор. и практическ. свѣдѣній» («Спб., 1859 г., кн. III).

«Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи», томъ первый, Спб., 1857 г.—Позже вышли еще два тома этого собранія актовъ: второй: Спб., 1864 г. и третій: Спб.: 1884 г.

1859 г.: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, сочиненіе Котошихина», Спб.—Въ этомъ изданіи указатель и описаніе подлиннаго манускрипта составлены подъ наблюденіемъ Калачова.

«Договоры вольныхъ людей конца XVII и начала XVIII вѣка о поступленіи въ крестьяне и дворовые на срочное время» («Архивъ историч. и практическ. свѣдѣній», кн. 1).

«Орловская старина» (тамъ же).

«Предисловіе и примѣчанія къ книгѣ, глаголемой Травникъ» (тамъ же).

«Судное дѣло 1500 года» (тамъ же, приложеніе).

«Обозрѣніе новыхъ законовъ» (тамъ же).

«О жилищахъ для рабочихъ» (тамъ же).

«О лѣтописныхъ сборникахъ съ картинами, находящихся въ археографической комиссіи» (тамъ же, кн. II).

«Юридическіе обычаи крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ» (тамъ же).

«Разъясненіе недоумѣнія В. К. Ржевскаго», по поводу статьи «О потравахъ» (тамъ же, кн. V, приложеніе).

«Дополненіе къ актамъ историческимъ», томъ седьмой, Спб.—Редакціею этого тома занимался Н. В. Калачовъ.

1860 г.: «Очеркъ царствованія Θеодора Алексѣевича по актамъ, собраннымъ Археографическою комиссіею» («Журналъ мин. нар. просвѣщенія», ч. CV).

«Разборъ сочиненія Дмитріева: «Исторія судебныхъ инстанцій и гражданской апелляціи» («Отчетъ о 29-мъ присужденіи Демидовскихъ наградъ», Спб. стр. 53—114).

«Отвѣтъ С. Н. Орнатскому на вопросъ: можетъ ли мировое прошеніе о прекращеніи тяжбы, поданное въ надлежащій судъ обоими тяжущимися вмѣстѣ, за ихъ подписями, служить достаточнымъ основаніемъ къ прекращенію производства дѣла означеннымъ судомъ по этой тяжбѣ» («Юридическій Вѣстникъ», вып. I).

«Отвѣтъ г. Г. на вопросъ: не должны ли единокровные братья владѣльца, умершаго бездѣтнымъ и безъ завѣщанія, наслѣдовать ему въ имуществѣ, благопріобрѣтенномъ вмѣстѣ съ родными его братьями и исключать братьевъ единоутробныхъ» (тамъ же, вып. II).

«Отвѣтъ Д. А. Черемисинову на вопросъ: можетъ ли имѣть силу подпись свидѣтеля, сдѣланная подъ завѣщаніемъ, предъявленнымъ ему не лично самимъ составителемъ, но по предварительному сообщенію ему этимъ послѣднимъ о намѣреніи своемъ составить именно такое завѣщаніе съ просьбою подписать его» (тамъ же, вып. III).

«Отвѣтъ г. В—ну на вопросъ: можетъ ли имѣть полную силу распоряженіе завѣщателя объ оставленіи имъ благопріобрѣтеннаго имѣнія въ пользу извѣстнаго лица, съ тѣмъ, что если это лицо умретъ, не завѣщавъ означеннаго имѣнія никому отъ себя, оно должно принадлежать послѣ него такому-то другому лицу» (тамъ же, вып. IV).

«Отвѣтъ на возраженіе по ст. 1140, т. X, закон. гражданск.» (Тамъ же).

«Отвѣтъ г. Филатьеву на вопросъ: можетъ ли домъ, представленный подрядчикомъ по довѣренности владѣльца въ обезпеченіе взятаго имъ на себя подряда по договору съ казною, служить вмѣстѣ съ тѣмъ обезпеченіемъ и другихъ подрядовъ того же лица, по которымъ онъ не былъ принятъ въ залогъ» (тамъ же, вып. V).

«Отвѣты г. С—ру на вопросы: а) есть ли въ нашемъ законодательствѣ юридическое различіе между рабочимъ и поставщикомъ», и б) допускается ли по правиламъ о порядкахъ взысканіе претензій рабочихъ на подрядчикѣ обращать не только на залоги, собственно ему принадлежащіе, но и на представленные имъ залоги постороннихъ лицъ?» (тамъ же).

«Отвѣтъ М. Г. Золотареву на вопросъ: необходимо ли по точному смыслу статей закона, при прошеніи, вмѣстѣ съ прилагаемыми къ нему документами, представлять и копіи съ сихъ послѣднихъ, и въ правѣ ли присутственное мѣсто, въ случаѣ непредставленія такихъ копій, отказать въ принятіи прошенія?» (тамъ же, вып. VI).

«Отвѣтъ И. И. Надпорожскому на вопросъ: дѣти лица, умершаго до утвержденія его судебнымъ мѣстомъ наслѣдникомъ его отца, должны ли быть признаваемы непосредственными наслѣдниками отца нхъ или же дѣда и въ послѣднемъ случаѣ могутъ ли они отказаться отъ платежа долговъ родителя ихъ?» (тамъ же).

«Разъясненіе примѣчанія къ ст. 72, т. X, часть II-я» (тамъ же, вып. VII).

«Отвѣтъ Д. Ч—ву на вопросъ: можетъ ли имѣть силу распоряженіе завѣщателя объ оставленіи имъ благопріобрѣтеннаго имѣнія въ пользу извѣстнаго лица, съ тѣмъ, что если это лицо умретъ, не завѣщавъ означеннаго имѣнія никому отъ себя, оно должно принадлежать послѣ него такому-то другому лицу?» (тамъ же).

«Предисловіе къ правиламъ, поставленнымъ на соборѣ 1551 года, 23-го февраля» («Архивъ истор. и практическихъ свѣдѣній», кн. V).

«Матеріалы для своднаго уложенія 1701 года» (тамъ же).

«Гражданское право по началамъ россійскаго законодательства», лекціи проф. Ѳ. Л. Морошкина («Юридическ. Вѣстникъ», вып. XV—XVII).—Эти лекціи сообщены Калачовымъ.

«Отвѣтъ г. К.: подлежитъ ли выкупу усадебная земля помѣщика, не входящая въ составъ крестьянскаго надѣла, и если подлежитъ, то на какомъ основаніи?» («Юридическ. Вѣстникъ», вып. XV).

1861 г.: «Азбуки-прописи, выписки изъ рукописныхъ азбукъ и прописей конца XVII и начала XVIII вѣка» («Архивъ историко-юридическ. свѣдѣній», книга III).

«Дополненіе къ разсужденію Деппа: «О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича» (тамъ же).

«Старинные формулярники, образцы вступленій въ письма къ лицамъ самаго разнообразнаго состоянія, заимствованные изъ сборника начала XVIII в. и Толстовскаго» («Лѣтопись занятій Археографической комиссіи», вып. I).

«Отвѣтъ г. Б. на вопросъ: какъ должно признавать въ отношеніи къ дѣтямъ указанную часть ихъ матери, слѣдовавшую ей послѣ ихъ отца, а ея мужа, если она до своей смерти не просила о выдѣлѣ этой части: наслѣдствомъ ли послѣ нея, или наслѣдствомъ отъ отца?» («Юридическій Вѣстникъ», вып. VIII).

«Отвѣтъ М. О. Лукашевичу относительно примѣненія ст. 1138, т. X, ч. I-ой» (тамъ же).

«Опроверженія и защита мнѣнія редактора по статьѣ 1140 зак. гражд.» (тамъ же, вып. IX).

«Отвѣтъ на вопросъ о наложеніи запрещенія на имѣніе жены за долги мужа по ст. 2269 и 2270, т. X, ч. II-ой» (тамъ же, вып. X).

«Отвѣтъ г. Т. относительно примѣненія ст. 1138 и 1140 зак. граж.» (тамъ же, выпускъ XIV).

«Отвѣты Н. Л—ву на вопросы о проѣстяхъ, волокитѣ и судебныхъ издержкахъ» (тамъ же, вып. XVI).

«Отвѣтъ С. Лухманову относительно ст. 1005, т. X, ч. II-ой» (тамъ же, вып. XVII).

«Графъ Сперанскій» («Русскій Инвалидъ», №№ 229 и 230).

1862 г.: «Отвѣтъ М. И. П—ву относительно статьи 778 и 984, т. X, ч. I-ой» («Юридическій Вѣстникъ», вып. XIX).

«Отвѣтъ г. З. на вопросъ о примѣненіи къ ст. 641, т. X, ч. II-й, примѣчанія къ ст. 72 того же тома и части» (тамъ же, вып. XXI).

«О недопущеніи къ свидѣтельству подъ присягою находящихся съ тяжущимися въ родствѣ и ближнемъ свойствѣ» (тамъ же, вып. XXVI).

«Какъ должно понимать въ книгахъ писцовыхъ и межевыхъ выраженіе о недоданныхъ четвертяхъ помѣстной земли?» (тамъ же, вып. XXVII).

«Отвѣты на вопросы по статьямъ 1149, 1153, 1151 и 1154, т. X, ч. I-й» (тамъ же, вып, XXVIII).

«Отвѣтъ Н. Е. Львову на вопросъ: имѣетъ ли право лицо, въ пользу котораго по рѣшенію судебнаго мѣста взыскивается извѣстная сумма, получить съ присужденнаго къ уплатѣ этой суммы также причитающіеся на нее указные проценты?» (тамъ же, вып. XXIX).

«Дополненія къ актамъ историческимъ», т. VIII, Спб.—Редакція этого тома принадлежитъ Н. В. Калачову.

1863 г.: «Разборъ сочиненія Чебышова-Дмитріева: «О преступномъ дѣйствіи по русскому до-петровскому праву» («Отчетъ о 32-мъ присужденіи Демидовск. наградъ», Спб., стр, 123—135).

«Отвѣтъ Ив. Лаврову на вопросъ по засвидѣтельствованію духовныхъ завѣщаній» («Юридическій Вѣстникъ», вып. XXXI).

«Замѣтка на разъясненіе 1-го пункта статья 1747, т. X, ч. I-й» (тамъ же, вып. XXXII).

«Отвѣтъ на вопросъ В. Лозинскаго о выдѣлѣ четырнадцатой части изъ недвижимаго имѣнія умершаго владѣльца въ пользу его дочери или сестры, оставшихся по немъ наслѣдниками при живой матери» (тамъ же, вып. XXXIII).

«Отвѣтъ на вопросъ: «можетъ ли имѣть силу по смерти владѣлицы благопріобрѣтеннаго недвижимаго имѣнія въ Россіи завѣщаніе, составленное ею до выхода замужъ за французскаго подданнаго, и не должно ли оно, для признанія его дѣйствительнымъ, быть передѣлано по ея замужествѣ?» (тамъ же, вып. XXXIV).

«Отвѣтъ А. К. Кр—ну на вопросъ о значеніи слова: «вѣчисто» (тамъ же, вып. XXXV).

«Отвѣтъ А. Н. Т—ву по вопросу: «можетъ ли договоръ, совершонный или засвидѣтельствованный установленнымъ порядкомъ, быть прекращенъ или въ чемъ-либо измѣненъ домашнимъ договоромъ?» (тамъ же, вып. XXXVII).

«Мысли по вопросу: «должны ли будущіе мировые судьи при постановленіи своихъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ руководствоваться лишь законами или же и обычаями?» (тамъ же, вып. XXXVIII).

«Замѣтка о законныхъ вознагражденіяхъ за находки» (тамъ же, вып. XL).

«Что такое субститутъ, и можетъ ли назначеніе его служить препятствіемъ къ засвидѣтельствованію духовнаго завѣщанія?» (тамъ же, вып. XLI).

«Отвѣтъ г. Р. по вопросу о наслѣдствѣ» (тамъ же, вып. XLII).

«Отвѣтъ г. О. на новый вопросъ по ст. 1140, т. X, ч. I-ой» (тамъ же, вып. XLIII).

1864 г.: «Очеркъ юридическаго быта великорусскихъ крестьянъ въ XVII столѣтіи» («Лѣтопись занятій Археографическ. коммиссіи», Спб., вып. III).

«Артели въ древней и нынѣшней Россіи» («Этнографическ. сборникъ, издан. Импер. Русск. Географическимъ Обществомъ», вып. VI).—Отдѣльное изданіе: Спб., 1864 г., 93 стр.

«Рецензія сочиненія А. Романовича-Славатинскаго: «Дворянство въ Россіи» («Юридическій Вѣстникъ», вып. XLVIII).

1866 г.: «Замѣтка по поводу предпринимаемаго описанія Московскаго архива министерства юстиціи» («Журналъ министерства юстиціи», т. XXVIII, ч. II, кн. 4).

«О Степанѣ Ивановичѣ Шешковскомъ» («Русскій Архивъ», кн. 2).

«Донесеніе Ея Величеству генералъ-прокурора объ удобнѣйшемъ и выгоднѣйшемъ для казны способѣ печатанія Алкорана» («Русскій Архивъ», кн. 5).

«Мнѣніе генералъ-прокурора графа Самойлова относительно уплаты процентовъ и долговъ, сдѣланныхъ внѣ государства, 1794 года» (тамъ же).

1867 г.: «О значеніи Карамзина въ исторіи русскаго законодательства» («Московск. университетскія Извѣстія» 1866—1867 гг., кн. 3).—То же напечатано: въ «Бесѣдахъ Общества любителей Россійск. словесности» (1867 г., вып. I) и въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Рѣчи, произнесенныя

въ торжественномъ собраніи Импер. Московскаго университета и состоящихъ при немъ ученыхъ обществъ: исторіи и древностей и любителей Россійской словесности», 1-го декабря 1866 года, въ день Карамзинскаго юбилея» (М., 1867).

«Разборъ сочиненія Андреевскаго: «О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ» («Отчетъ о 34-мъ присужденіи Демидовск. наградъ», Спб.).

«Вступительное слово въ публичномъ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности, бывшемъ 20-го мая 1867 года въ честь славянскихъ гостей» («Бесѣды въ Обществѣ любителей Россійск. словесности», вып. II).

«Рядныя въ смыслѣ свадебныхъ сговоровъ», матеріалы для археологическаго словаря («Труды Московскаго археологическаго общества», т. I, вып. 2).

«Сыскное дѣло о дорогѣ въ Хиву, 1697 года» («Русск. Архивъ», кн. 3).

1868 г.: «Программа разработки началъ русскаго гражданскаго права по своду законовъ съ его источниками и по судебнымъ рѣшеніямъ» («Юридическ. Вѣстникъ», кн. 4).—Отдѣльно: М., 1868 г., 45 стр.

«О давности по русскому гражданскому праву» (тамъ же, кн. 1).

«Возраженіе на замѣтку Лешкова: «о значеніи опекуновъ и душеприказчиковъ» (тамъ же, кн. 2).

«Обозрѣніе постановленій о долговыхъ процентахъ по русскому законодательству» (тамъ же, кн. 5).

«По поводу Сборника документовъ, уясняющихъ отношенія латино-польской народности къ русской вѣрѣ и народности» (тамъ же, кн. 8).

«Домъ Малюты Скуратова» («Археологическій Вѣстникъ»).

869 г.: «О значеніи писцовыхъ книгъ для изученія исторической географіи, этнографіи и внутренняго быта древней Россіи» («Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества).

«Разборъ историко-догматическаго изслѣдованія Энгельмана: «О давности по русскому гражданскому праву» («Отчетъ о 12-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ», Спб.).

«О русскихъ юридическихъ древностяхъ» («Труды I-го археологическ. съѣзда въ Москвѣ», М., т. I).

«Засѣки въ древней Россіи» (тамъ же) [1].

«Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство» (тамъ же).

«Юридическія замѣтки»: 1) покупка на своэъ строенія; 2) расторженіе брака; 3) вступленіе въ четвертый бракъ; 4) неустойка въ рядныхъ записяхъ; 5) по поводу неформальныхъ сохранныхъ росписокъ («Юридическій Вѣстникъ», кн. 9).

«Архивъ государственнаго совѣта», Спб., томъ первый; Спб., 1878 г., томъ третій; Спб., 1881 г., томъ четвертый.

«Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи», Спб., книга первая; 1872 г., книга вторая; 1876 г., книга третья; 1884 г., книга четвертая.

1870 г.: «Дѣла сыскнаго приказа о разбойникахъ» («Чтенія въ Импер. обществѣ исторіи и древностей», кн. II).

1871 г.: «Архивы» («Русскій Міръ», №№ 94—96).

---

[1]) См. также «предложеніе Н. В. Калачова объ изданіи засѣчныхъ книгъ» въ «Отчетѣ Импер. Русск. Географическ. Общества» за 1871 г. (Спб., 1872 г.).

1872 г.: «Писцовыя книги XVI вѣка», Спб., часть первая, отдѣленіе I-е; Спб., 1877 г., отдѣленіе II-е.

1873 г.: «Высочайше учрежденная комиссія объ устройствѣ архивовъ: протоколы перваго и второго засѣданій» («Русская Старина», т. VII).

1874 г.: «Разборъ сочиненія Д. В. Полѣнова: «Историческія свѣдѣнія объ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія» («Отчетъ о 15-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ», Спб.).

1875 г.: «Дополненія къ актамъ историческимъ», Спб., томъ девятый. — Редакціею этого тома занимался Н. В. Калачовъ (вмѣстѣ съ А. Тимоѳеевымъ).

«Труды перваго съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ», М. — Въ редактированіи участвовалъ Н. В. Калачовъ (вмѣстѣ съ Баршевымъ, Муромцевымъ и Фальковскимъ).

«Объ отношеніи обычнаго права къ законодательству» («Труды перваго съѣзда русск. юристовъ въ Москвѣ»).

«Предисловіе» къ изданію «Трудовъ перваго съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ» (тамъ же).

«Отчетъ г. попечителю Московск. учебн. округа о первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ въ Москвѣ (тамъ же).

«Три царскія грамоты о вареніи селитры Петру Алябьеву», 1633—1635 годовъ («Русская историч. Библіотека», изд. археографической комиссіей, т. II).

«Архивы въ Россіи» («Голосъ», № 114).

1876 г.: «Десятни», одинъ изъ матеріаловъ разряднаго приказа («Труды 2-го археологическаго съѣзда въ С.-Петербургѣ», вып. I).

«Рецензія на книгу Якушкина: «Обычное право» («Извѣстіе Импер. русскаго географическаго Общества», № 3).

«Выписка изъ дѣла правительствующаго сената за 1762—1774 годы о сооруженіи памятника Петру I Фальконетомъ и записка, представленная Вецкимъ сенату о томъ же въ 1764 году» («Сборникъ Импер. русскаго историческаго Общества», т. XVII).

1877 г.: «Рецензія на сочиненіе С. Пахмана: «Исторія кодификаціи гражданскаго права» («Сборникъ государственн. знаній», изд. В. Безобразовымъ, Спб., т. III).

«Разборъ сочиненій С. Петровскаго: «О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго» («Отчетъ о 19 присужденіи Уваровскихъ наградъ», Спб.).

«Объ отношеніи юридическихъ обычаевъ къ законодательству», Спб.

1878 г.: «Вступительное слово, произнесенное при открытіи С.-Петербургскаго археологическаго института» («Сборникъ археологическаго института», кн. 1).

«Отчетъ о первомъ выпускѣ сборника историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива I Отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи» (тамъ же).

«О снимкахъ и описаніи псковскихъ древностей» (тамъ же).

1879 г.: «Приложеніе къ книгѣ Шпилевскаго: «Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи», извлеченія изъ документовъ Московскаго архива министерства юстиціи («Сборникъ археологическаго института, кн. 2).

«О первыхъ занятіяхъ и ихъ направленіи въ С.-Петербургскомъ археологическомъ институтѣ» (тамъ же).

1880 г.: «Внутренній бытъ русскаго государства съ 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года», М., книга первая.—Вторая книга этого изданія вышла уже послѣ смерти Н. В. Калачова (М., 1886 г.).

«Доклады и приговоры, состоявшіеся въ правительствующемъ сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго», Спб., томъ первый; томъ второй, книга первая: Спб., 1882 г., книга вторая: Спб., 1883 г.—Третій томъ (книга первая) появился послѣ кончины Н. В. Калачова (Спб., 1886 г.).

«О работахъ слушателей института въ архивахъ и осмотръ ими памятниковъ древности въ 1879 году» («Сборникъ Археологическ. института», кн. 3).

«Ученыя занятія и ихъ направленіе въ археологическомъ институтѣ въ 1879 году» (тамъ же, кн. 4).

«О заслугахъ графа Сперанскаго въ финансовомъ отношеніи» («Юридическій Вѣстникъ», кн. 1).

«О волостныхъ и сельскихъ судахъ въ древней и нынѣшней Россіи» («Сборникъ государственн. знаній», изд. В. Безобразовымъ, т. VIII).

1881 г.: «Отчетъ объ осмотрѣ лѣтомъ и осенью 1880 года членами и слушателями археологическаго института памятниковъ древности и ихъ работы въ архивахъ» («Сборникъ археологическаго института», кн. 5).

«О взаимной связи между науками, преподаваемыми въ археологическомъ институтѣ» (тамъ же).

1882 г.: «Рецензія рукописи г. Майнова: «Очеркъ юридическаго быта Мордвы» («Извѣстія Импер. русск. географическаго Общества», стр. 450—459).

1884 г.: «Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта» («Труды 4-го археологическаго съѣзда», т. I).

1885 г.: «Памятники усопшихъ членовъ археологическаго института» («Вѣстникъ исторіи и археологіи, вып. 1).

«Отзывъ объ изданіи археографической комиссіи: «Розыскныя дѣла о Шакловитомъ и его сообщникахъ» (тамъ же, вып. 2).

«Матеріалы для исторіи русскаго дворянства», Спб., два выпуска. — Выпускъ третій вышелъ уже послѣ смерти Н. В. Калачова (Спб., 1886 г.).

«Отзывъ объ изданіи И. Забѣлина: «Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы» («Вѣстникъ археологіи и исторіи, вып. 3).

Кромѣ названныхъ трудовъ, покойный Н. В. Калачовъ напечаталъ слѣдующія періодическія изданія: «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», три тома, въ четырехъ книгахъ (Спб. 1850—1861 гг.; второе изданіе перваго тома: (Спб. 1876 г.), «Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», шесть книгъ (Спб. 1859—1861 гг.), «Юридическій Вѣстникъ», сорокъ восемь выпусковъ (1860—1864, 1867—1870 гг.), «Этнографическій сборникъ», выпуски пятый и шестой (Спб. 1862 и 1864 гг.), «Сборникъ Археологическаго института», пять книгъ (Спб. 1878—1881 гг.) и «Вѣстникъ археологіи и исторіи», четыре выпуска (Спб. 1885 г.).

Карновичъ, Евгеній Петровичъ [1]), родился 28-го октября 1823 года въ селѣ Лупандинѣ, близъ Ярославля и послѣ прево-

---

[1]) См. о немъ періодическія изданія 1885 года: «Голосъ Москвы», № 228; «Всемірн. Иллюстрація», № 24, стр. 438—439 (съ портретомъ); «Вѣстникъ Европы», кн. 12, стр. 927—930; «Историческій Вѣстникъ», кн. 12, стр. 1—6 (съ портре-

сходнаго образованія въ домѣ отца—богатаго помѣщика поступилъ въ петербургскій педагогическій институтъ; по окончаніи курса въ послѣднемъ (1844 г.), опредѣленъ въ калужскую гимназію преподавателемъ греческаго языка и въ то же время членомъ таможняго статистическаго комитета (1844—1849 гг.); затѣмъ онъ служилъ чиновникомъ при канцеляріи виленскаго генералъ-губернатора и правителемъ дѣлъ въ канцеляріи виленскаго учебнаго округа (1849—1859 гг.); послѣ того переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, отдаваясь литературнымъ занятіямъ, долго исполнялъ обязанности директора тюремнаго комитета; † 25-го октября въ Петербургѣ.—Покойный былъ издателемъ еженедѣльнаго журнала: «Мировой Посредникъ» (1862—1863 гг.), постояннымъ сотрудникомъ газеты «Голосъ» (1865—1875 гг.), редакторомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (1875—1876 гг.) и журнала «Отголоски» (1881—1882 гг.). Онъ напечаталъ слѣдующіе труды:

«Облака», комедія Аристофана, переводъ съ греческаго («Репертуаръ и Пантеонъ», 1845 г., кн. 1).
«О ней восторженно мечтая...», стихотвореніе (тамъ же, кн. 4).
«Рѣчи и очи», подражаніе чешскому, стихотвореніе (тамъ же, кн. 6).
«Заблужденіе», стихотвореніе («Библіотека для Чтенія», 1845 г., кн. 7).
«Лизистрата», комедія Аристофана, переводъ съ греческаго (кн. 12).
«Объ образованіи евреевъ, живущихъ въ Россіи» («Педагогическій Вѣстникъ», 1857 г., т. I и II).
«Очерки стариннаго быта Польши»: «Князь Іосифъ Яблоновскій» («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1857 г., № 101); «Князь Іеронимъ Радзивилъ, великій хорунжій литовскій» (№ 119); «Панна Ельжебета; шляхтичъ Куличиковскій и патріотка Валевская» (№ 243).
«Нужно ли распространять грамотность въ русскомъ народѣ» («Современникъ», 1857 г., кн. 10 и 12).
«О разработкѣ статистики народнаго просвѣщенія въ Россіи», Спб., 1857 г.
«Замѣтка для исторіи крѣпостного права въ Россіи» («Современникъ», 1858 г., кн. 2).
«О ратномъ дѣлѣ въ старинной Польшѣ» («Военный Сборникъ», 1858 г., т. II).
«Объ устройствѣ быта крестьянъ въ Галиціи» («Отечественныя Записки», 1858 г., кн. 3).
«Воспоминанія Охотовскаго», повѣсть («Современникъ», 1858 г., кн. 3).
«О крѣпостномъ правѣ въ Польшѣ» (тамъ же, кн. 5).
«Значеніе поляковъ въ исторія мореплаванія» («Морской Сборникъ», 1858 г., кн. 6).
«Обозрѣніе мѣръ, принятыхъ до сего времени къ устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ» («Современникъ», 1858 г, кн. 6—8, 10—11).
«Польская шляхта», историческій очеркъ (тамъ же, кн. 9).

томъ); «Недѣля», № 44, стр. 1536—1537; «Нива», № 49, стр. 1199 (съ портретомъ); «Новости», №№ 296—298; «Петербургскій Листокъ», № 292; «Русская Старина». кн. 12, стр. 716—719; «Церковно-Общественный Вѣстникъ», № 93.—«Новь», 1886 г., кн. I, стр. 152—154; кн. II, стр. 288—292. — «Библіографъ», 1886 г., № 4, стр. 64—68.

«О книгѣ Жеребцова: «Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie» («Отечественныя Записки», 1858 г., кн. 10—11).

«Обзоръ сочиненій Наполеона III (тамъ же, кн. 10 и 12).

«Варенька Ченцова», повѣсть (тамъ же, кн. 11). — Отдѣльное изданіе: Спб., 1860 г.

«Санктпетербургъ въ статистическомъ отношеніи» («Русскій Дневникъ», 1859 г., №№ 37, 38, 41, 42, 61, 62, 80, 101, 102, 140 и 141). — Отдѣльное изданіе: Спб., 1860 г., 141 стр.

«Италія и война за ея независимость въ 1859 году» («Разсвѣтъ», 1859 г., кн. 8—12).

«Очерки стариннаго быта Польши», три разсказа: 1) «Panie Kochanku» (о князѣ Карлѣ Радзивилѣ); 2) «Анна Оржельская; изъ жизни короля Августа II»; 3) «Юзя, дочь Тадеуша Юницкаго» («Современникъ», 1859 г., кн. 12).

«Дамиронъ, одинъ изъ современныхъ преподавателей философіи во Франціи» («Русскій Педагогическій Вѣстникъ», 1860 г., кн. 1).

«Историческія и статистическія свѣдѣнія о существующихъ нынѣ государствахъ» («Приложеніе къ «Современнику», 1860 г., кн. 1).—Отдѣльное изданіе: Спб., 1860 г., 108 стр.

«О памятникѣ тысячелѣтія государства Россійскаго» («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1860 г., № 42).

«Римскіе папы въ былое и настоящее время» («Разсвѣтъ», 1860 г., кн. 4—6).

«Русская исторія, написанная въ 1736 году поиспански Донъ-Мануэлемъ Виллегасъ-и-Пиньятелли» («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1860 г., № 141).

«Сочиненіе Мильтона о Россіи» («Отечественныя Записки», 1860 г., кн. 7).

«Жизнь Гарибальди» («Современникъ», 1860 г., кн. 7).

«Санктпетербургскія Вѣдомости» во все время ихъ существованія» («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1860 г., № 157).

«Провинціальное общество и провинціальные корреспонденты» (тамъ же, № 186).

«Проблески счастья», повѣсть («Отечественныя Записки», 1860 г., кн. 8 и 10).— Отдѣльно: Спб., 1860 г.

«Очерки стариннаго быта Польши»: 1) «Четыре мѣшка» (о старостѣ Каніовскомъ, Николаѣ Потоцкомъ); 2) «Станиславъ-Августъ, король польскій»; 3) «Свадьба Каси» («Современникъ», 1860 г., кн. 12).

«Наслѣдство Крушихина», повѣсть («Отечественныя Записки», 1861 г., кн. 4 и 5).—Отдѣльно: Спб., 1861 г.

«Очерки стариннаго быта Польши: 1) «Янъ Собѣскій подъ Вѣною»; 2) «Святослава Сандецкая»; 3) «Сѣверскіе послы» («Современникъ», 1861 г., кн. 5).

«Очерки стариннаго быта Польши»: 1) «Польское посольство во Францію» (1645 г.); 2) «Нитка жемчуга» (о княгинѣ Радзивиллъ); 3) «Вызовъ родственниковъ» (о панѣ Буйницкомъ) («Библіотека для Чтенія», 1861 г., кн. 9).

«Значеніе мировыхъ посредниковъ и очеркъ ихъ дѣятельности въ 1861 году» («Мировой Посредникъ», 1862 г., №№ 1—3).—То же напечатано въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» (1862 г., № 10).

«Сочиненіе, написанное въ 1657 году о Россіи на итальянскомъ языкѣ» («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1862 г., № 79),—Это сочиненіе издано подъ заглавіемъ: «Relazione della Moscovia di Alberto Vimina».

«Записки Обуховичей» («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1862 г., № 187).

«Смерть Владислава Сырокомли» (тамъ же, № 201).

«Очерки стариннаго быта Польши»: 1) «Панъ Лада и Фридрихъ Великій»; 2) «Косцюшко» («Современникъ», 1863 г., кн. 5 и 12).
«О разработкѣ статистики народнаго просвѣщенія въ Россіи» («Учитель», 1863 г., №№ 7—16, 18 и 19).—Отдѣльно: Спб., 1863 г., 146 стр.
«Свѣдѣнія о жителяхъ Галерной гавани» («Голосъ», 1864 г., № 67).
«Евангелическо-лютеранскія секты въ Россіи» (тамъ же, №№ 241, 266 и 269).
«Еврейскій вопросъ въ Россіи», Спб., 1864 г., 113 стр.
«О развитіи женскаго труда въ Петербургѣ» («Отечественныя Записки», 1865 г., кн. 8).—Отдѣльно: Спб. 1865 г.
«Замыслы верховниковъ и челобитчиковъ въ 1730 году» («Отечественныя Записки», 1872 г., кн. 1 и 2).
«Предстоящій международный статистическій конгрессъ въ Петербургѣ» (тамъ же, кн. 7).
«Пособіе для занятій по судебно-гражданской части», двѣ книги, Спб., 1872 г.
«Очерки нашихъ порядковъ административныхъ, судебныхъ и общественныхъ», Спб., 1873 г.
«Объ исчисленіи народонаселенія въ Россіи» («Отечественныя Записки», 1873 г., кн. 8).
«Значеніе бироновщины въ русской исторіи» (тамъ же, кн. 10 и 11).
«Обзоръ «Русской Старины» («Русская Старина», 1873 г., т. VII).
«Очерки стариннаго быта Польши», Спб., 1873 г.—Это отдѣльное изданіе очерковъ, напечатанныхъ въ журналахъ.
«Собраніе узаконеній русскаго государства», томъ первый: царствованіе царя Алексѣя Михайловича, съ 1649 по 1676 гг., Спб., 1874 г.
«Марія-Терезія Угрюмова, авантюристка при дворѣ Станислава Понятовскаго» («Русская Старина», 1874 г., т. XI).
«О разработкѣ уголовной статистики въ Россіи» («Отечественныя Записки», 1874 г., кн. 5—6).
«О новомъ изданіи полнаго собранія законовъ» («Русская Старина», 1874 г., кн. 6).
«Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи», Спб., 1874 г.—Второе дополненное изданіе: Спб., 1885 г., 330 стр.
«Фотій Спасскій», біографическій очеркъ («Русская Старина»), 1875 г., кн. 7 и 8.
«Каліостро въ Петербургѣ въ 1779 году» («Древняя и Новая Россія», 1875 г., кн. 3).
«Шевалье д'Еонъ при дворѣ императрицы Елисаветы Петровны» (тамъ же, кн. 6).
«Вмѣшательство русской политики въ избраніе Морица Саксонскаго герцогомъ Курляндскимъ» (тамъ же, кн. 9 и 10).
«Русскій помѣщикъ въ концѣ XVIII вѣка» («Русская Старина», 1876 г., т. XVI).
«О книгѣ Баранова: «Архивъ Правительствующаго сената» («Древняя и Новая Россія», 1876 г., кн. 4).
«Братья Тренкъ въ Россіи» (тамъ же, кн. 5).
«Одинъ изъ вопросовъ въ исторіи крѣпостного права» (тамъ же, кн. 9).
«Ассамблеи при Петрѣ Великомъ» («Древняя и Новая Россія» 1877 г., кн. 1).
«Объ архивѣ кн. Воронцова» (тамъ же, кн. 6).
«Мальтійскіе рыцари въ Россіи», изъ сказаній XVIII вѣка («Отечественныя Записки», 1877 г., кн. 6—8).—Отдѣльное изданіе: Спб., 1880 г., 335 стр.
«Герцогиня Кингстонъ и дѣло объ ея имѣніи въ Россіи» («Русская Старина», 1877 г., т. XVIII).

«Цесаревичъ Константинъ Павловичъ», историко-біографическій очеркъ (тамъ же, 1877 г., кн. 6—9, 11; 1878 г., кн. 1—3).
«Пятидесятилѣтняя годовщина Наваринскаго сраженія» («Древняя и Новая Россія», 1877 г., кн. 10).
«Объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига» («Отечественныя Записки», 1878 г., кн. 1—2).
«Отвѣтъ гг. Бѣлову, Костомарову и Миллеру, по поводу предыдущей статьи» (тамъ же, кн. 4).
«Аббатъ Жоржель въ Россіи, 1799—1800» («Древняя и Новая Россія», 1878 г., кн. 6—8, 10 и 12).
«Самозванныя дѣти», изъ сказаній XVIII вѣка («Отечественн. Записки», 1878 г., кн. 8—10).—Отдѣльное изданіе: Спб., 1880 г., 338 стр.
«Генералъ Моро въ русской службѣ, 1813 года» («Древняя и Новая Россія», 1878 г., кн. 9).
«Любовь и корона», историческій романъ, изъ временъ императрицы Анны Іоанновны и регентства принцессы Анны Леопольдовны, Спб., 1879 г., 408 стр.—Второе изданіе: Спб., 1883 г.
«Александра Павловна, палатина венгерская» («Древняя и Новая Россія», 1879 г., кн. 3).
«Трехсотлѣтнія отношенія между Россіей и Англіей» («Отечественныя Записки» 1879 г., кн. 4—5).
«На высотѣ и на долѣ», изъ сказаній XVII столѣтія (тамъ же, кн. 6—8).
«Очерки русскаго придворнаго быта въ XVIII столѣтіи» («Историческій Вѣстникъ», 1881 г., кн. 6 и 7).
«Однодневная перепись с.-петербургскаго населенія» («Наблюдатель», 1882 г., кн. 2).
«Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ и его время» («Историческій Вѣстникъ», 1882 г., кн. 4 и 5).
«Политика Москвы и русская народность» («Наблюдатель», 1882 г., кн. 4—6, 8—9).
«Къ вопросу о распространеніи грамотности въ русскомъ народѣ» (тамъ же, кн. 10).
«Очерки Вѣны» (тамъ же, кн. 12).
«Очерки Праги, Дрездена и Берлина» («Наблюдатель», 1883 г., кн. 1, 2, 5 и 6).
«Подданство Пруссіи Польшѣ въ былую пору» («Историческій Вѣстникъ», 1883 г.), кн. 4).
«Государственный человѣкъ екатерининскихъ временъ» (тамъ же, кн. 5 и 6).
«Московскіе люди XVII вѣка» (тамъ же, кн. 8—11).
«Раздумье надъ записками графа М. Н. Муравьева» («Наблюдатель», 1883 г., кн. 11 и 12).
«Двѣ герцогини курляндскія» («Историческій Вѣстникъ», 1883 г., кн. 12).
«Аристократизмъ Петербурга и Россіи» («Наблюдатель», 1884 г., кн. 2).
«Русскія почты въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка». («Историческій Вѣстникъ», 1884 г., кн. 3).
«Лола Монтесъ, графиня фонъ-Лансфельдъ» (тамъ же, кн. 5).
«Передъ выборами мировыхъ судей въ Петербургѣ» («Наблюдатель», 1884 г., кн. 5 и 6).
«Императрица Елисавета Петровна и король Людовикъ XV» («Историческій Вѣстникъ», 1884 г., кн. 8).

«Къ исторіи польскаго возстанія 1863 года: депеши итальянскаго посла при русскомъ дворѣ, маркиза Пеполи» (тамъ же, кн. 9).
«Провинціальная канцелярія и черты народной русской жизни» (тамъ же, кн. 10).
«Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій», Спб., 1884 г.
«Историческіе разсказы и бытовые очерки», Спб., 1884 г.
«Пагуба», историческій романъ («Русская Мысль», 1884 г.). — Отдѣльное изданіе: Спб., 1887 г., 443 стр.
«Переполохъ въ Петербургѣ», историческая повѣсть («Историческій Вѣстникъ», 1885 г., кн. 1—3).
«Дворянская грамота» (тамъ же, кн. 3).
«Титулы въ Россіи» (тамъ же, кн. 4).
«Россія въ восемнадцатомъ вѣкѣ» («Новь», 1885 г:, кн. 8).
«Дворянство въ XVIII вѣкѣ» (тамъ же, 1885 г., кн. 12).
«Повѣствованія изъ русской исторіи» («Народная Школа», 1885 г., кн. 6 и 7).
«Черты изъ патріаршаго и царскаго быта» («Историческій Вѣстникъ», 1885 г., кн. 10).

Уже по смерти Е. П. Карновича, появились его труды:

«Служебные, должностные и сословные знаки отличій въ Россіи» (тамъ же, кн. 11 и 12).
«Придворное кружево», историческій романъ, Спб., 1885 г.
«Смѣлая жизнь», романъ изъ московскаго быта въ исходѣ XVII вѣка («Новь», 1886 г., кн. 1—5).
«Наши сосѣди нѣмцы и ихъ большіе центры» (тамъ же, кн. 2 и 6).
«Бѣлая дама» («Историческій Вѣстникъ», 1886 г., кн. 4).
«Россія въ восемнадцатомъ вѣкѣ» («Новь», 1886 г., кн. 24).
«Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими», Спб., 1886 г., 248 стр.
«Финансы Россіи въ прошломъ вѣкѣ» («Новь», 1887 г., кн. 13 и 14).
«Подати, повинности, пошлины и регаліи въ прошломъ вѣкѣ» (тамъ же, кн. 16).
«Медвѣжій городъ: «Бернъ, его прошлое и настоящее» (тамъ же, кн. 17).
«Система государственнаго образованія у насъ въ прошломъ вѣкѣ» (тамъ же, кн. 21 и 22).
«Женева прежде и теперь», картина города, его прошлое и настоящее (тамъ же, кн. 24).
«Историческія повѣсти: «Переполохъ въ Петербургѣ» и «Лимонъ», Спб., 1887 г., 268 стр.
«Наше купечество въ прошломъ вѣкѣ» («Новь», 1888 г., кн. 1).
«Внѣшняя и внутренняя торговля Россіи въ XVIII вѣкѣ» (тамъ же, кн. 5 и 6).

Надо прибавить, что покойный Е. П. Карновичъ еще участвовалъ, какъ сотрудникъ, въ «Недѣлѣ», «Русской Мысли» и «Народной Школѣ», а въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (за 1883—1885 годы) печаталъ критическія статьи подъ псевдонимомъ: «К. Н. В.».

Кедровъ, Денисъ Васильевичъ [1]), докторъ медицины, † 28-го января въ Петербургѣ.—Кромѣ статей въ медицинскихъ журналахъ, имъ напечатаны:

[1]) См. «Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 181.

«Гидроферныя ванны и ихъ значеніе въ терапіи», Спб., 1862 г.

«Военная гигіена (наука о сохраненіи здоровья) и первая помощь больнымъ и раненымъ въ отсутствіи врача», настольная книга для русскихъ офицеровъ, Спб., 1870 г., съ 42 политипажами въ текстѣ.

«Опытъ санитарной статистики военно-учебныхъ заведеній за десятилѣтіе — 1866—1875 годы», Спб., 1880 г., 296 стр.

Кельсіевъ, Александръ Ивановичъ [1]), хранитель московскаго политехническаго музея, членъ общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, секретарь учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній и сотрудникъ комитета по разбору просящихъ милостыню; † 30-го декабря въ Москвѣ.— Его труды:

«Практика антропометріи», М., 1878 г.

«Антропологическая выставка 1879 года: описаніе предметовъ выставки, отдѣлъ фотографій и изображеній различныхъ народовъ» («Труды Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи», 1879 г., т. XXV, ч. II, вып. 4).

«Измѣреніе неприступныхъ разстояній», М., 1880 г.

«Цифры у разныхъ народовъ древнихъ и новыхъ», М., 1880 г.

«Письмо по поводу выборовъ въ Импер. Московскомъ Археологическомъ Обществѣ» («Газета Гатцука», 1885 г.).

«Подмосковное курганное кладбище при деревнѣ Мытиной» («Древности, изд. Импер. Московск. Археологическ. Обществомъ», 1885 г., т. X, стр. 30—45, съ 8-ю рисунками въ текстѣ).

Кистяковскій, Александръ Ѳедоровичъ [2]), сынъ православнаго священника, родился 14-го марта 1833 года въ селѣ Городищѣ (Сосницкаго уѣзда, Черниговской губерніи), воспитывался въ черниговскомъ духовномъ училищѣ и черниговской семинаріи, изъ которой, по окончаніи полнаго курса, поступилъ на юридическій факультетъ университета св. Владиміра (1853 г.), но скоро (въ сентябрѣ 1856 года) былъ посланъ учителемъ исторіи и гео-

---

[1]) О немъ—«Московскій Листокъ», 1885 г., № 361; «Московскія Вѣдомости», 1886 г., №№ 1, 3 и 4; «Газета Гатцука», 1886 г., № 1, стр. 5; «Библіографъ», 1886 г., № 10, стр. 149.

[2]) О немъ—«Біографическій Словарь профессоровъ университета св. Владиміра», Кіевъ, 1884 г., стр. 252—260.—Періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ», № 2, стр. 44; «Волынск. епарх. Вѣдомости», № 6; «Вѣстникъ археологіи и исторіи», вып. I, стр. 114—116; «Днѣпръ», № 364; «Журналъ гражданск. и уголовн. права», кн. 2, стр. 13—43; кн. 5, стр. 1—36; «Историческ. Вѣстникъ», кн. 3, стр. 722; «Кіевская Старина», кн. 2, стр. 406—415; кн. 6, стр. 238—254; «Новое Время», №№ 3190 и 3197; «Новости», № 23; «Новь», кн. 8, стр. 634—641; «Русск. Вѣдомости», № 15; «Сѣверный Кавказъ», № 16; «Юридическ. Вѣстникъ», кн. 2, стр. 383—392; «Юридическое Обозрѣніе», № 219, стр. 708—716; «Церковный Вѣстникъ», № 4;—«А. Ѳ. Кистяковскій и его ученые труды», рѣчь проф. В. М. Владимірова въ годовомъ собраніи Юридическаго общества, состоящаго при Петербургскомъ университетѣ (Спб., 1885 г., 36 стр.).—«Юридическій Вѣстникъ», 1886 г., кн. 5, стр. 49—69).

графіи въ козелецкое уѣздное училище, а затѣмъ (въ концѣ того же года) переведенъ въ кіевское дворянское училище преподавателемъ тѣхъ же предметовъ; черезъ полгода (въ началѣ 1857 года) онъ снова былъ принятъ въ число студентовъ и въ томъ же году окончилъ университетскій курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента; по выпускѣ изъ университета, поступилъ домашнимъ учителемъ къ М. А. Маркевичу (въ селѣ Восковцахъ, Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи), но уже въ августѣ 1858 года отправился въ Петербургъ; тамъ онъ служилъ чиновникомъ въ канцеляріи межевого департамента (съ 16-го ноября 1858 года), младшимъ помощникомъ секретаря при канцеляріи сената (съ іюня 1859 года) и старшимъ помощникомъ столоначальника въ департаментѣ министерства народнаго просвѣщенія (съ 16-го ноября 1860 года); оставленный за штатомъ (съ 1-го іюля 1863 года), А. Ѳ. переѣхалъ въ Кіевъ, выдержалъ экзаменъ на степень кандидата (въ декабрѣ 1863 года) и получилъ званіе приватъ-доцента въ родномъ университетѣ (въ сентябрѣ 1864 года); затѣмъ, удостоенный степени магистра уголовнаго права (12-го мая 1867 г.), утвержденъ доцентомъ по каѳедрѣ уголовнаго права и судопроизводства (со 2-го іюня 1867 года), а по защитѣ докторской диссертаціи (20-го декабря 1868 года) назначенъ экстраординарнымъ (съ 9-го февраля 1869 года) и ординарнымъ (съ 16-го февраля 1870 года) профессоромъ по той же каѳедрѣ въ университетѣ св. Владиміра, гдѣ и состоялъ до кончины—13-го января, въ Кіевѣ.—Покойный былъ директоромъ кіевскаго тюремнаго комитета (1865—1870 гг.), членомъ-корреспондентомъ императорскаго русскаго географическаго общества, дѣйствительнымъ членомъ императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, почетнымъ членомъ Московскаго и Петербургскаго университетовъ, почетнымъ членомъ московскаго юридическаго общества, и членомъ кіевскаго юридическаго общества, въ которомъ исполнялъ должность предсѣдателя (1879—1885 гг.).—Онъ напечаталъ слѣдующіе труды:

«Очеркъ англійскаго уголовнаго процесса» («Журналъ мин. юстиціи 1860 г., кн. 6, 8 и 12).—Эта статья составлена по сочиненію Митермайера: «Das englische, Schottische und Nordamericanische Strafverfahren»:

«Конференція парижскихъ адвокатовъ» («Журналъ мин. юстиціи», 1861., кн. 2).

«Степень достовѣрности телеграфическихъ депешъ въ сношеніяхъ судебныхъ мѣстъ между собою» (тамъ же, кн. 3).

«Международное общество для развитія общественныхъ наукъ и первый его конгрессъ въ Брюсселѣ» (тамъ же, 1863 г., кн. 10).

«Адвокатура во Франціи, Англіи и Германіи» (тамъ же, кн. 8).

«С. О. Богородскій и его ученая дѣятельность» (тамъ же, кн. 9).

«Амвросій Рандю и французскій университетъ» («Журналъ мин. нар. просвѣщенія» 1863 г., кн. 2).—Эта статья составлена по книгѣ Евгенія Рандю: «M. Ambroise Rendu et l'université de France».

«Рецензія на Учебникъ уголовнаго права, составлен. В. Спасовичемъ» («Журналъ мин. нар. просвѣщенія», 1863 г., кн. 6).—Эта же рецензія перепечатана въ «Журналѣ мин. юстиціи» (1863 г., кн. 7).

«Рецензія на сочиненіе Валетта: «Guide pédagogique et manuel administratif à l'usage des instituteurs, des institutrices et principalement des élèves-maîtres» («Журналъ мин. нар. просвѣщенія», 1863 г., кн. 7).

«Юридическое образованіе въ Лондонскихъ адвокатскихъ общинахъ—«Inns of Court» (тамъ же, кн. 8).

«Чему и какъ учить народъ», Спб., 1863.

«О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда по дѣйствовавшему до судебной реформы уголовному судопроизводству, въ особенности о предварительномъ тюремномъ заключеніи» («Кіевск. университетск. Извѣстія 1864 г.», кн. 6 и 7).—Отдѣльно: Кіевъ, 1864 г., 77 стр. Это—диссертація для полученія званія привать-доцента.

«Полицейскіе суды въ Лондонѣ» («Журналъ мин. юстиціи», 1864 г., кн. 8).— Эта статья, подписанная псевдонимомъ: «Городисскій», была перепечатана въ «Сынѣ Отечества» (1864 г., № 214).

«Вліяніе Беккаріи на русское уголовное право» («Журналъ мин. юстиціи» 1864 г., кн. 9, за подписью: «А. Городисскій»).

«Изложеніе началъ уголовнаго права по Наказу Императрицы Екатерины II», пробная лекція («Кіевск. университетск. Извѣстія», 1864 г., кн. 10).

«О подсудности по закону 11 октября 1865 года» («Судебн. Вѣстникъ», 1866 г.).

«Изслѣдованіе о смертной казни», магистерская диссертація (тамъ же, 1866 г., кн. 11 и 12; 1867 г., кн. 1—4).—Отдѣльно: Кіевъ, 1867 г., 281 стр.

«Объ отношеніи судебной реформы къ теоретическому образованію вообще и представителямъ его—профессорамъ юридическихъ наукъ» («Судебный Вѣстникъ», 1867 г.).

«О порядкѣ и характерѣ производства дѣлъ по извѣту о фальшивости духовнаго завѣщанія, объявленному при предъявленіи духовнаго завѣщанія къ засвидѣтельствованію» («Журналъ мин. юстиціи», 1867 г., кн. 9).

«Историко-догматическое изслѣдованіе о пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда», докторская диссертація (тамъ же, 1868 г., кн. 2—3, 7—11.—Отдѣльное изданіе: Спб., 1869 г., 194 стр.

«О значеніи судебной реформы въ дѣлѣ улучшенія уголовнаго правосудія», актовая рѣчь («Кіевск. университетск. Извѣстія», 1870 г., кн. 5 и 6).— Отдѣльно: Кіевъ, 1870 г.

«Разборъ сочиненія Сокольскаго: «Beiträge zur Lehre von den Eigenthumsverbrechen nach der Уложеніе des Zsaren Alexei Michailowitsch» («Кіевскія университетск. Извѣстія», 1870 г., кн. 10).

«Волостные суды, ихъ исторія, настоящая ихъ практика и нынѣшнее ихъ положеніе» («Труды этнографически-статистической экспедиціи въ Западнорусскій край, снаряженной Импер. Русск. Географическимъ Обществомъ», Спб., 1872 г., томъ шестой).

«Уголовное право Италіи: «профессоръ Пессина и современное движеніе итальянскаго права и науки» («Судебный журналъ», 1873 г., кн. 3 и 4).

«Разборъ сочиненія Сокольскаго: «О нарушеніяхъ уставовъ монетныхъ» («Журналъ гражданск. и уголовнаго права», 1873 г., кн. 6).—То же напечатано и въ «Кіевскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ» (1873 г., кн. 11).

«Разборъ сочиненій Духовскаго: «Задача науки уголовнаго права и Понятіе клеветы, какъ преступленія противъ чести частныхъ лицъ» («Кіевск. университетск. Извѣстія», 1873 г., кн. 12).

«Главнѣйшіе моменты исторіи развитія науки уголовнаго права» (тамъ же, 1873 г., кн. 12; 1874 г., кн. 1).

«Итальянскіе университеты» («Журналъ мин. народнаго просвѣщенія», 1874 г., кн. 4 и 5).

«О преподаваніи юридическихъ и политическихъ наукъ въ Германіи» (тамъ же, кн. 6).

«Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права» («Кіевск. университетск. Извѣстія», 1874 г., кн. 1, 3, 5, 7, 8 и 12; 1875 г., кн. 1—5).—Отдѣльное изданіе: Кіевъ, 1875 г., 413 стр.—Второе изданіе: Кіевъ, 1882 г., 930 стр.

«Рецензія на сочиненіе Самоквасова: «Древніе города Россіи» («Судебный Журналъ», 1874 г., кн. 1 и 2).

«Отвѣтъ г. Сокольскому по новоду сочиненія: «О нарушеніяхъ уставовъ монетныхъ» («Кіевск. университетск. Извѣстія», 1874 г., кн. 2).

«Труды Дю-Буа по исторіи уголовнаго права Франціи сравнительно съ уголовнымъ правомъ Италіи, Германіи и Англіи» (тамъ же, кн. 10).

«Программа для собиранія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву» (тамъ же).—Второе исправленное и дополненное изданіе этой программы съ предисловіемъ о методѣ собранія матеріаловъ по обычному праву напечатано также въ «Кіевскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ» (1878 г.) и вышло отдѣльною брошюрою (Кіевъ, 1878 г., 51 стр.).

«Разборъ сочиненія Тарасова: «Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности» («Журналъ гражданск. и уголовн. права», 1875 г., кн. 5).

«О преступленіи: «недозволенное оставленіе отечества» («Судебный Вѣстникъ», 1875 г., № 230).

«Къ вопросу о способѣ опредѣленія личности свидѣтеля и отношеніи его къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ» (тамъ же, № 231).

«Права, по которымъ судится малороссійскій народъ съ приложеніемъ изслѣдованія о семъ сводѣ и о законахъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи» («Кіевск. университетск. Извѣстія», 1875 г., кн. 6—11; 1876 г. кн. 1—12; 1877 г., кн. 1, 8, 10 и 12; 1878 г., кн. 11—12).—Отдѣльное изд.: Кіевъ, 1879 г.

«О наказуемости изъявленія умысла по русскому праву» («Судебн. Вѣстникъ», 1876 г.).

«Возможно ли у насъ отдѣлить экзамены юристовъ отъ времени преподаванія и ввести государственные экзамены» (тамъ же, № 40).

«О трудахъ проф. Танисена по исторіи уголовнаго права» («Кіевск. университетск. Извѣстія», 1876 г., кн. 4).

«Собраніе и разработка матеріаловъ по обычному праву» (тамъ же, кн. 6).

«Нуждается ли общественная безопасность въ другихъ наказаніяхъ, кромѣ опредѣляемыхъ по суду?» («Сборникъ государственн. знаній, изд. Безобразовымъ», Спб., 1877 г., т. IV).

«Воспоминаніе объ ученой дѣятельности покойнаго профессора А. П. Чебышева-Дмитріева» («Кіевскія университетск. Извѣстія», 1877 г., кн. 5).

«Профессоръ Н. Д. Иванишевъ и его сочиненія» («Юридическій Вѣстникъ», 1877 г., № 7).

«Судъ шеффеновъ въ русской юридической литературѣ» («Кіевск. университеск. Извѣстія», 1877 г., кн. 11).

«Разработка вопроса о предрѣшеніяхъ гражданскимъ судомъ вопросовъ гражданскаго права, возникающихъ при производствѣ уголовнаго суда» (тамъ же, кн. 12).

«Обозрѣніе работъ по обычному праву въ послѣднія пять лѣтъ—1873—1878г г.» (тамъ же, 1878 г., кн. 4).

«Молодые преступники и учрежденія для ихъ исправленія съ обозрѣніемъ русскихъ учрежденій» (тамъ же, кн. 4—7).—Отдѣльное изданіе: Кіевъ, 1878 г., 213 стр.

«Очеркъ историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, подъ заглавіемъ: «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ» («Кіевскія университетскія Извѣстія», 1878 г., кн. 11—12).

«Судебная организація во Франціи и предстоящія въ ней реформы» («Журналъ гражданскаго и уголовнаго права», 1879 г., кн. 2—3).

«Разборъ сочиненія Неклюдова: «Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права» («Сборникъ государственныхъ знаній», изд. Безобразовымъ, Спб., 1879 г., т. VII).

«Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа» («Записки Импер. Русскаго географическаго Общества по отдѣленію этнографіи», 1879 г., т. VIII).

«Разборъ перевода Соболева: «О преступленіяхъ и наказаніяхъ, сочиненіе Беккаріи» («Критическое Обозрѣніе», 1879 г., № 10).

«Разборы сочиненій»—Слонимскаго: «Умственное разстройство въ гражданскомъ и уголовномъ отношеніи», Розенгейма: «Очеркъ исторіи военно-судебныхъ учрежденій при Петрѣ Великомъ», Таганцева: «Курсъ русскаго уголовнаго права» и Зарудинаго: «Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ сравненіи съ X главою Наказа императрицы Екатерины II и съ современными русскими законами» («Журналъ гражданскаго и уголовнаго права», 1880 г., кн. 1).

«О незаконнорожденныхъ» (тамъ же, кн. 1 и 2).

«Къ вопросу о вліяніи инородческаго права на русское» («Юридическій Вѣстникъ», 1880 г.).

«Постановленія русскаго уголовнаго права о молодомъ возрастѣ по отношенію къ вмѣненію» (тамъ же).

«О задачахъ и цѣляхъ нашихъ юридическихъ Обществъ и отношеніи ихъ къ судебной реформѣ» («Журналъ гражданскаго и уголовнаго права», 1881 г., кн. 1).

«Біографическія свѣдѣнія объ умершихъ нѣмецкихъ юристахъ: «Геффтеръ, Вальтерѣ и Вехтерѣ» (тамъ же).

«О самоубійствѣ по дѣйствующей системѣ уголовныхъ законовъ» (тамъ же, 1882 г., кн. 3).

«Докладъ объ ученыхъ трудахъ проф. Тарасова» (тамъ же, 1882 г., кн. 5).

«О преступленіяхъ противъ вѣры» («Наблюдатель», 1882 г., кн. 10).

«Прошеніе малороссійскаго шляхетства и старшинъ вмѣстѣ съ гетманомъ о возстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, поданное Екатеринѣ II въ 1764 году» («Кіевская Старина», 1883 г., кн. 6).

«П. П. Чубинскій», некрологъ (тамъ же, 1884 г., кн. 2).

«С. Ѳ. Богородскій» и «П. Д. Колосовскій», біографическіе очерки («Біографическій Словарь профессоровъ университета св. Владиміра», Кіевъ, 1884 г.).

«Докладъ гр. П. А. Румянцова императрицѣ Екатеринѣ II въ 1781 году» («Кіев. Старина», 1884 г., кн. 12).
«Рецензія сочиненія Дриля: «Малолѣтніе преступники» («Заря», 1885 г.).

Надо прибавить, что покойный А. Ѳ. Кистяковскій состоялъ помощникомъ редактора журнала: «Основа» (съ половины 1861 года до конца 1862 года).

Колбасинъ, Елисей Яковлевичъ [1]), родился въ 1831 году, воспитывался на юридическомъ факультетѣ Петербургскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ кандидатомъ правъ (1854 г.); † 28-го сентября въ своемъ имѣніи Челодаровкѣ (Ананьевскаго уѣзда, Херсонской губерніи).—Имъ напечатаны:

«Въ деревнѣ и Петербургѣ», повѣсть («Современникъ», 1855 г., кн. 5). — Отдѣльно: Спб., 1857 г.
«Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, переводчикъ греческихъ классиковъ» («Современникъ», 1856 г., кн. 3 и 4, съ политипажнымъ портретомъ).
«Кургановъ и его «Письмовникъ» («Библіотека для Чтенія», 1857 г., кн. 1).
«Царь Алексѣй Михайловичъ» (тамъ же, кн. 4).
«Дѣвичья кожа», повѣсть («Современникъ», 1858 г., кн. 4).
«Сурковъ», разсказъ (тамъ же, кн. 6).
«Академическій переулокъ», очеркъ («Библіотека для Чтенія», 1858 г., кн. 8).
«Переписка Карамзина съ 1799 по 1826 годъ», съ предисловіемъ («Атеней», 1858 г., кн. 19—28).
«Воейковъ съ его сатирою: «Домъ сумасшедшихъ» («Современникъ», 1859 г. кн. 1).
«Литературные дѣятели прежняго времени», Спб., 1859 г., 291 стр. — Въ эту книжку вошли три вышеуказанныя статьи о Мартыновѣ, Кургановѣ и Воейковѣ.
«Два зайца», повѣсть («Для легкаго чтенія», сборникъ, Спб., 1859 г., т. IX).
«Фридрихъ», разсказъ («Современникъ», 1860 г., кн. 2).
«Дядюшка», разсказъ (тамъ же, кн. 5).
«Семь клеветъ на любовь», разсказъ доктора («Современникъ», 1861 г., кн. 5).
«Майоръ Щавель», разсказъ («Вѣкъ», 1861 г.).
«Пѣвецъ Кубры, графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ», психологическій очеркъ («Время», 1862 г., кн. 6).
«Наша печать» («Новороссійскій Телеграфъ», 1869 г., № 1).

Костенецкій, Яковъ Ивановичъ [2]), родился въ Конотопскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи (1811 г.), воспитывался въ новгородъ-сѣверской гимназіи и на этикополитическомъ (нынѣ—юридическомъ) факультетѣ Московскаго университета (1822—1831 гг.); за участіе въ такъ называемомъ «Сунгуровскомъ тайномъ обществѣ», о которомъ самъ подробно говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», лишенъ дворянскаго званія и записанъ рядовымъ въ кавказскій корпусъ (въ февралѣ 1833 года); по прибытіи въ Тифлисъ, былъ опредѣленъ въ Куринскій егерскій полкъ (1833—1839 гг.) и

---

[1]) См. періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ», № 12, стр. 95—96; «Газета Гатцука», № 40, стр. 638; «Новости», № 277; «Новь», кн. 24, стр. 809.
[2]) О немъ—«Русскій Архивъ», 1887 г., кн. 1, стр. 99—100.

за отличіе при штурмѣ Шамилевой крѣпости Ахульго произведенъ въ прапорщики (1839 г.); послѣ того—адъютантъ при начальникѣ лѣваго фланга кавказской арміи—генералъ-маіорѣ А. П. Пулло и командующемъ войсками кавказской линіи—генералѣ П. Х. Граббе; по болѣзни былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ поручика (1842 г.) и уѣхалъ въ свою деревню; тамъ онъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, принималъ участіе въ земскихъ собраніяхъ, состоялъ почетнымъ мировымъ судьей, членомъ училищнаго совѣта и попечителемъ школъ Конотопскаго уѣзда; † 1-го іюня въ своемъ имѣніи Скибенцы-Липки (Черниговской губерніи).—Ему принадлежатъ слѣдующіе труды:

«Аварская экспедиція 1837 года» («Современникъ», 1850 г., кн. 10—12).—Въ болѣе полномъ видѣ этотъ трудъ вышелъ подъ заглавіемъ: «Записки объ Аварской экспедиціи на Кавказѣ въ 1837 году» (Спб., 1851 г. три тома).

«Объ улиточной записи» («Журналъ Мин. Юстиціи», 1859 г., кн. 4).—Улиточная запись введена въ Малороссіи изъ Литовскаго Статута.

«Генералъ Василій Григорьевичъ Костенецкій, 1780—1831 гг., біографическая замѣтка («Русская Старина», 1875 г., кн. 2).

«Воспоминаніе о М. Ю. Лермонтовѣ» (тамъ же, кн. 9).

«Иванъ Скобелевъ и генералъ Тешенъ», легенды (тамъ же, 1882 г., кн. 7).

«Разсказы объ императорѣ Николаѣ» («Историческій Вѣстникъ», 1883 г., кн. 7).

Уже послѣ кончины Я. И. Костенецкаго, напечатаны его записки подъ названіемъ: «Воспоминанія изъ моей студенческой жизни» («Русскій Архивъ» 1887 г., кн. 1—3 и 5).

Костомаровъ, Николай Ивановичъ [1]), извѣстный историкъ, родился 4-го мая 1817 года въ слободѣ Юрасовкѣ (Воронежской

---

[1]) О немъ—«Русск. художествен. Листокъ», 1860 г., № 20 (съ портретомъ).—«Дневникъ Т. Г. Шевченка» («Основа», 1861—1862 гг.).—«Портретная галерея русскихъ дѣятелей», изд. А. Мюнстеромъ, Спб., 1869 г., т. II.—«С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія», Григорьева, Спб., 1870 г., стр. 225—228.—«Иллюстрированн. Недѣля», 1873 г., № 1.—«Русская Старина», 1874 г., стр. 181.—«Новости», 1875 г., №№ 41—47.—«Поэзія славянъ», сборникъ, изд. Гербелемъ, Спб., 1871 г., стр. 172—173.—«Исторія славянскихъ литературъ», Пыпина и Спасовича, Спб., 1879 г., стр. 370—373.—«Біографическій Словарь профессоровъ университета Св. Владиміра», Кіевъ, 1884 г., стр. 283—297.—Періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ», № 5, стр. 104; «Благовѣстъ», № 9; «Волынскія Епархіальныя Вѣдомости», № 13; «Восточн. Обозрѣніе», №№ 15 и 16; «Вѣстникъ археологіи и исторіи», вып. 3, стр. 73—77; «Вѣстникъ Европы», кн. 5, стр. 411—426; кн. 10, стр. 777 и 804; «Всемірная Иллюстрація», № 16, стр. 318—319 (съ портретомъ); № 17, стр. 335—338; «Газета Гатцука», № 14, стр. 226—227; № 15, стр. 243—245 (съ портретомъ); № 26, стр. 420; «Голосъ Москвы», № 99; «Гражданинъ», № 28; «Донск. епарх. Вѣдомости», № 10; «Дѣло», кн. 6, стр. 111—112; «Еженедѣльн. Обозрѣніе», № 69, стр. 445—447; «Живописное Обозрѣніе», № 15, стр. 238 (съ портретомъ); № 17, стр. 270—271; «Журналъ мин. нар. просвѣщенія», кн. 5, стр. 33—37; «Историческ. Вѣстникъ», кн. 5, стр. 1—16 (съ портретомъ); кн. 6, стр. 677—687; кн. 7, стр. 72—86; «Кіевская Старина», кн. 5, стр. I—XLIV; кн. 6, стр. 219, 237, 255, 262, 352 и 353; кн. 9, стр. 184; «Колосья», кн. 4,

губерніи, Острогожскаго уѣзда), среди помѣщичьей семьи; десятилѣтнимъ ребенкомъ онъ былъ привезенъ въ Москву и помѣщенъ въ частный пансіонъ И. П. Геннекеня [1], но черезъ годъ переведенъ въ частное учебное заведеніе, открытое въ Воронежѣ учителями Ѳедоровымъ и Поповымъ; отсюда ему пришлось поступить въ воронежскую гимназію (1831 г.); по окончаніи курса въ послѣдней, зачислился въ студенты Харьковскаго университета по историко-филологическому факультету (1833 г.); удостоенный сначала званія дѣйствительнаго студента (1836 г.), а потомъ—по экзамену—степени кандидата (1837 г.), недолго служилъ юнкеромъ въ Кинбурнскомъ драгунскомъ полку; затѣмъ, выйдя въ отставку, отправился въ Москву съ цѣлію держать экзаменъ для полученія степени магистра русской словесности, но весною 1838 года прибылъ въ Харьковъ, прожилъ тутъ два года и выдержалъ испытанія на степень магистра историческихъ наукъ (1840 г.); послѣ непродолжительнаго путешествія по Крыму (1841 г.), занялъ мѣсто субъ-инспектора въ Харьковскомъ университетѣ (1842 г.) и началъ преподаваніе исторіи въ частныхъ заведеніяхъ Харькова; по защитѣ магистерской диссертаціи (12-го января 1844 года), былъ назначенъ старшимъ учителемъ исторіи въ ровенскую (1844 г.) и первую кіевскую гимназіи (1845 г.); изъ послѣдней перешелъ адъюнктомъ на каѳедру русской исторіи въ университетъ св. Владиміра (съ 4-го іюня 1846 года), но черезъ годъ, обвиненный въ намѣреніи составить украино-славянское общество, перемѣщенъ на службу въ Саратовъ (1847 г.); тутъ онъ числился переводчикомъ при губернскомъ правленіи и дѣлопроизводителемъ статистическаго комитета (1847—1857 гг.), а послѣ восьмимѣсячнаго заграничнаго путешествія (1857 г.), занялъ должность дѣлопроизводителя въ саратовскомъ комитетѣ по улучшенію крестьянскаро быта (1858 г.),

---

стр. 352—354; «Костромск. Епарх. Вѣдомости», № 19; «Наблюдатель», кн. 10, стр. 236—246; «Недѣля», № 15, стр. 553, 557, 573, 579—№ 17, стр. 656—657; № 26, стр. 958—959; «Нива», № 17, стр. 410—411 (съ портретомъ); «Новости», № 117; «Новь», кн. 12, стр. 633—635; кн. 13, стр. 61—75 (съ портретомъ); «Русская Мысль», кн. 4, стр. I; кн. 5, стр. 190—223; кн. 6, стр. 20—54; «Русск. Старина», кн. 5, стр. I—IV; кн. 6, стр. 617—648; кн. 10, стр. 123—125; кн. 12, стр. 636—662; «Русск. Вѣдомости», № 14; «Русское Богатство», кн. 4, стр. 177—182; «Slowanskij Sbornik», № 6; «Тамбовск. губ. Вѣдомости», № 39; «Театральн. Мірокъ», № 19, стр. 6—7; «Филологическ. Записки», кн. 2, стр. 21—22; «Церковный Вѣстникъ», № 15; «Церковно-Общественный Вѣстникъ», № 39.—Періодическія изданія 1886 года: «Кіевская Старина», кн. 1, стр. 111—123; «Русск. Старина», кн. 1, стр. 181—212; кн. 2, стр. 323—360; кн. 3, стр. 609—636; кн. 5, стр. 327—338; кн. 6, стр. 615—654.—«Всеобщій календарь на 1886 годъ», изд. Гоппе, стр. 493.—«Воронежскій юбилейный Сборникъ», изданн. «Воронежскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ», Воронежъ, 1886 г.—«Русская Старина», 1888 г., кн. 4, стр. 163—168.

[1] О немъ см. «Словарь профессоровъ Московскаго университета», М., 1855 г., ч. I, стр. 192.

по приглашенію Петербургскаго университета, принялъ въ немъ каѳедру русской исторіи (6-го ноября 1859 года), и читалъ лекціи въ званіи ординарнаго профессора до 5-го мая 1862 года; послѣ того онъ предался только кабинетнымъ занятіямъ и служебной дѣятельности въ качествѣ члена археографической комиссіи (1862—1885 гг.); † 7-го апрѣля въ Петербургѣ и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ.—Покойный состоялъ членомъ-корреспондентомъ по второму отдѣленію императорской Академіи Наукъ, дѣйствительнымъ членомъ русскаго географическаго общества, русскаго историческаго общества, с.-петербургскаго и московскаго археологическихъ обществъ, московскаго общества исторіи и древностей, загребской академіи наукъ, почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго университета, и имѣлъ ученую степень доктора русской исторіи, полученную имъ отъ университета св. Владиміра (1864 г.).—Высокимъ положеніемъ среди русскихъ ученыхъ и писателей онъ былъ обязанъ своимъ многочисленнымъ трудамъ, которые появились въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

1838 г.: «Савва Чалый», драматичні сцени въ 5 діяхъ, Харьковъ, 114 стр. (подъ псевдонимомъ: «Іеремія Галка»).

1839 г.: «Украинскія баллады», Харьковъ, 43 стр.

«Рожа», стихотвореніе («Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», № 12, стр. 228—229).

1840 г.: «Вітка», збірникъ віршівъ, Харьковъ, 88 стр.

1841 г.: «Переяславська нічъ», трагедія въ 9 сценахъ и «Еврейські співонки Байрона» («Сніпъ, украінскій новорочникъ», изданный Корсуномъ, Харьковъ).

1842 г.: «О причинахъ и характерѣ Уніи въ Западной Россіи». Написано для полученія степени магистра историческихъ наукъ. Харьковъ.—Эта первая магистерская диссертація, по распоряженію начальства, была уничтожена въ томъ же году [1]), такъ что уцѣлѣвшіе экземпляры считаются библіографическою рѣдкостью. Но эта же диссертація въ передѣланномъ видѣ вошла въ третій томъ «Монографій» подъ заглавіемъ: «Южная Русь въ концѣ XVI вѣка».

1843 г.: «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». Писано для полученія степени магистра историческихъ наукъ, Харьковъ, 214 стр.

«О циклѣ весеннихъ пѣсенъ въ народной южно-русской поэзіи» («Маякъ», 1843 г., т. XI, кн. 21).

«Стихотворенія: «Пантикапея», «Изъ Краледворской рукописи», «До Марьи Потоцькій» и прозаическія сказки: «Торба» [2]) и «Лови» («Молодикъ на 1843 годъ», украинскій литературный сборникъ, изданн. И. Бецкимъ, Харьковъ, вып. II). — Названныя стихотворенія подписаны обычнымъ псевдонимомъ: «Іеремія Галка», а сказки—настоящей фамиліей, съ измѣненіемъ лишь одной буквы; именно: «Н. Кастомаровъ».

---

[1]) См. объ этомъ статью М. И. Сухомлинова въ «Древней и Новой Россіи», 1877 г., кн. 1, стр. 42—55.

[2]) Эта сказка вышла и отдѣльно, Харьковъ, 1886 г.

1844 г.: «Первыя войны малороссійскихъ казаковъ съ поляками» и «Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ» («Молодикъ на 1844 г.», Харьковъ, вып. III).

1847 г.: «Славянская миѳологія», Кіевъ, 113 стр. — Эта книга, напечатанная церковно-славянскимъ шрифтомъ, представляетъ извлеченіе изъ лекцій, читанныхъ въ университетѣ св. Владиміра, во второй половинѣ 1846 года. По словамъ А. Лазаревскаго («Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края», Спб., 1858 г., стр. 73), она очень рѣдка, такъ какъ была напечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Одинъ изъ нихъ, впрочемъ, находился въ библіотекѣ Я. Ѳ. Головацкаго (см. его «Дополненія къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго», Спб., 1874 г., стр. 53).

1855 г.: «Иванъ Свиргoвскій, украинскій гетманъ XVI вѣка» («Москвитянинъ», кн. 19—20).

1856 г.: «Взглядъ на состояніе саратовской вывозной торговли въ отношеніи предполагаемой желѣзной дороги между Москвой и Саратовомъ», Саратовъ, 28 стр.—Эта брошюра, какъ указано на первой страницѣ, «составлена, по распоряженію г. начальника губерніи, въ саратовскомъ комитетѣ Н. И. Костомаровымъ».

«Горе—Злосчастіе», древне-русское стихотвореніе, съ замѣчаніями («Современн.», т. LVI, кн. 3).

«Борьба украинскихъ казаковъ съ Польшею въ первой половинѣ XVII вѣка до Богдана Хмельницкаго» («Отечественн. Записки», т. CVIII, кн. 9).

«О Миѳическомъ значеніи Горя-Злосчастія» («Современникъ», ч. LIX, кн. 10).

1857 г.: «Богданъ Хмельницкій и возвращеніе южной Руси къ Россіи» («Отечественныя Записки», т. CX—CXII, кн. 1—8). — Это изслѣдованіе, «вновь пересмотренное авторомъ, во многихъ мѣстахъ совершенно передѣланное и дополненное по вновь открытымъ источникамъ», издано отдѣльно Д. Кожанчиковымъ (Спб., 1859 г., два тома).

«Рецензія изданія: «Южно-русскія лѣтописи, открытыя и изданныя Н. Бѣлозерскимъ» («Отечественн. Записки», т. CX., кн. 2).

«Поѣздка въ Волчекъ» («Саратовск. Губ. Вѣдомости», №№ 17—19).—Потомъ это описаніе перепечатано въ «Памятной книжкѣ Саратовской губерніи на 1859 годъ».

«Письмо къ редактору по поводу замѣчаній г. Егунова о торговлѣ города Саратова» («Саратовск. Губ. Вѣдом.», № 21).

«О книгѣ П. Кулиша: «Записки о южной Руси» («Отечественныя Записки», т. CXII, кн. 6 и т. CXIV, кн. 9).

«Очерки торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ» («Современникъ», кн. 9, 11 и 12).—Эти статьи продолжались и въ 1858 года (кн. 6 и 7), а затѣмъ изданы отдѣльно Н. Тибленомъ (Спб., 1862 г., 299 стр.).

1858 г.: «По поводу книгъ: «Чорна рада, хроніка 1663 року» и «Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ» протоіерея В. Гречулевича («Современникъ», книга 1).

«Могильныя преданія» (тамъ же, кн. 2).

«Очеркъ исторіи Саратовскаго края отъ присоединенія его къ русской державѣ до вступленія на престолъ императора Николая I-го («Памятн. книжка Саратовск. губерніи на 1858 годъ», отд. III).

«Бунтъ Стеньки Разина» («Отечественн. Записки», кн. 11—12).—Въ слѣдующемъ году эта монографія вышла вторымъ дополненнымъ изданіемъ (Спб., 1859 г., 237 стр.).

1859 г.: Четыре «Вірши» и «Народныя пѣсни, собранныя въ западной части Волынской губерніи въ 1844 году» («Малорусскій литератури. сборникъ, изданн. Д. Мордовцевымъ», Саратовъ).

«Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права?» («Архивъ историческ. и практическ. свѣдѣній о Россіи, изданн. Н. Калачевымъ», кн. 2).

«Предисловіе къ русскому переводу Олеарія» (кн. 3).

«О книгѣ В. Ламанскаго: «О славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи» (кн. 5).

«Сынъ», разсказъ изъ временъ XVII вѣка (тамъ же).—Затѣмъ этотъ разсказъ былъ изданъ отдѣльно Е. Ахматовой (Спб., 1865 г.).—Второе отдѣльное изданіе: Спб., 1886 г., 216 стр.

«Объясненіе по поводу «Писемъ о Богданѣ Хмельницкомъ» Максимовича («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 122).

«Рецензія сочиненія: «Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ» («Отечественн. Записки», т. CXXV, кн. 8).

«Замѣчаніе на статью С. Соловьева: «Малороссійское казачество до Богдана Хмельницкаго» («Современникъ», т. LXXVIII, кн. 10).

«Вступительная лекція въ курсъ русской исторіи, читанная въ Петербургскомъ университетѣ 22-го ноября 1859 года» («Русское Слово», кн. 12).

1860 г.: «Начало Руси» («Современникъ», т. LXXIX, кн. 1).—Отдѣльный оттискъ этой статьи: Спб., 1860 г., 32 стр.

«Отвѣтъ и объясненіе г. Максимовичу о казачествѣ» («С.-Петербургскія Вѣдомости», №№ 8 и 283).

«Письмо къ редактору по поводу статей о происхожденіи Руси изъ Литвы» («Архивъ историч. и практич. свѣдѣній о Россіи», изд. Н. Калачовымъ, кн. 1).

«Разбойничья пѣсня» (тамъ же).

«Объ энциклопедическомъ словарѣ, составленномъ русскими учеными и литераторами» («Наше Время», №№ 33—34).

«Письмо въ редакцію о мнѣніяхъ «Отечественныхъ Записокъ» (№ 34).

«Объясненія по поводу диспута съ Погодинымъ» («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 69).

«О норманскомъ племени» («Сѣверн. Пчела», № 71).

«Отвѣтъ проф. Шпилевскому о диспутѣ съ Погодинымъ» («Иллюстрація», № 114).

«Какъ пишутъ въ наше время статьи въ защиту происхожденія Руссовъ отъ норманновъ» («Сѣверн. Пчела», № 168).

«Объясненіе по поводу статьи: «Ученые пріемы г. Костомарова» (№ 178).

«Отвѣтъ г. Юрію Летголѣ о происхожденіи Руси» (№ 262).

«Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ» («Современникъ», кн. 3, 4, 7 и 10).—Въ томъ же году эти статьи вышли отдѣльною книгою (Спб., 1860 г., 214 стр.).

«Изъ могильныхъ преданій: «легенда о кровосмѣсителѣ» («Современн.», кн. 3).

«Замѣтка на возраженія о происхожденіи Руси» (кн. 4).

«Послѣднее слово Погодину о жмудскомъ происхожденіи первыхъ русскихъ князей» (кн. 5).

«Русскіе инородцы: «литовское племя и отношенія его къ русской исторіи» («Русское слово», кн. 5).

«О казачествѣ», отвѣтъ «Виленскому Вѣстнику» («Современникъ», т. LXXXII, кн. 7 и т. LXXXIV, кн. 12).

«Петровскъ» («Памятная книжка Саратовской губерніи на 1860 годъ»).

«Памятники старинной русской литературы», т. I, II и IV, Спб., 1860—1862 гг.

1861 г.: «Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси» («Основа», кн. 1).

«Вірші» (тамъ же, кн. 1—3).

«Отвѣтъ на выходки газеты «Czas» и журнала «Revue Contemporaine», по поводу анти-историческихъ польскихъ» взглядовъ на Русь (тамъ же, кн. 2).

«О значеніи критическихъ трудовъ Константина Аксакова по русской исторіи» («Русск. Слово», кн. 2).—Эта «Рѣчь» была приложена и къ книгѣ: «Годичный торжественный актъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ 8-го февраля 1861 года» и, кромѣ того, появилась отдѣльною брошюрой (Спб., 1861 г., 31 стр.).

«Черты народной южно-русской исторіи» («Основа», кн. 3).—Продолженіе этой статьи было напечатано въ «Основѣ» (1862 г., кн. 6).

«Двѣ русскія народности» («Основа», кн. 3).

«Мистическая повѣсть о Нифонтѣ» («Русское Слово», кн. 3).

«Запорожская пѣсня» («Лѣтописи русск. литературы и древности», изд. Н. Тихонравовымъ, т. III).

«Воспоминанія о друхъ малярахъ—Шевченкѣ и Грицькѣ» («Основа», кн. 4).

«Гетманство Выговскаго» (тамъ же, кн. 4 и 7).—Отдѣльный оттискъ этого труда вышелъ черезъ годъ (Спб., 1862 г., 112 стр.).

«Критическій обзоръ статей», напечатанныхъ въ третьей книгѣ «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній» («Русское Слово», кн. 4).

«Нѣсколько словъ по поводу мнѣнія о положеніи южно-русскихъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ» («С.-Петербургск. Вѣдомости», № 168).

«Слово о Сковородѣ» («Основа», кн. 7 и 8).

«Разборъ сочиненія И. Попки: «Черноморскіе казаки въ ихъ гражданскомъ и военномъ быту» («Основа», кн. 8). Тотъ же разборъ помѣщенъ въ брошюрѣ: «Тридцатое присужденіе Демидовскихъ наградъ» (Спб., 1861 г.).

«Правда москвичамъ о Руси» и «Правда полякамъ о Руси» («Основа», кн. 10)

«Замѣчанія о нашихъ университетахъ» («С.-Петербургск. Вѣдомости», №№ 237, 258, 261, 262, 270, 275 и 281).

«Старинный южно-русскій переводъ Пѣсни Пѣсней съ послѣсловіями о любви» («Основа», кн. 11—12).

1862 г.: «Лекціи по русской исторіи», изданныя П. Гайдебуровымъ, Спб., 100 страницъ.

«Кремуцій Кордъ», драматическій очеркъ изъ временъ римскихъ императоровъ, Спб., 80 стр.

«Дополненіе къ правдѣ москвичамъ о Руси» («Основа», кн. 1).

«О значеніи Великаго Новгорода въ русской исторіи» («Отечественн. Записки», кн. 1).

«Тысячелѣтіе Россіи» («С.-Петербургск. Вѣдомости», № 5).—Отдѣльный оттискъ этой статьи: Спб., 1862 г., 17 стр.

«Іудеямъ», объясненіе по поводу слова: «жидъ» («Основа», кн. 1 и 5).

«Иванъ Сусанинъ», историческое изслѣдованіе («Отечественныя Записки», кн. 2).
«Объясненіе по поводу Богдана Хмельницкаго» («С. Петербургск. Вѣдомости», № 122).
«Русскія народныя пѣсни, собранныя въ Саратовской губерніи» («Лѣтописи русской литературы и древности», изданн. Тихонравовымъ, т. IV).
«Мѣшать или не мѣшать учиться? («Сѣверная Пчела», № 145).
«Мысли южно-русса о преподаваніи на южно-русскомъ языкѣ» («Основа», кн. 5).
«Христіанство и кріпацство» (тамъ же, кн. 6).
«Загадка изъ народнеі казки» (тамъ же).
«Судъ Чехівъ надъ собою» (тамъ же, кн. 9).
«Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI вѣкѣ: Матвѣй Башкинъ и Ѳеодосій Косой» («Отечественныя Записки», кн. 10).
«Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи», одиннадцать томовъ, Спб., 1862—1882 гг.

1863 г.: «Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада», изданн. Д. Кожанчиковымъ, два тома, Спб., 419 и 448 стр. — Второе изданіе этого труда явилось въ седьмомъ и восьмомъ томахъ «Историческихъ монографій» (Сбп., 1868 г.).—Третье изданіе: Спб., 1887 г., два тома.
«Объ отношеніи русской исторіи къ географія и этнографіи» («Записки Импер. русск. географическ. Общества», т. XII, кн. 2).
«Князь Владиміръ Мономахъ и казакъ Богданъ Хмельницкій («Русскій Инвалидъ», № 86).
«О преподаваніи на народномъ языкѣ въ южной Руси» («Голосъ», № 94).
«Нѣсколько словъ о разборѣ моего сочиненія: «Очеркъ домашней жизни и нравовъ велико-русскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ» («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 162).
«Отвѣтъ »Московскимъ Вѣдомостямъ» по поводу изданія книгъ на южно-русскомъ языкѣ» («День», №№ 27 и 29; «С.-Петербургск. Вѣдомости», № 164).
«Историческія монографіи и изслѣдованія», Спб., томъ первый и второй [1]). — Второе изданіе этихъ томовъ вышло въ 1871 и 1872 годахъ.—Третье изданіе перваго тома: Спб., 1883 г.

1864 г.: «Куликовская битва» («Академическій Мѣсяцесловъ на 1864 годъ»).
«Ливонская война» («Библіотека для Чтенія», кн. 1—3). — Отдѣльное изданіе: Спб., 1864 г., 105 стр.
«Отвѣтъ Погодину, по поводу статьи о Куликовской битвѣ» («Голосъ», №№ 32 и 62).
«Слово о перенесеніи Императорск. Публичной Библіотеки» (тамъ же, № 107).
«Отвѣтъ г. Малороссу-Волынцу объ украйно-фильствѣ» («День», № 6).
«Лекціи г. Кояловича по исторіи западной Россіи» («Голосъ», №№ 118 и 127).
«Апологіи за Димитрія Донскаго гг. Аверкіева и Аскоченскаго» (тамъ же, № 124).
«О книгѣ А. Лохвицкаго: «Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія« («С.-Петербургск. Вѣдомости», №№ 199—205, 212 и 218).

---

[1]) Въ первомъ томѣ напечатаны слѣдующіе труды: «Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси», «Двѣ русскія народности», «Черты народной южнорусской исторіи»; «Мистическая повѣсть о Нифонтѣ»; «Легенда о кровосмѣсителѣ»; «О значеніи Великаго Новгорода»; «Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI вѣкѣ», «Иванъ Сусанинъ» и «Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права?» — Во второмъ томѣ помѣщены только два труда: «Иванъ Свирговскій» и «Гетманство Выговскаго».

«Кто былъ первый Лжедмитрій?» («Отечественн. Записки», кн. 10).—Отдѣльно: Спб., 1864 г., 63 стр.

1865 г.: «Отрывки изъ исторіи южно-русскаго казачества до Богдана Хмельницкаго» («Библіотека для Чтенія», кн. 1—3).

«О книгѣ М. Кояловича: «Лекціи по исторіи западной Россіи» («Голосъ», № 6).—Эта рецензія подписана псевдонимомъ: «И. Богучаровъ».

«Новыя соображенія о первомъ Лжедмитріи» («Голосъ», №№ 20, 30 и 56).

«Примѣчанія и предисловіе къ Запискамъ о Московіи XVI вѣка сэра Джерома Горсея» («Библіотека для Чтенія», кн. 4).

«Вѣче и вѣчевое устройство въ древней Руси» («Дѣло и Отдыхъ», кн. 1).

«Прошедшее и будущее русскаго дворянства» («Голосъ», №№ 130—131).

«О документахъ, объясняющихъ исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ» (тамъ же, №№ 269, 300, 327, 352 и 353).

«Отчетъ о варшавскихъ библіотекахъ» («Лѣтопись занятій археографической комиссіи», т. IV, протоколы, стр. 10—13).

«О командировкѣ для осмотра Несвижскаго архива князей Радзивиловъ» (тамъ же, т. V, протоколы, стр. 16—21).

1866 г.: «Смутное время московскаго государства въ началѣ XVII вѣка» («Вѣстникъ Европы», т. I—IV). Это обширное изслѣдованіе окончилось печатаніемъ въ слѣдующемъ году («Вѣст. Евр»., 1867 г., т. I—III).

«Историческая наука въ «Вѣстникѣ Европы» до 1830 года» («Вѣстникъ Европы», т. I).

«Обзоръ книгъ и статей по русской исторіи въ 1865 и 1866 годахъ» (тамъ же, т. I—IV).

«Разборъ Сборника, изданн, П. Гильтебрантомъ («Вѣстникъ Европы», т. IV).—Этотъ «Разборъ» написанъ Н. И. Костомаровымъ, какъ это видно изъ «Вѣстника Европы» (1887 г., кн. 6, стр. 680).

«Повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ въ 1612 году и избраніе царя Михаила», Спб. — Второе изданіе: Спб., 1876 г. — Третье изданіе: Спб., 1884 г.

1867 г.: «Новѣйшая литература русской исторіи» («Вѣстникъ Европы», т. I, II и IV).

«О драматической хроникѣ Островскаго: «Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій» («Голосъ». № 89).

«Письмо» («Славянская Заря», изд. Ливчакомъ, № 1 отъ перваго іюля).

«Заявленіе по поводу слуховъ объ участіи въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ» («С.-Петербург. Вѣдомости», № 205).

«Объясненіе по поводу смутнаго времени московскаго государства» («Голосъ», № 263).

«Дѣло о дьячкѣ Василіи Ефимовѣ, казненномъ въ Новгородѣ сожженіемъ за ложное чудо въ 1721 году («Русск. Архивъ», кн 12).

«Историческія монографіи и изслѣдованія, Спб., томъ третій [1]).

1868 г.: «Патріархъ Фотій и первое раздѣленіе церквей» («Вѣстникъ Европы», кн. 1—2).

«Гетманство Юрія Хмельницкаго» (тамъ же, кн. 4—5).

---

[1]) Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ статьи: «Куликовская битва», «Ливонская война», «Южная Русь въ концѣ XVI вѣка», «Изслѣдованіе о литовскомъ племени» и «Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи».

«Историческія монографіи и изслѣдованія», Спб., томы четвертый, пятый, шестой, седьмой и восьмой [1]).—Томы четвертый, пятый и шестой снова изданы: Спб., 1883—1884 гг.

1869 г.: «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», 1787—1795 гг. («Вѣстникъ Европы», кн. 2—12).—Отдѣльное изданіе, по счету второе, Спб., 1870 г.—Третье изданіе: Спб., 1885 г., два тома.

«Воспоминанія о молоканахъ» («Отечественн. Записки», кн. 3).

1870 г.: «Южная Русь и казачество до возстанія Богдана Хмельницкаго» (тамъ же, кн. 1—2).

«Костюшко и революція 1794 года» («Вѣстникъ Европы», кн. 1—3).

«Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ» (тамъ же, кн. 4).

«Лекція о Словѣ о полку Игоревѣ» («Голосъ», № 117).

«Начало единодержавія въ древней Руси» («Вѣстникъ Европы», кн. 11, 12).

«Представленіе Бориса Годунова на сценѣ Маріинскаго театра» («Голосъ», № 259).

«Отзывъ о книгѣ И. Хрущова: «Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина» («Двѣнадцатое присужденіе Уваровскихъ наградъ»), Спб.

«Историческія монографіи и изслѣдованія», Спб., томы: девятый, десятый и одиннадцатый [2]).—Эти три тома вышли вторымъ изданіемъ въ 1884 году.

1871 г.: «Возраженіе г. Карпову на его рецензію о Богданѣ Хмельницкомъ» («Бесѣда», кн. 1).

«Исторія раскола у раскольниковъ» («Вѣстникъ Европы», кн. 4).

«Личности смутнаго времени—Скопинъ, Пожарскій, Мининъ и Сусанинъ» (кн. 6).

«Личность царя Ивана Васильевича Грознаго» (кн. 10),

1872 г.: «Отвѣтъ на бранное посланіе Погодина о Скопинѣ Шуйскомъ» («Вѣстникъ Европы», кн. 2),

«Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества («Бесѣда», кн. 4—6, 8, 10—12).

«Великорусская народная пѣсенная поэзія», по поводу книги: «Русскія народныя пѣсни», собранныя В. Шейномъ («Вѣстникъ Европы», кн. 6).

«Кто виноватъ въ смутномъ времени?» (кн. 9).

«Переписка турецкаго султана съ запорожцами» («Русск. Старина», кн. 10 и 12).

«Историческія монографіи и изслѣдованія», Спб., томъ двѣнадцатый [3]).

1873 г.: «Преданія первоначальной русской лѣтописи» («Вѣстникъ Европы» кн. 1—3).

«Князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій» («Русск. Архивъ», кн. 4).—Отдѣльный оттискъ, М., 1873 г., 40 стр.

«О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія» («Вѣстникъ Европы», кн. 9).

«Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», Спб., пять выпусковъ. — Второе изданіе: Спб., 1879—1881 гг. — Третье изданіе: Спб., 1886 г.

---

[1]) Въ IV, V и VI томахъ помѣщена монографія: «Смутное время московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія», а въ VII и VIII томахъ—«Исторія Новгорода, Пскова и Вятки во время удѣльно-вѣчевого уклада».

[2]) Въ этихъ трехъ томахъ напечатано изслѣдованіе: «Богданъ Хмельницкій».

[3]) Въ этомъ томѣ перепечатаны слѣдующія статьи: «Начало единодержавія въ древней Руси», «Гетманство Юрія Хмельницкаго», «Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ», «Исторія раскола у раскольниковъ» и «Воспоминанія о молоканахъ».

1874 г.: Отвѣтъ на новыя бранныя посланія г. Погодина» («Вѣстн. Европы», кн. 1).

«Письмо къ редактору» («Голосъ», № 93).—Въ этомъ письмѣ Костомаровъ исправлялъ ошибки, допущенныя въ его біографіи г. Гатцукомъ.

«Петръ Могила предъ судомъ изслѣдователей нашего времени», по поводу ст тей г. Голубева въ «Православномъ Обозрѣніи» («Вѣстникъ Европы», кн. 5).

«Историческая поэзія и новые ея матеріалы», по поводу изданія: «Историческія пѣсни малорусскаго народа», съ объясненіями В. Антоновича и М. Драгоманова («Вѣстникъ Европы», кн. 12).

Въ этомъ же году, подъ наблюденіемъ Костомарова вышелъ пятый томъ «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край», снаряженной Импер. русскимъ географическимъ Обществомъ.

1875 г.: «Царевичъ Алексѣй Петровичъ», по поводу картины Ге («Древняя и Новая Россія», кн. 1—2).

«Кудеяръ», историческая хроника въ трехъ книгахъ («Вѣстникъ Европы», кн. 4—6).—Отдѣльное изданіе: Спб., 1882 г., 444 стр.

«Мое украйнофильство въ «Кудеярѣ» («Кіевск. Телеграфъ», № 85; «Новости», № 200).

«Збірнікъ творівъ І. Галки», Одесса.

Въ этомъ году, подъ редакціею Костомарова, изданы «Бумаги князя Николая Васильевича Репнина» въ XVI томѣ «Сборника Импер. историческаго Общества» и появились «Картины изъ русской исторіи отъ начала Руси». (Спб.), текстъ которыхъ просмотрѣнъ покойнымъ историкомъ.

1876 г.: «Лжедимитрій первый, по поводу современнаго его портрета 1606 года» («Русск. Старина», кн. 1).

«Павелъ Полуботокъ», историческій очеркъ (кн. 3).

«Моя русская исторія предъ судомъ критика въ «Русскомъ Вѣстникѣ» («Вѣстникъ Европы», кн. 9).

«Православіе въ современномъ Восточномъ вопросѣ» («Газета Гатцука», №№ 48—50).

1877 г.: «Русская историческая литература въ 1876 году»—труды Иловайскаго, Забѣлина и Гедеонова («Русск. Старина», кн. 1).

«О сочиненіяхъ М. А. Максимовича» («Сѣверный Вѣстникъ», № 25).

«Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица» («Древняя и Нов. Россія», кн. 2).

«Русская литература по отдѣлу этнографіи въ 1876 году» («Русская Старина», кн. 5).

«Введеніе» къ сочиненію Стрекалова: «Русскія историческія одежды», Спб.

Въ этомъ же году, подъ наблюденіемъ Костомарова, изданъ четвертый томъ «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край», снаряженной Импер. русскимъ географическимъ Обществомъ».

1878 г.: «Самодержавный отрокъ—Петръ II» («Древн. и Нов. Россія», кн. 1).

«Холопъ», эпизодъ изъ историческо-бытовой русской жизни первой половины XVIII столѣтія» («Новое Время», №№ 662, 664, 669, 673, 676 и слѣд.).—Отрывокъ изъ это труда былъ помѣщенъ въ «Газетѣ Гатцука» (1883 г., №№ 50—51).—Отдѣльное изданіе: Спб., 1885 г., 326 стр.

«О казакахъ», по поводу статьи Кулиша («Русская Старина», кн. 3).

«Аѳанасій Филипповичъ, борецъ за православную вѣру въ Западной Руси» («Газета Гатцука», №№ 46—50).

«Богданъ Хмельницкій — данникъ оттоманской порты» («Вѣстникъ Европы», кн. 12).

1879 г.: «Луи Петровичъ» («Древн. и Нов. Россія», кн. 2).

«Руина», историческая монографія изъ жизни Малороссіи, 1663—1687 годовъ («Вѣстникъ Европы», кн. 4—6, 8—9). Окончаніе этого труда было напечатано въ 1880 году (кн. 7—9).

«Замѣчаніе о книгѣ Д. Хвольсона: «Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь?» («Новое Время», № 1172).

1880 г.: «Самозванецъ лжецаревичъ Симеонъ», историческій разсказъ («Историческ. Вѣстникъ», кн. 1).

«Великій Новгородъ», по поводу книги А. Никитскаго: «Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ» («Русская Старина», кн. 1).

«Исторія казачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» («Русская Мысль», кн. 1—2, 5—6 и 8).

«Тарасъ Григорьевичъ Шевченко» («Русская Старина», кн. 3).

«Рецензія книги В. Антоновича: «Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго» («Историческ. Вѣстникъ», кн. 5).

«Приключенія по смерти», разсказъ одного слобожанина («Газета Гатцука», № 41) и «Больная», разсказъ врача (№№ 42—43). Оба эти разсказы подписаны псевдонимомъ: «И. Богучаровъ».

«Старинные земскіе соборы» («Новое Время», №№ 1485—1519).

«Разборъ книги Д. Корсакова: «Воцареніе императрицы Анны Іоанновны» («Вѣстникъ Европы», кн. 11).

«Историческія монографіи и изслѣдованія», Спб., томы тринадцатый и четырнадцатый [1]).

1881 г.: «Малорусское слово» («Вѣстникъ Европы». кн. 1).

«Черниговка», быль второй половины XVII вѣка» («Историч. Вѣстникъ», кн. 1—2).—Отдѣльное изданіе: Спб., 1881 г.

«Украйнофильство» («Русская Стар.», кн. 2).

«Замѣтка о Сборникѣ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ» («Историческ. Вѣстникъ», кн. 2).

«По вопросу о малорусскомъ словѣ» («Вѣстникъ Европы», кн. 3).

«Еще по поводу малорусскаго слова» (кн. 4).

«Изъ поѣздки въ Батуринъ въ 1878 году» («Порядокъ», № 124).

«Объясненіе по поводу археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ» («Вѣстникъ Европы», кн. 12).

«Сорокъ лѣтъ», малороссійская легенда, М., 94 стр. (Приложеніе къ «Газетѣ

---

[1]) Въ тринадцатомъ томѣ содержатся слѣдующіе труды: «Преданія первоначальной русской лѣтописи», «Личность царя Ивана Васильевича Грознаго», «О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія», «Личности смутнаго времени», «Кто виноватъ въ смутномъ времени?» и «Велико-русская народная пѣсенная поэзія», а въ четырнадцатомъ—«Аѳанасій Филипповичъ», «Петръ Могила передъ судомъ изслѣдователей нашего времени», «Богданъ Хмельницкій—данникъ Оттоманской Порты», «О казакахъ», «Павелъ Полуботокъ», «Царевичъ Алексѣй Петровичъ», «Императрица Екатерина Первая» и «Самодержавный отрокъ».

Гатцука» за 1881 годъ).—Этотъ же трудъ напечатанъ въ «Буковинскомъ Альманахѣ» («Черновцы», 1885 г.).

1882 г.: «Мазепа», историческая монографія («Русская Мысль», кн. 1—4, 6, 8—12).—Отдѣльное изданіе: М., 1883 г., 446 стр.

«Казачья Дуброва, иначе Казачья Слобода, или Казачье» («Русская Старина», кн. 1).

«Задачи украйнофильства», по поводу малорусскаго сборника: «Луна» («Вѣстн. Европы», кн. 2).

«По поводу статьи г. де-Пуле въ «Русскомъ Вѣстникѣ» объ украйнофильствѣ» (кн. 5).

«Рецензія Сборника московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ» («Историч. Вѣстникъ», кн. 5).

«Поѣздка въ Бѣлую Церковь» («Кіевская Старина», кн. 5).

«Крашанка г. Кулиша», письмо въ редакцію («Вѣстникъ Европы», кн. 8).

«Матеріалы для исторіи Колиивщины или рѣзни 1768 года» («Кіевская Старина», кн. 8).

«Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI вѣка?» (тамъ же).

«Историческія монографіи и изслѣдованія», Спб., томъ пятнадцатый[1]).

1883 г.: «Бытовые очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка»: «Московскія торговки и царскій родичъ» («Историч. Вѣстникъ», кн. 1).

«Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка» («Кіевская Старина», кн. 1—3).

«П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность» (кн. 2).

«Бытовой очеркъ изъ русской исторіи XVIII: «Черви» («Историческ. Вѣстникъ», кн. 3).

«Словечко по поводу замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси» («Кіевская Старина», кн. 4).

«Историческій памятникъ въ Переяславлѣ» («Русская Старина», кн. 6).

«Разборъ малорусской драмы I. Старицкаго: «Не судилось» («Кіевск. Старина», кн. 9—10).

1884 г.: «Ксенія Борисовна Годунова», по поводу картины художника Неврева («Историч. Вѣстникъ», кн. 1).

«Мазепинцы», историческая монографія («Русская Мысль», кн. 1—4).

«Изъ прожитыхъ на Волыни дней» («Кіевская Старина», кн. 2).

«Фельдмаршалъ Минихъ и его значеніе въ русской исторіи» («Вѣстн. Европы», кн. 8—9).

«Эллины Тавриды», историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ, Спб., 149 стр.

1885 г.: «Марина Мнишекъ», по поводу картины художника Рябушкина («Историческій Вѣстникъ», кн. 1).

«Воспоминанія о гр. А. С. Уваровѣ» («Новое Время», № 3181).

«Разборъ сочиненія Н. Дубровина: «Пугачевъ и его сообщники» (тамъ же, № 3185).

«Объ исторіи Россіи г. Иловайскаго» («Новь», кн. 5).

«Императрица Анна Ивановна и ея царствованіе» (тамъ же, кн. 10—15).

«По поводу книги М. Кояловича: «Исторія русскаго самосознанія» («Вѣстникъ Европы», кн. 4).

Уже послѣ кончины автора напечатаны:

«Поѣздка въ Переяславъ» («Историческ. Вѣстникъ», 1885 г., кн. 12).

---

[1]) Въ этомъ томѣ помѣщена историческая монографія: «Руина».

«Историческія монографіи и изслѣдованія», Спб., 1885 г., томъ шестнадцатый [1]).

«Переяславская ночь», трагедія въ русскомъ переводѣ («Сѣверный Вѣстникъ», 1886 г., кн. 1).

«Тайновидецъ», разсказъ изъ русскаго быта XVIII вѣка («Историч. Вѣстникъ», 1886 г., кн. 10).

«Разсказы», подъ псевдонимомъ: «И. Богучаровъ», Спб., 1886 г., 165 стр.

«Императрица Елисавета Петровна», историческій очеркъ («Вѣстникъ Европы», 1887 г., кн. 1—3).

«Историческія монографіи и изслѣдованія», Спб., 1887 г., томъ семнадцатый [2]).

Кузьминъ, Павелъ Алексѣевичъ, генералъ-лейтенантъ, родившійся въ 1819 году, скончался въ 1885 году.—По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ намъ И. О. Сержпутовскимъ, ему принадлежатъ:

«Описаніе участія 5-й пѣхотной дивизіи въ дѣлѣ при рѣчкѣ Черной, 4-го августа 1855 года», съ картою, Спб., 1859 г., 24 стр.

«Объ условіяхъ владѣнія землями въ войскѣ Донскомъ» («Русск. Вѣстникъ», 1864 г., кн. 2—3).

«Частные конскіе табуны въ войскѣ Донскомъ и довольствіе ихъ землею» («Военный Сборникъ», 1865 г., кн. 9).

Курбановскій, Михаилъ Ивановичъ [3]), родился въ 1832 г., воспитывался въ казанской гимназіи и Казанскомъ университетѣ; по окончаніи курса въ послѣднемъ (1853 г.), служилъ въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, а въ послѣдніе годы занималъ должность акмолинскаго вице-губернатора; † 6-го мая въ Петербургѣ.—Имъ напечатана статья: «Нищенство и благотворительность» («Современникъ», 1860 г., кн. 9).

Курбатовъ, Алексѣй Ильичъ [4]), инженеръ-технологъ, † 15-го мая въ Петербургѣ. — Онъ, кромѣ статей, помѣщенныхъ въ «Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго практич. технологическаго Института», напечаталъ:

«Курсъ элементарной геометріи съ практическими упражненіями, для среднихъ учебныхъ заведеній», М., 1864 года, выпускъ первый съ чертежами въ текстѣ.

«Теорія, практика и средства къ улучшенію контуазскаго способа выдѣлки желѣза», Спб., 1873 г., 66 стр.

«О хлорозамѣщенныхъ продуктахъ бензола», Спб., 1878 г., 13 стр. (вмѣстѣ съ Ф. Бельштейномъ).—Эта работа была помѣщена въ «Журналѣ русскаго химическ. и физическаго Общества» (1878 г., кн. 8).

Курочкинъ, Владиміръ Степановичъ [5]), родной братъ Николая и Василія Курочкиныхъ [6]), содержатель типографіи, † 8-го апрѣля въ Петербургѣ.—Онъ, кромѣ изданія «Невскаго учено-ли-

---

[1]) Этотъ томъ содержитъ двѣ монографіи: «Мазепа» и «Мазепинцы».

[2]) Въ этомъ томѣ напечатаны: «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ» и «Старинные земскіе соборы».

[3]) См. «Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 181.

[4]) О немъ—«Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 181—182.

[5]) См. «Новь», 1885 г., кн. 13, отд. II, стр. 62.

[6]) О Николаѣ Степановичѣ Курочинѣ см. нашъ «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», Спб., 1888 г., вып. IV, стр. 50—52.

тературнаго сборника» (Спб., 1867 г., т. I), занимался переводами театральныхъ пьесъ и либретто оперетокъ. Изъ такихъ трудовъ покойнаго намъ извѣстенъ: «Принцъ-Лутоня», кукольная комедія («Слово», 1880 г., кн. 12).

Лебедевъ, Петръ Яковлевичъ [1]), сынъ священника погоста Ивановскаго на рѣкѣ Ламѣ (Волоколамскаго уѣзда, Московской губерніи), родился въ 1849 году, учился въ Звенигородскомъ духовномъ училищѣ и Виѳанской семинаріи; изъ послѣдней поступилъ въ Московскую духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата богословія (1873 г.). Затѣмъ—преподаватель литургики, гомилетики и практическаго руководства для пастырей церкви въ семинаріяхъ: Волынской (1873—1876 гг.), Калужской (1876 г.) и Московской (1877—1883 гг.); наконецъ—старшій справщикъ Московской синодальной типографіи (1883—1885 гг.); † 6-го августа въ Геѳсиманскомъ пещерномъ скитѣ близь Москвы.—Его труды:

«Древность обрядовъ и священныхъ дѣйствій, соединенныхъ съ таинствами крещенія и мѵропомазанія», «О святомъ крестѣ» археологическій очеркъ, «Право убѣжища», «О мѣстахъ христіанскихъ собраній и богослуженія въ первые три вѣка» и «Славянская Кормчая книга и ея предписаніе о родствѣ по отношенію къ брачнымъ союзамъ» («Волынск. Епарх. Вѣдомости», 1873—1875 гг.).

«Современное проповѣдничество» («Православное Обозрѣніе», 1877 г., кн. 11 и 12).

«О важности и значеніи изданія Обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія перваго тома правилъ св. апостоловъ и святыхъ седми вселенскихъ соборовъ съ толкованіями» («Чтенія въ Обществѣ любит. духовн. просвѣщенія», 1878 г., ч. I).

«Объ отношеніи церкви къ народной мудрости» (тамъ же, 1880 г., ч. III).

«Наука о богослуженіи православной церкви», М., 1881 г., двѣ части.—Второе изданіе: М., 1886 г., двѣ части.—Этотъ трудъ удостоенъ половинной Макарьевской преміи.

«Краткое ученіе о богослуженіи православной церкви», М., 1883 г.

Кромѣ того, покойный П. Я. Лебедевъ, велъ «внутреннее обозрѣніе» и библіографію въ «Чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія» (1877—1881 гг.), а въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ» писалъ передовыя статьи.

Лебедевъ, Яковъ Петровичъ [2]), родился въ 1833 году и высшее образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ; по окончаніи курса въ послѣднемъ, кандидатомъ правъ (1854 г.), служилъ въ департаментѣ таможенныхъ сборовъ, въ Публичной библіотекѣ, помощникомъ и дѣлопроизводителемъ Горнаго совѣта, начальникомъ отдѣленія частныхъ золотыхъ промысловъ Горнаго

---

[1]) О немъ — «Московск. церковн. Вѣдомости», 1885 г., № 49. — «Волынскія Епарх. Вѣдомости», 1886 г. № 1.

[2]) О немъ—«Новости», 1885 г., № 314.

департамента и членомъ Горнаго совѣта; † 12-го ноября въ Петербургѣ. — Покойный напечаталъ одну статью подъ заглавіемъ: «Объ обезпеченіи судебныхъ исковъ» («Юридическій Вѣстникъ», 1860 г., вып. I).

Левенталь, Александръ Густавовичъ [1]), родился въ 1832 г., воспитывался въ московской 1-й гимназіи, откуда, по окончаніи курса первымъ ученикомъ и съ медалью, поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета (1849 г.); по выходѣ изъ послѣдняго лѣкаремъ съ отличіемъ (1854 г.), онъ вскорѣ получилъ степень доктора медицины (1856 г.) и былъ назначенъ врачомъ: въ войскахъ гвардіи Петербургскаго округа, Московскомъ военномъ госпиталѣ и Александровскомъ юнкерскомъ училищѣ; затѣмъ — главный докторъ Московской Павловской больницы (1865—1885 гг.), предсѣдатель медицинскаго комитета Человѣколюбиваго общества (1865 — 1885 гг.), предсѣдатель Московской уѣздной земской управы (1868—1870 гг.) и главно-уполномоченный Московскаго отдѣла Общества Краснаго Креста (1877—1878 гг.); † 27-го февраля въ Москвѣ.—Покойный, кромѣ статей въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», напечаталъ слѣдующіе труды:

«Объ египетскомъ воспаленіи глазъ», докторская диссертація, Спб., 1856 г.
«Отчетъ водолѣчебнаго отдѣленія московскаго военнаго госпиталя за сентябрь и октябрь 1860 года» («Московск. Медицинск. Газета», 1860 г., №№ 49 и 50).
«Госпитали Краснаго Креста въ Москвѣ», М., 1878 г., 6 стр. и одна таблица.— Сначала этотъ трудъ былъ помѣщенъ въ «Московской Медицинской Газетѣ» (1878 г.).

Левитскій, Владиміръ Алексѣевичъ [2]) воспитывался въ Петербургской духовной академіи, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью магистра богословія (1853 г.); затѣмъ профессоръ Виѳанской семинаріи, священникъ и послѣ протоіерей при Московской Тихвинской, что въ Сущовѣ, церкви; † 3-го ноября въ Москвѣ.—Онъ напечаталъ свою магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ: «Богомильство-болгарская ересь X—XIV вѣковъ» («Христіанское Чтеніе», 1870 г., кн. 1—3).

Левицкій, Николай Ѳеодосьевичъ [3]), изъ духовнаго званія, родился 27-го мая 1819 года въ Черниговской губерніи; воспитывался въ Кіево-Подольскомъ духовномъ училищѣ въ Кіевской семинаріи, изъ которой, по окончаніи курса (1841 г.) поступилъ сначала на медицинскій, а потомъ на юридическій факультеты университета Св. Владиміра; но скоро крайняя нужда родной семьи заставила его выйти изъ университета и опредѣлиться на службу

[1]) О немъ—«Московск. Вѣдомости», 1885 г., № 61.
[2]) О немъ — «Исторія С.-Петербургской духовн. академіи», Чистовича, Спб., 1857 г., стр. 456.—«Библіографъ» 1886 г., № 4, стр. 69.
[3]) См. «Кіевск. Старину», 1885 г., кн. 6; стр. 357—363.

чиновникомъ; вскорѣ послѣ этого онъ получилъ мѣсто преподавателя въ приходскомъ училищѣ города Городни (Черниговской губерніи); затѣмъ—смотрителя еврейскаго училища въ Бѣлой Церкви; наконецъ—учитель Лыбедскаго приходскаго училища и преподаватель приготовительнаго класса при кіевской 4-й гимназіи; † 2-го февраля въ Кіевѣ.—Имъ напечатано:

«Протоколы и статьи, касавшіеся собственно педагогическихъ совѣщаній» («Циркуляръ Кіевск. учебн. Округа», 1867 г., № 3).

«Замѣтки и соображенія по вопросу объ общеобразовательномъ характерѣ приходскаго училища» (тамъ же, №№ 8 и 9).

«Планъ обученія русскому языку въ городскомъ приходскомъ училищѣ, съ объяснительной запиской къ нему» (тамъ же, № 12).

«О Родномъ Словѣ г. Ушинскаго, какъ лучшемъ учебникѣ для приходскаго училища» (тамъ же).

«О методическомъ развитіи дѣтей, въ дѣлѣ обученія ихъ» (тамъ же).

«О преподаваніи географіи въ приходскомъ училищѣ» (тамъ же, 1868 г., № 1).

«О наглядномъ обученіи» (тамъ же, №№ 8 и 9).

«Программа по русскому языку съ церковно-славянскимъ и ариѳметикѣ для сельскихъ школъ» (тамъ же, 1869 г., № 8).

«Очеркъ курса грамотности», Кіевъ, 1874 г.

Кромѣ того, покойный Н. Ѳ. Левицкій нерѣдко помѣщалъ статьи въ «Кіевлянинѣ».

Лодыгинъ, Николай Дмитріевичъ [1]), † 2-го сентября въ Москвѣ.—Онъ былъ редакторомъ «Газеты коннозаводчиковъ и любителей лошадей», «Книги рысистыхъ лошадей въ Россіи съ опредѣленіемъ чистопородности» (М., 1870—1884 гг.) и «Описи конскаго завода рысистыхъ лошадей Д. А. Юнькова».—Сверхъ того ему принадлежатъ:

«Отвѣтъ на статью Сѣверцова о книгѣ рысистыхъ лошадей» («Журналъ коннозаводства», 1871 г., кн. 10).

«Письмо къ издателю о той же книгѣ» («Московск. Вѣдомости», 1872 г., № 126).

«Заводская книга лошадей Чесменскаго завода Е. И. В. Великаго князя Николая Николаевича Старшаго», М., 1874 г.

«Заводская книга рысистыхъ лошадей Хрѣновскаго государственнаго конскаго завода», М., 1883 г., выпускъ первый.

Покойный завѣщалъ передать свою библіотеку въ Московскій Румянцевскій музей.

Ломакинъ, Гавріилъ Якимовичъ [2]), родился 25-го марта 1812 года въ семьѣ управляющаго имѣніемъ гр. Д. Н. Шереметева при селѣ Борисовкѣ (Курской губерніи); онъ очень рано обнаружилъ любовь къ пѣнію и, обладая хорошимъ сопрано, былъ избранъ въ хоръ графа и отправленъ въ Петербургъ (1822 г.); тамъ Г. Я.

[1]) О немъ—«Библіографъ», 1885 г., № 12, стр. 92—93.

[2]) См. періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ» 1885 г., № 6, стр. 124; «Нувеллистъ», № 5; «Суфлеръ», № 33.

еще болѣе усовершенствовался, такъ что былъ сдѣланъ дирижеромъ Шереметевской капеллы (1830—1872 гг.) и учителемъ пѣнія не только при названномъ хорѣ, но также при театральномъ училищѣ (1830 г.), Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ (1831 г.), въ 1-мъ и 2-мъ кадетскихъ корпусахъ, Дворянскомъ полку, Морскомъ корпусѣ, Александровскомъ лицеѣ, Пажскомъ корпусѣ, въ училищѣ правовѣдѣнія, женскихъ институтахъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ; затѣмъ — главный учитель придворныхъ пѣвчихъ (1848—1861 гг.) и основатель безплатной музыкальной школы (1862—1870 гг.); послѣ оставленія Шереметевской капеллы (1872 г.) переѣхалъ на житье въ Гатчину (1872—1875 гг.), но черезъ три года (1875 г.) снова сталъ дирижеромъ при хорѣ гр. С. Д. Шереметева и исполнялъ эту обязанность до дня кончины—9-го мая въ Гатчинѣ.—Его печатные труды:

«Метода пѣнія», Спб., 1837 г.

«Церковныя переложенія», Спб., 1858 г., (вмѣстѣ съ А. Ѳ. Львовымъ и П. Е. Бѣликовымъ).

«Краткая метода пѣнія», Спб., 1878 г., 67 стр.

«Всенощная и обѣдня», Спб., 1884 г.

Уже послѣ кончины Г. Я. Ломакина, напечатаны его «Автобіографическія записки» («Русская Старина», 1886 г., кн. 3, стр. 645—666; кн. 5, стр. 311—326; кн. 6, стр. 675—689; кн. 8, стр. 467—485).

Львовъ, Ѳедоръ Николаевичъ [1]), родился въ 1823 году, воспитывался въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда вышелъ первымъ воспитанникомъ въ офицеры лейбъ-гвардіи Егерскаго полка и въ то же время поступилъ въ офицерскіе классы артиллерійскаго училища; онъ избралъ своею спеціальностью химію и оказалъ такіе успѣхи, что занялъ каѳедру по этому предмету въ названномъ училищѣ; но по дѣлу Петрашевскаго былъ поселенъ въ Сибири (1848 г.), изъ которой возвращенъ при восшествіи на престолъ Императора Александра II-го; послѣ того служилъ подъ начальствомъ Петербургскаго генералъ-губернатора кн. Суворова и, наконецъ—секретаремъ Русскаго техническаго общества; † 23-го мая въ Петербургѣ.—Онъ напечаталъ слѣдующія статьи:

«По поводу учрежденія въ Иркутскѣ женской гимназіи» («Амуръ», 1860 г., №№ 2, 4 и 5).

«Замѣтки отставного канцелярскаго служителя въ поискахъ его за промышленностью» («Современникъ», 1861 г., кн. 3).

«Выдержки изъ воспоминаній ссыльно-каторжнаго» («Современникъ», 1861 г., кн. 9; 1862 г., кн. 2).

---

[1]) О немъ—см. періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ», № 8, стр. 32; «Всемірн. Иллюстрація», № 24, стр. 466—467 (съ портретомъ); «Историческій Вѣстникъ», кн. 7, стр. 220.

«Отчетъ о занятіяхъ въ Иркутскомъ солеваренномъ заводѣ» («Горн. Журналъ», 1862 г., кн. 6).

«Изъ Иркутска: промышленность края и Иркутскій солеваренный заводъ» («Промышленность», 1863 г., №№ 4 и 5).

«Письмо изъ Ковна», по поводу съѣзда членовъ повѣрочныхъ комиссій» («С.-Петербургск. Вѣдом.», 1864 г., № 32).

«О сѣрнистомъ запахѣ, замѣчаемомъ въ нѣкоторыхъ источникахъ Восточной Сибири» («Записки Сибирскаго отдѣла», изд. Импер. Русск. Географическ. обществомъ, 1864 г., кн. VII).

«Изъ исторіи великихъ открытій и изобрѣтеній: открытіе кислорода», Спб. 1874 г.

Ляпидевскій, Николай Павловичъ [1]), сынъ московскаго протоіерея, родился въ Москвѣ (1842 г.), воспитывался въ Московской духовной семинаріи, изъ которой поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета; по окончаніи курса кандидатомъ правъ (1866 г.), оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, при чемъ, въ 1872 году, читалъ лекціи студентамъ о римскихъ институціяхъ; удостоенный степени магистра гражданскаго права (1875 г.), поступилъ на службу и въ послѣднее время занималъ мѣсто старшаго помощника юрисконсульта при военномъ министерствѣ; † 10-го февраля въ Меранѣ.— Его труды:

«Общее государственное право Блюнчли», перев. съ нѣмецк. томъ I, М., 1865—1866 гг.

«Исторія французской революціи», Карлейля, томъ I, М., 1866 г. (Ему принадлежитъ редакція перевода).

«Статистическія свѣдѣнія объ отношеніи численности адвокатовъ и стряпчихъ къ количеству народонаселенія въ государствахъ Западной Европы» («Юридическ. Вѣстникъ», 1871 г., кн. 8).

«Исторія нотаріата», М., 1875 г., т. I, 310 стр. (магистерская диссертація).

Мазаракій, Валеріанъ Ивановичъ, землевладѣлецъ Херсонской губерніи, бывшій нѣсколько лѣтъ вицепрезидентомъ Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи, † 21-го января въ Одессѣ.—По указанію «Библіографа» (1886 г., № 12, стр. 182), онъ помѣщалъ статьи и замѣтки по сельскому хозяйству въ Одесской періодической печати.

Майковъ, Владиміръ Николаевичъ [2]), служилъ въ министерствѣ финансовъ, гдѣ занималъ должность начальника отдѣленія по департаменту внѣшней торговли; вышелъ въ отставку съ чиномъ д. с. совѣтника; † 11-го марта въ Нарвѣ.—Онъ издавалъ «Подснѣжникъ, жунналъ для дѣтскаго и юношескаго возрастовъ»

[1]) О немъ—«Отчеты Московскаго университета за 1866—1875 гг.», «Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 182.

[2]) О немъ—«Новь», 1885 г., кн. 11, стр. 670.—«Библіографъ», 1886 г., № 12 стр. 182. «Русск. Старина», 1888 г., кн. 5, стр. 532.

(1858—1862 гг., 55 книжекъ) и «Семейные вечера», дѣтскій журналъ (1864—1870 гг.). Въ этихъ двухъ журналахъ имъ помѣщались компиляціи и переводы съ иностранныхъ языковъ. Послѣ же кончины В. Н. Майкова, вышла его брошюра, составленная вмѣстѣ съ В. Владимірскимъ, подъ названіемъ: «Виды города Нарвы и его окрестностей» (Нарва, 1886 г., 22 стр. съ 22-мя видами).

Малаховъ, Михаилъ Викторовичъ [1]), сынъ горнаго инженера, родился 4-го іюня 1856 года на Нижне-Исетскомъ заводѣ (въ 12 верстахъ отъ Екатеринбурга) и окончилъ гимназическое образованіе въ 1877 году; затѣмъ поступилъ вольно-слушателемъ въ Петербургскій университетъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета; черезъ два года, выйдя изъ университета, получилъ мѣсто хранителя музея (1879—1883 гг.) и секретаря (1883—1885 гг.) при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ обществѣ; † 20-го января въ Кутаисѣ.—Состоя дѣйствительнымъ членомъ Уральскаго общества любителей естествознанія (съ 1878 г.), Импер. Русск. Географ. общества (1879 г.) и общества любителей естествознанія при Московскомъ университетѣ (съ 1879 г.), онъ ѣздилъ для антропологическихъ изслѣдованій на Уралъ (въ 1880—1882 гг.), за что получилъ серебряную и золотую медали отъ импер. русск. географическ, общества. Кромѣ небольшихъ трудовъ въ «Живописномъ Обозрѣніи», имъ напечатаны слѣдующія статьи:

«Слѣпни Сѣвернаго Урала», «Періодическія явленія природы въ Уральскомъ краѣ» и «Раки средняго Урала» («Труды Русск. энтомологическ. общества», 1876 г.).

«На Чудскомъ Городищѣ», изъ путевыхъ записокъ («Древн. и Нов. Россія», 1879 г., кн. 3).

«О вредныхъ насѣкомыхъ» («Труды Император. Вольноэкономическ. общества», 1879 г.).

«На золотомъ пріискѣ» («Историческ. Вѣстникъ», 1880 г., кн. 8).

«Рецензія книги: «Сборникъ статей касающихся Пермской губерніи» («Журналъ мин. нар. просвѣщенія», 1882 г., кн. 12).

«Разборъ труда Иностранцева: «Доисторическій человѣкъ на Ладожскомъ озерѣ» (тамъ же, 1883 г., кн. 7).

«Стоянка доисторическаго человѣка на Нѣманѣ» («Извѣстія Импер. Русск. Географическ. общества», 1883 г.).

«Поѣздка на изумрудныя копи» («Еженедѣльн. Обозрѣніе», 1884 г.).

Малининъ, Михаилъ Ивановичъ [2]), родился въ 1845 году,

[1]) См. періодическія изданія 1885 года: «Волжск. Вѣстникъ», № 33; «Восточн. Обозрѣніе», № 4; «Еженедѣльн. Обозрѣніе», № 101, стр. 533—537; «Новь», кн. 8, стр. 484; «Историческ. Вѣстникъ», кн. 3, стр. 722—723.

[2]) О немъ—«Новости», 1885 г., № 345.—Періодическія изданій 1886 года: «Библіографъ», № 10, стр. 149; «Волынск. Епарх. Вѣдомости», № 1; «Журналъ гражданск. и уголовн. права», кн. I, стр. 34—35; «Московск. Листокъ», № 31; «Юридическ. Обозрѣніе», № 250, стр. 35—36.

воспитывался въ Московской духовной семинаріи, изъ которой, по окончаніи курса, поступилъ въ Новороссійскій университетъ; по выпускѣ изъ послѣдняго со степенью кандидата правъ (1870 г.), отправленъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ, а по возвращеніи въ Одессу и защитѣ магистерской диссертаціи занялъ каѳедру гражданскаго права въ родномъ университетѣ (1873 г.); позже—докторъ гражданскаго права (1877 г.), ординарный профессоръ по той же каѳедрѣ и деканъ юридическаго факультета въ названномъ университетѣ; † 8-го декабря въ Одессѣ.—Его труды:

«Убѣжденіе судьи въ гражданскомъ процессѣ: въ производствѣ до судебнаго засѣданія», магистерская диссертація, Одесса, 1873 г.

«Судебное признаніе въ гражданскихъ дѣлахъ», Одесса, 1877 г., 141 стр. (докторская диссертація).

«Комментарій къ 366 статьѣ устава гражданскаго судопроизводства: обязанность доказыванія», Одесса, 1878 г., 93 стр.

«Теорія гражданскаго процесса», выпускъ первый («Записки Импер. Новороссійск. университета», 1881 г., т. XXXI и XXXII).—Отдѣльное изданіе: Одесса, 1881 г., 104 стр.

Мансветовъ, Иванъ Даниловичъ [1]), сынъ священника, родился въ Москвѣ (1843 г.), воспитывался въ Московской семинаріи (1858—1864 гг.) и Московской духовной академіи (1864—1868 гг.); по окончаніи курса въ послѣдней первымъ магистромъ богословія (1868 г.), назначенъ баккалавромъ гомилетики, литургики и церковной археологіи (1868—1873 гг.), затѣмъ экстра-ординарнымъ (1873—1884 гг.) и ординарнымъ (1885 г.) профессоромъ по тѣмъ же каѳедрамъ въ названной академіи; † 16-го декабря въ Ялтѣ, но похороненъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.—Покойный, состоя дѣйствительнымъ членомъ и секретаремъ Императорскаго Московскаго Археологическаго общества, напечаталъ слѣдующіе труды:

«О происхожденіи такъ называемаго романскаго орнамента въ церквахъ Владимірскихъ» («Труды 1-го археологическаго съѣзда въ Москвѣ въ 1869 году, М., 1871 г., т. I).

---

[1]) О немъ—«Исторія Московск. духовн. академіи», Смирнова, М., 1879 г., стр. 149, 400 и 574.—Періодическія изданія 1885 года: «Московск. Вѣдомости», №№ 350, 352 и 356; «Московск. Листокъ», № 357; «Новое Время», № 3527.—Періодическія изданія 1886 года: «Библіографъ», № 8, стр. 116—117; «Волынск. Епарх. Вѣдомости», № 1; «Журналъ мин. нар. просвѣщенія», кн. 1, стр. 29—30; «Историческ. Вѣстникъ», кн. 2, стр. 498—499; «Московск. церковн. Вѣдомости», №№ 1 и 2; «Православн. Обозрѣніе» кн. I, стр. 203—208; кн. 4, стр. 789—813; «Прибавленія къ Твореніямъ св. Отецъ», М., 1886 г., ч. 37, стр. 1—13; «Церковн. Вѣстникъ», № 1; «Церковно-Общественн. Вѣстникъ», № 3.—«Профессоръ Московской духовной академіи И. Д. Мансветовъ», рѣчь, произнесенная А. Лебедевымъ въ Московской духовной академіи, М., 1886 г., 27 стр.—«Поминки преосвященнаго Порфирія Успенскаго и профессора Московской духовной академіи И. Д. Мансветова», краткій очеркъ учено-литературной дѣятельности ихъ, составленный А. Дмитріевскимъ, Кіевъ, 1887 г., 61 стр.

«Очеркъ исторіи нашей православной церкви», критическая статья («Труды Московск. Археологическ. общества», 1869 г., т. II, вып. 2).

«Монументальное богословіе Пипера» («Православн. Обозрѣніе», 1870 г., кн. 9).

«Омофоръ» («Труды Московск. Археологическ. общества», 1871 г., т. III, вып. 2).

«L'Hymnographie de l'eglise grecque par Pitra» (тамъ же).

«Новые матеріалы по русской церковной археологіи» («Чтенія въ Обществѣ любит. дух. просвѣщенія», 1871 г., кн. 2).

«Историческое описаніе древняго Херсонеса и открытыхъ въ немъ памятниковъ», М., 1872 г.

«Объ устройствѣ церковно-археологическихъ музеевъ» («Православн. Обозрѣніе», 1872 г., кн. 2).

«Памятники церковнаго искусства на Московской политехнической выставкѣ» (тамъ же, кн. 7).

«Къ матеріаламъ для исторіи древне-русскихъ одеждъ» («Труды Московск. Археологическ. общества», 1873 г.).

«О точныхъ снимкахъ съ двухъ знаменитыхъ памятниковъ древности: Евангелія Мстиславова и Евангелія Юрьевскаго» («Православн. Обозрѣніе», 1873 года, кн. 2).

«Златоустъ, какъ проповѣдникъ» (такъ же, кн. 9 и 12).

«Разборъ изданія Мартынова: Москва» (тамъ же, кн. 10).

«Объ изображеніи Распятія на лжицѣ Новгородскаго Антоніева монастыря» («Труды Московск. Археологическ. общества», 1874 г., т. III, вып. 1).

«Dobbert: Die Darstellung des Abendmahls durch die Bysantinische Kunst» («Протоколы Московск. Археологическ. общества», 1874 г., т. IV, вып. 1).

«Церковно-строительная дѣятельность въ Новгородѣ» («Труды Московск. Археологическ. общества», 1876 г., т. VI, вып. 1).

«Очерки изъ исторіи духовной литературы и просвѣщенія въ древней Россіи» («Православн. Обозрѣніе», 1876 г., кн. 9).

«Объяснительныя замѣчанія къ уставу Императрицы Ирины» («Труды Московск. Археологическ. общества», 1877 г., т. VII).

«Полный мѣсяцесловъ Востока», разборъ сочиненія архимандрита Сергія, Спб., 1878 г., 46 стр.—Этотъ разборъ удостоенъ золотой Уваровской медали отъ Императорской Академіи Наукъ.

«О значеніи слова укси въ Лаврентьевской лѣтописи» («Труды Московск. Археологическ. общества», 1878 г., т. VIII).

«Отрывки изъ новой литературы о Греціи» («Православн. Обозрѣніе», 1878 г., кн. 7).

«Матеріалы изъ Acta sanctorum для первоначальной топографіи и исторіи христіанства на Кавказѣ» («Протоколы Московск. Археологическ. общества», 1878 г.).

«Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ», протоколы подготовительнаго комитета, М., 1880 г., 165 стр. и семь таблицъ съ рисунками.

«О пѣсненномъ послѣдованіи: его древнѣйшая основа и общій строй» («Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцевъ», 1880 г., ч. XXVI).

«Къ статьѣ о греческомъ Кондакарѣ XII—XIII вѣковъ» (тамъ же).

«Изъ наблюденій во время поѣздки на археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ» («Православн. Обозрѣніе», 1881 г., кн. 11).

«О вновь открытомъ Россанскомъ кодексѣ Четвероевангелія съ миніатюрами» («Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцевъ», 1881 г., ч. XXVII).

«Новые эллинскіе обычаи въ Македоніи» (тамъ же).

«О трудахъ митрополита Кипріана по части Богослуженія» (тамъ же, 1882 г., ч. XXIX и XXX).—Затѣмъ этотъ трудъ вышелъ отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности», историко-литургическое изслѣдованіе, М., 1882 г., 202 стр.

«Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ», протоколы подготовительнаго комитета, М., 1882 г., 621+17 стр.

«По поводу недавно открытой стѣнописи въ Московскомъ и Владимірскомъ Успенскомъ соборахъ» («Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцевъ», 1883 г., ч. XXXI).

«Evchologium Glagolsky» (тамъ же).

«О трудахъ Крауза, Готтенрота и Детье по древне-христіанскому искусству» («Труды Московск. Археологическ. общества» 1883 г.).

«Объ изображеніи Деисусъ» (тамъ же).

«О времени появленія иконостаса въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ» (тамъ же).

«О книгѣ Ровинскаго: «Русскія народныя картинки» («Православн. Обозрѣніе», 1883 г.).

«Юбилеи Анжело Мая и де-Росси» (тамъ же).

«Какъ у насъ правились церковныя книги» («Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцевъ», 1883 г., ч. XXXII; 1884 г., ч. XXXIII).

«Къ матеріаламъ для исторіи церковнаго устава» (тамъ же, 1884 г., ч. XXXIII).

«Студійскій монастырь и его церковно-служебные порядки» (тамъ же, 1884 г., ч. XXXIV).

«Уставъ іерусалимскій и его судьба на Востокѣ и въ земляхъ славянскихъ» (тамъ же).

«Церковный уставъ (типикъ), его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви», М., 1885 г.—Эта диссертація, написанная для полученія степени доктора церковной исторіи, удостоена двухъ Макарьевскихъ премій—отъ Московской духовной академіи и отъ Св. Сvнода.

«Графъ А. С. Уваровъ по отношенію къ Византійской археологіи» (Брошюра: «Незабвенной памяти графа А. С. Уварова», М., 1885 г.).

«Отчетъ о состояніи и дѣятельности Императорскаго Московскаго Археологическаго общества съ 17-го марта 1883 г. по 1-е марта 1884 года» («Труды Московск. Археологическ. общества», 1885 г., т. X, стр. 1—10).

«О постахъ православной церкви» («Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцевъ», 1885 г., ч. XXXVI; 1886 г., ч. XXXVII).

Кромѣ того, покойный И. Д. Мансветовъ редактировалъ «Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго общества».

Мансфельдъ, Елизавета Юльевна[1]), урожденная Кобъ-Тэтбу де-Мариньи, родилась 11-го марта 1853 года въ Одессѣ, получила прекрасное образованіе и въ началѣ семидесятыхъ годовъ вышла замужъ за Д. А. Мансфельда; † 17-го января въ Москвѣ.—Покойная принимала дѣятельное участіе въ журналѣ, издававшемся мужемъ, подъ заглавіемъ «Радуга»: она завѣдовала музыкальнымъ отдѣломъ, переводила получаемыя изъ Парижа рукописи для при-

---

[1]) О ней—«Радуга» 1885 г., № 4, стр. 78—79.

ложенія модъ, корректировала ноты и вела отдѣлъ «домашняго хозяйства».

Матушинскій, Аполлонъ Михайловичъ[1]), родился въ Ахтырскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи (1829 г.) и высшее образованіе получилъ въ Харьковскомъ университетѣ; по окончаніи университетскаго курса служилъ въ министерствѣ путей сообщенія, членомъ Харьковской губернской земской управы (1866—1869 гг.) и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ начальникомъ отдѣленія при департаментѣ общихъ дѣлъ (1870—1883 гг.); † 19-го декабря въ Петербургѣ.—Покойный состоялъ почетнымъ вольнымъ общникомъ Императорской Академіи Художествъ и велъ отдѣлъ художественной критики въ «Голосѣ» (подъ псевдонимомъ: «Эмъ»), «Правительственномъ Вѣстникѣ» и «Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ». Кромѣ того, имъ напечатаны:

«Торвальдсенъ и его произведенія» («Русск. Вѣстникъ», 1865 г., кн. 6—9).
«Послѣдніе годы жизни Торвальдсена» (тамъ же, 1866 г., кн. 5 и 6).
«Мюнхенская международная художественная выставка» (тамъ же, 1869 г., кн. 12; 1870 г., кн. 1, 2 и 5).
«Произведенія иностранныхъ художниковъ въ Петербургѣ» (тамъ же, 1870 г., кн. 5).
«Послѣдняя художественная выставка въ Петербургѣ» (тамъ же, 1872 г., кн. 6).
«Отдѣлъ искусствъ на Вѣнской всемірной выставкѣ» (тамъ же, 1873 г., кн. 12; 1874 г., кн. 1, 5 и 6).
«Герцогиня Колонна Марчелло» («Вѣстникъ изящныхъ искусствъ» 1885 г., т. III, № 1).

Надо прибавить, что А. М. Матушинскій завѣщалъ Харьковскому университету свою замѣчательную библіотеку по исторіи искусствъ и весьма значительную коллекцію картинъ и гравюръ.

Мацкевичъ, Николай Ивановичъ[2]), воспитывался въ Константиновскомъ военномъ училищѣ, изъ котораго выпущенъ въ офицеры С.-Петербургскаго Гренадерскаго полка (1864 г.); во время русско-турецкой войны (1877—1878 гг.), въ чинѣ капитана, находился среди почетнаго конвоя при императорѣ Александрѣ II-мъ; затѣмъ, награжденный званіемъ флигель-адъютанта (6-го августа 1878 года), дослужился до чина подполковника; † 30-го сентября въ Варшавѣ.—Имъ издана книга подъ заглавіемъ: «Гвардейскій отрядъ почетнаго конвоя его величества въ турецкую войну 1877—1878 годовъ» (Варшава, 1880 г., 368 стр.).

Мацонъ, Юлій Ивановичъ[3]), изъ гражданъ города Вендена,

---

[1]) О немъ см. періодическія изданія 1886 г.: «Библіографъ», № 10, стр. 146; «Нива», № 16 (съ портретомъ); «Историческ. Вѣстникъ», кн. 2, стр. 498.

[2]) О немъ—«Новое Время», 1885 г., № 3474.—«Петербургскій Листокъ», 1885 г., № 288.—«Новь», 1886 г., кн. I, отд. II, стр. 77.

[3]) О немъ—«Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat,», Dorpat, 1853 г., стр. 151.—«Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей уни-

родился въ Ригѣ (1817 г.) воспитывался въ рижской гимназіи и на медицинскомъ факультетѣ Дерптскаго университета; по окончаніи курса въ послѣднемъ со степенью лѣкаря перваго отдѣленія (1843 г.), опредѣленъ врачамъ Сквирской окружной лѣчебницы; затѣмъ перемѣщенъ на должность врача при кіевскомъ домѣ умалишенныхъ (1844 г.) и при кіево-межигорской фаянсовой фабрикѣ (1848 г.); удостоенный степени доктора медицины (1850 г.), назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ частной терапіи въ университетѣ Св. Владиміра (1852 г.), утвержденъ экстраординарнымъ (1854—1858 гг.) и ординарнымъ (1858—1875 гг.) профессоромъ по каѳедрѣ патологіи и патологической анатоміи; вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ деканомъ медицинскаго факультета (1868—1870 гг.); съ 1875 года вышелъ изъ университета и занималъ мѣсто директора при Кіевской Александровской городской больницѣ (1875—1885 гг.); † 20-го декабря въ Кіевѣ.—Покойный, состоя дѣйствительнымъ членомъ (съ 1854 г.), вице-предсѣдателемъ (съ 1862 г.), предсѣдателемъ (съ 1871 г.) и почетнымъ членомъ (съ 1881 г.) общества кіевскихъ врачей, почетнымъ членомъ общества архангельскихъ врачей (съ 1873 г.) и членомъ-корреспондентомъ императорскаго Виленскаго медицинскаго общества (съ 1873 г.), напечаталъ слѣдующіе труды:

«Einige Bemerkungen über die Cholera» («Medicin. Zeitung Russl.», 1848 г.).

«De primo gradu degenerationis renum in morbo Brightii», Кіевъ, 1850 г. (докторская диссертація).

«Eigenthumliche pathologische Entwickelung der Phlasterepithelin der Harnkanäle» («Joh. Müller's Archiv», 1851 г.).

«Патологическія наблюденія надъ Брайтовою болѣзнью» («Военно-Медицинскій Журналъ», 1851 г., ч. LVIII, № 1).—То же на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Zur Pathologie der Brightischen Krankheit» (Кіевъ, 1851 г., ч. I, съ рисунками).

«Теорія постукиванія груди, обработанная на основаніи собственныхъ опытовъ и изслѣдованій» («Военно-Медицинскій Журналъ», 1852 г., ч. LX, № 1).—Этотъ же трудъ на нѣмецкомъ языкѣ напечатанъ въ «Prager Uiertel-jahrschr» (1852 г.).

«Открытіе настоящихъ составныхъ частей гладкихъ мышцъ и изслѣдованія надъ существованіемъ этихъ мышцъ въ человѣческой селезенкѣ» съ рисунками («Другъ здравія», 1853 г., № 2).—Эта же статья напечатана понѣмецки, подъ заглавіемъ: «Untersuchungen über die Gewebs-Elemente der glatten Muskeln und über die Existenz dieser Muskeln in der menschlicher Milz» («Jon Müller's Archiv», 1854 г.).

«Наблюденія надъ катарральнымъ, крупознымъ и дифтерическимъ воспаленіемъ гортани и дыхательнаго горла» («Военно-Медицинскій Журналъ», 1860 г., ч. LXXIX, № 3).

«Объ устройствѣ аудиторіи для микроскопическихъ демонстрацій и о новѣй-

---

верситета св. Владиміра», Кіевъ, 1884 г., стр. 402—404 и 812.—«Библіографъ», 1886 г., № 10, стр. 146—147.

шихъ техническихъ усовершенствованіяхъ микроскоповъ» («Извѣстія о второмъ съѣздѣ естествоиспытателей», 1862 г.).

«О результатахъ опытовъ и изслѣдованій на счетъ вліянія кровообращенія на развитіе воспаленія» («Протоколы общества Кіевск. врачей», 1862 г.).

«О паренхиматозномъ воспаленіи печени, цирозѣ и атрофической мушкатной почени» («Кіевск. университетск. Извѣстія», 1869 г.).

Кромѣ того, Ю. И. Мацономъ изданы «Отчеты о холерныхъ эпидеміяхъ въ 1871 и 1872 годахъ въ городѣ Кіевѣ».

Медвѣдевъ, Павелъ Ивановичъ[1]). высшее образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета; по окончаніи курса въ послѣднемъ со степенью лѣкаря перваго отдѣленія (1843 г.), назначенъ городовымъ врачомъ въ Сольвычегодскъ (Вологодской губерніи), затѣмъ съ 1844 г.—въ Скопинъ (Рязанской губерніи); послѣ полученія званія акушера (1845 г.), поступилъ въ сверхштатные врачи Московской полиціи (1849 г.); потомъ штатный врачъ Сущевской части (1855 г.), докторъ медицины (1860 г.), вмѣстѣ съ званіемъ инспектора врачебной управы (1861 г.), Срѣтенскій частный врачъ (1861 г.), адъюнктъ при каѳедрѣ судебной медицины и доцентъ гигіены съ эпизоотическими болѣзнями при Московскомъ университетѣ (1863—1881 гг.); послѣ того вышелъ въ отставку † 13-го октября въ сельцѣ Архангельскомъ (Скопинскаго уѣзда, Рязанской губерніи).—Онъ напечаталъ:

«О кровотеченіи въ полость черепа, въ приложеніи къ судебной медицинѣ», докторская диссертація, М., 1860 г., 56 стр.

«Разборъ статьи Чистосердова» («Московская Медицинская Газета», 1862 г., №№ 32 и 33).

«Три случая воспаленія легкихъ, подавшихъ поводъ къ судебно-медицинскому изслѣдованію» (тамъ же, 1862 г., № 35).

«О сотрясеніи мозга въ судебно-медицинскомъ отношеніи» (тамъ же, 1862 г., № 45).

«Случай отравленія картофелемъ, пустившимъ ростки» (тамъ же, 1862 г., № 52).

«О вліяніи падежей домашнихъ животныхъ на народное здоровье и о знаніи государственнаго врачебновѣдѣнія» («Московская Медицинская Газета», 1863 г.).—Отдѣльный оттискъ: М., 1863 г., 7 стр.

«О вредномъ вліяніи нечистотъ и зловонія въ городахъ» («Московская Медицинская Газета», 1865 г., №№ 49 и 50).—То же напечатано въ «Московскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ» (1865 г.) и вышло отдѣльнымъ оттискомъ (М., 1865 г., 12 стр.).

«Значеніе школьной гигіены» («Протоколы учебнаго отдѣла Политехнической выставки», М., 1872 г.).—Отдѣльный оттискъ: М., 1872 г.

«Гигіеническое значеніе одежды и одежда школьная» («Московская Медицинская Газета», 1874 г., №№ 12 и 13).

«Канализація и очищеніе городовъ» (тамъ же, 1875 г., №№ 2—4).

---

[1]) О немъ—«Отчеты Московскаго университета» за 1863—1881 годы.—«Московскія Вѣдомости», 1885 г., № 288.—«Русскіе врачи писатели», Змѣева, Спб., 1886 г., вып. II, стр. 14.—«Библіографъ», 1886 г., № 1, стр. 15.

«Увеличеніе смертности въ Москвѣ отъ новыхъ домовъ» (тамъ же, 1875 г., №№ 49, 51 и 52).

«Черная смерть и ветляндская болѣзнь» («Здоровье», 1879 г.).

«По поводу вопросу о канализаціи и канализація Москвы» («Медицинское Обозрѣніе», 1879 г.).—Отдѣльный оттискъ: М., 1879 г., 16 стр.

Покойный П. И. Медвѣдевъ состоялъ членомъ физико-медицинскаго общества и общества русскихъ врачей въ Москвѣ.

Милютинъ, Матвѣй Карповичъ [1]), сынъ приказнослужителя, родился въ 1830 году и воспитывался въ рязанскомъ училищѣ канцелярскихъ служителей, откуда, по окончаніи курса, опредѣлился чиновникомъ въ Рязанское губернское правленіе (1848—1850 гг.), а затѣмъ писцомъ 3-го разряда въ канцелярію Рязанской гимназіи (1850—1854 гг.); послѣ того поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета (1854—1859 гг.); по окончаніи университетскаго курса лѣкаремъ (1859 г.) служилъ врачомъ при больницѣ Московскаго Воспитательнаго дома (1859—1862 гг.) и при кавказскихъ минеральныхъ водахъ (1862 г.); удостоенный степени доктора медицины (1869 г.), состоялъ приватъ-доцентомъ бальнеологіи при Харьковскомъ университетѣ (1874—1878 гг.) и старшимъ врачомъ при кавказскихъ минеральныхъ водахъ, числясь въ то же время при медицинскомъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (1872—1882 гг.); † 10-го августа въ Петербургѣ.—Покойный былъ членомъ-основателемъ Московскаго общества русскихъ врачей и предсѣдателемъ русскаго бальнеологическаго общества въ Пятигорскѣ. Имъ напечатаны:

«Нѣсколько словъ о необходимости сельскихъ лѣчебницъ» («Московская Медицинская Газета», 1861 г., №№ 21—22).

«Общія свѣдѣнія о грудныхъ отдѣленіяхъ Московскаго Воспитательнаго дома» (тамъ же, № 37).

«Оспенная эпидемія въ Московскомъ Воспитательномъ домѣ» (тамъ же, 1862 г., № 17).

«Замѣчанія относительно химическаго состава и терапевтическаго дѣйствія водъ источника кн. Барятинскаго въ Желѣзноводскѣ», М., 1866 г.—Второе изданіе: Пятигорскъ, 1867 г., 23 стр.

«О желѣзнистыхъ источникахъ при Кавказскихъ минеральныхъ водахъ», докторская диссертація, М., 1869 г., 93 стр.

«Путеводитель по Кавказскимъ минеральнымъ водамъ», М., 1872 г., 168 стр. съ рисунками.—Второе исправленное и дополненное изданіе этой книги вышло подъ заглавіемъ: «Кавказскія минеральныя воды», Путеводитель, М., 1879 г.

«Историческій очеркъ развитія и устройства Кавказскихъ минеральныхъ водъ», М., 1878 г., 171 стр,

«Бальнеологія» (ученіе о минеральныхъ водахъ), Спб., 1875 г., вып. I, 112 стр.

---

[1]) О немъ—«Русская Медицина», 1886 г., № 32.—«Русскіе врачи-писатели», Змѣева, Спб., 1886 г., вып. II, стр. 16.—«Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 182.

Минъ, Дмитрій Егоровичъ[1]), родился въ Рязанской губерніи (1818 г.), воспитывался въ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ, откуда, по окончаніи полнаго курса (1834 г.), поступилъ въ Московскую медико-хирургическую академію; по выпускѣ изъ послѣдней со степенью лѣкаря перваго отдѣленія и съ золотою медалью (1839 г.), служилъ ординаторомъ при Московской Екатерининской больницѣ (1839—1856 гг.) и получилъ степень доктора медицины (1851 г.); затѣмъ—адъютантъ Московскаго университета по каѳедрѣ гигіены, эпизоотіи и ветеринарной полиціи (съ 22-го апрѣля 1858—1863 гг.), профессоръ судебной медицины въ томъ же университетѣ (съ 1863 г. до 21-го января 1878 г.) и проректоръ (1870—1877 гг.); послѣ того покинулъ университетскую службу и поселился въ Петербургѣ, гдѣ скончался 30-го октября. Кромѣ дѣятельнаго участія въ изданіи «Врачебнаго Журнала» (1851—1858 гг.), онъ напечаталъ:

«Пѣснь пятая Дантова Ада» («Москвитян.», 1843 г., ч. II, кн. 4).

«Руководство къ частной патологической анатоміи Рокитанскаго», перев. съ нѣмецкаго, М., 1844—1850 г., шесть книгъ.

«De dyscrasia typho propria», докторская диссертація, М., 1851 г.

«Адъ, поэма Данта, пѣснь первая», съ комментаріями («Москвитян.», 1852 г., ч. I, кн. 2).—Продолженіе этого перевода печаталось въ томъ же журналѣ (1853 г., кн. 6—12).

«Объ успѣхахъ новѣйшей химіи и заслугахъ Берцеліуса» («Москвитянинъ», 1853 г., кн. 1).

«Погребальная пѣснь индійцевъ», изъ Шиллера («Современникъ», 1854 г., кн. 9).

«Нѣсколько матеріаловъ къ объясненію Дантовой поэмы: «Адъ» («Москвитян.», 1854 г., кн. 21).

«Адъ Данта Алигіери», переводъ съ итальянскаго размѣромъ подлинника, съ приложеніемъ комментарія, матеріаловъ пояснительныхъ, портрета и другихъ рисунковъ, М., 1855 г., 366 стр.

«Пѣснь о колоколѣ», стихотвореніе Шиллера, перев. съ нѣмецкаго, Спб., 1856 г.

«О значеніи повальныхъ болѣзней домашнихъ животныхъ въ быту человѣка» («Московскія Вѣдомости», 1858 г.).

«О простонародныхъ средствахъ противъ бѣшенства» (тамъ же, 1860 г.).

«Изъ Байронова Донъ-Жуана» («Зритель», 1862 г.).

«Монологъ короля Ричарда II-го», изъ драмы Шекспира («Русск. Вѣстникъ», 1864 г., кн. 4).

«Первая пѣснь Чистилища Данта Алигіери» (тамъ же, 1865 г., кн. 9.).

«Медико-полицейское изслѣдованіе фабрики купцовъ Ганешиныхъ» («Современн. Лѣтопись», 1866 г.).

---

[1]) О немъ — «Отчеты Московскаго университета» за 1858—1876 годы.— «Исторія Московской практической академіи», Глѣбова и Иванова, М., 1860 г., стр. 211.—Періодическія изданія 1885 года: «Волынск. Епарх. Вѣдомости», № 34; «Журналъ мин. нар. просвѣщенія», кн. 12, стр. 215—217; «Московск. Вѣдомости», № 306; «Нива», № 50, стр. 1213—1214 (съ портретомъ); «Новое Время», № 3480; «Новости», № 305; «Петербургскій Листокъ», № 300.—«Библіографъ», 1886 г., № 4, стр. 68—69.—«Историческ. Вѣстникъ», 1886 г., кн. I, стр. 255.

«Правила дезинфекціи отхожихъ мѣстъ при помощи желѣзнаго купороса и способъ его употребленія», М., 1866 г.

«О нѣкоторыхъ сомнительныхъ состояніяхъ психическаго здоровья въ судебномедицинскомъ отношеніи», актовая рѣчь («Рѣчь и отчетъ, произнесенн. въ торжественн. собраніи Московск. университета», М., 1868 г., стр. 18—87).

«Человѣкъ, рожденный быть королемъ», повѣсть въ стихахъ изъ поэмы Вильяма Морриса: «Земной Рай», перев. («Русскій Вѣстникъ», 1869 г., кн. 1).

«Осада Коринеа», поэма Байрона, перев. съ англійск. (1873 г., кн. 6).—Продолженіе этого перевода помѣщено въ «Русск. Вѣстникѣ», (1875 г., кн. 3).

«Стихотворенія изъ Теннисcона, Уордсуорда и Уланда», перев. съ англійскаго («Русск. Вѣстникъ», 1880 г., кн. 1).

«Донъ-Жуанъ на островѣ Пирата», изъ поэмы лорда Байрона: «Донъ-Жуанъ», перев. съ англійск. (тамъ же, 1881 г., кн. 3 и 4). — Отдѣльное изданіе: М., 1881 г., 105 стр.

«Король Іоаннъ», драма Шекспира, перев. съ англійскаго («Русск. Вѣстникъ», 1882 г., кн. 7).

Уже послѣ кончины Д. Е. Мина, помѣщено нѣсколько его переводовъ въ «Пантеонѣ литературы» (1888 г., кн. 1).

Митюковъ, Калликникъ Андреевичъ [1]), изъ купеческаго званія, родился 22-го іюля 1823 года въ Кіевѣ, воспитывался въ тамошней духовной семинаріи, изъ которой поступилъ на юридическій факультетъ университета Св. Владиміра (1841 г.); по окончаніи курса со степенью кандидата законовѣдѣнія (1845 г.), опредѣленъ исправляющимъ должность адъюнкта по каеедрѣ римскаго права въ родномъ университетѣ (1846 г.); удостоенный степени магистра (1847 г.), утвержденъ адъюнктомъ (1848 г.), а послѣ защиты докторской диссертаціи (1851 г.), назначенъ экстраординарнымъ (1851—1852 гг.) и ординарнымъ (1852—1871 гг.) профессоромъ по той же каеедрѣ въ названномъ университетѣ; въ то же время онъ состоялъ деканомъ юридическаго факультета, проректоромъ и ректоромъ (1861—1871 гг.), а также директоромъ Демидовскаго лицея въ Ярославлѣ (1869—1870 гг.); по выслугѣ 25 лѣтъ на ученомъ поприщѣ возведенъ въ званіе заслуженнаго ординарнаго профессора (1871 г.) и въ этомъ званіи оставался при родномъ университетѣ до дня кончины—27-го февраля въ Кіевѣ.—Кромѣ неизданныхъ диссертацій—магистерской: «О признаніи тяжущихся сторонъ на судѣ по дѣламъ гражданскимъ» и докторской: «О наслѣдствѣ по римскимъ законамъ», а также литографированныхъ лекцій подъ названіемъ: «Система римскаго гражданскаго права и исторія римскаго права», онъ напечаталъ:

«Отчетъ о занятіяхъ, во время пребыванія за границею съ февраля 1857 по іюль 1858 года» («Журналъ мин. нар. просвѣщенія», 1859 г., ч. CII, кн. 4).

---

[1]) О немъ—«Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей университета св. Владиміра», Кіевъ, 1884 г., стр. 441—443.—Періодическія изданія 1885 года: «Волынск. Епарх. Вѣдомости», № 10; «Московск. Вѣдомости», № 63; «Современн. Извѣстія», № 62.

«Рецензія диссертаціи Кистяковскаго: «Изслѣдованіе о смертной казни» («Кіевскія университетск. Извѣстія», 1867 г., кн. 9).

«О сочиненіи Дыдынскаго: «Начала римскаго права» (тамъ же, 1876 г., кн. 10 и 12).

«По поводу статьи Муромцева: «О владѣніи по римскому праву» (тамъ же, 1877 г., кн. 2).

«Guido Padelleti: Storia del diritto Romano» (тамъ же, 1879 г., кн. 5).

«Замѣтка по поводу статьи въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» (тамъ же, кн. 8).

«Описаніе диспута Загоровскаго въ Кіевѣ» (тамъ же, кн. 9).

«О книгѣ Капустина: «Институціи римскаго права» (тамъ же, 1881 г., кн. 6).

«Курсъ римскаго права» (тамъ же, 1883—1884 гг.).—Отдѣльное изданіе: Кіевъ, 1883 г., вып. I, 297 стр.; Кіевъ, 1884 г., вып. II, 446 стр.

Михневичъ, Іосифъ Григорьевичъ[1]), сынъ священника села Локачей (Владимірскаго уѣзда, Волынской губерніи), родился въ апрѣлѣ 1809 года, воспитывался въ Волынской семинаріи (1823—1829 гг.) и Кіевской духовной академіи (1829—1833 гг.); по окончаніи курса въ послѣдней вторымъ магистромъ богословія (1833 г.), назначенъ баккалавромъ (съ 6-го октября 1833 года), а затѣмъ—экстраординарнымъ профессоромъ философіи въ родной академіи (съ 11-го апрѣля 1836 года); черезъ три года (съ 11-го марта 1839 года) опредѣленъ профессоромъ философіи въ Ришельевскій лицей и съ 26 октября 1850 года инспекторомъ того же учебнаго заведенія; потомъ—помощникъ попечителя Кіевскаго (1859—1868 гг.) и Варшавскаго (1868—1871 гг.) учебныхъ округовъ; выйдя въ отставку (въ октябрѣ 1871 года), поселился въ Одессѣ, гдѣ и скончался 9-го октября.—Кромѣ изданія «Новороссійскаго Календаря» (за 1842—1857 года), онъ напечаталъ:

«Объ успѣхахъ греческой философіи», актовая рѣчь («Годичн. актъ въ Ришельевскомъ лицеѣ», Одесса, 1839 г.).

«Опытъ постепеннаго развитія главныхъ дѣйствій мышленія, какъ руководство для первоначальнаго преподаванія логики», Одесса, 1848 г.—Второе изданіе этой книги вышло подъ заглавіемъ: «Руководство къ начальному изученію логики», Одесса, 1874 г.

«Біографія герцога де-Ришелье», Одесса, 1849 г.

«Опытъ простого изложенія системы Шеллинга, разсматриваемой въ связи съ системами другихъ германскихъ философовъ», актовая рѣчь («Годичный актъ въ Ришельевскомъ лицеѣ», Одесса, 1850 г., стр. 1—55).

«Историческій обзоръ сорокалѣтія Ришельевскаго лицея, съ 1817 по 1857 годъ», Одесса, 1857 г., 200 стр.

---

[1]) О немъ—«Историческій обзоръ сороколѣтія Ришельевскаго лицея, съ 1817 по 1857 годъ», Одесса, 1857 г., стр. 66—67.—«Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной академіи», Кіевъ, 1869 г., стр. 391 и 410.—«Кіевская Старина», 1885 г., кн. 12, стр. 757—765.—«Новости», 1885 г., № 283.—«Библіографъ», 1886 г., № 1, стр. 14—15.—«Волынск. Епарх. Вѣдомости», 1886 г., № 1.—«Новь», 1886 г., кн. 1, стр. 77.

«О репетиціяхъ, экзаменахъ и переводѣ учениковъ въ высшіе классы» («Воспитаніе», 1862 г., кн. 1).

«Отчетъ о педагогическихъ курсахъ для Кіевскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ» («Циркуляръ по управленію Кіевск. учебн. округа», 1862 г., № 2).

Кромѣ того, покойный І. Г. Михневичъ состоялъ членомъ Одесскаго общества исторіи и древностей, въ «Запискахъ» котораго помѣстилъ статью: «О еврейскихъ манускриптахъ, хранящихся въ музеумѣ общества» (т. II).

Мордовцева, Анна Никаноровна [1]), родилась въ 1833 году; † 21-го декабря въ Саратовѣ.—Ею напечатаны:

«Русскія народныя пѣсни, собранныя въ Саратовской губерніи» («Лѣтописи Русск. литературы и древности», 1862 г., т. IV).—Въ собираніи этихъ пѣсенъ принималъ участіе и Н. И. Костомаровъ.

«Отзвуки жизни» (1842—187. гг.), Саратовъ, 1877 г., 303 стр.—При этой книгѣ, продававшейся въ пользу осиротѣвшихъ малютокъ-дѣвочекъ Черногоріи, находилось «посвященіе» за подписью: «А. Б—въ».

Невельскій, Александръ Николаевичъ [2]), завѣдывавшій читальной залой Императорской Публичной библіотеки; † 4-го октября въ Петербургѣ.—Онъ былъ сотрудникомъ «Нивы», «Заграничнаго Вѣстника» и «Русскаго Вѣстника» по отдѣлу библіографіи.

Николай, въ мірѣ Иванъ Григорьевичъ Заркевичъ [3]), сынъ священника Могилевской епархіи, родился въ 1827 году, воспитывался въ мѣстной семинаріи, изъ которой поступилъ въ Петербургскую духовную академію (1847 г.); по окончаніи курса въ послѣдней со степенью магистра богословія (1851 г.), рукоположенъ въ санъ священника къ Спасобочаринской церкви въ Петербургѣ, гдѣ и оставался до 1869 года, исполняя въ то же время должность законоучителя въ школѣ кантонистовъ при Петербургскомъ арсеналѣ, въ пиротехническомъ и техническомъ артиллерійскихъ училищахъ; затѣмъ, съ 1869 года, назначенъ протоіереемъ-законоучителемъ 1-го военнаго Павловскаго училища, въ которомъ и находился до 5-го мая 1884 года, когда, какъ вдовый, постриженъ въ монашество и возведенъ въ санъ архимандрита; наконецъ,

---

[1]) О ней—«Всеобщій Календарь на 1887 годъ», изданн. Гоппе, стр. 498.

[2]) О немъ см. періодическія изданія 1885 года: «Новости», № 276; «Новь», кн. 24, стр. 809; «Петербургск. Листокъ», № 272.—«Библіографъ», 1886 г., № 1, стр. 14.

[3]) О немъ—«Исторія Петербургской академіи», Чистовича, Спб., 1857 г., стр. 455.—Періодическія изданія 1885 года: «Волынск. Епарх. Вѣдомости», № 18, «Воронежск. Епарх. Вѣдомости», № 13; «Донск. Епарх. Вѣдомости», № 15; «Литовск. Епарх. Вѣдомости», № 28; «Московскія Вѣдомости», № 161; «Московск. Листокъ», № 169; «Новь», кн. 16, стр. 250; «Подольск. Епарх. Вѣдомости», № 21; «Православное Обозрѣніе», кн. 7, стр. 573—579; «Смоленск. Епарх. Вѣдомости», № 16; «Странникъ», кн. 8, стр. 595—598; «Херсонск. Епарх. Вѣдомости», № 13; «Церковный Вѣстникъ», № 23; «Церковно-Общественный Вѣстникъ», №№ 40 и 45.—«Девятисотлѣтіе Русской іерархіи», М., 1888 г., стр. 75.

по высочайшему повелѣнію (26-го мая 1884 года) хиротонисанъ въ санъ епископа Новомиргородскаго, викарія Херсонской епархіи (10-го іюня 1884 года); † 6-го іюня на пароходѣ «Потѣшный» при проѣздѣ изъ Херсона въ Николаевъ.—Покойный издавалъ журналъ «Духъ Христіанина» (1861—1866 гг.) и редактировалъ «Сборникъ сочиненій современныхъ писателей: матеріализмъ, наука и христіанство» (Спб., 1867—1880 гг., 18 томовъ). Отдѣльно же онъ напечаталъ слѣдующіе труды:

«Современный матеріализмъ предъ судомъ разума», Спб., 1866 г.

«Тѣло и душа: основанія психологіи человѣка, д—ра Германа Ульрици, перев. съ нѣмецкаго, Спб., 1869 г., 755 стр. — Эта книга составляетъ шестой томъ «Сборника сочиненій современныхъ писателей».

«Записки по предмету Закона Божія», Спб., 1870 г.

«Очеркъ ученія христіанской вѣры», Спб., 1873 г., 327 стр.

«Опытъ естественнаго богословія», Спб., 1879—1883 гг.—Въ этомъ изданіи участвовалъ А. Л. Савицкій [1]).

Никольскій, Александръ Григорьевичъ [2]), сынъ священника Саратовской епархіи, родился въ 1815 году, воспитывался въ мѣстной семинаріи и Московской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней со степенью магистра богословія (1838 г.)— профессоръ еврейскаго и классическихъ языковъ въ рязанской и виѳанской семинаріяхъ (1838—1845 гг.), священникъ при Московской глазной больницѣ и при церкви Покрова въ Кудринѣ (1845— 1865 гг.), протоіерей при храмѣ Пимена Новаго и благочинный Никитскаго сорока (1865—1885 гг.); † 8-го іюля въ Москвѣ.—Его печатные труды:

«Разсужденіе о томъ, что владыка Израилевъ, о которомъ говоритъ пророкъ Михей (въ гл. V, ст. 2), есть Мессія Іисусъ», М., 1838 г., 38 стр. (магистерская диссертація).

«Чему научаетъ насъ время?» («Душеполезное чтеніе», 1865 г., кн. 1).

«Размышленіе на 33-й псаломъ» (тамъ же, 1866 г., кн. 8).

Уже послѣ кончины А. Г. Никольскаго, напечатана его статья: «О почитаніи св. праздниковъ» («Православное Обозрѣніе», 1885 г., кн. 11).

Новосильцева, Екатерина Владиміровна [3]), писательница, извѣстная въ русской литературѣ подъ псевдонимомъ «Т. Толы-

---

[1]) См. объ этомъ лицѣ нашъ «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей». Спб., 1888 г., вып. IV, стр. 78.

[2]) О немъ періодическія изданія 1885 года:—«Библіографъ», № 10, стр. 62; «Московск. Вѣдомости», № 189; «Московск. Церковн. Вѣдомости», № 32; «Православн. Обозрѣніе», кн. 8, стр. 782—792.—Брошюра: «Протоіерей А. Г. Никольскій», некрологъ, М., 1885 г., 11 стр.—«Русск. Архивъ», 1888 г., кн. 2. стр. 317 и 320.—«Исторія Московск. духовн. академіи», Смирнова, М., 1879 г., стр. 239 и 546.

[3]) О ней—«Московск. Вѣдомости», 1885 г., № 251.—«Библіографъ», 1885 г., № 10, стр. 61—62.

чевой»; † 7-го іюля въ Москвѣ. — Она напечатала слѣдующія произведенія:

«Шериданъ и его время» («Русск. Рѣчь». 1861 г., №№ 52—55).
«Семейныя записки и воспоминанія» («Русск. Вѣстникъ», 1862 г., кн. 10 и 11; 1864 г., кн. 12).—Отдѣльно: М., 1865 г.
«Холостая жизнь», разсказъ («Русск. Вѣстникъ», 1868 г., кн. 1).
«Два брата», повѣсть (тамъ же, кн. 12).
«Дѣла давно минувшихъ дней» («Русск. Архивъ», 1871 г., кн. 7—8).—Статья имѣетъ въ виду поступки Курскаго помѣщика Н. И. П.
«Разсказъ о Н. С. Свѣчинѣ» (тамъ же, кн. 9).
«Нѣсколько словъ о семействѣ Баташевыхъ» (тамъ же, кн. 12).
«Разсказы очевидца о Двѣнадцатомъ годѣ» («Московск. Вѣдомости» 1872 г. и «Русск. Вѣстникъ», 1872 г., кн. 10). — Отдѣльныя изданія: М., 1873 и 1877 гг.—Затѣмъ эти разсказы продолжали печататься въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1880 г., № 7, 1882 г., № 186 и 1884 г., № 37).
«Троице-Сергіева Лавра», историческій очеркъ, Спб., 1873 г. — Второе изданіе: М., 1887 г.
«Благовѣщеніе», разсказъ, М., 1873 г.—Второе изданіе: М., 1886 г., 48 стр.
«Спасо-Бородинскій монастырь и его основательница» («Русскій Вѣстникъ» 1874 г., кн. 9).—Отдѣльныя два изданія: М., 1874 и 1875 гг.
«Материнскій грѣхъ», повѣсть, М., 1874 г.
«Село Косино», очеркъ, М., 1874 г.—Второе изданіе: М., 1888 г.
«Наталья Борисовна Долгорукая и Березовскіе ссыльные», разсказъ, М., 1874 г.
«Митрополитъ Филиппъ», біографическій очеркъ, М., 1875 г., 64 стр.—Второе изданіе: М., 1888 г.
«Сказаніе о томъ, какъ была основана Троицко-Сергіева Лавра», М., 1876 г., 32 стр.—Второе изданіе: М., 1880 г., 32 стр.—Третье изданіе: М., 1887 г., 32 стр.
«Николай Васильевичъ Рукавишниковъ», біографическій очеркъ, М., 1876 г., 76 стр. съ портретомъ.—Второе изданіе: М., 1878 г., 57 стр.
«Историческіе разсказы и анекдоты» («Русск. Архивъ», 1877 г., кн. 2, 5 и 7).
«Начало и крещеніе Руси», М., 1876 г.
«Русскіе и французы», по поводу книги А. Рамбо («Русск. Вѣстникъ», 1877 г., кн. 8).
«Преданія о Демидовыхъ и о Демидовскихъ заводахъ» («Русск. Архивъ», 1878 г., кн. 5).
«Поэзія Некрасова» («Русск. Вѣстникъ», 1878 г., кн. 5).
«Разсказъ двухъ болгарскихъ монахинь», М., 1878 г., 19 стр.
«О книгѣ Острогорскаго: «Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу» («Народн. и Дѣтск. Библіотека», 1879 г., №№ 7—8).
«Разсказъ старушки о Двѣнадцатомъ годѣ», М., 1879 г.—Второе изданіе: М., 1886 г., 92 стр.
«Преданія Золотаго Клада», повѣсть («Русск. Вѣстникъ», 1880 г., кн. 3, 4 и 6).
«Разсказы о домашнемъ бытѣ севастопольскихъ жителей во время осады 1854—1855 годовъ» (тамъ же, кн. 9).
«Смоленскъ и его преданія о Двѣнадцатомъ годѣ» (тамъ же, кн. 11).
«О книгѣ: «Семейство Шалонскихъ» («Московск. Вѣдом.» 1880 г., № 19).

«Избраніе въ цари Михаила Θеодоровича Романова», народная повѣсть, М., 1880 г., 48 стр.

«Московскій Кремль», очеркъ, М., 1880 г., 51 стр,

«Пріемышъ», повѣсть изъ того времени, какъ французы брали Москву, М., 1880 г., 38 стр.—Второе изданіе: М., 1886 г., 32 стр,

«Разсказы старушки объ осадѣ Севастополя» («Дѣтск. Отдыхъ» 1881 г., кн. 1 и 2).—Отдѣльныя два изданія: М., 1881 г., 91 стр. и 1887 г., 84 стр.

«Не пѣть ужъ мнѣ!..», стихотвореніе изъ Беранже («Полярн. Звѣзда», 1881 г., кн. 3).

«Живая столѣтняя хроника» («Московск. Вѣдом.», 1882 г., № 87).

«Предсмертная исповѣдь», повѣсть («Русск. Вѣстникъ», 1882 г., кн. 4).

«Искушеніе», повѣсть («Дѣтск. Отдыхъ», 1882 г., кн. 9).

«Разсказъ о Двѣнадцатомъ годѣ богадѣльника Набилковскаго заведенія П. Θ. Герасимова», М., 1882 г., 12 стр.

«Почему сооруженъ въ Москвѣ храмъ Христа Спасителя?» М., 1882 и 1883 гг., 16 стр. (два изданія).

«Князь Иванъ Калита—Солнечный лучъ», повѣсть («Дѣтск. Отдыхъ», 1884 г.).—Отдѣльное изданіе: М., 1888 г., 162 стр.

«Крестъ патріарха Филарета» (тамъ же).—Отдѣльное изданіе: М., 1885 г., 76 стр. съ тремя рисунками.

«Св. Стефанъ Пермскій», съ изображеніемъ, святителя, рисованнымъ проф. Солнцевымъ, Спб., 1884 г.

«Полюбится сатана пуще яснаго сокола», повѣсть («Русск. Вѣстникъ», 1885 г., кн. 4 и 5).

«О славной бѣлозерской обители и ея основателѣ преподобномъ Кириллѣ», М., 1885 г., съ изображеніемъ монастыря.

Нордстремъ, Христіанъ Андреевичъ [1]), докторъ медицины, состоялъ адъюнктъ-профессоромъ при Петербургской медико-хирургической академіи (до 1864 года); послѣ того спеціально занимался гидротерапіею и содержалъ въ Петербургѣ водолечебное заведеніе; † 15-го октября въ Маіоренгофѣ близь Риги.—Ему принадлежитъ брошюра: «Случай сахарнаго мочеизнуренія» (Спб., 1867 г., 14 стр.).

Орловъ, Василій Ивановичъ [2]), сынъ священника, родился 27-го марта 1848 года въ селѣ Егорьевскомъ (Лихвинскаго уѣзда,

---

[1]) О немъ см. «Всемірн. Иллюстрацію», 1885 г., т. XXXIV, № 22, стр. 390 съ портретомъ.

[2]) О немъ см. періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ», № 12, стр. 92; «Волынск. Епарх. Вѣдомости», № 31; «Вѣстникъ Европы», кн. 11, стр. 410, 451—457, 470—471; «Голосъ Москвы», №№ 193 и 195; «Историческ. Вѣстникъ», кн. 11, стр. 479—481; «Московск. Вѣдомости», № 264; «Недѣля», № 41, стр. 1423—1425; «Новое Время», № 3440; «Новости», № 264; «Русск. Мысль», кн. 10, стр. 121—126; «Русск. Богатство», кн. 11, отд. II, стр. 208—210; «Русь», № 13; «Экономическ. Указатель», № 9; «Церковн. Вѣстникъ», № 40; «Юридическ. Вѣстникъ», кн. 10, стр. 1—2; кн. 11, стр. 478—487.—Брошюра: «В. И. Орловъ, какъ устроитель I-го студенческаго общежитія Московскаго университета», рѣчь, читанная С. В. Лепешкинымъ въ засѣданіи Московск. Юридическ. общества, посвященномъ воспоминанію о В. И. Орловѣ, М., 1885 г., 32 стр. «Московск. иллюстрированн. календарь-Альманахъ», изданн. Пругавинымъ на 1887 годъ, М., 1887 г., стр. 102—107.

Калужской губерніи), воспитывался въ духовномъ училищѣ (1858—1864 гг.) и семинаріи (1864—1868 гг.) Калуги; выйдя изъ семинаріи до окончанія полнаго курса, поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета (1868 г.); по выпускѣ изъ послѣдняго со степенью кандидата правъ (1872 г.), былъ оставленъ при родномъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ общенароднаго права и въ то же время назначенъ преподавателемъ статистики въ Александровскомъ военномъ училищѣ (1872—1875 гг.); наконецъ былъ опредѣленъ завѣдующимъ статистическимъ отдѣленіемъ Московской губернской земской управы (съ декабря 1875 года до дня кончины); † 22-го сентября въ Москвѣ.—Онъ былъ редакторомъ-издателемъ «Сборника статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи» (М., 1877—1884 гг., девять томовъ) и «Ежегодника Московскаго земства на 1884 годъ». Въ этихъ изданіяхъ покойный помѣстилъ нѣсколько своихъ работъ и, кромѣ того—отдѣльно напечаталъ собственный трудъ: «Объ организаціи земскихъ статистическихъ работъ въ Московской губерніи» (М., 1881 г., 21 стр.).

Орловъ, князь, Николай Алексѣевичъ [1]), сынъ извѣстнаго героя Бородинскаго сраженія—Алексѣя Ѳеодоровича Орлова, женатаго на Ольгѣ Александровнѣ Жеребцовой [2]), родился 27-го апрѣля 1827 года, получилъ блестящее воспитаніе, поступилъ сначала въ военную службу и во время Крымской войны (1854 г.) состоялъ при главнокомандующемъ войсками; по окончаніи этой кампаніи, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, перешелъ на гражданскую службу; затѣмъ былъ назначенъ посломъ въ Брюсселѣ (1860—1870 гг.), Парижѣ (1870—1882 гг.) и Берлинѣ (1882—1885 гг.); † 17 марта въ Фонтенбло.—Покойный напечаталъ:

«Очеркъ трехнедѣльнаго похода Наполеона противъ Пруссіи въ 1806 году», Спб., 1856 г., 236 стр., съ пятью планами.

«Записки»: 1) «Мысли о расколѣ, съ замѣткою: о евреяхъ въ Россіи»; 2) «Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ Россійской имперіи и въ царствѣ Польскомъ» («Русск. Старина», 1881 г., т. XXXI).

Кромѣ того, покойный сообщилъ нѣсколько «Бумагъ графа Григорія Григорьевича Орлова» (см. сборникъ русск. историческ. общества, Спб.. 1868 г., т. II).

---

[1]) О немъ—«Живописн. Русск. библіотека», 1856 г., № 33, стр. 257—259.—«Иллюстрированн. Листокъ», 1863 г., № 57, стр.. 180—181 (съ портретомъ).—Періодическія изданія 1885 года: «Всемірн. Иллюстрація», № 14, стр. 272—274 (съ портретомъ); «Газета Гатцука», № 12, стр. 188 (съ портретомъ); «Живописн. Обозрѣніе», № 15, стр. 238 (съ портретомъ); «Историческ. Вѣстникъ», кн. 5, стр. 494; «Московск. Вѣдомости», № 81; «Нива», № 12; «Новь», кн. 11, стр. 670; «Современн. Извѣстія», № 80.

[2]) См. о немъ—«Живописн. Русск. Библіотека», 1856 г., № 21, стр. 161—163.

Павловичъ, Емельянъ Васильевичъ, товарищъ прокурора при Житомірскомъ окружномъ судѣ; † въ концѣ іюня въ Кіевѣ.— По указанію некролога, помѣщеннаго въ «Московскомъ Листкѣ» (1885 г., № 176), онъ напечаталъ нѣсколько статей по гражданскому праву.

Пальмъ, Александръ Ивановичъ [1]), родился въ 1822 году [2]); воспитывался въ Дворянскомъ полку, откуда выпущенъ въ офицеры лейбъ-гвардіи Егерскаго полка (1842 г.); состоя поручикомъ названнаго полка, былъ замѣшанъ въ дѣло Петрашевскаго (1849 г.); «хотя въ его бумагахъ ничего предосудительнаго не оказалось», какъ сказано въ обвинительномъ актѣ,—«а напротивъ въ его литературныхъ трудахъ виднѣлась сильная любовь къ Россіи», онъ восемь мѣсяцевъ содержался въ крѣпости, послѣ чего переведенный съ тѣмъ же чиномъ поручика въ армію, служилъ на Кавказѣ и въ Крыму (1850—1856 гг.); послѣ Севастопольской кампаніи вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора, затѣмъ недолго служилъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ и, наконецъ—вполнѣ отдался литературной дѣятельности, а также антрепренерству; † 10-го ноября въ Петербургѣ.—Покойный, кромѣ участія въ «Литературной Газетѣ» (съ 1844 года), «Иллюстраціи» (1846—1847 гг.) и «Новомъ Времени» (корреспонденціи съ малоазіатскаго театра войны, 1877—1878 года), сверхъ изданія газеты «Театръ» (1883 г., 12 нумеровъ), напечаталъ слѣдующіе труды:

«Освобожденный узникъ», «***», «Изъ Шенье», три стихотворенія («Библіотека для Чтенія», 1844 г., кн. 4).

«Няня», Стихотвореніе («Отечественн. Записки», 1845 г., кн. 3).

«Жакъ Бичовкинъ», романъ (тамъ же 1849 г., кн. 4 и 5).

«Благодѣтель», комедія въ пяти дѣйствіяхъ («Современникъ», 1864 г., кн. 6).

«Просвѣтители», современныя картины въ пяти дѣйствіяхъ («Отечественныя Записки», 1871 г., кн. 3).

«Алексѣй Слободинъ», семейная исторія, романъ («Вѣстникъ Европы», 1872 г., кн. 10—12; 1873 г., кн. 2—3).—Это произведеніе, помѣщенное въ журналѣ подъ псевдонимомъ: «П. Альминскій», вышло и отдѣльнымъ изданіемъ: Спб., 1873 г., 457 стр.

«Старый баринъ», комедія въ пяти дѣйствіяхъ («Отечественн. Записки», 1873 г., кн. 5).—Отдѣльное изданіе: Спб., 1878 г., 119 стр.

«Конецъ стараго романа», повѣсть («Вѣстникъ Европы», 1874 г., кн. 10 и 11, подъ псевдонимомъ: П. Альминскій.

---

[1]) О немъ см. періодическія изданія 1885 года: «Всемірн. Иллюстрація», № 22, стр. 390 (съ портретомъ); «Голосъ Москвы», №№ 243 и 257; «Еженедѣльн. Обозрѣніе», № 100, стр. 508—509; «Живописн. Обозрѣніе», № 46, стр. 318; «Колосья», кн. 12, стр. 321—326; «Недѣля», № 46, стр. 1616—1617; «Новое Время», №№ 3487, 3490, 3493 и 3497; «Новости», № 313 и 314; «Петербургск. Газета», №№ 311 и 313; «Петербургск. Листокъ», №№ 307 и 310; «Русск. Богатство», кн. 11, стр. 212. — «Историческ. Вѣстникъ» 1886 г., кн. 1, стр. 255—256; «Новь», 1886 г., кн. 3, стр. 213.—«Русск. Старина», 1887 г., кн. 11, стр. 415—424.

[2]) Объ его отцѣ—И. И. Пальмъ см. «Книжн. Вѣстникъ», 1866 г., № 5.

«И крылья есть, да летѣть некуда», комедія въ пяти дѣйствіяхъ, Спб., 1876 г., 114 стр. (литографированное изданіе).

«Гражданка», сцены изъ текущей провинціальной жизни въ четырехъ дѣйствіяхъ («Слово», 1878 г., кн. 3).—Эти сцены вышли и отдѣльною брошюрою, подъ заглавіемъ: «Очертя голову» (М., 1880 г., 72 стр., литографированное изданіе).

«Нашъ другъ Неклюжевъ», комедія въ пяти дѣйствіяхъ («Слово», 1879 г., кн. 12).—Отдѣльное изданіе: Спб., 1880 г., 60 стр.

«Пропащіе годы», повѣсть («Отечественн. Записки», 1880 г., кн. 2 и 3).

«Господа избиратели», комедія въ пяти дѣйствіяхъ («Вѣстникъ Европы» 1881 г., кн. 4).—Эта комедія вышла и отдѣльнымъ литографированнымъ изданіемъ: М., 1881 г., 110 стр.

«Больные люди», романъ, Спб., 1881 г., два тома.

«Милочка», комедія въ пяти дѣйствіяхъ, М., 1883 г. (литографированное изданіе).

«Петербургская саранча», романъ, Спб., 1884 г.

«Грѣшница», драма въ четырехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ («Русск. Богатство», 1885 г., кн. 1).—Эта драма напечатана отдѣльно (Спб., 1885 г., 63 стр.) и издана литографскимъ способомъ (М., 1885 г., 108 стр.).

«Віографическая замѣтка о С. Ѳ. Дуровѣ» («Изящн. Литература» 1885 г., кн. 2),

«Фрося», повѣсть («Сѣверн. Вѣстникъ», 1885 г., кн. 3).

Панютинъ, Степанъ Ѳедоровичъ[1]), изъ нижегородскихъ дворянъ, сынъ извѣстнаго Николаевскаго генералъ-адъютанта Ѳедора Сергѣевича Панютина[2]), женатаго на Надеждѣ Евграфовнѣ Мерлиной, родился въ 1823 году и воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ; по окончаніи курса въ послѣднемъ (1842 г.), чувствуя неспособность къ военной службѣ, поступилъ чиновникомъ въ канцелярію намѣстника царства Польскаго (1842—1848 гг.); послѣ участія въ Венгерской кампаніи (1849 г.), какъ уполномоченный при австрійскомъ коммисарѣ, былъ назначенъ секретаремъ конференціи въ Варшавѣ и затѣмъ чиновникомъ особыхъ порученій при намѣстникѣ (1850—1862 гг.); потомъ, причисленный къ министерству внутреннихъ дѣлъ (1862 г.), опредѣленъ предсѣдателемъ комиссіи по политическимъ преступленіямъ въ Динабургѣ (1863 г.) и вслѣдъ затѣмъ—губернаторомъ Вильны (1863—1868 гг.); снова причисленный къ тому же министерству, С. Ѳ., черезъ восемь лѣтъ, исполнялъ должность уполномоченнаго отъ Краснаго Креста въ Цетинье (1876—1878 гг.), состоялъ предсѣдателемъ эвваккуа-

[1]) О немъ періодическія изданія 1885 года: «Волынск. Епарх. Вѣдомости». № 22; «Литовск. Епарх. Вѣдомости», №№ 41 и 43; «Московск. Вѣдомости», №№ 280 и 282; «Нива», № 50, стр. 1230—1231 (съ портретомъ); «Новости«, № 275: «Православн. Обозрѣніе», кн. 11, стр. 499—504; «Русск. Архивъ», кн. 12, стр. 566—567.—«Библіографъ» 1886 г., № 1, стр. 14.—«Русск. Архивъ», 1886 г., кн. 2, стр. 222—225.—Брошюра: «На память о Степанѣ Ѳедоровичѣ Панютинѣ» (1823—1885 г.), Спб., 1885 г., 43 стр.

[2]) Біографія этого лица въ «Русск. Инвалидѣ» (1865 г., № 133) и «Военномъ Сборникѣ» (1865 г., кн. 7, стр. 73—76).

ціонной комиссіи (1878 г.) и служилъ съ 1879 года въ Одессѣ при графѣ Э. И. Тотлебенѣ [1]), имѣя въ послѣдніе годы званіе статсъ-секретаря и чинъ тайнаго совѣтника; † 4-го октября въ Петербургѣ. — Ему принадлежатъ: «Отчетъ главноуполномоченнаго Россійскаго общества Краснаго Креста при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею» (Спб., 1880 г., 116 стр.) и отрывокъ изъ записокъ подъ заглавіемъ: «Варшава въ 1860 и 1861 годахъ» («Русск. Старина», 1882 г., кн. 12).

Паплонскій, Иванъ Ивановичъ [2]), по происхожденію литвинъ, родился въ 1819 году и высшее образованіе получилъ на философскомъ (нынѣ—историко-филологическомъ) факультетѣ Московскаго университета; по окончаніи курса въ послѣднемъ со степенью кандидата (1840 г.), прибылъ въ Варшаву, гдѣ былъ учителемъ и инспекторомъ женской гимназіи (1840—1862 гг.), а также профессоромъ Варшавской главной школы; наконецъ, состоялъ директоромъ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ (1862—1885 гг.); † 18-го ноября въ Варшавѣ.—Онъ напечаталъ:

«Самуилъ Богумилъ Линде» («Москвитянинъ», 1842 г., кн. 11).

«О трудахъ Линде», письмо изъ Варшавы (тамъ же, 1854 г., кн. 5).

«Филологическія замѣтки о русскомъ языкѣ въ связи съ церковно-славянскимъ и другими славянскими нарѣчіями» («Журналъ мин. нар. просвѣщенія», 1854 г., кн. 6). — Отдѣльное изданіе: Спб., 1854 г., 62 стр. съ одной таблицей.

«Литературныя извѣстія изъ Варшавы» («Москвитянинъ», 1854 г., кн. 20—21).

«Письма изъ Варшавы: о польской литературѣ» («Русск. Бесѣда», 1856 г., кн. 3. 1857 г., кн. 6).

«Общественное воспитаніе въ царствѣ Польскомъ: общій взглядъ и планъ реформы» («Русск. Инвалидъ», 1861 г., №№ 263 и 280).

«Заведенія для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы» («Журналъ мин. нар. просвѣщ.», 1869 г., кн. 11 и 12).

«Практическія правила русскаго правописанія и произношенія, на русскомъ и польскомъ языкѣ», Варшава, 1875 г., 180 стр.—Второе изданіе: Варшава, 1876 г., 248 стр.

Пасхаловъ, Викторъ Никандровичъ [3]), родился 18-го апрѣля 1841 года въ Саратовѣ, воспитывался въ мѣстной гимназіи и на историко-филологическомъ факультетѣ Казанскаго университета; но, выйдя изъ послѣдняго до окончанія полнаго курса, поступилъ въ Московскую консерваторію; въ ней онъ пробылъ только два года и отправился въ Парижъ для изученія музыки въ тамошней консерваторіи; послѣ четырехлѣтнихъ занятій, вернулся сначала

---

[1]) См. о немъ нашъ «Обзоръ жизни трудовъ покойныхъ русск. писателей», Спб., 1888 г., вып. IV, стр. 95—96.

[2]) О немъ—«Женское Образованіе», 1885 г., кн. 10, стр. 694—696.—«Библіографъ», 1886 г., № 8, стр. 115.—«Новь», 1886 г., кн. 3, стр. 213.

[3]) О немъ періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ», № 4, стр. 88; «Волжск. Вѣстникъ», №№ 56 и 67; «Суфлеръ», №№ 19 и 21.

въ Москву, а затѣмъ въ Казань (1871 г.), гдѣ началъ давать уроки музыки и завѣдывать безплатной музыкальной школой Казанскаго кружка любителей; † 1-го марта въ Казани.—Покойный извѣстенъ своими романсами, помѣщенными въ «Нувеллистѣ». Изъ нихъ особенно распространены: «Что̀ моя нѣжная»..., «Подъ душистою вѣтвью сирени» и «Дитятко, милость Господня съ тобою». Въ послѣднее же время онъ работалъ надъ оперою: «Винокуръ-Бѣдокуръ», либретто и планъ которой напечатаны уже послѣ смерти автора въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» (1885 г., № 61).

Песковъ, Григорій Николаевичъ, педагогъ, † 2-го сентября въ Петербургѣ (см. «Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 182—183).—Онъ редактировалъ изданіе Кожанчикова: «Сборникъ переводовъ по педагогикѣ, дидактикѣ и методикѣ», пособіе для занимающихся обученіемъ и воспитаніемъ (Спб., 1872 г., два тома).

Петриченко, Марья Ивановна, жена контръ-адмирала, † въ концѣ августа въ Ниццѣ.—По краткому указанію «Петербургскаго Листка» (1885 г., № 270), она переводила статьи для техническихъ и литературныхъ журналовъ, а въ послѣднее время работала преимущественно въ періодическихъ изданіяхъ Петербурга.

Петровъ, Александръ Васильевичъ [1]), высшее образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Казанскаго университета; по окончаніи курса въ послѣднемъ лѣкаремъ (1859 г.), скоро получилъ степень доктора медицины (1862 г.), занимая мѣсто Олекминскаго и Вилюйскаго врача (въ Якутской области); затѣмъ экстраординарный (съ 1864 г.) и ординарный профессоръ Казанскаго университета по каѳедрѣ патологической анатоміи; † 20-го мая въ Казани.—Покойный, состоя много лѣтъ предсѣдателемъ общества Казанскихъ врачей, напетаталъ слѣдующіе труды:

«Къ ученію объ уреміи», докторская диссертація, Казань, 1862 г. — То же на нѣмецкомъ языкѣ («Virch. Arch.», ч. XXV, стр. 91—114).

«Критическій разборъ работъ объ уреміи, направленныхъ противъ Фрерихса», Казань, 1863 г., 41 стр.

«Замѣтки о земской медицинѣ въ Казанской губерніи», Казань, 1872 г.

«Очеркъ изслѣдованій, произведенныхъ въ патолого-анатомическомъ кабинетѣ Казанскаго университета въ 1873 году» («Извѣстія Казанск. университета», 1873 г., стр. 253—269).

Пикулинъ, Павелъ Лукичъ [2]), сынъ профессора Московской медико-хирургической академіи Луки Егоровича Пикулина [3]),

[1]) О немъ—«Московск. Вѣдомости», 1885 г., № 139.—«Русскіе врачи писатели», Змѣева, Спб., 1886 г., вып. II, стр. 50.

[2]) О немъ—«Отчеты Московскаго университета» за 1850—1857 годы.—«Біографическій словарь профессоровъ Московскаго университета», М., 1855 г., ч. II, стр. 227—228.—«Московск. Вѣдомости», 1885 г., № 256.—«Русскіе врачи-писатели», Змѣева, Спб., 1886 г., вып. II, стр. 54.

[3]) О немъ—«Русскіе врачи писатели», Змѣева, Спб., 1886 г., вып. II, стр. 53—54.

родился въ Москвѣ (1822 г.), воспитывался во второй тамошней гимназіи и Московской медико-хирургической академіи (1838—1843 гг.): по окончаніи курса въ послѣдней со степенью лѣкаря перваго отдѣленія и золотою медалью (1843 г.), служилъ ординаторомъ въ Ново-Екатерининской больницѣ (съ 29-го февраля 1844 г. до 1857 года) и ассистентомъ терапевтической госпитальной клиники Московскаго университета (1846—1850 гг.); послѣ заграничной командировки, удостоенный степени доктора медицины (1850 г.), былъ назначенъ адъюнктомъ терапевтической госпитальной клиники въ названномъ университетѣ (1851—1857 гг.); послѣ того вышелъ въ отставку; † 14-го сентября въ Москвѣ.—Его труды:

«Ученіе о размягченіи головного и спинного мозга», М., 1848 г., 133 стр.
«De cerebri et medullae spinalis emollitione», докторская диссертація, М., 1850 г.
«Автобіографія» («Біографическ. Словарь профессоровъ Московскаго университета», М., 1855 г., ч. II, стр. 227—228).

Позднышевъ, Александръ Егоровичъ [1]), сынъ діакона, родился въ 1818 году въ селѣ Грецовѣ (Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи; до девятилѣтняго возраста жилъ въ домѣ отца или у замужней сестры, а съ 1827 года у своего старшаго брата [2]); воспитывался въ Астраханской и Кіевской семинаріяхъ; по окончаніи курса въ послѣдней (1839 г.), поступилъ въ Кіевскую духовную академію, изъ которой выпущенъ со степенью старшаго кандидата богословія (1843 г.); затѣмъ—преподаватель библейской и церковной исторіи въ Могилевской (съ 3-го апрѣля 1844 года до августа 1847 года) и Смоленской (съ августа 1847 года до августа 1868 года) семинаріяхъ; наконецъ—смотритель Смоленскаго духовнаго училища (1862—1869 гг.); послѣ двадцатипятилѣтней службы вышелъ въ отставку и проживалъ то въ Могилевѣ, то въ Вѣневѣ (Тульской губерніи), то въ Смоленскѣ, гдѣ и умеръ 14-го октября.—Кромѣ проповѣдей, онъ напечаталъ «Географическій очеркъ Святой земли» («Смоленск. Епарх. Вѣдомости», 1865 г.), вышедшій и отдѣльною брошюрою (Смоленскъ, 1865 г.)

---

[1]) О немъ—«Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной академ.», Кіевъ, 1869 г., стр. 421.—«Смоленск. Епарх. Вѣдомости», 1885 г., № 22.—«Тульск. Епарх. Вѣдомости», 1885 г., № 23.

[2]) Пользуемся случаемъ представить извѣстныя намъ свѣдѣнія объ этомъ лицѣ, тѣмъ болѣе, что о немъ молчатъ наши біографическіе словари—Филарета и Геннади.—Іосифъ, въ мірѣ Иванъ Егоровичъ Позднышевъ, родился въ 1803 году, воспитывался въ Тульской семинаріи и Петербургской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней первымъ магистромъ (1827 г.)—баккалавръ родной академіи по каѳедрѣ св. Писанія (съ 15-го сентября 1827 г.), инспекторъ Тверской семинаріи (съ декабря 1828 г.) и Петербургской академіи (съ 6-го сентября 1830 г.), ректоръ Астраханской (съ 30-го сентября 1831 г.), Кіевской (съ 1838 г.) и Смоленской (съ 1848 по 1851 гг.) семинарій. Этимъ и ограничиваются собранныя нами свѣдѣнія.

Поповъ, Аполлонъ Андреевичъ[1]), изъ дворянъ Тамбовской губерніи, высшее образованіе получилъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ; по окончаніи курса въ послѣднемъ (1842 г.)—преподаватель русской словесности и исторіи въ училищѣ Правовѣдѣнія, петербургскихъ гимназіяхъ, во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ Павловскомъ и Константиновскомъ военныхъ училищахъ (1842—1864 гг.); затѣмъ—начальникъ учебныхъ дирекцій въ Плоцкѣ и Варшавѣ (1864—1875 гг.); наконецъ—членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія (1875—1885 гг.); † 11-го іюля въ Петербургѣ.—Имъ напечатаны:

«Руководство къ изученію латинскаго языка, составленное по Кюнеру», Спб., 1852, 1855, 1858, 1860, 1862, 1864, 1866, 1868, 1869, 1872, 1874, 1877, 1881 (тринадцать изданій).—Въ составленіи этого руководства принималъ участіе и П. М. Носовъ.

«Сравнительная карта высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія въ 1866 и 1876 годахъ», Спб., 1880 г., два листа, съ объяснительной запиской.

«Карта народнаго образованія въ Россіи: 1876 годъ», Спб., 1880 годъ, четыре листа. — При этой картѣ былъ изданъ «Объяснительный текстъ» (Спб., 1880 г., 172 стр.

Порфирій, въ мірѣ Константинъ Успенскій[2]), родился въ Костромской епархіи (1804 г.) и воспитывался въ тамошней семинаріи; по окончаніи курса въ послѣдней (1824 г.), около года состоялъ учителемъ Макарьевскаго духовнаго училища (Костромской губерніи), а затѣмъ поступилъ (1825 г.) въ студенты Петербургской духовной академіи, изъ которой выпущенъ со степенью старшаго кандидата и съ правомъ на степень магистра черезъ годъ училищной службы (1829 г.); постриженный въ иночество и рукоположенный въ іеромонахи (1829 г.), опредѣленъ законоучителемъ во 2-й Петербургскій кадетскій корпусъ (съ 1829 г. до 2-го сентября 1831 года) и въ Одесскій Ришельевскій лицей (со 2-го сентября 1831 года до 8-го іюля 1838 года); возведенный въ санъ архимандрита (1834 г.), назначенъ настоятелемъ Одесскаго Успенскаго

---

[1]) О немъ—«Журналъ мин. нар. просвѣщ.», 1885 г., ч. CCXLI, кн. 10, отд. IV, стр. 64—66.

[2]) О немъ—«Исторія С.-Петербургской духовной академіи», Чистовича, Спб., 1857 г., стр. 381—382 и 447.—«Историческій обзоръ сорокалѣтія Ришельевскаго лицея», Михневича, Одесса, 1857 г., стр. 70. — «Московскія Епарх. Вѣдомости», 1878 г., № 34. — «Списки іерарховъ», Строева, Спб., 1877 г., стр. 11 и 491. — «Епархіальныя Вѣдомости», 1885 года: «Волынскія», № 14; «Воронежскія», № 11; «Донскія», № 10; «Кіевскія», № 10; «Костромскія», № 19; «Подольскія», № 19; «Смоленскія», № 11 и «Херсонскія», № 9. — «Московск. Вѣдомости», 1885 года, №№ 108 и 110. — «Московск. Церковныя Вѣдомости», 1885 г., №№ 18 и 27. — «Новь», 1885 г., кн. 13, стр. 62.—«Церковно-общественный Вѣстникъ», 1885 г., № 37.—«Русская Старина», 1887 г., кн. 6, стр. 656—659.—«Девятисотлѣтіе русской іерархіи», М., 1888 г., стр. 17.—«Поминки преосвященнаго Порфирія Успенскаго», очеркъ, составленный А. Дмитріевскимъ, Кіевъ, 1887 г., 61 стр.

монастыря (1834 г.), членомъ Херсонской консисторіи (1837 г.) и ректоромъ Одесской духовной семинаріи (съ 8-го іюля 1838 года до ноября 1840 года); причисленный къ министерству иностранныхъ дѣлъ, опредѣленъ настоятелемъ посольской церкви въ Вѣнѣ (въ ноябрѣ 1840 года) и командированъ въ Іерусалимъ (1840 г.), а затѣмъ—на Синай и Аѳонъ (1845 г.) для ознакомленія съ православными тамошними монастырями; послѣ того—начальникъ духовной миссіи въ Іерусалимѣ (съ 31-го іюля 1847—1855 гг.), синодальный архимандритъ, то жившій въ Александро-Невской лаврѣ, то вновь командированный на Востокъ (1858—1861 гг.); епископъ Чигиринскій и викарій Кіевской митрополіи (съ 14-го февраля 1865 г. до 31-го декабря 1877 года); наконецъ—членъ Московской Синодальной конторы и настоятель Московскаго Новоспасскаго монастыря (съ 31-го декабря 1877 года до кончины); † 19-го апрѣля въ Москвѣ.—Почившій архипастырь имѣлъ степень доктора греческой философіи по диплому, поднесенному въ 1869 году отъ совѣта Московскаго университета, состоялъ членомъ Одесскаго общества исторіи и почетнымъ членомъ Новороссійскаго университета (съ 1866 г.).—Онъ напечаталъ слѣдующіе труды:

«Указатель актовъ, хранящихся въ обителяхъ св. горы Аѳонской» («Журналъ мин. народнаго просвѣщенія», 1847 г., ч. LV).

«Описаніе монастырей Аѳонскихъ въ 1845—1846 годахъ» (тамъ же, 1848 года, ч. LVIII).

«Синайскій полуостровъ» (тамъ же, ч. LX).

«Синайская обитель» (тамъ же).

«Сирійская церковь» (тамъ же, 1850 г., ч. LXVII).

«Отрывки изъ путешествія въ египетскія обители преподобныхъ Антонія Великаго и Павла Ѳивейскаго» (тамъ же, 1855 г., ч. LXXV, кн. 1 и 3, литер. прибавленія).

«Расъ-эль-Айнскіе водометные колодцы у города Тира», отрывокъ изъ путешествія по Святой землѣ (тамъ же, ч. LXXXVII, кн. 7, литерат. прибавленія).—Отдѣльный оттискъ: Спб., 1855 г., 18 стр.

«Первое путешествіе въ Синайскій монастырь въ 1845 году», Спб., 1856 г., 351 стр. въ восемью рисунками.

«Второе путешествіе въ Синайскій монастырь въ 1850 году», Спб., 1856 г., 397 стр. съ двумя картами Синая.

«Путешествіе по Египту и въ монастырь св. Антонія Великаго и преподобнаго Павла Ѳивейскаго въ 1850 году», Спб., 1856 г., 294 стр. съ восемью рисунками, чертежами и надписями.

«Вѣроученіе, богослуженіе, чиноположеніе и правила церковнаго благочинія египетскихъ христіанъ» (коптовъ), Спб., 1856 г., 311 стр. Эта книга издана подъ иниціалами: «А. П. У.» (т. е. «Архимандрита Порфирія Успенскаго»).

«Письмена Кинея Манаѳы на Синайскихъ утесахъ», Спб., 1857 г., 147 стр. съ 23-мя надписями египетскими, вавилонскими, самарійскими, финикійскими и синайскими и съ картою.

«Востокъ Христіанскій: «Египетъ и Синай», виды, очерки, планы и надписи къ путешествіямъ», Спб., 1857 г., 90 листовъ и указатель на одной страницѣ.

«Извлеченіе изъ письма съ Востока»: о пріобрѣтеніи одиннадцати древнихъ рукописей на пергаменѣ («Духовная Бесѣда», 1859 г., т. VII, № 30).

«Извлеченіе изъ письма съ Аѳона»: о греческихъ и славянскихъ старинныхъ рукописяхъ (тамъ же, № 33).

«Александрійскій томъ о праздновaніи Пасхи», изъ записокъ («Церковная лѣтопись», «Духовн. Бесѣды», 1860 г., № 15).—Въ этой статьѣ приводится письмо Мелетія, патріарха Александрійскаго къ русскому царю Ѳеодору Іоанновичу (отъ 12 сентября 1594 года) и краткое извлеченіе изъ тома о Пасхѣ, составленнаго по поводу введенія папою Григоріемъ XIII новой пасхаліи, вмѣсто древней, утвержденной на первомъ вселенскомъ соборѣ.—Названная статья тогда же перепечатана и въ «Журналѣ мин. нар. просвѣщенія» (1860 г., ч. CVI).

«Взглядъ на плаваніе нашихъ пароходовъ къ берегамъ Аѳона» («Листокъ русск. Общества пароходства и торговли», 1860 г., №№ 77 и 78).

«Мнѣніе о Синайской рукописи, содержащей въ себѣ Ветхій Завѣтъ неполный и весь Новый Завѣтъ, съ посланіемъ св. апостола Варнавы и книгою Ермы», Спб., 1862 г., 29 стр [1]).

«Сужденіе объ Аѳоно-Иверскомъ актѣ 982 года и о глаголической подписи на немъ попа Георгія» («Извѣстія Импер. Археологическаго Общества», 1863 г., т. V, вып. 1).

«Извѣстіе о глаголической псалтири, хранящейся въ библіотекѣ Синайскаго монастыря» (тамъ же).

«Сказаніе о православной Амидійской митрополіи въ Мессопотаміи» («Духовная Бесѣда», 1863 г., т. XIX, № 37).

«Важное изобрѣтеніе петербургскаго иконописца Алексѣя Ивановича Травина» (тамъ же, 1864 г., т. XX, № 8).—Эта замѣтка перепечатана въ «Сѣверной Почтѣ» (1864 г., № 65) и «Сынѣ Отечества» (1864 г., № 100).

«Четыре бесѣды Фотія, святѣйшаго архіепископа константинопольскаго и разсужденіе о нихъ», Спб., 1864 г.

«Священное писаніе у христіанскихъ женщинъ и библейская рѣдкость у благочестивѣйшей государыни императрицы Маріи Александровны», Спб., 1864 г.

«Посланія іерусалимскихъ патріарховъ въ Грузію» («Труды Кіевск. дух. академіи», 1866 г., кн. 1).

«Отрывокъ изъ путешествія въ метеорскіе монастыри въ Ѳессаліи» (тамъ же, 1866 г., кн. 4).

«Письма о пресловутомъ живописцѣ Панселинѣ XVI столѣтія» (тамъ же, 1867 г., кн. 10 и 11).

«Абиссинцы, ихъ церковь и религіозные обряды» (тамъ же, 1866 г., кн. 3—5, 7 и 8).

«Исторія Аѳона» (тамъ же, 1871 г., кн. 8).

«Сказаніе о Сирійской уніи» (тамъ же, 1874 г., кн. 9).

«Востокъ христіанскій: Сирія и списокъ антіохійскихъ патріарховъ», Кіевъ, 1875 г., 125 стр.

---

[1]) Этотъ трудъ вызвалъ брошюру А. С. Норова, изданную подъ заглавіемъ: «Защита Синайской рукописи Библіи отъ нападеній о. архимандрита Порфирія Успенскаго», Спб., 1863 г., 15 стр.

«О святомъ Кириллѣ, просвѣтителѣ славянъ моравскихъ», отрывокъ изъ путешествія въ Аѳонскіе монастыри и скиты въ 1846 году, Кіевъ, 1877 года, 32 стр.

«Аѳонъ языческій», Кіевъ, 1877 г., 228 стр.

«Востокъ христіанскій: Аѳонъ, Кіевъ», 1877 г., 179 и 383 стр.

«Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты въ 1845 году», Кіевъ, 1877 г., двѣ части.

«Стихирарные піиты» («Труды Кіевск. духовной академіи», 1878 г., кн. 4—7).

«Исповѣдь кающагося грѣшника», Спб., 1878 г.—Второе изданіе: М., 1879 г.

«Святый Діонисій Ареопагитъ и творенія его» («Чтенія въ Обществѣ любителей духовн. просвѣщенія», 1879 г.).

«Новое слово объ Аѳоно-Иверской иконѣ Богоматери» (тамъ же).

«Аѳонскіе книжники: греческіе писатели, переводчики и издатели» (тамъ же, 1883 г., кн. 2 и 3).

«Зографическая лѣтопись Аѳона и мое сужденіе о тамошней иконописи» (тамъ же, 1884 г., кн. 3).

Надо прибавить, что покойный епископъ Порфирій, въ теченіе жизни, собралъ большую коллекцію старинныхъ рукописей, преимущественно на греческомъ языкѣ и славянскихъ нарѣчіяхъ. Это интересное собраніе произведеній древней письменности, обратившее на себя вниманіе академика И. И. Срезневскаго [1]), за два года до кончины собирателя было пріобрѣтено въ Императорскую Петербургскую Публичную библіотеку и теперь подробно описано гг. Бычковымъ, Васильевскимъ, Коковцевымъ, Смирновымъ и Эрнштедтомъ [2]). Послѣ же кончины епископа Порфирія осталась въ его покояхъ замѣчательная по рѣдкостямъ библіотека иностранныхъ книгъ не только на европейскихъ, но также на арабскомъ, еврейскомъ и на другихъ восточныхъ языкахъ.

Путята, Александра Александровна [3]), † 20-го іюня.—Ею изданы:

«Первые уроки правописанія», Спб., 1870 г., двѣ части.

«Книга для упражненія въ чтеніи въ сельскихъ школахъ», Спб., 1870 г., 207 стр.—Второе исправленное и дополненное изданіе этой книги вышло подъ заглавіемъ: «Трудъ и знаніе — основы достатка», книга для упражненія въ чтеніи въ сельскихъ школахъ, Спб., 1881 г., 244 стр. съ тремя портретами.

Пушкаревъ, Андрей Алексѣевичъ [4]), родился въ 1842 году и высшее образованіе получилъ на естественномъ отдѣленіи Петербургскаго университета; по окончаніи курса въ послѣднемъ съ зва-

---

[1]) См. «Записки Императорск. Академіи Наукъ», 1867 г., т. XII, кн. 1, стр. 29—40.

[2]) См. «Отчетъ Импер. Публичной библіотеки» за 1883 годъ, Спб., 1885 г., стр. 11—189.

[3]) О ней—«Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 183.

[4]) О немъ—«Новое Время», 1885 г., № 3192.—«Новь», 1885 г., 1885 г., кн. 7, стр. 435.—«Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 183.

ніемъ дѣйствительнаго студента (1863 г.), служилъ мировымъ посредникомъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ до назначенія начальникомъ генерала Потапова, послѣ чего перешелъ на службу въ министерство финансовъ; во время русско-турецкой войны (1877—1878 г.) состоялъ полевымъ казначеемъ 12-го армейскаго корпуса, а по окончаніи ея жилъ въ Петербургѣ; съ начала 1880 года отправился въ Закаспійскій край, поступилъ въ отрядъ знаменитаго Скобелева и служилъ до конца экспедиціи; въ послѣднее же время управлялъ бакинскою казенною палатою; † 13-го января въ Баку.—Имъ напечатанъ «Отрывокъ изъ воспоминаній: сраженіе 30-го ноября 1877 года въ Рущукскомъ отрядѣ подъ Тростникомъ и Мечкой», Спб., 1880 г., 34 стр.

Рейссигъ, Александръ Карловичъ [1]), генералъ-маіоръ, † 6-го апрѣля въ Петербургѣ.—Его труды:

«О драгунахъ» («Военный Журналъ», 1855 г., кн. 5).

«Мысли о кавалеріи» («Военн. Сборникъ», 1863 г., кн. 7 и 1864 г., кн. 8).

«Предположеніе о формированіи линейныхъ казачьихъ полковъ» (тамъ же, 1865 г., кн. 5).

«Нѣсколько словъ о конной артиллеріи» (тамъ же, 1860 г., кн. 5).

Рехневскій, Станиславъ Симоновичъ [2]), въ пятидесятыхъ годахъ окончилъ курсъ на геодезическомъ отдѣленіи Николаевской академіи генеральнаго штаба; затѣмъ—профессоръ геодезіи при названной академіи, пока не вышелъ въ отставку, съ чиномъ генералъ-лейтенанта и съ званіемъ члена военно-учебнаго комитета главнаго штаба; † 20-го декабря въ Петербургѣ.—Онъ напечаталъ:

«Объ эмеритальной кассѣ военнаго вѣдомства» («Военн. Сборникъ», 1869 г., кн. 4; 1870 г., кн. 1).

«Телеграфы и примѣненіе ихъ къ военному дѣлу», Спб., 1872 г., 352 стр. съ 270-ю рисунками въ текстѣ.

Ржевскій, Владиміръ Константиновичъ [3]), бывшій инспекторомъ московскаго кадетскаго корпуса, затѣмъ директоромъ (нынѣ упраздненнаго) московскаго университетскаго пансіона, а въ послѣднее время жизни—сенаторомъ, † 14-го марта въ Петербургѣ, но похороненъ въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ.—Его печатные труды:

«Нѣсколько мыслей по вопросу о доставленіи помѣщичьимъ крестьянамъ возможности пріобрѣтенія поземельной собственности» («С.-Петербургск. Вѣдом.», 1858 г., № 59).

«Милліардъ вознагражденія эмигрантамъ» («Русск. Вѣстникъ», 1858 г., кн. 18).

«Опытъ разрѣшенія вопроса о выкупѣ земли» («Русск. Вѣстникъ», 1858 г., кн. 24).

---

[1]) О немъ—«Всеобщій Календарь» на 1886 годъ, изд. Гоппе, стр. 500.

[2]) О немъ—«Новое Время», 1885 г., № 3530.—«Петербургск. Листокъ», № 350—«Всеобщій Календарь на 1887 годъ», изд. Гоппе, стр. 502.

[3]) О немъ—«Московск. Вѣдомости», 1885 г., № 78.

«О самовольныхъ порубкахъ, матеріалы для сельскаго и лѣснаго устава» («Архивъ истор. и практическ. свѣдѣній о Россіи», изд. Калачовымъ, 1859 г., кн. 4).
«О потравахъ, матеріалы для сельскаго устава» (тамъ же, кн. 5).
«Способъ собиранія прямыхъ налоговъ во Франціи» («Русск. Вѣстникъ», 1859 г., кн. 18).
«О мѣрахъ, содѣйствующихъ развитію пролетаріата» («Русск. Вѣстникъ», 1860 г., кн. 1, 2, 9 и 10).
«Объ отношеніи гимназій къ университету» (тамъ же, кн. 12).
«Взглядъ на теорію бюрократической администраціи» (тамъ же, кн. 20).
«Нѣсколько словъ о дворянствѣ» («Наше Время», 1861 г., № 11).
«Голосъ изъ Орловской губерніи по вопросу объ учрежденіи земскихъ банковъ» («Современн. Лѣтопись», 1861 г., №№ 7 и 8).
«Объ отвѣтственности мировыхъ посредниковъ» (тамъ же, №№ 22 и 30).
«Нѣсколько замѣчаній по поводу отчета комитета для разбора и призрѣнія нищихъ за 1860 годъ» («Сѣверн. Почта», 1862 г., № 10).
«Объ уставной грамотѣ» (тамъ же, № 43).
«О значеніи и внутреннемъ устройствѣ университетовъ» (тамъ же, №№ 110 и 111).
«Обработка земли вольнонаемными рабочими», («Русск. Вѣстникъ», 1862 г., кн. 2).
«Да или нѣтъ?» По поводу статьи Н. П. Семенова: «Освобожденіе крестьянъ въ Россіи и Пруссіи» (тамъ же, кн. 12).
«Февральская революція во Франціи» («Русск. Вѣстникъ», 1863 г., кн. 11).
«Много или мало у насъ денежныхъ знаковъ?» («Русск. Инвалидъ», 1864 г., № 111).
«Воспитаніе народа» («Русск. Вѣстникъ», 1865 г., кн. 1).

Риттеръ, Христіанъ Богдановичъ [1]) родился въ 1813 году и высшее образованіе получилъ въ московской медико-хирургической академіи; по окончаніи полнаго курса (1834 г.), опредѣленъ врачомъ въ 130 флотскій экипажъ; съ 1838 года—медико-хирургъ; затѣмъ командированъ въ кампанію на эскадрѣ и пробылъ два года на Каспійскомъ морѣ (1839—1841 гг.), послѣ чего перешелъ въ военно-сухопутное вѣдомство и состоялъ штабъ-лѣкаремъ Бородинскаго полка (1841—1847 гг.), главнымъ докторомъ красносельскаго военнаго госпиталя (1847—1851 гг.), помощникомъ главнаго доктора 1-го военно-сухопутнаго госпиталя въ Петербургѣ (1851—1864 гг.), наконецъ—военно-медицинскимъ инспекторомъ Петербургскаго округа (1864—1885 гг.); † 31-го августа въ Петербургѣ.— Онъ составилъ и издалъ «Русскую военную фармакопею», Спб., 1866 г.

Родиславскій, Владиміръ Ивановичъ [2]), родился 28-го февраля 1828 года въ Москвѣ, воспитывался въ тамошнемъ дворян-

---

[1]) О немъ—«Всемірная Иллюстрація», 1885 г., т. XXXIV, № 15, стр. 252 и 253 (съ портретомъ).

[2]) См. о немъ періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ», № 8, стр. 32; «Газета Гатцука», № 25, стр. 399; «Дневникъ писателя», изд. Аверкіевымъ, № 9, стр. 305—306; «Историческ. Вѣстникъ», кн. 8, стр. 423; «Московск. Вѣдо-

скомъ институтѣ и на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета; по окончаніи курса въ послѣднемъ со степенью кандидата правъ (1848 г.), началъ службу въ канцеляріи московскаго гражданскаго губернатора (въ декабрѣ 1849 года); спустя почти десять лѣтъ (въ августѣ 1859 года), перешелъ въ контору московскихъ театровъ, гдѣ и прослужилъ около шести лѣтъ (1859—1866 гг.); по выходѣ въ короткую отставку, поступилъ на должность правителя канцеляріи московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова (1867 г.); въ этой должности онъ прослужилъ до 1883 года, когда, по разстроенному здоровью, вышелъ въ новую отставку; † 20-го іюня въ Москвѣ.—Покойный извѣстенъ, какъ редакторъ «Московскихъ губернскихъ Вѣдомостей» (1850 г.), какъ основатель, первый секретарь и членъ «Общества русскихъ драматическихъ писателей» (1874 г.), наконецъ—какъ авторъ слѣдующихъ трудовъ:

«Руководство къ математической географіи, сочиненіе Дистервега», перев. съ нѣмецкаго, М., 1845 г., съ 41 литографированнымъ рисункомъ. — Этотъ первый трудъ В. И. Родиславскаго выполненъ въ компаніи съ тремя институтскими товарищами.

«Обзоръ дѣятельности Московскаго театра» («Репертуаръ и Пантеонъ», 1845 г., т. XI, кн. 7 и 8).

«Стрѣльцы» («Москвитян.» 1850 г.).

«О полевой службѣ во времена царей московскихъ» («Московск. губернск. Вѣдомости», 1850 г., № 21).

«Нѣсколько историческихъ извѣстій о Сокольникахъ» (тамъ же, № 23).

«Левъ и крыса», драматическая басня въ одномъ дѣйствіи, сочин. Левеня и Вермона, перев. съ франц. («Пантеонъ», 1854 г., кн. 9).

«Аграфена Тимоѳеевна Сабурова», біографическій очеркъ («Пантеонъ», 1855 г., кн. 9).

«Лукавый попуталъ», разсказъ, (тамъ же, кн. 11).

«Весенніе и лѣтніе праздники поселянъ Московской губерніи» («Московскія Вѣдомости», 1856 г., №№ 41 и 42).

«Алексѣй Николаевичъ Верстовскій», библіографическій очеркъ съ портретомъ («Дѣтск. Журналъ», 1859 г., кн. 3).

«Шекспиръ въ русскихъ переводахъ» (тамъ же, кн. 6).

«Объ обществѣ любителей русскаго театра» («Московскій Курьеръ», 1861 г., № 95).

«Сергѣй Васильевичъ Васильевъ», матеріалы для біографіи («Московск. Вѣдомости», 1862 г., №№ 130—132).—Отдѣльный оттискъ: М., 1862 г., 18 стр.

«О новой постановкѣ комедіи: «Горе отъ ума» на Московской сценѣ» («Наше Время», 1863 г., № 70).

«Было да прошло», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, передѣланная изъ пьесы Вольфсона: «Nur eine Seele» («Русск. Сцена», 1864 г., кн. 2).

«Русскіе переводы Шекспира» («Театралн. Афиши», 1864 г., 11-го апрѣля).

мости», № 207; «Новь», кн. 17, стр. 332; «Радуга», № 27, стр. 578; «Театральн. Мірокъ», №№ 25 и 26; «Церковн. Вѣстникъ», №№ 25 и 26. — «Всеобщ. Календарь» на 1886 годъ, изд. Гоппе, стр. 502.

«На хлѣбъ и на воду», шутка водевиль въ одномъ дѣйствіи («Русск. Сцена», 1865 г.).—Отдѣльныя изданія: Спб., 1865 г., М., 1873 и 1878 гг.

«Матеріалы для біографіи Корнилія Николаевича Полтавцева» («Антрактъ», 1866 г., № 22).

«Варвара Васильевна Бороздина, актриса Московскаго театра», некрологъ (тамъ же, № 41).

«Евгеній Макаровичъ Семеновъ, секретарь при дирекціи Московскихъ театровъ», некрологъ (тамъ, № 50).

«Аграфена Тимоѳеевна Сабурова, бывшая актриса Московскаго театра», некрологъ (тамъ же, 1867 г., № 5).

«Н. В. Верстовская-Рѣпина», некрологъ («Современн. Лѣтопись», 1867 г., № 45).

«Древнѣйшая лѣтопись русскаго театра» («Русскій», 1868 г., № 19).

«Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ» («Русск. Вѣстникъ», 1869 г., кн. 6).

«Объ авторскихъ правахъ на сценическія произведенія» («Русск. Вѣстникъ», 1870 г., кн. 8).

«О комедіи Гоголя: «Владиміръ 3-й степени» («Бесѣды въ Обществѣ любителей Россійск. словесности», М., 1871 г., вып. 8).

«Донъ-Жуанъ, комедія въ 5 дѣйствіяхъ Мольера», перев. съ французск. (тамъ же).—Отдѣльное изданіе: М., 1871 г.

«Мольеръ въ Россіи» («Русск. Вѣстникъ», 1872 г., кн. 3).

«Провъ Михайловичъ Садовскій», матеріалы для его біографіи («Русск. Вѣстникъ», 1872 г., кн. 7).

«Неизданныя пьесы А. С. Грибоѣдова» («Русск. Вѣстникъ», 1873 г., кн. 9 и 10).

«Сумасшествіе отъ любви», драма въ пяти актахъ, перев. съ испанскаго («Русск. Вѣстникъ», 1874 г., кн. 12).

«Щука востра, а не съѣстъ ерша съ хвоста», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго, Спб., 1875 г., 114 стр. (литографированное изданіе).

«Шрамъ на головѣ русскаго артиста—Николая Матвѣевича Никифорова» («Русск. Архивъ», 1876 г., кн. 9).

«Нѣсколько словъ о Марьѣ Дмитріевнѣ Львовой-Синецкой» («Русскій Міръ», 1876 г., № 13).

«Екатерина Николаевна Васильева», біографическій очеркъ («Московск. Обозрѣніе», 1877 г., № 18).—Отдѣльное изданіе, М., 1878 г., 26 стр. съ портретомъ.

«Къ исторіи русской оперы» («Русск. Архивъ», 1878 г., кн. 7).

«Ж. Батистъ Покеленъ Мольеръ» («Театральн. Библіотека», 1879 г., кн. 3 и 4).

Кромѣ того, ему принадлежатъ слѣдующія пьесы: «Разставанье», три картины изъ крестьянскаго быта (представлено на сценѣ Московскаго Малаго театра 18-го января 1854 года), «Жертва отчизнѣ», драма (1855 г.), «Бѣда быть такимъ», переводный водевиль (1855 г.), «Горе и радость», переводная комедія (1858 г.), «Старый капралъ», переводная драма (1859 г.), «Слѣпой», переводная драма (1860 г.) и «Ворожея», переводная драма (1863 г.). Эти пьесы, поставленныя на театрахъ Москвы и Петербурга, не появились въ печати.

Рыбниковъ, Павелъ Николаевичъ [1]), родился въ Москвѣ (1832 г.), воспитывался въ одной изъ тамошнихъ гимназій и на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета; по окончаніи курса въ послѣднемъ со степенью кандидата (1858 г.), отправился въ Черниговскую и Пермскую губерніи для записыванія былинъ; за сношенія съ раскольниками былъ арестованъ и отправленъ на жительство въ Петрозаводскъ; съ 1861 года получилъ разрѣшеніе поступить на государственную службу и занялъ мѣсто секретаря губернскаго статистическаго комитета въ Олонецкѣ, а затѣмъ—должность Калишскаго вице-губернатора; † 17-го ноября въ Калишѣ.—Онъ, состоя членомъ-сотрудникомъ императорскаго географическаго и археологическаго обществъ, напечаталъ слѣдующіе труды:

«Былины, пѣсни и духовные стихи» («Олонецк. губ. Вѣдом.», 1859 г., №№ 30, 32, 34, 37, 39, 42, 43—45).—Подъ этимъ общимъ заглавіемъ помѣщены: «Старина о Добрынѣ Никитичѣ», «Старина о трехъ богатыряхъ», «Старина о Дюкѣ Степановичѣ», «Старина о Настасьѣ королевнѣ Политовской», «Стихъ о Егоріи Храбромъ» и «Стихъ о Борисѣ и Глѣбѣ».

«Былины, пѣсни и духовные стихи» («Олонецк. губ. Вѣдом.», 1860 г., №№ 17, 33, 35, 39 и 47).—Подъ такимъ заголовкомъ напечатаны: «Былина о Василіи Игнатьевичѣ», «Былина о двухъ братьяхъ, двухъ Ливикахъ и князѣ Романѣ Дмитріевичѣ», «Былина о Лжедмитріи», «Былина о добромъ молодцѣ неудачливомъ и рѣчкѣ Смородинкѣ» и «Стихи о чудѣ святителя Николая».

«О льняной промышленности Пудожскаго уѣзда» («Олонецк. губ. Вѣдом.», 1860 г., № 32).—Эта статья перепечатана въ «Журналѣ мин. внутренн. дѣлъ» 1860 г., кн. 8).

«Шунгская въ Олонецкой губерніи крещенская ярмарка» («Вѣстникъ промышленности», 1860 г., кн. 8).

«Пѣсни собранныя П. Н. Рыбниковымъ», часть первая: старины и побывальщины (М., 1861 г., 488 стр.); часть вторая: народныя былины, старины и побывальщины (М., 1862 г., 354 стр.); часть третья: народныя былины, старины, побывальщины и пѣсни (Петрозаводскъ, 1864 г., 460 стр.); часть четвертая: былины, побывальщины, старины и былевыя пѣсни (Спб., 1867 г., 299 стр.).—Это изданіе удостоено Демидовской награды.

«Описаніе рукописей, доставленныхъ въ Импер. Археологическое общество» («Извѣстія Импер. Археологическ. общества», 1862 г., т. IV, вып. 5).

«Замѣтки съ дороги» («Олонецк. губ. Вѣдом.», 1862 г., №№ 43—45, 48—49).—Эти «Замѣтки» перепечатаны и въ газетѣ «День» (1862 г., №№ 47, 50 и 52; 1863 г., № 4).

«Нашествіе татаръ», былина («День», 1863 г., № 11).

---

[1]) О немъ—«Журналъ мин. нар. просвѣщенія», 1885 г., ч. CCXIII, кн. 12, отд. IV, стр. 217—221.—«Церковно-Общественн. Вѣстникъ», 1885 г., № 106.—Періодическія изданія 1886 года: «Библіографъ», №№ 6—7, стр. 99—100; «Историческ. Вѣстникъ», кн. I, стр. 256—257; «Новь», кн. 4, стр. 269: «Сѣверн. Вѣстникъ», кн. 3, отд. II, стр. 73—93; 1887 г., кн. 4, отд. II, стр. 82—86.—«Новь», 1888 г., кн. 7, стр. 222 (съ портретомъ).

«Былина о Хотенѣ Блудовичѣ» («Олонецк. губ. Вѣдом.», 1863 г., № 10).
«Былина о князѣ Владимірѣ» (тамъ же, № 11).
«Варіантъ Новгородской лѣтописи» (тамъ же, №№ 37—42).
«Иванъ Гостиный сынъ», былина (тамъ же, № 43).
«Царь Алексѣй Михайловичъ», былина (тамъ же, № 44).—Она же перепечатана въ «Смоленск. губ. Вѣдомостяхъ» (1864 г., № 1).
«О началѣ града Москвы», изъ Новгородской лѣтописи («Олонецк. губ. Вѣдом.»), 1863 г., № 45).—Тоже перепечатано въ «Памятной книжкѣ Олонецкой губерніи», на 1863 годъ (ч. II).
«Бой Ильи съ сыномъ», былина («Олонецк. губ. Вѣдом.», 1863 г., № 46).
«Шунгская Богоявленская ярмарка въ 1864 году» (тамъ же, 1864 г., №№ 6—9).
«Сборникъ словъ, употребляемыхъ въ Олонецкой губерніи» («Этнографическій Сборникъ, изд. Импер. Русск. Географическ. обществомъ», 1864 г., вып. VI).
«О каменныхъ орудіяхъ» («Извѣстія Импер. Археологическ. общества», 1864 г., т. V, вып. 6).
«Илья Муромецъ», «Иванъ Гостиный сынъ», «Кострюкъ», «Наѣздъ литовцевъ на Москву» и «Пудожскія свадебныя заплачки» («Памятн. книжка Олонецк. губерніи на 1886 годъ»).

Самаринъ, Иванъ Васильевичъ [1]), извѣстный артистъ драматической сцены, родился 7-го января 1817 года, въ семьѣ отца—крѣпостного человѣка у помѣщика Волкова, юношей прибылъ въ Москву, гдѣ, благодаря заботамъ своего барина и Ѳ. Ѳ. Кокошкина, поступилъ въ театральное училище по балетному отдѣленію; но на И. В. обратилъ вниманіе актеръ М. С. Щепкинъ и перевелъ его въ драматическій классъ; въ 1832 году Самаринъ былъ допущенъ къ первому дебюту въ роли Феликса (драма: «16 лѣтъ, или зажигатели»), а въ 1837 году выпущенъ изъ школы и принятъ на службу при Московскомъ Маломъ театрѣ; съ этихъ поръ, сначала въ роляхъ «первыхъ любовниковъ», а потомъ—«благородныхъ отцовъ», Самаринъ постепенно развивалъ свой замѣчательный талантъ и являлся украшеніемъ московской драматической сцены; † 13-го августа въ Москвѣ.—Имъ напечатаны:

---

[1]) О немъ—«Драматическій Альбомъ», изданн. П. Арановымъ, М., 1850 г., стр. 149—152 (съ портретомъ).—Періодическія изданія 1883 года: «Искусство», № 9; «Нива», № 40 и «Русск. Вѣдом.», № 281.—«Пятьдесятъ лѣтъ изъ жизни артиста», біографическій очеркъ, изданн. М. Карнѣевымъ, съ портретомъ и факсимиле артиста, М., 1882 г., 62 стр.—Періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ», № 10, стр. 62—63; «Всемірная Иллюстрація», т. 34, № 9, стр. 146 (съ портретомъ); «Вѣстникъ Европы», кн. 11, стр. 410—412; «Голосъ Москвы», №№ 159—162; «Еженедѣльн. Обозрѣніе», № 88, стр. 1052—1053 (съ портретомъ); «Историческ. Вѣстникъ», кн. 10, стр. 227—228; «Московск. Лѣтопись», №№ 1 и 4; «Московск. Вѣдомости» №№ 226 и 262; «Нива», № 34; «Новь», кн. 22, стр. 296—298; «Петербургск. Газета», №№ 223, 224, 226 и 227; «Петербургск. Листокъ», № 224; «Сѣверн. Кавказъ», № 9; «Театральн. Мірокъ», № 32 (съ портретомъ; «Театръ и Жизнь», №№ 1, 6 и 7 (съ портретомъ).—«Сезонъ», иллюстрированный сборникъ, М., 1887 г., ч. I, стр. 14—20.—«Московскій Листокъ», 1887 г., № 283.—«Русск. Старина», кн. 4, стр. 255.

«Самозванецъ Луба», историческая драма въ четырехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ («Русск. Вѣстникъ», 1867 г., кн. 12).

«Изъ семейной хроники», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ («Театральн. Библіотека», 1879 г., кн. 1).—Отдѣльный оттискъ: М., 1879 г. 64 стр.

Кромѣ того, Самаринымъ написаны слѣдующія пьесы, поставленныя на сценѣ: «Утро вечера мудренѣе» (1864 г.), «Перемелется—мука будетъ» (1865 г.) и «Въ сороковыхъ годахъ».

Серафимъ, въ мірѣ Сергѣй Ивановичъ Борзецовскій [1]), родился въ Москвѣ (1848 г.), учился въ московской духовной семинаріи, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью студента (1868 г.); затѣмъ, черезъ два года посвященъ въ санъ діакона къ Московской Краснозвонской церкви, но, спустя семь лѣтъ, овдовѣлъ, принялъ монашество и состоялъ іеромонахомъ Московскаго Андроньева монастыря; † 20-го октября въ Москвѣ.—Покойный участвовалъ, какъ сотрудникъ, въ «Душеполезномъ Чтеніи», но издалъ отдѣльно только двѣ брошюры:

«Объясненіе догматиковъ восьми гласовъ», М., 1878 г., 118 стр.

«Объясненіе пѣсни: «О тебѣ радуется», М., 1883 г.

Сергѣевъ, Николай Михайловичъ [2]), изъ купеческаго званія, родился въ 1810 году, воспитывался на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета; по окончаніи курса въ послѣднемъ со степенью лѣкаря (1833 г.), служилъ врачемъ въ 4-й бригадѣ морской артиллеріи (1833—1835 гг.) и въ 18-мъ флотскомъ экипажѣ (1835—1837 гг.); послѣ короткаго выхода въ гражданское вѣдомство и пріобрѣтенія званія штабъ-лѣкаря, а потомъ—степени доктора медицины (1837—1840 гг.)—старшій докторъ разныхъ полковъ (1840—1855 гг.),—главный докторъ севастопольскаго военнаго госпиталя (1855 г.), ординаторъ херсонскаго и двухъ сухопутныхъ петербургскихъ госпиталей (1856—1859 гг.), докторъ гренадерскаго корпуса (1859 г.), помощникъ главнаго доктора 1-го с.-петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя (1860 г.); причисленный къ военно-медицинскому департаменту (1861 г.), назначенъ докторомъ оренбургскаго корпуса (1862 г.), наконецъ—военно-медицинскимъ инспекторомъ Оренбургскаго (1865—1867 г.) и Туркестанскаго (1867—1873 гг.) округовъ; послѣ того вышелъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника и съ званіемъ почетнаго члена военно-медицинскаго ученаго комитета, переѣхалъ въ Москву, гдѣ и скончался 17-го марта.—Онъ напечаталъ статью: «Тифозная горячка въ

---

[1]) О немъ—«Душеполезн. Чтеніе», 1885 г., кн. 11, стр. 376—380.—«Московск. Церковн. Вѣдомости», 1885 г., № 46.—«Библіографъ», 1886 г., № 1, стр. 16—17.—«Душеполезн. Чтеніе», 1886 г., кн. 11, стр. 157—197.—«Іеромонахъ Серафимъ», брошюра архимандрита Григорія, М., 1887 г., 40 стр.

[2]) О немъ—«Московск. Вѣдомости», 1885 г., № 76.—«Русскіе врачи-писатели», Змѣева, Спб., 1886 г., вып. II, стр. 98—99.

войскахъ въ Казани въ концѣ 1839 года» («Военно-Медицинск. Журналъ», 1840 г., ч. XXXV, кн. 3.

Скуратовъ, Дмитрій Петровичъ [1]), землевладѣлецъ, † 14-го мая.—Онъ напечаталъ:

«По поводу статьи г. Вернадскаго: «О внѣшней торговлѣ» («Сѣверн. Пчела», 1856 г., № 126 и «Московск. Вѣдомости», 1856 г., № 97). — Отдѣльный оттискъ: Спб., 1856 г., 14 стр.

«Замѣчанія на статью г. Горлова: «Протекціонизмъ въ Россіи и свобода труда» («Вѣстникъ промышленности», 1858 г., кн. 2).

«Какъ разбираются новыя книги въ экономическомъ указателѣ», по поводу рецензіи на книгу Ушинскаго: «О значеніи мануфактурной промышленности» (тамъ же, 1858 г., кн. 4).

«Нѣсколько соображеній о преобразованіи коммерческаго банка» (тамъ же, 1860 г., кн. 1).

«По поводу вопроса о наложеніи пошлинъ на ввозъ машинъ» (тамъ же, 1860 г., кн. 4).

«Объ организаціи и служебныхъ правахъ нашей учебной системы» («Русск. Вѣстникъ», 1862 г., кн. 6).

«О даровомъ ученіи и легкомъ пріобрѣтеніи дворянскаго званія» (тамъ же, кн. 11).

«О даровомъ обученіи» («Сѣверн. Почта», 1862 г., № 277).

«О народномъ образованіи» («Современн. Лѣтопись», 1863 г., № 14).

«Истинное значеніе польской національности» (тамъ же, № 17).

«О необходимости немедленнаго устройства желѣзныхъ дорогъ къ черноморскимъ портамъ» («Сѣверн. Пчела», 1863 г., № 18).—То же напечатано и въ «Зрителѣ» (1863 г., № 6).

«Современный экономическій вопросъ: «отчего дѣла у насъ плохи отъ излишества или недостатка бумажныхъ денегъ» («Сѣверн. Почта», 1863 г., №№ 37—39).

«О разныхъ способахъ пользованія помѣщичьими землями» (тамъ же, №№ 60, 119, 185 и 209).—Отдѣльно: Спб., 1863 г.

«Амурскій край и его значеніе» (тамъ же, №№ 277—278).

«Объ измѣняемости и упроченіи денежной единицы» («Недѣли», 1866 г., №№ 23 и 30).—Отдѣльный оттискъ: Спб., 1866 г., 32 стр.

«Задача земства въ дѣлѣ народнаго образованія», Спб., 1870 г., 20 стр.

«О направленіи и дѣятельности Общества для содѣйствія русской промышленности и торговли» («Заря», 1871 г., кн. 5).

Кромѣ того, самъ Д. П. Скуратовъ печатно признался, что помѣщалъ свои статьи еще въ «Акціонерѣ», «Коммерческой Газетѣ» и «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (См. «Русск. Вѣстникъ», 1862 г., кн. 11, стр. 208).

Соколовъ, Михаилъ Ивановичъ [2]), сынъ священника села Дубровны (Юхновскаго уѣзда, Смоленской губерніи), родился въ 1825 году, воспитывался въ вяземскомъ духовномъ училищѣ и смоленской семинаріи; по окончаніи курса въ послѣдней со сте-

---

[1]) О немъ—«Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 183.

[2]) О немъ—«Смоленск. Епарх. Вѣдомости», 1886 г., № 4, стр. 184—199.

пенью студента (1847 г.) назначенъ учителемъ 2-го смоленскаго духовнаго училища (1847—1856 г.); затѣмъ опредѣленъ священникомъ въ родное село (съ 9-го декабря 1856 года), гдѣ и находился до кончины—14-го ноября.—Онъ напечаталъ:

«Современный вопросъ»: объ улучшеніи быта сиротъ духовенства («Смоленск Епарх. Вѣдомости», 1877 г.).

«Краткія поученія на всѣ воскресные дни» (тамъ же, 1878—1879 гг.)—Продолженіе этихъ поученій печаталось и въ 1885 году.

«Къ вопросу о сиротахъ духовнаго званія» («Церковн. Вѣстникъ», 1880 г.).

«О церковно-приходскихъ школахъ» («Руководство для сельскихъ пастырей», 1885 г.).

Сперанскій, Александръ Николаевичъ родился въ 1816 году въ городѣ Коломнѣ (Московской губерніи); по окончаніи семинарскаго курса со степенью студента—учитель коломенскаго и затѣмъ инспекторъ перервинскаго духовныхъ училищъ; наконецъ—діаконъ Московской Троицкой, что въ Кожевникахъ, церкви и священникъ Маріе-Магдалинскаго храма при московской градской больницѣ; † 21-го декабря въ Москвѣ.—По указанію некролога («Московск. Церк. Вѣдом.» 1886 г. № 3), онъ печаталъ проповѣди въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ».

Стеблинъ-Каминскій, Степанъ Павловичъ [1]), сынъ коллежскаго совѣтника—Павла Степановича Стеблинъ-Каминскаго [2]), родился въ Полтавѣ 26-го апрѣля 1814 года и первоначальное образованіе получилъ въ родительскомъ домѣ, затѣмъ воспитывался въ полтавской гимназіи, изъ которой, въ декабрѣ 1832 года, поступилъ на службу въ полтавскій приказъ общественнаго призрѣнія; черезъ три года выдержалъ экзаменъ на званіе учителя, послѣ чего служилъ преподавателемъ въ золотоношскомъ уѣздномъ училищѣ (съ 7-го августа 1835 г. до декабря 1837 года), въ полтавской мужской гимназіи (1837—1852 гг.) и полтавскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ (1839—1852 гг.); затѣмъ по болѣзни вышелъ въ отставку (1852—1860 гг.); но, спустя восемь лѣтъ, снова опредѣлился на службу преподавателемъ русскаго языка въ полтавскую маріинскую женскую гимназію (съ 26-го августа 1860 года) и трудился въ ней до выхода въ новую отставку (въ сентябрѣ 1885 года); † 17-го декабря въ Полтавѣ.—Покойный, состоя ревностнымъ сотрудникомъ «Полтавскихъ губернскихъ Вѣдомостей», напечаталъ слѣдующіе труды:

«Біографическій очеркъ жизни Ивана Петровича Котляревскаго» («Сѣверная Пчела», 1839 г., № 146).—То же съ новыми дополненіями въ «Полтавскихъ губ. Вѣдомостяхъ» (1866 г., №№ 46 и 47).

---

[1]) О немъ—«Полтавск. Епарх. Вѣдомости», 1886 г., № 4, стр. 137—148.

[2]) См. объ этомъ лицѣ (р. 1782 г.; † 1856 г.) въ «Памятной книжкѣ Полтавской губерніи» на 1866 годъ.

«Воспоминаніе объ И. П. Котляревскомъ» («Полтавскія губ. Вѣдомости», 1866 г., № 45).

«Столѣтній юбилей И. П. Котляревскаго» («Полтавск. Епарх. Вѣдом.», 1869 г., № 17). — То же перепечатано въ «Харьковскихъ губ. Вѣдомостяхъ» (1869 г., № 98).

«Религіозныя стихотворенія»: «Вечерняя молитва», «Благовѣщеніе», «Изъ великаго канона», «Поклоненіе кресту», «Похвальная суббота» («Полтавск. Епарх. Вѣдомости», 1885 г.).

Струмѣнскій, Евгеній Степановичъ [1]), сынъ священника села Горынки (Кременецкаго уѣзда, Волынской губерніи), родился въ 1828 году, воспитывался въ Волынской семинаріи и Кіевской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней со степенью магистра (1853 г.), — профессоръ словесности (1853—1867 гг.) въ Каменецъ-Подольской семинаріи; посвященный въ санъ іерея при Каменецъ-Подольскомъ каѳедральномъ соборѣ (7-го февраля 1856 года), назначенъ членомъ тамошней консисторіи (съ 28-го февраля 1857 года до 21-го іюля 1869 года) и законоучителемъ Каменецъ-Подольскаго женскаго епархіальнаго училища (съ 24-го февраля 1864 г. до 29-го января 1868 года); возведенный въ санъ протіерея (7-го апрѣля 1867 года), состоялъ профессоромъ Каменецъ-Подольской семинаріи по каѳедрѣ литургики и гомилетики (1857—1869 гг.), основнаго и догматическаго богословія (1869—1870 гг.); наконецъ — законоучитель Каменецъ-Подольской мужской гимназіи (со 2-го октября 1870 года до смерти) и снова членъ тамошней духовной консисторіи (съ 20-го марта 1875 года до кончины); † 3-го декабря въ Каменецъ-Подольскѣ.—Покойный, состоя редакторомъ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» (съ 1861 года), напечаталъ:

«Историко-статистическое описаніе мѣстечка Ладыжина, Гайсинскаго уѣзда» (Прибавленіе къ «Подольск. Епарх. Вѣдомостямъ» 1862 г., № 21).

«Нѣкоторые обычаи православныхъ христіанъ предъ праздникомъ Рождества Христова и во время святокъ на Подоліи» (тамъ же, 1863 г., № 1).

«По поводу статьи: «Народныя училища въ Юго-Западномъ краѣ» (тамъ же, № 16).

«Краткое жизнеописаніе преподобнаго Іова, игумена Почаевскаго» («Странникъ», 1864 г., кн. 11).

Ступишинъ, Ростиславъ Дмитріевичъ [2]), сынъ помѣщика (Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи), родился въ 1836 году и воспитывался въ 1-й Казанской гимназіи; по окончаніи курса въ ней (1853 г.), служилъ въ Алатырской удѣльной конторѣ и въ Томскомъ губернскомъ правленіи; выйдя въ отставку, занимался част-

---

[1]) О немъ—«Подольск. Епарх. Вѣдомости», 1885 г., № 50, стр. 1013—1022.— «Волынск. Епарх. Вѣдомости», 1886 г., №№ 1—2, стр. 27—28.

[2]) О немъ — «Всеобщ. Газета», 1885 г., № 5, стр. 117. — «Библіографъ», 1886 г., № 12, стр. 183—184.

ною службою до 1884 года; † въ январѣ близь Нижняго Новгорода.— Его печатные труды:

«Марѳа Посадница, или покореніе Новгорода», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, Спб., 1869 г.

«Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова», драма въ шести картинахъ въ стихахъ, Спб., 1870 г.

«Полный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ», Кіевъ, 1879 г., 332 стр.

«Конекъ-Горбунокъ, сказка для дѣтей, подраженіе сказкѣ Ершова», Кіевъ, 1880 года, 96 стр. и шесть картинъ.

Кромѣ того, Р. Д. Ступишинъ сотрудничалъ въ «Сынѣ Отечества», «Сѣверной Пчелѣ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Кіевлянинѣ и «Петербургскомъ Листкѣ» [1]).

Сѣверцевъ, Николай Алексѣевичъ [2]), сынъ помѣщика (Бобровскаго уѣзда, Воронежской губерніи), родился въ 1827 году; воспитывался дома и въ Воронежской гимназіи, изъ которой поступилъ на естественное отдѣленіе Московскаго университета; по окончаніи курса въ послѣднемъ со степенью кандидата (1847 г.), занялся спеціальнымъ изученіемъ зоологіи и черезъ восемь лѣтъ получилъ степень магистра (1855 г.); затѣмъ, по распоряженію Импер. Академіи Наукъ, онъ, съ 29-го января 1857 г. до 1859 года, былъ командированъ въ Киргизскую степь, къ Сыръ-Дарьѣ, для зоологическихъ изслѣдованій и особенно для наблюденій надъ свойствами такъ называемаго континентальнаго климата; во время этой экспедиціи нашъ ученый былъ взятъ въ плѣнъ коканцами [3]), но, освобожденный изъ непріятельскихъ рукъ, еще полгода продолжалъ свое путешествіе; по возвращеніи на родину, послѣ недолгой дѣятельности въ качествѣ члена комитета по устройству уральскаго войска (1860 г.), отправился за границу, гдѣ и прожилъ до 1864 г., когда принялъ участіе въ экспедиціяхъ: съ Черняевымъ въ Таш-

---

[1]) По нарушенію законовъ о печати въ послѣднемъ изданіи онъ былъ привлеченъ къ суду, но оправданъ (см. о томъ «Судебный Вѣстникъ», 1869 г., № 227).

[2]) О немъ — «Журналъ мин. нар. просвѣщенія», 1869 г., кн. 5, отд. IV, стр. 82—84. — «Московск. университетск. Извѣстія», 1869 г., № 4. — Періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ», № 3, стр. 68; «Воронежск. губ. Вѣдомости», № 19; «Воронежск. Епарх. Вѣдомости», № 5, стр. 260—262; «Восточное Обозрѣніе», № 6; «Голосъ Москвы», № 32; «Еженедѣльное Обозрѣніе», № 61 «Журналъ мин. нар. просвѣщенія», кн. 3, отд. IV, стр. 93—94; «Историческій Вѣстникъ», кн. 4, стр. 249—250; «Московскія Вѣдомости», №№ 34, 56 и 73; «Нива», № 13, стр. 297—298 (съ портретомъ); «Новь», кн. 8, стр. 485; «Русск. Вѣдомости», № 28: «Современн. Извѣстія», № 37; «Южный Край», № 1420.— «Воронежскій юбилейный Сборникъ», изд. Воронежскимъ губернскимъ статистическимъ Комитетомъ, Воронежъ, 1886 г.

[3]) Подробности объ этомъ эпизодѣ см. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1858 г., кн. 12, стр. 416—417 и кн. 18, стр. 194) и въ «Русск. Словѣ» (1860 г., кн. 10, отд. I, стр. 222—318).

кентъ и Чекментъ (1864—1865 гг.), въ Тяньшань (1865—1868 гг.), съ генераломъ Столѣтовымъ къ дельтѣ Аму-Дарьи (1874 г.), наконецъ—для изслѣдованія Ферганы и Памира (1877—1878 гг.); послѣ того жилъ то въ своемъ имѣніи—селѣ Петровскомъ (Бобровскаго уѣзда, Воронежской губерніи), то въ Москвѣ, занимаясь изученіемъ громаднаго матеріала, собраннаго во время путешествій; † 28-го января при паденіи въ рѣку Донъ недалеко отъ станціи Лиски Острогожскаго уѣзда, Воронежской губерніи. — Покойный, состоя членомъ совѣта при Импер. Обществѣ испытателей природы, членомъ Импер. Общества любителей естествознанія, напечаталъ слѣдующіе труды:

«Горные хищники» («Вѣстникъ естественн. наукъ», 1854 г., №№ 5, 9, 11, 33, 34 и 36).

«Лось или сохатый» (тамъ же, № 19).

«О періодическихъ явленіяхъ въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ Воронежской губерніи», М., 1855 г., 414 стр. (магистерская диссертація).

«Тигръ» («Вѣстникъ естественныхъ наукъ», 1855 г.).

«По поводу охотничьей книги» («Библіотека для чтенія», 1856 г., кн. 10).

«О бѣлохвостѣ» и «Объ Astur brevipes» («Бюллетень Импер. общества испытателей природы», 1857 г.).

«Мѣсяцъ плѣна у коканцевъ» («Русск. Слово», 1859 г., кн. 10). — Эту статью авторъ посвятилъ такъ: «моимъ двумъ освободителямъ генералу Данзасу и О. Я. Осмоловскому». — Отдѣльное изданіе этой статьи съ картою низовья Сыръ-Дарьи: Спб., 1860 г.

«Бѣлохвостикъ» («Вѣстникъ естественн. наукъ», 1859 г.).

«Нѣсколько словъ объ акклиматизаціи животныхъ» («Русск. Вѣстникъ», 1860 г., кн. 1).

«Зоологическая этнографія» («Русск. Слово», 1860 г., кн. 4).

«Отвѣтъ на замѣчанія г. Симашко», съ географическимъ чертежемъ (тамъ же, кн. 5).

«Замѣтки объ усовершенствованіи путей сообщенія въ Оренбургскомъ краѣ» («Вѣкъ», 1861 г., №№ 24 и 25).

«Звѣри При-Уральскаго края» (Акклиматизація, 1861 г.).

«Составляетъ ли Усть-Уртъ продолженіе хребта Уральскаго?» («Горн. Журналъ», 1862 г., ч. I, № 1).

«Слѣды ледянаго періода въ западныхъ отрогахъ Тяньшаня» («Извѣстія Импер. Русск. Географическ. Общества», 1865 г., т. I).

«Орнитологія и орнитологическая географія Европейской и Азіатской Россіи», Спб., 1867 г. — Это изслѣдованіе доставило автору почетный дипломъ Московскаго университета на степень доктора зоологіи (1868 г.).

«Поѣздка въ западную часть Небеснаго хребта (Тяньшаня) или Цунъ-Линъ древнихъ китайцевъ, отъ западныхъ предѣловъ за-Илійскаго края до Ташкента», съ геологическою картою и разрѣзами («Записки по общей географіи, изд. Импер. Русск. Географическ. Обществомъ», Спб.. 1867 г., томъ I).

«Объ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ Тяньшанѣ въ 1867 году» («Извѣстія Импер. Русск. Географическ. Общества», 1869 г., т. V).

«Объ орографіи Средней Азіи» (тамъ же, 1872 г., т. VIII).

«Краткій очеркъ орографіи Средней Азіи», съ картою (тамъ же).

«Путешествіе по Туркестанскому краю и изслѣдованіе горной страны Тянь-Шаня», Спб., 1873 г., 462 стр. съ картою центральнаго Тянь-Шаня и окрестности озера Иссыкуль.

«Аркары или горные бараны» («Природа», 1873 г., кн. 1).

«Вертикальное и горизонтальное распредѣленіе туркестанскихъ животныхъ», М., 1873 г., 157 стр. и десять листовъ съ рисунками.

«Экскурсія по восточному берегу Аральскаго моря» («Извѣстія Импер. Русск. Географическ. Общества», 1874 г., т. X).

«О физико-географическихъ наблюденіяхъ въ Арало-Каспійскихъ степяхъ» (тамъ же, 1875 г., т. XI)

«Рецензія книги Г. Шмика: «Die Aralo-Kaspische Niederung und ihre Befunde im Lichte der Lehre von den säculären Schwankungen des Seespiegels und der Wärme-Zonen» (тамъ же).

«О зоологическихъ, преимущественно орнитологическихъ областяхъ внѣтропическихъ частей нашего материка» («Природа», 1877 г., кн. 8).

«Замѣтка о нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ» («Слово», 1880 г., кн. 8).

Уже по смерти Н. А. Сѣверцева, изданъ его трудъ:

«Орографическій очеркъ Памирской горной системы», Спб., 1887 г., 383 стр., подъ редакціей проф. И. В. Мушкетова, съ біографическимъ очеркомъ, составленнымъ М. А. Мензбиромъ, съ портретомъ Н. А. Сѣверцова, съ 29 рисунками, политипажами и картами.

Тихонъ, въ мірѣ Александръ Павловичъ Покровскій [1]), сынъ священника, родился 21-го февраля 1821 года, въ селѣ Ушаковѣ (Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи), воспитывался въ Тульской семинаріи и Петербургской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней (1847 г.) со степенью кандидата и правомъ на магистра по выслугѣ двухъ лѣтъ въ духовномъ вѣдомствѣ, занималъ мѣсто учителя въ Петербургѣ при Александровскомъ училищѣ (1847—1855 гг.); затѣмъ—священникъ (съ 12-го ноября 1850 до 1865 года) и протоіерей (съ 1865 г. до 3-го іюля 1869 года) при петербургской Преображенской церкви, что въ Колтовской; послѣ смерти жены и дѣтей, опредѣленный смотрителемъ Александроневскаго училища (3-го іюля 1869 года), постриженъ въ монашество (5-го августа), возведенъ въ санъ архимандрита (6-го августа) и назначенъ (29-го августа), а затѣмъ хиротонисанъ (10-го сен-

---

[1]) О немъ—«Списки іерарховъ», Строева, Спб., 1877 г., стр. 268, 269 и 1024.—Періодическія изданія 1885 года: «Волынск. Епарх. Вѣдомости», №№ 12, 13 и 14; «Воронежск. Епар. Вѣдом.», № 11; «Голосъ Москвы», №№ 111 и 116; «Донск. Епарх. Вѣдомости», № 10; «Кіевск. Епарх. Вѣдомости», № 10; «Костромск. Епарх. Вѣдомости», № 19; «Московск. Вѣдомости», №№ 111, 114 и 116; «Новь», кн. 13, стр. 62; «Подольск. Епарх. Вѣдомости», № 19; «Саратовскія Епарх. Вѣдомости», № 11; «Смоленск. Епарх. Вѣдомости», № 11; «Тульскія Епарх. Вѣдомости», № 9; «Церковный Вѣстникъ», №№ 16 и 19; «Церковно-Общественн. Вѣстникъ», № 37.—«Девятисотлѣтіе Русской іерархіи», М., 1888 г., стр. 21, 22, 69 и 73.

тября 1869 года) во епископа Выборгскаго, второго викарія Петербургской митрополіи; черезъ два года—переименованъ въ епископа Ладожскаго, перваго викарія той же митрополіи (съ 16-го августа 1871 года); послѣ того—епископъ Саратовскій и Царицынскій (съ 13-го іюня 1873 года); наконецъ—архіепископъ Волынскій и Житомірскій (съ 6-го марта 1882 года до кончины); † 16-го апрѣля въ Житомірѣ.—Его печатные труды:

«Поученіе по случаю заложенія новаго трехпрестольнаго храма въ Колтовской» («Духовная Бесѣда», 1862 г., № 26).

«Празднованіе тысячелѣтія Россіи въ праздникъ Рождества Богоматери» (тамъ же, № 45).

«О церкви, какъ матери всѣхъ православныхъ христіанъ, по долгу ихъ назиданія домашняго и общественнаго», Спб., 1862 г.

«Значеніе православной церкви въ Россіи» («Духовная Бесѣда», 1863 г., № 51).

«Рѣчь св. Сvноду при нареченіи во епископа Выборгскаго» («Христіанск. Чтеніе», 1869 г., ч. II).

Тицъ, Павелъ Николаевичъ [1]), родился въ 1851 году, а скончался 7-го марта.—Онъ, подъ псевдонимомъ: «П. Незвановъ», издалъ «Дѣтскіе разсказы» (Спб., 1884 г.).

Устряловъ, Θедоръ Николаевичъ [2]), сынъ извѣстнаго историка Н. Г. Устрялова [3]), родился въ Петербургѣ (1836 г.), воспитывался дома подъ руководствомъ приглашенныхъ учителей, а затѣмъ, хорошо подготовленный, по экзамену поступилъ на камеральный факультетъ Петербургскаго университета (1852 г.); во время пребыванія въ университетѣ былъ удостоенъ почетнаго отзыва за сочиненіе: «О псковской судной грамотѣ» (1855 г.); по окончаніи университетскаго курса со степенью кандидата (1856 г.) и недолгой поѣздки за границу, опредѣленъ на службу въ статистическое отдѣленіе при департаментѣ сельскаго хозяйства; потомъ служилъ участковымъ мировымъ судьею въ Петербургѣ (1869—1872 гг.), послѣ чего отдался только литературнымъ трудамъ; † 22-го января въ Петербургѣ.—Его труды:

«Изслѣдованіе Псковской судной грамоты 1467 года», Спб., 1855 г., 192 стр.

«Усмиреніе Венгерскаго мятежа въ 1849 году», Спб., 1855 г., 14 стр.

«Графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ», біографическій очеркъ («Библіотека для Чтенія», 1856 г., т. CXXXVI, кн. 3).

«О полномъ собраніи сочиненій А. Θ. Писемскаго» («Вѣкъ», 1861 г., № 15).

«Выставка картинъ и рѣдкихъ произведеній искусства въ Академіи Художествъ въ нынѣшнемъ году» (тамъ же, №№ 18 и 19).

---

[1]) О немъ—«Новь», 1885 г., кн. 11, стр. 670.

[2]) О немъ—«Историческій Вѣстникъ», 1884 г., кн. 6, стр. 578—604; кн. 7, стр. 112—134; кн. 8, стр. 287—312; кн. 11, стр. 362—397; 1885 г., кн. 1, стр. 86—122; кн. 3, стр. 722.—«Театральный Мірокъ», 1885 г., № 4, стр. 7.—«Новь», 1885 г., кн. 8, стр. 484.

[3]) См. его автобіографію—«Воспоминанія о моей жизни»—въ «Древней и Новой Россіи» (1878 г., кн. 1; 1880 г., кн. 8, съ портретомъ).

«О пѣсняхъ, собранныхъ И. В. Кирѣевскимъ» (тамъ же. №№ 32 и 35).
«Сцены изъ Макбета», перев. съ англійскаго (тамъ же).
«О книгѣ Пекарскаго: «Наука и литература при Петрѣ Великомъ» («Сѣверная Почта», 1862 г., №№ 192 и 193).
«Слово и дѣло», комедія въ пяти дѣйствіяхъ, Спб., 1863 г.
«Чужая вина», комедія въ пяти дѣйствіяъ («Отечественныя Записки», 1864 г., кн. 12.—Отдѣльно: Спб., 1864 г., 70 стр.
«Вильямъ Шекспиръ», статья г. Гейне, переводъ («Русск. Сцена», 1864 г., кн. 5).
«Вечеръ въ среднемъ кругу», сцены («Будильникъ», 1867 г.).
«Семейная вражда», романъ Эркмана-Шатріана, переводъ съ французск., Спб., 1874 г.
«Скупой», комедія Мольера, переводъ съ французскаго («Европейскіе классики въ русскомъ переводѣ», подъ редакціей П. И. Вейнберга, Спб., 1875 г., вып. III).
«Тайныя бумаги придворнаго», Бомонъ де-Васси, перев. съ французскаго, Спб., 1876 г.
«Макбетъ», трагедія Шекспира, перев. съ англійскаго («Драматическій Репертуаръ Эрнеста Росси», Спб., 1877 г.).
«Новые разсказы Ф. Коппе: «Неудавшаяся идиллія», «Кусокъ хлѣба», «Сторожъ», «Крестный» и «Освѣщенное окно» («Изящн. Литература», 1883 г., кн. 5).
«Желанія Жана Сервіена», романъ Анатоля Франса, переводъ съ французскаго (тамъ же, кн. 6).
«Процессъ братьевъ Найль», разсказъ Жюля Симона, перев. съ французскаго (тамъ же, кн. 10 и 11).
«Простая исторія», очерки Франсиса Энна, перев. съ французскаго («Изящная Литература», 1884 г., кн. 2).
«Современный романъ въ Англіи» (тамъ же).
«Ганзейскій союзъ», историческій этюдъ («Колосья», 1884 г., кн. 2).
«Современный итальянскій театръ» («Изящная Литература», 1884 г., кн. 3).
«Между струнами контрбаса», повѣсть Сальватора Фарины, переводъ (тамъ же, кн. 4).
«Очерки изъ жизни знаменитыхъ драматическихъ артистовъ» («Колосья», 1884 г., кн. 6).
«Воспоминанія о С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1852—1856 годахъ» («Историческій Вѣстникъ», 1884 г., кн. 6, 7 и 8).
«Новыя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Жанъ-Жака Руссо и Терезы Левассеръ» («Изящная Литература», 1884 г., кн. 7).
«Воспоминанія о русской сценѣ въ шестидесятыхъ годахъ» («Историческій Вѣстникъ», 1884 г., кн. 11).
«Мировой судъ въ С.-Петербургѣ въ 1869—1872 годахъ», отрывокъ изъ автобіографіи (тамъ же, 1885 г., кн. 1).
«Другой», повѣсть («Новь», 1885 г., кн. 17 и 18).

Кромѣ того, Ѳ. Н. Устряловымъ написаны пьесы: «Разрывъ» (1865 г.) и «Слабый человѣкъ» (1866 г.), а также издавалась газета «Новое Время» (съ 1873 года).

Фрумъ, Гарри Андреевичъ[1]), родился и получилъ образо-

[1]) О немъ—«Новь», 1885 г., кн. 10, стр. 599.

ваніе въ Англіи, но въ шестидесятыхъ годахъ прибылъ въ Россію, основательно изучилъ русскій языкъ и занялся комерціей; † 21-го февраля въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Имъ издавался «Желѣзнодорожный путеводитель» (1864—1885 гг.).

Хотовицкій, Степанъ Ѳомичъ [1]), родился въ 1794 году, высшее образованіе получилъ въ Петербургской медико-хирургической академіи, изъ которой, по окончаніи курса лѣкаремъ перваго отдѣленія (1817 г.), отправленъ за границу; по возвращеніи на родину ординаторъ С.-Петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя, штабъ-лѣкарь и адъюнктъ-преподаватель акушерства съ судебной медициной въ названной академіи (1822—1831 гг.); послѣ полученія степени доктора медицины (1823 г.) и командировки въ Астрахань для борьбы съ холерою (1823—1825 гг.)—старшій городовой акушеръ въ Петербургѣ (1829—1833 гг.), экста-ординарный профессоръ вышеназванной академіи (1831—1847 гг.); затѣмъ оставилъ каѳедру (3-го сентября 1847 года) и состоялъ до смерти непремѣннымъ членомъ медицинскаго совѣта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; † 30-го марта въ Петербургѣ. — Онъ редактировалъ «Военно-Медицинскій Журналъ» (1833—1839 гг.) и, кромѣ статей въ этомъ изданіи, напечаталъ:

«Paedo-gymnaecojatrices sinoptica expositio evolutioni et revolutioni vitae superstructa», Спб., 1823 г. (диссертація на степень доктора медицины).

«О сибирской язвѣ», Спб., 1831 г., 133 стр.

«О холерѣ», Спб., 1832 г., 384 стр.

«Учебная книга гинекологіи, или систематическое изложеніе ученія о распознаваніи здоровыхъ и болѣзненныхъ состояній, свойственныхъ женщинамъ небеременнымъ, беременнымъ, роженицамъ и новорожденнымъ», соч. г. Каруса, Спб., 1833—1836 г., три книги.

«Англійская болѣзнь» («Энциклопедическій Лексиконъ», изд. Плюшаромъ, Спб., 1835 г., т. II, стр. 258—260).

«О продыравленіи пищепріемнаго канала въ медико-практическомъ и судебно-медицинскомъ отношеніяхъ» («Труды Общества русскихъ врачей въ Петербургѣ», 1836 г.).

«Предразсудки въ содержаніи дѣтей въ первое время ихъ жизни» (тамъ же).

«Чтенія о начальныхъ и практическихъ основаніяхъ хирургіи», съ присовокупленіемъ замѣчаній и примѣровъ, соч. А. Купера, перев. съ англійск., три части, Спб., 1836 г.

«Отношеніе одѣянія къ медицинской полиціи», Спб., 1840 г., 82 стр.

«Врачебно-народное наставленіе для духовныхъ училищъ», начертанное по препорученію медицинскаго совѣта, Спб., 1844, 1846, 1849, 1858 и 1863 гг. (пять изданій); М., 1847, 1851, 1854, 1857 и 1863 гг. (пять изданій).

«Педіатрика», Спб., 1847 г.

---

[1]) См. о немъ книгу Змѣева: «Русскіе врачи-писатели», Спб., 1886 г., вып. II, стр. 144—145.

Чистовичъ, Яковъ Алексѣевичъ[1]), сынъ соборнаго діакона въ городѣ Малоярославцѣ (Калужской губерніи), родился 24-го апрѣля 1820 года, воспитывался въ боровскомъ духовномъ училищѣ и калужской семинаріи, изъ которой вызванъ въ Петербугскую медико-хирургическую академію (1838 г.); по окончаніи курса въ послѣдней со степенью лѣкаря перваго отдѣленія и съ серебряною медалью (1843 г.), служилъ лѣкаремъ при гусарскомъ короля Ганноверскаго полку и 2-й артиллерійской бригадѣ (1843—1848 гг.) по защитѣ докторской диссертаціи (1-го мая 1848 года), прикомандированъ къ 1-му С.-Петербургскому военно-сухопутному госпиталю и назначенъ помощникомъ редактора «Военно-медицинскаго журнала» (1848—1857 гг.); вмѣстѣ съ тѣмъ—старшій ординаторъ Аргангельскаго военнаго госпиталя (1852 г.), адъюнктъ-профессоръ судебной медицины, гигіены и медицинской полиціи въ родной академіи (1853 г.) помощникъ главнаго врача при 2-мъ с.-петербургскомъ военно-сухопутномъ госпиталѣ (1857—1869 гг.), ординарный профессоръ по названнымъ предметамъ въ той же академіи (1858—1871 гг.); начальникъ с.-петербургской медико-хирургической академіи (1871—1875 гг.) и — наконецъ — непремѣнный членъ военно-медицинскаго ученаго комитета (1875—1885 гг.); † 18-го октября въ Петербургѣ. — Покойный состоялъ членомъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ и, кромѣ многочисленныхъ статей въ медицинскихъ журалахъ [2]), отдѣльно напечаталъ слѣдующіе труды:

«De hepatitide», Спб., 1848 г. (диссертація на степень доктора медицины).
«Ученіе о переломахъ костей», сочин. Мальгеня, перев. съ французскаго, Спб., 1850 г., 851 стр.
«Элементарное ученіе о болѣзняхъ сочлененій», соч. А. Нелатона, перев. съ французскаго, Спб., 1850 г., 415 стр.
«Руководство къ оперативной хирургіи», соч. Мальгеня, перев. съ французск., Спб., 1851 г., 720 стр.
«Опытъ медицинской географіи, или изслѣдованіе законовъ географическаго распредѣленія болѣзней, равно какъ и топографическихъ соотношеній ихъ между собою, законовъ совпаденія и антагонизма», соч. Ж. Будека, переводъ съ французск., Спб., 1852 г., 76 стр.

---

[1]) О немъ періодическія изданія 1885 года: «Волынскія Епарх. Вѣдомости», № 33; «Еженед. клинич. Газета», № 30; «Журналъ мин. нар. просвѣщенія», кн. 12; отд. IV, стр. 213—215; «Историческій Вѣстникъ», кн. 12, стр. 739. «Калужскія губернскія Вѣдомости», № 22; «Калужскія Епарх. Вѣдомости», № 22, стр. 596—600; «Новое Время, №№ 3467 и 3468; «Новости», № 292; «Петербургскій Листокъ», №№ 286—289; «Церковный Вѣстникъ», № 43; «Церковно-Общественный Вѣстникъ», № 32.—Періодическія изданія 1886 года: «Библіографъ», № 1, стр. 15—16; «Новь», кн. 1, отд. II, стр. 77; «Русская Старина», кн. 12, стр. 551—572.—«Русскіе врачи-писатели», Змѣева, Спб., 1886 г., вып. II, стр. 154—162.

[2]) Обстоятельный списокъ всѣхъ этихъ статей находится въ книгѣ Змѣева: «Русскіе врачи-писатели» (Спб., 1886 г., вып. II, стр. 154—162).

«Элементарное начертаніе частной и общественной гигіены», соч. А. Беккереля, съ французск., Спб., 1852 г., 543 стр.

«Описаніе трупныхъ явленій», сочиненіе Энгеля, переводъ съ нѣмецкаго, Спб. 1857 г., 378 стр.

«Медицинская физика: о теплотѣ, производимой живыми существами», сочиненіе Ж. Гаварре, перев. съ французскаго, Спб., 1866 г., съ политипажами въ текстѣ.—Покойному Я. А. Чистовичу принадлежитъ только редакція перевода, исполненнаго С. Вертоградовымъ.

«Очерки изъ исторіи русскихъ медицинскихъ учрежденій XVIII столѣтія», Спб., 1870 г., 416 стр.

«Исторія медицинскихъ школъ въ Россіи», Спб., 1883 г., 662 стр.—Это сочиненіе удостоено половинной Уваровской преміи.

Чистяковъ, Михаилъ Борисовичъ [1]), сынъ священника, родился 1-го января 1809 года въ селѣ Воскресенскомъ (Жиздринскаго уѣзда, Калужской губерніи); послѣ домашняго воспитанія подъ руководствомъ матери, воспитывался въ калужской духовной семинаріи и на словесномъ отдѣленіи (историко-филологическомъ факультетѣ) Московскаго университета; по окончаніи курса въ послѣднемъ со степенью кандидата (183? г.), какъ казенный воспитанникъ, былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка въ уѣздныхъ училищахъ Орши и Полоцка; затѣмъ опредѣленъ старшимъ учителемъ въ Витебскую гимназію (1832—1836 гг.), преподавателемъ 1-й и 3-й петербургскихъ мужскихъ гимназій (1836—1838 гг.), Павловскаго кадетскаго корпуса, Патріотическаго института, Смольнаго монастыря и спеціальныхъ классовъ Дворянскаго полка (1838—1852 гг.); послѣ того—инспекторъ классовъ петербургскаго Николаевскаго сиротскаго института (1852—1885 гг.) и предсѣдатель учебнаго комитета по учрежденіямъ императрицы Маріи (1860—1885 гг.); † 24-го сентября близь станціи Плюсса по Варшавской желѣзной дорогѣ (Лугскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи). — Покойный напечаталъ:

«Всеобщее начертаніе теоріи искусствъ», сочин. Бахмана, перев. съ нѣмецкаго, съ посвященіемъ студентамъ Московскаго университета, М., 1832 г., двѣ части, 57 и 146 стр.

«Декабрскія ночи», «Каминъ» и «Три картины», стихотворенія («Одесскій Альманахъ на 1839 годъ», Одесса, 1839 г., стр. 233—234, 481, 544—545).

«Бетховенъ» («Литературн. Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1839 г., т. I, № 14).

---

[1]) О немъ—«Пчела», 1875 г., №№ 7, 9 и 12 (автобіографія).—«Московск. Вѣдом.», 1882 г., № 283.—Періодическія изданія 1885 года: «Библіографъ», № 12, стр. 93—95; «Волынск. Епарх. Вѣдомости», № 30; «Воспитаніе и Обученіе», № 3, стр. 1—7; «Всеміри. Иллюстрація», т. XXXIV, № 14, стр, 235 (съ портретомъ); «Женск. Образованіе», кн. 8, стр. 565—568; «Журналъ мин. нар. просвѣщенія», кн. 11, ч. CCXLII, отд. IV, стр. 122—123; «Историческ. Вѣстникъ», кн. 11, стр. 481; «Новое Время», № 3440; «Новости», №№ 264 и 269; «Педагогическ. Сборникъ», кн. 11, стр. 385—387; «Петербургск. Листокъ», №№ 259 и 264; «Церковн. Вѣстникъ», № 40.

«Кельтскій обычай» (тамъ же, № 15).
«Нравы парижанъ шестнадцатаго столѣтія» (тамъ же, № 18).
«Нѣмецкій художникъ въ Римѣ» (тамъ же, т. II, № 6).
«Очеркъ теоріи изящной словесности», Спб., 1842 г.
«Дѣвушка», стихотвореніе изъ Анакреона («Библіотека для Чтенія», 1845 г., кн. 8)
«Храмъ», «Цвѣтокъ на могилѣ» и «Мое желаніе» (тамъ же, кн. 10).
«Картины изъ исторіи дѣтства знаменитыхъ музыкантовъ», перев. съ французскаго, съ шестью картинами, Спб., 1846 г.
«Курсъ теоріи словесности», Спб., 1847 г., двѣ части.
«Практическое руководство къ постепенному упражненію въ сочиненіи», Спб., 1847 г., 118 стр.
«Шатобріанъ» («Журналъ мин. нар. просвѣщенія», 1852 г., кн. 5).
«Разсказы для маленькихъ дѣтей», Спб., 1858, 1868 и 1872 гг. (три изданія).
«Христіанская церковь и христіанское общество въ 1861 году», по Гизо («Свѣточъ», 1861 г., кн. 12).
«О русскихъ университетахъ» («Сѣверн. Пчела», 1861 г., № 45).
«Географическіе и этнографическіе очерки», съ тридцатью картинками, Спб., 1862 г., четыре тома.—Второе (Спб., 1871 г.) и третье (Спб., 1884 г.) изданія этой книги, съ политипажами Гогенфельдена, вышли подъ заглавіемъ: «О странахъ и народахъ разныхъ частей свѣта».
«Повѣсти и сказки для дѣтей отъ 12 до 15 лѣтъ», съ восемью раскрашенными рисунками, Спб., 1862, 1869 и 1880 гг. (три изданія).
«Повѣсти, разсказы и сказки для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ», съ восемью раскрашенными картинками, Спб., 1862, 1864, 1866, 1871, 1877 и 1880 гг. (шесть изданій),
«Дитя», новые разсказы, повѣсти и сказки, съ четырьмя раскрашенными картинками и 25 виньетками въ текстѣ, Спб., 1865, 1869 и 1877 гг. (три изданія).
«Живописныя встрѣчи, виды и приключенія», Спб., 1866 и 1872 гг. (два изданія).
«Житейская пестрота», разсказы изъ прошлаго и настоящаго времени, съ шестью раскрашенными картинами, Спб., 1866 и 1869 гг. (два изданія).
«Занимательныя вещи въ природѣ на каждомъ шагу», съ шестью картинами и 19 рисунками въ текстѣ, Спб., 1866 и 1872 гг. (два изданія).
«Колосья», для дѣтей отъ 8 лѣтъ, съ шестью раскрашенными картинками, Спб., 1866, 1869 и 1883 гг. (три изданія).
«Русскіе историческіе разсказы», Спб., 1867 и 1869 гг.—Третье изданіе этой книги вышло уже послѣ смерти автора (Спб., 1887 г., 174 стр.).
«Съ своего поля», повѣсти, разсказы и сказки для дѣтей отъ 12 лѣтъ, съ пятью раскрашенными рисунками, Спб., 1867 и 1881 гг. (два изданія).
«Жизнь древнихъ», съ картинками, Спб. 1868 г.
«Разсказы о быломъ», историческія повѣсти, Спб., 1868, 1871 и 1881 гг. (три изданія).
«Изъ поѣздокъ по Россіи», Спб., 1868, 1874 и 1880 гг. (три изданія).
«Корни и плоды», повѣсти для дѣтей, Спб., 1868 и 1882 гг. (два изданія).
«Для малютокъ», съ картинками, Спб., 1868, 1874 и 1883 гг. (три изданія).
«Изъ русскаго быта», повѣсти для дѣтей, съ картинками, Спб., 1868, 1874 и 1880 гг. (три изданія).
«Родное», Спб., 1868 и 1883 г., (два изданія).

«Похожденія молодой бѣлки Бобочки», разсказъ, съ раскрашенными картинами, Спб., 1868 и 1871 гг. (два изданія).

«О нравственно-исправительныхъ заведеніяхъ въ Гамбургѣ, Бельгіи, Франціи и Швейцаріи» («Журналъ мин. нар. просвѣщенія», 1868 г., т. CXXXVII, кн. 1).

«О высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Берлинѣ, Гамбургѣ и Швейцаріи» (тамъ же, т. CXXXVIII, кн. 4).

«Фребеле-дѣтскіе сады за границей» (тамъ же, кн. 5).

«Исторія Донъ-Кихота Ламанчскаго», съ 64-мя рисунками въ текстѣ, Спб., 1869 и 1882 гг. (два изданія).

«Радость и горе здѣсь и тамъ», повѣсти, заимствованныя съ нѣмецкаго и англійскаго, съ картинами, Спб., 1869 г.

«Богъ въ природѣ, по Камиллу Фламмаріону», Спб., 1869 г.

«Весна», новыя повѣсти и разсказы, преимущественно изъ русскаго быта, съ картинками, Спб., 1870 г.

«Зима», новыя повѣсти и разсказы, преимущественно изъ русскаго быта, съ картинками, Спб., 1870 и 1880 гг. (два изданія).

«Живое зерно», дѣтскія повѣсти, Спб., 1870 г.

«Героиня», повѣсть изъ русскаго быта («Семейн. Вечера», 1870 г., кн. 2).

«Журналистъ, читатель и писатель» («Семейн. Вечера», 1871 г., кн. 2).

«Народное преданіе о гр. Я. В. Брюссѣ» («Русск. Старина», 1871 г., кн. 8).

«Охотничьи разсказы», выбранные изъ «Журнала для дѣтей», съ картинками, Спб., 1872 г.

«Разсказы изъ путешествій по Азіи», Спб., 1872 г.

«Разсказы изъ отечественной исторіи для средняго возраста», съ картинками, Спб., 1872 г.

«Лѣто», новыя повѣсти и разсказы, преимущественно изъ русскаго быта, съ картинками, Спб., 1872 и 1881 гг. (два изданія).

«Осень», новыя повѣсти и разсказы, преимущественно изъ русскаго быта, съ картинками, Спб., 1872 и 1881 гг. (два изданія).

«Разсказы изъ путешествій по Европѣ», Спб., 1873 г.—Второе изданіе: Спб., 1887 г., 453 стр.

«Біографическіе разсказы», съ картинками, Спб., 1873 г.

«Разсказы изъ путешествій по Америкѣ», Спб., 1873 г.

«Разсказы изъ путешествій по Африкѣ», Спб., 1873 г.

«Бѣдняки», повѣсть изъ «Журнала для дѣтей», Спб., 1874 г.

«Разсказы изъ путешествій по Австраліи», Спб., 1874 г.

«Цвѣты на окнѣ», повѣсть изъ воспоминаній товарища («Семейныя Вечера», 1874 г., кн. 2).

«Смышленыя животныя», разсказы для крошечныхъ дѣтей, съ восемью раскрашенными рисунками, Спб., 1874 г.

«Курсъ педагогики», по программѣ женскихъ институтовъ, Спб., 1875 и 1876 гг. (два изданія).

«О заграничныхъ нравственно-исправительныхъ и учебныхъ заведеніяхъ и о педагогическомъ отдѣлѣ Вѣнской выставки», изъ путешествій, Спб., 1875 г. (съ портретомъ автора).

«Былое и возможное» новыя повѣсти для старшаго возраста, съ рисунками, Спб., 1875 г.

«Разсказы изъ жизни животныхъ», съ картинами, Спб., 1875 г.

«Бѣдные индусы», повѣсть, Спб., 1879 г.,
«Разсказы изъ путешествій», Спб., 1880 г.
«Рамайяна», древняя индійская повѣсть, обработанная для юношества, Спб., 1883 г.
«Мелкій бытъ», разсказы, Спб., 1883 г.

Кромѣ того, подъ редакціею М. Б. Чистякова, издавался «Журналъ для дѣтей», съ 1851 до 1856 года еженедѣльно, а съ 1856 до 1858 года ежемѣсячно; послѣ того, съ 1858 по 1866 годъ, снова еженедѣльно.

Чуйковъ-Оверинъ, Митрофанъ Ивановичъ[1]), сынъ небогатыхъ родителей, родился въ ноябрѣ 1845 года въ Нижнемъ-Новоргодѣ, получилъ домашнее образованіе и двадцатилѣтнимъ юношей поступилъ въ контору заводовъ Колчина, перешедшихъ затѣмъ къ У. С. Курбатову; въ то же время началъ заниматься литературными трудами; † въ февралѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.— Кромѣ газетныхъ корреспонденцій изъ Нижняго-Новгорода, онъ написалъ нѣсколько пьесъ, а именно: «Дѣтоубійца», «Жизнь и смерть», «Кандидатка на каторгу» (драмы), «Ослушница» (комедія) и «Преступница» (драма или житейскія сцены въ четырехъ дѣйствіяхъ). Послѣдняя изъ этихъ пьесъ была напечатана въ «Театральной Библіотекѣ» (1879 г.), а затѣмъ вышла и отдѣльно (М., 1879 г., 94 стр.).

Языковъ, Михаилъ Александровичъ[2]), директоръ импер. стеклянная завода и основатель библіотеки въ Новгородѣ; † въ половинѣ января.—По «Литературнымъ воспоминаніямъ» И. И. Панаева (Спб., 1876 г.), онъ близокъ былъ къ кружку сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника», принималъ участіе въ редакціи послѣдняго журнала и состоялъ въ дружбѣ съ В. Г. Бѣлинскимъ. Но имъ въ компаніи съ Д. Толстымъ и Г. Есиповымъ издана только одна книга: «Сочиненія князя Антіоха Дмитріевича Кантемира» (Спб., 1836 г.)[3]).

Якимовъ, Иванъ Степановичъ[4]), родился въ 1847 году, воспитывался въ вятской семинаріи и Петербургской духовной академіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1871 году; затѣмъ занялъ въ той же акадаміи каѳедру св. Писанія Ветхаго Завѣта, какъ бакколавръ (1871—1874 гг.), доцентъ (1874—1883 гг.) и экстраординарный профессоръ (1883—1885 гг.); † 16-го мая въ Петербургѣ.— Покойный, кромѣ дѣятельнаго сотрудничества въ «Церковномъ

---

[1]) О немъ—«Театръ и Жизнь», 1885 г., № 73.
[2]) О немъ—«Недѣля», 1885 г., № 5, стр. 194—195.
[3]) См. нашъ «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», Спб., 1888 г., вып. IV, стр. 93.
[4]) О немъ см. періодическія изданія 1885 года: «Журналъ мин. народн. просвѣщенія», кн. 6, стр. 80—81; «Историческ. Вѣстникъ», кн. 9, стр. 639; «Новь», кн. 15, стр. 182; «Христіанск. Чтеніе», кн. 7—8, стр. 207—225; кн. 11—12, стр. 739—746; «Церковно-Общественн. Вѣстникъ», № 37.

Вѣстникѣ» завѣдовалъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» отдѣломъ толкованій на книги св. Писанія Ветхаго Завѣта: тамъ ему исключительно принадлежатъ толкованія на книгу пророка Іереміи, на 27 главъ книги пророка Исаіи и на Псалтирь. —При жизни онъ успѣлъ напечатать:

«Отношеніе греческаго перевода LXX толковниковъ къ еврейскому массоретскому тексту въ книгѣ пророка Іереміи», Спб. 1874 г. (магистерская диссертація).

«Древне-еврейская литература» («Всеобщ. исторія литературы», изд. К. Риккера, Спб., 1880 г., т. 1).

«Опыты соглашенія библейскихъ свидѣтельствъ съ показаніями памятниковъ клинообразнаго письма» («Христіанск. Чтеніе», 1884 г., кн. 1—8).

«Когда пророчествовалъ Авдія?» (тамъ же, 1885 г., кн. 3 и 4).

Послѣ же кончины автора, появились въ печати его труды:

«О происхожденій Притчей Соломоновыхъ» («Христіанск. Чтеніе», 1887 г., кн. 1 и 2).

«О происхожденіи книги Екклезіастъ» (кн. 3 и 4).

«О происхожденіи книги Пѣснь Пѣсней» (кн. 5 и 6).

«О происхожденіи книги Премудрости Соломоновой» (кн. 7 и 8).

Θеодосій, въ мірѣ **Александръ Николаевичъ Макаревскій**[1]), сынъ діакона Черниговской епархіи, родился въ 1825 г., воспитывался въ Черниговской семинаріи и Кіевской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней со степенью магистра богословія (1849 г.), состоялъ преподавателемъ при одной изъ семинарій; спустя четыре года, рукоположенъ въ священники (1853 г.), а черезъ два года (1855 г.) возведенъ въ протоіереи; въ 1861 г. онъ овдовѣлъ, постригся въ монашество и, возведенный въ санъ архимандрита, утвержденъ ректоромъ Воронежской духовной семинаріи (1863—1867 гг.); хиротонисанъ въ санъ епископа Острогожскаго (29-го января 1867 г.), назначенъ викаріемъ Воронежской епархіи (1867—1871 гг.) и наконецъ—самостоятельнымъ епископомъ Екатеринославскимъ и Таганрогскимъ (съ 25-го іюня 1871 г.); † 5-го февраля въ Екатеринославѣ.—Покойный архипастырь, кромѣ проповѣдей, напечатанныхъ въ «Воронежскихъ» и «Екатеринославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», издалъ брошюру подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Самарскій пустынно-Николаевскій монастырь Екатеринославской епархіи» (Екатеринославъ, 1873 г.).

---

[1]) О немъ: брошюра—«Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной академіи», Кіевъ, 1869 г., стр. 427.—«Списки іерарховъ», Строева, Спб., 1877 г., стр. 489, 840 и 841.—Періодическія изданія 1885 года: «Воронежск. Епарх. Вѣдомости», № 5, стр. 256—258 и № 8, стр. 318—323; «Востокъ», №№ 307—308, стр. 232; «Голосъ Москвы», № 38; «Днѣпръ», № 369; «Донскія Епарх. Вѣдомости», № 10; «Екатеринославскія», № 4; «Кіевскія», № 8; «Курскія», № 5; «Московск. Епарх. Вѣдомости», № 8; «Московск. Вѣдомости», № 39; «Подольск. Епарх. Вѣдомости», № 19; «Смоленскія», № 5; «Таврическія», № 5; «Церковн. Вѣстникъ», № 6; «Черниговск. Епарх. Вѣдомости», № 6.—«Девятисотлѣтіе Русск. іерархіи», М., 1888 г., стр. 62 и 65.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ

ПЯТИ ВЫПУСКАМЪ

„ОБЗОРА“[1].

[1]) Знакъ * показываетъ, что наши первоначальныя свѣдѣнія объ извѣстномъ покойномъ писателѣ исправлены и дополнены въ послѣдующихъ выпускахъ „ОБЗОРА“. Тотъ же знакъ отмѣчаетъ прежде пропущенныхъ умершихъ авторовъ. *Д. Я.*

	Выпуски.
Зенгиреевъ, Аполлинарій Алексѣевичъ	I
*Зиновьевъ, Алексѣй Зиновьевичъ	IV
*Золотовъ, Василій Андреевичъ	II
Иванова, Елизавета Михайловна	II
Ивановъ, Николай Алексѣевичъ	II
Игнатій, (въ мірѣ Николай Дмитріевичъ Рождественскій)	III
*Инсарскій, Василій Антоновичъ	II
*Ишимова, Александра Іосифовна	I
Іаковъ, (въ мірѣ Алексѣй Ивановичъ Кротковъ)	V
*Іаннуарій, (въ мірѣ Георгій Ивановичъ Вознесенскій)	III
*Іеремія, (въ мірѣ Иванъ Соловьевъ)	IV
Іоаннъ, (въ мірѣ Павелъ Іоновичъ Ждановъ)	III
Іосифъ, (въ мірѣ Иванъ Михайловичъ Дроздовъ)	I
*Кабатъ, Иванъ Ивановичъ	IV
Кавелинъ, Константинъ Дмитріевичъ	V
Калачовъ, Николай Васильевичъ	V
Карновичъ, Евгеній Петровичъ	V
Кедровъ, Денисъ Васильевичъ	V
Кельсіевъ, Александръ Ивановичъ	V
*Кесслеръ, Карлъ Ѳедоровичъ	II
Кирьяковъ, Александръ Ѳедоровичъ	I
*Кирѣевъ, Николай Петровичъ	II
Кистяковскій, Алексардръ Ѳедоровичъ	V
Китаевскій, Максимиліанъ Казиміровичъ	II
*Клементовскій, Александръ Ивановичъ	II
*Ковалевскій, Владиміръ Онуфріевичъ	III
Ковальскій, Маріанъ Альбертовичъ	IV
Кожевниковъ, Дмитрій Александровичъ	II
Козакевичъ, Павелъ Васильевичъ	II
Колбасинъ, Елисей Яковлевичъ	V
*Колосовъ, Митрофанъ Алексѣевичъ	I
*Корфъ, баронъ, Николай Александровичъ	III
*Коршъ, Валентинъ Ѳедоровичъ	III
*Косинскій, баронъ, Михаилъ Осиповичъ	III
*Коссовичъ, Каэтанъ Андреевичъ	III
Костенецкій, Яковъ Ивановичъ	V
Костомаровъ, Николай Ивановичъ	V
*Костровъ, князь, Николай Александровичъ	I
*Котляревскій, Александръ Александровичъ	I
*Кохъ, Владиміръ Ивановичъ	IV
Кошелевская, Марія Николаевна	III
*Кошелевъ, Александръ Ивановичъ	III
Краевскій, Евгеній Андреевичъ	III
*Кубаревъ, Алексѣй Михайловичъ	I
Кугушевъ, князь, Фролъ Васильевичъ	I
Кузьминъ, Павелъ Алексѣевичъ	V
*Кулжинскій, Иванъ Григорьевичъ	IV
Кулѣша, Степанъ Егоровичъ	III
*Куницынъ, Алексѣй Васильевичъ	III
Курбановскій, Михаилъ Ивановичъ	V
Курбатовъ, Алексѣй Ильичъ	V
Курочкинъ, Владиміръ Степановичъ	V
*Курочкинъ, Николай Степановичъ	IV
*Лазаревъ, Лазарь Эммануиловичъ	IV
Лавовскій, Станиславъ И.	III
*Ландышевъ, Степанъ Васильевичъ	III
*Лапшинъ, Григорій Ивановичъ	IV
Лебедевъ, Алексѣй Николаевичъ	III
Лебедевъ, Козьма Васильевичъ	IV
Лебедевъ, Николай Ивановичъ	III
Лебедевъ, Петръ Яковлевичъ	V
Лебедевъ, Яковъ Петровичъ	V
Левицкій, Александръ Густавовичъ	V
Левицкій, Владиміръ Алексѣевичъ	V
Левицкій, Николай Ѳеодосьевичъ	V
*Лешковъ, Василій Николаевичъ	I
*Липранди, Иванъ Петровичъ	IV
*Литке, графъ, Ѳедоръ Петровичъ	II
Лихутинъ, Михаилъ Доримедонтовичъ	II
Лодыгинъ, Николай Дмитріевичъ	V
Ломакинъ, Гавріилъ Якимовичъ	V
Ломанъ-фонъ, Лонгинъ Лонгиновичъ	IV
*Лохвицкій, Александръ Владиміровичъ	IV
Львовичъ-Кострица, Николай Ульяновичъ	I
Львовъ, Ѳедоръ Николаевичъ	V
*Любимовъ, Павелъ Дмитріевичъ	IV
Людоговскій, Алексѣй Петровичъ	II
*Люценко, Александръ Евѳимовичъ	IV
*Лядовъ, Иванъ Матвѣевичъ	II
Ляпидевскій, Николай Павловичъ	V
Мазаракій, Валеріанъ Ивановичъ	V
Майковъ, Владиміръ Николаевичъ	V
*Макарій, (въ мірѣ Михаилъ Петровичъ Булгаковъ)	II
*Маклаковъ, Николай Васильевичъ	II
*Максимовъ, Гавріилъ Михайловичъ	II
*Макушевъ, Викентій Васильевичъ	III
Малаховъ, Михаилъ Викторовичъ	V
Малининъ, Михаилъ Ивановичъ	V
Мансветовъ, Иванъ Даниловичъ	V
Мансфельдъ, Елизавета Юльевна	V
*Маркевичъ, Болеславъ Михайловичъ	IV

	Выпуски.
*Марковъ, Василій Васильевичъ	III
*Матвѣевъ, Александръ Павловичъ	II
Матте-Гене, Карлъ Филипповичъ	II
Матушинскій, Аполлонъ Михайловичъ	V
Мацкевичъ, Николай Ивановичъ	V
Мацонъ, Юлій Ивановичъ	V
Медвѣдевъ, Павелъ Ивановичъ	V
*Мельниковъ, Павелъ Ивановичъ	III
Меншиковъ, Арсеній Ивановичъ	IV
*Меньшовъ, Иванъ Ивановичъ	I
Мещерскій, князь, Іосифъ Александровичъ	IV
*Мизко, Николай Дмитріевичъ	I
*Миллеръ, Θедоръ Богдановичъ	I
*Милославскій, Петръ Алексѣевичъ	IV
Милютинъ, Матвѣй Карповичъ	V
Минцловъ, Робертъ Ивановичъ	III
Минъ, Дмитрій Егоровичъ	V
Митюковъ, Каллиникъ Андреевичъ	V
Михаилъ, (въ мірѣ Голубовичъ)	I
Михневичъ, Іосифъ Григорьевичъ	V
Мордовцева, Анна Никаноровна	V
*Морозовъ, Павелъ Тимоѳеевичъ	I
*Мурзакевичъ, Николай Никифоровичъ	III
Навалихинъ, Иванъ Григорьевичъ	IV
Найденовъ, Дмитрій Ивановичъ	IV
Невельскій, Александръ Николаевичъ	V
Незабитовскій, Василій Андреевичъ	III
*Никитинъ, Николай Дмитріевичъ	II
Никитниковъ, Герасимъ Алексѣевичъ	IV
Николай, (въ мірѣ Иванъ Григорьевичъ Заркевичъ)	V
Никольскій, Александръ Григорьевичъ	V
*Никольскій, Владиміръ Васильевичъ	III
*Новицкій, Орестъ Марковичъ	IV
*Новодворскій, Андрей Осиповичъ	II
Новосильцева, Екатерина Владиміровна	V
*Нордовъ, Василій Ивановичъ	III
Нордстремъ, Христіанъ Андреевичъ	V
*Огородниковъ, Евлампій Кирилловичъ	IV
*Огородниковъ, Павелъ Ивановичъ	IV
Орловъ, Василій Ивановичъ	V
Орловъ-Давыдовъ, графъ, Владиміръ Петровичъ	II
Орловъ, князь, Николай Алексѣевичъ	V
Орнатскій, Сергѣй Николаевичъ	IV
Орфановъ, Михаилъ Ивановичъ	IV
*Осиповскій, Дмитрій Тимоѳеевичъ	IV
Павловичъ, Емельянъ Васильевичъ	V

	Выпуски.
*Павловскій, Иванъ Даниловичъ	I
*Павловъ, Ипполитъ Николаевичъ	II
*Палладій, (въ мірѣ Павелъ Пьянковъ)	II
Пальмъ, Александръ Ивановичъ	V
*Пановъ, Иванъ Степановичъ	IV
*Панютинъ, Левъ Константиновичъ	II
Панютинъ, Степанъ Θедоровичъ	V
Паплонскій, Иванъ Ивановичъ	V
Паприцъ, Константинъ Эдуардовичъ	III
Пасхаловъ, Викторъ Никандровичъ	V
Патлаевскій, Иннокентій Устиновичъ	III
Пейкеръ, Марія Григорьевна	I
*Пеликанъ, Евгеній Венцеславовичъ	IV
*Перовъ, Василій Григорьевичъ	II
*Переговскій, Василій Игнатьевичъ	II
Песковъ, Григорій Николаевичъ	V
Петерсенъ, Карлъ Михайловичъ	I
Петриченко, Марья Ивановна	V
Петровскій, Андрей Станиславовичъ	II
Петровъ, Александръ Васильевичъ	V
Петровъ, Иванъ Ивановичъ	III
Пикулинъ, Павелъ Лукичъ	V
*Пироговъ, Николай Ивановичъ	I
*Писемскій, Алексѣй Θеофилактовичъ	I
*Пихно, Марія Константиновна	III
Подвысоцкій, Александръ Іосифовичъ	III
Познышевъ, Александръ Егоровичъ	V
Покровскій, Павелъ Ивановичъ	II
*Полторацкій, Сергѣй Дмитріевичъ	IV
*Поповъ, Александръ Никифоровичъ	I
*Поповъ, Андрей Николаевичъ	I
Поповъ, Аполлонъ Андреевичъ	V
*Попудогло, Θедоръ Θеодосьевичъ	III
Порфирій, (въ мірѣ Константинъ Успенскій)	V
Преженцовъ, Александръ Осиповичъ	III
*Прохоровъ, Василій Александровичъ	II
Путята, Александра Александровна	V
*Путятинъ, графъ, Евфимій Васильевичъ	III
Пушкаревъ, Андрей Алексѣевичъ	V
*Раевскій, Михаилъ Θедоровичъ	IV
*Разсадинъ, Иванъ Петровичъ	IV
*Раппапортъ, Маврикій Яковлевичъ	IV
*Резенеръ, Θедоръ Θедоровичъ	I
Рейссигъ, Александръ Карловичъ	V

	Выпуски.
*Филаретъ, (въ мірѣ Михаилъ Прокофьевичъ Филаретовъ)	II
Филипсонъ, Григорій Ивановичъ	III
*Филоѳей, (въ мірѣ Тимоѳей Григорьевичъ Успенскій)	II
*Фишеръ, фонъ-Вальдгеймъ, Александръ Григорьевичъ	IV
*Фіодоровичъ, Осипъ Николаевичъ	IV
*Фрезе, Александръ Устиновичъ	IV
Фрумъ, Гарри Андреевичъ	V
Халкаливановъ, Иванъ Егоровичъ	II
*Ходневъ, Алексѣй Ивановичъ	III
Хотовицкій, Степанъ Ѳомичъ	V
Хрисанѳъ, (въ мірѣ Владиміръ Николаевичъ Ретивцевъ)	III
*Церетелевъ, князь, Алексѣй Николаевичъ	III
Чарыковъ, Валерій Ивановичъ	IV
Чистовичъ, Яковъ Алексѣевичъ	V
Чистяковъ, Михаилъ Борисовичъ	V
*Чубинскій, Павелъ Платоновичъ	IV
Чуйковъ-Оверинъ, Митрофанъ Ивановичъ	V
*Чупинъ, Наркисъ Константиновичъ	II
Шавровъ, Михаилъ Владиміровичъ	IV
Шашкова, Серафимъ Серафимовичъ	II
*Ширинскій - Шихматовъ, князь, Александръ Прохоровичъ	IV
Шкляревскій, Александръ Андреевичъ	III
*Шрамекъ, Иванъ Ѳедоровичъ	IV
Шульгинъ, Николай Ивановъ	II
Шульговскій, Дмитрій Николаевичъ	II
*Шульцъ, Василій К	III
Шуфъ, Александръ Карловичъ	IV
*Щеголевъ, Никифоръ Ивановичъ	IV
*Щербининъ, Михаилъ Павловичъ	I
Щуровскій, Григорій Евѳимовичъ	IV
Щученко, Константинъ Александровичъ	I
Эйсманъ, Густавъ (Адольфъ) Ивановичъ	IV
Ювеналій, (въ мірѣ Карюковъ)	II
*Юркевичъ, Петръ Ильичъ	IV
Языковъ, Михаилъ Александровичъ	V
Якимовъ, Иванъ Степановичъ	V
*Яковлевъ, Владиміръ Дмитріевичъ	IV
Янушевъ, Василій Александровичъ	I
Ярославцевъ, Андрей Константиновичъ	IV
*Ѳадѣевъ, Ростиславъ Андреевичъ	III
*Ѳедоровъ, Иннокентій Васильевичъ	III
Ѳеодосій, (въ мірѣ Александръ Николаевичъ Макаревскій)	V
Ѳеодосій, (въ мірѣ Михаилъ Шаповаленко)	III
Ѳивейскій, Александръ Павловичъ	III

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1888 г.[1])

А.

---

[1]) Въ „Указатель“ не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и въ приложеніяхъ къ „Историческому Вѣстнику“.

Б.

Г.

И.

Л.

Н.

О.

П.

Р.

С.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1888 г.

Портреты.

Ахметъ-паша (графъ Клодъ-Александръ де-Бонневаль), авантюристъ; съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Августа Винда *(на отдѣльномъ листѣ)* т. XXXIII, 435.

Бэконъ, Фрэнсисъ, лордъ, англійскій канцлеръ, философъ; съ гравюры, хранящейся въ Британскомъ музеѣ, т. XXXIV, 219.

Вильгельмъ III, король англійскій; съ гравированнаго портрета Хубракена, т. XXXIV, 414.

Гаевскій, Викт. Пав., дѣйствит. стат. совѣтникъ, писатель, предсѣдатель Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XXXII, 1.

Дурова, Надежда Андреев., по мужу Чернова, кавалеристъ-дѣвица, т. XXXI, 417.

Елисавета, англійская королева; съ портрета, писаннаго Оливье, т. XXXIV, 235.

Ермоловъ, Алексѣй Петр., генералъ-отъ-артиллеріи, членъ государств. совѣта, съ портрета, сдѣланнаго съ натуры карандашомъ художникомъ Чернышевымъ въ 1864 году *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XXXIII, 217.

Иннокентій, архимандритъ Спасо-Яковлевскаго Димитріевскаго монастыря въ Ростовѣ, т. XXXI, 427.

Кармартенъ, маркизъ, англійскій морякъ; съ рѣдкаго портрета, доставленнаго профессоромъ Оксфордскаго университета Морфилемъ, т. XXXIV, 415.

Колпакъ, А. Ѳ., полковникъ, т. XXXIV, 751.

де-Лагарпъ, Фридрихъ-Цезарь (Петръ Ив.), воспитатель великихъ князей Александра и Константина Павловичей; съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XXXIV, 5.

Майковъ, Аполлонъ Никол., поэтъ, т XXXII, 512.

Острожскій, кн. Конст. Конст., кіевскій воевода, маршалъ волынскій и староста владимірскій, т. XXXII, 667.

Павелъ (Конюшкевичъ), митрополитъ тобольскій и сибирскій, т. XXXI, 181 и 183.

Павлищевы:

— Никол. Ив., генералъ-маіоръ, редакторъ газеты „Варшавскій Дневникъ“ *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XXXI, 265.

— Ольга Сер., сестра Пушкина; съ портрета, рисованнаго акварелью съ натуры, въ 1844 году, В. Ѳ. Черновой *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XXXI, 6.

Виды городовъ, мѣстностей и зданій.

Бытовые и другіе рисунки.

Кромѣ описанныхъ въ этомъ Указателѣ гравюръ, помѣщено 12 цинкографій въ приложеніи къ „Историческому Вѣстнику“ (томы XXXI—XXXIII): „Ганзейцы“, историческій романъ Оскара Гекёра.